

ЯЗЫК  
СЕМИОТИКА  
КУЛЬТУРА



*Анна А. Зализняк,  
И. Б. Левонтина,  
А. Д. Шмелев*

КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ  
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ  
КАРТИНЫ МИРА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР



ЯЗЫК  
СЕМИОТИКА  
КУЛЬТУРА

*Анна А. Зализняк,  
И. Б. Левонтина,  
А. Д. Шмелев*

# КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР  
МОСКВА 2012

УДК 811.161.1  
ББК 81.031  
3 55



Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)  
проект № 11-04-16017

**Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.**

3 55      Константы и переменные русской языковой картины мира. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 696 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 978-5-9551-0494-2

Совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений того или иного языка, складывается в единую систему взглядов, которую, сами того не замечая, принимают все носители данного языка. Реконструкции такой системы представлений, заложенной в русском языке, посвящена данная книга.

В книгу вошли работы трех авторов, написанные в период с 1994 по 2009 год, в которых исследуется русская языковая картина мира, ее устойчивые и изменчивые участки. Анализируются изменения, которые претерпели некоторые культурно значимые слова русского языка, в том числе за последние десятилетия. При этом показано, что эти изменения во многом обусловлены изменением той картины мира, которая стоит за языковыми выражениями. Например, в смене оценочного потенциала слов *карьер*, *амбициозный*, *агрессивный*, в появлении сочетания *успешный человек* отражается изменение отношения к категории успеха.

Статьи объединены в тематические разделы, соответствующие фрагментам русской языковой картины мира. Рассматриваются группы слов, связанных с эмоциональной жизнью человека и человеческими отношениями (*радость, любовь, разлука, надрыв, общение, отношения, чувства, эмоции, дружба*), с речевыми действиями (*лестить, вранье, вздор, остроумие*), с волей и памятью (*собираться, постараться, помнить, забыть*), с нравственными ценностями (*добро, счастье, справедливость, терпимость*), с концептуализацией пространства (*уют, простор, широта, добираться*), с представлением о неконтролируемости хода вещей (*довелось, вышло, сложилось, угораздило*) и др. Анализируются универсальные и лингвоспецифические, константные и переменные признаки заключенных в этих словах концептов.

Книга предназначена для лингвистов, переводчиков, историков, культурологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся русским языком и русской культурой. *Nabent sua fata libelli.*

**ББК 81.031**

*В оформлении переплета использована картина К. С. Петрова-Водкина  
«1918 год в Петрограде (Петроградская мадонна)»*

ISBN 978-5-9551-0494-2

© Авторы, 2012

© Языки славянских культур, 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	9
От авторов.....	11

### Часть I КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

#### Вместо введения

<i>А. Д. Шмелев.</i> Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?.....	17
--	----

#### Пространство и время

<i>А. Д. Шмелев.</i> Широта русской души.....	24
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> Родные просторы.....	35
<i>Анна А. Зализняк.</i> Преодоление пространства в русской языковой картине мира.....	45
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Время суток и виды деятельности.....	57
<i>А. Д. Шмелев.</i> В поисках мира и лада.....	66

#### Человек: душа и тело

<i>А. Д. Шмелев.</i> Дух, душа и тело в свете данных русского языка.....	83
<i>Анна А. Зализняк.</i> Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира .....	99
<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> О пошлости и прозе жизни... ..	117

#### Чувства и отношения

<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина.</i> С любимыми не расставайтесь.....	139
<i>И. Б. Левонтина.</i> Милый, дорогой, любимый... ..	149
<i>И. Б. Левонтина.</i> «Достоевский надрыв» .....	157
<i>Анна А. Зализняк.</i> Заметки о словах: <i>общение, отношение,</i> <i>просьба, чувство, эмоция</i> .....	167
<i>А. Д. Шмелев.</i> Дружба в русской языковой картине мира.....	175

### Намерения и дела

<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. Отражение «национального характера» в лексике русского языка</i> .....	187
<i>И. Б. Левонтина. Homo piger</i> .....	211
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции</i> .....	219

### Этические концепты

<i>И. Б. Левонтина. Звездное небо над головой</i> .....	223
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Поперечный кус</i> .....	227
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. За справедливостью пустой</i> .....	230
<i>Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира)</i> .....	242
<i>А. Д. Шмелев. Плюрализм этических систем в свете языковых данных</i> .....	259
<i>А. Д. Шмелев. Терпимость в русской языковой картине мира</i> .....	268
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка</i> .....	278

### Вместо заключения

<i>А. Д. Шмелев. Сквозные мотивы русской языковой картины мира</i> .....	286
--	-----

## Часть 2

### ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КАРТИНА МИРА

#### Вместо введения

<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX и XXI веке: аспекты изучения</i> .....	299
<i>А. Д. Шмелев. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия</i> .....	306

#### Прошлое и настоящее

<i>И. Б. Левонтина. Откуда есть пошла русская душа</i> .....	313
<i>Анна А. Зализняк. Об эффе́кте ближней семантической эволюции</i> .....	323
<i>Анна А. Зализняк. Константы и переменные семантики глагола <i>отдыхать</i></i> .....	337
<i>И. Б. Левонтина. Nominem quaero</i> .....	354
<i>И. Б. Левонтина. К истории слова <i>субъект</i> в русском языке</i> .....	366
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Вздор: слово и дело</i> .....	379
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия</i> .....	388

## Русский лексикон в европейской перспективе

<i>А. Д. Шмелев.</i> Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные .....	395
<i>Анна А. Зализняк.</i> Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово <i>проблема</i> .....	410
<i>Анна А. Зализняк.</i> Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе ...	419
<i>И. Б. Левонтина.</i> «Особые события» в современном русском языке .....	428
<i>Анна А. Зализняк.</i> Общение между людьми в межкультурной перспективе: <i>гости vs. party</i> .....	436
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Как мы проводим дни и ночи .....	448

## Константы

<i>А. Д. Шмелев.</i> Язык любви .....	457
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Лексика радости .....	462
<i>А. Д. Шмелев.</i> Семантика печали .....	471
<i>Анна А. Зализняк.</i> Концептуализация памяти и забвения в русском языке .....	485
<i>А. Д. Шмелев.</i> Враньё в русской наивной этике .....	506
<i>А. Д. Шмелев.</i> Смех и улыбки в русской языковой картине мира .....	518
<i>А. Д. Шмелев.</i> Игра в русской языковой картине мира .....	529

## Настоящее и будущее

<i>А. Д. Шмелев.</i> Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху .....	537
<i>И. Б. Левонтина.</i> Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира .....	550
<i>И. Б. Левонтина.</i> Язык потребления .....	565
<i>И. Б. Левонтина.</i> Гламурная фея .....	572
<i>А. Д. Шмелев.</i> В поисках общего языка .....	582
<i>А. Д. Шмелев.</i> Хохма .....	595

## Вместо заключения

<i>А. Д. Шмелев.</i> О новомосковской школе концептуального анализа .....	610
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> О пользе лингвистики для других наук .....	621

## Приложение

<i>А. Вежбицкая.</i> Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серियो утверждает, что нет) .....	624
<i>А. Д. Шмелев.</i> Допустимо ли изучать русский язык? .....	637
Литература .....	657
Указатель лексем .....	682

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга основана на статьях, написанных авторами в период с 1994 по 2010 г.

В первую часть вошла основная часть нашей книги, которая была издана в 2005 г. и посвящена обсуждению ключевых идей русской языковой картины мира и выражающим их словам<sup>1</sup>. Мы обращали внимание на то, что в каждом языке есть свои особые концептуальные конфигурации, которые закрепляются в значении языковых единиц и принимаются говорящими на данном языке как нечто само собой разумеющееся. Такие единицы с трудом поддаются переводу. При этом уже тогда мы отмечали, что языковая концептуализация мира включает в себя не только константы, но и переменные, она подвержена социальному и региональному варьированию и изменяется во времени. По этому мы в основном ориентировались на речь москвичей — носителей литературного языка.

В дальнейшем мы стали в большей степени уделять внимание тому, как менялась языковая концептуализация мира параллельно изменениям в жизни общества. Соответственно, во второй части больший акцент делается на происходящих в русском языке семантических сдвигах и их влиянии на эволюцию языковой картины мира.

Как в первой, так и во второй части книги мы систематически сопоставляем отдельные фрагменты русской языковой концептуализации с соответствующими фрагментами концептуализации мира в некоторых других языках. Это представляется особенно важным, поскольку различие в концептуализации действительности, на которую опирается значение близких по значению слов разных языков, иногда бывает столь существенным, что это может всерьез затруднять коммуникацию и даже приводить к коммуникативным провалам. Поэтому сопоставительное изучение особенностей концептуализации мира разных языков и выявление в них лингвоспецифичных конфигураций должно способствовать успешной межкультурной коммуникации.

---

<sup>1</sup> См.: Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. «Ключевые идеи русской языковой картины мира». М.: Языки славянской культуры, 2005. В настоящем издании по техническим причинам не воспроизведены следующие статьи: А. Д. Шмелев. Лексический состав русского языка как отражение «русской души»; Анна А. Зализняк. *Любовь и сочувствие*: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен; А. Д. Шмелев, И. Б. Левонтина. Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке); И. Б. Левонтина. Помилосердствуйте, братцы!; А. Д. Шмелев. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг), а также Приложение. Кроме того, некоторые статьи печатаются в сокращении.



Необходимо понимать, что хотя язык навязывает носителю определенную картину мира, человек не является ее рабом. Эксплицировав соответствующие представления в рамках метаязыковой рефлексии, говорящий имеет возможность подвергнуть их сомнению. В этом отношении лингвистический анализ способствует критическому осмыслению априорных представлений, заложенных в значении языковых единиц.

## ОТ АВТОРОВ

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка<sup>1</sup>.

Почему это так — почему говорящий на данном языке должен обязательно разделять эти взгляды? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующих языковую картину мира. Так, из русской пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о месте любви в русской языковой картине мира, а можно лишь заключить, что *козел* предстает в ней как малосимпатичное существо.

Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, носителям русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; запоминая что-либо, *храним* это в *голове*, а *чувствуем* *сердцем*; переволновавшись, хватаемся за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, так что они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а когда волнуются, чувствуют дискомфорт в печени. Разу-

---

<sup>1</sup> См.: Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. 1995. № 1.

меется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как дают «ключ» к ее пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (language-specific) — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в частности, слова *собираться, добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *сложилось, довелось; обида, попрек; заодно* и др. То, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны — тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки. Заметим, что их переводные аналоги не являются подлинными эквивалентами именно ввиду отсутствия в их значении этих специфичных для данного языка идей. При этом часто в языке наряду с лингвоспецифичным словом имеется его «нейтральный» синоним — и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке имеются почти синонимы *собираться* и *намереваться* (нечто сделать). Первый является лингвоспецифичным и труднопереводимым, второй — нет. Аналогично устроены пары *постараться* и *попытаться* (нечто сделать), *стыдно* и *совестно, жалко* и *обидно* (уезжать).

Ключевыми идеями, или сквозными мотивами, для русской языковой картины мира являются, в частности, следующие (в скобках указаны слова и выражения русского языка, в которых они отражены; большинство из них анализируются в книге):

1. Идея непредсказуемости мира (*а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, стараюсь; угораздило; добираться; счастье*).

2. Представление, что главное — это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (*собираться, заодно*).

3. Представление о том, что для того, чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако, если это пространство необжитое, то это тоже создает внутренний дискомфорт (*удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться*).

4. Внимание к нюансам человеческих отношений (*общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*).

5. Идея справедливости (*справедливость, правда, обида*).

6. Оппозиция «высокое — низкое» (*быт — бытие, истина — правда, долг — обязанность, добро — благо, радость — удовольствие; счастье*).

7. Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, хохотать, душа нараспашку*).

8. Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный, удаль, размах*).

\* \* \*

В первую часть книги вошли статьи о русской языковой картине мира, написанные нами в период с 1994 по 2003 г. Идеино и методологически эти исследования в значительной степени восходят к работам Анны Вежицкой, посвященным выявлению и описанию лингвоспецифичных слов разных языков, в том числе русского (при этом некоторые проблемы и понятия разрабатывались нами параллельно). В частности, непосредственным импульсом для написания одной из первых статей публикуемой серии, определившей исследовательские интересы авторов в последующие годы и позволившей говорить о возникновении особого направления исследований, явилась рецензия на книгу А. Вежицкой «*Semantics, Culture, and Cognition*», 1992 г., заказанная журналом «*Russian linguistics*» в 1994 г. и опубликованная в нем в 1996 (см. статью Анны А. Зализняк и И. Б. Левониной «Отражение “национального характера” в лексике русского языка»). В этой статье была выявлена и описана группа русских слов, заключающих в себе специфические концептуальные конфигурации, содержание которых может быть поставлено в соответствие некоторым расхожими представлениям о «русском характере» (это такие слова как *собираюсь, постараясь, не вышло, не сложилось* и др.).

В 1993 г. А. Д. Шмелев прочел в университете г. Тампере (Финляндия) курс «Ключевые концепты русской культуры» (книга Вежицкой к тому времени уже вышла, но до Москвы еще не дошла); в 1994 аналогичный курс (под названием «Ключевые концепты русской языковой картины мира») был им прочитан в Вене. В том же году была написана статья Анны А. Зализняк о лингвоспецифичных и универсальных особенностях концептов *любовь* и *сочувствие*, предназначенная для юбилейного сборника Анны Вежицкой и выполненная в русле проблематики универсальности vs. лингвоспецифичности эмоций, разрабатываемой Вежицкой в той же книге 1992 г. (замысел этой работы подробно обсуждался с А. Д. Шмелевым). В марте 1994 А. Д. Шмелев сделал доклад о ключевых концептах русской языковой картины мира на Максимовских чтениях в Москве, после чего журнал «Русский язык в школе» заказал ему статью, которая была опубликована под названием «Лексический состав русского языка как отражение “русской души”» (в 4-м номере этого журнала за 1996 г.). В этой статье были обозначены основные пласты лингвоспецифичной лексики русского языка и намечены пути дальнейших исследований в этом направлении. Поразительное совпадение во времени с заказом рецензии на книгу А. Вежицкой, сделанным другим изданием и в другой стране, так же, как содержательное сходство независимо возникших названий этих двух работ, — убедительное свидетельство того, что эта идея в тот момент «носилась в воздухе».

Впоследствии авторы объединили свои усилия; постепенно круг исследуемых слов стал расти, между разными словами стали обнаруживаться регулярные связи, была выработана определенная методология. На сегодня состояние исследований в данной области таково, что можно говорить о реконструкции русской языковой картины мира в ее целостности<sup>2</sup>. Одновременно восстановление русской языковой картины мира вошло в широкий круг современных исследований в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

При этом следует отметить, что многие из наших работ, посвященных реконструкции русской языковой концептуализации мира, были опубликованы в труднодоступных изданиях. Поэтому нам представляется целесообразным собрать их вместе, чтобы дать читателям представление о современном состоянии наших изысканий в данной области (некоторые статьи написаны или переработаны специально для настоящего сборника).

Статьи, собранные в данной книге, объединены общностью наиболее важных методологических установок; при этом они различаются по жанру и стилю; имеются некоторые расхождения и в используемом метаязыке. Статьи объединены в тематические разделы, соответствующие фрагментам русской языковой картины мира.

В качестве приложения к сборнику публикуется (с согласия автора) статья А. Вежбицкой. Эта публикация призвана продемонстрировать как сходства нашего подхода с подходом А. Вежбицкой, разрабатываемым в русле теории «естественного семантического метаязыка», так и определенные различия.

В заключение подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача — обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т. е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т. п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты — как общие места русского бытового, философского, научного и т. д. дискурса<sup>3</sup>.

*Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев*

---

<sup>2</sup> Некоторые шаги в этом направлении были предприняты в книге [Шмелев 2002].

<sup>3</sup> Наши исследования в области русской языковой картины мира поддерживались Центрально-Европейским университетом (проект А. Д. Шмелева «Русская языковая модель мира» в 1995—1997 гг. и проект И. Б. Левонтиной и Анны А. Зализняк «Человеческие эмоции в представлении русского языка» в 1997—1999 гг.). Данная книга была подготовлена к печати при поддержке РФФИ (проект «Лингвоспецифические слова русского языка и особенности русской языковой картины мира», руководитель А. Д. Шмелев, 2001—2003 гг.) и РГНФ (проект «Константы и переменные русской языковой концептуализации мира», руководитель А. Д. Шмелев, 2001—2003 гг.).

**КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ  
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

А. Д. Шмелев

## МОЖНО ЛИ ПОНЯТЬ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ ЧЕРЕЗ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА РУССКОГО ЯЗЫКА?\*

Само по себе название данной статьи (отсылающее к известной книге А. Вежбицкой «*Understanding Cultures through Their Key Words*» [Wierzbicka 1997]) может ввести в заблуждение. Может показаться, что речь идет о каком-то заранее заданном множестве «ключевых» слов языка, относительно которых и ставится вопрос: не могут ли они способствовать пониманию культуры? Тогда неизбежно возникнет вопрос, как выявляется это множество и на каком основании мы относим то или иное слово к «ключевым».

На самом деле само понятие «ключевого» слова уже содержит в себе положительный ответ на заданный в заглавии вопрос. Можно считать лексическую единицу некоторого языка «ключевой», если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Поэтому исходный вопрос можно было бы переформулировать так: могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русской культуры?

Здесь существенна еще одна оговорка. Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности. Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ лексической семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик. Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживаетя с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком.

Такое представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира — Уорфа. Но не случайно именно в настоящее время эти идеи вновь обретают популярность. Современные

---

\* Опубликовано в журнале «Мир русского слова». 2000. № 4.

методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингво-специфичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных.

Сказанное можно иллюстрировать на примере русских слов, служащих для обозначения времени суток: *утро*, *день*, *вечер*, *ночь*. На первый взгляд, для каждого из них можно найти более или менее точный эквивалент в основных западных языках (напр., для слова *утро* — англ. *morning*, франц. *matin*, нем. *Morgen* и т. д.). Однако, как мы попытались показать в [Зализняк, Шмелев 1997], эквивалентность для названий частей суток оказывается в значительной степени мнимой, поскольку в основе членения суток на периоды для русского языка кладутся несколько иные принципы, нежели для западных языков. При этом указанные различия могут быть связаны с расхожим представлением, согласно которому русские обращаются с временем в целом более вольно, нежели жители Западной Европы.

В западном представлении членение суток на периоды зависит от «объективного» времени, показаний часов, и сутки структурируются в первую очередь полночью и полуднем; при этом полдень имеет большее значение, поскольку структурирует самую важную часть суток — время, предназначенное для работы (рабочий день). Не случайно в западных языках есть специальное слово для обозначения второй половины рабочего дня, наступающей после полудня, и связанного с полуднем обеденного перерыва (ср. англ. *afternoon*, франц. *après-midi*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*). В русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь (в западном представлении дело обстоит, скорее, противоположным образом: взглянув на часы и определив время суток, человек знает, что ему надлежит делать). Так, если в западных языках ‘утро’ концептуализуется как часть суток, предшествующая полудню, то для русских *утро* — это, скорее, время, когда человек уже проснулся и занимается приготовлением к основной дневной деятельности (умывается, одевается, завтракает), но еще не приступил к ней. Такое представление находит отражение даже в произведениях массовой культуры. Ср.: *У Павла Добрынина было выработанное годами твердое правило: никогда не оставаться у женщины до утра. Понятие «утро» в его представлении не связывалось с каким-то определенным положением стрелки на часах. Главным критерием была утренняя атрибутика: умывание, разговоры, совместный завтрак, одним словом — все, что так или иначе напоминало семейный уклад. Даже если он просыпался в чужой постели в десять утра, он не-*



*медленно одевался и уходил. Так ему было проще* (Александра Маринина. «Игра на чужом поле»).

Указанное различие в концептуализации членения суток проявляется в целом ряде языковых фактов. Так, бросаются в глаза различия при обозначении точного времени. В западной традиции в основе такого обозначения лежит полдень; соответственно, различают, например, пять часов до полудня (*a.m.*, т. е. *ante meridiem*) и пять часов пополудни (*p.m.*, т. е. *post meridiem*). При этом, поскольку время до полудня концептуализуется как 'утро', пять часов до полудня иначе могут быть названы «пять часов утра». Такое обозначение не является чем-то удивительным и для носителя русского языка; однако его может удивить то, что в западных языках можно говорить и о двух часах, и даже о часе утра (ср. англ. *one, two in the morning*, франц. *une heure, deux heures du matin*). Ведь для носителя русского языка *утро* — это когда человек просыпается, а если человек в час ночи или в два ночи не спит, это, скорее, означает то, что он еще не лег, а не то, что он уже проснулся и собирается приступить к дневной деятельности. Конечно, в четыре часа утра тоже встанут относительно немногие, однако необходимость встать столь рано возникает у представителей целого ряда социальных и профессиональных групп и не воспринимается в культуре как отклонение от нормы, что и дает основание использовать здесь слово *утро*. А для носителей западных языков 'утро' — это время до полудня, и потому два часа до полудня (*ante meridiem*) — это то же самое, что «два часа утра».

Сказанное не означает, что носители западных языков воспринимают час или два пополуночи как 'утро'. Лишь при обозначении точного времени достаточным оказывается бинарное членение суток: время до и после полудня. Когда же речь идет о времени суток как таковом, еще более существенно отграничение рабочего дня и периода, предназначенного для отдыха и сна ('вечера' и 'ночи'). Рабочий день, как уже говорилось структурируется полуднем. Первая часть рабочего дня (до полудня) концептуализуется как 'утро', в полдень предполагается обеденный перерыв, после чего наступает вторая часть рабочего дня — «послеполуденное время». По окончании рабочего дня наступает вечерне-ночной период, причем 'вечер' не вполне четко отделяется от 'ночи' (многие западные словари определяют 'вечер' как первую часть 'ночи') и соотношение 'вечера' и 'ночи' в разных западных языках понимается несколько по-разному (в целом можно сказать, что первая часть 'ночи' — 'вечер' — предназначена для развлечений, а вторая часть — собственно 'ночь' — для сна).

В русской языковой картине мира представление о членении суток схоже с западным лишь отчасти. Оно может быть кратко охарактеризовано следующим образом. Сутки можно подразделить на *день*, когда осуществляется дневная деятельность, и *ночь*, представляющую собою «провал», перерыв в деятельности, когда люди спят. *День* не имеет четких границ. Когда человек пробуждается от ночного сна, наступает *утро*, представляющее собою подготовку к дневной деятельности. Когда дневная деятельность (работа) заканчивается, наступает *вечер*, который длит-

ся до тех пор, пока люди не ложатся спать (тогда наступает *ночь*). Обычно переход от сна к дневной деятельности занимает меньше времени, чем период после окончания работы до отхода ко сну, так что *утро* имеет меньшую продолжительность, нежели *вечер*. Поэтому бывает так, что люди задумываются, как бы *скоротать вечер*, но гораздо более сомнительна ситуация, когда надо <sup>?</sup>*скоротать утро*.

Разумеется, описанная картина весьма схематична. Отдельно взятый человек может *писать статью всю ночь*, и от этого *ночь* не становится *днем*. Но это значит, что он пишет свою статью в то время, когда другие люди спят. Если кто-то засиделся в гостях *до утра*, то *утро* наступает своим чередом, хотя для данного человека (как и для хозяев) оно не предполагает пробуждения после ночного сна; но это означает, что человек просидел в гостях до того времени, когда мог наблюдать или предполагать, что уже просыпаются другие люди и вокруг возобновляется жизнь (подробнее о концептуализации времени суток в русском языке и ее зависимости от человеческой деятельности см. [Зализняк, Шмелев 1997]).

Как видно из сказанного, ярче всего различия между «западными» и «русскими» представлениями о членении суток проявляются в концептуализации «утра». Для носителя западных представлений «утро» противопоставляется «послеполудню» как первая половина рабочего дня (до обеденного перерыва) второй половине (после обеденного перерыва). Для носителя русских представлений *утро* противопоставляется *вечеру* как период перед началом рабочего дня периоду после окончания рабочего дня. Указанное соотношение сохраняется и при метонимически сдвинутых употреблении слов *утро* и *вечер*. Если мы хотим обозначить первую половину рабочего дня как «утро», вторая автоматически получает обозначение «вечер» (а не «послеполуденный период»). Так, о враче в поликлинике, принимающем пациентов по четным числам с 10 утра до 2-х дня, а по нечетным — с 2-х дня до 6-и вечера, говорят, что он ведет прием *по четным утром, а по нечетным — вечером*. Характерно также использование выражений *утреннее заседание* и *вечернее заседание* в программе научных конференций: *утреннее заседание* — это просто заседание до обеденного перерыва, а *вечернее заседание* — заседание после обеденного перерыва. В западных языках в таких случаях говорят об «утреннем» и «послеполуденном» заседании (ср. французское *séance du matin* и *séance de l'après-midi*). Поэтому, когда в программе Всероссийской конференции «Русский язык на рубеже тысячелетий», проходившей 26—27 октября 2000 г. в Петербурге, указывалось: *1 день, 26 октября — утреннее заседание (12.00—14.00)...* — *вечернее заседание (15.00—18.00)*, — то с «западной точки зрения» казалось странным как то, что «утреннее» заседание началось только в полдень (а реально оно началось только в час дня), так и то, что сразу после обеда, в три часа пополудни началось «вечернее» заседание.

Не случайным оказывается и обилие в русском языке наречий и наречных выражений с общим значением «утром» (*утром, утречком, под утро, с утра, с утречка, с утреча, поутру, наутро* и т. д.). Выбор наиболее подходящего из них осуществляется говорящим в зависимости от того, чем субъект описываемой си-

туации занимался до и собирается заниматься после наступления периода времени, который говорящий концептуализует как 'утро' (см. [Зализняк, Шмелев 1997]).

Различия в концептуализации времени суток в западных языках и в русском языке проявляются и в употреблении этикетных формул. В [Зализняк, Шмелев 1997] мы уже отмечали некоторую неуместность (с точки зрения русского речевого стандарта) приветствия *Доброе утро!*, с которым западные слависты, даже хорошо знающие русский язык, обращаются к своим русским коллегам, встречая их на работе в первую половину дня (до обеденного перерыва). В русском узусе приветствие *Доброе утро!* уместно только непосредственно после пробуждения, пока участники коммуникации еще не приступили к своей дневной деятельности. Можно упомянуть также пожелание *Хорошего вам дня*, которое некоторые продавцы магазинов стали в последнее время использовать в качестве формулы прощания с покупателем. Чувствуется, что эта формула звучит по-русски не вполне естественно. Выступая на конференции «Русский язык на рубеже тысячелетий», С. Г. Тер-Минасова справедливо связала распространение этой формулы с влиянием западных языков. Действительно, она звучит как калька, напр., французского *Bonne journée!*, произносимого в том случае, когда прощание с клиентом происходит в течение первой половины дня (во второй половине дня скорее будет сказано *Bonne soirée!* 'Хорошего вечера'). Но возникает вопрос: а как же следует сказать по-русски, какая формула была бы приемлема? Совсем нелепо звучала бы формула *Имейте хороший день* или *Имейте приятный день* — буквальная калька английских формул *Have a good day* и *Have a nice day*. Но даже, казалось бы, вполне идиоматичный перевод *Желаю вам приятно провести день* с точки зрения русских речевых навыков представляется именно переводом иноязычной формулы, отклоняющимся от русского речевого стандарта. По-русски гораздо более естественно звучала бы формула прощания, в которой добрые пожелания высказываются без конкретизации времени суток, напр. *Всего хорошего* или *Всего доброго*. И, как кажется, дело здесь также в различиях в концептуализации времени суток. Для того чтобы выбрать подходящую формулу, носитель западного языка должен просто прикинуть, который час. Если дело происходит в течение первой половины дня, уместно пожелать 'хорошего дня'; если в течение второй половины — 'хорошего вечера' (пожелание дается на будущее). Для носителя русского языка дело обстоит несколько иначе. Включение в формулу указания на время суток может восприниматься как неуместное вторжение в частную жизнь адресата, поскольку подразумевает гипотезу о том, чем адресат собирается заниматься в ближайшее время: формула *Хорошего дня* воспринимается как пожелание успехов в дневной деятельности, а *Желаю вам приятно провести вечер* неявно включает предположение, что адресат речи предполагает идти развлекаться (и уж совсем неуместной в устах продавца была бы обращенная к клиенту формула *Желаю вам приятно провести ночь*, являющаяся всего-навсего переводом английской формулы *Have a good night*, используемой при прощании с клиентом в конце рабочего дня).

Такого рода наблюдения могут рассматриваться как свидетельство того, что особенности концептуализации времени суток в разных языках влияют на употребление соответствующих слов, в результате чего их эквивалентность оказывается неполной. Но можно подойти к делу и с другой стороны, рассматривая наблюдения над употреблением слов со значением времени суток как данные, свидетельствующие о различиях в восприятии разными народами членения суток на периоды. В последнем случае и оказывается возможным говорить о том, что языковые данные могут служить ключом к пониманию каких-то культурно значимых аспектов восприятия мира.

При этом особенно показательны нетривиальные семантические конфигурации, достаточно частотные в бытовом дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов) и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливаться на этом внимание. Так, часто цитируемая строка Тютчева *Умом Россию не понять* свидетельствует не столько о том, что в самооценке русских Россия является страной, которую трудно постичь, пользуясь лишь средствами рационального понимания (эта точка зрения неоднократно оспаривалась другими русскими авторами), сколько о том, что для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно *ум*, а не, скажем, *сердце*, как для древнееврейской и арамейской картины мира (эта картина мира, в соответствии с которой «органом понимания» является именно *сердце*, представлена и в текстах на русском языке — а именно, в переводах Св. Писания, напр.: *да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем* — Ис. 6, 10; *Еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце?* — Мк. 8, 17). Точно так же мы не можем делать вывод, что для русской языковой картины мира характерно представление, согласно которому чувство любви неподвластно воле человека и рациональным соображениям, на основании таких пословиц, как *Любовь зла, полюбит и козла*, или ходячего изречения *Сердцу не прикажешь*, — то, что прямо утверждается, всегда может быть оспорено (правда, эти высказывания дают основание для определенных выводов относительно некоторых других представлений, принимаемых в русской языковой картине мира как данность, напр. ‘козел менее всего достоин любви’ или ‘орган любви — сердце’).

Анализ русской лексики с указанной точки зрения позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих лингвоспецифичных и плохо поддающихся переводу русских лексических единиц и фразеологизмов, которые при этом, как правило, не попадают в ассертивный компонент высказывания. Сюда относятся, напр., следующие представления: ‘в жизни могут случаться непредвиденные вещи’ (*если что, в случае чего, вдруг*), но при этом ‘все равно не предусмотрит’ (*авось*); ‘чтобы сделать что-то, бывает необходимо мобилизовать внутренние ресурсы, а это не всегда легко’ (*неохота, собираться/собраться, выбраться*), но зато ‘человек, которому удалось мобилизовать внут-

ренние ресурсы, может сделать очень многое' (*заодно*); 'человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо' (*простор, даль, ширь, приволье, раздолье*), но 'необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту' (*неприкаянный, маяться, не находить себе места*); 'плохо, когда человек стремится к выгоде по каждому поводу; хорошо, когда он бескорыстен и даже нерасчетлив' (*мелочность, широта, размах*). Как кажется, многие из указанных представлений помогают понять некоторые важные черты русского видения мира и русской культуры.

# ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

---

А. Д. Шмелев

## ШИРОТА РУССКОЙ ДУШИ\*

Словосочетание *широта русской души* стало почти клишированным, но смысл в него может вкладываться самый разный.

Прежде всего, *широта* — это само по себе название некоторого душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосољство и щедрость. *Широкий* человек — это человек, любящий *широкие* жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на *широкую* ногу<sup>1</sup>. Иногда также употребляют выражение *человек широкой души*. Это щедрый и великодушный человек, не склонный *мелочиться*, готовый простить другим людям их мелкие проступки и прегрешения, не стремящийся «заработать», оказывая услугу. Его щедрость и хлебосољство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность. Но существенно, что в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, *широта* в таком понимании — в целом положительное качество. Напротив того, *мелочность* безусловно осуждается, и сочетание *мелочный человек* звучит как приговор.

**З а м е ч а н и е.** Реже встречается иная, менее характерная интерпретация сочетания *человек широкой души*, когда его понимают как относящееся к человеку, которому свойственна терпимость, понимание возможности различных точек зрения на одно и то же явление, в том числе и не совпадающих с его собственной<sup>2</sup>. Чаще в таком случае используют сочетание *человек широких взглядов* (впрочем, здесь есть и некоторое различие: *человек широких взглядов* — это человек прогрессивных воззрений, терпимый, готовый переносить инакомыслие, склонный к плюрализму, иногда, возможно, даже граничащему с беспринципностью, тогда как *человек широкой души* в рассматриваемом понимании — это человек, способный понять душу другого человека, а поняв, полюбить его таким, каков он есть, пусть не соглашаясь с ним). Данное понимание сочетания *человек широкой души* встречается относительно редко, чаще

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Языки пространств». М., 2000 (сокращенный вариант статьи был ранее опубликован в журнале «Русская речь». 1998. № 1).

<sup>1</sup> «*Широта характера, размах решений*», — пишет А. Солженицын, перечисляя качества, отмечаемые наблюдателями в русском характере («Россия в обвале»).

<sup>2</sup> «*Отзывчивость, способность «всё понять»*», — перечисляет А. Солженицын в том же ряду «свойств русского характера» («Россия в обвале»).

оно говорит о щедрости, великодушии и размахе. Однако и *широта* в этом понимании также иногда приписывается «русскому характеру» (ср. характеристику русского народа, данную Достоевским: «широкий, всеоткрытый ум»).

Однако выражение *широта души* может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (все или ничего), максимализм, отсутствие ограничений или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским<sup>3</sup>. Так, в статье В. А. Плуногьяна и Е. В. Рахилиной, посвященной отражению в языке разного рода стереотипов, отмечается что именно «центробежность», отталкивание от середины, связь с идеей чрезмерности или безудержности и есть то единственное, что объединяет *щедрость* и *расхлябанность*, *хлебосольство* и *удаль*, *свинство* и *задушевность* — обозначения качеств, которые (в отличие, напр., от слова *аккуратность*) в языке легко сочетаются с эпитетом *русский* [Плуногьян, Рахилина 1995: 340—351]. «Широк человек, я бы сузил», — говорил Митя Карамазов как раз по поводу соединения в «русском характере», казалось бы, несоединимых качеств. При этом каждое из качеств доходит до своего логического предела, как в стихотворении Алексея Толстого:

Коль любить, так без рассудку,  
Коль грозить, так не на шутку,  
Коль ругнуть, так сгоряча,  
Коль рубнуть, так уж сплеча!  
Коли спорить, так уж смело,  
Коль карать, так уж за дело,  
Коль простить, так всей душой,  
Коли пир, так пир горой!

Отметим, кстати, что последние две строки говорят не только о тяге к крайностям (*широте* во втором понимании), но и собственно о *широте характера*: здесь и готовность понять и простить (*Коль простить, так всей душой*), и хлебосольство и размах (*Коли пир, так пир горой!*).

Наконец, о «широте русской души» иногда говорят и в связи с вопросом о возможном влиянии «широких русских пространств» на русский «национальный характер». Роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. Известно высказывание Чаадаева: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств». У Н. А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено — «О власти пространств над русской душой». «Широк рус-

<sup>3</sup> Ср., впрочем, мнение А. Солженицына, высказанное в книге «Россия в обвале»: «Не согласен я с множественным утверждением, что русскому характеру отличительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив: большинство хочет только малого, скромного».

ский человек, широк как русская земля, как русские поля, — пишет Бердяев и продолжает: — В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчётливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков». В этом отрывке из Бердяева заметен отзвук известного высказывания Свидригайлова из «Преступления и наказания»: «*Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному*». О «власти пространств над русской душой» говорили и многие другие, напр.: «В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство, — это Россия» (Гайто Газданов). «Первый факт русской истории — это русская равнина и ее безудержный разлив (...) отсюда непереваемость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу...» — писал Владимир Вейдле, известный русский литературный критик и искусствовед. Целый ряд высказываний такого рода собран в хрестоматии Д. Н. и А. Н. Замятинных «Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России» [Хрестоматия 1994].

Все названные выше факторы сплелись воедино и определяют причудливую «географию русской души» (выражение Н. А. Бердяева). Механизм влияния «широких русских пространств» на *широту* «национального характера» раскрывает Валерий Подорога: «Так, широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, аффект *широты*, и в нем как уже моральной форме располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к крайностям и т. п.». И не удивительно, что эта «*широта русской души*» интересным образом отражается в русском языке и, в первую очередь, в особенностях его лексического состава. Русские слова и выражения, так или иначе связанные с *широтой* русского «национального характера», оказываются особенно трудными для перевода на иностранные языки.

Многие из слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности» и соответствующих уникальным русским понятиям, — такие, как *тоска* или *удаль*, — как бы несут на себе печать «русских пространств». Недаром переход от «сердечной тоски» к «разгулю удалому» — это постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и не случайно во всем этом «что-то слышится родное». Часто, желая *сплеснуть тоску с души*, человек как бы думает: «Пропади все пропадом», — и это воспринимается как специфически «русское» поведение, ср.: *Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зарокami, и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту* («Раковый корпус»). Именно «в метаниях от буйности к тоске» находит «безумствующее на русском языке» «сознание свихнувшейся эпохи» и поэт Игорь Губерман.



Склонность русских к *тоске* и *удали* неоднократно отмечалась иностранными наблюдателями и стала общим местом, хотя сами эти слова едва ли можно адекватно перевести на какой-либо иностранный язык. Характерно замечание, сделанное в статье «Что русскому здорово, то немцу — смерть» (Иностранец. 1996. № 17): «По отношению к русским все европейцы сконструировали достаточно двойственную мифологию, состоящую, с одной стороны, из историй о русских князьях, борзых, икре-водке, русской рулетке, неизмеримо широкой русской душе, меланхолии и безудержной отваге [выделено мною. — А. Ш.]; с другой же — из ГУЛАГа, жуткого мороза, лени, полной безответственности, рабства и воровства». Выражение *меланхолия* и *безудержная отвага*, конечно же, заменяет знакомые нам *тоску* и *удаль*; автор сознательно «остраняет» эти понятия, передавая тем самым их чуждость иностранцам и непереводаемость на иностранные языки.

На непереводаемость русского слова *тоска* и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык (ср., напр., замечания Р.-М. Рильке об отличии *тоски* от состояния, обозначаемого немецким *Sehnsucht*<sup>4</sup>). Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные *тоске*, но не тождественные ей. Пожалуй лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания в духе Вежбицкой (ср. [Wierzbicka 1992a: 169—174]): *тоска* — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. *тоска по родине*, *тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю. Но, по-видимому, чувству тоски способствуют бескрайние русские

---

<sup>4</sup> В письме от 28 июля 1901 г., адресованном А. Н. Бенуа и написанном по-немецки, Рильке, ощутив необходимость выразить смысл, содержащийся в русском *тоска*, перешел на русский язык, хотя владел им не в совершенстве (отсюда некоторые грамматические ошибки), и писал: «Я это не могу сказать по-немецки... (<...> как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, который самое главное чувство моей жизни: тоска. Что это *Sehnsucht*? Нам надо глядеть в словарь, как переводить: “тоска”. Там разные слова можем найти, как напр.: “боязнь”, “сердечная боль”, все вплоть до “скуки”. Но Вы будете соглашаться, если скажу, что, по-моему, ни одно из десяти слов не дает смысл именно «тоски». И ведь, это потому, что немец вовсе не тоскует, и его *Sehnsucht* вовсе не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из тоски родились величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли».

пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает *тоска*, и это нашло отражение в русской поэзии (*тоска бесконечных равнин* у Есенина или в стихотворении Леонарда Максимова: *Что мне делать, насквозь горожанину, с этой тоской пространства?*).

На связь тоски с «русскими просторами» указывали многие авторы. *Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?* — спрашивал Гоголь, обращаясь к Руси из своего «прекрасного далека», именно эта «тоскливая» и одновременно «несущаяся по всей длине и ширине» песня была для него как бы символом России. Нередко чувство тоски обостряется во время длительного путешествия по необозримым просторам России (ср. понятие *дорожной тоски*); как сказано в уже цитированном стихотворении Максимова, *каждый поезд дальнего следования будит тоску просторов*.

Другое характерное русское слово — это *удаль*. Это слово называет качество, чем-то родственное таким качествам, как *смелость*, *храбрость*, *мужество*, *доблесть*, *отвага*, но все же совсем иное. Это хорошо почувствовал Фазиль Искандер, который писал:

Удаль. В этом слове ясно слышится — даль. Удаль — это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали.

В слове «мужество» — суровая необходимость, взвешенность наших действий, точнее, даже противодействий. Мужество от ума, от мужинства. Мужчина, обдумав и осознав, что в тех или иных обстоятельствах жизни, защищая справедливость, необходимо проявить высокую стойкость, проявляет эту высокую стойкость, мужество. Мужество ограничено целью, цель продиктована совестью.

Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизнью, храбрость.

Но, взглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней есть самонакачка, опьянение. Если бы устраивались соревнования по мужеству, то удаль на эти соревнования нельзя было бы допускать, ибо удаль пришла бы, хватив допинга.

Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьяненному жизнь — копейка. Удаль — это паника, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо. Удаль — возможность рубить, все время удаляясь от места, где лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил?

А все-таки красивое слово: удаль! Утоляет тоску по безмыслию.

Действительно, человека, который не проявил достаточной удалы, мы не назовем *трусом* — скорее, скажем, что это *расчетливый* человек. Человек, который *смело* смотрит в лицо опасности или *мужественно* переносит страдания, не проявляет этим никакой *удали*. Говоря о солдатах, которые *доблестно* или *отважно* встретили смерть, вступив в бой с превосходящими силами противника, употребить слово *удаль* тоже будет неуместно. Вообще это слово не употребляется, ко-

гда речь идет об *исполнении долга*. Оно оказывается уместным, когда речь идет о ком-то, кто действует вопреки всякому расчету, «очертя голову» и тем самым совершает поступки, которые были бы не по плечу другому. *Удаль* всегда предполагает *удачу* — здесь проявляется связь с глаголом *удаться*, к которому восходят оба этих существительных.

Пытаясь объяснить или понять, что такое *удаль*, мы неизбежно сталкиваемся с некоторым парадоксом. Все попытки рационального объяснения *удали* заставляют признать, что в ней нет ничего особенно хорошего; во всяком случае, она не является таким превосходным качеством, как *мужество*, *смелость*, *храбрость*, *отвага*, *доблесть*. Именно это демонстрирует и приведенное выше рассуждение Ф. Искандера. В то же время слово *удаль* в русском языке обладает яркой положительной окраской. Типичное сочетание с этим словом — *удаль молодецкая*. Конечно, П. Вайль и А. Генис иронизируют, когда пишут об «идеальной гоголевской Руси» как о *грядущем царстве правды, добра и удали*, но сама возможность появления *удали* в этом ряду показательна.

По-видимому, существенный смысловой компонент слова *удаль* соответствует идее любования (впрочем, иногда речь, скорее, может идти о самолюбовании того, чьи поступки отличаются *удалью*). Говоря об *удали*, мы любимея тем, какие удалые действия может совершить человек, и уже это сообщает слову положительную окраску. Кроме того, для *удали* важна идея бескорыстия, *удаль* противостоит узкому корыстному расчету. Попробуйте объяснить, *зачем* надо проявлять *удаль*. Так, ни для чего, просто ради самой *удали*. Как курьер из детского рассказа С. Алексеева «Сторонись!», который любил лихую езду, как-то, мчась на санях, сшиб в снег самого Суворова, а через три дня, вручая Суворову бумаги из Петербурга, получил от него в награду перстень:

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За *удаль*!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За *удаль*. За русскую душу. За молодецество.

Пожалуй, самое типичное проявление *удали* — это и есть быстрая езда, которую, как известно, любит всякий русский. Образ мчащейся и «необгонимой» «птицы-тройки», косясь на которую, «постораниваются и дают ей дорогу» другие народы и государства, дает хорошее представление о том, что такое *удаль* и каково ассоциативное поле этого слова в русском языке. По-видимому, само слово (и понятие) *удаль* могло родиться только у бойкого народа, — и при этом у народа, привыкшего к широким пространствам. На то, что *удаль* возникла под влиянием широких пространств, со всей определенностью указывает Николай Федоров, говоря о географическом положении России: «простор (...) не мог развить упорства во внутренней борьбе, но развивал *удаль*, могущую иметь и иное приложение, а не одну борьбу с кочевниками».

Связь понятия *удали* с представлением о широких пространствах хорошо иллюстрирует и цитированный выше отрывок из Ф. Искандера. Он же дает понять,

каким образом удалые действия, совершаемые «от тоски», могут эту тоску хотя бы частично утолить. И с понятием удали связаны другие типично русские понятия и соответствующие им трудно переводимые слова, отражающие «широту русской души»: *размах*, *разгул*, а может быть, даже *загул* и *кураж*. Последнее слово интересно тем, что будучи прямым заимствованием из французского языка, оно коренным образом изменило свое значение. Если во французском языке *courage* значит просто смелость, то в русском оно как бы втянулось в поле русского «загула» и стало характеризовать некоторое развязное состояние, когда у человека нет никаких «внутренних тормозов» (самое характерное сочетание с этим словом — *пьяный кураж*).

По замечанию С. А. Старостина (в передаче корреспондента «Комсомольской правды»), наряду с *тоскою* и *удалью* к труднопереводимым русским словам, для которых отсутствуют эквиваленты в других языках, относятся слова *хохотать* и *хохот*. Слова «смеяться», «смех» есть в большинстве языков, а «хохота» нет. Едва ли в этом можно видеть влияние «широких пространств», но вот пристрастие к крайностям, к крайним проявлениям имеет место — «коли смех, так не просто смех, а *хохот*». При этом важно, что *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения. Этим *хохотать* отличается от *гоготать*, а также от таких слов, как, напр., английское *guffaw* ‘гоготать, ржать’, которое иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохот*. В отличие от русских слов *хохот* и *хохотать*, глагол *guffaw* не является общеупотребительным словом и при этом включает оценочный компонент, указывающий на неодобрение такой «крайности», как несдержанный громкий смех.

Свойственное русскому языку представление о взаимоотношениях человека и общества, о месте человека в мире в целом, и в частности в социальной сфере, нашло отражение в синонимической паре *свобода*—*воля*. Эти слова часто воспринимаются как близкие синонимы. На самом деле, между ними имеются глубокие концептуальные различия. Если слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражено специфически русское понятие. С исторической точки зрения, слово *воля* следовало бы сопоставлять не с его синонимом *свобода*, а со словом *мир* (ср. сопоставление мира и воли в историческом аспекте в [Топоров 1989]).

В современном русском языке слово *мир* соответствует целому ряду значений («отсутствие войны», ‘вселенная’, ‘сельская община’ и т. д.). Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как ‘гармония; обустройство; порядок’ (ср. устное замечание Т. В. Топоровой об объединении значений ‘мирная жизнь’ и ‘вселенная’ в ряде германских языков)<sup>5</sup>. Вселенная

<sup>5</sup> Ср. также наблюдение Ю. С. Степанова: «...соединение двух рядов представлений — “Вселенная, внешний мир” и “Согласие между людьми, мирная жизнь” — в

может рассматриваться как миропорядок, противопоставленный хаосу (отсюда же греческое *космос*). Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, или «лада», если пользоваться словом, ставшим популярным после публикации известной книги Василия Белова, могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована («налажена»), и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю».

**З а м е ч а н и е.** То, что *воля* противопоставляется некоторому принятому распорядку, воспринимаемому как норма, создало базу для семантического развития этого слова в советское время. В речи советских заключенных слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей, и в таком употреблении отразилось представлении о *воле* как о внешнем, постороннем мире. Характерно, что слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении могло употребляться только самими заключенными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения» (так, в «Раковом корпусе» Лев Леонидович, сообщивший Костоглолову, что побывал «там, где вечно пляшут и поют», на вопрос последнего: «И по какой же статье?» — отвечает: «Я — не по статье. Я — вольный был»).

*Воля* издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами, «где гуляем лишь ветер... да я». На связь понятия *воли* с «русскими просторами» указывает Д. С. Лихачев: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» («Заметки о русском»). Прочитруем также Г. Д. Гачева, который писал в работе «Национальные образы мира»: «Широкая душа, русский размах — это все идеи из стихии воздуха-ветра... Человек стремится «Туда, где гуляют лишь ветер да я», — не случайно это братское спаривание. Недаром и для ветра, и для русского человека одно действие присуще и любимо: «гулять на воле» — разгуляться, загулять, загул, отгул, разгул. И недаром Гоголь, о душе русского человека говоря: «Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться» — упоминает действия, которые в равной мере делаются и ветром». *Воля* оказывается сопряжена с простором, а тем самым — с тоскою и удалью, и не случайно при описании психологического состояния персонажей художественных произведений *воля*, *простор*, *тоска* часто появляются вместе, как в повести А. И. Свирского «Рыжик»:

---

одном исходном концепте постоянно встречается в культуре... 'Мир' в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди "моего племени", "моего рода", "мы", место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует "порядок", "согласие между людьми", "закон"; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства, ...где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов 1997: 95].

Санька своими рассказами о том, как он с Полфунтом «гулял на просторе», как они ночевали в лесах и как делали все, что им хотелось, разбудил в душе Спирьки чувство любви к свободе, к безневольному житью, и он мучительно затосковал<sup>6</sup>.

По сравнению с такой волей, *свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души». Характерно рассуждение П. Вайля и А. Гениса о героине драмы Островского «Гроза»: «Катерине нужен не сад, не деньги, а нечто неуловимое, необъяснимое — может быть, воля. Не свобода от мужа и свекрови, а воля вообще — мировое пространство».

В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок, не столь жестко регламентированный. Если *мир* концептуализуется как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то *свобода* ассоциируется, скорее, с жизнью в городе. Недаром название городского поселения *слобода* этимологически тождественно слову *свобода*. Если сопоставление *свободы* и *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал В. А. Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права.

Характерны в этой связи замечания Д. Орешкина, который писал в статье «География духа и пространство России», опубликованной в журнале «Континент»:

В свое время спичрайтеры подвели президента Рейгана, который, развенчивая «империю зла», между делом обмолвился, что в скудном русском языке нет даже слова «свобода». На самом деле есть, и даже два: свобода и воля. Но между ними лежит все та же призрачная грань, которую способно уловить только русское ухо. Свобода (слобода) — от самоуправляемых ремесленных поселений в пригородах, где не было крепостной зависимости. Свобода означает свод цеховых правил и признание того, что твой сосед имеет не меньше прав, чем ты. «Моя свобода размахивать руками кончается в пяти сантиметрах от вашего носа», — сформулировал один из западных

<sup>6</sup> Примечательно, что в этом отрывке используется слово *свобода*. Здесь следует иметь в виду, что, будучи из двух синонимов значительно более употребительным, оно (в тех случаях когда используется вне противопоставления *свобода* vs. *воля*) часто сближается с *волей*, так что рассматриваемое противопоставление оказывается размытым. Так, скажем, В. Вейдле, когда писал о «русском, столь отличном от западного понимании свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя», скорее всего, имел в виду в первую очередь *волю*.

парламентариев. Очень европейский взгляд. Русская «слобода» допускает несколько более вольное обращение с чужим носом. Но все равно главное в том, что десять или сто персональных свобод вполне уживались в ограниченном пространстве ремесленной улочки. «Свобода» — слово городское.

Иное дело воля. Она знать не желает границ. Грудь в крестах или голова в кустах; две вольные воли, сойдясь в степи, бьются, пока одна не одолеет. Тоже очень по-русски. Не говорите воле о чужих правах — она не поймет. Божья воля, царская воля, казацкая воля... Подставьте «казацкая свобода» — получится чепуха. Слово степное, западному менталитету глубоко чуждое. Может, это и имели в виду составители речей американского президента.

Сошлемся также на рассказ Тэффи «Воля»<sup>7</sup>, в котором различие между *свободой* и *волей* эксплицируется сходным образом:

Воля — это совсем не то, что свобода. *Habent sua fata libelli.*

Свобода — *liberté*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной.

«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается.

«Воля» непереводаема.

При словах «свободный человек», что вам представляется? Представляется следующее. Идет по улице господин, сдвинув шляпу слегка на затылок, в руках папироска, руки в карманах. Проходя мимо часовщика, взглянул на часы, кивнул головой — время еще есть — и пошел куда-нибудь в парк, на городской вал. Побродил, выплюнул папироску, посвистел и спустился вниз в ресторанчик.

При словах «человек на воле» что представляется?

Безграничный горизонт. Идет некто без пути, без дороги, под ноги не смотрит. Без шапки. Ветер треплет ему волосы, сдувает на глаза, потому что для таких он всегда попутный. Летит мимо птица, широко развела крылья, и он, человек этот, машет ей обеими руками, кричит ей вслед дико, вольно и смеется.

Свобода законна.

Воля ни с чем не считается.

Свобода есть гражданское состояние человека.

Воля — чувство.

Упомянем еще рассуждение П. Вайля и А. Гениса на ту же тему:

Радищев требовал для народа свободы и равенства. Но сам народ мечтал о другом. В пугачевских манифестах самозванец жалуется своих подданных «землями, водами, лесом, жительством, травами, реками, рыбами, хлебом, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали. И пребывайте, как степные звери».

<sup>7</sup> На этот рассказ мое внимание обратила Н. А. Николина (ср. также [Лисицын 1995]).

Радищев пишет о свободе — Пугачев о воле. Один хочет благодетельствовать народ конституцией — другой землями и водами. Первый предлагает стать гражданами, второй — степными зверями. Не удивительно, что у Пугачева сторонников оказалось значительно больше.

Таким образом, специфика противопоставления *мира* и *воли* в русском языковом сознании особенно наглядно видна на фоне понятия *свободы*, в целом вполне соответствующего общеевропейским представлениям. В каком-то смысле это противопоставление отражает пресловутые «крайности» «русской души» («все или ничего», или полная регламентированность, или беспредельная анархия) — иными словами, «широту русской души»<sup>8</sup>.

---

<sup>8</sup> Уже после того как настоящая статья была закончена, автору удалось познакомиться с книгой А. Вежбицкой «Understanding Cultures through their Key Words» [Wierzbicka 1997], где А. Вежбицка высказывает точку зрения, согласно которой не только концепт *воля*, но и концепт, заключенный в русском слове *свобода*, отражает «широкую русскую натуру» и связан с «русскими пространствами» и потому отличен от латинского *libertas*, английского *liberty* и французского *liberté* (которые, впрочем, также не тождественны друг другу).



## РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ \*

Есть идеи, которые высказываются так часто, что воспринимаются уже как нечто само собой разумеющееся. Банальность этих суждений мешает вдумываться в их смысл. К числу таких идей относится утверждение, что русский характер сформировался под влиянием бескрайних российских просторов. «Всякий ландшафт, (...) несомненно, воспитывает народное чувство, своими очертаниями сильно действует на нравственное существо человека, неотразимо западает в его душу и содействует образованию его характера, настроения, всего мирозерцания. Вот почему чувство простора, равнинности, является типичной чертою русского народного ума» [Шмурло 1924]; «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные российские просторы требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию» (Н. Бердяев. «География русской души»; цит. по [Хрестоматия 1994])<sup>1</sup>.

Тема пространственной беспредельности — один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто возникает в русских художественных и философских текстах, но и является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере. Это особенно наглядно демонстрируют разнообразные произведения массовой культуры. Так, на

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Языки пространств». М., 2000.

<sup>1</sup> Пожалуй, можно сказать, что весь круг соответствующих стереотипов был сформулирован уже в программной статье Н. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», опубликованной в 1836 г. в «Телескопе», и дожил до сегодняшнего дня практически без изменений. Надеждин, в частности, писал: «Да и что такое Европа — Европа? Наше отечество, по своей беспредельной обширности, простирающейся чрез целые три части света, наше отечество имеет полное право быть особенною, самобытною, самостоятельною частью вселенной. Ему ли считать для себя честью быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на иную из его губерний?» [Надеждин 1836].

телевидении недавно был создан «Русский проект» — серия клипов общегуманистической направленности. Одна из газет сразу же обратила внимание на то, что почти все сценки как-то связаны с перемещением, транспортом и т. п. Это, конечно, объясняется стремлением авторов «Русского проекта» отразить «русский национальный характер», который полнее всего раскрывается в странствиях по необъятным просторам России.

Само собою разумеется, что, говоря о национальном характере, мы ничего не утверждаем о том, каков русский человек на самом деле. «Национальный характер» понимается здесь как фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов.

Довольно часто авторы высказываний о русской специфике иллюстрируют свои мысли ссылкой на непереваемость тех или иных русских слов; ср. «Русские просторы зовут странствовать, бродить, раствориться в них, а не искать новых стран и новых дел у неведомых народов; отсюда непереваемость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир» (В. Вейдле. «Задача России»; цит. по [Хрестоматия 1994]).

Было бы полезно, не ограничиваясь такой констатацией, попытаться понять, в чем, собственно, состоит своеобразие подобных понятий. Так, можно согласиться, что слово *простор* лингвоспецифично, однако само по себе это утверждение не объясняет, что оно значит и в чем состоит его специфичность.

Начнем с того, что в слове *простор* обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина. В частности этим оно отличается от слова *пространство* и даже от формы *просторы*. Пространство трехмерно (ср. *в пространстве*), а простор имеет только горизонтальное измерение (ср. *на просторе*); *просторы* при этом — это как бы широта во все стороны<sup>2</sup> (ср. *бороздить просторы вселенной*, но сомнительно <sup>?</sup>*на просторах космоса*)<sup>3</sup>.

При этом если пространство не предполагает никакого наблюдателя (известно высказывание Ньютона: «Во Вселенной стынет пустое пространство»), то *простор* — это всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с *чистым полем*: «после долгого созерцания деревни поражал снежно-белый простор, по-зимнему синюющие дали казались неоглядными, красивыми» (И. Бунин).

Но самое главное в *просторе* — это даже не зрительно воспринимаемая картина, а более сложный комплекс ощущений. Оно исполнено не только любования, но и гедонистического восторга<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> Ср. термин «простираие», используемый в этой связи Валерием Подорогой.

<sup>3</sup> Ср: «Я знал, что наша Земля — “песчинка в необъятных просторах вселенной”, и в свете этого походы Александра Македонского несколько смешили меня» (В. Аксенов).

<sup>4</sup> Следует отметить, что русская языковая картина мира вообще значительно более жизнерадостна, чем нередко считают (Н. А. Бердяев в своем эссе «О власти про-

*Простор* — это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть где разгуляться*, как у Лермонтова: «...нашли большое поле — / *Есть разгуляться где на воле*». Само выражение *на просторе* иногда употребляется в значении ‘на воле’ или ‘без помех’: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» (А. П. Чехов).

*Пространство* может быть *замкнутым*, для *простора* (и *просторов*) самое важное — отсутствие границ. Не говорят *\*замкнутый простор*, *\*замкнутые просторы*, зато чрезвычайно естественны сочетания типа *бескрайние, безбрежные просторы*. Ср. также прилагательные *безграничный, бесконечный, беспредельный, необъятный* — их обилие в русском языке само по себе показательно.

На *простор* человек все время стремится, рвется: «Нам надо было куда-то поехать, вырваться в этот морозный простор, вылететь из сидений, почувствовать себя безумными путниками на большой дороге» (В. Аксенов).

Различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости отражается и в переносных значениях. Мы говорим *пространство для маневра*, но *простор для фантазии и простор чувствам, воображению*. В первом случае выражается идея достаточности для некоторой цели, во втором — идея отсутствия ограничений (чувства и воображение своевольны и непредсказуемы). Ср. характерный пример: «Он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трех, с восьми до девяти может пробыть у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумагу, что есть простор его чувствам, воображению» (И. А. Гончаров. «Обломов»).

Эта идея отсутствия стеснений выходит на первый план в производном *просторный*. Можно сказать, что *просторный* (антоним прилагательного *тесный*) — это такой, где не тесно, где можно свободно двигаться и легко дышать (обычно о помещениях или одежде). Говорят *просторная комната*, но не *\*просторное поле*, потому что никакое поле не стесняет движений.

Надо сказать, что в русском языке есть еще целый ряд слов, в которых выражается идея любования или наслаждения большими расстояниями. Так, слова *даль (дали)* и *ширь*, несомненно, содержат идею зрительного восприятия, а слова *приволье* и *раздолье* предполагают, что человек чувствует себя свободно и хорошо (*раздолье* — это вообще в первую очередь не место, а положение дел).

При этом каждое из слов имеет свои оттенки смысла. *Даль* скорее одномерна, *ширь*, как и *простор*, — во все стороны. *Даль* — слово скорее созерцательно-

---

странств над русской душой» прямо пишет, что «русские почти не умеют радоваться»). Исследователи «русского национального характера» обычно описывают такие концепты, как *тоска* или *судьба*, и почти не обращают внимания на не менее характерные для русской языковой картины мира слова, исполненные не уныния, а оптимизма, такие, например, как *соскучиться* (см. об этом слове [Зализняк, Левонтина 1999]).

мечтательное, *ширь* — энергично-эпическое; ср: «Были дали голубы, / Было вымысла в избытке» (Б. Окуджава); «Какой во всем простор гигантский! / Какая ширь! Какой размах!» (Б. Пастернак).

*Приволье* и *раздолье* тоже различаются. *Приволье* в большей степени ориентировано на пассивное восприятие роскоши мира, тогда как *раздолье* — на активное осуществление любых своих желаний. Поэтому первое слово всегда подразумевает наблюдателя, но не предполагает активного субъекта: ср. «Привольем пахнет дикий мед» (А. Ахматова). *Раздолье* же имеет валентность субъекта, который обычно сам не является наблюдателем (*Ему там раздолье*; хуже *Мне там раздолье*). Это восхищенный или завистливый взгляд со стороны на человека, которого ничто не ограничивает. Своеволие не всегда одобряется, поэтому *раздолье* может произноситься даже с оттенком осуждения: *Ну уж пустили козла в огород! Ему там раздолье*. *Приволье* ассоциируется с теплой погодой, когда человек нежится на солнышке. Для *раздолья* время года не существенно.

Идея отсутствия ограничения во всех этих словах настолько важна, что они могут употребляться и тогда, когда речь не идет о больших расстояниях. Ср.: «Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье» (И. А. Гончаров)<sup>5</sup>; «Запершись в деревне, он сразу почувствовал себя на свободе, ибо нигде, ни в какой иной сфере, его склонности не могли бы найти себе такого простора, как здесь» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

В русской картине мира *простор* — это одна из главных ценностей. Общая идея не только слова *простор*, но и многих других слов — клаустрофобия, а точнее, боязнь тесноты и ограничений, представление о том, что человеку нужно много места, чтобы его ничто не стесняло. Без простора нет покоя, без простора — душная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой.

С другой стороны, *простор* противопоставлен уютному маленькому домашнему миру, где человек в безопасности и покое. *Простор* — холод, ветер и неожиданности, и в этом смысле он противоположен не тесноте, а уюту: «Все напасти и невзгоды постигают человека за пределами семейного круга, но что поделать: родные лица не могут заменить весь мир, и, как ни тепло дома, надо выходить на холодный ветер простора» (Ю. Нагибин).

Любовь к небольшим закрытым пространствам тоже присутствует в русской языковой картине мира, хотя и гораздо менее развита. К числу ее ключевых эле-

<sup>5</sup> Большинство рассматриваемых слов вообще чрезвычайно характерно для романа «Обломов» — одного из самых важных для формирования представлений о русском национальном характере текстов русской литературы. Очевидно, что «обломовский комплекс» тесно связан с картиной привольной жизни русского барина. Ср. «Все это происходило, конечно, оттого, что он получил воспитание и приобретал манеры не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе» (И. А. Гончаров. «Обломов»). См. [Левонтина 1999].

ментов относится уют<sup>6</sup>. В понятие уюты входят тепло (и даже представление о домашнем очаге) и маленькие размеры, защита от ветра, который гуляет на просторе (у Блока *красивые уюты* противопоставляются *стуже лютый*, у Олейникова отсутствие уюты связывается с воем ветра<sup>7</sup>). Большая или прохладная комната вполне может быть удобной и комфортабельной, но странно было бы сказать *большая уютная комната*, *прохладная уютная комната*. Не случайно прилагательное уютный особенно охотно сочетается с уменьшительными существительными: уютный мирок, уютный уголок<sup>8</sup>.

Русское слово уют, с одной стороны, гораздо менее отрефлектировано в русской культуре, чем, например, простор, а с другой — в отличие от последнего, имеет аналоги в некоторых европейских языках. Если на французский язык слова уют и уютный едва ли переводимы, то в английском языке есть чрезвычайно близкое по смыслу к русскому уютный прилагательное cosy<sup>9</sup>, а в немецком не только есть слова *Gemütlichkeit* и *gemütlich*, но они еще и выражают одно из ключевых понятий немецкой культуры<sup>10</sup>. Ср. рассуждение, которое Л. Лосев приписывает толстовскому Карлу Иванычу, клеящему картонный домик на именины воспитаннику: «Мы внутрь картона вставим свечку / и осторожно чиркнем спичку, / и окон нежная слюда / засветится тепло и смутно, / уютно станет и уютно, / и это важно, господа! // О, я привью германский гений / к стволам российских сих растений».

Все эти слова, конечно, имеют некоторые семантические отличия от русских аналогов. Главное различие коренится во внутренней форме соответствующих слов. Русское слово уют связано со словами приют, уютиться, то есть наводит на мысль о небольшом по размеру убежище, укрытии, тогда как в основе немец-

<sup>6</sup> Не случайно герой Л. Лосева говорит в ответ на указание, что в русском языке нет слова *sophistication*: «Есть слово “истина”. Есть слово “воля”. / Есть из трех букв — “уют”».

<sup>7</sup> «Страшно жить на этом свете, / В нем отсутствует уют, — / Ветер воев, на расвете / Волки зайчика грызут».

<sup>8</sup> И наоборот, использование уменьшительных существительных само может создать ощущение уюта, как в следующем примере: «Приятный блондин хлопотал, уставляя столик кой-какою закускою, говорил ласково, огурцы называл “огурчики”, икру — “икоркой понимаю”, и так от него стало тепло и уютно, что я забыл, что на улице беспросветная мгла» (М. Булгаков).

<sup>9</sup> Русских и англичан объединяет также любовь к чаепитию. Показательно, что слово *cosy* имеет не только значение ‘уютный’, но и значение ‘баба на чайник’.

<sup>10</sup> Мы благодарим А. Циммерлинга и особенно Д. Вайса за обсуждение указанных немецких слов и их ассоциативного поля. Сравнение слов уютный и *gemütlich* показывает, что ощущение непереводаемости, уникальности какого-либо слова не всегда связано с собственно семантическими особенностями. Своеобразие слова *gemütlich* заключается в первую очередь в его культурной нагруженности, плотности ассоциативного поля.

кого *gemütlich* лежит идея настроения: *gemütlich* — это такой, который приводит в приятное, спокойное расположение духа.

Особенно показательно сравнение русского *уютa* с голландским *gezelligheid*, которое выражает сходное ощущение покоя и защищенности, но связывается, напротив, с незамкнутыми пространствами, см. [Bolt 1995, Шмурло 1924]. «*Gezelligheit* is the Dutch nirvana. ... A Dutch historian has described *gezelligheit* as 'partly a sort of cosiness and partly a living togetherness.' The mood in a neighbourhood cafe on a cold winter's afternoon is *gezellig*... Rather than switch on the lights at twilight, a family will light a few candles, make a pot of coffee and sit looking out of their large clean window, suffusing themselves in *gezelligheit*». Большие чистые окна без занавесок, с одной стороны, символизируют душевное единение с соседями, а с другой — заявляют, что хозяева не делают ничего такого, чего следовало бы стыдиться.

Связь *уютa* с идеей укрытия проявляется в том, что он очень часто противопоставляется опасному внешнему миру. Упоминание об *уюте* нередко соседствует с указанием на то, что за окнами дождь, холод, война, революция. Герои «Белой гвардии» отгораживаются от крушения мира *кремовыми шторами*. Иными словами, для *уютa* требуется отдельное *обжитое* пространство, хотя и маленькое, но свое, отгороженное; ср. «Ему нянечка шторку повесила, / Создают персональный уют!» (А. Галич).

Итак, покой возможен либо при отгороженности, либо при удаленности, поэтому типично как сочетание *покой и простор*, так и сочетание *покой и уют*; ср. «Около леса, как в мягкой постели, / Выспаться можно — покой и простор» (Н. А. Некрасов); «Его охватило ощущение покоя и уютa» (В. Аксенов)<sup>11</sup>

Очень естественно совмещение этих идей. Формула Пушкина *покой и воля* подразумевает, что человек убегает от людей на *простор*, но там создает свой закрытый маленький мирок<sup>12</sup>. Подальше от чужих и потеснее со своими.

Тем самым отношение к *простору* двойственно: холодный ветер *простора* и манит, и пугает<sup>13</sup>. Об этом писал в свое время русский историк И. Забелин: «Путник, проезжая вдоль и поперек эту равнину, в безлесной степи или в бесконечном лесу, повсюду неизменно чувствует, что этот великий простор, в сущности, есть великая пустыня. Вох, почему рядом с чувством простора и широты рус-

<sup>11</sup> Но, разумеется, сочетание *простора* и *уютa* выглядело бы странно, ср. крайне необычный пример: «Копенкин показал на недалекую полосу леса, лежавшего на просторной земле черной тишиной и уютом» (А. Платонов).

<sup>12</sup> Об истории этой формулы в творчестве Пушкина см. [Бочаров 1973].

<sup>13</sup> Так же двойственно и отношение к *уюту*; ср. *мещанский уют* — отказ от высоких идеалов в пользу пошлой повседневности. В романтической поэзии уют не признается; ср. «Пускай зовут: *Забудь, поэт!* / *Вернись в красивые уюты!* / Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой / Уюта — нет. Покоя — нет» (А. Блок); «Другие придут, / Сменив уют / На риск и непомерный труд, / Пройдут тобой не пройденный маршрут» (В. Высоцкий).

скому человеку так знакомо и чувство пустынности, которое яснее всего изображается в заунывных звуках наших родных песен» [Забелин 1876]. В этом коренятся многие, подчас противоречивые, черты русской языковой картины мира. С простором связываются две возможных эмоциональных тональности: либо мажорная, гедонистическая, когда простор видится как *приволье*, либо минорная, когда *простор горестных нив* (М. Цветаева) навевает *тоску*<sup>14</sup>. От избытка места человек *тоскует и мается, не находя себе места*. Избыток места оборачивается отсутствием места — *неприкаянностью*<sup>15</sup>.

«Неприкаянность, “перекати-поле”, странничество, — вот выражения еще одних свойств “русской души”, которые так часто повторяются во многих хрестоматийных свидетельствах. (...) Вокруг простор, слишком много места, но нет *моего и твоего* места, обжитого места», — пишет Валерий Подорога. *Неприкаянность* — это такое состояние человека, когда он испытывает внутренний дискомфорт (например, потому что он несчастен или ему нечем заняться) и растерянность; это состояние концептуализуется как безуспешные поиски такого места, где бы человеку было спокойно и хорошо. Ср. типичное *бродит как неприкаянный*; «Ты мыкаешься с места на место, как неприкаянный» (А. П. Чехов). Эта же идея лежит и в основе выражения *не находит себе места*. Показательно, что оно переводится на английский язык выражениями, не включающими идею места (ср., напр., [Лубенская 1997; Гуревич, Дозорец 1998]). Однако если *не находит себе места* можно от тревоги, реже — просто от душевного волнения, то причины *неприкаянности* могут быть более глубокими. *Неприкаянность* — душевная бесприютность, она может сопровождать отсутствие у человека *приюта* в собственном смысле слова и исчезать, когда человек находит приют и домашний очаг; ср. «От этого дивного перехода из одного состояния в другое — от холода и неприкаянности к теплу и защите — всегда возникало на редкость острое наслаждение» (Л. Зорин).

Но часто о *неприкаянности* говорят не просто как о временном состоянии человека, а как о его свойстве — неспособности жить в мире с самим собой. Это может быть связано с душевной раной, которая не дает человеку покоя всю жизнь. Так, Л. Чуковская приводит строки из дневника отца: «Страшна была моя

<sup>14</sup> Связь *тоски* с характерными для русского пейзажа большими расстояниями многократно отмечалась; ср., напр.: «Наш путь — степной, наш путь в тоске безбрежной, / В твоей тоске, о, Русь!» (А. Блок).

<sup>15</sup> *Неприкаянный* — загадочное слово, с не вполне ясной историей. Оно попало в литературный язык поздно, видимо во второй половине прошлого века, вероятно из псковских говоров. Первоначально, как полагают, оно имело значение ‘покаявшийся, но не получивший отпущения грехов’.

Впрочем, есть и другие точки зрения относительно происхождения этого слова. Ср. высказанную (устно) И. Г. Добродомовым гипотезу, в соответствии с которой слово *неприкаянный* можно возвести к существовавшему в «жгонском языке» глаголу *каять*.

неприкаянность ни к чему, безместность — у меня даже имени не было ⟨...⟩ как незаконнорожденный, ⟨...⟩ я был самым нецельным, непростым человеком на земле». *Неприкаянность* не обязательно ярко проявляется, она может быть едва заметной; ср. *Какой-то он весь неприкаянный!*

Близкая идея содержится в слове *маяться*. На первый взгляд непонятно, чем *маяться* отличается от *мучиться*, но ощущается, что это нечто другое. Дело в том, что мучение в случае *маяться* также концептуализуется как безостановочное и бессмысленное движение, подобное движению маятника (ср. отличие *маеты* от *суеты*, которая предполагает лихорадочные и хаотичные перемещения). Ср. «Маялся я [Рудин] много, скитался не одним телом — душой скитался» (И. С. Тургенев). *Мается* человек часто от бездеятельности (ср. устойчивые выражения *маяться бездельем, ленью*), тогда как *умаяться* (*замаяться, намаяться*) скорее можно от работы (ср. аналогичное соотношение в паре *томиться*—*утомиться*). Парадокс здесь лишь кажущийся, потому что в обоих случаях акцент делается на безрезультатных и не приносящих удовлетворения перемещениях. Кроме того, *маются* часто от болезней (ср. типичное *маяться животом*). В этом случае также имеется в виду, что человек все время двигается, не находя покоя, возможно ходит по врачам и т. п. (ср. необычное <sup>?</sup>*маяться головной болью*, потому что мигрень не предполагает никаких бессмысленных перемещений туда-обратно).

В повести А. Аверченко «Подходцев и двое других» есть характерное описание душевного дискомфорта: «Все это время унылый муж бродил по комнатам, насвистывал мелодичные грустные мотивы, хватался за дюжину поочередно начатых книг и даже “прижимался горячим лбом к холодному оконному стеклу”, что по терминологии плохих беллетристов является наивысшим признаком скверного душевного состояния». Если бы нужно было обозначить состояние героя одним словом, едва ли можно было бы найти более емкое и точное слово, чем *маяться*.

Песня с названием «Мается», как раз и посвященная описанию некоторых черт «русского национального характера», есть у Б. Гребенщикова. Со словом *мается* там рифмуется и «то грешит, то кается», и «жизнь не получается», а также «и все не признается, / что дело только в нем».

Очень интересно сопоставить *маяться* не только с *мучиться*, но и с таким словом, как *томиться*. В *томиться* тоже есть пространственная составляющая, однако концептуализация здесь другая. *Томиться* включает представление о закрытом пространстве, из которого человек не может выбраться на *простор*, на *волю* (ср. кулинарное значение слова *томиться*). Естественно *томиться в неволе* и *маяться* от излишней свободы.

Избыток *простора* часто приводит к тому, что человек ищет выхода для своей энергии в таких крайних реакциях, как *загул* или *запой*. В *загул* и *запой*, так же как и в *себя*, уходят, то есть в русской языковой картине мира все это воспринимается как виды эскапизма.



Вообще слово *гулять* (в разных значениях) и его многочисленные производные: *разгуляться*, *загулять* и *гульнуть*, *гулена* и *гуляка*, *гулянка*, *прогулять* и *отгул*, *гуляние* и *прогулка* — чрезвычайно важны для русского языка; ср. выразительное заклинание: «Только б сыпало инеем с веток, / да посвистывая б, / погуляла душа, / погуляла б душа напоследок» (Л. Лосев). Все эти слова имеют характерный гедонистический привкус, хотя каждое из них окрашено по-своему. Интересно сравнить слова *прогулка* и *гуляние*. Первое вполне космополитично, оно предполагает умеренное приятное времяпрепровождение, второе подразумевает безудержную дикую радость жизни, с песнями, плясками, а зачастую пьянкой и мордобоем. Праздники сопровождаются *народными гуляньями*, а никак не \**народными прогулками*. С другой стороны, влюбленные осуществляют романтические *прогулки* при луне, которые нельзя назвать *гуляниями*. Ср. очень характерное употребление слова *прогулка* в изысканном антураже: «Где слов найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку <...> / <...> Мариво капризное перо <...> / Пьеро <...> / Свадьба Фигаро / Дух мелочей, прелестных и воздушных» (М. Кузмин).

На первый взгляд кажется, что весь широкий спектр значений слов с корнем *гул-* развивается на основе значения пешего передвижения. Это, однако, совсем не так. Хотя этимология слова *гулять* не вполне ясна, во всех версиях первичным является не значение перемещения, а идея игры (иногда в мяч, иногда любовной), алкоголя или лежания в постели. Не удивительно, что ассоциативное поле русского глагола *гулять* так сильно отличается, например, от английского *walk*.

Когда человек *гуляет*, его ничто не сдерживает и он проявляет такие качества, как *размах* и *удаль*. Широкие просторы определяют и широту души [Шмелев 1998].

*Размах* предполагает отсутствие мелочности и внутренних ограничений, связанных со страхом, скупостью или недостатком фантазии. Это может оборачиваться либо бесшабашностью, либо масштабностью, либо сочетанием этих идей (ср.: *праздник на широкую ногу, с размахом*). И во всех случаях *размах* вызывает восхищение; ср., с одной стороны: «Я / планов наших / люблю громаде, / размаха / шаги саженьи» (В. Маяковский), и с другой — «Проиграл я одежду и сменку, / Сахарок на два года вперед, <...> / Но зато господа из влиятельных урок / За размах уважали меня» (Ю. Алешковский).

Идея размаха входит в смысл многих других характерных русских слов, таких, как, например, *хлебосольность*, *да ну*, *плевать*, *безудержный*, *эхма*, см. [Левонтина 1999; 2000; Шмелев 1999а].

С другой стороны, сама потребность «русской души» в размахе требует простора. Широкой душе нужно много места, и она эмоционально осваивает огромные пространства. Вероятно, этим объясняется то расширенное представление о личной сфере, которое характерно для русского языка. В частности, это ясно видно в употреблении слова *родной*; см. об этом в [Левонтина 1997а].

Можно заметить, что подобные «ключевые слова» обладают замечательным свойством притягиваться друг к другу. Очень часто они появляются в текстах ря-

дом: *воля* тянет за собой *удаль*, *разгул* заставляет вспомнить о *тоске*, а к *просторам* так и просится эпитет *родные*.

Такие слова в конденсированном виде содержат одно и то же мироощущение. Создается впечатление, что они сами по себе обладают текстопорождающей способностью. Некоторые тексты как будто написаны человеком, отдавшимся на волю стихии языка и плывущим по течению. Так, песня на стихи Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная» не просто проникнута характерным русским мироощущением, но является описанием фрагмента русской языковой картины мира, облеченным в стихотворную форму. Тут и *широта*, и *необъятность*, и *приволье*, и *родное*, и *ветер*, и *вольное дыхание*. Недаром, послушав эту песню, американская героиня Любови Орловой на вопрос: «Теперь понимаешь?» — уверенно отвечает: «Теперь — понимаешь!»

## ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА<sup>1</sup>

«По России путешествовать? По России можно только передвигаться по крайней необходимости», — якобы сказал в начале позапрошлого века автор «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзин<sup>2</sup>. И не то чтобы за двести лет ситуация принципиальным образом изменилась: ну так Пушкин и обещал — *лет чрез пятьсот...*<sup>3</sup>

Как оказывается, для обозначения этого занятия — *путешествия по России* — имеется специальный глагол, не переводимый ни на один европейский язык, но без которого люди, говорящие на русском языке, не могут ни спросить дорогу, ни рассказать о своих дорожных впечатлениях: это глагол *добираться*, в значение которого входит представление о том, что перемещение в другую точку пространства — процесс долгий, трудный и непредсказуемый. «Как добраться до Домодедова?» — читаем мы название одной из рубрик в рекламном проспекте нового международного аэропорта. Ответ: *очень просто и быстро!* — вопреки тому, что вы, наверное, ожидали. А почему ожидали? Да потому что — *добраться*. Но ведь иначе по-русски и не скажешь...

### 1. Словообразовательная и аспектуальная семантика глагола *добраться/добираться*

Центральным для нашего рассмотрения является то значение глагола *добраться/добираться*, которое может быть проиллюстрировано примерами (1)—(6).

- (1) Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе *добраться* (Пушкин);
- (2) «Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова», — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо. — «Будет, будет готова. Расскажите только мне, как *добраться* до большой дороги» (Гоголь);

---

<sup>1</sup> Данная статья включает материалы работ [Зализняк 2000а] и [Зализняк 2001а].

<sup>2</sup> Эту фразу приводил в устных рассказах Ю. М. Лотман. Точный источник цитаты восстановить не удалось.

<sup>3</sup> ...*дороги, верно, // у нас изменятся безмерно* («Евгений Онегин», VII, XXXIII).

- (3) «Голосуя» на развилках разбитых дорог, он *добрался* до населенного пункта Большой Шатун, по сравнению с которым Березань выглядела столицей, шумным и благоустроенным городом (В. Аксенов);
- (4) Всю зиму и весну он волновался, узнавал, где хорошо, какая там природа, и какой народ, и как туда *добраться*, и эти расспросы и планы были, может быть, приятнее самой поездки и отпуска (Ю. Казаков);
- (5) а. Скажите пожалуйста, как я могу до Домодедова *добраться*?  
б. Девушка, скажите, где находится улица Сытникова, как до нее *добраться*?<sup>4</sup>
- (6) Мне отсюда до дома два часа *добираться*.

Примеры других типов употребления рассматриваемого глагола см. ниже.

Приведем толкования — отдельно для глаголов сов. вида и для нетривиального значения несов. вида, — обобщающие разные типы употребления:

*добраться* — ‘перемещаясь, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве, достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения’;

*добираться* — ‘перемещаться, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве с целью достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения’<sup>5</sup>.

С точки зрения словообразовательной семантики глаголу *добраться* могут быть сопоставлены следующие парадигматические ряды:

- (ii) *дойти, доехать, долететь, доплыть, добрести* и т. п. (до какого-то места) — глаголы со значением достижения цели перемещения в пространстве;
- (i) *дозвониться* (до кого-то), *докопаться* (до истины), *добиться* (цели), *дорваться* (до чего-то), *докричаться* (до кого-то) и т. п. — глаголы «достигательного» способа действия со значением достижения результата с трудом и преодолевая сопротивление (см. [Зализняк, Шмелев 2000: 117]; см. также о значении циркумфикса *до-...-ся* в [Mel’čuk 1987], [Ефремова 1996: 112]).
- (iii) *выбраться, забраться, взобраться, перебраться, пробраться, подобраться, собраться* (где-то) или (куда-то), *убраться* (откуда-то), т. е. ряд глаголов, образованных от основы *брать* и обозначающих разные аспекты перемещения человека в пространстве, в том числе абстрактном (ср. ниже). В большинстве из них имеется идея затрудненности перемещения и его целенаправленности; везде отсутствует его спецификация с точки зрения способа.

В значении *добраться* отчасти сохраняется связь с мотивирующим глаголом (*брать*) — в виде компонента ‘касаться руками’; *добраться* в этом случае озна-

<sup>4</sup> Пример (5) взят из записей телефонной справочной службы «09», сделанных в 80-е годы.

<sup>5</sup> Глагол *добираться*, таким образом, должен быть включен в обширный список языковых выражений, включающих идею «препятствия» — ср. [Рябцева 1999]; идея «препятствия» содержится также в толковании глагола *мочь*, см. [Зализняк, Падучева 1989].

чает что-то вроде 'перебирая разные предметы, найти нужный'. Связь с этой идеей сохранилась и в том значении, которое является для современного языка основным, — в виде характерной сочетаемости с наречием *ощупью*:

- (7) ...когда же *ощупью* добрался до бани, стоявшей в ельнике, дождь обрушился на землю с такой силой, что, как в детстве, стали мелькать страшные мысли о потопе (Бунин);
- (8) Ярцев и Костя *ощупью*, как слепые, добрались до полотна железной дороги (Чехов).

Синхронная словообразовательная семантика глагола *добраться* на первый взгляд не очевидна. Безусловной привлекательностью обладает трактовка глагола *добраться* как содержащего циркумфикс *до-...-ся*, указывающий на «достигаемый» способ действия. Особенно обращает на себя внимание квази-синонимия глаголов *добраться* и *добиться*. Так, В. И. Даль дает выражение *Тут не доберешься толку*, соответствующее современному *Тут не добьешься толку*; с другой стороны, МАС среди значений глагола *добиться* выделяет значение 'с трудом *добраться*, проникнуть к кому-либо, попасть на прием': *К нему не добьешься*.

Действительно, у *добраться* имеется частичное соответствие схеме этого способа действия, ср. первую половину толкования из [Ефремова 1996: 112]: «добиться чего-либо, достигнуть какой-либо цели в результате достичь чего-то с трудом, в результате интенсивного или длительного действия...». Однако вторая часть — «...названного мотивирующим словом» к нашему случаю оказывается неприменима: действительно, значение 'брать', если и присутствует в значении интересующего нас глагола, то в качестве результата описываемой целенаправленной деятельности (*добраться* ≈ 'достичь обладания этим, *взять* это'), но никак не в качестве ее содержания. Это обстоятельство не позволяет отнести глагол *добираться* не только к классу глаголов достигаемого способа действия, но даже и к «примыкающим» к нему (ср. о глаголе *договориться* в [Зализняк, Шмелев 2000: 106]). В книге [Добрушина, Пайар 2001] значение глагола *добраться* (как и других подобных) конструируется из значений трех частей — глагола *брать*, приставки *до-* и постфикса *-ся*.

Однако наиболее убедительным решением представляется включение глагола *добраться* в ряд (iii), объединяющий его с другими глаголами затрудненного целенаправленного перемещения, образованными присоединением различных приставок к основе *-браться*. По справедливому замечанию Е. В. Падучевой (устное сообщение), возвратные глаголы движения всегда имеют рефлексивное (а не пассивное) значение. Так, можно в одной и той же ситуации сказать *Я разбил чашку* и *Чашка разбилась*, но для *Я принес чашку* аналогичная перифраза невозможна: *принеслась* может означать лишь определенный вид самостоятельного перемещения. *Взять* значит 'переместить', соответственно, *взяться* — 'переместиться'. Хотя такого глагола перемещения *браться* в русском языке нет, но мож-

но сказать: *Откуда ты взялся?*; *Откуда ни возьмись*. Таким образом *браться* как глагол перемещения в русском языке виртуально присутствует (ср., с другой стороны, множество рядов приставочных глаголов, для которых мотивирующий глагол как таковой отсутствует, что не затемняет прозрачности словообразовательной модели: *занять, отнять, унять* и т. п.)<sup>6</sup>.

Пара *добраться/добираться* обладает нетривиальными аспектуальными свойствами (которые противопоставляют ее всем трем приведенным рядам). Семантическое соотношение в этой видовой паре ближе всего к предельному (ср. *решать — решить* (задачу)): ‘предельный процесс’ (НСВ) — ‘событие, наступившее в результате этого процесса’ (СВ). Здесь, однако, имеется та особенность, что процессное значение у глагола НСВ *добираться* возможно только в прош. времени (т. е. при описании этого процесса постфактум; такое значение иногда называют дуративным) — и лишь при условии успешного завершения действия. Можно сказать *Два часа добирался до дома*, но нельзя *\*Два часа добирался, но так и не добрался* (в отличие от *Два часа решал, но так и не решил*). Актуально-длительного значения глагол *добираться* не имеет, ср. (напр., при разговоре по мобильному телефону): *Что ты сейчас делаешь?* — *\*Добираюсь в Калугу/на дачу к Петру*. Запрет на конструкцию *делал, но не сделал* обусловлен несовместимостью значения глагола с семантикой конативности: так, можно сказать *разворачивался, но так и не развернулся* (об автомобиле) и даже *уходил, но так и не ушел*, но не *\*возвращался, но так и не вернулся* (домой) — ср. [Плунгян 2001: 61]. Как оказывается, глаголом *добираться* может быть обозначена только успешная попытка: пока человек не *добрался*, нельзя обозначить его действия как *добирается*. Это значит, что содержащаяся в этом глаголе идея приложения трудноопределимых ус и л и й и неопределенности результата (см. ниже) несводима к семантике попытки (это различие сходно с противопоставлением глаголов *пытаться* и *стараться*, см. [Зализняк, Левонтина 1996]).

У других глаголов движения с приставкой *до-* отсутствует не только актуально-длительное значение (*\*Я сейчас дохожу, доезжаю, доплываю* и т. п. *до дома*), но и имеющееся у глагола *добираться* дуративное значение, ср. *\*два часа доходил, доезжал, доплывал* и т. п. (т. е. пары типа *дойти/доходить*, аналогично *прийти/приходить*, являются «тривиальными», см. [Зализняк, Шмелев 2000: 56]. Заметим, что между *добраться* и глаголами определенного движения с приставкой *до-* имеется еще и чисто семантическое различие, состоящее в том, что *добраться* обозначает преодоление всего пути целиком, в то время как глаголы типа *доехать* указывают лишь на его финальный участок. Это, однако, само по себе не объясняет запрета на обозначение прохождения финального участка пути при

<sup>6</sup> Виртуальному глаголу движения *\*браться* ‘перемещаться с трудом’ может быть сопоставлен функционально сходный с ним глагол *\*рваться* ‘перемещаться с силой’, также склонный к переносному употреблению (ср. *дорваться, прорваться, вырваться, зарваться, оторваться* и т. д.).

помощи форм типа *доезжать*. По-видимому, этот запрет имеет ту же природу, что и аналогичный запрет для глаголов движения с приставками *при-* и *у-* (т. е. кроется в семантике приставки).

Если сопоставить глагол *добираться* с другими глаголами несов. вида с приставкой *до-*, то здесь может быть обнаружена некоторая аналогия. Так, в качестве ответа на вопрос *Что ты сейчас делаешь?* сомнительны фразы типа *Я сейчас доедаю суп; допиваю чай; дописываю статью*; (ср., однако, в том же контексте вполне допустимое *Я доедаю твой суп, чтобы не оставался*). Сходство с *добираться* обнаруживает также дуративное употребление и отношение к тесту на конативность: можно сказать *полчаса доедал суп, две недели дописывал статью*, но сомнительно в контексте *?но так и не доел, ?но так и не дописал*, и т. п. Нельзя сказать *\*Он сейчас дотягивает до следующей зарплаты, доживает до понедельника, досиживает до конца урока* (все эти глаголы имеют лишь итеративное значение). Эта возможность возникает за счет определенных семантических сдвигов — как в следующих примерах (из [Janda 1986: 177]: в (9) происходит сдвиг в сторону расширенного настоящего; в (10) возникает иронический эффект.

(9) Мы сейчас *доживаем* последние дни на даче.

(10) «Чудеса», — подумал пассажир, купил билет, перевел часы у себя на руке и пошел *досиживать* на облупленной скамейке неизвестно откуда взявшиеся тридцать минут.

Для такого рода употреблений характерно наличие временного детерминанта в винительном падеже (ср. *последние дни, тридцать минут*), указывающего на финальный отрезок и поддерживающего процессное значение глагола.

Наоборот, имперфективы от глаголов затрудненного перемещения с другими приставками свободно употребляются в процессном значении, ср.: *Я сейчас пробираюсь сквозь толпу, подбираюсь к окну, забираюсь на дерево*. Тем самым очевидно, что запрет на процессное значение порождается семантикой приставки.

Что касается глаголов с циркумфиксом *до-...-ся*, то те из них, которые представляют собой достигательный или иронически-результативный способ действия, обычно вообще не имеют регулярного имперфектива (ср. *достучаться, добудиться, докричаться, доиграться, добаловаться, докупаться* (до воспаления легких)) — либо этот имперфектив не имеет процессного значения (*додумываться, докуриваться*). Не подчиняются этому правилу лишь наиболее употребительные глаголы — *дозвониться* и *дождаться*: можно сказать *Я до него полчаса дозванивался, но так и не дозвонился, несколько хуже полчаса дожидался, но так и не дождался*. «Полноценное» процессное значение имеется также у таких глаголов, как *добиться* или *договориться*, где семантика способа действия ослаблена. Однако аналогии с поведением пары *добраться/добираться* мы все же не находим.

Глагол *добраться* может быть сопоставлен еще с одним глаголом, содержащим тот же циркумфикс и обладающим иной, но тоже уникальной аспектуаль-

ной семантикой — с глаголом *догадаться* (этот глагол примыкает к глаголам достигательного способа действия, будучи образован от *гадать* при помощи циркумфикса *до-...-ся*, — но не относится к этому классу). Как было показано в [Булыгина, Шмелев 1989б], *догадываться* не обозначает ни процесса, ведущего к событию *догадаться*, ни состояния, наступившего после него: эта пара вообще не имеет себе подобных с точки зрения представленного в ней семантического соотношения. В отношении недопустимости конструкции *\*догадывался, но не догадался* этот глагол, однако, сходен с *добираться*.

Еще одной особенностью глагола *добираться* (в несом. виде) является то, что он ни при каких условиях не сочетается с отрицанием: *\*Я не добирался домой / в Калугу / на дачу к Петру*. Этот запрет не преодолевается даже в контексте противопоставления (*\*Я не добирался домой — меня отвезли на машине*).

Что касается собственно значения глагола *добраться/добираться*, то вариативность здесь возникает за счет следующих параметров: имеется в виду перемещение в физическом или ином пространстве; целью перемещения является объект физической или «идеальной» природы (эти два параметра до некоторой степени независимы — например, в *добраться до начальства* целью перемещения является, в том числе, физический объект, однако перемещение происходит не в физическом пространстве); перемещается ли сам субъект (или только его руки, ср. пример (11)); находится ли в фокусе идея контакта с объектом, являющимся целью перемещения, и др. Различные комбинации значений этих параметров дают то, что можно было бы называть разными лексическими значениями этого глагола.

Тот тип употребления, который мы считаем центральным (см. примеры (1) — (6)), характеризуется следующими признаками: имеется в виду перемещение субъекта из одной точки физического пространства в другую, целью которого является нахождение в некоторой точке пространства или контакт с находящимся там физическим объектом.

Приведем примеры употреблений, где реализуются другие значения перечисленных выше параметров.

1. В фокусе находится контакт с объектом:

- (11) Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери не *доберешься*, а ласкаешь волосы дохлых баб (Л. Толстой);
- (12) Страстно хотелось все испытать, до всего *добраться*, пропустить сквозь себя пятнистую музыку, пестрые голоса, крики птиц и на минуту войти в душу прохожего, какходишь в свежую тень дерева (Набоков).

Центральное положение идеи контакта с объектом может давать такое семантическое развитие, при котором *добраться* означает ‘расправиться с кем-то’: *Ну теперь я до тебя доберусь!* Это значение может совмещаться с обычным значением перемещения, ср.:



(13) Пока бы до нас *добрались*, мы отвоевали бы год жизни, а это выигрыш (Пастернак).

2. Перемещение по воображаемому пути (не в физическом пространстве):

(14) Теперь же решился он во что бы то ни стало *добраться* до таможни, и *добрался*. За службу свою принял он с ревностью необыкновенною (Гоголь)<sup>7</sup>;

(15) Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны; однако же он прочел их всех, *добрался* даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления... (Гоголь);

(16) *добраться* до сути, до причины;

(17) Читаю том, другой, третий, — наконец *добралась* до шестого, — скучно, мочи нет (Пушкин).

Возможно также совмещение в одном слове идеи преодоления физического пространства и одновременно препятствий непространственного характера:

(16) Была, правда, мысль, связанная с Москвой: *добраться* до своей старой редакции (К. Симонов);

(17) Ну как, удалось тебе *добраться* до декана?

Здесь глагол *добраться* указывает как на собственно перемещение (в редакцию, в деканат), так и на совершение каких-то действий, не связанных с перемещением (напр., если редакция переехала, узнать, где она находится и т. п.; узнать приемные часы декана и застать его на месте, дожидаться, пока он освободится и т. п.). Ср. также пример, приводимый в [Добрушина, Пайар 2001: 153], где также совмещается перемещение в обычном физическом пространстве и в метафизическом пространстве собственных действий (ср. ниже):

(18) Во дворе он поиграл с Борькой, на улице поговорил с бабой Дуней, затем с сидевшим на завалинке дедом Шапкиным и наконец *добрался* до конторы (...). (В. Войнович).

Как справедливо отмечается в упомянутой работе [Добрушина, Пайар 2001], если цель субъекта *добраться* понимается не как местоположение, то его действия трактуются не как передвижение, а применительно к этой цели. Так, в приводимом там же примере (19) *добрался* означает просто, что *людоед* начал использовать *слуг* в качестве еды не сразу, а когда кончились *бараны, коровы и лошади*.

(19) Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом *добрался* до слуг и съел всех, одного за другим (А. Волков).

<sup>7</sup> Сочетание *добраться до таможни* может обозначать также перемещение в обычном физическом пространстве; здесь, однако, как следует из контекста, имеется в виду перемещение в «идеальном» пространстве «карьерной лестницы».

## 3. Перемещение неодушевленного объекта:

(20) Это письмо нескоро до тебя *доберется* (Пушкин);

(21) а. «Елизавета» Ш. Капура *добралась* до российских экранов («Литературная газета», № 43, 1999);

б. «Елизавета» Ш. Капура *добиралась* до наших кинотеатров почти год (там же).

## 2. Преодоление пространства

Согласно определению Малого академического словаря русского языка, *добраться* означает «с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-то места, предмета». Однако этот глагол включает еще одну идею — представляя процесс преодоления пространства не только как долгий и трудный, но еще и в какой-то степени непредсказуемый, т. е. неподконтрольный субъекту. Естественно предположить, что долгий соответствует пресловутым «русским просторам», трудный — известному качеству российских дорог, непредсказуемость же возникает как результирующая множества факторов, препятствующих успешному достижению цели путешествия, среди которых можно назвать: нерегулярность движения общественного транспорта, его поломки, отсутствие бензина на бензоколонках, отсутствие регулярного сообщения на каких-то участках дороги (когда нет другого способа *добраться*, кроме как на попутном транспорте или пешком), вообще отсутствие дороги или ее непроходимость из-за дождей или снежных заносов и, наконец, опасность «разбоя». Ср. следующие очень типичные контексты:

(22) При переезде с одного конца города в другой он всецело зависел от несчастных, шлепающих рысцой ванек, и хорошо если попадал на первый урок с опозданием в четверть часа, а на второй опаздывал вдвое, к четырехчасовому он *добирался* уже около половины шестого (Набоков)<sup>8</sup>;

(23) Летом 37-го года мы поехали в дачный поселок Свистуха по Савеловской дороге — одно из красивейших мест Подмосковья. (...) *Добирались* мы туда на открытом грузовике, я с Надей и кошкой в кабине, а мама в кузове на вещах. В дороге нас застигла гроза с проливным дождем. Немного не доехав до места, мы застряли в размокшей дороге. Пришлось маме, а уже стемнело, идти в деревню и просить мужиков о помощи. Подложили сляги и, наконец, промокшие и продрогшие, мы отыскали дачу, перебудив хозяев... (А. Баранович-Поливанова. «Оглядываясь назад»)

(24) Надо туда *добраться* и выяснить, что с домашними (Пастернак. «Доктор Живаго»).

Указанные особенности семантики глагола *добраться* проявляются в типичной сочетаемости: *удалось добраться; чудом, еле, кое-как, наконец, благополучно добрался; как-нибудь, бог даст доберется* и т. п.

<sup>8</sup> Ср. употребление в этом примере глагола *попасть*, сходного с *добраться* в отношении неконтролируемости.

Передвижение на собственном автомобиле, по-видимому, несколько снижает степень зависимости человека от обстоятельств — по крайней мере, снижается вероятность употребления глагола *добираться*; оно, однако, не вовсе исключено (ср.: *Из-за пробок я добирался на работу полтора часа*). И все же, задавая вопрос, если речь идет о передвижении на машине, мы скорее употребим глагол *доехать* (*Как туда доехать?*) — в отличие от аналогичного вопроса в общем случае.

Вообще говоря, заторы на дорогах, аварии, стихийные бедствия и другие препятствия перемещению в пространстве существуют во всем мире, но это обстоятельство обычно не включается в значение глагола. Так, например, по-французски можно сказать: *La route était tellement bouchée que nous avons mis deux heures pour arriver a l'aéroport* — букв.: Дорога была так забита, что мы *положили два часа на то, чтобы доехать* до аэропорта (ср. также по-английски: *It took two hours to get to the airport*). По-русски это выражается одним словом *добираться* (впрочем, как уже говорилось, препятствия, заключенные в значении этого и других подобных глаголов, не целиком материальной природы). Соответственно, предложения с глаголом *добираться* переводятся, скажем, на французский язык либо при помощи глагола *arriver*, и при этом идея преодоления препятствий просто теряется, либо она выражается специальными лексическими средствами, ср.:

(24) Как туда *добираться*? — Comment faire pour y arriver?

(25) Как ты вчера *добралась*? — Tu es bien rentrée hier? Tu es rentrée sans problèmes?

Итак, согласно русскому глаголу *добираться*, перемещение в пространстве — дело всегда трудное, и поэтому способ перемещения не имеет большого значения: лишь бы *как-нибудь* (согласно Далю, третья составляющая «русской души» — наряду с *авось* и *небось*). Поскольку расстояния обычно такие, что преодолеть их пешком не представляется возможным, это *как-нибудь* означает «на каком-нибудь виде транспорта» (а чаще на нескольких) — какой *попадется, случится* по пути. Для этого имеется готовое устойчивое сочетание — *добираться на перекладных* (которое изменило свое значение по сравнению XIX в.: новое значение отчасти ощущается как переносное, из-за чего это выражение может употребляться в кавычках). Ср.:

(26) Но он был еще молод и мало бит, и потому предстояло ему *добираться* до тылов на «перекладных» (В. Астафьев);

Идея непредсказуемости результата перемещения, обозначаемого глаголом *добираться*, включает этот глагол в широкий круг лексических и грамматических средств русского языка, позволяющих представить собственное действие как не полностью контролируемое (ср. [Зализняк, Левонтина 1996], а также [Wierzbicka 1992a: 413 — 430]).

В частности, *добраться* входит в группу глаголов с тем же корнем: *собраться* (что-то сделать) и *выбраться* (куда-то) или (к кому-то)<sup>9</sup>; содержательно они связаны между собой таким образом, что все три глагола описывают разные аспекты внутреннего состояния человека, находящегося перед необходимостью куда-то перемещаться: для этого надо *собраться* и *выбраться*, а потом еще и *добраться*. Все эти глаголы представляют действие по перемещению в пространстве как не полностью руководимое собственной волей субъекта, при этом *выбраться* акцентирует трудность начального этапа этого пути, *добраться* — финального (о глаголе *собираться* см. [Зализняк, Левонтина 1996]).

Все три глагола могут обозначать движение в метафизическом пространстве, отделяющем намерение от его осуществления, которое затрудняется метафизическими же причинами, ср. *Никак не доберусь* (до чего-то/кого-то) — почти такое же характерное, как *Никак не соберусь* (что-то сделать) или *Никак не выберусь*<sup>10</sup>. При этом фраза *Сегодня я, пожалуй, до тебя не доберусь* звучит несколько менее «обидно», чем *...не соберусь*, — так как в большей степени возлагает ответственность на обстоятельства, воспрепятствовавшие осуществлению уже, быть может, начавшегося действия. В русском языке есть еще выражение *Никак руки не дойдут* (что-то сделать) (объединяющее смыслы «никак не соберусь» и «никак не доберусь»), где субъект вообще устранен и отсутствие контроля над собственными действиями выражено тем самым в еще более откровенной форме.

Имеется контекст, где глагол *добраться* оказывается практически синонимичным *собраться* — когда последний выступает в конструкции с зависимым инфинитивом и опущенным кореферентным субъектом, ср. (27а) и (27б):

- (27) а. *Никак не соберусь* написать эту статью;  
 б. *Никак не доберусь* до этой статьи.

Предложение (27) семантически неопределенно — в нем может подразумеваться любое действие, нормально совершаемое с названным объектом, в данном случае — прочитать, написать, отредактировать и т. д. Если идет речь о том, чтобы, например, прочитать некоторую статью, то в значение глагола *добраться* может входить и пространственная составляющая (напр., необходимость переместиться в библиотеку), но когда речь идет о написании статьи, становится ясно, что как сам «путь», так и «препятствия» на этом пути имеют метафизическую — и одновременно метафорическую — природу: человек *как бы* перемеща-

<sup>9</sup> Заметим, что у глагола *выбраться* в данном значении модель управления не *откуда* (ср. *выбраться из канавы, из толпы*), а *куда* (*в гости, к врачу, на концерт*). У глагола *добраться*, по мере утверждения его в качестве глагола движения, также появляется, наряду с *до чего*, управление *куда* (*домой, на вокзал, в аэропорт, туда, сюда* и т. п.).

<sup>10</sup> При этом в отличие от глаголов *собираться* и *добираться*, глагол несов. вида *выбираться* (к кому-то, куда-то) не имеет процессного значения: *\*Я сегодня долго к тебе выбирался* (ср. *Я долго выбирался из канавы*).

ется в пространстве собственных жизненных действий. В частности, здесь в чистом виде выступает метафизический характер «препятствий»: характеризуя ситуацию словами *Никак не доберусь* (до такого-то дела), человек представляет ее — пользуясь средством, которое услужливо предлагает ему русский язык — как вынужденную некими внешними обстоятельствами («препятствиями на пути» к этому делу), хотя реально речь идет не о каком-то внешнем принуждении, а скорее о собственном внутреннем состоянии субъекта.

### 3. Семантическая эволюция глагола *добираться*

Как известно, в русском языке нет стилистически нейтрального глагола неспецифицированного перемещения. По-видимому, эта лакуна постепенно заполняется глаголом *добираться*, который применяется ко всем способам целенаправленного перемещения. Экспансия этого глагола в современном русском языке сопровождается ослаблением, «выветриванием» тех дополнительных смыслов, о которых шла речь выше, благодаря чему он фактически принимает на себя функцию родового термина (подобно, напр., франц. *arriver*). Об этом свидетельствуют вполне допустимые в современном языке предложения типа следующего:

(28) Я предпочитаю этот магазин, потому что туда *легче* [или даже: *легко*] *добираться*.

На основании всего сказанного может быть реконструирована структура полисемии глагола *добираться*, которая одновременно отражает логику его семантической эволюции (перераспределение коммуникативной значимости имеющих компонентов и их переосмысление).

перемещение в некоторую точку пространства для достижения контакта с объектом, сопряженное с преодолением препятствий:

⇒ 1. перемещение в некоторую точку *физического* пространства, сопряженное с преодолением препятствий [*Два часа добирался до дома*];

⇒ 1.1. перемещение в некоторую точку физического пространства [*Как добраться до Домодедова*];

⇒ 1.2. достижение контакта с объектом [*Ну, я до тебя доберусь!*];

⇒ 2. перемещение в некоторую точку *абстрактного* пространства, сопряженное с преодолением препятствий [*Добрался до шестого тома*];

⇒ 2.1. преодоление метафизических препятствий для осуществления какой-то деятельности [*Никак не доберусь до этой статьи*];

В семантической эволюции этого глагола прослеживаются две тенденции, в некотором отношении противоположных. С одной стороны, идея непредсказуемости, неполной контролируемости процесса перемещения в пространстве, становясь общим местом, перестает акцентироваться: затрудненность перемещения

воспринимается как норма, в результате чего глагол *добираться* оказывается в роли обобщающего глагола неспецифицированного перемещения.

С другой стороны, наоборот, исчезает, метафорически переосмысляясь, компонент перемещения в физическом пространстве. Это явление, т. е. перенесение из физического пространства в то или иное идеальное — социальное (*выйти в генералы*), ментальное (*ход мысли*) и др. — характерно, вообще говоря, для многих глаголов движения (см., в частности, [Арутюнова 1979], [Зализняк 1999а], [Падучева 1999], [Розина 1999]). Подобные переносные значения были у глагола *добраться* уже в XIX в. Новый шаг на этом пути состоит в том, что пространством идеального перемещения оказывается пространство собственных действий субъекта (таким образом характерный российский ландшафт со всеми его особенностями как бы переносится во внутренний мир). Как уже говорилось, это вводит глагол *добраться* в круг специфических для русского языка средств снятия ответственности за свои поступки. Аналогичный процесс, т. е. расширение, прежде всего в разговорном языке, того типа употребления, которое включает лингвоспецифический концепт, характерен и для других языковых единиц — ср. слова *вышло, получилось, сложилось* (+ инф.), *счастье, общаться* и др. Действительно, как справедливо отмечает А. Д. Шмелев [Шмелев 2001] слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, обладают особой мобильностью в отношении семантических изменений.

## ВРЕМЯ СУТОК И ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ \*

Обоим авторам статьи приходилось отмечать про себя некоторую неуместность приветствия «Доброе утро!», с которым многие западные слависты, даже хорошо знающие русский язык, обращаются к своему коллеге из России, встречая его на работе до полудня. Как мы постараемся показать, эта неуместность вызвана не просто различием в употреблении этикетных формул, но коренится непосредственно в значении слова *утро*.

Часто обращают внимание на то, что границы между временами суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, для говорящих на английском или французском языке утро (*morning, matin*) — это часть суток от полуночи до полудня (ср. англ. *one in the morning*, франц. *une heure du matin*); для носителей русского языка время, непосредственно следующее за полуночью, — это ночь, а не утро, ср. *час ночи, два часа ночи*, но не: \**час утра, \*два часа утра*. Однако такого рода поверхностными различиями специфика представлений о времени не исчерпывается. Чрезвычайно важной, на наш взгляд, является та особенность русской языковой картины мира, что в ней языковое обозначение времени суток в значительной степени определяется деятельностью, которая его наполняет. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Данные русского языка позволяют восстановить соответствующий фрагмент языковой картины мира следующим образом. День заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь — это как бы «провал», перерыв в деятельности. Ночью нормально человек спит; утро для человека наступает, когда он просыпается после ночного сна. Если же человек ночью не спал, то утро наступает, когда просыпаются окружающие люди (или природа) и вокруг возобновляется жизнь.

Представление об утре как о начале дня (а о вечере как о конце) отражено в метафорах, связанных со словами *утро* и *вечер*. Так, в стихотворении Пушкина «Телега жизни» выражение *с утра* отсылает к молодости (началу жизни), а *под вечер* — к старости (концу):

...  
С утра садимся мы в телегу;  
Мы рады голову сломать .

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Язык и время». М., 1997.

И, презирая лень и негу,  
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;  
Порастрясло нас; нам страшной  
И косогоры и овраги;  
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;  
Под вечер мы привыкли к ней  
И дремля едем до ночлега —  
А время гонит лошадей.

Впрочем, это представление не является специфичным для русского языка. Та же метафора использована, например, в знаменитой загадке, загаданной Сфинксом Эдипу: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех?».

Связь утра с идеей начала, а вечера — с идеей конца проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского языка. Мы говорим *рано утром*, *поздно вечером*, *поздно ночью*, но не говорим *\*рано днем*, *\*рано ночью*. По-видимому, дело в том, что параметры 'рано' и 'поздно' применяются к суткам в целом, а не к отрезкам, обозначаемым словами *утром*, *вечером*, *ночью*. Сами наречия *рано* и *поздно* имеют при этом особое значение: 'в начале' и 'в конце' — а не 'раньше нормы' и 'позже нормы', как при независимом употреблении (ср.: *Он рано начал говорить*, *поздно женился*, *рано умер*; *Он лег спать рано*, а *проснулся поздно* понимается как то, что он лег спать вечером раньше, чем обычно ложатся, а проснулся утром позже, чем обычно просыпаются). Итак, *рано утром* значит 'в самом начале (дня)', а *поздно вечером* и *поздно ночью* — 'в самом конце (дня или суток)'. Наоборот, сочетания *рано вечером* и *поздно утром*, использованные, например, в стихотворении Л. Мартынова «Первый снег», звучат странно и находятся на грани допустимости:

Ушел он рано вечером,  
Сказал: «Не жди. Дела...»  
<...>  
Вернулся поздно утром он  
В двенадцатом часу...

Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом же значении обладают более свободной сочетаемостью:

- (1) Я в этот день почти не обедал и с *раннего вечера* просидел у одного инженера (Достоевский. «Сон смешного человека»);
- (2) *Поздним утром*, когда... над избами столбами поднимался лиловый дым, в деревню ворвались пять троек с колокольчиками (Гладков. БАС).



Прилагательные *ранний* и *поздний* имеют те же два значения, что и наречия *рано* и *поздно*: ‘наступивший раньше/позже нормы’ и ‘начинающийся’/‘приближающийся к концу’. При этом здесь имеется определенный параллелизм в обозначении трех типов временных циклов: сутки, год и человеческая жизнь. В первом значении (‘наступивший раньше / позже нормы’) прилагательные *ранний* и *поздний* сочетаются с обозначением любого события, приуроченного, в нормативной картине мира, к определенному времени суток, времени года или возрасту. Так, *поздний ужин* означает ужин, происходящий позже некоторого нормального для ужина времени дня, *ранние холода* — холода, наступившие в этом году раньше обычного, *ранний брак* — вступление в брак раньше того возраста, когда люди обычно женятся, и т. д. Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом значении могут применяться также к временам года и к жизненным фазам, ср.: *ранняя старость* (старость, наступившая раньше положенного срока), *поздняя весна* и т. п. В сочетаниях типа *раннее прощанье* или *поздние слова* имеется в виду несоответствие некоторому предполагаемому или желаемому сроку.

В значении ‘начинающийся’/‘приближающийся к концу’ прилагательное *ранний* сочетается со словами *утро*, *весна*, *детство*, *молодость*, а *поздний* — со словами *вечер*, *ночь* и *осень* (о сочетаниях *ранний вечер* и *позднее утро* см. выше; вместо *поздняя старость* по-русски говорят *глубокая старость*, а сочетания *глубокая ночь* и *глубокая осень* существуют наряду с *поздняя ночь* и *поздняя осень*). Слова *день*, *лето* и *зрелость* не сочетаются ни с тем, ни с другим прилагательным: во всех трех временных циклах этот срединный этап концептуализируется как «плато», т. е. как нечто статическое, неизменное на всем своем протяжении, неградуируемое — в отличие от «начальных» (*утро*, *весна*, *молодость*) и «конечных» (*вечер*, *осень*, *старость*) этапов.

Характерны также сочетания *с самого утра* (ср. *с самого начала*) и *до самого вечера*, *до самой ночи* (ср. *до самого конца*); *до самого утра* значит ‘до начала следующего дня’ — поскольку, как мы постараемся показать дальше, в бытовом представлении именно утром проходит граница между сутками.

Русский язык располагает средствами для весьма детализированного обозначения первой части суток — ср. выражения *утром*, *поутру*, *с утра*, *под утро*, *к утру*, *утречком*, *с утречка* (*с утреча*), выбор между которыми производится, в частности, в зависимости от того, чем человек занимался до и чем предполагает заниматься после наступления этого времени суток.

*Утром* является наиболее общим по смыслу выражением.

- (3) Я знаю, век уж мой измерен; // Но чтоб продлилась жизнь моя, // Я *утром* должен быть уверен, // Что с вами днем увижусь я (Пушкин).
- (4) Я объяснюсь с ним завтра *утром*, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе (Булгаков).
- (5) Шел бой. Каждый день он начинался *утром* при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы «молнии» (Булгаков).

Наречие *утречком* — близкий синоним к *утром*, отличающийся от последнего стилистической окраской: употребление слова *утречком* вносит в высказывание оттенок бодрости и имеет целью передать хорошее настроение говорящего<sup>1</sup>. Ср. (6) и сомнительное (7):

(6) Я *утречком* хотел бы сбежать на речку искупаться.

(7) ??Завтра *утречком* я хотел бы подольше поспать.

Остальные выражения разбиваются на две группы. Наречия *наутро*, *поутру* (в большинстве употреблений), *с утра* и *с утречка* используются при локализации во времени ситуаций, только что возникших или возобновившихся после перерыва на ночь. Наоборот, выражения *под утро* и *к утру* допустимы лишь когда речь идет о продолжении ситуации, которая занимала непосредственно предшествующий период времени, т. е. ночь. Например: *жара спала лишь под утро* (*к утру*), но не \**с утра*; *Вечером пили вино, а с утра — коньяк* (был перерыв; скорее всего, ложились спать), но: *Вечером пили вино, а под утро — коньяк* (пили без перерыва или, во всяком случае, не ложились спать). Ср. также: *Вещи они собирали под утро* (собирали всю ночь) и *Вещи они собрали с утра* (начали и кончили собирать утром).

*С утра*<sup>2</sup> отличается от других выражений тем, что здесь наиболее отчетливо проступает семантический компонент ‘начиная день’; ср:

(8) *С утра*, свой тусклый образ брея, глазами в зеркало уставясь, я вижу скрытного еврея и откровенную усталость (Губерман);

(9) «Ты поедешь на дачу *с утра?*» — «Нет, мне надо еще сначала приготовить обед»;

(10) Я, *с утра* угадав минуту, // Когда ты ко мне войдешь, // Ощущала в руках согнутых // Слабо колющую дрожь (Ахматова);

(11) Она приходила ко мне каждый день, а ждать я ее начинал *с утра* (Булгаков);

(12) Что за дом у нас такой! И этот *с утра* пьяный (Булгаков).

Соответственно, предложение *Он пришел с утра* не может быть понято как ‘пришел домой’: если человек приходит домой утром, то этим он не начинает новый день, а заканчивает предыдущий. С другой стороны, *Он пришел на работу (в гости) с утра* означает, что он начал день с того, что пришел на работу (в гос-

<sup>1</sup> Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса по отношению к *утру* означает готовность и желание приступить к дневной деятельности, началом которой является утро; отсюда — оттенок бодрости.

<sup>2</sup> Следует отличать наречное выражение *с утра* от сочетания существительного с временным предлогом *с* (ср. *с пяти часов, с понедельника*); так, предложение *Он с утра ничего не ел* имеет два понимания: ‘ничего не ел утром’ (понимание с наречным выражением) и ‘утром поел, а с тех пор ничего не ел’ (существительное с предлогом, ср. *не видел его с октября прошлого года*). Выражение *с утра до вечера* содержит сочетание существительного с предлогом.

ти). По той же причине нельзя сказать \**Он вернулся с утра*. Наоборот, *Он ушел с утра* понимается как ‘ушел из дома’, а не ‘из гостей’.

В указанном отношении *с утра* противопоставлено выражению *под утро*, в котором заключена идея ‘заканчивая предшествующий день’. Поэтому *Иван пришел под утро* нормально понимается как сообщение о возвращении домой, причем одновременно указывается, что отсутствие Ивана дома затянулось на всю ночь. Надо сказать, что *пришел под утро* уже содержит некоторую негативную оценку, так как в нормативную картину мира входит представление о том, что ночью человек находится дома (и при этом спит). О человеке, приехавшем из командировки, — даже если это было в полшестого утра — странно было бы сказать *Он вернулся под утро*.

Как уже говорилось, в отличие от остальных выражений *под утро* и *к утру* употребляются при описании ситуации, продолжающей то, что длилось в течение ночи. Наречное выражение *к утру*, в общем, наследует значение свободного сочетания существительного с предлогом, ср. *к пяти часам*, *к 1-му сентября* и т. п.

(13) *К утру* буря утихла.

(14) ...Всю ночь, бедненькая, не спала и заснула только *к утру* (Писемский. БАС).

(15) Мы все переломали ноги, и нас разбросало по склону. У меня, кажется, сломана только нога. *К утру* сползлись к обломкам самолета восемь человек (Аксенов).

(16) Недели через две получил «Новый мир» среди дня распоряжение из ЦК: *к утру* представить ни много ни мало — 23 экземпляра повести (Солженицын).

(17) *Под утро*, когда устанут влюбленность и грусть и зависть, // и гости опохмелятся и выпьют воды со льдом (Галич).

(18) Заснул он *под утро*, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения (Горький).

(19) А у меня — слеза, // жидкая бирюза, // просыхает *под утро* (Бродский).

Между *под утро* и *к утру* имеется, кроме того, различие в фокусе внимания: употребляя выражение *под утро* говорящий рассматривает ситуацию в ее связи с предшествующим процессом, как завершающую этот процесс; у *к утру*, наоборот, в фокусе внимания находится результирующее состояние, влияющее на ход дальнейших событий. Ср. *Буря утихла только под утро* (важно, что продолжалась всю ночь), но *К утру туман рассеялся и вдали показались горы*. Именно поэтому *к утру* может локализовать состояния и те события, результатом которых является некоторое состояние (ср.: *К утру он был совершенно трезв / знал уже все подробности этого происшествия*; см. также примеры (14), (15), но не \**К утру произошло нападение*); это, однако, не может быть процесс: соответственно, предложение типа *Гости расходились к утру* имеет только узвальное прочтение. Наоборот, *под утро* может локализовать события и процессы (ср. *Гости разошлись/расходились под утро*), но не состояния (посколь-

ку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать \**Под утро он был мрачен* (надо — *стал* или *сделался*).

Наречие *наутро* отличается от других выражений тем, что содержит отсылку к некоторой ситуации, имевшей место ранее: *наутро* означает ‘утром следующего дня (после ночного перерыва)’. Употребление слова *наутро* бывает уместно, только если в поле зрения участников коммуникации находятся события предшествующего дня (например, они упоминаются в тексте). Ср.:

- (20) Как я пишу легко и мудро! // Как сочен звук у строк тугих! // Какая жалость, что *наутро* // я перечитываю их! (Губерман);
- (21) *Наутро* больному стало лучше [т. е. либо после сна, либо после перерыва в наблюдении];
- (22) А *наутро* она уж улыбалась // Перед окошком своим, как всегда (песня);
- (23) К ночи они достигли подножия западных склонов и здесь разбили лагерь; (...) *Наутро*, впервые после того, как они оставили Четвуд, они увидели тропу (Стругацкие).

По той же причине *наутро* нормально не употребляется для обозначения утра сегодняшнего дня; ср. (24) и (25):

- (24) Как-то раз мы поздно сидели и громко разговаривали, а *наутро* соседка сделала мне реприманд;
- (25) Вчера мы сидели и разговаривали, а сегодня утром (\**сегодня наутро*) соседка сделала мне реприманд.

Однако, при смене режима повествования это ограничение снимается: *Сидим мы вчера, разговариваем, а наутро встречаю я соседку* и т. д.

Слово *поутру* имеет два класса употреблений. Чаще всего оно выступает как синоним *наутро*, т. е. значит ‘утром следующего дня’. Например:

- (26) Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила. Слава богу, *поутру* явилась возможность ехать, и я оставил Тамань (Лермонтов);
- (27) А *поутру*, когда всходило солнце, // В приморском кабаке в углу матрос рыдал (песня) [имеется в виду: на следующее утро после только что описанных событий];
- (28) А *поутру* они проснулись // Вокруг примятая трава (городской романс);
- (29) А *поутру* пред эскадромом // Я снова буду трезв и прям, // Отсалютую эскадромом, // Как будто вовсе не был пьян (песня).

Однако для слова *поутру* возможно, особенно в поэтическом тексте, и более широкое значение ‘утром’; в этом значении *поутру* имеет разговорную или архаическую окраску. Ср:

- (30) А однажды *поутру* // Прискакала кенгуру (К. Чуковский);  
(31) А гадость пьют из экономии, // Хоть *поутру*, да на свои (Высоцкий);  
(32) И сам не знает *поутру*, куда поедет ввечеру (Пушкин).

В разных языках, а также в разных подсистемах внутри одного языка границы между временами суток проводятся по-разному; различным может быть также момент, который считается началом новых суток.

Так, началом новых суток может считаться:

- 1) заход солнца (библейское представление);
- 2) наступление полуночи (официально-юридическое);
- 3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое).

Официальная граница суток используется, например, при указании времени отправления поезда; при переводе на бытовой язык эта граница естественным образом сдвигается. Так, если на билете указано время отправления поезда, например, 10 августа, ноль часов тридцать минут, то 9-го числа мы говорим: «Я уезжаю сегодня в половине первого ночи», — или, если речь идет о более отдаленном будущем: «... в ночь с девятого на десятое». Официальная граница суток используется в быту только отдельными педантами, которые настаивают, что после полуночи вместо «завтра вечером» следует говорить «сегодня вечером».

Библейское представление о границе суток (сутки начинаются с захода солнца) регулирует порядок богослужений, при этом в бытовой речи оно практически не используется. Даже священник, объявляя расписание богослужений, говорит: «В субботу вечером мы будем служить воскресную всенощную». С расхождением между бытовым и библейским представлением о границе суток связано недоразумение, случившееся с сыном одного из авторов, которого звали в гости *в субботу вечером*, что, как выяснилось впоследствии, для хозяев, ортодоксальных евреев, означало временной интервал, который бытовым языком обозначается как *вечером в пятницу*.

Обозначение времени суток в русской языковой картине мира, как уже упоминалось, зависит от того, какой деятельностью оно заполнено — в отличие от западноевропейской модели, где, скорее, наоборот, характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминируется временем суток. «Jetzt wird gefrühstückt: jedes Ding hat seine Zeit»<sup>3</sup>, — говорит героиня оперы «Кавалер Роз» в ответ на порыв страсти, охвативший утром ее юного любовника.

Соответственно, в большинстве европейских стран день структурируется «обеденным перерывом», который носит универсальный характер и расположен в интервале от 12-ти до 2-х. Время суток до этого перерыва (т. е. от полуночи до полудня) называется «утро». Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего дня имеет специальное название, точного эквивалента

---

<sup>3</sup> «Сейчас мы будем завтракать (букв.: сейчас завтракается) — каждой вещи свое время».

которому в русском языке нет: фр. *après-midi*, англ. *afternoon*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*. В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня, послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*; ср.: *Ci vediamo domani nel pomeriggio* и *Давай встретимся завтра днем*, но: *Il a dormi tout l'après-midi* не равно *Он проспал весь день*. Днем по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого утра, но до наступления вечера («утро» — это время начала человеческой дневной деятельности, а «вечер» — это время, когда дневную деятельность пора заканчивать). Иногда европейскому «послеполудню» соответствует русское *вечер*, ср. объявление в поликлинике *Хирург принимает по четным числам утром, по нечетным — вечером* (при этом «утренний» прием может продолжаться с 10-ти до 2-х, а «вечерний» — с 2-х до 6-ти); на конференции *séance du matin* соответствует *утреннему заседанию*, а *séance de l'après-midi* — *вечернему заседанию*.

Ночь в русском языковом сознании — это «провал», перерыв в деятельности, время, когда люди спят (поэтому, например, выражение *провести ночь с кем-то* имеет скабрёзный оттенок: о человеке, засидевшемся в гостях до утра, не говорят, что он провел ночь с хозяевами). Если по тем или иным причинам человек не ложился спать, то в некотором смысле у него не было ночи. Ночь как бы выпадает из суточного цикла, а утро наступает непосредственно после вечера. Ср. следующие примеры:

- (33) По вечерам у нас были рабочие совещания, которые продолжались до пяти утра;
- (34) Ей никуда не хотелось уходить, хотя и было, по ее расчетам, уже поздно. Судя по всему, время подходило к шести утра (Булгаков).

Вечер — это конец дня. При этом семантика конца, заключенная в значении слова *вечер*, нетривиальным образом взаимодействует с семантикой *начала*, присутствующей в выражении *с вечера* (параллельном выражению *с утра*). *С вечера* означает ‘начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день’, ср.: *собрать вещи с вечера, приготовить обед с вечера*. Если деятельность, произведенная вечером, не имела релевантного продолжения на следующий день, выражение *с вечера* употребить нельзя, ср. \**поел с вечера, \*лег спать с вечера*. Ср., однако: *Он как залег с вечера, так и проспал весь следующий день* — выражение *с вечера* здесь возможно, потому что означает ‘вечером накануне (того дня, когда происходила основная часть процесса сна)’.

Итак, возвращаясь к началу: неуместность обращения «Доброе утро!» к коллеге на работе (каковое может быть воспринято как намек на то, что человек имеет невыспавшийся вид) вызвана тем, что утро в русском языковом сознании начинает день и дневную деятельность человека. Соответственно, приветствие «Доброе утро!» представляет собой нечто вроде поздравления с пробуждением и пожелания, чтобы то, что ждет человека после пробуждения, было приятным. С этим приветствием можно обратиться к человеку лишь сразу после

того, как он проснулся и еще ничего не успел сделать: тем самым оно уместно, вообще говоря, лишь между людьми, которые проснулись в одной квартире (доме, палатке). Если же человек находится утром на работе, это означает, как минимум, что он туда пришел (или приехал), а перед этим, по-видимому, умылся, оделся и, скорее всего, позавтракал, т. е. его дневная деятельность уже давно началась. В ситуации конференции, школы, экспедиции, дома творчества и т. д. люди, живущие в разных комнатах одной гостиницы или общежития, встречаясь утром на общем завтраке, также обычно приветствуют друг друга словами «Доброе утро!», так как завтрак представляет собой начало их дневной деятельности. Соответственно, человек может в порядке своего рода возражения или отклонения этого приветствия ответить, например, что вообще-то он с шести утра сидит работает или уже совершил двухчасовую прогулку по окрестностям.

Аналогичное приветствие в западноевропейских языках (в тех, где оно есть, т. е. например, в немецком и в английском — в отличие от французского и итальянского) не содержит указанного ограничения, связанного с началом деятельности: слова «Good morning!» или «Guten Morgen!» уместны в любой момент времени с утра до обеденного перерыва. С другой стороны, если человек по тем или иным причинам пробудился от ночного сна лишь в два часа пополудни, по-русски приветствие «Доброе утро!» по отношению к нему будет вполне уместно (хотя и звучит несколько иронично) — что вряд ли можно сказать про английский или немецкий язык.

Тем самым, если для русской модели времени суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, то для западноевропейской модели — полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв). В некоторых языках с полуднем связано обозначение не только послеобеденного, но также и утреннего времени, напр.: в немецком наряду с *Morgen* существует *Vormittag* (по аналогии с *Nachmittag*).

Своеобразная комбинация двух упомянутых моделей времени суток отражена в пьесе Б. Шоу «Другой остров Джона Буля». Персонаж, выдающий себя за ирландца, приветствует англичанина словами «Доброе утро!» — хотя дело происходит после полудня — и в ответ на недоумение англичанина говорит, что для него утро продолжается, пока человек не пообедал, букв. «ничего не ел после завтрака». Как мы видим, этот подход сходен с русским тем, что выбор обозначения времени суток определяется не столько астрономическим временем, сколько деятельностью человека, а с западноевропейским — тем, что в основу кладется не время пробуждения, а время принятия пищи.

Анализ предложенного языкового материала, как кажется, подтверждает расхожее представление о том, что русские в целом более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы: сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а релятивизованы относительно человеческой деятельности, в них заключенной.

А. Д. Шмелев

## В ПОИСКАХ МИРА И ЛАДА \*

Ждановские либреттисты  
Писали на сотни лет.  
Не думали, что так быстро  
Кончится их балет.  
Что сталинская кувалда  
Начнет понемногу трещать.  
Пока не до мира да лада,  
А все таки легче дышать.

Март 1989  
Дмитрий Шмелев.  
*Стихотворения*

### 1. Вступительные замечания

Общепризнанным является представление, в соответствии с которым порядок, *Ordnung*, не входит в число базовых ценностей русской культуры. Мотив *Страна наша богата // Порядка только нет* — одна из постоянных составляющих самовосприятия русских<sup>1</sup>. Действительно, русские представления о мире предполагают скорее влечение к *простору*, к *размаху*, к тому, чтобы *разгуляться*, даже к некоторой бесшабашности<sup>2</sup>. Но при этом нельзя упускать из виду, что и для русской языковой картины мира определенную ценность представляет обу-

---

\* Опубликовано в сборнике: Логический анализ языка: Космос и хаос. М., 2003.

<sup>1</sup> Иногда даже приводятся лингвистические аргументы в пользу представления о чуждости *порядка* русским традициям. Ср. совсем недавний пример — из статьи С. Новопрудского в газете «Известия» от 2001, 16 мая: «Порядок у нас именно что наводят, а не устанавливают законодательно. Хотя наводить — русский язык не даст соврать — можно только ужас или порчу».

<sup>2</sup> Эти же мотивы: обширные пространства и отсутствие порядка — характерны и для представлений иностранцев о России; так, газета «International Herald Tribune» от 1 июня 2001 г. в редакционной статье осуществляет референцию к России посредством дескрипции *this vast and chaotic country*. *Habent sua fata libelli*.



*строенность* и гармония, и это стремление к обустроенности и гармонии находит отражение в поисках *мира и лада*<sup>3</sup>.

Само по себе сочетание *мир и лад* является устойчивым и при этом лингвоспецифичным и трудно переводимым. При этом не вполне ясно, что общего в семантике слов *мир и лад* и что же их все-таки различает, почему в выражении *мир и лад* необходимы оба слова, чем *мир и лад* отличается от просто *мира* и просто *лада*<sup>4</sup>.

Для того чтобы выявить особенности отраженного в этом выражении миропонимания, полезно обратиться к другой паре слов, *мир* и *воля*, объединение которых в одно сочетание восходит к архаичным представлениям о мире.

### 1.1. *Мир vs. воля*

Специфическое русское понятие *воли* берет свое начало в архаическом противопоставлении *мира* как «своего», обжитого, устроенного пространства и *воли* как пространства «чужого», неустроенного (ср. сопоставление *мира* и *воли* в историческом аспекте в [Топоров 1989а]).

В современном русском языке звуковому комплексу *мир* соответствует целый ряд значений ('отсутствие войны', 'вселенная', 'сельская община' и т. д.). Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать

<sup>3</sup> Да и сам *порядок* не относится к числу безусловно чуждых ценностей; не случайно именно к этому слову восходит лингвоспецифичное прилагательное *порядочный*, которое в применении к человеку обозначает положительно оцениваемое качество.

<sup>4</sup> Можно, кстати, заметить, что слово *лад* в современном русском языке почти не употребляется, так что название книги В. Белова «Лад», повествующей о гармоничной жизни традиционной крестьянской общины, воспринимается как явная стилизация. Из выражений, используемых в современном языке, можно указать на устойчивое сочетание *не в ладу* или *не в ладах* (*с кем-либо* или *чем-либо*; ср. без отрицания в «Матренином дворе»: *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей*), выражение *дело идет* (или *пошло*) *на лад*, клишированные формулы *не в склад*, *не в лад* и *ни складу, ни ладу*, а также на ряд выражений (*на новый лад*, *на все лады*, *на разные лады*), которые, очевидно, восходят к певческой метафоре (ср. оценку, данную пению Шаляпина героиней «Матрениного двора»: *Не так. Ладу не нашего. И голосом балует*). В то же время *лад* — одно из самых любимых слов для авторов, эстетизирующих древнерусские представления о мире; ср. характерные утверждения из брошюры Валерия Демина «Тайны русского народа»: «*Лад — исконно русский Космос. (...) русский космос в древности (...) мыслился как единство порядка и любви. Но “лад” в понимании наших предков означал также и “красоту” (...). Все эти смыслы неизбежно впитывало в себя и понятие русского Космоса-Лада, которое распространялось на всю жизнь. Василий Белов совершенно справедливо и исключительно точно — в духе традиционного русского мирозерцания — назвал свою известную книгу очерков народной эстетики и исконных обычаев — “Лад”*».

как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как ‘гармония; обустройство; порядок’ (ср. объединение значений ‘мирная жизнь’ и ‘вселенная’ в ряде германских языков [Топорова 1994: 105])<sup>5</sup>. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу, *космос*. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована, и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю»<sup>6</sup>.

Можно полагать, что в архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* — непредсказуемым отклонениям от нормы. Этому противопоставлению в современной русской языковой картине мира отчасти соответствуют ассоциативные ряды, связанные с каждым из названных двух слов. Для *мира* это такие слова, как *лад, покой, уют, «обустройство»*, тогда как с *волей* ассоциируется скорее *простор* и *раздолье*, которые побуждают человека проявлять *удаль* и могут повести к *разгулу*.

Существенно также, что *мир* часто ассоциируется с *домом*, где все *устроено*. Это касается и *мира* как вселенной (характерно само слово *мироздание*), и *мира* как метафорического обозначения общественного *строя* (ср. выражение *строить новый мир*). Так понимаемому *миру* противостоит открытое пространство вне дома, т. е. опять-таки *простор* и *воля*.

Нам уже приходилось писать [Шмелев 2000а; Левонтина, Шмелев 2000а] о стремлении вырваться на *волю*, на *простор*, где есть где *разгуляться*, отражаемом во многих русских текстах. В статье [Левонтина, Шмелев 2000а] отмечалось также, что, наряду с тягой к большому открытому пространству, к *простору*, в русской культуре представлена также, хотя и менее ярко выражена, любовь

<sup>5</sup> Ср. также наблюдение Ю. С. Степанова: «...соединение двух рядов представлений — “Вселенная, внешний мир” и “Согласие между людьми, мирная жизнь” — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре... ‘Мир’ в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства, ...где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов 1997: 95]. Отчасти представление о связи значений ‘покоя’ и ‘порядка’ сохраняется и в наше время — ср. в этой связи интересное замечание, сделанное устно А. Жолковским по поводу «Иностранцев» Зошенко: «Для Зошенко высшая ценность — покой и порядок. По существу это две ипостаси одного и того же: покой — в субъективном аспекте, порядок — в объективном».

<sup>6</sup> В современном языке связь *мира* именно со *своим* пространством утрачена — скорее, мы можем говорить о своем, знакомом и чужом, незнакомом *мире*.

к небольшим закрытым пространствам, к *уюту*. Отгораживаясь от «холодного ветра простора», человек надеется обрести душевный мир и покой. В то же время романтическая линия русской культуры обычно осуждает стремление к уюту как проявление мещанства.

Иными словами, для русского языкового сознания ценность представляют как явления, ассоциируемые с *миром*, так и явления, ассоциируемые с *волей*. Более того, в современной языковой картине мира эти ряды причудливым и подчас парадоксальным образом переплетены, так что общая картина противопоставления двух рядов: *мира* и *воли* — оказывается смазанной (так, иногда для обретения *покоя* человеку бывают необходимы *простор* и *воля*).

## 1.2. Парадоксы покоя и простора

Некоторая смазанность противопоставления рассматриваемых двух рядов (*мира* и *воли*) в современном языковом сознании отчасти вызвана тем, что в современном русском языке этимологически единому звуковому комплексу *мир* соответствуют два омонима, каждый из которых в свою очередь многозначен (как известно, эти два омонима даже различались на письме в дореволюционной русской орфографии). И если *мир* как отсутствие войны, вражды, беспокойства (*миръ*) целиком остается в сфере *лада* и гармонии, то *мир* как Вселенная (*миръ*) или общественное устройство вовсе не обязательно связан с *покоем*. Более того, когда мы говорим о мироздании в целом, то скорее напрашивается ассоциация с *простором*. Так, напр., говорят о *бескрайних просторах Вселенной*. И этот большой *мир*, как и все, что связано с *простором*, может казаться неудобным. Тем самым разрывается связь *мира* и *юта*<sup>7</sup>. Человек выходит на *простор* и попадает в огромный *мир*, где его могут подстергать различные опасности. Человек стремится спрятаться, укрыться от них, найти уютный уголок, где ему было бы спокойно и ничего не грозило. Ср.:

---

<sup>7</sup> Обратим внимание на то, что разрывается и связь *мира* с *домом*, так что мир и дом оказываются противопоставленными. Приведем характерное журналистское рассуждение: «Но при этом вот он, второй трагический парадокс нашей истории — мы выходили из “дома” в “мир”, требовали от “мира” участия в своей судьбе. (...) Смысл той, действительно принципиально новой для России истории, которую мы переживаем сейчас и будем переживать еще долго, — возвращение из “мира” в “дом”. (...) Квартирный вопрос еще никого не портил — портила уверенность в том, что “наша крыша небо голубое, наше счастье жить такой судьбою”. (...) От ветров истории можно защититься хотя бы на время только в крепком, на славу построенном доме. (...) В нашем доме еще не скоро будет тепло, светло и уютно. Но все это будет, если мы захотим. Мы предоставлены самим себе, мы уже можем хотеть. Это и есть свобода, другой не бывает. Мы гости в этом мире, но хозяева в доме — в том, который есть и который будет» (Семен Новопрудский в газете «Известия» от 30 мая 2001 г.).

Знаете, вечерами, безо всякой грозы, иногда наплывают такие серо-чёрные толстые низкие тучи, прежде времени мрачнеет, темнеет, весь мир становится неуютным и хочется только спрятаться под крышу, поближе к огню и к родным (Солженицын. «Раковый корпус»).

В статье «Родные просторы» [Левонтина, Шмелев 2000а] мы отмечали ряд характеристик, которые предъявляются к помещению, чтобы его можно было считать уютным. Помещение должно быть теплым, небольшим по размерам, отгороженным от остального мира. *Просторную* или *прохладную* комнату вполне можно назвать *комфортабельной*, но не уютной. Хорошо, чтобы в комнате топилась печь или горел камин, — ср. характерное выражение *у домашнего очага*, сразу создающее ощущение *юта*. Полевые исследования, проведенные мною совместно с И. Б. Левонтиной в г. Иркутске в конце марта 2000 г., позволили выявить еще некоторые требования к уютному помещению. Там должно быть неяркое освещение (ни ярко освещенная, ни находящаяся в полной тьме комната не могут быть названы уютными), хорошо, если играет негромкая музыка (чрезмерно громкая музыка абсолютно несовместима с уютом).

Приведенный отрывок из «Ракового корпуса» иллюстрирует некоторые из названных характеристик *юта*: отгороженность (*спрятаться под крышу*), тепло и домашний очаг (*поближе к огню*). Кроме того, в нем отражено еще одно важное свойство *юта* — его связь с представлением о чем-то *родном*. В статье «Родные просторы» мы обращали внимание на то, что концепт *простора* в русской языковой картине мира естественным образом монтируется с лингвоспецифичным концептом *родного*, что находит отражение в сочетаемости соответствующих слов. Но оказывается, что с понятием *родного* связаны не только *просторы*, но и *уют*. Так, часто уютным кажется *родной уголок*, где человека окружают *родные* (отсюда стремление *быть поближе к огню и к родным*).

Итак, мы видим, что в русской языковой картине мира противопоставляются большой неуютный *мир* и маленький уютный *мирок*. Именно последний ассоциируется с *покоем*, тогда как «большой» *мир* скорее может оказаться источником душевного беспокойства<sup>8</sup>.

Но в русской культуре издавна укоренена и ассоциация *покоя* не с *миром и ладом* и не с *уютом*, а с *простором* и *волей*. Часто бывает так, что человек убегает из беспокойного, суматошного и неуютного мира *на волю* или *на простор* и

<sup>8</sup> Это различие ассоциативных полей *простора*, связываемого с беззащитностью перед лицом различных опасностей, и *юта*, дающего чувство защищенности, хорошо описано в эпизоде из повести В. Белоусовой «Тайная недоброжелательность», в котором описывается семинар по Пушкину в американском университете: «Девочка сравнивала стихотворения “Бесы” и “Зимний вечер”. Сперва речь шла о сходстве — там зима и тут зима, там буря и тут буря. Потом пошли различия: там замкнутое пространство, здесь открытое; там защищенность и даже уют, здесь — беззащитность и опасность; там — реальность, здесь — мистика и так далее и тому подобное».

там обретает желанный *покой*. Собственно об этом и говорят знаменитые пушкинские строки:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.  
 Давно завидная мечтается мне доля —  
 Давно, усталый раб, замыслил я побег  
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

*Простор* тогда никак не мешает *покою*; наоборот, он служит своего рода гарантией, что *покой* не будет нарушен неожиданным вмешательством со стороны. Как известно, особенности характера Обломова были во многом обусловлены тем, что он «получил воспитание и приобретал манеры не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на **покое, просторе и вольном воздухе**» [Левонтина, Шмелев 2000а].

Поэтому по-русски вполне естественно звучит некрасовская формула *покой и простор*<sup>9</sup>, в настоящее время активно используемая при рекламировании дальних курортов, на которых человек может отвлечься от повседневных трудов и отдохнуть на *просторе*. Приведем лишь несколько примеров:

- (1) Если Вы всерьез устали от общества себе подобных, то (...) уединение и кристально-прозрачный океан, ненавязчивый (в смысле, неприлично качественный) пятизвездный сервис Вас и Ваших друзей ждет на Тиомане (тоже островной курорт). // (...) **Покой, простор**, гольф, водные развлечения;
- (2) Сельская идиллия, **покой и простор** в обрамлении тихоокеанской волны и коралловых рифов, так же как и столица, создают особый настрой для влюбленных;
- (3) Лапландия — это самая северная часть Финляндии, где на бескрайних **просторах** царит тишина и **покой** заснеженных лесов, замерзших рек и озер. Снег здесь просто волшебный — белый-белый и удивительно пушистый, а воздух кристально чист;
- (4) Только на рыбалке можно ощутить настоящий **простор и покой**. (...) К вашим услугам морская, речная, озерная рыбалка. Отличный рыболовный сервис: гиды, готовые пакеты рыболовных услуг, замечательные дачные домики рядом с богатыми рыбой водоемами;
- (5) Чистые водоемы и чистая рыба
  - разнообразные возможности для рыбной ловли: морская, речная и озерная рыбалка;
  - рыбную ловлю во время отпуска легко сочетать с приятным семейным отдыхом в дачном домике;

<sup>9</sup> Ср. также использование аналогичной формулы при выражении сходного мотива в сонете К. Бальмонта «Предвещание»: *Судьба зовет, покой пустынь велик, // И стих в душе звучит ключом гремучим. // Туда, туда! За грани вечных гор! // Вершины спят. Лазурь, покой, простор.*

- хороший рыболовный сервис: обилие гидов, готовые пакеты рыболовных услуг, множество мест рыбной ловли;
- **простор** и природный **покой**.

Такой *простор* вовсе не противоречит *уюту*: вдали от городской суеты можно наслаждаться *простором* и жить в *уютных* помещениях. Ср., напр., следующее характерное рекламное объявление:

«Эдем» зимой — тишина, **покой** и необъятные **просторы** для катания на лыжах. И всегда чистая природа, вкусная рыба, **уютные** помещения для проживания и очень внимательное обслуживание, потому что мы работаем для Вас и ради Вас.

Таким образом, в современной русской языковой картине мира стремление к душевному *миру* вовсе не противоречит желанию наслаждаться *просторами*. Мы видим, что ассоциативные связи рассматриваемых слов оказываются причудливым образом переплетены, мир, космос сливается с хаосом, и даже такие сочетания, как, скажем, *гармоничный хаос* уже не воспринимаются как оксюморонные. Приведем в этой связи отрывок из статьи Григория Ревзина в газете «Коммерсантъ» от 25 мая 2001 г.:

Мысль о том, что русское крестьянство проживает в космосе, ясно прочитывается из крестьянского цикла Малевича... (...) Никонов открыл не сам факт этого бытового космизма, а нечто совсем иное. Гармонию этого мира. (...) Уму трудно понять, как можно обнаружить гармонию (...) в космическом вихре... (...) Никонов выработал некий ордер хаоса... (...) Хаос бывает пугающим, грандиозным, слепящим — у Никонова гармоничный хаос.

## 2. Эпидигматика *мира* и *лада*

Установление ассоциативных связей рассматриваемых слов требует и анализа их «ассоциативно-деривационных», или «эпидигматических»<sup>10</sup>, отношений. Рассмотрим фрагменты словообразовательных гнезд с вершинами *мир*, *лад* и *строй*.

### 2.1. Примирение

Уже приходилось отмечать, что для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на «примирение с действительностью» [Шмелев 1997в: 506]<sup>11</sup>. Но характерно и то, что ключевое слово, служащее для обозначения этой установки, *примирение*, так же, как и глагол *примириться*, входит в словообразовательное гнездо с вершиной *мир*. С точки зрения установки на «при-

<sup>10</sup> Термин Д. Н. Шмелева [Шмелев 1971].

<sup>11</sup> Иногда эта установка даже характеризуется как «беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира» (Солженицын. «Россия в обвале»).

мирение с действительностью», достижение внутреннего мира (*умиротворенного* состояния духа) возможно лишь при условии *примирения* с внешним, окружающим миром, т. е. отказа от вражды с другими людьми и принятия всего, что вокруг происходит. При этом носитель такой установки сам для себя находит аргументы, почему «примирение с действительностью» возможно, разумно и необходимо.

Остальные обязанности лечащего врача требовали только методичности: вовремя назначать анализы, проверять их и делать записи в тридцати историях болезни. Никакой врач не любит исписывать разграфлённые бланки, но Вера Корнильевна *примирялась* с ними за то, что эти три месяца у неё были свои больные — не бледное сплетение светов и теней на экране, а свои живые постоянные люди, которые верили ей, ждали её голоса и взгляда (Солженицын. «Раковый корпус»).

Ср. также высказывания Солженицына о Пушкине (из эссе «Колеблет твой треножник»), показывающие, что «примирение с действительностью» в самом деле может рассматриваться в русской языковой картине мира как идеал:

- Вера его высится в необходимом, и объясняющем, единстве с общим **примирённым** мироощущением;
- отошел к смерти **примирённо**, спокойно, с возвышением мысли;
- гармоничная цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, живо ощущаемые толщи мирового трагизма — всплытие в слой покоя, **примирённости** и света;
- Горе и горечь осветляются высшим пониманием, печаль смягчена **примирением**.

Наличие в системе представлений о мире установки на «примирение с действительностью» привело к интересному переосмыслению слов *смириться* и *смирение* в русле «народной этимологии». Эти слова, соотносимые с одной из важнейших христианских добродетелей, предполагающей отсутствие гордости и *умерение* каких бы то ни было претензий, этимологически восходят к корню *мер*. Однако под влиянием созвучия со словами *примириться* и *примирение* и общей установки на «примирение с действительностью» они стали ассоциироваться с принятием окружающего мира таким, каков он есть, и эти новые обертоны в понимании *смирения* были усвоены даже русской церковной мыслью (ряд примеров такого усвоения приводятся в статье [Шмелев 2000б])<sup>12</sup>.

В результате такого переосмысления глагол *смириться* приобрел, наряду с исходным абсолютным употреблением, не предполагающим сильно управляемого актанта, иную модель управления (*смириться с* <чем-либо>), аналогичную модели управления глагола *примириться*. Ср.:

<sup>12</sup> При этом все же в «Словобразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов 1985], вообще ориентированном не на этимологическую истину, а на восприятие словообразовательных связей, глагол *смирить(ся)* и его производные, в отличие от глагола *примирить(ся)*, не включены в гнездо с вершиною *мир*.

И с умилением Олег почувствовал, что он вполне доволен своей долей, что он вполне **смирён со ссылкой**, и только здоровья одного он просит у неба, и не просит больших чудес (Солженицын. «Раковый корпус»).

Ср. также конструкцию *смириться, что...*:

Как это удивительно, что русский, какими-то лентами душевными припеленатый к русским перелескам и полям, к тихой замкнутости среднерусской природы, а сюда присланный помимо воли и навсегда,— вот он уже привязался к этой бедной открытости, то слишком жаркой, то слишком продуваемой, где тихий пасмурный день ощущается как отдых, а дождь — как праздник, и вполне уже, кажется, **смирился, что будет жить здесь до смерти** (Солженицын. «Раковый корпус»).

Установка на такое *смирение*, предполагающее, в числе прочего, *примирение* со своим положением, может вести к бездеятельности и нежеланию что-либо предпринимать. Не случайно она вызывает отталкивание у людей активных и деятельных. Таков Вадим Зацырко из «Ракового корпуса»:

Вадим (...) раздражался от этих разжигающих басенок о **смирении**. Такая водянистая блеклая правденка противоречила всему молодому напору, всему сжигающему нетерпению, которое был Вадим, всей его потребности разжаться, как выстрел, разжаться и отдать.

Но не только Вадим, на формирование взглядов которого решающую роль оказало советское воспитание, но и герои, вызывающие явную симпатию автора, считают, что *смирение* противоречит *делу*.<sup>13</sup> Так, мальчик Дема не видит в *смирении* ничего «дельного»:

Дема ходил, прихрамывая, и всюду искал именно тётю Стёфу, которая и посоветовать-то ему ничего **дельно** не могла, кроме как **смириться**.

Олег Костоглотов также очевидным образом противопоставляет *смирение* и *дельность*. Так, он размышляет по поводу разъяснений, которые ему дал Лев Леонидович, «хирург с волосатыми руками»:

Или просто, верный своему врачебному сословию, этот **дельный** человек тоже лишь склоняет больного к **смирению**?

<sup>13</sup> Надобно заметить, что в «Раковом корпусе» *смирение* и вообще «примирение с действительностью» в целом оценивается невысоко, оно примыкает к конформизму и противопоставляется борьбе за правду. Так, перед Елизаветой Анатольевной, у которой растёт сын, встает вопрос, *скрывать правду, примирять его с жизнью или нагружать правдой*. Характерно также, что отрицательный Русанов именно апелляцию к *смирению* демагогически использует как аргумент против хрущевской оттепели и начинающегося освобождения миллионов заключённых: *Какое это безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?..*



Итак, в отношении повседневного языка в целом справедливым представляется мнение А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992a: 194], полагающей, что, в отличие от западного христианского идеала *humility*, вполне допускающего активную борьбу за лучшее устройство жизни, «русский идеал *смирения*» предполагает покорность обстоятельствам<sup>14</sup>. В то же время при употреблении слова *смирение* в религиозном контексте речь, как правило, идет именно об отсутствии гордости, а идея «примирения с действительностью» может уходить на задний план или вообще оказываться нерелевантной. Характерно, что некоторые носители русского языка считают спецификой именно русских представлений о *смирении*, непонятных западным людям, возможность совмещения *смирения* и активной творческой деятельности:

Тем более непонятны и загадочны для современного западного человека такие понятия, как «умиление» и «дерзновение». (...) Как объясняется дерзновение? Как смелость, основанная на смирении. Но для Запада смелость — антитеза смирению (Татьяна Горичева).

Эпидигматические связи с *миром* привели также к развитию представлений о *смирении* как об особом типе поведения — *мирного*, не буйного. Ср. такие выражения как *присмиреть*, *усмирить*, *смирительная рубашка*, народное *смирёный* (в литературном языке *смирный*). Ср.:

Он охотно приказал бы им замолчать, и особенно этому надоедному буроволосому с бинтовым охватом по шее и защемяленной головой — его просто Ефремом все звали, хотя был он не молод. // Но Ефрем никак не **усмирялся**, не ложился и из палаты никуда не уходил, а беспокойно похаживал средним проходом вдоль комнаты (Солженицын. «Раковый корпус»).

Но существенно, что все разнообразные представления о *смирении* (как о христианском отсутствии гордости, как о *примирении* с окружающей действительностью, как о *смирном* поведении) могут сливаться в единый нерасчлененный идеал. Так, Солженицын в числе черт «русского характера» выделил

— доверчивое **смирение** с судьбой

и дал по этому поводу следующий комментарий:

любимые русские святые — **смирённо-кроткие** молитвенники (не спутаем **смирение** по убежденью — и **безволие**); русские всегда одобряли **смирных, смиренных, юродивых** («Россия в обвале»).

<sup>14</sup> Поэтому он может вызывать отторжение у людей с активной жизненной позицией; ср. характерный призыв Солженицына: «...не будем смиряться с упокойными песнями, что-де, значит, миновал период нашей “пассионарности” и от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то Чудо и “само собой” нас спасёт. Все мы — и есть Россия. Мы её — такую сделали, нам её — и вытягивать» («Россия в обвале»).

## 2.2. Лад и строй

### 2.2.1. Лад

В книге Вас. Белова «Лад» описана органичная простая жизнь старой русской деревни, имплицитно противопоставляемая вычурной, искусственной, механистичной жизни современного города. Но парадоксальным образом эпидигматические связи слова *лад* указывают на несколько иной круг ассоциаций — *слаженную* работу различных частей единого механизма. Отсюда такие характерные глаголы, как *наладить*, *отладить*, *приладить*, название профессии *наладчик*, такие сложные слова, как *пусконаладочный*. Если какой-то механизм плохо работает (возникают *неполадки*), то, скорее всего, что-то в нем *разладилось*.

Иными словами, производные слова, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной *лад*, скорее указывают не на природную, органическую жизнь, а на работу рук человеческих. Ср., может быть, несколько стилизованное, но в целом вполне отвечающее языковым нормам употребление глагола *ладить* у Солженицына:

Он свою работу выполнял без рывков, с долгами всеми был разочтён, и сейчас мирно *ладил* портсигар из прозрачной красной пластмассы, предназначенный на завтрашнее утро в подарок («В круге первом»).

Вообще многие из этих слов используются, когда речь идет о работе, которая может *ладиться* или не *ладиться* (бывает, что-то с самого начала *не заладится*), а также о делах, которые бывает необходимо *уладить*, после чего они *пойдут на лад*. И употребление слов данного гнезда, когда речь идет об отношениях между людьми (которые могут *ладить* или не *ладить* между собою), часто воспринимается как метафорическое развитие именно этой идеи (напр., когда говорят о *слаженной* работе коллектива — ср. пример из «Ракового корпуса»: *Слаженно, в тех же дружеских отношениях, они работали дальше*).

Общая идея слов, принадлежащих словообразовательному гнезду с вершиной *лад*, состоит в том, что различные элементы некоторого целого не противодействуют и не мешают друг другу, а действуют согласованно, подобно частям единого механизма. Согласованность действий и создает ощущение гармонии — будь то музыкальная гармония, гармоничное телосложение (*ладный молодец*), гармония в отношениях между людьми, бесперебойная работа сложного механизма и т. п.

### 2.2.2. Строй

Выше уже говорилось, что для русской языковой картины мира характерно представление о *мире* как о здании, и это понимание поддерживается использо-

ванием по отношению к *миру* слов с корнем *строй*, вызывающих представление о *строительстве*. Но ведь сама идея, обозначаемая глаголом *строить*, возникает из идеи возведения чего-то упорядоченного. Так, скажем, в слове *перестройка* на первом плане представление об обществе как о доме, о здании, которое можно *перестроить*, т. е. изменить планировку здания, что-то разрушить и возвести заново и т. п.

*Строй*, в первую очередь, вызывает представления о чем-то *стройном* и упорядоченном, идет ли речь о *строении*, *обустройстве*, *строе* солдат, музыкальном *строе* или *строе* души. А в некоторых словах с корнем *строй* сплетаются представления сразу о нескольких видах упорядоченности. Общая идея слов, входящих в соответствующее словообразовательное гнездо, заключается во внесении порядка в нечто изначально неупорядоченное, создании порядка из хаоса. Солдаты могут стоять неорганизованной толпой, а могут построиться в каре. Чтобы построить здание, необходимо в соответствии с предварительным планом создать упорядоченную конструкцию из строительного материала, лежащего в относительно произвольном порядке: кирпичей, бревен, камней и т. п. *Строить* планы — значит заменять смутные и беспорядочные представления о будущем четкой программой действий.

Идея упорядочивания возникает и при обозначении душевного *мира* человека. Не случайно и здесь часто используются слова с корнем *строй* — *настроение*, *расстройство*. Когда должный порядок в душе утрачен, человек испытывает неприятные эмоции, бывает *расстроен*. Положительные эмоции обозначаются словосочетанием *хорошее настроение*, предполагающем упорядоченность в желательном направлении.

### 3. Мир и воля в советскую эпоху

В начале данной статьи упоминалось архаичное противопоставление *мира* и *воли*, задавшее многие параметры восприятия «космоса» и «хаоса» в русской языковой картине мира. Поучительно проследить за судьбой слов (и концептов) *мир* и *воля* в советское время, внесшее существенные модификации в соответствующий фрагмент русской языковой картины мира.

#### 3.1. Мир в советском идеологическом языке

##### 3.1.1. Миролюбие vs. примиренчество

Следует заметить, что идеал «примирения с действительностью» был абсолютно чужд советской идеологии; как следствие, советский идеологический язык имел определенные особенности в отношении использования соответствующих слов. Разумеется, *смирение* вообще в нем отсутствовало; А. Вежицка заметила, что сочетание *смиранный коммунист* воспринимается как аномальное [Wierz-

bicka 1992a: 194]. Если слово *смирение* и могло появиться в советском идеологическом дискурсе, то только в качестве цитации (напр., *поповские сказочки о смирении*). Но любопытно, что и *примирение* не приветствовалось, и если слово *мир* и некоторые его производные могли употребляться с положительной оценкой (напр., *борьба за мир*, *мирное сосуществование*), то слово *примирение* практически вообще не употреблялось, а его аналогом в советском идеологическом языке было слово *примиренчество*, носящее яркую отрицательную окраску (ср. также отрицательно окрашенные слова *соглашатель* и *соглашательство*). Напротив того, положительно окрашенным было слово *непримиримость*<sup>15</sup>. С точки зрения советской идеологии человек должен быть *бескомпромиссным* и не должен *мири́ться* ни с врагами, ни с недостатками<sup>16</sup>.

В результате, в советском политическом языке отчетливо различались и даже противопоставлялись *миролюбивая политика (советского правительства)* и *борьба за мир*, с одной стороны, и *примиренчество (или умиротворение)* — с другой.

Такое отрицательное отношение к *примирению* было пересмотрено в постсоветскую эпоху, когда в реестр государственных праздников был даже внесен «день национального согласия и примирения». Ср., впрочем, саркастический комментарий Солженицына:

И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевицкого переворота. В юбилейном обращении Президента *даже не были вспомнены* тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛага, — но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку» («Россия в обвале»).

<sup>15</sup> Слово *непримиримость* может использоваться с положительной окраской и вне советского идеологического языка, ср.: *С чеченами я был в казахстанской ссылке в 50х годах. Там хорошо узнал и их непреклонный, горячий характер, их непримиримость к гнёту и высокую боевую искусство и самостоятельность* (Солженицын. Россия в обвале). Но тогда положительная окраска у него контекстно обусловлена, и с тем же успехом может появляться и отрицательная, как, напр., у Солженицына, когда он говорит о *стандартной дореволюционной «освобожденческой» непримиримости* («Колеблет твой треножник»).

<sup>16</sup> Различие между русскими и англосаксонскими ценностными установками в отношении *компромиссов* отмечается многими наблюдателями. Характерен следующий комментарий Вячеслава Глазычева («Русский журнал» от 14 сентября 1998 г.), обратившего внимание на отсутствие в русском языке глагола *\*компромиссовать*, который мог бы переводить английский глагол *to compromise*, и указавшего в связи с этим, что у русских *компромисс* «отнодь не входит в стандартный свод национальных доблестей»: *Поздняя конструкция «идти на компромисс» самой своей природой выражает некий трагизм — на компромисс идут как на плаху. Большевицкая специфическая эпоха, как известно, отнесла компромисс к числу смертных грехов, и уже советская эпоха отпечатала и гнев и презрение к всякого рода соглашению в сугубо позитивной трактовке прилагательного бескомпромиссный* (ср. также [Купина 1995: 35—36]).

## 3.1.2. Построение нового мира

В советском идеологическом языке определенной спецификой характеризовалось также и употребление слова *мир* в значении 'вселенная или общественный строй'. Речь идет о том, что в рамках советских дихотомий четко противопоставлялись *старый мир*, разрушенный большевиками (в России) или подлежащий разрушению (на Западе)<sup>17</sup>, и *новый мир*, который уже построен в СССР и будет построен во всем *мире*. Характерно связанное с этим изречение: *Два мира — две системы*.

Само противопоставление велось по двум осям: пространственной (у *них* — у *нас*) и временной (*раньше* — *теперь*)<sup>18</sup>. Поэтому *новый мир* противостоял как *старому миру*, так и *капиталистическому миру*.

С одной стороны, строящийся *новый мир* («свой») противопоставит пережиткам *старого мира*, мелкобуржуазному миру, который проявляется стихийно, вопреки руководящим партийным указаниям и тем самым оказывается носителем хаоса. Недопустимость каких бы то ни было уступок этому хаосу остро ощущает номенклатурный работник Русанов из «Ракового корпуса»:

Уступка здесь была принципиальная, недопустимая уступка всему *миру* стихийного и мелкобуржуазного. Павел Николаевич волновался всякий раз, когда заходило об этом...

При этом указанное противопоставление касалось частных, пережитков и не представляло собою системного, упорядоченного явления. Напротив того, противопоставление советского и капиталистического мира являлось глобальным, распространяясь на весь *мир*. Отсюда особенности употребления слова *мир* (в рассматриваемом значении) и его производных в идеологически нагруженных текстах. *Мир чистогана*, *мир капитала*, *мир насилия*, а также *мировой капитал* противопоставлялся в них новому, советскому *миру*, с которым в первое советское десятилетие связывалась перспектива *мировой* революции. В дальнейшем словосочетание *мировая революция* в качестве пропагандистского клише ушло на задний план; зато получило распространение словосочетание *всемирно-историческое* значение (Октябрьской революции, решений того или иного съезда КПСС и т. п.).

Существенно, что и *старый* (или *капиталистический*) *мир*, и *новый мир* концептуализовались как здания, отсюда метафоры *разрушения* и *строитель-*

<sup>17</sup> От старого мира не должно было остаться ничего (*Весь мир насилия мы разрушим // До основания...*) или почти ничего — ср. *Нами / оставляются / от старого мира / только — / папирсы «Ира»* (Маяковский).

<sup>18</sup> Наряду с противопоставлением *было* — *есть*, противопоставление *старого* и *нового* могло предстать и как оппозиция *прошлого* и *будущего*. При этом «героическое настоящее» не противопоставлялось «светлому будущему», а ростки «светлого будущего» уже можно было обнаружить в настоящем.

ства. В дальнейшем именно представление о *советском мире* как о здании дало начало метафоре *перестройки* (ср. такое характерное выражение, как *архитектор перестройки*).

### 3.2. Воля в восприятии заключенных

Отдельного обсуждения заслуживает трансформация, которую концепт *воля* претерпел в языке советского времени. Это в первую очередь касается *воли* в ее противопоставлении миру ГУЛАГа, пронизывавшему всю советскую жизнь. Такое понимание *воли* было особенно характерно для мировосприятия заключенных. Проиллюстрируем особенности восприятия *воли* заключенными на материале произведений Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом».

#### 3.2.1. Иллюзии

Для заключенных противопоставление *воли* и ГУЛАГа было не менее всеобъемлющим, нежели противопоставление советского и капиталистического мира в советском идеологическом языке. При этом их представления о *воле* могли быть далеки от реальности:

Из лагерного барака *воля* рисуется полной противоположностью бараку («Раковый корпус»).

В частности, как можно судить по рассматриваемым произведениям, распространенным было представление, согласно которому все мужчины уже находятся в заключении, так что *на воле* их вовсе не осталось, за исключением работников карательной системы. Этот мотив повторяется и в «Раковом корпусе», и в романе «В круге первом». Приведем несколько примеров:

- Эки были уверены, что *на воле* почти не осталось мужчин, кроме власти и МВД («В круге первом»);
- Миллионам заключённых, им казалось, что жизнь *на воле* без них остановилась, что мужчин нет и женщины изнывают от избытка никем не разделённой, никому не нужной любви («В круге первом»);
- Раньше, в лагере, прикидывая, скольких мужчин не достает *на воле*, уверены были арестанты, что только конвоир от тебя отстанет — и первая женщина уже твоя («Раковый корпус»).

Впрочем, и *на воле* никто не имеет представления о *лагерном мире*:

Ну вот, он четверть часа рассказывал ей — и что же рассказал? Она снова ничего не понимала. «Людмила Афанасьевна!» — воззвал он. — Нет, чтоб тамошний *мир* вообразить... Ну, о нём совсем не распространено представление! («Раковый корпус»)

При столкновении с *волей* человек, привыкший к лагерным порядкам, теряется перед отсутствием жесткой регламентации и строгого распорядка. Даже

ссылка представляет собою мир, более «просторный», чем лагерь, но это *простор*, который дает чувство облегчения и освобожденности от пут:

После лагеря нельзя было назвать ссылный **мир** жестоким, хотя и здесь на поливе дрались кетменями за воду и рубали по ногам. Ссылный **мир** был намного просторней, легче, разнообразней («Раковый корпус»).

А вот *простор*, связанный с *волей*, пугает, воспринимается не как освобождение, а как необходимость подчиняться другому, еще более сложному порядку. *Воля* предстает не как противоположность *миру*, а как особый, сложный, непонятный и «чужой» *мир воли*. «Зачем такая изошрённая жизнь? Зачем в неё возвращаться?» — думает Олег Костоглотов в «Раковом корпусе»:

...какой ещё контроль? кого проверять? Олег совсем забыл. О, как трудно было возвращаться в этот **мир!** (...) И стугилась перед ним вся сложность этого **мира**, где надо знать женские моды, и уметь выбирать женские украшения, и прилично выглядеть перед зеркалом, и помнить номер своего воротничка...

И потому Олег Костоглотов хочет вернуться к жизни ссылного, в которой он обрел освобождение от лагерных пут, но не связан по рукам и ногам регламентацией «вольной» жизни:

...наконец хотел он только в свою Прекрасную Ссылку, в свой милый Уш-Терек! Да, милый! — удивительно, но именно таким представлялся его ссылный угол отсюда, из больницы, из крупного города, из этого сложно заведенного **мира**, к которому Олег не ощущал умения пристроиться, да пожалуй и желания тоже.

### 3.2.2. *Воля vs. свобода* («В круге первом»)

С другой стороны, в советское время новую жизнь обрело противопоставление *воли* и *свободы*. Это противопоставление является одной из текстообразующих оппозиций для романа «В круге первом». Рассмотрим наиболее существенные мотивы, связанные с этим противопоставлением.

Подлинной, духовной *свободы* на *воле* нет и быть не может. В частности, тюремщики сами несвободны:

**Свободу** вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих.

Отсутствие *свободы на воле* связано с повсеместно господствующим страхом: человек боится лишиться *свободы* и сам себя ее лишает. Здесь действует общий закон: пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным. Зато в заключении он снова обретает *свободу*, поскольку бояться ему больше нечего:

— Да на **воле** — (глухо) — при наличии ЧК, кто с вами осмелится спорить? Когда же вы попадаете в тюрьму, вот сюда, — (звонко) — здесь вы встречаетесь с настоящими спорщиками...

- особенный тюремный лютый спор, каких не могло быть на **воле** с господствующим единым мнением власти...
- только в тюрьме, а не на семейной **воле**, мужчина так **свободен** в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам!

Но выясняется, что и в тюрьме, а особенно на привилегированной «шарашке», человеку есть что терять. А поскольку кругом стукачи, выясняется, что подлинной свободы нет и здесь. Отсюда недоумение:

- Неужели и в тюрьме нет человеку **свободы**? Где ж она тогда есть?

Но остается надежда обрести *свободу* хотя бы в каторжном лагере, где терять будет уж точно нечего. Эта надежда жива и у Нержина, и у Хороброва:

- В лагерь он ехал с простодушной радостью, что хоть здесь-то будет говорить от души;
- ...едучи в лагерь, Нержин и сам ощущал, что возвращается к важному элементу мужской **свободы**: каждое пятое слово ставить матерное;
- В каторжный так в каторжный, драть его вперегрёб, по крайней мере в весёлую компанию попаду. Может, хоть там **свобода** слова, стукачей нет.

Здесь обнаруживается другая сторона упомянутого выше закона: да, пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным, но:

- человек, у которого вы отобрали всё — уже не подвластен вам, он снова **свободен**.

Итак, мы видим, что для романа «В круге первом» чрезвычайно важным оказывается различие *воли* и *свободы*. *Воля* целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению; *свобода* же по самому своему существу может быть только внутренней.



# ЧЕЛОВЕК: ДУША И ТЕЛО

---

А. Д. Шмелев

## ДУХ, ДУША И ТЕЛО В СВЕТЕ ДАННЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА\*

### 1. Телесное строение человека как главная черта, отличающая его от животного мира

Утверждение, которое может показаться парадоксальным, состоит в том, что уникальность человека, отличающую его от животного мира, язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности в строении тела<sup>1</sup>. Даже само слово *тело* нормально употребляется лишь по отношению к человеку. Предложение *В овраге обнаружили мертвое тело* не может быть употреблено, если речь идет о трупe животного. Впрочем, сочувствуя замерзшему животному, особенно маленькому или беззащитному, мы можем сказать о нем *дрожит всем телом*; однако уже куда менее вероятно сказать о животном что-нибудь вроде *по телу пробежала дрожь*. Строки Пушкина *И ветхие кости ослицы встанут и телом оделись и рев издают* воспринимаются как поэтическое отклонение от стандарта.

Мы можем частично персонифицировать животное, особенно домашнее, приписывая ему те или иные «душевные» качества; но если такие эпитеты, как *умный, хитрый, добрый, ласковый, верный* и т. д. применимы не только к человеку, но и, скажем, к собаке, то мы не скажем о собаке, что у нее *чуткая душа, доброе сердце, стынет кровь* или что *гости сидят у нее в печенках*, не предло-

---

\* Опубликовано в книге: Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)». М., 1997. Статья была написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Образ человека в языке» (в 1996 г.). Автор статьи благодарен Т. В. Булыгиной, И. Б. Левонтиной и Е. Я. Шмелевой, с которыми обсуждалась интерпретация ряда примеров, всем участникам конференции «Образ человека в языке», принявшим участие в обсуждении доклада (в первую очередь — Н. Д. Арутюновой и Е. В. Урысон), а также Ю. П. Солодубу, который любезно согласился прочесть и прокомментировать окончательный текст статьи.

<sup>1</sup> Ср. «Тело человека — вот что первое всего называем мы человеком» (свщ. Павел Флоренский, «Столп и утверждение истины»; с. 264).

жим ей *пораскинуть мозгами*. Собака может что-то *забыть*, но не может *выкинуть из головы*, мы не скажем, что у нее нечто *из головы вылетело*. Животным может приписываться *ум* (ср. [Урысон 1995б: 520]), они даже бывают способны думать (в повести Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» герой говорит «ученой» собаке Лобзику: *Подумай хорошенько*, — и продолжает, обращаясь к зрителям: *Подождите, ребята, сейчас он подумает и решит правильно*); но странно было бы о собаке сказать *Сейчас она пошевелит мозгами*.

Сказанное не означает, что, пользуясь языком, мы отказываем животным в наличии органов, аналогичных соответствующим человеческим органам. Мы знаем, что у многих животных есть *голова, сердце, кровь, печень, мозги*, но мы не готовы связать с этими органами «душевную» жизнь животного. Собака может быть доброй, а кроме того, мы знаем, что у нее есть сердце; однако эти два факта существуют в сознании носителей языка независимо друг от друга. Мы не назовем животное *бессердечным*; оно может быть *глупым*, но не *безмозглым*; правда мы говорим *безмозглая курица*, но это выражение используется только по отношению к человеку, его нельзя употребить по отношению к курице или какому бы то ни было другому животному.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Все сказанное касается языкового стандарта, который может нарушаться со специальными целями. В бытовом языке такое нарушение может выступать как форма языковой игры; в художественном тексте оно возможно как свидетельство «образной» персонификации, когда животному не просто приписываются душевные качества, свойственные человеку, но о нем намеренно говорится в тех выражениях, в каких принято говорить о человеке. Так, в сказке Ф. Зальтена «Бемби» (переск. с нем. Ю. Нагибина) об олененке говорится так: *незнакомое щемлящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце; любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце; глядел во все глаза; язык словно прилип к гортани; что-то темное навалилось на душу; одна отчетливая мысль билась в мозгу: вперед!*; *молодая сила разлилась по телу; уже раз испытанная тоска ... пела в его крови*; затем он вырос, был ранен охотником, после чего *выздоровел телом, но еще долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу*. Мотылек в этой сказке *жеманно изгибает свое хилое тельце*, про зайца говорится, что *лицо у него симпатичное*, сорока сообщает, что у нее *голова идет кругом*, старая олениха говорит, что она *детьми ... сыта по горло*, а у нее теперь *на шее сразу двое*; она же советует молодому оленю *не вешать нос*, олени сбивались в кучу, потому что *волна невыносимого запаха... дурманила голову, ужасом холодила сердце*. Представляется, что именно использование выражений, включающих обозначение «частей тела» и внутренних органов, служит одним из средств, создающих впечатление, что животные в этой сказке, как пишет Ю. Нагибин, «наделены человеческой душой»; душевная жизнь животных описывается в ней как бы изнутри.

## 2. Наивные представления о строении человека: языковые данные

Итак, уникальность человека, как она представлена языком, в значительной степени определяется тем, что его интеллектуальные и «душевные» качества неразрывно связываются с порождающими их органами. Поэтому описание естественноязыковых представлений о строении человека должно в первую очередь анализировать высказывания, на основе которых можно сделать заключение о функциях того или иного органа. Высказывание *Электрокардиограмма не показывала никаких отклонений, сердце билось ровно* меньше говорит нам о естественноязыковом представлении относительно роли сердца в жизни человека, нежели высказывание *Пустое сердце бьется ровно* (Лермонтов). При этом наивноязыковые представления о внутренней жизни человека отражаются рядом ключевых оппозиций, таких, как *дух—плоть, душа—тело, сердце—ум/разум/голова*. Рассматривая указанные оппозиции, мы должны будем коснуться сходств и различий *души и сердца, духа и души* и т. д., а также роли *крови, костей, мозга* и др.

Прежде чем перейти к анализу соответствующих слов русского языка, сделаем еще два замечания. Основное внимание будет уделяться наименее осознаным, коренящимся в глубинах языка представлениям о том, как устроен человек. В связи с этим мы почти не будем касаться естественнонаучных, философских и религиозных представлений о строении человека и функциях его органов. В частности, можно упомянуть, что в христианской антропологии человек мыслится состоящим из *духа, души и тела*. Это представление отражено во многих богословских и философских текстах, и употребление русских слов *дух, душа и тело* в таких текстах может как соответствовать наивно-языковым представлениям, так и противоречить им. В последнем случае мы имеем дело со «сдвинутым», терминологическим использованием слов естественного языка, и основывать на подобных употреблении выводы о том, как строение человека представляется в свете языковых данных, было бы так же неправильно, как делать утверждения о семантике русских слов *сила* или *работа*, основываясь на использовании терминов *сила* и *работа* в учебнике физики. Но поскольку реально говорящие, как правило, находятся под влиянием тех или иных воззрений, то в своих высказываниях, непосредственно касающихся строения человека, они нередко соответствующим образом модифицируют наивно-языковые представления. Поэтому мы должны с осторожностью относиться ко всем высказываниям, в которых представления о строении человека оказываются в центре внимания (хотя такие высказывания представляют несомненный научный интерес и могли бы составить основу для изучения, скажем, «медицинской мифологии» или «наивной антропологии» в рамках исследований феномена, который получил название Popular Science).

Опора на «неосознанное» приводит к тому, что преимущественное внимание уделяется максимально идиоматичным выражениям, в которых представления о строении человека находятся на заднем плане и принимаются за само собою ра-

зумеющиеся, так что у говорящего не возникает соблазна их «исправить» в соответствии со своими осознанными воззрениями. Но здесь возникает другая сложность. Чем более идиоматично выражение, тем более «стертым», трудно вычленимым оказывается в нем значение отдельного слова. Любой носитель языка легко поймет, что слово *дух*, наряду с интересующим нас значением, относящимся к психическим свойствам или состоянию, к тому, что «одухотворяет» человека, имеет значения ‘дыхание’ (ср. *перевести дух*) и ‘запах’ (ср. *В комнате стоял тяжелый дух*); однако ему может понадобиться специальное размышление, чтобы осознать, что выражение *одним духом* ‘очень быстро’ связано со значением ‘дыхание’, а выражение *ни слуху ни духу* ‘никаких известий’ — со значением ‘запах’. Иногда даже и размышление не дает желаемого ответа. Как определить, соотносится ли выражение *испустить дух* с дыханием (ср. *испустить последний вздох*) или с психической сущностью человека (ср. *отдать Богу душу*)? Повидимому, наиболее реалистичный подход состоит в том, чтобы, не придавая такого рода выражениям слишком большого значения, все же учитывать их, исходя из того, что они могут оказать определенное влияние на формирования языкового образа человека у носителя языка.

### 3. Дух и душа

Теперь можно заметить, что если для христианской антропологии человек имеет тройственное строение (*дух—душа—тело*), то для наивно-языкового сознания указанную триаду, скорее, заменяют две оппозиции: *дух—плоть* и *душа—тело*. Первые члены этих оппозиций (*дух* и *душа*) связаны с нематериальным началом в человеке, тогда как вторые члены (*плоть* и *тело*) указывают на материальное начало. В то же время различия между *духом* и *душою*, так же, как между *плотью* и *телом*, весьма существенны. Можно утверждать, что практически нет контекстов, в которых *дух* и *душа* были бы взаимозаменяемы, в тех же конструкциях, в которых можно употребить как то, так и другое слово, смысл кардинальным образом меняется. Можно *упасть духом* (но не \**душою*), но *тяжело* (*легко, весело*) может быть только *на душе* (не \**на духе*). Выражение *в душе* указывает на «тайные» мысли человека (ср. *Она говорила: «Как я рада, что вы зашли», — а в душе думала: «Как это неуместно!»*), а выражение *в духе* (чаще с отрицанием: *не в духе*) — на хорошее настроение человека.

Это связано с тем, что *душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека (ср. [Урысон 1995а]). Каждый человек обладает уникальной, неповторимой душою — сколько людей, столько душ, и поэтому людей удобно считать *по душам*. Именно такой способ счета и был принят в России, и, как уже отмечалось в [Шмелев 1997а], до сих пор употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально ‘на (одну) голову’) переводится на русский язык как *на душу населения*.

При этом *душа* воспринимается как некоторое вместилище внутренних состояний. Те состояния, которые имеют внешние проявления или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся на поверхности этого вместилища (*на душе*); скрытые от посторонних мысли и чувства находятся где-то в глубине (*в душе* или *в глубине души*). Поведать другому свои даже самые сокровенные мысли или чувства — значит *раскрыть душу*, а нежелательное вмешательство в частную жизнь человека, приставания с целью выведать те мысли и чувства, которые он прячет от посторонних, описывается выражением *лезть в душу*. Если же неосторожным словом или поступком мы оскорбляем что-то, что человек бережно хранит *в тайниках своей души*, то мы *плюем* ему *в душу*. Именно тот факт, что *душа* концептуализуется как вместилище, дал Пастернаку возможность сказать о своей душе, что она стала *усыпальницей замученных живьем* и теперь стоит *могильной урной, вмещающей их прах*.

Во многих отношениях, поскольку речь идет о роли соответствующего органа во внутренней жизни человека, нематериальная *душа* подобна такому материальному органу, как *сердце* (ср. [Урысон 1995a]), и, напротив, имеет мало общего с человеческим *духом*. *Дух* вовсе не концептуализуется как орган. Скорее, это некоторая нематериальная субстанция, окружающая душу человека, как своего рода ореол (как сказано у Байрона по несколько другому поводу, *a glory circling round the soul*). Эта субстанция может проникать туда, где человек отсутствует физически, и оставаться там, откуда человек уже ушел, в виде своего рода воспоминания о нем. *Чтоб духу твоего здесь не было!* — говорят тому, кого не желают видеть в данном месте, и это означает гиперболический запрет не только физического присутствия, но и малейших нематериальных следов человека, желание уничтожить само воспоминание о нем.

Поскольку дух является невесомой, летучей субстанцией, то человек может подниматься на большую высоту (в метафорическом смысле) именно при помощи духа (*воспарять духом*). Но человек может и *упасть духом*, и это означает, что он пришел в уныние, при котором достичь *высот человеческого духа* уже невозможно. Слово *душа* в стандартном употреблении не используется в контекстах подобного рода. Мы не можем ни *воспарять душой*, ни *падать душой*. Правда, о сильно испугавшемся человеке говорят, что у него *душа в пятки ушла*. Здесь речь идет о том, что *душа*, охваченная страхом, переместилась не просто вниз, но, что важнее, из места своей постоянной локализации (из груди) в новое, неподходящее место. *Дух* не имеет постоянной локализации в теле человека, поэтому не имеют образной мотивации и не используются такие выражения, как *\*дух в пятки* (или куда-либо еще) *ушел*. Точно так же о сильно встревоженном человеке говорят, что у него *душа не на месте*, *дух* же, не имея постоянной локализации, не может быть *не на месте*. Для *души* существенно не только местонахождение, но и положение: говоря о симпатиях и антипатиях человека, используют выражение *душа лежит к кому-либо* или *чему-либо*. Для *духа* расположение также важно, недаром говорят о *хорошем* или *дурном расположении духа*, но

само выражение показывает, что речь идет как бы о некоей субстанции, окружающей человека, который может *пребывать* в том или ином *расположении духа*.

*Дух* представляет собою именно субстанцию, он плохо поддается счету. Если выражение *ни души* означает просто 'никого' (поскольку, как уже говорилось, людей обычно считают «по душам»), то *ни духу* используется в устойчивых выражениях *ни слуху ни духу*, или, в варианте, приводимом В. И. Далем, *ни ху́ху, ни дүху*, и означает отсутствие малейших вестей и даже воспоминания о человеке (ср. приводимое там же выражение *ни слуху, ни помину*). *Души* означает просто 'люди', напр. в ситуации счета (*сколько душ* и т. п.), и тогда *душа* выступает заместителем всего человека, включая тело; *духи* означает 'призраки', 'привидения', поскольку *дух* подчеркивает нематериальность, «бесплотность». *Душа* человека автономна и индивидуальна, человеческий *дух* существует, прежде всего, как часть некоторой межличностной субстанции, «осколочек Мирового Духа» (выражение из «Ракового корпуса»). При этом приобщенность к данной межличностной субстанции позволяет человеку черпать из нее: часто, для того чтобы предпринять какое-либо решительное действие, бывает необходимо *набраться духу*. Если же человек не сумел этого сделать, то можно сказать, что ему *не хватает духу*. Не говорят *\*набраться души*; *\*не хватает души*.

Если *душа* человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств, то *дух* составляет его внутренний стержень. Поэтому в ситуации борьбы часто бывает важно *сломить дух* противника, после чего он утрачивает волю к победе или даже впадает в отчаяние. Не случайно боевая подготовка издавна — «от Саргона и Ассурбанипала до Вильгельма II», как говорил один персонаж из «Трех разговоров» Владимира Соловьева, — состояла в том, чтобы, опять пользуясь словами этого персонажа, «поддерживать и укреплять в своих войсках ... *боевой дух*». Если *дух угасает*, это еще не свидетельствует об отчаянии, но все же о некоторой потере энтузиазма. Таким образом, для человека важно *горение духа*. Обратим внимание на то, что «горение души» (выражение *душа горит*) свидетельствует лишь об особом рода энтузиазме — о желании выпить<sup>2</sup>.

В критических ситуациях человеку необходимо *присутствие духа* (невозможно — *\*присутствие души*: ведь *душа* у человека есть всегда, и притом как единое целое), и, прежде чем что-то предпринять, он часто должен *собраться с духом* (ср. также упоминавшиеся выражения *набраться духа, не хватает духа*). Роль *души* в человеческой деятельности иная. Существенно не наличие *души* у человека, а ее участие в конкретном действии: человек может *вкладывать душу* в какое-либо дело, делать его *с душой* (или *без души*).

<sup>2</sup> О том, что слово *душа* (добавим — в отличие от слова *дух*) может употребляться, когда речь идет о физиологических желаниях или потребностях см. [Урысон 1995а: 194].

#### 4. Материальный состав человека:

##### *тело, плоть и кровь, кости*

Как уже говорилось, в основе наивно-языковых представлений о *душе* и *духе* лежат оппозиции *дух—плоть* и *душа—тело*. Можно было бы ожидать определенного параллелизма указанных оппозиций, того, что *плоть* относится к *телу* так же, как *дух* к *душе*. Действительно, некоторый параллелизм здесь имеется. *Тело*, как и *душа*, составляет принадлежность данного человека<sup>3</sup>; *плоть*, как и *дух*, представляет собою несчитаемую субстанцию. Более того, указанное различие выражено в словах *тело* и *плоть* еще ярче, нежели в словах *душа* и *дух*. Если мы еще можем говорить, хотя бы в поэтической или философской речи, о «мировой душе», то странно было бы использовать сочетание <sup>?</sup>*мировое тело*. С другой стороны, если для слова *дух* возможно употребление во множественном числе, хотя и с несколько сдвинутым значением («призрак»), то *плоть* представляет собою вещественное существительное, всегда соотносящееся с субстанцией и потому не употребительное во множественном числе. В каком-то смысле *тело* как форма состоит из *плоти* как субстанции<sup>4</sup>.

Но оппозиции *дух—плоть* и *душа—тело* все же не полностью параллельны. Для *души* и *тела* важно то, что они образуют неразрывное единство, вместе составляя целостного человека<sup>5</sup>; для *духа* и *плоти* значительно важнее то, что они противопоставляются друг другу, и часто это противопоставление понимается как модель более общего противопоставления идеального и материального. *Тело* может восприниматься как вместилище *души*; *плоть* имеет коннотации чего-то лишённого одухотворенности. Именно в силу своей противопоставленности *духу*, *плоть* может получать отрицательную этическую оценку. Характерно следующее рассуждение В. А. Жуковского: «...Зависимость души как от тела, так и от внешнего телесного мира... есть то, что мы называем *плотью*. (...) Мы должны произвольно охранять духовность души своей и отдалять от нее все плотское». Ср. выражение *плоть одолела*, которое В. И. Даль толкует: «скотские побуждения». В целом, «дух тянет горé, плоть дóлу».

<sup>3</sup> «Тело — (...) нечто индивидуальное, нечто особенное. (...) Индивидуальность пронизывает собою каждый орган тела (...) — везде тут за безличным веществом глядит на нас единая личность» (свящ. Павел Флоренский, «Столп и утверждение истины», стр. 265).

<sup>4</sup> «(...) Что же такое тело? Не вещество человеческого организма, (...) а форму его (...) — это-то и зовем мы телом» (свящ. Павел Флоренский, «Столп и утверждение истины», с. 264).

<sup>5</sup> Родство *души* и *тела* проявляется в возможности синонимии таких выражений, как, скажем, *телогрейка* и *душегрейка*. О том, что *душа* воспринимается почти как часть тела, как некий внутренний орган, свидетельствует и то, что, с точки зрения языка, она имеет «волоконистое» строение, состоит из *фибр* (ср. устойчивое выражение *всеми фибрами души*). Поэтому *душа* может *болеть* за кого-то (невозможно \**дух болит*).

Наряду с *плотью* материальная составляющая человека включает также *кровь*, которая также противостоит *духу* в некоторых контекстах (иногда, говоря о материальном начале в человеке, используют выражение *плоть и кровь*; это же выражение используется метафорически, как относящееся к материальному воплощению вообще — ср. *облечь(ся) в плоть и кровь*). Но если *плоть* относится к низшему в человеке и может иметь лишь отрицательное воздействие на его внутреннюю жизнь, то роль *крови* более разнообразна.

Прежде всего, *кровь* служит носителем генетической информации. Говорят о *кровных родственниках*, *кровном родстве*; по отношению к родственникам используется метонимическое обозначение *родная кровь*, ср. *Где ж вы, братья, братцы, моя родная кровь?* (Твардовский); *брат по крови* может противопоставляться *брату по духу*; ср. также *его связывает с детьми не столько кровь, сколько дух* (Белинский). Говоря об этническом происхождении, используют такие характерные конструкции, как *В его жилах течет цыганская кровь*. *Кровь заговорила* говорят о проснувшихся родственных или национальных чувствах (ср. *голос крови*). Метафорическое выражение *это у него в крови* указывает на то, что нечто так свойственно ему, как если бы было заложено в него генетически.

С другой стороны, *кровь* является носителем самых сильных эмоций: страсти, гнева, ярости — ср. такие выражения, как *кровь бросилась в голову*, *кровь кипит*. Раздражая человека, мы *портим* ему *кровь*. Свойственное молодости безответное томление, склоняющее человека к удачным поступкам или любовным приключениям, описывается при помощи выражения *кровь играет*. Человек с *холодной кровью* не подвержен действию страстей, при всех обстоятельствах он сохраняет *хладнокровие*, но он не способен и к любви, ср.: *Кровь моя холодна. ...Я не люблю людей* (Бродский). Впрочем, у всякого человека *кровь стынет* от ужаса и некоторых других сильных чувств (*И нынче — Боже! — стынет кровь, как только вспомню взгляд холодный*, — говорила пушкинская Татьяна), и иногда застывшая кровь не противоречит чувству любви, ср.: *Ёмкими словами выразить не в силах всю любовь и нежность — кровь застыла в жилах... Умопомрачительно я тебя люблю* (из одного акростиха). Кровь также является носителем того, что человек *принимает близко к сердцу*, чувств, которые сильнее всего (*кровно*) его затрагивают. Именно в этом смысле говорят о *кровных интересах* (ср. *Он кровно в этом заинтересован*).

То, что *сердце* человека является одновременно органом чувств и органом кровообращения, не является парадоксальным совмещением двух разнородных функций: в этом проявляется роль *крови* как носителя сильных эмоций. Поэтому не обязательно видеть в выражениях типа *сердце кровью обливается* контаминацию двух разных аспектов *сердца*. Показательно, что в словарной статье Л. Н. Иорданской [Мельчук, Жолковский 1984], в которой строго разграничиваются *сердце* (сердце 1а) как орган кровообращения и *сердце* как орган чувств и орган восприятия неявных фактов (сердце 3), не всегда ясны критерии отнесения иллюстративного материала к тому или другому значению. Почему, собственно,



примеры *Пришла домой, а детей нет! У меня сердце так и оборвалось!*; *Смотреть на него не могу — сердце кровью обливается!* или *Но поздно; время ехать. Сжалось в нем сердце, полное тоской; прощаясь с девой молодой, оно как будто разрывалось* (Пушкин) приводятся как иллюстрации употребления лексемы *сердце 1a*, а пример *И вот это горячее сердце остановилось* — как пример на *сердце 3* (впрочем, по поводу последнего примера Л. Н. Иорданская сама справедливо отмечает, что *сердце* как «фиктивный орган чувств... отождествляется с реальным органом кровообращения» [Мельчук, Жолковский 1984: 744])? В наивно-языковой модели человека противоречия между понятиями ‘орган кровообращения’ и ‘орган чувств’ нет, поскольку *кровь* и является носителем сильных чувств.

*Кровь* участвует и в оппозиции *голова—сердце*, посредством которой в языковой модели человека выражается противопоставление рационального и эмоционального. Можно согласиться с Е. В. Урысон [1995a], отмечающей, что, вообще говоря, разум призван контролировать сердце («можно сказать *Его сердце послушно разуму*»), хотя в целом «жизнь *сердца* неподвластна законам логики, ср. *Сердцу не прикажешь*». Но язык располагает средствами и для обозначения ситуации, когда не только *разум* не контролирует чувства, но, напротив того, чувства берут верх над разумом, так что человек действует как бы в состоянии аффекта. Тогда говорят: *кровь бросилась в голову*, — *кровь* выступает в роли средства, позволяющего *сердцу* одержать победу над *разумом*<sup>6</sup>.

*Кровь* — это также то, что человек *проливает* в ситуации насильственной смерти (слово *кровапролитие* обычно обозначает массовое убийство людей). Отсюда само слово *кровь* метонимически используется для обозначения кровапролития, насильственного лишения жизни (ср. *Только не надо крови; Он так рвется к власти, что не остановится и перед кровью* и т. п.). Впрочем, не всегда «пролитие крови» свидетельствует о насильственной смерти; человек может говорить *Я за вас кровь проливал*, при этом ни разу не будучи даже ранен. Занятый тяжелым трудом человек *проливает пот и кровь* (ср. *добыто потом и кровью*), так что, по данным словарей, *кровный* в сочетаниях типа *кровный заработок* означает ‘добытый тяжелым трудом’ (ср. также пример, сообщенный И. Б. Левонтиной, — название книги Метченко «*Кровное, завоеванное*»). Преодоление препятствий может сопровождаться и кровотечением из носа — отсюда выражение *кровь из носу* ‘несмотря ни на какие трудности’. *Проливая кровь*, человек хотя бы частично расстается с самым ценным, без чего невозможна жизнь. Поэтому о

<sup>6</sup> Впрочем, не только в состоянии аффекта человек может позволить *сердцу* одержать верх над *головой* в ситуации, когда «ум с сердцем не в ладу». Иногда к такому результату приводит сознательный нравственный выбор, как в сцене из романа «В круге первом», когда Нержин решал, принять ли ему предложение Яконова заняться криптографией: *Все доводы разума — да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца — отойди от меня, сатана!* Мы помним, что Нержин последовал «доводам сердца».

безжалостных эксплуататорах, заставляющих людей *проливать пот и кровь*, говорят, что они *пьют* (или *сосут*) *чужую кровь* (ср. *Довольно нашей кровушки попили!*), называют их *кровопийцами* или *кровососами*<sup>7</sup>.

Указанные представления о функциях *крови* определенным образом коррелируют друг с другом. Так, в выражениях *кровная связь*, *кровно связаны* отражена как идея чего-то подобного близости кровных родственников, так и идея эмоциональной близости (а сквозь эти значения может просвечивать и идея проливаемой крови, ср. следующее рассуждение В. Н. Топорова: *Жизненная судьба отца Александра Меня и его конец снова возвращают нас к тому узлу, который так кровно (кровью сердца) и так кроваво (пролитая кровь) связывает русских с евреями*). Различные аспекты наивно-языкового представления о крови проявляются в понятии *кровных денег*, которые жалко тратить (чаще всего используется субстантивированная форма *чи-либо кровные*, особенно при противопоставлении — ср. *Одно дело, когда университет оплачивает командировку, а другое — ехать на свои кровные*). *Кровные* здесь — это и полученные *потом и кровью*, и те, в которых человек *кровно* заинтересован, и те, с которыми человеку так же жалко расставаться, как *проливать кровь*.

В юности у человека бывает *горячая кровь*, она *кипит, играет, горит*, вследствие чего человек ощущает в себе избыток энергии, жизненных сил, жажду активной деятельности, любовных приключений, ср.: *Девка она молодая, кровь играет, жить хочется* (Чехов); *О милый сын, ты входил в те лета, когда нам кровь волнует женский лик* (Пушкин). Говорят и просто: *молодая кровь*. С возрастом кровь остывает (она чуть *теплится*), ее становится меньше (*скудеет в жилах кровь*)<sup>8</sup> и она течет медленнее, в связи с чем энергия, жажда любви и деятельности покидают человека. ср.: *Здравствуй, мое старение! Крови медленное струение* (Бродский). Поэтому, *когда разница в тридцать лет и в одном кровь молодая играет, а в другом едва теплится — какое тут может быть согласие?* (В. Распутин). Правда, бывает, что хотя *скудеет в жилах кровь, но в сердце не скудеет нежность* (Тютчев). Но в целом именно *кровь* остается носителем жизненных сил, страстей и т. п., и мы не говорим о *старой крови*. Сочетание *старая кровь* если и возможно, то будет понято, скорее всего, как относящееся к донорской крови, срок хранения которой истек, так что *старая кровь* оказывается противопоставлена не *молодой*, а *новой*; ср. диалог из «Ракового корпуса»: *Хо-го!*

<sup>7</sup> Толковые словари приравнивают значения этих слов, указывая, напр.: «КРОВОСОС ... Прост. То же, что кровопийца». Но представляется, что значение слова *кровопийца* несколько шире, оно может применяться по отношению к человеку, склонному к *кровопролитию* и даже находящему в нем удовольствие, ср., напр.: *Старик и сегодня настаивал на том, что ...надобно тебя пытать и повесить, но я не согласился... Ты видишь, что я не такой еще кровопийца* (Пушкин), а *кровосос* используется преимущественно по отношению к жестоким эксплуататорам.

<sup>8</sup> Ср. ...*И года не те. И уже седина стыдно молвить — где. Больше длинных жил, чем для них кровей* (Бродский).

*Двадцать восьмое февраля! Старая кровь. Нельзя переливать. — Что за рассуждения? Старая, новая, что вы понимаете в консервации? Кровь может сохраняться больше месяца!*

В отличие от крови, про кости как раз говорят *старые*, но не <sup>?</sup>*молодые кости*. Роль крови и костей в материальном составе человека вообще полностью различна. Кровь — символ молодости, это самое горячее, что есть в человеке, источник тепла, согревающий все тело и, в частности, кости. Даже к старости, когда кровь уже не столь горяча, она сохраняет эти функции и остается самым теплым в человеке (ср. в стихотворении Бродского о старении: *Если что-то во мне и теплится, это не разум, а кровь всего лишь*), хотя выполняет эти функции уже не столь успешно, ср.: *Уже стар, кровь не греет. Кости же то, что более всего нуждается в тепле (говорят, что пар костей не ломит)*. Сильнее всего мерзнет человек, когда он *промерзает до костей*. Когда *кровь уже не греет, кости* нуждаются в согревании из внешнего источника. Поэтому и говорят: *старые кости тепло любят*. Вообще кости — символ старости, при описании старых людей часто упоминаются именно мерзнувшие кости; ср. при олицетворении: *Когда уж Лев стал хил и стар, то жесткая ему постелья надоела; в ней больно и костям; она ж его не грела* (Крылов).

Впрочем, роль костей в материальном строении человека не вполне ясна. Было бы натяжкой говорить, что кости определяют сословную принадлежность человека (ср. *белая кость* и *черная кость*) или его увлечения (ср. *В нем есть охотничья косточка*; вариант — *охотничья жилка*); что они более всего нуждаются в гимнастических упражнениях, ср.: *размять, расправить кости*. Во всяком случае, ясно, что кости образуют основу материального состава человека (*костяк*), тогда как *мясо*, покрывающее кости — дело наживное (ср. такие изречения: *Без костей мясо не живет; Живая кость мясом обрастет; Кость тело наживает* и т. д.). Кости — та часть материального состава человека, которая остается после смерти, в связи с чем форма кости может употребляться в значении 'останки, тело умершего', напр.: *И завещал он, умирая, чтобы на юг перенесли его тоскующие кости* (Пушкин); *Пришла пора, и ее косточки тоже улеглись в сырой земле* (Тургенев); ср. поговорку: *Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки!*

Среди других материальных составляющих человека можно упомянуть печень (*печенку, печенки*) и выделяемую ею желчь, которые выступают в роли носителей раздражения, недовольства другими людьми (ср. *сидеть в печенках; желчный характер; в нем много желчи; желчь поднялась в нем*). *Всеми печенками* ('очень сильно', согласно словарным толкованиям) можно *ненавидеть, презирать* и т. п., но не *любить* — *любить* можно *всей душой*<sup>9</sup> или *всем сердцем*. При этом *сердце*, которое вообще «специализируется» на эмоциях, является органом

<sup>9</sup> Впрочем, *всеми фибрами души* также можно *ненавидеть, презирать*, но едва ли *любить*.

любви к человеку противоположного пола [Урысон 1995а: 192], ср.: такие выражения, как *Его сердце принадлежит любимой; отдать сердце; предложить руку и сердце; дама сердца* (как известно, сердце рыцаря должно принадлежать Даме, а душа — Богу); *покоритель сердец* и т. д. *Проходите, гражданин, в сердце вы моем один, граждане, мест свободных нет,* — говорит в советской песне кондукторша трамвая, влюбившаяся в одного из пассажиров.

Не случайно в поэме Маяковского «Люблю» именно *сердце* упоминается постоянно одновременно в качестве органа и в качестве метонимического показателя любви:

1. Любовь любому рожденному дадена,—  
но...  
со дня на день  
очерствевает *сердечная* почва.  
На *сердце* тело надето,  
на тело — рубаха;
2. Дивилось солнце:  
«Чуть виден весь-то!  
А тоже —  
с *сердечком...*»;
3. В *сердца*,  
в часишки любовницы тикают.  
В восторге партнеры любовного ложа.  
Столиц *сердцебиение* дикое  
ловил я,  
Страстную площадью лежа.  
Враспашку —  
*сердце* почти что снаружи —  
себя открываю и солнцу и луже.  
{...}  
Отныне я *сердцем* править не властен.  
У прочих знаю *сердца* дом я.  
Оно в груди — любому известно!  
На мне ж  
с ума сошла анатомия.  
Сплошное *сердце* —  
гудит повсеместно;
4. ...комоч *сердечный* разросся громадой:  
громада любовь,  
громада ненависть;
5. ...тащусь *сердечным* придатком...
6. Взяла,  
отобрала *сердце*  
и просто пошла играть —  
как девочка мячиком;

7. Один не смогу —  
не снесу рояля  
(тем более —  
несгораемый шкаф).  
А если не шкаф,  
не рояль,  
то я ли  
*сердце* снес бы, обратно взяв;
8. Скупой спускается пушкинский рыцарь  
подвалом своим любоваться и рыться.  
Так я к тебе возвращаюсь, любимая.  
Мое это *сердце*,  
любуюсь моим я.

Роль *груди* как метонимического заместителя *сердца* при выражении эмоций более скромная. Можно сказать *по груди пробежал холодок*; *В его груди шевельнулось странное чувство*; *Предчувствия теснили грудь* (Пушкин); *Рассказать тебе не могу, что делается в моей груди* (Островский), но не говорят: *Его грудь принадлежит любимой* и т. п.

### 5. Интеллектуальная жизнь человека: голова и мозг

В качестве средоточия эмоциональной жизни человека, *сердце* и *кровь* противопоставляются *голове* и *мозгу* (*мозгам*), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его *память*. Медицинское представление, согласно которому для функционирования *мозга* необходимо его нормальное кровоснабжение, чуждо языковой модели человека. В наивно-языковом представлении *голова* и *мозг* функционируют независимо от *сердца* и *крови*. Ситуации, когда *кровь бросается в голову*, имеют место, если человек полностью утрачивает контроль над своими чувствами, попадает во власть эмоций; это совсем не то же, что *кровоизлияние в мозг* в медицине (последнее как раз и бывает чаще всего причиной нарушения нормального кровообращения мозга). *Голова* позволяет человеку здраво рассуждать; про человека, наделенного такой способностью, говорят *ясная (светлая) голова*, а о том, кто лишен такой способности, — что он *без царя в голове*, что у него *ветер в голове*, *каша в голове*<sup>10</sup> или что он *вовсе без головы на плечах*. Правда, и у человека *с головой* может *голова пойти кругом* (напр., если ему кто-то *вскружит голову*); он может даже совсем *потерять голову*, особенно часто это происходит с влюбленными, у которых главным управляющим органом становится *сердце*, а не *голова*.

<sup>10</sup> Интересно, что по-немецки *hat Grütze im Kopf* (буквально—‘имеет кашу в голове’) значит ‘хорошо соображает’; иными словами, это выражение аналогично не выражению *каша в голове*, а, скорее, выражению *голова (котелок) варит*.

Наряду со способностью к здоровым рассуждениям, интеллектуальные способности человека включают также способности решать встающие перед ним задачи. Здесь опять-таки решающая роль принадлежит *голове* как месту локализации мыслей (ср. *пришло в голову*), а также *мозгу* (*мозгам*). При этом *мозг* (в единственном числе) рассматривается как своего рода механизм, который работает тем лучше, чем более сложно его устройство (ср. *У него в мозгу всего одна извилина*), а для *мозгов* (во множественном числе) существенно количество, общая масса (ср. *У него на это мозгов не хватит*). Второе представление является более примитивным, и не случайно использование формы *мозги* для обозначения органа мышления принадлежит просторечию.

Если некоторая проблема является для человека жизненно важной и при этом трудно разрешимой, это описывается при помощи выражения *голова болит* о чем-то. Примечательно, что *голова* не может *болеть* о ком-то или за кого-то — для описания переживаний человека, волнующегося о ком-то из близких, используются выражения *сердце болит* (*щемит, ноет, сжалось*) или *душа болит* за кого-то.

Наконец, *голова* является и органом памяти (ср. такие выражения, как *держат в голове, вылетело из головы выкинуть из головы* и т. п.). В этом отношении русская языковая модель человека отличается от архаичной западноевропейской модели, в которой органом памяти было, скорее, сердце (следы этого сохранились в таких выражениях, как английское *learn by heart* или французское *savoir par cœur*), и сближается с немецкой моделью (ср. *aus dem Kopf*). Правда, и в русском возможна *память сердца*, но это говорят только об эмоциональной, но не интеллектуальной памяти. Если *выкинуть* (*выбросить*) *из головы* значит 'забыть' или 'перестать думать' о ком-либо или о чем-либо, то *вырвать из сердца* (кого-либо) не значит 'забыть', а значит 'разлюбить' (или 'сделать попытку разлюбить'), ср. поговорку *С глаз долой — из сердца вон*.

Итак, мы видим, что русская языковая модель человека определяется противопоставлением идеального и материального, а также интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление *духа* и *плоти*, второе — как противопоставления *сердца* (*груди*) и *крови*, с одной стороны, и *головы* и *мозга* (*мозгов*) — с другой. Центральное положение *души* в этой модели определяется тем, что она соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального. Именно это позволяет ей выступать в качестве представителя человека в целом.

Разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно: бывает, что *ум с сердцем не в ладу*; ср. *Умом я это понимаю, а сердцем принять не могу; Вы одной головой хотите писать! ...Вы думаете что для мысли не надо сердца?* (Гончаров). Примеры, в которых *сердце*, *кровь* или *грудь* противопоставляются *душе*, подтверждают тот факт, что роль *души* не сводится к функционированию в качестве вместилища чувств: *И царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови* (Лермонтов); *Пускай страдальческую грудь волнуют страсти роковые — душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть* (Тютчев).

## 6. Культурное значение наивно-языковой модели человека

До какой степени реальны наивно-языковые представления о строении человека? Иными словами, насколько языковая модель человека соответствует представлениям носителей языка, проявляющимся в их «наивно-анатомических» и «наивно-медицинских» взглядах и часто служащих неявною основой для философских концепций человека?

Этот вопрос далеко не праздный. В частности, его решение должно повлиять на практику переводов Священного Писания и, возможно, на библейское богословие в том, что касается устройства человека. Следует понять, связана ли центральная роль в организации внутренней жизни человека, которую Писание отводит *сердцу*, с особенностями образной системы древнееврейского и отчасти греческого языка или же это соответствует свойственному Слову Божию особому взгляду на роль *сердца*.

В первом случае все отрывки из Писания, в которых мыслительная, эмоциональная или духовная жизнь связывается с *сердцем*, при переводах на языки с иной языковой моделью человека следует переводить на «язык» соответствующих моделей: так для языка ифалук, в котором, по сведениям А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992a], внутренняя жизнь связывается с *кишками*, вместо *сердца* в указанных отрывках следует использовать лексему со значением ‘кишки’, а для языка догон, в котором подобную же роль играет *печень* [Плунгян 1991], — лексему со значением ‘печень’. Если же полагать, что выбор Священным Писанием *сердца* в качестве главного органа, ответственного за чувства, воспоминания, мысли, намерения и принятие решений, определяется не просто свойствами еврейского языка, но отражает особую роль сердца в библейской мистике, тогда, конечно, указание на *сердце* должно быть сохранено при переводах.

На протяжении веков переводчики Писания и богословы склонялись ко второму решению. Как следствие, в христианской мистике издавна существовало особое отношение к сердцу, что привело даже к возникновению в католичестве особого культа *Sacré Cœur*. Но и в православии вопрос о роли сердца в духовной жизни человека обычно ставился и решался на основе соответствующих текстов Священного Писания, так что древнееврейской языковой модели человека, очевидно, придавалось более чем чисто лингвистическое значение (можно упомянуть статью Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия», соответствующий раздел в книге «Столп и утверждение истины» о. Павла Флоренского, известную статью Б. Вышеславцева «Сердце в христианской и индийской мистике» и др.). Указывается, что Бог дал людям *сердце, чтобы мыслить* (Сир. 17, 6), *широта сердца* (3 Цар. 4, 29) означает широту знания, *говорить в сердце* означает на библейском языке ‘думать’, *ожесточенное сердце* говорит о тупом уме, «жестоковейные» иудеи характеризуются как люди с *необрезанным сердцем* и т. д.

С другой стороны, некоторые богословы указывают, что выбор на эту роль из внутренних органов именно *сердца* до известной степени условен; он обусловлен как образной системой древнееврейского языка, так и тем, что сердце хорошо отражает необходимый круг представлений: оно находится в самом центре (*в сердцеvine*) тела, происходящие в нем процессы невидимы для посторонних и даже для самого человека и т. д. Возможно, что для других языков и культур эта же роль могла бы столь же успешно выполняться и другими внутренними органами, и никакого искажения смысла Слова Божия не произойдет. Однако если справедливо, что христианская мистика является мистикой *сердца* в противоположность мистике *головы* и мистике *чрева* (о. Павел Флоренский), то замена сердца на кишки или печень окажется неадекватной.

По-видимому, чисто лингвистического анализа недостаточно для решения вопросов такого рода. Здесь свое слово должны сказать мистики и богословы. Но лингвистический анализ может оказаться *в руках* богословов полезным подсобным орудием.



## СЧАСТЬЕ И НАСЛАЖДЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА \*

### 1. Предварительные замечания

Исследование языковой картины мира находится, очевидно, на границе лингвистики и других наук: культурной антропологии, психологии, поэтики. Однако, как хотелось бы думать, это не означает, что границы лингвистики в этом месте расплываются. Наоборот, именно в силу пограничности данной проблематики здесь должны быть проведены четкие разграничения: между информацией, содержащейся в самом языке и из него извлекаемой, и информацией, полученной путем анализа других объектов — прежде всего, текстов на этом языке (т. е. поэтических метафор, мотивов и идей, содержащихся в произведениях литературы, фольклора и т. д.), а также информацией, полученной из тех наук, объектом которых является (говорящий на данном языке) человек, особенности его мышления, поведения и т. д. — использующих, в свою очередь, любые свидетельства. Все эти объекты должны исследоваться отдельно и независимо; языковую картину мира образуют при этом лишь те смыслы, которые входят в значения языковых единиц; если же между собственно лингвистическими и прочими данными обнаруживаются какие-то систематические схождения, то это, очевидно, является лишь подтверждением правильности полученных результатов<sup>1</sup>. Соответственно, поговорки, пословицы и другие вошедшие в язык тексты, в том числе авторские (ср. *ум с сердцем не в ладу; на свете*

---

\* Статья опубликована в журнале «Русский язык в научном освещении». 2003. № 5. Данная работа докладывалась на семинаре «Логический анализ языка» (ИЯ РАН, рук. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова) в октябре 2001 г. и на семинаре «Образы России: лингвистика и поэтика культурных стереотипов» (Институт славянской филологии Мюнхенского университета, рук. проф. О. Ханзен-Лёве и проф. У. Шваер) в ноябре 2001 г. Я благодарна всем, принимавшим участие в обсуждении работы на разных ее этапах, в особенности О. Меерсон, А. Б. Пеньковскому и А. Д. Шмелеву, прочитавшим работу в рукописи; высказанные замечания были мною по возможности учтены в окончательной версии статьи. *Habent sua fata libelli*.

<sup>1</sup> Ср., например, работу [Юревич 1999], в которой особенности российской науки анализируются на основе данных психологии, культурной антропологии и социологии, а выводы поразительным образом совпадают с результатами анализа языковых данных.

*счастья нет; широка страна моя родная* и т. п.), могут привлекаться к рассмотрению лишь в той мере, в какой они выражают те же идеи, которые были выявлены при анализе собственно языковых данных.

Языковая картина мира формируется системой ключевых слов (концептов) и связывающих их инвариантных ключевых идей (или сквозных мотивов) — ср. [Степанов 1997, Wierzbicka 1992a, 1997, Шмелев 2002]. Так, одной из ключевых для русской языковой картины мира идей является представление о *непредсказуемости мира*: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. Эта идея реализуется в нескольких вариантах. С одной стороны, она входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности — таких как *а вдруг, на всякий случай, если что, авось* (см. [Шмелев 2001]). Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятию произойдет что-то хорошее. С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается неопределенностью результата — в том числе, собственных действий. Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия. В русском языке имеется целый пласт слов и ряд синтаксических конструкций, в значение которых входит идея, что то, что происходит с человеком, происходит как бы само собой (см. [Зализняк, Левонтина 1996]). Употребление таких слов выполняет двоякую функцию: с одной стороны, происходит устранение действующего и ответственного за свои действия лица там, где оно реально есть: для этого достаточно сказать *мне не работается* вместо *я не работаю, меня не будет завтра на работе* вместо *я не пойду завтра на работу, постараюсь* вместо *сделаю* и *не успел* вместо *не сделал*. С другой стороны, наоборот, некоей квази-активностью, квазиответственностью наделяются вещи и обстоятельства — ср. конструкцию предложения типа *у меня появилась стиральная машина* (с семантическим объектом в позиции подлежащего), а также выражения *образуется, обойдется, успеется*, и т. п.

В области культурной антропологии данная концептуальная конфигурация находит соответствие в таких традиционно отмечаемых исследователями свойствах русского характера, как лень, пассивность, созерцательность, безразличие к результату и вера в чудо; в области вторичных моделирующих систем — например, в сказке «По щучьему веленью», где, как известно, из всех возможных желаний Емеля выбирает, «чтобы ведра домой сами пошли». Другое дело, что Емеля — дурак, и желания у него дурацкие, но ведь дурак в русских сказках — одна из центральных фигур, причем вовсе не отрицательная, а «дурацкое поведение оказывается необходимым условием счастья — условием пришествия божественных или магических сил» [Синявский 2001: 39]. Действительно, ключевая для русской языковой картины мира идея непредсказуемости мира охватывает также и концепт *счастья*.

## 2. Радость и удовольствие

Для русской языковой картины мира, как отмечают многие исследователи (см., напр. [Толстой 1995: 314, Шмелев 1997а: 481]), характерно противопоставление «высокого» и «низкого», «небесного» и «земного», «внутреннего» и «внешнего» — одновременно с отчетливым предпочтением первого, т. е. своего рода аксиологическая поляризация, которая распространяется на структуру многих концептов<sup>2</sup>. Целый ряд важных понятий существует в русском языке в таких двух ипостасях: ср. следующие пары слов, противопоставленных, в частности, по признаку «высокий» — «низкий»: *истина и правда, долг и обязанность, добро и благо*. Ярким примером такой ценностной поляризации может служить пара *радость — удовольствие*.

Слова *радость* и *удовольствие* были подробно и проницательно проанализированы в работе [Пеньковский 1991]. Среди различий, отмечаемых в этой статье, как кажется, два являются главными, определяющими все остальные. Первое состоит в том, что *радость* — это чувство, а *удовольствие* — всего лишь «положительная чувственно-физиологическая реакция». Второе, и в некотором смысле самое главное, — в том, что *радость* относится к «высокому», духовному миру, в то время как *удовольствие* относится к «низкому», телесному. Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость — удовольствие* обусловлена тем, что *радость* связывается со способностями *души* или *духа*, а *удовольствие* является атрибутом *тела* или *плоти*<sup>3</sup>, ср.: *душа радуется, радоваться душой, душевно рад* (но не \**душевно доволен*), и *плотские удовольствия* (но не \**плотские радости*)<sup>4</sup>. Эти фундаментальные различия влекут за собой некоторые более частные, что отражается, в том числе, в способах метафоризации *радости* и *удовольствия*. Как пишет А. Б. Пеньковский «...чтобы *искать, находить, извлекать, получать* и *испытывать удовольствие*, необходимо еще “владеть технологией” всех этих действий, знать способы и приемы их применения, иметь соответствующие навыки и умения. [...] УДОВОЛЬСТВИЕ, таким образом, “механично” и “технично” в отличие от РАДОСТИ, которая “органична» [1991: 150—151]. Поэтому не случайно, что удовольствие *портят*, как портят вещь или механизм, тогда как радость *омрачают, отравляют* или *убивают* — как живое существо.

Оппозиция *радости* и *удовольствия* как «высокого» и «низкого» может быть проиллюстрирована следующей цитатой из дневника М. М. Пришвина, которая, как кажется, выражает установку, разделяемую многими русскими людьми:

<sup>2</sup> Этот дуализм коренится, в конечном счете, в некоторых особенностях православия, определивших черты русской культуры в целом (см. [Лотман, Успенский 1994]).

<sup>3</sup> О соотношении пар *душа — тело* и *дух — плоть* см. [Шмелев 1997б].

<sup>4</sup> Выражение *плотская радость* (также во множ. числе) лишь подтверждает этот тезис, так как здесь, очевидно, происходит определенный сдвиг в значении обоих компонентов, делающий допустимым их соединение.

Подозреваю, что та редкая *радость* (будто разыгрывается что-то в душе), *радость*, не забиваемая ни годами, ни нуждой, ни оскорблениями, — эта радость у нас с ней общая, она и соединила нас. И отсюда наша общая с нею *ненависть к удовольствию, заменяющему радость* <sup>5</sup>.

Таким образом, *удовольствие*, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый *жаждой удовольствий* и проводящий свою жизнь *в погоне за удовольствиями*, представляется жалким, бездуховным существом. Такое отношение к удовольствию естественно связать с *русским аскетизмом*, который, по мнению Н. Бердяева («Истоки и смысл русского коммунизма» [Бердяев 1994]), был унаследован большевиками и инкорпорирован в коммунистическую идеологию. Ср. характерный пример из А. Платонова, где при всей аномальности словосочетаний и сдвинутости значения слов, столь характерной для этого автора, полностью сохраняется оппозиция «высокой» *радости* «низкому» *удовольствию*, коррелирующая, кроме того, с оппозицией «общественного» (со знаком «плюс») и «личного» (со знаком «минус»), привнесенной коммунистической идеологией:

Профулномоченный от забот и деятельности забывал ощущать самого себя, и так ему было легче; в суете сплачивания масс и организации подсобных *радостей* для рабочих он не помнил про удовлетворение *удовольствиями* личной жизни, худел и спал глубоко по ночам (А. Платонов. «Котлован»).

### 3. Ум

Противопоставление души и тела как «высокого» и «низкого» не является специфическим именно для русской картины мира: это — одна из констант христианской культуры в целом. Но здесь не хватает еще одного существенного атрибута человека — его умственных способностей, интеллекта <sup>6</sup>. Какое же место занимает этот третий элемент в системе бинарных оппозиций? Так, в английском языке имеется слово *mind* (являющееся, по мнению А. Вежбицкой, столь же ключевым для англосаксонского языкового сознания, как *душа* — для русского), которое, обозначая, прежде всего, интеллектуальные способности, входит в оппозицию с телом: *mind vs. body*. Как считает А. Вежбицкая, экспансия слова *mind* (в ущерб *soul*) и формирование свободной от религиозных или моральных коннотаций оппозиции *mind vs. body*, произошедшие в истории английского языка,

<sup>5</sup> Пришвин М. М., Пришвина В. Д. «Мы с тобой. Дневник любви». М., 1996. С. 120. В примерах здесь и далее курсив мой. — А. З.

<sup>6</sup> Ср. трихотомию «душа — тело — ум» в [Шатуновский 1996: 295], где различаются: желания тела (физиологические), желания души (напр., желание победить, желание счастья любимому человеку) и интеллектуальные (желание знать, понять, найти разгадку).

свидетельствует о возникновении нового типа «объединенного сознания», в котором рациональное мышление рассматривается как главная способность человека [Wierzbicka 1992a: 46].

Во французском языке слово *esprit*, объединяющее дух и интеллект (и, кроме того, остроумие), выражает один из ключевых для французской культуры концептов<sup>7</sup>. Что же касается русского языка, то, как оказывается, при необходимости вписать *ум* в рамки бинарной оппозиции «душа — тело», русский язык отводит ему место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному<sup>8</sup>. Согласно представлению русского языка, красивое доказательство теоремы или остроумная шутка доставляет нам именно *удовольствие*, а не *радость*: интеллектуальные удовольствия стоят в русском языке в одном ряду с физиологическими и моторными удовольствиями и не пересекаются с тем рядом, где находятся *радости*. Языковым свидетельством являются также примеры типа приводимой ниже фразы из «Записок» Ф. Ф. Вигеля, где — независимо от того, что здесь явно утверждается, — имеется пресуппозиция<sup>9</sup>, на основании которой *ум* и *тело* объединяются и противопоставляются *душе*.

Свет наук (к началу 1820 г.) стал быстрее распространяться; но по мере того, как новые изобретения с каждым днем создавали для человека новые удобства, новые наслаждения в жизни, законы нравственности все более теряли силу. Все для ума, для тела, ничего для души, которой и в существовании скоро стали отказывать<sup>10</sup>.

Косвенным аргументом в пользу невысокой оценки *ума* в русской языковой картине мира может служить также тот факт, что оценка, содержащаяся в словах

---

<sup>7</sup> По мысли Ольги Меерсон (устное сообщение) французское слово *esprit* и навязываемая им концептуализация внутренней жизни человека — один из источников воплощенного в «Войне и мире» представления Л. Толстого о том, что интеллект — это типично западный, «галльский» суррогат духа. В романе имеется три семьи, воспроизводящие Платоновскую триаду «тело — душа — дух»: соответственно, Курагины — Ростовы — Болконские. Но внутри (духовного) семейства Болконских происходит непонимание между стариком, приятелем императрицы Екатерины, и внешне похожим на Вольтера — представителем ума-остроумия, и его нежно любимой дочерью, крайне одухотворенной, но, на его взгляд, не умной, поскольку она лишена чувства юмора. Это непонимание семиотически обусловлено неразличением категорий духа и интеллекта, заключенным во франц. слове *esprit*.

<sup>8</sup> Данный тезис касается слова *ум*. Иной концепт заключен в русском слове *разум*, который «предстает как высшая способность человека, ставящая его над остальным миром (в этом отношении разум сближается с душой)» [Урысон 1997a: 448].

<sup>9</sup> О том, что картину мира формируют смыслы, входящие в презумптивную (но не ассертивную) зону значения языковых единиц см. [Шмелев 2002: 11].

<sup>10</sup> Вигель. Ф. Ф. «Записки». М., 2000. С. 411. Этим примером я обязана А. Б. Пенковскому.

*безумный* и *безрассудный*, вовсе не является однозначно отрицательной (в отличие, например, от слова *бездушный*). *Безрассудство* сродни *удали* (см. [Шмелев 1997а: 489]), а *безумие* «уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним» [Плунгян, Рахилина 1993: 121]<sup>11</sup>. Безусловно положительная оценка заключена в выражении *без ума* (от кого-то/чего-то), а также в слове *изумительный*<sup>12</sup>; наоборот, отрицательная оценка — в словах *умствовать* и *умничать* (примеры А. Б. Пеньковского, устное сообщение).

Действительно, поскольку *ум* состоит, в частности, в способности правильно предсказывать ход развития событий (а согласно некоторым концепциям, к ней и сводится), трудно ожидать, чтобы эта способность высоко ценилась в рамках идеологии непредсказуемости мира, о которой шла речь выше.

Отношение теоретиков «русской идеи» (таких как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. А. Ильин и др.) к рациональному, «отвлеченно-логическому» мышлению известно, т. е. данные культурной антропологии здесь вполне однозначны. Приведем некоторые данные из области литературы и фольклора.

В известном стихотворении Тютчева

Умом Россию не понять,  
Аршином общим не измерить.  
У ней особенная стать,  
В Россию можно только верить

содержится не только множество соответствующих явных утверждений, но еще и ряд импликаций, вытекающих из структуры текста. Так, слово *особенный* в 3-й строке, очевидно, входит в оппозицию со словом *общий* во 2-й, но по смыслу 3-я строка вместе с 4-й образует оппозицию с первыми двумя — и тем самым возникает аналогия между *умом* и *общим аршином*, которая говорит о трактовке *ума* как некоего инструмента, позволяющего с его помощью совершать алгоритмические действия; ср. об *уме* как *органе* в [Урысон 1997а: 448]. Одновременно здесь имеется хиастическая структура, связывающая в оппозиции 1-ю и 4-ю строки (*умом не понять* — *верить*) и 2-ю с 3-ей (*аршином общим* — *особенная стать*), в результате чего возникает импликация, что то знание, которое является истинно ценным, *умом* (т. е. общедоступным, одинаковым для всех инструментом) и не может быть достигнуто.

Второе свидетельство — фигура сказочного Иванушки-дурачка, самого популярного персонажа русской сказки. А. Синявский в очерке под названием «Иван-дурак» пишет, что сказка оказывает предпочтение дураку — «человеку,

<sup>11</sup> Подобное ценностное распределение в паре «ум vs. чувство (душа, сердце)» характерно для романтического мировосприятия, независимо от языка (ср., например, сказку Андерсена «Снежная королева»).

<sup>12</sup> *Изумиться* имеет исходное значение «лишиться ума» (см. [СРЯ-XVIII-9: 66]). Ср. образованное по той же модели *извиниться* = «избавиться от вины» и нем. *sich entschuldigen* (от *Schuld* «вина»).

пребывающему в глубочайшем состоянии неразумной пассивности, которому все блага сами валятся в рот, тогда как лично они пальцем не пошевелят ради их приобретения. В этом усматривали иногда специфически русское народное мифосозерцание — пассивность, леность ума, надежду на “авось”, расчет на то, что кто-то придет со стороны и все за нас сделает. (...) Евг. Трубецкий писал “В ней (в русской сказке о дураке. — А. С.) сказывается настроение человека, который ждет всех благ свыше и при этом совершенно забывает о своей личной ответственности” [Синявский 2001: 40]. Синявский добавляет, что, вообще говоря, сказочного дурака знают не одни только русские. Но в России он попал на благоприятную почву и поэтому приобрел такую известность. «Назначение дурака (...) — это апофеоз незнания, неумения, неделания и полнейшей бесхитростности<sup>13</sup>. Именно потому, что Дурак бесхитростен, он так привлекателен. [...] «Назначение дурака — (...) всем своим поведением, и обликом, и судьбой доказать (...), что от человеческого ума, учености, стараний, воли — ничего не зависит. Все это вторично и не самое главное в жизни» [Там же: 42].

Сказанное, конечно же, не означает, что ум в русской языковой картине мира всегда принадлежит к сфере «низкого» и оценивается однозначно отрицательно: речь идет лишь о некой тенденции. Полная картина, безусловно, сложнее.

#### 4. Счастье

Сопоставление пары *радость* — *удовольствие* с парой *счастье* — *наслаждение* наводит на мысль, что они составляют «пропорцию»: *счастье* — это очень большая *радость*, а *наслаждение* — очень большое *удовольствие*. *Радость* и *счастье* объединяются тем, что и то и другое относится к категории «высокого», ср.: *Слушай, Дарья: нет выше счастья, как собою пожертвовать* (Достоевский. «Бесы»). Выражение *нет выше счастья*, указывает на то, что счастье бывает высокое и еще выше, причем этот смысл находится в презумпции и тем самым принадлежит картине мира (см. прим. 9). *Радость* и *счастье* часто появляются вместе в тексте, оба состояния могут не иметь никакой причины. Кроме того, имеется очевидное сходство в характере метафоризации: *счастье*, как и *радость*, может *переполнять* человека, может быть *незамутненным*, бывает *прилив счастья* (и *радости*), человек может *светиться счастьем* (и *радостью*) и т. д. — ср. о радости [Арутюнова 1976: 100; Пеньковский 1991: 151].

Однако все же неверно, что *счастье* — это просто очень большая *радость*. *Счастье* представляет собой самостоятельный и очень важный для русской языковой картины мира концепт.

---

<sup>13</sup> Соответственно, ум может отождествляться с хитростью — как, например, в сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунук», построенной на оппозиции внешних, мнимых достоинств и недостатков (ум (старшие братья), красота (кони) vs. глупость (Иван-дурак), безобразие (Горбунук)) и настоящих, внутренних (хитрость и предательство старших братьев vs. душевная прямота Ивана, любовь и преданность Горбунка).

#### 4.1. *Счастье*: значение и семантическая эволюция

В современном русском языке слово *счастье* имеет два основных класса употреблений:

1. [диахронически первичное, уходящее]: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’: *счастье ему изменило; счастье в игре; какое счастье, что...; к счастью; по счастью; твое счастье, что...* и т. п. Здесь слово *счастье* эквивалентно глаголу *везет/повезло*, который постепенно его вытесняет (ср. *дуракам везет* и более старое *дуракам счастье, не везет в картах, повезет в любви и Кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе* у Даля [Даль 1994: IV, 666]);

2. [основное, «высокое», лингвоспецифичное]: ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’: *Истинное счастье человека — в науке и труде* (Горький) *Человек создан для счастья* (Короленко); *счастье материнства, семейное счастье*.

Эти два значения могут быть отчетливо противопоставлены, но могут и выражаться синкретично (ср. *Посуда бьется к счастью; повесить подкову на счастье, это приносит счастье* и т. п.).

Слово *счастливый* может соотноситься и с тем и с другим значением, ср. *счастливый случай, стечение обстоятельств, исход; счастливый билет, счастливый соперник* (значение 1) и *счастливый отец, счастливая улыбка, счастливое детство, счастливый брак* (значение 2). Краткая форма *счастлив* в современном русском языке соотносится только со значением 2 и является средством *par excellence* для предиктирования соответствующего состояния субъекту (в отличие от существительного *счастье*, которое в этой функции практически не употребляется, см. ниже).

У Даля [Даль 1994: IV, 666—667] этимологическое значение является основным; он дает это слово с вариантом *со-частье*, т. е. для него была очевидна внутренняя форма «совпадение», «общая часть», подкрепляемая живыми эпидигматическими связями (*счасть, счастки, час*). Это значение было более разработанным: Даль разделяет дополнительно 1.(а) «судьба»<sup>14</sup> — *Всякому свое счастье* и (б) «случайность, желанная неожиданность, удача, успех». Вторым он называет: 2. «Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, вообще все желанное, все то, что покоит и доволит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» (другими словами — совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет).

Обращает на себя внимание то, что эта удивительно точная и тонкая формула не содержит идеи «высокого» (более того, по крайней мере первая ее часть — «желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги» — ближе всего к тому, что впоследствии стало обозначаться выражением *мещанское счастье*). По-видимому, в том русском языке, который отражен в словаре Даля, лингвоспецифичный концепт «высокого» счастья еще не сформировался (по крайней мере, в том

<sup>14</sup> О концепте «счастья-судьбы» см. [Sanders 1965].



виде, в котором он существует в современном русском языке — возможно, отчасти под влиянием советского идеологического дискурса, см. ниже).

Общая тенденция семантической эволюции состоит в продолжающемся движении от значения 1 к значению 2, т. е. в сужении сферы употребления слова *счастье* в значении 'удача, везение' и расширении сферы употребления этого слова в значении 'благоденствие, земное блаженство'. Ход семантической деривации слова *счастье* может быть представлен следующим образом: 'удачное совпадение' [наше значение 1, значение 1б по Далю] → 'совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет (= удовлетворение потребностей)' [значение 2 по Далю] → 'состояние высшей удовлетворенности' [наше значение 2].

Интересно отметить, что около половины примеров, приводимых Далем на 2-е значение, мы бы сейчас отнесли к 1-му, ср.; *Счастье, что вешинее ведро* (ненадежно); *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь*; *Дураку везде счастье* и т. п. Дело, видимо, в том, что в языке начала XIX в. значения 'удача' и 'благоденствие' были ближе друг к другу из-за того, что идея «высокого» в концепте *счастья* в ту эпоху еще не обнаруживала себя столь явно. В современном языке, похоже, именно представление о «высоком» и составляет главный признак, различающий два значения слова *счастье*. Приведем в этой связи еще одно высказывание М. М. Пришвина, свидетельствующее об обсуждаемой аксиологической поляризации (обращает на себя внимание, в частности, замена слова *счастливый* на *хороший* в кавычках в устойчивом словосочетании *счастливый конец*, где реализуется «низкое» значение):

Это мое счастье — радоваться солнцу так сильно. А что есть счастье вообще? конечно, та же радость бытию (про себя) при всяких даже условиях до того, чтобы улыбнуться солнцу при последнем вздохе. (...) Это *счастье* никак не связано с *удачей* (...); даже напротив, только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым (...) Кстати, в *мещанских романах* с «хорошим» концом описывается всегда *удача, а не счастье*, и *омерзительны* они именно тем, что ставят *счастье* в зависимость от *удачи*<sup>15</sup>.

#### 4.2. *Счастье*: сочетаемость и употребление

Важной отличительной чертой русского слова *счастье* является отсутствие у него таксономической категории. В статье [Булыгина, Шмелев 2000а: 280] было предложено деление явлений внутренней жизни на «чувства», которые *охватывают*, «состояния», в которые человек *приходит*, и «впечатления», которые нам что-то *приносит* или *доставляет*). Радость, удовольствие, наслаждение — это впечатления; горе может быть как событием, так и его переживанием (горе может *случиться* и горе можно *чувствовать*), несчастье — только событием (оно

<sup>15</sup> Пришвин М. М. Дневники 1920—1922 гг. М., 1995. С. 28.

может только *случиться*). В этой связи обращает на себя внимание то, что слово *счастье* не может обозначать ни событие (оно не может *наступить*, *произойти*, *случиться* и т. п.), ни его переживание. Невозможна и предикативная структура с *у* + род. п.; фраза из романа Набокова «Машенька» *У меня, знаете, большое счастье: жена из России приезжает* содержит намеренное нарушение<sup>16</sup>.

В словаре [Денисов, Морковкин 1983] отмечается сочетаемость с глаголами *чувствовать*, *ощущать*, *испытывать* и с классификаторами *чувство* и *ощущение*. По-видимому, однако, в реальности в стандартном русском языке единственное допустимое из этих сочетаний — *ощущение счастья*, ср.:

Скалы и море, и косые лучи заходящего солнца — все это я как будто еще видел, когда проснулся... Помню, что я был рад. *Ощущение счастья*, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое (Достоевский. «Подросток»);

Вот и смерть задела меня, а я все не могу утратить *ощущения* какого-то постоянного своего *счастья*. Бог знает, откуда оно во мне, чем оно кончится?.. (Н. Берберова. «Акомпаниаторша»);

А главное — мне было действительно приятно заниматься и тем самым продолжить *ощущение счастья*, переживаемое на семинарах в МГУ (И. И. Ревзин. Воспоминания).

Более периферийна сочетаемость с существительными *чувство* и *состояние*, ср.:

И надо было осмыслить то широкое *чувство* свободы, гордости, *счастья*, которое не покидало его (Набоков. «Картофельный Эльф»);

...и я думал (...) о том, что как бы ни сложилась в дальнейшем моя жизнь и какие бы события ни случились, я запомню навсегда эту ночь, голову женщины на моих коленях, этот дождь и то *состояние* полусонного *счастья*, которое я *ощущал* тогда (Г. Газданов. «Призрак Александра Вольфа»).

Что касается сочетаемости с глаголами *испытывать* или *ощущать*, в моем распоряжении имеется единственный пример:

Зато потом, сидя на его коленях и взглядывая по временам на спокойное лицо матери, находившейся обычно тут же, я *испытывал* настоящее *счастье*, такое, которое доступно только ребенку или человеку, награжденному необычайной душевной силой (Г. Газданов. «Вечер у Клэр»)<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> Иронический эффект этой фразы обусловлен структурой сюжета романа «Машенька» (первоначальным названием которого было «Счастье»).

<sup>17</sup> Некоторая необычность сочетания *испытывать счастье* коррелирует здесь с также едва заметной, но безусловной нестандартностью (на которую обратила мое внимание Ольга Меерсон) сочетания *награжденный душевной силой*, где слово *награжденный* (употребленное вместо стандартного в этом контексте *наделенный*) актуализует идею *одаренности*.

У Г. Газданова имеются, кроме того, выражения *испытывал ощущение счастья, почувствовал состояние счастья*, ср. также выше *ощущал состояние счастья*. Однако примеры такого типа крайне редки: так, в просмотренных мною текстах рассказов и двух романов Набокова из 102 употреблений слова *счастье* нет ни одного, где это слово было бы подчинено глаголу *испытывать* или *чувствовать* (или какому-либо другому глаголу в аналогичной лексической функции).

Как известно, тема счастья — одна из ключевых у Набокова. Слово *счастье* обладает высокой частотностью в текстах Набокова<sup>18</sup>, при этом, как показал просмотр всех его употреблений в рассказах (оно встретилось 61 раз) и в романах («Машенька» (18), «Король, дама, валет» (24) и «Защита Лужина» (17)), оно ни разу — за исключением одного полуиронического *Василий Иванович был преисполнен какого-то неприличного счастья* в рассказе «Набор», а также метафорических моделей (типа *счастье наполняло ее душу; ее душа была переполнена счастьем; счастье нахлынуло; счастье заполняло его всего; нечто наполняло счастьем его душу* и т. п.) и каузальных (типа *не могу прийти в себя от счастья, улыбка счастья* и т. п.) — не встречается в составе конструкции, предизирующей данное состояние субъекту. Приведем некоторые характерные контексты употребления слова *счастье* у Набокова:

И этот случайный запах помог Ганину вспомнить еще живее тот русский, дождливый август, тот поток *счастья*, который тени его берлинской жизни все утро так назойливо прерывали («Машенька»);

*Счастье* мое — вызов. Блуждая по улицам, по площадям, по набережным вдоль канала, — рассеянно чувствуя губы сырости сквозь дырявые подошвы, — я с гордостью несу свое необъяснимое *счастье*. Прокатят века, — школьники будут скучать над историей наших потрясений, — все пройдет, все пройдет, но *счастье* мое, милый друг, *счастье* мое останется, — в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество («Письмо в Россию»);

...он крепко держался за свою лавку, как за единственную связь между его берлинским прозябанием и призраком пронзительного *счастья*: *счастье* заключалось в том, чтобы самому, вот этими руками, вот этим светлым кисейным мешком, натянутым на обруч, самому, самому, ловить редчайших бабочек далеких стран. Деньги на это *счастье* он собирал, как человек, который подставляет чашу под драгоценную, скупо капающую влагу («Пильграм»).

---

<sup>18</sup> А именно, частотность этого слова у Набокова втрое выше, чем в целом в русском языке и вдвое — чем в художественной прозе (данные на основании сопоставления с данными словаря [Засорина 1977]). При этом в романе «Машенька» частотность этого слова приблизительно вдвое выше, чем в остальных текстах. Проведенные подсчеты показали также, что по сравнению с романами Толстого в романах Набокова частотность употребления слова *счастье* приблизительно в три раза выше.

Вообще, по-видимому, самый характерный тип употребления слова *счастье* в русском языке — это формулировка, в чем оно состоит, ср.:

*Счастье* — это когда тебя понимают;

И помни, что самое большое *счастье* на земле — это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни (Г. Газданов. «Вечер у Клэр»).

Аналогичным образом (т. е. вне прямой предикации за исключением метафорических моделей) употребляется слово *счастье*, например, в романах Л. Толстого.

Таким образом, особенность русского слова *счастье* состоит в том, что приписывание выражаемого им признака субъекту возможно либо в неутверждаемой форме, т. е. при помощи притяжательного местоимения (и иногда еще каких-то детерминантов, ср. *ее давешнее счастье*) — либо путем использования разного рода метафорических моделей (ср. выше). В прочих случаях слово *счастье* может обозначать лишь ситуацию в возможном мире, не совпадающем с действительным, т. е. либо в прошлом (*воспоминание о былом счастье*; ср. также *воспоминание счастья* у Набокова; *ушедшее счастье*, *быстро промелькнувшее счастье* и т. п.), либо в будущем (*мечты о счастье*, *ожидание счастья*, *предвкушение счастья*), либо в нереализовавшемся альтернативном мире (*А счастье было так возможно! Так близко!..*).

Таким образом, оказывается, что представление о том, что *на свете счастья нет*, отражено в русском языке в невозможности высказать утверждение, что оно *есть*<sup>19</sup>.

#### 4.3. Русская мифология счастья

Излагаемая модель построена на основании свидетельств разного рода; соответствующий фрагмент языковой картины мира входит сюда как составная часть. Как представляется, «русская мифология счастья» включает следующие идеи:

- (i) счастье — это *земное блаженство*;
- (ii) счастье где-то есть, но ему нет места в жизни *здесь и сейчас*;
- (iii) счастье нельзя приобрести каким-либо алгоритмическим образом (заслужить, заработать и т. п.), его можно либо случайно *найти*, либо оно может на человека *свалиться* или *выпасть* ему;
- (iv) счастье — это немного стыдно.

Одновременно категория счастья оказалась одной из центральных в советской коммунистической мифологии (вобравшей в себя многие элементы русской мифологии, несколько преобразовав их): именно *всеобщее счастье*, а не, напри-

<sup>19</sup> Тем самым принципиальная недостижимость счастья в поэтическом мире Набокова (см. [Левин 1998], [Дмитровская 2000], [Русаков 2000]) соответствует месту этого концепта в русской языковой картине мира.

мер, благополучие, провозглашалось целью проводимой коммунистами политики<sup>20</sup>. Для достижения счастья есть рациональные пути: его надо *строить, ковать* (*кузнецы своего счастья*), и одновременно это и есть единственное *нестыдное* счастье в настоящем — в обеспечении *счастья будущих поколений*<sup>21</sup>, за которое надо *бороться*; *высшее счастье — умереть в борьбе за счастье народа* и т. д. Счастье не падает с неба, а дается трудом (*трудное счастье*).

Необычайно интересна и детально разработана мифология счастья у А. Платонова, тексты которого обнажают механизмы взаимодействия русской мифологии с коммунистической. Приведем без комментариев лишь некоторые из многочисленных примеров такого рода (из повести «Котлован» и романа «Чевенгур»).

Захар Павлович проверял партии на свой разум — он искал ту, в которой не было бы непонятной программы, а все было бы ясно и верно на словах. Нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит *земное блаженство*. Одни отвечали, что *счастье* — это сложное изделие, и не в нем цель человека, а в *исполнении исторических законов*. А другие говорили, что *счастье состоит в сплошной борьбе*, которая будет длиться вечно.

...он слушал молву реки и думал о мирной жизни, о *счастье за горизонтом земли*, куда плывут реки, а его не берут, и постепенно опускал сухую голову во влажные травы, переходя из своего мысленного покоя в сон.

Прушевский ничему не возражал своим чувством. *Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо* и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду.

Вошев заволновался от дружбы к Козлову.

— Грусть — это ничего, товарищ Козлов, — сказал он, — это значит, наш класс весь мир чувствует, а *счастье всё равно далекое дело... От счастья только стыд* начнется!

Ему уютней было чувствовать скорбь на земной потухшей звезде; чужое и дальнее *счастье* возбуждало в нем *стыд* и тревогу — он бы хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь.

...тех средних людей, какие ему нравятся, какие молча делают полезное вещество и чувствуют частичное счастье: весь же точный *смысл жизни и всемирное счастье* должны томиться в груди роющего землю пролетарского класса.

...но она не может сейчас жить какой-либо легкой жизнью в нашей стране *трудного счастья*.

---

<sup>20</sup> Ср. [Сарнов 2002: 392] о категории *счастья* как «постоянного состояния общества» в языке советской эпохи.

<sup>21</sup> Ср. высказывание Г. Г. Шпета о том, что русским свойственны, среди прочего, «ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном» (Сочинения. М., 1989. С. 53. Цит. по: [Юревич 1999]).

## 4.4. Межъязыковые сопоставления

Расхождения между русским *счастлив*, *счастье* и англ. *happy*, *happiness* столь существенны, что вызывает сомнение правомерность установления между этими словами отношения переводной эквивалентности. Согласно А. Вежбицкой, слово *happy* является «повседневным словом» в английском языке, а *happiness* обозначает «эмоцию, которая ассоциируется с “настоящей” улыбкой» [Wierzbicka 1992c: 297—298]. По мнению сторонников теории «базовых эмоций», выделяемых на основании соответствующих им универсальных особенностей мимики, к их числу относится и эмоция, обозначаемая в англ. языке словом *happiness* (см., напр., [Johnson-Laird, Oatley, 1989; Russell 1991]).

Русское *счастье*, очевидно, ни в коей мере не является «повседневным словом»: как уже говорилось, оно однозначно принадлежит к «высокому» регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд, следствием чего являются две противоположные тенденции в его употреблении. Одна вытекает из установки на аскетизм (ср. выше), антигедонизм и некоторую скромность, или стыдливость, — которая заставляет избегать произнесения «высоких» слов, относящихся к разряду «неприличных», непризносимых. Одновременно имеется другая, противоположная тенденция, соответствующая русскому стремлению говорить «о главном» и *выворачивать душу наизнанку*<sup>22</sup>.

Далее, ни в каком смысле *счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций». В отличие от англ. *happy*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоторой норме эмоционального благополучия, русское слово *счастлив* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы. *Счастье* относится к сфере идеального и в реальности недостижимого; находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия.

Англ. *happy*, очевидно, соотносится скорее с рядом *доволен*, *удовольствие*, а иногда даже оказывается близко к *удовлетворен*, ср. следующие примеры (первые два — из [Wierzbicka 1992c]):

- a. — Are you thinking of applying for a transfer? — No, I am quite *happy* where I am;
- b. I am *happy* with the present arrangement;
- c. Over ten years ago, when I first stumbled on the problem of Latin prefixes, I found that I was not *happy* with the description provided by the dictionaries.

Таким образом, русские слова *счастлив*, *счастье*, по-видимому, не имеют эквивалента в английском языке<sup>23</sup>. Что касается других европейских языков,

<sup>22</sup> Согласно данным, приводимым в работе [Уфимцева 1996], слово *счастье* является высоко частотным и вообще весьма характерным для русского дискурса. Это показательно, хотя частотность данного слова обусловлена употребительностью таких выражений типа *к счастью*; *какое счастье*, *что*.

<sup>23</sup> В качестве наиболее близких эквивалентов можно назвать, соответственно, слова *elated* и *bliss*, но они периферийны для английского языка и тем самым несопоставимы по значимости в языковой картине мира с русскими *счастлив*, *счастье*.

А. Вежбицкая считает, что в противоположность «более слабому» англ. *happiness*, франц. *bonheur* и нем. *Glück* выражают «общеевропейский» концепт чувства, которое «переполняет человека, не оставляя в нем места ни для каких других желаний» [Wierzbicka 1992c: 299].

Толкование Вежбицкой для англ. *happy* состоит из следующих компонентов (см. [Wierzbicka 1992b: 251—252; Wierzbicka 1992c: 298—300]):

*happy, happiness*

— нечто хорошее произошло (происходит) со мной

— я этого хотел

— я не хочу ничего другого

Толкование для общеевропейского концепта *heureux, glücklich, счастлив* etc. (отличающиеся элементы выделены жирным):

*heureux, glücklich, счастлив*

— нечто **очень** хорошее произошло (происходит) со мной

— я этого хотел

— **все хорошо**

— я **не могу** хотеть больше (другого)

Действительно, слова фр. *bonheur, heureux* и нем. *Glück, glücklich* и по значению и по употреблению значительно ближе к русскому *счастье, счастлив*, чем к англ. *happiness, happy*, хотя и здесь имеются некоторые весьма существенные различия. Главное из них состоит в отсутствии такого сильного эмоционального заряда и его последствий. Так, по-французски совершенно нормально звучат фразы типа *Est-il heureux en France? Est-il heureux avec son père?* (например, в ситуации, когда обсуждается внутреннее состояние ребенка, родители которого живут в разных странах). Буквальный перевод подобных фраз на русский язык *Он счастлив во Франции? Он счастлив с отцом?* звучит по меньшей мере странно; более точным переводом — и более уместным выражением в данной ситуации — было бы что-то вроде *Ему хорошо (во Франции, с отцом и т. д.)?*<sup>24</sup>

Следует упомянуть также различия в употреблении фр. *heureux* и русского *счастлив*, обусловленные тем, что во французском языке отсутствует эквивалент русскому *рад* (и тем самым область, обслуживаемая в русском языке тремя словами — *счастлив, рад, доволен*, — распределяется между двумя: *heureux* и *content*). Значение русского предикатива *рад* в целом соответствует существительному *радость*, хотя и является несколько ослабленным за счет употребления в этикетных формулах вроде *рад тебя видеть*. Слово *доволен* отстоит несколько дальше от существительного *удовольствие*, так как обозначает состояние, в большей степени «рациональное»: *доволен* связано не только с *удовольствием*,

<sup>24</sup> Вообще, по-видимому, конструкция *X счастлив с Y-ом* в русском языке возможна лишь в том случае, когда речь идет о любовных отношениях.

но также и с *удовлетворением*. В конструкции с изъяснительным придаточным (*Я рад/доволен, что...*) оба предикатива приобретают ментальную составляющую, и их смысловая оппозиция оказывается несколько слабее, чем у существительных *радость* и *удовольствие*. Сохраняется лишь общая идея противопоставления «высокого» и «альтруистического» в *рад* — «гедонистическому» и «низкому» в *доволен*. Но так или иначе, поскольку эквивалент русскому *рад* во французском языке отсутствует, фразы типа *Я рад, что у тебя все в порядке, что твой сын поступил в университет, что ты к нам приедешь* и т. п. могут быть переданы по-французски с использованием либо слова *content* (= 'доволен'), что неточно семантически, либо слова *heureux* в несколько «сниженном», «ослабленном» значении.

### 5. Наслаждение

То, что *наслаждение* есть очень большое *удовольствие*, кажется интуитивно очевидным (например, в Толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова 1998] *наслаждение* определяется как «высшая степень удовольствия»). Действительно, соответствующие слова обнаруживают существенное сходство в значении и сочетаемости. Так, *наслаждение* и *удовольствие* имеют одни и те же источники, — находящиеся в области физиологического и интеллектуального (в противоположность душевному и духовному, относящимся к сфере *радость* — *счастье*): можно испытывать *удовольствие* или *наслаждение* от купания в холодной воде, от быстрой езды или от увлекательной беседы<sup>25</sup>. Несколько сложнее обстоит дело с эстетическими впечатлениями, так как в этой области различие между *удовольствием* и *наслаждением* состоит не только в силе ощущения, но также и в его качестве: если мы получаем *удовольствие* от произведения искусства (например, от выставки или театральной постановки), то это ощущение более рационально, обусловлено положительной оценкой объекта — в то время как испытываемое нами *наслаждение* (например, от музыки или поэзии) является впечатлением совершенно непосредственным, почти не имеющим оценочной основы. И такое наслаждение, в отличие от удовольствия, относится к области «высокого» — ср. сочетание *эстетическое наслаждение*, а также *истинное наслаждение* (само слово *истинный* относится к области «высокого» — см. [Шмелев 1997а]). Можно привести также другие примеры «высокого» наслаждения, соседствующего со счастьем:

Слава

Мне улыбнулась; я в сердцах людей  
Нашел созвучия своим созданьям.  
Я счастлив был: я наслаждался мирно

<sup>25</sup> В словаре Даля глагол *наслаждаться* определяется как «доставлять высшее удовольствие, чувственное или нравственное» [Даль 1994: II, 1222].



Своим трудом, успехом, славой; также  
Трудами и успехами друзей,  
Товарищей моих в искусстве дивном.  
(Пушкин. «Моцарт и Сальери»)

В той же мере, в какой русское *счастье* не соответствует английскому *happу*, русское *наслаждение* не соответствует англ. *to enjoy* (если *happу* следует перевести как *доволен*, то глагол *to enjoy* — как *получать удовольствие от чего-то*)<sup>26</sup>.

Приведем в этой связи отрывок из статьи С. Кружкова [1999: 131—132], весьма красноречиво свидетельствующий о месте *наслаждения* в актуальном русском языковом сознании:

Скажем, американский официант, принося блюдо, говорит: «Enjoy your meal» — наслаждайтесь вашей пищей, или просто «enjoy» — наслаждайтесь. Если бы он знал, какую бурю чувств рождает это слово в русской душе! —

Наслаждайтесь, все проходит!  
То благой, то злобный к нам,  
Своенравно Рок приводит  
Нас к утехам и бедам.

Коллега-переводчик скажет мне, что «enjoy» означает просто «приятного аппетита», и незачем копыя ломать. Да, но поглядите, как по-разному выражают эту мысль народы. Французы говорят: «Bon appétit» — хорошего аппетита, съешьте побольше, все перепробуйте, американцы: «Enjoy your meal» — получите свое удовольствие, а русские: «Кушайте на здоровье». Потому что сама идея удовольствия чужда русской жизни, выживание ей сродственной. Недавно Британский совет провел эксперимент по вывешиванию стихов в поездах московского метро. Рекламный плакат звучал так: «Наслаждайтесь стихами в пути». Если бы переводчик понимал дело, он написал бы «Запасайтесь стихами в пути» (как сухарями) или в крайнем случае: «Читайте на здоровье». *А наслаждаться, изви-ните, мы как-то не привыкли — тем более в метро.*

Приведенное рассуждение требует некоторого комментария. В частности, интерпретация формулы типа *Bon appetit!* представляется неточной: французское *Bon appetit!* — это не значит «Съешьте побольше», а значит примерно то же самое, что английское *Enjoy your meal!*, а именно, пожелание получить максимум удовольствия от еды — в отличие от русского *Ешьте на здоровье!* Соответственно, в русском языке слово *appetit* ощущается как «инострannое», так как оно означает именно залог получения удовольствия от еды, т. е. отражает несвойственную русской языковой картине мира установку. Обратим внимание также на то, что, наоборот, идея *здоровья* появляется также в одной из основных русских этикетных формул — *Здравствуй!*, в отличие от пожелания «хо-

<sup>26</sup> Другие англ. слова, которые могут служить эквивалентами для русского *наслаждение* (в частности, *delight*), мы здесь не рассматриваем.

рошего (т. е. приятного и/или удачного) дня», выступающего в той же функции во многих европейских языках — ср. фр. *Bonjour!* или нем. *Guten Tag!* Русское приветствие представляет собой пожелание оставаться в рамках нормы, не выходить за «нижний» ее край: здоровье — залог нормального существования и вообще жизни; *здоровствовать* значит, вообще говоря, просто «жить, быть живым, существовать», ср. *Да здравствует!*, *ныне здравствующий* и т. п.

Возвращаясь к слову *наслаждение*, надо отметить следующее. Оно связано со словом *сладкий* в переносном значении 'приятный, доставляющий удовольствие'. Этот семантический переход достаточно широко представлен в разных языках; специфическим для русского языка является следующий шаг семантической деривации, а именно, смещение в отрицательную аксиологическую зону (т. е. со словом *сладкий* в значении 'доставляющий удовольствие' происходит то же, что со словом *удовольствие*), ср. слова *сладострастие*<sup>27</sup>, *сластолюбие*, указывающие на морально осуждаемую погоню за удовольствиями<sup>28</sup>.

Франц. *jouir, jouissance* 'наслаждаться, наслаждение', также как и итал. *godere*, происходят от лат. *gaudere*, имевшего значения 'радоваться' и 'находить удовольствие в чем-либо'. К существительному от того же глагола (*gaudia*) восходит и франц. слово *joie* 'радость' (от которого англ. *joy* и *enjoy*); в немецком языке глагол *geniessen* имеет первое значение 'вкушать пищу' (ср. *geniessbar* 'съедобный'). Во всех четырех языках структура полисемии приблизительно одинакова; она включает, в частности, значения: 1) 'получать удовольствие от чего-то, делать это с удовольствием' (*enjoy the music, jouir de la vie*); 2) 'пользоваться, обладать чем-то' (квартирой, свободой). В русском языке нейтральное значение 'пользоваться' отсутствует; во всех типах употребления глагол *наслаждаться*, как и существительное *наслаждение* обозначает сильное (а иногда также «высокое», т. е. так или иначе не совсем «приличное») чувство.

Таким образом, соотношение в паре *наслаждаться* — *to enjoy* аналогично соотношению *счастливы* — *happy*; эти расхождения имеют системный характер и коренятся в устройстве соответствующих языковых картин мира.

<sup>27</sup> *Сладострастие*, так же, как и *сластотерние*, — калька с греч. ἡδονάθεια (букв. 'испытывание удовольствия').

<sup>28</sup> Связь между идеей 'сладкого' и 'морально осуждаемого' обнаруживается также в употреблении слова *разврат*, см. [Зализняк, Шмелев 2003].

## О ПОШЛОСТИ И ПРОЗЕ ЖИЗНИ\*

Как уже неоднократно отмечалось, в русской языковой картине мира важную роль играет оппозиция «высокого» и «низкого» (ср. о дуальности ценностной ориентации русской культуры в [Лотман, Успенский 1994]). В частности, как низкое очень часто воспринимается все, что связано с повседневной жизнью, житейской устроенностью и материальным достатком. Даже сами такие слова, как *благополучный*, *сытый*, *обыватель* легко приобретают негативный оттенок.

В данной статье мы рассмотрим ряд лингвоспецифичных русских слов, в семантике которых эта оппозиция особенно существенна.

### Быт

*Быт* относится к числу труднопереводимых русских слов<sup>1</sup>. Приведем ряд сочетаний с этим словом и его производным *бытовой*, которые могут вызвать затруднение при переводе: *дом быта*, *служба быта*, *бытовой роман*, *бытовые услуги*, *бытовые преступления*, *бытовая техника*. Так, например, словосочетание *бытовой роман* переводится на французский язык как «роман нравов» (*roman de mœurs*), т. е. фактически не переводится, а заменяется близким концептом.

При этом слово *быт* — не просто лингвоспецифичное слово; оно заключает в себе необычайно важное для русской культуры понятие. Прочитируем следующий отрывок из статьи Р. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», в котором автор, помимо прочего, обращает внимание на языковую и культурную специфичность данного концепта:

Творческому порыву в преображенное будущее противопоставлена тенденция к стабилизации неизменного настоящего, его обрастание косным хламом, замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны. Имя этой сти-

---

\* В работе использованы материалы статей И. Б. Левонтиной «Осторожно, пошлость!» и Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева «Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт*, *пошлость*, *вранье*», опубликованные в книге «Логический анализ языка. Языки эстетики». М., 2004.

<sup>1</sup> История слова *быт* описана В. В. Виноградовым [Виноградов 1994а]. Этому слову специально посвящена также статья Натальи Гоголицыной [Gogolitsyna 1998], которая, к сожалению, осталась для нас недоступна.

хии — быт. Любопытно, что в русском языке и литературе это слово и производные от него играют значительную роль, из русского оно докатилось даже до зырянского, а в европейских языках нет соответствующего названия — должно быть, потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались [Якобсон 1979: 359].

Попытаемся описать концепт *быта*, как он предстает на основе анализа русских языковых данных. *Быт* имеет следующие признаки.

1) К *быту* относятся те предметы и связанные с ними действия, которые направлены на поддержание материальной стороны существования. Ср.: *После замужества она впервые столкнулась с бытом* (имеется в виду — с материальной стороной обеспечения жизни). В советскую эпоху в официальных характеристиках часто использовалась формула *В быту скромна*, которая должна была означать, что характеризуемое лицо не замечено в пристрастии к роскоши.

2) *Быт* может быть только там, где человек живет (*домашний, дачный, больничный, лагерный, тюремный быт*, но не *\*гостиничный, производственный, институтский быт*). Выражение *Быт сотрудников нашего института* может быть понято только как относящееся к домашнему укладу каждого из них<sup>2</sup>. *Бытовое* противопоставлено *производственному* — ср. такие выражения, как *бытовые* (vs. *производственные*) *отходы*, *бытовая* (vs. *производственная*) *травма*. *Бытовая техника* — это техника, используемая в домашнем хозяйстве. Отсюда *бытовка* — подсобное помещение на стройке или производстве, где люди едят, переодеваются, умываются, отдыхают, т. е. делают то, что обычно делают дома. Ср. следующие отрывки из газетных статей, где выражение *в быту* вводит противопоставление разным сферам общественной жизни:

Анаболические стероиды *в быту*, медицине и спорте;

Приборы в промышленности и *в быту*;

...в промышленности, сельском хозяйстве, при решении экологических проблем, *в быту*.

Перечень видов лома цветных и черных металлов, образующихся *в быту* и подлежащих приему от физических лиц.

Основным потребителем электроэнергии является, конечно, промышленность, однако расход *в быту* тоже внушителен — 9—10 % всего объема энергии.

Интересен также следующий отрывок из книги А. Нилина «Стрельцов», где дважды употребленное выражение *в быту* в одном случае обозначает жизненную сферу, не относящуюся к профессиональной деятельности футболиста, а в другом — домашнюю частную жизнь:

<sup>2</sup> Возможно также несколько сдвинутое употребление слова *быт*, при котором оно относит к тому, что принято в некоторой профессиональной среде, ср. *литературный быт 20-х годов*.

...Стрельцов в умении искать приключений на свою задницу в пьяном виде превосходил и Боброва, и всех прочих. ...Не в защиту, а лишь для тех, кто близко не знал Стрельцова, скажу, что был он из тех стеснительных натур, кого водка раскрепощает *в быту*, кому помогает высказать и ближним (и дальним) то расположение, на какое в трезвом виде в полной мере человек не способен. (...)

*В быту* водка помогала Эдику из свойственной ему склонности к молчаливой прострации резко перейти к активности общежитейского состояния, в иных обстоятельствах — к активности, резко противоречащей его мягкой натуре.

3) Для *быта* характерна повседневность, привычность, обычность — ср. выражение *войти в чей-то быт*, т. е. 'стать обычным'. Ср.:

Химия *на каждый день*. Полезные знания и советы о применении химических знаний *в быту*: в саду, в аптечке, на кухне, в домашнем хозяйстве.

Эта же идея присутствует в несколько нестандартном употреблении выражения *в быту* в следующих строках Пастернака:

Недотрога, тихоня *в быту*,  
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.

Здесь *в быту*, вообще говоря, означает просто 'обычно' и противопоставлено *сейчас*.

Заметим, что слово *быт* заключает в себе концепт, который сам по себе никак не окрашен, но легко приобретает отрицательную коннотацию: *быт* понимается как обозначение мелочей повседневной материальной жизни, недостойной внимания человека, имеющего подлинные духовные интересы, и противопоставляется *бытию*, обозначающему глубинные основы существования (ср. также [Boym 1994: 29])<sup>3</sup>. Таким образом, пара *быт* — *бытие* вписывается в оппозицию «высокое — низкое». Противопоставление *быта* как земного, брэнного, переходящего — вечному *бытию* особенно характерно для М. Цветаевой, что отмечали многие авторы; ср. следующие примеры из книги Анны Саакянц «Жизнь Цветаевой» [Саакянц 2002]:

Это дневниковые записи 1917—1920 годов, *быт* Революции и *бытие* в нем поэта — именно так толковала Цветаева свой замысел;

Так поэт побеждал переходящесть *быта* чувств, преображая его в *бытие* нетленных страстей...;

То есть в *милолетном быту* любви («с минутным баловнем») незримо и неотторжимо присутствует *вечное бытие* любви с... невозможным, несбыточным, мифическим...

Показательно также название книги Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», в которой много фрагментов, подобных следующему:

<sup>3</sup> Как заметил А. Б. Пеньковский, этой дифференциации не было в языке Пушкина; однако в современном языке она стала общим местом [Пеньковский 2003].

С того момента, когда ей пришлось осознать понятия *быта* и *Бытия*, они стали для нее антагонистами: *быт* необходимо было изжить, преодолеть, существовать Цветаева могла только в *Бытии*. Дон Жуан, Казанова, Комедьянт, Лозэн были ее *Бытием*, мороженая картошка — *бытом*.

Название книги В. Швейцер — вариация на тему названия «Быт и бытие. Из прошлого. Настоящего. Вечного», книги воспоминаний друга М. Цветаевой князя С. М. Волконского. Волконский, в частности, упоминает историю о том, как к Цветаевой пришел грабитель, но, ужаснувшись перед ее бедностью и под впечатлением от разговора с нею, ушел, перед уходом предложив ей денег. «Его приход был *быт*, его уход был *бытие*», — пишет автор (цит. по: [Швейцер 2003: 219]).

Вообще надо сказать, что Цветаева со свойственным ей гиперболизмом, видимо, выразила противопоставление, чрезвычайно характерное для послереволюционных лет с их контрастом между нищенским, совершенно разрушенным бытом и бурной духовной и художественной жизнью. Общеромантическое презрение к быту на фоне относительного благополучия обернулось нежеланием замечать окружающую разруху и стремлением жить только жизнью духа и души.

Кроме того, *быт* противопоставляется *бытию* как мелкое, незначительное — крупному и значительному. Ср.:

Где я не получаю сдачи  
Разменным *бытом* с *бытия*...  
(Пастернак. «Волны»).

На представлении о том, что *быт* — это нечто несущественное и недостойное того, чтобы быть предметом литературы, основан использовавшийся в советском литературоведении ругательный термин «бытовизм», против которого выступал подвергшийся именно такому обвинению Ю. Трифонов:

В русском языке нет, пожалуй, более загадочного, многомерного и непонятного слова. Ну что такое *быт*? То ли это — какие-то будни, какая-то домашняя повседневность, какая-то колготня у плиты, по магазинам, по прачечным. Химчистки, парикмахерские... Да, это называется *бытом*. Но и семейная жизнь — тоже *быт*. Отношения мужа и жены, родителей и детей, родственников дальних и близких друг другу — и это. И рождение человека, и смерть стариков, и болезни, и свадьбы — тоже *быт*. И взаимоотношения друзей, товарищей по работе, любовь, ссоры, ревность, зависть — все это тоже *быт*. Но ведь из этого и состоит жизнь! (Ю. Трифонов. «Нет, не о быте — о жизни!»)

Отторжение *быта* — романтическая (в широком смысле) линия в русской культуре вообще и в поэзии в частности. В русской культуре ярко выражена тенденция восприятия *быта* как чего-то враждебного человеку. *Быт засасывает, заедает* человека, не дает ему возможности жить духовными интересами; в особенности это относится к тяжелому советскому *быту* — ср. выражение Светланы Бойм «daily grind» [Boym 1994].

С другой стороны, налаженный *быт* является основой *юта* (об *юте* см. [Левонтина, Шмелев 2000а; Шмелев 2002: 349—353]). Поэтому — так же, как отталкивание от *юта* — неприятие *быта* остается важной составляющей романтического мировосприятия, ср. слова из песни на стихи П. Когана «Бригантина», ставшей своего рода гимном советской романтики 60-х годов:

Пьем за яростных, за непокорных,  
За презревших грошевой уют.

Весьма показателен в этой связи следующий отрывок из дневника десятилетней Ариадны Эфрон, дочери М. Цветаевой (цит. по книге: [Саакянц 2002: 317]):

«Геликон»<sup>4</sup> всегда разрываем на две части — *бытом* и *душой*. Быт — это та гирька, которая держит его на земле и без которой, ему кажется, он бы сразу оторвался ввысь, как Андрей Белый. На самом деле он может и не разрываться — души у него мало, так как ему нужен покой, отдых, сон, уют, а этого как раз душа и не дает.

Другая линия в русской поэзии состоит в том, чтобы видеть поэтичность в *мелочах быта*. Так, Пастернак вовсе не отвергает *быта*. Ср.:

В родстве со всем, что есть, уверясь  
И знаясь с будущим в быту...

*Быту* здесь противопоставлено будущее (как временному — вечное), но одновременно вступает с ним в контакт, составляя частный случай «контакта малого, сиюминутного, здешнего, (...) — с далеким, вечным, беспредельным» [Жолковский 1996: 217]; ср. также [Гаспаров 1994]. Ни этического, ни эстетического противопоставления здесь нет.

На то, что у Пастернака отсутствовало презрение к быту, характерное для многих представителей русской интеллигенции, указывает О. Ивинская в своих воспоминаниях «Годы с Борисом Пастернаком»:

Но главным источником его творческого вдохновения, как я понимаю — была повседневность. О чем бы ни писал Пастернак — о любви, о природе, о социальных потрясениях — везде у него высокое искусство рождается в столкновении поэтической отвлеченности с домашним *бытом* и уличной повседневностью.

Она же пишет о различиях в отношении к *быту* у Пастернака и Цветаевой:

[Пастернак] относился к удобствам *быта* совсем не так, как Цветаева. Не сибарит он был, и не барин, но некий минимум бытовых удобств, какой-то порядок и покой, письменный стол и кабинет ему были необходимы.

---

<sup>4</sup> Метонимическое (по названию издательства) шутивное прозвище А. Вишняка — берлинского издателя и вдохновителя цикла стихов М. Цветаевой.

Ср. также следующий отрывок из «Воспоминаний» З. Н. Пастернак:

Я была сконфужена, когда Пастернак тащил ко мне вязанки хворосту. Я уговаривала его бросить, и он спросил: «Вам стыдно?» Я ответила: «Да, пожалуй». Тут он прочел мне целую лекцию. Он говорил, что поэтическая натура должна любить повседневный *быт* и что в этом *быту* всегда можно найти поэтическую прелесть. По его наблюдениям, я это очень хорошо понимаю, так как могу от роюля перейти к кастрюлям, которые у меня, как он выразился, дышат настоящей поэзией.

Распространенная точка зрения, согласно которой высокие и поэтические натуры презирают повседневность, была совершенно чужда Пастернаку. По свидетельству еще одной женщины, Пастернак считал, что «нельзя быть в искусстве жар-птицей, а в быту — мокрой курицей» (З. Масленикова. «Борис Пастернак»).

Впрочем, установка на поэтизацию *быта* была свойственна также Цветаевой в ранний период ее творчества. Как пишет М. Л. Гаспаров, М. Цветаева «понесла в поэзию самый быт: детская, уроки, мещанский уют», что «по критериям 1910 г. было... вызовом» [Гаспаров 2001].

Отсутствие отращения от *быта* может быть связано не только с его поэтизацией, но и с общими ценностными установками. Приведем характерный отрывок из последнего интервью с акад. А. В. Панченко («Известия», 5 июня 2002):

- В чем проявляется национальный комплекс неполноценности?
- В глухой зависти к налаженному *быту*. Глухой, разрушительной — не стремиться наладить свой *быт*, но разрушить чужой.

Чрезвычайно показательны и такие строки О. Чухонцева из поэмы «Свои», в которой поэт описывает тяжелую жизнь, прожитую его старшими родственниками:

...А что слова?  
Бесталанно наше море.  
Реки слез и горы горя.  
Как у всех. У большинства.

Не избыть. Да и к корыту  
приписали, то есть к быту,  
мол, такой-сякой поэт  
прозой жизни озабочен.  
А в России, между прочим,  
быта и в помине нет.

В этих строках сталкиваются две идеи — романтический штамп, в соответствии с которым *быт* противопоставлен духовности, и заключенное в значении самого слова представление о том, что *быт* связан устойчивостью и хотя бы относительным благополучием. Таким образом наглядно демонстрируется циничное лицемерие советского пропагандистского дискурса.



## Пошлость

*Пошлость* — одно из самых известных непереводаемых русских слов<sup>5</sup>:

Таких слов, таких понятий и образов, какие создала Россия, не было в других странах, — и часто он доходил до косноязычия, до нервного смеха, пытаюсь объяснить иноземцу, что такое «оскомина» или «пошлость» (В. Набоков. «Подвиг»).

Набоков является и главным в истории мировой культуры борцом с пошлостью. В частности, ему принадлежит очень точное наблюдение о том, что определяющим для пошлости является *ложная претензия*: пошлость — это нечто «ложно значительное, ложно красивое, ложно умное, ложно привлекательное» (*'Nikolai Gogol'*, перевод наш. — А. З., И. Л., А. Ш.). Вместе с тем, как нам сейчас очевидно, набоковские гневные инвективы в отношении пошлости обладают одним бросающимся в глаза свойством: пошлостью. Ср.:

Извить и обличать *пошлость* — занятие чреватое. Этой самой *пошлостью*. Даже утонченнейший Набоков влип. С одной стороны, уличил в *пошлости* и бездуховности русскую революцию, от которой бежал, «потому что она повторила пошлый опыт обмана и насилия, потому что она изменила демократической мечте». А с другой — американское общество воплощенной демократической мечты, в котором жил: «Мир — это только тень, спутник подлинного существования, в которое ни продавцы, ни покупатели в глубине души не верят». Обрушился на «густую» *пошлость* рекламы за то, что она исходит «не из ложного достоинства того или иного предмета, а из предположения, что наивысшее счастье может быть куплено и что такая покупка облагораживает покупателя». Как будто реальная власть реального народа не является воплощением демократической мечты, а вещиизм не есть победительное воплощение этой власти! Как будто «средний», но оттого не менее самодовольный и уважающий себя (то есть «западный») человек может добровольно жить в постоянной уязвленности своей отторгнутой от «подлинного существования» и «наивысшего счастья»! А если, по мнению аристократа (в том числе аристократа духа) Набокова, «мещанин» должен знать свое место, то какая же это демократия? Так Владимир Владимирович сам оказался в плену *пошлого исторического обмана*. В общем, все пошляки и изменники (С. Файбисович. «О призрачном счастье и подлинном существовании»).

Иногда говорят, что Набокову тут изменяет вкус, однако это ничего не объясняет: хороший вкус и есть противоположность пошлости. Мы собираемся показать, что этот порочный круг (разоблачать пошлость — это пошло) заложен в природе самой этой категории.

<sup>5</sup> Об истории слова *пошлый* см. [Виноградов 1994б]. Мы здесь не рассматриваем второе значение слова *пошлый* — «скабрзный» (ср. *пошлый анекдот*), хотя между этими двумя значениями имеется вполне определенная связь через смысловой компонент 'то, что нравится многим'; кроме того, эти значения часто выражаются синкретично (ср. *говорить пошлости*).

*Пошлость* — понятие, может быть, столь же всеобъемлющее, как понятие *прекрасного*. Это слово выражает самую убийственную эстетическую оценку, какая есть в русском языке. *Пошрое* гораздо хуже *безобразного*. *Безобразное* контрастирует с *прекрасным*, тем самым только подтверждая наше представление о красоте. *Пошлость* компрометирует *прекрасное*, потому что подражает ему, и при этом пародия иногда лишь неуловимо отличается от оригинала. Но *пошлость* убивает в каждом явлении то, что составляет его сокровенный смысл.

А. Вежбицкая предлагает следующую экспликацию для слова *пошлость*, в которой, безусловно, отражены наиболее существенные компоненты значения этого слова [Вежбицка 2002: 9]:

*Пошлость*

многие люди думают о многих вещах, что эти вещи хороши  
 это неправда  
 эти вещи нехороши  
 они похожи на некоторые другие вещи  
 эти другие вещи хороши  
 эти люди этого не знают  
 это плохо  
 люди такие, как я, это знают

Далее А. Вежбицкая пишет: «Если вы с этим толкованием не вполне согласны, вы можете точно сказать, что именно нужно в нем переменить». Воспользуемся этим предложением.

Прежде всего, по-видимому, следует считать ошибкой (может быть, опечаткой?) упоминание о «многих вещах» в первой строчке толкования; здесь, очевидно, должно стоять «некоторые вещи». Кроме того, надо сделать несколько уточнений. Во-первых, речь идет о «хороших» вещах лишь в определенном аспекте: это может быть нечто красивое, остроумное, оригинальное, интересное — но не, например, функционально пригодное (о технике), доброкачественное (о пище), удобное (о мебели, квартире) и др. Таким образом, в положительной оценке — которая оказывается «ложной» и которую разоблачает автор высказывания со словом *пошлый* — решающую роль играет эстетический момент.

Вообще *пошлым* может быть только такое действие, ситуация, предмет или высказывание, которым человек приписывает некую эстетическую значимость. Так, гриб, цветок или морская раковина — так же как и хождение на работу или в лес за грибами — сами по себе не могут быть *пошлыми*: они могут стать таковыми только в том случае, если кто-то приписывает им какую-то дополнительную эстетическую ценность, а говорящий эту оценку не разделяет. Да, в *пошлости* есть отмеченное Набоковым перетекание ее в этическую и общую оценку, но чрезвычайно важна сама идея: это некрасиво и поэтому плохо.

Во-вторых, весьма важную роль в определении *пошлости* играет смысловой компонент, соответствующий этимологическому значению этого слова —

а именно, идея повторяемости, воспроизводимости, предсказуемости ситуации, ее принадлежности опыту многих и многих (ср. [Бойм 2002: 68]) Так, *пошлый роман* — это, например, курортный или роман со своей секретаршей, т. е. предсказуемый, часто возникающий в данных обстоятельствах. В толковании Вежбицкой этот смысл отражен в форме упоминания «многих людей», однако, на наш взгляд, здесь важна не столько идея «множества», сколько идея повторения одного и того же, неоригинальности. Эта идея важна именно потому, что слово *пошлость* применяется к тем объектам, ценность которых заключается в значительной степени в их оригинальности: остроты, произведения искусства и т. п.

И, наконец, третье соображение состоит в том, что, возможно, в толковании следовало бы более явно вывести наружу тот скрытый, но очень важный смысл (ему соответствует последняя строка в толковании Вежбицкой), что, характеризуя другого человека и его действия словами *пошлость* или *пошлый*, говорящий в своих глазах возвышается над ним, думая про себя: а мои ценности — настоящие, и поэтому я (и такие, как я, немногие) бесконечно превосхожу тебя (и таких, как ты, многих). При этом, как и в других оценочных словах — а может быть, даже в большей степени, в слове *пошлость* подразумеваемая говорящим эстетическая оценка подается им как объективный факт, и осужденному выносятся мгновенный и безоговорочный приговор (ср. известную фразу из «Вишневого сада»: *Дачи и дачники — это так пошло, простите*). И в этом последнем смысловом компоненте кроется источник образуемого *пошлостью* порочного круга: описанная только что концептуальная конфигурация — а именно, удовольствие, получаемое от чувства превосходства над человеком, идущим в толпе протоптанной тропой и не подозревающим об этом, — является одним из самых банальных проторенных путей, т. е. *пошлостью*.

Слово *пошлость* тем самым — это чистое свидетельство отношения говорящего к миру и к адресату; в этом слове вообще отсутствует дескриптивное содержание (в отличие от слова *мещанство*, о котором пойдет речь ниже, и от многих собственно оценочных слов — таких, как *подлость*, *безобразие*, *свинство* и т. п.). Поэтому с равной вероятностью как *пошлость* могут расцениваться совершенно разные и даже противоположные вещи: целеустремленно делать карьеру и медитировать лежа на диване, стремиться быть как все и хотеть быть ни на кого не похожим, покупать только дорогие вещи и только дешевые, отдыхать в комфортабельных отелях и ходить с рюкзаком в горы и т. д.

Характерный пример эстетического релятивизма:

Читала она с той *пошлой* певучестью, фальшью и глупостью в каждом звуке, которые считались высшим искусством чтения в той ненавистой для Мити среде, в которой уже всеми помыслами своими жила Катя: она не говорила, а все время восклицала с какой-то назойливой томной страстностью, с неумеренной, ничем не обоснованной в своей настойчивости мольбой, и Митя не знал, куда глаза девать от стыда за нее (И. Бунин. «Митина любовь»).

Итак, *пошлым* может быть названо что угодно (если выполнены перечисленные выше условия); этим прилагательное *пошлый* отличается от *мещанский*, хотя здесь имеется довольно большая зона пересечения: то, что может быть названо *мещанским*, часто может быть названо также и *пошлым* (но не наоборот). В некоторых случаях, однако, сочетания со словом *пошлый* имеют вполне определенное дескриптивное содержание. Так, *пошлые занавески* или *обои* значит, например, с какими-нибудь розочками или оборочками; *пошлый торт* — с пышным розовым кремом и т. д. Обладая определенным дескриптивным содержанием, такие выражения могут приобретать вторичную положительную оценку, ср.:

Купить бы себе на базаре тапочки — уютные, *пошлые*, из искусственного меха, чтобы спереди морда, сзади помпоны, а внутри самопальный войлок. (Т. Устинова. «Первое правило королевы»)

Человек, признающийся в пристрастии к чему-то *пошлomu*, обычно делает это для того, чтобы обезопасить себя от обвинений в пошлости. Действительно, как уже говорилось, *пошлость* неразрывно связана с «ложной претензией»: *пошлый* человек не догадывается о собственной пошлости и самодовольно полагает свои вкусы безупречными. Если же ложная претензия снимается, то и для *пошлости* как будто не остается места. Но выйти за пределы порочного круга все равно не удается: при многократном воспроизведении признание в пристрастии к *пошлomu* само по себе оказывается *пошлым*.

Обширный класс объектов, которые могут быть охарактеризованы как *пошлые*, составляют речевые произведения. Высказывание может быть названо *пошлым*, если в нем содержится претензия на остроумие, оригинальность или глубину мысли. Образцом *пошлости* в русской культуре являются персонажи рассказа Чехова «Ионыч»: фразы «Мороз крепчал», «Умри, несчастная!», «Вы не имеете никакого римского права» являются пошлыми потому, что произносящие их персонажи приписывают им эстетическую ценность, каковой они, очевидно, не обладают.

Особенно обостренное отношение к *пошлости* характерно для умонастроения, которое связывается с представлением о «левых» политических взглядах. Корней Чуковский в книге «Мастерство Некрасова» пишет, что слово «пошлый» (и «пошлость») «к шестидесятым годам все больше и больше окрашивалось политическим смыслом и приобретало оттенок: застой, оцепенелость, омертвление чувств, приверженность к старым порядкам». Далее он замечает, что основное отношение революционных демократов к *пошлости* — «активная, не знающая примирения ненависть». В противовес этому люди «правых» взглядов иногда готовы выступать с апологией пошлости. Характерно высказывание В. Шульгина, приведенное в его книге «Дни»: «все женщины жаждут самодержца... Я знаю, вы скажете, что это “пошлость”... Но заповеди “не убий” и “не укради” — тоже “пошлость”... Однако пошлости такого рода обладают таким свойством, что стоит только от них уклониться и начать “оригинальничать”, как мир летит вверх тормашками».

## Пошлый vs. вульгарный

В свое время Пушкин сетовал по поводу английского слова *vulgar*: «Люблю я очень это слово, / Но не могу перевести. / Оно у нас покамест ново, / И вряд ли быть ему в чести». Однако, видимо с легкой руки Пушкина, оно теперь более или менее успешно переводится русским словом *вульгарный*<sup>6</sup>.

*Как это вульгарно!* или *О Боже, что за пошлятина!* — морщит нос человек «со вкусом» по поводу самых разных вещей: фильма, абажура, предвыборного выступления, женского кокетства, анекдота, монографии, манеры вести себя за столом или отвечать по телефону. Герой романа Б. Акунина «Внеклассное чтение» считал имя Ангелина *пошлым и претенциозным*.

В *пошлых* анекдотах встречаются *вульгарные* выражения, а *вульгаризаторы* имеют обыкновение *опошлять* научные концепции. То есть, у этих двух слов похожая структура многозначности. Круг значений, общих для слов *пошлый* и *вульгарный*: 1. обыкновенный, простонародный; 2. безвкусный; 3. непристойный; 4. банальный, тривиальный.

В основе представления о *вульгарном* и *пошлом* лежит одна и та же идея: и *вульгарность*, и *пошлость* присущи толпе или, как любил говорить Пушкин, *черни*.

Представления о *хорошем вкусе* и о вкусе *черни*, конечно, разные у разных эпох, социальных групп, да просто у разных людей. Легко себе представить двух дам, которые пришли куда-то одна в вечернем туалете, а другая в джинсах и свитере, и каждая на этом основании считает другую *вульгарной*.

И все же, хотя понятия *вульгарного* и *пошлого*, с одной стороны, близки, а с другой — трудноопределимы, между ними есть ощутимые различия. Так, например, ярко-красный лак для ногтей больше рискует быть названным *вульгарным*, а бледно-розовый — *пошлым*.

В статье [Фролова 2003] отмечается, что *пошлый* — это скорее не внешняя, а внутренняя содержательная характеристика поведения человека, а *вульгарный* — внешняя. Однако дело не только в этом. *Вульгарность* — понятие в какой-то степени социальное. *Вульгарным* человек называет то, в чем он опознает вкус той социальной группы, над которой он поднялся, от которой хочет дистанцироваться, но которая, возможно, втайне привлекает его, потому что для него она олицетворяет народ. Поэтому *вульгарность* может быть самобытной и по-своему привлекательной.

Часто цитируют слова Брехта: «Великое искусство всегда немного вульгарно». Вообще эстетические оценки употребляются применительно к произведениям искусства особым образом: даже само слово *красивый* в этом случае едва ли применимо, сомнительна и категория вкуса. В этом смысле Зинаида Гиппиус говорила: «*Вкус бывает у портного*». Впрочем, слово *пошлость* применимо и к

---

<sup>6</sup> Об истории слова *вульгарный* и его фиксации в русских словарях — см. статью О. Фроловой [Фролова 2003].

произведениям искусства, оно универсально, так как выражает идею абсолютно-го эстетического зла.

*Вульгарность* может ассоциироваться с подлинностью, природностью, первобытной силой. Ср.:

Пела Алина плохо, сильный голос ее звучал грубо, грубо подчеркивал бесстыдство слов, и бесстыдны были движения ее тела, обнаженного разрезом туники снизу до пояса. Варвара тотчас же и не без радости прошептала:

— Боже, как она *вульгарна!*

⟨...⟩ Но и голос, и томная лень скупых жестов Алины, и картинное лицо ее действовали покоряюще. Каждым движением и взглядом, каждой нотой она заставляла чувствовать ее уверенность в неотразимой силе тела.

⟨...⟩ — Вам, кажется, все-таки понравилась она? — спросил Самгин, идя в фойе.

— Да, — сказала Варвара.

— Но ведь вы нашли ее *вульгарной*.

— Нашла — но это такая *вульгарность* вакхическая. ⟨...⟩ Я готова сказать, что это — не *вульгарность*, а — священное бесстыдство. Бесстыдство силы. Стихии (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

Поскольку в слове *вульгарный* сохраняется идея низкого социального происхождения, оно естественно сочетается с идеями грубости, незатейливости и т. п. Часто *вульгарность* связывается с животностью, низменными инстинктами. Ср.:

Вторая официантка что-то сказала Зине на ухо, хотя в зале никого не было, и та вдруг резко, *вульгарно* рассмеялась (В. Аксенов. «Катапульта»);

У всех — беспородные, обрюзгшие лица, грубые голоса, простецкое, *вульгарное* обращение между собой (Г. Вишневская. «Галина. История жизни»);

В *пошлости* тоже есть социальный компонент, но другой: *пошлым* называют вкус человека, который хочет подняться над своей социальной группой и заимствует внешние атрибуты более высокого пласта культуры, неорганичные для него. Оценка же его как *пошлого* принадлежит подлинному, органичному представителю этого более высокого культурного пласта. *Пошлости* как помпезной пародии на изысканность последний противопоставляет изысканную простоту. Эту вторичность, фальшь, суррогатность отмечают почти все, кто говорит о *пошлости*, в частности Набоков: «Я утверждаю, что простой, не тронутый цивилизацией человек редко бывает пошляком, поскольку пошлость предполагает внешнюю сторону, фасад, внешний лоск. Чтобы превратиться в пошляка, крестьянину нужно перебраться в город. Крашенный от руки галстук должен прикрыть мужественную гортань, чтобы восторжествовала неприкрытая пошлость» (В. Набоков. «Пошляки и пошлость»).

Поэтому *пошлость* связывается обычно не с грубой телесностью, а с неумелыми попытками изобразить утонченность и возвышенность. В *пошлости* нет очарования, хотя есть обволакивающая, затягивающая сила. Особенно характерна *пошлая* сентиментальность. *Пошленький* мотивчик, *пошлые* слова песенки часто вызывают слезы даже у эстета.

Здесь можно сделать еще одно замечание. Слова *вульгарный* и *пошлый*, в одном из значений выражающие похожую эстетическую оценку, оба имеют также и значение 'непристойный'. Однако, как кажется, смысловой «мостик» между аналогичными значениями у двух слов разный. *Вульгарность* граничит с непристойностью, просто поскольку груба и телесна. *Пошлость* же не обязательно груба, но компрометирует носителя этого свойства так же сильно, как непристойное поведение<sup>7</sup>.

### Мещанство

«Мещанин — представитель бедного среднего класса — и мещанин — бездуховный обыватель — слились в одно в русской культурной мифологии. Мещанство и интеллигенция виделись как два культурных антипода, воплощающих в себе быт и бытие. Это один из основополагающих культурных мифов российской истории» [Бойм 2002: 92]<sup>8</sup>.

У слова *мещанство* в современных словарях русского языка фиксируется два значения. Первое относит к городскому сословию в дореволюционной России, второе кодирует некоторую совокупность психологических и поведенческих особенностей, а также ценностных представлений (этических и эстетических), присущих, по предположению, представителям мещанства как социальной категории. *Мещанство* в этом втором смысле является ругательным словом — ср. примеры, приводимые в словаре МАС:

Все — начиная с того, что он ходил дома или в халате, или без халата, и кончая тем, что жена без его спроса боялась куда-либо идти, — все пахло *мещанством* (Решетников. «Свой хлеб»);

Страшная сила *мещанства* заключалась, в частности, в гнусной тяге его к спойствию, к бездействию (Ажаев. «Далеко от Москвы»).

К «мещанским» ценностям относятся покой, уют, налаженный быт, уверенность в завтрашнем дне, благосостояние, благоразумие, здравый смысл, устойчивые нормы поведения и морали. Характеризуя приверженность этим ценностям как *мещанство*, человек обычно хочет продемонстрировать свое превосходство, основанное на наличии более высоких, духовных интересов. В мещанстве также не одобряется пристрастие к внешней, социальной стороне существования, желание казаться значительней, чем ты есть. Ср. пример из Интернета:

В них есть *мещанство*: например, приглашают к себе гостей не из гостеприимства, а желая похвастаться своим домом и своей женой.

<sup>7</sup> Иначе формулируется различие между значениями слов *вульгарный* и *пошлый* в работе В. М. Савицкого [Савицкий 2003: 179—180]. В этой же статье *пошлость* сопоставляется и с другими словами: *цинизм*, *безвкусица*, *сентиментальность* и др.

<sup>8</sup> О борьбе с мещанством как ключевой категории русской духовной истории XX века см. монографию [Вихавайнен 2004].

Комплекс норм поведения и морали, характерных для *мещанства*, иногда называют *мещанскими предрассудками*. Сюда относятся, прежде всего, представления, регулирующие отношения полов: о недопустимости добрачных связей, о необходимости свадьбы, о супружеской верности и т. п. Ср. слова электро-техника Жана из стихотворения Маяковского:

Ужасное мещанство —  
невинность  
зря  
беречь.

В том же пародийном ключе осуждение «мещанских предрассудков» представлено в рассказе Зощенко «Мещанство»:

— Приходите, — говорю, — Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После фильму пойдем посмотрим. За вход заплачу.

Не хочет.

Спасибо ребята срамить начали.

— Да брось ты, — говорят, — Катюша, свое мещанство. Любовь свободная.

Ломается. Всё-таки, поломавшись, через неделю зашла. Зашла и чуть не плачет, дура такая глупая.

— Не могу, — говорит, — заходить. Симпатии, говорит, к вам не ощущаю.

— Э, — говорю, — гражданка! Знаем мы эти мещанские штучки. Может, говорю, вам блондины эффектней, чем brunеты? Пора бы, говорю, отвыкнуть от мещанской разницы.

Понятие *мещанства* включает представление о приверженности отжившим формам бытия (ср. выше о трактовке *пошлости* революционерами-демократами). Отсюда метафора косности, застоя, затягивающего болота: *закоснеть в мещанстве, болото мещанства*. Ср. также:

*Мещанство* большое зло, оно, как плотина в реке, всегда служило только для застоя (Чехов).

Война с мещанством вдохновляется пафосом разрушения устоявшихся форм бытия. Соответственно, «главным врагом всех революций — Октябрьской, Кубинской и 60-х — было мещанство» [Вайль, Генис 2001: 59]. *Мещанству*, озабоченному материальным благосостоянием, противопоставлены *бескорыстие* и *духовность* романтического порыва.

Активным борцом с мещанством был Маяковский, доходивший в этой борьбе до абсурда:

Скорее  
голова канарейкам сверните —  
чтоб коммунизм  
канарейками не был побит.



«Вот кто угрожает коммунизму — канарейки», — комментирует эти строки Ю. Карабчиевский [Карабчиевский 1985: 143]. При этом идеалы самого Маяковского, как показано в той же книге, являются по существу абсолютно «мещанскими»:

Мой рай — в нем залы ломит мебель,  
услуг электрических покой фешенебелен.

Обратим внимание на то, что в рамках советского идеологического дискурса это вовсе не парадокс. Так, в повести Солженицына «Раковый корпус» дочь ответственного работника Русанова, Авиетта, осуждая мещанство, произносит речь, которая выдает ее как типичную «мещанку»:

Но я тебе шире скажу, у меня такое ощущение, я это быстро схватываю, что подходит полная революция быта! Я даже не говорю о холодильниках или стиральных машинах, гораздо сильнее все изменится. То там, то здесь какие-то сплошь стеклянные вестибюли. В гостиницах ставят столики низкие — совсем низкие, как у американцев, вот так. (...) Абажуры матерчатые, как у нас дома — это теперь позор, *мещанство*, только стеклянные! Кровати со спинками — это теперь стыд ужасный, а просто — низкие широкие софы или тахты...

Обличение *мещанского уюта*, особенно в лице канареек и гераней (вариант — фикусов), отвлекающих человека от движения к светлому будущему, стало обычным в советской культуре:

Из гостиной доносились звуки рояля, — тихие, пряные. В комнате пахло книгами и коврами. (...) Равно тикали стенные часы. (...) Покой, уют, благополучие. «Иллюзия благополучия, — подумал Сергей. — Скоро, скоро придет и сюда, может быть грубая, жестокая, но освежающая буря Революции. И сметет она этот теплый покой и *пошлый уют*. К чорту, вверх ногами перевернет эту *равномерно налаженную жизнь*. И засмеется над испуганным недоумением и бесильной ненавистью этих маленьких, протестующих человечков» (А. Голиков (Гайдар). «В дни поражений и побед»);

Завтра, в воскресенье, мы, например, организуем рейд под названием: «Долой пошлость!» Будем заходить в дома и объяснять хозяевам, особенно молодым, что всякие картинки с лебедями, разные кошечки, слоники — все это ужасная *безвкусица, мещанство*. Это не красиво, а *пошло*. Надо объяснять людям, что это некультурно. Чем так засорять свои комнаты пестрым хламом, лучше купить две-три хорошие репродукции картин больших мастеров и повесить у себя. Это, кстати, будет и дешевле. И это будет культурно (В. Шукшин. «Любавины»).

Ср. также характерное рассуждение Л. Кассиля: «У человека с плохим, пошлым вкусом постепенно вырабатывается неверное отношение к людям, к жизни. Это в свою очередь порождает скверный стиль существования. Мало того, что человек обкрадывает себя, привыкая отдаваться лишь легким радостям, необременительным мыслям, он и лишает себя высокого счастья, счастья познавать настоящее искусство, так как довольствуется всякой «дешевкой», подделкой и маленькими, мелкими чувствами. Но ведь никто не посягает на *домашний уют*, и

об этом надо убедительно говорить, если хочешь воспитать у людей верный вкус в быту. Надо с полным уважением относиться к стремлению человека украсить свое жилье, сделать его уютным, привлекательным. Мы за то, чтобы люди заботились о домашнем уюте; мы за то, чтобы девочек обучали рукоделию. Мы за красивые вышивки, за опрятные половички. И занавески на окнах могут быть, если нет более удобной шторы. И очень приятно, когда умелые женские руки застелят стол красиво вышитой скатертью, а хозяин квартиры, скажем, человек со сноровистыми руками и требовательным вкусом, не желая тратиться, сам смастерит и пристроит к лампе над столом успокаивающий глаз абажур. Мы — за это! Но плохо, когда забота о занавесках, о ковриках, о салфеточках и подушечках становится чуть ли не главной и единственной в жизни. Плохо, когда человек замкнулся в своем *мелком домашнем мирке* и, кроме этого, ему ничего не нужно, ни до чего нет дела. Плохо, когда всяческие ухищрения, на которые готовы пойти люди ради внешнего украшения своего быта, вытесняют все другие, более серьезные и важные в жизни стремления» (Л. Кассиль. «Дело вкуса»).

В 60-е годы категория *мещанства* стала чисто оценочной. «Если когда-то бичевали только абажуры и слоников на комодах, то постепенно мещанство стало источником всех бед — от невыученных уроков до фашизма» [Вайль, Генис 2001: 129]. Впрочем, как считает Н. Зоркая, апелляция к мещанству как источнику всех бед была характерна для советского дискурса с самого начала: «“Мещанству” после Октября приписывались и “мещанством” объяснялись все текущие неудачи властей по части коммунистического воспитания трудящихся: аполитичность, дурной вкус (слоники на комоде и коврики с лебедями), частнособственническая мораль и аморальность, ханжество и разврат, накопительство и разгильдяйство» (Н. Зоркая. «Брак втроем — советская версия»).

В частности, «мещанством» объявлялась церемония свадьбы, а также иногда и сам институт брака. Приведем характерный эпизод из воспоминаний Ю. М. Лотмана:

Мы отправились в загс оформлять наши отношения. (...) Праздничных платьев у Зары Григорьевны вообще не было (*мещанство!*). А было нечто, «исполняющее обязанности», перешитое из платья тети Мани (...). Мы пришли в загс. «Пришли» — это не то слово: я буквально втащил отчаянно сопротивлявшуюся Зару Григорьевну, которая говорила, что, во-первых, не собирается переезжать в Гарту и бросать школьников Волховстроя, во-вторых, что семейная жизнь вообще *мещанство* (подруга Зары Григорьевны резюмировала эти речи язвительной формулой «Личное — взад, общественное — вперед!») (Ю. М. Лотман. «Не-мемуары»).

Заметим, что центральное место в категории *мещанства* занимают эстетические представления; одним из проявлений *мещанства* является стремление к «красивой жизни». Характерно, что самые символы мещанства имеют эстетическую природу. С другой стороны, осуждение *мещанства* обычно включает неприятие его эстетических ценностей (обозначаемых обвинителями мещанства словом *красивость*: имеется в виду нечто, претендующее быть красивым, но та-

ковым не являющееся, ср. выше о *пошлости*). Приведем один, достаточно нетривиальный пример «мещанских» эстетических ценностей. А. Ахматова пишет в статье о Лермонтове: «После смерти поэта имя его и биография были окружены *милым сердцу мещан сумраком*» (А. Ахматова. «Все было подвластно ему»).

Не менее страстной атаке подвергается мещанство и со стороны М. Цветаевой, ни в коей мере большевистскую революцию не поддерживавшей. Так, в поэме «Крысолов» она «обрушивается на всех “устроенных”, “упорядоченных”, окруженных благополучием, убивающим человеческую единственность, превращающим всякую неповторимую жизнь в одинаковое для всех бытование — смерть заживо» [Саакянц 2002: 431]. Т. е. мещанство для Цветаевой — это приверженность материальному и общему, одинаковому для всех — в ущерб духовному и индивидуальному. Вообще говоря, именно эти два аспекта и являются конституирующими для *мещанства* как оценочной категории.

Разные понимания категории *мещанства* в разные эпохи рассматриваются в работе В. В. Глебкина [Глебкин (в печати) а]. Автор приводит различные интерпретации этого понятия у мыслителей от Герцена до Сахарова, причем все эти интерпретации включают негативную оценку мещанства.

Те же свойства, однако, могут быть увидены и в ином свете. «Итак, русское, московское мещанство — это не сословие, (...) это — синтетическое мироощущение... Сердиться на мещанство, критиковать и ниспровергать его — это почти то же, что сердиться на природу. В лесу растут грибы, мещане эти грибы собирают, солят, а потом едят. Они делали это всегда — и в 1147 г. и в 1997 г. (...) Мещанин не защищает интересов своей идейно и юридически оформленной касты (...), он защищает природные, естественные интересы личности, семьи, а значит — и человечества в целом. Мещанин хочет *просто жить*, ощущать жизнь во всей ее полноте — дышать свежим воздухом, вкусно есть, ухаживать за детьми, пить чай с лимоном и т. д. Мещанину нужны огонь, вода, земля и воздух» [Елистратов 1997: 690—691]. Ср. также приведенную выше цитату из Трифонова, содержащую «апологию» *быта* — ход мысли тут один и тот же: не быт, а жизнь; не мещанство, а общечеловеческие ценности.

В русской культуре отчетливо представлена эта линия: если взглянуть на жизнь иначе — глазами Булгакова с его кремовыми шторами, глазами Розанова с его вареньем, то представляется чудовищной *пошлостью* презрение к живой, теплой и милой повседневности во имя мертвых высокопарных фраз.

Между прочим, только на первый взгляд кажется, что отдельные предметы домашнего обихода выбираются на роль носителей пошлости произвольно. Это не вполне так. Например, пресловутый абажур. Благодаря ему свет не режет глаза и не разливается равномерно по всей комнате — мягкий, обычно теплых тонов свет от лампы с абажуром образует круг, в котором близкие люди собираются вместе, смотрят друг на друга и как бы не видят остального мира. Вспомним булгаковскую апологию абажура: *Еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не*

убегайте крысьей побежкой на неизвестность от опасности. У абазжура дремлите, читайте — пусть воет вьюга, — ждите, пока к вам придут (М. Булгаков. «Белая гвардия»). Вспомним здесь и пастернаковские строчки:

Посмотри, как преображена  
 Огневой кожурой абазжура  
 Конура, край стены, край окна,  
 Наши тени и наши фигуры  
 (Б. Пастернак. «Недотрога, тихоня в быту...»)

Точно так же и другой символ *пошлости* — «занавесочки» — создает хотя бы иллюзию отгороженности личного мира. Недаром герои того же Булгакова от революции прячутся за *кремовыми шторами*.

Для Чехова и тем более Маяковского *пошлость* сродни *мещанству*, а современный поэт Тимур Кибиров, который обозначает свою позицию словами «буржуазность, мещанство, средний, нормальный человек», зовет *быть мещанами*, явно считая жуткой *пошлятиной* весь «романтизм развитой, и реальный, и зрелый». Очень характерно, что Кибиров соединяет с *романтизмом* эпитеты *социализма*. Мы знаем, что *развитой, и реальный, и зрелый социализм* позже получил название *эпохи застоя*. Вот и Кибиров говорит о таком «застойном романтизме».

Леночка, будем мещанами! Я понимаю, что трудно,  
 что невозможно практически это. Но надо стараться.  
 Не поддаваться давай... *Канарейкам* свернувши головки,  
 здесь развитой романтизм воцарился, быть может, навеки,  
*Соколы* здесь, *буревестники* все, в лучшем случае — *чайки*.  
 Будем с тобой голубками с виньетки  
 <...>

Здесь, где каждая вшивая шавка  
 хрипло поет под Высоцкого: «Ноги и челюсти быстры,  
 мчимся на выстрел!» И, Господи, вот уже мчатся на выстрел,  
 сами стреляют и режут... А мы будем квасить капусту,  
 будем *варенье* варить из крыжовника в тазике медном,  
 вкусную пенку снимая, назойливых ос отгоняя,  
 пот утирая блаженный, и банки закручивать будем,  
 и заставлять антресоли, чтобы вечером зимним, крещенским  
 долго чай распивать под уютное ходиков пенье,  
 под завыванье за окнами *блоковской* вьюги.  
 <...>

Эх, поглядеть бы тем высоколобым и прекраснотушным,  
 тем, презиравшим филистеров, буршам мятежным,  
 полюбоваться на Карлов Мооров в любой подворотне!  
 Вот вам в наколках Корсар, вот вам Каин фиксатый и Манфред,  
 Вот, полюбуйтесь, Мельмот пробирается нагло к прилавку,  
 вот вам Алеко поддатый, супругу свою матерящий!

(Т. Кибиров. «Послание Ленке»).

В этом стихотворении Кибиров замечательно показал диалектику пошлости, очень пронизательно связав ее с романтизмом — как в широком, так и в узком смысле этого слова. Сначала на романтическом этапе культуры происходит порыв к высокому, отрыв от низкой обыденности. Замкнутость в личном мирке, на собственных интересах связывается с человеком примитивным, бездуховным и объявляется *мещанством* и *пошлостью* (в таком культурном контексте эти два слова сближаются). Потом эта романтическая риторика сама становится штампом, готовым клише, пародией, которая перемещается в низовые слои, в массовую культуру и начинает оцениваться как *пошлость*. А обыденность, живая жизнь в этом случае, напротив, одухотворяется. Кибиров формулирует это так: *кто осознал метафизику влажной уборки*. Тут и происходит реабилитация мещанства.

Однако, как можно судить по текстам, публикуемым в современных средствах массовой информации, представление о *мещанстве* как о комплексе определенных отрицательно оцениваемых психологических качеств и эстетических пристрастий сохраняет свою актуальность. Приведем несколько характерных цитат:

Спектакль стал ярким выражением ненависти к *мещанству*, к толстозадой самоуспокоенности, к желанию «красиво», спокойно и сыто пожить;

В них юмор сочетается с острой социальной сатирой; автор высмеивает *мещанство*, тунеядство, карьеризм;

Именно самосовершенствованием заняты 23 девушки и 2 юноши в городе Перми, назвавшие себя обществом борьбы с кретинизмом и *мещанством*.

### К истории вопроса

Коллизия борьбы с пошлостью и мещанством в русской культуре, безусловно, восходит к немецкому романтизму. Сквозной сюжет не только романтизма, но и вообще немецкой литературы нового времени — противостояние поэта и филистера. Эта борьба может разворачиваться и в душе человека, приводя к внутреннему разладу. Особенно отчетливо данная коллизия выражена, пожалуй, у Томаса Манна в новелле «Тонио Крегер». Ее герой позиционирует себя как художника, который выше толпы, но втайне его влечет к незамысловатым, белокурым и голубоглазым. Он борется с бюргерством, но сам получает обвинение в нем же.

Однако в русской культуре эта коллизия попала на благодатную почву — особенно если учесть, что в России была несколько другая социальная структура, чем в Германии. Дело в том, что европейский романтизм возник как явление, имевшее вполне отчетливую социальную составляющую. Несколько упрощая картину, можно представить дело следующим образом. Первоначальным импульсом романтизма был протест против сентиментализма. Последний, в свою очередь, по сути своей был наступлением буржуазной культуры на культуру дворянскую, и шло оно в рамках общего исторического процесса [Берковский 2001]. «Подлинными» культурными и нравственными ценностями противопоставлялись развратному образу жизни дворян. Романтический же взгляд объявил сентимен-

тальные ценности *филистерскими*. Однако противостоял буржуазному сентиментальному миру уже не дворянин, а одинокий художник: «Одиночество и беззащитность человека духа в прозаическом мире расчета и пользы — исходная ситуация романтизма. Тик, Фридрих Шлегель, Brentano — ополчались прежде всего на современное филистерство» (А. Карельский. «Эрнст Теодор Амадей Гофман»).

Иными словами, антибуржуазный романтический протест был не дворянским, а скорее богемным. Само происхождение ключевого для романтиков негативного термина *филистер* свидетельствует об этом более чем красноречиво. В немецком языке слово *Philister* библейского происхождения и в первом значении соответствует русскому *филистимлянин*. В Ветхом Завете это название языческого народа, противников Иеговы, враждовавших с евреями. В XVII в. в Германии это слово стало употребляться студентами по отношению к не-студентам. Прилагательное *филистерский* употреблялось в России уже в начале XIX в. Существительное же известно в России с начала века в форме *филистр*, а вариант *филистер* — с 1860-х гг. В Словаре языка Пушкина зафиксированы, впрочем, и вариант *филистр*, и вариант *филистер*. Ср.:

ФИЛИСТЕР (филистр) (2) У студентов немецких университетов пренебрежительное название обывателя. Дорого бы я дал за свою комнату вечно полную народу, и Бог знает какого народу; за наши латинские песни, студенческие поединки и ссоры с *филистрами*! — РП 417.20. || Ошибочно о студенте (в обращении к А. Н. Вульфу). Вы мне обещали писать из Дерпта и не пишете. Добро. Однако я жду вас, любезный *филистер*, и надеюсь обнять в начале следующего месяца. Пс 261.2.

В этих примерах замечательно все: во-первых, совершенно ясно, что слово знакомо Пушкину лишь понаслышке и, значит, не вошло еще в русский язык. Во-вторых, оно в русском языке пока связано только с Германией и, более того, с немецким студенчеством. Сама ошибка Пушкина показательна — один раз он ошибочно употребляет слово *филистер* в значении 'студент'.

Между тем, вот что, например, написано об Э. Т. Гофмане в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Он подводит итоги немецкому романтизму и является самым полным выразителем лучших его стремлений, которым он придал небывалую до тех пор яркость и определенность. Самое ненавистное для Гофмана понятие — *филистерство* [курсив здесь и далее наш. — А. З., И. Л., А. Ш.]. Это понятие очень широкое, целое мировоззрение; в нем заключается и самодовольная *пошлость*, и умственный застой, и эгоизм, и тщеславие (жизнь на показ, "как люди живут"), и грубый материализм, и все нивелирующий формализм, превращающий человека в машину, и педантизм (...): Первое условие для того, чтобы освободиться от давящих рамок этой *филистерской пошлости* и сохранить живую душу, — "детски благочестивое поэтическое настроение"; только обладая этим талисманом, можно верить, любить людей и природу и понимать поэзию (...): Поэзия есть вместе с тем и высшая нравственность; она может исходить только из чистой, любящей души (...): вместе с тем она есть и высшее

счастье. Это счастье доступно не одним только избранным натурам, а всем не *опошленным* людям. (...) Юноша, который “грезит с открытыми глазами” — истинный богач и счастливец, хотя бы у него не было гроша в кармане, истинный поэт, хотя бы он не написал ни строчки стихов; но горе ему, если он начнет стыдиться своих мечтаний, увлечется *пошлыми* удовольствиями, выгодой и тщеславаем. Он устроит свою карьеру, но (...) проживет всю жизнь *филистером*».

Обратим, кстати, внимание на то, сколько раз для разъяснения понятия *филистерства* использованы слова *пошлый*, *пошлость* и т. п.

Гофман формулировал романтический конфликт в терминах противостояния *энтузиастов*<sup>9</sup> и *филистеров*. Этих слов в русском языке первой половины XIX в. не было или практически не было (позже слово *филистер* в своем широком значении прижилось в русском языке). Но само-то романтическое двоемирие было русской литературой вполне освоено (см. [Манн 2001]).

Однако при импорте в Россию романтический конфликт поневоле утратил свой социальный пафос, ведь вся культура была тогда дворянской, до «разночинского» этапа было еще далеко, и, конечно, протест против буржуазных ценностей не имел под собой почвы. Он приобрел некий метафизический абстрактно-ценностный характер<sup>10</sup>. Пушкинское употребление слова *чернь*, в частности в сочетании *светская чернь* — видимо, одна из первых попыток трансляции соответствующего концепта. Вероятным источником этого словоупотребления является как раз слово *vulgar*, которое, указывая в одном значении на принадлежность простому народу, в другом описывает недостаток вкуса.

Не случайно на протяжении всей последующей истории русской литературы пушкинское слово *чернь* вызывало столько комментариев и толкований. Камнем преткновения было стихотворение 1828 г. «Чернь» («Поэт и толпа»).

Писарев говорил, что Пушкин имел в виду под *чернью* простой народ и проявил тут барский антидемократизм. Плеханов возражал: это «светская чернь», как в «Евгении Онегине» (глава 4, строфа XIX). Советское литературоведение боролось за Пушкина, ср.: «Действительно, у Пушкина мы неоднократно встречаем слово “чернь” и в обычном употреблении (в смысле простого народа), но, как правило, без барско-пренебрежительного акцента. В то же время это слово — и уже в явно осудительном смысле — неоднократно употребляется им для обозначения реакционных кругов высшего дворянского общества, сопровождаясь уточняющими эпитетами: помимо уже указанного “светская чернь”, “благородная чернь” (в так называемом “Романе в письмах”), “знатная чернь” (в “Борисе Годунове”))» [Благой 1967: 213].

То же стихотворение и смысл слова *чернь* в свое время подробно комментировал Владимир Соловьев. Замечательно, что основное метаслово, которое он

<sup>9</sup> Любопытно использование А. И. Герценом слова *рыцарь* для указания на положительного героя, противостоящего мещанину (А. И. Герцен. «Былое и думы»).

<sup>10</sup> Тут возможны были разные варианты осмысления: столичность — провинциальность, искренность — фальшь и т. п.

использует для толкования — это слово *филистер*. О. Э. Мандельштам в эссе «О собеседнике» увидел в черни просто рядового «потребителя» поэзии.

Параллельно нужный смысл все более отчетливо начинает приписываться слову *пошлый*. И, как и слово *чернь*, оно становится семантически чрезвычайно емким, приложимым к самым разным жизненным ситуациям и явлениям.

Итак, видимо, мы имеем дело с важным, во всяком случае для России, механизмом трансляции культурных смыслов. Заимствуется некоторый западноевропейский концепт, имеющий вполне определенное историческое наполнение. Однако, поскольку историческая ситуация в России совершенно не соответствует этому наполнению, оно выхолащивается и заменяется совокупностью новых и трудно предаваемых смыслов.

В. Набоков в эссе «Пошляки и пошлость» писал: «Возможно, само слово пошлость так удачно найдено русскими оттого, что в России когда-то существовал культ простоты и хорошего вкуса». Можно высказать альтернативное предположение — слово было удачно найдено русскими потому, что конструкция романтического двоемирия была имплантирована в русскую культуру задолго до того, как в России сложилась общественная ситуация, хотя бы отдаленно напоминавшая ту, которая обусловила возникновение этой конструкции в западноевропейской культуре. В результате возникло слово, перегруженное смыслами и, как говорил сам Набоков, «очаровательным образом неподвластное времени». И разумеется, слова других языков, которые несут с собой более конкретные исторические ассоциации, оказываются непригодными для перевода такого слова, даже если когда-то они послужили его прототипами.

Ничего удивительного, что изначально столь умозрительная и мутная категория в дальнейшем использовалась всеми желающими так, как это им было удобно. См. о различных пониманиях категории *пошлости* в разные эпохи в работе В. В. Глебкина [Глебкин (в печати) б].

Социальное наполнение появилось у слова *пошлость* уже в другую эпоху: главным борцом с нею был, как известно, Чехов<sup>11</sup>. Его борьба с пошлостью, носившая отчетливо антибуржуазный характер, разворачивается по романтическому сценарию — против повседневноности, против стремления к материальному благополучию — против *мещанства*.

---

<sup>11</sup> А затем, в более гротескной форме — Горький.



# ЧУВСТВА И ОТНОШЕНИЯ

---

Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина

## С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ\*

В каждом языке есть слова, составляющие его специфику, слова, плохо переводимые на другие языки. Речь пойдет о двух таких словах русского языка — *разлука* и *соскучиться*. Они выражают смежные идеи: *соскучиться* можно именно *в разлуке*; ср. *Он был очень весел: дело с покупщиком ладилось и ничто уже не задерживало его теперь в Москве и в разлуке с графиней, по которой он соскучился* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

В русском языке есть много слов, описывающих чувства, испытываемые в разлуке с тем, кто дорог: *скучать, тосковать, нехватать, недоставать, стосковаться, истосковаться, соскучиться*, что само по себе уже показательно. Все они выражают разные оттенки чувства. Пожалуй, наиболее специфическая комбинация смыслов представлена в слове *соскучиться*.

Во-первых, в нем объединены идеи пространства и времени. *Соскучиться* представляет человеческие чувства в динамике: это слово не просто указывает на влияние расстояния на эмоции, но повествует о том, что происходит с близкими людьми, если они пробудут на некотором расстоянии некоторое время: *соскучиться* передает идею «умножения пространства на время»<sup>1</sup>. Это странная экзистенциальная процедура, для которой особенно много обозначений найдется в поэзии Бродского — *заедать версту циферблатами* или *умножать разлуку на зарю, примесь времени к географии* и т. д.

Человек *соскучился* — значит, что, будучи в разлуке с кем-то достаточно долго, он начал скучать, причем дальше с ходом времени скучает все сильнее, пока не состоится новая встреча<sup>2</sup>. Итак, в отличие от *разлуки*, которая начинает-

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре». М., 1997.

<sup>1</sup> В значительной степени возможность выражения такого рода значений обеспечивается богатым русским словообразованием: вид и способы глагольного действия позволяют детализировать характер протекания действия во времени.

<sup>2</sup> Помимо рассматриваемого, слово *соскучиться* имеет также значение ‘начать испытывать скуку’; ср. *Но Маргарита уже соскучилась в кухне и вылетела в переулок* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). *Соскучиться* в этом значении несколько устарело и в современном языке свободно употребляется только в выражении *С кем-либо не соскучишься*. Соответствующий смысл сейчас обычно передается глаголом

ся одновременно с пространственным разъединением, чтобы человек мог *соскучиться*, должно пройти некоторое время; ср. *Быстро прошел отпуск и бестолково* (...). *С удивлением заметила, что соскучилась по институту, по товарищам, а главное, по Асе. Там, в общежитии, теперь был ее настоящий дом* (И. Грекова. «Кафедра»). Для слова *соскучиться* характерно употребление в контексте предложений с такими словами, как *давно, долго*, а также *уже и целых*; ср. *Эх, что-то наш папка давно, правда, не приезжал, Антон соскучился!* (Л. Петрушевская. «Три девушки в голубом»); *Долго, что-то дней десять, не видел ее. Куда-то она уезжала. А приехала — сразу позвонила: «Знаете, я уже по вас соскучилась»* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»); *Мы давно не виделись. Целых три недели. (...) Мы соскучились, понятно вам это? Мы, может, вообще друг без друга не можем* (А. Вампилов. «Прощание в июне»).

Сколько же времени нужно, чтобы *соскучиться*? Чаще всего речь идет о днях, неделях или месяцах. При привычке к непрерывному общению (например, у влюбленных или у матери и ребенка) это могут быть часы. Близкие люди субъективно воспринимают этот интервал как долгий; ср. *Из гимназии Никитин шел на частные уроки, и когда наконец в шестом часу возвращался домой, то чувствовал и радость и тревогу, как будто не был дома целый год. Он вбегал по лестнице, запыхавшись, находил Маню, обнимал ее, целовал и клялся, что любит ее, жить без нее не может, уверял, что страшно соскучился, и со страхом спрашивал ее, здорова ли она и отчего у нее такое невеселое лицо* (А. П. Чехов. «Учитель словесности»). Все же когда кто-то говорит о том, что *соскучился* через несколько секунд или минут после расставания, это звучит гиперболически. С другой стороны, странно выглядит фраза *\*Они не виделись десять лет и очень соскучились*. Это связано с тем, что если имеется в виду, что они *соскучились* вскоре после разлуки, то естественно сказать, что они *все десять лет скучали*; если же они через два года еще не *соскучились*, то вряд ли это вообще могло произойти.

В слове *соскучиться* есть некая поступательность, представление о нарастании чувства с накоплением времени, проведенного в разлуке. Естественно *Через две недели он соскучился еще больше*; при этом странно *\*Сначала он соскучился, но через две недели освоился и перестал скучать*. Между тем в жизни это совершенно нормальная ситуация. Например, о юноше, уехавшем учиться в другой город, можно сказать *Сначала он сильно скучал по дому, но потом студенческая жизнь затянула его и он совершенно забыл и о доме, и о матери*. Однако в этой фразе можно употребить слово *скучать*, но не *соскучиться*. *Соскучиться* не предполагает обратного развития чувства, оно оптимистично подразумевает, что ситуация разрешится с возобновлением контакта.

---

*заскучать*. В сочетании *соскучиться без кого-либо* представлено промежуточное значение; ср. *Придворные возвращаются сюда. Господин министр, вот вы наконец! Я, право, соскучилась без вас. Здравствуйте!* (Е. Шварц. «Тень»).

Вторая важная черта слова *соскучиться*, которая отличает его и от слова *разлука* и даже от родственного ему глагола *скучать*, — это специфическая эмоциональная тональность. Оно окрашено не в тона безнадежности и тоски, а скорее в тона радостного и нетерпеливого ожидания, предвкушения удовольствия. Конечно, это слово уместно и тогда, когда желанная встреча еще далека и человек грустит. Но особенно оно характерно для ситуации, когда разлука уже близка к завершению и ожидание встречи скорее приятно, чем мучительно; ср. *На второй день Троицы после обеда Дымов купил закусок и конфет и поехал к жене на дачу. Он не виделся с нею уже две недели и сильно соскучился. Сидя в вагоне и потом отыскивая в большой роще свою дачу, он все время чувствовал голод и утомление и мечтал о том, как он на свободе поужинает вместе с женой и потом завалится спать. И ему весело было смотреть на свой сверток, в котором были завернуты икра, сыр и белорыбица* (А. П. Чехов. «Попрыгунья»).

Более того, часто человек блаженно повторяет *Как же я соскучился!*, когда разлука уже позади. И этот возглас указывает прежде всего на то, сколь приятна ему долгожданная встреча, в отличие от фразы *Как же я скучал!*, которая выражает жалобу на страдания, причиненные разлукой, и при многократном повторении выглядит несколько занудно. Ср. также *И он тоже улыбнется ей, потому что соскучился по всему этому и рад, что наконец добрался сюда* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»). *Соскучившиеся* близкие люди при встрече не могут *наглядеться* друг на друга, *наговориться* друг с другом; ср. *«Ты, наверное, очень хочешь спать, — сказала Кира шепотом. — Ты спи». — «Нет-нет, рассказывай, я слушаю». — «Ты все время засыпаешь». — «Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать. Ты рассказывай, мне очень интересно»* (А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом»).

Итак, в русском языке есть слово, описывающее переживания человека, связанные с разлукой с тем, кто ему дорог, но при этом исполненное не уныния, а оптимизма. Существенно, что оно не просто есть в языке, но постоянно встречается в речи: для человека, говорящего по-русски, это слово представляет собой естественный и идиоматичный способ передать возникающие в данной ситуации чувства. Это обстоятельство позволяет пересмотреть некоторые расхожие представления о том, что российские просторы накладывают «безрадостную печать на жизнь русского человека»; ср. «Русские почти не умеют радоваться. (...) Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности» (Н. Бердяев. «О власти пространств над русской душой»). Такая картина соответствует слову *разлука* и особенно другому характерному русскому слову *тоска* (*тосковать*). Но она противоречит не менее характерному и естественному *соскучиться*, показывающему, что русскому человеку не чужд и определенный гедонизм, позволяющий даже в разлуке увидеть нечто приятное. Идея удовольствия от предвкушения, заключенная в *соскучиться*, сродни значению русского слова *проголодаться* (сходного

с *соскучиться* также и по внутренней форме). *Проголодаться* — в отличие от настоящего голода — состояние даже отчасти приятное, так как оно сулит получение удовольствия в скором будущем.

С ориентацией на радость встречи связана и третья характерная черта слова *соскучиться*. Оно применимо для описания ситуации, когда человек понимает, что *соскучился*, только по тому энтузиазму, который в нем вызывает возобновление контакта. До этого он не ощущал или, во всяком случае, не осознавал, что ему чего-то недостает. И человек изумленно восклицает *А я, оказывается, ужасно соскучился!* Он не мог бы сказать *А я, оказывается, ужасно скучал!*, потому что нельзя *скучать*, не осознавая этого. Вместе с тем, то, что он хочет сказать, нельзя выразить фразой *Как я рад вас видеть!* Соскучившийся *post factum* интерпретирует прошлое и усматривает в нем симптомы неясного томления, которое приписывает разлуке с собеседником.

Ср. характерный пример такой эмоциональной ревизии в воспоминаниях М. Цветаевой об Андрее Белом: *Просто пропал на неделю или на десять дней. И вдруг возник, днем, в кафе «Pragerdiele». Я сидела с одним писателем и двумя издателями (...). И вдруг — две руки. Через головы и чашки и локти две руки, хватающие мои. — Вы! Я по вас соскучился! Стосковался! Я все время чувствовал, что мне чего-то не хватает, главного не хватает, только не мог догадаться, как курильщик, который забыл, что можно курить и, не зная чего, все время ищет: перемещает предметы, заглядывает под вешалку, под бювар (М. Цветаева. «Пленный дух»).*

Идея беспредметного томления, представленная в *соскучиться* в очень слабой степени, в гораздо более концентрированной форме выражена в других специфических русских концептах — *тоска* (не *тоска по* ком-то, а *тоска* вообще, о которой, в частности, писала А. Вежбицкая; см. [Wierzbicka 1992a]) и *удаль* (именно беспредметностью отличающаяся, например, от *доблести*).

Если *соскучиться* — это внутреннее состояние человека, то слово *разлука*, на первый взгляд, указывает на внешние обстоятельства (а именно, разделенность в пространстве). Между тем по эмоциональной насыщенности это слово едва ли не превосходит предыдущее. И хотя они различаются и стилистически (*соскучиться* обиходное, *разлука* скорее поэтическое), и по тональности (мажорное *соскучиться* и минорное *разлука*), между этими словами много общего<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Здесь имеется еще третье звено — упоминавшееся уже слово *скучать*, которое мы не рассматриваем подробно, так как оно в меньшей степени национально-специфично, чем *соскучиться* и *разлука* (ср. англ. *to miss*, фр. *s'ennuier* <*sans q'un*>). Это слово, будучи родственным и во многом сходным по значению с *соскучиться*, согласовано по тональности скорее со словом *разлука*. Выражение *скучать в разлуке* является почти устойчивым сочетанием русского языка. Вообще эти два слова в равной степени можно объяснять одно через другое: можно сказать, что *разлука* — это

Так же как и *соскучиться*, *разлука* не имеет точных эквивалентов в западно-европейских языках. Так, в словарях мы находим: англ. *separation, parting*, нем. *Trennung, Scheiden*, фр. *séparation*, итал. *separazione*. Главное, бросающееся в глаза отличие русского слова *разлука* от предлагаемых словарями его переводных эквивалентов состоит в том, что в *разлуке* можно находиться не с кем угодно, а лишь с очень близким, родным или любимым человеком (а также с домом, родиной и т. п.) — так же как *соскучиться* можно только по чему-то родному. Поэтому при отсутствии достаточной близости отношений фразы типа *Я по тебе соскучился* или *Мы живем в разлуке* неуместны, так как выражают претензию на большую близость, чем есть в действительности. В этом отношении *разлука* даже требовательнее, чем *соскучиться*. *Соскучиться* можно по компьютеру или по черному хлебу, говорить же в этой ситуации о *разлуке* будет преувеличением. Если при описании отношений двух подруг используется слово *разлука*, то подразумевается особый тип экзальтированной дружбы; для *соскучиться* это не так. *Разлука с любимой кошкой* звучит иронически, тогда как слово *соскучиться* в этой ситуации вполне применимо.

Далее, *разлука* предполагает, что для данных двух людей нормальным является нахождение вместе (ср. странное ?*жить в разлуке со своей племянницей*). Влюбленные или родители с маленькими детьми — вот те, для кого привычен постоянный контакт и кто наиболее болезненно реагирует на его нарушение. Поэтому слово *разлука* связывается в первую очередь с этими двумя прототипическими ситуациями; ср. *Я люблю свою невесту, Марья Николаевна, и разлука с ней мне не легка* (И. С. Тургенев. «Вешние воды»); *Я несчастна от разлуки с сыном. Я умоляю о позволении видеть его один раз пред моим отъездом* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»). «*Сергея!*» — *прошептала она, неслышно подходя к нему. Во время разлуки с ним и при том приливе любви, который она испытывала все это последнее время, она воображала его четырехлетним мальчиком, каким она больше всего любила его* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»). Вообще Анна Каренина в русской культуре стала символом матери, страдающей от *разлуки* с ребенком; ср. *Ты так же вуаль оправляешь в прихожей. // Ты Анна над спящим Сергеем — разлука!* (М. Цветаева. «Разлука»).

*Разлукой* нельзя назвать то, что оставляет человека безучастным. Она причиняет боль или по крайней мере заставляет *тосковать* или *скучать*<sup>4</sup>. По срав-

---

такой вид «разделенности», когда люди *скучают* друг по другу, и, наоборот, что *скучать* по ком-то — значит испытывать чувство, какое бывает в *разлуке*. Если же человек *не скучает в разлуке*, это означает, что *разлуки* как таковой нет.

<sup>4</sup> Этот смысловой компонент, как и идея вынужденности, о которой пойдет речь ниже, — общий с глаголом *разлучиться* (см. [Апресян 1995б: 433]). Отметим однако, что между глаголом и существительным есть и определенные расхождения: слово *разлука* уже и специфичнее по своему значению: оно в большей степени ориентировано на внутреннее состояние. Так, можно сказать, что *собаку разлучили со щенками через месяц после их появления на свет*, но вряд ли здесь уместно говорить о *разлуке*.

нению с *соскучиться*, *разлука* гораздо более драматичное слово. Странно было бы представить себе ситуацию, когда человек так *соскучился*, что сошел с ума или покончил с собой. Между тем вполне естественно в этом случае сказать *не вынес разлуки*. Вообще *разлука* часто описывается как нечто труднопереносимое; ср. *Клялась, что погибнешь в разлуке* (А. Ахматова); *Разлука их обоих съест* (Б. Пастернак); *Боль разлуки с тобой // заслоняет действительность равную* (И. Бродский. «Как тюремный засов»). Ср. также *Мы перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепенении, которое всегда бывает, когда проводишь кого-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместность между нами и окружающим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром* (И. Бунин. «Холодная осень»).

Как и *соскучиться*, *разлука* не всегда обозначают симметричную ситуацию. Если двое расстались, то бывает, что вскоре один *соскучится*, а другой нет. Точно так же расставание для одного окажется *разлукой*, а для другого вовсе не будет восприниматься как таковая. Бывает так, что прекращение контакта между близкими людьми один из них переживает болезненно и считает его временным (то есть, воспринимает как *разлуку*), а другой нет: либо тоже переживает болезненно, но считает окончательным, и тогда это называется *разрыв* (ср. апологию разрыва в поэзии Цветаевой), либо вообще ничего специально не чувствует и не думает — и тогда это никак и не называется. И наконец, чувства людей могут меняться с течением времени; ср. *И те, с кем нам разлуку Бог послал, // Прекрасно обошлись без нас и даже // Все к лучшему* (А. Ахматова. «Есть три эпохи у воспоминаний»).

Итак, *разлука* — это особое состояние, внешнее и внутреннее одновременно. Быть *в разлуке* — значит быть врозь физически, но вместе эмоционально. *Разлука* — не только препятствие для любви, но и форма осуществления любви. В предельно отчетливой форме это представление выражено в стихотворении И. Бродского, которое так и называется — «Любовь»; ср. *Ты снилась мне беременной, и вот, // проживши столько лет с тобой в разлуке, // я чувствовал вину свою, <...> // <...> — Ибо в темноте // там длится то, что сорвалось при свете*.

Ничего подобного нет ни в русском *расставание* (*расстаться*), ни в приведенных выше словах западноевропейских языков (которые на самом деле являются эквивалентами скорее для *расставания*, чем для *разлуки*), которые могут обозначать отдаление и физическое, и — метафорически — эмоциональное, в различных комбинациях; в них отсутствует то противоречие между внешним и

---

Слово *разлука* звучит странно и в такой ситуации, когда мать оказывается вынужденным образом разделена с новорожденным ребенком, хотя глагол *разлучить* здесь вполне уместен. Это ограничение обусловлено тем, что *разлука*, в отличие от *разлучить*, обязательно предполагает привычку нахождения вместе.

внутренним, которое составляет нерв слова *разлука*<sup>5</sup>. Более того, слова англ. *separation*, нем. *Trennung*, фр. *séparation* etc. используются в соответствующих языках как юридический термин для обозначения одного из видов семейного положения: это статус «раздельного проживания», промежуточный между браком и разводом. Это раздельное проживание может иметь место в том числе в пределах одной квартиры (ср. «раздельное хозяйство») — и в этом случае, как легко заметить, например, слово *Trennung* оказывается не просто неточным эквивалентом русского *разлука*, но в некотором смысле его противоположностью — обозначая вынужденную пространственную соединенность людей, эмоционально друг от друга отделившихся.

С идеей сохранения эмоционального контакта связана и другая черта слова *разлука*, также в какой-то степени сближающая его с *соскучиться*. Изначально *разлука* — это временный перерыв в общении. О *разлуке* обычно не говорят, когда новая встреча заведомо не предполагается. Странно сказать о человеке, который уезжает навсегда, что ему *предстоит разлука с близкими*. Так же странно было бы говорить об остановке, не имея в виду продолжить путь; ср. *Мы никогда ни о чем не расспрашивали друг дружку, как никогда друг о дружке не думали в перерывах нашей судьбы, так что, когда мы встречались, скорость жизни сразу менялась, атомы перемещались, и мы с ней жили в другом, менее плотном, времени, измерявшемся не разлуками, а теми несколькими свиданиями, из которых сбивалась эта наша короткая, мнимо легкая жизнь* (В. Набоков. «Весна в Фиальте»). Оценивая свое расставание как *разлуку*, любящие обычно ожидают, что близкий человек *дождется* конца *разлуки*, не перестанет любить и ждать; ср. *Разлука быстро пронеслась, // Она меня не дождалась, // Но я прощаю* (В. Высоцкий. «В тот вечер я не пил, не пел»). *Разлука* воспринимается как пробел в общении, и, встретившись, близкие люди стараются его ликвидировать, наверстать упущенное время; ср. *При свидании после долгой разлуки, как это всегда бывает, разговор долго не мог остановиться: они спрашивали и отвечали коротко о таких вещах, о которых они сами знали, что надо было говорить долго* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Иногда, особенно в стихах, встречается, однако, и *вечная разлука*, то есть *разлука*, оказавшаяся столь долгой, что дождаться ее конца не хватило всей жизни; ср. *Величава наша разлука, ибо // навсегда расстаемся. Смолкает цитра. //*

---

<sup>5</sup> В языке XIX в. иногда встречается слово *разлука*, указывающее на эмоциональное разъединение и даже развод; ср. *Легкомысленный генерал Ставрогин, отец его, жил в то время уже в разлуке с его мамашей, так что ребенок возрос под одним только ее попечением* (Ф. М. Достоевский. «Бесы»); *В отношениях мужа с женой оставалась та же отчужденность, но уже не было речи о разлуке, и Степан Аркадьич видел возможность объяснения и примирения* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»). В современном языке слово *разлука* таким образом употребляться не может, но след такого значения сохраняется в словах *разлучница* и *разлучник*.

*Навсегда — не слово, а вправду цифра, // чьи нули, когда мы зарастем травой, // перекроют эпоху и век с лихою (И. Бродский. «Прощайте, мадмуазель Вероника»). У того же Бродского предлагаются и еще более радикальные варианты разлуки; ср. В этом мире разлука — // лишь прообраз иной. // Ибо врозь, а не подле // мало веки смежать // вплоть до смерти. И после // нам не вместе лежать («Строфы»). Особенно характерны в этом смысле «Двадцать сонетов к Марии Стюарт»; ср. Да, у разлуки все-таки не дура // губа (...) // меж нами — вечность, также — океан. // Причем буквально. Русская цензура. // Могли бы обойтись без топора. Что же означает разлука, например, в этих стихах? В таком случае, человек, даже понимая, что встреча невозможна не только в этом мире, но и после смерти, все-таки не может смириться с крошечностью разрыва, не перестает мучиться от тоски растягиваться врозь и рассчитывает встретиться в уме, во сне, на звезде, которой, в общем, нет, в заоблачном гроте, в сослагательном наклонении или как-то иначе. Он эмоционально настроен на встречу.*

Итак, у разлуки, как и у соскучиться, есть свои внутренние часы. Но счет времени, масштаб в этих случаях несколько разный. Будет некоторым преувеличением назвать разлукой двух-трехдневное отсутствие, тогда как соскучиться за такое время вполне можно. В разлуке обычно живут, то есть для разлуки нужен такой временной отрезок, который можно прожить. И с другой стороны, соскучиться неприменимо к временному интервалу в несколько лет, вполне возможному для разлуки. Ср. Доктор тревожился за эту жизнь и желал ей целости и сохранности и, летя в ночном скором поезде, нетерпеливо рвался к этой жизни обратно, после более чем двухлетней разлуки (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); Ты наша сестра, что ж так долго мы были в разлуке, // Нас юность сводила, да старость свела (Б. Окуджава. «Я вновь повстречался с надеждой»).

Слово разлука может обозначать также сам процесс или момент расставания с близкими; ср. Мои хладенющие руки // Тебя старались удержать; // Томленья страшное разлуки // Мой стон молил не прерывать (Пушкин. «Для берегов отчизны дальней»); Что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке? (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»); Митя все еще стоял возле дребезжащего окна, чувствуя запах катиной перчатки, оставшейся на его губах, все еще весь пылал острым огнем последнего мига разлуки (И. Бунин. «Митина любовь»). В этом значении (для современного русского языка несколько устаревшем) слово разлука не является лингвоспецифичным: оно оказывается достаточно точным синонимом слова расставание. Поэтому сочетание после разлуки неоднозначно и, более того, может обозначать почти противоположные вещи — либо 'в момент встречи', либо 'после расставания, в состоянии разделенности'. Таким образом, после разлуки 2 означает, примерно то же, что во время разлуки 1<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> Интересно в этой связи название стихотворного цикла Андрея Белого «После разлуки», в котором, по свидетельству комментаторов, заключены одновременно две идеи — 'после разрыва с женой' и метатекстовое 'под впечатлением стихотворного



И, наконец, еще одна важная черта *разлуки*, которая отличает ее от *расставания* или западноевропейских эквивалентов, — это идея независимости от человеческой воли. Эта весьма характерная русская идея, представленная в большом числе слов и в безличных конструкциях (ср. [Wierzbicka 1992a: 413—417; Зализняк, Левонтина 1996] о словах *угораздило*, *удалось*, *получилось* и т. д.). *Разлука* всегда связана не только с *разлучиться*, но и с *разлучить*. *Разлука* не обязательно подразумевает грубое вмешательство внешних сил, когда человека забирают в армию, сажают в тюрьму и т. п. Но даже тогда, когда человек уезжает добровольно, слово *разлука* представляет дело так, как будто расставание произошло само по себе, с ходом жизни и независимо от воли человека; ср. *Головня тосковал по заводскому духу, так и не сумел за много лет разделаться с этой тоской. Он с удовольствием выезжал в командировки, стремился еще и еще задержать на заводах, терпеливо выносил, хотя и был хорошим семьянином, разлуку с домом* (А. Бек. «Новое назначение»). Слова Цветаевой: *Цыганская страсть разлуки! // Чуть встретишь — уж рвешься прочь*, — выражают явный парадокс, оксюморон, что подтверждается и дальнейшим текстом: *Как мы вероломны, то есть // Как сами себе верны* (М. Цветаева).

Переживание *разлуки* — одна из самых освоенных в русской культуре эмоциональных областей. *Разлука* — один из лейтмотивов и русских песен, и русской лирической поэзии; ср. *Часто сопровождали его бандуристы и лирники, наводившие мужчин на воспоминания о былой вольности, о казацких походах, а женщин на певучие думы о разлуках с сыновьями, с мужьями, с любимыми* (И. Бунин. «Лирник Родион»); *Милая моя, // Где бы ни был я — // Всех ты мне дороже и родней! Песня была о нескончаемой разлуке. О безвестности* (А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»); *Поют мальчишки о любви, // Поют девчонки о разлуке* (А. Галич. «Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969»). Для русского лирического сознания *разлука* — оборотная сторона *любви*. *Любовь и разлука*, будучи стандартной поэтической парой, при этом встречаются в различных соотношениях: от бодрого *Любовь на свете // сильнее разлук* в советской солдатской песне «Не плачь, девчонка» до безнадежного *Любовь сильнее разлуки, но разлука // длинней любви* (И. Бродский. «Двадцать сонетов к Марии Стюарт») и обреченного *Любовь — это значит лук // Натянутый — лук: разлука* (М. Цветаева. «Поэма конца»).

Главным русским поэтом *разлуки*, несомненно, является Бродский. Он довел этот вечный российский сюжет до некоторого абсолютного воплощения<sup>7</sup>, распо-

---

цикла «Разлука» Марины Цветаевой<sup>7</sup> (см. об этом [Beuer 1995]; ср. там же о трудностях перевода на английский язык названия цветаевского цикла «Разлука»).

<sup>7</sup> До этого он, развивая тему *разлуки*, томился недостаточностью географического масштаба и даже как бы оправдывался: *Невозможность свиданья // превращает страну // в вариант мирозданья, // хоть она в ширину, // завидуя к славе // не уступит любой // залетейской державе* («Строфы»).

ложив себя и свою возлюбленную по разные стороны океана и указав способ встречи — смотреть на несуществующую звезду на линии, перпендикулярной к отрезку, соединяющему две точки, каковыми видятся двое любящих с неба. *Схоластика, ты скажешь. Да, // схоластика, <...> // <...> А что не есть // схоластика на этом свете?* («Пень без музыки»). Вся эта геометрия и физика (*Разлука // есть сумма наших трех углов, а вызванная ею мука // есть форма тяготенья их // друг к другу, и она намного // сильнее подобных форм других. // Уж точно, что сильней земного*) была придумана Бродским, пока он еще жил в России. Тогда возлюбленная была иностранкой. Ситуация страсти через океан позволяет вместить в любовную тему всю метафизику времени и пространства, жизни и смерти, материального и идеального. Когда же Бродский пересек океан, то не отказался от столь счастливо найденной лирической конструкции, а стал обращаться к русской возлюбленной. Сменив адрес, он сменил и адресата, чтобы снова оказаться по разные стороны океана. Метафора оказалась первичной по отношению к биографии.

## МИЛЫЙ, ДОРОГОЙ, ЛЮБИМЫЙ... \*

«Язык любви» — очень важная, хотя по соображениям деликатности нечасто исследуемая лингвистами часть языка. В числе прочих речевых навыков человек осваивает то или иное количество ласкательных обращений. На русском Севере мне довелось видеть, как во время свадебного обряда жених, в частности, должен был, поднимаясь по лестнице и входя в дом, сопровождать каждый шаг новым обращением, адресованным невесте. Надо, впрочем, сразу оговориться, что большинство обращений, о которых пойдет речь, пригодны для выражения не только «страсти нежной», но и других видов любви — дружеской, родительской и т. д.

«Ласкательные обращения» типа *милый, любимая* употребляются в трех синтаксических позициях. Во-первых, они могут выступать в роли чистых обращений, входя в то или иное высказывание, как в стихотворении Б. Пастернака: *Любимая, жуть! Когда любит поэт...* или в песне Ю. Визбора: *Милая моя, солнышко лесное! // Где, в каких краях // Встретимся с тобою?* Во-вторых, они могут употребляться сами по себе в качестве отдельного высказывания, просто чтобы дать выход любви и нежности: *Милая, дорогая, хорошая!* Так, у Чехова в «Вишневом саде» есть реплика Пети Трофимова: «[Трофимов. (В умилении).] Солнышко мое! Весна моя!» И наконец, такие слова могут быть сказуемыми предложений типа *Ты мой дорогой!* — сами эти предложения обычно не столько общаются что-либо, сколько выражают нахлынувшее чувство.

Может показаться, что «ласкательные обращения» как таковые мало содержательны, что все зависит от того, какое чувство вкладывает в них говорящий, как, когда, с какой интонацией он их произносит. Многие из них, например, *дорогой* и *милая*, легко утрачивают интимный характер и употребляются по отношению к малознакомым людям, что, правда, иной раз вызывает их раздражение. Например, героиня рассказа Ю. Нагибина «Чужая» услышала в обращении *милая* скорее отчужденность и антипатию и даже иронически поинтересовалась: «Я вам действительно так мила?» А слово *милочка* в современном языке вряд ли вообще может быть использовано для выражения подлинной нежности.

И все же, хотя значение слов любви «темно иль ничтожно», можно заметить, что в основе подавляющего большинства ласкательных обращений, причем не только в русском языке, лежат три идеи. Часть их них прямо указывает на соот-

---

\* Опубликовано в журнале «Русская речь». 1997. № 5.

ветствующее чувство: это такие слова, как *любимый, желанная, любовь моя, радость моя, счастье мое, ненаглядная* и т. п. Ср. также диалектное *ждана*.

Другие основаны на идее ценности и уникальности объекта чувства: это такие слова, как *дорогой, единственная, бесценный, золотой, сокровище мое, золотце*. Вспомним также замечательное лесковское *Яхонт ты мой брильянтовый!*

И наконец, многие слова указывают на приятность, симпатичность объекта чувства. Это не только слова типа *хорошая* или *сладкий* (ср. также английские *honeys* и *sweetheart*), но и множество более изысканных определений. Эта идея, кроме того, очень часто выражается через сравнение с разными симпатичными существами или предметами (отсюда всевозможные *зайки* и *киски*). С этим же, видимо, связана распространенность в разных языках ласкательных обращений типа *малыш, маленький, детка* и т. п. (конечно, прежде всего по отношению к женщинам): существо небольшого размера и юного возраста вызывает симпатию. Вообще здесь простор для фантазии наибольший, и список обращений этой группы был бы бесконечным. Некоторые из таких слов, например *голубчик* или *лапочка*, уже практически утратили связь с тем образом, который когда-то лежал в их основе.

Во многих случаях разные идеи совмещаются. Так, в обращении *солнышко* можно усмотреть ссылку как на приятность, так и на уникальность. В обращениях *душа моя* или *сердце мое* сочетаются идеи ценности и любви. А в слове *милый* мерцают два разных смысла: *милый* — это то ли тот, кто хорош, то ли тот, кто нравится.

Однако среди русских ласкательных обращений есть одно, которое стоит особняком. Это одно из главных и, несомненно, наиболее своеобразное русское обращение — *родной* или *родная* (у него есть вариант *родненький* и еще ряд производных). К нему близки по смыслу устаревшие обращения *родимый* и *кровиночка*; последнее, впрочем, употреблялось, кажется, только по отношению к настоящим кровным родственникам. Герой Ю. Малецкого так комментирует обращение *родная*: «Родненькая. Ближе, чем русского роду-племени, не мужского — не женского — не среднего, какого-то совсем-совсем-только-моего-рода» (Ю. Малецкий. «Любью»).

В основе слова *родной* лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. За пределами славянских языков трудно найти что-нибудь похожее. Оно отличается от других обращений в первую очередь не «градусом», а особым эмоциональным колоритом. *Родной, родная* выражает не столько романтическую влюбленность или страсть, сколько глубокую нежность, доверие, ощущение взаимопонимания и душевной близости. Так, в фильме «Друзья и годы» по сценарию Л. Зорина одна из героинь обращается к любимому человеку: «Родной! — и потом, как бы прислушавшись к себе, с облегчением и радостью. — Ты действительно родной!» За этим стоит не только то, что он (в отличие от другого, «отрицательного» героя) не побоялся полюбить дочь «врага народа», но и то, что, встретившись после долгой разлуки, он и она по-прежнему понимают друг друга с полуслова, им легко вместе, они могут бол-

тать о любых пустяках и при этом их беседа полна сокровенного смысла. И еще она явственно ощущает, что он стал неотъемлемой частью ее мира, как бы частью ее самой (ср. цветаевское *ты, что руки мне родней*).

Хотя *родной* гораздо меньше, чем другие любовные слова, связано с эротикой, степень интимности этого слова выше, чем у стандартных любовных обращений *милый* или даже *любимая*. Оно едва ли уместно в начале романтических отношений, даже если уже могут быть произнесены два других слова. А некоторые люди утверждают, что вообще не имеют слова *родной* в своем любовном лексиконе, так как оно кажется им шокирующе откровенным. Кроме того, в отличие от большинства ласкательных обращений, которые выражают лишь собственную эмоцию говорящего, *родной* скорее всего предполагает симметричность в отношениях: едва ли может быть *родным* человек, который тебя *родным* не ощущает.

Важно при этом, что это не просто стандартное обращение, из которого выветрилось первоначальное содержание: идея родства удерживается в нем до сих пор. В отличие, например, от обращения *милый*, которое оказывается семантически почти изолированным от прилагательного *милый* как такового, *родной*, как, скажем, и *любимый*, в функции обращения полностью сохраняет свое значение.

Русское прилагательное *родной* само по себе весьма интересно и характерно. Что означает *родной* в применении к людям? В первую очередь это слово указывает на наличие кровных уз. Однако *родной* — это не вполне то же, что *родственник*. Рассмотрим сначала самый простой пример: «Настя, ее дочь и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде» (К. Паустовский. «Телеграмма»). Если в этой фразе заменить сочетание *единственный родной человек* на *единственная родственница*, то смысл изменится. Это будет лишь сведение из анкеты, тогда как речь шла о чем-то более глубоком — о человеческом одиночестве. Слову *родной* присуща особая теплота, идея, что родственные отношения — это не просто факт, а нечто, ощутимое сердцем: «Надя вдруг сердцем почувствовала, что тетя Фрося единственный тут родной ей по крови человек. Увидела знакомые, похожие на мамины пальцы, знакомую неуловимую скулатость. И испытала к тете Фросе внезапную нежность, как никогда прежде» (Ю. Трифонов. «В грибную осень»). Именно в силу того, что *родной* — это более, чем просто родственник, это слово свободно сочетается со словами типа *очень*, *такой* и образует степени сравнения (*роднее*, *самый родной*): «Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее» (К. Паустовский. «Телеграмма»).

Эта органичность родственной связи часто обеспечивает особую глубину взаимопонимания. Поэтому очень характерно употребление слова *родной* в следующем примере: «Брат слушал, но, очевидно, не интересовался этим. Эти два человека были так родны и близки друг другу, что малейшее движение, тон голоса говорил {...} больше, чем все, что можно сказать словами» (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

Выражения *родная кровь, родная жилка, родная косточка* заключают в себе идею не только родственной связи, но и родственной привязанности; ср.: «[Васенька] Володя. Смелей, папа. Он тебя любит. [Сарафанов] Любит?.. Но... за что? [Васенька] Не знаю, папа... Родная кровь» (А. Вампилов. «Старший сын»).

Но поскольку в слове *родной* на первом плане не факт родства, а ощущение органической связи, это слово свободно употребляется и для описания отношения к людям, не являющимся кровными родственниками. Для русского языка *родными* можно *стать*. В любви возможна и безграничная телесная близость, и слияние душ, и максимальный уровень взаимопонимания. Ср. «В этот самый момент лицо его утонуло в чем-то мягком, теплом, родном. “Никак Ньюрка!” — всхлипнул он сдавленно» (В. Войнович. «Приключения солдата Ивана Чонкина»); «Раз Катя даже заплакала, — а она никогда не плакала, — и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней» (И. Бунин. «Митина любовь»).

Можно говорить о друзьях, по выражению Вяземского, «далеких, но сердцу родных», и более того, по-русски можно назвать *родным* даже человека, с которым лично не знаком: «Никого из русских писателей, кроме Пушкина и Толстого, не оплакивали с такой тоской и болью, как Чехова. Потому что он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком» (К. Паустовский. «Ильинский омут»).

Точно так же и *родное небо, родная земля, родной город* — это не только факт биографии, но и душевное переживание. Иногда может случиться чудо, и *родным* становится в первый раз увиденное: «Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. (...) Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот (...) был чем-то таким единственным, и родным, и давно обещанным, так понимал созерцателя, что Василий Иванович даже прижал руку к сердцу, словно смотрел, тут ли оно, чтоб его отдать» (В. Набоков. «Озеро, облако, башня»).

*Родными* могут быть и какие-либо чувства, переживания, свойства — человек ощущает их своими, бесконечно близкими и понятными, как в знаменитых пушкинских строках: «Что-то слышится родное // В долгих песнях ямщика; // То разгулье удалое, // то сердечная тоска». Интересно, что слова *родной* и производные *уроднить, уроднение* типичны для В. В. Розанова; он использует их для характеристики высшего уровня понимания какого-либо явления. Ср. «Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* [курсив В. В. Розанова] так, как бы “держу ее в руке”, как бы историю *я сам сотворил* [курсив В. В. Розанова], — с таким же чувством уроднения и полного постижения» (В. В. Розанов. «Смертное»). В таком словоупотреблении проявляется характерное для этого философа отношение к думанию как к органическому, почти физиологическому процессу.

Вспомним здесь, кстати, факт из нашей недавней истории. В нашем языке были устойчивыми сочетания *родной товарищ Сталин* (как впоследствии *дорогой Леонид Ильич*), *родная Советская власть* и особенно каноническое *родная*

*Коммунистическая партия*. Ср. «Бабы и мужики! Теперь, когда случилось такое несчастье, нам больше и делать ничего не остается, как сплотиться вокруг нашей родной партии, вокруг лично товарища Сталина. Вот буду в Москве, увижу его, родного, разрешите сказать от вашего имени, что все труженики нашего хозяйства все свои силы отдадут» (В. Войнович. «Приключения солдата Ивана Чонкина»); «Раз взяли Петьку, значит, было за что взять». Вот так думает простой мужик-колхозник про свою родную советскую власть» (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»). Мы сейчас не будем останавливаться на том, какое мироощущение стояло за этими эпитетами, но очевидно, что выбор их не был случайным.

Итак, смысловая насыщенность ласкательного обращения *родной*, *родная* связана с семантическим потенциалом самого слова *родной*. Его значением объясняется и странное, даже парадоксальное сочетание: самое одухотворенное из любовных обращений оказывается и самым заземленным. В этом оно сходно с другим характерным русским словом — *душа*. Последнему тоже свойственно представление о первостепенном значении нематериального — а с другой стороны почти физиологическая конкретность и осязательность образа. *Душа* описывается в русском языке как орган человека; см. об этом в статье Е. В. Урысон «Душа» [Урысон 1997а]. То же сочетание физиологической пронзительности с возвышенностью есть и в русском слове *жалость* (см. [Левонтина 1997в]).

Представление о значении кровного родства входит во все культуры, оно коренится в универсальном противопоставлении своего и чужого. Для русской культуры родственные чувства, пожалуй, имеют особое значение, что всегда отмечается исследователями «русского национального характера». Так, специальная глава о родстве есть в «Заметках о русском» Д. С. Лихачева. В ней, в частности, говорится, что русским читателям и зрителям чеховских «Трех сестер» очень важно, что героини — сестры, а не просто подруги. Не случайно почти как гимн звучат для нас пушкинские строки: «Два чувства дивно близки нам — // В них обретает сердце пищу — // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам».

Однако еще более интересно, что с точки зрения русского языка силой любви можно превратить чужого как бы в кровного родственника, что он может стать не только *родным*, но даже и *роднее родного*. Конечно, ощущение, что единение с любимым человеком таково, что связь с ним нерасторжима, как кровные узы, знакомо людям разных национальностей, и оно может быть описано на любом языке. Но русский язык канонизирует это ощущение, отливая его в специальное слово и вкладывая это слово в уста говорящих о любви.

Надо сказать, что вообще по-русски идея хорошего отношения к человеку естественно выражается оборотом *как к родному*, *как родной*; ср. «Когда Санин часа полтора спустя вернулся в кондитерскую Розелли, его там приняли, как родного» (И. С. Тургенев. «Вешние воды»); «В богатом доме, где Лару считали родною, не помнили долга, сделанного ею для Роды, и о нем не напоминали»

(Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); «Я, говорит, только при тебе и покойна. Я к тебе как к родной привыкла» (И. Бунин. «Хорошая жизнь»). У Чехова Лопухин говорит Раневской: «Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но (...) я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную». А сама Раневская говорит Пете Трофимову: «Не осуждайте меня, Петя... Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться». Есть еще выражение *верю, как родному*, которое, правда, в современном языке употребляется в основном несколько иронически; ср. «Значит, вы были в Штатах, — мямлил черноусый, — это очень и очень чрезвычайно! Негров там нет и никогда не было, это я допускаю... я вам верю, как родному... Но — скажите: свободы там тоже не было и нет?..» (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»). Иначе говоря, если любишь человека по-настоящему, то он может стать и *роднее родного*, но даже если просто доброжелательно к нему относишься, то он уже становится немножко *родным*.

Конечно, было бы неверно считать, что весь смысловой потенциал слова *родной* реализуется всякий раз, когда оно произносится. Как и другие любовные обращения, *родной* не всегда говорится от души и не всегда доходит до сердца. Чтобы в нем проявился его глубокий смысл, оно должно быть каждый раз заново согрето нежностью. Иначе оно, как замечает герой Ю. Малецкого, «не вспыхнет»: — «“Я не поеду, родная. Договорились?” (...) (Родная — как-то не звучит. А что лучше? Родная, милая, любимая — какие есть лучше слова? (...) Оу, darling. Что же тогда — солнышко, зайнька, рыбонька? Фонетически ближе всего — лапушка. По смыслу все же — родная. (...) Но как сказать “родная”, чтоб дошло, вспыхнуло: р о д н а я?). — “Ну, улыбнись, родная, ну, поцелуй, родная...” — “Что?”» (Ю. Малецкий. «Любью»).

Можно было бы допустить, что слово *родной* — просто случайная причуда русского языка, если бы метафора кровного родства не была представлена чрезвычайно широко и в ассортименте русских разговорных и просторечных обращений к незнакомым людям. За пределами славянских языков вряд ли отыщется такое изобилие подобных обращений: *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т. д. (Эту особенность русского языка отмечают, в частности, Д. С. Лихачев в «Заметках о русском» и М. А. Кронгауз в работах об обращениях). Отдельные обращения такого типа отыскать можно, например, распространенное на американском юге обращение *тот* (мамаша). Но в русском языке они образуют целую систему.

Подбор обращения каждый раз осуществляется индивидуально, так как говорящий соотносит примерный возраст адресата со своим возрастом и прикидывает, кем бы мог ему приходиться этот человек (ср. сходную мыслительную процедуру, лежащую в основе укоризненных формул типа *Ты мне в сыновья годишься*). Заметим, что принципиально другой характер имеют религиозные обращения



*брат и сестра*, в которых, напротив, нет ничего личного, а лишь указание на равенство всех перед Богом.

Установление воображаемого родства очень ярко описано у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях». Богатыри, увидев, что «Кто-то терем прибирал // И хозяев поджидал», радушно приглашают гостя объявиться: «Коль ты старый человек, // Дядей будешь нам навек. // Коли парень ты румяный, // Братец будешь нам названный. // Коль старушка, будь нам мать, // Так и станем величать. // Коли красная девица, // Будь нам милая сестрица». Конечно, только в сказочном мире слово обладает такой магической силой, что царевна сразу действительно становится богатырям почти сестрой. В жизни употребление подобного обращения выражает и вызывает разве что мимолетную тень родственного чувства. В книге Н. Федорова «Философия общего дела» говорится: «Нужно продолжительное воспитание для того, чтобы общеупотребительное “братцы” стало из слова делом; для этого нужно внешнее и внутреннее объединение».

И все же даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств. Этим он дружелюбно посвягает на внутренний мир адресата обращения. Такая навязанная задушевность не всегда приятна, поэтому, например, в ответ на обращение *мамаша* довольно часто можно услышать: «Сынок нашелся!»

Обезоруживающая, возникающая на пустом месте доверительность родственных обращений, особенно некоторых из них, например *сестренка* или *отец*, — совершенно особое явление. Исключая заигрывания, они все же звучат весьма интимно. Фамильярные обращения типа *милая* или *sweetheart* по отношению к незнакомым людям, хотя и сокращают дистанцию против воли адресата, но не диктуют ему его собственную ответную интонацию. Они всего лишь простодушно выражают симпатию говорящего, ничего не требуя взамен.

Итак, для русской культуры родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. При этом любовь к своим совершенно не сопровождается равнодушием или недоброжелательством по отношению к чужим. Напротив того, родственная теплота служит образцом доброго отношения к людям вообще. Здесь русский язык подтверждает традиционное представление о широте и щедрости русской души. Более того, он подсказывает человеку готовность обнять родственной любовью весь мир.

Не случайно именно эта готовность лежит в основе одной из наиболее экстравагантных русских философских концепций — утопической философии «общего дела» Н. Федорова: «Когда мы были малы, все люди были для нас братьями и сестрами наших отцов и матерей (дядья и тетки); так и говорили нам наши ро-

---

дители, вынужденные применяться к детскому пониманию, вовсе не подозревая при этом, что вынужденное приспособление возвращает и их самих к первоначальной истине и благу. (...) Из этого становится понятным, почему родственность становится критерием общего дела. (...) В понятие родственности входит необходимо искренность и откровенность, и потому во внешности выражается вся глубина внутренности, лицемерие делается душезрением. Основное свойство родственности есть любовь, а с нею и истинное знание» (Н. Федоров. «Философия общего дела»).

«ДОСТОЕВСКИЙ НАДРЫВ» \*

У Льва Лосева есть стихотворение, в котором он перечисляет постылые приметы безумной русской жизни. Среди прочего там говорится: «И еще он сказал, распаяясь: // “Не люблю этих пьяных ночей, // Покаянную искренность пьяниц, // Достоевский *надрыв* стукачей, // Эту водочку, эти грибочки...”».

Слово *надрыв* принадлежит к числу наиболее емких, выразительных, укорененных в русской культуре и потому плохо поддающихся переводу русских слов. Интересно также то, что оно, подобно таким словам, как *авось, тоска, лень* и др., чрезвычайно естественно монтируется с эпитетом *русский*<sup>1</sup>; ср., например: «без этого внутреннего русского *надрыва* и отчаяния» (Ф. Незнанский, Э. Тополь). Ср. также следующий пример, где *без надрыва* означает почти что *не по-русски*: «Немецкий человек. Немецкий ум. // Тем более, “когито эрго сум”. // Германия, конечно, убер аллес. // В ушах звучит знакомый венский вальс. // Он с Краковым простился *без надрыва*, // И покатил на дрожжах торопливо // За кафедрой и честной кружкой пива» (И. Бродский).

В этом слове в концентрированном виде содержится настоящий психологический этюд. *Надрыв* предполагает такое эмоциональное состояние, когда человек не справляется со своими чувствами: эмоции либо захлестывают его, заставляя забыть о мере и вкусе, а то и о приличиях, либо, напротив, оказываются вымученными и нарочитыми. Кроме того, *надрыв* подразумевает некое мазохистское самолюбование, а также истерическую исповедальность, которая коробит окружающих. Ср. «Белый страдал неслыханно, переходя от униженного смирения к бешенству и гордыне, — кричал, что отвергнуть его любовь есть кощунство. (...) Он провел несколько месяцев за границей — и вернулся с неутоленным страданием и “Кубком мятежей” — слабейшею из его симфоний, потому что она была писана *в надрыве*» (В. Ходасевич).

Надо сказать, что корень *-рыв-* (*-рв-*) вообще дал в русском языке много слов, описывающих эмоциональную жизнь человека: *порыв, разрыв, срыв* — вплоть до современного *отрыв*. Да и само это действие, видимо, воспринимается как очень тесно связанное с душевным состоянием. Особенно важен с этой точки

---

\* Опубликовано в журнале «Wiener Slawistischer Almanach». 1997. В. 40.

<sup>1</sup> См. о сочетаемости этого типа статью [Плунгян, Рахилина 1996].

зрения жест, который обычно считается специфически русским — *рвануть рубашку на груди*. Он выражает отчаянную решимость или безоглядную откровенность.

Перечисленные слова с корнем *-рыв-* (*-рв-*) имеют в своем значении нечто общее — идею энергичного и спонтанного душевного движения, в результате которого разрушаются (рвутся) узы или путы. Но, конечно, слова с разными приставками сильно различаются.

Существительное *надрыв* соотносится с глаголами *надорвать* (*надрывать*) и *надорваться* (*надрываться*). Эти глаголы имеют следующие значения: 1) связанное с частичным физическим разрыванием (*надорвать лист бумаги*); 2) связанное с повреждением от чрезмерного усилия (*надорвать голос, надорваться, поднимая тяжести*); 3) связанное с изнурением физическим или нравственным (*внутренне надорвалась*). Кроме того, есть сочетания *надрывать сердце* и *надрывать душу*, то есть причинять душевные муки. Для существительного *надрыв* словари дают значения, которые соответствуют значениям этих глаголов. Ср. *надрывы на листе бумаге, кашлять с надрывом, работать с надрывом*. С чем же соотносится то значение слова *надрыв*, которое реализуется в сочетании *достоевский надрыв*?

На первый взгляд кажется, что в основу данного значения существительного *надрыв* легло эмоциональное значение глаголов *надрывать* и *надрываться*. Это, однако, не так. Неверно было бы сказать, что *душевный надрыв* — это когда *душа надрывается*. Семантическое соотношение здесь иное, чем в парах *терзать* (*терзаться*) — *терзание* или *надломить* (*надломиться*) — *надлом*. Особенно показательное сравнение похожих по структуре слов *надрыв* и *надлом*. *Надлом* — результат действия тяжелых жизненных обстоятельств на внутренний мир человека, некое нарушение в этом внутреннем мире, мешающее человеку нормально справляться с жизнью. *Надрыв* же — это не результат, а само проявление, и не внешних обстоятельств, а внутренней экзальтации человека (хотя она, в свою очередь, может иметь и внешние причины). *Надлом* — свойство человека, внешне не обязательно заметное, тогда как *надрыв* — его состояние, причем проявляющееся в поведении.

Более других сходных по структуре слов с *надрывом* сближается *надсад*; ср. «В удаль, в одурь, в гармошку, в *надсад*, в тщету» (М. Цветаева); «В “Боге” Державин привел в движения какие-то огромные массы; столь же огромна сила, на это затраченная, но ни единая частица ее не пропадает даром, и *надсада*, усилия мы нигде не видим» (В. Ходасевич); «И от красавиц тогдашних, от тех европейнок нежных, // Сколько я принял смущенья, *надсады* и горя» (О. Мандельштам). *Надсад*, как и *надрыв*, — это перенапряжение душевных сил, но без исповедальности и мазохизма.

Очевидно, существительное *надрыв* связано прежде всего с глаголом *надрываться* в значении ‘делать что-то с огромным усилием’. Причем наиболее важны здесь не контексты работы, а контексты крика, плача и особенно кашля. Ср. не только само выражение *надрываться от кашля*, но и прилагательное *надрывный*

и наречие *надрывно*, а также употребление существительного *надрыв* в сочетании *кашлять с надрывом*: «Спать на полу было холодно, *надрывно* кашлял больной Карцев» (А. Рыбаков); «Неожиданно за его спиной послышался *надрывный* кашель» (В. Шинкарев); «Гудки, свист, звуки, похожие на *надрывный* кашель» (А. и Б. Стругацкие); «Во всю грудь затянулся горьковатым дымом и, выпучив глаза, закашлялся — гулко, с *надрывом*» (Н. Гладышев).

Когда мы говорим, что человек *надывается от кашля*, *кашляет надрывно* или *с надрывом*, то мы имеем в виду совершенно определенный тип кашля — не такой, какой бывает, когда болит горло, а такой, который идет из глубины легких и сотрясает все тело человека. Этот кашель не обязательно громкий, но гулкий. Человек как бы мучительно пытается исторгнуть из себя, из самой глубины, то, что ему мешает дышать и жить. Такой кашель отнимает все силы человека, но в то же время человек не может его сдержать.

Точно так же сказать что-либо *с надрывом* — не обязательно означает прокричать. *С надрывом* можно говорить и еле слышным шепотом, но так, что ясно, что слова идут с самого дна души, что их мучительно выговаривать и невозможно не сказать.

Тогда становится ясным, почему слово *надрыв* парадоксальным образом описывает две, казалось бы, противоположные ситуации: неконтролируемый эмоциональный выплеск или, напротив, выражение форсированных, искусственных эмоций. В первом случае человек просто извлекает на свет слишком глубоко запрятанные, интимные чувства, с пугающей откровенностью обнажая то, чему надлежит оставаться сокровенным (ср. пример об Андрее Белом). Во втором — человек так упоенно придается самокопанию, что может найти в своей душе то, чего в ней вовсе или почти нет. Поэтому *с надрывом* часто выражаются мнимые, непомерно преувеличенные или искаженные чувства, и он граничит либо с фальшью, либо с гротеском. Ср. другой пример из В. Ф. Ходасевича, в котором он обсуждает слух о том, что В. В. Розанов перед смертью так обнищал, что стал собирать окурки: «Очень возможно, что он и стал собирать их, но не было ли и тут некоего *надрыва*, а то и стилизации? Ведь приbedниться, принизиться, да еще после такого удара, — все это было вполне “в стиле” Розанова».

Впрочем, часто бывает, что в образных, переносных значениях слов просвечивают несколько разных смысловых мотивировок. Так, вероятно, *душевный надрыв* связан еще и с самым буквальным, материальным пониманием *надрыва* как прорехи. Внешняя оболочка расплзается, сквозь прореху зияет нутро, и окружающие смущенно отводят глаза <sup>2</sup>.

Лев Лосев, говоря о *достоевском надрыве*, прав не только в том отношении, что пьяная исповедь стукача — это именно то, что очень естественно назвать

---

<sup>2</sup> Ср. выразительное развертывание этой метафоры у Цветаевой: «Так или иначе, друг — по швам. // Дребезги и осколки. // Только и славы, что треснул сам — // Треснул, а не расплзся. // Что под наметкой — живая жиль // Красная, а не гниль».

*достоевщиной*, но еще и в том, что само слово *надрыв* в данном значении прочно вошло в русский язык именно после Достоевского<sup>3</sup>.

Вообще весь мир Достоевского, с выставляемыми напоказ гипертрофированными чувствами, с патологическими характерами и изломанными судьбами — это один сплошной *надрыв*. Скажем, поведение и речи Мармеладова из «Преступления и наказания» могут служить иллюстрацией этого понятия. Психологический комплекс, сконцентрированный в слове *надрыв*, — это как раз то, что больше всего раздражает в Достоевском, например, Набокова; ср. «Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства — всем этим восхищаться нелегко».

Однако само слово *надрыв* — из «Братьев Карамазовых»<sup>4</sup>. Это одно из ключевых слов романа. Достоевский употребляет слово *надрыв* таким образом, чтобы привлечь внимание к этому понятию. Во-первых, оно фигурирует в названиях глав — непонятных и интригующих: (да и вся четвертая книга второй части так и называется: «*Надрывы*»), глава 5 «*Надрыв* в гостиной», глава 6 «*Надрыв* в избе», глава 7 «И на чистом воздухе» (на криптографичность заголовков глав «Братьев Карамазовых» обращал внимание В. Набоков).

Во-вторых, *надрыв* иногда вырывается из нормального синтаксического и смыслового контекста, используясь в качестве эмблемы определенной ситуации; ср. «Это ведь навеки... Я не хочу сидеть *подле надрыва*...» — и в другом месте: «А мучила-то она меня как! Воистину у *надрыва* сидел. Ох, она знала, что я ее люблю!»; «Любила меня, а не Дмитрия, — весело настаивал Иван. — Дмитрий только *надрыв*»<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> Нам неизвестно, придумал ли Достоевский это слово или оно существовало и ранее, но, несомненно, именно Достоевский насытил его богатством смыслов и ассоциаций.

<sup>4</sup> Оно появляется еще дважды в «Подростке» и один раз в «Бесах»: «И к чему все эти прежние хмурости, — думал я в иные упоительные минуты, — к чему эти старые большие *надрывы*, мое одинокое и угрюмое детство» (Подросток); «Ей там, кажется, ничего не ответили или даже прогнали, и она сходила с крылечка вниз, с *надрывом* и злобой» (Подросток); «Вы женились по страсти к мучительству, по страсти к угрызениям совести, по сладострастию нравственному. Тут был нервный *надрыв*... Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен» (Бесы).

<sup>5</sup> Все эти оттенки смысла, разумеется, ускользают в переводе. Трудности, с которыми сталкивается переводчик «Братьев Карамазовых», столь велики, что один из переводчиков (David Mc Duff, Penguin books, 1993) находит даже нужным покомментировать выбор переводного эквивалента для слова *надрыв*: «In Russian *nadryvy* can be translated approximately as 'cracks', 'ruptures', 'harrowings', but also as 'hysterias'. *Nadryv* like its French parent *déchirement* connotes a breaking, tearing and straining beneath an intolerable weight of mental, emotional and spiritual suffering. It is a constantly recurring theme through the novel. 'Crack up' is offered as a near equivalent» (p. 904).

Герои романа все время твердят это слово, как бы пробуя его на язык и пытаясь через слово постичь смысл происходящего. Очень часто оно употребляется в кавычках; ср. «Слово “*надрыв*”, только что произнесенное госпожой Хохлаковой, заставило его почти вздрогнуть, потому что именно в эту ночь, полупроснувшись на рассвете, он вдруг, вероятно отвечая своему сновидению, произнес: “*Надрыв, надрыв!*”. Снилось же ему всю ночь вчерашняя сцена у Катерины Ивановны»; «Теперь вдруг прямое и упорное уверение госпожи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любит брата Ивана и только сама, нарочно, из какой-то игры, из “*надрыва*”, обманывает себя и сама себя мучит напускною любовью своею к Дмитрию из какой-то будто бы благодарности, — поразило Алешу: “Да, может быть, и в самом деле полная правда именно в этих словах!”»; «Но вместо твердой цели во всем была лишь неясность и путаница. “*Надрыв*” произнесено теперь! Но что он мог понять хотя бы даже в этом *надрыве*?»

Основная часть употреблений слова *надрыв* связана с Катериной Ивановной и характером ее чувства по отношению к Дмитрию. Напомним, что Дмитрий сначала унизил ее, пообещав дать деньги для спасения ее отца, если она придет к нему за ними, а потом отдал деньги, ничего не потребовав взамен. Вскоре она написала ему, что безумно любит и хочет стать его женой. Из чувства оскорбленного человеческого достоинства, жертвенного экстаза и ненависти вырастают преклонение и страсть — тоже не без оттенка жертвенности; ср.: «Я уже решила: если даже он и женится на той... твари, — начала она торжественно (...) От этих пор я уже никогда, никогда не оставлю его! — произнесла она с каким-то *надрывом* какого-то бледного вымученного восторга. — То есть не то чтоб я таскалась за ним, попадалась ему поминутно на глаза, мучила его — о нет, я уеду в другой город, куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду следить за ним не уставая»; «Вместо плакавшей сейчас в каком-то *надрыве* своего чувства бедной оскорбленной девушки явилась вдруг женщина, совершенно владеющая собой и даже чем-то чрезвычайно довольная, точно вдруг чему-то обрадовавшаяся». Ситуация усугубляется тем, что из-за надуманной, вымученной, искусственно подогреваемой страсти к Дмитрию Катерина Ивановна отвергает любовь Ивана: «И если бы вы только поверили, что между ними теперь происходит, — то это ужасно, это, я вам скажу, *надрыв*, это ужасная сказка, которой поверить ни за что нельзя: оба губят себя неизвестно для чего, сами знают про это и сами наслаждаются этим»; «Вы мучаете Ивана, потому только, что его любите... а мучите потому, что Дмитрия *надрывом* любите... внеправду любите... потому что уверили себя так... (...) И по мере оскорблений его все больше и больше. Вот это и есть ваш *надрыв*. Вы именно любите его таким, каким он есть, вас оскорбляющим его любите».

Очень важно здесь то, что Достоевский понимает *надрыв* не просто как перенапряжение чувств<sup>6</sup>, но и как источник эмоциональной неправды, уродующей

<sup>6</sup> Хотя употребления такого рода также встречаются в романе; ср.: «— Для чего ты меня испытываешь? — с *надрывом* горестно воскликнул Алеша, — скажешь ли мне

душевную жизнь людей и — самое главное — лишающей их душевные порывы подлинности и ценности. Эта идея выражается и в следующем отрывке из того же произведения — казалось бы, совсем на другую тему: «Я читал вот как-то и где-то про “Иоанна Милостивого” (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что он это сделал с “надрывом” лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое — пропала любовь».

Слово *надрыв*, столь сложное по смыслу, тем не менее вошло в язык легко и естественно — потому что оно в высшей степени согласуется со стихией русского языка. В русской языковой картине мира отражены и представление о *душе* как о физически осязаемой части человека — вместилище его чувств и мыслей, в недра которого не заглянешь (*Чужая душа потемки*), и интерес к внутренним, душевным чувствам, таким как *тоска* и *жалость*, и повышенное внимание не к поступкам, а к побуждениям, и морализаторский пафос, и тяга к крайностям, и страсть к задушевному общению, иногда доходящая до *выворачивания наизнанку* собственной души и полного пренебрежения к суверенности чужого «я»<sup>7</sup>.

Однако, влившись в русский лексикон, слово *надрыв* не растворилось в нем, а сохранило память о своей родословной. На нем лежит печать шестидесятничества (прошлого века) и последующей культурной рефлексии, так же, как, например, на слове *порыв* лежит печать предыдущей эпохи<sup>8</sup>.

В середине XIX в. в России началось активное наступление разночинства на дворянскую культуру. Как позже с ненавистью скажет Розанов, «Пришел вонючий “разночинец”. (...) И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина». Новая культурная формация несла с собой иную систему ценностей, иное отношение к жизни, иной тип личности.

Одной из ценностей дворянской культуры, отрицаемой разночинцами, было то, что можно назвать внешним лоском, или хорошими манерами, или *compte il faut*, или светскостью, или дендизмом, а отсутствие чего — вульгарностью или дурным тоном.

---

наконец?; “Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку?” — обратился он вдруг к госпоже Снегиревой в каком-то совсем уже непостижимом волнении. “Не надо, не надо!” — с горестным *надрывом* в голосе воскликнул Илюша. Укор загорелся в глазах его».

<sup>7</sup> См. анализ этих особенностей русской языковой картины мира в работах: [Wierzbicka 1992; Зализняк, Левонтина 1996; Левонтина, Шмелев 1996 а, б; Булыгина, Шмелев 1997].

<sup>8</sup> См. [Виноградов 1994: 791—792].



Семиотика бытового поведения людей начала XIX в. подробно описана, в частности, об этом много писал Ю. М. Лотман<sup>9</sup>. Хорошо известно, насколько тщательно выверенным должен был быть каждый жест подлинного аристократа и насколько неприличным было истерическое саморазоблачение.

Приведем здесь только одну цитату — из любимой Пушкиным книги: «Я неоднократно наблюдал, что отличительной чертой людей, вращающихся в свете, является ледяное, невозмутимое спокойствие, которым проникнуты все их действия и привычки, от самых существенных до самых ничтожных: они спокойно едят, спокойно двигаются, спокойно живут, спокойно переносят утрату своих жен и даже своих денег, тогда как люди низшего круга не могут донести до рта ложку или снести оскорбление, не поднимая при этом немыслимого шума» (Бульвер-Литтон. «Пелэм, или Приключения джентльмена»).

Позже Л. Н. Толстой в «Юности» выразительно описал мироощущение юного дворянина, для которого лучше умереть, чем оказаться не *comme il faut*.

Разночинцы увидели в этом поверхностность и фальшь и противопоставили внешнему лоску культ искренности и глубины.

Сама по себе апология непосредственности была к этому моменту уже известна европейской культуре. «Естественный человек» Руссо, человек с простыми чувствами, не испорченный цивилизацией — тоже антипод лживого светского человека. Общее увлечение руссоизмом не миновало в свое время и Россию.

С другой стороны, погружение в бездны и глубины человеческой души, замороженность немислимыми пороками, конечно, к середине века тоже не были новостью: Россия уже успела отдать дань байронизму. Но для романтической культуры все это было связано с описанием отдельных демонических личностей, а не с представлением о нормальном поведении человека. Кроме того, романтический герой обычно не впадает в истерику, под его непроницаемой оболочкой лишь угадывается бушевание страстей.

Особенностью разночинской поведенческой модели стала гремучая смесь безоглядной и безудержной откровенности с романтической патетикой и тягой к «безднам». Азарт саморазоблачения и самобичевания иногда заводил разночинцев весьма далеко. Так, во всех изданиях писем Белинского выпущен фрагмент его письма к Бакунину (лишь недавно он опубликован по автографу, см. публикацию В. Сажина «Рука победителя» [Сажин 1992]). Суть эпистолярного сюжета такова: Белинский настойчиво убеждает друга, что глубина его, Белинского, нравственного падения больше: «Итак, Мишель, я сказал тебе все и о себе: заплати и мне тою же откровенностию. Я признался тебе во всем, в чем только имел признаться; я показал себя тебе во всей наготе, во всем безобразии падения, открыл тебе мои раны». Бакунин отвечает что-то, Белинский настаивает: «Но это не все, а начавши говорить, я люблю все сказать». И так далее, и в конце концов Белинский доходит до той степени болезненной интимности, которой уже не мо-

<sup>9</sup> См. [Лотман 1994].

гут выдержать уши публикаторов. Интересно, что в замененном отточием отрывке из письма нет ни единого неприличного слова, все дело в накале откровенности<sup>10</sup>. Столь же шокирующий и патологический характер имеют дневники Чернышевского с самозабвенным описанием «тайных мерзостей» и даже его роман «Пролог». Об эстетике бытового поведения разночинцев см. также [Печерская 1992; Паперно 1996].

Возвращаясь к теме кашля, вспомним и о том, что чахотка — разночинская болезнь. Чахоточный *надрывный*, нутряной кашель — как нельзя более подходящее обрамление для «кашля души» — *надрывных* признаний в «стыдной» и «гадкой» правде о себе.

Другой чертой культивируемой разночинцами эстетики *надрыва* явилось демонстративное пьянство. Конечно, пили и дворяне. Но теперь на смену гусарскому *кутежу* и пьяному *буйству* в духе Дениса Давыдова пришел *пьяный надрыв*<sup>11</sup> и *пьяный кураж*<sup>12</sup>. Как известно, *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*: алкогольное опьянение — замечательная мотивировка отказа от сдержанности в выражении своих чувств. Этот отказ становился фактом культуры, омут алкоголизма — синонимом душевной глубины.

Появление у позднего Достоевского понятия *надрыва* весьма знаменательно. Слово *найдено* — и слово, звучащее отнюдь не апологетически. Обобщив и от-refлектировав симптоматику *надрыва*, Достоевский в некотором смысле подвел итог шестидесятичеству.

Никогда уже больше такой тип поведения не имел столь высокого культурного статуса. Очень скоро он выродился в пародию на себя, однако до сих пор сохраняет по старой памяти претензию на духовные искания. Этот русский дискурс замечательно воспроизвел Вен. Ерофеев: «А потом кричу: “Ты хоть душу-то любишь во мне? Душу — любишь?” А он все трясется и чернеет: “Сердцем, — орет, — сердцем — да, сердцем люблю твою душу, но душою — нет, не люб-

<sup>10</sup> Разумеется, Пушкин или Вяземский не были чужды непристойностей, и в их изданиях тоже немало отточий. Однако в их грубых шуточках нет и намек на истерическое самокопание. Они вполне согласуются с кодексом денди, который полностью контролирует свое поведение и хорошо знает, где, что и как нужно говорить.

<sup>11</sup> Остроумно описал эту ситуацию Вен. Ерофеев в «Москве — Петушках»: «Сивуха началась вместо клико! Разночинство началось, дебош и хованщина! Все эти Успенские, все эти Помяловские — они без стакана не могли написать ни строки! Я читал, я знаю! Отчаянно пили! Все честные люди России! И отчего они пили? — с отчаяния пили! пили оттого, что честны, оттого, что не в силах были облегчить участь народа! (...) Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Белинского, ни Гоголя, а одна только водка! (...) Ну как тут не прийти в отчаяние, как не писать о мужике, как не спасать его, как от отчаяния не запить! (...) Тогда Успенский встает — и вешается, а Помяловский ложится под лавку в трактире — и подыкает, а Гаршин встает — и с перепоя бросается через перила...»

<sup>12</sup> О слове *кураж* см. [Шмелев 1998].

лю!!»<sup>13</sup>. Т. Кибилов так комментирует чудовищный монолог одного из своих героев — пьяного богоискателя Лехи Шифера (не цитируем его здесь по соображениям приличия): «Ей-богу // не сочинил я ни капельки, так вот и было, как будто // это Набоков придумал, чтоб Федор Михалыча насмерть // несправедливо и зло задразнить». Дворянин и англоман Набоков, конечно, упомянут здесь абсолютно закономерно: он является своего рода культурным антиподом Достоевского в русской литературе. Надо сказать, что вообще XX век сообщил слову *надрыв* новую интонацию. В нем появилось эстетическое измерение. Для Достоевского *надрыв* был интересен и эстетически привлекателен, хотя и чреват неправдой. Сейчас он обычно не одобряется прежде всего потому, что оценивается как безвкусица. Если для жизни это еще так-сяк, то уж для искусства в высшей степени пагубно; ср. весьма характерный пример из Довлатова: «— “Вы любите Андреева?” — “Нет. Он пышный и с *надрывом*. Мне вся эта компания не очень-то: Горький, Андреев, Скиталец...”»<sup>14</sup>.

Приведем здесь отрывок из интервью, взятого у И. Бродского С. Волковым<sup>15</sup>:

«[Бродский] Пушкин все-таки, не забывайте этого, — дворянин. И если угодно англичанин — член Английского клуба — в своем отношении к действительности: он сдержан. Того, что называется *надрывом*, у него нет. (...)

[Волков] Если говорить о *надрыве*, то он действительно отсутствует у художников, которых принято считать всеобъемлющими — у Пушкина или у Моцарта (...).

[Бродский] У Моцарта *надрыва* нет, потому что он выше *надрыва*. В то время как у Бетховена и Шопена все на этом и держится» («Звезда». 1997. № 1).

Итак, в 1880 году Достоевский написал роман «Братья Карамазовы», после которого слово *надрыв* и описываемый им психологический комплекс стали не-

<sup>13</sup> Ср. Лимерик Э. Лири: «There was a Young Lady of Russia, // Who screamed so that no one could hush her; // Her screams were extreme, no one heard such a scream // As was screamed by that Lady of Russia».

<sup>14</sup> Такая эстетическая позиция с предельной отчетливостью выражена в приводимом Л. Я. Гинзбург высказывании А. Ахматовой:

Я: — Б. говорила мне, что пишет стихи. Но она предупредила меня, что это, собственно, не стихи, а откровения женской души, и я, убоившись, не настаивала.

А. А. (ледяным голосом): — Да, знаете, когда в стихах дело доходит до души, то хуже этого ничего не бывает.

В другом месте Гинзбург говорит о самой Ахматовой: «Ахматова — поэт сухой. Ничего нутряного, ничего непросеянного. Это у нее общеакмеистическое. Особая профильтрованность сближает непохожих Ахматову, Гумилева, Мандельштама». Недоверие к «нутряному» в искусстве, требование «профильтрованности» (эстетической рефлексии) — это, пожалуй, одна из аксиом современной русской культуры. И брезгливая гримаска, застывшая в слове *надрыв*, — тому свидетельство.

<sup>15</sup> Диалог посвящен М. Цветаевой, и обсуждение темы *надрыва*, несомненно, спровоцировано особенностями ее поэтики. Ее поэтическое кредо: «Вскрыла жилы... (...) // Неостановимо хлещет стих».

отъемлемой частью русского языка, русской языковой картины мира и расхожего представления о «загадочной русской душе». В том же году он произнес свою знаменитую речь о Пушкине, в которой говорил о «всемирной миссии» русского народа и о проявившейся в Пушкине «всемирной отзывчивости русского национального духа».

И вот прошло более ста лет, наполненных бурными событиями. Пушкин по-прежнему «наше все», но теперь особенно важными представляются другие его черты — в частности то, что Бродский охарактеризовал как полное отсутствие *надрыва*.

## ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ: ОБЩЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, ПРОСЬБА, ЧУВСТВА, ЭМОЦИИ

Слова *общение* и *общаться* до самого недавнего времени не были объектом внимания лингвистов<sup>1</sup>. Между тем эти слова весьма специфичны и плохо поддаются переводу. Можно указать по крайней мере две особенности, отличающие слова *общение* и *общаться* от их переводных эквивалентов (напр., англ. *communication, to communicate, contact, to contact*) и русских квазисинонимов *контакт, коммуникация, контактировать*. Первая состоит в том, что глагол *общаться* (а вслед за ним и существительное *общение*) несет в себе идею очень неформального взаимодействия, «человеческого тепла»; вторая состоит в том, что *общаться* в современном языке имеет референцию к конкретному процессу.

*Общаться* по-русски значит приблизительно «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта»<sup>2</sup>. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть «о главном» — речь может идти в том числе и о пустяках; так как главное в общении — именно поддержание контакта, ощущения *общности*. А. Вежбицкая считает, что слово *общаться* (наряду с такими выражениями как *излить душу, душа нарастает*) указывает на наличие культурного скрипта «Хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает/чувствует» [Вежбицка 2002: 29].

Слово *общаться* содержит, кроме того, идею некоторой бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия* или *радости* (ср. устойчивое сочетание *радость общения*, а также характерные фразы типа *С ним общаться — никакого удовольствия; Ты получишь большое удовольствие от общения с ними* и т. п.). Заметим, что обсуждаемое значение у слова *общаться* появилось относительно недавно, является новообразованием разговорного языка, и некоторыми более строгими носителями русского языка воспринимается как вуль-

---

<sup>1</sup> В статье [Вежбицка 2002] слова *общение, общаться* упоминаются среди ключевых «культурных» слов, не имеющих эквивалента в английском языке. Отсутствие переводного эквивалента для этих слов в немецком языке было отмечено в докладе А. Эртельт-Фит на конференции «Стереотип и миф в языке и искусстве» (Университет Потсдам, январь 2003).

<sup>2</sup> О том, что родовой семой у *общаться* является «разговаривать», свидетельствует появившаяся у этого глагола валентность *на какую тему*.

гарное<sup>3</sup>. Раньше этот глагол употреблялся лишь для обозначения «абстрактного состояния» (*generic state* по Вендлеру) — как *питаться* или *руководить*, типа *Дети в этом возрасте общаются в основном со своими сверстниками*. Современный язык свободно допускает употребление этого глагола в актуально-длительном значении, ср.: *Что делает Маша? — Она в соседней комнате общается по телефону с Петей; сейчас она дообщается и придет*. Характерно, что от глагола *общаться* в современном русском языке легко образуются различные способы действия: делимитативный (*пообщаться полчаса*), пердуративный (*прообщаться весь вечер*), сатуративный (*наобщаться вдоволь*), семельфактивный (*общнуться*) и др.

Между людьми, которые *общаются*, имеются определенные *отношения*, и каждый имеет то или иное *отношение* к другому<sup>4</sup>.

Слово *отношение* крайне плохо переводится на европейские языки, заключает в себе весьма характерный для русской языковой картины мира концепт, но, насколько мне известно, до сих пор не анализировалось с данной точки зрения. *Отношение* (одного человека к другому) — это его устойчивые чувства по отношению к другому человеку, которые могут в чем-то проявляться, но могут и оставаться не выраженными. Для понятия *отношение* очень важно именно это разделение «сущности» и «явления»: знаки внимания, подарки и т. п. могут не рассматриваться адресатом как свидетельство наличия определенного *отношения* к нему; и наоборот, бывает так, что *отношение* ни в чем не проявляется, не теряя при этом своего экзистенциального статуса.

Слово *отношения* (между двумя людьми) включает внутренний, «душевный», аспект (*отношение* каждого из них к другому) и дополнительный внешний, конвенциональный. *Отношения* могут быть *хорошие, плохие, близкие и очень близкие, дружеские, любовные*, бывают *чьи-то* отношения, у *кого-то такие-то* отношения, можно *находиться* с кем-то в тех или иных отношениях, отношения могут *напрячься*, быть *натянутыми*, их можно *установить, наладить, построить* или *выстроить на какой-то основе* и, наконец, *разорвать, порвать, прервать*. Кроме того, *отношения* можно *выяснять*. Устойчивым сочетанием *выяснение отношений* обозначается чисто русское занятие (в некотором смысле, противоположное *общению*), состоящее в том, что люди говорят друг другу неприятные вещи, считая при этом, что это хороший поступок — по-видимому, в силу давления культурного скрипта «Хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует» [Вежбицкая 1999: 545] (к этому культурному скрипту мы еще вернемся при обсуждении различий между словами *чувство* и *эмоция*).

Еще более специфичен глагол *относиться* (к кому-то как-то). Фраза *Как ты ко мне относишься?* — это не только практикуемый среди подростков способ

<sup>3</sup> По свидетельству Майи Туровской, глагол *общаться* пришел в обиходный русский язык из театрального жаргона, где он имел хождение как центральное понятие системы Станиславского.

<sup>4</sup> Это две отдельные лексемы; соответственно, первая из них — *pluralia tantum*.

вынудить признание в любви: это явный или скрытый сюжет весьма значительной части разговоров на русском языке. По-русски *относиться* к кому-то можно с *уважением, почтением, любовью, симпатией, презрением, недоверием* и некоторыми другими чувствами. Но главное, что по-русски можно *относиться* к кому-то *как-то*, и за этим иногда стоит целый сюжет (ср. *Так-то ты ко мне относишься!*); этот сюжет может суммироваться словом *хорошо* или *плохо*. Выражение *относиться* <к кому-либо> *хорошо/плохо* — наиболее лингвоспецифично и труднопереводимо: при внешней схожести с формулой *X feels something good/bad toward Y*, используемой А. Вежбицкой и состоящей из семантических примитивов (см., напр., толкование англ. *love* в [Wierzbicka 1992a: 145]), обсуждаемое русское выражение, наоборот, необычайно сложно и нагружено имплицитными смыслами<sup>5</sup>.

Не менее характерным для русского дискурса является глагол *просить* (*попросить*). Как известно, например, в английском и во французском языке не различаются идеи, выражаемые русскими глаголами *спросить* и *попросить*<sup>6</sup>. Этот факт обращает на себя внимание, потому что для русского языка отношения между глаголами *спросить* и *попросить* весьма далеки от синонимических; разница между ними сохраняется, в том числе, в контексте, где оба глагола возможны, ср. *спросить совета* и *попросить совета*. Действительно, их значения имеют довольно существенную общую часть: ‘Я хочу, чтобы ты для меня [нечто сделал]’ — соответственно, ‘сообщил нужную мне информацию’ или ‘совершил нужное мне действие’. Однако с точки зрения русского языка различие здесь более существенно, чем сходство. Почему?

Начнем с семантики русского глагола *просить* (и соответствующего ему существительного *просьба*). В работе [Гловинская 1993: 180—181] для глагола *просить* предлагается следующее толкование:

Х просит Y-а, чтобы Y сделал P =

- (1) X хочет, чтобы было P
- (2) X считает, что Y может сделать, чтобы было P
- (2') X считает, что Y не обязан делать P
- (2'') X не уверен, что Y сделает P, если X не скажет ему об этом
- (3) X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P
- (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y сделал P

Это толкование в целом соответствует толкованию А. Вежбицкой для английского глагола *to ask 1* [Wierzbicka 1987: 49—50]. Однако, как представляется,

<sup>5</sup> Из рассмотренных трех слов лишь одно — *отношения* (между двумя людьми) имеет удовлетворительные переводные эквиваленты, ср. англ. *relationship*, нем. *Beziehungen*.

<sup>6</sup> В немецком языке имеются глаголы *fragen* ‘спрашивать’ и *bitten* ‘просить’ (т. е. немецкий язык в этом отношении, как и в многих других, оказывается ближе к русскому, чем, например, английский и французский).

русский глагол *просить* имеет более сложную семантическую структуру. Во-первых, компонент (2'), по-видимому, следует усилить до: 'X считает, что Y не обязан делать P и хочет, чтобы Y знал, что X так считает'. Кроме того, глагол *просить* отличается от английского *to ask* в том отношении, что просящий неизбежно оказывается «в положении просителя», т. е. в положении несколько униженном, просьба — это обращение «снизу вверх»<sup>7</sup>. Тем самым просьба — это всегда просьба об одолжении. Чтобы не оказаться в этом положении, многие люди сознательно избегают ситуации просьбы, добываясь от других людей совершения нужных им действий иными средствами. Помимо чисто знаковой функции перформатива, т. е. осуществления определенного типа речевого акта, произнесение слова *прошу* ставит говорящего в «низшее» положение по отношению к адресату (независимо от реальной иерархии их статусов: акт просьбы возможен по отношению как к «высшему», так и к «низшему»). В этом русский глагол *просить* сближается с английским глаголом *to beg*, о котором А. Вежицкая пишет, в частности, что «*begging* предполагает униженную, жалкую позицию: просящий дает понять, что что он трактует своего адресата как человека, имеющего над ним власть» [Wierzbicka 1987: 53]. Однако этическая окраска русской *просьбы* существенно иная. В *просьбе* имеется компонент вроде следующего 'Я предполагаю, что ты это сделаешь, потому что я предполагаю, что ты хочешь, чтобы мне было хорошо'. Одновременно *просьба* включает обещание благодарности: фраза *Я тебя прошу* означает, в частности, 'я буду чувствовать, что я тебе обязан'. Русская *просьба*, тем самым, означает вовлечение адресата в определенный тип отношений, где от каждого из участников предполагается наличие некоторых «добрых чувств» по отношению к другому. Обращение к человеку с просьбой означает тем самым вторжение в чужую личную сферу — не только в том смысле, что от человека ожидают какие-то действия, а прежде всего в том, что ему навязываются определенные чувства. И что наиболее характерно — *просьба* входит в число обычных, ежедневно производимых действий, является элементом быта, а глагол *просить* (*Надо попросить брата, соседа, дядю Васю* и т. п. *это сделать*) — характерным признаком русского дискурса.

Как представляется, этот факт хорошо вписывается в общую картину представлений о мире, отраженных в русском языке, а именно: неуважение к идее *приватности*<sup>8</sup>; глубоко укорененная идея, что человек часто не делает того, что

<sup>7</sup> Так, образованные от глагола *просить* слова *проситель* и в еще большей степени *попрошайка* имеющие коннотацию «униженности» (ср. англ. *beggar* 'нищий' и отсутствие какого-либо попен auctoris от глагола *to ask*). В отличие от русской фразы *Сделай это, я тебя прошу* английская фраза *Do it, I ask you* звучит странно, и уж точно не звучит как *просьба* в русском смысле.

<sup>8</sup> Для этого понятия не существует даже собственного русского слова (слово *приватность* имеет ярко выраженный заимствованный характер) — ср. о непереводаемости англ. *privacy* в [Бойм 2002: 100].



обязан и делает то, чего не обязан делать (то, что можно, оказывается реально нельзя, а то, что как бы нельзя, на самом деле можно и т. д.); ощущение неподвластности человеку окружающих его обстоятельств и готовность *попросить* о помощи, но одновременно — и готовность выполнить *просьбу*, обыденность обоих этих действий. Ничего этого нет в глаголе *спрашивать*, лишенном каких-либо специальных этических пресуппозиций или импликаций.

Рассмотрим теперь слова *чувство* и *эмоция* (о слове *чувство* см., напр., [Иорданская, Жолковский, Мельчук 1984; Урысон 1997б; Шайкевич 1996]).

Слово *чувство* имеет в русском языке несколько значений; с чувством в узком смысле (т. е. с особым «состоянием души») соотносится только часть из них. Предлагается следующее разбиение множества употреблений этого слова:

1. Канал восприятия сигналов из внешнего мира: гипероним для *зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания* (ср. также *шестое чувство*). Со своим гипонимом слово *чувство* в этом значении не сочетается (ср. \**чувство зрения*).

2. Состояние, в котором человек способен сознавать окружающее; сознание (*лишиться чувств, привести в чувство*).

3. [С дополнением в род. п. (*чувство* <чего>)]: состояние, когда человек нечто чувствует. Слово *чувство* в этом значении представляет собой помен actionis от глагола *чувствовать*, результат трансформации из словосочетания *чувствовать нечто*, ср. *чувствовать радость* ↔ *чувство радости*. В качестве объекта при исходном глаголе (и, соответственно, зависимого имени в род. п. при существительном-номинализации) может выступать имя одного из собственно чувств «в узком смысле» (см. значение 5); таким образом, слово *чувство* в сочетаниях типа *чувство радости, ненависти, отвращения, гнева, обиды* и т. п. принадлежит одновременно двум значениям — 3 и 5. Однако слово *чувство* в этом значении может сочетаться также с обозначениями физиологических ощущений и разного рода сложных внутренних состояний: *чувство голода, тошноты; чувство неприязни, облегчения; чувство превосходства, чувство вины* и т. п. Все эти *чувства* человек испытывает.

Сочетание *чувство вины* обладает той особенностью, что это выражение не имеет буквальной глагольной перифразы: нельзя сказать \**чувствовать вину* (можно сказать лишь *он чувствует с в о ю вину* или *чувствует себя виноватым*).

4. [С придаточным, вводимым союзами *что, будто*]: иррациональное знание, возникшее на основании анализа чувственных данных (*У меня такое чувство, что* <будто> *тут кто-то есть кроме нас*)<sup>9</sup>. Возможна глагольная перифраза, ср. *У меня такое чувство, что он врет* ↔ *Я чувствую, что он врет*. Это значение возможно также в конструкции с род. п.: *У него возникло чувство фальши, неуместности, ненужности происходящего*.

5. Собственно чувство (= определенное «состояние души»): гипероним для *любовь, ненависть, радость, возмущение, обида, стыд* и т. д. *Чувство* в этом

<sup>9</sup> Для этого значения возможна частичная синонимия со словом *ощущение*, ср. [Шайкевич 1996], [Урысон 1997б: 274].

значении употребляется в сочетании с именем своего гипонима в род. п. (*чувство радости*) или, реже, с указывающим на этот гипоним прилагательным (*радостное чувство*). Слово *чувство* в этом значении употребляется также во множ. числе без дополнения (*Но рано чувства в нем остыли; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведаёт любовь*).

6. [С обязательной валентностью <к кому-либо>]: любовь, влюбленность (*Он не в силах был скрыть свое чувство к ней*).

7. [С дополнением в род. п. (*чувство чего*)]: способность нечто чувствовать: *чувство юмора, чувство меры, чувство опасности, чувство прекрасного, изящного, чувство реальности, времени* и некоторые другие; эти сочетания обычно не соотносимы с глагольной конструкцией. Различие в таксономической категории (по сравнению со значением 3) проявляется в сочетаемости: *чувство радости можно испытывать*, а *чувство юмора можно лишь иметь* (или оно может *быть у кого-то*).

К этому же классу принадлежат более или менее устойчивые сочетания, описывающие свойства человека: *чувство долга, чувство самосохранения, чувство собственного достоинства* и некоторые другие.

Особо следует отметить относящееся к данному классу сочетание *чувство справедливости*. Как следует из сказанного выше, это выражение не является свидетельством того, что *справедливость* трактуется русским языком как *чувство*, но говорит о том, что справедливость, согласно русскому языку, можно *чувствовать*.

Что касается слова *эмоция*, то прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что оно, будучи, вообще говоря, синонимом для *чувство* в его основном значении (см. [Словарь синонимов, II: 680]), в разговорном языке оказалось носителем концепта, в некотором отношении противоположного концепту *чувство*.

Слово *эмоция* в русском языке появилось в конце XIX в. путем заимствования из французского (см. [Черных 1994, II: 447])<sup>10</sup>. Ставши термином психологической науки, слово *эмоция* заняло системно весьма важную для русского языка позицию «высокого» («ученого») синонима для обиходного слова *чувство*. Именно эта коннотация книжности, «учености» определила в значительной степени дальнейшую судьбу слова *эмоция* в обыденном языке. А именно, можно сказать, что слово *эмоция* по отношению к *чувство* оказалось в роли такого «мещанского эвфемизма» (по выражению Л. П. Крысина), как *моя супруга* вместо *моя жена*, *купаться* вместо *мыться*, *отдыхает* вместо *спит* (аналогия здесь состоит в том, что слово *чувство* избегается как обозначающее нечто слишком «личное», откровенно-интимное)<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> При этом основное значение франц. *émotion*, согласно словарю Ж. Дюбуа: «внезапное и сильное смятение, волнение, вызванное удивлением, страхом, радостью и т. д.»

<sup>11</sup> На прилагательное *эмоциональный* это не распространяется: по-видимому, дело в том, что слово *эмоциональный* функционирует в русском языке как прилагатель-

Как уже упоминалось выше, по мнению А. Вежбицкой, русская культура (в отличие, например, от англосаксонской) содержит общее предписание «Хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует». При этом внутренние состояния, обозначаемые в обыденном языке словом *эмоции* (во множ. числе), как кажется, не подлежат действию этого правила, так как это слово обозначает такие чувства, которые человек обнаруживать как раз не должен, ср. толкование в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова: «*эмоции* — ... Разг. Внешнее (обычно несдержанное) проявление чувств: *Слишком много эмоций. Ненужные эмоции. Давайте обойдемся без эмоций*» (определение, очевидно, несколько неточное: судя по примерам, речь идет не только о внешних проявлениях чувств, но также и о самих чувствах).

*Эмоции* — это неуправляемые, подчиняющие себе человека силы, оцениваемые русским языком как дурные. При этом качественно эмоции могут быть как «отрицательные» (раздражение, возмущение, обида, гнев и т. п.), так и «положительные» (восторг, восхищение, умиление и т. п.). Заметим, что свойством подчинять себе человека обладают также и *чувства*, которые *охватывают* человека, *овладевают* им и т. д. При этом *находиться во власти эмоций, действовать под влиянием эмоций* оценивается русским языком однозначно отрицательно, так как рассматривается как проявление внутренней *распущенности* и противоречит характерной для русской языковой картины мира установке на аскетическую сдержанность (ср. [Зализняк 2003; Зализняк, Шмелев 2003]). Наоборот, *отдаваться чувству, повиноваться чувству* в своих поступках оценивается положительно и противопоставляется *рассудочности* и *расчетливости* (ср. [Плунгян, Рахилина 1993] о положительных коннотациях слова *безумный*).

Отчасти противопоставление *чувств* и *эмоций* имеет чисто сигнификативный характер, т. е. аналогично парам типа *шпион — разведчик, мятёж — восстание* и т. п.: говорящий называет *эмоциями* те *чувства* и в тех ситуациях, когда он их осуждает. В целом это, однако, не совсем так, потому что слово *эмоции*, помимо всего прочего, применимо лишь к временным состояниям, возникающим как реакция на определенный стимул (событие) — в отличие от слова *чувство*, которое уместно также в случае устойчивых внутренних состояний, не вызванных никакой конкретной причиной.

Главное же различие между *чувствами* и *эмоциями* состоит в том, что в отличие от *чувств*, которые локализуются в *душе* и тем самым относятся к области «высокого», *эмоции* — это нечто бездуховное, почти физиологическое, *телесное*, т. е. «низкое» (ср. сходное противопоставление *радости* и *удовольствия*, описанное в [Пеньковский 1991], [Зализняк 2003]). Действительно, выражение *положительные эмоции* встречается лишь в контекстах типа *положительные эмоции полезны для здоровья; для полного выздоровления ему нужно чаще бывать на воз-*

---

ное не только от слова *эмоция*, но и от слова *чувство* (из-за того, что прилагательное *чувственный* имеет другое значение).

духе, воздерживаться от мучного и жирного — и побольше положительных эмоций и т. п. (соответственно, отрицательные эмоции вредны для здоровья). Оценка для эмоций возможна лишь гедонистическая, что же касается чувств, то они могут тоже оцениваться гедонистически (чувства бывают приятные и неприятные, ср. приятное чувство исполненного долга); однако чувства, в отличие от эмоций, бывают также хорошие и дурные, и эта оценка — этическая. Пара чувства — эмоции входит, таким образом, в круг парных концептов, формируемый бинарными противопоставлениями «высокое — низкое» и «душа — тело»<sup>12</sup>, см. [Шмелев 1997б]. Тем самым упомянутый выше принцип Вежбицкой в слове эмоции никак не нарушается.

---

<sup>12</sup> Эти два противопоставления не изоморфны: как показал А. Д. Шмелев, душа и тело вместе, как то, из чего состоит человек, противопоставлены духу, который находится как бы над человеком.

## ДРУЖБА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА\*

Говоря об отличии синтаксических свойств имен лиц и имен предметов, Н. Д. Арутюнова [1976: 347] отмечала: «...человек получает в языке множество различных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому». А учитывая особый интерес к сфере отношений между людьми, проявляемый в русской культуре, можно не удивляться обилию русских слов, обозначающих различные виды дружеских отношений (А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999: 344] даже сравнивает его с обилием слов, обозначающих 'рис' в языке хануноо): в качестве переводного эквивалента английского *friend* в русском языке могут использоваться слова *друг*, *подруга*, *товарищ*, *приятель(-ница)* и *знакомый/-ая*; выбор между ними зависит от того, какая из разновидностей «дружеских» отношений имеет место в рассматриваемом случае. Приведа следующий пример из С. Довлатова:

Я, допустим, был армянином — по матери. Мой друг, Арий Хаимович Лернер — в русские пробился. ...Мой **приятель** художник Шер говорил:

— Я наполовину русский, наполовину — украинец, наполовину — поляк и наполовину — еврей.

...Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. ...Мой **знакомый** Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать, —

А. Вежбицка заметила, что слова *друг*, *приятель* и *знакомый*, которые Довлатов тщательно различает, в английском переводе, скорее всего, будут заменены всеобъемлющим словом *friend* [Вежбицкая 1999: 345].

При этом существенно, что говорящий по-русски обязан сделать выбор между указанными обозначениями. В ситуации, когда носитель английского языка может описать кого-либо просто как *a friend of mine*, носитель русского языка должен подвергнуть отношение специальному анализу (разумеется, это делается подсознательно) и решить, какой из русских «терминов дружбы» описывает это отношение наиболее адекватно.

---

\* Опубликовано в сборнике «Сокровенные смыслы». М., 2004.

Лингвистическое описание русского «языка дружбы» предполагает внимание к системным связям каждого из указанных слов. Наряду с соотношениями внутри рассматриваемой группы слов (парадигматическими связями) и их сочетаемостью (синтагматическими связями), следует обратить внимание на «эпидигматические» связи [Шмелев 1971]: производные значения этих слов и образованные от них слова.

Но прежде следует сделать общее замечание, касающееся рассматриваемой лексико-семантической группы. В ней велика роль индивидуальных представлений разных носителей языка, причем расхождения могут быть достаточно существенны. Скажем, некоторые носители языка (особенно — представители молодого поколения, а также люди, в течение какого-то времени жившие за границей<sup>1</sup>) свободно употребляют словосочетание *друг* X-а (где X — лицо женского пола) в соответствии с английским словом *boyfriend*. Но другие носители языка (чаще старшего поколения) отвергают такое словоупотребление, а если они знакомы с иностранными языками, воспринимают его как неуклюжую семантическую кальку французского *ami* или немецкого *Freund*.

В связи с этим здесь опасно полагаться на эксплицитные суждения носителей языка (напр., о том, какие требования предъявляются к *другу*, чем *дружба* отличается от «просто *приятельских*» отношений, как правильно употреблять слово *подруга* и т. п.). Более того, ненадежным может быть наблюдение за реальным употреблением интересующих нас слов в речи, поскольку нет никакой гарантии, что смысл, вкладываемый в них говорящим, является общим достоянием всех носителей языка. Приведем в этой связи диалог Астрова и Войницкого из пьесы Чехова «Дядя Ваня»:

*«Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли? (...) А то, может быть, в профессоршу влюблен?» — «Она мой друг». — «Уже?» — «Что значит это “уже”?» — «Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг».*

Циническое представление о жизни (или об особенностях семантики слова *друг*), сделавшее возможным вопрос Астрова «Уже?», вовсе не казалось самоочевидным Войницкому; поэтому вопрос вызвал у него недоумение, так что Астрову пришлось данное представление эксплицировать. Характерно, что Войницкий и после этого не принял его, назвав «пошляческой философией».

<sup>1</sup> Ср. чрезвычайно характерный диалог из повести В. Белоусовой «Прощаю тебе мою смерть»: «А в Америку графиня приехала почти сразу же после войны, уже без родителей, зато с двумя детьми...» — «А мужа?» — «Не слышно. И, кажется, не было. Во всяком случае в Америке. “Друзья” были, а мужа — нет, не было». Характерно, что автор (переехавший из Москвы в США относительно недавно) ставит слово *друзья* в кавычки. Ср. также высказывание, сделанное эмигранткой из России (из той же повести), в которой *друг* уже уверенно приравнивается к «бойфренду»: «Младшее поколение не приводит своих бой- и герлфрендов. Наталья, конечно, — дело другое. Я думаю, если бы она привела своего друга, графиня бы не возражала».

Заметим, что существительные *друг*, *подруга*, *товарищ* и *приятель* были подвергнуты подробному анализу в уже упомянутой книге А. Вежбицкой, в которой «моделям “дружбы” в русской культуре» был посвящен специальный раздел [Вежбицкая 1999: 340—375]. В соответствии с проведенным там анализом, *дружья* образуют важную социальную категорию: это люди, на которых можно положиться, когда надо найти поддержку. Видеть своих *друзей*, беседовать с ними, проводить с ними много времени — это одна из наиболее важных составляющих русской жизни; сюда же входит помощь *друзьям*, когда они в ней нуждаются. Таким образом, для слова *друг* ключевыми оказываются потребность в интенсивном и душевном личном общении и помощь *другу* в случае необходимости.

Ни слово *подруга*, ни слово *приятель* этого не предполагают. Слово *подруга*, по А. Вежбицкой, указывает на особый тип «внутриженских» отношений: с *подругами* происходят сходные вещи, и они по этому поводу чувствуют приблизительно одно и то же. Слово *приятель* подразумевает хорошее знакомство с другим человеком и удовольствие, получаемое от общения с ним; но, в отличие от слова *друг*, оно не предполагает желания поверять другому свои переживания, открывать ему душу, «делить с ним радость и горе», а также всегда рассчитывать на помощь и поддержку с его стороны. Наконец, слово *товарищ* в прототипическом случае указывает на мужскую солидарность, основанную на совместном участии в одних и тех же событиях групп мужчин, которых судьба собрала вместе.

Тонкие наблюдения А. Вежбицкой могут быть в ряде моментов уточнены и дополнены. Начнем со слова *знакомый*, которое А. Вежбицкая специально не рассматривает (впрочем, в сноске она приводит примеры употребления русского слова *знакомые* в воспоминаниях о Есенине и замечает, что, если перевести это слово как *acquaintances*, а не как *friends*, предложения вообще не будут иметь смысла [Вежбицкая 1999: 477]).

По-видимому, слово *знакомый* имеет из всех указанных слов максимально широкий диапазон значения. Будучи семантически производным от симметричного предиката *быть знакомым*, оно указывает лишь на факт *знакомства*, никак не детализируя возникшее на базе этого знакомства отношение<sup>2</sup>. Поскольку ничего определенного про тип отношения, кодируемый словом *знакомый*, сказать нельзя, от него не образуются прилагательные и наречия со значением ‘как это бывает при данном типе отношений’ (ср. *дружеский*, *приятельский*, *по-товарищески*). Однако в контексте русской бытовой культуры и в лексической системе русского языка слово *знакомый* семантически обогащается.

Вследствие общих законов прагматики использование семантически неопределенного и слабого обозначения *знакомый* предполагает, что у говорящего отсутствуют основания использовать более определенное и сильное обозначение —

<sup>2</sup> Разумеется, возможна детализация при помощи прилагательного (точно так же, как прилагательные могут детализировать отношение, обозначаемое английским *friend* — ср., напр., *close friend*): *знакомство* может быть и *близким*, и *шапочным*.

такое, как *друг* или *приятель*. Иными словами, слово *знакомый* чаще всего употребляется по отношению к не очень близкому знакомому; *друг* или *приятель*, которого назвали *знакомым*, имеет основания обидеться. Хотя компонент 'X не очень близко знает этого человека' не является ингерентной частью семантики слова *знакомый*, соответствующая импликатура возникает достаточно устойчиво. Именно это позволяет использовать обозначение *знакомый* в качестве эвфемизма при желании скрыть более близкие отношения — ср.: *У него в Москве есть законная, // И еще одна есть — знакомая* (А. Галич).

С другой стороны, существенно, что в русской языковой картине мира сам факт *знакомства* делает человека «своим», выделяет его из множества «чужих». Во многих культурах личные отношения и связи используются для получения чего-то, что в противном случае могло бы остаться недоступным. Для русской бытовой культуры характерно, что для обозначения такой ситуации используется выражение *по знакомству* (ср. *достать по знакомству*). *Знакомство* как бы уже достаточно, более тесные отношения не требуются. Это свидетельствует о том, что русское *знакомство* — нечто большее, нежели английское *acquaintance* или французское *connaissance*; оно ближе английскому *friendship*. Поэтому не только русское слово *знакомый* в большинстве случаев следует переводить как *friend*, но и для слова *friend* адекватным переводом часто оказывается именно *знакомый* (так, в переводе повести А. Милна «Винни Пух» Б. Заходер использовал для передачи английского *Rabbit's Friends and Relations* выражение *Родные и Знакомые Кролика*).

Перейдем к слову *приятель*. Подобно слову *знакомый*, оно обозначает симметричное отношение и имеет аналог для обозначения лица женского пола (*приятельница*). Существенно, что на современное понимание слова *приятель* оказывает влияние народная этимология, связавшая его со словом *приятный*<sup>3</sup>. Уже в словаре Даля [1980б] слово *приятель* (и этимологически родственное ему *приязнь*) уверенно включалось в словарную статью, возглавляемую прилагательным *приятный*: «ПРИЯТНЫЙ (от *приятъ*), что охотно принимают; угодный, нравный, в чем находишь удовольствие, усладу, наслажденье; что ублажает, тешит, льстит чувствам или утешает дух, пробуждает в нем приязнь. (...) *Приятство*, приязнь, приязненное, приятельское расположение, дружба, либо покровительство, церк. приятельство. (...) *Приятель* м. -ница ж. приязненный кому человек, доброжелатель, милостивец, друг; близкий, свой человек, коротко знакомый и дружный; с кем сошелся по мыслям и знаешься»<sup>4</sup>. Е. В. Урысон [2000в: 108] также выде-

<sup>3</sup> На самом деле оно восходит к глаголу *приятъ*, *прияю* 'относиться благожелательно' (не *приятъ*, *приемлю*!) и этимологически родственно английскому *friend*.

<sup>4</sup> В этой связи можно упомянуть рассуждение о Павла Флоренского в «Столпе и утверждении истины»: «Друг воспринимается в Я любящего, оказывается приятным ему, т. е. приемлемым им». И далее: «Любимый, в изначальном смысле слова, — приятель». В примечании о Павел «во избежание недоразумений»



ляет в семантике слова *приятель* компонент 'приятно' и дает его в своем описании в разрядку: «**Приятели** объединяет совместное проведение времени, общие вкусы, благодаря чему им приятно быть в компании друг друга», — поэтому *приятель* оценивается «с точки зрения его близости и приятности его компании». О том, что *приятельские* отношения ассоциируются у носителей языка с чем-то *приятным* (*приятель* — тот, с кем *приятно* проводить время) свидетельствует целый ряд высказываний носителей языка — ср.: *мне, как твоему приятелю, приятно проводить время с тобой* (Н. Г. Чернышевский. «Что делать»). Итак, на первый план в идее *приятеля* вышло не хорошее отношение (*приязнь*), а удовольствие, получаемое от общения с ним. Кроме того, очень важно, что *приятели* общаются в неформальной атмосфере, на равных.

Поскольку отношение, на которое указывает слово, здесь более определенное, чем для *знакомых*, существует прилагательное *приятельский* (напр., *приятельские отношения; приятельский разговор*). Оно соответствует значению мотивирующего слова, означая приблизительно 'такой, какой обычно бывает между приятелями', и имеет коннотации отсутствия формальностей и равенства.

Семантика слова *приятель* создает базу для использования его с некоторым сдвигом. Еще в словаре В. И. Даля указывались две возможности такого сдвига. С одной стороны, как пишет Даль, «звуют *приятелем* и чужого, встречного, заговаривая с ним: *Эй, приятель, далеке ли до села?*». В этом случае говорящий хочет сразу же задать неформальную, дружескую атмосферу общения. Такое употребление в современном языке воспринимается многими носителями языка как до некоторой степени устарелое или стилизованное<sup>5</sup>. С другой стороны, возможно и «эвфемистическое» употребление слова *приятель*. Даль замечает: «Иногда *приятель, -ница*, заключает в себе намек на близкие связи людей разного пола». Такое употребление современным языковым сознанием также воспринимается как устаревшее. Следы его, однако, сохраняются, в частности, в том, что, как отметила Анна Зализняк, почтенная дама вполне может сказать, что ходила в театр со своей *приятельницей*, но, если она скажет, что ходила в театр со своим *приятелем*, это будет звучать игриво или легкомысленно.

История слова *товарищ* рассматривалась в книге Л. Борового [1960: 521—530], а его семантика в современном языке, как уже говорилось, была описана

---

признает, что это рассуждение основано на народной этимологии, на смешении глаголов *приятъ, приемлю* 'принять' и *приятъ, прияю* 'любить'. В связи с этим он подчеркивает, что позволяет себе пользоваться сомнительными или даже прямо неверными этимологиями подобно тому, как метафорическая речь может опираться на устарелые естественнонаучные термины и теории. (Попутно он указывает, что сближение *приятель* и *приятъ, приемлю* «не чуждо, по-видимому, богослужебным книгам, — хотя бы в виде игры слов».)

<sup>5</sup> Впрочем, оно не исключено и в современной речи — ср. пример, приводимый Е. В. Урысон [2000в: 108]: *Эй, приятель, где тут пиво продают?*

А. Вежбицкой [1999: 359—368]. Описания, данные в указанных работах, объясняют, какие семантические механизмы привели к появлению у слова *товарищ* специфического «советского» значения, которое дало возможность использовать его в качестве универсального обращения, объединяющего, по слову Маяковского, «мужчин и женщин»<sup>6</sup>.

Как уже говорилось, прототипическим для этого слова является обозначение людей, объединенных на основе «мужской солидарности», обусловленной «боевым товариществом» или совместным участием в одном деле. По свидетельству Дениса Давыдова, генерал Ермолов применял по отношению к солдатам обращение *товарищи* «даже в приказах»<sup>7</sup>. Часто, особенно в народных песнях, говорят о *товарищах*-разбойниках. Эта ассоциация создает почву для переносных употреблений данного слова по отношению к боевому коню или даже к неодушевленным предметам: топору или ножу. У Пушкина в «Песни о вещем Олеге» князь обращается к коню: «*Прощай, мой товарищ, мой верный слуга*». В народной песне «Не шуми, мати зеленая дубровушка» царь спрашивает пойманного разбойника: «*Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын, уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал? Еще много ль с тобой было товарищей?*» — и по-

<sup>6</sup> Использование слова *товарищ* (особенно в форме множественно числа *товарищи*) в качестве обращения могло быть не чуждо и людям несоветского воспитания. Бенедикт Сарнов в книге «Наш советский новояз» пишет, что к середине 1930-х гг. это обращение «уже совсем утратило свою былую “партийную” окраску и даже в сознание людей старшего поколения окончательно вошло как синоним дореволюционного “господа”». По его мнению, «разве только эмигрант, осевший где-нибудь в Париже или Лондоне, мог расслышать в таком обращении привкус чего-то чужеродного». В подтверждение этого он приводит рассказ из воспоминаний Аркадия Райкина о том, как Анна Ахматова, оказавшись в Лондоне в середине 1960-х гг., встретила с множеством поклонников и друзей молодости, специально приехавших туда из Парижа. Райкин пишет: «Когда же Анна Андреевна по привычке обратилась к присутствующим: “До свиданья, товарищи!” — возникла напряженная пауза». Он продолжает: «Прощаясь с нами, Анна Андреевна сказала: “Они забыли, что товарищ значит друг. Но мы-то это помним, не так ли?”» Приведем комментарий Бенедикта Сарнова: «Совершенно очевидно, что этой последней своей репликой Анна Андреевна хотела сгладить возникшую неловкость. Сделала, что называется, *bonne mine au mauvais jeu*... Не может быть никаких сомнений в том, что, кинув прощальную реплику “До свиданья, товарищи!”, она имела в виду отнюдь не старое русское, а именно советское, новоязовское значение сакраментального для эмигрантов, но вполне привычного, естественно вошедшего в ее обиход слова». Правда, далее Сарнов отмечает, что примерно в это же время (к концу 1960-х гг.) «слово “товарищи” на слух молодого, подрастающего поколения уже опять стало звучать как чужеродное, отчасти даже враждебное».

<sup>7</sup> Но, разумеется, оно не использовалось по отношению к вышестоящим чинам. Советские обращения *товарищ полковник*, *товарищ генерал* для традиционного языкового сознания звучат диковато (так же странно, как звучало бы *товарищ поручик*).

лучает ответ: «Я скажу тебе, надежда, православный царь, всю правду скажу тебе, всю истину, что товарищей у меня было четверо: уж как первый товарищ — темная ночь, а второй мой товарищ — булатный нож, а как третий товарищ мой — добрый конь. А четвертый мой товарищ — тугой лук» (цитируется по хрестоматии [Сиповский 1913: 96])<sup>8</sup>.

Для некоторых носителей языка связь с «боевым товариществом» просвечивает сквозь использование слова *товарищ* совсем в иных значениях. Так, процитировав эпизод из «Повести о Фроле Скобееве» («История о российском дворянине Фроле Скобееве», памятник русской литературы XVII в.), когда Аннушка «легла со Фролом Скобеевым» и сказала, что никого лучше «не избрала себе спать в товарищи» — «и веселилась чрез всю ночь телесными забавами», Л. Боровой [1960: 521] замечает: «несомненно, что она избрала боевого, а не какого-нибудь иного, товарища для телесных забав». А приведя пример из пьесы Я. Княжнина «Сбитенщик», когда сластолюбивый старик купец Волдырев говорит о юной Паше: «Я ее очень люблю и уверен, что буду женат без товарищей», — тот же автор пишет: «Конечно, он останется в дураках, его место займет настоящий, боевой “товарищ”» [Боровой 1960: 522].

Связь с прототипическим, мужским «товариществом» приводит к тому, что слово *товарищ* — в отличие от слов *знакомый* и *приятель* — не имеет соотносительного существительного женского рода<sup>9</sup>. Но в современном языке оно применимо и по отношению к женщинам (в тех случаях, когда на первый план выходит солидарность членов одного коллектива): *товарищи* — это люди, объединенные общей судьбой, общей целью и общими интересами.

Можно еще добавить, что, как заметила Е. В. Урысон [2000в: 107], слово *товарищ* предполагает равенство и обязанность друг другу помогать, «но, в отличие от *друзей*, не вследствие внутренней близости, а потому, что так полагается с точки зрения норм поведения в обществе, в коллективе». Заметим, что это представление выходит на первый план в производном наречии *по-товарищески*, т. е. «в соответствии с принятыми в коллективе нормами поведения по отношению к товарищу».

Для русского концепта *друга* ключевой, по-видимому, является готовность помочь в случае необходимости. Она составляет ядро клишированного выражения *Будь другом* (при странности *Будь приятелем*; *Будь товарищем*) и сохраняется даже в таких «выветренных» употреблении, как *Да у Андрея друзья по всему миру* — смысл этого высказывания, может, напр., заключаться в том, что, в какой бы город Андрей ни приехал, ему будет, где остановиться, и вообще он нигде не пропадет. Напротив того, интенсивное душевное общение, как кажется, не является необходимым условием для того, чтобы человека назвать *другом* (хо-

<sup>8</sup> Ср. у Тараса Шевченко: «Ой, наточу товарища — да за голенище» (перевод Г. Петникова) — использование слова *товарищ* даже не требует дополнительных пояснений (в украинском оригинале — *Ой вигострю товарища*).

<sup>9</sup> Слово *товарка* в современном литературном языке неупотребительно.

тя в типичном случае при встрече *друзья* говорят обо всем на свете, *раскрывают друг другу душу* и не могут наговориться). Так, можно считать своим *другом* человека, с которым не виделся уже много лет, но про которого сохраняешь уверенность: если понадобится — он не подведет.

Правда, возможны и употребления, при которых на первый план как раз выходит идея дружеского общения (напр., во время застолья), тогда как готовность *друга* помочь в явном виде отрицается, как, напр., в пословице: *Как при пире, при беседе — много друзей; как при горе, при кручине — нет никого* [Даль 1957: 777]. Но представляется, что значение слова *друзья* в таких употреблениях несколько сдвинуто — говорящий и хочет сказать, что это не *настоящие друзья*.

Нередко делается утверждение, что *приятелей* у человека может быть много, а (*настоящий*) *друг* — только один (или, по крайней мере, не больше двух-трех) — ср. пример *П приятель — что! Их много бывает. А друг — один* (С. Михалков), приводимый в словаре [Евгеньева 1970] и цитируемый А. Вежбицкой [1999: 358]. Такого рода утверждения делаются и лингвистами, описывающими особенности значения слова *друг*, отличающие *друга* от *приятеля*, — напр., Е. В. Урысон [2000а: 107] пишет, что как к *другу* человек может относиться «к очень небольшому количеству людей, обычно — не больше, чем к двум-трем».

Мне все же представляется, что идея о количественном ограничении на множество людей, которые могут считаться чьими-то *друзьями*, не является общим достоянием носителей русского языка. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, — говорит пословица. Заметим, что при таком употреблении сохраняется представление, что *друзья* — это те, кто придет на помощь в случае нужды, на кого можно положиться; именно поэтому хорошо иметь много друзей. Ср. слышанное мною высказывание: *Мне ее жалко: у нее почти нет друзей*. Слово *почти* указывает на то, что *друзья* все-таки есть, но мало — вероятно, один-два. Но если бы такое количество *друзей* считалось бы общепризнанной нормой, высказывание потеряло бы смысл. Заметим также, что, по-видимому, почти каждый из товарищей Пушкина по Царскосельскому Лицею может быть назван *лицейский друг Пушкина*, — а Пушкин был принят в Лицей в числе 30 воспитанников.

Более того, возможны (по крайней мере, в идиолектах некоторых носителей языка) и ослабленные употребления слова *друг*, при которых *друг* почти не отличается от *приятеля*, напр.: *У него полно друзей, но по-настоящему близок он только с Петей*<sup>10</sup>. В таком ослабленном употреблении оно сходно с английским словом *friend*. Говоря об изменении в значении английского слова *friend*, А. Вежбицкая [1999: 331] замечает, что если раньше говорили *true friend* ‘истинный друг’, то для современного языка характерно сочетание *close friend* ‘близкий друг’.

<sup>10</sup> О возможности ослабленного употребления пишет Е. В. Урысон [2000в: 108] применительно к форме множественного числа *друзья*. Но (по крайней мере, в идиолекте некоторых носителей языка) оно возможно и для формы единственного числа — ср.: *Кто это был? — Это какой-то Петин друг*.

Первое сочетание предполагает высокие требования, предъявляемые к другу (так что подлинным другом может быть только тот, кто полностью им удовлетворяет); второе — содержит представление о достаточно большом круге «просто друзей», из которых выделяется более узкий круг близких друзей. Но интересно, что по-русски можно сказать и *настоящий друг*, и *близкий друг*; тем самым можно полагать, что слово *друг* в разных ситуациях и, вероятно, в разных идиолектах может указывать как на близкого человека, на которого можно положиться, так и на человека, являющегося членом более широкого «дружеского круга»<sup>11</sup>.

А. Вежбицкая указывает также на возможность сказать *a friend of mine* — при странности *a son of mine* [Вежбицкая 1999: 325]. Поскольку значение конструкции можно сформулировать приблизительно так: «не играет роли, сколько их, не играет роли, который из них», — это также может свидетельствовать о том, что в современном английском языке *friend* рассматривается не как индивид, связанный со мною особыми узами, а как один из членов моего «дружеского круга». Но показательно, что и русское *друг* может использоваться в конструкции, имеющей сходное значение: *один мой друг* (при аномальности *\*один Петин брат*; *\*один мой сын*)<sup>12</sup>, — и, значит, может функционировать в ослабленном режиме, сближаясь по значению с английским *friend*.

Все сказанное не означает, что предложенное А. Вежбицкой описание русского слова *друг* не соответствует его реальному семантическому содержанию. Несомненно, в нем выражен взгляд на дружбу, свойственный многим носителям языка и находящий отражение в их речи; но распространен и менее требовательный взгляд на тот же предмет, и он отражается в ослабленном употреблении слова *друг*, из которого «выветриваются» определенные семантические компоненты. На базе этого ослабленного употребления возникают и почти полностью семантически опустошенные типы употребления слова *друг*: при обращении, о чем упоминает Е. В. Урысон [2000в: 108] (*Эй, друг, закурить не найдется?*)<sup>13</sup>, и в качестве «прономинального» имени [Шмелев 1996а: 219].

<sup>11</sup> Носители языка отдают себе отчет в некоторой «подвижности» семантики слова *друг* в русском языке. Когда в рассказе Солженицына «На краях» политрук задает Георгию Жукову вопросы: «Среди арестованных — нет ли ваших родственников?.. А среди друзей?», — тот колеблется: «Друг» — это не такое четкое определение, как «родственник». С кем знаком был, встречался, — это «друг»? не друг? Как отвечать?

<sup>12</sup> См. об этом [Шмелев 1996а: 216—217]. Впрочем, замечу, что некоторым носителям русского языка, отвергающим возможность ослабленного употребления слова *друг*, конструкция *один мой друг* также кажется несколько странной.

<sup>13</sup> Впрочем, дело не только в семантической «опустошенности». Обращения *друг* и *приятель* примыкают к таким обращениям к незнакомым людям, как *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т. д. [Левонтина 1997]. Как уже говорилось, человек, использующий такие обращения, как бы назначает адресата своим родственником или другом, вступает с ним в «дружеские» отношения и ожидает от него соответствующих чувств.

В норме *друг* указывает на симметричное отношение<sup>14</sup>. Но в «сдвинутых» и переносных употреблениях свойство симметричности может утрачиваться: *друг детей; лучший друг физкультурников; зеленый друг; Собака — друг человека*. Ср. также рассуждение Писателя, разговаривающего с Критиком, в рассказе Солженицына «Абрикосовое варенье»: *Критик — должен быть другом писателя. Когда пишешь — важно знать, что такой друг у тебя есть* (очевидно, что из этого рассуждения не вытекает, что писатель должен быть другом критика).

Слово *друг* может использоваться не только по отношению к мужчине, но и по отношению к женщине, когда на первый план выходит возможность положиться на помощь и поддержку. Однако в русском языке есть и соотносительное слово женского рода (*подруга*), которое, однако, не означает просто 'друг женского пола'. А. Вежбицкая подчеркивает, что в существительном *подруга* выражено представление о «внутриженских» отношениях [Вежбицкая 1999: 352—357]. По А. Вежбицкой, «*подруга* — это человек, дающий женщине или девочке весьма необходимое и чрезвычайно ценное общество “кого-то, подобного ей самой”»<sup>15</sup>. Доказывая, что у лиц мужского пола не может быть *подруг* (в рассматриваемом смысле), А. Вежбицкая обращает внимание на то, что высказывание *Он пошел гулять с подругами* звучит странно [Вежбицкая 1999: 354].

Но если принять тезис о специфическом «внутриженском» характере отношений, закодированных в слове *подруга*, непонятно, почему такие выражения, как *подруга детства* и *школьная подруга*, не обязательно указывают только на отношения между девочками, а вполне могут относиться к подругам детства или школьным подругам мальчиков. Приведу также ряд высказываний, сделанных участниками интернетовской дискуссии на тему «Возможна ли дружба между мужчиной и женщиной без “задних мыслей”?» (авторы приведенных высказываний — лица мужского пола)<sup>16</sup>:

<sup>14</sup> Иными словами, ты можешь относиться к человеку как к *другу*, но считать его своим *другом* можно только при условии, что ты уверен во взаимности. Характерно высказывание главы компании «Боско ди Чильеджи» Михаила Куснировича, сделанное в интервью газете «Известия» (31.03.2003). Куснирович сказал, что его любимое занятие вне работы — «общаться с людьми», и на уточняющий вопрос корреспондента: «С друзьями?» — пояснил: «Был бы счастлив назвать их друзьями. Дружба понятие обоюдное. Я ко многим отношусь как к друзьям».

<sup>15</sup> Помимо рассматриваемого значения, у слова *подруга* есть еще три значения, которые А. Вежбицкая упоминает [1999: 352—353], но не рассматривает: во-первых, слово *подруга* может иметь значение, близкое английскому *girlfriend*; во-вторых, в выражении *подруга жизни* оно относится к жене; в-третьих, *подруга* может использоваться в метафорическом значении 'любимый товарищ' — не только по отношению к женщине, но также по отношению к конкретному объекту или абстрактному понятию, когда соответствующие слова относятся к женскому роду.

<sup>16</sup> Высказывания приводятся в том виде, в каком они помещены в Интернет их авторами (только исправлены очевидные орфографические и пунктуационные ошибки и выделено встречающееся в них слово *подруга*).

- (...) я не знаю литературы по данному вопросу, но, думается, на основе личного опыта могу сказать. То, что дружба между мужчиной и женщиной возможна, — это очевидно. У меня лично **подруг** даже больше, чем друзей.
- У меня всегда было немало **подруг**. Была какая-то невидимая грань, табу, даже неосознанное. Эта женщина друг и все. И никаких «задних мыслей».
- А лично мне общаться с женщиной приятно, всегда приятно, **подруга** она мне или не только...

В то же время справедливо утверждение о том, что для женщин более типично иметь *подруг*, нежели для мужчин. Некоторые замужние женщины, говоря о женщинах, с которыми дружат как они сами, так и их мужья, предпочитают говорить *моя подруга*, а не *наша подруга* (тогда как другие не видят в том, чтобы сказать *наша подруга* ничего странного).

Можно, конечно, допустить, что дело здесь в различии идиолектов разных носителей языка, но, по-видимому, есть и еще один важный момент. В основе отношений, закодированных в слове *подруга*, лежит представление об относительно давнем знакомстве и о постоянном общении, состоящем не в экзистенциальном разговоре «о самом главном» (что более характерно для *друга*), а в том, чтобы *делиться* друг с другом своими *переживаниями* и сплетничать. Отдельный факт состоит в том, что в русской культуре такой тип общения поощряется скорее для женщин, чем для мужчин. Наличие у мужчины *подруг* (в рассматриваемом смысле), т. е. женщин, с которыми он постоянно *делится переживаниями* и занимается сплетнями, может вызывать удивление с точки зрения стереотипных представлений о гендерных ролях, но не является полной аномалией.

В целом можно сказать, что место всех рассмотренных слов в русской лексической системе и, в частности, их деривационный потенциал определяется особенностями закодированных в них концептов. В дополнение к уже сказанному заметим, что *знакомый* и *друг* — это особый статус, который человек приобретает, входя в число *знакомых* или *друзей* другого человека. Поэтому существуют глаголы *познакомиться* и *подружиться*, указывающие на то, что люди приобрели этот статус друг по отношению к другу. *Приятель* и *товарищ* указывают на отношения, сложившиеся фактически (стихийно или в силу обстоятельств), поэтому от них не образуются глаголы со значением ‘стать приятелем’ или ‘стать товарищем’.

Но, разумеется, производные слова могут приобретать идиосинкратичные особенности, которые не могут быть предсказаны на основе семантики производящего слова. Коснемся в этой связи глагола *дружить*. Подобно большинству рассмотренных слов, он обозначает симметричные отношения (если *X дружит с Y-ом*, то в норме *Y дружит с X-ом*). Но, по-видимому, в отличие от слова *друг*, глагол *дружить* предполагает, что люди общаются между собою и получают удовольствие от общения. Человека, с которым мы давно не виделись и не разговаривали, я могу назвать своим *другом* (если считаю, что могу на него положить-

ся), но не могу сказать, что мы *дружим*<sup>17</sup>. Возможно, сочетание *друг по переписке*, но нельзя \**дружить по переписке*. В целом глагол *дружить* предполагает отношения, в чем-то близкие к тем, которые закодированы в английском слове *friend* (в современном понимании)<sup>18</sup>. Упомянутый выше «начинательный» глагол *подружиться* ‘завязать отношения, описываемые глаголом *дружить*’ непосредственно связан именно с этим глаголом.

В словообразовательном гнезде с вершиной *друг* есть также прилагательное *дружеский* и наречие *дружески*. Они относятся в первую очередь к внешним проявлениям благорасположения: *дружеский тон*; *дружеская улыбка*; *дружеский разговор*; *дружески похлопать по плечу*. Взаимность здесь не обязательна: можно испытывать *дружеские* чувства (и проявлять их) по отношению к человеку, который их по отношению к тебе вовсе не испытывает.

Кроме того, слова *дружеский* и *дружески* не являются симметричными в силу статусных ограничений на их употребление (в какой-то степени это касается и слова *дружба*, а также ряда других рассмотренных слов). Нина Давидовна Арутюнова дарила мне свои книги с трогательными надписями: *с дружеской симпатией*; *с давней дружбой*. Я польщен и тронут тем, что Нина Давидовна дарит меня своей *дружбой*; но сам я так надписать ей книгу не решился бы. Скорее я должен присоединиться к Ю. Д. Апресяну, заметившему в одном из своих докладов на семинаре по «Логическому анализу языка», что наши чувства к Нине Давидовне точнее всего описываются предикатом *любить* 1.2.

<sup>17</sup> Именно указанный аспект (общение, приятные беседы) того типа отношений, который обозначается в русском языке посредством глагола *дружить*, отражен в замечаниях одной из участниц интернетовской дискуссии на тему «Возможна ли дружба между мужчиной и женщиной без “задних мыслей”?»: «К глубокому сожалению, практика показывает, что дружба между мужчиной и женщиной действительно возможна. Женщина думает: “Что-то он странно ухаживает. Говорит, говорит... Замуж не зовёт. И даже не соблазняет. Уж не больной ли он (...)”. А он, оказывается, ДРУЖИТ с нею». Заметим, что данный пример не опровергает утверждения о симметричности предиката *дружить*. Просто участники ситуации по-разному концептуализовали их отношения, и лишь один из них был склонен с самого начала использовать глагол *дружить* для их описания. Отметим также, что симметричность предиката *дружить* утрачивается в переносных употреблениях — ср. заголовок рекламного объявления: *Для тех, кто дружит с паяльником*.

<sup>18</sup> Анна Зализняк заметила (устно), что предикат *дружить* особенно уместен, когда речь идет о детях, которые любят вместе играть, разговаривать и т. п. В подтверждение мысли, что в глаголе *дружить* есть нечто «детское», можно привести следующий диалог из современного детективного романа: «*Кто со мной стал бы... дружить*» — «*Кать, — сказала Инна, — вы же не детсадовский ребенок! А говорите, словно вам пять лет!*» (Татьяна Устинова. «Первое правило королевы»).



# НАМЕРЕНИЯ И ДЕЛА

---

Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина

## ОТРАЖЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА» В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА \*

Пожалуй, только такая знаменитая женщина и блестящий ученый как Анна Вежбицкая могла позволить себе написать научное исследование о русской душе — и сделать это как раз в то время, когда слово «русский» было в наибольшей степени скомпрометировано. И тем не менее, перед нами — исследование о русской душе, тоске и судьбе, выполненное с профессиональным мастерством и этической безупречностью, обезоруживающими даже самого скептического читателя.

Прежде всего, нельзя не отметить контраста между стилистикой утверждений А. Вежбицкой и приводимых ею цитат из западных исследователей «русского характера», старающихся (впрочем, не всегда успешно) выдержать академический тон, приличествующий всякому научному изложению, в том числе описанию обычаев варварских племен. Вежбицкая же пишет, например, так: *The Slavophiles not only described the differences between Russia and Western Europe (as they saw them), they also evaluated them. But whether or not one agrees with their evaluation, one must admit, I think, that the linguistic evidence tends to support their perception of the differences in question* [Wierzbicka 1992a: 62—63].

Вся буря страстей, высокомерия и ненависти, гордыни и самоуничужения, бушующая вот уже два века, без какого-либо видимого усилия со стороны автора и без малейшего насилия над читателем оказывается вынесенной за скобки. Безусловно, только в таком «позитивистском» ключе и можно производить подобное исследование — проблема только в том, что в рамках этого жанра очень трудно удержаться.

Книга А. Вежбицкой «Semantics, Culture, and Cognition» замечательна, в частности, тем, что она открывает новый поход к старой и давно зашедшей в тупик проблеме. Действительно, сама по себе идея о выражении языком «национального характера» с одной стороны не оригинальна, с другой — просто неверна. За-

---

\* Опубликовано в журнале «Russian Linguistics». 1996. Vol. XX с подзаголовком «Размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992».

дача же отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему «национальному характеру», является устаревшей и, по-видимому, безнадежной.

Оригинальность метода Вежбицкой состоит в том, что она идет в противоположном направлении. Анализируя семантику значимых единиц языка (слов, конструкций, морфем), она обнаруживает скрытые свойства человеческой природы, которые при этом оказываются различными у людей, говорящих на разных языках. Таким образом, национально-специфическое в значении единиц данного языка оказывается материалом, на котором может основываться исследователь «национального характера».

Здесь естественно возникает вопрос о том, как наличие в языке некоторого слова связано с наличием соответствующего культурного концепта. А. Вежбицкая говорит по этому поводу следующее. Неверно, что отсутствие в языке некоторого слова означает отсутствие соответствующего концепта. Но наличие некоторого слова безусловно указывает на наличие соответствующего концепта и, более того, на его значимость для данной культуры. Так, в английском языке нет слова, которое соответствовало бы польскому *tesknić* ('тосковать'). Значит ли это, что люди, говорящие по-английски, никогда не испытывали соответствующего чувства? Не обязательно. Отдельные говорящие на английском языке безусловно испытывали. Но англосаксонская культура в целом не сочла это чувство заслуживающим специального имени [Wierzbicka 1992a: 21, 123].

Излишне говорить, что книга изобилует глубокими и остроумными наблюдениями — особенно убедительными, когда речь идет о различиях между близкими по значению словами. В первой главе «Языковые данные для этнопсихологии и этнофилософии» анализируются слова *душа* и *сердце* в сопоставлении с англ. *soul, mind and hart*, нем. *Seele*, фр. *âme* и др. и культурологические импликации, которые могут быть сделаны на основании этих различий, а также рассматривается круг понятий, связанных с идеей *судьбы* (в разных европейских языках). Далее обсуждаются обозначения эмоций (любовь, жалость, гнев, страх, стыд и некоторые другие) и «моральных» категорий (смирение и смелость) в самых разных, в том числе «экзотических», языках. Всего предложено около 90 толкований и еще примерно столько же слов комментируется в более свободной форме. Эта часть книги представляет собой своего рода итог работы А. Вежбицкой над проблематикой «универсальности эмоций» (которой посвящен ряд ее статей, выходящих в течение последнего десятилетия). Две последующих главы (об экспрессивных суффиксах в собственных именах, формах обращения и именах родства) объединены между собой и, одновременно, с первой частью книги тем, что они посвящены способам называния людей, включающим информацию об отношении (эмоциональном, родственном, социальном) к ним субъекта номинации, т. е. рассматривается совокупность формальных средств, при помощи которых приблизительно те же категории, которые обсуждались в начальных главах (т. е. эмоциональные, моральные, социальные и т. д.) выража-

ются в языке принципиально имплицитным образом. Наконец, в заключительной главе, которая называется «Язык как зеркало культуры и “национального характера”», предметом анализа являются некоторые специфические слова и конструкции русского языка и австралийского варианта английского языка.

Настоящая статья, не являясь в буквальном смысле рецензией на книгу А. Вежбицкой, представляет собой попытку применения некоторых ее идей к другому материалу.

Так, А. Вежбицкая называет несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка. Это «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» и «моральная страстность» [Wierzbicka 1992a: 395]. Свойство «неагентивности» демонстрируется ею на материале некоторых конструкций русского синтаксиса; как пишет А. Вежбицкая, «Russian grammar has a wealth of constructions which present reality as contrary to, or at least independent of, human desires and human will» [1992a: 428]. Однако ощущение неподвластности человеку хода событий (*the feeling that the human beings are not in control of their lives and their control over events is limited; a tendency to fatalism, resignation, submissiveness*) [Wierzbicka 1992a: 395] в не меньшей степени отражено и в русской лексике.

Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Мы хотим предложить вниманию читателя несколько групп глаголов, значение которых целиком (или в значительной мере) сводится к идее о том, что событие, которое произошло с человеком, произошло как бы само собой — или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением Вежбицкой. Синтаксически большинство из них имеет в качестве объекта подчиненный инфинитив (обозначающий обсуждаемое событие) и субъект в косвенном падеже.

Наиболее распространенной является конструкция с дательным падежом субъекта (подробно проанализированная в книге); она обеспечивается серией глаголов: *(мне) удалось, привелось, случилось, посчастливилось, повезло*.

Близка к дативной конструкция с *у +* род. п., представленная в глаголах *(у меня) получилось, вышло, сложилось*.

Имеется, кроме того, редкая, но характерная конструкция с вин. падежом: *(меня) угораздило*.

Сходную функцию выполняют также некоторые глаголы, имеющие «агентивную» модель управления: *(я) собираюсь, постараюсь; (не) успел*.

Все эти глаголы могут использоваться как средство снятия с себя ответственности за происходящее: они позволяют не брать на себя лишних обязательств (если речь идет о будущем, ср. употребление *постараюсь* вместо *сделаю*) или не признавать своей вины (когда речь идет о прошлом, ср. *не успел* вместо *не сделал*).

Интересно, что наряду с этими глаголами в русском языке имеются средства, позволяющие, наоборот, возложить на субъекта ответственность за неконтроли-

руемую им ситуацию: это глаголы *умудриться* и *ухитриться* в их ироническом употреблении (*В такую жару умудрился простудиться*).

Рассмотрим подробнее перечисленные глаголы.

### *собираюсь*

- (1) *Уже три дня каждый день собираюсь писать вам, думаю же о вас беспрестанно и жалею, что не чую вас душой* (Л. Толстой).
- (2) *Пойдем, — жалобно уговаривала она (...). Ведь ты собиралась. — Собиралась, а теперь передумала* (А. Рыбаков).
- (3) *Одни собираются уезжать, другие их за это презирают* (С. Довлатов).

Глагол *собираться* является одним из весьма характерных и труднопереводимых слов русского языка<sup>1</sup>. Этот глагол заслуживает подробного рассмотрения — тем более, что интересующее нас значение плохо фиксируется словарями (хотя оно широко представлено уже в языке Пушкина). В современном языке он очень частотен, особенно в разговорной речи.

Наиболее яркая особенность *собираться* состоит в следующем. Хотя этот глагол указывает прежде всего на определенное ментальное состояние субъекта, в нем достаточно сильна и идея процесса. Это отчасти обусловлено связью с другими значениями *собираться*, ср.: *Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула* (И. Бунин); ср. также: *Хорошо, что ты позвонила, а то я уже целый час лежу и собираюсь встать*. Показательно, что в тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, слово *собираться* не может быть заменено на *намереваться*, *намерен* и т. п., ср. \**Лежу и намереваюсь встать* (этот тест на наличие элемента процессности в значении стативов предложен в [Апресян 1993]). Процессная составляющая в значении русского *собираться* обыгрывается в частушке:

*Устюшкина мать  
Собиралась помирать.  
Помереть не померла —  
Только время провела.*

Процесс, подразумеваемый глаголом *собираться*, отчасти может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов (в последнем случае просвечивает другое значение; так, *Собираюсь завтракать* значит не только, что я решил позавтракать, но и что уже начал накрывать на стол). Однако в гораздо большей степени *собираться* предполагает сугубо метафизиче-

<sup>1</sup> Лексикографическое описание слова *собираться* и его синонимов (*намереваться*, *намерен*, *думать*, *планировать*) см. в статье [Левонтина 1997г].

ский процесс, который не имеет никаких осязаемых проявлений. Идея такого процесса составляет специфику русского *собираться* и отличает его как от близких слов русского языка (*намереваться, намерен*), так и от его эквивалентов в европейских языках (которые соотносятся скорее с *намереваться*, чем с *собираться*), ср. англ. *to intend* (а также *to be going to*), фр. *avoir l'intention*, итал. *avere intenzione*, нем. *beabsichtigen, die Absicht haben, vorhaben*.

Переживание намерения как процесс, отраженное в русском *собираться*, вполне согласуется с расхожим представлением о национальном характере, состоящем в том, что русские «долго запрягают».

Процесс «собрания» при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность — что дает возможность человеку, который вообще говоря ничего не делает, представить свое времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий. Ср.:

— *Что ты сегодня делал?*

— *Да вот все утро собирался сесть работать, а потом гости пришли.*

Характерно, что форма сов. вида *собраться* часто используется фактически в значении «сделать» — т. е. «собрание» рассматривается как наиболее важный этап действия, который может представлять действие в целом. Ср. следующий пример (а также ниже пример (5) из Ю. Трифонова в разделе «Постараюсь»):

(4) *Твое намерение съездить к Плетневу похвально, да соберешься ли ты?*  
(Пушкин. Письма).

Особенно характерно для глагола *собираться* употребление типа *Собираюсь, да все никак не соберусь* (ср. примеры (1), (4)) статье [Зализняк А. 1990: 113] фраза *Все никак не соберусь (никак не соберусь, все не соберусь) сделать то-то и то-то* (позвонить, ответить на письмо, сходить куда-либо и т. п.) характеризуется как одна из самых частых фраз разговорной русской речи. Представленное же здесь специфическое значение формы сов. вида, которое называется в статье «презентс напрасного ожидания», реализуется в данном случае в виде «говорящий как бы ожидает от самого себя некоего решительного поступка».

Столь важное место, которое глагол *собираться* занимает в русском языке, связано с еще одной особенностью русской ментальности, заключенной в известной формуле «человек предполагает, а Бог располагает». Мы часто предпочитаем говорить *собираюсь* там, где носитель западноевропейского языкового сознания употребил бы более определенное *сделаю*. Иллюстрацией этому может служить следующая история.

Как-то раз один французский профессор, находясь в Москве, сказал своим русским знакомым: «Я точно знаю, что в августе следующего года я буду в Москве», — вызвав этим улыбку на лицах присутствующих: никто из них, живущих в Москве, не мог бы сделать относительно своего будущего столь определенного утверждения. Справедливость русского взгляда на вещи в данном случае под-

твердилась: французский профессор не приехал следующим летом в Москву — и даже не потому, что обсуждаемый август оказался августом 1991 года (чего русские собеседники профессора, естественно, знать не могли) — а так, просто как-то не сложилось.

### *постараюсь*

Другое слово, в котором отразилось своеобразное отношение человека к своим будущим действиям, — глагол (*по*)*стараться*. Его специфика особенно ясно видна на фоне близкого по значению глагола *пытаться*. Мы остановимся лишь на тех аспектах значения глагола *стараться*, которые связаны с рассматриваемой проблематикой<sup>2</sup>. А именно, нас будут интересовать два типа контекстов (в которых *стараться* наиболее труднопереводимо). Первый из них — «множественный» контекст, т. е. случай, когда подчиненный инфинитив обозначает многократно воспроизводимую ситуацию, ср.:

- (1) *Я стараюсь рано ложиться / не употреблять в речи иностранных слов;*  
 (2) — *Ты верен своей жене? — спросил Джон моего мужа.*  
       — *Стараюсь, — ответил мой муж.*  
       — *Я тоже стараюсь, — сказал Джон. Глаза его были грустные (Л. Сехон).*

В таких контекстах *стараться* понимается, скорее всего, суммарно: *Стараюсь рано ложиться* не означает, что каждый вечер предпринимаю попытку лечь рано (такое «распределенное» понимание — будет у *Пытаюсь рано ложиться*); *стараюсь* указывает лишь на наличие у человека общей установки, готовности совершить действие — если к тому не возникнет серьезных препятствий. Иногда ему это удастся, иногда нет (чаще — да), однако здесь важен лишь общий положительный баланс, т. е. на оценку результата не влияет то обстоятельство, что реально человек поступает так не всегда и даже не всегда прилагает к тому усилия. Заметим, что для *пытаться* (в аналогичном «множественном» контексте), наоборот, наличие отдельных неудачных попыток влияет на оценку конечного результата как отрицательного. Так,

- (3) *Он старается быть вежливым со своей тещей*

вне контекста означает, что он, в общем, ведет себя вежливо, а

- (4) *Он пытается быть вежливым со своей тещей*

скорее всего означает, наоборот, что ему это не удается.

По сравнению со *стараться*, объект у *пытаться* более дискретный, поэтому успех здесь более осязаем. Действие *стараться* вообще непонятно в чем состоит: когда человек *пытается*, он совершает какие-то шаги, каждый раз, по

<sup>2</sup> Лексикографическое описание слов *стараться* и *пытаться* см. в статье [Апресян 1997д].

крайней мере, приступая к совершению действия; когда же человек *старается* нечто делать, непонятно даже, что значит «каждый раз» — и уж тем более, в чем это «старание» проявляется. Заметим, что аналогичное различие имеется и между существительными *попытка* и *старание*. Ср.: *Все его попытки были безуспешны* и *Все его старания были напрасны*. В первом случае *все* обозначает множество дискретных действий, во втором — полноту охвата объекта (ср. *все руки грязные*). *Все старания* не означает множества отдельных действий, так как «старание» — это скорее некое состояние субъекта, чем само действие, и при этом состоянии, как бы заменяющее собой действие.

Таким образом, специфика русского *стараться* — в том, что оно позволяет представить в некотором смысле ничто как деятельность, требующую затраты усилий (ср. выше о *собираться*).

Второй тип контекстов, где проявляется обсуждаемое свойство глагола *стараться*, можно назвать ослабленным обещанием (*Я постараюсь тебе позвонить*). Ср. следующий пример:

- (5) — *Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем... Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие небольшое...*  
 — *Я поговорю, — сказал Павел Евграфович. — П о с т а р а ю с ь.*  
 — *Нет, уж ты не тяни. На следующей неделе будет правление, а в конце месяца общее собрание* (Ю. Трифонов).

Обсуждаемое употребление слова *постараюсь* особенно характерно для диалогической реакции на просьбу, ср. (5), а также (6):

- (6) — *По дороге купи, пожалуйста, хлеба.*  
 а. — *Постараюсь.*  
 б. — *Попытаюсь.*

В (6а) говорящий сообщает, что готов выполнить просьбу, если ничто не помешает. Помешать же могут разнообразные внешние обстоятельства, как то: нехватка времени, отсутствие в магазине хлеба, а также усталость или лень (каковые тоже тем самым подаются как объективные препятствия). Здесь существенно, что обещанное действие может погибнуть в зародыше, т. е. человек может к нему даже не приступить — и при этом не будет ощущать себя не выполнившим обещание. Если же человек отвечает *Попытаюсь*, это означает, что он твердо намерен приступить к выполнению действия, однако сомневается, что справится с поставленной задачей (например, потому что вечером в булочной может не быть хлеба).

Большая определенность предполагаемого действия, отличающая *попытаюсь* от *постараюсь*, проявляется, например, в следующих контекстах:

- (7) а. *Постараюсь / попытаюсь сделать все, что вы сказали;*  
 б. *Постараюсь / \*попытаюсь сделать все, что могу;*  
 (8) а. *Постарайся / попытайся съесть всю кашу;*  
 б. *Постарайся / \*попытайся съесть как можно больше каши.*

*Пытаться* в обоих случаях невозможно потому, что оно требует четко очерченной задачи; наоборот, *стараться* не ставит предела приложению усилий.

И *постараюсь* и *попытаюсь* представляют собой ослабленное обещание; при этом говоря *Постараюсь* человек обещает больше, а гарантирует меньше, а говоря *Попытаюсь* человек обещает строго в пределах поставленной задачи, но при этом гарантирует, что он по крайней мере приступит к ее выполнению.

Итак, характерная черта русского *постараюсь* — широкий диапазон охватываемых смыслов: это может быть формула пустого обещания, но может быть (для скромного человека) и выражение готовности сделать все, что в его силах.

Большинство глаголов, о которых пойдет речь ниже, обладают той структурной особенностью, что они не имеют самостоятельной ассерции: ассертивным в них является компонент 'X сделал Р' (или 'произошло Р'), которым они обязаны подчиненному глаголу в инфинитиве.

### удалось

- (1) Ты хочешь написать великую книгу? Это удастся одному из сотни миллионов (С. Довлатов).
- (2) Вам не удалось в вашей пьесе передать весь аромат вашего юга, этих знойных ночей (М. Булгаков).
- (3) Но, Боже мой, останемся в надежде, // что все же нам удастся преуспеть (И. Бродский).

Для слова *удалось* мы предлагаем следующее толкование (ср. [Зализняк 1992: 68]):

X-у удалось сделать Р —

- [през.] X прилагал значительные усилия для достижения Р  
наступление Р частично определяется внешними обстоятельствами  
[асс.] X сделал Р

Роль внешних факторов в наступлении результата проявляется в характерной сочетаемости со словом *авось* (ср. *авось удастся проскочить*).

Обе указанные презумпции могут эксплуатироваться. Так, если вместо *Я купил билеты* сказать *Мне удалось купить билеты*, то это может быть понято либо как выпячивание своих заслуг (обыгрывается 1-я презумпция), либо, наоборот, как их умаление — за счет приписывания части успеха внешним обстоятельствам (обыгрывается 2-я презумпция). Второе понимание несколько менее вероятно.

Заметим, что аналогичные высказывания, например, со *смог* или *сумел*, понимаются только первым способом — так как в толковании этих глаголов нет ссылки на посторонние факторы, способствовавшие успеху. Поэтому говоря *Я не смог это сделать* человек возлагает ответственность за неудачу на себя (хотя реально ему могли помешать именно внешние препятствия), а говоря *Мне не удалось* человек, по крайней мере частично, перекладывает вину на обстоятельства.



Наиболее отчетливо *удалось* противопоставлено слову *сумел*, где, напротив, акцентируется идея личной ответственности. Так, фраза *Ты не сумеешь его обмануть* скорее всего значит, что ты недостаточно хитрый, а *Тебе не удастся его обмануть* — что он слишком проникательный.

Важная особенность, отличающая *удалось* от *смог*, состоит в том, что *не удалось* предполагает внешние по отношению к субъекту препятствия, а для *не смог* они могут быть любыми (поэтому в *не удалось* обязательно сохраняется намерение, а в *не смог* оно может перечеркиваться). Ср.:

- (4) а. *Мне не удалось приехать: жена заболела;*  
б. *Я не смог приехать: жена заболела.*

Первое высказывание несколько невежливо по отношению к жене, так как оно предполагает, что у субъекта было желание и намерение приехать, а болезнь жены выглядит как внешняя помеха. Во втором же высказывании болезнь жены может относиться к исходным условиям, которые учитывались при принятии решения и повлияли на отказ от действия.

#### *успею / не успел*

- (1) *Я был болен, не успел подготовить речь к сроку и отказался выступить* (В. Ходасевич).  
(2) *Вы хоть что-нибудь записать успели? Ну вот, пока и довольно с вас* (Вен. Ерофеев).  
(3) *В горячей его голове прыгала только одна горячая мысль — о том, как сейчас же, каким угодно способом, достать в городе нож и успеть догнать процессию* (М. Булгаков).

Слово *успеть*, насколько нам известно, никогда не обсуждалось в данной связи. Начнем с того, что в глаголе *успеть* представлена комбинация значений, отсутствующая в других языках. Так, например, по-английски *не успел* в одних контекстах передается как *had no time (to do something)*, в других — как *was late*. Общее значение сводится здесь к идее «не совладать со временем».

Глагол *успеть* обладает особенностью, состоящей в нестандартном соотношении между утвердительной и отрицательной формой. А именно, *не успел* семантически проще, чем *успел*. Грубо говоря, *успел* значит ‘предполагалось, что не успеет сделать, а он сделал’ — т. е. ‘не успеть’ полностью входит в *успеть* (ср. соотношение *смочь* — *не смочь*, рассмотренное в [Зализняк, Падучева 1989: 102]). Поэтому мы формулируем отдельные толкования для *успеть* и *не успеть*.

*Х не успел сделать Р* —

[през.] *Х* прилагал усилия для совершения *Р*  
времени оказалось недостаточно

[асс.] *Х* не сделал *Р*

*Х успел сделать Р* —

- [през.] Х прилагал усилия для совершения Р  
говорящий сомневался в том, что Х сделает Р, поскольку считал, что  
времени, возможно, окажется, недостаточно  
[асс.] Х сделал Р

Пара *успел* — *не успел* отличается от *удалось* — *не удалось*, где соотношение с отрицанием стандартное: в *удалось* нет идеи, что говорящий сомневался в успехе или вообще имел какие-либо соображения по этому поводу. Поэтому *успел* обычно рематично, а *удалось* не имеет ограничений на коммуникативный статус. Так, во фразе

(4) *Я успел купить билеты*

предполагается, что возможность покупки билетов предварительно обсуждалась и подвергалась сомнению (т. е. здесь есть смысл, выражаемый частицей *таки*, которая содержит презумпцию ‘возможно Р’ и ‘возможно не Р’ — см. [Широкова 1982]). Наоборот, фраза

(5) *Мне удалось купить билеты*

не требует подобного фона. Соответственно, в (4) *успел* скорее всего ударно, а в (5) *удалось* может быть и безударно.

Прагматика высказываний с *не успел* состоит в следующем. Говоря *Я не успел сделать Р* вместо *Я не сделал Р*, человек перекладывает ответственность за несовершенство действия на внешние обстоятельства (а именно, недостаток времени) — одновременно намекая на то, что прилагал усилия в этом направлении. Оба эти смысла содержатся в презумпции, т. е. здесь используется распространенный прием «лингвистической демагогии» — перемещение в презумпцию того смысла, который говорящий, собственно, и хочет передать (см. [Николаева 1988: 158]). Ср. следующий характерный пример самооправдания:

(6) *Я забыл спросить, как ты добралась? Вернее, не успел* (С. Довлатов).

Необходимо отметить, что все сказанное относится только к центральным употреблениям *успеть* — тем, в которых оно заменяется (если отвлечься от стилистических различий) на *поспеть*. Однако *успеть* имеет значительно более широкий круг употреблений. Ср.:

- (7) *Я стал рассказывать, и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было высказывать в Орехово-Зуеве, а он так и не успел дослушать, что же все-таки случилось с Лукрецией* (Вен. Ерофеев)  
[Результат не зависел от усилий слушающего: он не мог бы «слушать быстрее»];
- (8) *Бухштаб однажды подошел к Олейникову в читальном зале Публичной библиотеки и успел разглядеть, что перед ним лежат иностранные книги по высшей математике* (Л. Гинзбург) [Здесь скорее всего имеется в виду не то,

что он очень внимательно смотрел, а просто, что времени оказалось достаточно, чтобы увидеть. Такое *успеть* обычно безударно.];

- (9) *Я никогда не видел живого Высоцкого. Просто не успел. Препграда времени развела наши дороги* (Г. Каспаров).

Во всех этих случаях нет идеи приложения усилий (ср. невозможность замены на *поспеть*). Более того, *успеть* не обязательно предполагает одушевленный субъект, ср.:

- (10) *⟨...⟩ солнце, с какой-то необыкновенной яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим, не успело еще приблизиться к своей верхней точке ⟨...⟩* (М. Булгаков);  
 (11) *За те часы, что он провел за писанием, стекла успели сильно заиндеветь* (Б. Пастернак).

Эти употребления представляют собой результат семантической эволюции слова *успеть*, которое этимологически связано и с *успехом* и со *спешкой* (см. об этом [Виноградов 1994: 656—658]). Однако в современном языке в некоторых употреблениях слова *успел* на первый план выходит идея временного соотношения, а компонент воли подавляется или вообще исчезает. Предельное выражение этой тенденции представлено в употреблении этого глагола в составе союзных сочетаний типа *не успел ... как* (т. е. ‘сразу после’); ср.:

- (12) *Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись ⟨...⟩* (И. Тургенев).

Особый интерес представляет употребление глагола *успеть* (имеется в виду его основное значение) применительно к будущему. Наряду со стандартным

- (13) — *Ты успеешь сегодня закончить работу?*  
 — *Успею.*

имеется несколько сдвинутое употребление, также характерное для диалогической реакции:

- (14) — *Садись делать уроки!*  
 — *Да ну, успею.*

Связность последнего диалога обеспечивается тем, что вторая реплика выражает отказ выполнить требование, предъявленное в первой; слово *успею* здесь содержит мотивировку этого отказа, в качестве каковой выступает содержащаяся в слове *успею* импликатура ‘можно не делать немедленно’ (которая, в свою очередь, выводится из идеи достаточности времени для совершения действия). Соответственно, реплика *Успеешь* содержит совет (или требование) чего-то не делать, ср.:

- (15) *Анатолий Георгиевич перелистывал журнал.*  
 — *Товарищи, успеете прочитать, — властно проговорила Мария Федоровна, — пошли!* (А. Рыбаков).

В крайней форме этот смысл передается выражением *Всегда успею (успеешь)*. Таким образом два *успею* (в примерах (13) и (14)) выражают почти противоположные смыслы: в одном случае ‘сделаю, хотя времени мало’, а в другом — ‘не буду делать, потому что времени много’; этот эффект поляризации значений возникает за счет перераспределения коммуникативной значимости семантических компонентов (в данном случае, за счет эксплуатации имплицатуры) — ср. [Апресян 1990б] о двух значениях слова *поторопиться*, [Зализняк 1992: 142] о двух значениях *казаться*.

Вот и получается, что сначала человек машет рукой: «Успею!», а потом разводит руками: «Не успел...» — и все это как бы и не по его вине. На основе второго *успею* возникает еще одно характерное русское словечко — *успеется*. Если в основе *успею* лежат просто легкомыслие и безответственность, то в *успеется* присутствует еще и надежда, что если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действовать отпадет. Т. е. в *успеется* отражено то же мироощущение, которое сконцентрировано в знаменитом русском *авось* (проанализированном А. Вежибицкой); ср. также слово *обойдется* и ниже о слове *образуется*.

#### *получилось — вышло — сложилось*

Ряд *получилось — вышло — сложилось* выражает идею, что результат процесса, в который вовлечен человек, не полностью контролируется этим человеком. Эти глаголы описывают события, которые, хотя и затрагивают человека, но происходят все же как бы сами по себе — что отличает их от слов *удалось* и, в еще большей степени, *смог*. С другой стороны, данному ряду противопоставлен глагол *случиться*, который, во-первых, не предполагает никакого предшествующего процесса, а во-вторых — не включает фактора человеческого воздействия. Космические катастрофы, изменения климата и т. п. именно *случаются*. Нельзя сказать \**Так получилось (вышло, сложилось), что ледник начал таять* — ср. допустимое *Так получилось, что температура в реакторе стала повышаться*, отсылающее в конечном счете к каким-то действиям человека.

Фраза *Так получилось* есть идиоматический способ представить некоторое положение дел, касающееся говорящего, как возникшее как бы само собой, а не в результате его целенаправленной деятельности. Ср.:

— *Зачем ты это сделал?*

— *Не знаю. Так получилось.*

#### *получилось*

Мы выделяем у глагола *получиться* три значения.

1. (1) *Получилась не каша, а размазня.*

- (2) *Так получилось, что мы все приехали одновременно.*
- (3) *Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя расщелившимися плитами террасы вертикально, так что получились солнечные часы (М. Булгаков).*
- (4) *Он думает, что можно взять академическую статью, прибавить к ней немного хамства — и тогда получится журнальный стиль (Л. Гинзбург).*
- (5) *Собирался вечером к сестре, но, к сожалению, получилось так, что вечером он должен уехать (А. Рыбаков).*
2. (6) *Пирог/праздник получился.*
- (7) *Не получилось приехать.*
- (8) *Вызови душевное потрясение у читателя. У одного единственного живого человека... (...) А если не получится? (С. Довлатов).*
- (9) *«Очень хорошая статья», — сказала Ахматова, слегка наклоняя голову в мою сторону. Жест получился, он соответствовал той историко-литературной потребности в благоговении, которую я по отношению к ней испытываю (Л. Гинзбург).*

Различие между первым и вторым значением состоит в распределении акцентов: в первом случае вопрос стоит «Получилось А (или не А)?»; во втором — «Получилось А или не получилось?». В первом случае акцент делается на результате; он находится в реме и несет на себе ударение; соответственно, сам этот результат является «новым», т. е. он может быть неизвестен заранее (ср. примеры (1), (2), (5)). Для этого значения характерно также явное или скрытое противопоставление «получившегося» результата с какой-либо его альтернативой.

Во втором же значении акцент делается на совпадении реального результата с планируемым, т. е. на смысловом компоненте, выражаемом глаголом; соответственно, глагол здесь несет на себе ударение; результат, наоборот, является известным заранее, т. е. находится в теме и не имеет ударения. *Получилось* во втором значении сближается с *удалось*, ср.: *Праздник удался; Не удалось приехать*. В обоих этих глаголах наступление результата определяется сочетанием прилагаемых усилий с элементами случайности, но в *удалось* на первом плане оказывается фактор усилий, а в *получилось* — случая.

Когда образ результата имеется заранее, реальность может совпадать с ним в большей или меньшей степени. Поэтому *получилось* во втором значении, как и близкое к нему *удалось*, градуируется, т. е. сочетается со словами *вполне, почти, не совсем* (в отличие от первого, где это невозможно), ср.: *Пирог вполне/не совсем получился/удался*. (Заметим, что при этом фразы *Пирог получился* и *Пирог удался* означают не совсем одно и то же: *получился* указывает на соответствие стандарту, а *удался* — на исключительность достоинств.) Поэтому можно сказать *особенно удался*, но нельзя *особенно получился*.

Различие коммуникативной структуры двух значений *получиться* проявляется также в отношении к отрицанию: для первого значения, не рематического, сочетание с отрицанием нехарактерно, для второго же, где глагол находится в реме, напротив, отрицательная форма даже предпочтительна (*Приехать не получилось*).

3. (10) *Получается, что я зря приехал.*
- (11) *Получается, что ты был прав.*
- (12) *У тебя получается, что все виноваты кроме тебя.*
- (13) *Получается так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред... — Позвольте, — говорю, — я этого не утверждал (Вен. Ерофеев).*
- (14) *В заявлении, например, он написал, что окончил вуз в таком-то году; получилось, что он окончил вуз четырнадцать лет тому назад (Л. Гинзбург).*

Это значение — интерпретирующее, или метаязыковое (ср. отнесение слов *получается* и *выходит* к показателям «интерпретирующих речевых актов» в [Кобозева, Лауфер 1994]). Оно тесно связано с первым, так как вводит в рассмотрение некоторый спонтанный результат; отличие же здесь состоит в том, что это результат аналитической деятельности субъекта, некоторая интерпретация фактов действительности (ср. оценочные номинации в придаточных предложениях). *Получается, что я зря приехал* отличается от фразы *Я зря приехал* тем, что здесь говорящий не просто предъявляет адресату готовое суждение, а эксплицирует процесс умозаключения.

Характерной особенностью этого значения является синонимия сов. и несов. вида (ср. *Получилось, что я зря приехал*), присущая многим ментальным глаголам (см. [Падучева 1993]).

*Получается* в указанном значении не сочетается ни с вопросом, ни с отрицанием. Это роднит данный глагол с перформативами и в еще большей степени — с так называемыми риторическими союзами (см. [Иорданская 1992]).

#### *вышло*

Во всех трех значениях глагола *получиться* его близким синонимом является *выйти* (ср. более дробную разбивку на значения в [Апресян 1990a]):

1. *Вышла не каша, а размазня; Так вышло, что мы все приехали одновременно; Зачем же ты уехала, да еще с малолетним ребенком? — Не знаю... Так вышло (С. Довлатов).*
2. *Приехать не вышло; Только не напрягайте мозг. Не выйдет сегодня, выйдет завтра (М. Булгаков).*
3. *Выходит, что я зря приехал; Да, выходила ерунда: // тот вроде хват, а он зануда (О. Чухонцев).*

Между *получиться* и *выйти* имеется, однако, то различие, что *вышло* предполагает бóльшую непредсказуемость результата, бóльшую неопределенность промежуточных звеньев. Так, в ситуации, где причинная цепь прослеживается плохо, уместнее употребить слово *вышло*, ср. *У нас вчера вышла (?получилась) ссора*. Наоборот, если причинная цепь более или менее очевидна (например, в ситуации целенаправленной деятельности), то лучше сказать *получилось*,

ср. [ребенок строит дом из конструктора]: *Ну, у тебя получился (вышел) настоящий дворец*. Ср. также: *За столом нас получилось (\*вышло) пять человек*. Поскольку результат здесь определяется просто арифметически, слово *вышло* употребить нельзя.

*Выйти* во втором значении — в отличие от *получиться* — употребляется почти исключительно в отрицательном, вопросительном или условном контексте, ср.: *Фотография не вышла, Если фотография выйдет...*, но: *Фотография вышла; У меня получилось (\*вышло) его обмануть*. Невозможность употребления *выйти* в этом значении в утвердительном контексте объясняется несовместимостью идеи достижения запланированного результата с идеей его непредсказуемости и неопределенности промежуточных звеньев, содержащейся в слове *выйти*.

Приведем еще один характерный пример употребления глагола *выйти* во втором значении (на вопросы журналиста отвечает глава администрации президента Сергей Александрович Филатов):

- (15) *Почему же тогда заверение президента на памятном заседании Совета безопасности о том, что Грозный бомбить не будут, было проигнорировано? Сергей Александрович объяснения этому факту не нашел. Хотя при этом сказал: «...Армия у нас хорошая. Но так вышло, что координация ее действий с политическими структурами, с войсками МВД оказалась крайне неудовлетворительной»* («Известия», 12 янв. 1995).

Слово *сложилось* (являющееся, в этом значении, новообразованием современного разговорного языка) отстоит несколько дальше: выражая ту же идею непредсказуемости событий, происходящих с человеком, оно делает акцент на том, что в ситуацию вовлечено много разных не зависящих от человека обстоятельств, и именно это порождает неподвластность конечного результата его воле. Этот глагол также употребляется лишь в неутвердительном (прежде всего, отрицательном) контексте. При этом выражение *не сложилось* предоставляет говорящему максимальную свободу, так как оно в большей степени, чем *не получилось* и даже *не вышло*, возлагает ответственность за неудачу на обстоятельства и предполагает еще меньшую затрату усилий со стороны субъекта: говоря *У меня не получилось приехать* человек имплицитно, что он по крайней мере хотел это сделать (но возникли какие-то препятствия), а в *не сложилось* препятствия, вообще говоря, могли возникнуть уже на этапе формирования намерения.

Рассмотренные глаголы выстраиваются в следующий ряд:

*смог — удалось — получилось — вышло — сложилось — случилось*.

Эти слова упорядочены по уменьшению доли ответственности субъекта за конечный результат. При этом, как было показано, в русском языке наиболее разработанной является срединная часть этой шкалы; она же представляет наибольшие трудности при переводе (так, слова, соответствующие *смог*, с одной

стороны, и случилось, с другой, без труда находятся в западноевропейских языках — чего нельзя сказать про остальные)<sup>3</sup>.

*довелось — посчастливилось — повезло*

Все три слова указывают на то, что с человеком произошло нечто хорошее, при этом произошло как бы само собой, т. е. не благодаря его усилиям. Различия между ними определяются в первую очередь характером и местом в семантической структуре оценочного компонента.

*довелось*

- (1) *Марусины родители были необходимы в глубоком тылу. Побывать в окопах им не довелось* (С. Довлатов).
- (2) *Но экзаменатор спросил:*  
— *Вы читали «Повести Белкина»?*  
— *Как-то не довелось, — ответил Леня, — вы рекомендуете?* (С. Довлатов).
- (3) *На Ай-Петри полагается встречать восход солнца. Мне довелось встречать его дважды, причем оба раза оно — как там принято говорить — «не взойшло»* (Л. Гинзбург).

*Х-у довелось сделать Р —*

[през.] Р могло не произойти

если Р имеет место, это хорошо

Р произошло как бы само собой

[асс.] Х сделал Р

В *довелось* событие Р является положительным не само по себе, а потому, что оно обогатило жизненный опыт субъекта, ср.: *Мне довелось побывать на войне*. Существенно также, что в *довелось* представлена оценка факта (см. [Арутюнова 1985]): хорошо, что Р имело место. Ситуация Р оценивается ретроспективно и в целом — поэтому нельзя сказать \**Мне довелось прийти к ним в гости* (с глаголом, делающим акцент на начальной фазе процесса), а надо *Мне довелось побывать у них в гостях*. Важно также, что оценка здесь всегда принадлежит говорящему и может не разделяться субъектом действия, ср.: *Ему довелось познакомиться с таким замечательным человеком, а он этого не оценил*.

<sup>3</sup> Обратим внимание также на синтаксические свойства этих глаголов. Наиболее «агентивное» смог имеет субъект в номинативе, дальше идет удалось с дативом, потом — *получилось, вышло, сложилось* в конструкции с родит. падежом (*у меня*), *случилось* — с творит. (*со мной*); ср. также ниже про слово *угораздило* с аккузативом. Т. е. синтаксические конструкции тоже оказываются упорядочены по уменьшению агентивности (о семантике синтаксических конструкций в данной связи много писала А. Вежбицкая).



*Довелось* не сочетается с обозначением не-действий (ср. \**Довелось не попасть в аварию, избежать аварии, спастись от бомбежки*) — потому что не-действие трудно рассматривать как элемент жизненного опыта.

Отметим, впрочем, что *довелось* имеет «ослабленное» употребление, в котором оценочный компонент практически исчезает (на первый план тогда выступает идея ненамеренности), ср.:

- (4) *Справа койка у стены, слева койка.  
Ходим вместе через день облучаться,  
Вертухай и бывший номер такой-то,  
Вот где снова довелось повстречаться!* (А. Галич).

Однако если речь идет о чем-то действительно очень плохом, то слово *довелось* употреблено быть не может, ср.: \**Довелось потерять семью во время войны.*

#### *посчастливилось*

- (5) *Семье Живаго посчастливилось попасть в левый угол верхних передних нар [...] , где они и разместились своим домашним кругом, не дробя компании* (Б. Пастернак).  
(6) *Но полагаю, что и здесь организаторы были столь же предусмотрительны. Просто мне не посчастливилось увидеть плоды их подготовительной работы* (Г. Каспаров).

*X-у посчастливилось сделать P -*  
[през.] вероятность P была мала  
P хорошо  
P произошло как бы само собой  
[асс.] X сделал P

В *посчастливилось*, в отличие от *довелось*, оценка относится не к факту, а к процессу: P хорошо само по себе (а не потому, что оно, например, обогатило жизненный опыт). Оценочный компонент в *посчастливилось* не может подавляться. Различаются также оценки вероятности события P: в *посчастливилось* содержится указание на то, что вероятность P была мала — в отличие от *довелось*, где этой идеи нет.

#### *повезло*

- (7) *Им повезло. Со двора выезжала машина. Шофер оказался Лене знаком и подвез их до Мясницкой* (А. Рыбаков).  
(8) *Юрию Андреевичу не повезло. Он попал в неисправный вагон, на который все время сыпались несчастья* (Б. Пастернак).  
(9) *Принято говорить: везет на друзей. Но точно так же может везти и на врагов. Карпову исторически крупно повезло, что его главным противником в течение многих лет был Корчной* (Г. Каспаров).

*X-у повезло (что P) —*

[през.] P произошло

P — результат случайности

[асс.] (для X-а) хорошо, что P

Главное отличие *повезло* от двух предыдущих слов состоит в том, что здесь оценка находится в ассерции: во фразе *Нам повезло, что сегодня жарко* ситуация ‘жарко’ оценивается позитивно, а в *Нам не повезло, что сегодня жарко* та же ситуация оценивается негативно (т. е. отрицание взаимодействует с оценочным компонентом). Между тем в *посчастливилось* и в *довелось* положительная оценка ситуации P при отрицании сохраняется, ср.: *Мне не посчастливилось (не довелось) побывать на Памире*<sup>4</sup>. Благодаря тому, что оценочный компонент слова *повезло* находится в ассерции, оно может градуироваться, ср. *очень (больше, меньше) повезло / \*посчастливилось*.

Наличие полноценной ассерции отличает слово *повезло* от всех рассмотренных выше слов (ассертивный компонент которых заимствуется у подчиненного глагола) и делает его более «самодостаточным». Синтаксически это проявляется в том, что у *повезло* валентность содержания является факультативной: она никогда не заполняется зависимым инфинитивом, редко — придаточным с союзом *что*, но может и вообще оставаться незаполненной. Обозначение ситуации P в этом случае либо содержится в контексте, либо выводится из него, ср.:

— *Такая страшная авария, а он всего лишь сломал ногу.*

— *Повезло.*

Валентность содержания регулярно остается незаполненной, если *повезло* употребляется с зависимым существительным: *повезло с погодой, с родителями; везет в картах, в любви; на друзей*. Когда говорят *Нам повезло с погодой*, то вне контекста неясно, какая именно погода рассматривается как хорошая (это зависит от того, собираются люди на пляж, в горный поход или на рыбалку).

Яркой особенностью слова *повезло* является повышенная значимость презумпции ‘P — результат случайности’, которая часто эксплуатируется. Рассмотрим следующий диалог:

— *Я получил стипендию Эйнштейна.*

— *Повезло!*

Ответная реплика содержит смысл ‘это хорошо’ в качестве ассертивного и смысл ‘это случайно’ — в качестве презумптивного. Соответственно, эта реплика может быть воспринята как простодушное выражение радости за собеседника —

<sup>4</sup> Сочетание с отрицанием оценочного компонента в *повезло*, как и в некоторых других словах, является идиоматическим: не + ‘хорошо’ означает ‘плохо’ (ср. *не любить, не нравиться*). В отличие от *довелось* и *посчастливилось*, где оценка может быть любой, в *повезло* оценка всегда утилитарная.

если презумпция ‘это случайно’ разделяется первым говорящим, — но может и показаться обидной — если человек считает получение стипендии своим заслуженным успехом, а не случайной удачей. В некоторых случаях слово *повезло* используется для того, чтобы прямо указать на незаслуженность (случайность) успеха, ср.:

- (10) *«Вот пример настоящей удачливости... (...) Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин (...) — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»* (М. Булгаков);
- (11) *Помню мамыны «прививки» от зазнайства (...): «Каждый человек в чем-то талантлив, только не всегда этот талант раскрывается. Тебе повезло, что твои способности проявились так рано. Просто повезло!»* (Г. Каспаров).

Интересно, что раньше то же значение, что *повезло*, имело слово *посчастливилось* (в современном языке такое употребление является устаревшим), ср.:

- (12) *Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда* (М. Лермонтов);
- (13) *Другое дело Федька: этому, кажется, посчастливилось более чем Петру Степановичу* (Ф. Достоевский);
- (14) *Нам посчастливилось. Осень выдалась сухая и теплая. Картошку успели выкопать до дождей и наступления холодов* (Б. Пастернак);
- (15) *Нет, у нас легче было. Нам посчастливилось. Ведь я вторую отсидку отбывал* (А. Солженицын).

Слово *повезло* входит также в другой круг понятий, не менее существенный для русской языковой картины мира. Это понятия *судьба*, *участь*, *доля*, *удача*, *счастливый случай*, а также *авось*, объединяемые идеей некой иррациональной силы, которая вмещивается в жизнь человека. Как пишет А. Вежбицкая, «“the Russian *авось*” epitomizes a theme which runs through the entire Russian language and Russian culture: the theme of *судьба*, of not being in control, of living in a world which is unknowable and which cannot be rationally controlled. If things go well for us, it is because *нам повезло*, not because we mastered our environment. Life is unpredictable and uncontrollable, and one shouldn't overestimate the powers of reason, logic, or rational action» [Wierzbicka 1992a: 435].

В этом смысле можно сказать, что *Мне повезло* означает, что события повернулись так, как если бы некая сила действовала с целью помочь мне. При этом употребляя слово *повезло* человек, при общей рационалистической установке, не обязательно буквально подразумевает действие некой сверхъестественной силы — он может иметь в виду просто игру случая (ср. [Арутюнова 1994: 310] о «судьбе играющей»). Однако эта сила может интерпретироваться и в более мистическом ключе. Особенно ярко это проявляется в форме несов. вида: слово *везет* обозначает некое трансцендентное состояние человека, определяющее ход событий, происходящих с ним. Ср. *Я не пойду на экзамен: мне сегодня с утра не*

*везет*. Это проявление суеверного страха перед некой иррациональной силой (люди, подобному суеверию чуждые, такого рода высказывания и не делают). Та же идея заключена в словах *везение, везучий*.

### *угораздило — умудрился*

#### *угораздило*

- (1) *Угораздило же тебя вляпаться в краску!*
- (2) *Ее угораздило встретить там знакомых.*
- (3) *Меня угораздило попасть под дождь (в белых брюках).*
- (4) *Я думал, ты будешь делать доклад, а тебя угораздило заболеть (Овечкин. МАС).*
- (5) *Как же это в самом деле, жениться-то его угораздило? (Мельников-Печерский. Словарь Ушакова).*
- (6) *И угораздило это вас, батенька, в Тулу со своим самоваром приехать (Лейкин. Словарь Ушакова).*
- (7) *Угораздило же меня родиться в этой таежной глуши... (С. Довлатов).*

*Х-а угораздило сделать Р —*

[през.] с Х-ом произошло Р<sup>5</sup>

то, что Р произойдет, было маловероятно

[асс.] Р плохо

В слове *угораздило*, так же как и в *повезло*, имеется полноценная ассерция — в отличие от всех остальных рассматриваемых слов. Поэтому *угораздило*, как и *повезло*, может использоваться в качестве самостоятельной диалогической реакции на сообщение о событии. Ср.:

А. — *Я сегодня встретил N.*

Б. — *Повезло! / \*Посчастливилось, \*Довелось, \*Удалось.*

— *Угораздило же! / \*Умудрился.*

Отличительным свойством слова *угораздило* является то, что оно не только содержит определенную оценку ситуации, но еще и открыто выражает некоторую эмоцию. Можно даже сказать, что оно включает встроенное междометие — что-то вроде *Ну надо же!* В состав эмоции, выражаемой этим междометием, входит удивление, вызванное тем, что произошло такое маловероятное или просто неординарное событие, а также сочувствие или раздражение по адресу субъекта — в зависимости от исходного отношения к нему говорящего. Если говорящий сочувствует субъекту, то он разделяет его досаду, а при отсутствии исходного доброжелательного отношения говорящий связывает происшествие с неудачливостью субъекта и тем самым отчасти возлагает на него вину за случившееся.

<sup>5</sup> 'С Х-ом произошло Р' — блок толкования, состоящий из следующих компонентов: 'произошло Р'; 'Х является субъектом ситуации Р'; 'Р неконтролируемо для Х-а'.

В *угораздило* выражаются те чувства, которые человек может испытывать по поводу мелких неприятностей. Это слово неприменимо к описанию настоящих несчастий, ср.:

- (8) *Его угораздило попасть в пробку на дороге / ? в авиакатастрофу;*  
(9) *Его угораздило потерять паспорт / \*потерять семью.*

Отдельного комментария требует компонент «маловероятно». В чистом виде — помимо тех случаев, когда речь идет действительно о маловероятных событиях (как в примерах (1) и (2)) — он представлен в том весьма характерном для *угораздило* классе употреблений, когда малая вероятность касается совпадения во времени некоторых двух независимых событий, каждое из которых может быть и не быть экстраординарным (как, например, в (3)). Ср. фразы (10) и (11):

- (10) *Меня угораздило забыть проездной именно в тот раз, когда пришел контролер;*  
(11) *Меня угораздило наткнуться на контролера именно в тот раз, когда я забыла проездной.*

Здесь очевидным образом употребление слова *угораздило* вызвано именно фактом совпадения — поэтому оно может безразлично присоединяться к обозначению и одного, и другого события.

Однако имеется и другой класс употреблений этого слова, когда оно используется для оценки заведомо намеренных действий. В этом случае компонент «маловероятно» реализуется в виде чего-то вроде «Говорящий удивлен» или «Говорящий не ожидал Р (не думал о возможности Р)»; на первый план при этом выходит идея неконтролируемости, содержащаяся в компоненте «произошло». Прагматика такого употребления *угораздило* может быть различной. В примере (5) это слово служит средством передачи (в имплицитной форме, и тем самым, более действенной) мнения, что такую глупость как жениться человек не может сделать по доброй воле. Слово *угораздило* может использоваться и как способ снятия ответственности за контролируемые действия — оцениваемые отрицательно либо самим субъектом постфактум, либо другим лицом. Ср.:

- (12) *Меня угораздило связаться в эту историю.*

Здесь речь идет о некотором сознательном поступке, который впоследствии переоценивается и соответственно переименовается (ср. косвенную номинацию *связаться в эту историю*)<sup>6</sup>, а употребление слова *угораздило* позволяет к тому же представить эту ситуацию как не полностью контролируемую субъектом.

---

<sup>6</sup> Косвенной номинацией мы называем оценочно-интерпретирующие способы обозначения ситуаций [Зализняк 1991]. В контексте глагола *угораздило* употребление косвенных номинаций весьма характерно, ср. *приехать в Тулу со своим самоваром* в примере (6).

Другой пример — из пьесы Е. Шварца «Два клена», где на признание Медведя, что он нанялся на службу к Бабе Яге, Василиса восклицает:

(13) *Да как же это, Мишенька, тебя угораздило?*

Слово *угораздило* означает здесь, что добрая женщина хочет извинить неблаговидный поступок Медведя, приписывая его скорее неполному владению ситуацией, чем злой воле.

Слово *угораздило*, перегруженное разного рода экспрессивными, оценочными, изобразительными и т. п. элементами смысла, не употребляется в отрицательных и вопросительных высказываниях.

*Угораздило* во многих отношениях сходно с *не повезло*; различие между ними состоит, в частности, в том, что *угораздило*, при всей его эмоциональности, совершенно рационалистический концепт: за несчастным стечением обстоятельств здесь не усматривается никакой мистической силы.

### *умудрился*

Наконец, последнее слово — *умудрился* (а также более редкое *ухитрился*), которое в ироническом употреблении близко к *угораздило*.

(14) *Умудрился вляпаться в краску.*

(15) *В такую жару умудрился (ухитрился) простудиться.*

(16) *Умудрился заболеть накануне отъезда.*

*Х умудрился сделать Р —*

[през.] Р плохо

то, что Р произойдет, было маловероятно

Х мог предотвратить Р

[асс.] Р произошло

Различия между *умудрился* и *угораздило* состоят в следующем. Прежде всего, *умудрился* не имеет самостоятельной ассерции. Кроме того, *умудрился* предполагает большую, чем *угораздило*, степень ответственности субъекта за происшедшее. *Умудрился* включает идею, что субъект мог бы предотвратить нежелательное событие, если бы приложил какие-то усилия. Хотя само по себе событие является неконтролируемым, ведущая к нему причинная цепь включает контролируемые звенья — например, не простудился бы, если бы не сидел на сквозняке (ср. [Зализняк 1992: 72]). Слово *угораздило* этой идеи не содержит, поэтому в контексте полностью неконтролируемых событий употребление *умудрился* неуместно: ср., например, невозможность замены *угораздило* на *умудрился* в предложении (7).

Наконец, в отличие от *угораздило*, *умудрился* содержит однозначно отрицательную оценку субъекта и не выражает никакого чувства.

Описывая слова, в которых заключены «национально-специфические» концепты, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой переводимости. А. Вежбицкая, которая специально интересуется данной проблемой, придерживается следующей точки зрения: она отвергает распространенный тезис о невозможности полного и адекватного перевода с одного языка на другой на том основании, что любую мысль, согласно ее концепции, можно выразить на «естественном семантическом метаязыке» и перевести это выражение на любой другой язык. Последнее возможно в силу того, что используемый семантический метаязык, с одной стороны, оперирует лишь универсальными концептами, с другой — является, вообще говоря, подмножеством соответствующего естественного языка. Иными словами, тексты на этом семантическом метаязыке являются одновременно текстами на некотором естественном языке и могут, *à la rigueur*, рассматриваться как переводные эквиваленты.

Нельзя однако не отметить, что при переводе через семантическое представление меняется весьма важное свойство исходного текста — степень эксплицитности выраженных в нем смыслов<sup>7</sup>. Действительно, любое семантическое представление отличается от толкуемого выражения тем, что все элементы смысла представлены в нем эксплицитно, дискретно и линейно (более того, семантическое представление тем лучше, чем более ясны и отчетливы его компоненты). В словах же естественного языка степень семантической конденсации бывает очень высокой; некоторые элементы смысла спаяны между собой, а некоторые — принципиальным образом затушеваны. Насильственно разъединяя, выявляя и линейно выстраивая эти элементы, мы не только изменяем форму подачи смысла, но и меняем сам смысл. Труднее всего перевести в словах то, что в них как бы и не сказано: при переводе на язык семантического представления (а значит, в общем случае, и при переводе на другой язык — по крайней мере, в рамках обсуждаемой модели) все эти смыслы приобретают равную определенность. Между тем «национальная специфичность» слова чаще всего определяется специфичностью присутствующих в нем неявных смыслов; она заключена в тех бесплотных и трудноуловимых смысловых элементах, которые передаются подспудно как нечто самоочевидное. К таким смыслам в русском языке относится компонент «[произошло] как бы само собой» в рассмотренных нами глаголах, описывающих целенаправленную деятельность человека. Слова, содержащие такого рода смысловые компоненты, труднее всего перевести: при переводе то, что должно читаться между строк, приобретает тяжесть и определенность, которые все меняют.

То, что слово не равно сумме содержащихся в нем смыслов, можно проиллюстрировать следующим отрывком из «Анны Карениной» (разрядка наша. — А. З., И. Л.):

---

<sup>7</sup> В статье [Вежбицкая 1990: 142] прямо утверждается, что различия в степени эксплицитности выражения смыслов не являются семантическими.

*Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.*

*— А? Матвей? — сказал он, покачивая головой.*

*— Ничего, сударь, образуется, — сказал Матвей.*

*— О б р а з у е т с я?*

*— Так точно-с.*

*<...>*

*Степан Аркадьич мог быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что все о б р а з у е т с я, по выражению Матвея, и мог спокойно читать газету и пить кофе.*

*<...>*

*«А может быть, и образуется! Хорошо словечко: о б р а з у е т с я, — подумал он. — Это надо рассказать».*

Если бы Стиве просто кто-то сказал, что все будет хорошо и что это произойдет в результате естественного хода вещей, постепенно и незаметно (что есть своего рода экспликация слова *образуется*), то он вряд ли бы поверил. Силой убеждения здесь обладает само слово *образуется* (ср. «хорошо словечко») — благодаря тому, что в нем все эти элементы смысла выражены одновременно и нерасчлененно. Это, с одной стороны, дает человеку уже готовую, апробированную опытом других людей (закрепленную в слове) и тем самым вызывающую определенное доверие концептуальную конфигурацию; с другой стороны, из-за того, что элементы смысла здесь столь тесно спаяны друг с другом и столь неотчетливы сами по себе, что человеку трудно «ухватить» какой-либо один из них, чтобы подвергнуть его сомнению.

Авторы пользуются случаем выразить благодарность членам семинара Ю. Д. Апресяна в ИППИ РАН и Славистического семинара Университета Эксан-Прованс под руководством М. Гиро-Вебер, принявшим участие в обсуждении настоящей работы, а также А. А. Зализняку, Л. Л. Иомдину и В. Туровскому за замечания по тексту статьи.



НОМО PIGER\*

Это означает человек ленивый. Лень — важнейший элемент человеческого устройства. Подобно совести, которая ограничивает человека в достижении желаемого, лень ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия. Ср. характерное описание ленивого человека: *Мысль о движении, об усилении, о трате энергии была ему не только чужда, но и враждебна, ему неприятно было не только самому куда-то спешить, чего-то искать, добиваться, бороться, но даже слышать о том, что это делают другие. Новый факт — политический, литературный, бытовой, — новая мысль, которую надо было продумать, даже просто — новое слово либо оставляли его равнодушным, либо как-то мешали ему «поживать»* (Н. Берберова. «Курсив мой»).

В русском языке много слов на тему лени; ср. *лень* (существительное и предикативное наречие), *лентяй*, *лодырь*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, (*по*, *раз*)*лениться*, *ленца* (*с ленцой*), *неохота* и др. Есть еще весьма выразительное междометие *Да ну!* с характерной «ленивой» интонацией, которое используется качестве ответной реплики (наряду с наречиями *лень* и *неохота*). Оно также служит для выражения непрямого, категоричного, не мотивированного объективными причинами и равнодушного отказа. Ср. — *Ты с нами пойдешь? — Лень* (*Неохота; Да ну!*). Однако в этом междометии идея не-совершения действия входит непосредственно в значение и не может сниматься контекстом; ср. неправильное \**Да ну, но придется пойти* при нормальном *Лень* (*Неохота*), *но придется пойти*.

Идея лени может выражаться в русском языке и иными средствами; ср. упомянутую Н. Берберовой словообразовательную модель *поживать*, *посиживать* и др. — Берберова специально отмечает, что писатель Борис Зайцев, о котором идет речь, любил такие глаголы (она также приводит сочетание *попиваю вино* и т. п.).

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке». М., 1999. Работа в значительной степени основана на материале словарной статьи наречий *лень* и *неохота*, составленной мною для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», см. [Левонтина 1997e]. Я благодарю Ю. Д. Апресяна, О. Ю. Богуславскую, М. Я. Гловинскую и Е. В. Урысон за ценные замечания.

*X-у лень (неохота) делать P* означает, что 'X не хочет прилагать усилия, чтобы сделать P, которое от него ожидается и которое он способен сделать, и ощущает это нежелание как состояние своего тела или души'. (Ср. *Тебе лень даже посуду за собой помыть!*; *Хлеба нет, а в булочную идти неохота*).

Существенно, что лень отличается от нежелания совершать действие тем, что осознается как некоторое особое состояние (ср. *голод* vs. *желание есть*). Надо сказать, что онтологическая сущность лени неочевидна, и это проявляется в таксономической размытости существительного *лень*. *Лень* — это, с одной стороны, состояние, которое, как и многие другие состояния, концептуализуется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. *Лень-матушка одолела*; *Лень раньше нас родилась*; *Пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень*. *Лень нападает, одолевает* и т. п. Ср. *На углу одной из тихих севавтопольских улиц дремлет на солнечном припеке татарин — продавец апельсинов. (...) Весь мир изнывает от жары и скуки. (...) А лень обуяла такая, что не хочется даже замурлыкать любимую татарскую песенку* (А. Аверченко. «Сила красноречия»).

С другой же стороны, *лень* — это и свойство человека; ср. *Меня раздражают его лень и глупость*.

Интересно, что в одном из стихотворений Губермана *лень* квалифицируется даже как страсть<sup>1</sup>; ср. *Есть страсти, коим в восхваление // Ничто нигде никем не сказано. // Я славлю лень — отдохновение // Для чести, совести и разума*.

Такая таксономическая неопределенность очень ясно видна в сочетаниях с причинными предлогами. Действительно, встречаются и формы *из лени*, и *от лени*, и *из-за лени*, и *по лени*, но при этом все они не вполне естественны (см. о причинных предлогах [Левонтина 1997ж]).

*Лень* включает представление о трех несколько разных типах состояний, что особенно хорошо прослеживается в употреблении предикативных наречий *лень* и его синонима *неохота*.

Во-первых, речь может идти о некотором состоянии тела: о физической ослабленности, истоме или оцепенении. Это может быть связано с тем, что человек засыпает или еще не вполне проснулся (*сонная одурь*), или с тем, что ему жарко или холодно и т. п. В этом случае ему *лень (неохота)* совершать какие-либо физические движения, нарушающие его покой, а совершаемые им движения медлительны. Ср. [с похмелья] *Было смертельно скучно и как-то особенно сонно... противно. Заварили кофе, но оно пахло мылом, а я, кроме того, залил пиджак ликером. Руки сделались липкими, но идти умыться было лень. (...) Ели лениво, неохотно, устало* (А. Аверченко. «Чад»); *Он допил какао, встал, позевыв-*

<sup>1</sup> Ср. *О мое «не хочется» разбивается всякий наскок. Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть* (В. В. Розанов. «Опавшие листья»).

вая; ночью ему было чрезвычайно скверно, — никогда еще так сердце не мучило, и теперь ему было лень одеваться, неприятно холодели ноги. Он перебрался на кресло у окна, сложился калачиком и так сидел, ни о чем не думая, и рядом потягивалась кошка, разевая крошечную розовую пасть (В. Набоков. «Картофельный эльф»); Дребезжащий звонок серебристый иней // преобразил в кристалл. Насчет параллельных линий // все оказалось правдой и в кость оделось; // неохота вставать. Никогда не хотелось (И. Бродский. «Темно-синее утро в заиндевевшей раме»). Этот тип употребления особенно характерен для слова *лень*, которое может указывать на нежелание человека сделать даже малейшее усилие, в нормальном состоянии неощутимое; ср. *Разморило, лень веки разлепить*.

Когда человеком овладевает лень такого рода, это обычно видно со стороны. Ср. следующий пример, в котором слово *лень* метафорически употребляется по отношению к неодушевленному предмету на основании (кажущейся) медлительности движений: *И полусонным стрелкам лень // Ворочаться на циферблате, // И дольше века длится день, // И не кончается объятье* (Б. Пастернак. «Единственные дни»). Прилагательное *ленивый* поэтому очень часто употребляется в значении ‘медленный’; ср. *ленивые реки*.

Во втором случае речь идет скорее об определенном душевном состоянии — параличе воли, когда человек не может собраться и побудить себя приступить к какому-то действию. Ср. *Митрофанов не смог заполнить анкету. Даже те ее разделы, где было сказано: «Нужное подчеркнуть». Ему было лень. После двенадцати нужно было выключить какой-то рубильник. Митрофанов забывал его выключать. Или ленился. Его уволили...* (С. Довлатов. «Заповедник»). В этом случае слова *лень* и *неохота* указывают не обязательно на общее состояние души: неспособность побудить себя к деятельности может быть избирательной, относиться только к какому-то конкретному действию. Скажем, ребенку может быть *лень* (неохота) делать уроки, но не *лень* бегать или читать. Ср. *«Ладно», — сказала Анка. — «Давайте что-нибудь делать».* — *«Неохота мне лазить по обрывам», — сказал Антон. — «Мне тоже неохота. Пошли прямо».* — *«Куда?» — Спросил Паиска. — «Куда глаза глядят»* (А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом»).

Отсюда и раздвоение образа ленивого человека: он не обязательно туповатосонный, а может быть и оживленно-жизнелюбивым; ср. употребление в следующем примере слова *ленивый*: *Работал я в конторе преотвратительно и до сих пор недоумеваю: за что держали меня там шесть лет, ленивого, смотревшего на работу с отвращением и по каждому поводу вступавшего не только с бухгалтером, но и с директором в длинные, ожесточенные споры и полемику. Вероятно, потому, что был я превеселым, радостно глядящим на широкий Божий мир человеком, с готовностью откладывавшим работу для смеха, шуток и ряда замысловатых анекдотов, что освежало окружающих, погрязших в работе, скучных счетах и дрязгах* (А. Аверченко. «Автобиография»).

И, наконец, в третьем, менее характерном случае слова *лень* и *неохота* описывают скорее состояние ума — некоторую рациональную установку, нежелание

человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую. Ср. *И как тебе не лень десять раз переделывать задание — сделай один раз как следует; НИКОЛАЙ. Что вы все кричите? Я вот смотрю на вас и думаю: ну что кричат? Мне лень с вами в полемику вступать. Чудаки какие-то* (Л. Петрушевская. «Уроки музыки»); *Неохота мне с ним заниматься: все равно без толку.*

Такая рациональная лень, понимаемая как экономия усилий, часто рассматривается как положительный фактор (хотя подобные рассуждения все-таки звучат несколько парадоксалистски); ср. *Я всегда в жизни одобрял достаточную лень, всегда сражался с дурацкой поговоркой немцев: «Morgen, nur nicht heute — sagen alle Faulleute» («Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят», или: «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня»).* *Я всю жизнь жил противоположными поговорками: «Никогда не делай сегодня того, что можешь сделать завтра» и «Зачем придумывать новое, когда еще не сделано старое?».* *Поэтому я могу похвастаться, что экономно и умно прожил жизнь, придумав все нужное для меня в жизни еще в 20-е годы в кольцовском институте, в хорошей и милой компании. Потом мне всерьез особенно думать нечего было. И это мне помогло, наоборот, при разработке нужных деталей* (Н. Тимофеев-Ресовский. «Воспоминания»).

Итак, речь идет о том, что как бы одно и то же ощущение можно испытывать телом, душой или умом. Такая ситуация не уникальна. Ср. хотя бы русский глагол *хотеть* (см. его описание, принадлежащее Ю. Д. Апресяну, в [Апресян 1997г]). Сочетания *хочу пить, хочу спать* указывают на чисто физиологические потребности; *хочу к морю, хочу поскорее увидеть тебя* — на стремление души; *хочу пойти к зубному врачу* — на умонастроение.

Лень вообще тесно связана с желаниями. Любое желание человека всегда натывается на его же нежелание совершать усилия. Результат борьбы зависит от соотношения силы желания и нежелания. Если первое недостаточно сильно или второе сильно чересчур, действие не будет совершено. При этом, например, в слове *лень* на первом плане идея затраты усилий. Хотя и об очень активном человеке можно, применительно к какому-то конкретному случаю, сказать, что ему *лень* что-то сделать, однако это слово в значительной степени связывается с идеей общего недостатка активности, который создает некоторый фон, затрудняющий и тормозящий претворение в жизнь принятых решений, реализацию предпочтений. Ср. характерное *Давно хочу туда съездить, да все как-то лень.* Здесь речь идет о том, что человек ни в какой момент времени не может найти в себе достаточно душевных сил, чтобы побудить себя совершить запланированное. Ср. также *Моя жена всегда преувеличивает: «Я знаю, почему ты все еще живешь со мной. Сказать?» — «Ну, почему?» — «Да просто тебе лень купить раскладушку!..»* (С. Довлатов. «Чемодан»).

В отличие от слова *лень*, в слове *неохота* на первом плане не идея затраты усилий, а идея предпочтения. Ср. следующий пример: *Но кто-то крикнул:*

«В Дом кино!» — / с энтузиазмом неопита, / и сразу сделался галдеж / у вешалки (была суббота), / жена спросила: «Ты идешь?» — / и муж ответил: «Неохота» (О. Чухонцев. «Однофамилец»). Если бы герой ответил *Лень*, то это значило бы, что ему не хочется тратить усилия на то, чтобы куда-то идти. Ответ *Неохота* прежде всего указывает на недостаток у героя энтузиазма, желания идти в Дом кино. Он предпочитает остаться дома. Ср. неправильное \**Вообще-то я хочу туда поехать, но ужасно неохота* при нормальном *Вообще-то я хочу туда поехать, но ужасно лень*.

В контекстах, в которых идея выбора линии поведения важнее идеи экономии усилий, *неохота* не может быть заменено на *лень*. Ср. «*Этап через три дня, мы с вами еще погуляем. Но, дорогой мой, с такой бородой можете сидеть дома*». — «*Неохота здесь бриться*» (А. Рыбаков. «Дети Арбата»). Здесь речь идет не о том, что герою неприятно затрачивать усилия на бритье, а о том, что он не считает, что в ссылке стоит вести нормальный образ жизни.

В подобных контекстах *неохота* сближается с *не хочется*. Однако идея затраты усилий в *неохота* никогда не исчезает полностью. Поэтому это слово не может употребляться вместо *не хочется* в случаях, когда обсуждаются собственно желания и предпочтения человека; ср. «*Ты чего не спишь?*» — \*«*Неохота*»; «*Чай будешь пить?*» — ?«*Неохота*» (ср. естественное в этих контекстах *Не хочется*).

При этом нормально *Пойдем куда-нибудь, неохота дома сидеть*, потому что сидение дома рассматривается здесь не как нечто, не требующее усилий, а как одна из возможностей при выборе деятельности. Ср. следующий пример, в котором в аналогичном контексте употреблено слово *лень*, что выглядит парадоксально. *Однажды я сказал Сандерсу с упреком: «Знаете? Вы даже ходите и работаете из-за лени (...), потому что вам лень лежать»*. Он задумчиво возразил: «*Это парадокс*» (А. Аверченко, Г. Ландау. «Экспедиция в Западную Европу сатириконовцев»).

Употребление *неохота* для указания на предпочтение вместо *не хочется* встречается в небрежной речи; ср. «*Причем тоже известна эта дама, с которой он бывает (...)*». «*Кто же она, интересно?*» — «*Ну это... Нехота в магнитофон*» (Русская разговорная речь); *Я рассказал — и про гроб с опиумом, и про Зиялова. Не сказал только про сестру, как-то неохота было впутывать* (Ф. Незнанский, Э. Тополь. «Журналист для Брежнева»).

Весьма интересна аксиология лени. Вообще говоря, это отрицательно оцениваемое свойство, которое, как считается, мешает человеку себя реализовать. И некоторые слова действительно выражают его отчетливо-отрицательную оценку; ср. *лодырь*, *лоботряс*. Однако в большинстве случаев она не очень настойчива, а некоторые слова, содержащие идею лени, выражают симпатию, граничащую с нежностью; ср. *ленивец* или название московской улицы — *Ленивка*. Слово *ленивец* (устойчиво рифмующееся со *счастливец*) имеет мировоззренческую предысторию в русской культуре золотого века, где оно обозначает поэтическую

натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви (*философы ленивцы, враги придворных уз* (К. Батюшков. «Мои пенаты»)). Лень воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты. Ср. *Приди, о Лень! приди в мою пустыню. // Тебя зовут прохлада и покой* (Пушкин. «Сон»). Этот комплекс идей, детально разработанный и с беспрецедентным успехом привитый русской культуре Батюшковым и Пушкиным, был, вероятно, заимствован ими из французской анакреонтики восемнадцатого века (*la sainte paresse*)<sup>2</sup>.

Ср. также рассуждение В. Ходасевича о Дельвиге: *Учился он плохо и кончил двадцать восьмым из числа двадцати девяти. Его занимала одна поэзия, но и тут он отчасти ленился. На поэтическом языке той поры слово «лень» означало наслаждение внешним бездействием при сосредоточенной деятельности чувств. Из этой лени рождались поэтические мечтания, эпитет «вдохновенная» подходит к ней как нельзя более. Юные лицейские стихотворцы воспевали ее в стихах и любили ей предаваться. У Дельвига она имела оттенок более физиологический, нежели у кого бы то ни было. Одутловатый, мешковатый, близорукий, Дельвиг часто впадал не только в поэтический тонкий сон, посылаемый Аполлоном, но и в сон самый обыкновенный, прозаический, с храпом* (В. Ходасевич. «Дельвиг»).

Показателен оценочный потенциал наречий *лень* и *неохота*. В диалоге слово *лень* часто используется в обвинительных целях. Когда человек говорит *Да тебе просто лень!*, он указывает, что у адресата нет никаких причин не делать чего-либо, кроме его отрицательных душевных качеств, и намекает на то, что адресат вообще ленив. Ср. *Ольга вскочила и зажмурилась, встретив свечу прямо перед глазами. «Что, спала, ленивая...» — «У меня голова болит!» — «Вздор! девчонка молодая... и смеет голова болеть! просто лень, уж так бы и говорила... а то еще лжет... отвечай: спала, лентяйка?»* (М. Ю. Лермонтов. «Вадим»). Поэтому о себе человек обычно говорит *Мне лень*, только если речь идет о действии, которое соответствует его собственным интересам. Ср. *Ты бы оделся потеплее, за-*

<sup>2</sup> Ср. также итальянское *dolce far niente*.

В этот же период в русской поэзии царит и культ *халата*, главным певцом которого был Вяземский. Дальнейшая история слова *халат* и производных *халатный*, *халатность* весьма характерна [Виноградов 1994: 720—722]. У Гоголя Кифа Мокиевич был *человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом*. Там же, в «Мертвых душах», говорится о *халатных побуждениях русской природы*. И. С. Аксаков указывал на двойственную природу халата: *халат — это ведь эмблема лени, бесцеремонности, простоты — это все же (...) нечто сердечное и человеческое*. Однако чем дальше, тем менее *халатность* связывается с уютной домашней расслабленностью и тем сильнее становится отрицательная оценка в этом слове. Оно начинает указывать исключительно на плохую, небрежную работу (ср. похожее по внутренней форме выражение *спустя рукава*). В современном языке это уже термин из уголовного кодекса (*преступная халатность*).

*мерзнешь*». — «*Да ну, мне лень*». В качестве же ответа на просьбу *Мне лень* выглядит не очень вежливо или саморазоблачительно. Слово *неохота*, выражающее внутреннюю точку зрения на состояние человека, очень естественно, даже с некоторым оправдательным оттенком, употребляется по отношению к себе и не всегда уместно по отношению к другому. Лучше сказать *Да тебе (ему) просто лень!*, чем *Да тебе (ему) просто неохота!* Если же человек говорит *Да мне просто неохота!*, он сообщает, что у него нет принципиальных возражений против совершения данного действия и тем как бы смягчает свой отказ.

Аксиологическая неопределенность лени очень ясно проявляется в русской культурной традиции. Из пословиц видно, что лень оценивается отрицательно в основном потому, что ленивый человек некооперативен: отлынивая от работы, он перекладывает ее на других. Лень же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти (*Ленивому всегда праздник*).

Это представление хорошо согласуется с тем, что немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно. Пословица *Охота нуще неволи* выражает отчужденное недоумение в адрес человека, развивающего бурную деятельность. *И как тебе не лень!* — весьма типичная реакция на чужие свершения. Очень характерно также русское выражение *не поленился (сделать что-либо)*. Мы говорим *не постеснялся* или *не постыдился*, когда вообще-то это делать стыдно, *не побоялся* — когда совершен смелый поступок. И мы говорим *не поленился*, считая естественным не совершать действий и удивляясь их совершению.

Главным ленивцем в русской культуре является Обломов. Показательно, что в отличие от Добролюбова, заклеившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. С одной стороны, его лень приводит к жизненному краху и распаду личности, с другой же, он вызывает больше симпатии, чем деятельный Штольц. Во-первых, это связано с тем, что Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру<sup>3</sup> — в отличие от немца Штольца. Во-вторых, русская куль-

<sup>3</sup> Ср. устойчивость сочетания *русская лень* см. [Плунгян, Рахилина 1996]. Заметим, что русская лень скорее не вялая, не сонная, а мечтательная: *Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы (русские)* (В. В. Розанов. «Уединенное»). Русские интеллектуалы даже любят признаваться в «обломовщине»; ср. у того же Розанова: *Дойти до книги и раскрыть ее и справиться для меня труднее, чем написать целую статью (...)* я вечный Обломов. (...) *Из Шопенгауэра (...)* я прочел тоже только первую половину первой страницы (...): «Мир есть мое представление»... «Вот это хорошо, — подумал я по-обломовски. — “Представим”, что дальше читать очень трудно» (В. В. Розанов. «Смертное»). Ср. также фрагмент интервью с журналистом М. Соколовым: «Может быть, для русских вообще характерна большая любовь к комментарию, чем к факту? У нас идея ценится больше, чем информация». — «Идея у нас действительно ценится. Но я думаю, что это скорее

тура допускает и философское оправдание лени. Она не только глубоко впитала комплекс экклезиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности и о птицах небесных, которые не жнут и не сеют; ср. *Оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем* (Экклезиаст 2, 11). Она еще и интерпретировала их как апологию бездеятельности. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о ее экзистенциальном смысле, как хлопотливый Кочкарев из гоголевской «Женитьбы»: *И спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает?* В этом контексте бездеятельность может восприниматься как проявление высшей мудрости, а лень — чуть ли не как добродетель.

---

*проявление русской лени. Концепцию складывать легче, нежели наблюдать факты. "Не путайте меня фактами!"». (...) — «Вы для многих тоже ассоциируетесь с обломовским типом». — «Я люблю лежать на диване» («Итоги», 28.01.97).*



И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев

## РУССКОЕ «ЗАОДНО» КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ\*

Сходим в баню, заодно и помоемся.

(Русская поговорка)

Большинство двуязычных словарей не может удовлетворительно решить проблему перевода русского слова *заодно*. Если для наречия *заодно 1* (*Заодно с правом порядком, Мы с ним заодно*) предлагаемые переводы хотя бы более или менее передают общий смысл, то едва ли возможно на основе двуязычных словарей составить сколько-нибудь адекватное представление о значении *заодно 2*<sup>1</sup> (*Если пойдешь на почту, купи заодно хлеба*).

Как мы постараемся показать, это обстоятельство связано не столько с несовершенством существующих словарей, сколько с тем, что *заодно 2* (далее просто *заодно*) в высшей степени специфично для русского языка. С ним связана определенная установка, или жизненная стратегия, весьма характерная для носителей русского языка (в этом отношении *заодно* может соперничать со знаменитыми *авось* и *небось*). Конечно, такая позиция может быть свойственна и носителям других языков, но именно в русском языке мы находим слово, выражающее ее в концентрированной форме. Реконструкции этой стратегии на основе данных русского языка и посвящена настоящая статья.

---

\* Опубликовано в журнале «Русская речь». № 2. 1996.

<sup>1</sup> Точнее говоря, список значений *заодно* выглядит, с нашей точки зрения, так:

*Заодно 1.* — ‘действуя сообща’ (*заодно с правом порядком*);

*Заодно 2.1.* — ‘вместе с другим действием, в целях экономии усилий’ (*Зайди заодно в булочную*);

*Заодно 2.2.* — ‘как побочный незапланированный результат некоторого другого действия’ (*Второпях заодно и мою ручку засунул к себе в портфель*).

Это последнее значение близко к рассматриваемому, однако в основе его лежит не идея экономии усилий, а представление о том, что человек, напротив, не рассчитал силы, так что в сфере его действия попало большее число объектов, чем он планировал. Ср. *Вид безмятежно существующей Австралии вызвал у него ярость. Вот тебе! Он дернул карту и вырвал пятую часть света вместе с Новой Зеландией. Заодно и Филиппины треснули* (Т. Толстая).

В русской речи постоянно встречаются такие высказывания как: *Ты все равно встанешь, зажги заодно свет; Ходил за продуктами, заодно и водки купил; Имей в виду, я много воды грею для уборки. Оставшиеся постираю кое-что для себя и Кати. Давай заодно и все свое грязное* (Б. Пастернак). В высказываниях такого рода имеется в виду, что есть некоторый результат, который является желательным, но не настолько, чтобы оправдать усилия, направленные исключительно на его достижение. Однако поскольку субъект все равно решает некоторую смежную задачу, он может достичь желаемого результата, почти не потратив дополнительных усилий. Не стоило бы вставить специально ради того, чтобы зажечь свет, но проходя мимо выключателя, повернуть его совсем нетрудно.

Упомянутые слова *специально* и *ради* выражают в известном смысле противоположную идею. *Специально ради чего-то* означает 'именно и исключительно с данной целью', которая тем самым, очевидно, обладает в глазах субъекта высокой ценностью. Многие вещи человек не стал бы делать *специально*, но готов сделать их *заодно*. И даже в каком-то смысле делает их именно потому, что большая часть необходимых усилий все равно уже затрачена. Очень естественный контекст для *заодно* — это слово *так*; ср. — *Зачем ты постирала мою рубашку?* — *Да я так, заодно, все равно стирала.* (См. [Пеньковский 1995]).

Близкие к *заодно* по значению слова *кстати* и *попутно* (ср. *Пойду куплю газету. Кстати (попутно) посмотрю, открыта ли химчистка*) не содержат идеи мотивировки действия, их употребление предполагает лишь представление о том, что надо рационально организовать свою деятельность. Ср. неестественное — *Зачем ты постирала мою рубашку?* — *Да я так, кстати (попутно).* Не случайно именно *кстати* и *попутно*, в отличие от *заодно*, нередко используются в качестве метатекстовых показателей (ср. *заметим кстати* или *попутно отметим*).

Таким образом, можно предложить следующее толкование для выражения *Делая Q, X заодно делает P*: 'принимая во внимание, что большая, или по крайней мере значительная, часть действий, которые необходимо выполнить, чтобы сделать P, будет или уже была выполнена для осуществления Q, X принимает решение сделать также и P, которое при иных обстоятельствах, возможно, не стал бы делать или отложил бы.'

Можно выделить несколько наиболее характерных типов ситуаций, с которыми связывается русское *заодно*. Прежде всего, это ситуация побуждения к действию. Здесь можно выделить две разновидности. Ср., с одной стороны, *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба* и с другой — *Сходи, пожалуйста, за хлебом, заодно воздухом подышишь*. Если в первом случае говорящий убеждает адресата совершить некоторые действия, ссылаясь на то, что тому это совсем нетрудно, то во втором говорящий соблазняет адресата возможностью без дополнительных усилий получить приятный для того результат. Этот тип аргументации представлен и в эпиграфе.

Ср. также следующий пример с характерной неоднозначностью *Приходи ко мне послезавтра в шесть, от меня поедем. Обсудим и устроим твои дела. Заодно*

но *развлечемся* (А. Рыбаков). При первом понимании говорящий побуждает адресата приехать для обсуждения дел, прельщая его возможностью попутно развлечься. При втором — сулит возможность разрешения жизненно важных для адресата проблем, одновременно уговаривая не отказывать себе в небольших удовольствиях. При обоих пониманиях развлечения оказываются иерархически менее значимыми, чем перспектива трудоустройства. Интересно, что фраза остается правильной и при перестановке компонентов, сохраняется и возможность двоякого осмысления, однако в этом случае меняется иерархия ценностей: удовольствие становится важнее карьеры.

Более сложная стратегия реализуется в примерах типа *Хлеба еще немного есть, специально не ходи, если только заодно, когда пойдешь гулять*. Говорящий хочет умерить энтузиазм адресата или заранее умалить его заслуги, щадя его, а может быть, боясь оказаться у него в долгу.

Несколько иные функции имеет слово *заодно* в тех случаях, когда говорящий описывает собственные действия. Это слово позволяет преуменьшить, в тех или иных целях, заинтересованность говорящего в результате действия; ср. *Ходил за продуктами, заодно и водки купил; А я слышу — у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду, выпью и заодно расскажу, как мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба...* (Вен. Ерофеев). Поэтому, например, если говорящий жалуется на свою тяжелую жизнь, то это слово неуместно; ср. странное *\*Совсем замоталась: с утра нужно было тащиться в собес, потом в сберкасса, в паспортный стол, да еще надо было заодно в прачечную зайти*.

Если речь идет о третьем лице, то функции *заодно* могут быть разными в зависимости от эмпатии, оценки ситуации и т. д. Ср. следующие примеры: *Вызвал Борис Иванович Сергея Сергеевича по какому-то делу и сперва обсудили само это дело, а уж потом, как бы заодно, Борис Иваныч и сообщил: «Да, Сергей Сергееч, забыл тебе совсем сказать: тут на тебя кляуза пришла от этого твоего конкурента, черт бы его побрал»* (В. Войнович). Как бы указывает здесь на желание Бориса Иваныча исказить реальное соотношение значимости двух вопросов и представить дело так, будто не кляуза являлась подлинной причиной вызова. Ср. также *У меня была няня Луиза Генриховна. Как немке ей грозил арест. Луиза Генриховна пряталась у нас. То есть попросту с нами жила. И заодно осуществляла мое воспитание. Кажется, мы ей совершенно не платили* (С. Довлатов). Этот пример замечателен тем, что интерпретация действия как осуществляемого *заодно* влечет за собой совершенно конкретные финансовые последствия.

Жизненная позиция, выражаемая словом *заодно*, хорошо согласуется с той особенностью русской ментальности, которая отражается в глаголе *собираться*. В работе [Зализняк, Левонтина 1996] отмечается, что русское *собираться* имеет ряд особенностей, отличающих его от русских синонимов *намереваться*, *намерен* и т. д. и европейских эквивалентов. В частности, в значении *собираться* есть элемент процессности, благодаря чему этот глагол может употребляться в кон-

текстах типа *сижу и собираюсь ей позвонить, целый час лежу и собираюсь встать*. Ср. при этом неправильное \**сижу и намереваюсь* (намерен). В большинстве случаев имеется в виду некоторый совершенно метафизический процесс, не имеющий осязаемых проявлений. Итогом его, собственно, и является совершение действия. Характерно, что форма совершенного вида *собраться* часто используется фактически в значении 'сделать'; ср. *Извините, что только сейчас собрался вам позвонить. Не собрался* означает 'собирался, но не сделал'. Одна из самых характерных фраз русского языка — фраза *Собираюсь, да все никак не соберусь*. Таким образом, «собираение» рассматривается как наиболее важный этап действия, который может представлять действие в целом.

В той же работе отмечается, что переживание намерения как процесса, отраженное в русском *собраться*, согласуется с расхожим представлением о русском национальном характере, состоящем в том, что русские «долго запрягают». Отсутствие в характере человека такого свойства осознается как его яркая индивидуальная особенность и характеризуется при помощи специального выражения — *легкий на подъем*. *Заодно* добавляет новый штрих к этой картине: ведь раз самое трудное в действии — это *собраться*, то коль скоро человек *собрался*, то уже можно считать, что дело сделано, и человеку, в сущности, уже почти все равно, сколько дел делать. На того, кто непостижимым образом сумел приступить к активной деятельности, можно наваливать любое количество дел, все они будут делаться *заодно*.

Это согласуется с другим расхожим представлением — о крайностях русской души: все или ничего. Человек либо вообще ничего не делает, либо, если уж начал, может свернуть горы. Ср. былинный образ богатыря, который полжизни присидел на печи, а потом встал и всех победил.

С другой стороны, поскольку *собраться* так трудно, мало что стоит делать *специально*. Почти обо всем можно сказать, что *лень*, или *неохота*, или просто «Да ну». Однако стоит представить действие как осуществляемое *заодно*, и его совершение будет оправдано и даже будет казаться, что не совершить его было бы просто глупо. С другой стороны, первое действие в свою очередь оправдывается возможностью *заодно* сделать и еще что-то.

Эта логика продемонстрирована в рассуждении Л. Я. Гинзбург: *Человек ходит без дела по улицам, и ему кажется, что он теряет время. Ему кажется, что он теряет время, если он зашел поболтать к знакомым. Ему больше не кажется, что он теряет время, если он может сказать: я воспользовался вечерней прогулкой, чтобы зайти к NN, или — я воспользовался визитом к NN, чтобы наконец вечером прогуляться. Из сочетания двух ненужных дел возникает иллюзия одного нужного. Этот пример интересен тем, что Л. Я. Гинзбург выражает свою мысль не идиоматично (по-русски не очень естественно звучит *Воспользовался прогулкой, чтобы навестить...* и необычайно характерно что-то вроде *Пошел прогуляться и заодно навестил...*), считая, что речь идет о человеческой природе вообще, между тем как в действительности описанная ею установка скорее реализует жизненную позицию, заключенную в русском *заодно*.*

# ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ

---

И. Б. Левонтина

## ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАД ГОЛОВОЙ\*

Для указания на соответствие между содержанием речи и действительностью в русском языке существуют слова *правда* и *истина* (vs. *ложь*). Точно так же при оценке жизни человека и его поступков отрицательному термину *зло* противопоставлены два положительных — *добро* и *благо*; ср.: *На зло нужно отвечать добром*; *Способность забывать — это зло или благо?*

На первый взгляд кажется, что пара *добро—благо* сродни паре *правда—истина*. В обоих случаях первое слово является стилистически нейтральным, а второе — слегка книжным; можно предположить, что и семантически первый член каждой пары воплощает наивно-житейский вариант соответствующего концепта, а второй — его абсолютизированный вариант.

Однако в действительности смысловые противопоставления в парах устроены совершенно по-разному (см. [Арутюнова 1991] с дальнейшей библиографией, [Левонтина 1997д]).

Как известно, *правда* индивидуальна, относительна и множественна (*У каждого своя правда*; *От вчерашних правд // В доме смрад и хлам* (М. Цветаева) и т. п.), а *истина* абсолютна [Арутюнова 1991]. *Правда* не перестает быть *правдой* из-за того, что по тому же поводу существует *другая, третья* и т. д. *правда*. *Истина* же для каждого случая только одна, и если их две, то, значит, по крайней мере одна из них ненастоящая.

С этой точки зрения вторая пара устроена зеркально. *Добро* абсолютно, а *благо* относительно.

*Добро* признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека: в современном языке невозможно *\*добро для него, \*его добро*. Ср. устаревший пример: *Ревнуня к общему добру* (А. Пушкин). *Благо* же, напротив, всегда кому-то «адресовано», ср.: *его благо, общее благо*; *Да и куда пошел бы теперь доктор? Ради его собственного блага нельзя его сейчас отпускать никуда одного* (Б. Пастернак). Ср. также: *Такая женщина — требовательная и насмешливая — благо для него*. И то, что для одного человека будет *благом*, для другого может оказаться *злом*.

*Благо* в отличие от *добра* привязано также к ситуации. Это не всегда то, что действительно хорошо, а часто то, что в данном случае лучше, даже если само по

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке». М., 1995.

себе это и плохо. Ср.: *Развод в этой ситуации — благо* (ср.: зло, но не \*добро); *В этом случае благом будет меньшее зло; Ты — благо гибельного шага. // Когда житье тошней недуга* (Б. Пастернак); *И когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы* (Он же).

В современном языке невозможно говорить о *благ* вообще, безотносительно к конкретному случаю, ср. устаревшие примеры: *Негодование, сожаленье, // Ко благу чистая любовь* (А. Пушкин); *...для души // Высокой и ко благу страстной* (Ф. Тютчев). Ср. также современный стилизованный пример: *Я выпил, оттаял и стал сентиментальным. Мне захотелось плакать от тепла, печного и человеческого, от раскаяния в дурном и алкания блага* (Воспоминания о Вен. Ерофеев — И. Авдиев. «Память минувшего»). О *добре* же очень часто говорят вообще, как о таковом, хотя оно противится обобщению и рационализации. Ср.: *Кающийся грешник хотя бы на словах разделяет добро и зло* (С. Довлатов); *Никакое конкретное частное определение морального поступка из общей формулы добра получить невозможно. Такой формулы просто не существует* (М. Мамардашвили).

В своем релятивизме *благо* аналогично *правде*, и это сближает их со *справедливостью* и *пользой* — временными, конъюнктурными ценностями. Поэтому поиск *правды* и действия *ради общего блага* могут быть агрессивны и опасны для других людей. «Правда превращает “борьбу против” в “борьбу за”, а своих врагов — во врагов правды. Истине служат жрецы религии и науки, правде — борцы и защитники угнетенных. Истина требует жертвы собой, правде приносят в жертву себя и других» [Арутюнова 1991: 27]. *Общее благо (благо народа, государства, родины, всех людей, а также знаменитое благо человека)* тоже часто становится знаменем диктаторов. Об этом говорится в четверостишии И. Губермана: *Во благо классу-гегемону, // чтоб неослабно правил он, // во всякий миг доступен шмону // отдельно взятый гегемон*. Вообще слово *благо* активно используется в языке политики, которая оперирует относительными ценностями, хотя часто пытается выдать их за абсолютные. Ср.: *Чего хотим мы? Блага, счастья России. Достижение новой жизни, жизни лучшей, без жертв невозможно потому, что у нас нет времени медлить — нам нужна быстрая и скорая реформа* (А. Солженицын); *Мир на Ближнем и Среднем Востоке — это благо для всех* (М. Горбачев).

В основе представлений о *добре* и *истине* лежит ориентация на иную ценностную шкалу, на иного субъекта оценки, чем у представлений о *благ*е и *правде*. *Правда* и *благо* связаны с человеческим судом, с точкой зрения людей вообще или даже отдельного человека. *Истина* и *добро* воплощают высшую, божественную точку зрения на мир. Наряду с *красотой* они являют собой абсолюты бытия и образуют краеугольные камни почти любого мировоззрения. Представление об *истине* составляет основу рационального постижения жизни, идея *добра* лежит в основе морали, а идея *красоты* — в основе эстетики.

Однако на эти слова можно посмотреть и под иным углом зрения. С другой стороны, *правда* в отличие от *истины* связана не столько с соответствием высказывания действительности, сколько с искренностью, т. е. с намерениями человека. Конечно, можно *случайно сказать правду* (*Вот так врешь, врешь, да ненароком и правду соврешь*), но это крайне нетипичный контекст употребления данного слова. Об искренне заблуждающемся человеке обычно не говорят, что он *искажил правду*. При этом *погрешить против истины* в равной степени можно и злонамеренно, и по ошибке.

С намерениями связано и *добро*, тогда как *благом* может оказаться и то, что сделано не из добрых побуждений. Идея *добра* опирается на непосредственное нравственное ощущение, ср.: *А для того, чтобы делать добро, его принципиальности недоставало беспринципности сердца, которое не знает общих случаев, а только частные и которое велико тем, что делает малое* (Б. Пастернак). Можно сказать *творил добро, сам того не замечая*, но это не означает, что нечто было сделано случайно, без доброго намерения. Это будет значить, что желание сделать что-то хорошее другому человеку настолько естественно для кого-то, что он просто не придает значения своим многочисленным добрым делам. Подобно тому как *правда* связана с *правдивостью*, *добро* ассоциируется с *добротой*. Можно сказать: *Этот человек просто излучает добро*. Сочетание *\*делать себе добро* парадоксально, поскольку *добро*, как и *правда*, всегда связано с отношением к другому человеку (ср. при этом нормальное *действовать себе во благо*).

*Добро* всегда творит человек, а *благом* может быть нечто, не имеющее отношения к деятельности человека, ср.: *Пожар оказался благом для него: в результате стресса к нему вернулась память*. В этом отношении *добро* также аналогично *правде*, которая всегда говорится человеком человеку о человеческих делах, ср. невозможность *\*правды об атомах и молекулах* [Арутюнова 1991: 26]. *Истина* же затрагивает любые области мироздания.

*Добро* уже есть, присутствует в человеке, и он только открывает его в себе. Поэтому *добро* скорее статично, и оно в каком-то смысле не создается, а обнаруживается, тогда как *благо* динамично и устремлено в будущее, никогда не существует, а всегда осуществляется. Поэтому *благо* так часто выступает в контекстах целеполагания, хорошо сочетается с целевыми предложениями и само образует предложные сочетания *на благо* и *во благо* с целевым или бенефактивным значением. Когда человек *делает, творит добро*, это значит, что он переносит то *добро*, которое в нем есть, вовне, в мир. Точно так же и тот, кто *ищет правду, добивается правды*, на самом деле хочет внести свою, внутреннюю *правду* в мир, в жизнь.

*Благо*, как и *истина*, — оценка объективного положения дел, его интерпретация: *Я, признаться, в этом переселении не вижу большого блага* (Л. Гинзбург). Поэтому если *добро* обычно не используется в контексте таких слов, как *оказаться, считаться* и т. п., то для *блага* подобные употребления типичны. С другой стороны, если речь идет о поступках человека, то говорят *делать добро, творить добро*, потому что *добро* заключено в самом поступке человека, в его

побуждениях. Нельзя в современном языке сказать *\*делать благо*, *\*творить благо*, так как *благом* может считаться не сам поступок, а то положение дел, которое объективно сложилось в результате. Ср. устаревший пример: «Удались от зла и сотвори благо», — говорил поп попадье (А. Пушкин).

Если индикатор *правды* и *добра* внутри человека, то *истина* и *благо* — вне его. Поэтому они могут ассоциироваться с чем-то холодным и враждебным человеку. Человека могут побуждать *ради его же блага* или *ради истины* сделать то, что противно его душе. А *добро* и *правда* всегда в гармонии с человеческой природой.

Таким образом, по признаку «абсолютность/относительность» *истина* и *добро* противопоставлены *правде* и *благу*, а по признаку локализации внутри человека или вне его *правда* объединяется с *добром*, а *истина* — с *благом*. Получается, что для разума гарантией абсолютности является внеположенность человеку, объективность, а для души, наоборот, гарантией абсолютности может быть только максимальная субъективность, ибо нравственный закон, как говорит Кант, внутри нас.

Интересно, что если статичность *добра* связана с тем, что оно внутри человека с его не ошибающимися сердцем и совестью, то аналогичная статичность *истины* определяется ее положением как раз вне пристрастного и заблуждающегося человека.

Важен также вопрос об иерархии ценностей. И здесь пары тоже не симметричны. В паре *добро—благо* очевидным образом более высокой ценностью является *добро*, представление о котором образует основу морали, тогда как *благо* имеет утилитарный оттенок и не является достоянием этики. А в паре *правда—истина* вопрос об иерархии не решается столь однозначно. *Истина* — это высшая эпистемическая ценность. Однако *правда* иногда бывает важнее *истины*, поскольку часто человек ценит живое движение души выше, чем любое торжество интеллекта.

Семантическая поляризация и в паре *правда—истина*, и особенно в паре *добро—благо* (здесь степень этой поляризации такова, что синонимы практически ни в каких контекстах не взаимозаменяемы), — достижение в основном последних полутора веков. Раньше различие между членами пар было в основном стилистическим, прагматическим и т. п. Можно сказать, что прямо на наших глазах осуществилось языковое оформление важнейших культурных концептов.



## ПОПРЕЧНЫЙ КУС\*

Одно из характерных и труднопереводимых выражений русского языка — это слова *попрекнуть* (*попрекать*) и *попрек*. Представление о том, что *попрекать* нехорошо, отражено во многих пословицах русского народа: *Своим хлебом-солью попрекать грешно*; *Попречный кус поперек горла становится*; *Сделав добро, не попрекай* и т. д. Что же такое *попрек*?

Это слово обычно употребляется при описании ситуации, когда некто, сделав в прошлом что-то хорошее кому-либо, считает, что теперь он имеет право ожидать от этого человека ответных благодарений, послушания или просто постоянных изъявлений благодарности. Поэтому он напоминает облагодетельствованному о своих подарках, жертвах и т. п. Часто, оказывая такое моральное давление, «благодетель» даже не преследует никакой материальной цели, а просто хочет, чтобы его подопечный «чувствовал» (см. [Булыгина, Шмелев 1994]).

*Попрек* несет на себе печать близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, *попреки* делаются как бы «сверху вниз». Родители иногда *попрекают* детей тем, что отдали им лучшие годы жизни, *попреки* же со стороны детей представить себе гораздо труднее.

Поэтому *попреки* тешат тщеславие попрекающего и больно бьют по самолюбию попрекаемого: «Убедили дядю и в том, (...) что он горд, тщеславится своим богатством и способен *попрекнуть* Фому Фомича куском хлеба» (Ф. М. Достоевский. «Село Степанчиково и его обитатели»).

Особенно интересно и показательно использование этих слов в диалоге, при «выяснении отношений». Обвинение в *попреке* — безотказное оборонительное средство, позволяющее человеку из обвиняемого превратиться в обвинителя. При этом можно подкрепить обвинение в *попреке* одним из двух способов. Можно указать на то, что оказанное благодеяние не столь уж велико. Так, у Салтыкова-Щедрина Евпраксеюшка, усмотрев *попрек* в словах Иудушки, говорит ему: «Какой такой интерес я у вас нашла? Окромя квасу да огурцов...». Далее дискуссия развивается в этом направлении: «Ну не один квас да огурцы...» — не удержался, увлекся, в свою очередь, Порфирий Владимирович. — «Что ж, сказывайте,

---

\* Опубликовано в журнале «Русская речь». 1996. № 5. Здесь печатается в сокращении.

что еще?» — «А кто к Николе каждый месяц четыре мешка муки посылает?» — «Ну-с, четыре мешка! еще чего нет ли?» — «Круп, масла постного... словом, всего...» — «Ну, круп, масла постного... уж для родителей-то жалко стало! Ах, вы!» — «Я не говорю, что жалко, а вот ты...» — «Я же виновата сделала! Мне куска без попреков съесть не дадут, да я же виновата состою!» («Господа Головлевы»). Или же можно дать понять, что благодеяние не столь бескорыстно, например: *Не попрекайте меня вашим хлебом, Валентина Михайловна! Вам бы дороже стоило нанять французженку Коле... Ведь я ему даю уроки французского языка!* (И. С. Тургенев. «Новь»).

Однако при обвинении в *попреке* можно обойтись и вообще без аргументов. Любое напоминание или просто упоминание о сделанном в прошлом добре может при недоброжелательной интерпретации быть названо *попреком*. В этом слове столь сильна отрицательная оценка, что человек, когда ему говорят: *Попрекаешь?!* — немедленно начинает оправдываться, как, например, в следующем диалоге: *«Куска, видно, стало жалко! Куском попрекать стали?»* — *«Я не попрекаю, а так говорю»* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»). Иногда, услышав такое обвинение, человек сразу капитулирует и просит прощения, как в примере из повести И. Грековой: *«Молод ты еще курить. Сам заработай, тогда и кури»*. — *«А, ты меня своим хлебом попрекаешь? Ладно же! Хватит! Не буду у тебя есть!»* — *«Прости меня, Вадик. Виновата. И кури, пожалуйста, только не вредничай»*.

Но уличенному в *попреке* не так легко получить прощение. Скорее всего, собеседник будет еще некоторое время использовать преимущество своего положения, как это делала, например, героиня Салтыкова-Щедрина: *Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. (...) «И чаю мне вашего не надо! ничего не надо! Ишь что вздумали — куском попрекать начали! Уйду я отсюда! вот те Христос, уйду!»* («Господа Головлевы»).

Человек, склонный к языковой демагогии, может использовать обвинение в *попреке* не только как средство обороны, но и как оружие нападения. Бывает, что кто-либо травит любящего человека, изводя его жалобами на жизнь. Когда же тот, пытаясь утешить, говорит: *Ну что ты, я же для тебя...*, — то этим он вызывает град новых претензий: *А, так ты меня еще и попрекаешь!*

Наличие в русском языке глагола *попрекнуть* (*попрекать*) и соответствующего существительного *попрек* не должно быть истолковано как свидетельство особенной склонности русских к унижению ближнего. Как раз наоборот, оно свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как *попреки*, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом. Именно поэтому русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его *попрекают*, и русский язык даже располагает специальными средствами для обозначения этой этически неприемлемой ситуации.

Идея недопустимости *попреков* чрезвычайно органично вписывается в закрепленную в русском языке систему этических представлений.

Главный критерий положительного для русского языка — мера искренности и бескорыстия. Представление о *попреках* вносит новый штрих в эту картину. Оказывается, что, даже сделав нечто хорошее от всей души и без всякой задней мысли, человек может потом все перечеркнуть, бестактно напомнив о сделанном добре. И чем больше хороших поступков человек совершает, тем в каком-то смысле уязвимее его положение, потому что он все время рискует каким-нибудь неосторожным словом навлечь на себя обвинение в *попреках*. Можно сказать, что рисуемая русским языком картина вполне аналогична евангельской идее, что, когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая. Иначе он невольно может оказаться лицемером (Матф. 6, 2—3).

Русский язык особенно строг в этом отношении, ибо в нем совершенно отчетливо проявляется представление о том, что сделать хорошее, а потом *попрекать* — хуже, чем вовсе не делать хорошего или даже делать плохое. В русском языке немного слов, в которых отрицательная оценка была бы столь же убийственной, как в слове *попрек*. Не может быть ничего хуже, чем подарить что-то, а потом требовать за это платы. Этим человек непоправимо отравляет прошлое. Та же идея отражена и во многих пословицах, таких, как *Лучше не давай, но не попрекай*; *Лучше не дари, да после не кори*; *Чем корить, так лучше не кормить*; *Не дай, да не лай* и т. д. В полном соответствии с этим представлением Анна Каренина говорит: *Человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня, (...) это хуже, чем нечестный человек, — это человек без сердца* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

И неважно, сколько хорошего было сделано и сколько времени с тех пор прошло, — человек никогда не может быть уверен, что добро ему окончательно засчитано. Нередко обвинение в *попреке* сопровождается словами *все-таки, в конце концов, рано или поздно* и т. п. Человек говорит: *А все-таки ты меня в конце концов попрекнул*, — как будто он всю жизнь ждал подвоха, не веря в искренность того, кто когда-то помог ему.

Важная черта слова *попрек* — то, что оно может представлять собою интерпретацию какого-либо высказывания, подчас совершенно произвольную. Усматривая в словах человека *попрек*, мы приписываем ему намерение, которого он, может быть, вовсе не имел, и таким образом «лезем к нему в душу». Сочетание ярко выраженной отрицательной оценки и возможности произвола и делает обвинение в *попреке* столь мощным и неотразимым оружием при «выяснении отношений».

Можно сказать, слово *попрек* — это как бы квинтэссенция той бытовой «достоевщины», которую мы после Достоевского привыкли считать характерной особенностью «русской души». Склонность к выворачиванию души наизнанку и постоянные перепады от высот человеческого духа к бездне морального падения, известные всему миру по книгам Достоевского, по-видимому, в утрированной форме выражают важные черты русской языковой картины мира.

## ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ ПУСТОЙ\*

В свое время В. Ходасевич отозвался на тяготы эмигрантской жизни следующим пятистишием: Кто счастлив честною женой, // К блуднице в дверь не постучится. // Кто прав последней правотой, // за справедливостью пустой // Тому невместно волочиться. Обращает на себя внимание то, что в этом небольшом тексте упоминаются сразу несколько слов, выражающих моральную оценку: *честный, прав, правота, справедливость, невместно*. Хотя такого рода слова часто употребляются широко и различия между ними легко стираются, в этом тексте хорошо видно, что все же в них запечатлены разные ценностные представления и что они составляют своего рода иерархию. При этом некоторые из русских слов, служащих для выражения моральной оценки, в высокой степени лингвоспецифичны. Прежде всего это относится к словам *справедливо, справедливый, справедливость* (и, соответственно, *несправедливо, несправедливый, несправедливость*). Во многих других языках мы найдем в словарях в качестве переводных эквивалентов справедливости слова со значением 'законность' или 'честность' (или 'праведность').

### Справедливость vs. законность

В книге «Россия в обвале» А. Солженицын вслед за многими другими авторами отмечает следующую особенность русского мировосприятия:

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь все они непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и еще сегодня не умерла — тяга к живой справедливости.

Противопоставление *справедливости* и *законности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно. В частности, важно, что законность никак не гарантирует справедливости, как это видно из следующего диалога:

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Языки этики». М., 2000.

— Вам как фронтовику пенсия положена, а вы ее не оформляли. Вот оформите — и деньги выplatят по полной *справедливости*.

— Так по *справедливости* я и не должен, — забормотал дед ...я же в обозе, я же и стрелять-то не стрелял, и меня разве что бомбы да если из пушек. Это же тем положено, кто кровь свою отдавал, которые с врагом сражались, когда я пшеничный концентрат возил... Это же им...

— Все, — уронила Зинка. — Готовь бумаги, сама тебя в военкомат отведу. Там разберутся, что тебе положено (Б. Васильев. «Вы чье, старичье?»).

Характерно, что практичная Зина говорит *положено*, а совестливый дед возражает — *несправедливо*.

Это противопоставление настолько укоренено в русском языковом сознании, что в плену его находится даже один из высших государственных чиновников, притом имеющий репутацию честного человека: «Считаю, что нужно действовать по закону — и будет все в порядке. Конечно, обидно, когда попадают в тяжелую налоговую ситуацию хорошие люди. Потому что мы вынуждены брать налог, даже когда чувствуется, что по справедливости не надо было бы. Но закон есть закон» (А. Починок в интервью газете «Аргументы и факты». 1999. № 48).

Следование инструкциям, букве закона зачастую ведет и к прямой *несправедливости*. Именно об этом говорит Глазков в стихотворении о поэтах, которые погибли на фронте, но поскольку они не были членами Союза писателей, имен их нет на мемориальной доске: *Пусть даже проявили героизм, // Инструкций нету, чтоб их слава длилась // — И административный кретинизм // Свершил еще одну несправедливость!* (Н. Глазков. «Мраморная доска»).

Характерна также следующая история, опубликованная о Михаилом Ардовым и наглядно иллюстрирующая противопоставление между живым чувством Радищева, возмущенного несправедливостью, и формально-юридической реакцией императрицы Екатерины II:

*Гумилев рассказывал нам, что где-то в архиве хранится экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» с пометками Императрицы Екатерины II.*

— *Радищев описывает такую историю, — говорил Лев Николаевич. — Некий помещик стал приставать к молодой бабе, своей крепостной. Прибежал ее муж и стал бить барина. На шум поспешили братья помещика и принялись избивать мужика. Тут прибежали еще крепостные, и они убили всех троих бар. Был суд, и убийцы были сосланы в каторжные работы. Радищев, разумеется, приговором возмущается, а мужикам сочувствует. Так вот Екатерина по сему поводу сделала такое замечание:*

— *Лапать девок и баб в Российской империи не возбраняется, а убийство карается по закону* (прот. Михаил Ардов. «Легендарная Ордынка»).

Отметим, что в этой истории Екатерина воплощает подход, хотя и непривычный на русский взгляд, но не лишенный здравого смысла и привлекательности. Обычно же в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости.

*Справедливость* отличается от *законности* тем, что *законность* формальна, в то время как *справедливость* требует апелляции к внутреннему чувству. В этом *справедливость* сближается с *честностью*. Эти два понятия вообще имеют много общего. Например, если два человека за одну и ту же работу получили неодинаковое вознаграждение, можно сказать что это *нечестно* или *несправедливо*. Однако *справедливость* сильно отличается и от *честности*.

### Справедливость vs. честность

*Честность*, подобно *законности*, предполагает обращение к какому-либо (писаному или неписаному) кодексу. Прилагательное *честный* применимо к самым разным ситуациям<sup>1</sup>, однако в нем всегда выражается идея неопороченности, незапятнанности (*честное имя*), а главное — следования определенным правилам (в этом отношении оно напоминает слово *порядочность*). Правила эти могут быть разными: одни — для того, чтобы сказать *Я честная девушка*, другие — для того, чтобы говорить о *честной службе* (ср. также сочетание *честная жена* из цитированного выше стихотворения В. Ходасевича или высказывание *Теперь он, как честный человек, должен жениться*). Этические представления меняются в зависимости от социального или исторического контекста, однако это не значит, что прилагательное бесконечно меняет лексическое значение. Так, скажем, по свидетельству Льва Толстого, в Москве (по крайней мере, в эпоху, описываемую в романе «*Анна Каренина*») слово *честный*, произнесенное с ударением, «означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и то, что они способны при случае подпустить шпильку правительству». Возможны и такие экзотические представления о добропорядочности, при которых можно даже говорить о «честных способах отъема денег», как в следующем примере: *Он перелбрал в голове все четыреста честных способов отъема денег, (...) среди них имелись такие перлы, как организация акционерного общества по поднятию затонувшего в крымскую войну корабля с грузом золота, или большое масленичное гулянье в пользу узников капитала, или концессия на снятие магазинных вывесок* (И. Ильф и Е. Петров. «*Золотой теленок*»); ср. также характерное сочетание *честные контрабандисты* (Лермонтов. «*Тамань*»)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ср. разницу в значении производных прилагательных *бесчестный* и *нечестный*.

<sup>2</sup> Возможны и полностью идеологизированные представления о честности, как в примере из фантастического романа Ю. Долгушина «*Генератор чудес*», печатавшегося в журнале «*Техника — молодежи*» в 1939—1940 гг.: «Что такое честность? Быть честным — значит ли это только говорить правду и не обманывать чужого доверия? Нет, это значит думать правду и верить людям. Это значит видеть мир и людей такими, каковы они есть, и любить их. Это особая система мышления, смелого и простого, свободного от тумана той лживой морали буржуазного мира, что исподволь оболлакивает людей едким налетом неискренности, отчуждения, вражды».

Но в основном круге употреблений самое главное в *честности* — это чтобы все было без обмана: без вранья и без жульничества.

Говорение неправды нарушает фундаментальные постулаты речевого общения между людьми. Поэтому *честность* во многих случаях сближается с *искренностью* и *откровенностью* (ср. выражения *честно говоря* и *откровенно говоря*) и противопоставляется *лживости*.

*Честность* противопоставляется также *жульничеству* (как в высказывании из «Двенадцати стульев»: *Я поступил честно, а они по-жульнически*). *Честный человек* — это человек, который не только не лжет, но и вообще не обманывает и тем более не крадет (ср. в пьесе Даниила Хармса: *Украл я, что ли? Ведь нет! Елизавета Эдуардовна, я честный человек*). В этом же смысле мы можем говорить о *честной игре*, *честной торговле*, *честном заработке*. А если кто-то жульничал, то это значит, что он поступил *нечестно*.

Жульничество нетерпимо не только в коммерции, но и едва ли не в большей степени — в игре, которая должна вестись «по правилам»<sup>3</sup>. И если в жизни «честь выше почестей», то в игре «честная игра важнее выигрыша». Недаром в некоторых видах спорта присуждают особый приз «честной игры»<sup>4</sup>.

Итак, если человек хочет быть *честным*, то он должен заглядывать внутрь себя, проверяя, соответствуют ли его намерения и побуждения требованиям морального кодекса. Если же человек хочет быть *справедливым*, взгляд его должен быть направлен на окружающую действительность.

### Где же справедливость?

Хотя большинство носителей русского языка довольно ясно представляют себе смысл слова *справедливость*, определить это понятие очень трудно. Для него существенна идея суда — реального или метафорического. *Справедливым* мы называем человека, который занимается распределением благ (или наказаний). *Справедливым* может быть учитель, но не ученик, судья, но не подсудимый<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> Связь с ситуацией игры приводит к тому, что в жалобе *Это нечестно!* иногда слышится что-то детское. В свое время бытовала следующая трогательная история. Секретарь якутского обкома, после долгих лет работы секретарем якутского обкома, приехал однажды в Грузию. И вот его привезли на берег моря, было лето, прекрасная погода. Он вышел из машины, осмотрелся, помолчал и горько сказал: «Это нечестно!».

<sup>4</sup> В спортивных изданиях иногда говорят о «призе справедливой игры». Но, по-видимому, это просто неудачный перевод английского названия приза (*fair play*). Игроки могут играть *честно* или *нечестно*, а *справедливым* (или *несправедливым*) бывает судейство.

<sup>5</sup> *Справедливым* (или *несправедливым*) мы называем также вынесенное «судьей» решение и — метонимически — последствия этого решения, как в песне Галича «Репортаж о футбольном матче»: *досадный и несправедливый гол*.

*Справедливость* предполагает иерархичность арбитров: справедливость сама по себе — характеристика действий кого-то, наделенного полномочиями арбитра. Чтобы судить о том справедливы или несправедливы действия «арбитра», говорящий как бы присваивает себе функции «арбитра второй степени»; чтобы судить о том, справедливо ли суждение о справедливости, необходимо быть «арбитром третьей степени» и т. д. [Шмелев 1996]; ср. в этой связи: *Обвинять преподавателей за это в несправедливости — было бы столь же справедливо, как обвинять в несправедливости весь мир* (М. Агеев. «Роман с кокаином»).

*Справедливость* предполагает беспристрастность:

*«Но я не знаю и наших законов. Даже положение о Государственной думе и то прочел кое-как. Какой же я председатель?» — «Председателю Думы нужно вот что: во-первых, голос, он у вас есть, во-вторых, чтобы он не спал, как Головин, внимание нужно, в-третьих, чтобы независимый был, не кланялся ни правительству, ни революции, и чтобы справедливый был...» — «Справедливый?» — «Справедливый: если левые скандалят — выбросить, правые — тоже вон!»* (В. В. Шульгин. «Годы»).

Итак, *справедливость* предполагает, что «судья» принимает решение в ситуации, которое касается распределения благ или наказаний, и говорящий или другой субъект оценки характеризует это решение как адекватное ситуации (ср. [Шагуновский 1996]). Он должен делать это *справедливо*, т. е. давать каждому по потребностям или по заслугам. С разных точек зрения как *несправедливость* оценивается и «уровниловка», и имущественное неравенство. Когда журналист пишет, что суд был *строг, но справедлив*, он хочет сказать, что вынесенное наказание соответствовало тяжести вины (как говорит пословица, *поделом вору и мука*). *Несправедливость* часто понимается очень широко, как неполучение человеком не то чтобы заслуженного, но необходимого; ср. *Полагая, что обедать не обязательно, // Мне в Литфонде // Не дают талонов на обед. // Разве это справедливо? // Нет* (Н. Глазков. «Заявление в Литфонд»).

С другой стороны, *справедливость* подразумевает глубокий и разносторонний анализ ситуации, часто требующий учета разнообразных аспектов и обстоятельств. Далеко не всегда ясно, что является *справедливым*. Можно сказать, например, *это справедливо, потому что...*, *на первый взгляд кажется, что это справедливо, однако...*, *с одной стороны это будет справедливо, это в каком-то смысле справедливо*. Человек может подробно обосновать, что ему представляется *справедливым* и почему, так как *справедливость* весьма рациональна и не обязательно обладает непосредственной очевидностью. Заметим, что именно этим свойством *справедливости* объясняется то, что это слово является типичным инструментом социальной демагогии. Присущий *справедливости* релятивизм проявляется и в том, что зачастую с разных точек зрения *справедливыми* представляются противоположные вещи. Весьма показателен следующий пример из «Архипелага Гулаг»:



Они ушли с вещами в сторону купе конвоя и вернулись с нарезанными буханками хлеба и с махоркой. Это были те самые буханки — из семи килограммов, не даваемых на купе в день, только теперь они назначались не всем поровну, а лишь тем, кто дал вещи. И это было вполне **справедливо**: ведь все же признали, что они довольны и уменьшенной пайкой. И **справедливо** было потому, что вещи чего-то стоят, за них надо же платить. И в дальнейшем загляде тоже **справедливо**: ведь это слишком хорошие вещи для лагеря, они все равно обречены там быть отняты или украдены. А махорка была — конвоя. Солдаты делились с заключенными своею кровной махрой — но и это было **справедливо**, потому что они тоже ели хлеб заключенных и пили их сахар, слишком хороший для врагов. И, наконец, **справедливо** было то, что Санин и Мережков, не дав вещей, взяли себе больше, чем хозяева вещей, — потому что без них бы это все и не устроилось.

Имеет место ситуация, которая вообще изначально *несправедлива*, причем *несправедливость* еще усугубляется воровством конвоя. При этом Солженицын рассуждает о *справедливости* дележки хлеба, как бы становясь попеременно на точку зрения разных участников ситуации, и благодаря этической гибкости слова *справедливо* создается своеобразный эффект — за убедительными в своем роде рассуждениями о *справедливости* слышится бескомпромиссное авторское: *Несправедливо!*

То, что *справедливость* рассудочна и плюралистична, позволяет людям иногда самые неожиданные вещи оценивать как *несправедливые*. Так, героиня «Повести о Сонечке» М. Цветаевой считала *несправедливым* расстаться с человеком, которого она разлюбила: *Потому что, Марина, любовь — любовью, а справедливость — справедливостью. Он не виноват, что он мне больше не нравится. Это не вина, а беда. Не его вина, а моя беда: бездарность. Все равно, что разбить сервиз и злиться, что не железный.*

Однако в речи чаще встречаются не столь экзотические суждения о *справедливости* и *несправедливости*, а, напротив, высказывания, в которых отражается упрощенное, вульгарное представление о *справедливости*<sup>6</sup>. Оно основано на презумпции равномерного воздаяния как «высшей справедливости»: если кто-то кому-то сделал нечто хорошее/плохое, то *справедливо*, чтобы и ему было хорошо/плохо, а «торжество справедливости» приравнивается к восстановлению равенства. Это представление пародируется в следующих задачах из книги

<sup>6</sup> Это особенно характерно для случаев, когда человек как жажду *справедливости* концептуализует то, что в действительности является жаждой мести или тщеславию. Ср.: «Костов!!» — укололо Сталина. Бешенство бросилось ему в голову, он сильно ударил сапогом — в морду Трайчо, в окровавленную морду! — и серые веки Сталина вздрогнули от удовлетворенного чувства справедливости (Солженицын. «В круге первом»); Все же некоторые человеческие слабости были присущи и Степанову, но в очень ограниченных размерах. Так, ему нравилось, когда высшее начальство хвалило его и когда рядовые партийцы восхищались его опытностью. Нравилось потому, что это было *справедливо* (Солженицын. «В круге первом»).

Г. Остера «Ненаглядное пособие по математике»: *У старшего брата 2 конфеты, а у младшего 12 конфет. Сколько конфет должен отнять старший у младшего, чтобы справедливость восторжествовала и между братьями наступило равенство?; Допустим, твой лучший друг дал тебе 9 раз по шее, а ты ему — только 3 раза. Сколько еще раз ты должен дать по шее своему лучшему другу, чтобы восторжествовала справедливость?*

### Страсть справедливости

Особенность русской культуры состоит в том, что в ней существует особое чувство — любовь к справедливости. Справедливость эмоционально окрашена (ср. чувство *справедливости*). Возможны даже такие сочетания, как именно оно: *божественное, возвышающее человека чувство справедливости* (М. Агеев. «Роман с кокаином»). Это хорошо согласуется с тем, что А. Вежбицкая назвала моральной страстностью (*moral passion*), присущей русскому видению мира [Wierzbicka 1992a]. *Справедливость* для человека, одержимого любовью к ней, — уже не релятивная ценность, а нравственный абсолют; она не обосновывается, а ощущается непосредственно. Ср.:

*Я никогда не встречала в таком молодом — такой страсти справедливости. (Не его — к справедливости, а страсти справедливости — в нем.) (...) «Почему я должен получать паек, только потому, что я — актер, а он — нет? Это несправедливо». Это был его главнейший довод, резон всего существа, точно (да точно и есть!) справедливость нечто совершенно односмысленное, во всех случаях — несомненное, явное, осязаемое, весомое, видимое простым глазом, всегда сразу, отовсюду видимое — как золотой шар Храма Христа Спасителя из самой дремучей аллеи Нескучного.*

*Несправедливо — и кончено. И вещи уже нет. И соблазна уже нет. Несправедливо — и нет. И это не было в нем головным, это было в нем хребтом. Володя А. потому так держался прямо, что хребтом у него была справедливость.*

*Несправедливо он произносил так, как кн. С. М. Волконский — некрасиво. Другое поколение — другой словарь, но вещь — одна. О, как я узнаю эту неотразимость основного довода! Как бедный: — это дорого, как делец — это непрактично — так Володя А. произносил: — это несправедливо.*

*Его несправедливо было — несправедно (М. Цветаева. «Повесть о Сонечке»).*

В качестве нравственного абсолюта *справедливость* воспринимается как нечто такое, во что можно *верить*. Существует представление, что справедливость присуща структуре мироздания и составляет один из его высших организующих принципов. Ср.: *Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле (В. Шукшин. «Верую!»).*

Тяга к *справедливости* связана с такой жизненной установкой, когда человек даже в мелочах отвергает «милость», привилегии, удачу и хочет пользоваться

только заслуженными благами и почестями. Эта установка в пародийно заостренной форме выражается в следующем стихотворении Глазкова:

Я с детства не любил лото  
И в нем не принимал участия.  
Я не любил его за то,  
Что вся игра велась на счастье.

Свое удачное число  
Другой вытягивал, как милость,  
Я не хотел, чтоб мне везло,  
А ратовал за справедливость.

Я с детства в шахматы играл,  
Был благородным делом занят.  
И я на то не уповал,  
Что мой противник прозеваает.

И не испытывал тоски,  
Когда сдаваться приходилось:  
На клетках шахматной доски  
Немыслима несправедливость!

(Н. Глазков. «Любимая игра»).

Такая установка иногда осознается как характерное свойство русского человека<sup>7</sup>, ср.: *...но — по справедливости. Я, брат, человек русский. Мне твоего даром не надо, но имей в виду: своего я тебе трюнки не отдам!* (И. А. Бунин. «Деревня»). Конечно, западным людям также бывает свойственно нежелание пользоваться какими-то привилегиями, но мотивировка обычно бывает несколько иной: человек отвергает не столько незаслуженные, сколько незаконные привилегии.

Особая значимость справедливости для русской культуры отражена в следующей статье из «Словаря русской ментальности» под ред. А. Лазари [Lazari 1995] (приводим ее полностью):

### **Справедливость**

JUSTICE

Also the concept of justice/righteousness possesses many common characteristics with 'truth', 'truthfulness', 'sincerity' it goes beyond the boundaries of the meaning of those lexemes. The desire for righteousness is a feeling which, to a great extent, defines the way the Russian perceives the surrounding world. The idea of justice is derived from the teaching of Christianity about truth: *For the righteous Lord loveth*

<sup>7</sup> Многие народы считают, что в жизни очень важна *честность*, но особенно высоко она ценится в протестантской культуре (даже есть специальное выражение — «протестантская честность»). В отличие от *честности*, в требовании *справедливости* часто усматривают нечто, свойственное русским в большей степени, чем другим народам.

*righteousness; His countenance doth behold the upright* (Psalm, 11: 7); *All thy commandments are faithfuls* (Psalm, 119: 137); *Rigtheous art Thou, O Lord, and upright are Thy judgments* (Psalm, 119: 137). Divine law is on a higher level than the justice of man which being based on the human interrelationship is imperfect and incomplete; hence the prejudice of the Russian people towards legal institutions the imperfections of which, by definition, are determined by their human dimension. Cf: Закон; Право.

The greatest authority for a Russian is a just man. The statement 'severe but' is measure of superiors in the army, in civil service, in church, etc.

In the period of totalitarian regimes, the idea of 'justice' was taken advantage of by the communist elite for political objectives — it constituted the same measure of punishments towards the so-called 'enemies' of the Soviet authorities.

Требование *справедливости* можно связать с пресловутым «русским максимализмом». В отличие от *честности*, которая принадлежит «минималистской этике», *справедливость* может быть отнесена к «перфекционистской этике». «Быть честным» означает просто «не жульничать, не обманывать». Быть *справедливым* — значит быть в состоянии осуществить *справедливый* суд, т. е. взвесить все обстоятельства дела, все детали и «воздать каждому по делам его». Ориентация на едва ли достижимый идеал в сочетании с изначально присущим *справедливости* релятивизмом еще больше усиливает демагогический потенциал этого слова<sup>8</sup>.

### Что может быть выше справедливости?

*Справедливость* в русской языковой картине мира входит в ряд основных нравственных ценностей, наряду с *правдой* и *милосердием*:

А душа, уж это точно, ежели обожжена,  
Справедливей, милосерднее и праведней она  
(Булат Окуджава).

В этом отрывке характерно также, что свойство быть *справедливой* может приписываться душе.

Вопрос об аксиологии *справедливости*, о ее месте среди других нравственных ценностей очень сложен.

В некоторых случаях *справедливость* противопоставляется «голой правде» («правде факта») как нечто более важное и глубокое, как в следующем примере из «Идиота» Достоевского, на который наше внимание обратила Т. В. Булыгина.

---

<sup>8</sup> Поэтому для многих людей советского времени характерно настороженное отношение к *справедливости*, которая как и многие другие концепты подверглась идеологическому искажению. Ср.: *В обществе вас оставлять рискованно — надо изолировать. Ну и изолируют. Через военную прокуратуру в Особое совещание. Справедливо ли это? По классической юриспруденции — нет, а по революционному правосознанию — безусловно* (Ю. Домбровский).

Аглая говорит князю Мышкину по поводу его слов об Ипполите: *...Очень грубо так смотреть и судить душу человека, как вы судите Ипполита. У вас нежности нет: одна правда, стало быть, — несправедливо. И пораженный князь отвечает: Это я запомню и обдумаю.*

Сходное восприятие отражено в двестишии Игоря Губермана:

*Нету правды и нет справедливости  
Там, где жалости нету и милости.*

С другой стороны, *справедливость* может восприниматься как ценность низшего уровня. Человек, добивающийся справедливости, может оцениваться либо как бездушный, либо как мелкий.

Это представление об иерархии нравственных ценностей отражено, например, в следующем отрывке, в котором частица *даже* возможна постольку, поскольку *справедливость* понимается автором как нечто заведомо менее важное по сравнению с *милосердием*:

*Милосердия или даже простой справедливости новый нарком не знал и не понимал точно так же, как и все его предшественники, и до сути дела никогда не докапывался. На одном совещании он высказался даже так: есть правда житейская и есть правда высшая, идейная, в данном случае следственная. Для каждого работника органов строго обязательна только она (Ю. Домбровский).*

Ср. также следующие строки, в которых то же слово *даже* ясно указывает на то, что быть *добрым* — нечто большее (более человечное), нежели быть просто *справедливым*: *Желает он казаться, а не быть, // И справедливым, даже добрым кажется (Н. Глазков. «Компьютер»).*

Такое представление, в соответствии с которым гораздо выше *справедливости* доброта и милосердие, преобладает в русской языковой картине мира. Ср. следующий диалог:

— *Что может быть важнее справедливости?*

— *Важнее справедливости? Хотя бы — милость к падшим (С. Довлатов. «Соло на ундервуде»).*

Желание *справедливости* при таком подходе (вообще характерном для С. Довлатова) воспринимается если и не как зло, то, по крайней мере, как нечто, несовместимое с подлинным добром. Прочитируем в этой связи Александра Гениса (статья «Довлатов и окрестности», напечатанная в журнале «Новый мир». 1998. № 7):

*Дело не в том, что в мире нет виноватых, дело в том, чтобы их не судить. (...)  
Если Иешуа у Булгакова — абсолютное добро, то что олицетворяет Воланд?  
Абсолютное зло? Нет, всего лишь справедливость.*

*Идея «воздать» по заслугам настолько претила Сергею, что однажды он вступил в конфронтацию со всем радио «Свобода». (...)*

*К преступлению Сергей относился с пониманием, идею наказания не выносил. Им руководили не любовь, не доброта, не жалость, а чувство глубокого кровного нерасторжимого родства со всем в мире.*

Относительно низкий аксиологический статус *справедливости* можно связать с тем, что эта характеристика не относится к суду последней инстанции. Это и понятно. Оценить решение арбитра как *справедливое* может только суд более высокой инстанции. Поэтому обычно не говорят о *последней справедливости* (ср. такие выражения, как *последняя правота, последняя правда*)<sup>9</sup>. В приведенном выше пятистишии Ходасевича под «блудницей» — *пустой справедливостью* — понимается людское признание, деньги, заслуженная слава. Над этими суетными ценностями стоит *последняя правота*, которую художник ощущает за собою. Ходасевич тут следует за известным пушкинским: *Ты царь, живи один, ты сам свой высший суд.*

Таким образом, в русской культуре прослеживаются две линии. С одной стороны, *справедливость* может быть ниже *милости*, что связывается с характерной русской жалостливостью. С другой же стороны, *справедливость* может и не противопоставляться *милости*. Это связано с особым представлением о *несправедливости*. Человек чрезвычайно болезненно воспринимает, когда по отношению к нему или к кому-то, кому он сочувствует, проявляется *несправедливость*. Причем очень важно, что о *несправедливости* часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви, которое ему *обидно* (об *обиде* см. [Зализняк 2000б]).

А перед этим все ему казалось,  
Что все не так, что все несправедливо,  
И что он очень, очень одинок.

...

Он верил, что его не понимают,  
И огорчался, что летают мухи,  
Что звания народного артиста  
Народному артисту не дают

(Н. Глазков. «На смерть Владимира Николаевича Яхонтова»).

Для русской культуры вообще характерно пристальное, порой даже преувеличенное внимание к нюансам человеческих отношений. В значении многих русских слов сквозит образ человека ранимого, чувствительного до мнительности (ср. о слове *попрек* [Булыгина, Шмелев 1996; Левонтина, Шмелев 1996б]).

Итак, пока *справедливость* основана на объективности, беспристрастности, это ценность низшего уровня. Но она начинает восприниматься как высшая ценность, когда пропитывается эмоциями, прежде всего болью за человека обижен-

<sup>9</sup> Ср., впрочем, выражение *высшая справедливость*, почти синонимичное *высшей правде*.

ного, пострадавшего от несправедливости. Именно таковы — эмоциональны и субъективны — другие несомненные для русского языка ценности: *добро* и *правда* [Левонтина 1995].

Двум конкурирующим этическим иерархиям соответствуют в русской культуре и два человеческих типа — «правдолюбец» и «жалостливец», причем оба они воспринимаются как типично русские и вызывающие уважение.

Отношение к справедливости задает и другие существенные для русской культуры этические противопоставления. Так, Некрасов, создавая образ русской женщины, которой, в частности, *не жалок... нищий убогий — вольно ж без работы гулять*, — противопоставлял его укорененному в культуре представлению о русской женщине, которой нищий как раз «жалок» (то есть она его жалеет, не задумываясь о том, не из-за лени ли он нищий). Двойственному отношению к *справедливости* в русской культуре симметрично и двойственное отношение к *жалости* (см. об этом [Левонтина 1997в]).

Таким образом, сложная семантическая структура слова справедливость, его многообразные и разнонаправленные смысловые связи с другими этическими концептами делают возможным его употребление в таких, казалось бы, разнородных и противоречащих друг другу контекстах, как, с одной стороны, *за справедливостью пустой*, а с другой — *страсть справедливости* и *божественное, возвышающее чувство справедливости*.

О СЕМАНТИКЕ ЩЕПЕТИЛЬНОСТИ  
(Обидно, совестно и неудобно  
на фоне русской языковой картины мира)\*

Один из тщательно разработанных фрагментов русской языковой картины мира представлен группой этических концептов, объединяемых «семантикой щепетильности». Помимо слов *обидно*, *совестно* и *неудобно*, которые будут рассмотрены в данной статье, назовем еще: *грех* (*грех тебе жаловаться*), а также *неловко*, *неприлично*, *неуместно*, *не пристало*, *не подобает*, *не положено*, *не принято* и др., и несколько устаревшие *невместно* и *ззорно*. Все эти предикативы употребляются в безличной конструкции с подчиненным инфинитивом, которая обладает собственной семантикой, позволяющей ей представить этическую оценку как внутреннее состояние субъекта и встроить ее таким образом в акт принятия решения: *мне совестно что-либо делать* означает, что решая, делать это или нет, я обращаюсь к своему ощущению *совестно*.

1. Концепт *обиды* в русской языковой картине мира

Милан Кундера в романе «Книга смеха и забвения» обсуждает специфическую «чешскую эмоцию» *litost*<sup>1</sup>. А. Вежицкая, анализируя эту эмоцию, сопоставляет ее, в частности, с русской *жалостью* [Wierzbicka 1992a: 166—169]. Однако, по-видимому, имеется не меньше оснований для сопоставления ее с другой русской эмоцией — *обидой*, которая, в отличие от *жалости*, до сих пор не была предметом внимания лингвистов. Между тем эмоция *обиды* является специфической именно для русского языка. К этому заключению приводит как собственно семантический анализ слова *обида* и его производных, так и факт отсутствия в западноевропейских языках переводного эквивалента для этого слова.

В русском языке имеются слова *обида*, *обидеться*, *обидеть*, *обижен*, *обиженный*, *обидно* и *обидный*. Все они могут соотноситься с той специфической эмоцией *обиды*, о которой идет речь (и которую мы будем называть просто *оби-*

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Языки этики». М., 2000.

<sup>1</sup> Слово означает приблизительно: «чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию»; родственно русскому *лютый*, т. е. «злой».



да), но кроме того здесь возможны и другие значения, которые следует сразу ограничить. Однозначно выражает эмоцию обиды лишь глагол *обидеться* (и производное от него *обижен* (на кого-то)). Глагол *обидеть* (а также производное от него *обижен* (кем-то)) может обозначать 'каузировать эту эмоцию', но может иметь и более широкое значение 'причинить ущерб', которое реализуется в связанных сочетаниях *Он и мухи не обидит*; *Что ты плачешь, девочка, кто тебя обидел?*; (ср.) и т. п., или близкое к нему значение 'несправедливым образом чего-то недодать, обделить' (*богом обиженный; не беспокойся, ты в обиде не останешься / я тебя не обижу*, т. е. 'ты получишь то, что тебе причитается')<sup>2</sup>; то же значение имеется и у предикатива *обидно* (*разделить так, чтобы никому не было обидно*). Значение поступка, вызвавшего эмоцию обиды, имеет также существительное *обида* (это значение в словарях обычно приводится первым: *нанести обиду, вспоминать прошлые обиды*); существительное *обида* может также выражать значение, соответствующее тому значению предикатива *обидно*, где оно сближается с *жалко* (см. ниже), ср.: *Какая обида, что мы опоздали!* и *Как обидно, что мы опоздали*; то же значение есть и у прилагательного, ср. *обидное недоумение*. Т. е. наиболее многозначными являются существительное *обида* и предикатив *обидно*.

Сказанное можно представить в виде следующей таблицы (значения различаются при помощи условных ярлыков):

Таблица 1

	'обида'	'ущерб'	'жалко'
<i>обида</i>	+	+	+
<i>обидеться</i>	+	—	—
<i>обижен</i>	+	+	—
<i>обидеть</i>	+	+	—
<i>обидно</i>	+	+	+
<i>обидный</i>	+	—	+

Нас будет интересовать прежде всего первое, основное значение, т. е. эмоция *обиды*. Центральным в группе слов, обозначающих эту эмоцию, является глагол *обидеться*. Он имеет три варианта модели управления: *X обиделся*; *X обиделся на*

<sup>2</sup> У глагола *обидеть* есть еще одно «вырожденное» ментальное значение незаслуженно низкой оценки, представленное в употреблении типа *Я его напрасно обидел* (т. е. высказал какое-то негативное суждение, от которого теперь сам отказываюсь) или в иронической реплике *Обижаетесь!*, используемой в диалоге для того, чтобы идиоматическим образом передать мысль, что собеседник недооценивает достоинства говорящего. Это значение отличается тем, что здесь отсутствует эмоция (никто не обиделся).

*Y-a* (за *W*), где *W* — слова или поступок *Y-a*; *X обиделся за Z* (где *Z* — кто-то или что-то *X-у* дорогое). Но совмещение валентностей на *Y-a* и за *Z* невозможно: \**Я обиделся на Ивана за Васю*. Все то же верно для существительного *обида*. Ср. следующие два примера:

- (1) Он сидел за столом один и поднимал голову только для того, чтобы взглянуть на нее, улыбнуться ей. И Вале было *за него обидно*: веселятся за его счет, бросают одного, танец им дороже товарища; (А. Рыбаков. «Дети Арбата»);
- (2) Вспомнила и свою *обиду на его* друзей: пьют, едят за его счет, а его оставляют одного; (А. Рыбаков. «Дети Арбата»).

В этих двух примерах имеется в виду одна и та же ситуация (один и тот же «обидный» случай) — которую, однако, нельзя описать выражением \**Варя чувствовала обиду за Костю на его друзей*. Таким образом, при описании подобной ситуации человек, говорящий на русском языке, должен выбрать и обозначить только какой-то один ее аспект.

Перечисленным выше трем вариантам модели управления соответствуют некоторые модификации в пределах основного значения ('обида'), на которых мы остановимся ниже.

Обратимся теперь к вопросу о том, что же такое *обида*. Прежде всего, это эмоция, возникающая в качестве реакции на поступок другого лица (нельзя обидеться на самого себя или на явление природы — хотя можно, например, рассердиться на самого себя или прийти в отчаянье от плохой погоды). В первом приближении можно сказать, что, *обида* — это жалость к себе, соединенная с *претензией* к другому. *Обида* возникает в том случае, когда другой человек оказал мне недостаточное внимание (не справился о здоровье), уважение (пренебрег моим мнением или просто выразил низкую оценку моих достоинств — например, талантов), доверие (не рассказал мне чего-то важного, не поручил трудного дела, не поверил моему обещанию) и т. д. — недостаточное по сравнению с некоторым «должным» уровнем (внимания, уважения и т. д.)<sup>3</sup>. Так или иначе, я обнаружил, что он испытывает ко мне, условно говоря, меньшую любовь («lack of love», по выражению из [Wierzbicka 1998a]), чем та, которую я в нем предполагал — и которую он, по моим представлениям, мне «должен». Из этого представления о «должном» и возникает идея «несправедливости» (как несоответствия этому «должному»), обязательно в обиде присутствующая — ср., толкование слова *обижаться* в [Иорданская 1970: 19].

<sup>3</sup> По-видимому, центральной здесь является идея недостатка внимания. Согласно М. Фасмеру [Фасмер 1996, III: 100] *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об-* имеет значение 'вокруг, огибая, минуя', ср. *обнести* (кого-то угощением) 'пронести мимо, не дать', *обделить*, *обвесить*. Русская *обида*, тем самым, выросла из идеи 'обделить взглядом, не посмотреть' (т. е. обойти вниманием).

Приведенная выше приблизительная формула фиксирует два полюса в эмоции обиды: жалость к себе и претензия к другому. Эти две составляющие могут присутствовать в обиде в разных соотношениях. В зависимости от того, какая из этих двух идей оказывается в центре, внутри одного значения *обиды* различаются два варианта: *обида за что-то* (имеется в виду, «обидные» слова или поступок) и *обида на кого-то* — ср. варианты модели управления выше.

Здесь имеется еще одно очень важное звено. Недостаток уважения может быть, конечно, выражен прямо («А ты помолчи, тебя не спрашивают» или даже просто «Ты дурак»), но гораздо чаще это является результатом вывода, который производится адресатом «обидного» поступка или высказывания: это то, что «обидчик» *хотел сказать* своим высказыванием, то, *о чем говорит* его поступок. Этот вывод производится на основании общих законов коммуникации, но с точки зрения склонности и готовности его производить люди сильно различаются (соответственно, люди делятся на более и менее «обидчивых»). Как известно, неясные смыслы вообще являются более действенными; с другой стороны, человеку свойственно подменять сказанное явно тем, что из этого, по его мнению следует, даже иногда не замечая этого (ср. [Добжиньска 1990; Гловинская 1998]), поэтому «объяснения», которые часто следуют за обидами, обычно состоят в том, что «обидчик» доказывает, что он не имел в виду выразить тот «обидный» смысл, который вывел «обиженный».

Тем самым *обида* — эгоцентрическое чувство, источник которого в конечном счете коренится в нас самих. Обижаться — это свойство обижаемого; поэтому *обидчивый* человек — это тот, который склонен обижаться (а не наносить обиды — что с точки зрения русской морфологии в той же мере допустимо, ср. *обманчивый* = ‘тот, который обманывает’ — а не ‘тот, который обманывается’).

С другой стороны, обидчивость определяется также степенью зависимости от мнения окружающих, и в этом отношении люди также сильно различаются. Т. е. *необидчивые* люди — это, с одной стороны, люди, которые не предполагают, что их обидают, и не склонны поэтому выводить «обидный» смысл — в отличие от *обидчивых*, которые как бы ждут, что их обидают, всегда готовы к этому, как, например, герой романа Достоевского «Подросток»:

- (3) Я ждал, что буду тотчас *обижен* каким-нибудь взглядом Версиловой или жестом, и приготовился; *обидел* же меня ее брат в Москве, с первого же нашего столкновения в жизни.

С другой стороны, не обидчивы очень высокомерные люди, мнение которых о себе столь высоко, а об окружающих столь низко, что они искренне равнодушны к мнению о себе окружающих, и их *обидеть* таким образом невозможно. Но гораздо более распространено (по крайней мере в русском дискурсе) желание получить даже от случайного собеседника подтверждение своей ценности как личности — ср. знаменитую реплику пьяниц *Ты меня уважаешь?*: если уважаешь, то ты со мной выпьешь, а если не выпьешь, это значит, что ты меня не уважаешь, т. е. ты меня *обидишь*.

Итак, в случае, когда речь идет о взаимодействии между людьми, которых связывают какие-то неформальные отношения, обида — это реакция на *message of indifference*, по выражению А. Вежбицкой [Wierzbicka 1998a], свидетельство безразличия, которое содержится в «обидном» высказывании или поступке или выводится из него адресатом. Однако обида может возникать и при взаимодействии совершенно чужих друг другу людей. Например, человек может обидеться, если кто-то (в том числе, совершенно посторонний) не верит ему или сомневается в правильности сообщаемой им информации. Ср.:

- (4) Вспомнили, как ездили во дворец Фонтенбло и женщина-гид, показывая на кровать Наполеона, сказала о его росте — сто пятьдесят два сантиметра. Герра удивилась, наверное — сто шестьдесят два. Гидша *обиделась* и сказала, что у ее мужа рост сто пятьдесят два сантиметра, а всем известно, что он одного роста с Наполеоном (А. Рыбаков. «Дети Арбата»).

Продавщица может обидеться, если покупатель обругал ее товар (или если она сделала такой вывод из его слов), как в следующем примере:

- (5) — Дайте нарзану, — попросил Берлиоз.  
— Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и почему-то *обиделась*.  
(М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

Продавщица минеральной воды обиделась, потому что в просьбе Берлиоза ей «послышался» упрек (что, мол, она виновата, что у нее нет нарзана). Слово *почему-то* маркирует нетривиальность такого вывода (хотя на самом деле это очень типичный ход мысли «обидчивого» человека).

Заметим, что здесь странно бы выглядело *обиделась на Берлиоза*. Действительно, в этом случае слова «обидчика» воспринимаются просто как сигнал (*message*) из внешнего мира, свидетельство того, что кто-то считает меня хуже, чем я сам считаю — и, как выясняется, хочу, чтобы все так считали. Это, по-видимому, тоже некая константа (или, по крайней мере, широко распространенное свойство) человеческой психики — хотеть, так сказать, чтобы все меня любили; когда человек получает свидетельство обратного, ему неприятно. Хотя в отношении этого свойства люди различаются очень существенно (ср. выше).

Как уже говорилось, *обида* связана с ощущением несправедливости; эта идея в некоторых значениях слова *обида* и его производных выходит на первый план. При этом источники ощущения несправедливости могут быть различными. С одной стороны, как несправедливость ощущается несоответствие ожидаемому уровню «добрых чувств». Особенно часто обида такого рода возникает в случае, когда человек ожидает от другого благодарности — и не находит ее. Эта ситуация достаточно типична, поскольку, как известно, человеку свойственно испытывать добрые чувства к тому, кому он сделал что-то хорошее, и невольно рассчитывать на взаимность. И здесь человек попадает в ловушку, потому что чувство обязанности кому-то, наоборот, является дискомфортным, и оно часто

перерастает в неприязнь (этот факт зафиксирован в поговорке *Доброе дело никогда не остается безнаказанным*).

С другой стороны, чувство несправедливости может быть вызвано тем, что высказанное «обидчиком» негативное мнение об «обиженном» не соответствует его собственным представлениям о себе (и в этом смысле является несправедливым, ср. *несправедливое обвинение*). Ср.:

(6) — Это водка? — слабо спросила Маргарита. Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

Вообще говоря, обида возможна и в том случае, когда обиженный признает справедливость высказанного негативного мнения, но в этом случае действует механизм первого типа: «Если ты меня любишь, то ты не должен был этого говорить, чтобы не сделать мне больно» (заметим: *больно*, а не *обидно*). В связи с этим обращает на себя внимание следующее свойство обиды, которое можно назвать «стереоскопичностью». Дело в том, что обида предполагает одновременность двух различных — и противоречащих друг другу — взглядов на вещи. Она существует лишь до тех пор и в той мере, в какой существуют оба эти взгляда; как только один из них пропадает (т. е. пропадает стереоскопичность), не остается места и для обиды. Два противоречащих друг другу взгляда — это: что «обидчик» меня «любит» и что он меня «не любит» или: что его негативное мнение обо мне «справедливо» и «несправедливо».

Действительно, если человек, с которым меня связывают некоторые неформальные отношения совершил поступок, свидетельствующий, по моему мнению (т. е. согласно произведенному мною выводу), что мое исходное предположение неверно, то чувство обиды — если оно возникает — сохраняется лишь до тех пор, пока это исходное предположение продолжает в какой-то форме быть для меня актуальным, т. е. ровно в течении того времени, пока в моем сознании одновременно присутствуют обе идеи — условно говоря, что он меня любит и что он меня не любит. Дальнейший сценарий может развиваться двумя способами: либо в результате моих собственных размышлений (или «объяснений», просьб прощения, etc.) я убеждаюсь в том, что мой вывод («он меня не любит») неверен; тогда вторая из противоречащих друг другу идей исчезает вместе с обидой (потому что для обиды важен всегда не поступок сам по себе, а то, что «о чем он говорит»), либо я окончательно убеждаюсь в том, что мой вывод был правильным, и тогда аннулируется первая идея — но и обиде тоже не остается места, потому что она оказывается основанной на ложной посылке: «раз ты меня любишь, ты должен», ну а на нет и суда нет. То есть оказывается, что человек чувствует обиду только до тех пор, пока надеется, что она «напрасна». Как только оказывается, что обида «не напрасна», она исчезает. В лучшем случае от обиды остается переживание понесенного ущерба. (Еще раз напомним, что речь здесь не идет о любви в собственном смысле слова, где логика иная.).

В ситуации с негативным мнением также имеется этот стереосокопический эффект. А именно, если я считаю это мнение (например, если кто-то сказал, или, по Грайсу, имплицировал, что я бездарен) просто не соответствующим действительности, и оно нисколько не заставляет меня усомниться в моих достоинствах, то я и не обижусь. Обида возникает только в том случае, если это «несправедливое» (= неправильное) мнение показалось мне отчасти «справедливым» (= правильным), — и длится до тех пор, пока эти оба мнения в моем сознании со-существуют. Если же в результате я пришел к выводу, что «обидчик» был прав, то мое состояние уже не может быть названо обидой (это может быть огорчение, горе, отчаянье, депрессия или злоба, но не обида). Ср. следующий пример:

- (7) — Слава те господи! Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый — балбес и бездарность Сашка!  
 — Кто этот Сашка-бездарность? — осведомился врач.  
 — А вот он, Рюхин! — ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина.

Тот вспыхнул от негодования.

«Это он мне вместо спасибо! — горько подумал он, — за то, что я принял в нем участие! Вот уж, действительно, дрянь!»

{...}

Настроение духа у едущего было ужасно. Становилось ясным, что посещение дома скорби оставило в нем тяжелейший след. Рюхин старался понять, что его терзает. {...} Что же это? *Обида*, вот что. Да, да, *обидные* слова, брошенные Бездомным прямо в лицо. *И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда.* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

*Горе не в том, что они обидные* означает, что обнаружившийся в этих словах «недостаток любви» к нему со стороны Бездомного не так уж огорчает Рюхина: огорчает его сознание собственной бездарности. И здесь уже места для обиды не остается.

«Избыть» обиду можно тремя способами: отомстить, простить и забыть (ср. выражение *не помнить обид*). Христианская этика учит прощать, и, вообще говоря, между близкими людьми это обычно так и происходит — вопреки вышеизложенной логике (ниже будет идти речь о том, чем *простить* отличается от *не обидеться*).

Итак, концепт *обиды* включает в себя следующие компоненты (на метаязыке в духе Вежбицкой).

- (a) другой человек сделал нечто
- (b) этим он сделал мне нечто плохое (= нанес ущерб)
- (c) я считаю, что он не должен был этого делать (= это несправедливо) (потому что он ко мне хорошо относится)
- (d) поэтому мне плохо
- (e) поэтому я чувствую нечто плохое по отношению к этому человеку

Каков коммуникативный статус этих компонентов? Компоненты (а)—(b), по-видимому, принадлежат презумптивной зоне значения. Остальные три относятся к ассерции. При этом собственно чувство обиды складывается из компонентов (d) и (e); все прочие описывают типичную ситуацию ее возникновения (ср. [Иорданская 1970]). Посмотрим, что означает *Я на тебя не обиделся*. Скорее всего, совокупность трех вещей:

- (с') я не считаю, что это несправедливо;
- (e') я не чувствую ничего плохого по отношению к тебе;

а также, по-видимому:

- (d') мне не плохо.

Ср. следующие примеры:

- (8) — А, во-вторых, потому что это вообще невозможно объяснить.  
— Так не бывает, — заявил Виктор. — Вы просто не хотите говорить. Но я на Вас *не в обиде* [= 'не считаю, что Вы не должны были этого делать']. Подписка, разглашение, военный трибунал... (Уппсальский корпус);
- (9) Ее окликнули. Я хотел было повернуться на голос усатого санитара, но мама больно ударила меня по щеке.  
— Не смотри! — прикрикнула она. Я *не обиделся* [= 'не счел несправедливым'], я понял и послушался ее (Уппсальский корпус).

Важность компонента (d) подтверждается, в частности, тем, что именно он оказывается в центре в том случае, когда человек пытается *сделать вид, что обиделся* (а на самом деле ему *безразлично*), ср.:

- (10) И *обида* ее — наигранная. Ни капельки она *не обиделась*. Ей должно быть абсолютно *безразлично*, что происходит у меня в студии (А. Маринина).

Теперь посмотрим, что значит *Я тебя простил*: как представляется, это означает, что я перешел от (e) к (e'), а также, возможно, от (d) к (d') — при том, что компонент (с) мог сохраниться. Возможно даже, что компонент (d') «усиливается» до (d'') 'я чувствую нечто хорошее по отношению к тебе'. Т. е. в прощении мнение о несправедливости может (хотя и не обязательно) сохраняться, но исчезает чувство протеста против нее и вызванное им недоброе чувство к «обидчику».

Обратимся теперь к другим языкам. Русским словам *обидеться*, *обида* может быть сопоставлено два ряда терминов. С одной стороны, это слова: англ. *to offend, offence*, фр. *offenser, offense*, нем. *beleidigen, Beleidigung*, значение которых более точно соответствуют русскому *оскорбить, оскорбление* (а именно это различие и составляет специфику русского концепта *обиды*, см. ниже). С другой стороны, во многих языках имеются слова со значением нанесения физического ущерба, у которых есть производное значение, близкое к русскому *обидеть*, напр.: англ. *to hurt, to wound (smb.'s feelings)*, фр. *blesser* — ср. русское *ранить* в

переносном значении. Сюда же, видимо, следует отнести немецкое *kränken*, *Kränkung* (от *krank* ‘больной’) <sup>4</sup>.

Рассмотрим сначала соотношение между *обидой* и *оскорблением* (речь идет о русском слове *оскорбление*; англ. *offence* не совпадает ни с тем, ни с другим словом, но ближе по значению к *оскорблению*); заметим, что само слово *оскорбление*, в отличие от *обиды*, не обозначает эмоции.

Если оскорбление возникает, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. Русский язык острее реагирует на второе (ср. [Уфимцева 1996] об относительно малой значимости понятия *чести* для современного русского языкового сознания). В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить, так как категория «обидного» определяется *ad hominem*.

Сравним теперь русскую обиду с англ. *offence*, *to offend*. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1998a] предлагает следующее толкование.

I was offended. =

- (a) I felt something bad
- (b) because I thought about someone else (Y):  
«Y did something (Z)  
because of this I know:
- (c) Y doesn't think good things about me
- (d) Y wants me to know this.

А. Вежбицкая сравнивает англ. *offended* с польским словом *przykro*, которое включает в себе лингвоспецифичный концепт, не имеющий эквивалентов в других языках, в том числе в русском (он как бы совмещает в себе значения русских *обидно* и *совестно*: чувствует *przykro* как тот человек, которого обидели, так и тот, который обидел другого; в обоих случаях присутствует компонент ‘кто-то чувствует по отношению ко мне нечто плохое’). А. Вежбицкая пишет: «Очевидно, что концепт *offended* имеет много общего с *przykro*. Общим для них является, грубо говоря, “недостаток внимания” (deficiency of regard). Но, во-первых, в *offended* идет речь о видимом отсутствии “хороших мыслей” о ком-то, в то время как в *przykro* — о видимом отсутствии “хороших чувств”; во-вторых, в *offended*

<sup>4</sup> В любом случае концепт, который можно было бы сопоставить *обиде* в европейских языках, является для них периферийным, доказательством чему является тот факт, что ни одно из перечисленных выше слов (по крайней мере, английского и немецкого языков) не вошло в списки основных имен эмоций: в работах [Mel’čuk, Wanner 1996] (где рассматривается 40 наиболее частотных обозначений эмоций в немецком языке) и [Wierzbicka 1972] (где анализируется 36 слов английского языка). Между тем для русского языка слова *обида* и *обидеться* являются весьма частотными, а соответствующая эмоция — весьма существенной для русского языкового сознания (ср., в частности, включение слово *обижаться* в число 40 «слов со значением чувства», описываемых в [Иорданская 1970]).



обсуждаемый недостаток открыто и намеренно демонстрируется, в то время как в *przykro* он обычно обнаруживает себя помимо воли «обидчика» или выражается им в имплицитной форме» [Wierzbicka 1998a]. Все это верно и для соотношения англ. *offended* с русской *обидой*. Кроме того, в *offended* отсутствует идея несправедливости, которая, как мы видели, очень важна также для *обиды*.

Итак, наиболее специфичным в русской обиде является тот ее вариант, где в центре внимания находится отношение «обиженного» к «обидчику», а именно, упрек в недостаточной любви — по сравнению с некоторым «должным» ее уровнем, представление о котором, возможно, ни на чем не основанное, порождает, тем не менее, чувство несправедливости, из которого и вырастает *обида*.

Обратимся теперь к словам типа англ. *to hurt*, имеющим значение ‘обидеть’ в качестве переносного.

Толкование для английского *to be hurt*, предлагаемое в [Wierzbicka 1998a], в целом приложимо и к русскому *обидеться* (на кого-то).

Y was hurt (by what X had done). =

- (a) Y felt something bad
- (b) because Y thought:
- (c) «X did Z
- (d) I didn't think X would do something like this
- (e) because I thought that X felt good feelings towards me
- (f) (like I feel good feelings towards X)

Различие между английским *to hurt* и русским *обидеть* (которое состоит примерно в том же, что и различие между русскими словами *обидеть* и *ранить* в переносном значении) определяется, в конечном счете меньшей отрефлексированностью этого концепта в английском языке. Во-первых, в *обидеть* — в отличие от *ранить* и *to hurt* — нужное значение является производным и (возможно поэтому) более определенным. Во-вторых, глагол *обидеть* обладает богатыми словообразовательными связями, главная из которых состоит в наличии существительного, обозначающего само чувство, которое обладает определенной автономностью: свою обиду, например, можно *лелеять* и *раздувать* или, наоборот, *подавить*, *заглушить*, *проглотить*; она может *расти* и, наоборот, *улетучиваться*, ее можно *держат* или *забывать* и т. д. (ни у *ранить*, ни у *to hurt* подобных словообразовательных возможностей нет). Наконец, третье и главное: *обида* имеет гораздо более сложную структуру. В частности, чувство *обиды* может наступить с некоторым запозданием, в результате эмоциональной и ментальной «обработки»; иными словами, чувство обиды может в некоторой степени контролироваться сознанием: бывает так, что человек, подумав, решил обидеться (или, наоборот, не обижаться). Что же касается чувств, обозначаемых словами *ранить* или *to hurt*, — это всегда непосредственная реакция на вызывающий их стимул.

Рядом со словом *обида* в русском языке существует весьма близкое по значению слово *досада* (также труднопереводимое). Если *обида* всегда бывает на

*кого-то*, т. е. это чувство к другому человеку, то *досада* может быть только на *что-то*, на какие-то обстоятельства, препятствующие осуществлению желаемого; это может быть, в частности, и другой человек, но в *досаде* он выступает лишь как механическое препятствие. Поэтому *досадовать* можно на самого себя — например, за собственную глупость или неудачливость. Источником *досады* является единичное событие, из которого не выводится никаких следствий — в отличие от *обиды*, где нам бывает важен обычно не сам поступок, а то, что «за ним стоит» (т. е. недостаток любви или уважения). *Обида* соседствует со слезами и слабостью, *досада* — со злобой и агрессией.

## 2. Обидно

Еще более специфичным, чем *обида*, является русское слово *обидно*. Оно имеет несколько значений, одно из которых соответствует эмоции обиды, хотя и в несколько модифицированном виде. Так, можно сказать *Мне обидно, что никто не притронулся к моему салату*, но вряд ли уместно в этой ситуации *обидеться* на гостей (загаить на них *обиду*) — если, конечно, не предполагать в этом поступке специального злого умысла. С другой стороны, несколько странно звучит фраза <sup>5</sup>*Мне обидно, что Иван не поздравил меня с днем рождения* (на Ивана скорее можно было бы в этой ситуации *обидеться*). Естественнее звучит *Мне обидно, что никто из моих друзей не поздравил меня с днем рождения* (и это значит, что мне жалко себя). Т. е. если слово *обидеться* описывает отношение обиженного к «обидчику», то в *обидно* акцент перемещается на состояние обиженного (что соответствует семантике конструкции с безличным предикативом). Фраза *Мне обидно, что Иван не поздравил меня с днем рождения* отличается от *Я обиделся на Ивана за то, что он не поздравил меня с днем рождения* тем, что во фразе с *обидно* в центре моего внимания находится жалость к себе, а во фразе с *обиделся* — упрек к другому. Соответственно, *обидно* допускает управление *за кого/что* и не имеет валентности *на кого*. *Обидно* употребляется в тех случаях, когда личность «обидчика» как таковая меня не интересует.

Чувство, называемое словом *обидно*, возникает, когда подвергается унижению, осмеянию или просто недооценивается что-то данному человеку дорогое (т. е. это либо человек сам, либо другой человек, ему близкий, либо нечто, ему дорогое), т. е. когда, так сказать, оказываются поруганными его чувства. Частным случаем «чего-то дорогого» может быть и просто совокупность собственных затраченных усилий: *обидно*, если они оказываются неценными, т. е. затраченными *напрасно*.

У слова *обидно* имеется также другое значение (*обидно* 2), где оно смыкается с *жалко* (*жалко* 2)<sup>5</sup>, ср.: *Обидно/жалко было бы упустить такую возможность*,

<sup>5</sup> Первым значением у слова *жалко* естественно считать то, которое связано с чувством жалости: *жалко бездомную собаку*, см. [Зализняк 1988].

*Обидно/жалко уезжать раньше срока; Обидно/жалко, что не удалось встретиться. Обидно 2 и жалко 2* в этом случае описывают чувство, возникающее при мысли о том, что обстоятельства, сложившиеся некоторым образом, могли сложиться иначе, и это иначе было бы лучше. Как в *обидно*, так и в *жалко* на первый план выступает идея возможности осуществления некоторой положительной альтернативы. Эта идея заложена в самих словах *сожалеть* и *жалко*; в *обидеть* она в готовом виде отсутствует: в безличном *обидно* она появляется из совершенно другого источника — из представления о нарушаемом «справедливом» (и тем самым «нормальном») положении дел.

Между *обидно* и *жалко* сохраняются все же определенные различия. Ср.: *Жалко, что сейчас зима, и нельзя искупаться в реке*, но: \**Обидно, что сейчас зима*. Дело в том, что *обидно* уместно только в случае, когда несостоявшаяся положительная альтернатива представляется более «нормальным» вариантом развития событий, а осуществившийся «ненормальный» вариант — маловероятным, ср.: *Как обидно, что испортилась погода; Обидно, что из-за какого-то пустяка все срывается; Так обидно заболеть в первый день каникул*. Для *жалко* подобного ограничения нет. Таким образом, в безличных *жалко* и *обидно* сохраняются различие *сожаления* и *обиды*, состоящее в том, что «смысловым стержнем» *сожаления* является идея «могло быть иначе» (ср. [Зализняк 1988]), а *обиды* — «д о л ж н о быть иначе» (ср. выше об идее «должного» в *обиде*).

Другое отличие состоит в том, что в *жалко* делается акцент на том, что несостоявшаяся альтернатива хороша, а в *обидно* — что состоявшаяся плоха. Поэтому нельзя сказать \**Жалко наткнуться на контролера именно тогда, когда не взял билет* (при том, что с *обидно* подобная фраза звучит нормально).

*Обидно* в конструкции с подчиненным инфинитивом сов. вида сближается по значению с *угораздило* (см. [Зализняк, Левонтина 1996] — с точностью до распределения коммуникативных статусов компонентов. И *жалко*, и *обидно* в сочетании с инфинитивом составляют специфическую для русского языка конфигурацию, не имеющую удовлетворительных эквивалентов в западных языках. Что касается этих слов в других конструкциях, то эквивалентами *жалко* выступают в рассматриваемом значении широко употребительные выражения (англ. *it's a pity*, фр. *c'est dommage*, нем. *Schade*, итал. *peccato* и т. д.); они же используются в качестве эквивалентов для *обидно 2*, т. е. *обидно* переводится на западные языки лишь в той мере, в какой оно синонимично *жалко*.

Заметим, что *обидно 1* и *обидно 2* различаются еще и характером субъекта. Субъект при *обидно 1* (выражающем значение 'обиды'), не может быть опущен (за исключением эллипсиса в ограниченном круге контекстов типа *Неужели тебе не обидно?* — *Конечно, обидно*). Между тем *обидно 2* (как и *жалко 2*) допускает как заполненную, так и незаполненную позицию субъекта-носителя состояния, причем в этих двух случаях выступают разные субъекты. Когда я говорю *жалко отсюда уезжать*, я, конечно, сообщаю о своем внутреннем состоянии (о том же, что и во фразе *Мне жалко отсюда уезжать*), но не только о нем: делая такое

высказывание, я как бы призываю слушателя присоединиться к моей оценке. Таким образом, если формально выраженный субъект выступает как носитель сугубо индивидуальных ощущений, то опущенный субъект выступает как носитель некоего взгляда на вещи, который, как считает говорящий, разделяется другими людьми, находит у них поддержку. В частности, высказывания с таким *обидно* (также, как и с *жалко*) легко присоединяют выражения типа *правда?* (*Обидно, что так получилось, правда?*). *Обидно уезжать раньше срока* можно сказать, в том числе, про другого человека — и тогда это будет значить что-то вроде: 'тебе (ему), наверное, обидно'; или: 'мне на твоём (его) месте было бы обидно'; или: 'всякому было бы обидно' и т. д., т. е. это констатация некоторого «объективно» положения дел.

### 3. *Совестно и неудобно*

Рассмотрим теперь еще два специфических концепта, связанных с *обидой* семантикой «щепетильности» — *совестно* и *неудобно* (ср. выше о польском слове *przykro*, объединяющем русское *обидно* и *совестно*).

Концепт *совести*, будучи одной из важнейших составляющих христианской этики, является в рамках христианской культуры универсальным. *Совесь* выполняет двоякую функцию: с одной стороны, она наделяет человека способностью различать добро и зло, и с другой — руководит поступками человека, направляя их в сторону добра. В языковой картине мира на первый план выступает вторая функция; по выражению Ю. Д. Апресяна, совесть в русской языковой картине мира мыслится как «нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных желаний» и одновременно как «строгий внутренний судья» [Апресян 1995а: 353].

То, что *совесь* может *грызть*, *мучить*, *терзать* и вообще доставлять разные неприятные ощущения постфактум, когда поступок уже совершен (т. е. если совесть выполнила свою первую функцию и не справилась со второй), известно многим языкам. Особенно прочно связываются ощущения, доставляемые совестью, с идеей 'грызть, кусать' (ср. *угрызения совести*, нем. *Gewissenbisse*, фр. *remords*). Специфическим для русского языка является то, что в нем имеется идиоматический способ представить участие совести в процессе принятия решения и в оценке собственных действий как состояние самого действующего субъекта. Это слово *совестно*, значение которого существенно отличается от значения самого слова *совесь*. Рассмотрим его подробнее.

Слово *совестно* сближается, с одной стороны, со словом *стыдно*<sup>6</sup>, с другой — со словом *неудобно*.

*Совесь* и *стыд* образуют в русском языке естественную пару близких и взаимодополняющих понятий, связь между которыми подкрепляется выраже-

<sup>6</sup> О *стыде* см. подробнее [Арутюнова 1997; Булыгина, Шмелев 2000б].

ниями вроде *ни стыда, ни совести*, параллелизмом фраз типа *Как тебе не стыдно* и *Как тебе не совестно*, сходством модели управления у слов *стыдно* и *совестно*, а также их синонимией в ряде контекстов. При этом слово *стыдно* обозначает чувство стыда, относящееся к числу фундаментальных и универсальных человеческих эмоций (см., напр., [Изард 1980]), а слово *совестно* заключает в себе специфически русский концепт и переводится на европейские языки лишь в той мере, в которой оно синонимично *стыдно* — ср. предлагаемые словарями переводы для *совестно*: англ. *to be ashamed*, нем. *sich schämen*, фр. *avoir honte*.

Область пересечения сфер *совестно* и *стыдно* составляют дурные поступки, т. е. действия, осуждаемые нормами морали (ср. [Апресян 1997б: 417]); соответственно, в этих контекстах *совестно* и *стыдно* взаимозаменяемы. Однако у каждого из этих слов есть и собственные, противопоставленные друг другу сферы.

В принципе, в ведении совести находятся поступки, т. е. контролируемые субъектом его собственные действия — в то время как к области стыда относятся самые разные обстоятельства, в том числе вовсе от субъекта не зависящие (как, например, происхождение или произношение); *стыдно* вообще может быть за чужие действия. Так, верить небылицам может быть *стыдно*, но не *совестно* (так как человек при этом обнаруживает свою глупость и только) — а их рассказывать может быть как *стыдно*, так и *совестно* (потому что ложь является морально осуждаемым поступком). *Унижаться пред гордою полячкой* может быть *стыдно*, но не *совестно*. Ср. также следующий пример, где употреблены оба слова, при этом *совестно* может быть заменено на *стыдно*, но не наоборот (именно потому, что употребление слова *совестно* предполагает апелляцию к морали):

(11) — Скажи мне, однако, как твои дела с нею? —

Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — и было *совестно*, а вместе с этим было *стыдно* признаться в истине (Лермонтов. «Герой нашего времени»).

С другой стороны, *стыдно* бывает не обязательно чего-то дурного: это может быть просто нечто интимное — то, что обычно скрывается (в частности, разные обстоятельства, касающиеся тела, а также сильные чувства). *Совестно* ничего этого быть не может (хотя в XIX в. это было не так — ср. ниже).

Значение предикатива *совестно* не полностью соответствует значению существительного *совесть*. Этическая норма, описываемая словом *совестно*, еще строже, предполагает еще бо́льшую «щепетильность»: круг контекстов, когда можно употребить выражение *не позволяет совесть* или *чувствовать угрызения совести*, существенно уже тех, когда уместно употребление *совестно*. Ср. примеры (12) — (14), где замена на выражение со словом *совесть* невозможна или существенным образом меняет смысл:

(12) Когда швейцар снял с меня внизу шинель и я предстал перед ним во всей красоте своей одежды, мне даже стало несколько *совестно* за то, что я так ослепителен (Л. Толстой. «Юность»);

- (13) Ах, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мне давно *совестно жить на свете* (Гончаров. «Обломов»).

*Совестно* может быть пользоваться преимуществами, даже полагающимися «по праву»:

- (14) Теперь же тысячи новых, неясных мыслей касательно одинокого положения их зароились в моей голове; и мне стало так *совестно, что мы богаты, а они бедны*, что я покраснел и не мог решиться взглянуть на Катеньку (Л. Толстой. «Отрочество»).

Слово *совестно* относит к идее *справедливости*, отчасти противопоставленной «праву» и «закону» — см. [Левонтина, Шмелев 2000б].

Интересно, что при очевидной и никогда не затемнявшейся связи *совестно* с *совестью* употребление этого предикатива в XIX и на протяжении значительной части XX в. было значительно шире, чем сейчас, и охватывало значения, никакого отношения к совести, т. е. к морали, не имеющие. Например:

- (15) При нем мне было бы *совестно* плакать (Л. Толстой);  
 (16) Егорушке было *совестно* раздеваться при старухе (Чехов);  
 (17) Через несколько минут вошел Толстой и сказал, что Соллогуб стоит в лакейской и что ему *совестно* войти (С. Аксаков).

Сейчас мы бы сказали, соответственно: *стыдно плакать, неудобно (неловко) раздеваться* и *ему неудобно (или он стесняется) войти*.

Важный тип контекстов, где произошла замена *совестно* на *стыдно*, составляют случаи, когда автором дурного поступка является другой человек (*стыдно за кого-то, стыдно смотреть на что-то*), обнаруживающие своего рода «транзитивность», — примечательное свойство именно чувства *стыда*. Источником для чувства, описываемого словом *совестно* в современном употреблении, могут быть только собственные действия субъекта. Ср. следующий пример:

- (18) Но после несчастного вечера мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной вине, эта мысль меня не покидала и мешала мне обходиться с ним по-прежнему: мне было *совестно* на него глядеть (Пушкин. «Выстрел»). [Сейчас мы бы сказали — *стыдно*.]

Другие примеры подобного употребления:

- (19) — Тарангас мой! — крикнула она таким болезненным криком, что всем сделалось неловко и *совестно* (Салтыков-Щедрин);  
 (20) ...до того высокопарно, что *совестно* читать (Бунин).

Слово *неудобно* имеет спектр значений, границы между которыми не всегда отчетливы: от «физического» (*неудобно сидеть*) к «практическому» (*неудобно вести семинар в первой половине дня, неудобно сейчас разговаривать*) и далее — к «этическому» (*неудобно его об этом просить, неудобно перед гостями*). Это

слово плохо переводится на европейские языки — причем не только в этическом, но и в двух других значениях<sup>7</sup>. Этическое значение возникает в том случае, когда источником чувства дискомфорта является представление о возможном ущербе для другого лица (тем самым идея «неудобства» здесь присутствует дважды). *Неудобно* в этом смысле отражает ощущение нарушения каких-то норм приличия или правил поведения, обычно довольно сложных и тонких, регулирующих конвенции отношений между людьми (ср. *Мне неудобно его об этом спрашивать, а тебе можно*). Иногда такое *неудобно* сближается с *совестно*, ср. *Мне неудобно/совестно, что ты все время что-то делаешь, а я только сижу и разговариваю*. Тенденция развития русского языка состоит в том, что в такого рода контекстах *неудобно* постепенно расширяет сферу своего употребления, вытесняя собою *совестно*. Таким образом область *совестно* в современном языке сужается с двух сторон (ср. выше).

Во многих отношениях *неудобно* объединяется со *стыдно* и противостоит *совестно*. Словом *совестно* обозначается индивидуальное ощущение человека по конкретному поводу. Это слово не допускает генерализации — ни в отношении субъекта, ни в отношении действия-объекта. Соответственно, *совестно* не допускает опущения субъекта — в отличие от *стыдно* и *неудобно*, которые в этом случае обозначают 'всякому человеку' (для *стыдно*) и 'всякому человеку моей (возрастной, социальной и т. п.) категории' — для *неудобно*. Поэтому можно сказать *Не делай этого. Это стыдно* или *Это неудобно*, но не \**Это совестно*. Не допускает *совестно* и обобщения в отношении действия-объекта. Существует класс поступков, совершать которые *стыдно* (всякому человеку): они называются *постыдными*, — но не существует класса поступков, которые совершать *совестно*. Соответственно, нет и такого прилагательного, которое относилось бы к классу поступков — зато бывает *совестливый человек*. Чувство *совестно* является моим личным достоянием, в то время как *неудобно* объединяет меня с другими. *Совестно* не имеет градаций, а *неудобно*, как и *стыдно*, может быть в большей или меньшей степени (ср.: это *не так* стыдно; мне *очень* перед ним неудобно). *Неудобно* выражает этику отношений между людьми, а *совестно* — этику отношений человека с самим собой.

Близость между *совестно* и *неудобно* основана на общем компоненте, связанном с идеей ущерба, доставляемого другому человеку. Эта идея отсутствует в *стыдно*, где «другой» выполняет весьма важную функцию, но совсем иную (см. [Арутюнова 1997]).

Расхождение между *совестно* и *неудобно* обусловлено тем обстоятельством, что *совестно* всегда соотносится с понятием морали — в отличие от *неудобно*, которое апеллирует к конвенциям межличностных отношений (и при этом не личных, а типизированных). *Совестно* — это непосредственное ощущение, в то время как *неудобно* — результат вывода (ср. аналогичное различие между *рас-*

<sup>7</sup> Наблюдение Е. Н. Саввиной.

*каиваться* и *сожалеть*, описанное в [Зализняк 1988]). Поэтому чувство неудобства может оказаться «напрасным» (если выяснится, что адресат этого чувства не несет никакого ущерба, см. [Зализняк 1990]), в то время как чувство *совестно* не может быть опровергнуто никакими обстоятельствами во внешнем мире (в частности, мнениями или ощущениями других людей). По этой же причине нельзя сказать \**Я подумал, что совестно*, при том, что аналогичное употребление для *неудобно* вполне допустимо, ср.:

(21) Он *подумал*, что даже стуком наведываться к человеку, утомленному дорогой, *неудобно* и навязчиво (Пастернак. «Доктор Живаго»).

*Совестно* может оказаться взаимозаменяемо с *неудобно* — но только в том случае, когда моральные препятствия к некоторому действию не переживаются субъектом сами по себе, а являются основой некоторой поведенческой конвенции (например, спрашивать с вдовы долги мужа кому-то может быть *совестно*, а кому-то — просто *неудобно*).

Автор благодарен А. Д. Шмелеву за ряд необычайно ценных соображений, высказанных в ходе обсуждения проблематики данной статьи.



## ПЛЮРАЛИЗМ ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ\*

Обращая внимание на то, что в языке находят отражение этические представления носителей языка, Ю. Д. Апресян справедливо указывал:

... из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (*над кем-л.*) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогаться*, *показывать* (*свою храбрость*) и *рисоваться* (*своей храбростью*), *жаловаться* и *ябедничать* и др. под. можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: «нехорошо преследовать узко корыстные цели» (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*пресмыкаться*, *подобострастный*); «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки» (*хвастаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); «нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних» (*ябедничать*, *фискалить*) и т. п. Конечно, все эти заповеди — не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов. Отражаются в языке и некоторые положительные заповеди наивной этики [Апресян 1995а: 351].

Интересно, однако, также и то, что далеко не всегда отраженные в языке этические представления оказываются «прописными истинами». Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что извлекаемые из анализа языковых данных (в первую очередь лексических единиц) этические представления могут существенным образом различаться у носителей различных языков.

Соответствующая проблематика была подробно рассмотрена А. Вежбицкой в разделе *Moral Concepts* книги [Wierzbicka 1992a]. Сопоставляя близкие по значению слова, принадлежащие различным языкам (напр., латинское *pietas* и англ-

---

\* Опубликовано в книге «Логический анализ языка: Языки этики». М., 2000.

лийское *piety*, английские *courageous, brave, fearless, bold, daring, reckless* и польские *odważny, śmiały, dzielny, mężny, waleczny*), А. Вежбицкая приходит к выводу, что эти слова отражают различие моральных идеалов, характеризующих разные культуры. Так, положительный оценочный компонент, характерный для польского прилагательного *beskompromisny*, равно как и способность слова *kompromis* легко приобретать отрицательные коннотации, отличает их от их английских квазианалогов *inflexible* (слово, окрашенное скорее отрицательно) и *compromise* (имеющее скорее положительные коннотации).

Среди прочего в данном разделе книги А. Вежбицкая сопоставляет русское слово *смирение* и английское *humility*. Она приходит к выводу, что эти слова соответствуют разным концептам, которые она называет «православным русским идеалом *смирения*» и «христианским идеалом *humility*» соответственно. В соответствии с анализом А. Вежбицкой, главное различие между ними состоит в следующем. *Смирение* предполагает, в первую очередь, готовность человека с благодарностью принять все, что с ним случится, поскольку во всем происходящем видит Божью волю; это может предполагать принятие страданий, насилия, преследований, которым подвергается человек, равно как и его готовность «смириться» со своим «низким» положением, но в фокусе внимания находится не «низкое» положение как таковое, а именно готовность принять его как должное. Если отсутствие стремления к «высокому» положению и предполагается *смирением*, это просто является следствием готовности подчиниться Господней воле. Напротив того, концепт *humility* ставит акцент не на готовности принять чью-то волю и подчинить ей свою волю, а на том, что человек предпочитает быть на последнем месте, не хочет, чтобы его считали лучше других людей, на отказе от пустого тщеславия. То, что Иисус омыл ноги Своим ученикам, может считаться символом именно *humility*, а не *смирения*: он не подчиняет Свою волю их воле, а только не хочет превозноситься перед другими людьми. Для *смирения*, по мнению А. Вежбицкой, в качестве прототипической можно было бы указать другую евангельскую сцену, а именно — моление о чаше в Гефсиманском саду, когда Иисус подчинил Свою волю воле Отца.

Человек, достигший *смирения*, не восстает против чего бы то ни было. Человек, достигший *humility*, не станет восставать против своего низкого положения, против низкого мнения о нем других людей, но он может восставать против каких-то других вещей, которые он считает «дурными». Поэтому идеал *смирения* в своем крайнем выражении чем-то родствен идее непротивления злу, тогда как идеал *humility* в большей степени совместим с западными идеалами индивидуализма, личной независимости, борьбы за свободу и т. п.

С точки зрения А. Вежбицкой, только *humility*, но не *смирение*, является подлинной противоположностью смертного греха «гордости». Впрочем, она соглашается с тем, что *смирение* с «гордостью» несовместимо, но полагает, что речь идет именно о несовместимости, а не о противоположности. Точно так же, по ее мнению, *смирение* несовместимо с бунтарством.

В связи с проблематикой соотношения «смирения» и «гордости» А. Вежбицкая рассматривает слова ряда языков, указывающих на разные виды «гордости». В частности, она описывает английское слово *pride* и французские *fierté* и *orgueil* и приходит к следующим выводам. Характерное для средневекового миропонимания христианское восприятие «гордости» как первого из смертных грехов и источника всех пороков постепенно утрачивает свою роль в европейской системе моральных ценностей. Этому восприятию, как считает А. Вежбицкая, в целом соответствует семантика французского слова *orgueil* (равно как и латинского слова *superbia*, польского слова *pycha* и русской *гордыни*). Те, кто повинен в этом грехе, сосредоточены на самих себе, имеют о себе несоразмерно высокое мнение и неспособны к преклонению перед кем-либо другим. Они свысока смотрят на других, и хотят, чтобы другие люди также признавали их превосходство. Таким образом, употребление слова *orgueil* предполагает отрицательную оценку этого свойства со стороны говорящего.

Иной концепт, по мнению А. Вежбицкой, закодирован во французском слове *fierté*, которое (как и польское *duma*), обозначает чувство человека, который считает, что другие люди должны думать о нем хорошо, поскольку должны знать о чем-то очень хорошем, что с ним каким-то образом связано (о его работе, его детях и т. п.). Внимание такого человека сосредоточено не на собственной персоне, а на том хорошем, что имеет к нему отношение. Хотя *fierté* не входит в разряд добродетелей, это слово, как отмечает А. Вежбицкая, имеет положительную окраску (хорошо, когда у человека есть основания испытывать такое чувство).

Сходную семантику А. Вежбицкая приписывает и английскому слову *pride* (а также русской *гордости*). Однако слово *pride*, по А. Вежбицкой, лишено оценочного компонента, характерного для французского *fierté*, и потому может с равным успехом использоваться как в положительных, так и в отрицательных контекстах.

Как кажется, проведенный А. Вежбицкой анализ раскрывает действительно существующие различия в восприятии «смирения» и «гордости» в различных этических системах. Однако попытка непосредственно связать эти различия с различиями в значении соответствующих слов в разных языках представляется все же слишком прямолинейной.

Так, положению, согласно которому во французском языке слово *orgueil* всегда выражает отрицательную оценку, а *fierté* — положительную, как будто противоречат данные словарей французского языка, в которых, как правило для обоих слов отмечается возможность употребления как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Приведем выдержки из соответствующих словарных статей французско-русского словаря под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триумфа [Гак, Триумф 1991]: *fierté* 1. (*en mauvaise part*) гордость, высокомерие, надменность, горделивость; заносчивость (...) 2. (*en bonne part*) гордость, достоинство; благородство (...); *orgueil* 1. (*en mauvaise part*) гордость, гордыня; высокомерие; надменность, чванство, спесь; самомнение (...) 2. (*en bonne part*) гордость, слава (...).

Несколько иную интерпретацию, по сравнению с предложенной А. Вежбицкой, получает в словарях английского языка слово *pride*. Если А. Вежбицкая считает его оценочно нейтральным и именно этим объясняет его способность использоваться как в положительных, так и в отрицательных контекстах, то словари усматривают у этого слова два значения: «положительное» и «отрицательное». Именно так трактуется слово *pride* в словарях Хорнби [Hornby 1958], Макмиллана [Macmillan 1973], Вебстера [Webster 1988]. Ср. соответствующие словарные статьи:

**pride** 1. too high an opinion of one's own worth, rank, qualities, etc.; conceit; arrogance; haughtiness. *Pride goes before a fall.* 2. a knowledge of one's own true worth and character, preventing one from doing anything base or mean; also *proper pride*. *His pride would not allow him to accept any reward* [Hornby, 1958];

**pride** 1. sense of one's personal worth or dignity; self-respect: *Despite years of poverty, the man had maintained his pride.* 2. exaggerated or unreasonable sense of one's worth or importance: *Ken knew he was wrong, but his foolish pride kept him from apologizing* [Macmillan 1973];

**pride** 1. a) an unduly high opinion of oneself; exaggerated self-esteem; conceit; b) haughty behavior resulting from this; arrogance 2. proper respect for oneself; sense of one's own dignity or worth; self-respect [Webster 1988].

Вызывает определенные сомнения и противопоставление «православного русского идеала *смирения*» «христианскому идеалу *humility*». Можно утверждать, что этический идеал, отраженный в слове *humility*, не чужд ни духу православия, ни русскому языку, в котором может быть выражен посредством того же слова *смирение*. Показателен пример из письма Ал. Толстого к Б. М. Маркевичу от 2 января 1870 г., приводимый в переводе с французского (текст, написанный в оригинале по-русски, дается в разрядку):

*...я не презираю славян, я к несчастью не имею на то права, но считаю, что им подобало бы больше смирения, только не того смирения, которое мы явили в преизбытке и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздыхать возводя глаза к небу: «Божья Воля! Поделом нам, г...ам, за грехи наши! Нетъ батогов аще не от Бога!» и т. д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, дабы покончить с ним. Это — противоположность тому самоуспокоению, которое говорит: «Я горжусь простором русской земли и широтою русской природы, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограничение противно русской природе (ограничение противно!), нам не нужно ни заборов, ни классов! Гуляй душа! Раззудись плечо! (...).»*

Мы видим, что в тексте этого письма слово *смирение* соответствует и тому, что А. Вежбицкая обозначила как «русский идеал *смирения*» (к нему Ал. Толстой относится критически, говоря, что он состоит в том, чтобы вздыхать, возводя глаза к небу: «Божья воля! Поделом нам за грехи наши!»), и тому, что она характери-

зует как «(западно-)христианский идеал *humility*» (по Ал. Толстому, этот «полезный» тип смирения «заключается в признании своего несовершенства, дабы покончить с ним»). Конечно, речь идет о переводе оригинального французского текста, но очевидно, что использование в нем слова *смирение* не воспринимается как парадоксальное, противоречащее его общеязыковой семантике. Заслуживает внимание и то, что употребленное в оригинале слово *humilité* также может обозначать как один, так и другой «идеал» (если, конечно, исходить из того, что Ал. Толстой не погрешил против правил употребления этого слова во французском языке).

Самый простой способ отразить способность слова *смирение* соотноситься с обоими рассматриваемыми идеалами мог бы состоять в том, чтобы постулировать для него два значения, одно из которых соответствует отсутствию гордости и признанию своего несовершенства, а другое — примирению с действительностью и принятию всего сущего. Однако, если мы хотим адекватно описать то, как отражается тема «смирения» в «русской языковой картине мира», полезно будет рассмотреть не только существительное *смирение*, но также и глагол *смириться* и прилагательное *смиранный* (вместе с наречием *смиренно*).

Глагол *смириться* в абсолютном употреблении (восходящем к существительному *мера*) означает ‘перестать быть гордым’, ‘умерить свои претензии’. Это значение вполне соответствует общехристианскому идеалу, который отражается, в частности, в слове *humility*. Характерный пример употребления слова *смириться* в этом значении — знаменитый призыв из «Пушкинской речи» Достоевского: *Смирись, гордый человек!* Это значение современным языковым сознанием воспринимается как книжное или устаревшее. Наряду с этим, глагол *смириться* имеет и другое, обиходное значение, характеризующееся иной моделью управления (*смириться с чем*) и возникшее в результате народноэтимологического сближения со словом *мир* (ср. глагол *примириться*), — ‘примириться с чем-либо, перестать упорствовать, покориться обстоятельствам’ (ср. *смириться с мыслью о смерти*).

Существительное *смирение*, вообще говоря, нормально соотносится лишь с абсолютным *смириться* и подобно ему относительно редко используется в повседневном языке. Использование слова *смирение* в соответствии с обиходным *смириться с чем* возможно лишь окказионально (напр., у Солженицына в книге «Россия в обвале» в ряду характеристик «русского характера» встретилось сочетание *доверчивое смирение с судьбой*). Однако идея «примирения с действительностью» определенным образом окрашивает слово *смирение*, создает у него некий дополнительный семантический ореол. При употреблении слова *смирение* может акцентироваться как идея отказа от гордости, так и идея покорного принятия всего, что ниспосылается человеку. Характерно рассуждение митрополита Антония (Блума):

*Мы привыкли думать о смирении как о состоянии человека, который перестал видеть в себе что бы то ни было, что могло бы вызвать в нем тщеславие, гордость, самодовольство. Но смирение — еще нечто большее: это*

*примиренность до конца, это мир со всем. Это состояние отданности до конца, за пределом страха, за пределом самозащиты; это предельная уязвимость и незащитность. И вместе с тем, это такая открытость Богу, которая дает Ему возможность воздействовать на нас, что бы Он ни захотел с нами сделать, чем бы Он ни хотел, чтобы мы стали. Это готовность, именно по этой примиренности, принять любое унижение или любую славу с одинаковой открытостью, без содрогания и без наслаждения.*

Точно так же и свящ. Александр Ельчанинов, почти в точном соответствии с анализом А. Вежбицкой, писал о смирении не столько как о непосредственной противоположности гордости, сколько как о «лекарстве от гордости», предполагающем принятие мира («послушание»). Поставив вопрос: «Как бороться с этой болезнью [гордостью], что противопоставить гибели, угрожающей идущим по этому пути?» — он отвечал следующим образом:

*Ответ вытекает из сущности вопроса — смирение, послушание объективному; послушание, по ступенькам — любимым людям, близким, законам мира, объективной правде, красоте, всему доброму в нас и вне нас, послушание Закону Божию, наконец — послушание Церкви, ее уставам, ее заповедям, ее таинственным воздействиям.*

Английское *humility* лишено такого дополнительного семантического компонента, указывающего на «послушание», и, вероятно, не могло бы использоваться в рассуждениях такого рода без некоторого семантического сдвига. По-видимому, именно указанное различие семантического потенциала русского слова *смирение* и английского *humility* и создает впечатление того, что в них отражены различные нравственные идеалы. Однако, как видно и из приведенных рассуждений, основным (более «привычным») для идеи, выраженной в слове *смирение*, является тот же общехристианский идеал отказа от гордости, который выражен в слове *humility*. Особенностью слова *смирение* является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примиренности, который, вероятно, можно считать характерным именно для русской языковой картины мира<sup>1</sup>.

Для полноты картины можно было бы упомянуть и прилагательное *смиренный* (и наречие *смиренно*). В целом оно отражает идеал, заключенный в слове *смирение*, и значит ‘негордый’ (с дополнительным семантическим ореолом ‘готовый принять все, что ему будет ниспослано’). Однако в народной речи слово *смиренный* приобрело еще одно значение ‘смирный, кроткий’, иллюстрируемое известными строками Некрасова: *Что ты? с мишкой? — Ничего! Он у нас смиранный*. Однако здесь речь должна идти о некотором относительно стандартном семантическом переносе (от внутренней установки к ее внешним проявлениям), а не об особом (еще одном) нравственном идеале.

<sup>1</sup> Идеал примирения с действительностью можно усмотреть в семантике целого ряда русских языковых выражений (конструкции *Х есть Х*, вводного слова *видно* и др.).

Коснемся вкратце и противоположного *смирению* концепта «гордости», отраженном, в частности, в русском глаголе *гордиться*, прилагательном *гордый* (вместе с наречием *гордо*) и существительных *гордость* и *гордыня*. Здесь целесообразно предварительно провести ряд разграничений. Мы можем говорить о гордости как об актуальном чувстве (когда человек *гордится* чем-то определенным) или как о свойстве его характера или жизненных установок.

Гордость как актуальное чувство возникает в каком-то смысле независимо от воли субъекта и потому практически не подлежит этической оценке как таковое, если не ведет к высокомерному поведению в отношении других людей. Гордость как общая установка безусловно осуждается традиционной христианской этикой, согласно которой она представляет собою первый из смертных грехов, «демонскую твердыню», и скорее одобряется современной секулярной этикой, сближаясь с такими концептами, как *чувство собственного достоинства* («не буду перед ними унижаться!»), — опять-таки при условии, что не питается сознанием своего превосходства и не приводит к высокомерному поведению<sup>2</sup>.

Кратко рассмотрим языковые средства выражения соответствующих этических представлений. Русский глагол *гордиться* имеет два режима употребления. В абсолютивном употреблении он указывает на общую установку или черту характера субъекта, проявляющуюся в его поведении (приблизительные синонимы — *задаваться*, *задирать нос*). Высокомерное поведение не одобряется, поэтому абсолютивное *гордиться* имеет отрицательную окраску<sup>3</sup>. При употреблении для обозначения актуального чувства глагол *гордиться* имеет семантическую валентность, соответствующую причине возникновения гордости и заполняемую творительным падежом или придаточным изъяснительным (с союзом *что*). В этом случае указанное чувство может оцениваться положительно, если говорящий считает причину гордости достаточным основанием для возникновения

<sup>2</sup> То, что в современной секулярной этике высокое мнение о себе самом может никак не осуждаться, если не приводит к третированию других, проявляется в некотором различии оценочного компонента слов *высокомерный* и *надменный* в современном языке. Слово *высокомерный*, указывая на этически неприемлемое поведение субъекта по отношению к другим людям, всегда содержит отрицательный оценочный компонент. В то же время слово *надменный*, которое первоначально выражало еще более уничтожающую оценку (собственно, ‘надутый’), в современном языке может использоваться практически без отрицательной окраски (ср. у Анны Ахматовой: *Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее и проще нас*) — и это, несомненно, связано с тем, что оно делает акцент на внутреннем самоощущении человека, не обязательно предполагая третирование им других людей.

<sup>3</sup> Отрицательная окраска имеет место и в тех случаях, когда в абсолютивном *гордиться* на первом плане не высокомерное поведение, а самопревозношение, которое может до поры до времени никак не проявляться. Характерна пословица, приводимая В. И. Далем [1957: 729]: *Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утонул; а мы гордимся — куда годимся?*

этого чувства (ср. сочетания *по праву гордиться*, с полным основанием *гордиться*, фразу *Вы можете гордиться...*, форму *гордись* и т. п. [Апресян 1997в]).

Прилагательное *гордый* (и наречие *гордо*) также могут описывать актуальную эмоцию (и в этом случае имеет семантическую валентность, соответствующую причине эмоции). Как и в случае употребления глагола *гордиться*, указанное чувство оценивается положительно, если говорящий считает причину гордости достаточным основанием для возникновения эмоции. Если же речь идет о постоянном свойстве субъекта, то оно в некоторых этических системах может оцениваться положительно (такое употребление было характерно для языка советской публицистики; ср. такие журналистские штампы, как *прекрасные, гордые люди*), но традиционной христианской этикой решительно осуждается (известно, что *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*). Как писал свящ. Александр Ельчанинов, «гордый терпит поражение на всех фронтах».

Употребление существительного *гордость* в целом подчиняется тем же закономерностям. Когда речь идет об актуальном чувстве, вызванном той или иной причиной, это может быть *законная гордость*, более того, слово *гордость* может метонимически указывать на причину чувства (ср. *Петя — гордость нашей школы*). Во всех случаях такого рода слово *гордость* окрашено скорее положительно. Если речь идет о постоянной установке, то в системе секулярной этики *гордость* также нередко одобряется, считается необходимой принадлежностью человека, обладающего чувством собственного достоинства, не лишеного самоуважения (ср. *Я могла бы побежать за поворот, / Я могла бы... только гордость не дает*). Напротив того, в традиционной христианской этике *гордость* всегда осуждается, независимо от степени обоснованности, и для того, чтобы подчеркнуть это, иногда используется книжное слово *гордыня*, для которого отрицательная оценка является ингерентным свойством слова (так что само использование этого слова является показателем того, что говорящий следует традиционной христианской этике). Можно упомянуть в этой связи название статьи православной публицистки О. Газизовой «О национальной гордыне великороссов», опубликованной в 1990 г. и явно пародировавшей название известной статьи Ленина «О национальной гордости великороссов». Важно, однако, заметить, что отрицательная оценка гордости в системе христианской этики не является следствием использования слова *гордыня*, она столь же ярко может проявляться и при использовании слова *гордость* (ср. формулировки свящ. Александра Ельчанинова: *главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели* или *Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи*).

Сходным семантическим потенциалом обладают и соответствующие слова английского и французского языков. Так, английское *proud*, по-видимому, лишено оценочного компонента, когда указывает на актуальное чувство, вызванное той или иной причиной (в сочетании *proud of*). В тех же случаях, когда речь идет



о постоянной установке или свойстве характера возможна положительная или отрицательная оценка этой установки. Ср. словарные толкования:

- proud** 1. (in a good sense) Having or showing a proper pride or dignity. *He was too proud to complain.* 2. (in a bad sense) esteeming oneself too highly; thinking oneself superior; haughty; arrogant. *He was too proud to join our party.* ... [Hornby 1958];  
**proud** ... 2. having a sense of one's personal worth or dignity: *He is too proud to beg.*  
 3. having an exaggerated or unreasonable sense of one's personal worth or dignity; haughty: *Harold is a proud, vain man* [Macmillan 1973].

Как видно из толкований, отрицательная окраска возникает у слова *proud*, как правило, в тех случаях, когда связанная с ним самооценка субъекта воспринимается говорящим как необоснованно завышенная. В целом же качество, обозначаемое словом *proud*, скорее поощряется современной англо-саксонской культурой. И особенно характерно употребление этого слова в южных штатах США (напр., в Техасе), где оно может использоваться почти как универсальное слово указывающее на положительные эмоции или дающее положительную оценку какому-либо объекту или явлению. Ср. такие высказывания, как: *I'm mighty proud to see you; Proud to see you looking so well; I'll bet your mother was proud to see you; I'm right proud you-all thought to come; I'm just proud of a chance to help; Then he did a proud thing* или даже *I'd be proud to have my tooth stop hurtin'*.

На французский язык слово *гордый* можно перевести двояким образом: *fier* и *orgueilleux*. При этом слово *fier* может указывать и на постоянное свойство субъекта, которое может оцениваться как положительно (*avoir l'âme fière*), так и отрицательно (*Depuis qu'il a fait fortune, il est devenu fier*), и на его актуальное чувство (*Il est fier de ses enfants*), тогда как *orgueilleux*, по-видимому, всегда указывает на постоянное свойство, получающее отрицательную оценку. Можно предположить, что указанное различие между словами *fier* и *orgueilleux* (в том числе и в отношении оценочного компонента) влияет и на восприятие соответствующих существительных (отметим, что не случайно и различное направление словообразовательной связи в указанных двух случаях: *fier* → *fierté*, но *orgueil* → *orgueilleux*). Вероятно, именно с этим и связана уверенность, с которой А. Вежбицкая приписала существительному *fierté* положительную окраску, а существительному *orgueil* — отрицательное.

Итак, мы видим, что различия между этическими представлениями, отраженными в разных языках, несомненно существуют. Однако ничуть не менее глубоки различия, которые могут быть проведены между этическими системами, сосуществующими в рамках одного языка. Границы между системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками. И поэтому мы можем (разумеется, с некоторой долей условности) говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных секулярных представлениях и т. п.; но едва ли есть основания выделять особую «русскую этику», «англо-саксонскую этику», «французскую этику» без дальнейших уточнений.

## ТЕРПИМОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА\*

Описание лингвоспецифичных аспектов языковой концептуализации мира само по себе может рассматриваться как школа толерантности. Размышляя об уроках истории Вавилонской башни, рассказанной в Книге Бытия, В. Н. Топоров [1989б: 9—13] отмечал, что помощь Бога заблудшим состояла в том, что, вступив на путь культурно-языковой дифференциации, люди должны были осознать факт многообразия языков и культур, отказаться от восприятия своего взгляда на мир как единственно возможного или единственно верного, такого, который «не с чем сравнить, соотнести, сопоставить и нечем проконтролировать, поправить, поддержать, продублировать» (что «питает как на дрожжах поднимающуюся гордыню»), и научиться жить в условиях культурно-языкового плюрализма, «увидеть не только “другое”, но через него и себя, по крайней мере ощутить свое различие, свою специфику, свою характерность — и в достоинствах, и в недостатках, которые в своей совокупности образуют неповторимость данного языка и данной культуры, уникальность, распространяющуюся в конце концов на весь массив языков и культур». В этом смысле описание любого фрагмента русской языковой картины мира в сопоставительном ключе связано с темой толерантности самым непосредственным образом.

Однако, говоря об изучении специфики русской языковой картины в связи с толерантностью, можно обратить внимание и на другую сторону проблемы. Речь идет о том, как сама идея терпимости к «чужому» преломляется языковым сознанием. Можно полагать, что различные языки понимают и оценивают терпимость по-разному.

*Терпимость* в русской языковой картине мира может быть рассмотрена, по меньшей мере, с трех точек зрения.

Во-первых, терпимость к тем аспектам жизни, которые почему-либо нас не устраивают, является составной частью общей установки на «примирение с действительностью», которая представлена в семантике целого ряда русских лингвоспецифичных выражений (см. об этом, напр., [Шмелев 1997в: 507]).

---

\* Опубликовано в сборнике «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности». Екатеринбург, 2003. Здесь печатается в сокращении.

Во-вторых, интерес представляет устойчивое сочетание, служащее для обозначения терпимости к чужим мнениям, а именно — *широта взглядов*. Хотя по своей внутренней форме оно не является исключительной принадлежностью русского языка (ср., напр., английское *broad-mindedness*, также выражающее идею 'широты'), но именно в рамках русской языковой картины мира оно интересным образом встраивается в систему представлений о «широте души», которая издавна считается одной из определяющих черт «русского характера».

Наконец, существенны ассоциативно-деривационные связи русского слова *терпимость*, входящего в словообразовательное гнездо глагола *терпеть*. Своеобразие конфигурации этого гнезда позволяет понять, с чем в первую очередь ассоциируется *терпимость* у носителей русского языка.

### Примирение с действительностью

Характеристика ценностных установок русской языковой картины мира в отношении *терпимости* к тому, что нас не устраивает, отличается некоторой двойственностью. С одной стороны, нередко отмечается, что для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на «примирение с действительностью», находящая отражение в семантике целого ряда лексических единиц и синтаксических конструкций. С точки зрения установки на «примирение с действительностью», достижение внутреннего мира возможно лишь при условии отказа от вражды с другими людьми и принятия всего, что вокруг происходит. Положительная оценка «примирения с действительностью» проявляется в целом ряде контекстов, в которых с очевидно положительной окраской используется производные глагола *примириться*.

Различие между русскими и англосаксонскими ценностными установками в отношении *компромиссов* отмечается многими наблюдателями. Характерен следующий комментарий Вячеслава Глазычева («Русский журнал», 14 сентября 1998 г.), обратившего внимание на отсутствие в русском языке глагола \**компромировать*, который мог бы переводить английский глагол *to compromise*, и указавшего в связи с этим, что у русских *компромисс* «отнюдь не входит в стандартный свод национальных доблестей»:

*Поздняя конструкция «идти на компромисс» самой своей природой выражает некий трагизм — на компромисс идут как на плаху. Большевицкая специфическая эпоха, как известно, отнесла компромисс к числу смертных грехов, и уже советская эпоха отпечатала и гнев и презрение к всякого рода соглашению в сугубо позитивной трактовке прилагательного бескомпромиссный.*

Конечно, не следует полагать, что между англосаксонским и русским отношением к компромиссу лежит пропасть. С одной стороны, в английском языке прилагательное *uncompromising* может употребляться с положительной окраской, а *compromise*, напротив, нести отрицательные коннотации. Так, известная реклама

стиральной машины Miele завершается фразой *Anything else is a compromise*. Очевидно, что уместность такого рекламного слогана прямо связана с представлением о нежелательности компромиссов. С другой стороны, когда речь идет о переговорах, русское *компромисс* вполне может употребляться как положительно окрашенное слово (ср. фразу *не удалось достичь компромисса*). Речь скорее может идти о том, что в русской языковой картине мира в целом *компромисс* находится под подозрением и не входит в число культурно значимых ценностей.

При этом подозрительное отношение к *компромиссу* может противоречить готовности к «примирению с действительностью». И то, и другое может быть обусловлено тем, что для русской языковой картины мира характерно пренебрежительное отношение к суетным ценностям, к «мелочам жизни», к полученной выгоде. Поэтому поощряется «наплевательское» отношение к житейской суете, которое нередко рассматривается как образец философского взгляда на жизнь — ср. пример из работы [Шмелев 1997г]:

*Как мне нравится Победоносцев, который на слова: «Это вызовет дурные толки в обществе» — остановился и не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше (Розанов).*

Более того, иногда «наплевательство» характеризуется как подлинно христианское отношение к жизни. Ср. следующий характерный пример:

*Американцам кажется: как же не судиться?.. Другие пути решения конфликтов — попросту подраться (дикий варварский путь) или, наоборот, плюнуть, махнуть рукой и взять да и простить обидчика (путь христианский) — представляются американцам глупыми, нецивилизованными и, полагаю, беспокоят их новосветское сознание как иррациональные (Татьяна Толстая, из статьи в газете «Русский телеграф», 14 марта 1998 г.).*

Но ценность примирения, основанного на «наплевательстве», связана именно с тем, что оно предполагает готовность отказаться от мелких выгод. Примирение же, основанное на компромиссе, подозрительно уже тем, что, как правило, мотивируется взаимной выгодой и тем самым предполагает отказ от «высоких идеалов» из мелких, корыстных соображений. Такое примирение отрицательно оценивалось не только советским идеологическим языком, но и носителями неконформистских установок.

Более того, в неконформистском дискурсе «примирение с действительностью» иногда рассматривается как разновидность конформизма и противопоставляется борьбе за правду. Так, в «Раковом корпусе» Солженицына перед Елизаветой Анатольевной, у которой растёт сын, встает вопрос, *скрывать правду, примирять его с жизнью или нагружать всей правдой*. И, как мы помним, Костоглов уверенно отвечает ей: *Нагружать правдой!* — «будто сам вывел в жизнь десятки мальчишек — и без промаха».

Итак, мы видим, что терпимость к чужим недостаткам и вообще к несовершенствам мира поощряется русской культурной традицией, как она отражена в

семантике русских лексических единиц, в той мере, в какой она вытекает из готовности не придавать слишком большого значения «мелочам». Если же человек *идет на компромисс* в мелочной надежде получить выгоду и тем самым предает «высокие идеалы», такая «терпимость» получает отрицательную оценку — здесь скорее уместна *бескомпромиссность* и *несгибаемость*.

### Широта взглядов и широта души

В статье [Шмелев 2000a] отмечалось, что словосочетание *широкая русская душа* стало почти клишированным, хотя в него может вкладываться разный смысл. Речь может идти о *широте* как особом душевном качестве, включающем великодушие, щедрость и размах (ср. такие выражения, как *широкие жесты*; *жить на широкую ногу*). С другой стороны, под *широтой* (или «широкостью» — см. [Арутюнова 2000]) может пониматься сочетание в человеке разных свойств, иногда противоположных, — то, о чем Митя Карамазов говорил: *Широк человек, я бы сузил*. Наконец, иногда о *широте* говорят в связи с возможным влиянием «русских просторов» на «русский характер». Так, В. А. Подорога [1994] пишет, что *«широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, (...) и в нем... располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к крайностям»*.

Здесь мы коснемся еще одного аспекта *широты*: терпимости, понимания возможности различных точек зрения на одно и то же явление. *Широта* в таком понимании также иногда приписывается «русскому характеру» (*«отзывчивость, способность “всё понять”»*), — перечисляет А. Солженицын в ряду «свойств русского характера», приводимом в книге «Россия в обвале»; можно вспомнить также характеристику русского народа, данную Достоевским: «широкий, всеоткрытый ум»). Чаще всего в таком случае используют сочетание *человек широких взглядов* — это человек прогрессивных воззрений, готовый переносить инакомыслие, склонный к плюрализму, иногда, возможно, даже граничащему с беспринципностью. Умение понять чужую точку зрения и чужую правду у человека *широких взглядов* граничит с философским и моральным релятивизмом. *Широта взглядов* оборачивается нравственной неустойчивостью, «широкой совестью»<sup>1</sup> и даже может толкнуть на преступление — ср. следующее ироническое употребление рассматриваемого выражения в журнале «Без тормозов» (выпуск № 10, 19.08.2000):

...Аркадьев-Иващенко, это был известный даже за рубежом программист, в ранней юности отличавшийся оригинальностью идей и *широтой взглядов*. Вот эта самая *широта взглядов* и толкнула его на преступный путь.

<sup>1</sup> На это выражение (*широкая совесть*) из «Подростка» Достоевского обратила внимание Н. Д. Арутюнова [2000: 381].

Зыбкость грани между «всемирной отзывчивостью» и «широкой совестью» остро ощущалась Достоевским, и *широкий* человек легко может перейти эту грань. «Широкость ли это особенная в русском человеке... или просто подлость?» — вопрос, который задавал герой «Подростка». Именно рассмотрение взглядов Достоевского на проблему «широкости» привело Н. Д. Арутюнову [2000: 384] к выводу, отсылающему к Христовой заповеди входить «тесными вратами»: «Тесные врата тесны для широкого человека».

Кроме того, существенно, что апелляция к необходимости *терпимости* и *широты взглядов* может использоваться как оправдание отсутствия терпимости. Диакон Андрей Кураев так описал историю гонений на христиан в Римской империи (которая, как мы знаем, завершилась изданием миланского эдикта — «манифеста о толерантности»):

Христиане раздражали язычников... своим отказом чтить святых других религий. И империя начала преследовать христиан, требуя от них *терпимости*. Христиан ослепляли, требуя от них «*широты взглядов*». Христиан запрещали, требуя: «запрещено запрещать!», «не смейте своим адептам запрещать молиться нашим богам!».

Христиане же предложили различать терпимость идейную и терпимость гражданскую. У людей должно быть право на несогласие, на дискуссии, на резкую оценку противоположных взглядов. Но государству не следует вмешиваться в эти споры.

Еще чаще твердость в противостоянии злу демагогически называют *узостью* и противопоставляют ее *широким* взглядам, пытаются оправдать тем собственный конформизм и моральный релятивизм. Так, в самой ранней редакции «Дракона» Е. Шварца «первый ученик» дракона Генрих говорит благородному рыцарю Ланцелоту:

Я кончил семь факультетов, Ланцелот... С вашей философией я познакомился на первом курсе философского. Она была изложена в предисловии, в примечании, в трех словах и тут же опровергнута за *узость*.

Итак, *широта* взглядов рассматривается в русской языковой картине мира как превосходное качество в той мере, в какой она обусловлена способностью «широкого» человека не придавать значения «мелким» идеологическим различиям. Но она же превращается в «подлость», если человек *широких взглядов* вообще не желает видеть различие между добром и злом, склонен к *попустительству*, к тому, чтобы *потакать* чужим или собственным порокам.

### ***Терпеть* и его производные**

В данном разделе будут рассмотрены основные идеи, заложенные в русском глаголе *терпеть* и проявляющиеся в различных употреблениях указанного глагола и его производных. При этом не утверждается, что каждая выделяемая та-

ким образом идея непременно соответствует отдельному лексическому значению глагола: речь может идти лишь об особых типах употребления в рамках одного и того же лексического значения. Важно, однако, что каждая из рассматриваемых идей, указывая на особый аспект «терпения», задает отдельную ветвь словообразовательного гнезда с вершиной *терпеть*.

### Орег ('неприятное')

В первом круге употреблений глагол *терпеть* имеет предельно бедное семантическое содержание; он лишь указывает на наличие некоей неприятной ситуации, обозначенной посредством прямого дополнения. Он может функционировать как непарный глагол (*терпеть нужду*) или в качестве видового коррелята к глаголу *потерпеть*, с которым он в таком случае образует тривиальную видовую пару (*потерпеть/терпеть поражение, неудачу*)<sup>2</sup>. Ср. приблизительные толкования:

*X потерпел Y* 'с X-ом произошло (неприятное) событие Y'; *X терпит Y* 'с X-ом имеет место (неприятная) ситуация Y'.

Изредка глагол *терпеть* в этом значении употребляется абсолютно, когда «неприятная ситуация» не конкретизируется посредством прямого дополнения. В этом случае, как правило, она может быть реконструирована при помощи косвенного дополнения: ...*такой просвещенный гость, и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов* (Гоголь. «Ревизор»).

Соответствующая ветвь словообразовательного гнезда не очень велика: в первую очередь сюда относится субстантивированное причастие *потерпевший* (*потерпевшая*), представляющее собою юридический термин. При терминологическом употреблении синтаксическая валентность объекта у субстантивированного причастия утрачивается, но соответствующая семантическая валентность остается облигаторной и заполняется на основе информации, заданной коммуникативной ситуацией. Кроме того, с данным типом употребления глагола *терпеть* соотносятся глаголы *претерпеть* и *претерпевать*, образующие «потенциальную» видовую пару, а также сатуративный глагол *натерпеться*.

Поскольку субъект глагола (*но*)*терпеть* в этом круге употреблений никак не контролирует ситуацию, она не получает в русской языковой картине мира ника-

<sup>2</sup> О различных типах видовых пар см. [Зализняк, Шмелев 2000: 53—61; 2001]. Особый тип видовой соотносительности (близкий перфектному) демонстрируют такие конструкции, как *потерпеть/терпеть* *аварию, бедствие, катастрофу, кораблекрушение*. В них имперфективный член пары может указывать на состояние, возникшее в результате события, обозначенного перфективным членом, и длящееся в течение некоторого времени: *корабль терпит крушение, после того как потерпел крушение, и до тех пор, пока не пойдет ко дну или не будет спасен*.

кой этической оценки, хотя, разумеется, бедственное положение субъекта может вызывать сочувствие.

**‘терпеливо переносить неприятное’**

В этом круге употреблений глагол *терпеть* может быть истолкован приблизительно следующим образом: ‘подвергаясь воздействию неприятного фактора, не пытаться прекратить его действие и не терять контроля над своим поведением’. В данном значении *терпеть* является непарным глаголом (*потерпеть* представляет собою не перфективный коррелят, а делимитатив: *сейчас может быть больно, но ты немного потерпи*, — может сказать врач ребенку, приступая к неприятной процедуре<sup>3</sup>). Как правило, в этом круге употреблений глагол *терпеть* используется без дополнения<sup>4</sup>; при наличии дополнения (*терпеть боль*) данный круг употребления отчасти сходен с рассмотренным выше (Орег), но отличается тем, что акцент делается не на наличии неприятной ситуации, а на том, что субъект не делает попыток ее прекратить.

С данным кругом употреблений соотносятся глаголы *вытерпеть* ⟨боль⟩, *стерпеть* ⟨обиду⟩ и *перетерпеть*<sup>5</sup>, существительное *терпение*, прилагательные *терпеливый*, *нестерпимый* и их производные, в частности соответствующие наречия — ср.: *терпеливо переносить (насмешки)*; *И ему нестерпимо представилось, что ещё это всё он должен напрягаться делать, неизвестно зачем и для кого* (Солженицын. «Раковый корпус»).

*Терпение*, соотносимое с данным кругом употреблений, в традиционных народных представлениях оценивается скорее положительно. Характерны пословицы: *Христос терпел и нам велел*; *С бедой не перекоряйся, терпи!*; *Терпенье лучше спасенья*; *Не потерпев, не спасешься*; *Работай — сыт будешь, молись — спасешься, терпи — взмилуются*. Напротив того, в языке революционных демократов 60-х гг. XIX в. *терпение* в этом понимании — величайшее зло. Как пишет Корней Чуковский [1952: 308—309], «с этим словом у революционных демократов шестидесятых годов всегда была связана мысль о неподготовленности крестьянства к революционному действию», так что «когда после поездки в деревню Некрасов писал о том тягостном чувстве, которое вызывают в нем встречи с крестьянами:

Их нищета, их *терпенье* безмерное  
Только досаду родит... —

<sup>3</sup> Ср. также: «*Потерпи, родная, — старики твердят, — / Милого побои не долго болят!*» / «*Потерпи, сестрица! — отвечает брат. — / Милого побои не долго болят!*» / «*Потерпи! — соседи хором говорят. — / Милого побои не долго болят!*» (Н. Некрасов).

<sup>4</sup> Ср.: *Чем хуже был бы твой удел, / Когда б ты менее терпел?* (Н. Некрасов).

<sup>5</sup> Ср.: *Сейчас — только бы лечение как-нибудь перетерпеть!* (Солженицын. «Раковый корпус»).



это на его языке означало: “Как могут крестьяне выносить столько обид и унижений и не восстать против своих угнетателей?”»

Эта отрицательная оценка *терпения* была первоначально заимствована и советским дискурсом. Разумеется, речь шла не о том, что советские люди призывались к бунту. По отношению к советскому времени о *терпении* вообще не было речи, поскольку само обсуждение того, надо ли *терпеть*, рассматривалось бы как идеологическая диверсия: *терпение* предполагает, что сложившаяся ситуация причиняет людям страдания. Само слово *терпение* считалось уместным лишь по отношению к дореволюционной ситуации, в которой оно в полном соответствии с наследием революционных демократов оценивалось отрицательно. Однако ситуация переменялась после того, как Сталин по окончании второй мировой войны произнес тост «за здоровье русского народа» и отметил *терпение* в ряду наиболее замечательных качеств русского национального характера. Тогда и *терпение*, как пишет Корней Чуковский [1952: 313], «стало героической доблестью свободных советских людей».

#### ‘терпеливо ждать’

В следующем круге употреблений, который является производным от предыдущего, глагол *терпеть* может быть истолкован приблизительно следующим образом: ‘желая, чтобы произошло событие Y, не пытаться его ускорить и не демонстрировать желание, чтобы оно скорее произошло’. О «неприятной ситуации» речь уже не идет, и глагол *терпеть* в этом круге употреблений является непереходным.

В данном круге употреблений *терпеть* также является непарным глаголом, а *потерпеть* представляет собою делимитатив — ср.: *потерпи, и я все тебе отдам*.

Производные, соотносимые с данным кругом употреблений, в основном те же, что и в предыдущем: существительное *терпение*, прилагательное *терпеливый* (вместе с наречием *терпеливо* и существительным *терпеливость*); глагол *вытерпеть* (употребляемый в этом значении без дополнения и, как правило, с отрицанием). Но имеется и особое производное — чрезвычайно характерное существительное *нетерпение* (ср. оборот *сгорать от нетерпения*). К данному кругу употреблений примыкают используемые преимущественно в контексте отрицания глаголы *стерпеть* и *утерпеть* ‘сдержаться; не сделать того, что хотелось’: *не утерпел и рассказал..., засмеялся и т. п.; не знаю, как я утерпел и не рассказал; Баба тоже не стерпела — кочергой его огрела*.

На базе рассматриваемого круга употреблений слов из данного фрагмента словообразовательного гнезда возникает еще один тип употреблений: по отношению к кропотливой работе, которую человек выполняет, не рассчитывая на немедленный результат. Способность к такой работе оценивается в языковой картине мира положительно. Именно о таком *терпении* говорит пословица: *Терпенье и труд все перетрут*. Заметим, что сам глагол *терпеть* не имеет аналогичного значения.

## ‘терпимо относиться’

В данном круге употреблений глагол *терпеть* означает нечто вроде ‘мири́ться с существованием отрицательно оцениваемого явления’. В контексте отрицания подчеркивается резко негативная оценка явления (*не терпеть* чего-л.), не позволяющая с ним мириться<sup>6</sup> (ср. также клишированный оборот *терпеть не может*). Перфективный коррелят *потерпеть* используется в данном значении почти исключительно с отрицанием (*Не потерплю в своем доме...*), что затрудняет установление типа семантического соотношения в видовой паре.

Именно с этим кругом употреблений глагола *терпеть* соотносятся интересующие нас прилагательные *терпимый* и *нетерпимый* (и, соответственно, существительные *терпимость* и *нетерпимость*). Восходя по форме к пассивному причастию (ср.: *Эти явления не могут быть терпимы*), указанные слова в основном используются для обозначения активной установки субъекта, мирящегося (или не мирящегося) с негативными явлениями.

Однозначной оценки *терпимости* и *нетерпимости* русская языковая картина мира не содержит. Такая оценка устанавливается лишь в рамках конкретной этической системы и тем самым оказывается в компетенции моралистов, а не лексикографов. Приведем рассуждение Владимира Соловьева (из «Оправдания добра»):

*Особая разновидность терпеливости есть качество, которому присвоено по-русски неправильное в грамматическом отношении название терпимости (passivum pro activo)<sup>7</sup>. Так называется допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям. И это свойство и отношение не есть само по себе ни добродетель, ни порок, а может быть в различных случаях тем или другим, смотря по предмету (напр., торжествующее злодеяние сильного над слабым не должно быть терпимо, и потому «терпимость» к нему не добродетельна, а безнравственна), главным же образом — смотря по внутренним мотивам, каковыми могут быть здесь великодушие, и малодушие, и уважение к правам других, и пренебрежение к их благу, и глубокая уверенность в побеждающей силе высшей истины, и равнодушие к этой истине.*

Впрочем, по Соловьеву, это же касается и других видов установки, обозначаемой глаголом *терпеть*:

*Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называет-*

<sup>6</sup> Ср.: Я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музычки — и задушевных бесед (Набоков).

<sup>7</sup> Здесь в издании [Соловьев 1988] авторы комментариев (С. Л. Кравец и Н. А. Кормин) делают следующее примечание: «восприимчивость к действию (лат.)». Очевидно, что они просто не поняли смысл латинского выражения, означающего ‘пассив вместо актива’ и имеющего чисто грамматический смысл.

ся великодушием, или духовным мужеством. Тут почти вся разница исчерпывается субъективными оттенками, не допускающими твердых разграничений. (...) С другой стороны, единство внешних признаков может и здесь (как и в предыдущем случае щедрости) прикрывать существенное различие этического содержания. Можно терпеливо переносить физические и душевные страдания или вследствие малой восприимчивости нервов, тупости ума и апатичности темперамента — и тогда это вовсе не добродетель; или вследствие внутренней силы духа, не уступающего внешним воздействиям, — и тогда это есть добродетель аскетическая (сводимая к нашей первой нравственной основе); или вследствие кротости и любви к ближнему (*caritas*), не желающей воздавать злом за зло и обидой за обиду, — и в таком случае это есть добродетель альтруистическая (сводимая ко второй основе: жалости, распространяемой здесь даже на врага и обидчика); или, наконец, терпеливость происходит из покорности высшей воле, от которой зависит все совершающееся, — и тогда это есть добродетель пизитистическая, или религиозная (сводимая к третьей основе).

Впрочем, Соловьев предварил свое рассуждение словами:

*Смотря на одного и того же человека, спокойно переносящего бедствия или мучения, один назовет его великодушным, другой — терпеливым, третий — мужественным, четвертый увидит здесь пример особой добродетели — невозмутимости (*ἀταραξία*) и т. д. Спор о сравнительном достоинстве этих определений может иметь только лексический, а не этический интерес.*

Но для нас интерес представляют именно лексические вопросы, а именно — концептуализация *терпимости* и вообще *терпеливости* русской лексической системой. Как мы видим, для более точного представления о месте *терпеливости* в русской наивной этике требовался бы детальный сравнительный анализ слов словообразовательного гнезда с вершиной *терпеть* и слов, относящихся к смежным семантическим полям: *великодушие*, *мужество*, *невозмутимость*, *стойкость*, *выдержка* и др. Такой анализ — дело будущего.

КОМПАКТНОСТЬ VS. РАССЕЯНИЕ  
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ  
РУССКОГО ЯЗЫКА \*

Для русской языковой картины мира весьма существенным является пространственное измерение. Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира; но при этом в своем исходном, физическом аспекте пространственные категории продолжают сохранять актуальность и участвуют в построении концептов одновременно с выросшими из них абстрактными идеями (об этом свидетельствует, в частности, проведенный анализ слов *удаль*, *размах*, *разгул*, *воля*, *широта*, *уют*, *тоска* и др. в работах [Шмелев 1997а; 2000а; Левонтина, Шмелев 2000а]). Например, образное представление психического мира человека в русской языковой картине мира в значительной степени определяется идеей «широты души». Именно «широта души» определяет способность человека к *удали* и *размаху*; но она же препятствует сосредоточенной кропотливой работе, направленной на решение какой-либо частной задачи.

Один из важных концептов внутреннего мира, построенный на основе пространственной метафоры, — *собраться* (он проанализирован в работе [Зализняк, Левонтина 1996]). Анализ этого глагола, а также ряда других лексических единиц, позволяет сделать вывод о том, что в представлении русского языка активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно собрал воедино свои душевные ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте. Чтобы что-то сделать, надо *собраться с силами*, *с мыслями* — или просто *собраться*; ср. *Наконец собрался тебе позвонить*. Особенно характерны такие употребления, как *собирался, но так и не собрался* и т. п. Из этой фразы видно, что *собираться* указывает не просто на наличие намерения, но на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом. Так, в строчках Пушкина: *Царь недолго собирался — / В тот же вечер обвенчался*, очевидно, речь идет не о приготовлениях к свадьбе, а о достижении внутренней готовности. Все эти примеры указывают на наличие в русской языковой картине мира идеи, которая неосознанно принимается в качестве очевидной всеми

---

\* Опубликовано в сборнике «Логический анализ языка: Космос и хаос». М., 2003.

говорящими на русском языке: чтобы что-то сделать, надо *собраться*; обычно это бывает трудно, так что этот процесс (*собираться*) занимает некоторое время. Идея «собираения» того, что рассредоточено по широкому пространству, вообще является важным мотивом в русских языковых представлениях. Не случайно главная церковь в городе по-русски называется *собор*, *кафолическая* переводится как *соборная* (что не соответствует внутренней форме оригинала: ‘всеобщий’); пакование вещей в дорогу концептуализуется как *сборы*; *собираться* в смысле ‘складывать вещи (в дорогу)’ — тоже лингвоспецифичный концепт [Шмелев 2002].

Состоянию *собранности* и *сосредоточенности* противостоит состояние *распущенности* и *разврата*. При этом идея рассредоточенности (имеющая в данном случае одновременно пространственное и этическое измерение) содержится уже в семантике самой приставки *раз-*.

Центральным для этой проблематики является слово *разврат*; в современном русском языке оно имеет два основных значения, которые приблизительно можно охарактеризовать следующим образом: 1) морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности; об излишестве или расточительстве; о «потакании» своим слабостям; 2) морально осуждаемое сексуальное поведение. Нас будет интересовать в большей степени первое значение («этическое»); именно оно является лингвоспецифичным.

Интересующее нас значение синтаксически обусловлено: оно реализуется лишь в позиции предиката. Поэтому, напр., выражение *заниматься развратом* не может пониматься в этом значении. Ср. следующий пример из воспоминаний А. Баранович-Поливановой: *Мне было 20 лет, когда я вышла замуж, — в ту пору это было редкостью, и ранние браки были не приняты, так вот эта девица ни с того, ни с сего брякнула: «Занимается всяким развратом»...* Здесь, очевидно, имеется в виду второе значение (хотя сквозь него и «мерцает» первое: ранний брак, по представлениям той эпохи, разделяемым, по всей видимости, упомянутой девицей — это *разврат* и в том смысле, что он означает пренебрежение своим долгом — получать образование, овладевать профессией и т. д. — ради удовольствий «личной жизни»). Отметим также, что если производные *развратиться*, *развращать*, *развращенный* могут мотивироваться «этическим» значением, то прилагательное *развратный*, как и существительное *развратник*, может быть соотнесено только со значением сексуального *разврата* (ср. монолог генерала Гиндина из повести И. Грековой «На испытаниях»: *Развратником рад бы быть, да годы не позволяют, а после двух инфарктов особенно. Здесь на меня стали всех собак вешать за то, что я будто с Адой живу. Это почти клевета, я с ней очень мало живу, и нужна она мне совсем для другого*).

Приведем в данной связи известный эпизод из рассказа Зощенко «Аристократка»:

*И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.*

*А я таким гусем, таким буржуем нерезаным вьюсь вокруг ее и предлагаю:*

— *Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.*

— *Мерси, — говорит.*

*И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.*

*А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.*

*Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня такая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.*

Сочетание *развратная походка* содержит, очевидным образом, игру слов, так как, помимо стандартного осмысления, в данном контексте неуместного ('походка, характерная для *развратной* женщины'), возникает отнесенность к *разврату* в другом смысле: есть в антракте пирожные — это *слишком дорогое удовольствие*, т. е. *разврат*.

По-русски *это разврат* можно сказать, например, про следующие действия: спать до полудня, пить кофе в постели, курить в постели, кормить собаку с общего стола, съедать каждый день по коробке конфет, покупать себе каждый год новую шубу, есть ложками черную икру, два часа пить чай, сорок минут разговаривать по телефону, брать с собою жену на международную конференцию и т. д.<sup>1</sup> (При этом, если телефон междугородний, то *разврат* состоит в первую очередь в том, что это дорого; но *развратом* можно назвать и двухчасовую беседу по местному — т. е. бесплатному или почти бесплатному — телефону, если говорящий считает, что субъект, вместо того чтобы разговаривать, должен был бы заняться каким-либо более полезным делом.) Характеризуя такие действия как *разврат*, говорящий выражает свое моральное осуждение. Однако, очевидно, далеко не всякое морально осуждаемое действие можно назвать *развратом*. Нечестность, недобросовестность, душевная черствость, жадность и т. д., несомненно, морально предосудительны, однако к концепту *разврата* они не имеют отношения.

Как же определить множество действий, которые подходят под категорию *разврата* (даже если отвлечься от того, что у разных людей могут быть разные представления о «норме» потребления конфет или денежных затрат на ту или иную вещь)? Прежде всего, *разврат* — это действие или занятие, целью которого является получение *удовольствия*. Надо сказать, что категория *удовольствия* в русской языковой картине мира в целом является аксиологически сомнительной и легко приобретает отрицательную коннотацию, см. [Зализняк 2002]. При этом в

<sup>1</sup> Интересно сравнить слово *разврат* в данном значении с фразеологизмом *больно жирно*. Разница здесь, во-первых, в том, что *больно жирно* не содержит собственно морального осуждения; в нем есть намерение воспрепятствовать получению чрезмерного удовольствия (и в этом смысле *больно жирно* направлено в будущее); во-вторых, выражение *больно жирно* относится к конкретному намерению конкретного лица, тогда как высказывание *это разврат*, даже будучи сделанным по конкретному поводу, носит общий характер.

данном случае принципиально то, что речь идет не о любом удовольствии, а о *незаслуженном* удовольствии, выходящем за пределы того, что человеку, по мнению говорящего, «положено». Иногда речь может даже идти не столько об *удовольствии* в собственном смысле слова, сколько о *незаслуженной роскоши*. Показателен в этом плане следующий диалог, приведенный Е. Н. Ширяевым в иной связи (для иллюстрации одного из типов коммуникативных неудач) в его докладе на международной конференции «Русский язык: исторические судьбы и современность» [Ширяев 2001]:

*А. А где можно купить ручку с золотым пером / не очень дорогую? Б. Нечего тебе с ума сходить / золотое перо / это же теперь только у миллионеров и президентов / разврат какой-то... А. (прерывая Б.) Не надо меня учить // Ты знаешь или нет / где могут быть не очень дорогие с золотым пером? Б. Не знаю и знать не хочу // А. Вот так и говори.*

Заметим также, что в представлении о *разврате* участвуют некоторые глобальные оценочные стереотипы. Так, целый комплекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствия или морально осуждаемую погоню за ними, включает в себя корень *слад-*: *сладостный, наслаждение, сластолюбие, сладострастие*. Это соответствует общеязыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм *разврата* (при том, что склонность к острой или соленой пище оценивается просто как индивидуальное вкусовое пристрастие). Можно обозначить как *разврат* привычку пить чай с большим количеством сахара, но вряд ли эта характеристика применима к человеку, который неумеренно перчит или солит свою пищу. Т. е. *сладкий* в переносном значении — это ‘доставляющий удовольствие’, и с ним происходит то же, что со словом *удовольствие* (т. е. смещение в отрицательную аксиологическую зону). Интересно, что у англ. слова *sweet* совершенно иная структура многозначности — она гораздо богаче, но «отрицательные» значения здесь отсутствуют (ср. [Dirven 1985: 16]).

Итак, *разврат* — это удовольствие, но при этом не всякое, а лишь получаемое в состоянии *расслабленности* (именно поэтому, в частности, оно воспринимается как *незаслуженное*). Это такой вид удовольствия, который не требует приложения усилий (или требует их в минимальной степени)<sup>2</sup>. Характерны прилегающие

<sup>2</sup> Обратим внимание на использование слова *разврат* в рекламных целях: *Несolidные заведения, предлагающие чашку кофе и какой-нибудь шоколадный разврат и не требующие от своих клиентов массивных капиталовложений, осолого доверия не вызывали. Ровно до тех пор, пока я совершенно случайно не попала в “Кофе Бин” на Тверской и не выпила там сумасшедшие вкусное кафе-латте с шоколадным сиропом и не съела тот самый шоколадный разврат, сопроводив его кремом-карамелью, шоколадным же муссом, яблочным и клубничным штруделем. Остальные яства — в виде тирамису, чиз-кейка и чего-то еще, столь же изумительно вкусного и легкомысленного — просто не влезли* («Известия» от 11 янв. 2002 г.).

к *разврату* слова: почти нейтральное *позволить себе* (часок полежать в постели, ничего не делая) и содержащее моральное осуждение *потакать* (чьим-то *слабостям*) (например, лени, пристрастия к сладкому и т. п.)<sup>3</sup>. С другой стороны, вряд ли можно назвать *развратом* занятие человека, который каждое воскресенье проходит 100 км на лыжах или упражняется в решении квадратных уравнений (даже если он это делает исключительно с целью получения удовольствия).

Вернемся теперь к приставке *раз-*. Наш тезис состоит в том, что именно идея *расслабленности* поддерживается метафорой *рассредоточенности*, содержащейся в значении приставки *раз-*. Рядом с *развратом* в русском языке имеется два других характерных слова с этой же приставкой — *распутство* (*распутный*) и *распущенность*. Надо сказать, что оба эти слова происходят от глагола *распутить* (для *распутства* первоначальная форма — *распутство*)<sup>4</sup>. В результате лексико-семантической контаминации они втянулись в семантическое поле *пути* и *распутицы* (также чрезвычайно существенное для русских представлений о мире) — см. [Шмелев 1964]. Здесь несомненно также влияние представления о *разврате* как об *отклонении* от прямого (= правильного) *пути*.

Нельзя не отметить тот факт, что значительная часть действий, характеризующихся как *разврат*, обозначается глаголами с приставкой *раз-* (точнее, здесь использована составная морфема, состоящая из приставки *раз-* и суффикса *-ива/-ва/-а-*): *рассиживать*, *разлеживать*, *распивать* (чай), *разъедать*. Если попытаться сформулировать толкования этих глаголов, то окажется, что они отличаются от исходных (*сидеть*, *лежать* и т. п.) в точности теми смысловыми компонентами, которые выше были перечислены как составляющие понятия *разврат* (получение удовольствия, расслабленность, излишество и т. д.). Разве что степень осуждения в слове *разврат* существенно больше. Действия, обозначаемые глаголами с циркумфиксом *раз-...-ива/-ва/-а-*, трактуются говорящим как производимые «просто так», и именно «беззаботность» субъекта такого действия вызывает раздражение (ср. также глаголы *распевать*, *разгуливать*, *расхаживать* и т. п.). *Разгуливают*, *расхаживают*, *распивают чай* и т. д. вместо того, чтобы заняться делом. Все это позволяет говорить о том, что приставка *раз-* входит в

Здесь идет речь о получении удовольствия с минимальной затратой усилий (установка, безусловно противоречащая русской «наивной этике»).

<sup>3</sup> *Позволить себе* сочетается с обозначениями в точности того же набора действий, что и это *разврат*, ср. *Я всю неделю работал, как вол, могу себе позволить в воскресенье поспать до полудня*. И наоборот: *Я не могу себе позволить каждый день разговаривать с подругами по телефону, каждую неделю ходить в театр, каждый год покупать новую шубу* и т. д. Имеется в виду превышающая «норму» затрата времени или денег на удовольствия; это и есть *разврат*.

<sup>4</sup> *Распущенность* может пониматься как обратная сторона *свободы*. Упомянем в этой связи обычай пеленать ребенка и связанное с ним определение *свободы* как «ощущения счастья, вызываемое отсутствием давления, сжатия, каких-то тесных, сдавливающих оков» [Вежбицкая 1999: 455].



широкий круг разнообразных единиц (лексических, синтаксических и др.) русского языка, несущих в себе идею «безответственности» («бесцельности», «беззаботности»), которая является весьма важной составляющей русской языковой картины мира. Эти компоненты — чисто оценочные, ср. характерный пример (из работы [Левонтина, Шмелев 1999]): *Но надзиратели запрещали ночью разгуливать по камере* (А. Рыбаков). Здесь явно подразумевается просто запрещение ходить, поскольку это нарушает порядок и потому вызывает раздражение. При этом носителем указанной концептуальной конфигурации является именно морфема *раз-...-ива-/-ва-/-а-*, которая строит данный концепт при помощи метафоры «рассредоточения в пространстве».

Иными словами, в глаголах *расхаживать*, *разгуливать* содержится указание на беспорядок. В некоторых случаях именно этот компонент оказывается решающим в выборе соответствующего глагола — ср. *Надо работать, а не разгуливать неизвестно где*; *Преступник разгуливает на свободе* (вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, т. е. имеет место беспорядок).

Итак, приставка *раз-* несет в себе (1) идею занятия большего пространства, (2) идею рассредоточенности, а также (3) идею уничтожения путем рассеивания, т. е. вследствие этой рассредоточенности (ср. *рассеяться*, *распылять* (себя), *развеять* (по ветру), *распустить* (вязание, собрание), *разлюбить*, *раздумать* и т. п.). Первая из этих идей соответствует содержащейся в слове *разврат* идее «превышения нормы» (потребления конфет, денежных затрат и т. д.). Вторая идея включает приставку *раз-* в круг языковых средств, выражающих весьма важную для русской языковой картины мира оппозицию, противоположным членом которой является идея *сосредоточенности*, *собранности* (этот концепт связывается, наоборот, с идеей компактности, малого пространства). Заметим, что в обоих словах за «прямым» (пространственным) значением довольно ясно просматривается «переносное» (непространственное): это значение «внутренней собранности», т. е. состояние мобилизации душевных и умственных сил, оцениваемое положительно — в противоположность морально осуждаемой *распущенности*. Что касается третьей идеи (уничтожение путем рассеивания), то она указывает на то, что *разврат* с точки зрения русского языка — это то, в результате чего уничтожается *суть* (нравственная, так как идет речь о человеке: выходя за некие рамки, он оказывается во власти *хаоса*).

Показательно также сопоставление слова *разврат* с некоторыми другими словами с приставкой *раз-*, указывающими на беспорядок в этической сфере и выражающими моральное осуждение. Ср. слово *разложение*, отличающееся как от *распущенности*, так и от *разврата*. *Разложение* метафорически развивает идею разложения органических веществ (тела человека после смерти), т. е. реализует распространенную метафору «душа — тело» (ср. [Апресян, Апресян 1993; Зализняк 2000в]). *Разложение* — это уничтожение в результате разделения на составляющие; ср. выражающее сходную, но все же несколько иную идею словосочетание *распад личности*.

Моральное *разложение* имеет место, когда человек постепенно пришел в такое состояние, в котором он не считает нужным исполнять свой долг. Сочетание *моральное разложение* в советское время служило своего рода эвфемизмом, ср. диалог из повести И. Грековой «На испытаниях»:

— А семья? — спросил Манин.

— В Москве, — ответил Теткин. — Жена пожилая, дети взрослые — чего они сюда поедут? Он к себе выписал папу — занятный, между прочим, старик! — так и живет вдвоем с папочкой. Очень любящий сын.

— Так долго жить в разлуке с семьей — это может привести к моральному разложению, — заметил Манин.

— Не беспокойся, уже привело, — засмеялся Теткин.

Остановимся теперь на соотношении *разложения* и *разврата*.

Прежде всего, *разврат* и *разложение* различаются своим синтаксическим потенциалом: слово *разврат* употребляется только в позиции именной части сказуемого, а для *разложения* такое употребление, наоборот, не характерно. Кроме того, как уже говорилось, высказывание *Это разврат* всегда представляет собою общее суждение. Объект оценки всегда имеет родовой статус: *Спать до 12-ти — это разврат*; *Съесть три пирожных подряд — это разврат*. Что же касается слова *разложение*, то оно характеризует конкретную ситуацию и представляет собою номинализацию глагола *разложиться* (ср.: *Он совершенно разложился — Он дошел до полного разложения*). *Разложение*, в отличие от *разврата*, всегда предполагает деградацию по сравнению с имевшим когда-то место «нормальным» состоянием (и это связано с тем, что *разложение* — результат номинализации). Поэтому слово *разложение* неприменимо, когда речь идет, например, о детях.

Показательно также сопоставление глаголов *разложить* и *развратить*. *Разлагать* армию противника значит делать так, чтобы она *разложилась*, т. е. перестала выполнять свои функции. Не случайно в советское время говорили именно о *разлагающем* (а не *развращающем*) влиянии буржуазного образа жизни на советского человека. *Разложение* в природе часто сопровождается гниением; это гниение тоже метафорически переосмысливается как порча<sup>5</sup>. Поэтому *разлагающий* имеет синонимом *тлетворный* (ср. *тлетворное/растленное влияние Запада*). *Разлагающий* значит приводящий к тому, что человек теряет представление о том, что он должен выполнять свой долг, а *развращающий* — о том, что он привыкает к «хорошей жизни» и к возможности удовлетворить любую свою прихоть (поэтому говорят, что *власть развращает*).

Упомянем также слово *разболтанность*, которое обозначает состояние, возникающее из-за отсутствия внешнего ограничения и, подобно *распущенности*, может пониматься как обратная сторона свободы, а также глаголы *распоясаться*

<sup>5</sup> Ср.: Он не вполне точно представлял значение слова «разложенец», в его сознании возникла отвратительная картина: темно-коричневая, насквозь прогнившая и жидкая от гнилости груша (Ю. Трифионов. «Исчезновение»).

и *распутиться* (в переносном значении). Если *распутился* говорят про большие промежутки времени, то *распоясался* может указывать на актуальное поведение <sup>6</sup>.

И, наконец, в заключение, чтобы «реабилитировать» приставку *раз-*, отметим, что она может выступать не только как носитель *хаоса*, но и, наоборот, как показатель *космоса*: если выйти за пределы этического пространства, то окажется, например, что *разобрать свой письменный стол* — это значит ‘навести порядок’. Эта же идея лежит в основе выражения *разбираться* (в чем-либо) (‘хорошо понимать’); можно также *разобраться* (в инструкции по эксплуатации пылесоса); *разобрать* надпись на малознакомом иностранном языке и т. д. Здесь везде в основе лежит идея упорядочивания путем разделения на значимые элементы — что явно выражено в сочетании *разложить по полочкам* (т. е. ‘сделать понятным’). Отсюда — всякие уголовные и политические *разборки* (в основе — идея *порядка*); ср. также: *Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи* (Пушкин. «Капитанская дочка»). Сюда же относится характерное советское выражение *там разберутся* — когда речь идет об органах госбезопасности и т. д.

Итак, в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысливается как космос, порядок, а рассеяние — как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорические осмысления выражений *разложить все по полочкам* (внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и *свалить все в одну кучу* (неправоммерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внося тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос) <sup>7</sup>.

В бытовой же сфере как компактность, так и рассеяние могут концептуализоваться двояким образом. Ср. выражения *разобрать вещи* (разделение в пространстве, концептуализуемое как порядок) и, с другой стороны, *вещи разбросаны* (разделение в пространстве, концептуализуемое как беспорядок), а также *сложить вещи* (компактность, концептуализуемая как порядок) и, с другой стороны, *свалить все в кучу* (компактность, концептуализуемая как беспорядок).

<sup>6</sup> Если же речь идет о манере держаться в ходе общения с другими людьми, то, как отметила (устно) Т. В. Крылова, здесь не одобряется не только излишняя свобода общения, концептуализуемая как нарушение компактности (ср. *развязность*), но и отсутствие свободы общения, воспринимаемое как вынужденная компактность (ср. *скованность*).

<sup>7</sup> Ср. также относящиеся к интеллектуальной сфере слова *рассудок, разум, расчет* и др., в которых *раз-* также является упорядочивающим.

# ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

---

А. Д. Шмелев

## СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА \*

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

При этом существенно, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Пользуясь словами, содержащими неявные, «фоновые» смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений и составляют их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, носителям русского языка кажется очевидным, что в психической жизни человека можно выделить интеллектуальную и эмоциональную сферу, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; думаем и запоминаем *головой* (так, внезапно вспомнив что-то, можем стукнуть себя по лбу), а *чувствуем сердцем* и, переволновавшись, хватаемся именно за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что эта картина вовсе не универсальна. Разумеется, это связано не с особенностями анатомии носителей различных языков, а с тем, что концептуализация мира в различных языках оказывается различной.

Особый интерес представляют те конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. Анализ русской лекси-

---

\* Опубликовано в сборнике «Русское слово в мировой культуре». СПб., 2003.

ки позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, и многие из таких «сквозных мотивов» представляются особенно характерными именно для русской языковой картины мира.

Так, в основе целого ряда семантических противопоставлений лежит оппозиция «горнего» и «дольнего», причем излишнее внимание к «дольнему», к *быту*, к *мелочам жизни* никак не одобряется. О том, что, с точки зрения русской языковой картины мира, хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив, свидетельствует, в частности, положительная окрашенность слов *широта* и *размах* и резко отрицательная оценка *мелочности*.

С точки зрения представлений, закодированных в неявных смыслах русских лексических единиц и словообразовательных моделей, чтобы сделать что-то, бывает необходимо предварительно мобилизовать внутренние ресурсы (*собраться*), а это нелегко. В то же время, если человеку удалось приступить к активной деятельности, он *заодно* может сделать очень многое.

Аксиологически сомнительной для носителей русского языка оказывается категория *удовольствия* (в отличие от бескорыстной *радости*). Императив *enjoy it*, столь характерный для англосаксонского взгляда на мир, трудно переводим на идиоматический русский язык. Выход за пределы «аскетических» предписаний, диктуемых общественным окружением, клеймится как *разврат*. Ср. рассказ знаменитого русского актера Михаила Семеновича Щепкина: *Я знаю деревню, где искони все носили лапти. Случилось одному мужику отправиться на заработки, и вернулся он в сапогах. Тотчас весь мир закричал хором: как это, дескать, можно! не станем, братцы носить сапогов; наши отцы и деды ходили в лаптях, а были не глупее нас! ведь сапоги — мотовство, разврат!* Единственный вид удовольствия или даже наслаждения не только не осуждаемого, но даже поощряемого общественным мнением — это эстетическое наслаждение, выраженное в частности, характерным русским глаголом *любоваться*. Бескорыстное любованье находит отражение в положительной окраске таких лингвоспецифичных единиц, как, напр., с трудом поддающееся переводу слово *удаль*.

Поскольку показательными для языковой картины мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа. Иногда делаются поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой картины мира, вроде следующих. «Русским свойственна ленивая беспечность, что находит отражение в одном из самых характерных русских слов — слове *авось*». «Тот факт, что для русского синтаксиса характерны безличные предложения, свидетельствует о том, что для русских свойственно представление о некоей фатальной непостижимой силе, которой нет названия». «Частотность слова *судьба* в русской речи говорит о фатализме русских». Такие суждения дают упрощенное или прямо неверное представление о специфике концептуализации мира, задаваемой русским языком.

Более того, нередко суждения такого рода противоречат одно другому. Так, положительно окрашенное слово *задушевность* иногда рассматривается как сви-

детельство склонности русских к неформальному общению, когда они готовы поведать друг другу свои сокровенные мысли и чувства. С другой стороны, можно было бы полагать, что отрицательно оцениваемое действие *лезть в душу* говорит о неприятии навязчивой фамильярности и демонстрирует представление о неприкосновенности личной сферы. Установке на *авось* как будто противоречит желание застраховаться от любых возможных неожиданностей, лежащее в основе таких выражений, как *на всякий случай, мало ли что, а вдруг. Простор* в русской языковой картине мира может противопоставляться как тесноте, так и уюту; в одном случае большие пространства (когда ничто не давит, не стесняет) представляются как большая ценность, в другом ассоциируются с опасностями и дискомфортом. С одной стороны, многие авторы подчеркивают подозрительное отношение русских к *компромиссу* и высокую оценку *бескомпромиссности*; с другой — целый ряд русских лексических единиц и синтаксических конструкций выражает установку на примирение с действительностью.

Однако подробный анализ семантики русских языковых выражений в их реальном функционировании позволяет уточнить формулировку ключевых идей русской языковой картины мира. Так, русские безличные конструкции как таковые вовсе не обязательно несут представление о стихийной, фатальной и непостижимой силе. Но в семантику некоторых русских конструкций (не только безличных) входит представление, согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и выглядело как его собственное действие, случилось как бы само собою, помимо его воли, так что конечный результат от него не зависел. Это представление может быть причислено к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира. Так, носители русского языка часто говорят что-нибудь вроде: *У нас появилась стиральная машина*, — вместо того чтобы сказать: *Мы купили стиральную машину* (пример Анны Зализняк). Ср. также диалог: *Зачем ты это сделал? — Не знаю, так вышло*. Характерно высказывание полковника Буданова на судебном процессе, на котором он обвинялся в убийстве чеченской девушки (в передаче газеты «Известия» от 3 октября 2002): *Я не хотел ее убивать, так получилось*. Приведем также пример из заметки «Вступление к 8 марта» в газете «Округа» (1 марта 2003, № 7): *Еле успела домой прискакать и подарки спрятать. Терпеть не могу покупать их в последний момент! Но так уж получилось...* Показательно, что эта особенность принятого русского словоупотребления иногда осознается носителями языка и попадает в фокус внимания (тем самым «фоновые» смыслы становятся объектом обсуждения и могут быть подвергнуты сомнению и даже отрицанию). Ср. несколько примеров из уже упомянутой заметки «Вступление к 8 марта»:

— Ура!!! У нас появился компьютер! То есть он, конечно, не сам появился — его Димка купил;

— Это типа стоишь на ринге — вся такая худая и бледная, а к тебе подходит Динамит. Дал в морду, до десяти посчитал и говорит: «Прости, родная, так получилось».

Точно так же, хотя в большинстве употреблений слова *судьба* в современной русской живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности, слово *судьба* не случайно оказывается одним из самых характерных слов русского языка. Оно соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии *судьбы* не одновременно, а сменяют друг друга, когда *решается судьба*. Пока *судьба* еще не *решилась*, будущее остается непредсказуемым, а человек может *изменить* свою *судьбу* и вообще может выступать как *творец* своей *судьбы*. Но как только *судьба решилась*, человек уже не властен над ходом событий, которые зато уже могут быть с той или иной степенью полноты предсказаны. Кроме того, представление о *судьбе* дает удобный способ примириться с непредсказуемостью жизни, с тем, что не все в ней зависит от человека и с тем, что в ней может происходить то, чего мы вовсе не хотели бы. Ср. такие сентенции: *Такая уж у меня судьба; Не судьба была встретиться; Значит, не судьба*. Они представляют собою формулы «примирения с действительностью», столь характерные для русской речи.

Случаи, когда сквозные мотивы языковой картины мира на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу, относятся к одному из следующих двух типов.

Во-первых, противоречие может оказаться мнимым: более точная формулировка неявных смыслов, содержащихся в значении русских языковых выражений, показывает, что они отражают разные стороны одного и того же взгляда на предмет. Так, *широта* взглядов рассматривается в русской языковой картине мира как превосходное качество, когда она вытекает из способности человека не придавать значения «мелким» идеологическим различиям. Тогда она противостоит *мелочности*. Но она превращается в «подлость», если человек *широких взглядов* вообще не желает видеть различие между добром и злом, склонен к *попустительству*, к тому, чтобы *потакать* чужим или собственным порокам, — особенно если он руководствуется *мелкими*, корыстными соображениями. «Примирение с действительностью», основанное на *наплевательстве*, ценно тем, что оно предполагает готовность отказаться от мелких выгод. Если же «примирение с действительностью» основано на *компромиссе*, оно подозрительно уже тем, что мотивируется взаимной выгодой. Таким образом, во всех случаях ключевым оказывается неприятие *мелочности* и корысти.

С точки зрения русской языковой картины мира, человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо — отсюда положительная эмоциональная окрашенность *дали*, *шири*, *приволья*, *раздолья*. В то же время необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту — ср. такие выражения, как *маяться*, *не находить себе места*. Поэтому *простор* вовсе не противоречит *уюту*: вдаль от городской суеты можно наслаждаться *простором* и жить в *уютных* помещениях. И в том, и в другом случае ключевым оказывается тяга к *покою*.

Противоположность установок, выраженных в слове *авось*, с одной стороны, и в выражениях *на всякий случай*, *мало ли что* — с другой — также относительна; в некотором отношении они представляют собою как бы разные стороны одной медали. Установка на беспечность, выраженная в слове *авось*, вытекает из того соображения, что, поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться защититься от возможных неприятностей; лучше, не суетясь попусту, просто надеяться на благоприятный исход событий<sup>1</sup>. Сталкиваясь с необходимостью действовать, носитель такой установки часто действует наобум, наугад, надеясь на то, что «авось» из этого само собою выйдет что-нибудь хорошее. Но, желая чувствовать себя в большей безопасности, он может *на всякий случай* предпринимать меры предосторожности, которые никак не диктуются трезвым расчетом и ориентированы на то, что произойти может все что угодно. Тем самым он фактически надеется на то, что *авось* эти меры окажутся полезными, т. е. опять-таки недалеко уходит от того, чтобы рассчитывать на «авось».

Другой случай, когда сквозные мотивы языковой картины мира кажутся противоречащими друг другу, связан с существованием разных подсистем внутри одного языка. Скажем, терминологические системы различных наук также являются важной частью русского языка; однако в основе семантики научных терминов лежит не наивно-языковая, а научная картина мира, существующая в данный период времени и характеризующаяся гораздо меньшей лингвоспецифичностью. Своими особыми картинами мира характеризуются также различные диалекты русского языка, язык фольклора, городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс. Напомним в этой связи замечания Ю. И. Левина о мире, описываемом русской скверноматерной лексикой, как об особом мире, «в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором “все расхищено, предано, продано”, в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием». Можно говорить также об особых картинах мира, формируемых в рамках различных видов речевой деятельности, ориентированных на некую заданную систему ценностей: напр., картину мира советского идеологического языка или картину мира церковного дискурса.

Так, слово *космополит*, нейтрально или даже положительно окрашенное в неидеологической речи, приобрело яркую отрицательную окраску в советском идеологическом языке. Ср. размышления об этом слове майора Ройтмана из романа Солженицына «В круге первом»: *Прекрасное гордое слово, объединявшее*

---

<sup>1</sup> Стоит отметить, что расчет на *авось*, как правило, оценивается в русской культуре невысоко, что видно из пословиц, в которых соответствующий компонент выходит из сферы фоновых смыслов и оказывается в фокусе высказывания: *От авось добра не жди; Авось плут, обманет; Держался авоська за небоську, да оба под мат угодили.*



мир, слово, которым венчали гениев самой широкой души — Данте, Гёте, Байрона, — это слово в газетенке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить — жид. Слова *зависть* или *гордость* характеризуются совсем разными оценочными компонентами в зависимости от того, используются они в речи, ориентированной на христианские или на светские этические ценности<sup>2</sup>.

Впрочем, в случае такого рода неявные смыслы часто оказываются объектом металингвистической рефлексии и тем самым уже не относятся к представлениям, некритически принимаемым на веру всеми носителями языка. Характерны в этом отношении коннотации слова *счастье*, соотносящегося с одним из ключевых концептов русской языковой картины мира.

В традиционной русской языковой картине мира *счастье* понимается как везение, когда *счастливо* складываются обстоятельства. Соответственно, прилагательное *счастливый* может относиться к различным метонимически связанным аспектам ситуации *счастья* — ср. *счастливый расклад*, *счастливая карта*, *счастливый исход*, *счастливый день*, *счастливый игрок*. *Счастье-везение*, целиком принадлежащее сфере «бытового», иллюстрируется такими примерами, как *монетка на счастье*; *счастливый случай*; *Ему улыбнулось счастье*; *Это счастье, что...*; *Какое счастье!*; *Без счастья и в лес по грибы не ходи*; *Кто счастлив в картах, тот несчастлив в любви*; ср. также: *Довольно счастлив я в товарищах моих*, *Вакансии как раз открыты: / То старших выключат иных, / Другие, смотришь, перебиты* (Грибоедов). Оно не зависит от личных усилий и заслуг человека (ср. характерные пословицы *Дуракам счастье*; *Счастье придет, и на печи найдет*; *Счастье вольная птичка: где захотела, там и села*). Поэтому рассчитывать на *счастье* в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы *надеяться на авось*, и подобно расчету на *авось* может оцениваться невысоко. Ср., с одной стороны, пословицы *Счастье дороже ума*; *Счастье дороже богатства*; *Не родись красивым, а родись счастливым* и, с другой, — скептическое изречение: *Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, а ум-то где?* (Суворов), — а также пословицы: *Счастье везет дураку, а умному Бог дал*; *Счастье без ума — дырявая сума (что найдешь, и то потеряешь)*; *Счастье что волк: обманет да в лес уйдет*; *Счастью не верь, а беды не пугайся*.

<sup>2</sup> В речи на Первом всесоюзном съезде писателей А. Сурков сказал: «У нас по праву входят в широкий поэтический обиход понятия любовь, радость, гордость, составляющие содержание гуманизма. Но некоторые молодые (да и немолодые иногда) поэты как-то сторонкой обходят четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии НЕНАВИСТЬ». Очевидно, что представление о *ненависти* как о составной части пролетарского гуманизма, является предельно идеологизированным и не относится к фоновым знаниям носителей языка. Поэтому оно и оказывается в фокусе высказывания Суркова. Но отнесение *гордости* к числу безусловно положительных понятий, «составляющих содержание гуманизма», подается им как нечто само собою разумеющееся. Между тем с точки зрения традиционной христианской этики гордость представляет собою первый из смертных грехов, «демонскую твердыню».

Невысокая оценка *счастья* находит отражение и в литературе. Упомянем ироническое обыгрывание скептического отношения к *счастью-удаче* в рассказе Аверченко «О шпаргалке»: *Есть даже такие лица, которые отрицают пользу шпаргалок. Большой частью это лица, надеющиеся на свое счастье, но экзамены, как и всякая игра, тогда только и хороши, когда призывается на помощь счастье и некоторая заботливость, и труд. (Трудом мы называем добросовестное и тщательное изготовление шпаргалок по вышеприведенным образцам.) / А счастье, а русское знаменитое «авось» — вещи слишком гадательные, и не всегда они вывозят. Но скепсис по отношению к счастью распространяется и на счастье, понимаемое как ‘чувство или состояние полного удовлетворения’. Как известно, Пушкин считал, что на свете счастья нет. Еще более суровая оценка счастья дана в рассказе Н. Тэффи «Русская дура», в котором высказано предположение, что человек счастлив только тогда, когда видит несчастье другого: А счастье, очевидно, приходит к людям таким жалким и голодным зверем, что нужно его тотчас же хорошенько накормить теплым человеческим мясом, чтобы он взыграл и запрыгал. Впрочем, в таком восприятии нет ничего специфического именно для русской картины мира: высказывания в духе упомянутого рассказа Тэффи встречаются на самых разных языках и могут восприниматься как скепсис по отношению к человеческой натуре как таковой.*

Здесь существенно и то, что тема *счастья* в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой *любви*. Именно в связи с *любовью* чаще всего говорят о том, что человек *счастлив*, как о его актуальном состоянии, как бы опровергая пушкинскую формулу. Приведем характерный диалог из романа Солженицына «В круге первом»: *...на одной из своих довоенных лекций, — а они тогда были чертовски смелые! — я развил эгегическую идею, что счастья нет, что оно или недостижимо, или иллюзорно. ...И вдруг мне подали записочку, вырванную из миниатюрного блокнотика с мелкой клеточкой: / «А вот я люблю — и с ч а с т л и в а! Что вы мне на это скажете?» / — И что ты сказал?.. / — А что на это скажешь?*

В то же время концепт *счастье* занимал важное место в советской идеологии. Стало общим местом крылатое выражение Короленко *Человек создан для счастья, как птица для полета*. Школьникам постоянно задавались сочинения на тему «Что такое счастье?»; при этом ожидаемый ответ был заранее известен: *счастье* отдельного человека могло состоять в самоотверженном труде, вносящем вклад в осуществление того, что наметили партия и правительство и что вело к достижению всеобщего *счастья* в будущем. К советскому времени нельзя было отнести фразу Пушкина: *На свете счастья нет, — было положено считать, что счастье есть, но за это счастье надо бороться*. Ср.: *В повести «Мальчик у моря» Дубов показал, что счастье есть, а написав «Беглеца», он предупредил: за это счастье надо бороться. Ибо есть еще у нас и мелочное, воинствующее мещанство, и попираание человеческого достоинства, и много других недостатков* (В. Железников).

Именно *счастье* было кульминацией того, что должен был, в соответствии с положениями «Программы КПСС», установить на Земле коммунизм: «мир, труд, свободу, равенство, братство и *счастье* всех народов». При этом предполагалось, что частично это *счастье* уже достигнуто в Советском Союзе (ср., напр., благодарность т. Сталину или партии за *наше счастливое детство*). Впрочем, не отрицалось и стремление к личному счастью (стандартные месткомовские поздравления обыкновенно включали пожелания *счастья в личной жизни*), но оно не должно было заслонять высоких целей строительства коммунизма; в противном случае оно клеймилось как *мещанское счастье* (формулировка, заимствованная у Помяловского, одна из повестей которого так и называется «Мещанское счастье»). Именно в этом состояло отличие специфически советских представлений о *счастье* по сравнению с аналогичными идеологическими конструкциями западных народов — ср. первые строки Декларации независимости: *We hold these Truths to be self-evident, that all Men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty, and Pursuit of Happiness...* (Мы считаем самоочевидной истиной, что все люди созданы равными, что они наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к *счастью*...).<sup>3</sup>

Идеологема *счастья* вызывала отталкивание у людей, не принимающих советскую идеологию. *Мы, как известно, не гедонисты и отнюдь не созданы ни для счастья, ни для полета, ни для удовольствия*, — писала Надежда Мандельштам, в неявном виде полемизируя со ставшей крылатой мыслью Короленко. Показателен также диалог Нержина и Рубина в романе Солженицына «В круге первом»: *Мудрая этимология в самом слове запечатлела преходящность и нереальность понятия. Слово «счастье» происходит от се-часье, то есть, этот час, это мгновение! — Нет, магистр, простите! Читайте Владимира Даля. «Счастье» происходит от со-частье, то есть, кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни. Мудрая этимология дает нам очень низменную трактовку счастья. И в «Раковом корпусе» с Асей, убеждающей Дему отказаться от ампутации ноги: *Да ты что!! Как это — ногу отрезать? ...Ни за что не давайся! Лучше умереть, чем без ноги жить, что ты? Какая жизнь у калеки, что ты! Жизнь дана для счастья*, — в следующей главке, сам того не зная, спорит Костоглотов: *В конце концов, к чему сводится наша философия жизни? — «Ах, как хороша жизнь!.. Люблю тебя, жизнь! Жизнь дана для счастья!» Что за глубина! Но это может и без нас сказать любое животное — курица, кошка, собака. И совсем решительно опровергает идеологему *счастье* будущих поколений автор теории «нравственного социализма» — Шулубин из то-**

<sup>3</sup> Существенно, что и это идеологизированное представление о *счастье* включало в себя понимание *счастья* как удачи, не зависящей от заслуг человека. Как писал Б. Сарнов, советский человек должен был быть счастлив «уже по одному тому, что... ему выпало счастье родиться и жить в советской стране».

го же «Ракового корпуса»: *Так вот что такое нравственный социализм: не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка — «счастье»! — а ко взаимному расположению. Счастливы и зверь, грызущий добычу, а взаимно расположены могут быть только люди! И это — высшее, что доступно людям! (...) Счастье — это мираж! — из последних сил настаивал Шулубин. Он побледнел. — Я вот детей воспитывал — и был счастлив. А они мне в душу наплевали. А я для этого счастья книги с истиной — в печке жег. А тем более еще так называемое «счастье будущих поколений». Кто его может вывести? Кто с этими будущими поколениями разговаривал — каким еще идолам они будут поклоняться? Слишком менялось представление о счастье в веках, чтоб осмелиться подготавливать его заранее. Каблуками давя белые буханки и захлебываясь молоком — мы совсем еще не будем счастливы. А делаясь недостающим — уже сегодня будем! Если только заботиться о «счастье» да о размножении — мы бессмысленно заполним землю и создадим страшное общество...*

В постсоветское время не прекратилось обсуждение вопросов о том, что такое счастье и возможно ли оно. Приведем всего лишь один пример. В газете «Известия» за 1 марта 2003 г. опубликована заметка о Всероссийском конкурсе нового отечественного плаката, которая так и называется: «Счастье есть!». В этой заметке среди прочего рассказывается о Елене Михалевич, плакатистке из Рязани. Она рассказала корреспонденту газеты, что, «заходя утром в автобус, натывается на помятые трагичные безысходные лица рабочего класса». Она решила: «...почему бы не намекнуть им, что счастье на самом деле есть? Я нарисовала три автобусных билета, в центре — красный, счастливый, с номерами 119 335. И под ними написала — “Счастье есть!”» Как сообщается в заметке, Рязанское автобусное управление отказало Михалевич в ее идее приклеить эти плакаты в каждом автобусе. «Так что в Рязани до сих пор о существовании счастья не подозревают. Зато счастье есть в столице», — резюмирует газета, сообщая, что теперь плакаты Михалевич выставлены в музее в Москве (на выставке наглядной агитации).

Но все разнообразие различных суждений носителей русского языка о счастье — знак скорее идеологических, чем языковых расхождений. Все это разнообразие вполне укладывается в общее представление о счастье как о положении дел, когда человеку так хорошо, что он не испытывает дискомфорта из-за каких-то неудовлетворенных желаний. Это единство особенно заметно на фоне аналогов счастья в других языковых картинах мира. Так, английское слово *happу* может использоваться в приземленных контекстах, когда говорить о счастье для русских было бы просто неуместно. Прочитируем в этой связи небольшой отрывок из интервью с Кшиштофом Занусси, опубликованного в газете «Аргументы и факты» (2000, № 31) и озаглавленного «Счастье — это рекламный трюк»: *Но слово «счастье» — опасное слово. Помню мои беседы с Тарковским в Америке. Мы говорили о том, что слово «счастье» в разных языках имеет разное значение. Например, у воздушной компании «Олимпик» есть лозунг «Все здесь счаст-*

ливы». Андрей спросил: «Как можно говорить, что счастлива вдова, летящая этим самолетом?» Счастье по-английски значит, что кофе хороший, кресло удобно и температура приятна. ... Оно слишком сильно связано с рекламой. Для славянина счастье — эйфория, или покой, или только надежда, тогда и страдая можно быть счастливым человеком. В «бытовых» контекстах такого рода *X is happy* следовало бы переводить, напр., как *X-у хорошо*. Соответственно, высказывание *I am not happy with this suggestion* можно было бы перевести или как *Мне это предложение не нравится*, или как *Меня это предложение не устраивает*, а *We'll be happy to come* — как *Мы с удовольствием придем*.

Итак, в русском счастье — в отличие от его западных аналогов — наблюдается ключевой мотив русской языковой картины мира: противопоставление «низкого», бытового» и «высокого», только «высокое» имеет здесь целиком земное содержание и не может пониматься как «горнее».

Именно сквозные мотивы языковой картины мира составляют основную трудность и для перевода, и для межкультурной коммуникации. Это и понятно. Переводчик, как правило, стремится точно передать те компоненты смысла, которые находятся в фокусе внимания. Фоновых компонентов он часто вообще не замечает, а если и заметит, то нередко бывает готов ими пожертвовать. Следует иметь в виду, что, пытаясь передать их средствами другого языка, он почти неизбежно привлечет к ним внимание, переведет их из почти незаметного «фона» в фокус, а это также будет искажением исходного смыслового задания. Аналогичным образом, при общении с представителями иных культур человек, говорящий на неродном языке, стоит перед выбором: использовать модели (conversational routines) языка общения, обременяя свое высказывание смыслами, чуждыми исходному коммуникативному намерению, или обращать на себя внимание нестандартностью речевого поведения и излишне акцентировать смыслы, которые на родном языке оставались бы «в тени». Решение в каждом конкретном случае зависит от целого ряда параметров. Но совершенно нелишним является осознание проблемы и исследование всего того, что, не попадая в фокус высказывания, составляет сквозные мотивы дискурса на данном языке. Здесь необходимо, не ограничиваясь общими сентенциями об особенностях национальной «ментальности» или «национального характера», опираться на тщательный семантический анализ, использующий все достижения современной лингвистики.



## **ЧАСТЬ 2**

# **ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

## **И КАРТИНА МИРА**





# ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

---

*Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев*

## ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В XX И XXI ВЕКЕ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ\*

В нашей книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] мы показали, что Языковая картина мира формируется совокупностью ключевых концептов и пронизывающих всю лексическую (а отчасти и грамматическую) систему языка сквозных мотивов, или ключевых идей, связывающих в единую картину вышеупомянутые ключевые концепты, а также другие типы лингвоспецифичных слов.

Ключевые концепты группируются, с одной стороны, вокруг выражаемых ими ключевых идей (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]); с другой стороны, по принципу словообразовательных гнезд (ср. описание группы слов, выражающих концепт *обиды*, в работе [Зализняк 2000б] или анализ словообразовательного гнезда с вершиной *терпеть* в статье [Шмелев 2003в]); с третьей — по тематическим группам. Такую группу составляют, например, слова: *польза, выгода, корысть (бескорыстный), преимущество и недостаток, выиграть* (= ‘победить’) и *проиграть* (= ‘потерпеть поражение’); *успех (успешный (человек)) и поражение; сделка, гешефт* (= ‘нечестная сделка’), *купить и продать* (в том числе, их производные значения, ср. сочетания *он его продал* и *он его купил*); *бизнесмен, предприниматель, коммерсант; неудачник*. Сюда можно отнести также термин *достижимость* — сомнительный с точки зрения соответствия законам русского словообразования, но иногда применяемый в современном русском философском дискурсе для обозначения одной из важнейших черт, отличающих «западный» менталитет от русского (см., например, [Западники и националисты 2003]). Анализ этой тематической группы на фоне ключевых идей русской языковой картины мира позволяет объяснить, почему в русском языке отсутствует точный эквивалент для лингвоспецифичного английского психологического термина *loser*, букв., ‘тот, кто проигрывает (в жизни)’ (неточный русский эквивалент — *неудачник*, см. о нем ниже), а заимствованное слово *лузер*, которое иногда используется для заполнения соответствующей лакуны, пока остается либо термином, либо элементом молодежного сленга.

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008].

Языковая картина мира не является неизменной: некоторые ее зоны разрабатываются и укрепляются, другие, наоборот расшатываются. Это связано с семантической эволюцией ключевых концептов. Конечно, языковая картина мира в целом «устойчивее», чем значения отдельных ключевых слов, которые подвержены изменению. Так, почти все слова, которые являлись ключевыми для русского языка (наиболее полный список см. в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]) на протяжении XX в., изменили свое значение, и некоторые из них продолжают меняться на наших глазах.

Многие слова и значения, в высшей степени лингвоспецифичные и воспринимаемые как ключевые для русского видения мира, «русского характера» и русской культуры, появились в языке сравнительно недавно. Так, например, слово *неприкаянность* — одно из характерных русских слов, описывающих свойство, традиционно приписываемое «русской душе», появилось лишь в конце XIX в., его нет даже у Даля [Левонтина, Шмелев 2000]. Глагол *успеть*, который относится к числу ключевых концептов русского языка, выражающих особое отношение к времени [Зализняк, Левонтина 2005], приобрел современное лингвоспецифичное значение лишь на рубеже XIX и XX вв. [Плунгян 2004]. Слова *общаться*, *общение*, также как и *относиться* (к кому-то как-то), *отношение*, лингвоспецифичные и трудно переводимые [Зализняк 2006: 291—292; 9], к тому же и необыкновенно частотные, как выясняется, к началу XX в. в русском языке в современном значении еще отсутствовали.

Проблема эволюции ключевых концептов русского языка в XX в. имеет несколько аспектов.

Во-первых, это семантическая эволюция соответствующего круга русских слов в XX в. по сравнению с предыдущим веком: есть слова, которые определенным образом изменили свою семантику и приобрели статус «ключевых концептов» лишь в XX в. (как, например, слово *счастье*). Заметим, что некоторые слова, бывшие «ключевыми», к концу XX в. вышли из употребления и тем самым данный статус утратили (как, например, слово *авось*, которое в современном языке употребляется преимущественно цитатно или иронически, см. [Шмелев 2001]). О появлении новых ключевых слов судить труднее, так как статус слова как «ключевого» требует проверки временем.

Во-вторых, это семантическая эволюция широкого пласта русской лексики (безразлично, исконно русской или заимствованной, но так или иначе существовавшей в русском языке к началу XX в.), произошедшая в течение последних двух десятилетий XX в. — отчасти под влиянием социальных перемен (заметим, что вопрос о характере и механизмах влияния социального фактора требует особого исследования).

В-третьих, это судьба заимствованных слов. Здесь следует различать: 1) «материальное заимствование», при котором воспроизводится как форма, так и значение заимствуемого слова (ср. многочисленные англицизмы, которые появились в русском языке за последние полтора десятилетия для обозначения отсутство-

вавших ранее реалий, типа *маркетинг* или *мерчендайзинг*; некоторые из них вполне освоены языком, как, например, слово *грант*); 2) заимствование внешней оболочки слова с изменением его значения в направлении «приспособления» к семантической системе заимствующего языка (ср. *кураж*, *авантюра*, *гонор*, *гешефт*); 3) семантическое калькирование, т. е. заимствование производного значения, отражающего способ построения концепта; при этом, наоборот, заимствующий язык оказывается под влиянием семантической системы языка-источника (ср. *друг* (= 'сожитель'), *успешный* (человек)); в случае, когда «мишенью» семантического калькирования является заимствованное слово (ср. *проблема*, *шок*), имеет место, так сказать, «повторное заимствование».

Заимствования первого типа, которые дают важный материал для русской лексикографии и истории русского языка, для нас представляют меньший интерес, и в данной работе исследоваться не будут.

Рассмотрим подробнее два других случая: они отражают две, в некотором смысле противоположные, тенденции.

С одной стороны, известный феномен состоит в том, что при заимствовании слово меняет свое значение; характер этого изменения не случаен, и отражает особенности как семантической системы, так и «картины мира» заимствующего языка. Существенно, что часто заимствованные слова, подвергшиеся определенному семантическому преобразованию, попадают в число «ключевых». Так, например, в XIX в. в русском языке появилось слово *кураж* (из франц. *courage* — 'смелость'): в русском языке оно существенно изменило свое значение, втянувшись в поле лингвоспецифичных слов *удаль*, *размах*, *загул*, отсылающих к сквозному мотиву «широты», и оказалось в числе труднопереводимых русских слов [Шмелев 2001]. Такая эволюция, безусловно, не случайна.

Другой пример. В польском языке есть слово, обозначающее важную ценность польской языковой картины мира, — *honor* (не вполне точный перевод — 'честь'). Оно предполагает жертвенность и чувство собственного достоинства, не позволяющее унижаться и отступать от собственных принципов ради выгоды или избавления от опасностей. Однако в русском языке оно может восприниматься как высокомерие, надменность, отсутствие должного смирения. Дело в том, что в соответствии с укорененным в русской культуре представлением, согласно которому не следует слишком высоко оценивать самого себя, слова, указывающие на высокую самооценку, окрашены отрицательно: *самоумнение*, *самоуверенность*, *самонадеянность*. Соответственно, в русском языке слово *honor*, будучи заимствованным (в виде *гонор*), вошло в ряд таких слов, как *спесь*, *кичливость*, *самоуверенность*, *самоумнение* и т. д. и приобрело отрицательную оценку.

С другой стороны, существует феномен, включающий семантический сдвиг противоположного характера. Это семантическое калькирование, при котором заимствуется не само слово, а лишь содержащийся в нем «семантический переход» [Зализняк 2001], т. е. слово приобретает производное значение под влиянием аналогичного производного значения у слова с тем же исходным значением в

другом языке (классический пример такого рода — появление в конце XVIII в. производного значения «воздействовать на чувства» у русского глагола *трогать*, под влиянием франц. *toucher*, см. [Виноградов 1994: 810]).

Естественно предположить, что в периоды бурных изменений в обществе и сопровождающих их языковых сдвигов вторая тенденция доминирует. Действительно, именно это мы наблюдаем в настоящее время, когда официальное идеологическое противостояние Западу, имевшее место на протяжении всей советской эпохи, потеряло актуальность. Распространение идеологии *успеха*, *потребления* и *наслаждения*, вызывающее у части российского общества протест и активизацию дискурса о традиционных русских ценностях, тем не менее отразилось в появлении новых слов и значений.

Особый интерес представляют слова иностранного происхождения, уже давно вошедшие в русский язык, но изменившие свое значение под влиянием английского (реже — немецкого или французского) языка, как бы повторно заимствованные в новую эпоху, под воздействием неких общих тенденций, говоря упрощенно — современной «западной» модели мира и системы ценностей. Такова, например, судьба слов *проблема*, *деликатный*, *интимный*, *амбициозный*, *агрессивный*, *шокировать* и некоторых других — см. [Зализняк 2006б; Левонтина 2006; Никипорец-Такигава 2006].

Ниже мы рассмотрим подробнее два примера семантического калькирования, имеющие непосредственное отношение к русской языковой картине мира и тенденциям ее изменения.

Русское слово *успешный* до относительно недавнего времени могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры*, *успешная работа* и т. п.), но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень распространенным. Более того, успешный человек — это, пожалуй, герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издают журналы; существует интернет-рассылка «Афоризмы успешных людей» и сетевая «Библиотека успешного человека». Этот новый герой — адресат рекламы: *Мобильные телефоны для успешных людей*; *Леонбергер — собака для успешных людей!*; *Красивые зубы — пропуск в мир успешных людей*. «Успешным может стать каждый», — сулят педагоги, психологи и психотренеры; «Как вырастить из ребенка успешного человека», — на вопросы читателей отвечает педагог-психолог и т. д. (Заметим, что слово *успешный* относится к словообразовательному гнезду, заключающему в себе один из ключевых концептов русской языковой картины мира; см. о семантической эволюции слов *успеть* и *успех* в предшествующие эпохи [Виноградов 1994: 656; Зализняк, Левонтина 2005; Плунгян 2004].)

Такое изменение смысловых возможностей слова не случайно. *Успешный*, конечно, калька с английского слова *successful*. Представление об *успешном человеке* пришло к нам вместе с западным культом успеха, достижения. Традиционно в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жиз-

ненная ценность (см. выше о категории *недостижимости*). Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху, не добивались поставленных целей. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение как-то ассоциировалось с риском для собственной души.

В русском языке есть близкие по значению слова *состоявшийся* и *преуспевающий*. *Состоявшийся* — значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно, т. е. здесь отсутствует социальный аспект. Слово *преуспевающий* (от того же корня, что и *успешный*) связано с финансовым успехом и выражает некоторое сомнение в моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* — это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, которому удалось спасти от тюрьмы много невинных людей. Можно представить, что, защищая Бродского от обвинений в тунеядстве, кто-то мог назвать его *состоявшимся поэтом*. Но *преуспевающим поэтом* — невозможно.

Аналогичное изменение значения наблюдается у слова *эффективный* (ср. *эффективный человек*); кроме того, появилось еще множество новых значений и новых словосочетаний, отражающих тот же самый сдвиг в картине мира (ср. слово *вызов* в значении, соответствующем англ. *challenge*; выражение *жизненный проект*). Целый ряд слов утратил сему отрицательной оценки, например: *коммерсант*, *бизнесмен*, *агрессивный*, *амбициозный*, *карьера*. Двадцать лет назад говорили *карьера в хорошем смысле*: требовалось оговариваться, что в хорошем, потому, что вообще-то *карьера* — это было что-то слегка постыдное. С другой стороны, в современном языке изменило оценку слово *неудачник*, которое раньше могло подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к упоминавшемуся выше английскому *loser*.

Говоря о судьбе заимствованных слов в русском языке, следует упомянуть слово *проблема*. Это слово пришло в русский язык из Западной Европы (как считается, было заимствовано из немецкого через посредство польского) в начале XVIII в. как «ученое» слово, обозначающее, приблизительно, «трудный вопрос, требующий разрешения». Это слово принадлежало почти исключительно научно-бюрократическому дискурсу; в бытовом языке, также как и в языке художественной литературы, в течение всего XIX в. этого слова нет: его нет в Словаре языка Пушкина, его нет у Толстого, Достоевского, Гаршина, Вересаева. В первой половине XX в. оно начинает входить в обыденную речь, но в язык художественной литературы проникает лишь к середине XX в.

В какой-то момент появляется его новое значение: практическая цель, которую трудно достичь. И далее, существенно позже, происходит еще один сдвиг — но это уже результат семантического калькирования с западноевропейских языков: слово *проблема* начинает употребляться в значении «обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей»; нечто, что необходимо уст-

ранить, чтобы восстановить нормальный ход вещей, а именно такой, при котором человек получает удовольствие от жизни. Проблема возникает тогда, когда что-то не получается сделать, хотя должно получаться. Именно это «должно» в презумпции и составляет, по-видимому, специфику обсуждаемого значения слова *проблема*, выдающую его «иностранное происхождение» (заметим, что в других значениях этого компонента нет). *Проблемы* в этом смысле — это препятствия, которые возникают на пути нормального, гладкого течения процесса жизни: нормально, если сын хорошо учится и хорошо воспитан; нормально иметь хорошую память, обычной формы уши, уметь получать нужный эффект от компьютера, его отдельных функций и программ. Заметим, что в большинстве случаев на месте современного *У меня проблемы* раньше по-русски сказали бы *У меня неприятности*. Слово *проблема*, в отличие от слова *неприятность*, оптимистично и конструктивно: что-то не так, но это нужно и можно исправить.

Новое значение слова *проблема* непосредственно связано с комплексом представлений, отраженных также в других ключевых словах «западной культуры», таких как *happy, enjoy, OK*. Не случайно строгие блюстители чистоты русского языка первой половины XIX в. (Цветаева, Набоков и др.) вообще не употребляли слова *проблема*. (О семантической эволюции слова *проблема* в современном русском языке см. [Зализняк 2006б].)

Рассмотрим еще одно слово, также претерпевшее повторное заимствование. Это слово *деликатный*, которое стало употребляться в сочетаниях типа *деликатная стирка*. Данное значение представляет собой семантическую кальку с англ. *delicate*; в стандартном русском литературном языке ему соответствует слово *бережный*.

Слово *деликатный* восходит к французскому *délicat*, означающему, среди прочего, «нежный, хрупкий, утонченный, привередливый». Но в русском языке его значение сузилось: оно стало относиться к сфере отношений между людьми. Слово *деликатный* в современном русском литературном языке имеет два значения. Во-первых, *деликатным* называют человека, который щадит чувства других людей, старается не обидеть их своим поведением или словами. Во-вторых, по-русски говорят, например, *деликатный вопрос*, имея в виду, что этот вопрос надо обсуждать с осторожностью, чтобы опять-таки не обидеть другого человека.

В XIX в., когда слово *деликатный* еще не вполне обжило в русском языке, оно употреблялось и в других контекстах. *Деликатными* могли называться кушанья с изысканным вкусом, хрупкое телосложение и т. д. Однако такие употребления устарели. Причина кроется в том, что, когда русский язык воспринял слово *деликатный*, в нем уже было много слов с аналогичными значениями. И, как это часто бывает в языке, новое слово развило свое, специфическое значение, превратившись в результате в весьма характерное и специфичное русское слово. Значение его стало гораздо более узким по сравнению с английским *delicate* (тоже заимствованным из французского) или, скажем, итальянским *delicato*, которые применимы не только к человеческим отношениям, но и к кушаньям, и к са-

мым разным предметам материального мира. Дело в том, что русский язык вообще очень внимателен к нюансам человеческих отношений, особенно ко всему, что может *обидеть* другого человека. Это — один из «сквозных мотивов» русской языковой картины мира; семантика щепетильности необычайно разработана в русском языке и представлена целым рядом лингвоспецифичных слов, таких как *обида*, *обидно*, *попрек*, *совестно*, *неудобно* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Поэтому абсолютно не случайно, что новое слово закрепилось именно в этом значении. Обратим внимание, что само слово *щепетильный*, которое раньше употреблялось в сочетаниях типа *щепетильная лавка*, *щепетильная торговка* (ср. у Пушкина *все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный*), тоже изменило свое значение таким образом, что теперь и оно связано с ситуациями, в которых можно случайно обидеть другого человека. Аналогичное употребление возникло в русском языке и у слова *галантерейный* (ср. *галантерейное обхождение*).

Таким образом, повторное заимствование вернуло слову *деликатный* исходное более широкое, неспецифическое значение, тем самым сведя на нет долгую работу русского языка по «оттачиванию» значения этого слова.

Безусловно, появление новых значений путем семантического калькирования у русских слов (как исконных, так и иноязычных), определенным образом влияет на ту картину мира, которая зафиксирована в русском языке предшествующих эпох, — расшатывая и в какой-то степени размывая ее специфику. Однако, в отличие от изменения значения отдельного слова, которое может происходить, в особенности при семантическом калькировании, относительно быстро, изменение языковой картины мира — процесс довольно медленный. Должно накопиться достаточно много подобных системных изменений, чтобы можно было констатировать, что какой-то фрагмент языковой картины мира стал выглядеть иначе.

**«ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»  
И «КАРТИНА МИРА ТЕКСТА»:  
ТОЧКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ \***

Понятие «языковая картина мира», под которой понимается единая система взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми носителями некоторого языка, стало особенно популярным в последние полтора десятилетия. Как это часто бывает, обнаружилось, что само это понятие вовсе не является самоочевидным и нуждается в определении, а также в описании того, каким образом мы устанавливаем, что относится к языковой картине мира, а что — нет. Кроме того, остаются недостаточно проясненными механизмы, объясняющие, каким образом получается, что система взглядов и предписаний, составляющая языковую картину мира, в той или иной степени разделяется всеми носителями языка.

Для ответа на эти вопросы в «новомосковской школе концептуального анализа»<sup>1</sup> были выработаны общие принципы, в соответствии с которыми языковую картину мира формируют представления, входящие в значения слов в неявном виде (пресуппозиции, коннотации, фоновые компоненты значения), так что участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

В соответствии с таким пониманием, плоды *малины* и *земляники* в русской языковой картине мира являются *ягодами*, а *помидор* и *арбуз* — нет (напомним, что в ботанической классификации плодов дело обстоит противоположным образом). Это определяется, в частности, тем, что, если на столе малина или земляника,

---

\* В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции «Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте», происходившей 22—24 апреля 2010 г. в Лесосибирске.

<sup>1</sup> Описание русской языковой картины мира, выполненное в рамках данного направления, содержится в книгах [Шмелев 2002; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Указанное направление исследований называют также «Московская школа этнолингвистики» [Беликов 2006].



носители языка сочтут правильным высказывание *Возьми еще две ягоды*, а если на столе помидоры, такое высказывание будет звучать весьма странно. Человек, который идет на рынок купить каких-нибудь *ягод*, с большой долей вероятности может купить землянику или малину, но, если он купит помидоры или арбуз, это будет свидетельствовать о том, что он изменил первоначальное намерение.

Неявные компоненты смысла, формирующие языковую концептуализацию мира, представляют собою своего рода «презумпции», поскольку их истинность носители языка обычно воспринимают как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение, т. е. обратит внимание на «скрытые» компоненты значения, извлечет их на поверхность и поместит в фокус внимания. Это происходит, в частности, в процессе лингвистического анализа, когда «скрытые» компоненты значения подвергаются экспликации; но это возможно и в рамках повседневной речевой деятельности. Так, многие тысячи бытовых текстов на русском языке эксплицитно сообщают, что арбуз — это *ягода*; другие, споря с ними, указывают, что арбуз не *ягода*, а тыква. Однако сама необходимость утверждать это (и возможность оспаривать это утверждение) показывает, что отношение арбуза к ягодам или «тыквам» не входит в набор «презумпций», разделяемых носителями русского языка и потому не является элементом русской языковой картины мира<sup>2</sup>.

Мы видим, что наличие общей для всех носителей языка картины мира не нарушает их свободу и возможность руководствоваться своей индивидуальной «картиной мира». «Неявные» компоненты смысла могут попасть в фокус внимания носителя языка и стать объектом метаязыковой рефлексии (часто в таких случаях мы имеем дело с употреблением языковой единицы в рамках «метаязыковых» рассуждений). Кроме того, носитель языка может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же сознательно «модифицировать» значение и употреблять ее, мысленно устранив «неявные» элементы смысла, если они соответствуют представлениям о мире, которые он не разделяет. В случаях такого рода имеет место особый «сдвинутый» режим употребления языковой единицы, и они не подрывают общего принципа, в соответствии с которым языковая концептуализация мира формируется «презумпциями», т. е. неявными элементами смысла языковых единиц.

Можно также говорить о «картине мира» некоторого текста. Под «картиной мира» некоторого текста понимается набор презумпций, заключенных в данном тексте. Этот набор включает в себя как презумпции, заключенные в значении языковых единиц, использованных в тексте (т. е. относящиеся к языковой картине мира), так и презумпции, которые обнаруживаются в тексте, но не могут быть

<sup>2</sup> В упрощенной ботанической классификации, которая много лет преподавалась на уроках ботаники в средней школе, «тыквины» и «померанцы» считают разновидностями ягод; поэтому и те, кто относит арбуз к ягодам, и те, кто настаивает на том, что это тыква, могут ориентироваться на свои школьные воспоминания.

приписаны какой-то отдельно взятой единице; они представляют собою результат взаимодействия семантики сочетающихся единиц.

Так, в известном стихотворении Федора Тютчева «Весенняя гроза», наряду с общеязыковыми презумпциями, содержится ряд презумпций, которые обеспечивают связность текста: *май* в наших широтах относится к числу весенних месяцев (в отличие от Южного полушария, в котором это осенний месяц); гроза средней полосе России не бывает зимой, а также в марте и апреле (это дает возможность говорить о майском громе как о *весеннем, первом громе*). В песне «Дай на маленькую», которая широко исполнялась во время застолий в 1970-е гг., есть строки «У тебя есть троячок, / У меня есть троячок, / Нам ещё бы троячок / На лимон и коньячок». Понятно, что данный куплет предполагает фоновое знание касательно стоимости коньяка — чуть меньше девяти рублей (а именно — 8 рублей 12 копеек). Это знание составляло часть картины мира исполнителей и слушателей и тем самым часть картины мира указанной песни. Понятно, что до подорожания алкогольных напитков в 1972 г. данный куплет не мог бы существовать в приведенном виде; и, действительно, тогда исполнялся он в другом варианте, который предполагал в качестве фонового знания цену водки в 2 рубля 87 копеек: «У тебя рублевка есть, / У меня рублевка есть, / Нам еще б одну рублевку — / Мы б купили поллитровку» (после 1972 г. самая дешевая поллитровка стала стоить 3 рубля 62 копейки, и тем самым приведенные строки утратили смысл, хотя иногда по инерции исполнялись).

Картина мира некоторого текста или группы текстов может в каких-то деталях противоречить общеязыковой картине мира. Проиллюстрируем это на материале восприятия пространства в так называемом «петербургском тексте русской литературы», рассматриваемом на фоне русской общеязыковой картины мира<sup>3</sup>.

К числу «ключевых идей» относится представление, согласно которому человеку необходимо большое русской языковой картины мира пространство, для того чтобы чувствовать себя свободно и хорошо. С этим мотивом связана положительная эмоциональная окраска, сопряженная с целым рядом русских слов, так или иначе соотнесенных с большими пространствами (*даль, ширь, приволье, раздолье, размах, гулять* и др.). Человек, лишенный больших пространств, может ощущать *тесноту*, ему может быть трудно дышать, он не может *свободно* двигаться. По-видимому, в русской языковой картине мира ощущение *свободы* достаточно устойчиво связывается с большим пространством, и не случайно В. И. Даль включил слово *простор* в толкование слова *свобода*. *Простор* дает человеку не только *свободу*, но и ощущение безопасности и *покоя*. Когда человек находится *на просторе*, в его личное пространство не может быть нежелательных вторжений, он находится наедине с самим собою. Но в русской языковой

<sup>3</sup> О понятии «петербургский текст русской литературы» см. классическую статью В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» [Топоров 1995: 259—367].

картине мира представлен и иной взгляд на соотношение больших открытых пространств и малых закрытых помещений. Дело в том, что большие открытые пространства, *простор* могут быть источником опасности; он может быть сопряжен с чувством незащищенности, таит в себе холод, ветер и неожиданности. Защититься от душевного дискомфорта и опасностей, связанных с *холодным ветром простора*, можно отгородившись от него, спрятавшись в небольшом закрытом теплом помещении. Любовь к небольшим закрытым помещениям, отгороженным от холодного «простора», отражена в прилагательном *уютный* и соотношенном с ним существительном *уют*. Чтобы помещение можно было назвать *уютным*, оно должно быть максимально отгороженным от внешнего мира, от *простора*. Если в помещении есть окна, то желательно, чтобы они были занавешены: шторы, занавески — одна из главных составляющих *юта*. При этом наличие крыши не всегда обязательно: *уютным* может быть и *дворик* — при условии что он в достаточной степени отгорожен от окружающего пространства. Помещение должно быть небольших размеров — не случайно прилагательное *уютный* часто сочетается с уменьшительными существительными (*уютный дворик, уютный уголок, уютное гнездышко* и т. д.). Оно не должно быть прохладным, в нем должно быть неяркое освещение, не должно быть чрезмерно громкой музыки, криков и т. п., должны быть чистота и порядок. Ощущению *юта* способствует абажур и мягкая мебель (желательно округлой формы). Голые стены мешают ощущению *юта*; для создания *юта* их оклеивают обоями.

Если мы обратимся к «петербургскому тексту», то можем видеть, что восприятие больших пространств в нем, как и в русской языковой картине мира в целом, амбивалентно, причем это касается как природных, так и культурных объектов. С одной стороны, большие пространства, *простирающиеся* во все стороны, дают ощущение свободы. С положительной окраской в «петербургском тексте» употребляются такие слова, как *простор, широта*, а также слова, обозначающие собственно городские объекты (проспект, площадь, сады и т. д.), и слова, соотносимые с природой Финского залива: *солнце, море, взморье, побережье, прохлада, свежесть, (освежающий) ветер* и т. д. Все указанные слова предполагают большие открытые пространства и бескрайнюю видимость, простор. С другой стороны, большие пространства и в «петербургском тексте» могут ассоциироваться с *вьюгой, метелью, холодом* и опасностями.

Но в отношении небольших закрытых помещений «петербургский текст» дает картину, несколько отличающуюся от русской общеязыковой картины мира. *Уют* в нем отсутствует; узкие пространства ассоциируются с *душной* атмосферой и могут служить источником экзистенциального страха. Дурная сторона петербургской жизни описывается в «петербургском тексте» посредством таких слов, как *жара, духота, грязь, толкотня, теснота, узость*, появляющихся во фрагментах текста, в которых фигурируют *каморка, угол, диван, комод, перегородка, ширма, занавеска, обои, стена, прихожая, коридор, порог, дверь, лестница, двор, ворота, переулок* [Топоров 1995: 315]. Примечательно, что некоторые из указан-

ных слов (напр., *диван, занавеска, обои*) в «стандартной» русской языковой картине мира могут скорее ассоциироваться с *уютом* [Шмелев 2006б].

Возвращаясь к понятию «языковая картина мира», следует отметить, что язык сам по себе неоднороден: разные сферы его использования обслуживаются разными подъязыками, каждый из которых обладает своим набором языковых единиц (хотя, поскольку речь идет о разновидностях одного и того же языка, эти наборы в большой степени пересекаются). Ясно, напр., что язык церковной проповеди и язык советской газеты существенно отличаются набором используемых языковых единиц и скрывающихся за ними концептуальных конфигураций; тем самым различаются и соответствующие языковые картины мира. Так, христианское представление, в соответствии с которым едва ли не важнейшей добродетелью является *смирение*, характерно для картины мира церковной проповеди, но совершенно чуждо для картины мира советской пропаганды. Соответственно, такие слова, как *смирение*, если и могли появиться в языке советской пропаганды, то только в ироническом или «разоблачающем» контексте (*поповские сказочки о смирении*).

С некоторой долей приближенности можно сказать, что языковая картина мира некоторого подъязыка представляет собою инвариант картин мира текстов на данном подъязыке. Так, для языка советской пропаганды было более всего характерно использование двух разных рядов лексических единиц в зависимости от того, идет ли речь о «своем» или о «чужом». Это соответствовало одному из ключевых положений советской идеологии, в соответствии с которым даже внешне сходные явления в коммунистических странах и в странах Запада имеют совершенно различную природу: «два мира, две системы»; при этом языковые единицы, применимые к коммунистическим странам, обладали положительными коннотациями, а слова, применимые к Западу, — отрицательные. Нарушение закономерностей распределения языковых единиц в зависимости от того, о какой из двух «систем» идет речь, вело к языковым аномалиям: в советской публицистике невозможны были такие сочетания, как *\*американский воин* или *\*судилище в СССР*. В применении к странам так называемого «третьего мира» могли использоваться слова как с положительной, так и с отрицательной окраской, в зависимости от того, отвечало ли обозначаемое явление интересам Советского Союза, как они понимались в данный момент. Впрочем, и в применении к Западу существовали определенные положительно окрашенные слова — напр., для обозначения реальных или потенциальных союзников коммунизма. Однако эти слова не совпадали со словами, используемыми для обозначения советских реалий, или, даже внешне совпадая с ними, имели совсем другое содержание. Так, *трудящиеся* были и в Советском Союзе, и на Западе; однако в применении к Советскому Союзу это слово обозначало просто советских граждан, тогда как в применении к Западу противопоставлялось *буржуазии* (иногда добавлялась количественная характеристика; *широкие массы трудящихся* и *кучка эксплуататоров*). Идеологические представления, скрытые в семантике единиц языка пропаганды, не исчерпывались положительной или отрицательной оценкой; они

включали в себя целый комплекс представлений, содержащихся в марксистском учении, «творчески развиваемом» советскими идеологами. Так, использование по отношению к странам Запада таких перифрастических выражений как *страны капитала*, а также прилагательных *буржуазный*, *капиталистический*, навязывало марксистское представление, согласно которому ключевым для противопоставления стран «социалистического лагеря» и западных стран является различие их экономического строя, «способа производства». Существенно, что, пользуясь языковыми единицами, характерными для советского идеологического языка, т. е. языка пропаганды, говорящие, даже если изначально они критически относились к советскому строю, неизбежно принимали и содержащиеся в этих единицах идеологические установки.

Говоря о различии картин мира разных подязыков, особенно важно отметить отличие «наивной» и «научной» языковой картины мира: первая реконструируется на основе наблюдений над использованием языка в повседневном общении, тогда как вторая отражена в научных текстах соответствующей специальности. На этом необходимо остановиться, поскольку по умолчанию под «языковой картиной мира» понимают именно наивно-языковое восприятие мира, т. е. концептуализацию мира, представленную в текстах на повседневном языке, адресованных неискушенным носителям.

Между тем как «наивная», так и «научная» картина мира могут быть реконструированы на основе лингвистического анализа. Если использование языка в повседневной речи отражает наивно-языковую картину мира (т. е. множество представлений о мире, которые кажутся носителям языка само собою разумеющимися и не подвергаются сомнению), то научные тексты опираются на «научную» картину мира, которая представляется «само собою разумеющейся» адресатам этих текстов.

Впрочем, можно констатировать определенное отличие «наивно-языковой» и «научно-языковой» картины мира. «Наивно-языковая» картина мира в норме реконструируется исключительно на основе наблюдений над использованием языковых единиц в повседневной речи. Эти представления эксплицируются в лингвистических сочинениях, и лишь в относительно редких случаях — в ситуации «метаязыковой рефлексии» — они подвергаются экспликации в бытовых текстах. Разумеется, это связано с тем, что повседневному языку специально не обучают, владение им воспринимается носителями языка как данность. В противоположность этому овладение «научной картиной мира» часто предполагает сознательное усилие. Экспликации «научных» представлений о мире — разумеется, в рамках некоторой данной науки — посвящены бесчисленные сочинения, выполненные в жанре «введения в науку»<sup>4</sup>. Эти сочинения не могут претендовать на то,

<sup>4</sup> Когда-то В. А. Успенский по этому поводу писал: «...как написано в одном старом учебнике, “предметом для введения в науку обыкновенно назначают предварительные о ней понятия, т. е. такие понятия, которые не могут войти в состав самой

чтобы быть написанными на подлинном «научном» языке: там подробно излагаются сведения, которые специалистам — носителям «научной» картины мира — и так прекрасно известны. Однако сообщение их не является бессмысленным или бесполезным, поскольку владение соответствующими сведениями не является общим достоянием всех носителей языка, а овладение ими представляет собою необходимую предпосылку умения пользоваться языком соответствующей науки.

Так, в учебниках ботаники, служащих своего рода «введением в специальность», сообщается, что среди сочных плодов принято различать *костянки* (вишня, слива, персик), *ягоды* (помидор, виноград, смородина), *яблоки* (яблоня, груша, рябина); к *ягодам* примыкают *тыквинны* (огурец, дыня, тыква) и *померанцы* (апельсин, лимон), и иногда к ним применяют общее наименование *ягоды*. Очевидно, что это словоупотребление весьма отличается от словоупотребления, принятого в повседневном общении. Главное здесь не то, что значение терминов отличается от значения тех же самых слов в повседневном языке, а то, что стоящие за этим словоупотреблением концептуальные конфигурации совсем по иному классифицируют явления внеязыковой действительности. Классификация, при которой яблоки, груши и рябина объединяются в один класс, персики, абрикосы и черешня — в другой, а помидоры, крыжовник и смородина — в третий, резко противоречит «наивной» таксономии плодов. В «наивной» таксономии скорее будут объединены яблоки, груши, абрикосы и персики (класс *фруктов*) и, с другой стороны, рябина, черешня, крыжовник и смородина (класс *ягод*); что же касается до помидоров, то они будут отнесены к особому классу *овощей*.

По-видимому, полное лексикографическое описание слова должно учитывать употребление в разных подъязыках (приводя в необходимых случаях соответствующие пометы). Обратим внимание на то, что содержание толкований как раз и будет отражать особенности соответствующей концептуализации мира. Это именно фоновые знания: любой носитель языка легко понимает значение таких выражений, как *вишневый* или *малиновый цвет, имеет форму груши, размером с небольшую сливу*, но свободно может поверить, что удалось вывести растение, плод которого по соответствующим параметрам отклоняется от эталона. Иными словами, признаки, отражаемые в толковании, являются частью «общего фонда знаний» носителей языка, но не дают основы для идентификации ботанических объектов. Что же касается до толкований «специальных» значений, они включают в себя сведения об объекте, известные специалистам, но как раз потому почти никогда не эксплицируемые в текстах по соответствующей специальности.

---

науки, однако ж существенно к ней относятся и необходимо ею предполагаются”» [Успенский 2002: 276]. Он приводил цитату из книги владыки Макария «Введение в православное богословие» [Макарий 1852: 7], однако по условиям советского времени не мог ее назвать.

# ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

---

*И. Б. Левонтина*

## ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ДУША?\*

Как часто мы слышим и читаем о «широкой русской душе», об «истинно русской бесшабашности», о том, что мы по-прежнему надеемся на русский «авось» и тому подобное. Власть таких стереотипов поразительна. Мне особенно запомнилось, как телеведущая Анэля Меркулова в одном интервью определила русский характер: «Мы можем завидовать, делать гадости, поджигать, грабить, убивать друг друга, но в горе объединиться, вместе опуститься вниз и подняться до невероятных высот» (МК, 12.10.95). Спрашивается, если мы убиваем друг друга, то это не горе? И куда еще ниже можно вместе спуститься? А поубивав и ограбив друг друга, до каких зияющих высот мы должны подняться?

Разумеется, многие люди воспринимают высказывания о национальном характере примерно так же, как описания, скажем, козерогов в гороскопах, или как рассуждения о том, что брюнетки темпераментные, блондинки глупые и т. п. Кроме того, вовсе не все люди находятся в плену этностереотипов. Так, Томас Пикеринг, бывший в свое время послом США в России, заметил: «За три года, проведенные здесь, я усвоил, что у всех нас, американцев, имеется опаснейшая тенденция недооценивать (...) Россию и способность ее великого народа приспособляться к новым обстоятельствам. Русские наделены редкостным упорством и врожденной деловой хваткой [выделено мною. — *И. Л.*]» («Итоги», № 27, 12.11.1996).

Тем не менее, национальные стереотипы тиражируются массовой культурой, воспроизводятся в анекдотах и т. п. А политики и рекламщики зачастую бессознательно им следуют или сознательно пытаются их обыгрывать. Показателен, например, следующий отрывок из книги Е. Гайдара «Дни поражений и побед» (цит. по «Итоги», 5.11.1996):

Нередко я ловил себя на мысли о схожести Ельцина с былинным богатырем Ильей Муромцем, который то отважно громил врагов, то лежал на печи. Ельцин может быть очень решительным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен — способен вдруг впасть в длительные периоды пассивности и депрессии. Несколько раз подобная

---

\* Первый краткий вариант данной статьи был опубликован: <http://www.polit.ru/culture/2005/11/28/russoul.html>. Настоящий вариант статьи написан при поддержке РФНФ, проект № 06-04-00546а («Образ России и русских по языковым данным»).

апатия приводила к утрате важнейших, с трудом завоеванных преимуществ. Так было и в сентябре — октябре 1991 года и, может быть, еще более серьезно — в октябре — декабре 1993-го. (...)

Широкая русская душа Бориса Ельцина — не всегда на пользу государственным делам. Ему, скажем, гораздо легче дается искренняя дружба или жесткая конфронтация, чем тонкие, сложные чувства. То же и в работе: он зачастую рубит с плеча там, где необходимо терпение, тщательное изучение всех аргументов, неторопливость в решениях. В ряде случаев это оборачивалось ущербом национальным интересам.

При этом некоторые культурные стереотипы особенно живучи — например, представление о том, каковы «мы». Так, в 2010 г. по российскому телевидению демонстрировалась реклама Сочинской олимпиады 2014 года. За кадром звучал характерный голос телеведущего В. В. Познера:

Мы люди крайностей. Мы трудно зарабатываем на севере и легко тратим на юге. Мы ездим по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам. У нас даже Новый год может быть старым. Когда мы занимаем места, то на всех, когда мы выигрываем — это надолго. Мы верим в себя так, что заставляем поверить в себя других. У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада. Олимпиада для всей страны. Олимпиада каждого. Поехали.

В другом ролике:

Мы люди крайностей. Даже в космосе мы можем быть первыми на Земле. У нас даже слабость может быть силой. У нас даже в жару бывает мороз по коже. Мы проигрываем так же красиво, как и выигрываем. Мы любим таким, какой есть. Мы встречаем так, что с нами уже не расстаться. Мы проводим зимнюю олимпиаду там, где вся страна отдыхает летом.

И опять слоган, который произносит Познер в конце каждого ролика: «У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада. Олимпиада всей страны, Олимпиада каждого». И опять гагаринское «Поехали!».

Этот текст по преимуществу представляет собой набор стереотипов. Рассмотрим его чуть подробнее:

*Мы люди крайностей.* Это знакомая идея — *коль грозить, так не на шутку, коли пир, так пир горой.* В общем, как говорит герой Достоевского, *я бы сузил.*

*Мы трудно зарабатываем на севере и легко тратим на юге.* Опять всевозможные контрасты: *север-юг, трудно-легко, зарабатываем-тратим.* Ну и, естественно, просторы: *широка страна моя родная, с южных гор до северных морей. От Японии до Англии. Равняется четырем Франциям.*

*Мы ездим по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам.* Это русская удаля, о которой тоже немало написано. Да и само по себе сочетание *русское бездорожье* тоже стандартно.

*У нас даже Новый год может быть старым.* Это иллюстрирует идею парадоксальности.



*Когда мы занимаем места, то на всех, когда мы выигрываем — это надолго. На всех — ясно: всем миром, общинность, соборность, коллективизм. Не без некоторого шапкозакидательства, как водится.*

*Мы верим в себя так, что заставляем поверить в себя других. Это на тему в Россию можно только верить.*

*У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада. Это очень типично — особенная статья, аршином общим не измерить, «третий путь». В общем, мы опять настаиваем, что мы не как все. И захотели бы, так обыкновенно не получится.*

*И снова — Мы люди крайностей. Далее эти крайности иллюстрируются довольно случайным набором формулировок:*

*Даже в космосе мы можем быть первыми на Земле.*

*У нас даже слабость может быть силой.*

*У нас даже в жару бывает мороз по коже.*

*Мы встречаем так, что с нами уже не расстаться. Тоже важная вещь — гостеприимство, хлебосольство. Причем, настойчивое — как в глаголе *потчевать* (Демьянова уха). Такая агрессивная задушевность.*

*Мы проводим зимнюю олимпиаду там, где вся страна отдыхает летом. И опять иррациональность (Ну не понять Россию умом!) — хотя и чисто внешняя. Что сверхъестественного в том, что летом в Сочи, как и в Италии или Болгарии, можно купаться в море, а зимой кататься на горных лыжах?*

Тут не требуется никакой особой деконструкции: все это считается элементарно. Авторы и сами говорили что-то насчет специфики русского национального характера. Интересно другое.

Предположим, это было бы озвучено голосом, скажем, исполнительницы русских народных песен Надежды Бабкиной. Выглядело бы как вполне естественный антураж для олимпиады в России: местный колорит (удаль, размах, широкая русская душа, эхма — была не была). Или, например, голосом Никиты Михалкова — была бы мелодекламация на темы русской национальной мифологии. Но авторы поступили нетривиально. В. В. Познер — ведущий аналитических программ, говорит вдумчиво и взвешенно. И произнесенные его вкрадчивым голосом, с интеллигентными интонациями и легким иностранным акцентом, слова обретают совсем иной статус, как будто это все говорится всерьез. И тем самым картинка, давно превратившаяся в лубок и китч, выдается за национальную идею. Долго думали, напряженно искали — и что же? Крайности и иррационализм, напористая душевность, особый путь — и обязательно чтобы куда-то нестись по ухабам. Куда? *Не дает ответа.* А другие государства и народы все посторониваются и посторониваются.

Кажется, что этот облик русского человека — удалого, широкого и душевного, склонного к безудержному веселью и загулу, переходящему в тоску, существовал «искони». Его черты закреплены в языке, в частности в отдельных словах. О таких словах была написана книга «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

Так что же, «русская душа» — и вправду наследие далеких предков? Это, разумеется, не так.

Одним из важнейших ранних текстов на тему поиска русской идентичности является, по-видимому, следующий фрагмент из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790 г.):

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. (...) Посмотри на русского человека; найдёшь его задумчива. Если захочет разогнать скуку, или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренный кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской.

Нельзя не заметить, что сам образ русского человека, нарисованный Радищевым, очень близок к представлению, бытующему и теперь. Но с современной точки зрения этот текст выглядит как обратный перевод с какого-то иностранного языка. Дело в том, что в современном русском языке все эти смыслы устойчиво выражаются другими словами: *тоска*, *удаль*, *загул* и т. д., которые неоднократно обсуждались, в частности в книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Замечательно здесь и употребление слова *отважный*. В русском языке очень много слов с похожими значениями: *храбрость*, *смелость*, *бесстрашие*, *неустрашимость*, *доблесть*, *мужество*, *стойкость*, *геройство*, *героизм*, *подвиг*, *удаль*, *отчаянность*, *лихость* и *молодечество*. Все они, конечно, уникальны. Слово *отвага* обладает рядом важных особенностей. В нем есть некая приподнятость, но без особого пафоса. В отличие от слов *доблесть*, *подвиг* или *героизм*, в которых силен элемент интерпретации, в *отваге* есть непосредственная очевидность. В этом слове есть ссылка на конкретное действие (то, на которое человек *отважился*). Этим *отвага* отличается от *смелости* и *храбрости*, которые указывают просто на присущие человеку свойства (хотя и эти свойства, конечно, должны в чем-то проявляться, но об *отваге* говорится именно по поводу конкретного поступка). А также от *мужества*, которое может проявляться и пассивно, — скажем, человек может *мужественно*, но не *отважно* выносить голод, холод и лишения. Наконец, в *отваге* есть указание на благородный мотив. Страх — одна из базовых эмоций, которая есть не только у человека, но и у животных. И слова, которые указывают на победу над страхом, в разной степени физиологичны. В *отваге*, в отличие, например, от той же *храбрости*, вообще нет никакой психосоматики. *Отвага* — это чистое торжество духа. История слова *отвага* весьма интересна и поучительна; см. [Кагарлицкий 2009]. Русское слово *отвага*, согласно словарю М. Фасмера, восходит к немецкому *wagen* ‘рисковать’ и попало в русский язык через польское и чешское посредство во второй половине XVII в. Первоначально оно указывало на отчаянную решимость, причем могло использоваться как в положительном, так и в отрицательном контексте. Для Петра I,

Так это было уже в языке Пушкина: хрестоматийное четверостишие из стихотворения «Зимняя дорога» (1826 г.) по содержанию поразительно похоже на приведенное рассуждение Радищева: «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска...». О романтизации фигуры поющего ямщика в русской культуре см. [Randolph 2007].

Само представление о нации как некой коллективной личности, обладающей, подобно отдельному человеку, своим особым характером, появляется в культуре достаточно поздно. Во второй половине XVIII в. умами европейцев овладела мысль, что народы имеют характеры. Нации стали мыслиться как коллективные субъекты.

Разумеется, еще в древности у путешественников и историков были наблюдения об обыкновениях и темпераменте отдельных этносов, существовали и стереотипные представления о том, каковы люди, живущие в разных странах, одна-

---

который мечтал превратить армию в отлаженный механизм, *отвага* была сомнительной воинской доблестью, граничащей с безответственностью. Он это слово недолюбливал. В рационалистическую Екатерининскую эпоху уже общепринятым было мнение о том, что тактическая выучка и правильное оружие важнее для исхода битвы, чем персональная храбрость. К врагам же тогда часто применялось слово *отвага*. Интересно, что Суворов придавал огромное значение *смелости* солдата как его способности держаться бодро, неробко отвечать начальству. Он полагал, что из запуганного крестьянина не получится настоящий солдат. Нужно сначала воспитать в нем хотя бы какое-то самосознание и достоинство. *Отвага* же не попала в число ключевых слов «Науки побеждать». В XIX веке ситуация меняется. Осмысление итогов Отечественной войны и роли в ней «воинственного народа» казаков на фоне общих романтических устремлений того времени привели к тому, что понятие *отваги* оказалось очень даже востребованным. Чрезвычайно любил это слово, понятное дело, Денис Давыдов. С другой стороны, кавказский военный опыт и вся проблематика борьбы с дикими и гордыми горцами, в особенности популяризованная Бестужевым-Марлинским, повысили ценностный статус индивидуальной смелости и даже безрассудства. В результате всего этого слово *отвага* постепенно окрасилось исключительно положительно. Таковым оно осталось и в XX в., только обросло новыми смыслами. Первобытность из него постепенно ушла, сменившись чистотой помыслов. Как мы помним, Пастернак назвал *отвагу* даже *корнем красоты*. В «Горе от ума» есть такой эпизод. Фамусов восторженно рассказывает об умеющем жить Максиме Петровиче, который нарочно оступается и падает, чтобы посмешить вышестоящих. Чацкий же оптимистично возражает, что никто не захочет, *Хоть в раболепстве самом пылком / Теперь, чтобы смешить народ, / Отважно жертвовать затылком*. И самому автору, и его герою Чацкому совсем не чужда была военная романтика. И вот Грибоедов язвительно описывает угодничество и готовность *подслужиться* и *согнуться вперегиб* при помощи слова *отважно*, связанного тогда в первую очередь с образом всадника в бурке, который с жутким визгом мчится по горам, подняв над головой саблю, не ведая страха, не зная жалости. Так что для современников этот пассаж звучал еще намного гротескнее, чем для нас.

ко идея национального характера неотделима от самого процесса формирования наций, и первоначально этот сюжет возник в контексте политической философии: утверждалось, что правительства должны учитывать «*esprit de la nation*» («*Nationalgeist*»). Само сочетание «национальный характер» впервые встречается, видимо, у Руссо.

Монтескье в своем «*De L'Esprit des Loix*» (1748) говорил о том, что «дух народа» складывается под влиянием климата, формы правления, законов, обычаев страны. Рассуждения на эту тему составляли едва ли не основное содержание политической философии второй половины XVIII в.: см., напр., [Roman 2002].

Чуть позже тема народного духа возникает в классическом немецком гуманизме, в особенности в философии Гердера. И. Г. Гердер, немецкий писатель-просветитель, философ и собиратель народной поэзии, создал теорию народной поэзии как выражения духовной жизни и «нравов» народа. В 1773 г. при участии Гёте был опубликован целый сборник «О немецком характере и искусстве», где Гердер опубликовал «Отрывок из переписки об Оссиане и песнях древних народов», ставший литературным манифестом «Бури и натиска». Это нам сейчас кажется вполне естественным интерес к фольклору, никто не возмущается, даже когда диссертации пишутся о таких его «низких» жанрах, как анекдоты. А когда-то вообще не было идеи, что собирание и изучение народных песен для чего-то нужно и что в них что-то отражается. Важную роль в формировании духа народа Гердер отводил и языку. Эта идея получила наиболее полное развитие в лингвистической философии В. фон Гумбольдта. В конце XVII — начале XIX в. концепция нации как целостной личности, единство которой основано на кровном родстве и закреплена общностью обычаев и языка, продолжала активно развиваться в романтической немецкой философии, например у Ф. Шлегеля. Так, в «Филологических лекциях 1804—1806 гг.» Шлегель говорит:

Понятие нации подразумевает, что все ее члены составляют единую личность. Чтобы это стало возможным, все они должны иметь общее происхождение. Чем древнее, чище и менее смешана с другими раса, тем больше будет у нее общих обычаев. А чем больше таких обычаев и чем больше приверженности к ним она проявляет, тем в большей степени из этой расы образуется нация. В этой связи величайшую важность имеет язык, ибо он служит безусловным доказательством общего происхождения и скрепляет нацию самыми живыми и естественными узами. Наряду с общностью обычаев, язык является сильнейшей и надежнейшей гарантией того, что нация проживет многие века в нерушимом единстве.

Популярные в Европе идеи в то время попадали в Россию практически немедленно и интенсивно обсуждались. В. О. Ключевский назвал изучение «национального характера»<sup>2</sup> одной из важнейших тем екатерининского времени<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Мы не можем здесь останавливаться на конкуренции переводных эквивалентов европейских понятий из этой области (*народ, нация, народный, национальный, общий*

Руссо в своем «Общественном договоре» (1762) писал, что русские никогда не станут по-настоящему цивилизованным народом, связывая это с тем, что деспотизм подавляет национальный дух. Другие западные авторы также держались того мнения, что у русских нет национального характера и они могут лишь заимствовать. Для Екатерины II, провозгласившей, что «Россия есть европейская держава», а не восточная деспотия, утверждение национального своеобразия оказалось, таким образом, принципиальным.

В качестве свойств русского национального характера Екатерина выдвигала на первый план «живую сообразительность», «послушание», христианские добродетели и способность к обучению. Она считала, что национальный характер необходимо воспитывать путем распространения просвещения и утверждения правильных и единых законов на всей территории Империи. Образование национального характера было для нее неотделимо от воспитания верноподданного и насаждения европейских норм. В 1783 г. Д. И. Фонвизин, на страницах «Собе-

---

[*общий дух*]; *гений, дух, умствование, свойство, характер, душа*); см. об этом [Ширле 2008: 132—135]. В разное время и у разных авторов того времени эти понятия соотносились немного по-разному. Существенно, что в целом прилагательное *национальный* постепенно стало тяготеть политическому аспекту (потом в русском языке это вновь изменилось, и сейчас оно неоднозначно), а *народный* — к этническому или моральному аспекту; в свою очередь, слова *характер* и *дух* связывались с характеристиками, доступными воспитанию, а *душа* — с чем-то имманентным; ср. название статьи П. Плавильщикова: «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (1792), в которой он спорит с представлением о том, что «латино-греческое слово» *национальный характер* невозможно выразить по-русски. Отметим, что понятие *души* (*склада души*) встречается и у Монтескье, но оно не является для него ключевым, тогда как в русском дискурсе оно постепенно становится центральным. Для истории идей в России очень важным оказался также выбор в последующем официальной идеологией в качестве основного термина слова *народность*, на неоднозначность и смысловую размытость которого указывал еще П. А. Вяземский.

<sup>3</sup> В обстоятельной работе [Ширле 2008] разбираются несколько важнейших текстов второй половины XVIII в., в основном принадлежащих к официальному дискурсу. Это «Наказ» Екатерины II (1767), в котором она интерпретирует положения Монтескье применительно к России (редактируя при этом, как, кстати, это делалось и в русских переводах Монтескье, то плохое, что он говорит о России как варварской стране, восточной деспотии, и о русских как народе без национального духа), утверждает, что у русских уже есть «дух народа» и что его необходимо дальше воспитывать и формировать правильными законами и подражанием обычаям других народов; это также написанный Императрицей по-французски в 1770 г. «Antidote», который послужил ответом на труд аббата и путешественника Шаппа д'Отроша о России и русских как народе без собственного духа и гения, что объяснялось деспотическим правлением и страхом (1768). Здесь Екатерина упирала на любовь русских к славе и Отечеству. В статье, кроме того, рассматриваются изменения, внесенные в труд И. Георги о России при подготовке русского издания 1799 г. См. также [Стенник 2002].

седника любителей русского слова», задает Екатерине II вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» — Ответ: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Ответ этот свидетельствует скорее об отсутствии в тот момент устойчивого культурного стереотипа. Однако работа над его созданием продолжалась.

При этом параллельно с универсальной концепцией национального характера развивалось и представление о «русской душе» как о чем-то имманентном и неизменном, что сохраняется лучше всего в простонародных, не европеизированных слоях и отражается в фольклоре и языке народа. Эта концепция в духе Гердера прослеживается уже у оппонента Екатерины II Радищева — в частности, она видна в цитированном отрывке: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. (...) В них найдешь образование души нашего народа» («Путешествие из Петербурга в Москву», 1790). Уже у Радищева отмечены те свойства «русской души», которые вскоре превратятся в культурный стереотип, сохраняющийся и до сих пор: иррациональность, эмоциональность, тяга к крайностям. Как мы видим, это совсем другой образ русского человека, чем тот, который стремилась сформировать Екатерина.

Идеи Гердера были в России весьма популярны, особенно в кружке Н. М. Карамзина. Гердер писал и о славянах<sup>4</sup>, так что русские гердерианцы свой народ, вероятно, воспринимали отчасти сквозь призму высказываний Гердера. А об увлечении немецкой романтической философией в России что и говорить. Любопытным образом, и в официальной идеологии в дальнейшем оказалась востребованной именно «немецкая» модель национальной идеи, опирающаяся не на политическое понятие *нации*, а на метафизическое понятие *народа*. Речь идет в первую очередь о так называемой теории «официальной народности» С. С. Уварова и его триаде «православие — самодержавие — народность». См. об этом, например, [Зорин 1996; Миллер 2005].

Нам в каком-то смысле повезло. В отличие от многих европейских языков, интенсивное формирование современного литературного русского языка замечательным образом хронологически совпало с формированием национального самосознания, см. [Rogger 1960; Живов 1996]. Отсюда две важные особенности русской культурно-языковой ситуации. Во-первых, стереотипы «национального характера» выражены в русском языке особенно ярко: ведь они складывались в период, ко-

<sup>4</sup> Притом, в отличие от Руссо, вполне благосклонно. Гердер отмечает их миролюбивый характер, милосердие, гостеприимство до расточительства, покорность, любовь к свободе, трудолюбие. Они много подвергались нападениям, и это испортило их характер, в котором появились черты коварства и жестокой лености раба. Однако, пишет Гердер, колесо истории движется, и в будущем славянские народы «пробудятся от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства» («Идеи к философии истории человечества», 1784—1791).

гда язык, обычно весьма консервативный, был пластичен и готов к закреплению новых смыслов. Во-вторых, русской культуре и до сих пор свойственна повышенная языковая рефлексия и представление о непереводаемости русских слов и понятий<sup>5</sup>. Изучение истории труднопереводимых русских слов показывает, что они напитывались культурной спецификой в основном на протяжении XIX века.

Любопытной иллюстрацией такого изменения культурного ореола, например, слова *душа* может служить яркий случай стандартного искажения пушкинской цитаты, на который обратил внимание В. А. Успенский [Успенский 2006: 561—562]. Почти все, даже филологи, помнят известную фразу Пушкина, о том, что его угораздило родиться в России — дальше все помнят именно в таком виде — *с умом и талантом*.

Между тем, 18 мая 1836 года в письме жене из Москвы в Петербург Пушкин писал: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». Итак, на самом деле не «с умом и талантом», а «с душой и талантом». «С умом и талантом» — это горе от ума, в духе Чацкого. Пушкин же говорил о том, как тяжела грубая российская действительность для человека, способного чувствовать.

Успенский так комментирует эту подмену в общественном сознании души умом: «В высказывании Пушкина речь идет о как бы неуместности в России некоторых качеств. Российский менталитет готов согласиться, что уму, возможно, действительно, естественнее пребывать в Германии, а таланту — в Италии, но не может поверить, что Пушкин намекал на неприкаянность в России души. (...) Уж чего-чего, а души, душевности и духовности у нас хоть отбавляй». Разумеется, причина искажения именно в этом. Существенно, однако, следующее. Это сейчас сказать о неуместности в России *души* — все равно что сказать о неуместности в России *тоски, удалы, воли* или невозможности жить в России *на авось*. Действительно, с *душой* именно в России и родиться. Так и говорят — *русская душа*, как *русская бесшабашность* или *русская удаль*. Однако в пушкинское время *душа* еще не превратилась в русский бренд, и слова о непригодности России для человека с душой вовсе не звучали как парадокс.

Наиболее радикальное изменение в картину русского национального характера, в основном сложившуюся уже в пушкинское время, внесла знаменитая Пушкинская речь Достоевского, произнесенная в 1880 г. по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. «Пушкинская речь» — один из самых важных текстов русской культуры. Такое принципиальное значение этого текста связано не с определением в нем места Пушкина в литературе, а с провозглашением «всемирной отзывчивости» как конституирующего признака русского человека: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью,

---

<sup>5</sup> Семантика «культурных» слов и метаязыковая рефлексия по их поводу находятся в сложном соотношении. А. Д. Шмелев в беседе высказал такое соображение: рассуждения о лингвоспецифичности того или иного слова иногда сами по себе способны создать или усилить такую лингвоспецифичность.

как Пушкин (...). Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? (...) Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [Достоевский 1984]. Как напишет позже Блок, «Мы любим всё — и жар холодных числ, / И дар божественных видений, / Нам внятно всё — и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений... / Мы помним всё — парижских улиц ад, / И венецянские прохлады, / Лимонных роц далекий аромат, / И Кельна дымные громады...». Блоковские «Скифы», впрочем, восходят в большей степени к Владимиру Соловьеву, чем собственно к Достоевскому.

Говоря о *всемирной отзывчивости*, Достоевский вступил в диалог, который начался более чем за 100 лет до того. В «Пушкинской речи» он по сути возвращается к мысли Екатерины II о том, что наша самобытность интимно связана с переимчивостью:

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. (...) Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружелюбно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное.

Как мы видим, однако, столетие возгонки «русскости» не прошло бесследно: там, где Екатерина усматривала лишь возможность для цивилизации подданных, Достоевский презревает всемирную миссию.

Итак, культурный миф русского национального характера начал складываться во второй половине XVIII в., а лексическое оформление для него было найдено несколько позже, но к 30-м годам XIX в. оно уже было вполне устойчивым. Далее этот культурный стереотип был существенно обогащен во второй половине XIX в., и ключевую роль сыграли здесь тексты Достоевского. Стоит упомянуть хотя бы слово *надрыв* (в психологическом смысле), которое тоже вовсе не «из глубины веков», а из романа «Братья Карамазовы»; см [Левонтина 1997]. Между прочим, если раньше переводчики романа ограничивались примечаниями по поводу этого слова, автор нового немецкого перевода Светлана Гайер и вовсе оставила слово *Nadryw* как есть, пояснив: если уж слово *перестройка* не переводится, то о *надрыве* что и говорить.



## ОБ ЭФФЕКТЕ БЛИЖНЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ\*

### 1. Вводные замечания

«Эффектом ближней семантической эволюции» здесь названо неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознает семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка и понимает их в современном ему значении. За тот относительно небольшой для истории языка промежуток времени, который отделяет нас, скажем, от пушкинской эпохи, многие языковые единицы претерпели изменения, которые могут оставаться незаметными для современного читателя; между тем ошибочность результирующего смысла иногда оказывается довольно существенной.

Так, тысячи русских школьников и школьниц, читающих письмо Татьяны к Онегину<sup>1</sup>, понимают идиому *так и быть* во фразе

(1) Но *так и быть*! Судьбу мою / Отныне я тебе вручаю (ЕО: 3, XXXI)<sup>2</sup>

как выражающую уступку желанию адресата. Современный читатель (в особенности молодой и филологически неискушенный, каковым является средний школьник) понимает данную фразу именно так — несмотря на несообразность результирующего смысла: ведь Онегин к тому моменту ничего от Татьяны не хотел. Чуть более внимательное отношение к тексту заставляет в этом месте задуматься и искать причину этой видимой смысловой несообразности: действительно, выражение *так и быть* обозначает здесь вовсе не уступку желанию адресата речи, а решимость покориться судьбе (ср. *Так тому и быть!*). Это более старое значение данного выражения (непосредственно складывающееся из значения

---

\* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи») и ИНТАС (проект 05-1000008-7917 «Ядерная лексика в типологической перспективе: семантические переходы и корреляция форма — значение»).

<sup>1</sup> Надо сказать, что этот текст не теряет своей популярности среди молодого поколения: из девичьих дневников он перешел в электронный «живой журнал».

<sup>2</sup> Здесь и далее в примерах курсив мой — А. З.

частей и конструкции); современное значение уступки является результатом его семантического развития. В пушкинскую эпоху это выражение употреблялось в обоих смыслах, более старый впоследствии был утрачен, в результате чего текст оказался для современного читателя непрозрачен<sup>3</sup>.

А. Б. Пеньковский во введении к книге «Загадки Пушкинского текста и словаря» пишет, что это «явление, близкое к тому, которое принято называть ‘ложные друзья переводчика’, но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своем языке, тогда как на самом деле они переводят его с другого (пусть близкого, но другого!) — если не языка, то состояния языка, и переводят, как выясняется, с более или менее серьезными ошибками» [Пеньковский 2005: 9]. Упоминание термина «ложные друзья переводчика» здесь не случайно: действительно, поскольку всякий «семантический переход» существует одновременно в двух качествах — диахроническом и синхронном (см. [Зализняк 2001]), в точности та же самая ситуация возникает при понимании текста на близкородственном языке. Как пишет О. А. Седакова, «...добросовестный читатель, встретив в библейском или богослужебном тексте слово, которого он никогда не встречал (...), скорее всего, справится со словарем. Но по поводу хорошо известного слова — скажем “озлобленный” (озлобленными) или “непостоянный” (непостоянными) у него может и не возникнуть сомнений» [Седакова 2005: 7]. Поскольку непостоянные в церковнославянском языке означает «тот, против которого нельзя устоять», «неодолимый», при подстановке современного значения понимание текста неизбежно оказывается превратным<sup>4</sup>.

В данной работе будет обсуждаться лишь диахронический аспект проблемы, а именно, понимание текстов первой половины XIX в. современными носителями русского языка. При этом речь идет о понимании в буквальном смысле, т. е. об извлечении читателем того смысла, который вкладывал в него автор (ср. аналогичную постановку вопроса в [Пеньковский 2005: 6]).

Итак, речь идет о ситуации, когда значение, в котором употреблено некоторое слово автором текста, впоследствии было утрачено (т. е. слово изменило свое

<sup>3</sup> Ср. употребление этого выражения в старом значении также в посвящении («Но *так и быть* — рукой пристрастной / Прими собранье пестрых глав», и т. д.), в письме Онегина Татьяне в главе 8 («Но *так и быть*: я сам себе / Противиться не в силах боле; / Все решено: я в вашей воле, / И предаюсь моей судьбе»), а также в гл. 5, X, 7 и гл. 6, LXV, 3.

<sup>4</sup> Согласно модели Б. А. Успенского, соотношение русского и церковнославянского языков определялось имевшей место вплоть до XVII в. ситуацией диглоссии, характеризуемой тем, что два близкородственных, но разных языка — русский и церковнославянский — воспринимаются говорящими как один язык в его двух функциональных вариантах [Успенский 1987]. При этом вопрос о том, как решал средневековый русский человек проблему церковнославянско-русской паронимии, представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

значение). Здесь первая задача — выявить такие случаи, поскольку особенность обсуждаемого типа изменения именно в том и состоит, что оно может оставаться незамеченным.

Такая постановка задачи не нова. Н. А. Еськова пишет, что еще С. М. Бонди «мечтал о создании популярного, адресованного широкому читателю словаря, в котором толковались бы слова, употребленные Пушкиным в ныне утраченных значениях. Этот словарь помогал бы понять, что “восстаньте, падшие рабы” — не призыв к восстанию, что “позор”, который “являет Киев осажденный”, означает ‘зрелище’ и что глагол *торжествовать* у Пушкина не всегда значит ‘радоваться, ликовать по поводу успеха, победы’» [Еськова 1999: 21]. Безусловно, эта задача первостепенной важности; удивительно, что она не осознается как таковая в современной отечественной филологии<sup>5</sup>. Н. А. Еськова анализирует три таких слова: *лампада*, *торжествовать*, *условия*. В связи с последним словом автор справедливо замечает, что значение мн. ч. *условия* ‘нормы, законы, правила, условности’ ‘относится к тем языковым явлениям, которые отличают язык пушкинского времени от современного. Таких случаев немало у Пушкина. Неправильная их квалификация, т. е. неосознание того факта, что поэт употребляет слово в значении, которое уже ушло из языка, порождает неверное понимание текста» [Еськова 1999: 76].

В работах А. Б. Пеньковского анализируется несколько десятков таких слов, в том числе *скука*, *лень*, *желчь*, *тоска*, *тошный*, *мечты*, *преданье*, *старина*, *дева*, *страсти*, *сказка*, *любить*, *ненавидеть*, *вздохнуть* и др. (см., прежде всего, [Пеньковский 1999; 2004; 2005], а также посвященную его книге «Нина...» статью [Перцов 2009]). А. Б. Пеньковский очень тонко и убедительно анализирует случаи, когда изменение значения по сравнению с пушкинской эпохой почти незаметно, в частности:

- (2) Но наконец она *вздыхнула* / И встала со скамьи своей (ЕО: 3, XLI);
- (3) Я модный свет ваш *ненавижу* / Милее мне домашний круг (ЕО: 3, II);
- (4) Любимцы счастья, наперсники судьбы / Смиренно ей несут влюбленные мольбы / Но дева гордая их чувства *ненавидит* (Пушкин. «Дева»);
- (5) ...я на досуге пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где *захлебываюсь желчью* (Письмо А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823);
- (6) На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает *бережно* на лед (ЕО: 4, XLII).

А именно, *вздыхнуть* значит здесь ‘восстановить дыхание, отдышаться’ [Пеньковский 2005: 80]; *ненавидеть* значит ‘презирать, пренебрегать’ [Там же: 52]; выражение *захлебываться желчью* отсылает не к *злости*, как в современном

<sup>5</sup> Для начала можно было бы собрать воедино и оформить как «материалы к словарю» результаты анализа таких слов в имеющейся литературе по языку Пушкина, прежде всего, в работах А. Б. Пеньковского. Пока что в нашем распоряжении имеется лишь указатель лексем к одной из его книг [Пеньковский 2005].

языке, а к *тоске* [Пеньковский 1999: 320]; о значении слова *бережно* см. ниже. Ср. также анализ слов *чрезвычайно* и *замечательный* в языке Достоевского в работе [Добровольский 2005].

В статьях [Добровольский 2001; 2003] исследуется вопрос об изменении, по сравнению с языком Пушкина, норм словоупотребления, касающихся сочетаемости и модели управления, и анализируются употребления типа:

- (7) графиня *услышала* весть... с большим равнодушием (сейчас мы бы сказали *выслушала*); *выжидая остальные минуты* (вместо: *выжидая несколько минут*); не выходило *из его головы* (вместо *у него из головы*); не знаю, как *зовут* деревню, где я венчался (вместо *как называется*); происходило *не от ее воли* (вместо *не по ее воле*); мы *сделали* ему тот же вопрос (вместо *задали вопрос*); *взять* на себя вид (вместо *напустить*), *брать* участие (вместо *принимать*) и т. п.

В работах Д. О. Добровольского речь идет, прежде всего, об изменении способа выражения, в то время как А. Б. Пеньковский концентрирует свое внимание на изменении значения. Однако оба обсуждаемые явления, очевидно, представляют собой две стороны одного и того же феномена. Действительно, изменение значения обычно сопровождается изменением сочетаемости; иногда оно в некотором смысле в этом и состоит. Так наречие *бережно* в современном языке характеризует отношение субъекта к объекту действия (стремление предохранить его от опасностей, с которыми сопряжено совершение субъектом названного глаголом действия), и тем самым сочетается лишь с такими глаголами, которые описывают ситуации, включающие семантический объект, т. е. прежде всего с переходными (*бережно можно нести, укрыть, положить, развернуть, погладить* и т. д. что-то, но нельзя *\*бережно забираться на гору* (чтобы не упасть в пропасть), и даже нельзя *\*бережно идти по клумбе* (чтобы не помять цветы)), см. подробнее [Пеньковский 2004: 208—213]. В пушкинском языке значение этого наречия было шире, и, соответственно, шире была сочетаемость. В примере (6) современный читатель, однако, правильно понимает значение наречия *бережно* как «осторожно, чтобы не провалиться», несмотря на то, что это значение отсутствует в современном языке и что это слово обладает другой сочетаемостью.

Вообще, неосознание того факта, что слово или выражение употреблено в каком-то ином, отсутствующем в современном языке значении, вовсе не обязательно ведет к неправильному пониманию смысла высказывания в целом. Так, в предложении *Он принимал большое участие в успехе представления*, разбираемом в [Добровольский 2001: 164], автор совершенно справедливо усматривает значение ‘способствовать, содействовать, быть заинтересованным’, в современном языке у выражения *принимать участие* отсутствующее. Не зная этого значения выражения *принимать участие*, читатель, однако, правильно понимает фразу в целом: это тот случай, когда нужное значение «выводится из контекста» (аналогично тому, как происходит понимание текста на иностранном языке). Причем

читатель-нефилолог производит эту процедуру, по-видимому, бессознательно, даже не замечая, что понимание данного выражения требует каких-то дополнительных усилий. Другой пример: в контекстах типа (8), (9) современным читателем без малейшего труда восстанавливается значение 'длющийся одно мгновение'<sup>6</sup>:

- (8) Стоит туман на волнах охладелых, / И слышится *мгновенный* ветра свист.  
(Пушкин. «Осеннее утро»);
- (9) Его неожиданным появленьем, / *Мгновенной* нежностью очей / И странным с  
Ольгой поведеньем / До глубины души своей / Она проникнута (...) (ЕО: 6,  
III, 1—5).

Подобных примеров можно привести множество.

Тем самым различие здесь именно в эффекте: в одних случаях словосочетание понимается п р а в и л ь н о, несмотря на то, что «сейчас так не говорят» (примеры (6)—(9)), а в других — выражение понимается н е п р а в и л ь н о, потому что сейчас тоже так говорят, но имея в виду другой смысл (примеры (1)—(5))<sup>7</sup>.

Именно этот второй случай нас и будет интересовать: когда современный читатель не видит в некотором слове или словосочетании «ничего особенного», ничего, что бы препятствовало его пониманию в привычном для него значении — и тем не менее, как показывает более пристальный анализ, значение, в котором употреблено данное слово или выражение, отлично от современного, и незнание этого приводит к искажению смысла читаемого текста. На эту тему, помимо упоминавшихся уже работ А. Б. Пеньковского и Н. В. Перцова, имеются исследования Н. А. Еськовой [1999] и Е. В. Падучевой [2001]. В статье [Падучева 2001] в частности, отмечается, что пассивное краткое причастие с нулевой формой глагола *быть* в наст. времени в начале XIX в. помимо стательного, как в современном языке, имело еще и акциональное значение, т. е. например, *Москва, спаленная пожаром, французу отдана* (Лермонтов) означает 'была отдана'. Од-

<sup>6</sup> В современном русском языке слово *мгновенный* в этом значении имеет ограниченную сочетаемость (*мгновенная вспышка, мгновенное озарение, мгновенное замешательство* = 'длвшееся мгновение'); более обычно, в том числе с именами чувств, значение 'наступивший через мгновенье' (*мгновенный ответ, мгновенный эффект, мгновенная остановка, мгновенная симпатия, мгновенное доверие*), т. е. здесь имеется тот же семантический переход, что и в словах *быстрый, скорый*: 'с большой скоростью' → 'через малое время', см. [Богуславский, Иомдин 1999]. Заметим, что этой полисемией обладает также франц. *vite*; ср., однако, англ. *quickly* 'с большой скоростью', но *shortly* 'через малое время; то же для нем. *schnell* и *bald*.

<sup>7</sup> Здесь, остается, очевидно, некоторая зона неопределенности, поскольку понимание любого текста включает элемент адаптации имеющегося у читателя знания о значении слов к интерпретируемому тексту. С другой стороны, судить о том, что и как понимает современный читатель, не проведя специального исследования, включающего опрос разных групп информантов, довольно трудно. Эти обстоятельства однако, никак не отменяют важности самого противопоставления.

нако исследователи сходятся в том, что такого рода грамматических изменений в русском языке по сравнению с языком Пушкина немного (см. об этом [Добровольский 2001; Падучева 2001])<sup>8</sup>.

## 2. Типы ситуаций ошибочного понимания

Рассмотрим возможные ситуации ошибочного понимания, порождаемого семантической эволюцией.

**Ситуация 1.** В пределах предложения ничто не указывает на то, что значение каких-то слов или выражений, которые в него входят, отличается от современного; то, что это так, требует доказательства. Обычно оно состоит в том, что понимание проблемного слова в современном значении противоречит какому-то аспекту смысла текста в целом — ср. разбор примера (1) из письма Татьяны Онегину. Это эффект ближней семантической эволюции в чистом виде. Этот эффект иллюстрируется нашими примерами (1)—(3), (5); ср. также:

- (10) 17-ти лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она *не успела* полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился (Пушкин. «Арап Петра Великого»).

Здесь утверждается, что ей «не удалось» полюбить своего мужа, а вовсе не то, что ей «не хватило времени» для этого — как понимает любой филологически неискушенный современный читатель<sup>9</sup>.

**Ситуация 2.** При прочтении с современным значением возникает некоторая странность, но в пределах допустимого, как в примере (4): *дева... их чувства ненавидит*. Подстановка актуального значения слова *ненавидеть* обеспечивает осмысленное прочтение — которое, однако, не равно тому, которое «имелось в виду» ('презирает, пренебрегает'), т. е. происходит искажение замысла автора; тем самым имеет место тот же эффект ближней семантической эволюции. Другой такой пример — (11): то, что герой в описываемой ситуации *отдохнул* в современном смысле<sup>10</sup>, представляется несколько странным, хотя и не вовсе невозможным.

<sup>8</sup> Грамматическая семантика также изменилась в сторону большей специализации. В частности, вышеупомянутая форма краткого страдательного причастия совмещала три функции, которые в современном языке выражаются разными формами: совершенное состояние (функция, сохранившаяся за этой формой); событие в прошлом (совр. *была отдана*) и непредикативный признак (значение, выражаемое в современном языке полной формой причастия, напр., *выброшенный*, ср. анализ строчки *На берег выброшен грозою* из стихотворения «Арион» в [Еськова 1999: 54—59]).

<sup>9</sup> О семантической эволюции глагола *успеть* в русском языке см. [Виноградов 1994: 656—658; Зализняк, Левонтина 1996; Плунгян 2004].

<sup>10</sup> О значениях глагола *отдыхать* и подробнее об эффекте ближней семантической эволюции на примере этого глагола см. [Зализняк 2009], а также раздел «Константы и переменные семантики глагола *отдыхать*».

- (11) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало: мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. *Отдохнув*, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю (Тургенев. «Первая любовь»).

Ситуация 3. Понимание с современным значением не дает никакого осмысленного прочтения. Таковы, в частности, следующие примеры с глаголом *отдохнуть*:

- (12) Л ж е д и м и т р и й. Мой бедный конь! (...) / Послушай, может быть, / От раны он лишь только заморился / И *отдохнет*. П у ш к и н. Куда! он издыхает (Пушкин. «Борис Годунов»).
- (13) Я подумал, что дедушка умер (...) Параша, оставя нас одних, также побежала посмотреть, что делается в горнице бедного старого барина. Мне стало еще страшнее; но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять *отдохнул* (С. Т. Аксаков. «Детские годы Багрова-внука» (1858), ruscoproga).
- (14) Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и *отдохнул* только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского (Тургенев. «Затишье»; пример из [Пеньковский 2005: 89]).

В ситуации 3 возможны две противоположные читательские стратегии<sup>11</sup>:

1) человек тем не менее прочитывает фразу, вкладывая в проблемное слово современное значение и так или иначе преодолевая получающуюся смысловую несообразность (и тогда этот случай сводится к «ситуации 2»)<sup>12</sup>;

2) человек осознает, что он не понимает, что здесь сказано, и ищет «разгадку»; в этом последнем случае эффект ближней семантической эволюции преодолевается.

Приведем некоторые соображения относительно еще двух слов, значение которых у Пушкина отличается от современного.

### 3. Инвалид

- (15) В любви считаясь *инвалидом*, / Онегин слушал с важным видом, / Как, сердца исповедь любя, Поэт высказывал себя (ЕО: 2, XIX, 5—8).

По моим наблюдениям, современные читатели в большинстве своем понимают выражение *в любви считаясь инвалидом* как указывающее на то, что Оне-

<sup>11</sup> Реально противопоставление здесь вовсе не такое жесткое, потому что от художественного текста, вообще говоря, полной понятности и не ожидается; с другой стороны, источником непонятности является далеко не только значение слов. Тем не менее полезно эти две стратегии в принципе различать.

<sup>12</sup> Так, мне приходилось столкнуться с тем, что понимание примера (12) как содержащего глагол *отдохнуть* в современном значении не вызывает недоумения.

гин был неспособен любить. Поскольку эта характеристика вполне согласуется с расхожим представлением об «образе Онегина», который был принят в советском литературоведении и в советской школе (ср. [Пеньковский 1999: 182]), то недоумения тут не возникает. Тем не менее это понимание неверно.

В Словаре русского языка XVIII в. слово *инвалид*, помеченное 1735-м годом как заимствование из французского, определяется следующим образом: «Отставной военный, непригодный к воинской службе и используемый в составе особых команд или находящийся на государственной пенсии» (Вып. 9, СПб., 1997, с. 90). Именно в этом значении используется слово *инвалид* в «Капитанской дочке» (вспомним, что инвалиды выполняли всю основную работу в Белозерской крепости). Обратим внимание на то, что в приведенном толковании вообще нет упоминания какой-либо увечности. Именно в этом значении слово *инвалид* было заимствовано из французского языка, ср. толкование существительного *invalide* в словаре [Larousse 1989: 534]: *Ancien militaire que l'âge ou l'infirmité ont rendu incapable de servir* «бывший военный, который по возрасту или по болезни не может более служить». При Людовике XIV в Париже был построен *Hôtel des Invalides*, своего рода «Дом ветеранов войны» — одно из знаменитых парижских зданий, в котором находится могила Наполеона и других выдающихся государственных мужей. Тем самым во французском слове «не-валидность», на которую указывает его внутренняя форма, касалась, очевидно, отношения к военной службе, а не физической неполноценности. Значение физической увечности, выражаемое словом *инвалид* в современном языке, есть результат семантической эволюции, которая выдвинула на первый план семантический компонент, бывший исходно факультативным.

В Словаре языка Пушкина *инвалид* определяется почти точно так же, как в словаре Larousse: «вышедший в отставку военный, потерявший трудоспособность вследствие ранений или старости» (т. 2, с. 228). В обоих определениях компонент физической ущербности является факультативным (заметим, что контексты употреблений этого слова у Пушкина сами по себе не дают оснований для включения данного компонента в значение этого слова даже в качестве факультативного). Семантическая эволюция, поставившая этот компонент в центр значения данного слова, произошла позднее<sup>13</sup> — и безусловно еще позднее возникло современное переносное значение «человек, не способный к чему-то», которое видит современный читатель во фразе (15) — подвергаясь эффекту ближней семантической эволюции.

<sup>13</sup> Ср. определение в словаре Даля (1864 г.): «ИНВАЛИД м. с франц. отслуживший, заслуженный воин; неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью». В словаре [Яновский 1803: 822] приводится толкование, в котором компонент физической ущербности занимает более центральное место: «военного звания чиновник или солдат дряхлый, немощный, израненный и изувеченный на войне, а потому, уже и к службе ни полевой ни гарнизонной неспособный». Однако употребление слова *инвалид* у Пушкина этому толкованию не соответствует.



Впрочем, на то, в каком смысле Онегин был *инвалидом* в любви, Пушкин указывает в предыдущей строфе (таким образом сравнение любовного опыта с опытом старого отставного военного используется дважды — сначала в одну, а потом в другую сторону):

- (16) Когда прибегнем мы под знамя / Благоразумной тишины, / *Когда страстей угаснет пламя* / И нам становятся смешны / Их своеволие иль порывы / И запоздалые отзывы, — / Смиренные не без труда, / Мы любим слушать иногда / Страстей чужих язык мятежный, / И нам он сердце шевелит. / *Так точно старый инвалид* / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей, / Забытый в хижине своей (ЕО: 2, XVIII).

По-видимому, *инвалид* в языке Пушкина близок к тому, что в современном языке называется *ветеран* — человек, отслуживший в армии или воевавший, т. е. имеющий большой опыт в военном деле (в переносном значении — в любом другом деле), ср. [Лотман 208: 344]. Различие в том, что в слове *ветеран* компонент ‘больше не занимается этим делом’ имеет статус коннотации, а в пушкинском *инвалид* — составляет часть значения. Называя Онегина *инвалидом* в переносном смысле Пушкин хочет сказать, что он имеет в прошлом большой опыт в любовных делах (или, по крайней мере, так *считается*). Он слушает Ленского «с важным видом» (как считает А. Б. Пеньковский, здесь нет иронии) — как эксперт.

По предположению С. А. Крылова (высказанному в устной беседе), эффектом ближней семантической эволюции слова *инвалид* объясняется появление слова *калека* в следующих строчках песни А. Городничского:

Похмелье карточной игры,  
Тоска дорожная, да *будочник-калека*...  
Ах, постоялые дворы —  
Аэропорты девятнадцатого века!

Дело в том, что в этих строчках, очевидно, имеется аллюзия к Пушкинскому стихотворению «Дорожные жалобы» (1829):

Иль чума меня подцепит,  
Иль мороз окостенит,  
Иль мне в лоб шлагбаум влепит  
Непроворный *инвалид*.

Как справедливо заметил С. А. Крылов, пушкинский *инвалид* понимается современным читателем скорее всего как хромой или одноногий (и поэтому *непроворный*); и таким образом *будочник* — вспомним служащего почтовой станции, опускającego шлагбаум, — оказывается *калекой*.

В подтверждение сказанного приведу также мнение известного французского пушкиниста, исследователя и переводчика русской литературы Луи Мартинеза (из частной переписки): «Слово *invalide* в XVII в. имело [во французском языке] соответствующее латинскому оригиналу значение ‘не имеющий (больше) сил /

способности (нечто делать)», вовсе не обязательно «увечный». В современном языке это слово употребляется либо в переносном смысле (*En matière d'internet je suis un vrai invalide* «В отношении интернета я полный инвалид»), либо в бюрократическом языке (в котором оно, впрочем, вытесняется словом *handicapé*). В языке Пушкина слово *инвалид*, очевидным образом, обозначало «старый солдат», «ветеран».

#### 4. Перевод

- (17) Но жалок тот, кто все предвидит, / Чья не кружится голова, / Кто все движенья, все слова / В их переводе ненавидит, / Чье сердце опыт остудил / И забываться запретил! (ЕО: 4, LI, 9—14)

Первый шаг в решении загадки этих строк состоит в том, что глагол *ненавидеть* здесь, очевидно, имеет значение «презирать, считать ничтожным» (то же, что и в примерах (3), (4), ср. [Пеньковский 2005: 52]). Главную проблему, однако, составляет значение слова *перевод*.

В Словаре языка Пушкина у слова *перевод* выделяется единственное значение «текст (или устная речь), переведенный на другой язык» (т. 3, с. 299); в примере (17) употребление слова *перевод* характеризуется как «переносное». Это, однако, мало нас продвигает в понимании смысла фразы.

Второй пример аналогичного переносного употребления этого слова, приводимый в Словаре языка Пушкина, такой:

- (18) Тебе, мой дядя, в новый год / Веселья прежнего желанье / И слабый сердца перевод — / В стихах и прозой посланье (Письмо В. Л. Пушкину, 28 декабря 1816 г.)

Здесь значение слова *перевод* представляется достаточно прозрачным: речь идет о «переводе» с невербального языка *сердца* (или *языка страстей*) на обычный словесный язык, т. е. о выражении словами своих душевных переживаний. Приблизительно то же значение имеет глагол *переводить* в примере (19):

- (19) Когда тоска обманчивых желаний / Объемлет нас и душу тяготит, / И всюду нас преследует, томит / Предмет один и думы и страданий, — / Не правда ли? в толпе младых друзей / Наперсника мы ищем и находим / С ним тайный глас мучительных страстей / Наречием восторгов переводим (Пушкин. «Гаврилада»).

Больше ни существительное *перевод*, ни глагол *переводить* в такого рода переносном значении у Пушкина не встречаются.

Обратимся к слову *перевод* в отношении письма Татьяны к Онегину. Безусловно, здесь речь идет о его переводе в буквальном смысле — с французского языка на русский. На это имеется два прямых указания:

- (20) Родной земли спасая честь, / Я должен буду, без сомненья, / Письмо Татьяны перевести. / Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, /

И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски... (ЕО: 3, XXVI);

- (21) Певец Пиров и грусти томной, / Когда б еще ты был со мной, / Я стал бы просьбою нескромной / Тебя тревожить, милый мой: / Чтоб на волшебные напевы / *Переложил* ты страстной девы / *Иноплеменные слова* (ЕО: 3, XXX).

Однако в той строфе, которая непосредственно предваряет текст письма (пример (22)), слово *перевод*, по-видимому, имеет сразу два смысла: помимо 'перевод с французского на русский', также и 'перевод с «языка сердца» на обычный словесный язык'. Об этом свидетельствуют, в частности, текстуальные совпадения, ср.: *Безумный сердца разговор*; *Неполный, слабый перевод* в примере (22) и строчку *И слабый сердца перевод* из примера (18).

- (22) Кто ей внушал и эту нежность / И слов любезную небрежность? / Кто ей внушал умильный вздор, / *Безумный сердца разговор*, / И увлекательный и вредный? / Я не могу понять. Но вот / *Неполный, слабый перевод*, / С живой картины список бледный, / Или разыгранный Фрейшиц / Перстами робких учениц (ЕО: 3, XXXI).

С точки зрения интересующей нас проблемы здесь ключевым является словосочетание *безумный сердца разговор*. Именно его *переводом* является тот текст письма Татьяны, который мы читаем далее. Вернемся теперь к примеру (17).

Оставим пока в стороне слово *движенья*. Что значит, в свете сказанного выше, ...*все слова он в переводе ненавидит*? Как мы выяснили, слова обычного вербального языка уже являются *переводом* с «языка сердца». Значит, речь идет о каком-то дальнейшем переводе?

Н. В. Перцов (в устной беседе) высказал предположение, что значение слова *перевод* в примере (17) — уникальное пушкинское словоупотребление. Эта гипотеза представляется весьма правдоподобной; по крайней мере, поиск в Национальном корпусе русского языка, в его поэтическом подкорпусе XVIII—XIX вв., а также в текстах ряда авторов начала XIX в. из Русской виртуальной библиотеки не дал результатов. Единственный пример, демонстрирующий близкое значение, который удалось найти, следующий:

- (23) Таковою тонкою лестью Терентий Иванович всегда достигал своей цели. Родительская любовь согласовалась в нем с хозяйственными расчетами: не обременить голову ребенка было на языке его в некотором смысле *перевод тайного голоса его сердца*: не опорожнить своего кошелька (О. М. Сомов. «Матушка и сынок» (1831), *ruscorpora*).

Тем не менее некоторую важную для нас информацию этот пример дает. Здесь слово *перевод* устанавливает определенное семиотическое отношение между двумя обсуждаемыми смыслами, а именно отношение типа «означающее — означаемое», которое обычно выражается глаголами типа *означать*: «не обременять голову ребенка» *означает* «не опорожнить своего кошелька».

Приведем также следующий пример употребления глагола *переводить* (где он тоже близок по смыслу к *означать*):

(24) Я начинал приходить в раздраженное состояние духа, каждый взгляд Ивина ловил на лету и, когда он встречался с глазами Фроста, переводил его вопросом: «И зачем он приехал к нам?» (Л. Толстой. «Юность»).

Заметим, что в языке часто одно и то же слово используется для выражения отношения «означающее — означаемое» и отношения между прямым и «истинным» смыслом (т. е. тем, что человек «говорит» и тем, что он «имеет в виду» или «хочет сказать» своими словами)<sup>14</sup>; таков, например, русский глагол *значить*, нем. *heißen* (ср. *Wie heißt er?* — Как его зовут? *Was heißt das?* — Что это значит?), англ. *to mean* (ср. *The word A means B* и *What do you mean?*), а также глагол *сказать* в выражениях типа *Что ты хочешь этим сказать?*, устанавливающий отношение между прямым и «истинным» смыслом (ср. также франц. *veut dire*, итал. *vuol dire*).

Той же многозначностью потенциально обладает и выражение *в переводе*, которое является контекстным синонимом слова *значит*, ср. синонимию (25а) и (25б):

- (25) а. «Филипп» по-гречески *значит* 'любитель лошадей';  
 б. «Филипп» *в переводе* с греческого — это 'любитель лошадей';  
 в. «Филипп» по-гречески — это 'любитель лошадей'.

Слово *значит* при этом может быть опущено — ср. синонимию (25а) и (25в)<sup>15</sup>. В данной связи интересен английский перевод обсуждаемых пушкинских строк, сделанный Дж. Фейленом, где опущено выражение *в переводе*:

(26) But wretched he who's too far-sighted, / Whose head is never fancy-stirred, /  
 Who hates all *gestures*, each *warm word*, / As *sentiments to be derided* / Whose  
 heart... experience has cooled / And barred from being loved... or fooled!<sup>16</sup>

Вместо него помещен сам этот «перевод» (ср. наш пример (25в)), т. е. «истинный смысл», или *что эти движенья и слова в переводе значат*: «*sentiments to be derided*» (= «чувства, достойные осмеяния»).

В примере (17), таким образом, действительно имеется в виду перевод как толкование, т. е., переход от буквального смысла к «истинному»<sup>17</sup>. Действитель-

<sup>14</sup> О понятии «истинного смысла» см. [Зализняк 2004].

<sup>15</sup> Не случайно один из путей семантической деривации привел его к положению слова-паразита.

<sup>16</sup> Alexander Pushkin. Eugene Onegin. A Novel in Verse / Transl. with an Introduction and Notes by J. E. Falen. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. P. 106.

<sup>17</sup> Я благодарна С. Г. Болотову за предложенное им уточнение данной формулировки и за ссылку на Словарь русских народных говоров (т. 26, с. 54), где отмечено одно из значений слова *перевести*: «понять, осмыслить».

но, *слова* — это конвенциональный способ выражать свои чувства вербально (переводить с «языка сердца»). Относительно *движений* можно предположить, что имеются в виду конвенциональные акты — поклоны, улыбки, вздохи и разные мимические жесты, — составляющие, вместе со словами, «язык сердца» (т. е. набор способов невербального выражения тех же чувств); при таком понимании комбинация *все движенья, все слова* оказывается оправдана<sup>18</sup>.

Итак, ...*в их переводе ненавидит* означает «видит, что их истинный смысл ничтожен». Тот, кто «все предвидит», знает, что за увлечением придет скука, что любовь обернется изменой или разочарованием, и т. д.

Заметим, что сочетание *в переводе* включает в себе еще и скрытую предикацию: «тот, кто все предвидит», отличается от «того, кто хладный ум угомонив, покоится в сердечной неге» (ЕО: 4, LI, 4—5) именно тем, что он эту операцию «перевода» (т. е. извлечения «истинного смысла») производит — и тогда оказывается, что то, что получилось, пусто и ничтожно.

Тем самым, значение, в котором цитата (17) используется, например, в «живом журнале» (в контексте молодежного обсуждения неприятия окружающего мира по причине его пустоты и ничтожества), вовсе не является неправильным. Единственная незначительная ошибка здесь (и в этом отношении данная строчка разделяет общую судьбу часто цитируемых выражений, см. ниже) обусловлена эффектом ближней семантической эволюции слова *ненавидеть*.

## 5. Вместо заключения

Эффект ближней семантической эволюции приобретает особую важность в силу того, что он вплотную соприкасается с феноменом «открытости» (по Умберто Эко) художественного текста, признанием роли читателя в его интерпретации, приближающейся к роли автора и т. д. Сошлюсь еще раз на А. Б. Пеньков-

<sup>18</sup> В пользу такой трактовки слова *движенья* можно привести, в частности, следующие его употребления у Пушкина (где *движенья* соседствуют с речью и входят в ряд других знаковых элементов поведения):

- (27) Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный, / Без томной робости твой ловит светлый взор, / *Движенья* милые, игривый *разговор* / И след улыбки незабвенной.
- (28) Смотрю на все ее *движенья*, / Внимаю каждый звук *речей* — / И миг единый разлученья / Ужасен для души моей.

Ср. также сочетание *Улыбку уст, движенье глаз* (ЕО: 8, Письмо Онегина Татьяне); *Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья* («Лицинию»). По мнению Н. В. Перцова (высказанному в устной беседе), для слова *движенья* в примере (18) нельзя исключать значение «внутренние побуждения, душевные переживания». Так или иначе, слово *движенья* следует отнести к тому списку «трудных» пушкинских слов, которые составляют предмет настоящего обсуждения.

ского, мнение которого по этому вопросу представляется мне совершенно справедливым: подстановка нового значения вместо старого не есть «приращение смысла», а дает «искажение смыслов, порой доходящее до полного извращения» [Пеньковский 2005: 9]. Понимание, возникшее в результате того, что читатель НЕ ЗНАЕТ того значения, в котором употребил данное слово автор, и, сам того не замечая, подставляет на его место актуальное для него значение, является ОШИБОЧНЫМ (а не просто «другим», равноправным). Одним из источников такого рода ошибок является эффект ближней семантической эволюции, и задача филолога — его распознать.

С другой стороны, такого рода подстановка и порождаемое ею ошибочное понимание — не случайное явление, а неотъемлемое свойство функционирования языка и текстов на языке, и как таковое должно изучаться. Сюда относятся, в частности: феномен вторичных схождения в истории слов, влияние народной этимологии и разного рода ошибочных интерпретаций на реальное функционирование слова и его семантическую эволюцию (ср. слово *довлеть*, которое приобрело значение ‘тяготить’; многочисленные факты такого рода приведены в статье [Булыгина, Шмелев 2003]). Обратим внимание также на то, что крылатые слова и выражения с поразительной регулярностью используются в качестве цитаты не в том смысле, какой они имели в исходном тексте (а иногда и в прямо противоположном — как это случилось с пушкинской фразой *Народ безмолвствует* — см. [Еськова 1999: 67—70]). Среди многочисленных примеров, которые здесь можно привести, назову цитату из «Горе от ума» *И дым отечества нам сладок и приятен*, где в современном употреблении утрачена уступительность, выражаемая словом *и* (= ‘даже дым, и тот...’), которая присутствует и в тексте Грибоедова, и в его источниках, восходящих к «Одиссее», — в результате чего смысл выражения оказался существенно иным.

Я благодарна Н. В. Перцову, чьи соображения относительно смысла разных пушкинских текстов, высказанные им письменно и в частных беседах, а также интерес и участие, проявленные им к данной моей работе, в значительной степени способствовали ее написанию.

Я благодарна также И. А. Пильщикову и С. Г. Болотову за замечания и исправления, сделанные в ходе редактирования первоначального варианта данной статьи.

## КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА *ОТДЫХАТЬ* \*

### 1. *Дышать и отдыхать*

В статье, посвященной анализу глагола *вздохнуть*, А. Б. Пеньковский демонстрирует, что этот глагол имел особое, не фиксированное словарями значение ‘преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться’; в частности, именно это значение представлено в строках *Но наконец она вздохнула / И встала со скамьи своей* («Евгений Онегин» гл. 3, XLI) [Пеньковский 2005: 88—89]. Далее отмечается, что то же значение восстановления нормального дыхания имел глагол *отдохнуть*, ср.:

- (1) Наконец Степан Петрович умолк, приподнялся, *отдохнул* и начал ходить по комнате (Тургенев. «Два приятеля», 1853).

Данное значение не сохранилось в современном языке, и тем самым нынешний читатель либо понимает такие предложения неправильно (приписывая глаголу современное значение и в той или иной степени удивляясь его неуместности в данном контексте), либо вообще не может приписать им никакого смысла; таковы примеры (1)—(6), (8)—(11) ниже.

Между тем, глагол *отдохнуть* в языке XIX в. имел даже не одно, а несколько значений, впоследствии утраченных.

Надо сказать, что слова, описывающие процесс дыхания (образованные от основы *дых-/дох-/дух-*), уникальны в том отношении, что они принадлежат одновременно сферам «души» и «тела» — ср., например, структуру полисемии слова *дух* [Урысон 2003: 59—72]. Действительно, в языковой картине мира *дыхание* является важнейшей, обеспечивающей *жизнь* (ср. *еле дышит*; *бездыханный* = ‘мертвый’) физиологической функцией организма, т. е. *тела*, — и, одновременно, формой репрезентации и эманацией *души* (связи *души* с *дыханием* многообразны и подробно описаны, здесь нет нужды на этом останавливаться). В частности, дыхание является признаком жизни именно потому, что свидетельствует о присутствии *души в теле*. Поэтому обозначение душевных состояний при помощи слов с основой *дых-/дох-/дух-* (таких как *вдохновение*)<sup>1</sup> исходно не содержит метафо-

\* В данный раздел вошли материалы статей [Зализняк 2009; 2010].

<sup>1</sup> См. об этом слове [Виноградов 1994: 71—76].

рического переноса 'тело' → 'душа', характерного для большинства обозначений эмоциональных и психических состояний (ср. *душа болит; жар души; душевные раны* и т. п.)<sup>2</sup>, а апеллирует непосредственно к образу человека в языковой картине мира. Тем не менее вопрос о направлении семантической производности между значениями «отдохнуть телом» и «отдохнуть душой» представляет определенные трудности; мы вернемся к нему после обсуждения всего списка значений.

А. Б. Пеньковский выделяет у глагола *отдохнуть* два значения: 'преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться' (это же значение имеется у *вздохнуть*) [Пеньковский 2005: 80]; 'восстановить душевные силы, успокоиться' [Там же: 88—89]. Оба эти значения при более детальном анализе оказываются неоднородны. Рассмотрим следующий пример из [Там же: 88]:

(2) Для шутки камешек лукнул / И так его зашиб, что чуть он *отдохнул* (И. Дмитриев. «Два голубя»).

Это предложение призвано иллюстрировать значение 'преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться' (значение I; см. список в след. разделе); однако здесь, очевидно, речь идет не от том, что голубь отдышался после состояния задыхания, а о том, что он чуть не умер — причем не от удущья, а от удара. Тем самым здесь связь с дыханием состоит только в том, что дыхание есть неперемненное условие жизни, а прекращение дыхания означает смерть. Эту идею выражает, например, глагол *издохнуть* (букв. 'испустить дух'), при этом его современное значение, как и значение глагола *отдохнуть* в примерах (2)—(6), непосредственно с дыханием не связано. Таким образом, *отдохнуть* в примере (2) означает что-то вроде '(снова начав дышать) вернуться к жизни (из состояния, пограничного между жизнью и смертью)'; будем называть это значением II.

Заметим, что говорить о восстановлении нормального дыхания можно в двух разных случаях: когда этому предшествует слишком интенсивное дыхание (как в случае быстрого бега или возбужденной речи — значение I) и, наоборот, задержка дыхания — как в случае обморока или другого пограничного состояния (значение II), а также страха и напряженного ожидания (значение III, см. ниже).

Приведем другие примеры реализации значения II:

(3) ...с одним нахалом казаком, которого за насмешки я хватил неловко по голове нагайкою... да, к счастью, он *отдохнул* (М. Н. Загоскин. «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829), *ruscogroga*<sup>3</sup>);

(4) Л ж е д и м и т р и й. Мой бедный конь! (...) / Послушай, может быть, / От раны он лишь только заморился / И *отдохнет*. Пушкин. Куда! он издыхает (Пушкин. «Борис Годунов»);

<sup>2</sup> См. в частности [Апресян, Апресян 1993].

<sup>3</sup> Пометой «*ruscogroga*» сопровождаются примеры, взятые из Национального корпуса русского языка ([www.ruscogroga.ru](http://www.ruscogroga.ru)).



- (5) Я подумал, что дедушка умер; пораженный и испуганный этой мыслью, я сам не помню, как очутился в комнате своих двоюродных сестриц, как взлез на теушкину кровать и забился в угол за подушки. [...] Мне стало еще страшнее; но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять *отдохнул* (С. Т. Аксаков. «Детские годы Багрова-внука» (1858), гуссорога).

Глагол *отдохнуть* в этом значении встречается также и в несов. виде (*отдыхать*) — но лишь в тривиальном (итеративном) значении, ср.:

- (6) Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых *дохнет*<sup>4</sup> рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба *отдыхает*, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом (С. Т. Аксаков. «Записки об уженье рыбы»).

Значение, которое толкуется А. Б. Пеньковским как ‘восстановить душевные силы, успокоиться’, также распадается на два. Приводимый им пример (7) действительно скорее всего реализует значение ‘восстановить душевные силы’ (см. значение V ниже):

- (7) Как ты, мой друг, в неопытные лета, // Опасною прельщенный суетой, // Теряя я жизнь и чувства и покой; // Но *угорел* в чаду большого света / И *отдохнуть* убрался я домой (Пушкин. «Послание к Горчакову»)⁵.

Однако другие примеры А. Б. Пеньковского соответствуют лишь второй части толкования (‘успокоиться’), и при этом его можно было бы сформулировать несколько точнее: что-то вроде ‘успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала’ (значение III), ср.:

- (8) Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и *отдохнул* только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского (Тургенев. «Затишье»);  
 (9) Эй, смотри, сын! ей богу *отделаю* тебя батогом так, что до представления света будет болеть спина (...). Сказавши это, Бульба повернулся на другую сторону и заснул. Андрей *отдохнул* (Гоголь. «Тарас Бульба»).

Здесь описывается ситуация, когда человек чего-то боится и при этом как бы «затаил дыхание», напряженно ожидая развязки. Когда он узнает, что опасность миновала, он как бы делает выдох, ср. *вздох облегчения*. Существует даже междометие *уф-фф* или *фу-уу*, имитирующее звук выдоха и выражающее в точности это значение («Пронесло!»). Ср.:

- (10) — Фу, братец, как ты меня напугал, — проговорил Заруцкий, садясь на канаве, — на силу могу *отдохнуть*! (М. Н. Загоскин. «Вечер на Хопре» (1834), гуссорога);

<sup>4</sup> О глаголе *дохнуть* см. раздел 5.

<sup>5</sup> Здесь, впрочем, связь с дыханием также актуальна: пара *угорел* — *отдохнуть* образует единую область источника метафоры.

- (11) «Ей, может быть, нравятся цветы, верховая езда, невинные развлечения, а не сам граф? Да положим даже, что тут есть немного и кокетства: разве это не прощительно? другие и старше, да бог знает что делают». Он *отдохнул*, луч радости блеснул в душе (И. А. Гончаров. «Обыкновенная история» (1847), *ruscopora*).

Сходную внутреннюю форму имеет выражение *отлегло от души*.

Отличие употреблений типа (8)—(11) от (7) состоит еще и в том, что в (7) глагол *отдохнуть* описывает предельный процесс, а в (8)—(11) — моментальное событие; к аспектуальным свойствам этого глагола мы еще вернемся.

Близкое значение представлено и в следующей группе примеров с собирательным субъектом:

- (12) Дума сделала для них то же, что Василий сделал для новгородцев: возвратила им судное право. Целовальники, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить все уголовные дела независимо от наместников, к великой досаде сих последних, лишенных тем способа беззаконствовать и наживаться. Народ *отдохнул* во Пскове; славил милость великого князя и добродетель бояр (Н. М. Карамзин. «История государства Российского». Том 8 (1815—1820), *ruscopora*);
- (13) Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалялось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество *отдохнуло* и стало думать об избрании себе нового царя (Пушкин. Конспект предисловия Ф. Н. Глинки к поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой»);
- (14) Теперь, три месяца спустя, общество наше *отдохнуло*, оправилось, отгулялось, имеет собственное мнение и до того, что даже самого Петра Степановича иные считают чуть не за гения, по крайней мере «с гениальными способностями» (Ф. М. Достоевский. «Бесы» (1871—1872), *ruscopora*).

## 2. Значения глагола *отдыхать*

У глагола *отдохнуть / отдыхать* может быть выделен следующий набор значений (порядок их перечисления соответствует ходу семантической эволюции)<sup>6</sup>:

I. 'Восстановить дыхание, отдышаться' — см. пример (1), а также:

- (15) Я выпил стакан воды, сел, *отдохнул* и потом прочел следующее послание (О. М. Сомов. «Приказ с того света» (1827), *ruscopora*);

<sup>6</sup> Имперфективный глагол *отдыхать* в лексических значениях I, II, III и IV может иметь лишь событийное (итеративное) значение, и в наших примерах не встречается; значение V характерно в равной мере как для перфективного, так и для имперфективного глагола (при этом последний может иметь процессное значение); в значении VI употребляется преимущественно, а в VII исключительно — глагол несов. вида (имеющий в последнем случае лишь статальное значение). Тем самым, как можно видеть, семантическая эволюция обсуждаемого глагола сопровождается экспансией формы несов. вида. Толкование всех значений кроме VI и VII, приводится для формы сов. вида.

(16) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало: мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. *Отдохнув*, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю (Тургенев. «Первая любовь»)<sup>7</sup>.

II. 'Не умереть, остаться живым' — см. примеры (2)—(6).

III. 'Успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала' (моментальное неконтролируемое событие) — см. примеры (8)—(11), а также:

(17) Со сна идет к окну сенатор / И видит — в лодке по Морской / Плывет военный губернатор. / Сенатор обмер: «Боже мой! / Сюда, Ванюша! стань немножко, / Гляди: что видишь ты в окошко?» / — Я вижу-с: в лодке генерал / Плывет в ворота, мимо будки. / «Ей-богу?» — Точно-с. — «Кроме шутки?» / — Да так-с. — Сенатор *отдохнул* / И просит чаю: «Слава богу! / Ну! Граф наделал мне тревогу, / Я думал: я с ума свихнул» (Пушкин. «Медный всадник», черновик; пример из [Пеньковский 2005: 89]).

IV. 'Избавившись от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием, вернуться к состоянию покоя или полноты душевных и/или физических сил':

(18) Я пришла сюда *отдохнуть от беседы* господина предводителя и Нестельцова; развяжи нас бог с такими ругателями! (Д. И. Фонвизин. «Выбор гурвернера» (1790—1792), ruscoproga);

(19) Но не успела она еще *отдохнуть от объяснения* с Паншиным и с матерью, как на нее опять обрушилась гроза, и с такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала (И. С. Тургенев. «Дворянское гнездо» (1859), ruscoproga);

(20) Он только что хотел *отдохнуть от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, как услышал сильный стук у дверей (А. К. Толстой. «Амена» (1846), ruscoproga);

(21) В деревне сей хочу я *отдохнуть от дороги*, и как теперь несколько поздно, то намерен провести ночь в сей пустой избе, дабы не быть в тягость почтенным князьям (В. Т. Нарезный. «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), ruscoproga);

(22) Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречием с нею ничего не возьмешь, и пошел *отдыхать от* своей достопримечательной *прогулки* (А. С. Пушкин. «Барышня-крестьянка» (1830), ruscoproga);

(23) — А вам надо *отдохнуть от дороги* — и *от игры* в дурачки с моим мужем (И. С. Тургенев. «Вешние воды» (1872), ruscoproga);

(24) Солдаты, не успевшие *отдохнуть от дневного похода*, падали полусонные в сомкнутых колоннах, офицеры, будто опьянелые, ныряли на своих лошадях (И. И. Лажечников. «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи "Материалы для биографии А. П. Ермолова"» (1864), ruscoproga);

<sup>7</sup> В этом примере совмещены значения I и IV.

- (25) Стародум. Признаюсь, что я рад бы *отдохнуть* и *от дороги* и *от всего того, что слышал и что видел* (Д. И. Фонвизин. «Недоросль» (1782), *ruscorpora*);
- (26) Ты еще не *отдохнул от* вчерашних своих *впечатлений* (Ф. М. Достоевский. «Слабое сердце» (1848), *ruscorpora*);
- (27) У меня сжалось сердце от этих слов, — я только что *отдохнул от* дорожных *волнений* и своего первого детского *горя*, а тут приходилось все начинать снова (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Отрезанный ломоть» (1899), *ruscorpora*);
- (28) Помню только, что-то страшно затрещало; помню также остов селедки в волосах старца в капоте, поповскую шляпу, летевшую через всю комнату, бледное лицо Виктора, присевшего в углу, и чью-то рыжую бороду в чьей-то мускулистой руке... Это были последние впечатления, вынесенные мной из «поминательного пира», устроенного любезнейшим Сигизмундом Сигизмундовичем в честь бедной Сусанны. *Отдохнув* несколько, я отправился к Фустову и рассказал ему все, чему я был свидетелем в течение того дня (И. С. Тургенев. «Несчастливая» (1881), *ruscorpora*);
- (29) Сцены нежные в особенности противны в устах этого актера (...) В четвертом акте я *отдохнул* только, слушая музыку песен Офелии, где композитор понял глубоко если не Офелию Шекспира, то, по крайней мере, момент безумия и судьбу бедной девушки! (А. А. Григорьев. «Гамлет' на одном провинциальном театре» (1845), *ruscorpora*);
- (30) Какие мгновения истинного блаженства я испытал в эти вечера, когда мы долго беседовали! Я *отдохнул за* весь *холод*, испытанный в моей жизни (А. И. Герцен. «Кто виноват?» (1841—1846), *ruscorpora*);
- (31) *Отдохнул с* ними Бакунин *за девятилетнее молчание и одиночество* (А. И. Герцен. «Былое и думы» (1866), *ruscorpora*);
- (32) Все кончено, милая, бесценная. Я еду к тебе на воды! Только доведу полк до Дербента — и в седло. Не буду знать устали днем, ни дремы ночью, пока не *отдохну* в твоих объятиях (А. А. Бестужев-Марлинский. «Аммалатбек» (1831), *ruscorpora*);
- (33) Скучая жизнь, томимый суетою, / Я жажду близ тебя, друг нежный, *отдохнуть*... (Пушкин. «Позволь душе моей открыться пред тобою»);
- (34) ...мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся; (...) Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы *отдохнем*... (...) (Чехов. «Дядя Ваня»).

V. 'Восстановить физические и/или душевные силы (прервав или прекратив вызывающую утомление деятельность); избыть усталость' (предельный процесс):

- (35) Уже они достигли до пределов того государства, но стали *отдохнуть*, царевна уснула, а проснувшись увидела Полкана мертвым и подле него льва издающую (А. Н. Радищев. «Бова» (1798—1799));
- (36) Она уж третий месяц работала в мастерской, но все еще при каждом перерыве ей хотелось *отдыхать* долго-долго, без конца (В. В. Вересаев. «Два конца» (1899—1903), *ruscorpora*);

- (37) — Пошли ко мне. *Отдохни* хоть с недельку.... Украсть у меня всё равно нечего. *Отдышись*...<sup>8</sup> Потом уж поедешь магазины ломать (В. Шукшин. «Калина красная» (1973), guscoroga).

VI. [преимущественно несов.] 'Проводить отпуск / выходные дни; не работать'<sup>9</sup>:

- (38) На службе он получил повышение за активность, и в настоящее время Алексей Иванович Кашкин *отдыхает* в Гаграх в доме отдыха (М. М. Зошенко. «Возвращенная молодость» (1933));
- (39) — Вы не *отдыхали* в Сочи? — В Сочи, хоть один раз жизни, *отдыхал* каждый человек — сказала Катерина (Валентин Черных. «Москва слезам не верит» (1980));
- (40) Я не понимаю людей, которые покупают путёвки и едут *«отдыхать»* (Юлия Пешкова. «Пиковый козырь» (2002), guscoroga);
- (41) Касьянов приехал к нам не как премьер, он *отдыхал* (Ольга Кабанова. «Испытание фресками» (2002), guscoroga);
- (42) Но если уж встречаемся, то *отдыхаем* на полную катушку; Вместе мы очень любим *отдыхать* на природе (Эльвира Савкина. «Если впрягаюсь, то основательно» (2002), guscoroga);
- (43) ...сколько платит институт за телефонные разговоры директора или его дочери, которая живет в Америке, или на сколько тысяч народных долларов Гусев ежегодно *отдыхает* (Марат Хайруллин. «Пока не отсохнет рука берущего» (2003));
- (44) *Отдохните* со скидкой 50 % (рекламное предложение турагенства);
- (45) Ани Лорак *отдохнула* в Греции с Сакисом Рувасом.

VII. [только несов.] 'быть превзойденным в релевантном отношении' (способ характеристики противоположного термина сравнения):

- (46) Ничего не прошло и ничего не наступило. Мы остановили мгновение, Доктор Фауст *отдыхает!* (Сергей Осипов. «Страсти по Фоме» (1998));
- (47) — Вот какие стихи! — похвастался Юха. — Пушкин *отдыхает* (Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. «Человек "Ч"» (2001));
- (48) А уж жесток был — инквизиция *отдыхает* (Олег Лурье. «Похоронный пиар» (2003));
- (50) С явным трудом Кеша привел в действие застоявшийся механизм. Наконец Маруся была вознесена под потолок. — Классно, — заверещала она, — Луна-парк *отдыхает*, Киса — ты гений! (Дарья Донцова. «Доллары царя Гороха» (2004));
- (51) Возможно, это оскорбит родительские чувства Никиты Михалкова, но теперь его дочку, четырнадцатилетнюю красавицу блондинку Надю просто

<sup>8</sup> Обратим внимание на то, что для основного значения глагола *отдыхать* связь с *дыханием* сохраняется до сих пор.

<sup>9</sup> Возможность семантической деривации 'дышать' → 'проводить отпуск' отмечается в лексико-типологическом исследовании [François 2008].

преступление не снять в роли набоковской Лолиты. Хотя Никита Сергеевич и сам это признает: «Надежда так изменилась в последнее время. Лолита вообще *отдыхает*».

В современном русском языке у глагола *отдыхать* значения I, II и III исчезли<sup>10</sup>; значение V сохранилось практически неизменным до сих пор; о значении IV см. след. раздел. Приблизительно в середине XX в. у глагола *отдыхать* появилось производное от V новое значение VI<sup>11</sup> и, где-то на рубеже нового века, значение VII, о которых пойдет речь в разделе 6.

### 3. Об эффекте ближней семантической эволюции

Значение IV наиболее наглядно демонстрирует *эффект ближней семантической эволюции*<sup>12</sup>. Это значение не сохранилось в современном языке: хотя сама конструкция *отдохнуть от чего-л.* широко распространена, она употребляет-ся иначе и передает другое значение глагола *отдохнуть* (а именно, V).

Это значение — «двухфокусное» (ср. аналогичную особенность глагола *выйти*, включающего фокусы «откуда» и «куда», что определяет набор его переносных значений, см. [Падучева 2004: 99—100]). А именно, «отдохнуть IV» содержит два смысловых компонента (которые тоже отсылают, соответственно, к исходной и к конечной точке): «избавиться от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием на организм человека (тело, душу, нервы, ум, чувства и т. д.)» и «вернуться к состоянию полноты душевных и/или физических сил».

Рассмотрим сначала примеры (18)—(27) с предлогом *от*, который вводит либо обозначение источника произведенного эффекта (*от дороги, от прогулки, от беседы, от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, примеры (18)—(24)), либо обозначение самого эффекта (*от впечатлений, горя, волнений*, примеры (26)—(27)). Они все не соответствуют современной норме, но в разной степени и по разным причинам.

Помимо того, что предлог *от* в современном языке редко вводит обозначение единичной ситуации (см. ниже), здесь имеется два содержательных различия. Во-первых, это различие в способе «профилирования». В старом языке в кон-

<sup>10</sup> Ср., однако, такой пример, где обнаруживает себя старое значение I:

Тут только Пик заметил, что с ним творится что-то неладное, дыхание вылетало у него из горла со свистом. Раны не были смертельными, но свиные когти что-то повредили у него в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега. Когда он *отдохнул* и *стал дышать ровно*, свист прекратился (Виталий Бианки. «Лесные были и небылицы» (1923—1958), гуссогора).

<sup>11</sup> Полностью автономным данное значение можно считать лишь с появлением у него специфического управления типа *за/на такую-то сумму* и некоторых других сочетаемостных особенностей (ср. примеры (43), (44)).

<sup>12</sup> См. главу «Об эффекте ближней семантической эволюции» в наст. сборнике.

струкции *отдохнуть от* *⟨чего-то⟩* на первом плане находился компонент избавления от эффекта внешнего воздействия, а в современном — компонент восстановления состояния полноты сил. Во-вторых, изменилось то, *от чего* отдыхают. В старом языке это было производное на человека каким-то внешним стимулом «впечатление» в том числе — состояние усталости<sup>13</sup>. Между тем в современном языке это может быть только усталость: *отдыхает* человек от того, от чего он *устал*: это может быть либо длящаяся ситуация (в том числе, контакт с каким-то объектом), либо повторяющаяся (и вызывающая чувство утомления, возможно, именно своей повторяемостью). Сейчас можно *отдохнуть от забот, от дел, от суеты, от шума, от Москвы, от семьи, от детей, от женщин, от гостей, от людей, от ⟨какой-то⟩ обстановки, от ⟨какой-то⟩ жизни, от пьянства, от безделья, от пустых (умных) разговоров, от ссор, скандалов, выяснения отношений* и т. д. Но нельзя *\*отдохнуть от ссоры с женой* или *\*отдохнуть от впечатления, произведенного вчерашним концертом* — потому что и там, и там речь идет не об усталости. И в XIX в., когда именно так говорили (ср. примеры (19), (26)), то имелась в виду ликвидация не усталости, а «впечатления», оставленного в душе упомянутым событием. В современном языке глагол *отдохнуть* такого значения не имеет, поэтому предложения типа (19)—(20) и (26)—(27) не нормативны. (Сейчас смысл выражений типа *отдохнуть после объяснения* точнее было бы передать выражением *прийти в себя*.) Современный читатель либо распознает ненормативность таких примеров, либо понимает их неправильно (с «современным» значением глагола *отдохнуть*), подвергаясь действию эффекта ближайшей семантической эволюции.

В современном языке «впечатления» могут стать объектом *отдыха* только в том случае, если человек от них *устал*, т. е. только если их слишком много. Поэтому сейчас мы говорим *отдохнуть от впечатлений, волнений, страстей, переживаний* и т. д. Можно даже *отдохнуть от дорожных впечатлений* или *вчерашних переживаний* — но именно *отдохнуть*, т. е. перестать чувствовать усталость, вызванную этими впечатлениями и переживаниями, а не перестать вспоминать и переживать.

Аналогично, обозначение событий и действий сейчас могут выступать в качестве объекта глагола *отдохнуть* только в том случае, если они являются источником именно усталости, а не чего-то другого. Поэтому примеры (20)—(24) выглядят почти *нормативно*. Хотя в современном языке чаще употребляется предлог *после*, (*отдохнуть после дороги, после дневного перехода, бурно проведенной ночи, лекции, тяжелого рабочего дня, концерта, конференции* и т. п.),

<sup>13</sup> Причем эти случаи не различались: усталость трактовалась как одно из возможных «впечатлений», которые ликвидируются путем отдыха, ср. сочиненные конструкции *отдохнуть от дороги и от всего того, что слышал и что видел* в примере (25), и *отдохнул от дорожных волнений и своего первого детского горя* в (27), которые не содержат никакого элемента совмещения значений (языковой игры).

употребление предлога *от* тоже возможно. Так, в Национальном корпусе русского языка встречаются сочетания *отдохнуть от утомительного многочасового перелета; от трудной дороги из Китая; от продолжительного шествия, от серьезной тренировки; от родов; от поступления в институт*. Ср. также вполне допустимую фразу *Я еще от вчерашних гостей не успел отдохнуть, а ты уже новых позвала*.

В примерах (28), (29) глагол *отдохнуть* имеет значение, еще более отличное от современного, которое современным читателем скорее всего не идентифицируется.

Без особого труда, хотя и с некоторой степенью приблизительности, современный читатель восстанавливает «по контексту» значение глагола *отдохнуть* в примерах (30), (31) — при том, что модель управления с предлогом *за*, как и само данное подзначение глагола *отдохнуть* утрачены.

Наиболее ярко эффект ближней семантической эволюции обнаруживает себя в примерах (32)—(34) — именно потому, что ничто не мешает пониманию этого глагола в современном значении. Тем не менее здесь реализовано значение, отличное от современного. В финальной реплике пьесы «Дядя Ваня», ставшей крылатой (пример (34)) буквально сказано: «в жизни будем тяжело работать, а после смерти отдохнем», что отсылает к русским поговоркам *Отдохнешь, когда издохнешь; Помрешь, так отдохнешь* [Даль 1994: II, 1875]. Однако, по-видимому, здесь все же имеется в виду нечто другое (проблема чеховских героев не в том, что они устали от тяжелой работы). Из текста предшествующего монолога следует, что *отдохнуть* здесь связано не с *усталостью*, а с *унынием* (антитезой для которого в христианской этике является *радость*), ср. *увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся; <...> Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем...* По-видимому, здесь имеется в виду значение IV в следующей его модификации: «вернуться к нормальному состоянию души, т. е. такому, когда она радуется». В современном русском языке глагол *отдохнуть* такого значения не имеет; приблизительно это значение выражается в русском языке сочетанием *отдохнуть душой*.

Приведем примеры того типа употребления, внутри значения IV, которое сохранилось в современном языке:

- (52) С утра опять засели за карты, потом обедали, и когда после обеда Вера пошла к себе в комнату, чтобы *отдохнуть от разговоров и от табачного дыма*, то и там были гости, и она едва не заплакала с отчаяния (А. П. Чехов. «В родном углу» (1897), *ruscorpora*);
- (53) Юлии неудержимо захотелось домой на родину; хорошо бы уехать, думала она, и *отдохнуть от семейной жизни*, от этого смущения и постоянного сознания, что она поступила дурно (А. П. Чехов. «Три года» (1895), *ruscorpora*);
- (54) Я теперь в деревне, куда уехал *отдохнуть от мучительной суеты* Москвы (Л. Н. Толстой. Письма. 1894 (1894), *ruscorpora*);
- (55) Моя единственная цель, мое задушевное желание — сбросить с себя домашнюю обузу, *отдохнуть от ежеминутного беганья* на открытом возду-



хе в погоду и непогодь, от собственноручного *перетаскивания нагруженных* разной разностью *саней* и телег, чтобы поместить на дворе побольше извозчиков и угодить им, отдохнуть, наконец, от *пошлых полупьяных гостей, звона рюмок, полуночных криков* и проч. и проч. (И. С. Никитин. Письма (1853—1861), гуссогра). .

Сохранилось оно потому, что здесь везде то, *от чего* отдыхают, — это длящаяся или повторяющаяся ситуация, вызывающая утомление.

#### 4. Направление семантической деривации

Диахронически исходным для глагола *отдохнуть* является значение I ‘восстановить нормальное дыхание’, из которого параллельно происходят три производных значения: II ‘(как бы снова начать дышать): не умереть’; т. е. возобновить физическую функцию дыхания как условие жизни; III ‘(как бы снова начать дышать после перерыва в дыхании, вызванного душевным напряжением / страхом); успокоиться’; IV ‘(как бы восстановить нормальное дыхание после учащенного, вызванного волнением); восстановить душевное равновесие’<sup>14</sup>.

Что касается значения V, то оно является производным одновременно от IV и от I. Производность V от I хорошо видна, в частности, в примере (16) из Тургенева, где *отдохнул* означает *о д н о в р е м е н н о* ‘снова стал нормально дышать’ и ‘перестал чувствовать волнение’. Однако близость значений V и IV не менее очевидна; здесь даже скорее возникает проблема разграничения этих двух значений, ср. выше о выражениях типа *отдохнуть от волнений; отдохнуть после концерта*.

Таким образом, для основного значения глагола *отдохнуть* (*Ты устал, тебе надо отдохнуть*) следует признать наличие множественной семантической деривации, т. е. вопрос о том, что первично, «отдохнуть душой» или «отдохнуть телом» не имеет однозначного ответа. Так, А. Б. Пеньковский, с одной стороны, пишет, что значение ‘восстановить душевные силы, успокоиться’ является «переносом в ментальную сферу» значения ‘отдышаться, восстановить нормальное дыхание’ [Пеньковский 2005: 88—89], т. е. здесь имеет место переход «отдыхать телом» → «отдыхать душой». С другой стороны, в семантической эволюции глагола *отдыхать* А. Б. Пеньковский усматривает техступенчатый переход, который дает обратный результат: ‘отдышаться’ → ‘успокоиться, восстановить душевные силы, отдохнуть душой’ (разрядка моя. — А. З.) → ‘восстановить физические силы, отдохнуть телом’ [Пеньковский 2005: 87]. Здесь хотелось бы сделать одно уточнение. Переход от ‘отдышаться’ к ‘успоко-

<sup>14</sup> Здесь мы намеренно перифразируем толкования по сравнению с теми формулировками, которые были приведены выше, чтобы выявить отношения семантической производности; во всех трех значениях компонент, касающийся дыхания, реально может быть опущен: он отсылает к прототипической ситуации и связан с остальной частью толкования оператором ‘как бы’.

иться', как уже говорилось, изначально, по-видимому, не был метафорическим переносом; однако, независимо от генезиса актуального значения глагола *отдохнуть* — и, очевидно, из-за утраты его связи с идеей дыхания, о которой пойдет речь ниже — синхронно значение «отдохнуть телом» воспринимается как исходное, прямое, а «отдохнуть душой» — как производное, переносное. Таким образом структура многозначности этого глагола выравнивается под более стандартную.

### 5. Словообразовательная и аспектуальная семантика

Важные сведения о значении глагола *отдохнуть* могут быть получены путем реконструкции его внутренней формы, т. е. определения типа словообразовательной модели с приставкой *от-*, реализованной в этом слове, а также уточнения семантики производящей основы. К сожалению, в книге [Кронгауз 1998] глагол *отдохнуть* не интерпретируется, а анализ, предлагаемый в книге [Janda 1986: 202—203], представляется неубедительным.

На наш взгляд, картина приблизительно такова. Приставка *от-* обозначает исходно отделение-удаление (ср. сценарий «деления», предлагаемый для приставки *от-* в [Пайар 1997]). Имеется группа производных значений, где эта приставка обозначает «отделение от состояния», в котором объект находился до совершения действия, названного глаголом (и это состояние оценивается как негативное), ср. *отремонтировать*: объект стал нормально функционирующим, тем самым отделившись от состояния неисправности; ср. также *отредактировать*, *отшлифовать*. Другой пример: *оттаять*: объект был заморожен, путем таяния перешел в размороженное состояние, тем самым отделившись от своего прежнего состояния замороженности.

Вариант той же модели — с постфиксом *-ся*, ср. *отоспаться*: при помощи процесса спанья как бы отделиться от состояния недосыпания; то же — *отъесться* (это слово означает не просто что раньше человек голодал, а теперь ест достаточно, а что теперь он потолстел и таким образом как бы отделился от предшествующего состояния, когда он был худым). Аналогично устроен и глагол *отдышаться*, который описывает ситуацию, когда человек интенсивно дышит, и тем самым «отделяется» от состояния, когда он дышал затрудненно или не дышал вообще. Что же касается глагола *отдохнуть*, то здесь картина несколько иная.

Начнем с того, что в глаголе *отдохнуть* произошел сдвиг ударения: раньше ударение было *отдóхнуть*. Об этом свидетельствуют, например, следующие строки из «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича:

- (56) Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне  
Бой прекратят; а данайские воины в поле *отдохнут*

Ср. также цитировавшуюся выше поговорку, которая во времена Даля читалась, очевидно, *Отдóхнешь, когда издóхнешь*. Глаголу *отдóхнуть* Даль дает такое толкование: «*отдышаться*, или *отдыхать*, *отдóхнуть*: после обморока,

удушного воздуха или утраты дыхания прийти в себя; (...) *смол. выздороветь*» [Даль 1994: II, 1875].

Примеры употребления глагола *отдохнуть* можно найти и в XX в., ср.:

(57) Ну, тут он меня измутьскал так, что у меня печенки с легкими перемешались — насилу *отдох* (Е. И. Замятин. «Слово предоставляется товарищу Чурьгину» (1922), *ruscorpora*).

Итак, *отдохнуть* происходит от *отдохнуть*, а *отдохнуть* образовано от *дохнуть*. Обратимся теперь к этому глаголу.

Этимологические словари славянских языков однозначно указывают на то, что глаголы со значением ‘дышать’ имели также значение ‘дышать тяжело/шумно, задышаться’. Так, М. Фасмер в статье «*дохнуть, дохнуть, вздох*» приводит следующие параллели: лит. *dusėti* ‘пыхтеть, задышаться’, лтш. *dust* ‘пыхтеть’ [Фасмер 1996, I: 533]. Ср. также польск. *tchnąć* — ‘дышать’, ‘тяжело дышать’ [ЭССЯ, 5: 177]; значение слов *душный, духота*. На наличие значения ‘задышаться’ у глагола *дохнуть / дышати* в древнерусском языке указывает, в частности, глагол *душити* (‘каузировать задохнуться’), исторически каузатив к *дышати*<sup>15</sup>; ср. также словенск. *dušiti* ‘den Atmen benehmen, dem Ersticken nahe bringen’ [Pleteršnik 1894, I: 186].

В современном русском языке имеется два омонимичных суффикса *-ну-*: при помощи суффикса *-ну1-* образуются глаголы сов. вида с семельфактивным значением (ср. *зевнуть, махнуть, дунуть*); суффикс *-ну2-* содержат глаголы несов. вида со значением приобретения или наличия признака (ср. *глохнуть, киснуть, мерзнуть*) [Ефремова 1996: 300—301]. Суффикс *-ну2-* является безударным, *-ну1-* — чаще бывает ударным, но может быть и безударным. Соответственно, в глаголе *дохнуть* фигурирует суффикс *-ну1-*, а в *дохнуть* — *-ну2-*<sup>16</sup>. От глагола *дохнуть* образовано прилагательное *дохлый* — букв. ‘задыхающийся, едва дышащий’ (ср. *дохлый цыпленок*); ср. также *задохлик* ‘слабый, хилый, тщедушный человек’.

В глаголе *отдохнуть* реализовано основное непространственное значение приставки *от-* — ‘прекратить действие, названное мотивирующим глаголом, исчерпав возможность его продолжать’ (ср. [Кронгауз 1998: 172]) и таким образом «как бы отделившись» от него, ср. *отзвенеть, отцвести, отмучиться*. *Отдохнуть* означает ‘перестать дохнуть’, т. е. ‘перестать задышаться, восстановить нормальное дыхание’; тем самым, изначальная внутренняя форма этого глагола совершенно прозрачна. С течением времени этот глагол изменил как форму, так и значение, в результате чего современный глагол *отдохнуть* оказался вторичным образом связан с семельфактивным глаголом сов. вида *дохнуть*, что, естест-

<sup>15</sup> Маргинальное значение ‘задышаться’ имеется у глагола *дышать* и в современном языке.

<sup>16</sup> Такая четкая дифференциация двух суффиксов *-ну-* произошла относительно недавно; так, ударение в глаголе *отдохнуть* в XIX в. в течение некоторого времени было вариативным (и это не влияло на его значение); и Фасмер, и Даль приводят оба варианта ударения глагола *дохнуть* в одной статье.

венно, привело к утрате исходной внутренней формы (в частности, суффикс *-ну-*, став ударным, был переинтерпретирован как *-ну1-*, а сам глагол *отдохнуть* оказался в ряду глаголов однократного способа действия, см. ниже).

Отметим еще одну интересную аспектуальную особенность глагола *отдохнуть*, также проливающую свет на его семантику: сочетаемость с обстоятельством длительности (*полчаса, три дня, неделю* и т. п.). Нормально в русском языке глаголы сов. вида с обстоятельством длительности не сочетаются, ср. *\*полчаса сделал уроки, прочел газету* и т. п. — что и неудивительно, в силу «точечности» значения сов. вида. Исключения составляют глаголы делимитативного, пердуративного и некоторых других способов действия (*полчаса погулял, проговорил* (по телефону), *отстоял* (в очереди)), а также несколько глаголов с суффиксом *-ну1-*: *вздремнуть, всплкнуть, прикорнуть, соснуть* — и *отдохнуть*, см. [Всеволодова 1997: 25]. Назовем еще один такой глагол без суффикса *-ну-*: *подождать*, ср. *Еще полчаса подождем и поедем обратно* (возможно, здесь дело в том, что глагол *подождать* отчасти выполняет функцию отсутствующего делимитатива *\*пождать*). Причина такой нестандартной сочетаемости во всех этих случаях, по-видимому, состоит в том, что все эти глаголы непосредственно включают в свою семантическую структуру компонент 'провести (таким образом) некоторое время'; относительно делимитативов и пердуративов это очевидно, ср. также толкование глагола *отдохнуть* в [МАС]: 'провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом'.

## 6. Дальнейшая семантическая эволюция

Итак, концепт *отдыха* возник в русском языке на основе идеи нормального дыхания как свидетельства нормального физического и душевного состояния человека. Семантическая эволюция глагола *отдохнуть* на протяжении XIX—XX вв. состояла в утрате зависимости от идеи дыхания и приобретении устойчивой связи с идеей усталости. Действительно, в современном языке значения I—III полностью утрачены; значение IV сохранилось в качестве маргинального. Основным для этого глагола на сегодня является значение V 'избыть усталость, восстановить силы'. Дальнейшая семантическая эволюция разводит понятие отдыха также и с идеей усталости и связывает его с идеей освобождения от работы или обязанностей, которая может иметь как положительные, так и отрицательные импликации — ср., соответственно, значения VI и VII.

Во второй половине XX в. семантическая эволюция поставила на первый план в понятии *отдыха* идею отсутствия обязанностей: отдых — это антитеза *работе* (ср. *проводить на заслуженный отдых*, т. е. на пенсию). *Право на отдых* — одно из прав, провозглашенных советской Конституцией 1936 г. Понятие *отдыха* стало частью советского идеологического дискурса: отдых — это необходимая составная часть трудового процесса. Возникло понятие *дом отдыха*, и даже *зона отдыха* (т. е. дом отдыха и прилегающая к нему территория, вклю-

чающая пляжи, спортплощадки, рестораны и т. д.), появилась категория *отдыхающие* (т. е. *трудящиеся* во время отпуска); возникла идеологема *культурного отдыха*. Связь категорий *отдыха* и *культуры* отразилась в знаменитом названии «Парк культуры и отдыха им. Горького», сокращенно «Парк культуры» (ср. название близлежащей станции метро), другой вариант сокращенного названия — «Парк Горького»<sup>17</sup> (ср. название советской рок-группы, а также известного американского романа и фильма о Советском Союзе — «Gorky park»).

Отдых в этом смысле не обязательно предполагает предшествующее состояние усталости и, с другой стороны, не исключает усталость как его результат: это может быть копание грядок или игра в футбол, от чего у человека пот катит градом; ср. распространенную идею, что отдых — это смена деятельности; понятие *активный отдых*, высказывания типа *Я не понимаю, как можно часами лежать на пляже* и т. п.

Значение VI ‘проводить выходной день или отпуск; не работать’, имеет несколько вариантов. В рекламе туристических компаний реализуется вариант ‘ездить куда-то во время отпуска’. Фраза *Я в прошлом году вообще не отдыхал* двусмысленна: либо ‘не брал отпуск’, либо ‘во время отпуска никуда не ездил’, причем эта двусмысленность имеет характер недоопределенности или синкретизма, т. е. каламбура здесь не возникает. Фраза *Я уже отдохнул* скорее всего означает ‘в этом году уже съездил в отпуск’ и т. д. Слова *отпуск* и *отдых* вступают при этом в паронимическую связь (ср. *летний отпуск / летний отдых; отдых на море / отпуск на море* и т. п.).

В отличие от нейтрального литературного значения V, значение VI функционально-стилистически маркировано (как разговорно-просторечное), и частью русской интеллигенции отвергается (ср. употребление кавычек в примере (40), маркирующих «чужое слово»). В этом случае фразы типа *Петя сейчас отдыхает на даче; На 2-м курсе на зимние каникулы я отдыхал в Рузе* прочитываются как содержащие нейтральное литературное значение V, что вызывает ироническую усмешку, особенно в ситуации, когда состояние предшествующей усталости и потребность в *отдыхе* в собственном смысле слова маловероятны (например, если речь идет о молодом человеке, который и в рабочие дни не слишком себя утруждает). Причина этого неприятия состоит в том, что *отдыхать* в значении VI опирается на картину мира, в которой жизнь человека распадается на два состояния: утомительную *работу*, когда человек делает то, что он обязан, и приятный *отдых*, когда человек делает то, что ему хочется. Это представление традиционно не соответствует, в частности, картине мира русского ученого, ср. популярную в 60-е годы шутку, что научная работа — это удовлетворение своего любопытства за государственный счет. Поэтому, например, на совершенно естествен-

<sup>17</sup> В ходе обсуждения этого сюжета на конференции «Культура русской речи» (Звенигород, 13—15 октября 2007) Н. Г. Брагиной было высказано предложение считать слова *Горький* и *культура* контекстными синонимами.

ный для многих людей вопрос «Ты ездил туда работать или отдыхать?» некоторые люди затрудняются ответить — из-за отсутствия в их картине мира того фрагмента, на который опирается использованное в данном вопросе значение глагола *отдыхать*. Мне известны люди, которые в этом новом смысле не *отдыхают* никогда, а в традиционном старом — лишь во время командировок.

Едва заметный дальнейший семантический сдвиг дает вариант этого значения: ‘проводить свободное время, получая удовольствие’. *Отдых* в этом случае оказывается синонимом понятий *досуг* и *свободное время* (ср. [Шмерлина 2007]). Далее этим же глаголом могут окказионально обозначаться сами занятия, обеспечивающие получение удовольствия (чаще всего это: вкусная еда, алкоголь и секс); в этом случае глагол *отдохнуть* выступает в качестве косвенной номинативной [Зализняк 1991] перечисленных ситуаций — ср., соответственно:

- (58) Московский же азербайджанец после слов «хорошо *отдохнули*» начинает долго и длинно перечислять список блюд и продуктов, из которых они приготовлены (Рустам Арифджанов. Москва азербайджанская // «Столица», 1997.04.15, ruscorpora);
- (59) *Отдохнул* — как воздуха глотнул. *Отдыхай* с душой! [реклама водки]<sup>18</sup>;
- (60) Случилось это в Пушкинских Горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос — барышня разговаривает по междугородному телефону: — Клара! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают так и не *отдохнув*! (С. Довлатов. «Соло на Ундервуде»)<sup>19</sup>.

Обращает на себя внимание наличие сходной структуры полисемии у глагола *гулять*<sup>20</sup>: (i) ‘быть свободным, не работать’ (*Я свой отпуск уже отгуляла; взять отгул*); (ii) ‘пить алкогольные напитки’ (*Люди уже гуляют*) и (iii) ‘иметь (внебрачные) сексуальные контакты’ (*муж от нее гуляет; сестра гулящая, совсем пропащая*).

Однако наиболее прочно понятие отдыха в русской картине мира связано все же с употреблением алкоголя. Советская идеологема *культурного отдыха* — это отчасти эвфемизм: пафос ее авторов состоял именно в том, что советский человек должен уметь *отдыхать* (т. е. реализовать свое право на *отдых*), не употребляя алкоголь. Ср. характерный контекст:

- (61) Днём возмущённые сокурсники чуть его не побили... — Едем, — твердил Дебоширин, — реализуем гарантированное конституцией *право на отдых*! — Не могу, — отвечал Красноперов. — Француз подумает, что мы не умеем *культурно отдыхать*. Только вкалываем целыми днями, голосуем и сдаём бутылки (С. Довлатов. «Иная жизнь» (1984), ruscorpora).

<sup>18</sup> Упомянем в данной связи также объединенную сеть магазинов «Мясновъ» и «Отдохни!», в которых продается, соответственно, мясо и мясные продукты, т. е. *закуска*, и вино и водка, т. е. *выпивка*.

<sup>19</sup> Этим примером я обязана И. Б. Левонтиной.

<sup>20</sup> О глаголе *гулять* см. [Левонтина, Шмелев 1999].

Обратим внимание на несходство структур полисемии русского глагола *отдыхать* и соответствующих глаголов, например, английского и французского языков, а именно, отсутствие семантического перехода ‘восстанавливать физические силы’ → ‘проводить свободное время’; в этих языках соответствующие смыслы выражаются разными словами (т. е. концепт ‘отдыхать VI’ не является, в отличие от русского языка, производным от идеи физиологического отдыха)<sup>21</sup>, ср.:

(62) англ.:

‘отдыхать V’: *rest, relax, have / take a rest*; сущ.: *rest, recreation, relaxation*;

‘отдыхать VI’: *be on holiday / vacation; take a vacation; to escape*; сущ.: *holiday, vacation; getaway, escape (romantic escape), trip (pleasure trip)*.

(63) франц.:

‘отдыхать V’: *se reposer, se délasser, prendre un peu de repos, se détendre* (после обеда) *faire la sieste*; сущ. *repos, délassement*;

‘отдыхать VI’: *aller en vacances*; сущ. *vacances, séjour, évacion, escapade, congé*.

Итак, семантическая эволюция глагола *отдохнуть/отдыхать* за последние два века состояла в том что:

- значения I (‘отдышаться’), II (‘не умереть’), III (‘успокоиться, узнав, что опасность миновала’) были утрачены;
- значение IV ‘восстановить душевное равновесие’ модифицировалось и слилось с V;
- значение V ‘избыть физическую и/или душевную усталость’ на протяжении двух веков сохранилось без изменений;
- появилось значение VI ‘проводить свободное время с удовольствием’.

Эволюция глагола *отдыхать* продолжается: на наших глазах появилось значение VII — очевидно, в результате семантического развития идеи ‘не работать’ в значении VI. Как считает И. Б. Левонтина, это значение развилось из словоупотребления, характерного для языка спорта: тренер, удаляя игрока, может сказать «Такой-то *отдыхает*»<sup>22</sup>. *Отдыхает*, то есть не работает, то есть не нужен, то есть недостаточно хорош; а это, в свою очередь, означает, что есть кто-то другой, который лучше (эта импликация и составляет ассерцию нового значения). Характерный для этого типа употребления грубовато-фамильярный тон происходит, по-видимому, оттого, что здесь изначально использован индикатив в значении императива, а такой индикатив включает в себе особую безапелляционность и авторитарность<sup>23</sup>.

<sup>21</sup> О понятии семантического перехода как категории семантической типологии см. [Зализняк 2001; 2009].

<sup>22</sup> См. [Левонтина 2007а].

<sup>23</sup> Аналогичные соображения относительно модальной составляющей данного значения глагола *отдыхать* высказывались также Е. В. Падучевой и И. Б. Левонтиной.

*HOMINEM QUAERO\**

В своей проницательной статье «Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника», где сравниваются несколько основных слов, используемых в русском языке для обозначения человека, Даниэль Вайс, в частности, написал: «*Лицо* трактует человека как социальное существо, *личность* — как морального индивида, *человек* отдает должное страдающему ближнему, а *особа*, наоборот, не допускает референта к личной сфере говорящего»<sup>1</sup> [Вайс 1999: 97]. Автор также справедливо указывает на то, что важную роль при выборе обозначения человека играет эмпатия.

Здесь важно иметь в виду также следующее. Лексика персональности, с одной стороны, в большой степени интернациональна и, кроме того, во многом ориентирована на общий для европейских языков круг культурных представлений. Однако с другой стороны, как раз для антропоцентрической лексики характерна высокая степень лингвоспецифичности.

Русская лексика персональности достаточно богата; ср.: «Общеввропейской *person*, *Person* и т. п.) в русском языке функционально соответствует не меньше трех лексем, а именно: *лицо*, *особа* и *персона* (напротив, в польском этот смысл представлен ровно одной лексемой, а именно *osoba*) [Weiss 1988: 90]. Такая ситуация характерна для русской лексики, благодаря некоторым особенностям истории русской культуры и русского литературного языка. При этом, в силу того что естественный язык избегает дублирования, происходит смысловая диссимилиация и нюансировка близких единиц. При этом парадоксальным образом при видимом богатстве в русском языке поле персональности оказалось устроено так, что в действительности русский язык не располагает полноценным аналогом общеевропейского *person* (*Person*) (как, между прочим, и аналогом для *self* (*Selbst*) и *identity* (*Identität*)). Итак, что же мы имеем? У нас — если оставить за рамками научные термины типа *индивид*, *субъект* — есть следующие возможности: *человек*, *лицо*, *личность*, *особа* и, наконец, *пер-*

---

\* Впервые опубликовано: [Левонтина 2009a].

<sup>1</sup> Есть еще слово *персона*, но его Вайс не рассматривает, что совершенно понятно: до самого последнего времени слово *персона* имело чрезвычайно узкое значение. Но недавно оно стало активно расширять сферу своего употребления.



сона. Целых пять слов — правда, все довольно плохо подходят для перевода нейтрального *person*<sup>2</sup> [Вайс 1999].

Формирование русского лексикона персональности шло в течение всего XIX в. Даже значения слова *личность* сформировались достаточно поздно. В книге В. Д. Левина «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.» приводится состоявшийся уже 1858 г. разговор Д. А. Смирнова с А. А. Жандром:

В отношении к языку он, как сам признавался, пурист. Например, я спрашиваю о Завадовском: — Скажите, пожалуйста, что это была за личность? — Ради бога не убивайте меня. Я вытарасил глаза. Не говорите личность, у нас под этим словом разумеется совершенно другое понятие. — Да ведь это прямой перевод слова *personnalité*. То-то, что не прямой: *personnalité* — особа. Старик, видимо, ошибается. Особа l'individu, — замечаю я. — И *personnalité*. Ну бог с ним (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 271—272; [Левин 1964: 171—172]).

Надо заметить, что в XIX в. были и попытки использования слова *лицо* в более широком смысле; ср.

*Лицом* мы называем сознающий себя субъект; самосознание же составляет коренное свойство разума (Б. Н. Чичерин. «Наука и религия» (1879)).

Такой тип употребления, однако, не закрепился и в общелитературный язык не попал. Вообще лексикон персональности как бы впитал в себя всю духовную историю России XIX в., когда происходило интенсивное усвоение европейской системы понятий и одновременно отталкивание от нее, попытки найти свою специфическую систему мышления, систему ценностей. Если вспомнить русскую классическую литературу, то можно заметить, что ее лейтмотив — это как раз взаимоотношения личности и общества. Отсюда и ее характерные герои: *лишний человек*<sup>3</sup>, таланты которого обществу не нужны, *маленький человек*, растоптанный обществом, и, наконец, *новый человек* — революционер и преобразователь общества.

<sup>2</sup> Оговоримся, что мы обсуждаем здесь не проблемы перевода, а вопрос об эффективности ключевого концепта, лишь для простоты обозначая некий конструкт — термин с определенным смыслом — при помощи слова другого языка, которое на самом деле обладает, конечно, индивидуальными особенностями.

<sup>3</sup> «М. В. Юзефович в своих воспоминаниях о Пушкине (Русск. архив. 1880. № 3) писал: “Пушкин принадлежал к тому времени, когда началась пересадка к нам западных идей о человеческой личности... Но в нашем историческом строе обособиться личности было некуда и потому ей пришлось ограничиваться только внешнею оболочкой. Явились у нас Онегины, Чацкие, Герои нашего времени... Явились и более легкие проявители своей личности — подражатели Давыдовским кутящим гусарам... Таков у нас был ход развития идей о человеческом достоинстве и о личном праве” (Пушкин в воспоминаниях. С. 475)» [Виноградов 1994д: 292].

На протяжении почти всего XIX в. тема личности имела в русской культуре колоссальное значение. Ср. в письмах В. Г. Белинского В. П. Боткину от 4—5 октября 1840 г.: «Для меня теперь человеческая *личность* выше истории, выше общества, выше Человечества. Это мысль и дума века!» и от 1 марта 1841 г.: «...судьба субъекта, индивидуума, *личности* важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (т. е. Гегелевской *Allgemeinheit*)». Ср. также:

А в частности, может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, — потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу *личность* и нашу *индивидуальность* (Ф. М. Достоевский. «Записки из подполья» (1864))<sup>4</sup>.

Пожалуй, наиболее ярко огромное значение понятия *личности* проявилось в историографии К. Д. Кавелина, в которой процесс постепенной эмансипации и развития личности России, собственно, и рассматривается как основное содержание русской истории (см. очерк о Кавелине).

Не всегда и не всеми при этом *личность* воспринималась как нечто безусловно положительное. Ср. интересный пример:

Перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте — не для себя, не для своей *личности*, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей *души*, для того Бога, который, как вы ни заглушаете Его, живет в вас (Л. Н. Толстой. «Не могу молчать» (1908)).

Здесь замечательно противопоставление «не для личности, а для души». Сейчас бы мы сказали «не для себя лично» или «не для своей персоны». Такое противопоставление стало возможным именно потому, что Толстой негативно оценивает концепт *личности*, не случайно у него сочетание *животная личность*.

Ранее подозрительное отношение к *личности* было особенно типично для славянофилов:

Весь мир, по слову Божественной истины, не стоит одной души человеческой. Сознательному человеку предоставляется самому исполнить свободный и потому высший подвиг: образовать духовный хор, где утоляется яд личного эгоизма и исцеляется ненасытная, всепоглощающая жажда *личности*, — эта жажда греха (К. С. Аксаков. «О современном человеке» (1876))<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Большинство примеров взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

<sup>5</sup> Здесь необходимо еще учитывать, что сам концепт *личности* и дискурс персональности в целом мог рассматриваться как нечто западное и чуждое русской ментальности. Ср. приводимое Виноградовым в другой связи высказывание А. С. Хомякова в статье «Мнение иностранцев о России» (1845): «Есть, конечно, некоторые мыслители, которые, проникнув в самый смысл науки, думают, что пора и нашему мышлению освободиться; что пора нам рабствовать только истине, а не авторитету западной *личности* (Хомяков 1878, 1. С. 16)» [Виноградов 1994д: 295].

Чрезвычайно характерно сочетание *земная личность* у К. Леонтьева. Разумеется, в его концепции не все совпадает с общеязыковыми и общекультурными представлениями, но привязка *личности* к дольному миру показательна:

В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о *земной личности* человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу (К. Н. Леонтьев. «Византизм и славянство» (1875)).

Об истории лексики персональности писали и В. В. Виноградов, и В. Д. Левин, и Ю. С. Сорокин, и многие другие исследователи. В. В. Виноградов специально занимался историей слова *личность* [Виноградов 1994д]. Вообще история основных терминов персональности довольно подробно описана. Автором настоящей статьи в рамках проекта, посвященного изучению истории русской философской терминологии персональности, осуществляемого в Рурском университете (г. Бохум, Германия), была сделана попытка проследить складывание соответствующего фрагмента русской лексической системы.

При изучении формирования того или иного семантического поля естественно, конечно, в первую очередь обращать внимание на те единицы, из которых в результате это поле и сформировалось. Однако для полноты картины важны также и «аутсайдеры» — те единицы, которые в свое время участвовали в конкурентной борьбе, но не выдержали ее и выбыли. Мы рассмотрим здесь два неудачливых термина персональности — слова *неделимое* и *самость*.

### *Неделимое*

В. В. Виноградов отмечает: «В 30-х годах XIX в. для выражения понятия *individuum* в философском языке Любомудров употребляется также калькированное слово *неделимое* (в 60-х годах XIX в. — *особь*). Например, у Н. В. Станкевича в письме А. М. Неверову («Моя метафизика»):

Целое природы составлено из *неделимых*; каждое *неделимое* живет на основании общих законов, есть часть общей жизни природы... В каждом *неделимом* жизнь эта действует независимо от него, всегда почти без его сознания и всегда без его воли, повинуюсь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны, следуют. составляют сущность ее. Многие *неделимые* не сознают себя, но жизнь, во всех их распространенная, сознает себя, ибо действует целесообразно (*zweckmäßig*), следовательно, есть разумение (Анненков, ч. 2, Переписка, с. 18; ср.: Западники 40-х годов, с. 23).

В Дневнике А. В. Никитенко под 1841 г. (28 июля): «Ныне в моде толковать о судьбе целого, о “мировом” и т. д. Правда, мы видим, что сама судьба *недели-*

мое приносит в жертву целому. Но это ее неисповедимая тайна. Для нас же, что это как не соблазн и не камень преткновения? Целое есть отвлеченная идея. Не целое живет, а живут *неделимые*, которые одни могут страдать или не страдать. Заботьтесь же о *неделимых*, а целое всегда будет, так или иначе хорошо, независимо от вашей воли» (Русск. старина, 1889, ноябрь, с. 330). В статье «О новейших системах Метафизики в Германии» (Вестник Европы, 1823, июль — август): «Когда делаем отвлечение от Я, или от сознания того или другого определенного существа; тогда делаем отвлечение от себя, как *неделимого...*» (с. 32). «Каким образом можно быть уверену в предохранении себя от обмана и не ощущать существ *неделимых*, особенных тогда, как думаешь ощущать бытие или жизнь всеобщую?» (с. 55).

К. Н. Лебедев в своей работе «История» (М., 1834. С. 35) заявляет: «человечество есть человек, воля его есть воля *неделимого*» (т. е. *индивидуума*).

В книге К. П. Зеленецкого «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (М., 1836) читаем, что «вся жизнь народа должна состоять в исключительном развитии одной из стихий человечества в известный период жизни всего последнего». «Сие-то преимущественное, исключительное начало в истории народа сообщает ему особый его характер, *неделимость*, национальность и отличает его всем этим от других народов» (с. 58—59)» [Виноградов 1994д: 290—291].

Уже в это время слово *неделимое* практически получает словарную фиксацию:

*Индивидуум* — это латинское слово может быть совершенно заменено русским термином: *неделимое*.

Неделимое есть что-нибудь целое, органическое, состоящее из частей неразрывных. Отнимите у *неделимого* одну из существенных частей его, он перестанет быть *неделимым*. Например, отрубите голову у животного: оно перестанет быть животным. Индивидуумы не существуют в неорганической минеральной природе (Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. СПб.: 1845. Ч. 1—2)<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> Ср. также:

*Индивидуум* (*dividere* делить) — неделимое, неделимость означает не то, чего нельзя разделить на части, — потому что в мире чувственном все делимо, — но такое цельное составное существо, в котором хотя бы его и можно было разделить на части, после этого разделения и части и целое теряют свою прежнюю жизнённость. Так, например, части, отрезанные от растения, или от животного, превращаются из органических в неорганические и гниют: но камень останется камнем, и куски его не разлагаются, не гниют, будет ли он цел или разбит на части. А потому индивидуумом можно назвать что-нибудь цельное — растение и животное. Но преимущественно приписывается индивидуальность (неделимость) человеку, как сознательному существу; потому что его сознание неразлучно с сознанием своей тождественности во всех его переменах и состояниях и не имеет в себе внешнего расположения частей и членов, делающих возможным чувственное разде-

Значение это просуществовало в русском языке достаточно долго, хотя потом уже в качестве редкого. Так, Даль использует его для толкования слова *особь*:

### Особь

Неделимое, индивид; всякое отдельное существо или растение [Даль, 3: 2].

Ср. дневниковую запись Пришвина, которая интересна тем, что он использует слово *неделимое* не как вариант для слов *индивид* или *индивидуальность*, а как пояснение к слову *личность*:

31 Октября. Реальность в мире одна, — это творческая личность (творческое *неделимое*) (М. М. Пришвин. Дневники (1928)).

Ср. также:

Индивидуум есть *неделимое*, атом (Н. Бердяев. «Проблема человека» (1936)).

Однако в целом можно сказать, что слово *неделимое* в качестве термина персональности в русском языке не прижилось. Причина этого, видимо, кроется в сбивающей с толку внутренней форме этого слова<sup>7</sup>. Как и латинский прототип, *неделимое* призвано было выражать идею того, что далее не делится, то есть единицы, или, как у Бердяева, атома, или кванта. Однако из-за внутренней формы это слово тяготело к выражению несколько иной идеи — идеи слитности, цельности, неразрывной связи — то есть, не единицы, а единства; ср. уже в одном из ранних примеров:

Казалось, небесная молния сплывила страсти обоих любовников в одно *неделимое* (А. А. Бестужев-Марлинский. «Вадимов» (1834)).

Особенно показательно то, как употребляет это слово Белинский. Он вообще любил использовать философскую терминологию, при этом осваивая каждое новое слово, вслушиваясь в него и слыша в нем что-то свое. Для него внутренняя форма, конечно, была очень существенна. Тургенев вспоминал о Белинском: «В середине проскочила полоса, продолжавшаяся года два, в течение которой он, начинившись гегелевской философией и не переварив ее, всюду с лихорадочным рвением пичкал ее аксиомы, ее так называемые “Schlagwörter”» (И. С. Тургенев. «Литературные и житейские воспоминания»).

---

ление и разложение (Гогоцкий С. С. «Философский словарь или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии». Киев: в тип. редакции «Киевский телеграф», 1876).

<sup>7</sup> Конечно, неудобен еще и его грамматический облик субстантивированного прилагательного в форме среднего рода: Еще В. А. Жуковский смеялся над тем, как выглядит слово *неделимое* во фразах типа *Это неделимое сегодня у меня обедает*. Тем не менее, аналогичное слово *животное* все же удержалось в языке, хотя у него до сих пор остались проблемы с категорией одушевленности.

Ср.: следующий пример, в котором видно, что слово *неделимый* возникает у Белинского тогда, когда он спорит с теми, кто *разделяет*:

Чувствуя же, что нельзя отрицать в народе и человеческого, противоположного, по их мнению, национальному, они разделяют **неделимую личность** народа на большинство и меньшинство, приписывая последнему качества, диаметрально противоположные качествам первого (В. Г. Белинский. «Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Обратимся снова к Виноградову. Он пишет: «По мнению романтических философов и художников начала XIX в., убеждение, что «раздельная *индивидуальность* есть только проявление условного бытия духовных существ», поддерживается в нас свойственным человеческой природе зародышем неугасимой жажды (*Sehnsucht*) *цельности*. «Предчувствие *цельности* (*Totalität*) и стремление к ней дано непосредственно вместе с чувством *индивидуальности* и усиливается по мере возрастания этой последней, так как во всяком отдельном лице только односторонним образом развивается общая сущность (*Gesamtwesen*) человека» [Виноградов 1994д: 292].

Таким образом, сам европейский прототип слова *неделимое* оказался носителем двух разных идей, постепенно дрейфуя от «схоластического» понимания в смысле ‘единица’ к «романтическому» пониманию в смысле ‘единство’. Интересно, что в русском языке эти два понимания для прямого заимствования размежевались словообразовательно: для нас *индивид* — это единица общества, его атом, а *индивидуальность* — это уникальное единство свойств человека в его цельности и неповторимости. А кальке найти свое место в этом тонком семантическом процессе мешала внутренняя форма, провоцировавшая употребление одного типа, в то время как терминологическое представление о том, что *неделимое* — это русский вариант слова *индивид*, подразумевало употребление другого типа; и калька так и не была вполне усвоена.

### Самость

Неудачно сложилась и судьба слова *самость*. Оно возникло достаточно рано: «Первую попытку дать слово, обобщающее отдельные свойства человеческой индивидуальности, можно видеть в слове *самость*, встречающемся в рукописной “логике”, дошедшей до нас в списках XV, XVI, XVII века<sup>8</sup>. Однако, слово это не привилось, распространения не получило» [Кокорев 1994: 306].

Слово *самость* фиксируется уже в Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном II отделением Императорской Академии Наук (Ч. I—IV. СПб., 1847), и присутствует и в словаре Даля, и у Ушакова, и в БАСе

<sup>8</sup> Здесь Кокорев ссылается на А. И. Соболевского, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков // Сб. ОРЯС АН. 1903. С. 401—408.

и др. Его можно не столь уж редко встретить в текстах, в том числе и современных<sup>9</sup>; ср.:

Бессребреник, он был рожден для поэзии и жил ею, *самостью* ее (А. Вознесенский. «На виртуальном ветру» (1998));

Желание поскорее высказать то, что накопилось в душе, уступает место спокойно ощущению собственной *самости* и самодостаточности: герои сидят, сгруппировавшись, как на старинной фотографии, и смотрят в небо, которое отныне открыто для них (Попытки «посмотреть в небо» // «Театральная жизнь», 2003.08.25).

Некоторые авторы это слово используют постоянно; ср., например:

Традиция перестает быть абсолютной истиной наукоподобного знания, но становится чем-то иным по отношению к «Я»; в диалоге с этим иным «Я» утверждается, обретает свою *самость*. (...) Итак, бестелесная плоскость — это не только средство дематериализации архитектуры, но и средство локализации «Я» архитектора, позволяющее пластически выразить и *самость* этого «Я», и ситуацию диалога между «Я» и архитектурной культурой прошлого. (...) Нам не кажется, что архитектор эклектики во всех случаях подчеркивает свою «*самость*», отделенность от архитектуры прошлого (Г. Ревзин. «Очерки по философии архитектурной формы» (2002)).

И тем не менее, как это ни парадоксально, в литературном русском языке этого слова на самом деле практически нет. Его не знает большинство образованных носителей языка. Встретив это слово в примерах, подобных приведенным выше, люди воспринимают его как образный авторский окказионализм. Не исключено, что так его воспринимают и многие люди, им пользующиеся. Скорее всего, *самость* — это потенциальное слово, которое не существует в языке со своим идиоматичным значением, а каждый раз заново порождается. Породить его носителю русского языка не составляет никакого труда, поскольку суффикс *-ость* чрезвычайно продуктивен, а компонент *сам-* активно функционирует и в составе местоимений *сам*, *самый*, и в качестве форманта бесчисленных сложных слов (*самолюбие*, *самомнение*, *самодержавие* и пр.)<sup>10</sup>. Как же получилось, что

<sup>9</sup> Не говоря уже о таких, где это слово используется для передачи концепта иностранного языка; ср.:

Лучшая семья — та, которая может о себе сказать «we self» — «мы *самость*» (А. Асмолов. Симбиотическая пара // «Знание — сила». 2003);

По Фрейдю это называется садомазохизм, по Юнгу — *самость* (Б. Парамонов. Трава родины, или Сталь и шлак // «Октябрь». 2003);

Ю. Хабермас показывает, как на смену эгалитарному универсализму И. Канта, явившемуся апофеозом классической традиции, приходит этика «*самости*» С. Кьеркегора («Вопросы психологии». 2004).

<sup>10</sup> В. В. Виноградов в работе о личности приводит и другие попытки использования корня *сам-* в связи с формированием языка личности: «В языке кн.

слово *самость*, едва ли не первым из терминов персональности появившись в русском языке, так и осталось маргинальным? Ведь все предпосылки для его освоения были. Слово *самость*, будучи идеальным соответствием немецких слов *Selbstheit* и *Selbstshaft*, вполне подошло бы и в качестве эквивалента для более позднего термина *Selbst*, столь характерного для Гердера, Канта и немецких романтиков. Кроме того, в русском языке вообще-то есть выражения, связанные с концептом «self» — *найти себя, потерять себя, быть самим собой* и др. Но для выражения подобных идей слово *самость* не закрепилось, хотя попытки «вбросить» его в тот самый период, когда формировался лексикон персональности, были.

Слово *самость* пробовал на язык Белинский, например, видя в поэме Гоголя

глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личною *самостию* (В. Г. Белинский. «Похождения Чичикова, или мертвые души» (1842)).

Белинский, однако, не проявил в отношении слова *самость* того упорства, с которым он обкатывал и внедрял в язык те слова, которые ему действительно понравились. Таким же случайным выглядит это слово и у Герцена. Пожалуй, больше других сделал для слова *самость* другой литератор — Аполлон Григорьев. В его словоупотреблении даже можно проследить зачатки структуры многозначности: *самость* как сам человек, его индивидуальные особенности, самобытность (в том числе национальная), замкнутость, эгоизм:

Нормальным мне кажется не общежитие, но отрешенная, мистически-изолированная жизнь *самости* в себе (А. А. Григорьев. «Листки из рукописи скитающегося софиста» (1843—1844));

Это не была его *самость*, личность, ибо личности в нем не было... стремлением к очищению нашей народной *самости*, бытовой и исторической особенности, загнанных на время терроризмом реформы или затертых и заслоненных тоже на время лаком западной ... Шотландец до конца ногтей, сын горной страны, сурово хранящей предания, член племени, (...) хранящего свою *самость* и некоторую замкнутость, — Вальтер Скотт весь полон суеверной любви к старому, к преданиям... В семье нашей и в домашнем быту была та особенность, (...) что мы впоследствии называли с Фетом домашнею «догмою», развившеюся в позднейшее время до примерного безобразия, исключительности и *самости* (А. А. Григорьев. «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862)).

---

М. Щербатова (“О повреждении нравов в России”) — *самство*: “...любовь к отечеству убавилась и *самство* и желание награждений возросло” (Русск. быт, с. 315). В «Северном вестнике» (1804, ч. 1, № 1) автор статьи о синонимах *эгоист* и *своекорыстный* в одном из примечаний пишет: «Недавно заметил я в одном русском сочинении слово *самособие*; мне кажется, что оно весьма хорошо выражает французское существительное имя *personnalisme*: но для введения онаго в употребление нужно общее согласие» [Виноградов 1994д: 285].



А в следующем примере явственно прослеживается еще одна важная и очень естественная для слова с такой внутренней формой идея — идея идентичности.

Одинокством я перерождался, — я, живший несколько лет какою-то чужою жизнью, переживавший чьи-то, но во всяком случае не свои, страсти — начинал на дне собственной души доискиваться собственной *самости* (Григорьев А. А. «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862)).

Впрочем, для выражения этой идеи в русском языке более успешно стало функционировать субстантивное «я»<sup>11</sup>.

Однако были и позже идиолекты, где слово *самость* связывалось именно с этой идеей — идеей тождества человека самому себе, своей глубиной сути. Именно так в ряде случаев употреблял слово *самость* (вообще им любимое) М. М. Пришвин:

то чувство *самости*, которое охватило меня, когда я после нескольких лет агрономической деятельности в России нашел в 30 лет свое призвание в литературе... Встреча со своим призванием была мне, как вот теперь в России, (...) у огромного большинства встреча со своей *самостью* (каждый занялся чем-то своим). ... Да почему иной тихий, робкий на все и застенчивый человек, когда вскипает, вдруг на дыбы подымается и рушит вокруг себя дом свой, жену и детей выгоняет на улицу: так он мстит, так естественный в нем человек пробуждается, вольный и могучий в своей дикой *самости*, как река судоходная (М. М. Пришвин. Дневники (1922)).

Кстати, там же есть интересный пример, в котором слово *самость* обозначает что-то вроде *privacy*. Это направление семантического развития так и осталось едва намеченным, а для выражения данного смысла в русском языке до сих пор нет слова; ср.:

Нельзя же человеку с детства самого раннего чувствовать, что за ним кто-то следит, кто-то присутствует угрожающе во всей святине его *самости* (М. М. Пришвин. Дневники (1922)).

Стоит сказать несколько слов и о том, как слово *самость* все же вернулось в философский язык. Собственно, оно никогда полностью из него не исчезало, однако у философов «серебряного века» очень активизировалось. Возможно, толчок был дан Вл. Соловьевым; ср.:

<sup>11</sup> Правда, иногда они синонимизируются; ср.:

моя *самость*, мое «я» может быть объективно вполне лишь в сознании всех (С. Н. Трубецкой. «О природе человеческого сознания»);  
Еще одну черту важно подчеркнуть: для Гаргантюа (Рабле) важно вовсе не увековечение своего «я», своей биологической особи, своей *самости* безотносительно к ее ценности, — ему важно увековечение (точнее, дальнейший рост) своих лучших чаяний и стремлений (М. М. Бахтин. «Формы времени и хронотопа в романе» (1937—1938, 1973)).

Признавая вполне великую важность и высокое достоинство других родов любви, (...) мы видим, однако, что только эта последняя удовлетворяет двум основным требованиям, без которых невозможно решительное упразднение **самости** в полном жизненном общении с другим (Вл. Соловьев. «Смысл любви» (1892—1894)).

Интересно, что слово *самость*, как ранее это происходило со словом *личность* в спорах западников и славянофилов, и со словом *особность*, и со словами *субъект* и *индивид*, оказывается раздираемо надвое: то *самость* — это условие свободной полноценной жизни человека, то это клетка эгоизма и экзистенциального одиночества<sup>12</sup>; ср.:

Христианское смирение, внутренний и незримый подвиг борьбы с *самостью*, с своеволием, с самообожением, истолковывается непременно как внешняя пассивность, как примирение со злом, как бездействие (С. Н. Булгаков. «Героизм и подвижничество» (1909));

*Самость* набрасывает свой тяжелый флер на всю жизнь, превращая ее в юдоль печали и вздыханий, налагая печать глубокой меланхолии, тоски, неудовлетворенных стремлений (С. Н. Булгаков. «Философия хозяйства (мир как хозяйство)» (1912)); Зло связано с личным бытием, с человеческой *самостью* (Н. А. Бердяев. «Мирозерцание Достоевского» (1923));

Человеческая природа, сознающая свою *самость*, свое самостоятельное и свободное бытие, должна вечно существовать лишь как природа творческая, творящая... Трансцендентность Божества может быть принята лишь в том смысле, что *самость* всякой личности не может исчезнуть и раствориться в Божестве... Но эти созерцания должны быть связаны с сознанием *самости* человеческого я, единственности и неразстворимости человеческого лика в его единении с ликом Христа (Н. А. Бердяев. «Смысл творчества» (1913—1914)).

В некоторых случаях слово *самость* используется для указания на нечто, предшествующее *личности* — более низкую форму самоорганизации человека. Любопытно, что ранее так использовалось и также не привившееся в языке слово *особность*:

...от затверделой *самости*, мешающей личности развернуться (Н. А. Бердяев. «Проблема человека» (1936));

В этой изначальной *самости* заложена основа личности с ее свободой, но здесь же и корень своеволия (С. Н. Булгаков. «Философия хозяйства (мир как хозяйство)» (1912)).

Итак, *самость* здесь подразумевает в первую очередь осознание своей отдельности. Отметим, что здесь также реализуется один из аспектов значения компонента *сам-*<sup>13</sup>. Очень интересен следующий пример, где *самость* напрямую

<sup>12</sup> Ср. у Цветаевой: Разомкнутый тупик *самости* (М. Цветаева. «Наталья Гончарова (Жизнь и творчество)» (1929)).

<sup>13</sup> В просторечии у слова *сам* есть даже значение 'один, в одиночестве': *Он сам приехал или с детьми?*

связывается с *обособлением* в том его смысле, который восходит к старому пониманию *индивида* как единицы, далее неделимой на полноценные части:

И они сближаются не чрез это *principium individuationis*, начало обособления и взаимной непроницаемости, не чрез эту голую *самость* с неизбежной тенденцией к солипсизму (в этом смысле к *я* можно применить выражение Лейбница о монадах, что они не имеют окон), но чрез общую их основу, общее содержание (С. Н. Булгаков. «Философия хозяйства (мир как хозяйство)» (1912)).

Итак, вернемся к вопросу о том, почему слову *самость* так и не удалось занять полноценного места в лексиконе персональности. Видимо, это обусловлено сочетанием субъективных и объективных причин. Во-первых, чтобы слово привилось, недостаточно его придумать. Как мы знаем, и слово *личность* в персоналистическом значении было уже у Карамзина. Но общеупотребительным оно стало гораздо позже, когда было прочувствовано, обкатано и отшлифовано, причем в текстах, предназначенных не только для специалистов, но и для всего образованного общества. Слову *самость* в этом отношении повезло меньше: не нашлось влиятельного литератора или группы литераторов, которые «навязали» бы его обществу, ввели бы его в моду. Есть, вероятно, и объективные причины. Во-первых, слово *самость* имеет слишком уж прозрачную внутреннюю форму, а это препятствует формированию у слова полноценного идиоматического значения. Вспомним, что то же было и со словом *неделимое* (см. выше). Да к тому же слово *сам* многозначно, из-за этого расплывается и значение слова *самость*<sup>14</sup>. В случае формирования и усвоения нового понятийного аппарата зачастую лучше приживаются заимствованные слова, которые усваиваются прямо вместе с концептом (ср. конкуренцию *индивида* и *неделимого*). Слово *личность*, как кажется, успешно прижилось во многом благодаря тому, что его значение не выводится тривиальным образом из идеи лица.

---

<sup>14</sup> Скажем, контексты типа *Сам Иван Петрович приехал!* провоцируют возникновение у слова *самость* коннотации высокомерия и т. д.

## К ИСТОРИИ СЛОВА СУБЪЕКТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Памяти Александра Борисовича Пеньковского

Как смешно актер Эраст Гарин в старом фильме «Свадьба» произносит эту чеховскую фразу: «Я не субъект какой-нибудь, у меня тоже в душе свой жанр есть!». Нам смешно еще и потому, что герой несколько, на современный слух, неуместно употребляет слово *субъект* (в смысле *субчик, подозрительная личность*). Ну как если бы, доказывая, что он выгодный жених, сказал: *Я не хмырь какой-нибудь!*

А ведь у Чехова в этой фразе говорится совсем не про *субчика* или *хмыря*.

### I

Картина употребления слова *субъект*<sup>1</sup> в современном русском языке выглядит следующим образом. Если отвлечься от тех сугубо специальных словоупотреблений, которые не только непонятны, но и вообще неизвестны большинству неспециалистов (как, скажем, употребление слова *субъект* в переводах Канта), можно выделить три круга контекстов, в которых встречается это слово. В первом, книжном, типе контекстов *субъект* выступает как некоторая функция, сторона определенного отношения (*субъект Федерации, субъект собственности*, сюда же относится и *субъект истории*). Второй тип употреблений, напротив, очень разговорный, предметный и выражает негативную оценку (*Из подворотни вышел подозрительный субъект*). Наконец, имеется тип употреблений, также книжный, связанный с традицией классической логики и лингвистики, который понятен образованному носителю литературного языка (*субъект и предикат*).

В своем основном типе употреблений слово *субъект* используется чаще всего в сочетании с родительным падежом; ср.:

Я беру отдельный листок бумаги и начинаю чертить что-то вроде генеалогического древа: в крупных квадратиках я обозначаю номера версий, от них веду линии к другим квадратикам — поменьше — *субъектам* преступления, то есть лицам, их совершившим, и прямоугольничкам — имеющимся у нас доказательствам (Ф. Незнанский. «Ярмарка в Сокольниках»);

---

<sup>1</sup> Примеры словоупотреблений частично взяты из сайта «Национальный корпус русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru>).

Общепризнанно, что процессуальное право призвано обеспечивать надлежащую реализацию материально-правовых отношений, которые существуют между *субъектами* права («Арбитражный и гражданский процессы». 2003);

*Субъектами* отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений являются Пенсионный фонд РФ, специализированный депозитарий, управляющие компании, застрахованные лица («Коммерсантъ-Власть». № 12, 2002.04.02);

Итак, внутренняя структура проекта на всех этапах полностью обусловлена устройством институтов и соответствующими формами отношений между *субъектами* собственности (Сергей Чернышев. «Управление собственностью: русский стандарт»);

Это связано как с возрастанием объемов людских потоков и, соответственно, с ростом числа обращений за визами, так и с увеличением числа самостоятельных *субъектов* хозяйственной деятельности, установлением прямых контактов на различных уровнях (ИТАР-ТАСС Экспресс. 1996. Вып. 18);

Его биография до сих пор не написана. И мы опасаемся, что (...) В. В. (...) из объекта живого, безоглядного благоговения превратится в одного из многих *субъектов* истории (А. Дмитриев. «Закрытая книга»);

Сокровенный смысл христианского вероучения состоит в утверждении абсолютного суверенитета души; лишь она одна может быть *субъектом* воли, а значит, она одна может быть и *субъектом* ответственности (Е. Елизаров. «Реквием»).

Таким образом, в современном русском языке нет *субъекта*, как такового, а есть *субъект* как роль в определенной ситуации, так сказать, 'тот, кто'. Даже в тех относительно редких случаях, когда в предложении отсутствует родительный падеж при слове *субъект*, все равно подразумевается конкретная ситуация, относительно которой и определяется ее *субъект*. Так, в известной формулировке «спор хозяйствующих субъектов», многократно использованной во время конфликта вокруг НТВ, сочетание *хозяйствующий субъект* равносильно сочетанию *субъект хозяйствования*. Ср.:

Если из семи эпизодов шесть совершены одним *субъектом*, то он может дать ряд признаков и даже довольно точную дату рождения (А. Маринина. «Мужские игры»);

Такой вид отношений, как мы отмечали выше, характеризуется прежде всего отношениями равноправных *субъектов* как партнеров по общению (Уппсальский корпус);

Пришлось обследовать факторы, связанные с проявлением говорящего (пишущего) *субъекта* и коллектива в сообществе носителей языка, особенности адресата и адресата речи (Уппсальский корпус).

Здесь во всех случаях подразумевается то действие или та ситуация, о месте в которой идет речь (соответственно *субъект преступления*, *субъект общения*, *субъект речи*). Ясно при этом, что *субъект* — это не просто участник ситуации, а ее активный участник. Это свойство особенно ярко проявляется в контекстах,

очень типичных, где *субъекту* противопоставляется *объект*; ср. выше *превратиться из объекта поклонения в одного из субъектов истории*. Чрезвычайно показательны следующий пример:

ДИАЛОГ. «Для меня в диалоге *межсубъектного* нет: я в диалоге только быстро меняюсь из *субъекта* в *объект* и обратно. При этом я — *субъект*, когда слушаю и от этого преобразываюсь, — а не когда говорю и влияю. Так же можно преобразовываться и в общении с камнем или уважаемым шкафом» (М. Гаспаров. «Записи и выписки»).

Именно при помощи идеи активности, передаваемой словом *субъект*, Гаспаров выражает парадоксальную мысль, что восприятие — это нечто более активное, чем самовыражение.

Естественно, что в рассмотренном значении слово *субъект* свободно употребляется в предикативном референциальном статусе (*Народ — субъект истории*) и в родовом (*Субъект собственности имеет право...*), а в конкретно-референтном статусе практически невозможно.

Обращает на себя внимание отсутствие параллелизма в паре *субъект — объект*. Существительное *объект*, помимо роли в ситуации (*объект исследования, объект действия*) может указывать и просто на некоторую сущность, предмет (*материальные объекты; Какие объекты находятся в контейнере?*). Для существительного *субъект* аналогичным было бы значение 'индивид' или подобное, которого у него в современном языке нет.

Правда, имеется более узкое значение, разговорное и оценочное. В своем предметном значении слово *субъект* выражает отрицательную оценку. Приведем только один пример:

— Что это такое, в конце концов: я бросил больных, еду сюда, а тут стоит... некий *субъект* и корчит из себя черт знает что! (...) — мне, пожалуйста, сообщите вашу фамилию. — Солодовников Георгий Николаевич. Морозов записал. — За *субъекта*... как вы выразились, придется ответить. — Отвечу, — Если всякие молокососы будут приезжать и обзывать... — За молокососа тоже придется ответить (В. Шукшин. «Шире шаг, Маэстро») <sup>2</sup>.

В отличие от слова *личность*, которое тоже имеет подобное значение, но может в нем указывать как на мужчин, так и на женщин, слово *субъект* в предметном значении может использоваться только применительно к мужчинам.

<sup>2</sup> От этого значения есть производное *субчик*; ср. *Как это на тебя не орать?! Алло! Ал-ло! Председатель швырнул трубку на рычаг и, всем телом повернувшись к Григорию, сказал задыхаясь: — Видал? Нет, ты видал таких субчиков?! (Н. Гладышев. «Антонов колодец»); Валентин наверняка уже взял след и бежит за этими субчиками (Ф. Незнанский. «Операция “Фауст”»); Видал, — кивнул головой отец, — заставили субчика на общество [обчество] поработать, довольно улыбнулся (В. Солюхин. «Не жди у моря погоды»).*

Можно сказать: *Там в кабинете сидит ужасно неприятная личность по фамилии Петров/Петрова*. При этом возможно *Там в кабинете сидит ужасно неприятный субъект по фамилии Петров*, но никак не *субъект по фамилии Петрова*.

Два значения слова *субъект* разошлись настолько, что практически никогда не возникает каких-либо смешанных, промежуточных и т. п. употреблений. Даже игровое совмещение этих значений — редкость. Впрочем, во время одного из политических кризисов, телекомментатор, желая выразить отрицательное отношение к позиции руководителя Калмыкии, сказал: «Вон он идет, субъект... Федерации».

Завершая обзор современного состояния слова *субъект*, отметим, что *субъект* существует и как логико-лингвистическое понятие, которым большинство культурных носителей языка владеет, так как оно фигурирует при изучении иностранных языков, а также различных гуманитарных дисциплин, а иногда встречается и в неспециальных текстах и даже может порождать метафоры; ср.:

Жизнь прослеживалась, как одна длинная фраза, полная придаточных предложений, лишних определений и отступлений в скобках — приходилось возвращаться к началу, и смысл проступал, несмотря на перепутанный где-нибудь падеж, окончание, меняющее местами объект и *субъект* действия (А. Кабаков. «Сочинитель»).

## II

Надо сказать, что формирование лексики персональности в России совпало с интенсивным формированием русского литературного языка в целом. В книге В. Д. Левина «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.» приведена обширная подборка высказываний, выражающих недовольство состоянием «языка размышления и умствования» (И. М. Муравьев-Апостол) [Левин 1964: 330—331]. В этой же книге обращается внимание на то, какое значение разработке и нормализации «метафизического языка» придавал Пушкин, считая, что русскому языку недостает «европейской общежительности». «Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности, — писал Пушкин<sup>3</sup>, — просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения. (...) Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных»; см. [Левин 1964: 331]. Подчеркнем, что речь идет не об отсутствующих научных терминах, а о словах «для изъяснения понятий самых обыкновенных». Нам сейчас даже трудно себе представить, что лишь в 20-е годы XIX в. возникает (в языке Любомудров) слово *проявление*, что до увлечения немецкой классической фило-

<sup>3</sup> «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825). Речь идет о переводе басен И. А. Крылова на французский.

софией не было в русском языке слов *образование, мировоззрение, состоять, предполагать, призвание, исключительный, бессилие, очевидный* и т. д. См. об этом [Виноградов 1982: 366].

В такой обстановке решительного обновления «языка умствования» формируется лексикон личности, оттачиваются значения отдельных персоналистических терминов, складывается структура их многозначности. Вместе с классической немецкой философией в Россию пришло и слово *субъект* в его философских контекстах — причем в разных изводах; ср. пример:

...возвыситься во внутренность своей собственной сущности и истины, где нет ограниченной и эгоистической вражды, но безграничное, разумное и любовное взаимное признание, признание во всеобщей и нераздельно единой среде разумного самосознания, всеобщего *субъекта*.

«Борьба самосознаний, — говорит Розенкранц в своей “Психологии...”, — имеет своим истинным результатом всеобщее признание *субъектов*, различающихся друг от друга своими индивидуальностями. Каждый из них знает себя как самосознание, которому покорено самоощущение единичной жизни, и каждый знает другого, противоположного *субъекта* как самосознание, сущность которого тождественна с его собственной сущностью. Таким образом исчезает индивидуальное различие *субъектов* между собою и заменяется их разумным, себя знающим единством; объектом самосознания становится оно само; оно сознает себя в другом и другого в себе, и объективность становится тождественною с субъективностью».

«Тождество *субъекта* и объекта есть форма всякого духовного сознания» (М. А. Бакунин. «О философии» (1840))<sup>4</sup>.

История освоения термина *субъект* в философском языке излагается в работе Н. Плотникова [Плотников 2007]. Там, в частности, сказано: «Понятие субъекта в русской философской традиции отмечено при своем возникновении двойным недоразумением. Во-первых, непризнанием того радикального семантического разрыва с традицией, что был произведен кантовским понятием субъекта. Во-вторых, истолкованием немецкой идеалистической философии в смысле возвращения к прежней метафизике платоновского типа». См. также [Сорокин 1965: 437].

<sup>4</sup> Ср. также характерный пример, где понятие *субъекта* связывается в первую очередь с самосознанием:

Творческая сила, дошедши постепенно до человека, великого своего проявления, разве уничтожила и горы, и снега, и поля, и животных, и все свои предыдущие степени развития; нет, (...) все степени свои она не делала последними, крайними, переходя от них к другим, высшим, пока наконец достигла: но и тут жизненная сила не прекратила своего действия, но здесь она является уже как *субъект* и как *субъект* продолжает свое шествие. Сознательная деятельность человека выше бессознательной деятельности природы (К. С. Аксаков. «О некоторых современных собственно литературных вопросах»).



Однако параллельно и даже более активно это слово проникает в общелитературный русский язык через естественно-научные и в первую очередь медицинские контексты, в которых мы бы сейчас употребили слово *пациент*; ср.:

«Вот любопытный *субъект*», — да к нему, — кричу, зову людей, насилу пришли; уж я его и тем, и другим, — и теперь как ни в чем не бывал, еще лет двадцать проживет (В. Ф. Одоевский. «Косморама» (1837));

Какое-то беспокойное чувство, похожее на угрызение совести, овладевало вновь поступавшими здоровыми *субъектами* (А. И. Герцен. «Доктор Крупов» (1846)); «Александр Матвейч, интересный *субъект*! — говорят они, запыхавшись: — сейчас привезли, чрезвычайно редкое осложнение» (Н. Г. Чернышевский. «Что делать?» (1863));

Эмилио сидел на том же самом диване, на котором его растирали; доктор прописал ему лекарство и рекомендовал «большую осторожность в испытании ощущений», так как *субъект* темперамента нервического и с склонностью к болезням сердца (И. С. Тургенев. «Вешние воды» (1872));

— Сильнейшее воспаление в легких; перипневмония в полном развитии, может быть, и мозг поражен, а *субъект* молодой (И. С. Тургенев. «Накануне»);

Чтобы буйный или бешеный *субъект* не мог нанести своими руками вред себе или другим, руки эти должны быть лишены свободы действий с возможным притом избеганием членовредительства (В. Г. Короленко. «Яшка» (1880));

— Очень интересный *субъект*! — обратил на него мое внимание доктор (В. М. Дорошевич. «Сахалин (Каторга)» (1903));

Превосходный портрет Репина — из последних годов его московской жизни — изображает уже человека обрюзгшего, с видом почти клинического *субъекта* и в том «развращенном» виде, в каком он сидел дома и даже по вечерам принимал гостей в Москве (П. Д. Боборыкин. «Воспоминания» (1906—1913)).

Как видно из последних примеров, этот тип словоупотребления сохранялся в русском языке достаточно долго. Вообще контексты употребления слова *субъект* в соответствии с современным *объект* — едва ли не самые типичные для второй половины XIX в. Ср.:

Да, это только приготовление к любви, опыт, а он — *субъект*, который подвернулся первый, немного сносный, для опыта, по случаю... (И. А. Гончаров. «Обломов» (1859));

Зачем же я тогда вам так понадобился? Ведь вы же около меня ухаживали? — Да просто как любопытный *субъект* для наблюдения (Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»);

Драгоценный *субъект* для какого-либо из наблюдательных учреждений (В. И. Немирович-Данченко. «Святые горы» (1880));

— Я не про то говорю-с, а про те ощущения, которые следуют за браком и которые если не неприятны, то все-таки странны: из богача вы делаетесь бедняком, тысячи *субъектов* меняете на одного (А. Ф. Писемский. «Взбаламученное море»).

Распространением этого типа словоупотребления русский язык, видимо, обязан моде на естественно-научную атрибутику, столь хорошо известной нам по

русской литературе, в частности, по «Отцам и детям». Ср. интересный пример из другого романа Тургенева:

Нам во всем и всюду нужен барин; барином этим бывает большею частью живой *субъект*, иногда какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет... теперь, например, мы все к естественным наукам в кабалу записались... (И. С. Тургенев. «Дым»).

Здесь представлен еще один тип употребления слова *субъект*, восходящий скорее к философским контекстам и также широко представленный в языке второй половины XIX в., — *субъект* в значении 'индивид'. Ср. замечательный пример:

Ко всем другим *субъектам* человеческого рода эти же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

При этом существенно, что *субъект* в этом значении вовсе не сразу приобрел негативные коннотации. Вероятно, во многих случаях мы «вчитываем» их в тексты под влиянием современного словоупотребления<sup>5</sup>. Ср. следующие примеры, где это слово явно не несет негативного смысла:

...благородному и благодушному *субъекту*... (Н. С. Лесков. «На ножах»); По погребении Катерины Астафьевны, он, не зная как с собой справиться, (...) бродя там и сям, очутился ночью на кладбище, влекомый, разумеется, существующею силой самой любви к несуществующему уже *субъекту* (Н. С. Лесков. «На ножах»); «Что за существо эта девушка, как она будет любить?» — спрашивал он сам себя с раздражением. Но девушка, как нарочно, ни одним словом, ни одним взглядом не обнаруживала себя. Бакланов решил спросить о ней Казимиру. (...) — Скажите, что за *субъект* mademoiselle Eupraxie? — сказал он. — О, чудная девушка! — отвечала та (А. Ф. Писемский. «Взбаламученное море»).

Последний пример показателен и в том смысле, что слово *субъект* первоначально указывало не только на мужчин, но и на женщин; ср. также:

*Субъект* этот находится у меня в услужении в должности кухарки, а потому я изучал его довольно внимательно в главных психических и многих физиологических отправлениях (А. И. Герцен. «Доктор Крупов» (1846));

<sup>5</sup> Ср.: *Можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтоб лучше и явственнее оттенить картину* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Приезд ревизора» (1857)); *Странные порывы внезапных чувств и внезапных мыслей у этих субъектов* (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»); *И вот подобный-то субъект становится действительно виновным и преступным от страху и от запугивания* (Там же); *А между тем ведь это так-с, с иным субъектом особенно, потому люди многообразны, и над всем одна практика-с* (Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»); *Ах, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъект! А, кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю* (Там же).

— Какой вздор! сестра, кажется, такой *субъект*, что она может положить ему на тарелку печенку, а тебе сердце (Н. С. Лесков. «На ножах») <sup>6</sup>.

Итак, мы видим, что, попав в русский литературный язык, слово *субъект* поначалу, причем довольно долго, употреблялось совершенно иначе, чем сейчас. Настолько, что некоторые контексты с этим словом нам даже трудно понять; ср.:

Крестьянин, взятый сперва как самый натуральный *субъект*, невольно представился им, хотя далеко еще не вполне, с другой, высшей своей стороны (К. С. Аксаков. «Обозрение современной литературы» (1857)).

Особенно удивительно на современный взгляд употребление слова *субъект* в значении 'объект' — то есть почти противоположном современному. Соответствующие контексты вызывают у наших современников просто недоумение. Между тем, возникновение такого значения вполне объяснимо. Дело в том, что мы слишком привыкли к противопоставлению *субъект* vs. *объект*, а есть столь же естественное противопоставление *субъект* vs. *предикат*.

Анна А. Зализняк отмечает: «В основе латинского обозначения *subjectum* (являющегося калькой с греческого *υποκειμενον*)<sup>7</sup> лежит метафора подчиненного положения субъекта по отношению к предикату: внутренняя форма слова *subjectum* указывает на то, что обозначаемая им сущность подвергается действию, производимому предикатом (т. е. действию предикцирования, приписывания признака). Однако эта метафора (и, соответственно, внутренняя форма) оказывается не актуальна во всех прочих значениях слова *субъект*. Она отсутствует также в термине *подлежащее* — несмотря на калькированную морфологическую структуру этого слова, отсылающую к идее подчиненности и, более того, на наличие в русском языке причастия *подлежащий*, значение которого соответствует его внутренней форме (ср. *подлежащий уничтожению; сведения, не подлежащие разглашению* и т. п.). В оппозиции «субъект — объект» в силу вступают совершенно иные свойства субъекта: его преимущество с точки зрения одушевленности, активности, способности воздействия на объект и т. д. *Субъект* в этом

<sup>6</sup> Материал показывает также, что уже тогда для слова *субъект* был характерен разноречивый в отношении категории одушевленности; ср.: *Добросовестно изучая субъекты в обоих заведениях, я был поражен сходством чиновников канцелярии с больными* (А. И. Герцен. «Доктор Крупов» (1846)); *Мне очень жаль, что я скоро расстался с Матреной и не мог доучить этот интересный субъект* (А. И. Герцен. «Доктор Крупов» (1846)); *Однако мой вам совет — этого субъекта не выпускать и аресту подвергнуть* (А. В. Сухово-Кобылин. «Смерть Тарелкина» (1869)).

<sup>7</sup> *Примечание А. З.*: Букв. «лежащее под»; как известно, в латинском переводе этого слова из-за отсутствия употребительной формы причастия от глагола *jacere* 'лежать' было использовано причастие от глагола *jacio* 'бросать', в результате чего внутренняя форма этого слова была переосмыслена как «брошенное под», «подверженное», ср. польскую кальку *podmiot*, а также соответствующее лат. *objectum* слово *przedmiot*, заимствованное русским в форме *предмет*, см. [Виноградов 1994: 536].

смысле означает «главный»; так, подлежащее, т. е. грамматический субъект — это один из двух главных членов предложения (наряду со сказуемым) — в противоположность другим именным членам, в т о р о с т е п е н н ы м. Аналогичным образом, семантический субъект — это главный участник ситуации. Наоборот, в оппозиции «субъект — предикат» перечисленные свойства субъекта, которые противопоставляют его объекту, несущественны — не случайно одним из синонимов термина (*логический*) субъект является *предмет* (соответствующее латинскому *objectum*)» [Зализняк 2006: 51—52].

Итак, в логико-грамматической традиции субъект понимается как то, о чем речь, как то, чему приписываются — *преддицируются* — определенные свойства. Роль его в суждении, таким образом, в определенном смысле пассивная. В русских переводах грамматической терминологии это представление проявляется очень выпукло: *подлежащее* — то, что подлечит (в отличие от *сказуемого*, то есть говоримого). Слово *подлежать*, даже в большей степени, чем исходное латинское *подбросить*, указывает на страдательную роль и провоцирует соответствующую метафору субъекта как подлежащего не только обсуждению, но и исследованию — а затем и просто воздействию.

Двойственная интерпретация субъекта заложена в этом понятии изначально и обусловлена самой природой высказывания. Оно, с одной стороны несет в себе суждение о мире и в собственно логическом аспекте делится на предмет суждения, тему, нечто данное, исходное, пассивное — и собственно сообщаемое, новое. В этом смысле субъект *подлечит*, то есть страдателен. С другой же стороны, высказывание имеет референциальный аспект и является слепком ситуации, имеющей место во внеязыковой реальности. Актанты соответствуют участникам ситуации, и в этом смысле субъект — самый привилегированный, активный участник ситуации, деятель, в отличие от *объектов* — прямых и косвенных. Разумеется, я не излагаю здесь какую-то определенную лингвистическую концепцию предложения, а представляю дело очень обобщенно, чтобы показать источник двух почти противоположных направлений семантического развития слова *субъект*.

Практически с самого начала бытования слова *субъект* на русской почве у него прослеживаются два конкурирующих значения: *субъект* как *объект* и *субъект* как противоположность *объекта*. Так, у А. Д. Михельсона [Михельсон 1866] читаем: «Субъект — лат. *subjectum*, от *subjecere*, подвергать. Предмет, подлежащий действию другого». А практически одновременно с этим в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толля [Толль 1863—1864] субъект определяется как «лицо действующее, говорящее» и отмечается, что он «противопологается объекту».

В XX в. субъект-объект был уже полностью вытеснен субъектом — противоположностью *объекта*. На это повлияли, вероятно, разные обстоятельства. В XX веке носители литературного языка уже, видимо, не столь массово владели логической терминологией и, соответственно, пара *субъект* — *предикат* не была столь напрашивающейся. Не всем стала очевидной внутренняя форма латинского

слова *subjectum* и связь слова *субъект* с русским *подлежащее*. В то же время пара *субъект* — *объект* легко воспринимается в силу того, что для любого человека ясно, что там явно один корень, но разные приставки. При этом, хотя на основе смысла соответствующих латинских приставок эти два слова не составляют очевидной контрастной пары, в силу внешнего вида они легко вступают в отношения контраста.

Главная же причина такого результата конкурентной борьбы, видимо, состоит в том, что существительное *субъект* «подровнялось» под прилагательное *субъективный*, а укрепление контрастной пары *субъект* — *объект* обусловлено активным функционированием контрастной пары *субъективный* — *объективный*.

### III

В современном языке слово *субъективный* и его производные подразумевает *субъекта* не просто как индивида, а как субъекта восприятия, намерений, воли, оценки. Это не видно по словарным толкованиям, таким, например, как: «Присущий только к данному субъекту, лицу; личный, индивидуальный. *С-ое ощущение*. Мемуары всегда субъективны» (БТС). Если *субъективный* — это ‘присущий данному субъекту’, то почему нельзя сказать: \**субъективная манера одеваться*, \**субъективный характер*, \**субъективный образ жизни*, \**субъективные интонации*? В действительности *субъективность* здесь связана с особенностями восприятия, оценки, отношения, то есть *субъект* рассматривается не как индивид, а как носитель точки зрения, с которой рассматриваются события. Поэтому говорят: *субъективные ощущения*, *субъективное мировосприятие*, *субъективное видение*, *субъективная оценка*, *субъективная интерпретация*, *субъективная правда* (то есть то, как человек вправду воспринимает действительность). Ср. следующий пример:

Как показала проверка, проведенная различными лечебными учреждениями, при ношении магнитных браслетов *субъективно* самочувствие больного улучшается (скорее всего срабатывает психотерапевтический эффект), тогда как объективные показатели практически не меняются, скажем, кровяное давление остается на том же уровне (Уппсальский корпус).

Никто не будет отрицать, что кровяное давление присуще субъекту, однако это *объективный* показатель. *Субъективно* же именно *самочувствие* — то есть то, как сам человек ощущает свое состояние.

Аналогичная ситуация со значением, которое толкуется как ‘относящийся к субъекту, человеку, личности, связанный с ним, его действиями’. *С. фактор в истории*. *С-ые причины успеха*. *С-ая сторона исследования*. *Истина в субъективном преломлении*. (БТС). Действительно, говорят *субъективные причины*, *субъективные предпосылки*, *субъективный фактор*, однако не говорят \**субъективные результаты* и \**субъективные последствия*. На самом деле *субъективный*

здесь — это не просто связанный с субъектом, а зависящий от субъекта. *Субъект*, таким образом, выступает как активная сторона.

Мы заметили, таким образом, что *субъективный* в современном языке не означает 'относящийся к личности, индивиду, присущий индивиду'. Так, однако, было не всегда. Если посмотреть, как использовалось прилагательное *субъективный* и его производные на протяжении своего бытования в русском языке, можно заметить, что на первом этапе истории этого русского слова царила страшная неразбериха и оно употреблялось очень по-разному, а затем постепенно выкристаллизовались те типы употребления, которые существуют теперь. Ср. следующий пример:

Порицать за это чувство нельзя и взрослого человека, если только он остается в пределах чувства и не принимается резонировать. Обнаруживать посягательство на мою *субъективную* жизнь никто не имеет права. Кто может упрекнуть меня за то, что во мне пробуждаются светлые воспоминания детства при виде стола, покрытого ярославской набивной скатертью, на котором стоит шипящий самовар, — или при звуках сангументальной песни «Выйду ль я на реченьку», с аккомпанементом гитары? (Н. А. Добролюбов<sup>8</sup>. «Русская цивилизация» (1858)).

Здесь речь идет о внутренней жизни человека, его личных ощущениях, и используется прилагательное *субъективный*. Для современного языка сочетание *субъективная жизнь* вообще невозможно.

Знаю только, что и сам я Карамазов... Я монах, монах? Монах я, Lise? Вы как-то сказали сию минуту, что я монах? — Да, сказала. — А я в Бога-то вот, может быть, и не верую. — Вы не веруете, что с вами? — тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не ответил на это. Было тут в этих слишком внезапных словах его нечто слишком таинственное и слишком *субъективное*, может быть и ему самому неясное, но уже несомненно его мучившее (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Что здесь имеется в виду? Конечно, не то, что слова Алеши были пристрастны. *Слишком субъективное* — значит здесь слишком глубоко личное.

Была в русском языке попытка трактовать *субъективность* также и как *индивидуализм* и даже *эгоизм*; ср.:

Байрон писал о Европе для Европы; этот *субъективный* дух, столь могущий и глубокий, эта личность, столь колоссальная, гордая и непреклонная, стремилась

---

<sup>8</sup> У этого автора такое словоупотребление не единично; ср.:

Так, лишение зрения необходимо заставляет человека отказаться от некоторых общественных занятий и, кроме того, отнимает у него возможность приобретать новые впечатления посредством глаз. Весьма естественно, что, находясь в таком положении, человек более обращается к своему *субъективному* миру и занимается переработкою тех впечатлений, которые были уже получены им прежде (Н. А. Добролюбов. «Органическое развитие человека»).

не столько к изображению современного человечества, сколько к суду (В. Г. Белинский. Статья восьмая. «Евгений Онегин» (1844));

В противоположность нам, *субъективным*, любящим одно личное, для природы гибель частного — исполнение той же необходимости, той же игры жизни, как возникновение его; она не жалеет об нем потому, что из ее широких объятий ничего не может утратиться, как ни изменяйся (А. И. Герцен. «С того берега» (1858)).

Здесь нельзя не восхититься действующими в языке механизмами, в результате работы которых с тех пор в русском языке сформировались четкие семантические противопоставления между словами *субъективность*, *индивидуализм* и *эгоизм*. В отличие от слова *субъект*, во внедрении которого в русский язык главная заслуга принадлежит, скорее всего, как мы старались показать выше, не Белинскому, распространением слов *субъективный* и *субъективность* русский язык, скорее всего, обязан, в первую очередь, именно Белинскому<sup>9</sup>. Причем он сам пробовал использовать понравившееся слово в нескольких разных значениях. Например, под *субъективностью* он мог понимать не только *индивидуализм*, но и то, что мы бы теперь назвали *тенденциозностью*, *эмоциональностью*, *лиризмом*. Ср.:

Но нигде *субъективность* автора не проявилась так резко, так странно и так во вред комедии, как в очерке характера Молчалина, который он заставляет делать самого же Молчалина (В. Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова» (1839));

Разумный опыт жизни и благодетельная сила лет уравнивали бы волнования кипучей природы, (...) — и тогда поэт явился бы художником и завещал потомству не лирические порывы своей *субъективности*, а стройные создания (Там же).

Итак, мы постарались показать, что, попав в русский язык, прилагательное *субъективный* достаточно быстро сформировало совокупность своих значений, которые, в свою очередь, повлияли и на изменение семантического наполнения слова *субъект* в литературном русском языке. Вообще, слово *субъект* может служить примером иллюзорности нашего представления о том, что мы хорошо понимаем язык XIX в. А именно развенчанию этой иллюзии посвящены многие работы А. Б. Пеньковского.

Теперь вернемся к той цитате, с которой начали. У Чехова фраза *Я не субъект какой-нибудь* — не про пустое тщеславие, а про самозащиту маленького человека. Классический мотив русской классической литературы: да, я маленький человек, но не предмет, не объект, не вещь, не страдательное лицо — у меня есть

<sup>9</sup> «Хорошо также, например, обвинение против “Отечественных записок” за употребление непонятных слов, именно: *бесконечное*, *конечное*, *абсолютное*, *субъективное*, *объективное*, *индивидуум*, *индивидуальное*. Право, мы не шутим! Иной, пожалуй, скажет, что эти слова употреблялись еще в “Вестнике Европы”, в “Мнемозине”, в “Московском вестнике”, в “Атенее”, в “Телеграфе” и пр., были всем понятны назад тому двадцать лет и не возбуждали ничего ни удивления, ни негодования ...» (В. Г. Белинский. «Русская литература в 1840 г.»).

душа. Немножко — или даже не немножко — выбивается она, правда, из общего рисунка характера самовлюбленного жениха из «Свадьбы». Так ведь она на самом деле и не из «Свадьбы», а совсем из другого произведения, просто ее в фильме использовали. А у Чехова есть смешной и грустный рассказ «Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало». Там чиновники, не в силах терпеть издевательств начальника, посылают к нему депутата с претензиями, но тот, увидев начальника, мгновенно теряет всю свою воинственность и даже отдает ему на дурацкую лотерею 25 рублей, выданные тещей на оплату квартиры. Именно в этом контексте и звучит формулировка *Я не субъект...*:

— Пора же наконец дать ему понять, что мы такие же люди, как и он! — сказал Дездемонов. — Мы, повторяю, не холоуи, не плебеи! Мы не гладиаторы! Издеваться над собой мы не позволим! Он тыкает на нас, не отвечает на поклоны, морду воротит, когда доклад делаешь, бранится... Нынче и на лакеев тыкать нельзя, а не то что на благородных людей! Так и сказать ему!

⟨...⟩

— Иду я с женой однажды, — перебил Зрачков, — встречается он... «А ты, говорит, губастый, вечно с девками шляешься! Среди бела дня даже!» Это, говорю, моя жена, ваше-ство... И не извинился, а только губами чмокнул! Жена от этого самого оскорбления три дня ревя редела. Она не девка, а напротив... сами знаете... — ⟨...⟩ Лучше без должности жить, чем реноме свое в ничтожестве иметь! Теперь XIX столетие. У всякого свое самолюбие есть! Я хоть и маленький человек, а все-таки я не субъект какой-нибудь и у меня в душе свой жанр есть! Не позволю!



**ВЗДОР: СЛОВО И ДЕЛО \***

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал.

(М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»)

Как *вздор* в русском языке оценивается *неправда* или *нелепица*, т. е. либо *ложное*, либо *не имеющее смысла* высказывание, причем между этими двумя типами оценки нет четкого противопоставления. Слово *вздор* содержит дополнительный оттенок как бы возмущения слушающего тем, что кто-то может думать или считать такую ерунду. В современном русском языке это слово имеет слегка архаический оттенок. В XIX в. слово *вздор* могло обозначать также нелепый поступок и небольшую вещицу, не имеющую определенного назначения. При этом, поскольку этимологически исходным значением для этого слова является ‘ссора’, естественно возникает задача восстановления путей семантической деривации, определивших современный семантический облик данного слова.

Начнем с истории слова. Прежде всего, рассмотрим вопрос, какова связь современного значения с исходным значением ‘ссора’. В Словаре Даля мы находим [Даль 1994: 477—478]:

**ВЗДОРЪ** м. ссора, брань, свара, несогласие, споры, перекоры, более употреб. **вздоры** мн. || Нелепица, бессмыслица, выдумка, ложь, пустая молва, пустословие, пустяки. *Вздор на вздор помножь, чепухой подложь, и выйдет ералаш (чушь). Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор.* [Примеры: первый на значение ‘нелепица’, второй — на значение ‘ссора’] **Вздорливый, вздорчивый, бранчивый, сварливый, брюзгливый, охочий до ссор, придиричивый, вздорный**, о человеке то же; || о деле: нелепый, бестолковый, пустой, ничтожный. *Вздорливый человек затевает вздорные дела. Вздорность* ж. о деле, словах, затеях, ничтожность, неосновательность; неправдивость. **Вздорливость**, ж. свойство вздорливого. **Вздорить** с кем, **вздорничать**, ссориться, браниться, придираться, брюзжать. *Говори, да не спорь, а хоть и спорь, да не вздорь.*

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2010].

Итак, *вздорливый человек затевает вздорные дела*, т. е. *вздор* — это ссора по ничтожному поводу. Склонность к ссорам (*вздорливость*) есть не что иное как свойство затевать ссору из-за пустяка (*вздора*). Таким образом, ссора из-за ерунды — это тоже ерунда, чепуха, нелепица (т. е. здесь можно предположить своего рода метонимический перенос).

Заметим, что тот же тип именного производного от глагола *драть* встречается с другими приставками и имеет близкое значение: это слова *раздор* и *задор* (ср. *задираться* на кого-то, *задиристый* петух). Не исключено, что слово *задор* и *задираться* в переносном значении (ср. также с другой приставкой *придираться*) повлияло на семантическую эволюцию слова *вздор*, на которой мы сейчас остановимся подробнее.

А именно, здесь имеется две гипотезы.

Первую излагает В. В. Виноградов [1994в], ссылаясь на статью В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке» (опубликованную в сборнике в честь 45-летия Н. Я. Марра в 1935 г.). Она состоит в том, что *вздор* это ‘то, что вздрано, надрано, оторвано’ и потом как негодное выброшено, т. е. ‘сор’. Чернышев приводит пример из сочинения автора конца XVIII в.: «В Египте народ гораздо нечист и всякий *вздор* на улицу бросают». Такое семантическое развитие представляется правдоподобным (хотя само слово *вздор* в восстанавливаемом таким образом исходном значении (что-то типа ‘стружки, отходы при обработке дерева’) не зафиксировано. Близкое значение есть у слова *задор*: «*задор* — из плотницкого лексикона; *строгать в задор* — строгать доски по направлению от вершины к комлю, причем дерево задирается; *задор* — ‘задранное место, зацепина, место с задоринами’ *задирать* — ‘зацеплять’, переносное значение ‘задевать, заводить ссору или драку’» [Виноградов 1994г: 184].

Итак, первая гипотеза: ‘стружка’ → ‘мусор’ → ‘всякий не имеющий назначения предмет и вообще все незначительное, ненужное, в том числе глупое или ложное высказывание’. Однако эта гипотеза происхождения слова *вздор* не объясняет значения ‘ссора’ — которое в Словаре русского языка XVIII в., как впрочем и у Даля, указывается в качестве первого (что скорее всего означает, что оно было в тот момент основным или воспринималось как таковое), а значения ‘мелкая вещь’ и ‘нелепица’ — как производные.

В связи с этим возникает другая гипотеза (которая, впрочем, не отменяет, а скорее дополняет первую, но обладает тем преимуществом, что включает значение ‘ссора’).

Прежде всего, обратим внимание на то, что в Словаре языка XVIII века [СРЯ-XVIII-3: 121—122] для слова *вздор* даются варианты *здор* и *сдор* (то же для прилагательных: *з/сдорный*, *з/сдорливый* и т. д.), что наталкивает на мысль о том, что здесь изначально была приставка *с-* (очевидно, со значением совместного действия). Внутренняя форма слова в этом случае оказывается крайне проста: слово обозначает то же, что *с-толковение*, *с-хватка*, *с-шибка*; ср. также другие производные с близким значением от глагола *драть* — *драться* и *драка*. (Слово

*сдор*, при ином значении приставки *с-*, может означать также ‘то, что содрано’, т. е. ‘ненужная вещь’, но тогда опять необъяснимым остается значение ‘ссора’).

Итак, наша гипотеза состоит в том, что слово *вздор* произошло из *сдор* в результате переосмысления внутренней формы. А именно, приставка *с-* (фонетически: [з]) заменилась на приставку *вз-*. Здесь можно назвать два фактора, которые действовали одновременно. С одной стороны, это влияние слова *вздор* в значении ‘мусор’, ‘ненужная вещь’. С другой стороны, здесь возможно влияние семантики словообразовательной модели с приставкой *вз-*. Дело в том, что в русском языке имеется множество слов с приставкой *вз-*, обозначающих резкое, внезапное, непредсказуемое возникновение отрицательных эмоций (вариантов гнева) и плохо контролируемых действий (вариантов ругани), ср.: *взбелениться*, *взбеситься*, *взбаламутиться* (*взбалмошный*), *вспылить* (= ‘прийти в состояние гнева’), *вскинуться* (= ‘наброситься с бранью’), *вскипеть* (= ‘прийти в состояние раздражения’), *вспыхнуть* (= ‘внезапно разгневаться’), ср. *вспыльчивый*; *взвиться* (= ‘внезапно рассердиться’), *взорваться* (= ‘разразиться бранью’). Ср. также другие глаголы с приставкой *вз-*, описывающие внезапный и обычно неконтролируемый переход в некоторое эмоциональное или ментальное состояние: *вспомниться*, *всполошиться*, *вскружить* (кому-то) голову, *встрепенуться*, *встревожиться*, *взбодриться*, *взбудоражиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*, *вздуриться*, *вздумалось*, *взбрело в голову*, *взыграть* (*взыграло самолюбие*). Имеется также ряд глаголов речи и издаваемых человеком (или животным) звуков: *взмолиться*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *взреветь*. Во всех этих словах идея внезапности, непредсказуемости и неконтролируемости поддерживается — или наводится — приставкой *вз-* (ср. [Gallant 1979]).

Таким образом, по-видимому, по крайней мере одним из факторов семантической эволюции слова *вздор* было давление ключевой идеи русской языковой картины мира — идеи непредсказуемости мира (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]). Заметим, что это слово обладает выдающейся частотностью в текстах Достоевского. То, что у Достоевского некоторые ключевые слова русской языковой картины мира обладают повышенной частотностью, уже отмечалось исследователями (ср., в частности, [Арутюнова 1996] о слове *как бы* и [Булыгина, Шмелев 1998] о слове *вдруг*). К этой же категории относится, по-видимому, слово *вздор*.

В Словаре русского языка XVIII века отмечаются следующие значения этого слова:

1. Ссора, распря, спор (обычно неосновательные).
2. Пустые, нелепые слова, мысли, поступки; нелепость, ерунда. [Это значение, по-видимому, следует разбить на две части: 2.1. пустые, нелепые слова, мысли; 2.2. нелепые поступки.]
3. Небольшая вещь, мелочь, безделушка.
4. Ненужная вещь, мусор.

В современном языке 1-е и 4-е значения полностью исчезли; 3-е сохранилось на периферии; что касается 2-го, то исчезла та его часть, которая касается по-ступков. Тем самым, русский язык последовательно устранил все значения слова *вздор*, относящиеся к делам и оставил только то, которое относится к словам: слово *вздор* сохранилось только в значении оценки содержания речи.

Система значений слова *вздор* может быть представлена следующим образом (порядок соответствует ходу семантической эволюции):

I. 'ссора' (*сдор*):

- (1) Славной поборник Аввакум протопоп, / да намеренный наставник, Никита поп, / Пречестный Лазарь и славный учитель Феодор, / Которые против нынешних нововерцов / Зачали дерзновенно *здор* (СРЯ XVIII);

II. 'ненужная вещь, мусор':

- (2) Сад весь зарос как лес всяким *вздором* (СРЯ XVIII);  
 (3) И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный *вздор* (Н. В. Гоголь. «Шинель»);

III. 'ссора без основания, из-за пустяка':

- (4) Пошел великий спор, Кому принадлежит находку эту скушать. И скучно было слушать, Какой об устрице был шум у них и *вздор* (СРЯ XVIII);

IV. 'не имеющий определенного назначения мелкий предмет':

- (5) Глафира Кировна любила и подарки, не те полновесные, которые отсчитывались у мужа в кабинете, а всякие модные безделки, шляпки, гребеночки, флакончики и прочий женский *вздор* (В. А. Соллогуб. «Теменевская ярмарка» (1845));  
 (6) Подушкой служат ботинки и холщовая сумка с моим имуществом — там миска с ложкой, рваная сорочка, лысая зубная щетка, раздавленная мыльница с обмылком, обломок гребня, чехол из-под бритвы, еще какой-то *вздор* (Олег Волков. «Из воспоминаний старого тенишевца» (1988));

V. 'нелепый поступок; дурацкая ситуация':

- (7) — Да разве любовь не дело? — Нет: приятное развлечение, только не нужно слишком предаваться ему, а то выйдет *вздор* (И. А. Гончаров. «Обыкновенная история» (1847));  
 (8) Куда под конец денутся мелочные угождения, беспрестанная внимательность, жажда быть вместе, слезы, восторги — все эти *вздоры*? (Там же);

VI. 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство'

- (9) Ах, та сѣге, о каком *вздоре* они говорили [= ничтожный, не стоящий обсуждения предмет]. Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую; также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал; что какая-то Лидина вооб-

ражает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые, — и тому подобное. «Куда ж, — подумала я сама в себе, — если сравнить камер-юнкера с Трезором!» Небо! какая разница! (Н. В. Гоголь. «Записки сумасшедшего»).

VII. Высказывание или последовательность высказываний, не имеющих ценности. Здесь можно различить два варианта: (а), не стоящее произнесения высказывание, т. е. высказывание глупое, бессмысленное или о ничтожном предмете; (б) ложное высказывание или высказывание о несуществующем предмете. Эти два варианта могут быть объединены формулой: высказывание (или множество высказываний) о ничтожном или несуществующем предмете, глупое, бессмысленное или ложное.

Специально обратим внимание на характер сходства употреблений типа VIIа и типа VI, ср. *о каком вздоре они говорили* = 'о каких ничтожных предметах говорили' и *какой вздор они говорили* = 'какие глупые (бессмысленные) высказывания они делали'. Разница здесь — между предметом и высказыванием об этом предмете, т. е. опять между «словом» и «делом», и эта граница очень легко проницаема, ср. объединение (не создающее каламбура) этих двух типов употребления в следующем примере:

- (10) Все, что он *делал* и *говорил* сам, казалось ему такую фальшью и ложью, таким ненужным и приторным *вздором*. ...а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю (И. С. Тургенев. «Новь» (1877));

VIIа:

- (11) Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий *вздор*, но *вздор*, которому он невольно придавал особенный для нее смысл (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (1878));

VIIб:

- (12) «Такое бессмертие мне не нужно». А какое же в таком случае нужно? И вообще, верил ли он в него, в бессмертие? Бунин вспоминает, что он *называл его вздором* [= утверждал, что его не существует] и брался доказать это, как дважды два — четыре. Но в другой раз говорил нечто прямо противоположное. «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт...» (Руслан Киреев. «Чехов. Посещение Бога» (2004));
- (13) Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас *вздор*? [= неправду] (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877)).

Здесь характерно противопоставление *вздор* — *факт* и *вздор* — *правда*. Ср. также несколько устаревшее противопоставление *вздор* — *дело* (ср. *дело говоришь, дельная вещь*) в примере (14):

- (14) [Прията:] Анюта *вздор* несет! [Анюта:] Нет, *дело*, а не *вздор* (СРЯ XVIII).

Здесь примыкает употребление, иллюстрируемое следующей группой примеров:

- (15) Как сейчас помню, что в начале 1800-х годов Дмитрий Александрович читал однажды газеты, остановился, да и говорит мне: «Представь себе, какой *вздор* печатают: будто в Америке англичане хотят устроить дорогу, по которой будут ездить без лошадей, а посредством силы паров: это значит, как в сказке будет ковер-самолет» (Д. Д. Благово. «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» (1877—1880));
- (16) Он считал переделку экономических условий *вздором*, но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (1878));
- (17) Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею как на *вздор*; но с тобой не *вздор*... Хочешь станем друзьями? (Ф. М. Достоевский. «Подросток» (1875)).

VIII. Значение, реализующееся в ответной реплике в диалоге либо в ассерции любой диалогической реплики (в отличие от предыдущего, дескриптивного типа употребления): (a) = ‘Я не хочу принимать во внимание твое мнение’; (b) = ‘Неправда’:

VIIIa [= ‘я не хочу принимать во внимание твое мнение’]:

- (18) Бабушка. [...] Я все умею, господин советник. Есть люди, которые говорят, что у меня золотые руки, господин советник.  
Советник. *Вздор*. [= ‘утверждение неинтересно и нерелевантно, не стоит внимания’] Начнем с начала. Вы, может быть, не знаете, кто я такой (Е. Шварц. «Снежная королева»).

VIIIb [= ‘неправда’]:

- (19) — Лошадей! — А где их взять? все в разгоне. — *Вздор!* Это разве не лошади? (СРЯ XVIII);
- (20) — Где? — Там... у одного знакомого. — Да *вздор*, не обедал (А. А. Григорьев. «Человек будущего» (1845));
- (21) — Конечно, его ребенок, его собственный-с, от *mademoiselle* Лидии Ахмаковой... (...) — Что за *вздор*, что за дичь! У него никогда не было ребенка от Ахмаковой! (Ф. М. Достоевский. «Подросток» (1875));
- (22) А что Федора вам насаждала на меня, так все это *вздор*; вы ей скажите, что она нагала, непременно скажите ей, сплетнице! Я нового вицмундира совсем не продавал (Ф. М. Достоевский. «Бедные люди» (1846));
- (23) Я сказал, что это происшествие меня не смутило; это — неправда, это *вздор* (И. С. Тургенев. «Новь» (1877));
- (24) *Вздор*, что старики словоохотливы, они не пред всяким выговорятся (Владимир Крупин. «Выбранные места из дневников 70-х годов» // Наш современник, 2004).

Значения VIIa и VIIb могут совмещаться — ср. пример (25), где нельзя сказать, отец не верит, что у девочки болит голова, или считает, что это несущественно:

(25) — Лиза, Иван Васильич, почивает, — отвечала жена, — уже более двух часов, как няня уложила ее в постельку... У нее, у бедняжки, целый день болела головка... — *Вздор!* принести ее сюда! (И. И. Панаев. «Барышня» (1844)).

Модель семантической деривации слова *вздор* может быть представлена следующим образом:

- (I) 'ссора' (*сдор*) + (II) 'ненужная вещь, мусор' (*вздор*)  
 → (III) 'ссора без основания, из-за пустяка' (замена *с-* на *вз-*)  
 → 'пустяк':  
 (IV) 'мелкий или ненужный предмет'  
 (V) 'нелепый поступок'  
 (VI) 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство'  
 (VII) 'совокупность глупых, бессмысленных или ложных высказываний' (дескриптивное употребление): *нести всякий вздор*  
 (VIII) 'глупое, бессмысленное или ложное высказывание' (реплика в диалоге): — *Вздор!*

Таким образом, финальным этапом семантической деривации является значение верифицируемого ложного мнения<sup>1</sup>, т. е. здесь отчетливо проступает эволюция от «дела» к «слову». В XVIII в. значение ложного мнения (диалогическое) было периферийным, а к середине XIX в. оно становится центральным. В современном языке имеются лишь употребления VII и VIII; в XIX в. были актуальны также значения (IV)—(VI) (которые сохранились в качестве периферийных и в XX в.).

Слово *вздор* является мощным орудием словесной войны. В пьесе Е. Шварца «Снежная королева» диалог Советника с бабушкой целиком построен на том, что Советник говорит «Вздор!» в ответ на высказывания разного рода (касающиеся как устройства мира, так и конкретных фактов); эта реплика во всех случаях используется как средство недифференцированной низкой тимиологической (согласно [Пеньковский 1995]) оценки и служит для утверждения говорящим своего превосходства и подчинения окружающих его воле (такая капризная авторитарность, не терпящая возражения). Поэтому когда Советник все-таки проигрывает спор, он говорит «Да ведь это бунт» — поскольку цель подчинения, которую преследовала реплика «Вздор!», не достигнута.

<sup>1</sup> Ср. структуру полисемии слова *напрасно*, где реализуется аналогичный путь семантической деривации: от идеи пустого, бессмысленного, неэффективного (*напрасный труд*) к идее ложного мнения (*напрасно ты так думаешь* = 'это неверно', см. [Зализняк 1990/2006]).

Советник. ⟨...⟩ Итак, повторяю: вам повезло, хозяйка. Вы бедны?

Бабушка. И да и нет. Деньгами — небогата. А...

Советник. А остальное — *вздор* [= 'не имеет значения']. Перейдем к делу.

Я узнал, что у вас среди зимы расцвел розовый куст. Я покупаю его.

Бабушка. Но он не продается.

Советник. *Вздор* [= 'неверно': *не продается* значит 'не может быть так, чтобы он был продан'; Советник отрицает это частное утверждение].

Бабушка. Уверю вас. Этот куст все равно что подарок. А подарки не продаются.

Советник. *Вздор* [отвергает данное общее суждение: оно не стоит рассмотрения в силу своей ничтожности].

Бабушка. Поверьте мне! Наш друг, студент-Сказочник, учитель моих ребятшек, уж так ухаживал за этим кустом! Перекапывал его, посыпал землю какими-то порошками, даже пел ему песни.

Советник. *Вздор* [одновременно: 'пустое занятие петь песни цветку' и 'это ложь, такого не было'].

⟨...⟩

Советник. ... И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам и этим гадким детям.

Бабушка. Это очень хорошие дети.

Советник. *Вздор* [одновременно: 'неправда, что это хорошие дети' и 'ваш аргумент ничтожен']. Вы подумайте только: двести талеров за самый обыкновенный розовый куст!

Бабушка. Это не обыкновенный куст, господин советник. Сначала на ветках его появились бутоны, совсем еще маленькие, бледные, с розовыми носиками. Потом они развернулись, расцвели, и вот цветут, цветут и не отцветают. За окном зима, господин советник, а у нас лето.

Советник. *Вздор* [прочитывает последнее высказывание как верифицируемое и утверждает его ложность]. Если бы сейчас было лето, лед поднялся бы в цене.

Бабушка. Эти розы — наша радость, господин советник.

Советник. *Вздор, вздор, вздор!* Деньги — вот это радость. Я вам предлагаю деньги, слышите — деньги? ⟨...⟩

Бабушка. Господин советник, есть вещи более сильные, чем деньги.

Советник. Да ведь это бунт!

Итак, слово *вздор* имеет два разных истока: 'ссора' и 'мусор' (→ 'ненужная вещь. бессмыслица, небылица'). При этом существительное *вздор* первое значение утратило, а в прилагательном остались оба. *Вздорный* означает: 1) склонный к ссорам (беспричинным взрывам эмоций несогласия, вражды): *вздорная женщина, вздорный старик, вздорный характер*; 2) дурацкий, ерундовый, ложный: *вздорная мысль* (= 'неправильная, не имеющая оснований'); ср.:

(26) Майора ужаснула мысль, что вода отравлена, но тут же, по свойственной ему логике мышления, он отогнал эту мысль как *вздорную*: откуда у старика яд, и потом он так спокойно ведет себя (В. Кожевников. «Щит и меч» (1968));



- (27) — А теперь, — откровенность за откровенность. Стрельников, о котором вы рассказывали, это муж мой Паша, Павел Павлович Антипов, которого я ездила разыскивать на фронт, и в мнимую смерть которого с такою правотою отказывалась верить. — Я не поражен и подготовлен. Я слышал эту басню и считаю ее *вздорной*. Оттого-то я и забылся до такой степени, что со всей свободой и неосторожностью говорил с вами о нем, точно этих толков не существует. Но эти слухи бессмыслица. Я видел этого человека (Б. Пастернак. «Доктор Живаго» (1945—1955)).

Следующий пример интересен в том отношении, что одно значение как бы притягивает к себе другое:

- (28) Это была *вздорная* женщина, которая, как он выразился, прожила свою жизнь, задумавшись раз навсегда о какой-то *ерунде*, затем влюбилась в него, и это заполнило все ее существование (Гайто Газданов. «Призрак Александра Вольфа» (1947)).

Слово *вздор* в современном русском языке является уходящим. По данным Национального корпуса русского языка, в настоящее время его частотность по сравнению с серединой XIX в. уменьшилась примерно в 50 раз. Приведем цифры по десятилетиям (в скобках указана частотность из расчета на миллион словоупотреблений):

с 1840 по 1849	214 на 2 млн.	(= 107)
с 1850 по 1879	1056 на 11,5 млн.	(= 91,8)
с 1880 по 1889	173 на 2,6 млн.	(= 66,5)
с 1890 по 1899	124 на 3,6 млн.	(= 34,4)
с 1900 по 1919	223 на 7,7 млн.	(= 29)
с 1920 по 1939	313 на 14, 2	(= 22)
с 1940 по 1979	218 на 13,4	(= 16,3)
с 1980 по 1989	58 на 7 млн.	(= 8,3)
с 1990 по 1999	107 на 19 млн.	(= 5,63)
после 2000:	114 на 53 млн.	(= 2,15)

Отдельный интерес представляет, на наш взгляд, статистика употребления этого слова у разных русских писателей:

Достоевский	353 на 1,9 млн. (= 185,8)
Лесков	230 на 1,25 млн. (= 184)
Гоголь	50 на 0,4 млн. (= 125)
Толстой	87 на 2,1 млн. (= 41,4)
Булгаков	11 на 0,12 млн. (= 91,7)
Набоков	19 на 0,42 млн. (= 45,2)
Чуковский	10 на 1,4 млн. (= 7,1)
Платонов	0
Шолохов	0

## ЛЪСТИТЬ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИСЕМИЯ\*

Как известно, слово *лесть* представляет собою заимствование из древнегерманского *list* ‘хитрость, уловка’ [Фасмер, II: 487]. От этого существительного был образован глагол *лѣстити*, который в свою очередь оказался мотивирующим для производного имени деятеля *лѣстец*. Именно значения, связанные с обманом, были основными значениями указанных слов в древнерусском языке (в словаре Срезневского у существительного *лѣсть* в качестве первого значения указывается ‘обман, хитрость’, у глагола *лѣстити* первое значение — ‘обманывать’ [Срезневский 1994: 68]). Эти значения сохранились до настоящего времени в церковнославянском языке, как, напр., в отрывке из Евангелия от Матфея (27, 63—64), который каждый год читается на утрени Великой пятницы: «помянухом, яко *лѣстец* он рече, еще сый жив: по триех днех востану: повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы его ношью украдут его и рекут людем: воста от мертвых: и будет последняя *лѣсть* горша первая» (ср. синодальный перевод на русский язык: «Мы вспомнили, что *обманщик* Тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний *обман* хуже первого»).

В современном русском языке значение обмана у всех трех слов (*лесть*, *лѣстити*, *лѣстец*) утрачено. Эти слова описывают очень специфический тип введения в заблуждение, когда некто неискренне хвалит адресата речи, с тем чтобы доставить ему удовольствие, этим вызвать к себе его расположение и получить какую-то выгоду, ср.:

- (1) Оказалось, что ты все врала, *лѣстила* мне, чтобы выманить больше денег, а вещи, мол, у меня сохраняются и можно в любое время у меня их забрать... (гуссогора).

Назовем это ситуацией «лести». Обратим внимание на то, что для существительных *лесть* и *лѣстец* использование по отношению к ситуации «лести» является единственно возможным, тогда как глагол *лѣстити* и его видовой коррелят

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2008].

*польстить* подверглись дальнейшей семантической эволюции и приобрели еще одно значение, о котором речь пойдет несколько позже.

В типичном случае *лесть* осуществляется «снизу вверх»: подчиненные *льстят* начальникам, подданные могут *льстить* властителям. Это обусловлено тем, что *льстец* надеется получить от адресата «лести» какие-то блага и тем самым в той или иной степени зависит от него. Но возможна *лесть* и со стороны того, кто не находится в «ниже» в социальной иерархии, а просто оказался в ситуативной зависимости от адресата. Прототипическая ситуация «лести» для носителей русской культуры изображена в басне Крылова «Ворона и Лисица», где преимущество Вороны, выражающееся в обладании сыром, отражено еще и в том, что она находится наверху, а Лисица внизу, и тем самым *лесть* Лисицы направлена как бы «снизу вверх».

С другой стороны, похвалы *льстеца* могут представлять для адресата ценность только в том случае, если адресат признает за ним достаточную компетентность, чтобы высказывать суждение. Слова ребенка, говорящего матери: «Мама, ты такая красивая, такая умная, такая хорошая! Купи мне велосипед!», могут быть описаны как *лесть* только в шутку.

*Лесть* может быть успешной или неуспешной. Успех *лести* состоит в том, что ее адресат принимает похвалы за чистую монету, в результате чего *льстец* получает желаемое; при этом часто адресат успешной *лести* терпит ущерб:

- (2) Любил войти в доверие, *польстить*, растрогать, а потом — обокрасть да поиздеваться... (И. Грекова).

Если адресат идентифицировал чьи-то слова как *лесть*, то есть понял, что похвалы были неискренни, то в этом случае *лесть* не достигает цели. Поэтому задача *льстеца* — скрыть тот факт, что он *льстит*<sup>1</sup>. В этом отношении различаются *грубая* (т. е. неприкрытая) и *тонкая лесть* (когда неискренность говорящего хорошо замаскирована).

С другой стороны, поскольку *лесть* представляет собою действие, включающее в себя обман и осуществляемое с корыстными целями, она обычно осуждается. Поэтому человек, высказывающий похвалы кому-то, от кого он тем или иным образом зависит, часто сопровождает эти похвалы уверениями в том, что они не содержат *лести* (ср. известные строки Пушкина *Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: Я смело чувства выражаю, / Языком сердца го-*

<sup>1</sup> Поэтому невозможно перформативное употребление глагола *льстить*: выражения типа *я льщу* возможно либо в контексте *не подумай, что...*, либо при оценке собственного речевого поведения *post factum*; ср.: — *Кто говорит!* — *поспешил я ответить, — все бывает. Я ведь вот уверен, что тебя кто-нибудь обидел и скорей перед тобой виноваты, чем ты перед ними. Я ведь ничего из твоей истории не знаю, но такая девушка, как ты, верно, не с охоты своей сюда попадет...* — *Какая такая я девушка? — прошептала она едва слышно; но я расслышал. «Черт возьми, да я льщу. Это гадко. А может, и хорошо...» Она молчала* (Достоевский. «Записки из подполья»).

ворю), — как в случае, если он на самом деле *льстит*, так и в том случае, когда он высказывает искреннюю похвалу. Различить эти два случая практически невозможно, поскольку уверения в искренности вовсе не обязательно означают, что высказываемые похвалы реально не являются *лестью*; напротив того, часто они только усиливают подозрения в неискренности; ср. комментарий Войновича по поводу девиза на гербе графа Аракчеева: *Граф Аракчеев называл себя преданным без лести, то есть льстил, однако потоньше*<sup>2</sup>.

Наряду с только что рассмотренной, глагол *льстит* и его видовой коррелят *польстить* могут описывать ситуацию иного типа, которую мы назовем «польщенностью». «Польщенность» уже не включает идею обмана и вообще не соотносится с речевым действием. Соответствующее значение чаще всего реализуется в конструкции *Z льстит / польстило Y-у*, где *Z* — обстоятельство или высказывание, свидетельствующее, что некий *X*, мнение которого почему-либо важно для *Y*-а, высоко оценивает те или иные качества *Y*-а, и эта оценка приятна *Y*-у. В этом случае *Y* чувствует себя *польщенным*; *Y*-у *лестно*, что имеет место *Z*. Обратим внимание на то, что ни пассивное причастие *польщенный*, ни предикатив *лестно*, используемые в ситуации «польщенности», не могут соотноситься с рассмотренной выше ситуацией «лести». Более того, если *Y* распознал, что имела место *лесть*, о «польщенности» не может быть речи. Иными словами, ситуация «лести» совместима с ситуацией «польщенности» только в том случае, если адресат «лести» счел похвалу искренней и поверил ей; в этом случае он чувствует себя *польщенным* (как Ворона в басне Крылова).

Приведем примеры:

- (3) Оба мнения мне страшно *льстят* (Елена Хаецкая, *ruscogroga*);
- (4) О нем заговорили печатно — это было для него новостью... Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно *польстило* (Гоголь);
- (5) ...разнообразие занятий московских армян производило нужное впечатление: от главврачей и маршалов до народных артистов и руководителей предприятий. Перечень имен *польстил* моему пробуждающемуся армянскому самосознанию (Максим Ассимилян. Москва армянская // «Столица», 1997.10.28);
- (6) Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь: — Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий. Это *польстило* ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варят у них борщ с красненькими и с синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто — ужас!» (Чехов);
- (7) Ничто не может так *польстить* русским, как признание за ними исключительных умений и возможностей — от математической одаренности нации

<sup>2</sup> В. Войнович. Преданные с лестью // «Невское время», 25.04.2003.

(один из основных предметов гордости России) до богатства ресурсов (Сергей Сумленный. Россия и Европа — границы в головах // «Европа», 2001.06.15, guscoroga).

Это значение возможно также в конструкции *X польстил Y-у Z-ом*:

- (8) Не знаю, чем было объяснить их снисходительность: может, я *польстил* им своим восторгом (Андрей Битов).

В отличие от ситуации «лести», в ситуации «польщенности» эта конструкция синонимична конструкции *Z льстит / польстило Y-у* (ср.: *мой восторг польстил им*).

В центре ситуации «польщенности» находится субъект *Y*, который испытывает некоторые приятные ощущения, вызванные тем, что чье-то мнение (эксплицитно выраженное или выводимое из каких-то поступков или высказываний) тешит его тщеславие (ср. частотность словосочетания *льстить чьему-либо самолюбию*).

Как уже говорилось, помимо *льстить / польстить*, в ситуации «польщенности» используются пассивное причастие *польщенный* (часто в краткой форме) и предикатив *лестно*. Это, разумеется, не случайно. Как пассивное причастие, так и предикатив в конструкции с дательным падежом субъекта специализируются на передаче внутренних состояний (ср., соответственно, *огорчен, удивлен, встревожен; мне приятно, интересно, совестно, обидно* и т. п.)<sup>3</sup>:

- (9) — Тебе это интересно? — спросила я, *польщенная* (И. Грекова);  
 (10) И вот из МХАТа сообщают: Вайда намерен в собственном театре по-своему инсценировать «Петушки», и уже в 89—90-м годах сделать по «Петушкам» фильм! Веничка ответил, что он целиком полагается на его вкус и интеллект, поскольку считает его непревзойденным режиссером из живущих. Ерофееву ответили, что Вайда будет чрезвычайно *польщен* такой оценкой его творчества (Наталья Шмелькова. «Последние дни Венедикта Ерофеева» (2002), guscoroga);  
 (11) Он протер толстые стекла очков и сказал: — А я и не знал, что моя статейка кому-то пригодилась. *Польщен*. — Что вы, товарищ профессор, кто же из зенитчиков вашего метода не знает? Мне даже на экзамене он попался (И. Грекова);  
 (12) Угощают старика да наговаривают: одна надежда на тебя. Коли тебе не в силу, к кому пойти? Старик *лестно* такое слушать... (П. П. Бажов. «Орлиное перо» (1945));  
 (13) Солдату скорее всего будет *лестно*, если столь авторитетный командир обратится к нему в неофициальной обстановке, назовет по имени, расспросит

<sup>3</sup> Обратим внимание на то, что пассивное причастие *польщенный* образовано от формально непереходного глагола *польстить* (кому), что, скорее всего, свидетельствует о повышении статуса участника *Y* в ситуации «польщенности» (по сравнению с ситуацией «лести»).

о делах, даст хороший совет (Д. Говорун. Формы и методы работы младших командиров по формированию у подчиненных дисциплинированности и исполнительности // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03, ruscoiproga).

В каких же случаях человек бывает *польщен*? Как уже говорилось, стимулом к состоянию *быть польщенным* является чье-то высокое мнение о твоих способностях. Так, напр., *лестным* для человека может оказаться ревность со стороны «соперников», чье-то внимание к его даме, приглашение посетить престижный ресторан и т. п.:

- (14) ...уловив в этом и в тоне некую ревность, что ему опять *польстило* (Андрей Битов);
- (15) Внимание, оказанное его даме, очевидно, ему *польстило* (Григорович);
- (16) Так мы и жили, неплохо по советским меркам зарабатывая, пользуясь кое-какими привилегиями — домами творчества, специальной поликлиникой, оплаченным бюллетенем, недурным ведомственным рестораном, побывать в котором всем прочим гражданам было весьма *лестно* (А. Макаров. Писать или жить // «Профессионал», 1998, ruscoiproga).

Обычно человек бывает *польщен*, когда ему оказывают внимание. Но бывает, что внимание оскорбляет самолюбие, а *лестит* как раз его отсутствие:

- (17) Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это *польстило* ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего (Пушкин. «Арап Петра Великого»).

Следует упомянуть также о существовании некоторых «промежуточных» случаев (или «совмещения значений»). Так, в конструкции *X польстил Y-у (Z-ом)* не всегда ясно, идет ли речь о ситуации «лести» или «польщенности» из-за того, что неизвестно, был ли X искренним в своей похвале:

- (18) — А сколько вам лет? — почему-то полюбозыгрывал он, пристально всматриваясь в меня. — А как вы думаете? — Лет тридцать с небольшим, — *польстил* он мне. — Двадцать четвертый пойдет с августа, — ого-рошил я его (А. И. Левитов. «Степная дорога днем», ruscoiproga).

Здесь неизвестно, действительно ли он так оценил возраст адресата и тем самым доставил ему удовольствие ненамеренно или сделал это нарочно. Точно так же в примере (19) оборот *нельзя было лучше польстить ему, как сказав...* может пониматься двояким образом: это лучший способ доставить ему удоволь-

стве (достичь «польщенности») или лучший способ достичь корыстных целей (при помощи «лести»).

- (19) ...он ненавидел все русское, и нельзя было лучше *польстить* ему, как сказав, что он по выговору, привычкам своим и наружности представляет совершеннейший тип француза или англичанина (Григорович).

Несколько иной тип промежуточности представлен в высказывании *Вы мне льстите*, которое в наиболее естественном понимании означает: 'вы преувеличиваете мои достоинства' [Булыгина, Шмелев 1997а: 187]. Иными словами, это высказывание не содержит ни обвинения собеседника в неискренности (ситуация «лести»), ни на полученное удовольствие (ситуация «польщенности»).

Дальнейшая семантическая эволюция произошла с прилагательными *лестный* и наречиями *лестно*. Она состоит в том, что человек Y и его ощущения уходят на второй план. X *лестно отозвался* (дал *лестный отзыв*) о книге Y-а означает, что X высоко оценил книгу Y-а и говорящий считает, что если Y узнает об этом отзыве, ему будет *лестно*:

- (20) Специалисты отзываются о новом приобретении только *лестно* («Горная промышленность», 2004, гуссогорога);  
(21) Последняя работа молодого уральского коллектива получила самые *лестные* оценки критики («Культура», 2002.04.01, гуссогорога).

Отметим, что *лестный* и *лестно* в этом значении — это чисто оценочные слова, которые могут присоединять отрицание (*нелестно отозвался*, *нелестный отзыв*), в отличие от предикатива *лестно* (ср. \*X-у *нелестно*, что...):

- (22) Он дал весьма *нелестные* характеристики варианту армейской модернизации, который лоббируют Министерство обороны и Генеральный штаб (Максим Гликин, Иван Родин. Думцы обсудили с Путиным военную реформу // «Независимая газета», 2003.03.31, гуссогорога);  
(23) Все помнят, что весной прошлого года президент России весьма *нелестно* отзывался о планах правительства обеспечить стране 5—6-процентный экономический рост к 2005 году (Наталья Ильина, Анастасия Скогорева. Новая программа со старыми идеями // «Газета», 2003, гуссогорога).

Тем не менее *лестно* или *нелестно* отозваться можно не о любом объекте, а только о таком, который находится в зоне ответственности некоторого Y-а (тем самым Y устраняется из ситуации не полностью). Нельзя *лестно / нелестно отозваться* о климате в Бразилии или о вкусе купленного вчера вина, но можно — о дизайне парка или качестве вина на чем-то приеме.

Наряду с глаголом *льстить* в русском языке существуют отчасти устаревающие приставочные производные *прельстить / прельщать*, который обозначает в зависимости от одушевленности субъекта контролируемое или неконтролируемое соблазнение [Булыгина, Шмелев 1997а: 184], а также *обольстить / обольщать*, который всегда обозначает контролируемое соблазнение. Слово *прельсть*,

за исключением религиозных контекстов, утратило — по-видимому, уже в пушкинскую эпоху — свою внутреннюю форму и, соответственно, отрицательные коннотации (ср. обсуждение возникающих в связи с этим проблем при толковании строки Пушкина *Чистейшей прелести чистейший образец* в статье [Перцов 2000]).

Итак, глагол *льстить* и его производные претерпели следующую семантическую эволюцию. Первый шаг состоял в сужении идеи ‘обмана’ до его очень частного случая: намеренного преувеличения достоинств адресата речевого акта. Второй шаг — перенос акцента на фигуру адресата и приятное ощущение, доставляемое ему высокой оценкой его достоинств. Наконец, на третьем шаге субъект этого приятного ощущения также уходит в тень и центральным оказывается компонент положительной оценки.



# РУССКИЙ ЛЕКСИКОН В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

---

*А. Д. Шмелев*

## РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА «ЗАПАДНЫЕ» КОНЦЕПТЫ: ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ \*

### Вступительные замечания

Как известно, в каждом языке есть свои особые концептуальные конфигурации, которые закрепляются в значении языковых единиц и принимаются говорящими на данном языке как нечто само собой разумеющееся; совокупность представлений, соответствующих этим концептуальным конфигурациям, называется языковой картиной мира. Языковая картина мира формируется неявными компонентами значений языковых выражений, т. е. теми компонентами, которые не попадают в фокус внимания в процессе повседневной коммуникации, люди на них не обращают внимания и полагают, что таким образом и устроен мир, и только при знакомстве с другими языками иногда с удивлением обнаруживают, что их носители воспринимают мир иначе. В этом смысле изучение языковых контактов и трудностей, возникающих при межкультурной коммуникации, позволяет обнаружить такие особенности языковой концептуализации мира, которые изнутри одного языка скорее всего остались бы незамеченными. В частности, весьма показательны восприятие носителями языка иноязычных концептуальных конфигураций, отсутствующих в родном языке.

В нижеследующей заметке речь пойдет о языковых данных, свидетельствующих об особенностях рецепции концептов «западной» культуры русским языковым сознанием. В связи с этим сразу же необходимо сделать замечание. Сама постановка вопроса о рецепции «западной» культуры русским сознанием основана на стереотипном противопоставлении России и «Запада», ставшем почти общим местом во множестве сопоставительных культурологических публикаций. Как и многие стереотипы, данное противопоставление обобщает — пусть грубо и неточно — наблюдения над действительным положением вещей и за-

---

\* В основу статьи положены доклады, прочитанные на Круглом столе по проблемам «русскости» (Хельсинки, 15—18 октября 2008 г.), на конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 26—29 апреля 2009 г.) и на конференции «История понятий в свете истории русской культуры» (Москва, 23—24 октября 2009 г.).

служивает изучения. Кроме того, в течение долгих лет этот стереотип мог быть основан на очевидном контрасте между Россией, находящейся под властью коммунистов, и свободным западным миром. Однако, как и всякий стереотип, это противопоставление не может использоваться как инструмент научного анализа. Оно не учитывает глубоких различий между разными «западными» культурами (скажем, финской и итальянской культурой), во многих случаях не меньшими, нежели различия между русской культурой и каждой из этих «западных» культур. Впрочем, механизмы рецепции «западных» концептов русским языковым сознанием могут рассматриваться в отвлечении от того, какой именно из «западных» культур принадлежит тот или иной концепт.

Отметим также, что сочетание «русское языковое сознание» также предполагает некоторую абстракцию (разумеется, не предполагается тождество сознания всех носителей русского языка). Это особенно важно подчеркнуть, поскольку, когда речь идет о сопоставлении русских языковых выражений с их иноязычными аналогами, часто различия оказываются довольно тонкими и трудноуловимыми, так что может обнаружиться, что внутриязыковые различия (напр., разное понимание одного и того же выражения носителями языка) более значительны, нежели различия между языками. Так, обсуждая отличия русского слова *друг* и его английского аналога *friend* (в американском варианте английского языка), следует иметь в виду, что расхождения индивидуальных представлений разных носителей языка в отношении того, какие требования предъявляются к *другу*, могут быть достаточно существенны [Шмелев 2003б].

При этом полезно иметь в виду, что «наивные» носители языка, сталкиваясь с культурными различиями, не всегда ясно отдают себе отчет в том, идет ли речь о межъязыковом семантическом различии или о культурном различии при семантическом тождестве выражения и его аналога. Приведем показательный отрывок из статьи «Дружба по-американски», опубликованной в газете «Известия» 16 октября 2003 г. Автор статьи, Ада Баскина, пишет:

Когда едва ли не каждый новый знакомый после второй-третьей встречи называл меня своим другом, я поняла, что, очевидно, современное употребление слова «friend» не совсем соответствует его традиционному словарному значению. Дружба в представлении американцев нечто весьма своеобразное, отличное от норм, принятых в других обществах. Вот как ностальгически описывает дружбу по-русски знаменитый танцовщик Михаил Барышников: «В России вы делитесь своими проблемами с друзьями. Это узкий круг людей, которым вы доверяете. И от которых получаете то же отношение. Беседа с друзьями становится вашей второй натурой. Потребностью. Скажем, ваш друг может прийти к вам в дом рано утром, без звонка, и вы встаете и ставите на огонь чайник». Позвольте, но разве у американцев это не так? Нет, не так...

Видно, что автор статьи колеблется между двумя способами говорить об отмеченном ею явлении: дело то ли в семантическом различии слов *друг* и *friend*,

то ли в различном отношении к феномену дружбы и друзьям в русской и американской культуре.

Предлагаемый ниже анализ (по необходимости краткий и схематичный) основан на представлении, согласно которому языковым показателем наличия в культуре того или иного значимого для нее концепта является наличие в языке, обслуживающем данную культуру, языковой единицы, кодирующей данный концепт. Соответственно, предполагается, что если концепт отсутствует в русской культуре (хотя в ней могут иметься его более или менее близкие аналоги) и тем самым воспринимается как «западный», то в русском языке мы не находим языковой единицы, которая бы ему в точности соответствовала. Поэтому при необходимости говорить по-русски возникает проблема передачи нужного смысла средствами русского языка. Для такой передачи может использоваться заимствование из иностранного языка, обслуживающего культуру, которой принадлежит данный концепт, или же русский аналог иноязычного слова (подобно тому как для обозначения некоторой роли в футбольном матче может использоваться заимствованное слово *голкипер* или русский, а исторически церковнославянский аналог *вратарь*). При этом русский аналог может создаваться посредством морфологической или семантической кальки; особым случаем семантической кальки является вторичное заимствование, которое имеет место, когда для передачи смысла, порождаемого рецепцией «западного» концепта, используется ранее заимствованное слово, которое прежде использовалось для передачи какого-то иного смысла (скажем слова *интерес* и *интересный*, первоначально заимствованные в значении выгоды, стали использоваться для заимствованной с Запада новой категории, связанной с чем-то занимательным). Однако во всех случаях имеет место появление в русской речи некоторой новой единицы: даже если используется план выражения единицы, уже существовавшей в языке, план содержания оказывается новым. При этом важно, что план содержания, как правило более или менее отличается от значения соответствующего языкового выражения в языке-источнике. Он создается как результат восприятия «западного» концепта носителями русской культуры и несет на себе черты адаптации этого концепта к особенностям русской языковой картины мира. Пути такой адаптации и рассматриваются далее.

Следует различать два основных способа такой адаптации: «ассимиляция» заимствуемого концепта, т. е. «встраивание» его в русскую языковую картину мира (при этом концепт подвергается более или менее существенной трансформации) и «усвоение» заимствуемого концепта (при этом более или менее существенной трансформации подвергается соответствующий фрагмент языковой картины мира). В целом можно сказать, что «ассимиляция» заимствуемого концепта чаще имеет место при заимствовании, тогда как «усвоение» происходит в тех случаях, когда используется русский аналог иноязычного выражения (возможно, ранее заимствованный); однако однозначной зависимости здесь нет

Рассмотрим разновидности каждого из названных способов адаптации.

### «Ассимиляция» заимствуемого концепта

Часто оказывается, что «ассимиляция» происходит не сразу: сначала заимствуется не только фонетический облик иноязычного выражения (разумеется, с необходимой адаптацией), но и его семантика, а затем адаптации подвергается и значение. Так, заимствованное слово *деликатный* первоначально (в XVIII и в начале XIX в.) употреблялось в русском языке в соответствии со всем спектром значений, которое имеет исходное французское слово *délicat* ‘нежный, тонкий; вкусный; хрупкий; щекотливый; впечатлительный; тактичный; прихотливый’. Особенно часто оно использовалось для характеристики изысканных кушаний (ср. сохранившееся до настоящего времени слово *деликатес*). Ср.:

Я нигде не видал *деликатнее* стола, как в нашем трактире (Денис Фонвизин);  
 ...он заказал самый *деликатный* обед в лучшем из тамошних трактиров (Василий Нарезный);  
 ...обед ее всегда вкусен, *деликатен*... (Надежда Дурова);  
 Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье и ходить и *деликатные* разные супы кушать... (Николай Гоголь).

Однако пристальное внимание к рафинированности, изысканности, утонченности вкуса, предполагаемое заимствованным концептом, не характерно для русской культуры. Не удивительно, что уже ко второй половине XIX в. рассматриваемое прилагательное значительно сузило значение и стало употребляться преимущественно для оценки тактичного поведения в сфере человеческих отношений. Это соответствует особому вниманию к нюансам отношений между людьми, характерному для русской языковой картины мира и отраженному в целом ряде русских лингвоспецифичных языковых единиц (ср. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]). *Деликатным* называют человека, который более всего заботится о том, чтобы не поставить другого в неловкое положение, не причинить ему душевный дискомфорт. Ср. отрывок из воспоминаний Константина Паустовского «Далекие годы», в котором объясняется сущность понятия *деликатности*:

Попутно Селиханович учил нас и неожиданным вещам — вежливости и даже деликатности. Иногда он задавал нам загадки. «Несколько человек сидят в комнате, — говорил он, — Все кресла заняты. Входит женщина. Глаза у нее заплаканы. Что должен сделать вежливый человек?» Мы отвечали, что вежливый человек должен, конечно, тотчас уступить женщине кресло. «А что должен сделать не только человек вежливый, но и *деликатный*?» — спрашивал Селиханович. Мы не могли догадаться. «Уступить ей место спиной к свету, — отвечал Селиханович, — чтобы заплаканные ее глаза не были заметны».

Наряду с этим, прилагательное *деликатный* используется для характеристики ситуаций, разрешение которых требует *деликатного* отношения, напр. *деликатное дело*, *деликатный вопрос*, *деликатное поручение*. Прочие значения данного прилагательного почти полностью вышли из употребления (и, скажем в сло-

варе [Ожегов, Шведова 1992] вовсе не упоминаются). Тем самым «западный» концепт был переосмыслен и «встроен» в русскую языковую картину мира как обозначение одной из важных культурных ценностей<sup>1</sup>.

Любопытный семантический сдвиг претерпело французское слово *courage* ‘храбрость, мужество, бодрость’, которое при заимствовании в русский язык (в виде слова *кураж*) существенно изменило свое значение и, втянувшись в поле лингвоспецифичных слов *удаль, размах, загул*, отсылающих к сквозному мотиву «широты», в результате оказалось в числе трудно переводимых русских слов. Слово *кураж* по-русски означает не столько ‘смелость’ (и уж конечно не ‘мужество’), сколько раскрепощенность, отсутствие тормозов; это то, что бывает нужно актерам, выступающим перед публикой, или спортсменам. В русской культуре существует представление, согласно которому такое состояние успешно достигается путем употребления алкогольных напитков (ср. *выпить для куража* или *для куражу*):

Сотрудник, оставшись один, налил себе еще *для большего куража* и независимости, выпил, закусил... (Федор Достоевский);  
Да она и не была пьяна, просто чуть *вытила для куражу* (Юрий Трифонов);  
Берем с собой коньяк, *выпьешь для куража*, обратно твою машину поведу я (Вениамин Смехов).

Ср. также примеры из «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ):

Было видно, что он к тому же еще и *выпил для куража* (Сергей Осипов. «Страсти по Фоме». Книга первая. «Изгой» (1998));  
В нэповские годы здесь пели под гитару хулиганские есенинские песни, задирали прохожих, *тили для куражу*, дрались, лушили семечки, соревновались в ухарстве и доблести и мечтали о романтике... (Георгий Жженов. «Прожитое» (2002)).

Это приводит к тому, что *кураж* начинает устойчиво ассоциироваться с выпивкой — ср. выражение *пьяный кураж* (в который можно *впасть* или который можно *устроить*):

Да что об этом толковать в *пьяный кураж* впавшему человеку (Виктор Астафьев);  
А ведь тоже был пьяный. Крепко поругались в семье. Все на него: жена, дочка и сын. И тот же *хмельной кураж*: «Не уважаете...» (Борис Екимов).

---

<sup>1</sup> В настоящее время прилагательное *деликатный* заново заимствуется из западных языков (при этом, скорее всего, не из французского, а из английского языка) и употребляется, напр., в таких сочетаниях, как *деликатная ткань* или *деликатная стирка*, снова «расширяя» свое значение. Такое вторичное заимствование расшатывает сложившийся фрагмент русской языковой картины мира, в котором понятие деликатности занимает весьма важное место и как бы сводит на нет долгую работу русского языка по «оттачиванию» значения этого слова [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2006: 125—126].

Ср. примеры из НКРЯ:

Однажды я в пьяном кураже наставил на нее пистолет и прохрипел: «Щас пристрелю тебя, паскуду интеллигентскую!» (Эдуард Володарский. «Дневник самоубийцы» (1997));

...трое жителей Набережных Челнов приехали к знакомому егерю поохотиться и устроили пьяный кураж (Никита Олейников. «Вот и поохотились...» // «Вечерняя Казань», 2003.01.11);

повод для пьяного куража и большой драки (Буйда Юрий. У кошки девять смертей // «Новый Мир», 2005).

Более того, слово *кураж* в первой половине XIX в. обозначало не только раскрепощенное поведение под воздействием алкогольных напитков, но и сами эти напитки и вызываемое ими опьянение (однако такое употребление не закрепилось в языке):

...он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько *под куражем*, или, как выражалась жена его, «осадился сивухой, одноглазый чёрт» (Николай Гоголь);

Ноздрев захлебнув *куражу* в двух чашках чаю, конечно не без рома, врал немилосердно (Николай Гоголь).

Интересно, что состояние куража часто воспринимается как специфически «русское», находящееся в одном ряду с *тоской* и *надрывом*, как в следующих примерах из НКРЯ:

В далеком полутемном углу кто-то с *тоской* и *куражом* рвал гармошку и насадно пел что-то все... (Митьки. «Зимняя муха» (1992));

Ее низкий грудной голос нельзя назвать концертным, но в нем есть все, что так близко русской душе: *и кураж*, и свобода, *и тоска* о чем-то безвозвратно ушедшем (Варвара Синицына. «Муза и генерал» (2002)).

Здесь, как и в случае *деликатности*, «западный» концепт при заимствовании был переосмыслен и стал «своим».

Но часто бывает так, что переосмысление «западного» концепта отражает отчужденное и, как правило, в той или иной степени искаженное восприятие соответствующей «западной» ценности. Так, в польском языке есть слово, обозначающее одну из важнейших ценностей польской культуры (и, соответственно, польской языковой картины мира), — *honor* (не вполне точный перевод — ‘честь’). Оно предполагает жертвенность и чувство собственного достоинства, не позволяющее унижаться и отступать от собственных принципов ради выгоды или избавления от опасностей. Хорошей иллюстрацией того, что в польской культуре стоит за этим концептом, может служить эпизод из киносценария Александра Солженицына «Знают истину танки» — когда восстание заключенных давят при помощи танков, один лишь поляк Гавронский не теряет достоинства:

Бьют, как попало, над головами! над самыми головами!! И кричат остервенело сами же:

— На землю!.. Ложи-ись!.. Все ложись!..

Как ветер кладет хлеба — так положило волной заключенных. В пыль! на дорожку! (может, и убило кого?)

Все лежат!

Нет! Стоит один!

пальба беспорядочная.

Лежат ничком. Плашмя. И скорчась. С-213, жирнощекий; смотрит зло из праха наверх — как продолжает стоять Р-863, Гавронский. Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор — это честь и долг!

С презрительной улыбкой он оглядывает стреляющий конвой...

Но употребление заимствованного слова *гонор* в этом эпизоде не соответствует стандарту: Солженицын намеренно использует его в значении, почти в точности соответствующем значению слова *honor* в польском языке. В русском восприятии поведение, вытекающее из такой установки, очень часто представляло как высокомерие, надменность, отсутствие подлинного смирения. Соответственно, в русском языке слово *гонор*, вошло в ряд таких отрицательно окрашенных слов, как *спесь*, *кичливость*, *самоуверенность*, *самонадеянность*, *самоумнение* и т. д., и проявление гонора никак не одобряется:

...каждый еще норовит свой *гонор* показать, и каждый из себе прынца строит (Владимир Войнович).

Очень часто *гонор* упоминается в ряду других дурных качеств, страстей или даже грехов (примеры из НКРЯ):

преходящие страсти: честолюбие, *гонор*, жажда власти, денег, успеха или фантастическая вера в идею (Олег Куваев. «Территория» (1970—1975));

не терпели *гонора*, фальши, лукавства (Юрий Нагибин. «Другая жизнь» (1990—1995));

Сколько прегрешений, совершенных и несовершенных было за мою жизнь, тут и гордыня, и *гонор*, и кощунства, и грех уныния, глупость, и запутанность в мелочевке... (Андрей Вознесенский. «На виртуальном ветру» (1998)).

Даже Вавилонское столпотворение может связываться с *гонором* строителей:

Я почему-то подумал о том, как дорого обходятся человечеству *гонор* и заносчивость предков. Следовало бы высечь тех олухов, которые когда-то затеяли строить Вавилонскую башню, а в результате все мы говорим на разных языках (Виктор Конецкий. «Начало конца комедии» (1978)).

При этом сохраняется понимание *гонора* как специфически польского качества, и это подпитывает стереотип *кичливого ляха*, *шляхетского гонора*:

...поляк, уже совершенно чисто говоривший по-русски, одетый джентльменом, хотя все-таки смахивавший на лакея, с огромными усами и с *гонором* (Федор Достоевский);

Пан запыхтел от *гонора*... (Федор Достоевский);

Да-с, это был полячок настоящий, с *гонором* и с душой! (А. Ф. Писемский. «Масоны» (1880));

...в нём было много этакого шляхетского *гонора* (Анатолий Рыбаков).

То же самое неодобрение высокой самооценки привело к тому, что отрицательная оценка появилась у слов *амбиция* и *амбициозный*, которые стали указывать на необоснованное самомнение и тщеславие, а также погоню за выгодой (что традиционно не одобряется в русской культуре). Напр.:

...был спесив, горд и *амбициозен* до крайности (Федор Достоевский).

Характерно толкование «Малого академического словаря», отражающее эту отрицательную оценку: *амбициозный* (с пометой *устар.*) значит ‘чрезмерно, обостренно самолюбивый’. Напомним также неодобрительное выражение *удариться в амбицию*. Отрицательная оценка хорошо видна в следующих примерах из НКРЯ<sup>2</sup>:

*амбициозный* и бездарный интриган (Лев Троцкий. «Моя жизнь» (1929—1933));  
громкие *амбиции* пустых людей, которые и привели наше кино к упадку (Георгий Бурков. «Хроника сердца» (1953—1990));

оставляя меня один на один со сворой рвущихся к власти и деньгам *амбициозных* проходимцев (Левин Борис. «Иностранное тело» (1965—1994));

...человек — главная ценность в этой жизни, но его преступно превращают в винтик политической машины и преступно используют как пушечное мясо в войнах, развязываемых *амбициозными* государственными лидерами (Светлана Алексиевич. «Цинковые мальчики» (1984—1994));

...чем непрофессиональнее человек, тем больше у него *амбиций* (Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. «Красавица и чудовище» (1984—2001));

Эти люди проявляют свои *амбиции*, корысть и начальственное самолюбие (Э. Гусева. «Кто совершает поступки, идет до конца» // «Работница», 1989);

из-за нескончаемой грезни людей, получивших вместе с разумом *амбиции* и подлость (Вячеслав Рыбаков. «Вечер пятницы» (1990)).

Реже приспособление заимствованного концепта к русской языковой концептуализации мира происходит в тех случаях, когда средством выражения концепта служит русский аналог иноязычного слова (в первую очередь — при семантическом калькировании). Тем не менее это тоже не исключено. Так, выражение *на всякий случай* вошло в русский язык как калька французского выражения *à tout hasard* и было, по-видимому, введено в оборот приятелем Пушкина Нащокиным [Виноградов 1994: 776]. Однако с течением времени его значе-

<sup>2</sup> Заметим, что в настоящее время слова *амбиция* и *амбициозный* утрачивают отрицательную окраску и начинают употребляться как обозначения положительно оцениваемых качеств. Это связано со сдвигом в языковой картине мира, о котором речь пойдет в следующем разделе.



ние и функции стали несколько иными по сравнению с французским прототипом. Выражение *на всякий случай* в русском языке выражает особое, характерное именно для русского восприятия мира мироощущение: 'произойти может все что угодно; всего все равно не предусмотритишь; могут пригодиться любые ресурсы, которыми человеку посчастливилось располагать'. В этом отношении *на всякий случай* сближается с пресловутым «русским» *авось*: человек *на всякий случай* запасается некоторым ресурсом — *авось* пригодится [Шмелев 2001]. Любопытно, что и 'соборность', часто признаваемая одним из самых своеобразных понятий, выработанных русской культурой, выражается словом, которое было образовано для передачи важного общехристианского понятия: *соборный* — это просто перевод греческого *katholikos*. Будучи лингвоспецифичным по форме (важность «собрания» в русской концептуализации мира обсуждается, напр., в [Шмелев 2002]), слова *соборный* и *соборность* выражают концепт, который нередко воспринимается как специфически русский, и слово *соборность* в русских текстах часто даже принимает определение *русская* или *российская*:

Русский «коллективизм» и *русская «соборность»* почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы (Николай Бердяев); ...идея личности, вроде бы западная, показана у Бахтина на творчестве русского писателя Достоевского, а идея *соборности*, вроде бы *русская* — на творчестве западного писателя Рабле (Сергей Аверинцев).

Ср. также примеры из НКРЯ:

«*Соборность* есть русская идея», — с должным основанием заявлял ее теоретик Николай Бердяев («Русская идея: национальное и общероссийское» (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);

Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН) проводит традиционные ежегодные конференции, посвященные анализу русской и славянской идей, русской нации, *соборности*, русскому государству, русской цивилизации («Русская идея: национальное и общероссийское» (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);

...именно *соборность* определяет русский народный дух (менталитет)... (Валерий Андреев. «Национальные модели экономики» (2004) // «Наш современник», 2004.07.15);

наша неизбывная российская *соборность*, генетически заложенное в нас стремление жить и выживать сообща, миром (И. А. Архипова. «Музыка жизни» (1996)).

Похожим примером является третий член знаменитой уваровской «триединой формулы» (*православие, самодержавие, народность*): по-видимому, само слово *народность* было konstruировано графом Уваровым для передачи французского слова *nationalité*, однако очень скоро стало восприниматься как передающее специфически русскую ценность.

От семантических сдвигов, связанных с «встраиванием» иноязычного концепта в русскую языковую картину мира следует отличать случаи, когда такой

сдвиг навязывается идеологами. В связи с этим необходимо критически подходить к отражению таких слов в толковых словарях, тем более что место таких слов в языковом сознании носителей русского языка и отношение носителей языка к их действительной или мнимой семантической эволюции меняется с течением времени, а иногда различается у разных носителей.

Сказанное может быть иллюстрировано на примере слова *культуртрегер*. Многие лингвисты, анализирующие современную речь, отмечали, что целый ряд слов утратил в ней сему отрицательной оценки, напр. *коммерсант*, *бизнесмен*, *амбициозный*, *карьерист*, *индивидуалист* и даже *карьерист* и *эгоист*. Общим для всех этих изменений является одно: принятие установки на достижение успеха и личное процветание, вытесняющее внимание к нюансам отношений между людьми. Понятно, почему эти языковые новации коробят людей, ориентированных на традиционные российские ценности, и могут восприниматься ими как «порча языка». Если ориентироваться только на словарные толкования, то может показаться, что со словом *культуртрегер* произошел сходный сдвиг. В словарях ему с давних пор приписывалась отрицательная оценка. Характерно толкование словаря под редакцией Д. Н. Ушакова: «Империалист-колонизатор, порабащивший отсталые народы под прикрытием насаждения культуры» [Ушаков 1935—1940]. Сходные толкования, лишь незначительно смягченные указанием на иронию, давались и в более поздних словарях: «Носитель культуры (ироническое обозначение империалистов-колонизаторов, эксплуатирующих население порабощенных стран под видом насаждения культуры)» [Евгеньева 1981—1984]; «Ироническое название человека (обычно колонизатора), прикрывающего свои корыстные захватнические цели маской распространения культуры, просвещения» [Словарь 1981]. Постсоветские словари в общем сохранили указание на иронию и неодобрительную оценку, лишь устранив прямолинейную отсылку к «колониаторству». Так, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина говорится: «Ироническое название человека, скрывающего свои истинные цели под маской распространения культуры, просвещения» [Крысин 1998]; в «Новом словаре иностранных слов» читаем: «Ироническое название человека, распространяющего культуру с излишним усердием либо скрывающего под распространением культуры свои корыстные интересы» [Захаренко и др. 2008].

Однако в современных текстах слово *культуртрегер* нередко употребляется без всякого неодобрения и даже без иронии. Вот характерный пример из НКРЯ:

На наших глазах происходит коллапс мира печатного слова. При цене дельной книги (вузовского учебника, справочника, словаря), равной примерно одной минимальной заработной плате, покупка книг становится экстравагантным поведением, которое может себе позволить незначительное меньшинство относительно хорошо обеспеченных людей. Те профессиональные группы, которые выполняли в обществе роль *культуртрегеров* (прежде всего учителя), никогда больше не вернутся к коллекционированию книг, не придут в традиционные библиотеки, не обратятся к интеллектуальным удовольствиям эпохи «толстых журналов».

Сегодня информационные технологии (и в первую очередь Интернет) не дополняют, а компенсируют последствия отчуждения общества от корпуса текстов (Михаил Арапов. «Когда текст обретает смысл» // «Знание и сила». № 1. 2003).

Значит ли это, что слово *культуртрегер* попадает в тот же ряд слов, утративших отрицательную оценку, что и упомянутые выше слова *коммерсант*, *бизнесмен*, *индивидуалист*, *карьерист*, *эгоист*? Такой вывод был бы слишком поверхностным. Дело в том, что и ранее это слово часто использовалось с положительными коннотациями (иногда с легкой иронией). Так Юлий Даниэль, описывая свою жизнь в лагере, называл *культуртрегером* самого себя, а Венедикт Ерофеев в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, кто ему нравится из современных прозаиков, говорил: *В прозе мне нравятся наши культуртрегеры типа Михаила Гаспарова, Сергея Аверинцева*. Поэтому неточно было бы говорить, что в современной речи слово утратило сему отрицательной оценки: эта оценка не была ему ингерентно присуща и раньше. Примечательно, что в дореволюционных словарях его толкование могло вовсе не включать оценочного компонента или ограничиваться указанием на возможность иронического употребления. Напр.: «носитель культуры; распространитель просвещения, и способствующий духовному развитию, умственному и нравственному совершенствованию» [Попов 1907]; «носитель и распространитель образования, иногда употребляется в ироническом смысле» [Чудинов 1910]. Напомним, что М. И. Шапир обратил внимание на то, что и в первом издании толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, еще не подвергшемся жесткой идеологической обработке, толкование было довольно нейтральным: «распространитель культуры, образованности» с пометой «книжн., чаще ирон.» [Шапир 2006: 488].

Можно было бы сказать, что толкования советских словарей (и следующих им постсоветских изданий) изготовлены под идеологическим давлением и не только не отражают, но и никогда не отражали языковой реальности. Однако такое утверждение было бы излишним упрощением. Указание на то, что слово *культуртрегер* часто употребляется иронически или неодобрительно, вовсе не было измышлением советских идеологов; такое употребление было весьма характерно для многих авторов, в том числе и ни в коей мере не разделявших советскую идеологию. Ср., напр., использование этого слова Н. С. Трубецким, который пишет это слово через дефис со словом *эксплуататор* и прямо упоминает *колониальную политику*:

При советской власти Россия впервые заговорила с азиатами как с равными, как с товарищами по несчастью, и отбросила ту совершенно ей не идущую роль высокомерного *культуртрегера-эксплуататора*, роль, которая прежде ставила Россию в глазах азиатов на одну доску с теми романо-германскими хищниками-поработителями, которых Азия всегда боялась, но также всегда и ненавидела; Романо-германские миссионеры сами на себя смотрят прежде всего как на *культуртрегеров*. Вся их миссионерская деятельность связана со «сферами слияния», с колонизацией, европеизацией, с концессиями, факториями, плантациями

и т. п. Миссионеры являются не посланными от Бога проповедниками богооткровенных истин, а агентами колониальной политики или представителями «интересов» той или иной державы.

В следующем примере показательно то, что Н. С. Трубецкой ставит это слово в кавычки, подчеркивая иронию:

...мы преднамеренно не касались некоторых отрицательных сторон европеизации, которые часто признаются с сожалением самими европейцами: пороки и привычки, вредные для здоровья, особые болезни, приносимые европейскими «культуртрегерами», милитаризм, лишенная эстетики беспокойная промышленная жизнь.

Ингерентная ориентированность рассматриваемого слова на ироническое употребление ясно видна при сопоставлении этого слова со словом *просветитель*. Самая престижная премия за лучшую научно-популярную книгу в современной России называется «Просветитель»; едва ли слово *культуртрегер* могло бы служить названием такой премии.

#### «Усвоение» заимствуемого концепта

С другой стороны, бывает (особенно массовый характер это приобрело начиная с 1990-х гг.), что «западный» концепт усваивается практически без ассимиляции. В этом случае русская языковая картина мира оказывается под влиянием семантической системы языка-источника. Особенно часто это происходит при семантическом калькировании, когда слово, уже существующее в языке (иногда ранее заимствованное и ассимилированное), приобретает производное значение под влиянием аналогичного производного значения у слова с тем же исходным значением в другом языке. Многие примеры такого рода были разобраны в нашей статье [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2006], и здесь я ограничусь краткими иллюстрациями.

Целый ряд заимствований и семантических калек связан с распространением в современном российском обществе идеологии жизненного *успеха*, *потребления* и *наслаждения*. Традиционно в русской культуре *удовольствие* и *жизненный успех* не рассматривались как основополагающие жизненные ценности. При этом нередко высокий аксиологический статус жизненного успеха, богатства и возможности получать удовольствие приписывается «западной» культуре. В премиальной речи на церемонии вручения Литературной премии Александра Солженицына в 2007 г. акад. Зализняк охарактеризовал поговорку «Если ты умный, почему же ты бедный?» как «западную формулу» (а говоря о рекламном щите, на котором громадными буквами написано «Всё можно купить!», назвал это «прицельным залпом по традиционным для России моральным ценностям»).

В полном соответствии с этим представлением Наум Коржавин в стихах, написанных вскоре после эмиграции, отчужденно транскрибирует английские слова, соответствующие представлениям об удовольствии и успехе, поскольку он не

может принять этих ценностей американской культуры. В стихотворении 1978 г. «Реминисценция» он пишет: *И вот живу за краем света, / В тот мир беспечный занесен, / Где редко требует поэта / К священной жизни Аполлон. // Где жизнь — «инджой», —* и к слову *инджой* дает сноску: «Инджой — enjou — получать удовольствие, наслаждаться (англ.)». В поэме «Сплетения» он использует совсем экзотическую транскрипцию *саксесыфулмэн*, в сноске к которому поясняет: *успешливый человек*. Знаменательно, что он использует редкое слово *успешливый*, содержащее к тому же некоторую легкую отрицательную оценку: в то время казалось невозможным сочетание *успешный человек*. То же самое слово *успешливый* (и с той же отрицательной окраской) использует и Александр Солженицын, характеризуя Юрия Нагибина как весьма *успешливого* советского прозаика.

Подозрительное отношение к жизненному успеху еще более наглядно иллюстрирует глагол *преуспевать* (и образованные от него слова *преуспевание* и *преуспевающий*). Приведем примеры употребления субстантивированного причастия *преуспевающий* (эти примеры показывают, что отрицательная окраска не утрачена данным словом до настоящего времени):

Нашей социальной средой теперь стали диссиденты и люди, вообще настроенные критически или не интегрировавшиеся в слой *преуспевающих* карьеристов (Александр Зиновьев);

Стоило Галичу запеть, то есть стоило ему позволить себе быть самим собой, как из *преуспевающего*, вполне приемлемого для бюрократии драмодела он превратился в нежелательную личность (Евгений Евтушенко);

*преуспевающие* дельцы из «новых русских», рэкетеры и гости из южных республик, занятых братоубийственной войной дома и рыночной колонизацией Москвы (Александр Городницкий);

Он был трусливый, *преуспевающий*, хлипкий московский барчонок, орущий на секретарей и швыряющий об пол дорогие ручки (Татьяна Устинова. «Подруга особого назначения» (2003));

Не беда, что свысока смотрят на офицеров их *преуспевающие* сверстники, поставившие себя на службу преступникам или олигархам (что, в сущности, одно и то же) (Серые дьяволы // «Солдат удачи», 2004).

Необходимо подчеркнуть, что отрицательная оценка относится не к успеху как таковому (скажем, такой окраски нет, когда кому-то *желают успеха*), а к общей жизненной установке на *преуспевание*, то, чтобы достичь успеха в жизни любой ценой.

В настоящее время положение дел изменилось: героем нашего времени становится человек, достигший жизненного успеха, или, как его теперь называют, *успешный человек* — тот самый «саксесыфулмен» из поэмы Наума Коржавина. Множество рекламных объявлений адресуется именно *успешным людям* (прежде сочетания *успешный человек*, *успешные люди* были для русского языка немислимыми). Аналогичное изменение значения наблюдается у слова *эффективный*, которое ранее не могло применяться к человеку, а в современном языке исполь-

зуется в таких сочетаниях, как, напр., *эффективный менеджер*<sup>3</sup> (в значительной степени под влиянием английского *efficient*). Целый ряд слов под влиянием своих иноязычных аналогов утратил сему отрицательной оценки, например: *коммерсант, бизнесмен, амбициозный, карьера*. Общим для всех этих изменений является одно: принятие установки на достижение *успеха*, вытесняющее внимание к нюансам отношений между людьми. Понятно, почему эти языковые новации коробят людей, ориентированных на традиционные российские ценности, и могут восприниматься ими как «порча языка».

Ярким примером использования для обозначения концепта, пришедшего с «Запада», уже существующего в языке слова (хотя и ранее заимствованного) служит история слова *проблема*, описанная в статье [Зализняк 2006б]. Схематично эта история может быть представлена следующим образом. Слово *проблема* пришло в русский язык из Западной Европы в XVIII в. как «ученое» слово, и обозначало, как и в западных языках, ‘трудный вопрос, требующий разрешения’. В дальнейшем оно постепенно вошло в повседневную речь, и в какой-то момент появилось новое значение — ‘практическая цель, которую трудно достичь’. Существенно позже (уже во второй половине XX в.) соответствующие слова западноевропейских языков приобрели новое значение и стали употребляться в значении ‘обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей’<sup>4</sup>; вскоре и в русском языке слово *проблема* приобрело аналогичное новое значение в результате семантического калькирования. Новое значение слова *проблема* прочно вошло в русский язык, в котором в настоящее время имеется также множество клишированных выражений с этим словом<sup>5</sup>: *нет проблем; это твои*

<sup>3</sup> Ср. резкий протест против ценностной установки, выраженной в этом словосочетании, в статье Дмитрия Быкова в журнале «Русская жизнь», от 30 апреля 2007 г.

<sup>4</sup> Показательно, что в последнем романе Агаты Кристи *Postern of Fate*, написанном в 1973, такое употребление слова *problem* воспринимается пожилыми персонажами как языковая новация. В главе, которая так и называется *Problems*, мы обнаруживаем примечательный диалог: “Oh dear,” said Tommy. “Problems again.” “It’s Beatrice,” said Tuppence. “What’s Beatrice?” “Who introduced problems. Really, it’s Elizabeth. The cleaning help we had before Beatrice. She was always coming to me and saying, ‘Oh, madam, could I speak to you a minute? You see, I’ve got a problem,’ and then Beatrice began coming on Thursdays and she must have caught it, I suppose. So she has problems, too. It’s just a way of saying something — but you always call it a problem.” В русском переводе (В. Салье) последнее предложение передано еще показательнее: *Речь идет о тех или иных неприятностях, только теперь их модно называть проблемами*. Любопытно, что в следующей главе слово *problems* толкуется как ‘затруднения’ (*difficulties*) и в английском оригинале.

<sup>5</sup> Примечательно, что использование слова *проблема* в рассматриваемом значении Солженицыным по отношению к России конца XIX — начала XX в. (в «Этюде о монархе») Лидия Чуковская, в целом положительно оценившая этот отрывок из «Красного колеса», восприняла как своего рода анахронизм: «Он не знает языка того

*проблемы; создавать себе проблемы.* Все эти выражения предполагают картину мира, в которой нормой является беспрепятственное и беззаботное движение по жизни.

Во всех рассмотренных случаях русское слово (возможно, ранее заимствованное, но адаптированное к системе ценностей русской языковой картины мира) изменило свое значение под влиянием «западного» аналога (имела место своего рода семантическая калька), и это привело к некоторому изменению соответствующего фрагмента русской языковой картины мира. Реже заимствование «западного» концепта происходит путем заимствования внешней оболочки слова, ранее отсутствовавшего в обиходном русском языке. Примером такого заимствования может служить слово *эмпатия*, о котором недавно писала Анна Гладкова в статье, посвященной сопоставлению русского слова *сопереживание* и английского *empathy* [Gladkova 2007]. Общий вывод А. Гладковой — сочетания со словом *эмпатия* в русских текстах зеркально отражают английские сочетания со словом *empathy*, и она задается вопросом: если слово *эмпатия* войдет в общее употребление, не приведет ли это к перестройке русских эмоциональных скриптов? Иными словами, заимствование слова, если стоящий за ним концепт не подвергается ассимиляции, также приводит к изменению соответствующего фрагмента языковой картины мира.

### Заключительные замечания

Итак, рецепция «западного» концепта русской культурой может приводить к тому, что концепт будет ассимилирован, приспособлен к особенностям русской языковой картины мира, так и к тому, что концепт заимствуется в «непереваренном» виде, что влечет за собою перестройку соответствующего фрагмента языковой картины мира. Такая перестройка воспринимается блюстителями строгой языковой нормы как «порча» языка. Но для лингвиста обе разновидности рецепции иноязычного концепта представляют значительную ценность. Прослеживая конфликт систем ценностей, воплощенных в разных языках, и пути разрешения этого конфликта при заимствовании, лингвист может выявить особенности каждой из взаимодействующих языковых картин мира. В частности, наблюдая способности рецепции «западных» концептов русским языковым сознанием, мы проникаем в те специфические особенности русской языковой картины мира, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными.

---

времени; пишет “исключительно”; или “У России свои проблемы” (совсем уж “Голос Америки”)...»

Анна А. Зализняк

## РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СЛОВО *ПРОБЛЕМА*\*

С горы скатившись, камень лег в долине.  
Как он упал? Никто не знает ныне —  
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,  
Иль был *низринут волею чуждой*?

Столетье за столетьем пронеслося:  
Никто еще не разрешил вопроса.

(Ф. И. Тютчев. *Problème*)

Для исследования Европейского многоязычного лингвокультурного пространства представляет интерес составление списка слов, присутствующих во всех языках Европы в тождественной (с точностью до национальной фонетики) форме, т. е. заимствований, распространившихся по всему ареалу. Я имею в виду, в первую очередь, не банальные политические и общенаучные интернационализмы типа *демократия*, *постмодернизм*, *тезис* или *апогей*, а слова обиходные, употребляющиеся в повседневной речи, — но при этом непредметные, т. е. обозначающие, так сказать, не общие вещи (типа *такси* или *вирус*); а общие идеи, т. е. способы концептуализации явлений. Как кажется, таких слов не так уж много; к интересующему нас списку общеевропейских обиходных терминов принадлежат, в частности, слова *идея*, *идиот*, *характер*, *натура*, *интерес*, *аппетит*, *катастрофа*, *скандал*, *юмор* — а также слово *проблема*, о котором пойдет речь в данной статье<sup>1</sup>.

Это слово имеется во всех европейских языках: в английском, немецком, нидерландском, шведском, датском, французском, итальянском, испанском, португальском, румынском; в греческом; в русском, польском, чешском, болгарском, сербском и хорватском, а также в финском и в венгерском. Не имея возможности провести исследования этого слова во всех перечисленных языках,

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк 2006б].

<sup>1</sup> Это слово уже обсуждалось в докладах [Zalizniak 2005; Ляшевская, Рахилина 2005]; см. также позднейшую публикацию [Рахилина (ред.) 2010: 333—351].



отметим только, что по текстам на этих языках, находящимся в Интернете, очевидно, что уровень экспансии этого слова и спектр его значений в разных языках различны.

Употребление слова *проблема* в современном русском разговорном языке может служить прекрасным примером, демонстрирующим Гумбольдтовское понятие *sprachliche Weltansicht*: тот факт, что в слове может быть заключено некоторое общее представление о мире, — которое навязывается языком говорящему на этом языке. Именно с этой точки зрения оно и будет нас интересовать.

Анализ этого слова затрудняется тем обстоятельством, что оно, как уже было сказано, есть во всех языках Европейского ареала, и значит, как кажется, примерно одно и то же. Однако, это не совсем так.

Слово *проблема* было заимствовано русским языком из немецкого (как считается, через посредство польского) [Фасмер 1996, III: 371; Крысин 1998: 563]. Это слово появилось в русском языке в начале XVIII в. и зафиксировано в словарях с конца XVIII в. [Черных 1994, II: 68]. Слово *проблема* происходит из греч. πρόβλημα, букв. «брошенное перед (кем-то/чем-то)» (от глагола πρόβαλλω «бросать вперед»), скалькированного в латинском *projectum* (и далее, через посредство польского *przedmiot*, в русском *предмет* [Веселитский 1972: 63]). Исходное греческое слово имело, среди прочего, значения: ‘помеха, препятствие’; ‘предложенное, задача, проблема’ (по словарю Вейсмана); именно про эти два значения, их семантические и функциональные взаимоотношения, и пойдет речь дальше.

В словарях современного русского языка МАС, [Крысин 1998] выделяются два значения: 1. Сложный теоретический или практический вопрос, требующий решения. *Проблема происхождения Земли* [← откуда, как и т. д. произошла Земля], *проблема землепользования*; *проблема Человек и Земля приобрела общегосударственное значение* (некая сфера жизни, в которой, как и в любой другой, имеются свои трудности). 2. *перен., разг.* О чем-н. трудное разрешимом, осуществимом. *Для него самому проснуться — целая проблема. Это не проблема.*

Второе значение является производным от первого. Как и в западноевропейских языках, из которых оно пришло, слово *проблема* в русском языке первоначально принадлежало научному дискурсу, из которого оно в какой-то момент перешло в обыденную речь в значении, приблизительно, «трудное дело» — в отношении какой-то практической цели, которую трудно достичь (*получить визу в США — это проблема*) или в отношении какого-то вопроса, требующего решения (*у нее каждый раз проблема, что надеть*). Эти два варианта употреблений (речь идет о двух вариантах внутри второго значения) связаны между собой вполне очевидными отношениями, ср. квазисинонимию: *проблема в том, чтобы достать денег на лечение* ⇔ *проблема в том, где достать денег на лечение*.

Первое значение (будем называть его *проблема I*) соответствует употреблению этого слова в научном дискурсе. В этом значении слово *проблема* употребляется обычно с дополнением в родительном падеже. Содержание семантической связи, кодируемой родительным падежом дополнения (т. е. тип свернутой предикации),

может быть несколько различным. Так, *проблема старения населения* [⇐ население стареет; это плохо]. Но может быть и наоборот: *проблема воспитания нового человека* [⇐ надо воспитать нового человека; это хорошо]. Таким образом, формула *проблема X-а*, где *X* — номинализация некоей пропозиции, неоднозначна: либо (i) ‘имеет место X, это плохо; как это устранить?’; либо (ii) ‘нужно, чтобы было X, как этого достичь?’. При неполной номинализации возможны и другие смысловые связи, ср.: *проблема отцов и детей* [⇐ в отношениях между отцами и детьми имеются определенные трудности]; *проблема школьного образования* [⇐ организация школьного образования — трудная вещь] и т. д. В последнем случае конструкция с генитивом может просто называть некоторую предметную область (ср. *работа посвящена проблеме сверхпроводимости*).

С другой стороны, проблемы бывают, так сказать, общие, в большей степени теоретические (как устроен объект *X*?; как преодолеть трудности, связанные с явлением *X*?) и частные, в большей степени практические: чисто интеллектуальные (куда он мог положить ключи?) и связанные с принятием решения: кого позвать на день рождения, куда пойти учиться, что надеть, как получить американскую визу, где достать денег, а также (без вопросительного слова) вовремя проснуться, не опоздать на работу, и т. п. Про все эти вещи по-русски говорят *это проблема*, т. е. ‘это трудно’/ ‘не знаю как это сделать’. Такое употребление соответствует второму значению (по словарям), будем называть его *проблема 2*.

Однако в русском языке имеется, помимо этого, весьма значительный круг употреблений слова *проблема*, где речь идет о вещах скорее практического характера, однако, они не укладываются в определение «о чем-то трудно разрешимом, осуществимом». Назовем этот тип употребления *проблема 3*; именно он и является основным предметом нашего интереса. Речь идет о конструкциях *у кого-то проблемы* (во мн. ч.) *с чем-то/кем-то*: *у меня проблемы с сыном* (прогуливает школу; грубит бабушке); *у нее проблемы с другом* (поссорились; он ей изменяет); *у нее проблемы с памятью* (все забывает); *у него проблемы с ушами* (они лопухие, и это ему не нравится). При том, что здесь используется специфически русская конструкция «у + родит. падеж», не имеющая эквивалентов в западных языках, выражение в целом, по-видимому, является калькированным: достаточно посмотреть тексты в Интернете, например, на немецком языке: *Habe Probleme...* — без *ich*, т. е. сугубо разговорное — название целой рубрики. Наиболее частый тип таких проблем связан с компьютером и прочей техникой: что-то не получается сделать, при том, что должно получаться. Другая не менее популярная область такого рода проблем — здоровье и секс.

Именно это «должно» в презумпции и составляет, по-видимому, специфику значения *проблема 3* в русском языке, выдающую ее «иностранный происхождение» (заметим, что в других значениях этого компонента нет; его не отмечают и словари; впрочем, в словарях обсуждаемое значение вообще не дифференцировано). *Проблемы* в этом смысле — это препятствия, которые возникают на пути

нормального, т. е. гладкого течения процесса жизни. Все, что попадает в сферу *проблемы 3*, оказывается, по предположению, частью этого нормального хода вещей: нормально, если сын хорошо учится и хорошо воспитан, нормально иметь хорошую память, обычной формы уши, уметь получать нужный эффект от компьютера, его отдельных функций и программ. Приведем в этой связи следующую фразу из книги [Лакофф, Джонсон 2004: 174] (речь идет о «химической метафоре», которая может быть усмотрена в выражении *the solution of my problems*)<sup>2</sup>: «Жить в соответствии с химической метафорой означало бы принять как факт, что никакая проблема не исчезает навечно [...] Проблемы стали бы, скорее, частью естественного устройства мира, чем болезнями, требующими «лечения»» (каковыми они, по мысли авторов, являются на самом деле; разрядка моя. — А. З.).

Конструкция *у X-а проблемы с Y-ом* является, по-видимому, наиболее явным признаком значения *проблема 3* и содержащегося в нем взгляда на мир.

В ед. ч. в конструкции *с у меня...* слово *проблема* вводит ее изложение, ср.: *Это компания МИГ-Телеком? У меня такая проблема...* В этом употреблении слово *проблема* служит просто катафорическим обозначением некой ситуации, в которой имеются какие-то трудности, требующие разрешения. И дальше — слово *проблема* превращается в своего рода слово-паразит, универсальный классификатор для сколько-нибудь сложной ситуации.

Совсем четкой границы между значениями 2 и 3 нет, именно поэтому значение *проблема 3* так незаметно и легко вошло в русский язык. Между тем оно является носителем идеи, отсутствующей в значениях и 1 и 2: что жизнь нормально протекает без проблем, доставляя живущему удовольствие, чувство, что у него «все ОК». Любая вещь, препятствующая этому ощущению — будь то отсутствие денег, головная боль, измена жены, творческий кризис, или что угодно — является *проблемой*, которая должна быть устранена, чтобы восстановить нормальное положение вещей, т. е. состояние, когда «все ОК».

Вернемся теперь к внутренней форме слова *проблема* и покажем, что разные значения этого слова соответствуют двум различным метафорам, возникшим на основании образа «(чего-то) брошенного перед (кем-то)». А именно, «брошенное перед» может представлять как некая цель, которую человек перед собой ставит (ср. близкую метафору в концептуализации намерения во франц. *proposition* и русск. *предположение* в устаревшем значении ‘намерение’). В этом случае сам этот «брошенный перед» предмет представляет некую цель, и тем самым ценность. Это — *проблема 1*: он занимается такой-то научной *проблемой*; эта *проблема* кого-то занимает, интересуется; ее формулируют, ее исследуют.

<sup>2</sup> Имеется в виду метафора «растворения», заключенная в выражениях англ. *resolve the problem*, франц. *resoudre le problème*, от лат. *solvo*; во франц. языке слово *solution* имеет значения ‘раствор’ и ‘решение (проблемы)’; в современных словарях эти слова фигурируют как омонимы.

*Проблема 2* — это помеха, которую необходимо устранить. Здесь тот же пространственный образ получает иное «профилирование»: как будто кто-то бросил камень, который преградил мне путь. Меня не интересует сам этот камень, мне важно дальнейшее продвижение вперед по пути; вопрос только в том, как устранить или обойти возникшее препятствие. Соответственно, *проблема 2 возникает* и ее *решают* — и тем самым уничтожают (ср. упоминавшееся выше выражение *resolve the problem*). Ту же метафору реализует и производное от *проблема 2* значение *проблема 3*.

Что касается истории бытования слова *проблема* в русском языке, приведем данные, полученные из Национального корпуса русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru))<sup>3</sup>. Удивительный факт состоит в том, что в имеющихся в корпусе документах периода с 1900 по 1920 гг. слово *проблема* не встретилось ни разу, ни в каком значении. (Надо сказать, что это, в основном, частная переписка Е. Кузьминой-Караваевой, а также проза М. Цветаевой; если бы в корпус были включены сочинения каких-то других авторов, то слово *проблема*, возможно, появилось бы). Но так или иначе, эти данные говорят о том, что для языка русской интеллигенции начала XX в. слово *проблема* не было актуально<sup>4</sup>.

В период с 1920 по 1950 гг. слово *проблема* встречается в 9 документах из 59 (т. е. менее чем в  $\frac{1}{6}$  части текстов, среди которых имеется: проза М. Цветаевой, В. Ходасевича, К. Паустовского, В. Каверина, А. Ахматовой, А. Мариенгофа, В. Катаняна, Е. Кузьминой-Караваевой, Э. Казакевича, А. Лосева, и др.). Подавляющее большинство примеров приходится на тексты В. И. Вернадского (*проблема сознательного регулирования размножения, проблемы современной физики*), прозаические тексты Анны Ахматовой (*проблема изображения общечеловеческих страстей, проблема реализма, проблема счастья* (в творчестве Пушкина)) и сочинения Льва Троцкого (*проблемы революции, теоретические и тактические проблемы, проблемы массового действия, проблемы психоанализа*) — что весьма показательное: интересующее нас слово встречается в научном и политическом дискурсе<sup>5</sup>.

Упомянем также тот факт, что во всех русских рассказах Набокова (текст объемом 22 печатных листа), относящихся к тому же периоду, слово *проблема* встретилось один раз:

Конечно, я не обольщаюсь вашей способностью увлекаться *мировыми проблемами*, но мне кажется, идея моего журнала вас заинтересует со стилистической стороны, — так что приходите (Набоков. «Василий Шишков»).

Еще один раз оно употреблено в романе «Дар» (в главе о Чернышевском):

<sup>3</sup> В статье использованы данные НКРЯ по состоянию на 2005 г.

<sup>4</sup> По состоянию на апрель 2011 г. в НКРЯ для данного периода фиксируется 784 вхождения на 11 млн. слов ( $\approx 71$  на 1 млн.).

<sup>5</sup> По состоянию на апрель 2011 г. в НКРЯ для данного периода фиксируется 2570 вхождений на 28,2 млн. слов ( $\approx 91$  на 1 млн.).

...точно также как Маркса привел к мысли о необходимости ознакомиться с *экономическими проблемами* вопрос о гномах-виноделах («мелких крестьянах») в долине Мозеля.

В романах «Другие берега», «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Приглашение на казнь» это слово не встречается ни разу. Это, очевидно, говорит о том, что Набоков не признавал за словом *проблема* права вхождения в достойный его русский язык (можно предположить, что Набоков считал — и не без оснований — это слово признаком либо «советского», либо «буржуазного» — т. е. так или иначе «пошлого» — дискурса). Ср. также следующее высказывание Г. Адамовича:

Не могу отказаться от кавычек при слове *«проблема»*. Иностранные слова законны и необходимы, особенно в языке еще не вполне сложившемся, но от *«проблем»* веет чем-то слишком уж книжным, интеллигентским, приват-доцентским (Г. Адамович. «Опыты». кн. I. Нью-Йорк, 1953. С. 102. Цит. по: [Шварцкопф 1997: 378]).

Слово *проблема* не встречается также у Чехова, Бунина и Куприна. Единственный пример из Куприна — на значение *проблема 2*:

Ну, что вы сказали бы, например, если бы к вашей молодой энергии, силе и знаниям обратился великий ученый, который, положим, работает над *проблемой* — из простых элементов, входящих в воздух, составить вкусное, питательное и съедобное, почти бесплатное вещество? Если бы вам предложили работать ради будущего устройства и украшения земли? (Куприн. «Жидкое солнце»).

После 1950 г. употребление слова *проблема* начинает резко возрастать <sup>6</sup>.

В последние десятилетия слово *проблема* в русском языке необычайно расширило свое употребление за счет значения *проблема 2*, а также производного от него *проблема 3*: ‘обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей’; нечто, что необходимо устрани́ть, чтобы восстановить н о р м а л ь н ы й, т. е. беззаботный, ход вещей. В этом значении слово *проблема* в современном русском языке является семантической калькой с западноевропейских языков, скорее всего — английского (т. е. оно как бы вторично заимствовано). Слово *проблема* в этом значении воспринимается чувствительными носителями русского языка как нечто «вульгарное» — возможно, так ощущается его чуждость русской языковой картине мира. Как кажется, на этом основан эффект фразы из анекдота об Адаме:

Через день после сотворения райского сада Адам звонит Богу: «Боже, у меня проблема». «Какая проблема?» — спрашивает Бог. — «Господи, я знаю, Ты сотворил меня и обеспечил меня всем в этом прекрасном саду. Но я несчастлив (...)» <sup>7</sup>

<sup>6</sup> Для периода 1950—1989 гг. частотность слова *проблема* составляет  $\approx 205$ , в 1990—1999 гг. —  $\approx 275$ , для 2000—2010 гг. —  $\approx 646$  слов на 1 млн.

<sup>7</sup> Анекдот взят мною из статьи [Шмелева, Шмелев 2006], где он характеризуется как «западный» анекдот о семейных отношениях, в котором отражается характерный

Действительно, то, что человек несчастлив, может вызывать сочувствие и сострадание — но это никак не «проблема», т. е. не помеха на пути «нормально» течения жизни. Здесь *несчастлив* является переводом англ. *unhappy*. Но дело в том, что в русской языковой картине мира *быть счастливым* — это вовсе не «нормально», это абсолютно экстраординарное состояние, которое практически недостижимо (см. об этом [Wierzbicka 1992; Зализняк 2003]). Здесь еще, очевидно, воспроизводится жанр анекдотов, где пародируется диалог пациента с психоаналитиком. В этом случае то, что человек несчастлив — это именно и есть та *проблема par excellence*, которая приводит человека к психоаналитику: это как раз то, что препятствует нормальной жизни, в которой человек должен ощущать себя *happy* (или, по крайней мере, *OK*) и которую психоаналитик призван так или иначе решить (устранить), т. е. сделать так, чтобы человек снова обрел «нормальное» состояние *happy*<sup>8</sup>.

Приведем еще один анекдот (из той же статьи), где слово *проблема* выдает его «иностранный происхождение».

«Ребе, помоги мне, мой сын стал христианином». — «Да... Тут надо посоветоваться с Богом. Приходи завтра». На следующий день: «Шломо, дело твоё совсем плохо. Бог сказал, что у Него та же самая *проблема*».

Комический эффект (по крайней мере, русского варианта) возникает именно за счет неуместности обозначения ситуации, о которой идет речь, словом *проблема 3* (= препятствие, которое нужно думать как устранить).

Другая особенность слова *проблема 3* состоит в том, что оно представляет собой способ отсылки к ситуациям, которые называть «прямо» неприлично (так, неприлично рассказывать постороннему человеку о своей тяжелой болезни или семейной драме); т. е. слово *проблема* — это способ косвенной номинации ситуации. В таких случаях говорят *У меня проблемы* — и этого вполне достаточно и говорящему и слушающему. Так, фраза *У нее проблемы с другом* может быть сказана европейской студенткой преподавателю в качестве объяснения того, почему подруга не явилась на экзамен. Между тем вряд ли в этой ситуации та же студентка могла бы сказать преподавателю, что ее подруга не пришла на экзамен, потому что ее бросил любовник. Подобное оправдание трудно представить себе также и в устах русской студентки. Современный русский студент в описанной ситуации скорее всего скажет ту же фразу, что и европейский

---

«мужской шовинизм». Однако на переводной характер анекдота в не меньшей степени указывает употребление в данном контексте слова *проблема*.

<sup>8</sup> Ср. критику этой установки как таковой в «Дневниках» протоиерея Александра Шмемана (обратим внимание на употребление кавычек при слове *проблема*): «“Проблема” М., “проблема” С., “проблема” А., “проблема” С. М., “проблема” матушки Х: как им дать понять, что никаких “рецептов” и “решений” у меня нет, что это мучительное искание помощи есть вид бегства от себя, от жизни, от совести, от решения» [Шмеман 2005: 219].

(*У нее проблемы с другом*), но классический русский речевой этикет в данной ситуации категорически требует придумать какой-то более приличный предлог.

Приведем еще один пример употребления слова *проблема* в целях косвенной номинации ситуации — из газеты «Коммерсант» за 19 января 2006 г.; статья называется «Анатолия Чубайса попросили не выражаться»:

«Думаю, президенту Воронину не нужно удивляться, если у него появятся очень серьезные *проблемы* в самом ближайшем будущем» — пригрозил господин Чубайс. (...) С ответной репликой выступил советник президента по внутренней политике Марк Ткачук. Он расценил угрозы главы РАО ЕЭС России как «прецедент использования в международных отношениях *бандитской лексики, недопустимой для чиновника такого ранга и такой репутации*»<sup>9</sup>.

Итак, схематично ситуация такова. Слово *проблема* пришло в русский язык в XVIII в. из Западной Европы как «ученое» слово, обозначающее, приблизительно, «трудный вопрос, требующий разрешения». Это слово принадлежало почти исключительно научно-бюрократическому дискурсу; в бытовом языке, также как и в языке художественной литературы, в течение всего XIX в. этого слова нет: так, его нет в Словаре языка Пушкина, его нет у Толстого, нет у Достоевского, Гаршина, Вересаева. В первой половине XX в. оно, в какой-то степени, входит в обиходную речь, но в язык художественной литературы проникает лишь к середине XX в. В какой-то момент появляется новое значение: практическая цель, которую трудно достичь (ср. приведенный выше пример из Куприна). И далее, существенно позже, происходит еще один сдвиг — но это уже не просто сдвиг, а результат семантического калькирования с западноевропейских языков: слово *проблема* начинает употребляться в значении «обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей»; нечто, что необходимо устранить, чтобы восстановить нормальный ход вещей, т. е. такой, при котором человек получает удовольствие от жизни. Это значение непосредственно связано с комплексом представлений, отраженных также в других ключевых словах «западной культуры» — таких как *happу, enjoy, OK*<sup>10</sup>. Не случайно строгие блюстители чистоты русского языка первой половины XIX века (такие как Цветаева и Набоков) слова *проблема* вообще не употребляют.

В русском языке имеется также разветвленная сеть фразеологических клише (в значительной части — калькированных с английского): *нет проблем; не проблема* (вариант: *не вопрос*); *без проблем; это не моя проблема; это твои (ваши) проблемы* = «это меня не касается»; *создавать себе проблемы* и т. п. Все эти выражения отсылают к картине мира, в которой нормой является беспрепятственное и беззаботное движение по жизни.

<sup>9</sup> Этим примером я обязана Е. Я. Шмелевой.

<sup>10</sup> Ср. название известной книги Е. Харриса по популярному психоанализу «I am OK, you are OK»; заметим, что в русском переводе [Харрис 2001], сохранено слово *OK*, и это правильно: это слово лингвоспецифичное и переводу неподдающееся.

Таким образом, с появлением в русском языке нового значения у слова *проблема* появился и новый концепт. Какова будет его дальнейшая судьба и его влияние на эволюцию русской языковой картины мира, пока сказать трудно. Однако можно с определенностью сказать, что модель (*У кого-то проблема с чем-то/кем-то*) прочно вошла в русский язык. Возможно, дело в том, что она соответствует одной широко распространенной модели безличных предложений, а именно, модели с предлогом *с* + твор. п. (описанной М. Гиро-Вебер), ср.: *у него неудача с экспедицией; с деньгами у вас будет плохо; с билетами было трудно, с пьесой не ладилось; с продуктами все еще было плохо; с жильем постоянные трудности; у меня с работой не получается; с нервами у нее нехорошо; рабочих хватает, а с инженерами неважно* и т. п. [Guiraud-Weber 1984: 336—349]. Слово *проблема*, очевидно, является просто обобщающим для всех перечисленных вариантов трудностей и неполадок.

### Postscriptum

Приведу без комментариев фрагмент статьи с популярного психологического сайта (<http://www.sunhome.ru/psychology/1105>):

На нашу жизнь влияют не только реальные факты и события, но и те слова, которыми мы их называем. Именно поэтому не утихает борьба между сторонниками чистоты языка и сторонниками его свободы. Когда какой-нибудь славянофил призывает нас говорить на языке Пушкина, фактически он хочет заставить нас жить, как в XIX веке. А если какой-нибудь западник пропагандирует гарлемский сленг, то он хочет, чтобы мы жили, как негры в гетто. Кто из них более прав, решать не нам, но один американизм мы хотели бы поприветствовать, вне зависимости от филологических «рго» и «contra». Это словечко победоносно прошествовало по всему миру вместе с джинсами и кока-колой, благо на большинстве европейских языков оно звучит почти одинаково. Это слово «проблема».

Что говорит россиянин, если у него ушла жена, сгорел дом или его выгнали с работы? Он говорит: «У меня горе!». И, в соответствии со сказанным, начинает горевать. Что скажет в такой ситуации американец? Он скажет: «У меня проблема». А что можно делать с проблемой? Правильно! Только решать. Теперь вы понимаете, почему нам так нравится это выражение. Мы искренне хотим, чтобы у вас было побольше проблем, и поменьше бед и несчастий. (...)



## ЮМОР И ОСТРОУМИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ\*

Задача данной статьи — увидеть значение русских слов, связанных с семантикой комизма, в европейской культурной перспективе. Речь пойдет об истории, семантике и переводных эквивалентах в западноевропейских языках слов *юмор*, *остроумие* и *смешной*. Все эти слова безусловно относятся к числу культурных концептов, отражающих общезначимые европейские ценности. При этом сами слова, их выражающие, частично заимствовались, частично подвергались разного рода калькированию и другим взаимным влияниям. Поэтому, как мне кажется, необычайно важно, как с собственно лингвистической точки зрения, так и с более широкой, культурологической, охватить всю эту систему взаимоотношений в целом.

### Юмор

История слова *юмор* восстанавливается достаточно ясно. Оно восходит к лат. слову *humor* ‘влага’ в том его значении, которое оно приобрело в рамках средневекового учения о «соках организма», которые определяют темперамент человека. Таким образом, восстанавливается следующий путь семантической деривации: ‘соки организма, определяющие темперамент’ → ‘темперамент, настроение, предрасположенность к чему-то’ → ‘хорошее настроение’. История самого слова такова: лат. *humor* дало ст.-франц. *humeur* (по данным словаря [Robert historique 2000: 1756] слово *humeur* засвидетельствовано во франц. языке с XII в. в значении ‘органические жидкости человеческого тела’ (определяющие ‘темперамент’). Ст.-франц. слово *humeur* в значении ‘настроение, предрасположенность к чему-то’ было в XVI в. заимствовано в др.-английский в форме *hutoir* и в дальнейшем приобрело значение ‘предрасположенность к веселью’. По данным Оксфордского словаря, в конце XVI в. это слово уже имело значение «A quality of action, speech etc. which causes amusement; facetiousness, comicality (more fully *sense of humor*); the faculty of perceiving and enjoying what is ludicrous or amusing; the sense of ludicrous or amusing» [OED 2002: 1285].

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк 2007].

В XVIII в. это слово в форме *humour* было обратно заимствовано во французский язык в этом последнем значении и продолжает ассоциироваться с чем-то английским, ср. устойчивое сочетание *humour anglais* — в противоположность собственно французскому обозначению для близкого понятия — *esprit* ‘дух, интеллект, остроумие’ (см. ниже). Слово *humeur* осталось во франц. языке в значениях ‘нрав, характер’ (ср. *Ce garçon est d’humeur batailleuse* ‘у этого мальчика строптивый нрав’), ‘настроение, предрасположенность к чему-то’ (ср. *bonne/mauvaise humeur* ‘хорошее/плохое настроение’; *Je ne suis pas d’humeur à rire* ‘я не в том настроении, чтобы смеяться’; ), а также ‘плохое настроение’ (*Il est pris d’humeur* ‘он сейчас не в духе’).

Слово *юмор* проникло из английского во все европейские языки (повидимому, оно принадлежит тому списку «обиходных нематериальных интернационализмов», к которому относятся такие слова как *проблема, идея, катастрофа, интерес, характер, натура, скандал*, которые сами представляют собой интересный феномен и объект для исследования, ср. [Зализняк 2006б]). В русский язык слово *юмор* попало из английского во 2-й четверти XIX в. [Черных 1994, II: 459]. В русском языке принадлежность категории *юмора* англосаксонской культуре ощущается в меньшей степени, чем, скажем, во французском. В немецком языке это слово закрепилось в релатинизированной форме (*Humor*), однако оно тоже является заимствованием из английского. Таким образом, как слово, так и само понятие *юмора*, а также *чувства юмора* как ценности пришло из англосаксонской культуры и распространилось по всему Европейскому ареалу.

В современном мире *юмор* стал ассоциироваться с понятием *комического* (в частности, в литературоведении), или *смешного*. Понятия *юмора* и *остроумия*, которые, вообще говоря, совершенно различны, сходятся на идее *смешного*. Мы рассмотрим сначала соотношение *юмора* и *остроумия* и потом обратимся к категории *смешного*.

### Остроумие

Слово *остроумие* есть у Даля («*остроумие* [ср.] или острота ума: *остроумный писатель, остроумное заключение*» [Даль 1994: 1834]). У Даля приводится также много выражений со словом *острый* в переносном значении: *жало остро, а язык острей того; остер язычок, что бритва; острое слово...; острый ум...* Русское слово *остроумие* скорее всего является неточной калькой с нем. *Scharfsinn* ‘остроумие’, букв. «острое чувство», «острый разум» или «острый смысл». Однако в современном языке *остроумие* — это не «обладание острым умом»; это чисто словесная характеристика, т. е. *остроумие* семантически производно скорее от *острый язык*, чем от *острый ум*. Действительно, *острый ум* — это совсем иная способность, чем *остроумие*, т. е. способность делать точные и глубокие наблюдения и умозаключения — именно способность ума, независимая от словесного выражения. Очевидно, значение, которое в современном языке

воспринимается как производное и переносное (ср. *остроумное решение*, т. е. неожиданное и изящное, обнаруживающее *остроту ума*) является исторически исходным — ср. выше сочетание *остроумное заключение*, приводимое В. И. Далем.

Во французском языке есть знаменитое слово *esprit* (неточный эквивалент для русского *остроумия*)<sup>1</sup> — лингвоспецифичное французское слово, выражающее один из ключевых концептов французского языка. Французское *esprit* — это, исходно, «дух» (из лат. *spiritus*), но также и «интеллект» и, далее, особенно выдающийся интеллект, т. е. «острый ум»; дальнейшее семантическое развитие — то же, что в русском слове *остроумие* (ср. выше), т. е. «острый ум» → «способность говорить смешное» (здесь естественно предположить семантическое калькирование). Таким образом, русское слово *остроумие* является морфологической калькой с немецкого и семантической — с французского. Заметим, что аналогичной семантической калькой с франц. *esprit* является также значение «остроумие» у немецкого слова *Geist* «дух» [Duden 2007: 262].

Относительно французского концепта *esprit* приведу следующее соображение, высказанное американской исследовательницей русской литературы Ольгой Меерсон (устное сообщение). Французское слово *esprit* и навязываемая им концептуализация внутренней жизни человека — один из источников воплощенного в «Войне и мире» представления Л. Толстого о том, что *интеллект* — это типично западный, «галльский» суррогат *духа*. В романе имеется три семьи, воспроизводящие Платоновскую триаду «тело — душа — дух»: соответственно, Курагины — Ростовы — Болконские. Но внутри духовного семейства Болконских происходит непонимание между стариком, приятелем императрицы Екатерины и внешне похожим на Вольтера представителем «духа», — и его нежно любимой дочерью, крайне одухотворенной, но, на его взгляд, не умной, поскольку она лишена остроумия. Это непонимание семиотически обусловлено неразличением категорий духа и интеллекта-остроумия, заключенным во франц. слове *esprit*. Ход мысли очень типичный: каждое значение многозначного слова несет в себе одновременно все остальные его значения; в некотором смысле, если два понятия обозначаются одним словом, то это одно и то же понятие; в данном случае это равнозначно тому, что французы не различают дух, ум и остроумие, для них это — одно и то же.

Отметим, что в английском языке в этой сфере также есть выдающееся лингвоспецифичное слово *mind*, совмещающее значение, близкое к русскому «душа» (как в оппозиции *mind vs. body*, ср. *душа vs. тело*) и «ум» как средоточие способности мыслить (см. [Wierzbicka 1992: 45]). И «дух», и «остроумие» обозначаются в английском языке другими словами.

---

<sup>1</sup> Ср. блоковское «Нам внятно все — и *острый* галльский смысл, И сумрачный германский гений» (этим замечанием я обязана А. Д. Шмелеву). Интересно, что в современном русском языке это словосочетание, очевидно переосмыслено как «(свойственный французам) дух фривольности», ср. название сборника «Острый галльский смысл. Пять веков французской фривольной поэзии».

Основополагающее сочинение про остроумие — написанная 100 лет назад работа Фрейда [Freud 2004a], которая по-русски обычно переводится как «Остроумие и его отношение к бессознательному», а в оригинале имеет в названии слово *der Witz*, основное и, вообще говоря, единственное значение которого — «шутка». И все широко известные и часто цитируемые примеры *остроумия* из этой работы, типа «Хорошо начинается неделя» в устах человека, идущего на казнь в понедельник — это образцы *шуток*. Вообще говоря, между *шуткой* и *остроумием* различие только в онтологической категории: *остроумие* — это свойство, а *шутка* — речевое произведение, обнаруживающее данное свойство его автора (в вышеупомянутой работе Фрейда в соответствующих контекстах слово *Witz* вполне правомерно передается русским *острота*). При этом остроумие (*Witz*) рассматривается Фрейдом как вид комического (об этом имеется даже отдельный раздел «Der Witz und die Arten des Komischen»). С другой стороны, у Фрейда имеется более поздняя (1927 г.) короткая статья на ту же тему, которая называется «Der Humor», в которой он упоминает свою прежнюю работу, обозначая описанный в ней феномен как «der Humor» [Freud 2004b]. В этой работе само явление он обозначает как *der Humor*, а его единичное проявление — как *der Scherz*. Русского перевода этого второго сочинения Фрейда мне не встретилось, но очевидно, что его следовало бы перевести как «Юмор». Таким образом получается, что юмор и остроумие оказываются синонимами, что, как кажется, противоречит интуиции.

Что касается Фрейда, то ясно, что здесь происходило уточнение терминологии (которой в 1905 г. просто еще не было, и *Witz* — это очень приблизительный термин, и вообще не термин). Здесь важно другое, а именно, то, что значение русских слов *юмор* и *остроумие*, безусловно, различно. В русском языке имеется, кроме того, выражение *чувство юмора*, которое не равно *юмору* (хоть и является калькой с английского *sense of humor*, которое в английских словарях, в Оксфордском, например, дается как одно из значений слова *humor*, т. е. имеется в виду значение, связанное с исходным метонимически: «способность чувствовать юмор»). В русском языке словосочетание *чувство юмора* означает нечто существенно иное, чем собственно *юмор*: *чувство юмора* — это не просто способность чувствовать юмор (как *чувство прекрасного*, *чувство ответственности* и т. п.); *чувство юмора* обычно связывается со способностью посмеяться над самим собой, способность преодолеть *серьезность* (что особенно трудно по отношению к собственной персоне). Именно поэтому *остроумие* совершенно не связано с *чувством юмора* — в том смысле, что человек, обладающий одним свойством, вовсе не обязательно обладает другим — и более того, завязтые «остряки» как раз часто бывают лишены чувства юмора, так как свое остроумие ценят вполне всерьез (и совершенно всерьез обижаются, если окружающие его недооценивают). Остроумие же не исключает серьезности: оно иногда может служить лишь средством более эффективного достижения коммуникативной цели (как, например, в рекламе, построенной на языковой игре).

Слово *юмор* стало термином (в литературоведении и культурологии), приблизительным синонимом которого является термин *комическое*, и его значение примерно одинаково в большинстве европейских языков (разве что во французском слово *humour* сохраняет отпечаток своего англосаксонского происхождения, и в качестве соответствующего термина употребляется скорее *comique, comisme*).

Что касается слова *остроумия*, то, по-видимому, оно лингвоспецифично — по крайней мере, однословного эквивалента в западных языках оно не имеет (как и прилагательное *остроумный*).

### Смешной

Слово *смешной* включает в себе некий парадокс. С одной стороны, смешно (по определению Аристотеля, которого, как известно, никому пока не удалось превзойти), когда кто-то попадает в ситуацию, в которое есть нечто плохое, но при этом не трагичное (ср. обсуждение этого вопроса в [Санников 1999: 17—18]). Это не достаточное условие, но необходимое, по крайней мере, для определенного класса «смешных» ситуаций. *Не смешно* бывает по разным причинам, но в частности, потому что — трагично; это называется *грех смеяться*. Однако, как известно, бывает, что *и смех, и грех*: то есть, трагично, и все равно смешно. И более того, слово *смешной*, также как и глагол *смеяться*, необычайно склонен к тому, чтобы скатываться в область трагичного. Бывает два вида смеха: когда просто смеются (заметим, глагол одновалентный, т. е. действие замыкается на субъекте: кто-то рассказал смешной анекдот или придумал удачный каламбур; никому не обидно, *harmloser Witz* по Фрейду) — и когда смеются *над кем-то* (обратим внимание на предлог *над*, выражающий превосходство; ср. усиленный словообразовательными средствами тот же глагол с тем же управлением *насмехаться над кем-то*; ср. также *издеваться над кем-то*).

У глагола *смеяться* обычно выделяются три значения (1) издавать смех; (2) насмехаться, издеваться над кем-то; (3) говорить не всерьез (ср., напр. [МАС]). Соотносительные с ними значения имеет и прилагательное *смешной*: (1) вызывающий смех, веселье; (2) вызывающий насмешку; (3) такой, который нельзя воспринимать серьезно. Это последнее значение заслуживает более подробного обсуждения.

Замечу, что во франц. языке все три значения выражаются отдельными словами: (1) *drôle, rigolo, comique*; (2) *ridicule, risible*; (3) *derisoire*. Слова, выражающие второе и третье значение, являются производными от глагола со значением 'смеяться', что говорит о том, что присутствующий здесь семантический переход является продуктивным (воспроизводимым). А именно, это переход 'вызывающий смех/веселье' → 'вызывающий насмешку (в силу своего несоответствия норме)' → '(вопиющим образом) не соответствующий норме'. В нем. языке сло-

во *lächerlich* совмещает второе и третье значения<sup>2</sup>, первое значение выражается словом *komisch* (также ‘странный’, см. ниже).

Прилагательное *смешной* в первом значении комментариев не требует, ср. *смешная кукла*, *смешная прическа* и т. п. (любой артефакт); *смешная шутка*, *смешной анекдот*, *смешная история*, *смешная пьеса*, *смешной рекламный ролик*<sup>3</sup> и т. п. (т. е. текст). Производным от второго значения глагола *смеяться* является прилагательное *смешной* в краткой форме: *смешон* (точнее, краткая форма соотносится преимущественно со вторым значением). Для дворянина XIX в. ничего не было страшнее, чем если он оказался *смешон* (ср. пример (1)).

- (1) — Я боюсь, что становлюсь *смешон*. Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть *смешным*. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть *смешна*; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть *смешна* (Л. Толстой. «Анна Каренина»);
- (2) Герои «Монументальной пропаганды» — как и большинство наших пожилых современников — пережили крушение идеалов. В романе они жалки, *смешны*. Но ведь это же страшно — вне зависимости от того, плохи или хороши были идеалы. — Это и страшно, и *смешно*. *Смешны* люди, которые меняют идеалы и легко приспособливаются ко всему (Ольга Шигарева. Владимир Войнович: Кумиротворение — это болезнь // «Аргументы и факты / Москва», 2001.07.04)<sup>4</sup>;
- (3) Тем не менее он приятен во всех отношениях: костюмная пьеса, сюжет, связанный с любовью и кровью, замечательная роль Броневого — его неукоснительный и туповатый, считающий себя мудрецом английский лорд уморительно *смешон* (Алексей Филиппов. Из жизни принцев и нищих. Театр // «Известия», 2002.03.28); совмещение значений (1) и (2).

Первое и второе значение могут выражаться синкретично (ср. пример (3)). Производными от глагола *смеяться* во втором значении являются также существительные *насмешка*, *посмешище*.

<sup>2</sup> Ср. франц. и нем. перевод названия романа Милана Кундеры «Смешные любви»: «Risibles amours»; «Das Buch der lächerlichen Liebe». Вообще категория *смешного* является ключевой для поэтики Кундеры (ср. ранний роман «Шутка», понятие *смешное бессмертие* в романе «Бессмертие» и др.). В эссе «День, когда Панург не сумеет рассмешить», вошедшем в сборник «Нарушенные завещания», Кундера пишет, что нет ничего труднее, чем заставить понять юмор.

<sup>3</sup> Самое частотное сочетание со словом *смешной* в текстах, фигурирующих в Интернете.

<sup>4</sup> Примеры (2)—(13) взяты из Национального корпуса русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)).

Третье значение слова *смешной* (оно имеется также у предикатива *смешно*) соотносится со значением глагола *смеяться* «говорить несерьезно», но очень косвенным образом; связь в основном проявляется в том, что в некоторых контекстах такое *смешно* может быть заменено на *не серьезно*: *Ну это просто смешно, то что вы говорите (= это просто несерьезно)*. Это значение очень интересно. В частности, это единственное актуальное значение слова *смехотворный* (неправильно определяемое в МАС как равное второму значению *смешной*): *ее прошлогодние рекорды оказались ей смехотворными; скорость переполненной ишхуны была смехотворной*.

*Смешное* в этом смысле — то, что неубедительно, несостоятельно, не может привести к цели. *Смешной аргумент* т. е. абсолютно не действенный, не убедительный (ср. также выражение *детский сад* — фразеологизм, означающий то же, что *смешно* в третьем значении). *Все, что он говорит в свое оправдание, просто смешно*, т. е. абсолютно неосновательно, неубедительно. Ср.:

- (4) Служебный модуль оказался поврежденным настолько, что были отменены планы по третьей пилотируемой экспедиции на Луну. Администрация пыталась обмануть судьбу. Специальным решением арабские цифры на скафандрах и костюмах были заменены на римские — вместо 113 написали СХІІІ. *Смешные уловки!* (Сергей Лесков. Космонавтам не удалось перекрыть кислород // «Известия», 2002.11.11)

*То, что вы предлагаете, просто смешно*. Ср. также *смешная цена, смешная сумма* (очень маленькая). *И продал за смешную сумму, и купил за смешную сумму* — одинаково значит «за очень маленькую» (по сравнению с некой нормой). *Смешно сказать* (о чем-то, существенно не достигающем нормы), ср. *Ему платят за эту работу — смешно сказать — тысячу рублей в месяц. Сейчас это просто смешно сказать, сколько он заплатил за этот дом* (имеется в виду, очень мало, потому что за это время цены выросли и т. п.).

Только в третьем значении употребляется слово *смехотворный* как «усиленное» *смешной* (но не в форме предикатива). *Ну это просто смешно/смехотворно, что он говорит в свое оправдание*. Это значение имеет два варианта:

А. «Это существенным образом и и же н о р м ы или другого термина сравнения»:

- (5) Говорят, что она не стала капризничать и запросила за съемки *смешной гонорар* — чуть больше 10 тысяч долларов, рассудив здраво: не каждый попадет на страницы суперпопулярного и многотиражного произведения (Библейской Евой станет топ-модель // «Аргументы и факты / Москва», 2001.06.06);
- (6) Первые сведения о них поступили из Новосибирска и Барнаула, где их продавали на оптовых рынках по «*смешным*» ценам» (Владимир Салмин. С таким рулем до Москвы не доедешь. На рынке спортивных «прибамбасов» для машин появилась новая фальшивка // «Известия», 2001.09.03);

- (7) Правда, сумма городом выделяется *смешная*: на каждую бдительную старушку положено 500 руб. в месяц (Ирина Суворова. Работенка для пенсионеров // «Аргументы и факты / Москва», 2001.02.14);
- (8) Конечно, 5 с лишним миллионов «Властелина» могут показаться *смешными* по сравнению с теми 50—70 миллионами долларов, которые приносит прокат хитов в главных киностранах Европы (Иван Даммов. «Титаник» все-таки потоплен. «Властелин колец» установил новый кассовый рекорд российского кинопроката // «Известия», 2002.03.01);
- (9) Обычное в последнее время для литературы облегчение от противного: довести себя текстом до полного изнеможения, чтобы собственные проблемы показались потом *смешными* по сравнению с книжными, — к Бутову и его роману это не относится («Народный букер»: я выбираю «Свободу». Разговор с читателем // «Известия», 2001.08.08).

Б. «Это противоречит некоторым нормам и законам». Замечательно, что это несоответствие норме имеет две противоположных импликации: «этого не будет», ср. пример (10), «этого нет», ср. пример (11) — или же, или наоборот «удивительно (и отчасти это раздражает), но это имеет место», ср. примеры (12), (13).

- (10) В годы коммунизма была популярна песня на мотив марша Шопена «В сельском хозяйстве опять большой подъем». В новое время явилась новая песня «Демократы опять объединяются». Начинание довольно *смешное* не потому только, что договариваться с лидером «Яблока» Г. А. Явлинским о чем бы то ни было — дело абсолютно бесперспективное и все давно это знают. *Смешное* еще и потому, что участники объединительного процесса не могут даже условиться о том, как себя именовать (Максим Соколов. Ох, и легка ты, шапка Мономаха! // «Известия», 2002.10.23);
- (11) Лицо не из нынешнего века — это лицо, лицо Мари Трентиньян, дочери известного во всем мире Жана-Луи Трентиньяна, называют сегодня «самым загадочным во всем современном французском кино и театре». И часто спрашивают, откуда в ее взгляде меланхолическая свежесть юности, которую теперь можно увидеть, пожалуй, лишь на женских портретах века девятнадцатого... Когда я это слышу, мне *смешно*, — говорит Мари Трентиньян. — Я не чувствую в себе никакой запоздалой юности. Никому не дано остановить время, но я очень привязана к прошлому — детству, молодости. Если я произвожу впечатление женщины из другой эпохи, то это помимо моей воли. Я бы сказала, что это не по расчету, а от природы, ибо я-то чувствую себя целиком принадлежащей своему времени (Лицо со старинного медальона // «Культура», 2002.03.25);
- (12) Между тем и подопытные кролики и те, кто это все придумал и воплотил в жизнь, уже предвкушают, как они будут купаться в славе и популярности. Самое *смешное* — будут купаться. Шуму и «вау» будет много. И еще более *смешно*, что все это из ничего. Из пустоты. Главное, что удалось создателям проекта — выделить химическим путем вещество популярности. То есть



создать материю известности, отдельную от ее носителя (Юрий Богомолов. Играем в слабое звено // «Известия», 2001.11.23);

- (13) И самый короткий путь театра к зрителю — это от сердца к сердцу. Коль скоро нет пророка в своем отечестве, может быть, мы послушаем человека со стороны? Тут Марк Захаров рассчитал верно. Что самое *смешное* — пьеса старая, зачитанная до дыр еще советским театром: «Мсье Амилькар платит» И. Жамиака, жестокая мелодрама с печальным концом уже тогда считалась символом пошлой буржуазности (Воспоминание о Ренуаре // «Театральная жизнь», 2004.06.28).

В связи с последним значением русского слова *смешной* обращает на себя внимание немецкое *komisch*, буквально ‘смешной, комичный’, но в разговорном языке имеющее значение ‘странный’, ср. *Komisch, ich verstehe nicht. Wo ist doch mein Koffer?* ‘Странно. Ничего не понимаю. Где же мой чемодан?’

Таким образом, пути семантической деривации приводят обратно к исходной концептуальной конфигурации: нечто, отклоняющееся от нормы, противоречащее нашим ожиданиям.

## «ОСОБЫЕ СОБЫТИЯ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ \*

Формы российской городской жизни, организация досуга и жанры времяпрепровождения в последнее время очень изменились. Разумеется, это не могло не отразиться в языке. Не случайно одним из первых всеми замеченных и вызвавших разнообразные, иногда весьма бурные, эмоциональные реакции языковых изменений нового времени было распространение слова *тусовка* (с более поздними и стилистически еще более маркированными вариантами *туса*, *тусня*, *тусняк*, *тусыч*).

Мы продемонстрируем этот важный концептуальный сдвиг на примере изменений в употреблении слов *вечеринка* и *событие* за последнее десятилетие.

История слова *вечеринка* в литературном русском языке весьма показательна. Оно есть еще в «Словаре Академии Российской» конца XVIII века, с толкованием «вечерняя беседа, дружеское вечернее собрание». У Пушкина читаем: «По воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, т. е. двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках». Ясно, что *вечеринка* здесь — это что-то не такое помпезное, как *бал*. У Гоголя, в «Мертвых душах»: «Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время». Пожалуй, более активно это слово стало фигурировать в литературе со второй половины позапрошлого века, приобретая все более явственные разночинско-демократически-богемные коннотации.

В этом смысле картина Маковского «Вечеринка» (1875—1897, Третьяковская галерея) очень характерна. Она изображает народовольческий уклад жизни: не просто молодежь собралась потанцевать, а одновременно и революцию готовят.

Картина В. Е. Маковского «Вечеринка» была очень популярна в конце XIX — начале XX века в интеллигентско-демократической среде. Не однажды мне приходилось слышать от людей, чья юность пришлась на эти годы, о том, какое сильное влияние она имела на них.

В мемуарах педагога-московеда А. Ф. Родина рассказано об одном эпизоде из его жизни, связанном с картиной Маковского и с московским чаепитием.

В 1908 году Родин учился в выпускном классе Набилковского коммерческого училища, по характеру он был, что называется, заводилой, училищное начальство характеризовало его как «человека общественного». Это было время, когда

---

\* Впервые опубликовано в сокращенном виде: [Левонтина 2009].

русская интеллигенция, и в том числе думающая молодежь, осмысливала уроки революции 1905 года и пыталась определить свое место и свою роль в общественной жизни. Тогда были популярны кружки самообразования, так как считалось, что государственное образование однобоко и рутинно. Родин решил организовать такой кружок, собрания которого виделись ему похожими на то, что нарисовал Маковский. И он начал подготавливать вечеринку. (Впоследствии этот кружок так и назвали — «Вечеринка».)

«И вот вечером 26 октября 1908 года в моей маленькой комнате с розовыми обоями и вечно коптящей лампой, — пишет Родин в своих воспоминаниях, — собралась первая “Вечеринка”. (Тогда Родин снимал комнату во дворе в флигеле в Лялином переулке на Покровке. — В. М.) Нас было семеро... На столе стоял чай и сушки — угощение, ставшее на “Вечеринке” традиционным.

Нам всем, собравшимся на первую “Вечеринку”, было тогда по 16—18 лет — возраст острых чувств и переживаний. В своем вступительном слове я сказал: — Цель наших бесед заключается в обмене мыслями по тем или иным вопросам, интересующим нас всех».

Родинская «Вечеринка» просуществовала пять лет. Темы, обсуждавшиеся на ней, охватывали широчайший круг интересов. Вот некоторые из них: «Что дала литературе революция?», «Оправдание государства», «Свобода воли», «Что такое призвание?», «Радость жизни», «О нелепости жизни», «О Короленко», «Серафим Саровский»...

Общение за чайным столом, общий поиск мировоззрения дали очень интересный, с точки зрения сегодняшнего дня, результат.

(В. Муравьев. «Московские слова и словечки». М., 1999. С. 136—137).

В рассказе Чехова «Попрыгунья» жанр мероприятий, которые с таким азартом устраивала героиня, стремясь залучить на каждое какую-нибудь знаменитость, обозначается именно как *вечеринка*. А вот пример из Горького: *У Лютова будет вечеринка с музыкой, танцами, с участием литераторов, возможно, что придет сама Ермолова* («Жизнь Клим Самгина»).

Конечно, одновременно слово *вечеринка* обозначало и другой, более народный жанр. Эта вторая традиция *вечеринки* как мероприятия неофициального и незлитарного преобладала в советское время. Ср.:

Высокий молодой человек, светловолосый, голубоглазый, модно одетый, отодвинул стул, помогая сесть Катерине, улыбнулся ей. — Рудольф Рачков, — представился он мимоходом и начал накладывать Катерине салаты. (...) Потом, как и принято на вечеринке, танцевали. Людмила — с молчаливым молодым человеком, хоккеем Гуриным, Катерина — с Рудольфом (В. Черных. «Москва слезам не верит» (1980)).

Вот яркое описание, относящееся к чуть более раннему времени (а сделанное несколько позже предыдущего текста), которое интересно еще и тем, что слово *вечеринка* употреблено здесь цитатно и даже взято в кавычки:

Патефон, чаще всего трофейный, с ручкой, подобной рукояти, которой заводились автомобили того времени, собирал вокруг себя офицеров и их жен так же верно, как позднее проигрыватель, а еще позднее магнитофон. Танцы под пластинки, разбавленные алкоголем, назывались запросто — «вечеринка» (Э. Лимонов. «У нас была Великая Эпоха»).

Здесь особенно показательно это *запросто*.

Некоторый вульгарный привкус по мере приближения к концу XX века становился у слова *вечеринка* все ощутимее:

Вечеринка — это сборище одной компании у кого-то на дому с выпивкой, игрой в бутылочку, иногда чем-нибудь еще более пошлым. В зависимости от содержания алкоголя в крови. Чтоб родители на вопрос других родителей: «Чем они там у вас занимаются?» честно отвечали: «Танцуют» (А. Карахан. Манифест нового поколения москвичей // «Столица», 1997.07.01).

Впрочем, задолго до этого интеллигентная публика, во всяком случае в столицах, перестала использовать слово *вечеринка* применительно к собственному времяпровождению. Вот ценное свидетельство этого:

По вечерам у Булановых собиралась компания молодежи обоего пола. Вечеринками назывались такие встречи (теперь этого слова что-то не слышно). Устраивались они в складчину. Без вина — оно ещё не было в обычае, да и дорого. Только чай с бутербродами (И. Грекова. «Фазан» (1984)).

Я закончила школу в 1980-м и потом училась в МГУ — и могу засвидетельствовать, что у нас не бывало никаких *вечеринок*. Уже в начале 90-х я пригласила на день рождения знакомую немку, которая изучала в Москве русский язык. Она радостно спросила: «У тебя будет вечеринка?». Я растерялась. С одной стороны, я совершенно точно знала, что у меня будет не *вечеринка*. Придут гости, будем выпивать и закусывать, песни петь и веселиться. С другой стороны, чем же это не *вечеринка*? С третьей стороны, я не считала, что это слово устаревшее, я вообще-то могла его употребить. Тем не менее, я совершенно отчетливо ощущала, что мой день рождения назвать *вечеринкой* мог только иностранец. Или еще, возможно, очень пожилой человек.

Возвращаясь к своему личному опыту старших классов и студенческих лет. Как же мы говорили? *Вечеринка* точно не говорили. Если организованное школьное мероприятие, то было слово *вечер*, если школьное, но менее официальное, — *огонек*. Ну а если домашнее? Помню, был фильм из школьной жизни «Розыгрыш», там в нужном значении использовалось слово *сабантуй*. А так я существительного что-то вообще не припомню, говорили просто — *собираемся*. Впрочем, было еще слово *сейшн*, но оно в качестве синонима *вечеринки* использовалось довольно ограниченно, как в социальном отношении, так и в хронологическом. История слова *сэйшин* сама по себе совершенно замечательна и заслуживает отдельного рассмотрения.

Мы гораздо лучше замечаем назойливое мелькание новых слов, чем исчезновение тех, что вот еще недавно были у всех на языке. А потом встретишь такое слово в каком-нибудь тексте и подумаешь: действительно, было такое... Что-то давно его не слышно — куда же оно делось-то? Все ли помнят слово *сейшн*? А если помнят — давно ли в последний раз его встречали? Я имею в виду в первую очередь *сейшн* не как музыкальный термин, а в качестве синонима слова *вечеринка*. История слова *сэйшн* совершенно замечательна. Начнем с цитаты:

Люди, о которых я пишу эти строки, были молодыми в начале 70-х. Они слушали рок и презирали советскую эстраду. Они много читали на родном языке, но говорили на своем особом. Слов «круто» и «отстой» еще не было. Были слова «клево» и «лажа», просочившиеся из музыкантского и тюремного сленга. Другие слова напоминали английские. «Лети за кайфом!» — с этими словами гонцу вручали смятые рубли, и он приносил на сейшн портвейн.

[http://www.agranovsky.ru/don\\_guan/hwavsn.htm](http://www.agranovsky.ru/don_guan/hwavsn.htm)

Слово *сейшн* пришло из джаза через неформальный термин *jam session* (особый вид совместного музицирования с большой долей импровизации), в рок-музыку, в частности в русский рок — получив при этом вид *сейшн* вместо корректного *сеши*, затем закрепилось уже в более широком значении («тусовка») в языке русских хиппи и вообще неформально и прозападно ориентированной молодежи. В более позднем апокрифическом «Евангелии от Митьков» (1990) (апокрифическом, разумеется, в смысле митьковского авторства) говорится, в частности: «Придя из пустыни, собрал Иисус сейшн из братушек и чуваков. И учил сынков, говоря: Не напрягайтесь ни в жизни своей, ни в помыслах, ибо лишь оттянувшиеся кайфуют».

Интересно тут, конечно, это искажение английского слова, которое прочно закрепилось, хотя и продолжает вызывать разнообразные эмоции — от недоумения до возмущения:

Американское жаргонное джазовое слово «*Jam session*» читается по-русски как «джем-сэшн», и буквы «й» там нет и в помине. Тем не менее даже наши уважаемые критики и музыковеды, блюдя русские традиции любви к «самопалу», произносят это как «джем сэйшн». Между прочим, в хипповые 70-е годы, рок-музыканты домакаревичевского периода, признававшие только англоязычный рок, произносили это слово правильно, когда собирались на подпольные «сэшена». Трансформация в совковый «сейшн» произошла уже позднее (А. Козлов. «Козел на саксе» (1998)).

Языковые причины такого искажения вполне понятны: здесь сработала аналогия со словами типа *situation*, *immigration*. Похожий механизм действовал, например, в истории русского слова *вынуть*.

Первоначальное *вынять* (ср. *отнять*, *занять*) было «переразложено», и в безударной позиции «ня» было понято как суффикс и заменено на «ну», по аналогии со словами типа *кинуть*, *дернуть*. Так в русском языке возникло слово, в котором как бы нет корня: после приставки *вы-* сразу идет суффикс *-ну-*.

Споры о том, как надо говорить: *сешн* или *сейшн* — продолжаются до сих пор. Я наткнулась на любопытный диалог на одном сайте:

— Для тех, кто не знает — слово «Сейшн» пишется с Й, ну уж никак не «сешн». Если уж этого не знали, могли бы прочитать на плакате на рок-фестивале (о котором собственно и писали, употребив неверно слово). А говорите, у вас работают в основном молодые. Слово это, кстати, в употреблении не меньше шести лет точно! [Эх, молодо-зелено! — *И. Л.*] Так что... делайте выводы...

— уважаемый/-ая посетитель/-ница нашего сайта! во-первых, отрадно, что мы читаемы!! во-вторых, слово *session* на русском (*сешн*) написано верно. вот вам ссылка, если разберетесь в транскрипции, значение 5. <http://lingvo.yandex.ru/en?text=session> да простят нас участники фестиваля, но подобный недочет в произнесении мы допустить не могли

— И все же!!!!!! Сешн — (*session* — англ.) относится не к слэнгу, в отличие от слова *сейшн*, которое во всю употребляет молодежь. Вашему вниманию предлагаем синонимы этого слова: *пир, вечер, мальчишник, девичник, гулянка, пирушка, девичник, посиделки, вечерка, бардак, сейшен, сейшн, погулянки, поддача, междусобойчик, бордальево, гудеж, пати, спрайтопитие, суарэ*. Так что, организаторы вечеринки употребили данное слово в правильном контексте. А вот вам надо бы больше интересоваться не только политикой, а жизнью вообще, в том числе и жизнью молодежи. Может, тогда вы сможете говорить с ней на одном языке.

— уподобляться тому, как использует его в русифицированных вариантах наша молодежь (и не только), когда один неграмотный ляпнул, а все дружно подхватили, — увольте!! и вообще, ребята, пора уже начинать английский учить...

Когда происходит легализация рока, отход от хипповских ценностей, слово *сейшн* постепенно возвращается на исходные позиции, теперь употребляясь в основном в составе музыкального термина *джет-сейшн*. Или отдельно — для указания на концерт определенного рода, несколько неформальный. Кроме того, слово *сейшн* все в той же нестандартной огласовке сейчас используется для перевода английского слова *session* в контекстах, не связанных с музыкой (*рекламный сейшн*).

*Сейшн* в значении «встреча, тусовка» из языка еще не совсем ушло, но малоупотребительно. Постаревший пипл горюет в Интернете:

Кстати, куда пропало слово *сейшн* из нашего современного языка?

Ты вот, прости, и слова такого не знаешь — «сейшн». А как оно сладко звучало! И каждый, еще не так давно, знал, что оно значит. А, интернетовцы?

— помните *У нас сегодня сейшн, мол...* А то ребята такого молодые не знают, у них все пати и пати.

Впрочем, в каких-то кругах слово *сейшн* снова в ходу. Но уже с совершенно другим набором ассоциаций и совсем иным социальным портретом говорящего:

В моей компании в преддверии Дня строителя сегодня корпоративный *сейшн* в Лосево — рафтинг и всякие шашлыки-дискотеки...;

Основная цель «GT-Сейшна 2007» — собрать в одном прекрасном и подходящем для авто-спортивных соревнований месте, всех людей региона увлеченных столь популярными во всём мире GT-Гонками и автомобильным тюнингом. Организаторы мероприятия — «GT-Клуб Красноярск», «Автоматгазин», kolenval.ru, «КрасноярскАвто». Основное действие *сейшена* — соревновательные заезды, пройдут на взлетно-посадочной полосе аэродрома заасфальтированной специально для автомобильных гонок на 402 метра(!).

Да, это вам не *клёвый сейшн на флэту...*

Возвращаясь к истории слова *вечеринка*, отметим, что существовал и еще один режим его употребления — в переводных текстах или просто при описании иностранной жизни. Дело в том, что надо было как-то переводить слова *party* и *soirée*, а хорошего русского перевода не было. Праздник звучит слишком торжественно и связывается с поводом. Ну, допустим, *birthday party* можно назвать просто *день рождения*, хотя встречаются и неуклюжие переводы типа *праздник дня рождения*. Но если это не день рождения, а без повода? *Танцы, попойка, посылки* — все эти слова чересчур конкретизируют характер времяпрепровождения.

В 90-е без колебаний использовали бы иностранное слово и стали бы говорить *пати, парти* (вряд ли *партия*) или, скажем, *суаре*. Но в советское время так было не принято. Вот и стали использовать буквальный русский перевод — *вечеринка*. Ср. пример из перевода «Крестного отца» М. Пьюзо: *Четверо людей — крупье, банкомет, их помощник и официантка в типичном для ночного клуба платье — готовили все необходимое для частной вечеринки*. Таким образом, получилось, что слово *вечеринка* могло обозначать что-то из прошлого или из деревенской жизни, или же, наоборот — нечто недостижимо иностранное.

А когда началась новая эпоха, и слово *вечеринка* обрело второе дыхание. Конечно, если бы не было этой традиции переводных употреблений типа *частная вечеринка*, вряд ли у него были бы шансы. Но ему повезло. Архаичная или простонародная окраска стерлась, и теперь стали уже совершенно привычными сочетания *корпоративная вечеринка, светская, клубная* или *гламурная вечеринка*. «Яндекс» дает десятки тысяч *вечеринок* только в «Новостях», а уж «Везде» — много миллионов. А от *вечеринки* обратным словообразованием было произведено и слово *вечерина* (тоже несколько сотен тысяч) — как синоним уже только для *вечеринки* в этом новом смысле, как *party*.

Надо, впрочем, заметить, что распространение слова *вечеринка* не означает, что в качестве эквивалента *party* не используется прямое заимствование. Причем используется как вариант *пати*, так и вариант *парти*; ср. несколько примеров из Интернета:

Королева «*найт-пати*» Москвы Рената Литвинова считает лифчики буржуазным пережитком;  
 Несколько слов о грядущей *пати*;  
 Тем, кто не уловил актуальности, рекомендуем перечитать новости прошлого года *байк-пати*;

*Парти-сервис* — услуги поваров, кейтеринг, обслуживание торжеств и праздников; В этом году наша *парти* проходила в ночном клубе, что несказанно располагало к веселью.

Это отчасти связано с тем, что слово *вечеринка* не может быть полным эквивалентом *party* из-за своей связи с определенным временем суток: *утренняя* или *ночная вечеринка* звучит не очень хорошо. Однако *пати* и *парти* функционируют, во всяком случае пока, не столь широко, как *вечеринка*, и в некотором смысле вторичны по отношению к ней. Это видно, в частности, по тому, что оба варианта часто, хотя и не всегда, используются в женском роде (ср. в приведенных примерах — *о грядущей пати, наша парти проходила в ночном клубе*).

Другое слово, которое обозначает жанр времяпрепровождения и тоже в последнее время изменило свое значение, — это слово *событие*. *Доверьте ваше событие профессионалам!* — так звучит рекламный слоган одного агентства по организации праздников. Другое такое агентство так и называется — «Событие», а еще одно — с большей претензией — «Министерство событий». А вот Компания *Event-cafe* предлагает *полный спектр услуг по организации событий и мероприятий, в их числе презентации, модные показы, корпоративные вечеринки...* Еще одно подобное агентство:

Наименование: АС (Агентство событий) «УРА!» Специализация: производство эффективных событий (MICE менеджмент, event-маркетинг). Команда сотрудников «УРА!» разрабатывает прорывные идеи, которые быстро и профессионально воплощает в событиях. Высокая эффективность событий, созданных агентством, объясняется умением максимально вовлекать в них участников. Механизм создания событий требует точно просчитанной задачи.

Аналогичная формулировка: *Организация Событий: корпоративы, свадьбы, детские праздники...* Появились и сочетания типа *свадебное событие*.

Русское слово *событие*, естественно, употребляется здесь по образцу английского *event*. Более того, *event* даже не всегда переводится. Вот пример:

В Авторской школе Сергея Князева для *event-менеджеров* была разработана методика, позволяющая обучать специалистов в области организации мероприятий... Обучение этой, сравнительно новой в России, профессии — *event-менеджер*, — необходимо и, главное, востребовано. За прошедшее время школа подготовила и переподготовила более 300 *ивенторов*.

И вот еще там же: «Учиться *event*'у, не выходя из дома!». Ср. также «Министерство Событий» — *event-министерство полного цикла*.

Сложнее другое: а в чем, собственно, необычность таких употреблений слова *событие*, как во фразе «Доверьте ваше событие профессионалам»? Русское слово *событие* толкуется в словарях примерно так: «то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни». *Произошло, случилось* — значит, скорее всего, в ходе естественного течения жизни. Но тогда



*организация событий* — это нечто странное. Разумеется, и *несчастный случай* можно *организовать*, но это будет значить, что кто-то организовал покушение так, чтобы выдать его за несчастный случай. А название «Министерство событий» наводит на мысль о небесной канцелярии или о чем-то подобном.

Такое же значение, как у русского *событие*, есть и у английского слова *event*. Но есть у него и другие значения. В частности, *event* может пониматься как ‘мероприятие’ и указывать на праздник, концерт, прием, торжественную церемонию, спортивное соревнование и т. п. Собственно, слово *мероприятие* вполне годится во многих случаях в качестве эквивалента *event* в этом значении; ср. *Министерство Событий* — *Ваше мероприятие на высшем уровне!*

Но слово *мероприятие* несколько слишком суконное, казенное и совсем не праздничное. Его недостаточно. Часто *event*, а особенно *special event*, до сих пор переводят как *праздник*. Но у этого слова значение более узкое, не всякое *event* можно назвать *праздником*. Так что у нового употребления слова событие все шансы закрепиться, а с ним и у сочетания *специальное событие* (иногда, впрочем, говорят *особое событие*). Понятие *special event* — это краеугольный камень пиара. Это раньше события происходили, а потом сообщения о них становились новостями. Теперь считается, что события надо планировать и организовывать, причем сразу с таким расчетом, чтобы из них сами собой получались удобные и эффективные новости.

Конечно, пока слово *событие* в смысле ‘мероприятие’ стало совершенно привычным в основном в жаргоне пиарщиков, но оно уже уверенно расширяет сферу употребления.

*Анна А. Зализняк*

**ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ  
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:  
ГОСТИ VS. PARTY\***

Я друзей созову, на любовь свое сердце настрою  
А иначе зачем на земле этой вечной живу  
(Б. Окуджава)

Let's have a party  
C'mon let's have a party  
When some people getting bored  
Rock some more  
Let's have a party tonight  
(Go-Go's — Jessie Mae Robinson)

Собери друзей по-быстрому  
(Круглая компания.  
Жевательный мармелад + трансформер  
ООО «Смешарики»)

Прием гостей — область в сильной степени ритуализованная, и естественно, что эти ритуалы в разных культурах различаются, иногда довольно существенно. Например, различны в русской и европейской культурах приоритеты той или иной иерархии в отношении обязанности (и, соответственно, права) разливать спиртные напитки: в России обычно вино наливает мужчина, независимо от того, является он хозяином или гостем, а на Западе эту функцию выполняет хозяин, независимо от того, является он мужчиной или женщиной. Незнание такого рода различий может порождать коммуникативные провалы, но к языку это прямого отношения не имеет. С другой стороны, часто бывает так, что особенности ритуала закреплены в значении соответствующих слов и выражений (этикетные формулы и т. п.), в этом случае слова просто оказываются вынуждены обозначать разную реальность. Однако больший интерес представляют случаи, когда реальность как будто одна и та же, а слова, ее обозначающие, вовсе не эквивалентны.

---

\* Окончательный вариант данной главы подготовлен при поддержке РГНФ, грант № 11-04-00105а. В главу вошли материалы публикаций [Зализняк 2009; 2010].

Рассмотрим следующий фрагмент реальности: люди приходят к кому-то в дом, по приглашению хозяина, возможно (но не обязательно) по какому-то поводу, там пьют и едят, разговаривают (*общаются*)<sup>1</sup> — получая от этого удовольствие и/или выполняя таким образом свои социальные обязательства. Такой фрагмент достаточно характерен как для русско-, так и для англоязычной реальности. В английском языке это мероприятие будет без колебаний обозначено как *party* (хотя это слово может обозначать также мероприятия другого рода, о чем будет идти речь позже). Среди значений, выделяемых в Оксфордском словаре, имеются, в частности, следующие (нас будет интересовать второе из них, которое является производным от первого):

*party* [OED]:

- a group of people, *esp.* one gathered together for a temporary purpose; a group of people travelling or engaged in a common activity
- a gathering for social pleasure or amusement; a social gathering or entertainment, *esp.* of invited guests in a person's home.

Что же касается русского языка, то здесь удивительным образом возникает проблема. Несмотря на то что гостеприимство является традиционной русской ценностью, а хождение в гости продолжает оставаться одним из наиболее распространенных способов проведения досуга, для обозначения этой ситуации в русском языке нет единого стилистически нейтрального общеупотребительного литературного слова. Вообще разных слов существует множество: в словарях предлагается *вечеринка, прием, вечер, праздник*, есть также названия специальных мероприятия по какому-то поводу: *день рождения, свадьба, проводы, банкет, девичник, мальчишник*, а также целый ряд жаргонизмов, который постоянно пополняется: *посиделки* (низк.), *пир, бал* (шутл.) *сабантуй, междусобойчик, сейш(о)н, пьянка, симпозиум* и т. п. А вообще-то, как справедливо замечает Ирина Левонтина, размышляя о том, как мы обозначали это мероприятие в студенческие годы — а никак, говорили просто *собираемся*<sup>2</sup>. И действительно, слова нет.

Явление отсутствия в языке слова для обозначения имеющегося в культуре концепта обсуждается в книге [Попова, Стернин 2003: 23], где в качестве примера приводится отсутствие в русском языке слова для обозначения *полоски льда на тротуаре, используемой детьми для того, чтобы прокатиться*. Но это все же реалия в какой-то степени периферийная, а в нашем случае речь идет о важнейшем культурном концепте.

Хорошо известны трудности, которые возникают с переводом английского слова *party* на русский язык. Главная трудность состоит именно в том, что в русском языке для этого мероприятия нет хорошего обозначения. Что касается слова

<sup>1</sup> О лингвоспецифичности слов *общение* и *общаться* см. статью «Заметки о словах...» в наст. книге, а также статью [Ertelt-Vieth 2005].

<sup>2</sup> См. [Левонтина 2010: 90] или статью «‘Особые события’ в современном русском языке» в наст. книге.

*вечеринка* (которое приводится в словарях первым и реально довольно часто используется в переводах): как показала в той же работе Ирина Левонтина, слово *вечеринка*, еще недавно совершенно устаревшее, в последнее время возвращается в русский язык, причем именно как аналог слова *party*, т. е. как увеселительное праздничное мероприятие, проводимое, чаще всего, в офисе или в ресторане, для сотрудников одной фирмы — *корпоративная вечеринка* или *корпоратив*. Но это — своего рода семантическое заимствование, а если иметь в виду стандартный литературный русский язык, то наиболее близким эквивалентом для англ. *party* будет слово *гости* pluralia tantum, обозначающее мероприятие. Это будет мой первый тезис.

Второй тезис будет состоять в том, что англ. *party* и русск. *гости* имеют лишь одну небольшую область пересечения, а в остальном расходятся, и эти расхождения не случайны.

### Гости

Какова бы ни была причина возникновения в русском языке вышеупомянутой лакуны, факт состоит в том, что современный русский разговорный язык заполняет ее новой лексемой *гости*-мероприятие, pluralia tantum, которая является именно отдельной лексемой: это не множ. число от слова *гость* и не просто составная часть ряда идиом. Заметим, что для имен мероприятий очень характерна форма pluralia tantum: *бега, именины, выборы, переговоры, похороны, поминки, танцы*, ср. также названия игр *прятки, вышибалы* и т. п.

В современной русской лексикографии «мероприятие» выделяется как один из таксономических классов непредметных имен (см. [Paducheva 2007]). Категория «мероприятие» фигурирует также в семантической разметке Национального корпуса русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)). Имена мероприятий обладают рядом общих свойств, в частности, для них характерна метонимическая соотнесенность с местом, что определяет их сочетаемость, например, с глаголами движения.

Слово *гости*, однако, не фигурирует ни в одном списке имен мероприятий — при том, что в нем встречаются слова *вечеринка, именины, праздник, собрание, пир* и т. п., описывающие ситуации сходного типа. Это естественно, поскольку лексема *гости* как отдельный словарный вход отсутствует в словарях русского языка. Так, например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова в статье *гость* упоминаются идиомы *идти в гости* — направляться к кому-н. в качестве гостя, *быть в гостях* — находиться у кого-н. в качестве гостя; *из гостей* — оттуда, где был в гостях. И такая трактовка правильно отражает литературную норму. То же — в МАС; в словаре Ожегова эти выражения не упоминаются.

Начнем к конструкции *пригласить кого-то в гости*, которая является в некотором смысле исходной. Она похожа на много обсуждавшуюся конструкцию *пойти в солдаты; отдать в ученики; взять в жены, в гувернантки, в помощники, в напарники; выйти в генералы; играть в дочери-матери, в казаки-разбойники*

и т. д., где существительное во множ. числе представляет собой отдельную лексему *pluralia tantum* со значением социального статуса (или семиотического — в случае игр): быть солдатом, женой, генералом, «дочкой» и т. д. — и склоняется по неодушевленному типу; соответственно, форма винительного падежа совпадает с формой именительного. *Пригласить кого-то в гости* — это то же самое: придать кому-то статус гостя. Множ. число указывают здесь именно на это особое статусное значение: аналогично тому, как *взять в жены* не означает, что у человека есть еще и другие жены, *пригласить в гости* не означает, что позвали кого-то еще, т. е. что гостей будет много, это означает лишь, что данному человеку был придан статус гостя.

Переход от статусного значения слова *gosti* к значению мероприятия — это следующий шаг семантической деривации, который у слов *солдаты*, *жены*, *губернанти*, *генералы* и т. п. отсутствует.

Словоформа *gosti*, тем самым, имеет три различных значения:

- (i) множ. число от слова *гость*.
- (ii) *gosti*, *pluralia tantum* (= 'статус гостя'), только в устойчивых сочетаниях: *пригласить в гости*, *пойти в гости*, *быть в гостях*, *возвращаться из гостей* (то же с некоторыми другими глаголами);
- (iii) *gosti*, *pluralia tantum* (= имя мероприятия).

Путь семантической деривации здесь следующий. Исходным является выражение *пригласить (позвать) кого-то в гости*. Это чисто семиотический акт придания другому человеку статуса «гостя», со всеми вытекающими для него и для человека, его пригласившего, обязательствами. Поскольку реализация приглашения в гости означает приход в определенное место, возникает выражение *пойти в гости* и, далее, *быть в гостях* и *возвращаться из гостей*. Во всех этих выражениях, кроме исходного *пригласить в гости*, слово *gosti* выполняет двоящую функцию: значение статуса (ii) и значение мероприятия (iii); за счет значения мероприятия оно имеет признак пространственной локализации. Но вообще-то, в полном соответствии с трактовкой, например, словаря Ушакова, это идиомы (только здесь имеется в виду не предметное имя *гость*, а форма мн. ч. *gosti* в статусном значении).

Обсуждая данные три идиомы нельзя не упомянуть тот факт, что в древнерусском языке был, а в других славянских языках сохранился и по сей день стандартный способ обозначения страны при помощи множ. числа от названия населяющих ее жителей: *путь из варяг в греки*; *пошел в вятичи*; *в половцах*, *в немцах*; ср. также польск. *Włochy* 'Италия', *we Włoszech* 'в Италии'. Тем самым языковая модель («конструкция») имеется, причем для всех трех аспектов: аллативного, эссивного и аблативного. Разница только в том, что *гость* — не этноним, но производное значение — то же самое: *gosti* — это семиотическое пространство бытования семиотических фигур, называемых *гость*.

Таким образом, слово *gosti* в статусном значении (*пригласить в гости*) опирается на две конструкции, ни той ни другой полностью не следуя: в отличие

от конструкции *взять в жены* здесь речь идет о кратковременном статусе, и в отличие от *поехать в греки* — о множестве людей, объединенных не этнически, а семиотически (и тоже временно).

Новое явление, которое имеет место в современном разговорном языке, связано с экспансией значения мероприятия, которое выходит за рамки перечисленных трех идиом. Из этих идиом как бы «извлекается» слово *гости* как существительное, обозначающее мероприятие, которое локализовано в пространстве и во времени, и соответственно расширяется его сочетаемость. А именно, в разговорном языке слово *гости* в значении мероприятия реализуется уже «в чистом виде», без значения статуса; помимо усиления компонента пространственной локализации, здесь появляется также и временная составляющая. *Гости* в значении (iii) — это мероприятие, которое происходит в определенном месте в течение определенного времени, кроме того, оно занимает определенную точку на временной оси по отношению к другим событиям. При этом слово *гости* здесь может обозначать как поход в гости, так и прием гостей. Соответственно, оказываются возможны выражения:

*вчерашние гости, завтрашние гости* (= ‘мероприятие, которое мы посещали вчера / посетим завтра или: ...которое имело место у нас вчера / будет происходить завтра’);

*следующие гости; первые, вторые, третьи гости;*

*поздние гости* (= ‘наше пребывание в гостях / пребывание гостей у нас началось или закончилось поздно’);

*короткие, долгие гости* (= ‘наше пребывание в гостях / пребывание гостей у нас было коротким, долгим’);

*до гостей, после гостей, между двумя гостями*<sup>3</sup>;  
*двое, трое гостей;*

и т. п.

Приведем примеры реализации обсуждаемого значения<sup>4</sup>:

- (1) Приезжий из Советского Союза возвращался поздно из *очередных гостей* (В. Войнович. «Дело № 34840» (1999));
- (2) Возвращался из *поздних гостей*, где провел много часов и напился (В. Маканин. «Сюр в Пролетарском районе» (1990));
- (3) Сейчас чего-нибудь приготовлю быстренько, чтобы перекусить *до гостей* (М. Чулаки. «Борисоглеб» (1996));
- (4) «Показать Васе или не показать? И если показать — то когда? Сейчас или *после гостей*? Нет, уж лучше после — теперь не только этот несчастный будет смешон, но и я вместе с ним». Так раздумывала княгиня Вера и не могла

<sup>3</sup> Т. е. в промежутке времени между посещением одного и другого дома, куда позвали в гости. Данное словоупотребление находится на грани нормы, и некоторыми говорящими отвергается.

<sup>4</sup> Из Национального корпуса русского языка.

отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов (А. И. Куприн. «Гранатовый браслет» (1911));

- (5) Однако *после гостей* нужно было долго приходить в себя и заделывать, замазывать, залеплять дыры, пробитые в бюджете семьи очередным праздником, снова «перехватывать» у сослуживцев, у соседей, у знакомых (А. Белозеров. «Чайка» (2001)).

В примерах (1), (2) из контекста следует, что имеется в виду поход в гости, в (5) — прием гостей; в (3) и (4) контекста данного предложения для разрешения этой неоднозначности недостаточно.

Мероприятие «гости» может также получать оценку:

- (7) *удачные, неудачные, интересные, скучные, утомительные* и т. д. *гости*;  
*доволен / недоволен вчерашними гостями.*

В качестве имени мероприятия слово *гости* приобретает и другую сочетаемость, характерную для имен с непредметным значением, ср.:

- (8) *Из-за вчерашних гостей* я не успел дописать письмо.

Если объединить новые синтаксические возможности существительного *гости* в значении мероприятия со старыми идиомами, где мероприятие выражалось синкретично со значением статуса, то получается практически полная парадигма склонения. А именно:

Им. п.: у нас сегодня *гости*

Вин. п.: пригласить (кого-то) / пойти (к кому-то) *в гости*

Род. п.: возвращаться *из гостей*; я сделаю это *после гостей*

Дат. п.: (редко) благодаря завтрашним *гостям* у меня есть предлог отказать-ся от этого приглашения

Твор. п.: недоволен вчерашними *гостями*

Предл. п.: *в гостях* хорошо, а дома лучше; провели три часа *в одних гостях*, потом поехали в другие.

Лексема *гости*-мероприятие имеет также формы множ. числа (омонимичные с формой единственного, как у всех существительных *pluralia tantum*), по крайней мере некоторые:

Род. п.: из всех *гостей*, в которых мы были на прошлой неделе, мне больше всего понравилось у Шмелевых

Дат. п.: ходить *по гостям*

Твор. п.: между двумя *гостями*.

Например:

- (9) Единственно что очень интересное в детстве я помню / мы ходили *по гостям* вот (Воспоминания о прошлом А. Серова, Москва // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект». М.: ИРЯ РАН, 1999)

Здесь очевидна оппозиция со значением омонимичной формы множ. ч. от существительного *гость*. Аналогичной сочетаемостью обладают такие имена мероприятий как *собрание, концерт, выставка* и т. п. Ср. также *театр* в значении 'театральный спектакль' (*ходить по концертам, выставкам, театрам; между двумя лекциями, собраниями, концертами*).

Слово *гости* является нетипичным именем мероприятия, в частности потому, что имена мероприятий в аллативном и эссивном значении управляются предлогом *на*: *на именины / на именинах, на выборы / на выборах, на танцы / на танцах, на вечеринку / на вечеринке, на лекцию / на лекции* и т. д. В аблативном значении используется предлог *с*: *с дня рождения, с танцев, с вечеринки, с лекции*. Пара предлогов *в — из* характерна для имен мест, концептуализуемых как контейнер: *в дом / в доме — из дома, в ресторан / в ресторане — из ресторана, в квартиру / в квартире — из квартиры* и т. д. Т. е. *гости* как имя мероприятия пользуется той моделью управления, как если бы это было «место, куда позвали в гости» (а таковым местом всегда является дом хозяина, место, где он живет, см. ниже). Метонимическая соотнесенность слова *гости* с домом (квартирой, жилищем, помещением) наиболее ясно обнаруживает себя в употреблении типа следующих:

- (10) Казимир решил не медлить и раненько *вышел из гостей* поймать на вкус мокрое утро (Д. Симонова. «Случайное сердце» (2002));
- (11) Прочитав эти строки, я вдруг вспомнил, как в конце 60-х в моем родном Питере, где-то на Таврической улице около двенадцати ночи Игорь, *выйдя вместе со мной из гостей*, прыгал по тротуару на одной ноге, громко распевая песню (А. Городничий. «И жить еще надежде» (2001));
- (12) У самого синего моря, в Севастополе, команда умной молодежи вцепилась в любимого барда — до самой ночи. Ну, и мне перепало от того тепла и от песен, юмора, еды, питья, а под утро — и гнева за то, что *тянул Юру из гостей на улицу*, в машину (В. Смехов. «Театр моей памяти» (2001));
- (13) Последний раз его таким образом выпроваживали *из гостей* лет двадцать назад... (Л. Юзефович. «Костюм Арлекина» (2001));
- (14) И звонят они только *из гостей*, чтоб на автоматы не тратиться (М. Веллер. «Хочу в Париж» (1990)).

Слово *гости* как форма мн. числа от *гость* (значение (i)) и как *гости*-мероприятие (значение (iii)) могут быть отчетливо противопоставлены, ср., соответственно, (15) и (16)—(18):

- (15) Хозяин должен приступать к еде *после гостей*;
- (16) Я допишу письмо *после гостей*;
- (17) *После* вчерашних *гостей* у меня осталось странное ощущение;
- (18) ...исключение составляли Новый год и дни рождения, когда вертелись всякие салаты — обязательный оливье, лосось из банки с рисом и майонезом, свекла с чесноком, печень трески с яйцом и луком, и было очень здорово



наутро *после гостей* залезть в холодильник и приобщиться ко вчерашнему взрослому празднику (А. Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза (2000—2001)).

Однако возможны и случаи синкретизма, ср.:

- (19) *После вчерашних гостей* осталось много недопитого вина;  
 (20) Потом стал допивать из случайных бутылок, которые остались *после гостей* (Ф. Искандер. «Муки совести, или Байская кровать»);  
 (21) Стол на кухне был оставлен с вечера неубранным: грязные тарелки *после гостей*, остатки чего-то в кастрюле, на блюде, в вазочке (А. Найман, Г. Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов // «Октябрь», 2003).

Отметим еще одну важную особенность слова *gosti*. Гости и хозяева — это участники одного семиотического акта, их функции различны (в чем-то противоположны, ср. *не надо мне помогать, ты в гостях*), но в чем-то и сходны: оба поддерживают единое семиотическое действие. Именно это обеспечивает возможность полисемии ‘гость’ — ‘хозяин’, которая имеет место, например, во франц. слове *hôte*. Гость и хозяин — это участники одного социального акта, как *покупать* — *продавать*, *брать в долг* — *давать в долг*, *нанимать* — *сдавать в наем*, которые часто обозначаются одним словом или производными от одного слова, как в русском *одолжить*; *купец* ‘тот, кто продает’ (от *купить*), нем. *mieten* ‘снимать / нанимать’ — *vermieten* ‘сдавать в наем’, *kaufen* ‘покупать’ — *verkaufen* ‘продавать’ (см. [Шмелев 2005]). В этом ряду оказывается и слово *gosti pluralia tantum*, которое обозначает мероприятие, где человек либо сам является *гостем*, либо принимает других в качестве *гостей*.

### *gosti vs. party*

Итак, лексема *gosti pluralia tantum* может служить в русском языке обозначением того же мероприятия, что и англ. *party*. Приведу примеры такой эквивалентности из подкорпуса параллельных текстов НКРЯ:

- (22) — What? Did we have a wild *party* or something? Feel like I've a hangover (Ray Bradbury. «Fahrenheit 451»).  
 — А что такое? У нас были *гости*? Я сегодня словно с похмелья;  
 (23) And he rubbed his big frog-like hands together as if he were talking of *going to a party* or a pantomime (Clive Staples Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Silver Chair»).  
 Он потер свои лягушачьи лапы, словно речь шла о поездке в театр или *в гости*;  
 (24) When Harris is *at a party*, and is asked to sing, he replies... (Jerome K. Jerome. «Three Men in a Boat (To Say Nothing Of The Dog)»).  
 Когда Гаррис бывает *в гостях* и его просят спеть, он отвечает...;

- (25) Then they went back to the Tower with red, shiny faces, like people who have been given an extra good wash before a party (Clive Staples Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Last Battle»).

Они вернулись назад к башне с покрасневшими сверкающими лицами, у них был такой вид, словно они специально вымылись перед тем, как идти в гости.

Теперь, когда я показала, что в русском языке есть отдельная лексема *гости*-мероприятие, которая является наиболее точным эквивалентом слова *party*, перейду ко второму своему тезису и покажу, какие между этими словами имеются различия и как они вписываются в некоторую общую картину.

В центре концепта, заключенного в слове *party*, находится идея приятного проведения времени в компании, отношения между членами которой равноправны, т. е. он построен на «горизонтальных» связях. Между тем концепт *гости* устанавливает иерархическое «вертикальное» отношение «хозяин — гость». Это соотношение отражает обсуждавшиеся в литературе различия стилей коммуникации: английский — лично-ориентированный, соблюдающий горизонтальную дистанцию в отличие от русского, статусно-ориентированного, соблюдающего вертикальную дистанцию (ср. [Ларина 2009: 49]).

Для концепта *гости* существенно, что прием и угощение происходят у *кого-то дома*, там, где данный человек *живет*. Этот же смысловой компонент имеется в прилагательном *гостеприимный* [Левонтина 2004: 234]<sup>5</sup>. Поэтому никакое мероприятие, проводимое в офисе, в ресторане, в парке или на теплоходе, т. е. *ни в чьем доме* (даже кем-то одним устроенное и оплаченное) не может называться *гости*, хотя безусловно относится к категории *party*. При этом для англ. слова *party* противопоставление «у кого-то дома» и «не дома» несущественно.

Интересно, что это различие довольно точно соответствует различию внутренней формы обсуждаемых слов английского и русского языка. *Party* — это исходно «компания», т. е. обсуждаемое значение возникло в результате метонимического переноса: «то, что имеет место, когда собирается компания» (не важно где, собираются вместе, чтобы приятно провести время и при этом все между собой равны). *Гости* обозначает семиотически нагруженное иерархическое отношение, предполагающее определенное распределение ролей между хозяином дома и гостем. *Party* — это когда люди собираются чтобы «to do fun things» (ср. компонент ‘I want to do fun things with this person’ в толковании англ. *friend* в [Wierzbicka 1997: 40]), ср. также приведенную выше дефиницию из Оксфордского словаря «a gathering for social pleasure or amusement» и типичные примеры вроде *We had a good time at the party*. Фраза *Let's have a party* (устойчивое сочетание и название нескольких популярных песен) — это предложение получить

<sup>5</sup> Обратим внимание, что сходное ограничение имеется у слова *быт*, см. [Зализняк, Шмелев 2004].

удовольствие от некоторого рода совместного времяпрепровождения: обычно оно включает еду, выпивание алкогольных или иных напитков, слушание музыки — но не, например, прогулку на яхте или партию в гольф); эту фразу трудно перевести, со словом *gosti* — невозможно. *Давайте позovem гостей* или *пойдем к кому-нибудь в гости* не годится, потому что англ. фраза обращена к самим участникам предполагаемой *party*. Слово *собираемся* (*у такого-то*), которое в некоторых случаях наиболее точно передает значение, в данном контексте тоже не годится.

Для мероприятия *gosti* получение удовольствия — это не обязательная и безусловно не главная составляющая: в гости ходят, прежде всего, чтобы *пообщаться* и/или осуществить ритуал. Ритуальная составляющая в слове *gosti* обнаруживает себя, в частности, в устойчивом обороте *не в гости, а так*. Ср.<sup>6</sup>:

- (26) В свободное время иногда заезжаю к подружке, ну это *не в гости, а так* поболтать, на кофе...;
- (27) ...заглядывайте почаще. *Не в гости, а так...* Чаю попить, поболтать, обсудить какие-нибудь интересности, подарок кому-нибудь сделать, приготовить роллы, сангрию, глинтвейн, потому что хочется *пообщаться*...;
- (28) Я однажды пришла *в гости* к родственнице, ну *не в гости, а так* пробегая заглянула, она мне дверь открыла...;
- (29) Сегодня заходила мама, даже *не в гости, а так* на пару слов; ...бывает, но скорее *не в гости — а так*, забежать детей привести-передать или что-то такое. *В гости* могу зайти на его ДР или на НГ на недолго.

Из трех идиом *в гости*, *в гостях* и *из гостей* лишь в последней существительное имеет обсуждаемое здесь значение мероприятия в чистом виде (а предлог — пространственное значение: из того дома, где был «в гостях»). В выражениях *в гости* и *в гостях* сохраняется статусное значение, и это определяет ряд особенностей их употребления, причем здесь существенно наличие / отсутствие детерминанта (*к кому / у кого*).

Так, *в гости к кому-то* (с обязательным упоминанием хозяина) слово *gosti* не обязательно указывает на некоторое организованное мероприятие. Если я еду к своей подруге, имея в виду провести с ней вечер в дружеской беседе с глазу на глаз, я могу сказать *Я сегодня иду в гости к Маше*, в этом случае *в гости* означает лишь, что мой визит не имеет никаких целей кроме собственно *общения*, и что эта встреча происходит у нее *дома*. Ср. также: *Здесь рядом живет моя подруга, давай сейчас зайдем к ней в гости, я тебя познакомлю*. Сочетание *в гости к Маше* в таких контекстах означает практически то же, что просто *к Маше*, ритуальная составляющая здесь ослаблена и присутствует в несколько иной форме: человек, пришедший в чужой дом, является там *гостем*. По-английски говорят в этом случае *go to see somebody*; слово *party*, естественно, здесь неуместно. Ср.:

<sup>6</sup> Примеры найдены при помощи поисковой системы Яндекс.

- (30) He thinks she goes to see her sister in New York (F. Scott Fitzgerald. «The Great Gatsby»).
- Считается, что она ездит в Нью-Йорк к сестре в гости;
- (31) — Вот барин наш к нам в гости зашел, — сказал старик (Л. Н. Толстой. «Воскресенье»).
- «Here is our master come to see us», said the old man.

Диапазон употребления выражения *в гостях у кого-то* можно наблюдать на следующих двух примерах: в (32) речь идет о организованных многолюдных приемах с разнообразными увеселениями, в (33) *в гостях* значит просто «не у себя дома» (что в частности следует из значения и более широкого контекста английской фразы):

- (32) It was the first time he had called on me, though I had gone to two of his parties... (F. Scott Fitzgerald. «The Great Gatsby»).
- ...я уже два раза побывал у Гэтсби в гостях, ...но он ко мне еще не заглядывал ни разу;
- (33) I want to see her right next door (F. Scott Fitzgerald. «The Great Gatsby»).
- Я хочу просто увидеться с ней в гостях у соседа.

Конструкции *в гости* и *в гостях* без дополнения имеет другие особенности. *В гостях* может значить просто «не дома» (т. е. в чьем-то другом доме или в ресторане — например, если идет речь об ужине); *party* в таких контекстах, естественно, не может быть употреблено, ср.:

- (34) Now, Mr. and Mrs. Sowerberry having gone out to tea and supper... (Charles Dickens. «Oliver Twist»).
- Мистер и миссис Саурбери пили чай и ужинали в гостях.

Фраза *Я иду в гости, я буду в гостях, я сейчас в гостях* (сказанная, например, по мобильному телефону) означает «Я не дома», с теми или иными импликациями: не могу выполнить какую-то просьбу, неудобно говорить и т. п. Семантически ситуация «в гостях» в разных отношениях противопоставлена ситуации «дома», здесь у человека другие права и обязанности. Так, можно сказать *Не надо мне помогать, ты в гостях* или наоборот (своему ребенку, например): *Это неприлично, ты же в гостях*. Интересно, что выражение *не в гости, а так* помимо упоминавшегося выше относительно конвенционализованного значения отсутствия организованного мероприятия (см. примеры (26)—(29)) окказионально может приобретать также значение «дома», ср.:

- (35) А я как-то не понимаю, чего хорошего в колготках, ну, если *не в гости, а так* для дома, мне ползунки больше нравятся. Мне кажется ребенку в них комфортно и свободно, ну, как у нас домашняя одежда обычно свободная, спортивная там.

*В гости* и *в гостях* может обозначать, кроме того, длительное проживание в чьем-то доме в качестве *гостя*; ср. имеющий именно это значение несколько устаревший глагол *гостить*.

Различия между англ. *party*, и русск. *гости* могут быть суммированы в форме следующей таблицы <sup>7</sup>:

	<i>party</i>	<i>гости</i>
1. организованное мероприятие	+	–
2. в чьем-то доме	–	+
3. присутствие приглашенных / посторонних	–	+
4. получение удовольствия	+	–

Пояснения к таблице:

1. Обязательно ли наличие организованного мероприятия?
2. Обязательно ли встреча происходит в чьем-то доме?
3. Обязательно ли наличие приглашенных / посторонних?
4. Является ли главной целью получение удовольствия?

---

<sup>7</sup> Особые значения идиом *в гости* и *в гостях* не учитываются.

## КАК МЫ ПРОВОДИМ ДНИ И НОЧИ\*

В Новом большом Англо-русском словаре под редакцией Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой в словарной статье глагола *to love* предложение *That night they loved* переведено как «Эту ночь они провели вместе». Перевод вполне адекватный, поскольку, как мы отметили в статье [Зализняк, Шмелев 1997: 238], выражение *провести ночь* (< кем-то) представляет собой косвенную номинацию, а для глагола *любить* такое употребление менее характерно, чем для англ. *to love*. Впрочем, можно заметить, что это же значение возникает у англ. выражения *to spend night with somebody*, ближайшего аналога русского выражения *провести ночь* (< кем-то). Именно на обыгрывании этого сдвига основан эпизод из романа Грэма Грина «A Burnt-Out Case». Один персонаж читает герою по имени Query дневниковую запись, сделанную некоторой замужней дамой: 'Spent the night with Q', и требует от него разъяснений, поскольку запись естественно понимается как компрометирующая. Герой дает объяснение: *Query smiled. He said, "It's true — in a way. We sat drinking whisky and I told her a long story"*. Мы видим, что герою надо сделать оговорку (*in a way*), которая снимает компрометирующий смысл. В этом отношении обсуждаемое англ. выражение ведет себя так же, как русское *провести ночь*. Однако аналогия неполная, поскольку англ. глагол *to spend* соответствует русскому *тратить*, и в каких-то случаях выражение *to spend the night* переводится на русский как *потратить ночь* (напр., *to spend whole night downloading a movie* можно перевести как *потратить всю ночь на скачивание фильма из Интернета*); выражение *потратить ночь* имеет сильную семантическую валентность 'на что' и само по себе никогда не несет «порочного» смысла.

Итак, глаголу *to spend* в сочетании с обозначениями отрезков времени соответствуют два русских глагола: *провести* и *потратить*. При этом в русском языке между этими словами имеется довольно существенное различие (имеется в виду — в контексте существительных, обозначающих временные отрезки). Этому различию и посвящена настоящая заметка.

Когда мы говорим, что *X провел время T в деятельности A* или *в состоянии E*, это значит, что некто *X* в течение (всего) времени *T* занимался деятельностью *A* или пребывал в состоянии *E*. Глагол *потратить*, в отличие от *провести*, включает указание на какую-то цель: высказывание *X потратил время T на (то, что-*

---

\* Первая публикация: «Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна». М.: Языки славянских культур, 2011.

бы) *G* означает, что некто *X* в течение времени *T* занимался деятельностью, направленной на достижение цели *G* (т. е. провел время *T* в деятельности, направленной на достижение цели *G*). Тем самым создается впечатление, что *потратить* семантически сложнее, чем *провести*. Однако, если мы ограничимся такой констатацией, мы упустим основное различие между рассматриваемыми глаголами, заключающееся в том, что они предполагают совсем разную концептуализацию времени.

Определяющим для семантики глагола *потратить* является то обстоятельство, что в качестве дополнения при нем выступает обозначение некоторого ресурса (в рассматриваемом типе контекстов это время, которым располагает человек); этот ресурс расходуется тем или иным образом. Глагол *провести* делает совсем иной акцент: здесь временной промежуток предстает как контейнер, который должен быть заполнен какой-то деятельностью. В соответствии с этим, у глагола *потратить* есть валентность 'на что', а у глагола *провести* — валентность 'каким образом' (чем был «заполнен» обсуждаемый промежуток времени)<sup>1</sup>.

Может показаться, что в каких-то случаях это различие стирается. Так, выражения *потратил все утро на стояние в очереди за билетами* и *провел все утро в очереди за билетами* означают примерно одно и то же. Однако, хотя действительно здесь может описываться одна и та же ситуация, ее концептуализация оказывается различной. Для глагола *потратить* важно, что ресурс был израсходован на достижение некоторой цели (в данном случае, покупку билетов). Для глагола *провести* важно, чем был «заполнен» промежуток времени (в данном случае, утро было «заполнено» стоянием в очереди). Видимое сходство двух предложений возникает за счет того, что в *потратить* валентность 'на что' может заполняться не только обозначением цели, но также, метонимически, деятельностью, направленной на достижение этой цели. У глагола *провести* валентность 'каким образом' может заполняться обозначением процесса, которым был заполнен отрезок времени, но не результата этого процесса.

Проиллюстрируем упомянутую двойственность возможностей заполнения валентности 'на что' у глагола *потратить* следующим примером: *Он потратил два дня на изучение этого вопроса*. Здесь *изучение* может обозначать как процесс, так и результат, ср.: *Он потратил два дня на поиски решения* (процесс) и *Он потратил два дня на нахождение решения* (результат). Неоднозначности, однако, здесь не возникает: существительные типа *изучение* (ср. также *решение*, *выявление*, *получение* и т. п.) синкретично выражают значение заполняющего промежу-

<sup>1</sup> Как известно, *время* в языке не имеет собственной таксономической категории: все, что касается времени и его атрибутов, язык представляет всегда метафорически. Вопросу о способах концептуализации времени посвящена обширная литература (см., в частности, сборник «Логический анализ языка. Язык и время». М., 1997), и мы его здесь рассматривать не будем. Отметим лишь, что метафоры «время — это вместилище» и «время — это ресурс» упоминаются в книге [Lakoff, Johnson 1980].

ток времени процесса и его результата, который заполняет валентность цели глагола *тратить*.

Обратим внимание, что валентность 'на что' у глагола (*но*)*тратить* в норме заполняется при помощи сильного управления (предлог *на* с винительным падежом); лишь в специальных случаях возможно слабое управление или примыкание (*попусту тратить время; потратил несколько дней, чтобы...*). Что касается существительного темпоральной семантики, выступающего в качестве объекта при глаголе (*но*)*тратить*, то в большинстве случаев это самое общее слово — *время*. Реже используются обозначения «длительности», дающие количественную характеристику израсходованного ресурса: (*но*)*тратить два часа, (целую) неделю, полтора месяца, несколько лет*. Обозначения «фиксированных периодов» в рассматриваемой роли встречаются еще реже и, как правило, лишь в тех случаях, когда соответствующий «фиксированный период» как-то специально выделен на фоне других аналогичных периодов, т. е. составляет особо важный ресурс, отличающийся от других временных ресурсов той же продолжительности. Так, глагол (*но*)*тратить* может сочетаться с обозначением времени суток: (*но*)*тратить все утро, вечер, ночь на то, чтобы...* Действительно, каждый из периодов *утро, вечер, ночь* может рассматриваться как временной ресурс, особо ценный в том или ином отношении. А, скажем, сочетания *потратил воскресенье* или *потратил выходные* существенно более вероятно, нежели *потратил вторник* или *потратил четверг*, поскольку остается неясным, в чем выделенность вторника или четверга на фоне других дней недели. В силу сказанного крайне маловероятны такие сочетания, как *потратил март*.

Поведение глагола (*но*)*тратить* в сочетании с обозначениями времени подчиняется ряду общих грамматических закономерностей. В частности, отметим, что в сочетании с обозначением «длительности», дающем количественную характеристику израсходованного времени, глагол *тратить* не может употребляться в актуально-длительном значении (*Что он сейчас делает? — \*Тратит два часа на дорогу в университет*), при этом несовершенный вид глагола (в других видовых значениях) вполне допустим: *Он каждый день тратит два часа на дорогу в университет; Жалко тратить два дня на получение справки* и т. п.

Представление о *трате времени* органично вписывается в общую картину того, что, согласно русскому языку, можно *тратить*. Как оказывается, *тратить* можно очень ограниченное количество сущностей, а именно: *деньги, время* и *силы*<sup>2</sup>, а также некоторые другие виды жизненно необходимых и трудно восполнимых ресурсов. Это может быть: вода (питьевая, горячая или просто вода, запас которой ограничен), дрова, спички, электроэнергия, свечи, мука, сахар, масло, краска, цемент, кирпичи и т. п., а также энергия и нервы (но это уже только в специальных контекстах)<sup>3</sup>. Тратится всегда нечто весьма ценное (про не очень

<sup>2</sup> Представление о *силах* как о ресурсе анализируется в работе [Урысон 2003: 74].

<sup>3</sup> Интересно, что *нервы* тоже рассматриваются как ресурс: можно *тратить нервы на что-то* (но, как и *время, нервы нельзя копить*); при этом *силы* можно и *тра-*



ценные вещи не говорят *тратить* — ср. более нейтральное слово *расходовать*). Поэтому то, что можно *тратить*, естественно также, наоборот, *беречь* и *экономить* (а некоторые вещи, но не все — можно также *копить*). И, соответственно, *тратить* всегда *жалко*.

*Тратить* тот или иной ресурс можно только *на что-то*. Поэтому можно *потратить два кило муки* (на изготовление пирога) или, в крайнем случае, *потратить половину запаса пирогов на прием гостей*, но вряд ли можно просто <sup>??</sup> *потратить два пирога с капустой*.

Замечательная особенность русского глагола *тратить* (которая особенно ярко проявляется в контексте дополнения, обозначающего временной промежуток) состоит в том, что он содержит некий скрытый семантический компонент (статус которого мы затрудняемся точно определить) — ‘жалко’. Этот компонент может подавляться контекстом, ср. *я потратил на эту работу три месяца, но мне не жалко потраченного времени*<sup>4</sup>. Эксплицитное отрицание, содержащееся во второй части фразы, действительно, снимает компонент ‘жалко’, но стоит это эксплицитное отрицание убрать, как он снова где-то на заднем плане возникает. Иными словами русский глагол *тратить* вызывает в представлении идею ‘тратить напрасно’. Более того, даже если *потратить время* оказалось не так жалко и время было потрачено не напрасно (т. е. полученный результат окупил затраты времени), само по себе то, что человек *тратил время*, не может вызывать у него никакого удовольствия; это лишь необходимая цена, уплаченная за некоторый полезный результат.

Сочетание *тратить напрасно* (*зря, впустую, попусту, понапрасну, даром*) следует рассмотреть более подробно. Дело в том, что оно может описывать две различные ситуации, в соответствии с двумя разными значениями слова *напрасно* (ср. [Зализняк 1990]). А именно, *X напрасно сделал Р* может означать либо, что действие не достигло желаемого результата, либо, что по мнению говорящего, его не надо было совершать. Соответственно, когда мы говорим *Я напрасно потратил время* (или *Это была напрасная трата времени*), это означает что цель была либо не достигнута, либо недостойна. Так, в первом из следующих двух примеров из «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ) *напрасно* означает ‘впустую’, а во втором — ‘на недостойную цель’:

---

*тить, и копить, и беречь. Однако, например, терпение, очевидно, не трактуется русским языком как ресурс: его нельзя ни тратить, ни беречь, ни копить. Хотя терпение необходимо для совершения многих действий: им бывает нужно заpastись и его может не хватить.*

<sup>4</sup> Ср. пример из Интернета (автор пишет о фильме про Майкла Джексона): *4 ноября — общегосударственный выходной — «потратила» на поход в кино. / И ни капельки не пожалела. / Жалеть о просмотре такого фильма нельзя. По крайней мере, не представляется мне возможным. Показательны здесь кавычки при слове потратила: автор ощущает, что если времени не жалко, то глагол потратить не вполне применим.*

- (1) Вопрос о том, куда идут работать дипломированные молодые специалисты, имеет веер разнообразных ответов, среди которых «в школу» занимает одно из последних мест. Обидно, что практическая психология образования не притягивает к себе молодых людей, причем обидно вдвойне: во-первых, за преподавателей психологии, среди которых немало настоящих профессионалов (...), а получается, что они *напрасно тратили силы и время* (...) (М. А. Степанова. Практическая психология образования: противоречия, парадоксы, перспективы (2004) // «Вопросы психологии», 2004.08.10);
- (2) Поэтому к хорошему менеджеру по персоналу обращаются заискивающе и не любят за то, что он не дает *напрасно тратить время и деньги* компании для удовольствия работников (Иногда надо быстро бежать, чтобы остаться на месте (2004) // «Управление персоналом», 2004.11.15).

Однако именно в контексте выражения *тратить время* противопоставление недостигнутой и недостойной цели может стираться: *напрасно потратил время* может означать просто, что никакого полезного результата не было достигнуто, как в следующем примере из НКРЯ:

- (3) Письмо было написано под настроение, очень искренне и касалось не только личных, но и политических переживаний автора, вызванных, в частности, тем, что работать приходится — по его выражению — под началом ничтожных людей, впустую, *напрасно тратя энергию и время* (Г. Арбатов. «Человек Системы» (2002)).

Соответственно, если говорится, что *время потрачено не напрасно*, это означает, что был получен некоторый осмысленный результат, напр.:

- (4) Чтобы показать, что, прожив в Полтаве по десяти лет, *не напрасно тратили время*, они сняли шляпы и учтиво господам поклонились (В. Нарезный. «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825)).

Итак, когда мы тратим время, это всегда может оказаться напрасно. Поэтому вместо *напрасно потратил время* можно сказать *только потратил время*, и это тоже будет означать, что потратил напрасно<sup>5</sup>. А номинализация *трата времени* означает просто то же самое, что *пустая (напрасная) трата времени*, и это то же самое, что *потеря времени*<sup>6</sup>. Ср. также синонимию: *Мы понапрасну теряем время* и *Мы теряем время*.

<sup>5</sup> Ср. аналогичную конструкцию с глаголом *провести*, где подобного значения не возникает: «Устюшкина мать / собиралась помирать. / Помереть не померла, / *только время провела*» — скорее всего, имеется в виду, что хорошо провела. Ср. также: «Ведь мы играем не из денег, а *только б вечность проводить*» (Пушкин).

<sup>6</sup> Приведем такие цифры: сочетание *трата времени* встречается в НКРЯ 80 раз, из них 32 — в контексте прилагательного *пустая*, еще 22 раза — в контексте прилагательных *напрасная*, *лишняя*, *бесполезная* или *бессмысленная*. В оставшихся 16 примерах сочетание *трата времени* тоже означает «напрасную» трату.

Как уже говорилось, *тратят* ресурс, который трудно восполним. Он может быть вообще невозполнимым — таковым является обсуждаемый ресурс времени; при этом, однако, время можно *беречь* и *экономить* — но только в том смысле, что *тратить* не *впустую*, а лишь на достойные цели. Иными словами, человек, который *бережет время* (свое или чужое), тоже тратит его (или дает другому человеку его тратить), но лишь на нечто ценное.

В этом отношении представление, согласно которому жалко *тратить время* (и возникает подозрение, что оно тратится напрасно), включает в себя нечто парадоксальное. Время идет (и тем самым *тратится*) независимо от воли человека; но *трата времени* вызывает сожаление и досаду. Отношение к времени как к ресурсу в русской языковой картине мира неразрывно связано с ощущением, что этот ресурс расходуется впустую.

Глагол *провести*, как уже было сказано, предлагает совсем иную концептуализацию времяпрепровождения. Время здесь рассматривается не как ресурс, которым располагает субъект, а как пространство, через которое он как бы продвигается, «заполняя» его какой-то своей деятельностью. В некоторых случаях «заполнить» этот промежуток представляет собой проблему (*Как провести выходные?; Чем заняться?* — ср. внутреннюю форму слов *занятие, заниматься* (чем-то)). Отсутствие представления о ресурсе и его трате в сочетании *провести время* выражается, например, в том, что нельзя сказать *\*провел время напрасно*; если время было проведено неудовлетворительным образом, то все равно говорят *жалко потраченного* (а не *проведенного*) *времени*, напр., если человек провел два часа в очереди, а билета не купил, он скажет *жалко (напрасно) потраченных двух часов*.

В отличие от валентности ‘на что’ глагола *(но)тратить*, у глагола *провести / проводить* валентность, указывающая на то, каким образом проводится время, заполняется при помощи слабого управления или примыкания: *провел два часа за написанием статьи, в поисках лекарства, загружая фильм* (но не *\*в написании статьи, \*за поисками лекарства, \*в загрузке фильма, \*за загрузкой фильма*). Что касается до обозначений периода времени, с которыми может сочетаться глагол *провести / проводить*, то они могут быть весьма разнообразны. Наряду с самим словом *время*, с глаголом *провести / проводить* сочетаются обозначения «длительностей» (*два часа, целую неделю* и т. д.), а также фиксированных периодов времени (тем или иным образом *провел утро, понедельник, лето* и т. д.).

Обычно *проводят время* не с тем, чтобы чего-то достичь, а с тем, чтобы получить удовольствие, т. е. в фокус попадает не что-то полезное, а что-то приятное. (Хотя можно *провести время с толком и с пользой*, но это будет в данном случае лишь составляющая удовольствия.) Поэтому очень естественно *проводить свободное время* — *каникулы, отпуск, выходной день*; при этом предполагается, что человек получает удовольствие. Естественный вопрос — *Как ты провел отпуск?* Возможна и другая концептуализация свободного времени — как особо ценного ресурса, и тогда о нем говорят *тратить*, а тратить, как уже говорилось,

обычно *жалко*. Обычно бывает жалко тратить отпуск или каникулы на что-то помимо отдыха. Но если приходится *тратить отпуск*, то это может быть лишь какая-то утилитарная (по крайней мере, не гедонистическая) цель, ср. *потратил отпуск на то, чтобы сделать ремонт (закончить диссертацию)*. Однако сказать *потратил отпуск на поездку к морю* можно только если для говорящего поездка к морю — это скорее обязанность, чем удовольствие.

Разумеется, не всегда глагол *провести* в сочетании с обозначением времени предполагает получение удовольствия. Ср. такие выражения, как *провести бессонную ночь; провести два часа в очереди; провести несколько лет в ссылке*.

В некоторых контекстах уместен и тот, и другой глагол, но всегда сохраняется то различие, что *тратить* указывает на расходование ресурса (и его немножко жалко), а *проводить* не содержит такого компонента. Ср.: *Она каждый день тратит два часа на лечебную гимнастику* (для какой-то цели: например, для поправки здоровья; и субъекту, и говорящему немножко жалко этого времени) и *Она каждый день проводит два часа в тренажерном зале* (возможно, просто для удовольствия). Эта импликатура 'жалко потраченного времени' забавным образом обыгрывается в статье Игоря Свиначенко, опубликованной в августе 1997 г. в журнале «Столица». Автор выражает удивление по поводу того, что американцы охотно занимаются общественно полезной деятельностью, «не считаясь с личным временем и не требуя материального поощрения (кроме расходов на скрепки)», а «у нас» где «хотели такую систему внедрить, чтоб люди переживали за общественное благо», почему-то «не вышло». Он высказывает предположение, что это связано с разным отношением к алкоголю: «Средний американец к нему относится равнодушно, времени и душевного внимания уделяет совсем чуть», — и задается вопросом: «...если человек не пьет, на что-то же должен он тратить свободное время». Подразумевается, что естественный способ проводить время — это пить спиртное; если же человек вместо этого занимается общественно полезной деятельностью (пусть даже в силу равнодушия к спиртному), он просто *тратит свободное время*.

В связи со сказанным уместно снова вернуться к концептуализации траты/проведения времени в русском и английском языке. Может показаться, что в русском и в английском дело обстоит примерно одинаковым образом. И в том, и в другом языке есть конструкции, отражающие представление о заполнении промежутка времени (*to pass time* и *проводить время*). В обоих языках отражено представление о времени как ресурсе, который может быть тем или иным образом израсходован (*to spend time* и *тратить время*). Наконец, оба языка позволяют говорить о напрасно потраченном времени (*to waste time* и *терять время*). Однако, если бы концептуализация траты/проведения времени в русском и английском языке была бы тождественной, было бы совершенно непонятно, почему приведенные пары русских и английских выражений часто не соответствуют друг другу. Так, останется неясным, почему выражение *to spend time* во многих случаях нельзя перевести как *(no)тратить время*, а более адекватным переводом

является выражение *провести / проводить время*, как будто предполагающее совсем иную концептуализацию внеязыковой реальности. В частности, вопросу *How did you spend your summer?* соответствует русский вопрос *Как ты провел лето?*, а не <sup>?</sup>*Как ты потратил лето?* Точно так же предложение *Charlotte spent a weekend in Vermont* следует перевести как *Шарлотта провела выходные в Вермонте*, а не <sup>?</sup>*Шарлотта потратила выходные в Вермонте (на поездку в Вермонт)*.

По-видимому, можно утверждать, что для английского языка немаркированным в сочетании с обозначением отрезков времени является глагол *to spend*, и тем самым центральным оказывается восприятие времени, в том числе и свободного, как некоторого ресурса, который человек может потратить (*to spend*) с пользой для себя, в том числе для получения удовольствия. Если человек неразумно распоряжается этим ресурсом, это называется *to waste time* 'тратить напрасно', 'выбрасывать', 'терять'. Таким образом, главный вопрос состоит в том, разумно ли человек распорядился своим ресурсом. Глагол *to pass* в контексте обозначений временных промежутков (*to pass a day / a night*) является периферийным. Он в основном используется, когда субъект не имел возможности использовать временной ресурс с пользой: страдал (*Nathalie passed a sleepless night in the old house*) или не знал чем заняться (напр., если он приехал в аэропорт и выяснил, что отправление его рейса задерживается). Но даже и в этом случае задача состоит в том, чтобы провести время разумно, т. е. с пользой или с удовольствием, причем граница между пользой и удовольствием четко не проводится (именно на «совмещении чего-то приятного с полезным» построены рекомендации *how to pass time at an airport*, которые можно найти на многих англоязычных сайтах).

В русском языке в фокусе внимания может быть то, чем был «заполнен» промежуток времени, или то, что субъект получил в результате. В первом случае используется сочетание *провести / проводить время*, во втором — *(no)тратить время*. Соответственно, если речь идет о «заполнении» промежутка времени чем-то приятным или, напротив того, о страданиях, испытываемых человеком, говорят о том, как он *провел* или *проводит* время. Если же обсуждается, оправдывает ли полученный результат израсходованное на его получение время, используется оборот *(no)тратить время*, заранее предполагающий, что, скорее всего, потраченного времени жалко. О получении удовольствия в этом случае речи не идет. Поэтому выражение *(no)тратить время* оказывается в русском языке маркированным: оно используется только в случаях, когда имеет место чисто утилитарная оценка оправданности или, чаще, неоправданности расходования ресурса. Напротив того, выражение *провести / проводить время* является немаркированным, и поэтому оно оказывается наиболее естественным переводом английского *to spend time*. Оно же используется в качестве стандартного перевода выражения *to have time* (напр., в произведении Вильяма Голдинга *Lord of the Flies* Ральф говорит: «While we're waiting we can have a good time on this island», — и его слова переданы в переводе Елены Суриц: «Пока нас спасут, мы тут отлично проведем

время»)<sup>7</sup>. Более того, представление, в соответствии с которым любое получение удовольствия может рассматриваться как приятное проведение времени, настолько естественно для русской языковой картины мира, что выражение *провести / проводить время* может появиться в русском переводе в качестве родового обозначения (в английском оригинале отсутствующего), напр.:

- (5) When sent to the forest Tip often climbed trees for birds' eggs or amused himself chasing the fleet white rabbits or fishing in the brooks with bent pins (L. Frank Baum. "The Marvelous Land of Oz").

‘Отправившись за дровами в лес, Тип весело *проводил время*: лазил по деревьям в поисках птичьих яиц, гонялся за быстроногими белыми кроликами, ловил в ручьях рыбу на гнутую булавку’ (пер. В. Гобаревой, пример из НКРЯ).

Мы видим, что внешнее сходство ряда английских выражений *to pass, to spend, to waste (time)* и русских *проводить, тратить, терять* (время) обманчиво: оно скрывает за собою глубокое несходство соответствующих фрагментов языковой картины мира.

---

<sup>7</sup> Перевод со словом *провести* не всегда уместен в силу существующих культурных конвенций. Так, стандартная вечерняя формула прощания кассира с покупателями в американском супермаркете *Have a good night* не может быть передана по-русски как *Желаю вам приятно провести ночь* [Шмелев 2000в].

# КОНСТАНТЫ

---

А. Д. Шмелев

## ЯЗЫК ЛЮБВИ \*

Многие авторы отмечают, что для русской языковой картины мира чрезвычайно существенно противопоставление «высокого», или «горнего», и «низкого», или «дольного». Различение «горнего» и «дольного» проявляется, в частности, в целом ряде лексических оппозиций — таких, как, напр., блестяще проанализированная А. Б. Пеньковским [1991] пара *радость* — *удовольствие*. Но не менее показательным является и то, что ряд лексических единиц может функционировать в двух режимах, соответствующих плану «горнего» и плану «дольного».

Так, два режима употребления можно выделить для глагола *любить*<sup>1</sup>. В первом из них (*любить 1*) глагол *любить* указывает на чувство, которое субъект испытывает по отношению к объекту любви (или, точнее, на чувство-отношение: *любить жену, мать, свою семью*); во втором (*любить 2*) — на свойство субъекта, состоящее в том, что субъект обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации (*любить прогулки по лесу; любить, чтобы все вещи лежали на своем месте*)<sup>2</sup>. Можно сразу сказать, что *любить 1* относится к сфере «высокого», а *любить 2* — к сфере «низкого»<sup>3</sup>.

---

\* В основу данного раздела положен фрагмент курса лекций «Ключевые концепты русской языковой картины мира», прочитанного мною в мае-июне 1994 г. в Венском экономическом университете, впервые опубликованный в моей книге [Шмелев 2002]. Здесь этот фрагмент подвергнут незначительной переработке.

<sup>1</sup> Семантике глагола *любить* посвящены также работы [Зализняк 1999] и [Апресян 2000]. Представляется, что ряд наблюдений, сделанных в указанных работах, вполне подтверждают положение о двух различных режимах употребления данного глагола.

<sup>2</sup> Те же два режима употребления можно выделить и у существительного *любовь*. Иногда замечают, что русский глагол *любить* окказионально может выражать еще одно значение, соотносимое с «занятием любовью» (а для слова *любовь* такое значение даже может считаться словарным — напр., оно реализуется в самом сочетании *заниматься любовью*, вполне обычном для текстов на русском языке). Чаще всего это значение глагола появляется в рамках языковой игры, как в известном примере из сочинения Даниила Хармса «Как я растрепал одну компанию»: *Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даже очень часто*. Такая игра часто воспринимается как довольно циническая, как в диалоге из пьесы Исаака Бабеля «Закат»: *Двойра. И потом, я хочу, чтобы вы меня немножко*

Объектом для глагола *любить I* является лицо или группа лиц (а также любовью объект, которому приписываются какие-то свойства лица). В рамках *любить I* можно было бы различать «чувственную» любовь, в которой на первом плане желание быть вместе с объектом любви (прототипической для такой любви является любовь к человеку противоположного пола, связанная со стремлением к физической близости), и «альтруистическую» любовь, в которой на первом плане желание делать объекту любви добро. Впрочем, вероятно, речь может идти о более или менее детальной классификации чувств и отношений, концептуализуемых как *любовь*. Так, Владимир Соловьев различал основанную на *жалости* альтруистическую любовь (к ближнему) и *благочестивую* любовь (к Богу)<sup>4</sup>.

Вопрос о наличии собственно лингвистических оснований для выделения различных лексических значений в рамках типов употребления, обозначенных здесь как *любить I*, рассматривается в уже упоминавшихся работах [Зализняк 1999; Апресян 2000]. Анна А. Зализняк приходит к выводу, что, хотя «человек по-разному любит свою мать, дочь, жену, любовницу, друга, собаку и родину», не существует чисто языковых оснований для разграничения разных лексических значений, соответствующих разным типам чувства любви (прежде всего — связанному и не связанному с наличием физической близости или стремлением к ней). Напротив того, Ю. Д. Апресян различает значения *любить I.1* (*любить жену, полюбить циркачку*) и *любить I.2* (*любить Родину, любить своих детей*). Именно со значением *любить I.1*, по Ю. Д. Апресяну, соотносится один из самых фундаментальных концептов языковой картины мира — идеальная любовь. Она мыслится в русском языке как исключительно сильное и глубокое чувство, испытываемое однажды в жизни по отношению к единственному человеку другого пола, связанное с наличием физической близости или стремлением к ней, поднятое над бытом и способное дать человеку ощущение счастья. Ю. Д. Апресян указывает на ряд языковых свойств, отличающих *любить I.1* от других значений глагола *любить* и, в частности, от *любить I.2*. Среди них он перечисляет возможность употребляться в «длительном» значении («находиться в состоянии влюбленности»), употребительность определенных причастных форм (напр.,

*любили, Боярский. / Боярский. А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей-богу!..* В дальнейшем это значение рассматриваться не будет.

<sup>3</sup> Такую же нумерацию значений (с дальнейшей детализацией) принимает Ю. Д. Апресян. Следует заметить, что у Анны А. Зализняк нумерация значений противоположная: то, что здесь обозначено как *любить I*, она называет *любить 2* (и, соответственно, то, что здесь обозначено как *любить 2*, она называет *любить 1*).

<sup>4</sup> А, скажем, о. Павел Флоренский в «Столпе и утверждении истины» упоминает классификацию Гейлинкса, различавшего в своей «Этике», вышедшей в 1665 г., *amor affectionis*, *amor benevolentiae*, *amor concupiscentiae* и *amor obedientiae*, и ставит им в соответствие греческие слова *φιλία*, *ἀγάπη*, *ἔρως* и *οτορυή*.



формы *любящие*), соотнесенность с субстантивированными прилагательными (*любимый*), способность употребляться в абсолютивной конструкции (*Они умеют любить*) и др. Представляется, впрочем, что почти все эти свойства могут быть присущи и *любить 1.2* — ср., напр.: *любящие родители; ты мой любимый* (слова матери, обращенные к ребенку); *То сердце не научится любить* [очевидно, *любить 1.2*], / *Которое устало ненавидеть* (Николай Некрасов). На то, что для русской языковой картины мира трудно провести четкое разграничение между *любить 1.1* и *любить 1.2*, указывает и одно из самых лингвоспецифичных русских любовных обращений — проанализированное И. Б. Левонтиной [1997a] слово *родной*, соотносящееся с обоими типами любви (Ю. Д. Апресян также указывает на целый ряд свойств, общих для *любить 1.1* и *любить 1.2*). С другой стороны, впрочем, аргументы Ю. Д. Апресяна можно дополнить тем соображением, что именно *любить 1.1* локализуется, с точки зрения русского языка, в специально предназначенном для этого органе — *сердце*, тогда как *любить 1.2* может быть локализовано также и в *душе*. Отметим также, что только со значением *любить 1.1* соотносится «начинательный» глагол *влюбиться* и производное от него *влюбленный* (в неметафорическом употреблении).

В целом именно чувство, обозначаемое глаголом *любить 1* (в обеих разновидностях: *любить 1.1* и *любить 1.2*), часто рассматривается в культуре как высшая духовная ценность, приобщающей человека «горнему» миру.

В отличие от *любить 1*, значение *любить 2* соответствует общей установке на получение удовольствия и, подобно категории *удовольствия*, относится в русской языковой картине мира к сфере низкого<sup>5</sup>. Существенно отметить, что *любить 2* всегда содержит обобщение и не может обозначать актуальное эмоциональное переживание, удовольствие, полученное в некоторый конкретный момент. Поэтому английское *I loved that movie!* (в устах человека, который посмотрел некоторый кинофильм) или французское *j'ai beaucoup aimé ce tableau* не могут быть переведены на русский язык посредством предложения с глаголом *любить* (следует употребить оборот *очень понравиться*).

Объектом для *любить 2* в конечном счете всегда является некоторый класс ситуаций. Иногда он эксплицитно выражен дополнением при глаголе, в роли которого может выступать придаточное изъяснительное (*Люблю, когда в комнате порядок; Люблю, чтобы в комнате был порядок*), номинализованное обозначение ситуации (*Люблю порядок в комнате*) или же инфинитив, обозначающий собственное действие субъекта (*Люблю поспать*). При этом, поскольку *любить 2* не может обозначать удовольствие, получаемое в конкретной ситуации, подчиненное придаточное не может вводиться фактуальным союзом *что* (аномально: *\*Я люблю, что в комнате порядок*). Если же объект при глаголе *любить 2* выражен предметным именем, то ситуации, доставляющие удовольствие субъекту,

<sup>5</sup> Более того, возможны сколь угодно отталкивающие утверждения об установке *любить 2* — напр., *Я люблю смотреть, как умирают дети* (Маяковский).

бывают связаны со стандартным способом использования объекта или взаимодействия с ним. Так, *любить вино* значит любить его пить, *любить детективные романы* значит любить их читать, *любить детей* значит любить играть с детьми, наблюдать за ними и т. п. Для многих объектов стандартная ситуация использования объекта восстанавливается однозначно; на этом построена известная эпиграмма Козьмы Пруtkова: «*Вы любите ли сыр?*» — *спросили раз ханжу. / «Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу»*. Действительно, *любить сыр* и значит находить в нем вкус, когда его ешь<sup>6</sup>.

Различие *любить 1* и *любить 2* достаточно четко осознается носителями языка (нередко это выражается в указании на то, что установка, обозначаемая посредством *любить 2*, не есть подлинная любовь). «...Не вменяется в добродетель (...) любовь к естественным и противоестественным удовольствиям, любовь к напиткам, псовой охоте и конским ристаниям», — писал Владимир Соловьев. Различение *любить 1* и *любить 2* обеспечивается еще и тем, что для *любить 1* объект всегда конкретен, тогда как *любить 2* объект, напротив, всегда имеет общеродовой статус<sup>7</sup>. Можно вспомнить в этой связи следующее замечание Владимира Соловьева: «Если я люблю женщин, а не *эту* женщину, значит, я люблю только родовые качества, а не существо, и, следовательно, это не есть истинная любовь».

Разумеется, как и почти во всех случаях лексической многозначности, возможны диффузные употребления, в которых различие между *любить 1* и *любить 2* кажется более размытым. Так, первая строка стихотворения Лермонтова «Родина» (*Люблю отчизну я, но странною любовью!*) наводит на мысль, что в нем (как в большинстве случаев употребления сочетания *любить родину*<sup>8</sup>) обсуждается *любовь 1*, не связанная с категорией удовольствия. Однако дальше становится понятно, что речь идет все же об установке, соответствующей *любить 2*:

Но я люблю — за что, не знаю сам —  
Ее степей холодное молчанье,  
Ее лесов безбрежных колыханье,  
Разливы рек ее, подобные морям;  
Проселочным путем люблю скакать в телеге...

<sup>6</sup> Ср. также известную шутку: *Ты помидоры любишь?* — *Кушать люблю, а так нет* (комический эффект здесь определяется тем, что трудно представить себе, какой иной стандартный способ получения удовольствия от помидоров — помимо того, чтобы их есть, — мог иметь в виду второй собеседник).

<sup>7</sup> Поэтому и отглагольное существительное *любитель*, соотносимое с *любить 2*, но не с *любить 1*, предполагает общеродовой статус объекта — ср. *любитель красивых женщин*, но не *\*любитель своей жены* [Булыгина, Шмелев 1989а].

<sup>8</sup> Ср. патетическое восклицание Костоглотова из «Ракового корпуса»: *А я вот ранен под Воронежем, и шши имею да сапоги золотанные — а родину люблю! Мне вот по бюллетеню за эти два месяца ничего не заплатят, а я всё равно родину люблю!*

Все сказанное не означает, что различие разных видов любви, обозначаемых одним и тем же глаголом, является исключительной принадлежностью русской языковой картины мира. Сходное явление наблюдается во многих языках и может специально обыгрываться. Приведем английский (в русском переводе) и французский примеры, построенные на том, что говорящий намеренно не отграничивает «альтруистическую» любовь от «гедонистической»:

Rest assured, my love for you and your love for me are as like as two peas. I have always desired you, as you (pitiful fool) desired me. The difference is that I am the stronger. I think they will give you to me now; or a bit of you. Love you? Why, yes. As dainty a morsel as ever I grew fat on (C. S. Lewis. "The Screwtape Letters").

Tu aimes les fleurs, et tu les coupes.

Tu aimes les poissons, et tu les manges.

Tu aimes les oiseaux, et tu les mis en cages.

Alors, quand tu dis que tu m'aimes, cela m'inquiète un peu.

(Prévert)

Однако в русской языковой картине мира противопоставление двух видов любви оказывается особенно четко выраженным вследствие невозможности использовать глагол *любить* для обозначения конкретного чувства удовольствия. Тем самым в нем резко противопоставляются чувство любви и «гедонистическая» любовь.

## ЛЕКСИКА РАДОСТИ\*

В русском языке имеется довольно обширный класс слов, относящихся к «лексике радости»: *радость, рад, радостный, радоваться, обрадоваться, порадоваться, радовать, обрадовать, порадовать*. Лексика радости может исследоваться с разных точек зрения. Так, А. Б. Пеньковским [1991] было проанализировано русское слово *радость* (в сопоставлении с *удовольствием*) с точки зрения места заключенного в нем концепта в русской языковой картине мира (см. также [Levontina, Zalizniak 2001: 293—299]). С другой стороны, глагол *радоваться* был рассмотрен в ряду своих синонимов (*ликовать, торжествовать*) в работе [Апресян 1997а]. Отдельную проблему составляет соотношение глагола *радоваться* и предикатива *рад* (см. [Падучева 1985: 71; Булыгина, Шмелев 1989б; Зализняк 1992: 58]). Эмоция радости исследовалась также в рамках концептуального анализа с точки зрения возможностей ее метафорического представления: *радость* может *переполнять* человека, может быть *незамутненной*, человек может *светиться радостью* и т. д. (см. [Арутюнова 1976: 100; Успенский 1979; Пеньковский 1991: 151]).

Здесь мы рассмотрим те особенности языкового поведения лексики радости, которые являются наиболее лингвоспецифичными. В центре нашего внимания будут глаголы *радовать — обрадовать — порадовать, радоваться — обрадоваться — порадоваться*, представляющие интерес с разных точек зрения.

Начнем с различия между глаголами *порадовать(ся)* и *обрадовать(ся)*. Ср. следующие примеры:

- (1) Позвони ей, *порадуй* (\**обрадуй*) старушку [≈ проявленным вниманием];
- (2) Ты получил пятерку! Немедленно позвони маме, *обрадуй* (*порадуй*) ее!;
- (3) Решил *порадовать* (<sup>?</sup>*обрадовать*) жену — купил на рынке соленых огурцов;
- (4) Дочь меня *порадовала* (<sup>?</sup>*обрадовала*) — помыла вчера всю посуду;
- (5) Мама, я хочу тебя *обрадовать* (<sup>?</sup>*порадовать*): я получил стипендию Дидро;
- (6) Можешь *порадоваться* (\**обрадоваться*): наш сын выиграл конкурс;
- (7) Я вчера был у бабушки и *порадовался* (\**обрадовался*): она очень неплохо выглядит для своих лет;
- (8) Я так *обрадовался* (\**порадовался*), когда узнал об этом!

---

\* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2003а]. Воспроизводится с сокращениями.

Центральным для нашего изложения будет представление об эмоциональном состоянии, которое обозначается в русском языке глаголом *радоваться*. Согласно описанию, предложенному в [Апресян 1997а], *радоваться* — это ‘испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место’. Уже из этого толкования видно, что представление о данном эмоциональном состоянии включает в себя также представление о какой-то ситуации, которая является причиной данного состояния. Иными словами, *радоваться* — это всегда реакция на некоторую причину: *радуются* всегда чему-то<sup>1</sup>.

Описание одной и той же ситуации может вестись и со сменой диатез: *Я радуюсь Петиным успехам* ≈ *Петины успехи меня радуют* ≈ *Петя радует меня своими успехами*. Тем самым глагол *радовать* может описывать ту же ситуацию, что и глагол *радоваться*.

Возникновение эмоционального состояния радости описывается глаголами *обрадоваться* и *обрадовать*. Так, *обрадоваться*, очевидно, означает ‘начать радоваться’, или ‘прийти в состояние, обозначаемое глаголом *радоваться*’. Глагол *обрадовать* имеет две разных диатезы: *Z обрадовал Y-а* и *X обрадовал Y-а Z-ом*.

*Z обрадовал Y-а* означает:

[пресуппозиция:] ‘Y получил информацию о некотором событии Z’

[ассерция:] ‘эта информация вызвала у Y-а эмоциональное состояние радости’.

Соответственно, *Z не обрадовал Y-а* означает ‘полученная информация Z не вызвала у Y-а состояния радости’. Например: *Жена рассказала мужу о своих успехах, а мужа это почему-то не обрадовало*.

Глагол *обрадовать* в трехместной диатезе имеет близкое значение.

*X обрадовал Y-а Z-ом*:

[пресуппозиция:] ‘X сообщил информацию Z Y-у’

[ассерция:] ‘это сообщение вызвало у Y-а эмоциональное состояние радости’.

Другими словами, в двухместной и трехместной модели у глагола *обрадовать* несколько разные пресуппозиции, но ассерция одна и та же — Y *обрадовался*. Глаголы *обрадовать* и *обрадоваться* связаны между собой тривиальным образом: если некоторая ситуация Z *обрадовала* Y-а, то это значит, что, узнав о ситуации Z, Y *обрадовался*.

Итак, главная идея и для *обрадовать*, и для *обрадоваться* — то, что в фокусе внимания находится возникшее эмоциональное состояние как реакция на не-

<sup>1</sup> Соответственно, само слово *радость* может указывать не только на эмоциональное состояние, но и на ситуацию, которая, по мнению говорящего, может или должна быть причиной такого состояния, независимо от того, возникло ли это состояние на самом деле, — ср. *У тебя такая радость, а ты все ноешь по пустякам* (см. [Булыгина, Шмелев 2000а: 281]).

которую информацию (получив которую, человек мог обрадоваться, мог огорчиться, мог остаться равнодушным).

Несколько иначе обстоит дело с соотношением между *порадовать* и *порадоваться*.

Глагол *порадовать* включает три смысловых компонента:

- (i) 'X сделал нечто / нечто имело место'
- (ii) 'Y-у это стало известно'
- (ii) 'Y-у это доставило удовольствие'

В конкретном употреблении в фокус может попадать любой из этих компонентов. Разумеется, во всех этих случаях остальные, находящиеся вне фокуса компоненты также присутствуют. При этом здесь везде возможна ирония, т. е. замена знака оценки на противоположный — ср. пример (9).

Если в фокусе находится компонент (i), то глагол *порадовать* выступает как «косвенная номинация» (термин из работы [Зализняк 1991]) некоторого действия, ср.:

- (9) Ну, чем тебя сегодня *порадовал* твой сын? (≈ Что он сделал?);
- (10) 1 мая, после долгого перерыва, связанного с выступлениями в Москве, группа «Ленинград» наконец-то *порадует* своих питерских поклонников полноценным концертом в ДК Ленсовета (≈ даст концерт);
- (11) Конечно, Ариадна Сергеевна могла бы *порадовать* нас многими яркими, талантливыми книгами, успеть написать куда больше... (М. Белкина).

Если в фокусе находится компонент (ii), то глагол *порадовать* используется как глагол речи — ср.:

- (12) Мой начальник вчера меня *порадовал*: мне повышают зарплату (≈ сообщил).

И, наконец, когда в фокусе находится компонент (iii), глагол *порадовать* выступает как чисто оценочный:

- (13) Ее ответ меня *порадовал* (≈ понравился, доставил мне удовольствие)<sup>2</sup>.

Употребление, при котором в фокусе находится оценочный компонент, маркируется акцентным выделением. Сравним примеры (14а) и (14б):

- (14) а. Петя *порадовал* маму хорошими отметками;
- б. Петя *порадовал* маму отметками.

Предложение (14а) содержит просто сообщение о том, что Петя получил хорошие отметки (и это стало известно маме), а то, что маме это приятно, является фоновым предположением, оправдывающим употребление глагола *порадовать*.

<sup>2</sup> В современном разговорном языке для глагола *порадовать* возможно также несколько сдвинутое употребление, при котором вместо ситуации-причины выступает предметная сущность, ср.: *Эта песня меня порадовала*. В этом случае компонент (i) исчезает.

Между тем в (14b) в фокусе находится информация о том, что отметки, полученные Петей, хорошие (или, по крайней мере, рассматриваются мамою как таковые), причем этот смысл выражен только в глаголе *порадовать*. Соответственно, предложение (14a) произносится с обычным фразовым ударением на конечном компоненте *хорошими отметками*, а в (14b) акцентно выделено слово *порадовал*.

Рассмотрим теперь основные синтаксические конструкции, в которых употребляется глагол *порадовать*. Как мы помним, речь идет о конструкциях *X порадовал Y-а Z-ом* и *Z порадовал Y-а*.

Конструкция *X порадовал Y-а Z-ом* иллюстрируется следующими примерами:

(15) Чем вы нас *порадуете*? [Вопрос к писателю: ≈ Что нового написали?];

(16) Наум любил *порадовать* родителей игрой на фортепьяно;

(17) Чем можно *порадовать* дачника? [≈ Что ему подарить?]

При этом *Z* в рассматриваемой конструкции может отсутствовать. Опущение *Z-а* бывает обусловлено эллипсисом — ср. *Вы меня порадовали* (из контекста или ситуации должно быть ясно, чем именно); *Я хочу вас порадовать* (далее идет сама «радующая» информация); *Я рассказал ему это, чтобы его порадовать* и т. п. Ср. также пример (18), в котором валентность *Z* выражена сочиненной предикацией:

(18) Постараемся показать хороший хоккей и *порадовать* наших болельщиков.

Особая разновидность этой конструкции (*X порадовал Z-ом*) имеет место в примерах типа (19) — в них внешне не выражена валентность *Y-а* (который понимается обобщенно):

(19) Ветераны Торпедо *порадовали* новой победой.

Конструкцию *Z порадовал Y-а* можно иллюстрировать следующим примером:

(20) Состояние больного *порадовало* врача.

Обращает на себя внимание потенциальная неоднозначность примера (21):

(21) Судьи-чеченцы *порадовали* лорда Джадда.

При одном понимании подлежащее в нем соответствует валентности лица, или каузатора (*X-а*): судьи-чеченцы, приняв некоторое решение, порадовали лорда Джадда. При другом понимании подлежащее соответствует валентности причины (т. е. *Z*), т. е. представляет собою свернутую пропозицию — ср. перифразу (22):

(22) Особенно Джадда *порадовало*, что все судьи — чеченцы.

Посмотрим теперь, что значит *порадоваться*. Сравнивая этот глагол с глаголом *обрадоваться*, можно сказать, что в *обрадоваться* акцент на эмоциональном состоянии, а в *порадоваться* — на информации, извлеченной из некоторого факта.

Стандартные конструкции с глаголом *порадоваться* — это *Y порадовался Z-у* и *Y порадовался, что Z*. В этих конструкциях данный глагол обозначает нечто вроде ‘узнать нечто хорошее (и испытать от этого радость или удовольствие)’.

(23) Арсений Николаевич *порадовался* теплым ноткам в голосе внука (Вас. Аксенов);

(24) А еще *порадовался*, что Настя, молодец, не потянула в это дело милицию.

В следующем примере акцент делается на удовольствии, которое получает субъект:

(25) *Порадовавшись* чисто набоковскому намеку, мы с русистом заглянули и в колледж по соседству, в котором один когда-то учился, а другой нынче преподавал (А. Битов).

Несколько иной тип употребления глагола *порадоваться* представлен конструкцией *У порадовался за W*, где *W* — другое лицо ( $\approx$  'X узнал, что с W происходит нечто, что и сам X, и W расценивают как положительное'). Ср.:

(26) И я за них *порадовался* — я ведь тоже когда-то мечтал, чтобы фирма своя.

О том, что в центре ситуации, описываемой глаголом *порадоваться*, и в этом случае находится получение информации, говорит, например, тот факт, что фраза *Жалко, что он не может вместе с нами порадоваться* уместна только в ситуации, когда «он» не знает о событии.

У глагола *порадоваться* есть, кроме того, употребление, при котором он означает 'выразить радость' ( $\approx$  *Как хорошо, что..!*), ср. аналогичное употребление у глаголов *пожалеть* (что), *восхититься*, *удивиться*:

(27) Он стал объяснять дорогу, то и дело обрывая самого себя, чтобы лишний раз удивиться, *порадоваться*, до чего он, этот Мексут, близко живет и до чего просто к нему пройти (Ф. Искандер).

Заметим, что для глагола *обрадоваться* подобное употребление невозможно, хотя этот глагол может вводить прямую речь (находясь в постпозиции):

(28) «А ведь, пожалуй, ты прав!» — *обрадовался* Петр (Ф. Абрамов);

(29) «А вот и отец идет!» — *обрадовался* Андрей Андреич и замахал шляпой (Чехов).

Следует упомянуть также несколько периферийное употребление, иллюстрируемое примерами (30)—(31), где глагол *порадоваться* приближается к делимитативному способу действия от глагола *радоваться*. Характерным признаком этого употребления является отсутствие указания на какие-либо актанты, кроме самого субъекта, ср.:

(30) ... ты поживи, *порадуйся* на свете, потом приходи ко мне (Бунин);

(31) Дело молодое, в такие годы и *порадоваться* (Вас. Белов).

Но на самом деле жесткой границы между делимитативным и «стандартным» употреблением нет. Ср.:

(32) *Порадуйся* вместе с нами;



(33) Остается за вас только *порадоваться*.

Перечислим теперь основные различия в языковом поведении глаголов *порадовать(ся)* и *обрадовать(ся)*, связанные с рассмотренными выше различиями заключенных в них концептов.

1. **Отношение к отрицанию.** Как уже говорилось, глагол *порадовать* включает три компонента, каждый из которых может попадать в фокус: (i) X сделал нечто, (ii) Y-у это стало известно, (iii) Y-у это доставило удовольствие. Соответственно, возможны три разных эффекта взаимодействия с отрицанием: *Петя не порадовал маму хорошими отметками* (≈ ‘не получил хороших отметок’); *Петя, что же ты не порадовал маму хорошими отметками* (≈ ‘не сообщил ей’); *Петя не порадовал маму отметками* (≈ ‘получил плохие отметки’) <sup>3</sup>.

Что же касается глаголов *обрадовать* и *обрадоваться*, то здесь взаимодействие с отрицанием стандартное. *Не обрадовал*, как и *не обрадовался* означает: ожидалось, что обрадуется, а оказалось, что остался равнодушным или огорчился (ср. ниже пример (38)) <sup>4</sup>.

Различный эффект взаимодействия с отрицанием у глаголов *обрадовать* и *порадовать* сохраняется в тех случаях, когда в роли подлежащего выступает имя ситуации. Высказывание *Ситуация Z не обрадовала Y-а* означает ‘Ситуация Z не вызвала у Y-а чувства радости (вопреки тому, что ожидалось)’, тогда как *Ситуация Z не порадовала Y-а* означает, что Y не высоко (отрицательно) оценил имеющую место ситуацию Z (ср. *Уровень пьесы меня не порадовал* — это означает, что он оказался ниже, чем я ожидал).

2. **Форма императива.** Можно сказать *порадуйся*, но нельзя: *обрадуйся*. Дело в том, что форма *обрадуйся* не выражает никакого разумного смысла. *Обрадоваться* обозначает неконтролируемый переход в некоторое (тоже неконтролируемое) эмоциональное состояние. Тем самым то, *обрадуется* адресат этого обращения или нет, не зависит ни от говорящего, ни от адресата, поэтому императив *обрадуйся* ни к чему не призывает. Напротив того, *порадуйся* — это очень естественный квазиперформатив (в смысле [Булыгина, Шмелев 19896]):

(34) *Порадуйся*, я получил пятерку.

При помощи слова *порадуйся* говорящий вводит информацию, посредством которой он и имеет в виду *порадовать* собеседника, — тем самым он автоматически достигает своей цели *порадовать*. Исходное предположение здесь состоит в том, что говорящий правильно понимает шкалу оценок слушающего.

<sup>3</sup> В последнем примере наблюдается идиоматическое взаимодействие с отрицанием, характерное для слов оценочной семантики — ср. *нехороший*, *некрасивый*, *не нравится* (ср. [Богуславский 1985: 35]).

<sup>4</sup> Компонент ‘ожидалось, что произойдет соответствующее событие’ часто появляется при присоединении отрицания к глаголу сов. вида. ср. *Не позвонил* — ожидалось, что позвонит.

При этом ни *порадоваться*, ни *обрадоваться* не употребляются в форме императива с отрицанием. Дело в том, что значение императива с отрицанием у глаголов сов. вида в русском языке может быть приблизительно передано как ‘постарайся принять меры, чтобы не произошло данное неконтролируемое событие’. Непонятно, какой смысл имела бы эта форма в обоих случаях. В то же время можно обратить внимание на то, что употребительна форма императива несов. вида *не радуйся*, напр.: *Ты не радуйся, змея, — скоро выпустят меня* (Высоцкий). Эта формула, как и *порадуйся*, используется в качестве квазиперформатива и означает примерно следующее ‘ты, возможно, испытываешь радость, причиной которой является твоя положительная оценка ситуации Z; я сообщу тебе факты, которые перечеркнут эту оценку и уничтожат основания для радости’<sup>5</sup>.

3. **Форма страдательного причастия.** От глагола *обрадовать* — в отличие от *порадовать* — образуется форма страдательного причастия: *обрадованный, обрадован*, но не *\*порадованный, \*порадован*. Более того, для глагола *обрадовать* употребление в форме страдательного причастия (как полного, так и краткого) весьма характерно — это, вообще говоря, наиболее естественный способ описать эмоциональное состояние (ср. *огорчен, возмущен, взволнован, обижен* и т. п.).

Почему же не существует причастия *порадованный*? Никаких формальных запретов на образование страдательных причастий от глаголов с приставкой *по-*, очевидно, нет — ср. *поглаженное белье, помытая посуда* (хотя от делимитативных глаголов образование таких причастий затруднено: сомнительно *?почитанная книга*). Причина здесь, очевидно, семантическая. Дело в том, что форма страдательного причастия указывает на состояние объекта, наступившее в результате соответствующего события. Именно в этом и состоит функция причастия *обрадованный*: оно указывает на эмоциональное состояние, наступившее в результате события, обозначаемого глаголом *обрадовать* (так же, как и глаголом *обрадоваться*). Между тем глагол *порадовать* не сообщает нам о наступлении у его объекта какого-либо состояния. *Порадовать* не значит ‘вызвать какое-то состояние’, а значит ‘сделать или сообщить нечто’. Можно сказать, что глагол *порадовать*, будучи синтаксически переходным, семантически переходным не является. Он не предполагает никакого изменения объекта (субъекта состояния), и следовательно непонятно, что бы могло значить причастие *порадованный*.

4. Только *обрадоваться* допускает **интенсификацию** — поскольку эмоциональное состояние имеет параметр степени, ср. *я очень, сильно, весьма, страшно, ужасно, чрезвычайно, так, почти обрадовался*; ср. также пример (8). Никакой из этих интенсификаторов не применим к глаголу *порадоваться*, так как этот глагол просто констатирует факт — а факты, как известно, не градуируются.

<sup>5</sup> Очень близкий смысл выражается весьма частотной формулой *напрасно / зря радуешься*. Упомянем также выражение *рано радуешься*, или *рано обрадовался*, которое означает: ‘ты, возможно, испытываешь радость, причиной которой является твоя положительная оценка ситуации Z; я полагаю, что в близком будущем обнаружатся факты, которые перечеркнут эту оценку’.

5. Сочетаемость с **модальными глаголами**. *Хочу тебя обрадовать* — это обычное (неидиоматическое) сочетание, а *хочу порадовать* идиоматическое (десемантизированное) сочетание, как с перформативными глаголами, ср. *хочу тебе сказать, хочу тебя похвалить*.

Отметим еще ряд интересных различий между глаголами *обрадоваться* и *порадоваться*. Как пишет А. Б. Пеньковский [1991: 154], радость межличностна, ею можно поделиться (ср. *разделить чью-то радость*). Однако, как выясняется, та радость, которую можно *разделить* с кем-то, описывается глаголами *радоваться* и *порадоваться*, но не *обрадоваться*: можно *порадоваться вместе* с кем-то, но не говорят *\*обрадоваться вместе с кем-то*<sup>6</sup>. Ср.:

- (35) Мне приятно сообщить это читателям, чтобы они вместе со мной *порадовались*, что подарок старика попал в хорошие руки (Л. Лагин. «Старик Хоттабыч»).

Дело в том, что, как уже говорилось, в *порадоваться* акцент делается на информации, извлеченной из некоторого факта, а в *обрадоваться* — на эмоциональной реакции. Одну и ту же информацию могут получить разные люди, а эмоциональная реакция у каждого своя.

Только глагол *обрадовать(ся)*, но не *порадовать(ся)* сочетается с такими словами, как *почему-то* и *неожиданно*, ср.:

- (36) Это обещание почему-то очень *обрадовало* О. М. (Н. Мандельштам);  
 (37) И почему-то я необыкновенно *обрадовалась* ему (Бунин).

Речь в таких случаях идет о том, что эмоциональная реакция кажется говорящему недостаточно мотивированной, а причина ее не вполне ясна. Сочетание *почему-то порадовал(ся)* выглядело бы странно: непонятно, к чему здесь может относиться удивление говорящего.

Обращает на себя внимание то, что разный смысл имеют сочетания *вместо того чтобы обрадоваться* и *вместо того чтобы порадоваться*. В первом случае речь идет о том, что эмоциональная реакция на определенное событие оказалась не такой, как ожидалось (напр., вместо того чтобы обрадоваться, он огорчился); во втором — говорящий высказывает таким образом упрек в том, что другой человек, вместо того чтобы думать о некоторой приятной вещи, думает о другой, неприятной. Ср., соответственно (38) и (39):

- (38) К великому удивлению Вани, папа не разделяет его симпатии к котяткам, и, вместо того чтоб прийти в восхищение и *обрадоваться*, он дергает Ваню за ухо и кричит: «Степан, убери эту гадость!» (Чехов);  
 (39) Вместо того чтобы *порадоваться* новому платью, ты огорчаешься, что потратила много денег.

<sup>6</sup> Тем самым только глаголы *радоваться* и *порадоваться* (но не *обрадоваться*) могут быть отнесены к категории «совместного действия» (см. [Зализняк, Шмелев 1999]).

Все сказанное свидетельствует о том, что глаголы *обрадовать(ся)* и *порадовать(ся)* заключают в себе весьма различные концепты. Но, конечно, существуют контексты, в которых различия между этими глаголами оказываются нерелевантны. Так, два варианта приведенного выше высказывания (2) практически синонимичны:

(2) Ты получил пятерку! Немедленно позвони маме, *обрадуй / порадуй* ее!

Стирание различий в подобных контекстах вызвано следующей причиной. Для глагола *обрадовать* важна недетерминированность связи между поступлением информации и возникновением эмоциональной реакции, причем глагол указывает именно на наличие эмоциональной реакции. Для глагола *порадовать* эмоциональная реакция вообще оказывается не в фокусе, *порадовать* представляет собою косвенную номинацию стимула. Однако в том случае, когда, с одной стороны, наступление данной эмоциональной реакции кажется говорящему очевидным, а, с другой стороны, используется императив, для которого побуждение к действию и к его результату могут сливаться, различие между этими глаголами исчезает. Призыв осуществить действие-стимул и призыв вызвать реакцию — это в каком-то смысле одно и то же.

## СЕМАНТИКА ПЕЧАЛИ\*

### 1. Вступительные замечания

Тот факт, что английское прилагательное *sad* (и соответствующее существительное *sadness*) в своем основном значении может быть переведено на русский язык двояко, а именно *грустный* и *печальный* (и, соответственно, *грусть* и *печаль*), причем никакой из двух переводов не имеет преимущества, оба являются общеупотребительными словами, хорошо известен исследователям, изучающим языковую концептуализацию эмоций. При этом в русском языке имеется еще родственная эмоция, обозначаемая лингвоспецифичным словом *тоска*, и это слово также является общеупотребительным и стилистически нейтральным. Не случайно, объединяя слова *тоска*, *грусть* и *печаль* в один синонимический ряд, именно тоску часто считают доминантой этого ряда — в частности именно так поступила Е. В. Урысон в статье, предназначенной для «Нового объяснительного словаря синонимов» [Урысон 1995].

Эмоциям, обозначаемым посредством русских слов *грусть* и *печаль* посвящено немало исследований; в частности, весьма проникательные наблюдения касательно их семантических различий содержатся в уже упомянутой публикации [Урысон 1995] и в статье [Wierzbicka 1998b]. При этом для А. Вежбицкой на первом плане находится контрастивный анализ *грусти* и *печали* (отчасти на фоне их английских аналогов), а Е. В. Урысон сопоставляет эти слова со словами *тоска* и *уныние* и сосредоточивается на противопоставлении *грусти*, с одной стороны, и *тоски* и *уныния* — с другой (*печаль* она рассматривает как своего рода «мостик» между ними). Соответственно, А. Вежбицкая, в статье которой предложены толкования слов *грусть* и *печаль*, на первый план вводит представление о том, что произошло нечто плохое, чего человек не хотел бы, но теперь он ничего не может поделать, и, по ее мнению, слова *грусть* и *печаль* указывают на чувства, подобные чувствам такого человека. Е. В. Урысон дает общее толкование всему синонимическому ряду (доминантой которого она считает слово *тоска*), и потому в фокусе оказывается представление о том, что человек чего-то хочет, но знает, что исполнение его желания невозможно (именно это представление является ядром представления о «тоске»).

---

\* В основу данной заметки положена совместная работа с М. Калюгой (см. публикацию [Шмелев, Калюга 2009]).

Представляется, однако, что целый ряд важных свойств указанных эмоций, находящихся непосредственное отражение в поведении соотносимых с ними языковых выражений, не нашел отражения в этих описаниях. Поэтому полезно вновь обратиться к анализу языковых свидетельств того, как 'грусть' и 'печаль' концептуализуются в русском языке<sup>1</sup>.

Анализ проводился в соответствии с общими принципами «новомосковской» школы концептуального анализа [Шмелев 2004]. Рассматривались не только слова *грусть* и *печаль*, но и соответствующие фрагменты словообразовательных гнезд: прилагательные *грустный* и *печальный*, наречия *грустно* и *печально*, предикативы *грустно* и *печально*, глаголы *грустить* и *печалить(ся)*, в том числе производные *загрустить* и *опечалить(ся)* и т. д.<sup>2</sup> При необходимости привлекался исторический материал — в предположении, что для функционирования языковых выражений в современном языке может оказаться релевантной «культурная память слова» [Яковлева 1998]. Забегая вперед, заметим, что главное различие между *грустью* и *печалью* определяется их различным статусом: *грусть* представляет собою особое настроение, а *печаль* — эмоциональное состояние и, сопряженное с отношением к происходящему.

## 2. Реальная речевая практика

Перейдем к критическому рассмотрению характеристик *грусти* и *печали*, которые выделяет А. Вежбицкая, при необходимости привлекая соображения, содержащиеся в статье Е. В. Урысон.

Рассмотрим внимательнее пример, приведенный А. Вежбицкой в подтверждение тезиса, что *печаль* представляет собою более «глубокое» чувство, нежели *грусть*:

Духовная безкрылость, бездарность русской революции может доставлять злорадное удовольствие всем ее врагам. Но это факт *глубоко печальный* (\**грустный*) для русского народа и его будущего (Г. Федотов).

Совершенно верно то, что прилагательное *печальный* в этом отрывке едва ли можно заменить на *грустный*; однако причина этого, как кажется, вовсе не в наличии наречия *глубоко*. Если мы устраним наречие, эффект будет тот же самый:

<sup>1</sup> Некоторые примеры языкового употребления, разбираемые в статье, взяты нами из «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru>).

<sup>2</sup> В статье [Урысон 1995] рассматриваются только существительные *грусть* и *печаль*, а производные слова лишь упоминаются среди «дериватов». В статье А. Вежбицкой [Wierzbicka 1998b] к анализу привлекаются прилагательные *грустный* и *печальный* и наречия / предикативы *грустно* и *печально*; при этом молчаливо предполагается, что семантика прилагательных и наречий / предикативов полностью параллельна семантике соответствующих существительных. В действительности, как представляется, полного параллелизма здесь нет.

предложение *Это факт печальный для русского народа* полностью приемлемо, а предложение *Это факт грустный для русского народа* весьма сомнительно. Дело в том, что в современном русском языке вообще очень редко говорят о *грустных* для кого-то *фактах* (о причинах этого речь пойдет ниже)<sup>3</sup>. Значительно более естественным представляется характеристика *факта* как *печального* для кого-то.

Но, кроме того, утверждение А. Вежицкой о сомнительности сочетания *глубокая грусть* никак не подтверждается реальной речевой практикой: в текстах XIX в. оно встречается весьма нередко. *Грусть* даже может быть *глубочайшей* — ср., напр.: *...его... лицо выражало умиление и глубочайшую грусть...* (Антон Чехов). Сочетание *глубокая грусть* не является чем-то исключительным и в более поздних текстах вплоть до настоящего времени. Правда, такая *глубокая грусть* чрезвычайно близка *печали* — отметим показательный пример из «Литературной газеты» от 26 июня 2001 г. Интервьюер задает вопрос: «Какие еще чувства, кроме законной гордости, вы испытываете?» — и Владимир Мау отвечает: «Чувство *глубокой грусти*, потому что самое интересное, самое важное уже сделано. Довольно *печально* сознавать, что самое интересное в твоей жизни уже позади, что оно произошло, когда тебе было тридцать с небольшим».

В целом сочетание *глубокая грусть* является почти столь же частотным, как и *глубокая печаль*. Любопытно в связи с этим отметить, что Е. В. Урысон без каких-либо оговорок отмечает, что и *грусть*, и *печаль* (как и *тоска* и *уныние*) «сочетаются с определениями, обозначающими интенсивность и глубину чувства», и в качестве примеров указывает: *глубокая печаль*, *глубокая грусть* [Урысон 1995: 516]. Впрочем, она указала, что «*грусть*, которую называют *глубокой* и *нестерпимой*, является таковой лишь относительно некоего эталона *грусти*, но не чувства вообще» [Там же: 512].

В большей степени можно согласиться с замечанием А. Вежицкой, согласно которому в случае, когда у кого-то умирает ребенок или любимый человек, мы не опишем его состояние при помощи слова *грусть*. Она пишет, что более уместным здесь будет слово *горе* или *отчаяние*, но и слово *печаль* возможно. Здесь релевантно соображение Е. В. Урысон, что слово *грусть* не употребляется, когда речь идет о вещах, жизненно важных для субъекта [Урысон 1995: 511]. Соглашаясь с этим в целом, все же отметим, что в некоторых случаях в такого рода ситуациях используется и слово *грусть* (а также его производные) — напр., в статье логопеда-психолога В. Н. Поветкиной (Сиротюк) «Почему они уходят?.. или как говорить с ребенком о смерти» сказано: *Если один из родителей находится в сильном эмоциональном потрясении, важно, чтобы кто-то из взрослых оказывал поддержку ребенку и объяснил, что происходит с мамой: «Маме очень грустно, что папа умер. Но она справится с горем...»*<sup>4</sup>. А в книге М. А. Шенкао

<sup>3</sup> В текстах XIX в. такое сочетание было несколько более вероятно.

<sup>4</sup> <http://www.neroli.ru/articles/psihology/028.html>.

«Основы философской танатологии» даже делается общее утверждение, со ссылкой на Василия Розанова: *Смерть близких навеивает грусть*.

На то, что грусть является более преходящим чувством, нежели печаль, по мнению А. Вежбицкой, указывает нормативность сочетаний *милолетная грусть*, *легкая грусть*, *светлая грусть*, при сомнительности <sup>?</sup>*милолетная печаль* и <sup>?</sup>*легкая печаль*. Можно было бы согласиться с А. Вежбицкой в том, что *грусть* является более преходящим чувством, нежели *печаль*; но опять-таки ее аргументация не во всех случаях подтверждается речевой практикой. Скажем, утверждению, что можно сказать *милолетная грусть* и *легкая грусть*, но сомнительно <sup>?</sup>*милолетная печаль* и <sup>?</sup>*легкая печаль*, как будто противоречит тот факт, что в «Национальном корпусе русского языка» (по данным на октябрь 2008 г.) сочетание *милолетная печаль* встречается примерно столько же раз, сколько и сочетание *милолетная грусть*<sup>5</sup>.

Что касается сочетаний *легкая грусть* и *легкая печаль*, первое из них встречается чаще, но сочетание *легкая печаль* вовсе не невозможно:

Она взглянула на меня мельком, тепло, с легкой печалью... (А. Грин);  
Поэтому, должно быть, белые ночи и вызывают своей непрочностью легкую печаль, как все прекрасное, когда оно обречено жить недолго (К. Паустовский);  
*Легкая печаль* затуманила ее темные глаза... (П. Алешковский).

Кстати, и Е. В. Урысон приводит словосочетания *легкая грусть* и *легкая печаль* в качестве иллюстрации цитированного выше замечания о свободном сочетании слов *грусть* и *печаль* с определениями, обозначающими интенсивность и глубину чувства [Урысон 1995: 516]. Она считает, что *печаль* является «мостиком» между *грустью*, с одной стороны, и *тоской* и *унынием* — с другой, и в связи с этим пишет, что печаль «двойка»: «Подобно **грусти** она может быть неглубокой и неинтенсивной, ср. *Думал об этом с легкой печалью* (*Думал об этом с легкой грустью*)...».

В отношении сочетаний *погрузиться в печаль* и *погрузиться в грусть* А. Вежбицкая пишет, что возможно первое, но не второе, которое она помечает звездочкой. В целом, действительно, в *печаль погружаются* чаще, нежели в *грусть*, но и последнее тоже возможно<sup>6</sup>:

...я умолкал и *погружался в грусть* несносную (В. Нарезный).

<sup>5</sup> Заметим, впрочем, что сочетание *милолетная печаль* представляется сомнительным и Е. В. Урысон, которая помечает фразу *Его охватила милолетная печаль* двумя вопросительными знаками [Урысон 1995: 517].

<sup>6</sup> Ни то, ни другое сочетание вовсе не упоминается в статье Е. В. Урысон среди выражений, указывающих на возникновение чувства, из чего можно было бы заключить, что они представляются ей не очень характерными [Урысон 1995: 515—516]. Но, впрочем, она не упоминает и выражения *прийти в уныние*, хотя оно, безусловно, является одной из самых частых конструкций, указывающих на появление уныния.



При этом *печаль* и *грусть*, в которые *погружаются*, оказываются очень похожими, почти неразличимыми. Ср.:

*Погрузившись в печаль*, вышел на огород свой и ходил в большой *грусти* (В. На режный).

Не соответствует реальной речевой практике и утверждение о том, что можно сказать только *светлая грусть*, но не *светлая печаль*. А. Вежицкая сама упоминает знаменитые строки Пушкина ...*печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою...* и характеризует их как намеренно парадоксальные и представляющие собою «творческое отклонение от нормы». Но и здесь оказывается, что сочетание *светлая печаль* вовсе не является редкостью в русских текстах, напр.:

...душа его была полна *светлой печалью* (М. Арцыбашев);

Да ведь и овцы против этого не возражают — так мудро-обреченно, так изнеможенно-нежно, со *светлой печалью* в глазах откидывают они голову, подставляя горло под нож (Г. Владимов);

Более того, в *светлую печаль* можно даже *погрузиться*:

Ведь все мы когда-то писали об этом, снова и снова *погружались* в особую гармонию *светлой печали...* (М. Строева)

А. Вежицкая отметила, что наречие *грустно* способно использоваться в дательной конструкции, указывающей на чисто субъективное и непроизвольно возникающее чувство, тогда как употребить *печально* в таких конструкциях вовсе невозможно: *Мне грустно*, но не \**Мне печально*. Эта конструкция, по мнению А. Вежицкой, особенно пригодна, когда надо указать на «смутное» чувство, возникающее «без причин»: *Ему было грустно, он сам не знал почему*. Но оказывается, что и этому наблюдению как будто противоречит целый ряд примеров:

И прошел мой гнев, и снова стало *мне печально* и грустно, и опять текут у меня тихие слезы (Л. Андреев);

Да, да, да, поверьте, и *мне печально*, — сказал Штрум (В. Гроссман);

Как *мне печально* (В. Гроссман);

Он стоит, и *ему печально* (Ю. Коваль).

Описание, данное А. Вежицкой, предполагает, что слово *печаль* всегда подразумевает, что субъект знает, почему он испытывает печаль: можно сказать *Он чувствовал какую-то грусть, он сам не знал почему*, но не ?*Он чувствовал какую-то печаль, он сам не знал почему*. Она заметила, что в этом отношении *грусть* приближается к английскому слову *melancholy*, которое тоже может обозначать беспричинное чувство, и отличается от английских слов *grief* и *sorrow*, которые в этом отношении ближе к слову *печаль*. Однако, в отличие от *печали*, они носят более «личный» характер, предполагая, что нечто плохое случилось именно с субъектом, тогда как *печаль* дает более «объективную» отрицательную оценку ситуации. Именно поэтому естественно звучат сочетания *печальный конец* и *пе-*

чальные результаты; можно также играть *печальную роль*, как в следующем примере:

...вместе с ними судили их машинистку Веру Лашкову и Алексея Добровольского, сыгравшего *печальную* (\**грустную*) роль провокатора (А. Амальрик).

В целом можно согласиться с А. Вежбицкой: действительно, беспричинной чаще бывает *грусть*; однако примеры *печали* «без причин» также изредка встречаются в текстах, напр.:

...я почувствовал опять, что мной постепенно овладевает та тяжелая и *беспричинная печаль*, от припадков которой я никогда и ничем не мог себя предохранить (Г. Газданов);

Бывает, сам не знаешь отчего, а загрустишь, и весь день потеряешь от своей *беспричинной печали* (Н. Садур).

Здесь опять-таки уместно привести мнение Е. В. Урысон, согласно которому и *грусть*, и *печаль* «входят в сочетания, указывающие на отсутствие видимой причины чувства», иллюстрируемое ей посредством словосочетаний *беспричинная печаль* и *беспричинная грусть*.

Однако следует признать, что хотя утверждения А. Вежбицкой относительно приемлемости или неприемлемости тех или иных сочетаний как будто и противоречат данным речевой практики, они во многом отражают семантические интуиции носителей языка и ухватывают важные особенности *печали* и *грусти*, как они концептуализуются в русском языке. В следующем разделе мы попытаемся выяснить, как концептуализуются *грусть* и *печаль* в русском языке и как особенности этой концептуализации влияют на языковое поведение соответствующих слов.

### 3. Концептуализация *грусти* и *печали* в русском языке

#### 3.1. Грусть

Как уже говорилось, *грусть* представляет собою актуальное настроение, обычно не связанное с чем-то жизненно важным для субъекта и по самой природе своей являющееся преходящим, временным. Поэтому для нее вполне естественно быть *мимолетной*. Это, однако, не означает, что такое настроение не может оказаться продолжительным, ср. использование словосочетания *долго грустить* в следующем примере:

Белла *долго грустила* и уехала с отцом в деревню (В. Соллогуб).

Однако в любом случае это именно настроение, а не постоянное свойство субъекта, используется ли слово *грусть*, *грустный*, *грустно* или глагол *грустить*. В случае, если такое настроение присуще субъекту более или менее постоянно.

(т. е. является его свойством), это можно выразить посредством дезактуализатора, напр. *всегда* (о дезактуализаторах см. [Булыгина, Шмелев 1989а]), ср.:

Бледная, *всегда грустная*, умная и насмешливая Аня Штрум (В. Гроссман);  
Она была *всегда грустной*,— и вправду, жизнь ее, видимо, была невеселой (И. Дьяконов);  
...доктор тоскует по жене..., поэтому *всегда грустный* и выпивший (П. Каменченко).

При этом, разумеется, следует учитывать, что часто слово *всегда* в сочетании со словами *грустно* или *грустный* не является дезактуализатором, а означает 'во всех случаях' (но речь идет о преходящем актуальном настроении, хотя и повторяющемся — у одного субъекта или у разных), напр.:

Провожать в последний путь *всегда грустно* (Ю. Никулин);  
Одинокому *всегда грустно* ((Постников) Ю. Дружков);  
Но расставаться *всегда грустно* — и с людьми, и с местами (А. Бовин).

Предикатив *грустно* применяется по отношению к субъекту, который пребывает в таком настроении (чаще всего это сам говорящий или лицо, находящееся в фокусе эмпатии). На это же настроение указывает глагол *грустить*, который, однако, в большей степени подчеркивает внешние, наблюдаемые признаки такого настроения, маркируя, таким образом, «взгляд со стороны». Поэтому более естественно сказать *Мне грустно*, но *Что ты грустишь?* Впрочем, фраза *Я грущу* тоже возможна, но встречается преимущественно в тех случаях, когда субъект осознает причину своего грустного настроения (чаще всего это сожаление о чем-то несбыточном, воспоминание о прошедшем или разлука с кем-то близким).

Кроме того, настроение, обозначаемое глаголом *грустить*, может сближаться со смежными настроениями, эмоциональными состояниями и установками, напр., со скукой или недовольством (в последнем случае причина недовольства часто обозначается придаточным изъяснительным). Любопытно также использование глагола *грустить* в конструкции *грустить за* ⟨кого-то⟩ (реже — *грустить о* ⟨ком-то⟩) для указания на сочувствие другому лицу:

Синичкин видел ее растерянную спину в окно и *грустил за бабушку*, проработавшую в госпитале сорок пять лет и так бесславно закончившую свою карьеру (Д. Липскеров);  
Безвольный, шемающий голос *грустил о судьбе несчастной девочки...* (Д. Карапетян).

Хотя *грусть* является преходящим настроением, она в норме не является кратковременной; на кратковременность *грусти* необходимо специально указывать (*мимолетная грусть*, *грустил недолго*). Если такого указания нет, по умолчанию предполагается, что *грусть* может продлиться неопределенно долго. Это проявляется, в частности, в том, что от глагола *грустить* может быть образован инхоативный глагол *загрустить* (о том, что глаголы данной словообразовательной модели могут быть образованы лишь от глаголов, обозначающих процессы

или состояния неопределенной длительности, см. [Зализняк, Шмелев 2002]). *Загрустить* можно на короткий промежуток времени, но можно и надолго (ср. фразу из кинофильма «Верные друзья»: *Индюк, по-моему, надолго загрустил!*).

Прилагательное *грустный* может указывать и на настроение субъекта, и на внешние признаки такого настроения (ср. сочетания *грустные глаза*, *грустное лицо*, *грустный взгляд* и т. п.); часто эти «оттенки значения» выражаются синкретично. Существенно, что такое настроение не является постоянным признаком субъекта (для указания на настроение, постоянно присущее субъекту, необходимо использовать такие слова, как *всегда*). Кроме того, оно нередко метонимически употребляется по отношению к объектам (песням, рассказам, стихам, фильмам и т. п.), которые могут вызвать такое настроение, и тогда, разумеется, это оказывается постоянной характеристикой объекта.

Итак, *грусть* представляет собою элегическое, не слишком мучительное настроение. Именно поэтому она воспринимается как легкое, относительно неглубокое чувство, не причиняющее субъекту особых мучений. Как пишет Е. В. Урысон, *грусть* «всегда подразумевает незначительность для субъекта желаемого, принятие жизни» [Урысон 1995: 511]. Далее, говоря о *грусти*, Е. В. Урысон замечает: «Она оставляет в душе место и для других чувств, часто окрашиваясь ими, и сама бывает лишь оттенком настроения, причем сопутствующие ей чувства могут быть приятными, а настроение — скорее хорошим» [Там же: 513].

Надобно сказать, что появление в картине мира представления о таком элегическом настроении, вероятно, связано с влиянием сентиментализма; именно со второй половины XIX века в русских текстах начинают использоваться такие сочетания, как *светлая грусть* и *приятная грусть* [Kalyuga 2008: 24]. В дальнейшем эти сочетания стали вполне обычными. Эта *светлая грусть* может противопоставляться *печали*:

...к последнему куплету совсем растопилась *печаль* и осталась только *светлая грусть*... (В. Смехов).

С другой стороны, она может сливаться с *печалью*, которая, как мы видели, тоже иногда бывает *светлой*:

Но и *печаль*, *светлую грусть* в них чуял Илья, и была эта грусть прекрасна (И. Шмелев).

В то же время для слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиною *грусть*, возможны и употребления, при которых они обозначают тяжелое настроение, душевную боль, только такое понимание должно быть поддержано контекстом:

...я *глубоко грустил* и никогда впоследствии не испытывал более такой острой боли, какую пережил при первом моем уходе из Министерства финансов (В. Н. Коковцов);

Мне было хорошо, когда я забывал «историю Центра», но, как только она приходила мне на память, я *страшно грустил, грустил до боли* (П. К. Козлов).

Причины *грусти* могут быть различны. Как уже говорилось, *грусть* может быть беспричинной; она может быть обусловлена тем, что произошло нечто плохое (это отражено в толковании А. Вежбицкой) или с тем, что у субъекта есть неудовлетворенные желания (ср. толкование Е. В. Урысон); однако сущность *грусти* как настроения определяется тем, что она противопоставлена *веселью* (не углубляясь в проблему толкования, заметим, что, вероятно, толкование грусти должно включать указание на то, что это настроение, когда человек не хочет или не может веселиться<sup>7</sup>).

### 3.2. Печаль

Совсем иначе устроена *печаль*. Для нее существенной оказывается историческая «память слова» и его эпидигматические связи. Значение ‘забота’ (как в смысле ‘внимание к чьим-то потребностям, попечение’, так и в смысле ‘беспокойная мысль о чем-либо; сосредоточенность на удовлетворении какой-то потребности’) сохраняется и у слова *печаль*, и у его производных, определенным образом окрашивая и употребление этих слов, когда они обозначают чувство, близкое *грусти*. Для слова *печаль* значение ‘забота’ обычно возникает в составе таких оборотов, как *Не моя печаль; Тебе какая печаль? или Тебе что за печаль?* В отношении слова *печалиться* напомним пример из «Сказки о попе...» Пушкина *Поповна о Балде лишь и печалится*, в котором глагол толкуется словарями как ‘заботится’<sup>8</sup>. Ср. также:

Сидел он на шее у нее и родителей, очень удобно сидел, свесив ножки и помахивая кнутиком, *ничего не делал, ни о чем не заботился, не печалился ни о чем...* (Т. Устинова).

Здесь важно то, что забота не бывает беспредметной. Соответственно, и *печаль* мыслится как имеющая предмет, причину, источник печали. Этому не противоречит возможность таких сочетаний, как *беспричинная печаль*, в которых отсутствие причины специально оговаривается. Когда кому-то *грустно*, может вставать, но может и не вставать вопрос «почему?»; когда кто-то испытывает *печаль*, в норме предполагается, что субъект знает, чем эта *печаль* вызвана.

<sup>7</sup> Тем самым независимое толкование получит *веселое* настроение (когда человек чувствует нечто хорошее и показывает это), а *грустное* настроение будет толковаться негативно. Заметим, что веселость при таком подходе воспринимается как некоторая норма, и потому слово *веселый* может обозначать не только преходящее *настроение*, но и постоянное *свойство* человека.

<sup>8</sup> Я, впрочем, не уверен, что в данном примере глагол действительно употреблен в рассматриваемом значении.

Направленность *печали* на причину проявляется в том, что глагол, образованный от слова *печаль*, имеет каузативное значение: *печалить*, а уже от него образуется «декаузатив» — возвратный глагол *печалиться*. При этом глагол *печалить* не может обозначать целенаправленное действие, которое может увенчаться или не увенчаться успехом, как глаголы *пугать*, *соблазнять* и т. п.; субъект этого глагола — всегда ситуация, которая и получает (негативную) оценку, сопряженную с эмоцией. Если мы говорим *Меня печалит Петья*, это означает, что я испытываю печаль по поводу Петинского поведения, состояния здоровья и т. п., но не может означать деятельность Пети, специально направленную на то, чтобы я был печален.

Поскольку *печаль* включает в свое значение установку на некоторое отношение к происходящему, она не может восприниматься как настроение, имеющее неопределенную длительность, и от глагола *печалиться* не может быть образован инхоативный глагол с префиксом *за-* (*\*запечалиться*). Возникновение соответствующей установки описывается посредством глаголов *опечалить* и *опечалиться*.

Разные конструкции, в которых используется глагол *печалиться*, коррелируют с разными «оттенками» обозначаемого им эмоционального состояния и отношения к источнику печали. Так, конструкция *печалиться на* (кого/что) предполагает эмоциональное состояние, включающее недовольство и чувство досады (ср. *сердиться на...*; *досадовать на...*) и нередко предполагает вербальное проявление эмоции (в этом значении *печалиться* близко к глаголу *жаловаться*). Конструкция *печалиться о* (ком) может указывать на эмоцию, вызванную страданиями или трудностями другого человека (соответственно, *печалиться о себе* указывает на эмоциональное состояние, вызванное мыслями о собственных страданиях, трудностях или неудачах). При этом если *грустить за* (кого) предполагает в первую очередь сочувствие, сопереживание другому человеку, с которым произошло или происходит нечто плохое, то конструкция *печалиться о* (ком) может предполагать осуждение, особенно если человек, по отношению к которому испытывается эмоция, сам виноват в том, что с ним случилось: *Игумен очень печалился о нем, зная, что он жил в великой лености и небрежении* (Святитель Игнатий (Брянчанинов)).

Конструкция *печалиться о* (чем) или *печалиться, что...* просто указывает на отрицательное эмоциональное состояние, которое возникает у субъекта при мысли о некоторой отрицательно оцениваемой им ситуации:

Царь очень радовался тому, что Бог дал ему рекрута, и *печалился о преждевременной смерти невестки*, которую он очень любил и уважал (П. И. Ковалевский);

...одинадцатилетним мальчиком он *печалился, что сестра выходит за старого Карамзина* (грусть же свою изливал «стихами самого Карамзина») (Н. Эйдельман)

При этом сама ситуация может относиться к плану будущего, однако мысль о ней существует в настоящем и каузирует отрицательное эмоциональное состояние субъекта:

Пока я был в Суцзуктэ, нас навестил донир, долго сидел, *печалился о двух вещах*: во-первых, о том, что ему *предстоит* ехать в Россию, а потом о том, что ему никак не добыть тех золотых монет тибетских, которые необходимо внести мне... (П. К. Козлов)

*Печалиться*, как и *грустить*, можно в связи с обманутыми надеждами, упущенной возможностью, невозвратимостью того, что дорого, или отсутствием того, чего хотелось бы: *Он так печалился об утраченных идеалах...* (М. Баконина)

Общим для всех употреблений глагола *печалиться* является то, что соответствующее эмоциональное состояние возникает при мысли субъекта о том, что имеет место нечто плохое. Тем самым, когда мы говорим, что причина того, что субъект *печалится*, — некоторая ситуация, мы имеем в виду, что непосредственной причиной является мысль по поводу этой ситуации, которой субъект дает негативную оценку. Это вполне соответствует выводам А. Вежицкой, согласно которым *печаль* включает «объективную» отрицательную оценку ситуации. Указанная оценка может быть высказана субъектом — отсюда употребления, в которых глагол *печалиться* означает ‘делать высказывание о чем-то оцениваемом отрицательно’:

В войну растерял многое — я уже *печалился* об этом в другой главе, — а раза два я получал столь мерзкие анонимные письма, что в порыве чувства брезгливости рвал их и выбрасывал в унитаз (В. Розов);  
«...Да к тому же Черевченко не справился со своим подопечным Остерцем», — *печалился* после матча Юрий Семин (Д. Навоша).

По этой же причине возможно выражение *поделиться печалью*, но невозможно *\*поделиться грустью*:

Поскольку *печаль* предполагает отрицательную оценку и часто включает осуждение и отстраненность, *печалются* чаще о том, что произошло по вине других (тогда как *грустят* часто по поводу собственных поступков):

Я *печалился* по тому поводу, что прокатились на этой волне за океан самые ушлые и шумные, убедив на время наивных американцев в том, что они и есть соль русского современного искусства (А. Макаревич);  
Также он немного *грустил оттого*, что причинил страдания Лизочке Мировой... (Д. Липскеров).

Кстати, вероятно, именно поэтому слово *грусть* часто можно встретить в сочетании со словом *раскаяние*, а *печаль* — со словом *разочарование*:

...на лице Подчуфарова появилось выражение *грусти и раскаяния*, а на лице Мовшовича... выражение одной лишь *грусти*, без *раскаяния* (В. Гроссман);  
Вглядываясь в физиономию Папке, Вайс заметил новое, ранее не свойственное ей выражение *печали, разочарования* (В. Кожевников).

Перейдем к словам *печально* и *печальный*. Хотя, как мы видели, слово *печально*, вопреки мнению А. Вежбицкой, может использоваться как предикатив, в том числе с дательным падежом субъекта, легко заметить, что и оно в этом случае указывает не на чувства субъекта, а на объективированную негативную оценку ситуации. В норме сразу же указывается, о какой ситуации идет речь, напр., посредством подчиненного инфинитива:

*Мне печально видеть*, как этот живой архитектурный музей с подлинными экспонатами рассыпается на глазах (О. Алямов);

*Мне печально видеть* это, но я понимаю, что это естественный ход истории (В. Молчанов).

Даже если указание на причину при слове *печально* не производится, обычно также предполагается объективированная оценка ситуации, а не чувства субъекта. Так, в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» Штрум в ответ на слова Каримова: «Скоро вы вернетесь в Москву, придется нам с вами расстаться. А я очень ценю наши встречи»,— говорит: *Да, да, да, поверьте, и мне печально*. Ясно, что смысл этой реплики состоит в указании не на смутные элегические чувства, а на то, что Штрум тоже ценит встречи с Каримовым и тоже сожалеет о том, что они прекратятся (можно было бы сказать: *...мне тоже жаль*).

Чаще при предикативе *печально* субъект вообще не указывается: в нем нет необходимости, поскольку дается объективированная оценка имеющегося положения дел. Ср.:

Это до крайности *печально*, особенно если иметь в виду, что здесь дело идет не о бедности праздношатающегося человека, а рабочего (Ф. Ф. Эрисман).

При этом часто выражается недовольство, так что реплика *печально* в ответ на чье-то сообщение может маркировать отчужденный или осуждающий взгляд, несколько «свысока». Если человек хочет выразить сочувствие собеседнику (напр., если собеседник сказал, что у него заболел ребенок), он скорее скажет *Это грустно*.

«Объективированность» *печали* проявляется и в том, что прилагательное *печальный* охотно сочетается с такими словами, как *факт*, *событие*, *обстоятельство*, *судьба* и т. п., почти теряя эмоциональную составляющую и сближаясь по значению с устаревающим прилагательным *прискорбный*. Так, в следующем предложении его вполне можно было бы заменить на прилагательное *печальный*:

Было объявлено, что лорд-адмирал скончался, и по этому *прискорбному* случаю весь город отправился провожать останки своего знатного земляка к его фамильному склепу (Р. Штильмарк).

Сочетания *грустный факт*, *грустное обстоятельство* тоже возможны, но эмоциональная составляющая в них остается: они указывают на то, что эти факт, обстоятельство и т. д. способны повергнуть в грусть.



Эмоциональная составляющая совсем исчезает в таких весьма частотных сочетаниях, как *печально известный*, *печально знаменитый* (т. е. 'известный с дурной стороны'). Напр.:

Раппопорт — единственный, кто не покаялся на *печально знаменитой* сессии ВАСХНИЛ 1948 года (М. Поповский);  
 ...*печально знаменитое* Беловежское соглашение, которым было объявлено о прекращении существования СССР (А. Собчак);  
 ...зверские пытки и избиения в подвалах *печально знаменитого* «Большого Дома» на углу Литейной и Шпалерной (А. Городницкий);  
 «Открытое письмо Пленуму Союза писателей РСФСР», *печально известному* своими откровенно антисемитскими декларациями... (А. Городницкий);  
 ...выбоина на асфальте *печально известных* русских дорог (Д. Медведев);  
 ...знакомство с западной культурой, *печально известной* своей склонностью к изображению сцен жестокости и насилия, использованию эротических символов и непечатных выражений (А. Левинсон).

Однако «объективность» оценки, содержащейся в слове *печаль*, не является полной. В отличие, напр., от слова *горе*, оно не может использоваться в объективированном описании ситуации, полностью отвлеченном от субъекта оценки: странно сказать *У него печаль*, если «он» этой печали не чувствует (ср. *У тебя такое горе, а ты веселишься*). (Впрочем, и для слова *горе* «объективация» неполная: такие высказывания, как *У тебя такое горе, а ты веселишься*, указывают не столько на несоответствие внешней ситуации и эмоций субъекта, сколько на несоответствие того, что, по мнению говорящего, должен чувствовать субъект, и того, что он чувствует на самом деле [Булыгина, Шмелев 2000а]. В отличие от слова *несчастье*, слово *горе* не используется в «объективных» высказываниях вроде *Случилось несчастье*.)

Прилагательное *печальный* может не только описывать актуальную эмоцию субъекта, но и указывать на его постоянное свойство. Конечно, это свойство состоит не в готовности брюзжать по каждому поводу и давать всему окружающему негативную оценку; сущность *печали* как постоянного свойства человека заключается в том, что субъект может быть предрасположен к соответствующему восприятию мира. Мы помним, что пушкинская Татьяна была «дика, *печальна*, молчалива»; ср. также следующие примеры:

...зачем вы замешиваете старого, серьезного, *печального человека* в дурное шутство? (Ю. Нагибин);  
 ...жили в Купавне вместе с дядей Юрой, бабушкиным родным братом, загадочным, *печальным стариком* с кадыком и огромной бородавкой на шее (А. Варламов).

Разумеется, если речь идет о свойстве, *печальный человек* не обязательно всегда актуально печален. Ср. следующий пример:

...река такая веселая, что даже самые *печальные люди* улыбаются, глядя, как славно она прыгает (Е. Шварц).

Когда прилагательное *печальный* указывает на постоянное свойство, снимается вопрос о причинах эмоционального состояния и утрачивается соответствующая валентность. Заметим, что страдательное причастие от глагола *опечалить* (т. е. *опечаленный*) всегда указывает на актуальное чувство и не может служить обозначением постоянного свойства. Соответственно, для слова *опечаленный* валентность причины не может устраняться, хотя может заполняться конситуативно.

Поскольку *печаль* «объективирована» и связана с мыслью об источнике печали, выражение *у него грустный вид* употребляется, когда соответствующая эмоция отражается на внешнем облике человека, а *у него печальный вид* также можно сказать и в тех случаях, когда вид человека вызывает печаль у наблюдателя. Ср.:

Для вида все тотчас верили, принимали участие, расспрашивали, на себя смекали, а некоторые, приняв *грустный вид*, начинали покачивать головами и советов повсюду искать... (Ф. Достоевский);

В старой, изношенной солдатской шинели, с пустым, болтающимся рукавом на одной стороне и в дырявых опорках на босу ногу, старый солдат имел *печальный вид* (А. Сvirский).

#### 4. Заключительное замечание

Итак, мы видим, что *грусть* и *печаль* по-разному концептуализуют мир человеческих эмоций. *Грусть* — это преходящее настроение человека, когда он не может или не хочет веселиться. Она обычно имеет наблюдаемые проявления и может вызываться внешними причинами, однако эти причины не составляют существа *грусти*: *грустит* человек сам. *Печаль* — это эмоциональное состояние, вызванное реакцией на внешнюю ситуацию, которая *печалит* субъекта. Оценка этой ситуации и составляет самое существо *печали* (*беспричинная печаль* имеет место, когда мы не в состоянии определить, какая именно ситуация вызвала печаль).

## КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ \*

Целью данной работы является описание тех аспектов концептуализации феномена *памяти* — *забвения*, которые отражены в значении ряда предикатных слов и выражений русского языка, т. е. материалом нашего исследования служат глаголы (которые мы будем называть «глаголами памяти») — *помнить*, *запомнить*, *вспомнить*, *вспоминать*, *вспомниться*, безл. *помнится*, а также *забыть*, *забывать* и *запамятовать*, — и некоторые фразеологические единицы. Круг проблем, связанных с концептом, заключенным в существительном *память*, в данной статье рассматриваться не будет (см. об этом, в частности: [Дмитровская 1991; Кубрякова 1991; Урысон 2003: 37—41], а также книгу [Брагина 2007] с дальнейшей библиографией). Специфика концептуализации памяти и забвения в русском языке выявляется также путем сопоставления с данными английского, немецкого и французского языков.

### 1. Предварительные замечания

Е. С. Кубрякова, основываясь на данных нейрофизиологии, делает вывод о том, что «...с механизмами памяти связаны по существу все процессы человеческой речемыслительной деятельности» [Кубрякова 2004: 361]. Для этого вывода имеются и собственно лингвистические основания. Действительно, языковые данные (в особенности русского языка) свидетельствуют о том, что память является центральной системой, с которой связаны все остальные сферы высшей нервной деятельности человека: знание, мышление, восприятие (зрение), действия, речь, эмоции.

Наиболее тесно связаны память и сознание/знание. В современном русском языке в ряде связанных употреблений глагол *помнить* сохраняет значение 'осознавать', ср.: *не помня себя от счастья*; *влюблен без памяти*, сделать что-либо *в беспамятстве*, когда речь идет об утрате не памяти, а сознания; ср. также: *В ушах с утра какой-то шум. / Он в п а м я т и иль грезит?* (Б. Пастернак. «Разлука»). Память устойчивым образом концептуализуется как хранилище з н а н и й.

---

\* Содержание данной статьи частично отражено в публикациях [Зализняк 2006а; Zalizniak 2007]. Автор благодарен А. С. Немзеру за замечания, сделанные им при редактировании статьи [Зализняк 2006а]. Впервые опубликовано: [Зализняк 2008].

Смысл 'знать' фигурирует в толковании глаголов *помнить* и *забыть*; сами глаголы *знать* и *помнить* в некоторых контекстах взаимозаменяемы; в немецком языке наиболее идиоматичным эквивалентом для русского *не помню* является *ich weiss nicht mehr*, букв. «я больше не знаю». Глагол *забыть* соотносится как с *помнить*, так и со *знать*, ср.: *Раньше помнил, а сейчас забыл; Знал, но забыл*. С другой стороны, *не помню* в некоторых контекстах отличается от *не знаю* только тем, что *не помню* имплицитно «раньше знал» (этот смысл составляет презумпцию глагола *помнить*). Так, на просьбу продолжить цитату человек может сказать *не помню* вместо *не знаю*, чтобы скрыть тот факт, что она ему вообще незнакома.

Память и мнение (думание). Не затрагивая философский и нейролингвистический аспекты проблемы, отметим здесь лишь два обстоятельства: этимологическую связь слов *помнить* и *мнить* (глагол *помнить* восходит к «главному» и.-е. корню ментальной сферы \**men-*, см. [Фасмер 1996, 3: 195]) и смысловую близость глаголов *вспоминать* и *думать*, ср.: *Он редко вспоминал о своей первой жене и Он редко думал...* (см. также [Дмитровская 1991: 83]). *Помнить о ком-то* значит «иногда вспоминать» или «иногда думать». Обратим внимание также на то, что в немецком языке существительное *Gedächtnis* «память» образовано от глагола *denken* (*dachte, gedacht*) «думать»; с этим же глаголом связано существительное *Denkmal* «памятник». В толковании некоторых значений *помнить* и *забыть* фигурирует семантическая единица 'думать' (ср. [Wierzbicka 1972: 229—231]).

Память и зрение. В книге Н. Г. Брагиной [2007: 121—126] многообразные связи между памятью и зрением охватываются формулой «то, что мы видим, мы помним, то, что мы помним, мы как бы видим». Как известно, зрение является основным источником наших знаний (что отражено в этимологии многих и.-е. глаголов со значением 'знать') и, соответственно, памяти. *Вспоминать* интерпретируется как «воскрешать образ, видеть»: «...то, что человек видел раньше, при воспоминании он видит снова (...). *Не помнить* означает в конечном счете невозможность снова увидеть (внутренним зрением), ср.: *А что было до замужества — не помню. Вспоминаю — и, как слепая, ничего не вижу* (М. Горький)» [Дмитровская 1991: 81]. В некоторых контекстах глагол *забыть* оказывается синонимичен выражению *упустить из виду*.

Связь памяти с действием выражается конструкцией «*забыть* + инф.»: *забыл / не забыл опустить письмо*. Заметим, что в английском языке (в отличие от русского) здесь возможен также глагол *remember*: *I forgot / remembered to post the letter* (см. раздел 3.1).

Устойчивая связь памяти с речью отражается в отношениях семантической деривации: в словообразовательном гнезде глагола *помнить* имеется целый ряд глаголов речи: *напомнить* (в одном из значений, см. [Туровский 1991б])<sup>1</sup>;

<sup>1</sup> Аналогичное речевое значение есть у англ. *remind*, см. [Wierzbicka 1972: 222], ср. также значение «передать привет» у англ. *remember* (*remember me to her*).

помянуть, вспомнят, упомянуть, вспомнить (в одном из значений, ср.: *Вы или толпою, врозь и парами, / Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня / Шестое августа по-старому, Преображение Господне* (Б. Пастернак. «Август»)).

Память и чувство: *О, память сердца! ты сильнее / Рассудка памяти печальной* (К. Батюшков). Выделенным статусом среди чувств, связанных с памятью, обладает любовь (ср. [Брагина 2007: 176—183]): *я тебя никогда не забуду* значит «не перестану любить», о любимом умершем говорят *незабвенный*, и т. д. Ср. также: «Тяжела ты, *любовная память!* / Мне в дыму твоём петь и гореть» (А. Ахматова); главное русское стихотворение о любви начинается словами «Я помню чудное мгновенье...» и т. д.

В работе В. Туровского [1991а] проводится весьма убедительная аналогия между глаголами памяти и глаголами обладания. А именно, ряд глаголов *помнить — забыть — вспомнить — вспоминать 1 — вспоминать 2*<sup>2</sup> по своим лингвистическим свойствам (в том числе, аспектуальным) точно соответствуют ряду *иметь — потерять — найти — находить — искать* (соответственно, устанавливаются пары: *помнить — иметь, забыть — потерять, вспомнить — найти, вспоминать 1 — находить, вспоминать 2 — искать*). Это означает, что концепт памяти/забвения строится в русском языке на базе концепта обладания/потери<sup>3</sup>. При этом весьма существенно, что объектом метафорического обладания, потери, поиска и т. д. в значении глаголов памяти является не сама информация, а возможность «доступа» к ней: именно она может быть утрачена, а потом восстановлена. Действительно, когда я говорю: *Я забыл его фамилию*, то возможно, что через некоторое время я ее вспомню. Аналогично, я могу сказать: *Я потерял очки* в ситуации, когда я просто не знаю, где они находятся, ср.: *Она постоянно теряет очки; Она по нескольку раз в день теряет ключи от машины* = «обнаруживает, что не знает, где они находятся». Указанная аналогия между двумя рядами глаголов замечательна своей последовательностью. К приведенному ряду может быть добавлена еще одна пара глаголов, а именно *забывать — терять* (об аспектуальных особенностях глагола *терять* см. [Зализняк, Шмелев 2002]; о семантической близости глаголов *забывать* и *терять* см. раздел 2.2).

Вышеупомянутая аналогия между памятью/забвением и обладанием/утратой представляет собой базовую концептуальную структуру, на основании которой строятся разные метафоры, соответствующие разным способам концептуализации

<sup>2</sup> Согласно разграничению, введенному в [Булыгина, Шмелев 1989б], *вспоминать 1* — тривиальный имперфективный коррелят глагола сов. вида *вспомнить*; *вспоминать 2* — «пытаться вспомнить»; подробнее см. раздел 3.3.

<sup>3</sup> В подтверждение устойчивости метафоры обладания в языковой концептуализации памяти можно привести также франц. глагол *retenir*, имеющий оба значения: «держат, удерживать» и «помнить», т. е. реализующий соответствующий «семантический переход» (о понятии семантического перехода как объекте семантической типологии см. [Зализняк 2001; Zalizniak 2006]).

ции памяти/забвения. Наиболее существенные различия здесь касаются типа «объекта хранения» и способа его утраты.

А именно, этот объект может представляться: 1) как некий предмет, который находится в памяти, представляемой как контейнер (в частности, может быть оттуда извлечен путем поиска, ср.: *порыться в своей памяти*); 2) как «отпечаток» опыта; 3) как зрительный образ.

Память концептуализуется как обладание данным объектом, а забвение может быть представлено по-разному<sup>4</sup>. С одной стороны, объект-предмет может неконтролируемым образом «выпасть» из контейнера, ср.: *у меня вылетело это из головы, дырявая память* и т. п. При помощи данной метафоры язык представляет мгновенное и легко обратимое забывание: то, что *вылетело из головы*, скорее всего, потом *вспомнится*. Объект-отпечаток может исчезнуть постепенно и необратимо (ср.: *стерлось из памяти, начисто забыл*). Объект-образ может быть чем-то «заслонен» и оказаться «невидимым», т. е. недоступным субъекту — при том, что он как бы продолжает существовать сам по себе. Эта метафора отражает постепенное и обратимое забывание; она в наибольшей степени разработана русским языком.

«Метафора заслонения» имеет два варианта. Первый — это зрительный образ, покрывающийся как бы пеленой тумана, которая постепенно становится все менее прозрачной. Экспликацией этого представления может служить следующий пример:

- (1) Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, *покроется в памяти туманом* и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а *в памяти все было ясно*, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера (А. Чехов. «Дама с собачкой»).

Второй вариант реализации этой метафоры состоит в следующем. Память предстает как огромный сундук, в котором хранятся разного рода объекты — таким образом, что они лежат один *под* другим: с самого верху, в максимальной доступности, находятся те из них, которыми человек пользуется ежедневно и которые он хорошо помнит. Чуть поглубже, т. е. *заслоненные*, покрытые другими, более новыми образами *бытия* (см. раздел 2.1 о внутренней форме глагола *забыть*) лежат какие-то менее нужные и реже используемые предметы. И уж совсем в глубине<sup>5</sup>, — вещи, которыми мы почти никогда и даже вовсе никогда не

<sup>4</sup> Обратим внимание на отсутствие в русском языке *poen actionis* от глагола *помнить* (ср. англ. *remembering*) и, соответственно, концепта ситуации «хранения в памяти» — при том, что для ситуации «утраты» имеется два существительных: *забвение* и *забывание* (обозначающие, соответственно, состояние и процесс).

<sup>5</sup> «Вертикальная» метафора памяти, согласно которой забытое находится «в глубине», а то, что мы помним, «на поверхности», подкрепляется, в том числе, такими выражениями как *(нечто) всплыло в памяти*, с приставкой *вз-*, прототипическое значение которой связано с движением вверх (а производное — с идеей внезапности), см. [Gallant 1979].

пользуемся, и поэтому даже не знаем, что они там есть — вещи, о которых мы *забыли*. Другими словами, то, что человек *помнит*, и то, что человек *забыл*, находится в одном и том жеместилище. *Забыл* — значит, в данный момент не могу воспользоваться тем, что имею. Потому что когда мы некоторой информации не имеем, то мы говорим не *забыл*, а *не знаю*.

## 2. Забыть

### 2.1. Внутренняя форма глагола *забыть*<sup>6</sup>

Внутренняя форма глагола *забыть* соотносит его с той же словообразовательной моделью, которая реализована, например, в глаголах: *засыпать* <яму песком>, *заштопать* <дырку>, *замолишь* <грех>, *запить* <горе вином> и т. п., т. е. ‘уничтожить (в релевантном отношении) объект процессом, обозначенным глаголом’. Эта модель в современном русском языке довольно продуктивна: она позволяет порождать новые глаголы, которые легко понимаются, даже если такой глагол оказывается омонимичен уже имеющемуся в языке глаголу, но реализующему другую модель, ср. *захлопать* <конец выступления> (= ‘при помощи хлопанья в ладоши сделать неслышным для аудитории и тем самым несуществующим’), при наличии *захлопать* (= ‘начать хлопать’). Ср. также следующий пример:

- (2) Как в молодости я приспособился сбежать от своих огорчений в сон — *за-спать* беду, вернейшее средство! так с еще более юных лет открыл и другое сильнодействующее: немедленно *записать* свою боль [= ‘путем писания уничтожить’ — ср. стандартное значение глагола *записать* ‘зафиксировать в письменной форме’. — А. З.] (Л. Зорин. «Тень слова»).

Иными словами, русский глагол *забыть* означает: ‘бытием (т. е. процессом жизни) уничтожить [образ в сознании]’ (см. подробнее: [Зализняк 1995])<sup>7</sup>. Уничтожение, выражаемое данной словообразовательной моделью с приставкой *за-*, предстает как результат его *заслонения* и *сокрытия* от глаз<sup>8</sup>. Та же сло-

<sup>6</sup> В Словообразовательном словаре русского языка [Тихонов 1985] глагол *забыть* трактуется как немотивированный, что с синхронной точки зрения, очевидно, справедливо. В нашем рассуждении речь идет именно о «внутренней форме», т. е. о деривационной истории, с одной стороны, и о реконструируемой логике семантического развития — с другой.

<sup>7</sup> Та же смысловая конструкция, что и в *забыть*, представлена, с иной диатезой, в глаголе *зажить* (о ране и т. п.): *рана зажила* = ‘уничтожилась процессом жизни’. Ср. также своего рода совмещение идей ‘забыть’ и ‘зажить’ в выражении *в заросшей жизнью душе* из рассказа А. Платонова «Сокровенный человек».

<sup>8</sup> В русском языке метафорические модели уничтожения весьма разнообразны; так, например, глаголы с приставкой *раз-* обозначают уничтожение путем расчленения, ср. *рассеять* <по ветру>, *распутить* <вязание> и т. п. Еще одна метафора унич-

вообразовательная модель с приставкой *за-* использована в слове *запомнить* (нечто): «памятью (о чем-то другом) за с л о н и т ь это нечто в своем сознании».

Здесь возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, потому что имеется глагол *запомнить*, построенный из тех же элементов, но с противоположным значением. При этом у слова *запомнить* раньше было также и значение ‘забыть’ (отмеченное еще в словаре Даля), а у *запомнить* — значение ‘запомнить’ (см. напр.: СРНГ, СлРЯ XI—XVII). Та дифференциация значений, которая имеет место в современном русском языке, произошла относительно недавно и в некотором смысле произвольным образом — так, в польском языке, наоборот, слово *zapomnieć* означает «забыть», а *zapamiętać* ‘запомнить’. Объяснение факта противоположности значений слова с морфологической структурой ‘за’ + ‘помнить’ состоит в том, что здесь конкурируют две различные словообразовательные модели с одной и той же приставкой *за-*. Одна модель, о которой уже шла речь выше, — ‘уничтожить объект процессом, обозначенным глаголом’ — дает значение ‘забыть’ (при этом здесь может быть использован глагол со значением ‘быть’ или со значением ‘помнить’, соответственно: ‘заслонить в сознании «бытием» или «памятью о бытии»). Другая модель — ‘фиксировать объект действием, обозначенным глаголом’ — дает значение ‘запомнить’. Эта модель представлена в таких глаголах как *записать* (номер телефона), *зарисовать* (узор), *заснять* (что-то на пленку), *забронировать* (номер в гостинице) и т. п. Действительно, в глаголе *запомнить* отражена идея, что нечто как бы «закрепляется в сознании»; ср.: *заруби себе на носу* = ‘запомни’ (о наличии идеи «фиксировать» в слове *запомнить* см. [Corbet 1964: 52; Janda 1986: 92]; ср. также выражения *засечки памяти* (А. Солженицын), *зарубки памяти* (В. Набоков) и т. п.).

Помимо самого глагола *забыть*, метафора сокрытия и уничтожения процессом жизни отражена в ряде выражений и оборотов речи, группирующихся вокруг фразеологизма *бильем поросло* (варианты: *было, да бильем поросло*; *было, да билью поросло*).

Слово *билье* — собирательное от *быль* в значении ‘трава’ (это значение в качестве устаревшего отмечено еще в [МАС]; оно соответствует древнейшему значению глагола *быть* — ‘расти’). Выражение *бильем поросло* отсылает к траве, которая вырастает на не посещаемых, т. е. *забытых* людьми местах (прежде всего — на могиле, за которой никто не ухаживает: выросшая там трава покрывает и уничтожает саму могилу как материальный атрибут памяти о человеке, который в ней похоронен, ср.: *Всякая могила травой порастает* [Михельсон 1994, 2: 382], а также ставшее крылатым выражение: *К нему не зарастет народная тропа*).

тожения представлена приставкой *из-*, ср. *избыть* (горе, обиду) — ‘процессом бытия уничтожить, как бы исчерпав’. Ср. соположение двух производных от *быть* глаголов, означающих разные виды уничтожения: *Лихо избудешь, всю кручину забудешь* [Даль 1997, II: 369].



В дальнейшем в выражении *быльем порости* слово *былье*, практически утратившее старое значение, подверглось контаминации со словом *быль* в современном значении ‘то, что было’ (в отличие от *небыль*, *небылица* — ‘то, чего не было’); возможно, что на переосмысление слова *былье* повлияла также аналогия со словом *бытье* (ср. выражение *жизнь-бытье*). Об этой контаминации свидетельствует употребление обсуждаемого выражения в художественной литературе, ср. следующий пример из [Мелерович, Мокиенко 1997: 92—94]:

- (3) Горький в то время производил тщательную работу освобождения своей памяти от огромного *груза былья*. Одна за другой выходили его книги с рассказами о *былом*, воспоминаниями, заметками из дневников (К. Федин. «Горький среди нас»).

Как отмечает В. В. Виноградов, «в поговорке *было, да быльем поросло* форма *быльем* воспринимается скорее каламбурно по связи с *было*. Даже соседством формы *поросло* не возбуждается значение ‘трава, зелень’, присущее областному слову *былье*» [Виноградов 1994: 875]. Таким образом, поговорка приобрела новое прочтение, при котором концепт забвения уже не конструируется на основе образа «зарастания травой», а приближается к тому, который заключен в глаголе *забыть*: ‘[нечто] оказалось покрыто, заслонено и уничтожено тем, что было после’.

С другой стороны, в русском языке имеется множество выражений, воспроизводящих исходный для обсуждаемой поговорки образ «зарастания травой» как символ забвения, ср.: *поросли мохом забвения* (А. Сухово-Кобылин, по [Мелерович, Мокиенко 1997: 93]); *трава забвения* — название повести Катаева, восходящее к монологу Руслана: *Зачем же поле, смолкло ты / И поросло травой забвенья* (А. Пушкин. «Руслан и Людмила»); *травой поросло* (= ‘давно прошло, забыто’); *Все быльем да ковылем поросло* [Михельсон 1994, 2: 382]. Ср. также:

- (4) Величава наша разлука, ибо  
навсегда расстаемся. Смолкает цитра.  
Навсегда — не слово, а вправду цифра,  
чьи нули, когда мы *зарастем травой*,  
перекроют эпоху и век с лихвою.  
(И. Бродский. «Прощайте, мадмуазель Вероника»)

Таким образом, обсуждаемое выражение (*было, да быльем поросло*) в современном русском языке совмещает в себе обе метафоры: одна из них поддерживается выражениями типа *зарости травой*, другая — глаголом *забыть*.

## 2.2. *Забывать и забывать*: аспектуальная семантика

В книге А. Вежбицкой [Wierzbicka 1972: 229] англ. глагол *to forget* трактуется как процесс. Хотя *процесс забывания*, безусловно, существует, онтологический статус ситуаций, обозначаемых, например, русскими глаголами *забыть* и *забывать*, представляет довольно сложную проблему.

Начнем с того, что существует два типа употребления слова *забыть* — синхронное, когда человек может обозначить свое состояние фразами типа (5), и ретроспективное, когда человек может сказать про себя *забыл* лишь после того, как он это *вспомнил*, — ср. (6), (7)<sup>9</sup>:

- (5) Я *забыл*, как его фамилия; куда положил ключи; в каком году это было; как переключать клавиатуру; что́ я хотел сказать;  
 (6) *Забыл* опустить письмо;  
 (7) а. *Забыл*, что обещал об этом никому не рассказывать;  
 б. *Забыл*, что Иван переехал на новую квартиру.

В случае синхронного употребления глагола *забыть* речь идет о выпадении какого-то слова или элемента пропозиции — соответственно, здесь объектом глагола *забыть* может быть имя или придаточное косвенного вопроса. При ретроспективном употреблении выпадает вся пропозиция: в этом случае возможно *что*-придаточное (пример (7)) или инфинитив с опущенным кореферентным субъектом — в случае «забывания намерений»<sup>10</sup> (пример (6)). Инфинитив прямо называет несовершенное действие (т. е. сочетание *забыл сделать* имеет толкование вида ‘не сделал, потому что...’), однако и конструкция с придаточным обычно имеет какую-то акциональную импликацию (указывает на то, что человек не сделал что-то, что собирался или должен был сделать).

Противопоставление синхронного и ретроспективного значений связано с различием в онтологическом статусе обозначаемой глаголом *забыть* ситуации.

Глагол *забыть*, как всякий глагол сов. вида, обозначает событие, т. е. переход в новое состояние [Зализняк, Шмелев 2000: 36]: очевидно, от состояния ‘помнить’ к состоянию ‘не помнить’. Вообще события, в том числе ментальной природы (такие как *узнал, обрадовался, огорчился*), нормально могут быть локализованы во времени. Можно сказать, например:

- (8) Я *узнал* об этом вчера в 5 часов вечера; в этот момент я *обрадовался*,

и это будет означать, что в указанный момент произошел переход в новое состояние (‘знаю’, ‘рад’).

Посмотрим теперь, каково значение аналогичных сочетаний с глаголом *забыть*.

*Забыть* в ретроспективном употреблении в конструкции с подчиненным инфинитивом с обстоятельством времени типа *в этот момент* не сочетается, ср.:

- (6') \*В этот момент я *забыл* опустить письмо, позвонить Ивану, взять с собой зонтик<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> Эти два типа употребления глагола *забыть* могут быть также обозначены, соответственно, как «перфектное» и «обратимое» (предложение Е. В. Падучевой).

<sup>10</sup> Согласно З. Фрейдю [Freud 1901], это особый вид забывания, противопоставленный «забыванию впечатлений».

<sup>11</sup> В предложениях типа: *Я забыл в два часа позвонить Ивану* обстоятельство времени входит в подчиненную, а не главную пропозицию.

В случае конструкции с *что*-придаточным фраза типа (7') в принципе возможна:

(7') В этот момент я *забыл*, что обещал об этом никому не рассказывать.

Однако эта фраза означает, очевидно, не то, что событие 'забыл', как бы его ни трактовать, произошло *в этот момент*. Она означает, прежде всего, как и в случае с неотправленным письмом, что произошло нечто, противоположное тому, что предполагалось (человек рассказал то, о чем должен был молчать). Слово *забыл* указывает здесь на то, что это произошло на фоне, а также по причине состояния 'не помню', имевшего место в течение какого-то временного интервала, включающего *этот момент*.

Для синхронного употребления глагола *забыть* сочетание с обстоятельством времени рассматриваемого типа также в принципе возможно, ср.:

(5') В этот момент я *забыл* пароль; как его фамилия; в каком году это было; что я хотел сказать.

Однако предложения типа (5') также не означают, что *в этот момент* произошло событие 'забыл': здесь, очевидно, речь идет о том, что в этот момент я обнаружил, что не помню. (Иначе это называется *вылетело из головы*: о более прочном забывании обычно не говорят *в этот момент*). Более того, как оказывается, событие 'забыть' в принципе не может быть приурочено ни к какому моменту. Тем самым оно является в некотором смысле фиктивным: момент перехода из одного состояния в другое никаким образом не фиксируется; мы можем лишь констатировать, что еще две минуты назад помнил, а сейчас обнаружил, что не помню.

Итак, 'забыть' — это фиктивное событие. Однако это обстоятельство еще не исчерпывает особенностей его аспектуальной семантики. Дело в том, что глагол *забыть*, как видно из всех приводившихся примеров, обозначает не событие, а результирующее состояние. В принципе, значение, близкое к стативному, имеют многие глаголы сов. вида, ср.: *Лифт сейчас починили; Я сейчас сильно похудела*, где наречие *сейчас* указывает на временную соотнесенность именно результирующего состояния, а не перехода в него. Но глаголы *починить*, *похудеть* могут иметь и обычное событийное значение, где в фокусе находится момент перехода в новое состояние (*лифт вчера починили; я за это время похудела*). Для *похудеть*, в частности, это будет присущее градационным глаголам значение констатации факта изменения, которое накапливается постепенно, и при этом его временные рамки фиксируется расстоянием между моментами наблюдения. Глагол *забыть*, наоборот, обозначает результат моментального перехода, но такого, что сам момент перехода скрыт от наших глаз. Заметим, что точно так же устроен глагол *потерять* (ср. выше об аналогии между глаголами памяти — забвения и обладания — потери). *Потерял* (кошелек, перчатку, билет) значит: 'обнаружил, что не имею (а раньше имел)'; сам момент перехода из одного состояния в другое (т. е. событие 'потерял') не может быть фиксирован. В переносных значениях глагол несов. вида *терять* (напр., *терять вес*) обозначает процесс постепенного

уменьшения чего-то — совершенно аналогично глаголу *забывать* в употреблении типа *я забываю французский язык*.

Очевидно, что это процесс особого типа. В работе В. Туровского [1991а: 92] он охарактеризован как «пунктирный» (термин из [Булыгина, Шмелев 19896]), т. е. складывающийся из отдельных «актов забывания». Как кажется, точнее было бы сказать, что этот процесс складывается не из «актов забывания» (таковых, как мы видели, не существует), а из «актов обнаружения» того, что объем информации в памяти уменьшился по сравнению с предыдущим моментом наблюдения.

Таким образом, если пользоваться обычным инструментарием семантического анализа, то можно сказать, что глагол *забывать* обозначает реконструируемый процесс перехода из того состояния, которое имело место в какой-то предшествующий момент наблюдения (например, ‘я хорошо говорю по-французски’), к тому, которое мы зафиксировали сейчас (например, ‘я плохо говорю по-французски’) <sup>12</sup>.

Другой, и возможно даже более точной, характеристикой этого процесса является метафора *постепенного покрытия пеленой тумана, которая становится все менее прозрачной*.

### 3. Помнить

#### 3.1. Помнить и знать

Согласно МАС, глагол *помнить* имеет единственное значение ‘удерживать в памяти, не забывать’, т. е. *помню* значит ‘все еще не забыл (хотя мог бы)’. Тем самым *забыть* оказывается в некотором смысле семантически первично по отношению к *помнить*. Иными словами, *забыть* значит ‘утратить нечто’, а из отрицания этого смысла, т. е. ‘(вопреки ожиданию) не утратить’, строится концепт *помнить* (ср. толкование для английских глаголов *remember* и *forget* в [Wierzbicka 1972: 228—230]).

В этой связи обратим внимание на одно различие между русским и английским языками. В английском языке допустимы оба синонимичных предложения (9) и (10) <sup>13</sup>:

(9) Did you *remember* to ring Bill?

(10) Did you *not forget* to ring Bill?

Между тем по-русски эту мысль можно выразить только способом, соответствующим (10):

<sup>12</sup> Таким образом, видовая пара *забывать* — *забыть* ближе всего к градационным [Зализняк, Шмелев 2000: 57], ср. *стареть* — *постареть*, *уменьшаться* — *уменьшиться*.

<sup>13</sup> Примеры из [Wierzbicka 1972: 230].

## (11) Ты не забыл позвонить Биллу?

Объяснение этому факту, по-видимому, состоит в том, что в русском языке просто нет подходящего глагола памяти, который можно было бы употребить в предложении, соответствующем английскому *I remembered to ring Bill*. А именно: глаголы *помнить* и *вспоминать* не подходят, потому что они несов. вида, а из глаголов сов. вида *вспомнить* включает лишней смысловой компонент 'в течение какого-то времени не помнил', а *запомнить* не подходит ни семантически (так как он включает неуместный компонент начинательности), ни синтаксически (так как он не управляет инфинитивом).

Семантический анализ глаголов со значением 'помнить' и 'забыть' имеет достаточно давнюю традицию, начиная с известной работы Постала [Postal 1970]; краткий обзор см. [Wierzbicka 1972: 228; Апресян 2001: 15]. Главная проблема здесь состоит в том, включает ли толкование этих слов единицу семантического языка 'знать'. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1972] предложила толкования для пяти значений англ. глагола *to remember*. Два из них (*John remembers Mary's name* и *I have just remembered what Mary's maiden name was*) включают семантическую единицу 'знать', в других вместо него фигурирует компонент 'представлять себе' ('*imagine*'; в дальнейшем этот смысл был исключен из числа «семантических примитивов») и 'думать (о чем-то)'. В работах более недавнего времени А. Вежбицкая вообще не прибегает к смыслу 'знать', используя для толкования *remember* лишь единицу 'думать' ('*think (about)*') [Wierzbicka 2007]; аналогичное решение принимается в работе [Van Valin, Wilkins 1993].

Включенность компонента 'знать' в толкование глагола со значением 'помнить' подтверждается данными, например, немецкого языка, где в определенных контекстах наиболее идиоматическим средством передать идею 'я помню' является выражение *ich weiss noch* (букв. *я еще знаю*)<sup>14</sup>, ср. русский пример (12a) и его немецкий перевод (12b):

- (12) а. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня — *помните* как? (И. Бунин. «Темные аллеи»);  
 б. Gab es doch eine Zeit, Nikolaj Alexejevitsch, da habe ich Sie Nikolenka genannt, und Sie nannten mich — *wissen Sie noch, wie?*<sup>15</sup>

Однако данные русского языка такого семантического разложения не подтверждают. Действительно, если смысл 'помнить' включает смысл 'знать', то следует ожидать, что в значение предложений с глаголом *помнить* входит значение предложений с глаголом *знать*, что неверно. В значительной части контекстов замена *помнить* на *знать* вообще невозможна, т. е. соответствующее предложение с глаголом *знать* аномально, ср.:

<sup>14</sup> Ср. также возможный эквивалент для *я забыл (как его зовут)* — *ich weiss nicht mehr (wie er heisst)* и для *я вспомнил* — *jetzt weiss ich wieder*.

<sup>15</sup> Iwan Bunin. Der Sonnentisch. Erzählungen. Übersetzt von K. Borowsky. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1995. S. 133.

- (13) Я *помню* (\**знаю*) чудное мгновенье (А. Пушкин. «К \*\*\*»);  
 (14) *Помню* (\**знаю*) я, как наши обе головы вдруг очутились в душной, полупрозрачной, пахучей мгле, как в этой мгле близко и мягко светились ее глаза и горячо дышали раскрытые губы... (И. Тургенев. «Первая любовь»).

В других случаях такая замена возможна, ср.:

- (15) Я *помню* (*знаю*) таблицу умножения / 1-й закон Ньютона;  
 (16) Я *помню* (*знаю*), когда произошло сражение при Ватерлоо.

Однако и в тех случаях, когда такая замена все же возможна, значение предложения с глаголом *знать* далеко не всегда является частью значения предложения с *помнить*. ср.:

- (17) а. Я *помню* его бабушку;  
 б. Я *знаю* его бабушку.

А именно, *помнить* включает в себя *знать* в тех случаях, когда этот глагол обозначает нечто вроде ‘мочь назвать’ — как в примерах (15), (16). В прочих же случаях значение предложения с глаголом *знать* имеет дополнительные — по сравнению с *помнить* — семантические компоненты. Например, в контексте одушевленного объекта глагол *знать* обычно означает ‘быть знакомым’ (что не обязательно для *помнить*); кроме того, *знать* в этом значении требует «экзистенциального согласования»: настоящее время этого глагола указывает на то, что речь идет о человеке, который жив — ср. (17б); в противном случае надо сказать *Я знал его бабушку*); для *помнить* такого требования нет. Этот факт отражает некое существенное различие в характере ментального состояния, выражаемого глаголами *помнить* и *знать*.

Итак, с точки зрения соотношения глаголов *помнить* и *знать* выделяются три типа случаев: (i) когда замена *помнить* на *знать* невозможна (примеры (12а), (13), (14)); (ii) когда она возможна, и значение предложений с этими двумя глаголами *знать* входит в значение предложения с *помнить* (примеры (15), (16)); (iii) когда она возможна, но значение предложения с *знать* не входит целиком в значение предложения с *помнить* (17б).

Эти различия связаны с тем, что глагол *помнить* может обозначать различные типы памяти, а именно о п ы т н у ю и н ф о р м а ц и о н н у ю.

Опытная память — это сохранение некоторого «впечатления» как элемента собственного о п ы т а, информационная — сохранение з н а н и я о каком-то факте, полученного обычно из какого-то внешнего источника информации<sup>16</sup>. Возможность замены *помнить* на *знать*, при которой не появляются дополнительных смысловых компонентов, возникает в том случае, когда *помнить* обозначает информационную память. В этом случае глагол *помнить* может быть за-

<sup>16</sup> Особый случай составляет знание, полученное из собственного опыта, которое тоже может быть объектом информационной памяти; см. об этом следующий раздел.

менен на *знать* именно потому, что информационная память действительно включает в себя знание: если человек помнит таблицу умножения или помнит, в каком году произошло сражение при Ватерлоо, то верно также и что он *знает* это. Однако если человек *помнит*, например, некоторую свою встречу с женщиной, т. е. сохраняет собственное впечатление о ней, — то он ни в каком смысле не *знает* ее; поэтому в таких контекстах глагол *помнить* и не может быть заменен на *знать*.

Реальная картина, однако, несколько сложнее за счет того, что глагол *знать* тоже имеет разные режимы употребления: один соответствует знанию информации, а другой — опытному знанию. Соответственно, в последнем случае в принципе оказывается возможно употребление в одном и том же контексте глагола *помнить*, обозначающего опытную память, и глагола *знать*, обозначающего опытное знание. Так, можно *помнить* какой-то город, улицу, какого-то человека, а также какие-то чувства и ощущения, и к тем же объектам применим предикат *знать* — см. пример (21) ниже. Однако опытное знание устроено существенно иначе, чем опытная память — именно поэтому в значительной части контекстов глагол *помнить*, обозначающий опытную память, все же не может быть заменен на *знать* — ср. примеры (19) и (20).

Объектом опытной памяти является единичная ситуация в прошлом — как в примерах (18), (19а). А объектом опытного знания как раз единичная ситуация в прошлом быть не может; опытное знание непременно включает элемент обобщения, ср. правильное (20b) с подчиненной пропозицией, имеющей родовой статус, и неправильное (20а) с референцией к единичной ситуации; наоборот, *помнить* не сочетается с родовым статусом пропозиционального объекта, ср. (19b).

- (18) *Помню* тройку удалую, / Вспышки дальних зарниц, / Вашу позу усталую, / Тень от длинных ресниц;
- (19) а. Я *помню*, как трудно мне было отказаться;  
 б. \*Я *помню*, как трудно бывает в таких случаях отказаться;
- (20) а. \*Я *знаю*, как трудно мне было отказаться;  
 б. Я *знаю*, как трудно бывает в таких случаях отказаться.

Предложение (21) возможно как с глаголом *помнить*, так и с глаголом *знать* только потому, что именная группа *это ощущение пустоты...* имеет разный референциальный статус: конкретно-референтный в (21а) и родовой в (21b):

- (21) а. Я *помню* это ощущение пустоты, наступившее после окончания большой работы;  
 б. Я *знаю* это ощущение пустоты, наступающее после окончания большой работы.

Соответственно, в выражении: *Я помню это ощущение* производится референция к некой единичной ситуации, а в: *Я знаю это ощущение* — к классу ситуаций (или имеется в виду некое обобщение, которое могло быть произведено, в том числе, и на основании единичного опыта).

Таким образом, причиной невозможности замены *помнить* на *знать* в случае опытной памяти является различие в ограничениях на референциальный статус подчиненной пропозиции. Для предметных объектов подобных различий нет (конкретно-референтный статус дополнения допустим для обоих глаголов), поэтому замена возможна (ср.: *Я помню эту улицу — Я знаю эту улицу*). В предложении с глаголом *знать* появляются дополнительные компоненты, потому что в отличие от информационной памяти, которая вторична по отношению к знанию (человек может *помнить* только ту информацию, которую он *знает*), опытная память в некотором смысле первична по отношению к соответствующему типу знания, которое, наоборот, формируется на основе опытной памяти и, в частности, включает дополнительный компонент обобщения.

Высказанные выше соображения и приведенные факты, касающиеся употребления русских глаголов *помнить* и *знать*, должны быть учтены при составлении толкования глагола *помнить* (что не входило в нашу задачу). Наиболее правильное на мой взгляд решение — то, которое принято в отношении англ. глагола *remember* А. Вежбицкой в книге [Wierzbicka 1972]: различается несколько значений, и семантический примитив ‘знать’ фигурирует в толковании лишь тех из них, которые соответствуют информационной памяти.

### 3.2. *Помнить, что и помнить, как*

Оппозиция информационной и опытной памяти выражается в русском языке противопоставлением придаточных, вводимых, соответственно, союзами *что* и *как*. Сравним следующие предложения<sup>17</sup>:

- (22) а. Я помню, *что* мы купались в мае в Москве-реке.  
 б. Я помню, *как* мы купались в мае в Москве-реке.

В (22а) и в (22б) имеются в виду разные виды памяти: в первом случае — наличие в сознании субъекта некоторой информации, во втором — наличие зрительного образа; соответственно, во втором случае подчиненная пропозиция производит референцию к «ситуации», а в первом — к «факту»<sup>18</sup>. То же самое противопоставление выражается в английском языке оппозицией конструкций: *I remember that I switched off the light* и *I remember switching off the light*, которое описано в [Lyons 1982] как противопоставление «non-experiential vs. experiential point of view»; ср. также оппозицию «factual» (*remember that*) vs. experiential» (*remember doing something*) в [Goddard 2003]. Объектами опытной памяти могут быть только те ситуации, которые имели место в прошлом и в которых субъект участвовал — хотя бы в качестве очевидца. Для информационной памяти таких

<sup>17</sup> Примеры из статьи [Падучева 1986: 26].

<sup>18</sup> Имеется в виду противопоставление «ситуация» — «факт», введенное Арутюновой [1985]; ср. также [Падучева 1986].



ограничений нет; конструкция *помнить, что* может вводить любой тип пропозиции — общее или оценочное суждение, суждение о будущем и т. д.

- (23) а. Из геометрии он *помнил* только, *что* у равностороннего треугольника все стороны равны;  
 б. *Помни*, *что* исправлять ошибки никогда не поздно;  
 с. Ты *помнишь*, *что* завтра родительское собрание?

Во всяком случае, любое предложение с *помнить, что* допускает такую «информационную» интерпретацию. Так, например, высказывание (24а) может быть уместно в том числе и в ситуации, когда человек рассказывает известные ему сведения из биографии исторического деятеля, — в отличие от высказывания (24б), которое может быть сделано только на основании собственного воспоминания.

- (24) а. Я помню, *что* в пять лет он убежал из дома;  
 б. Я помню, *как* в пять лет он убежал из дома.

Однако возможно и такое употребление сочетания *помнить, что*, при котором источником информации является не сообщение, а результат обработки данных непосредственного восприятия — своего рода редукция зрительного образа к некоторой сущности ментальной природы (пользуясь выражением Н. Д. Арутюновой, можно сказать, что здесь «из процесса как бы экстрагируется факт» [Арутюнова 1985]). Другими словами, это значит, что в случае «памяти о личном опыте» *помнить, что* включает в себя *помнить, как*, т. е. предложение (22а) должно интерпретироваться как редуцированная форма выражения следующего смысла: ‘Я помню, как мы купались... и на основании этого заключаю, что имело место то, что мы купались...’<sup>19</sup>

Итак, конструкция *помнить, что* маркирует информационную память, а *помнить, как* — опытную. Отметим, что в русском языке для глагола *помнить* характерна, кроме того, бессоюзная конструкция; при этом в большинстве случаев никакой союз здесь восстановлен быть не может. Например:

- (25) *Помнишь*, у нас в пятом классе появился новенький? Степашкин была его фамилия;  
 (26) Ты же *помнишь*, он работает со мной редактором, в одной комнате (В. Катанян. «Лоскутное одеяло» [ruscorpora])<sup>20</sup>;  
 (27) *Помню*, день был розовый, только когда солнце заходило за тучку, все становилось как-то суровее и холоднее, как всегда весной (К. Букша. «Эрнст и Анна» [ruscorpora]).

<sup>19</sup> Аналогично, А. Вежбицкая [Wierzbicka 1969: 70] рассматривает предложения типа: *Я вижу, что Джона здесь нет* как имеющие исходную структуру ‘На основании того, что я вижу, я заключаю, что Джона здесь нет’.

<sup>20</sup> Здесь и далее примеры, помеченные [ruscorpora], взяты из Национального корпуса русского языка.

Бессоюзная конструкция, как показано А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006: 208 ff, 256] на материале английских эпистемических глаголов, имеет собственную семантику, которая определяется тем обстоятельством, что отсутствие подчинительного союза придает подчиненной пропозиции более высокий коммуникативный статус и делает ее относительно независимой от семантики подчиняющего предиката. В случае глагола *помнить* в бессоюзной конструкции как бы «размывается» оппозиция двух типов памяти — поскольку она формируется именно типом подчиненной пропозиции и ее отношения к подчиняющему предикату *помнить*.

### 3.3. *Помнить vs. вспоминать*

Специфика концептуализации памяти в русском языке определяется, в частности, противопоставлением состояния, описываемого глаголом *помнить*, и процесса, выражаемого глаголом *вспоминать*.

В статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1989] у глагола несов. вида *вспоминать* различаются два значения: в одном он является просто имперфективным коррелятом к *вспомнить* и обозначает то же самое событие: «непроизвольно или в результате целенаправленных усилий восстановить в сознании утраченную ранее информацию», ср.: *И тут я вспоминаю, что забыл выключить электрическую печку (= вспомнил)*. Другое значение — конативное: «пытаться вспомнить», ср.: *Я долго и мучительно вспоминал его отчество, и в конце концов вспомнил*. В первом значении *вспоминать* образует с глаголом *вспомнить* тривиальную пару, во втором — предельную подтипа «попытка-успех» (см. [Маслов 1984: 59—61; Зализняк, Шмелев 2000: 61]).

У глагола *вспоминать* имеется еще один класс употреблений (*Весь вечер я вспоминал о вчерашней встрече*), о котором в статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1989: 36] говорится, что в таких случаях речь идет не о процессе, а скорее о «пунктирной» последовательности событий («вспоминания» отдельных деталей), разделенных малыми интервалами; иногда этот пунктир почти переходит в «сплошную линию»<sup>21</sup>. Однако все же, по-видимому, у глагола *вспоминать* следует признать наличие и собственно процессного значения, ср. (обратим внимание на наличие обстоятельства места):

- (28) Лужин жил, как на железных качелях: думать и *вспоминать* успевал только ночью, в узком закуте, где пахло рыбой и нечистыми носками. *Вспоминал* он чаще всего кабинет в петербургском доме — кожаные пуговицы на сгибах мягкой мебели, — и жену свою, Лену, о которой пять лет ничего не знал (В. Набоков. «Случайность»).

<sup>21</sup> Как представляется, аномальность приводимой авторами фразы *Весь вечер я вспоминал о вчерашней встрече, ни на секунду о ней не забывая* обусловлена не «пунктирным» характером ситуации, обозначенной глаголом *вспоминать*, а некорректностью соположения процесса (*вспоминать*) и состояния (*не забывая*).

Процесс «вспоминания» может производиться вполне сознательно, ср.:

- (29) И еще он думал о том, что его полностью оценят, когда он умрет, и *вспоминал*, собирал в кучку крупички похвал, слышанных им за последнее время (В. Набоков. «Уста к устам»);
- (30) Напрасно я старался пересилить ужас, *напрасно вспоминал*, как однажды, в детстве, я проснулся и, прижав затылок к низкой подушке, поднял глаза и увидел спросонья, что над решеткой изголовья наклоняется ко мне непонятное лицо (...) (В. Набоков. «Ужас»).

Кроме того, глагол *вспоминать* имеет речевое значение (также процессное, ср. *говорить, рассказывать*):

- (31) А потом пришла домой Таня, вся как-то утончившаяся за эти двадцать лет, с уменьшившимся лицом и подобрешими глазами, — сразу закурила, засмеялась, без стеснения *вспоминая* с ним то отдаленное лето (В. Набоков. «Круг»).

«Вспоминание», включающее речевой компонент, может становиться *занятием*, ср.:

- (32) Что вы вчера делали? — Пили вино, танцевали, *вспоминали* студенческие годы.

Итак, глагол *вспоминать* имеет три различных с аспектуальной точки зрения значения: *событийное*, т. е. равное значению глагола несов. вида *вспомнить* (*и тут я внезапно вспоминаю...; каждый раз, проходя мимо этого места, я вспоминаю...*), значение *предельного процесса*, результатом которого является событие ‘вспомнить’ (= ‘пытаться вспомнить’ *мучительно вспоминал*) и значение *непредельного, или гомогенного процесса* (*весь вечер вспоминал студенческие годы, своих друзей*). Нас здесь будет интересовать лишь последнее — значение гомогенного процесса. Оно обнаруживает себя наиболее ярко, когда оно поддерживается контекстом (например тем, что процесс ‘вспоминать’ протекает одновременно с другими аналогичными процессами), ср.:

- (33) И воспоминания разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он *долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался*, и потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет (А. Чехов. «Дама с собачкой»).

Процессное значение поддерживается также наречиями типа *часто, редко, всегда, всякий раз*, ср.:

- (34) Он сперва *вспоминал* ее часто, потом — редко, потом снова — все чаще и чаще (В. Набоков. «Звонок»).

Без контекстной поддержки процессное значение ослабевает, и глагол *вспоминать* сближается с *помнить*. Так, если в (33) и (34) заменить *вспоминать* на *пом-*

нить нельзя (ср. \*Он долго ходил по комнате, и помнил, и улыбался; \*Он помнил ее часто и т. д.), то для примеров (35) и (36) такая замена возможна, ср.:

- (35) а. Я *вспоминаю*, как мы катались по лесу на велосипеде;  
 б. Я *помню*, как мы катались по лесу на велосипеде;  
 (36) а. Я *вспоминаю* его студентом;  
 б. Я *помню* его студентом.

Между обсуждаемыми двумя глаголами сохраняется, однако, вполне определенное различие. Глагол *помнить* обозначает состояние сознания субъекта, детерминируемое нахождением информации в ее «хранилище» (точнее, в «зоне доступа» этого хранилища). Между тем *вспоминать* указывает на то, что с этой информацией производятся определенные манипуляции: человек как бы достает одну за другой единицы хранения и считывает содержащуюся в них информацию. Можно сказать иначе: глагол *вспоминать* как бы запускает фильм, который начинает прокручиваться перед нашими глазами, — в отличие от глагола *помнить*, который вызывает фотографический снимок. Иллюстрацией здесь могут служить следующие два примера, в каждом из которых использованы оба глагола (в обоих примерах глагол *вспоминать* обозначает повторяющийся процесс, а *помнить* — длящееся состояние):

- (37) Главный товар в магазине оставался незамеченным, — такие уж пошли дети, с горечью думал Пильграм и мельком *вспоминал* собственное детство. Его покойный отец, — моряк, шатун, пройдоха, — женился, уже под старость, на желтой светлоглазой голландке, которую он вывез с Борнео, и, покончив со странствиями, открыл лавку экзотических вещей. Жена вскоре умерла, сын ходил в школу, а потом стал помогать в лавке. Он теперь не помнил точно, как и когда стали появляться в ней ящики с бабочками, но *помнил*, что любил бабочек с тех пор, как существует (В. Набоков. «Пильграм»);
- (38) Он был одним из товарищей моего брата Григория, который (...) утонул двадцати трех лет, купаясь летним вечером в большой, очень большой реке, так что теперь, когда *вспоминаю* брата, первое, что является мне, это — блестящая поверхность воды, ольхой поросший островок, до которого он никогда не доплыл, но вечно плывет сквозь дрожащий пар моей памяти (...). Я его *помню* ожидающим моего брата в темной столовой нашего бедного провинциального дома: он присел на первый попавшийся стул и немедленно принялся читать мятую газету, извлеченную из кармана черного пиджака, и лицо его, наполовину скрытое стеклянным забралом дымчатых очков, приняло безглаголиво плачущее выражение, словно ему попался пасквиль. *Помню*, его городские, неряшливо зашнурованные сапоги были всегда пыльными, как если бы он только что прошел пешком много верст по тракту, между незамеченных нив (В. Набоков. «Истребление тиранов»).

Противопоставление глаголов *помнить* и *вспоминать*, столь очевидное для русского языка, по-видимому, отсутствует в основных западных языках (в том

смысле, что процессное и стативное значения выражаются одним и тем же глаголом); об англ. *remember* в этой связи см. [Wierzbicka 2007: 26—29].

### 3.4. *Помнить* в безличной конструкции

Обилие безличных конструкций — одна из известных особенностей русского синтаксиса. Как считает А. Вежицкая, она отражает специфическую феноменологическую ориентацию русского языка, который делает акцент на идее неконтролируемости происходящих с человеком событий [Wierzbicka 1992: 413]. Безличная конструкция как бы снимает с человека ответственность за происходящее: «хорошие и плохие вещи происходят с нами; они не являются следствием того, что мы делаем» [ibid.: 430]; см. об этом также [Зализняк, Левонтина 2005].

Для русского глагола *помнить* характерна конструкция с дательным падежом субъекта (обычно в 1-м лице): *мне помнится*. Например:

- (39) *Мне помнится*, лет десять назад, перед войной, вы ездили в Москву с моей запиской в известный вам институт (В. Дудинцев. «Белые одежды» [ruscorpora]).

Субъект в дательном падеже может быть (и обычно бывает) опущен, ср.:

- (40) Я рассматривал, *помнится*, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления (Ф. Достоевский. «Преступление и наказание» [ruscorpora]);
- (41) Я, *помнится*, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка (Н. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки» [ruscorpora]);
- (42) *Помнится*, мне тогда очень не понравились его слова, но я сам не знал почему (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема» [ruscorpora]).

В книге А. Вежицкой [Wierzbicka 1992: 427] предлагается следующее толкование:

- (43) *Мне помнится* (букв. ‘It remembers itself to me’) =  
что-то во мне говорит: Я это помню  
не потому, что я этого хочу  
я не хочу сказать: Я это помню.

Действительно, в соответствии с общей семантикой безличной конструкции, основное различие между безличным *помнится* и «агентивным» *помню* состоит в устранении ответственного субъекта. Следующий шаг состоит в устранении субъекта вообще — именно поэтому субъект в дательном падеже при *помнится* часто оказывается опущен.

Другая бросающаяся в глаза особенность *помнится* — преобладание бессоюзной конструкции: в Национальном корпусе русского языка подчиняющий союз при *помнится* присутствует лишь приблизительно в 10 % употреблений.

Безличное *помнится* вводит пропозицию, характеризующую личный опыт субъекта, ср. примеры (39)—(42). Действительно, предложение (44) звучит несколько странно; здесь следовало бы сказать *насколько я помню*.

(44) <sup>2</sup>Сражение при Ватерлоо, *помнится*, произошло 15 июня 1815 года.

Ср., однако следующий реальный пример:

(45) Наша княгиня Ольга за убийство мужа, *помнится*, потребовала дань от дровлян — по голубю с дома (А. Шубин. «Путь к благополучию» [guscopora]).

Этот пример, однако, не противоречит, а наоборот, подтверждает сказанное выше: хотя вводимая пропозиция в реальности не принадлежит личному опыту говорящего, она подается говорящим как таковая. Употребление слова *помнится*, наряду с выражением «наша княгиня Ольга» служит приемом, при помощи которого говорящий «присваивает» этот исторический опыт своего народа, представляя его как свой собственный.

Русское *помнится* не имеет эквивалентов в английском, французском и немецком языках — в том смысле, что в качестве переводных эквивалентов для *помнится* используются те же средства, что и для *помнить*<sup>22</sup>.

Стоит упомянуть еще глагол *вспомниться*, также лингвоспецифичный и не имеющий эквивалента, в частности, в английском языке — см. переводы примеров (46)—(47) ниже. В соответствии с вышеупомянутой особенностью концептуализации мира, характерной для русского языка, *вспомниться* делает акцент на произвольном характере актуализации образа в сознании, ср. также уже упоминавшееся выражение *всплыло в памяти*. В работе Вежбицкой [Wierzbicka, 2007] конструкция *X-у вспомнился Y* характеризуется как обозначающая «непроизвольную память» («involuntary memory»). Глагол *вспомниться* употребляется в двух конструкциях — с субъектом-стимулом в позиции подлежащего (ср. *мне вспомнилась прошлогодняя поездка на Байкал*) и собственно безличная, где субъектную позицию занимает придаточное (обычно вводимое союзом *как*), ср.<sup>23</sup>:

(46) Опять краска стыда покрыла ее лицо, *вспомнилось* его спокойствие, и чувство досады к нему заставило ее разорвать на мелкие клочки листок с написанной фразой (Л. Толстой. «Анна Каренина»);

Again a flush of shame covered her face. She *remembered* his calm, and a feeling of vexation with him made her tear the sheet with the written phrase into little shreds;

(47) И вдруг ему *вспомнилось*, как они детьми вместе ложились спать и ждали только того, чтобы Федор Богданых вышел за дверь, чтобы кидать друг в друга подушками и хохотать (Л. Толстой. «Анна Каренина»);

And he suddenly *remembered* how as children they had gone to bed at the same time and had only waited for Fyodor Bogdanych to leave before they started throwing pillows at each other and laughing (L. Tolstoy. «Anna Karenina»).

<sup>22</sup> Так, например, в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» слово *помнится* встречается восемь раз. Из них в семи во французском переводе употреблено выражение *Je me souviens*, в немецком — *Ich erinnere mich* и лишь один раз — *il m'en souvient; wie mir erinnerlich*.

<sup>23</sup> Перевод примеров (46) and (47) приводится по изданию: *Leo Tolstoj. Anna Karenina / Transl. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Penguin Classics, 2001.*

Отметим, что для глагола *вспомниться* весьма характерна совместная встречаемость со словом *вдруг*, также лингвоспецифичным и выражающим идею «непредсказуемости мира» [Булыгина, Шмелев 1998].

#### 4. Вместо заключения

Итак, *память* концептуализуется языком как «хранилище» информации (*хранить в памяти, сокровищница памяти, извлекать из памяти, рыться в памяти; объем памяти* и т. д.), ср.: «Память X-а — это мыслимая как полный объект часть сознания X-а, предназначенная для долговременного хранения того, что человек знает» [Апресян 2001: 14]. Причем, как мы убедились, в этом хранилище находится как то, что мы *помним*, так и то, что мы *забыли*. Когда мы говорим, что мы нечто *забыли*, это означает лишь то, что мы утратили доступ к этой информации, «путь» к данной «единице хранения».

Однако этот путь может быть восстановлен: «зацепившись» за какой-то предмет или ощущение (вспомним Пруста), сознание может восстановить даже тот образ, который казался навсегда утраченным. Язык в этом случае пользуется метафорой умирания — воскресения, ср. одно из словарных значений слова *оживить* — ‘восстановить в памяти’ [МАС], а также следующий пример:

- (48) Много позже, когда все, как говорится, *бьльем поросло*, Лева взглянул однажды на ее кольцо... — и вдруг все *ожило* и завертелось перед его глазами, *воскресло* и ощущение того вечера с Митишательевым, и всех последовавших дней (А. Битов. «Пушкинский дом»).

Обратим внимание, что концептуализация забвения как утраты доступа к информации довольно точно соответствует научной модели памяти (см. напр. [Солсо 1995]), согласно которой любая информация, однажды человеком воспринятая, сохраняется в его мозгу навсегда: то, что мы *помним*, отличается от того, что мы *забыли*, именно знанием «пути» к месту ее хранения.

## ВРАНЬЁ В РУССКОЙ «НАИВНОЙ ЭТИКЕ» \*

Наблюдатели приписывают русской культуре два противоположных отношения к «говорению неправды». С одной стороны, иногда отмечается, что русская культура чрезвычайно высоко ценит правду и предписывает говорить правду (*резать правду-матку в глаза*), даже если это может быть неприятно собеседнику. Этот взгляд решительно отстаивает Анна Вежбицкая, указывающая на то, что русской культуре чуждо понятие «белой лжи», или «социальной лжи», предписываемой во многих ситуациях англосаксонскими социальными конвенциями (см., в частности, [Вежбицка 2002: 21]). С другой стороны, целый ряд авторов (как русских, так и зарубежных), напротив, считает, что русские во многих случаях более терпимо относятся к тому, чтобы говорить неправду, нежели представители многих других культур, в частности англосаксонской. Многие русские, столкнувшиеся с «западной» системой ценностей, с удивлением отмечают, что человек, единожды сказавший или написавший неправду (при заполнении анкеты, во время деловых переговоров и т. п.), может безнадежно скомпрометировать себя. В цитированной работе А. Вежбицкая упоминает мнение Д. Песмен, которая отмечает, что «хотя у нее нет сравнительных статистических данных насчет склонности разных наций к тому, чтобы лгать (к “mendacity”), в русском языке есть несомненно очень богатый словарь в этой области». В связи с этим А. Вежбицкая совершенно справедливо указывает на то, что это лексическое богатство можно, наоборот, рассматривать как свидетельство интереса к «правде» и отрицательного отношения к «неправде». Действительно, лексическая разработанность какого-то концептуального поля в некотором языке вовсе не означает особую приверженность носителей данного языка к осуществлению действий, соответствующих этому концептуальному полю<sup>1</sup>.

В то же время, как мне представляется, ни языковые свидетельства, ни внеязыковые данные не дают основания заключить, что для русской языковой кар-

---

\* Впервые опубликовано: [Шмелев 2008].

<sup>1</sup> Так, наличие в русском языке лингвоспецифичных глаголов *попрекнуть/попрекать* и существительного *попрек* не должно рассматриваться как свидетельство склонности русских к соответствующим речевым действиям. Напротив того, эти слова обозначают поведение, неприемлемое с точки зрения русской «наивной этики», предписывающей, чтобы человек, который сделал кому-то добро, великодушно избегал напоминаний об этом.



тины мира и русской культуры в целом характерно более отрицательное отношение к тому, чтобы «говорить неправду», нежели, скажем, для английской языковой картины мира и англосаксонской культуры. Да и сама А. Вежбицкая в одной из своих работ писала о наличии в русской культуре установки на то, чтобы «извинить и оправдать ложь как неизбежную уступку жизненным обстоятельствам, несмотря на все великолепие правды», приведя в подтверждение характерную русскую пословицу: *Не всякую правду жене сказывай* [Вежбицкая 1999: 281]<sup>2</sup>.

Рассмотрим еще раз в этой связи глаголы *лгать* и *врать* (ключевые русские глаголы, обозначающие «говорение неправды») и их производные. Сразу можно сказать, что глагол *лгать* (перфективный коррелят этого глагола — *солгать*) обозначает действие, предосудительное с точки зрения русской наивно-языковой этики. Толкование глагола *солгать* на «естественном семантическом метаязыке» (данное в заметке [Шмелев 2005а]) оказалось довольно близко к толкованию, предложенному А. Вежбицкой для английского глагола *lie* [Wierzbicka 1985: 341—342; 1996: 152]:

X солгал Y-у. =

X нечто сказал Y-у

это была неправда

X знал, что это неправда

X сказал это, потому что X хотел, чтобы Y думал, что это правда  
если кто-то так делает, он делает плохо.

Иными словами, *лгать* значит говорить неправду, зная, что это неправда, но желая, чтобы адресат речи думал, что это правда. Обобщенная формулировка последнего компонента указывает на то, что даже если говорящий по каким-то причинам оправдывает ложь в данном конкретном случае, употребление глагола *солгать* свидетельствует, что он понимает: в норме такого рода действия подлежат осуждению. *Лгуций* человек согрешает уже тем, что подсовывает адресату речи фальшивку, выдавая ложь за истину. Здесь существенно именно то, что имеет место сознательное введение в заблуждение: если люди «искренно принимают ложь за истину, то никто не признает их лжецами и не увидит в их заблуждении ничего безнравственного» (Вл. Соловьев). Часто речевое действие, обозначаемое глаголом *лгать*, наносит ущерб третьим лицам, о которых *лгуций* человек распространяет лжесвидетельство, непосредственно нарушая тем самым девятую заповедь. Эта сторона дела отражена в производном глаголе *оболгать* (кого-либо).

Иная нравственная оценка обнаруживается в глаголе *врать* и его производных. Существенно, что глагол *врать* не предполагает лжесвидетельства, и поэтому от него не образуется глагол \**обоврать* (кого-либо). В повседневной жизни

<sup>2</sup> В. И. Даль приводит несколько иной вариант той же пословицы: *Не всякую правду муж жене (или: жена мужу) сказывает*. Приведем еще одну пословицу, содержащую аналогичную установку: *Хороша святая правда, да в дело не годится*.

неизбежно «бытовое вранье» (ср. [Зализняк, Шмелев 2004: 211]), когда человек говорит неправду, чтобы избежать каких-то неприятных последствий, которые могут возникнуть, если он скажет правду. В тех случаях, когда посредством *вранья* можно отвести опасность от третьего лица, *вранье* может даже оказаться морально предписываемым действием. Ср. эпизод из рассказа Василя Быкова:

...в окно постучали. Брата не было дома, за день до того поехал в деревню помочь матери с дровами да и прихватить кой-каких продуктов для двух городских сыновей. Леплевский открыл, в комнатушку ввалилось человек шесть энкавдэшников, подняли жену брата с грудным ребенком, потребовали хозяина. Леплевский сказал, что старшего брата нет дома. «Где он, отвечай быстро!» — приказал главный чекист с короткими, щеточкой усиками под ноздреватым носом. Леплевский некоторое время колебался, раздумывая, говорить правду или соврать. Но не стал врать, сказал честно, как было: брат в деревне, на днях должен вернуться. В деревне той ночью его и взяли. Но брал уже не тот с усиками, а местный уполномоченный Усов.

Потом много лет (до и после войны) Леплевский жалел, что сказал правду, может, надо было направить их по ложному следу — в Минск или в Витебск, пускай бы искали, теряли время. А самому предупредить брата, пусть сматывается куда-нибудь подальше. Некоторые в то время так и поступали.

Конечно, чаще при «бытовом» *вранье* человек обманывает собеседника из тщеславия или чтобы избежать наказания, не упасть в глазах собеседника, не испортить с ним отношений. Но, поскольку основная цель здесь не в том, чтобы подсунуть собеседнику «фальшивку», выдать ложь за истину, а в том, чтобы не причинять собеседнику неприятных эмоций или отвести от себя неприятность, то такое *вранье* часто не вызывает морального негодования, что и делает возможным употребление «мягкого» глагола *врать*.

Чаще всего к «бытовому» *вранью* приходится прибегать в разговорах с начальством и в любовных или семейных отношениях. Ср.:

«Вот подлец! Умеет же соврать! Весь рабдень где-то шатался, а ловко так загнул — квартиру, дескать, он ремонтирует...» (Е. Попов);

Вранье — штука бытовая, я врал всю жизнь. Правда, только женщинам (И. Губерман).

Едва ли не самый типичный образец «бытового» *вранья* являют собою дети, которые *врут* родителям, чтобы избежать наказания за какой-нибудь проступок. Родители обычно объясняют детям, что *врать* нехорошо, но сама необходимость такого объяснения показывает, что отрицательный оценочный компонент не является ингерентной характеристикой глагола *врать*: высказывания *лгать плохо* или *лгать нехорошо* звучали бы тавтологично (а второе даже излишне мягко).

Готовность *врать*, не заботясь об истине, часто оправдывается тем, что *вранье* оказывается интереснее правды. Ср.: *...не желаю знать правду. Лучшие соврите, но подыщите что-нибудь менее банальное* (Л. Юзефович). В этом случае

*врущий* человек заведомо не преследует никаких корыстных целей, и такое *вранье* обычно не вызывает осуждения окружающих. Ср.: «Наиболее типичный случай *вранья* — это “художественное” *вранье* — игра воображения, вымысел, болтовня, не имеющая отношения к действительности. Такое *вранье* вполне невинно; в качестве цели оно преследует не личную *корысть*, а *развлечение*, потому что оно интереснее, забавнее, увлекательнее правды» [Апресян В. 2000: 226]. Характерны сочетания *красиво врать* и особенно *вдохновенно врать*, подчеркивающие эстетическую составляющую *вранья*. Такое *вранье* представляет собою своего рода «приправу» к правде, делающую правду менее «пресной», и для обозначения такого *вранья* используется специальный глагол *приврать*. Действие, обозначаемое глаголом *приврать* (ср. также выражение *приукрасить действительность*), в общем случае не вызывает осуждения, а иногда даже одобряется. *Всякая прибаaska хороша с прикраской*, — говорит пословица.

Указанное отношение к *вранью* нашло яркое отражение в известном эссе «Не-что о вранье», вошедшем в «Дневник писателя» Достоевского. Приведем отрывок:

С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем не может быть нелгущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно — не случилось ли ему раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того, что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая на пари обогнала железную дорогу, и т. д. и т. д. Ну а охотничьи собаки, или о том, как вам в Париже вставляли зубы, или о том, как вас вылечил здесь Боткин? Не рассказывали ли вы о своей болезни таких чудес, что хотя, конечно, и поверили сами себе с половины рассказа (ибо с половины рассказа всегда сам себе начинаешь верить), но, однако, ложась на ночь спать и с удовольствием вспоминая, как приятно поражен был ваш слушатель, вы вдруг остановились и невольно проговорили: «Э, как я врал!» (...) Деликатная взаимность *вранья* есть почти первое условие русского общества — всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч. В самом деле, только правдивая тупица какая-нибудь вступает в таких случаях за правду и начинает вдруг сомневаться в числе проскаканых вами верст или в чудесах, сделанных с вами Боткиным. Но это лишь бессердечные и геморроидальные люди, которые сами же и немедленно несут за то наказание, удивляясь потом, отчего оно их постигло? Люди бездарные. (...) Мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным.

Здесь показательно то, что в целях «остранения» Достоевский первоначально использует глагол *лгать*, который делает возможным сопоставление мотивов, по которым лгут «в других нациях» и «лгут» в России. Утверждается, что «в других нациях» лгут «только одни негодяи»; поскольку лгут «из практической выгоды», т. е., как пишет Достоевский, «прямо с преступными целями»; а в России «лгут», чтобы произвести «эстетическое впечатление в слушателе», доставить ему удовольствие, приятно поразить или даже обрадовать его. Для такой деятельности и глагол *лгать*, содержащий резко отрицательную оценку, не очень-то подходит. Он маркирует взгляд «со стороны», как бы взгляд «иностранца», не проникшего в различие между действиями, обозначаемыми глаголами *лгать* и *врать*. И понятно, что, «с удовольствием» вспоминая произведенное «радостное впечатление», естественно употребить глагол *врать* (*Э, как я врал!*); а сказать *Э, как я лгал!* было бы решительно невозможно. Такое *вранье* не подлежит моральному осуждению, и претензии к нему могут высказывать только «правдивые тупицы», «люди бездарные». В отличие от *лжеца*, который подсовывает собеседнику фальшивку, выдавая ложь за истину, человек, занятый *художественным враньем*, действует в интересах собеседника; он стремится доставить собеседнику удовольствие и потому не особенно заботится о том, чтобы даже в мельчайших деталях педантично говорить только правду.

Характерно также выражение *деликатная взаимность вранья*, которую Достоевский называет «почти первым условием русского общества». *Деликатность* (которой в русской языковой картине мира придается особое значение) здесь состоит в том, чтобы не уличать собеседника во вранье, а напротив, самому принять участие в вольной беседе, когда никто не боится отклониться от «скучной и прозаичной» истины.

Замечательны также рассуждения в очерке «Всероссийское вранье» Леонида Андреева, в котором *вранье* эксплицитно противопоставляется *лганью*<sup>3</sup>. О *лганье* там говорится:

Лганье есть искусство — и искусство трудное, требующее ума, таланта, характера и выдержки. Хорошо солгать так же трудно, как написать хорошую картину, и доступно далеко не всякому желающему. Обнаруженная, неудавшаяся ложь есть нечто позорное; лгать опасно — и лгущий должен быть смел, как всякий

<sup>3</sup> Использование окказионального имени действия *лганье*, которое даже не упоминается в составе синонимического ряда *неправда, ложь, вранье* в детальной статье [Апресян В. 2000], не случайно. Дело в том, что более употребительное существительное *ложь* имеет стертые употребления, в которых отрицательный этический оценочный компонент может утрачиваться. В дополнение к употребленным, указанным в цитированной статье В. Ю. Апресян, отметим использование слова *ложь* в логике для обозначения ложного высказывания. Если принять критерий истинности Аристотеля, то можно сказать, что *ложь* в этом понимании — это просто высказывание, не соответствующее действительности.

человек, рискующий собой и становящийся лицом к лицу с опасностью. Ложь должна быть правдоподобна — одно уже это в значительной мере затрудняет пользование ею для слабых и ненаходчивых умов. Сказать, что вчера под Кузнецким мостом я встретил плавающего кита и сильно испугался, — не будет ложью, ибо наглядно противоречит как законам божеским, так и человеческим... Яго лжет искусно и толково, так как знает, что хочет, и выполняет сложный, продуманный план.

Любопытно, что эти замечания вполне коррелируют с наблюдениями В. Ю. Апресян: «*Ложь*, в отличие от *вранья*, часто предполагает предварительное планирование, обдумывание и может отличаться тщательностью... *Ложь*, в отличие от *вранья*, всегда маскируется под правду» [Апресян В. 2000: 226—227].

Как и Достоевский, Леонид Андреев считает *лганье* не характерным для русских и пишет: *Как это неправдоподобно ни покажется, но русский человек лгать не умеет*. И далее, вновь подчеркнув «общую неспособность русского человека к систематическому лганью», он продолжает:

Да, русский человек не умеет лгать, но, кажется, в такой же мере он лишен способности говорить и правду. То среднее, к чему он питает величайшую любовь и нежность, не похоже ни на правду, ни на ложь. Это — вранье... Хлестаков, а не Яго — вот кто истинный наш представитель.

Он специально подчеркивает бескорыстность русского «художественного вранья», делая его даже чем-то привлекательным:

Русское вранье прежде всего нелепо. Говорил человек долго и хорошо и вдруг соврал: «А у меня тетка умерла». Соврал и сам изумился: тетка мало того, что не умирала, а через полчаса придет сюда, и все это знают. И никаких выгод от теткиной смерти он получить не может, и зачем соврал — неизвестно... А то вдруг сообщит: «А меня вчера здорово побили». Тут уж совсем расчета не было врать: и не пожалеют, и еще, пожалуй, пользуясь предлогом, действительно побьют. Но он соврал и кажется даже довольным, что поверили. Я знал одного человека, который всю жизнь врал на себя; поверить ему, так большего негодяя не найти, а в действительности это был честной и добрейшей души человек. Врал он, не сообразуясь ни с временем, ни с пространством; врал даже тогда, когда истина сидела в соседней комнате и каждую минуту могла войти; врал, не щадя себя, жены, детей и друзей. Кто-то сказал раз, шутя, что он похож на бежавшего каторжника, и потом стоило большого труда удержать его от немедленной явки в полицию с повинной: так понравилась ему эта идея и так пылко он взялся за ее дальнейшую обработку... «А то уж очень пресно все, — говорил он. — Ну, что я? Банковский чиновник, так, чепуха какая-то. И жена — чепуха, и дети — чепуха, и все знакомые — такая кислятина. А когда совершь, как будто интереснее станет». — «Да ведь уличат?» — «Так что ж из этого? Пусть уличают, так и нужно, чтобы правда торжествовала» (Л. Андреев).

В этом отрывке отражена парадоксальность отношения к *вранью* в русской языковой картине мира. Действие, обозначаемое глаголом *врать*, может не быть морально-

предосудительным, поскольку не преследует корыстных целей: человек *врет*, потому что это делает жизнь интереснее. В то же время это никак не противоречит любви к *правде* и стремлению к тому, чтобы «правда торжествовала»; поэтому *врущий* человек вовсе не боится быть уличенным и может даже желать этого.

В некоторых случаях «художественное» вранье даже предписывалось социальными конвенциями. Напр., было принято рассказывать небылицы, когда отливали колокол, поскольку существовала примета, что чем больше будет вранья, тем более звонким будет колокол (ср. просторечное *звонить* ‘врать’). Вот как об этом свидетельствует Владимир Гиляровский в книге «Москва и москвичи»:

Колокол лютят! Шушукуются по Сухаревке — и тотчас же по всему рынку, а потом и по городу разнесутся нелепые рассказы и вранье. И мало того, что чужие повторяют, а каждый сам старается похлеще соврать, и обязательно действующее лицо, время и место действия точно обозначит.

— Слышали, утром-то сегодня? Под Каменным мостом кит на мель сел... Народищу там!

— В беговой беседке у швейцара жена родила тройню — и все с жеребьячими головами.

— Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами! Только верхушку выдать.

Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подает, что вранье, не улыбается, а сам еще чище что-нибудь прибавит. Такой обычай:

— Колокол лютят!

Сотни лет ходило поверье, что чем больше небылиц разойдется, тем звонче колокол отольется. А потом встречаются:

— Чего ты назвонил, что башня провалилась? Бегал — на месте стоит, как стояла!

— У Финляндского на заводе большой колокол лютят! Ха-ха-ха!

Однако если человек занимается «художественным враньем» постоянно, это может вызывать неодобрение, к таким людям, подобным упомянутому выше Хлестакову, Репетилову или Ноздреву, принято относиться скептически. Так, о Ноздреве сказано, что он, бывало,

...провертется самым жестоким образом, так что наконец самому делается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой масти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнеши: «Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить».

О таком человеке говорят, что он *проврался* или *заврался*, и распространенная сентенция, адресованная ему, звучит: *Ври, да не завирайся* (или, как говорит Чацкий Репетилову: *Ври, да знай же меру*)<sup>4</sup>. Таким образом, распространенное

<sup>4</sup> Заметим, что образованный по аналогичной модели глагол *залгаться* звучит необычно; его использование в известном словосочетании из стихотворения Бориса

отношение к «художественному вранью» таково, что *врать* можно, но в меру, нельзя *завираться*, как герой известного стихотворения Даниила Хармса «Врун», который, напр., сообщал, что у его папы «было сорок сыновей». Реакция слушателей на такое *вранье* весьма показательна:

Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!  
 Еще двадцать,  
 Еще тридцать,  
 Ну еще туда-сюда,  
 А уж сорок,  
 Ровно сорок, —  
 Это просто ерунда!

Между «бытовым» и «художественным» *враньем*, как они представлены в русской языковой картине мира, нет непроходимой границы. Занимаясь «бытовым» *враньем*, можно делать это «художественно»:

Если вы гуляли в шапке, а потом она пропала, —  
 Не волнуйтесь, дома маме можно что-нибудь соврать.  
 Но старайтесь врать красиво, чтобы, глядя восхищенно,  
 Затаив дыханье, мама долго слушала вранье (Г. Остер).

Иногда отмечают, что мужчинам больше свойственно «бытовое вранье», а женщинам — «художественное вранье»:

Можно ли сравнивать крупную мужскую ложь, стратегическую, архитектурную, древнюю, как слово Каина, с милым женским враньем, в котором не усматривается никакого смысла-умысла, и даже корысти? (Людмила Улицкая)

Водораздел замечен еще в школе: мальчишки врут, чтобы избежать неприятностей, девочки — чтобы казаться интереснее. Взросление ничего принципиально не меняет: мужчины продолжают искажать реальность ради конкретной сиюминутной выгоды, а женщины — так, вообще, для красоты. (Елена Ямпольская // «Неделя», 26 мая 2006)

Итак, мы видим, что русский язык не отождествляет действия, обозначаемые глаголами *лгать* и *врать*. Можно добавить, что если *лжет* человек всегда сознательно, то *соврать* он может по неосторожности, когда скажет нечто, не подумав. Поэтому возможны такие обороты, как *не соврать бы*; *боюсь соврать*; *чтобы не соврать*; *боюсь, не соврать бы*. Используя эти обороты, мы даем понять, что хотим избежать безответственных, легкомысленных и необдуманных высказываний, которые именно в силу своей безответственности, легкомысленности и необдуманности могут отклониться от истины. Ссылаясь на свидетеля, который может подтвердить наши слова, мы иногда говорим, что такой-то *не даст сов-*

---

Пастернака *ангел залгавшийся* оправдано тем, что причастие *залгавшийся* было бы стилистически несовместимо со словом *ангел*.

*рать*. Разумеется, в этом обороте никак не выражено желание сказать неправду, от которой можно удержаться только в силу наличия свидетеля. Свидетель нужен для того, чтобы поправить невольную ошибку, от которой никто не застрахован. Сказав нечто, не подумав и случайно ошибившись, можно исправиться, сказав *вру*, напр.: *Он живет на Пречистенке... вру, на Остоженке*. Таким образом, наряду с «бытовым» и «художественным» *враньем*, можно выделить «легкомысленное» *вранье*, свойственное человеку, не особенно заботящемуся об истинности своих высказываний. При этом человек, который пытается никогда не *врать*, и избегать даже «легкомысленного» *вранья*, может восприниматься как чрезмерный педант, и с этой точки зрения возможен подход, оправдывающий *вранье*. Разумихин в «Преступлении и наказании» говорил: *...вранье всегда простить можно; вранье дело милое, потому что к правде ведет*. Далее он так развивал эту мысль: *Я люблю, когда врут! Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами. Соврешь — до правды дойдешь! Потому я и человек, что вру. Ни до одной правды не добирались, не соврав наперед раз четырнадцать, а может, и сто четырнадцать, а это почетно в своем роде; ну, а мы и соврать-то своим умом не умеем! Ты мне ври, да ври по-своему, и я тебя тогда поцелую. Соврать по-своему — ведь это почти лучше, чем правда по одному по-чужому; в первом случае ты человек, а во втором ты только что птица! Правда не уйдет, а жизнь-то заколотить можно; примеры были, — и резюмировал: ...хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да до времья же накопец и до правды, потому что на благородной дороге стоим...*

Сказанное объясняет известное замечание Бориса Пастернака: «По-русски *врать* значит скорее нести лишнее, чем обманывать». Характерен производный глагол *наврать*, который может соотноситься и с «бытовым», и с «художественным», и с «легкомысленным» *враньем*. Он входит в ряд выражений, указывающих не столько на ложь, злонамеренно выдаваемую за истину, сколько на некоторую беззаботность по части правды: *наболтать, наговорить, наобещать, наплести с три короба* (заметим, что от глагола *лгать* производный глагол *налгать* малоупотребителен). Можно заметить, что указанные выражения примыкают к глаголам кумулятивного способа действия, обозначающим постепенное накопление результата [Зализняк, Шмелев 2000: 114—115], а некоторые из них непосредственно относятся к классу кумулятивных глаголов. Глаголы данного класса являются результативными в том смысле, что они предполагают оценку результата действия, даваемую *post factum*. Эта черта присуща и глаголу *наврать*, и поэтому он обычно используется при пересказе в перфектном режиме, охотно сочетаясь с изъяснительными клаузами, резюмирующими содержание речи и оценивающими его как несоответствующее действительности (и практически не употребляется с прямой речью), — ср. следующие примеры, часть из которых заимствована из «Национального корпуса русского языка»:

Девочка нашлась уже днем, ночевала у знакомых на окраине села, наврала им, что родители внезапно уехали (Л. Петрушевская);



Не говорите ему, что я у вас сегодня была впервые, я ему наврала, что уже приходила к вам (З. Масленикова);

Вдобавок он еще зачем-то наврал Варваре, что ушел именно к юристам (Т. Устинова);

Я наврала ему, что Панаев получил из деревни деньги и, если Белинский займет у него, то еще сделает этим одолжение, потому что Панаев растратит их и, когда придется платить за квартиру, то денег наверно у него не окажется (Панаева);

Один раз Ваня уже письменно наврал, что принимал участие в собачьих бегах из Петербурга в Москву, а второй раз опять наврал про то, что мэр Москвы командировал его на подводную лодку, на которой Охлобыстин якобы нейтрализовал страшный и, безусловно, злодейский заговор (И. Охлобыстин).

Напротив того, глагол *соврать*, характеризующий конкретное высказывание, часто используется в нарративе и свободно сочетается с прямой речью (ср. многочисленные иллюстрации в «Национальном корпусе русского языка», напр.: «Мы больше никогда не врем», — *соврал Дырка*).

Можно дать глаголам *наврять* и *соврать* следующие толкования на «естественном семантическом метаязыке» (толкование глагола *соврать* было предложено в заметке [Шмелев 2005a]; здесь оно несколько модифицировано)<sup>5</sup>:

*X наврал Y-у, что P.* =

X сказал Y-у, что P

это была неправда

X сказал это не потому, что X думал, что это правда

X сказал это, потому что X думал:

хорошо, если Y будет думать, что это правда

(люди могут сказать: нехорошо, если кто-то так делает);

*X соврал Y-у.* =

X нечто сказал Y-у

это была неправда

X сказал это не потому, что X думал, что это правда

X сказал это, потому что X думал:

хорошо, если Y будет думать, что это правда

(люди могут сказать: нехорошо, если кто-то так делает).

Компоненты ‘X сказал это не потому, что X думал, что это правда’ и ‘X сказал это, потому что X думал: хорошо, если Y будет думать, что это правда’ необходимы. Если X говорит нечто, потому что с самого начала думает, что это правда, то речь может идти только об ошибке или добросовестном заблуждении, но не о *вранье*. Эта ситуация отличается от ситуации, когда X проявляет беззаботность по части истины и мы имеем дело с «легкомысленным» *враньем*, и тем более от

<sup>5</sup> Я признателен Анне Вежицкой, указавшей мне (в электронной переписке) на некоторые неточности в первоначальной версии толкования. Разумеется, я не могу быть уверен, что предлагаемая модификация устраняет все неточности.

ситуации, когда X искажает истину, чтобы избежать неприятностей или «для красоты». Хотя, казалось бы, в случае «художественного вранья» цель *врущего* человека состоит не в том, чтобы обмануть адресата речи, но и в этом случае он все же рассчитывает на то, что ему поверят (в противном случае это уже не *вранье*, а *художественный вымысел*). Если X не стремится к тому, чтобы его словам поверили (т. е. не хочет, чтобы Y думал, что сказанное правда), то слово *врать* (и его производные) в современном языке не подходят для описания такой ситуации<sup>6</sup>.

Существенно и то, что оценочный компонент существенно ослаблен по сравнению с толкованием глагола *солгать* и заключен в скобки, что подчеркивает его факультативность. В речи разных носителей языка отрицательное отношение к *вранью* представлено в разной степени, и мы можем наблюдать весь диапазон оценок от нетерпимости до полного снисхождения. Часто, проявляя снисхождение к *вранью*, подчеркивают его отличие от «лганья», или *лжи*, как в цитированном выше отрывке из повести Людмилы Улицкой «Сквозная линия», в котором противопоставляются *крупная мужская ложь, стратегическая, архитектурная, древняя, как слово Каина, и милое женское вранье, в котором не усматривается никакого смысла-умысла, и даже корысти*. Самые разные авторы указывают, что *лгут* продуманно и из корыстных соображений, и это делает ложь этически неприемлемой в отличие от вранья. Персонаж повести Игоря Губермана «Штрихи к портрету», сказав: *Прятаться, ловчить, видоизменяться он просто не умел. Очевидно, так же, как и лгать*, — счел необходимым оговорить: *Ты, я надеюсь, понимаешь разницу между ложью и враньем*. Ср. строки из стихотворения И. Сельвинского «Ложь»:

Умею врать, но не умею лгать.  
 Вранье я не считаю преступленьем...  
 Вранье не знает петель и сетей:  
 Оно — удел поэтов и детей.  
 Совсем другое дело, братцы, ложь,  
 Издревле ненавидимая всеми...  
 Попробуй расколоть ее на звенья,  
 Она слукавит: «Я — мировоззрень!»

Различие между «лганьем» и *враньем* отчетливо проявляется и в производных именах деятеля. Именование кого-либо *лжецом* также составляет весьма

<sup>6</sup> Не применяют глагол *врать* и по отношению к первоапрельским шуткам, когда говорящий рассчитывает, что адресат речи ему поверит, но имеет в виду сразу же весело указать на то, что верить не следовало. По-видимому, рассматриваемого ограничения не было в языке первой половины XIX в., так что слово *врать* (и его производные) могли относиться, напр., к художественному творчеству. Так, Батюшков называл Державина «божественный стихотворец и чудесный враль» и писал, что «сам Гомер врал шестистопными стихами от искреннего сердца». (примеры из статьи [Пеньковский 2005]).

сильное обвинение; не случайно в церковном обиходе выражение «лжец и убийца» представляет собою иносказательное обозначение сатаны. Но и в повседневном употреблении слово *лжец* часто включается в сочинительные ряды, со всей очевидностью свидетельствующие, что даже однократная ложь преступна, напр.: *клеветники, лжецы и всякого рода изверги* (Гончаров). Слово *врун* не имеет такой яркой отрицательной окраски, и его применение в контекстах подобного рода неуместно. Так, *врунами* называют детей, часто прибегающих к *вранью*; слово *врун* может быть применено и к взрослому человеку. К человеку, которого называют *вруном*, не принято относиться всерьез, но по отношению к нему обычно не испытывают сильного негодования (ср. [Шмелева 1983]).

Мы видим, что разницей в понимании того, как русская культура относится к говорению неправды, не случаен. С одной стороны, в ней чрезвычайно ценится *правда*; с другой стороны, в ней нет установки на аккуратность и точное следование фактам, присущее, напр., англосаксонской культуре. Поэтому, если человек говорит неправду из корыстных соображений, это безусловно осуждается и клеймится посредством глагола *лгать*. Если же человек отклоняется от истины по какой-то другой причине (напр., в силу легкомысленного отношения к фактической точности) и не преследует корыстных целей, то используется глагол *врать* (и его производные) и отношение к такому *вранью* может быть менее определенным. С одной стороны, как бы то ни было, человек говорит неправду, и это нехорошо; с другой стороны, в отсутствие корыстного умысла требование неуклонного следования фактам может восприниматься как неуместный педантизм.

## СМЕХ И УЛЫБКИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА \*

### Смех и улыбки в русской культуре

Многие иностранцы, которые посещают Россию, делают наблюдение, что русские мало улыбаются. Согласно опросам, первое, что бросается в глаза западному человеку в России, — серьезность людей, не показывающих чувства на публике, и сами русские охотно подтверждают это впечатление. Мы можем спорить о том, действительно ли русским этикетом предписывается «бытовая неулыбчивость», как об этом пишет И. А. Стернин в статье, посвященной роли улыбок в русском коммуникативном поведении, насколько точны его утверждения: «*бытовая неулыбчивость*... выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения»; «к чисто вежливой улыбке собеседника, если она опознана как таковая, русский человек обычно относится настороженно или даже враждебно»; «улыбаются русские только знакомым»; «У русских не принято автоматически отвечать на улыбку улыбкой»; «У русских не принято улыбаться при исполнении служебных обязанностей, при выполнении какого-либо серьезного дела» [Стернин 2000]. Но независимо от того, насколько мы принимаем предложенную трактовку и считаем, что она содержит адекватное описание норм русского этикета и русских культурных скриптов, мы обязаны признать объективный факт: то, что «русские мало улыбаются», отмечается многими наблюдателями, а эксплицитные замечания многих носителей русской бытовой культуры свидетельствуют, что они часто считают улыбки неуместными.

В то же время некоторые исследователи русских культурных скриптов отмечают, что русская бытовая культура поощряет искреннее выражение чувств [Вежбицкая 2002]. В частности, можно заметить, русская бытовая культура не предписывает сдерживать громкий «искренний» смех, а в некоторых случаях даже поощряет его, и это как будто противоречит утверждению о «серьезности» русских, не показывающих чувства на публике.

Такое отношение к смеху и улыбкам лишь на первый взгляд может казаться противоречивым. Оно вполне соответствует русским культурным скриптам, как

---

\* В основу данной статьи положены предшествующие варианты данной работы [Шмелев 2007; Shmelev 2009].

они реконструируются на основе наблюдений над вербальным и невербальным поведением носителей русской бытовой культуры. При этом оно находит отражение в функционировании русских языковых выражений, обозначающих разные виды смеха и улыбок.

### Связь смеха и улыбок: языковые данные

Само наличие единиц, обозначающих те или иные разновидности смеха и/или улыбок, можно, по-видимому, считать универсальным; однако концептуализация смеха и улыбок, равно как и классификация и языковое обозначение различных их видов являются лингво- и культурно-специфичными. Достаточно отметить, что четкое различие между смехом и улыбкой, которое кажется самоочевидным носителям русского языка, не представлено в явном виде даже во многих европейских языках, в которых картина мира во многом схожа с русской. В них улыбка представлена как своего рода «неполноценный» смех. Об этом свидетельствуют слова со значением ‘улыбаться’ или ‘улыбка’ в целом ряде языков, как, напр., во французском (*sourire* ‘улыбаться’; внутренняя форма — ‘подсмеиваться’ от *rire* ‘смеяться’), в немецком (*lächeln* ‘улыбаться’ «уменьшительное» от *lachen* ‘смеяться’). Да и почти во всех славянских языках картина та же (польское *uśmiech* ‘улыбка’ от *śmiech* ‘смех’) и т. д. Собственно, и в английском языке, в котором слова со значением ‘смех’ и ‘улыбка’ имеют разное происхождение (*laugh* и *smile*), слово *smile*, обозначающее ‘улыбку’, этимологически родственно русскому слову, обозначающему ‘смех’. В этом отношении русский язык, в котором слово улыбка (и глагол улыбаться) этимологически не связано со смехом, представляет собою типологически редкое явление.

Связь идей смеха и улыбки не случайна: улыбающийся рот подобен смеющемуся рту (минус звук) — об этом пишет А. Вежбицкая со ссылкой на Дарвина [Wierzbicka 1999: 190]. Дарвин писал: «Между тихим смехом и широкой улыбкой нет почти никакой разницы, за исключением того, что при улыбке не производится повторяющийся звук. ...Когда человек испытывает чувство, которое, если бы было сильнее, привело бы к смеху, у него действуют те же мышцы лица, что при смехе, и в результате возникает улыбка (перевод мой. — А. Ш.)». Однако важное различие между смехом и улыбками, в значительной мере определяющее языковое поведение их лексических обозначений, заключается в том, что смех не вполне контролируем, тогда как улыбка находится под контролем субъекта в существенно большей степени. При этом контролируемость улыбки может быть двойкой и в каком-то смысле противоположной. С одной стороны, субъект может улыбаться, когда он был готов засмеяться, но по тем или иным соображениям предпочел сдержаться — тогда контроль состоит в том, что улыбающийся субъект сознательно сдерживает смех, хотя его внутреннее состояние соответствует тому, которое обычно бывает у смеющегося человека. С другой стороны, улыбка может выражать намеренную имитацию готовности засмеяться, хотя в действительности человеку может быть не до смеха.

Близость психического состояния субъекта смеха и улыбок позволила Анне Вежбицкой сформулировать семантический инвариант слов разных языков, относящихся со смехом / улыбками [Wierzbicka 1999: 282]:

*Смеяться / улыбаться*

Я думаю: происходит нечто хорошее

Я сейчас чувствую нечто хорошее

Замечу, что выражение «нечто хорошее» в этом толковании оказывается не вполне определенным. Человек испытывающий эстетическое наслаждение от чтения высокой литературы, в каком-то смысле «чувствует нечто хорошее» и вполне может при этом думать, что «происходит нечто хорошее», но совершенно не обязательно будет при этом смеяться или даже улыбаться. Можно было бы добавить компонент, говорящий, что смех или улыбки имеют место «когда субъекту весело или смешно», как это сделала Е. В. Урысон в толковании синонимического ряда с доминантой смех в «Новом объяснительном словаре синонимов» под руководством Ю. Д. Апресяна<sup>1</sup>, но что означает в этом толковании слово *смешно*? Представляется, что, наоборот, *смешно* естественно определять через слова *смеяться*, *смех* (*смешно* — это то, что испытывает смеющийся человек), а *смех* определять независимым образом. Именно по этому пути идут авторы большинства толковых словарей русского языка — можно упомянуть, напр., такое толкование: ‘характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.’ (МАС). Однако выражение «проявление веселья, радости, удовольствия и т. п.» представляется слишком неконкретным (что скрывается за «и т. п.»?), а попытка его конкретизировать, как в приведенном толковании Е. В. Урысон, ведет к порочному кругу.

В любом случае можно согласиться с А. Вежбицкой в том, что субъект, когда смеется, обычно чувствует «нечто хорошее», но добавить, что при этом ощущает своего рода беззаботность: смех противостоит не только плачу, но и серьезности. Существенно, что если кто-то улыбается или смеется, это вовсе не обязательно означает, что человеку хорошо без всяких оговорок. Недаром во многих языках существуют такие выражения, как *горькая улыбка*, *печальная улыбка*; *горький смех*, *саркастический смех*.

Посторонний наблюдатель может одобрять или не одобрять смех и улыбку. Неодобрение улыбки обычно бывает связано со стоящими за ней дурными чувствами. Неодобрение смеха может быть связано как со стоящими за ним дурными чувствами, так и с неприятным звуком смеха. Иллюстрируем сказанное на

<sup>1</sup> Это ‘прерывистые горловые звуки, в норме являющиеся выражением того, что субъекту весело или смешно, которые возникают в результате коротких выдыхательных движений, обычно производимых с раскрытым ртом или растянутыми губами’ [Урысон 2000а: 312].

примере ряда английских глаголов, обозначающих разные виды улыбок и смеха (толкования приблизительны, но дают общее представление о семантике соответствующего глагола):

- to smirk* 'улыбаться самодовольной или глупой улыбкой, неприятной для других'; *smirk* 'самодовольная или глупая улыбка'
- to simper* 'улыбаться глупо или застенчиво'
- to grin* 'широко улыбаться, гротескно обнажая зубы'
- sneer* 'презрительная или насмешливая улыбка'
- to chuckle* 'тихо смеяться'
- to chortle* 'смеяться, демонстрируя удовольствие и удовлетворение (часто злорадство)'
- to giggle* 'смеяться тихо, но не контролируя свой смех и немного по-детски (часто над чем-то глупым или грубым или нервно); хихикать'
- to titter* 'нервно смеяться, пытаясь скрыть свой смех (часто когда смеешься над чем-то неподобающим)'
- to snicker, to snigger* 'скрытно смеяться над кем-то или чем-то (часто недобро)'
- to cackle* 'громко смеяться, резким голосом (как курица после того как снесла яйцо)'
- to guffaw* 'громко смеяться (как лошадь); ржать, гоготать'.

### 'Улыбка' в русском языке

Русскому слову улыбка было уделено специальное внимание в особом разделе книги Г. Е. Крейдлина «Невербальная семиотика» [Крейдлин 2002: 335—373], а также в статье **Улыбка** «Нового объяснительного словаря синонимов», написанной Е. В. Урысон [Урысон 2000б]. Приведенные там наблюдения можно дополнить рядом соображений.

Исторически, вероятно, глагол *улыбаться* родствен слову *лоб*, первоначально означавшему 'череп'. Соответственно, глагол *лыбиться* (к которому и восходит *улыбаться*) первоначально обозначал 'обнажать зубы', 'скалиться', подобно черепу. Уже из этой этимологии видно, что улыбка вовсе не обязательно воспринималась в русской бытовой культуре как нечто приятное. На первый план может выходить агрессивный вид, возникающий при обнажении зубов (на что когда-то указывал Дарвин) или, наоборот, заискивание.

Подозрительное отношение к улыбкам сохраняется в русской бытовой культуре до сих пор. Улыбка может быть неуместной (вопрос *Чего лыбишься?*). Кроме того, улыбка контролируется и не требует особых усилий (физиологи указывают, что, для того чтобы улыбаться, надо использовать гораздо меньше мышц, чем для того, чтобы хмуриться). Поэтому для улыбки существен параметр *искренности*: в русской бытовой культуре *фальшивая, деланная, напряженная улыбка*, не выражающая истинных чувств субъекта и тем самым свидетельствующая о неискренности, не одобряется; тому, кто так улыбается, может стать стыдно:

Я холоден, как мороженое, и мне стыдно. Когда входит ко мне дочь и касается губами моего виска, я вздрагиваю, точно в висок жалит меня пчела, *напряженно улыбаюсь* и отворачиваю свое лицо (А. Чехов).

Вообще говоря, представление об искренних и неискренних улыбках не является специфической принадлежностью русской культуры. Более того, исследованы внешние признаки искренней улыбки. Искреннюю улыбку, или улыбку Дюшена (по имени ученого XIX века Гийома Дюшена, подробно изучавшего психологию улыбки), отличает сокращение мышц вокруг глаз, тогда как при неискренней улыбке сокращаются только мышцы в углах рта, заставляющие губы образовывать дугу. Но если в американской бытовой культуре этикетная (т. е. неискренняя) улыбка обычно рассматривается как необходимая составляющая вежливого поведения, то в русской бытовой культуре она нередко трактуется как разновидность лжи (особенно когда обусловлена корыстными соображениями):

...сносить обиды, унижения, не смеет открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому *лгать, улыбаться*, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена... (А. Чехов)

Совсем неуместной признается улыбка человека, у которого произошло какое-то горе; такая улыбка внешне опознается как *кривая улыбка*:

Иона *кривит улыбкой рот*, напрягает свое горло и сипит: «А у меня, барин, того... сын на этой неделе помер» (А. Чехов).

Разумеется, неверно было бы утверждать, что улыбки как таковые не одобряются в русской бытовой культуре. Есть много русских текстов, в которых присутствует положительное отношение к улыбкам (слова песен: *От улыбки станет всем светлей; Капитан, капитан, улыбнитесь!*). Попросту говоря, улыбки бывают разные — отсюда и амбивалентное отношение к улыбкам. Приведем пример, иллюстрирующий эту мысль:

Улыбаться можно по-разному. Потом, когда мы спорили об этом с Валерой, он убеждал меня, что мужчина улыбался издевательски, злорадно и даже зловеще. Мне же запомнилась улыбка приятная, чуточку ироническая. Но, что правда — то правда, незнакомец улыбался потихоньку. Так улыбаются люди, которые не уверены, уместно ли это. Которые делают это про себя, а не напоказ (В. Добровольский. «Угловая комната»).

И дальше повествователь описывает улыбку, которая привлекла внимание мальчиков: *...Глаза его улыбались, а крупный жесткий рот выражал непреклонную суровость*. Заметим, что такая улыбка, которую субъект хочет скрыть, по внешним признакам противоположна деланной улыбке: получается, что улыбающиеся или не улыбающиеся глаза являются симптомом подлинного настроения субъекта, а улыбающийся или не улыбающийся рот призван демонстрировать это настроение окружающим.



Необходимость различать разные виды улыбок приводит к тому, что в русском языке, как и в ряде других языков, представлен целый ряд синонимов глагола *улыбаться* и существительного *улыбка*. Иногда на первый план выходят внешние характеристики улыбки, как в глаголе *осклабиться* 'широко улыбнуться'. Но часто приходится принимать во внимание внутренние параметры, как для слов *усмехнуться / усмехаться* и *усмешка*, а также *ухмыльнуться / ухмыляться* и *ухмылка*.

Слова *ухмыльнуться / ухмыляться* и *ухмылка* всегда выражают неодобрение улыбки, поскольку предполагают, что она скрывает за собою дурные чувства. *Ухмыляются* обычно нагло; *ухмылка* бывает сопряжена с цинизмом и самодовольством, как у паука в сказке Корнея Чуковского «Муха-цокотуха»:

Муха криком кричит, надрывается,  
А злодей молчит, ухмыляется.

Глагол *усмехнуться / усмехаться* и соответствующее существительное *усмешка* указывают на улыбку или краткий смех (*смешок*), выражающий смешанные чувства (при этом совершенный вид *усмехнуться*) чаще соотносится с кратким смехом, а несовершенный вид *усмехаться* — с улыбкой). Однако однозначного соответствия здесь нет, поэтому высказывания, включающие одно из указанных слов, иногда понимаются двояким образом. Так, в следующем эпизоде из повести Александра Пушкина «Капитанская дочка» соответствующие глаголы интерпретированы (и, соответственно, переведены) разными переводчиками по-разному:

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не *усмехнуться*. «Чему ты *усмехаешься*? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо».

— The rascal's question and his impudence struck me as so amusing that I could not help *smiling*. «What are you *smiling* at?» he asked with a frown. «Don't you believe I am the Tsar? Answer me plainly» (Пер. Natalie Duddington);

— ...The bandit's question and impudence made me *smile*. «Why do you *laugh*?» said he, frowning... (Пер. Marie H. de Zielinska).

*Усмешка* может включать иронию, горечь, сарказм, неприязнь (типичные сочетания: *горько усмехаться*, *иронически усмехаться*, *криво усмехаться*); при этом слова *усмехнуться / усмехаться* и *усмешка* не обязательно выражают неодобрение смешка или улыбки (в отличие от глагола *ухмыльнуться / ухмыляться* и существительного *ухмылка*); однако неодобрение часто имеет место. *Усмеваются* часто *лукаво* или *хитро*; часто *усмешка* бывает сопряжена с чувством интеллектуального превосходства; поэтому *усмешка* нередко воспринимается как *недобрая*:

И недобрая усмешка  
Чуть раздвинула усы.  
(Галич).

Показательно, что, скажем, в «Капитанской дочке» Александра Пушкина, практически все употребления слов *усмехнуться/усмехаться* и *усмешка* (за исключением приведенного выше эпизода) указывают на улыбку, сопряженную с горечью или злыми чувствами:

«То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?» Пугачев *горько усмехнулся*. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования...»; Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с *горькой усмешкою*: «Хорош у тебя лазарет!» [сарказм]; «...ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег». Кровь моя закипела. «А почему ты об ней такого мнения?» — спросил я, с трудом удерживая свое негодование. «А потому, — отвечал он с *адской усмешкою*, — что знаю по опыту ее нрав и обычай»; Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он *усмехнулся злобной усмешкою* и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги.

Ни *усмешка*, ни тем более *ухмылка* не могут быть этикетными; тем самым для них не существен параметр *искренности*: не используются сочетания *\*искренняя, фальшивая, деланная усмешка, ухмылка*.

Добавим, что в толковых словарях выделяется еще одно (на мой взгляд, устаревшее) значение глагола *улыбнуться*, которое предполагает, что человек не получил того, чего хотел, хотя ему казалось, что он имеет на это шансы: *Путевка улыбнулась* (не досталась). В современном языке глагол *улыбнуться* иногда используется в другом, «противоположном» значении, предполагающим, что нечто может произойти с человеком, но он этого не хочет: *Мне это не улыбается*<sup>2</sup>. Ср. также пример из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ):

Ему явно *не улыбалась* перспектива появления теневого кабинета (именно так, несмотря на просьбы Путина, воспринимается группа Шувалова) (Е. Короп, «Известия», 2003.07.08).

Понятно, что оба переносных значения глагола *улыбнуться/улыбаться* (устаревшее и «современное») развивают разные представления об улыбке как об элементе невербального семиотического поведения.

### ‘Смех’ в русском языке

Среди русских глаголов, обозначающих смех, выделяются глаголы, указывающие на разнообразные звуки смеха: *фыркнуть* ‘to produce a chortle’, *хихи-*

<sup>2</sup> Интересно сопоставить рассматриваемое употребление выражения *не улыбается* с выражением *не светит*. Нечто *не улыбается X-у* означает, что нечто может произойти с X-ом, но X этого не хочет; нечто *не светит X-у* означает, что X хочет этого, но это не может произойти с X-ом.

*кать, гоготать, ржать* (и существительное *гогот*). Обнаруживается тенденция к неодобрению неприятного звука смеха (сходная тенденция имеет место во многих других языках и культурах); при этом могут использоваться как названные глаголы, так и слова *смех* и *смеяться*, как в следующих примерах из произведений А. Чехова:

Не перевариваю я и *отрывистого смеха* Лизы, которому она научилась в консерватории...;

...неприятный, дребезжащий смех, каким в водевилях смеются генералы: хе-хе-хе.

Неодобрение смеха может быть связано и с чувствами, которые за ним стоят:

Ей было стыдно, горько, и она за миллион не согласилась бы говорить в присутствии посторонней женщины, соперницы, лгуни, которая стояла теперь за картиной и, вероятно, *злорадно хихикала* (А. Чехов).

Основной глагол, указывающий на смех в русском языке, — это *смеяться*. Три значения глагола *смеяться* могут быть приблизительно описаны как ‘издавать смех’, ‘насмехаться, издеваться’ (*смеяться над кем-либо*) и ‘говорить несерьезно, шутить’. К первому, основному значению примыкает значение (или оттенок значения) ‘выражать веселость’: *Глаза ее весело смеялись* (Чехов, МАС). Примечательно, что в этом значении не используются глаголы *хохотать* и *хихикать* (синонимы глагола *смеяться*). Приведем ряд производных от глагола *смеяться* в значении: *смех, смешок, смехота, смешливый, смешной, смешить, засмеяться, посмеяться; смехотворный; усмешка*. Второе значение ‘насмехаться, издеваться’ (синонимы — *потешаться, насмешничать, шутить*) предполагает, что хорошее настроение субъекта связано с унижением ближнего, а это, по общему мнению, нехорошо. К данному значению восходят производные *высмеять, осмеять, засмеять* и оборот *поднять на смех*. Значение ‘говорить несерьезно, шутить’ используется в таких высказываниях, как *Вы серьезно или смеетесь?* В обоих указанных случаях смех как таковой может не иметь места.

### Хохот

По замечанию покойного С. А. Старостина (в передаче корреспондента «Комсомольской правды»), наряду с *тоскою* и *удалью*, к русским словам, для которых отсутствуют эквиваленты в других языках, относятся слова *хохотать* и *хохот*. Аналоги словам *смеяться* и *смех* есть в большинстве языков, а аналога слову *хохот* — нет; едва ли не единственный язык, в котором есть нечто похожее, — это финский, в котором есть слово *hohottaa* (заимствование из русского)<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Некоторые информанты из числа носителей украинского языка указывают, что украинский глагол *реготати* используется похожим образом; другие, впрочем, настаивают на том, что *реготати* ближе к русскому *гоготать*.

Важно, что *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения. Этим *хохотать* отличается от глагола *гоготать*, а также от таких слов, как, напр., английское *to guffaw* ‘гоготать, ржать’, которое иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохотать*. В отличие от русских слов *хохот* и *хохотать*, это слово включает оценочный компонент, указывающий на неодобрение такой «крайности», как несдержанный громкий смех [Вежбицкая 1999: 527—530]. Действительно, по данным словарей, существительное *guffaw* может быть истолковано как ‘a loud, coarse burst of laughter’, а глагол *to guffaw* — как ‘to laugh in this way’; русско-английские словари (напр., словарь под редакцией Гальперина) также предлагают переводы «грубый хохот, гогот» и, соответственно «грубо хохотать, гоготать». Такого отрицательного оценочного компонента в словах *хохотать* и *хохот* нет. Нет в них и никаких «животных» коннотаций; люди не воспринимают его как грубый, в отличие от *гогота*. Типичное сочетание со словом *хохот* — это *здоровый хохот*.

Существенно, что *хохот* (в отличие от *смеха* и *улыбок*) всегда выражает хорошие чувства: мы не говорим \**горький хохот* (ср. *горький смех*, *горькая улыбка*). *Хохочут* обычно *искренне, от души, заразительно*:

Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень и, чтоб успокоить ее совсем, начал описывать её госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души (А. Пушкин).

Ср. также примеры из НКРЯ:

...захохотал так неудержимо, весело и искренне, как может хохотать человек его лет (В. Липатов);

Полное единение душ еще довершалось тем, что она любила анекдоты, и я тоже любила посмеяться, и мы всегда искренне и долго хохотали, радуясь любому поводу для этого (Л. Петрушевская);

Эрнст Неизвестный, услышав в среду от корреспондента «Известий» о трактовке его скульптуры как «атомного взрыва», от души хохотал (Л. Смирнов, «Известия», 2002.01.23);

...заразительно хохочет, изгибаясь в дверях (Митьки. «Катаклизм» (1984)).

Бывает *притворный, деланный, неискренний смех* (но невозможен ?*притворный, деланный, неискренний хохот*). Слово *хохот* не используется для обозначения «смешанных» чувств: нельзя сказать: \**горький хохот* (ср. *горький смех*, *горькая улыбка*); ?*саркастический хохот* (ср. *саркастический смех*, *саркастическая улыбка*).

Смех, в отличие от *гогота* и *guffaw*, может быть присущ и мужчинам, и женщинам, причем для женщин он характерен едва ли не в большей степени, и это нисколько не осуждается. Характерны такие слова, как *хохотунья* и *хохотушка* (более частотные, нежели *хохотун*), вовсе не являющиеся «обидными». Они предполагают положительное отношение к тому, кто постоянно хохочет, и из литературы мы знаем, что часто *хохочут* именно женщины:

А царица — хохотать

(А. Пушкин);

И хохочет, и хохочет,

Будто кто ее шекочет.

(К. Чуковский).

Ср. примеры из НКРЯ:

Она шаловливо хохочет, начинается бессвязное голубиное воркование (Э. Радзинский);

она хохотала низким голосом... (Т. Толстая);

строила глазки, запрокидывала голову, счастливо хохотала (Ю. Гладильщикова, «Известия», 2002.05.21).

Совсем неподходящими в качестве переводных эквивалентов русского глагола *хохотать* представляются английские слова *to giggle* (это скорее ‘хихикать’) и *to chuckle, to cackle* (в англо-русском словаре под редакцией Гальперина они переводятся как ‘кудахтать; хохотать’, но эти английские глаголы в отличие от русских обозначают частично контролируемое действие). А. Вежицка обращает внимание на различие в сочетаемости русского слова *хохот* и английских *giggle, chuckle, cackle*:

*громкий, веселый, здоровый, дружный, раскатистый хохот* vs. *loud, merry (cheerful), healthy, general chuckle, cackle* [Wierzbicka 1999: 220].

По мнению Е. В. Урысон, использование слова *хохот* неуместно, когда речь идет о детях [Урысон 2000а: 313]; но такие сочетания, как *детский хохот*, встречаются в литературе, напр. у Николая Лескова:

заливчатый детский хохот;

оттуда же несется детский хохот, плеск воды, потом топот босых ребячьих ног по мостовинам.

При этом сочетание *детский хохот* вовсе не является устаревшим или принадлежащим исключительно идиолекту Лескова — упомянем сочетание *колокольчик детского хохота*, обнаруженное в романе Вадима Громова «Компромат для олигарха», вышедшем в 2000 г. (по данным НКРЯ).

Для носителей русской культуры нет ничего странного в том, чтобы *смеяться, хохотать до слез*; или даже *умирать со смеху (от хохота)*: напр., *И опять все смеются, смеются, смеются до слез* (Галич). Такой смех не осуждается культурными установками.

Итак, наличие в языке общеупотребительных и положительно окрашенных слов *хохотать* и *хохот* соответствует культурным установкам, поощряющим искренний громкий смех. Единичные примеры сочетаний типа *адский хохот* (почти исключительно в литературе XIX в.), как правило, несут на себе черты «западного влияния», напр.:

Ведьма и демон занимали место кумы и кума, отрекаясь за неопита Антонио от Бога, добра и спасения; адский хохот раздавался по временам вместо пения... (Е. Баратынский);

...как грозно-таинственно, как лихорадочно-трепетно звучал этот голос в рассказе Роберту о пещере Розалии, каким адским хохотом заливался он в знаменитом дуэте! (А. Григорьев);

...посреди мрака, раздается адский хохот Мефистофеля... (Д. Григорович).

### Выводы

Итак, важной особенностью русской культуры является то, что она громкий, веселый, искренний, *здоровый смех (хохот)* и с некоторым подозрением относится к *улыбкам*, которые могут быть неискренними, фальшивыми или скрывать дурные чувства. Русские мало улыбаются не потому, что они грубые, невежливые и невоспитанные, а в силу культурных особенностей. Нормой для русского поведения в этой сфере является *искренний, звонкий смех*. Именно данный стереотип русского бытового поведения приводит к тому, что, сталкиваясь с иной системой поведенческих установок, носители русской бытовой культуры могут заподозрить неискренность и говорить, что, напр., американцы лживы и неискренни, а улыбка их глупая и неестественная. Этот стереотип имеет ту же природу, что и представление о мрачности и неприветливости русских: дело здесь в различии культурных скриптов.

## ИГРА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА\*

### Вступительные замечания

В настоящей заметке рассматривается концептуализация *игры* в русском языке. В центре представления об *игре*, как она представлена в русской языковой картине мира, лежат разнообразные употребления глагола *играть*. Понятно, что глагол *играть* многозначен (так, в «Малом академическом словаре» у него выделяется 11 значений, а у некоторых значений выделены еще особые «оттенки значения»). Однако очевидно, что в концептуализации мира, задаваемой русским языком, разнообразные виды деятельности, соотносимые с глаголом *играть*, имеют между собою нечто общее, что и дает основание использовать для их обозначения один и тот же глагол. Более того, на основе этой общности в русской речи (особенно поэтической) нередко встречаются случаи «совмещения значений» — напр.:

То же бешенство риска, / Та же радость и боль / Слили роль и артистку, / И артистку и роль. // ... // Сколько надо отваги, / Чтоб играть на века / Как играют овраги, / Как играет река. // Как играют алмазы, / Как играет вино... (Пастернак — *артистка играет (роль) и вино играет*)

Семантическая структура глагола *играть* представлена в различных словарях различным образом; однако, как кажется, все разнообразие его употреблений может быть отнесено к одному из следующих четырех типов (любопытно, что, по свидетельству проф. Мустайоки, в финском языке глаголу *играть* соответствуют четыре разных глагола, причем каждый из них покрывает в точности один из выделенных ниже типов употребления):

- 1) детская игра, забава
- 2) игра на выигрыш (спортивная или азартная)
- 3) актерская игра
- 4) игра на музыкальном инструменте.

Далее мы рассмотрим указанные четыре типа употреблений несколько подробнее.

---

\* Впервые опубликовано: [Шмелев 2006].

В соответствии с принципами «Новомосковской школы концептуального анализа» для описания концептуализации игры как она представлена в русском глаголе *играть*, основное внимание следует уделить неявным, фоновым компонентам значения, коннотациям и т. п. [Шмелев 2004], для выявления которых будет проанализирована семантика производных глагола *играть* и дано нечто вроде «лексикографического портрета» соответствующего словообразовательного гнезда.

Словообразовательное гнездо глагола *играть* предполагается рассмотреть во всей его полноте, выявляя общие мотивы, объединяющие разнообразие представлений о видах деятельности, которые можно назвать *игрой*. Каждая из словообразовательных цепочек, возникающих в этом гнезде, «высвечивает» определенный аспект *игры* или какие-то коннотации, связанные с *игрой* как она понимается русским языковым сознанием. При этом у некоторых видов *игры* (напр., на музыкальных инструментах) оказывается относительно бедный словообразовательный потенциал, тогда как с другими видами *игр* (напр., с играми на выигрыш) связаны достаточно разветвленные фрагменты словообразовательного гнезда.

Предполагается показать, что параметры, существенные для классификации *игр* в русской языковой картине мира, не вполне совпадают с аналогичными параметрами, релевантными для некоторых других языков (такими, как, скажем, противопоставление *plays* и *games* в английском языке). При этом следует иметь в виду, что картину «лигвоспецифичной *игры*» могут несколько затемнять «семантические кальки», такие, как, напр., *Олимпийские игры*. Так, в программу зимних Олимпийских игр входят, напр., лыжные гонки; однако неверно было бы на этом основании заключить, что лыжные гонки можно по-русски назвать *игрой* (или *играми*).

### Детская игра

Прототипическим для *игры* является представление о детской игре как основном занятии детей, когда они предоставлены самим себе: *Дети играют во дворе*. Иными словами, когда дети делают то, что им велели делать взрослые (едят, делают уроки), предполагается, что их действия направлены на некоторую пользу; если же они *играют*, цель их деятельности состоит в получении удовольствия от самого процесса игры. Взрослый может вовлекать детей в *игру*, имея в виду какие-то воспитательные, познавательные или развивающие цели или просто став перед необходимостью каким-то образом занять ребенка; но ребенок не задумывается об этом, иначе *игра* перестает быть игрой<sup>1</sup>. При этом не играет практически никакой роли, в чем именно состоит деятельность играющего ре-

<sup>1</sup> Играм, аналогичным детским играм, могут предаваться и детеныши животных (напр., на «площадке молодняка») или даже взрослые животные (ср. *Кошка играет с мышью*); в них могут совместно участвовать дети и животные (ср. *Мальчик играет с котенком*).



бенка. Маленькие дети могут *играть в песочнице*, просто набирая песок лопаткой в ведро или же строя песочный дворец; можно *играть*, подбрасывая мячик и пытаясь его поймать; детская *игра* может быть коллективной или индивидуальной, требовать или не требовать специальных приспособлений<sup>2</sup>. Детская *игра* — это свободная деятельность, осуществляемая исключительно для получения удовольствия от самой игры, даже если с «объективной» точки зрения она требует значительных усилий или приводит к каким-то полезным результатам. Именно эта особенность *игры* (в рассматриваемом понимании, которое передается на английском языке существительным *play*) отражена в знаменитом рассуждении Марка Твена по поводу того, как Том Сойер «красил забор»:

If he had been a great and wise philosopher, like the writer of this book, he would now have comprehended that Work consists of whatever a body is *obliged* to do, and that Play consists of whatever a body is not obliged to do. And this would help him to understand why constructing artificial flowers or performing on a treadmill is work, while rolling tenpins or climbing Mont Blanc is only amusement (M. Twain).

Соответственно, когда ребенок зажигает спички просто ради развлечения, это (довольно опасная) *игра*; однако если он делает это с целью, напр., развести костер, мы имеем дело не с игрой, а с полезной целенаправленной деятельностью. Однако разведение костра может быть частью некоторой более сложной игры, напр., когда мальчик воображает себя индейцем или путешественником на необитаемом острове.

Последний пример подводит нас к чрезвычайно характерному типу детской *игры*: когда дети, *играя*, имитируют деятельность взрослых, но осуществляют эту деятельность не «по-настоящему», а *понарошку*. При этом могут использоваться специальные предметы, имитирующие «настоящие» предметы из «взрослого» мира. Такие предметы называются *игрушечными*, или *игрушками*. Примерами *игрушек* могут служить игрушечный стетоскоп (при игре во врача), игрушечные ножницы (при игре в парикмахера), игрушечные зайцы, медведи, куклы, оловянные солдатики. Возникает оппозиция: *настоящее* vs. *игрушечное*. Эта оппозиция может распространяться и на случаи, когда об *игре* как таковой уже нет речи — как в следующем диалоге из романа В. Войновича «Москва 2042»:

«Что вы говорите! — всплеснул я руками. — Неужели вы построили настоящий коммунизм?» «Ну конечно же, самый настоящий», — подтвердил Смерчев. «Не игрушечный же», — вставил свое слово Держин Гаврилович...

Идея игрушек, изображающих или имитирующих предметы реального мира, получила свое развитие в понятии *елочных игрушек*. В настоящее время *елочными игрушками* называют не только игрушечных зайчиков, рыбок, дедов-морозов, которых вешают на елку, но и прочие виды елочных украшений (*Christmas-tree*

<sup>2</sup> Мы помним, что в Евангелии от Луки рассказано, как, после того как Елисавета услышала приветствие Марии, «взыграл младенец во чреве ее».

*decorations*), которые уже ничего не имитируют и не изображают (напр., золотые шары). Разумеется, в *елочные игрушки* никто не *играет*; их просто вешают на елки <sup>3</sup>.

В целом несовпадение игры с реальной жизнью (и используемых при этом *игрушек* с «настоящими» предметами) составляет самое ее существо. Это отражено в следующем замечании В. Демина (из книги «Фильм без интриги»):

Прежде всего предмет А, табурет, должен хоть немного напоминать предмет Б, автомобиль. Во-вторых, и это особенно интересно, предмет А должен все-таки хоть немного отличаться от предмета Б. Если, скажем, еще можно увлечься игрой в кабине стоящего грузовика, пока дядя Федя отлучился за папиросами, то в кабине движущегося и тобой же управляемого автомобиля играть как-то не с руки.

Когда взрослые оказываются вовлечены в игры рассматриваемого типа (напр., *играют в шарады*), они отдают себе отчет в том, что заняты не слишком серьезным делом. Иными словами, представление о детской игре связано с коннотациями чего-то легкого, несерьезного, необязательного, необременительного. Это дало начало таким выражениям, как *играючи* ‘без видимых усилий, как бы шутя’ или *поигрывать* ‘без определенной цели и без особых усилий двигать туда-сюда предмет, находящийся в руках’ (ср. пример из романа Солженицына «В круге первом»: *поигрывая толстым цветным карандашом над коричневой гладью стола*). Ср. также употребление глагола *играть* в следующем примере: *Ребенок играет куклой, кошка мышью, а всяк любимую мечтою* (В. И. Даль). С коннотацией несерьезности детской *игры* связаны и некоторые переносные употребления глагола *играть* — ср. пример из «Малого академического словаря»: *Они играют в революцию* <sup>4</sup>.

Особым образом с идеей чего-то несерьезного, легкомысленного связано представление о любовной игре, флирте. Ср.: *...ещё один лейтенант и Тамара играли в увлекательную игру: он брал её сперва за один палец, потом ещё за один, и так за всю кисть, она хлопала его другой рукой и вырывала кисть. И опять всё шло сначала* («В круге первом»). При серьезном отношении к жизни для такой любовной игры не остается места: *...она была строга, не расположена к шуткам, к пустой игре...* («В круге первом»). К данному типу употребления глагола *играть* восходят такие производные слова, как прилагательное *игривый* и глагол *заигрывать*.

Именно на идее несерьезности и легкости основаны переносные употребления глагола *играть* с неодушевленным субъектом — напр., в выражении *солнце играет*. Приведем пример из романа Солженицына «В круге первом»: *Невыносимее всего было Сталину время утреннее и полуденное: пока солнце восходило,*

<sup>3</sup> С другой стороны, о человеке, с которым нечто происходит помимо его воли, можно сказать, что он *игрушка* в руках судьбы (или в руках коварных манипуляторов). Ср.: *Судьба людьми играет как мячиком* (В. И. Даль).

<sup>4</sup> Иная коннотация послужила основой устойчивого оборота *играть свадьбу*. Здесь на первом плане веселье, связанное с *игрой*.

играло, поднималось на кульминацию — Сталин спал в темноте, зашторенный, закрытый, запертый. Ср. также отрывок соответствующей словарной статьи из словаря В. И. Даля, в котором перечислены некоторые из характерных сочетаний глагола *играть* с неодушевленным субъектом:

*Волга играет, плещется. Овражки играют, в ростопись или в паводок в них образовались ручьи. Брага играет, бродит, пенится. Румянец играет в лице, жизненная живая краска выступает. Столбы или сполохи играют, северное сияние подвижно разливается. Солнышко играет, мелькает, пламенеет от густоты воздуха. Солнце играет на пасху, поверье, что солнце в этот день на восходе радостно играет разноцветными лучами.*

Возможны и другие сочетания глагола *играть* с неодушевленным субъектом, напр. *улыбка играет* (как в романе «В круге первом»: *рассеянная улыбка уже играла на его губах*). Ср. также следующие выражения с глаголом *играть* в переносном употреблении: *рыба играет* ‘выпрыгивает из воды’; *бриллиант играет* ‘переливается разными цветами’; *кровь играет* (об этом выражении см. [Шмелев 1997а: 531; 533]); *воображение играет* и т. д. К выражению *вино играет* ‘пенится, искрится’ восходит термин *игристый* (*игристое вино* — ‘sparkling wine’).

Среди детских игр можно различать индивидуальные, не подчиняющиеся никакой регламентации, и коллективные, которые часто (но не всегда) происходят в соответствии с определенными правилами. Ср. такие *игры*, как *прятки, салки, жмурки, дочери-матери, казаки-разбойники*. Но и при наличии строгих правил остается неизменным общая установка детской игры на бескорыстие и удовольствие от самой игры, что и дает возможность разнообразных метафорических употреблений, напр.: *Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа!* (О. Мандельштам).

### Игра на выигрыш

Детские игры, подчиняющиеся определенным правилам, сближаются со вторым типом *игр* — играми на выигрыш (которые подразделяются на *азартные игры* и *спортивные игры*); ср.: *играть в футбол, в шахматы, в карты, в подкидного дурака*<sup>5</sup>. В стандартном употреблении выражение *играть в мячик* указывает на игру первого типа; однако, если речь идет о футбольных матчах, то это игра второго типа — ср.: *А ты? — Играю в мячик (= в футбол). — Читала* (А. Гладилин).

Ключевое различие между рассматриваемыми двумя типами *игр* состоит в том, что участие в игре второго типа предполагает стремление к достижению определенного результата, не сводящегося к получению удовольствия от самого процесса *игры*. Само по себе участие в игре второго типа отнюдь не гарантирует

<sup>5</sup> Для карт, используемых для *игры*, в русском языке есть специальное обозначение — *игральные карты*.

достижение этого результата. *Играя* в игру второго типа можно *выиграть*, но можно и *проиграть* (но тот, кто *проиграл*, может в дальнейшем *отыграться*). Мальчик, который подбрасывает и ловит мячик, занят игрой первого типа; но если он играет в футбольном матче, то это игра второго типа.

В играх второго типа важное место занимает соперничество: каждый из участников игры стремится к выигрышу, и победа одного (одних) означает поражение другого (других). Роль соперничества в игре второго типа отражена в характерном производном существительном *контригра* 'игра, дающая шансы в борьбе с имеющим преимущество противником'.

Заметим, что противопоставление первого и второго типа употребления (первого и второго значения) в какой-то мере соответствует противопоставлению, которое выражено английскими существительными *play* и *game* (при этом в обоих случаях, идет ли речь об игре в смысле *play* или об игре в смысле *game*, в английском языке используется один и тот же глагол *to play*)<sup>6</sup>.

Толкование английского существительного *game* было предложено А. Вежбицкой, и с небольшими модификациями оно применимо к рассматриваемому кругу употреблений русского глагола *играть* и его производных. С точки зрения А. Вежбицкой, главным для явления, обозначаемого английским словом *game*, являются следующие компоненты [Wierzbicka 1996: 159]:

- (1) human action (animals can play, but they don't play games);
- (2) duration (a game can't be momentary);
- (3) aim: pleasure;
- (4) «suspension of reality» (the participants imagine that they are in a world apart from the real world);
- (5) well-defined goals (the participants know what they are trying to achieve);
- (6) well-defined rules (the participants know what they can do and what they cannot do);
- (7) the course of events is unpredictable (nobody can know what exactly is going to happen).

<sup>6</sup> Ср. «О противопоставлении игр организованных, проводимых по правилам, о которых заранее договариваются между собой участники, цель которых победа или выигрыш, и игр свободных, не связанных никакими условиями, правилами, цель которых состоит лишь в самой игре, см., например, М. Эпштейн. Игра в жизни и в искусстве» («Вопросы драматургии». № 2. 1982. С. 244—255). В английском языке это противопоставление имеет языковое выражение: организованная игра — это *game*, а импровизированная — *play*. В русском языке это противопоставление выражается в том, что участник игры в смысле *game* называется *игроком*, а что участник игры в смысле *play* называется *играющим* или *актером* (в зависимости от вида *play*). Е. Л. Гинзбург, отмечая, что «ребенок, играющий с куклами в детский сад, — это не игрок» [Гинзбург 1979: 45], считает, что «тот, кто играет во что-л., может быть назван игроком, если игра коллективная», то есть в толковании имени игрок нужно включать другое наращение «коллективные игры». Однако не всякий участник коллективной игры может быть назван *игроком*, так, детей, играющих в войну или в «дочки-матери» (типичные *plays*), не называют *игроками* [Шмелева 1983: 156]. Можно добавить, что перфективным коррелятом глагола *играть*, если речь идет об игре первого типа (*play*), является глагол делимитативного способа действия *поиграть*, а если речь идет об игре второго типа (*game*) — глагол *сыграть*.

По-видимому, аналогичные соображения применимы и к русскому глаголу *играть*, когда он употребляется в сочетаниях, указывающих на игры второго типа. В этих играх участвуют люди (отвлекаясь от маргинальных случаев, когда проводятся соревнования по шахматам среди компьютерных программ); они имеют определенную длительность; их изначальная цель состоит в получении удовольствия (хотя, конечно, в случае азартных игроков, проигрывающих в рулетку целые состояния, или профессиональных спортсменов, этот признак может уходить на задний план); они задают свой особый «мир» со своими особыми правилами, известными участникам игры; исход игры заранее не предопределен.

*Игре* в указанном понимании иногда уподобляется вся человеческая жизнь, которая в таком случае рассматривается в терминах *выигрыша* — *проигрыша* — ср.: *вся его карьера складывалась так, что от думанья он проигрывал, а от служебного рвения выигрывал* («В круге первом»).

Глагол *сыграть* / *играть* может указывать на отдельный элемент в игре второго типа: в шахматах можно *сыграть ферзем* ‘сделать ход (ферзем)’, в футболе — *сыграть направо* ‘отдать мяч (направо)’. Однако данный круг употребления русского глагола *играть* и тем более существительного *игра* несколько уже, чем у их западноевропейских аналогов: даже в приведенных оборотах глагол *сыграть* / *играть* обычно заменяется на другой глагол: вместо выражения *сыграть / играть ферзем* чаще используют оборот *пойти / ходить ферзем*, вместо *сыграл e2 — e4* говорят *пошел e2 — e4*; вместо *сыграл направо* — *отдать пас направо*. А во многих случаях использование русского глагола *играть* или существительного *игра* вовсе неуместно: переводом французского *À toi de jouer!* будет фраза *Тебе ходить, твой ход* (а не \**Тебе играть, \*твоя игра*), шахматное правило *Pièce touchée, pièce jouée* передается по-русски как *Тронул — ходи* (а не \**Тронул, — играй!*).

Весьма характерной разновидностью *игр* рассматриваемого типа являются *азартные игры*. Склонность к *азартным играм* может рассматриваться как черта характера и в этом случае она, как правило, не одобряется. Отсюда возможные отрицательные коннотации слова *игрок*. Ср. следующие примеры:

Советский Союз — это единственная страна мира, ...где шахматный чемпион является не жалким «игроком», а уважаемым и знатным человеком советской страны (А. Котов);

Он любил игру [волейбол]. Вообще он был игрок по натуре. То есть так можно было бы сказать, если б это понятие — игрок по натуре — не имело застарелого отрицательного оттенка («Новый мир», 1983, № 6) [Шмелева 1983: 156—157].

### Актерская игра и игра на музыкальном инструменте

Как уже говорилось, детские игры могут включать имитацию «серьезной», взрослой деятельности. Имитация находится в центре третьего типа *игры* — «актерской игры», когда некоторый человек изображает другого, имитируя чувства

и мысли, которые не являются подлинными личными чувствами и мыслями «актера»: *играть на сцене, в драмкружке*. Ср. в словаре В. И. Даля: *Ныне играют «Горе от ума». Он хорошо играет протаков*.

Такого рода «актерская игра» не преследует обмана окружающих. Однако «имитирующая» игра нередко встречается в жизни, когда играющий «изображает» те или иные эмоции, которых на самом деле не испытывает: *Валентин правдоподобно играл в возмущение («В кругу первом»)*. Цель в этом случае состоит в том, чтобы ввести в заблуждение наблюдателей. Если окружающим удастся раскусить *игру*, иногда говорят о *наигранных* эмоциях.

С «актерской игрой» по происхождению связаны фразеологизмы *играть роль* «иметь важное значение» и *играть роль У-а* «выполнять функции У-а», которые, впрочем, всякую живую связь с *игрой* утратили.

Последний, четвертый круг употреблений глагола *играть* связан с исполнением музыкальных произведений на каком-либо инструменте: *играть на скрипке; играть Бетховена*. Этот круг употреблений стоит особняком, он слабо связан с прочими видами *игры*, а установление такой связи часто воспринимается как дурной каламбур — напр.: *Судьба играет человеком, а человек играет на трубе* (Ильф и Петров). Ср. также анекдот: *Поручик, вы на рояле играете? — Чего ж тут не играть — конечно, играю. — А на контрабасе играете? — Тоже случилось. — А на арфе? — На арфе нет — карты соскальзывают*<sup>7</sup>.

Й. Хейзинга высказал предположение, что использование для музицирования при помощи инструмента (но не пения) глагола *играть* (в разных языках) связано с идеей ловкости рук и манипулирования [Хейзинга 1997: 57]. Если это предположение верно, то приведенный выше каламбур Ильфа и Петрова окажется не таким уж бессмысленным: человек является всего лишь орудием в руках судьбы, подобно тому как музыкальный инструмент — орудие в руках человека.

Отметим, что формально-грамматическим субъектом глагола *играть* в данном типе употреблений не обязательно является человек — возможны разнообразные метонимические сдвиги: *играть может скрипка, фортепьяно, оркестр*, а также *проигрыватель, радиоприемник* и т. п. — напр.: *Приёмник Валентина как раз играл слоу-фокс («В кругу первом»)*. Наконец, *играть* может и просто *музыка*.

К данному типу *игры* восходит ряд производных слов — напр., *проигрыватель, долгоиграющая (пластинка)* — и переносных употреблений глагола *играть*, напр.: *играть на нервах; играть на чьих-то слабостях*. Но все это находится на периферии концептуализации *игры* как она представлена в русской языковой картине мира.

<sup>7</sup> Кстати, в такого рода случаях мы имеем дело с еще одной разновидностью *игры* — с *языковой игрой*.

# НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

---

А. Д. Шмелев

## ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ \*

### Вступительные замечания

В настоящей статье речь пойдет о «советской» составляющей русской языковой картины мира и о том, как эта составляющая модифицировалась в постсоветскую эпоху. Обсуждение разумно предварить описанием общих представлений о языковой картине мира как совокупности представлений, которые язык «навязывает» всем говорящим на нем. В соответствии с концепцией, принятой в «новомосковской» школе концептуального анализа [Шмелев 2004] и развиваемой в наших исследованиях последних двух десятилетий (значительная часть этих исследований собрана в книгах [Шмелев 2002; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]), эти представления «таятся» в неассертивных компонентах семантики языковых единиц: пресуппозициях, коннотациях, фоновых компонентах значения. В норме они не попадают в фокус внимания участников коммуникации, воспринимаются как нечто само собою разумеющееся.

Разумеется, слово «навязывает» не следует понимать слишком буквально. Носитель языка может обратить внимание на «скрытые» компоненты значения, извлечь их на поверхность и поместить в фокус внимания. Это происходит, в частности, в процессе лингвистического анализа, когда «скрытые» компоненты значения подвергаются экспликации; но это возможно и в рамках повседневной речевой деятельности, в особенности когда носители языка предаются метаязыковым размышлениям [Булыгина, Шмелев 1999]. Так, тот факт, что в русском языке слово *осел* включает в себя коннотации упрямства и глупости, никак не подрывается возможностью таких рассуждений: *Тебе скажут: осел глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалек умом, упрям и ленив,— его деликатно называют ослом. Запомни же, что, наоборот, осел — животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое* (А. Куприн). Впрочем, иногда «снятие» неассертивных компонентов высказывания происходит неявным образом, при еле уловимом сдвиге в значении языковой единицы. Так, слова *пошлый* и *пошлость* содержат одну из самых уничтожающих оценок, какие только

---

\* Впервые опубликовано: [Шмелев 2009].

есть в русском языке, но отдельный носитель языка может признаться и в стремлении к *пошлости* — ср. пример из статьи [Зализняк, Шмелев 2004]:

Купить бы себе на базаре тапочки — уютные, *пошлые*, из искусственного меха, чтобы спереди морда, сзади помпоны, а внутри самопальный войлок (Т. Устинова).

Языковая картина мира не остается постоянной в ходе развития языка. Так, слово *проблема*, пришедшее в русский язык в XVIII в. и обозначающее ‘трудный вопрос, требующий разрешения’, в последние десятилетия в результате калькирования с западноевропейских языков стало употребляться в значении ‘обстоятельство, мешающее нормальному, т. е. гладкому и беззаботному ходу вещей’. Иными словами оно стало обозначать нечто такое, что необходимо устранить, чтобы восстановить нормальный ход вещей, при котором человек получает удовольствие от жизни. Появилась также серия фразеологических клише (в значительной части — калькированных): *нет проблем; не проблема; без проблем; это не моя проблема; это твои проблемы; создавать себе проблемы*. Все эти выражения предполагают возникновение в картине мира нового представления, в соответствии с которым нормой является беззаботное и беспрепятственное «движение по жизни» [Зализняк 2006б].

Кроме того, разными картинами мира могут характеризоваться разные типы дискурса, сосуществующие в рамках одного языка в одно и то же время. Так, христианское представление, в соответствии с которым едва ли не важнейшей добродетелью является *смирение*, характерно для картины мира церковной проповеди, но совершенно чуждо для картины мира советской пропаганды. Соответственно, такие слова как *смирение, смиренный* если и могли появиться в языке советской пропаганды, то только в ироническом или «разоблачающем контексте (*поповские сказочки о смирении*). Так, в «Раковом корпусе» Александра Солженицына Вадим Зацырко, на формирование взглядов которого решающую роль оказало советское воспитание, *раздразнился от этих разжижающих басенок о смирении. Такая водянистая блеклая правдёнка противоречила всему молодому напору, всему сжигающему нетерпению, которое был Вадим...* Ср. также пример из «Национального корпуса русского языка»:

Достоевский умел вызывать сочувствие читателя к обиде и боли маленьких людей, задавленных капитализмом, — это и необходимо было ему для его основной цели, для пропаганды идей *смирения* перед существующим строем, для утешения страдающих, униженных и оскорбленных. Но он размахивал нищенской сумой не для того, чтобы возбудить в сердцах униженных и оскорбленных чувство гнева к жадности борьбы с властью имущими, а для проповеди *смирения* и покорности (Д. Заславский. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // «Культурная жизнь», 1947).

При этом язык советской пропаганды был в Советском Союзе всепроникающим, и тем самым соответствующая картина мира навязывалась всем носителям русского языка.



### Картина мира советской пропаганды

Для языка советской пропаганды было более всего характерно использование двух разных рядов лексических единиц в зависимости от того, идет ли речь о «своем» или о «чужом» [Шмелев 1997д: 461]. Это соответствовало одному из ключевых положений советской идеологии, в соответствии с которым даже внешне сходные явления в коммунистических странах и в странах Запада имеют совершенно различную природу: «два мира, две системы»; при этом языковые единицы, применимые к коммунистическим странам, обладали положительными коннотациями, а слова, применимые к Западу, — отрицательные. Нарушение закономерностей распределения языковых единиц в зависимости от того, о какой из двух «систем» идет речь, вело к языковым аномалиям: в советской публицистике невозможны были такие сочетания, как *\*американский воин* или *\*судилище в СССР*. (В применении к странам так называемого «третьего мира» могли использоваться слова как с положительной, так и с отрицательной окраской, в зависимости от того, отвечало ли обозначаемое явление интересам Советского Союза, как они понимались в данный момент.) Соответственно, имело место «согласование» разных единиц: возможны были высказывания *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шаяк* и *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов* [Epstein 1991], но в равной степени аномально было бы *\*главари партизанских отрядов* или *\*главари партизанских шаяк*.

Впрочем, и в применении к Западу существовали определенные положительно окрашенные слова — напр., для обозначения реальных или потенциальных союзников коммунизма. Однако эти слова не совпадали со словами, используемыми для обозначения советских реалий (ср. слово *прогрессивный*), или, даже внешне совпадая с ними, имели совсем другое содержание. Так, *трудящиеся* были и в Советском Союзе, и на Западе; однако в применении к Советскому Союзу это слово обозначало просто советских граждан, тогда как в применении к Западу противопоставлялось *буржуазии* (иногда добавлялась количественная характеристика; *широкие массы трудящихся* и *кучка эксплуататоров*).

Необходимость строго следовать указанному распределению могла приводить к почти вынужденным искажениям смысла при передаче содержания высказываний «враждебных» политических деятелей. Так, в книге [Клюев 1989] приводится пример из советской газеты: *Правительство Маргарет Тэтчер намерено продолжать свою антинародную внутреннюю политику в интересах богачей, в ущерб широким массам англичан*; отмечается, что едва ли М. Тэтчер была готова формулировать свои намерения именно как желание проводить «антинародную внутреннюю политику» и действовать «в ущерб широким массам англичан».

Идеологические представления (идеологемы), скрытые в семантике единиц языка пропаганды, не исчерпывались положительной или отрицательной оценкой; они включали в себя целый комплекс представлений, содержащихся в мар-

ксистском учении, «творчески развиваемом» советскими идеологами. Так, использование по отношению к странам Запада таких перифрастических выражений как *страны капитала*, а также прилагательных *буржуазный*, *капиталистический*, навязывало марксистское представление, согласно которому ключевым для противопоставления стран «социалистического лагеря» и западных стран является различие их экономического строя, «способа производства».

Существенно, что, пользуясь языковыми единицами, характерными для советского идеологического языка, т. е. языка пропаганды, говорящие неизбежно принимали и содержащиеся в них идеологемы, даже если изначально они критически относились к советскому строю. Комический эффект популярной в «инакомыслящей» среде 1970—1980-х гг. песни на слова Николая Вильямса «Коммунисты поймали парнишку» (обычно пели: «Коммунисты поймали мальчишку») во многом связан с тем, что герой песни, ведущий борьбу с советским строем не на жизнь, а на смерть, сам полностью находится в плену советских идеологических представлений, что видно из используемых им языковых средств (напр., *акулы капитала*):

Пусть мне очередь в лагерь настала,  
Лагерь и тюрьмы не боюсь.  
Скоро стая акул капитала  
Растерзает Сове́йский Союз.

...

«И да здравствует частная собственность!» —<sup>1</sup>  
Он, зардевшись, в лицо им сказал.

Иногда, даже эксплицитно отвергая идеологемы, в неявном виде содержащиеся в значении языковых единиц, используемых в языке пропаганды, говорящие все не могли полностью от них избавиться, поскольку пользовались тем же языком. Так, мне уже приходилось писать об идеологеме *счастья*, активно использовавшейся советской пропагандой: *Человек создан для счастья как птица для полета* (фраза Короленко, ставшее крылатым в советское время), *наше счастливое детство, счастье будущих поколений* и т. п. [Шмелев 2003]. Именно *счастье* было кульминацией того, что должен был, в соответствии с положениями «Программы КПСС», установить на Земле коммунизм: «мир, труд, свободу, равенство, братство и *счастье* всех народов». Идеологема *счастья* вызывала отталкивание у людей, не принимающих советскую идеологию. Так, с ней решительно спорит автор теории «нравственного социализма» Шулубин из «Ракового корпуса» Александра Солженицына:

<sup>1</sup> В отпечатанном на машинке чистовике текста Николая Вильямса к этой строчке сделано примечание: «При хоровом пении в этом месте допустим рокот голосов, произносящих разные лозунги: землю — помещикам!, да здравствует 12-часовой рабочий день!, и т. п.».

Так вот что такое нравственный социализм: не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка — «счастье»! — а ко взаимному расположению. Счастлив и зверь, грызущий добычу, а взаимно расположены могут быть только люди! И это — высшее, что доступно людям! ...Счастье — это мираж! — из последних сил настаивал Шулубин. Он побледнел. — Я вот детей воспитывал — и был счастлив. А они мне в душу наплевали. А я для этого счастья книги с истиной — в печке жёг.

Но далее из его тирады становится ясно, что и он видит в *счастье* цель устремлений человечества и каждого отдельного человека, только пути к достижению этого *счастья* он видит иные:

А тем более ещё так называемое «счастье будущих поколений». Кто его может выведать? Кто с этими будущими поколениями разговаривал — каким еще идолам они будут поклоняться? Слишком менялось представление о *счастье* в веках, чтоб осмелиться готовить его заранее. Каблуками давя белые буханки и захлебываясь молоком — мы совсем еще не будем *счастливы*. А делясь недостаточим — уже сегодня будем! Если только заботиться о «счастье» да о размножении — мы бессмысленно заполним землю и создадим страшное общество...

В целом ряде случаев система ценностей советской пропаганды и нонконформистского или просто несветского дискурса оказываются тождественными. Так, неприятие «мещанских» ценностей занимало важное место в советской системе ценностей. Как писала Нея Зоркая, апелляция к мещанству как источнику всех бед была характерна для советского дискурса с самого начала: «“Мещанству” после Октября приписывались и “мещанством” объяснялись все текущие неудачи властей по части коммунистического воспитания трудящихся: аполитичность, дурной вкус (слоники на комоды и коврики с лебедями), частнособственническая мораль и аморальность, ханжество и разврат, накопительство и разгильдяйство» [Зализняк, Шмелев 2004]. *Мещанское* могло приравниваться к «антисветскому» — ср. заметку из записных книжек Андрея Платонова: *Муж-милиционер арестовывал жену за мещански-антисвет(ские) настроения, говорил «это взятка», когда его угощали стаканом чая*. Но такое же неприятие *мещанства* было характерно и для людей, как будто не разделявших советскую идеологию, — ср. высказывания о *мещанах* и *мещанстве* Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Владимира Набокова, акад. Сахарова и др. (о восприятии борьбы с *мещанством* как моральной миссии интеллигенции см. [Вихавайнен 2004]). Ср., напр.:

*Мещанской* скукой веет от серых страниц «Правды», *мещанской* злобой звучит политический выкрик большевика, *мещанской* дурью набухла бедная его голова (В. Набоков);

И культ злоречья и *мещанства*  
Еще по-прежнему в чести  
(Б. Пастернак).

Иногда такое сближение с официальными советскими установками осознавалось. Ср. замечание из воспоминаний Е. М. Мелетинского:

...мое понимание чувства долга очень приблизилось к официальному, и этот долг выступил как императив, противостоящий себялюбию, трусости, *мещанству*.

Отвергали такую борьбу с мещанством весьма немногие. Ср. отрывок из «Воспоминаний» Надежды Мандельштам:

О. М. не любил и не позволял себе никаких выпадов против «*мещанства*». *Мещан-бюргеров* он, скорее, уважал и не случайно назвал Герцена, клеймившего их, барином. Но особенно его удивляли наши нападения на *мещан* и *мещанство*... «Чего они хотят от *мещан*, — сказал он как-то. — Ведь это самый устойчивый слой — на нем все держится».

Лишь к концу существования Советского Союза стала получать распространение апология мещанства. Ср. строки из стихотворения Тимура Кибирова, уже цитированные нами в статье [Зализняк, Шмелев 2004]:

Леночка, будем *мещанами*! Я понимаю, что трудно,  
что невозможно практически это. Но надо стараться.

### Источники языка пропаганды

Уже из приведенных примеров ясно, что язык пропаганды не возникает на пустом месте. Советская пропаганда могла использовать слова *мещанский* и *мещанство* для обозначения чего-то враждебного, поскольку отрицательное отношение к мещанству уже было выработано в русской культуре и нашло отражение в повседневном языке. Точно так же воспевание *гордости* и неприятие *смирения*, характерное для советского идеологического языка, было подготовлено семантической эволюцией этих слов почти завершившейся к началу XX в. и не затронувшей только дискурс, ориентированный на традиционные христианские ценности<sup>2</sup> (ср. [Шмелев 2000б]). Любопытно, что слово *гордыня*, сохранившее отрицательную окраску в неидеологическом дискурсе, стало использоваться с

<sup>2</sup> Юную Наташу Пестову (будущую матушку Соколову) родители оберегали от влияния советской идеологии, давая ей читать лишь дореволюционную и переводную литературу. Однако оказалось, что и в дореволюционной литературе (в частности, в произведениях Лидии Чарской) содержались чуждые христианству ценности. Вот что об этом пишет сама матушка Соколова в своих воспоминаниях, озаглавленных «Под кровом Всевышнего»: «Находясь в школе в безрелигиозном обществе, начитавшись светской литературы, я нравственно падала. Понятие “гордость” тогда превозносилось, особенно это сквозило в произведениях Лидии Чарской, которыми я увлекалась. Еще не сознавая в этом греха, я душой превозносила над другими детьми» [Соколова 1998: 37].

отрицательной окраской и в языке советской идеологии (в значении 'противопоставление себя коллективу')<sup>3</sup>. Ср.:

Писательница Вера Панова такими словами определила свое отношение к Пастернаку: «В этой озлобленной душе, которая раскрывалась во всем этом деле начиная с написания романа и кончая письмом,— нет ни чувства родной почвы, ни чувства товарищества, кроме безмерного эгоизма, неприемлемого в нашей стране, кроме невыносимой *гордыни*, неприемлемой в *коллективистском* обществе. Видеть это отторжение от Родины и озлобление даже жутко» (Записка Отдела культуры ЦК КПСС об итогах обсуждения на собраниях писателей вопроса «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя»).

Дело в том, что внести в семантику языковой единицы изначально отсутствующий в ней неассертивный компонент весьма затруднительно. В директивном порядке делать это не имеет смысла, поскольку вся «сила» неассертивных компонентов значения в том, что они не находятся в фокусе внимания и воспринимаются как нечто разумеющееся само собою. Просто начать употреблять слово с нужным «приращением» в расчете на то, что это употребление скоро станет привычным, можно только в случае малоупотребительных слов. Такую операцию проделали советские пропагандисты конца 1940-х гг. со словами *космополит*, *космополитический*, *космополитизм*. Ср. размышления об этом слове Адама Ройтмана — персонажа романа Александра Солженицына «В круге первом»:

Это не было ново. Это началось еще прошлой весной, началось сперва в театральной критике и выглядело как невинная расшифровка еврейских фамилий в скобках. Потом переползло в литературу. В одной газетке-сплетнице, газетенке-потаскухе, занятой чем угодно, кроме своего прямого дела — литературы, кто-то шепнул ядовитое словцо — *космополит*. И слово было найдено! Прекрасное гордое слово, объединявшее мир, слово, которым венчали гениев самой широкой души — Данте, Гёте, Байрона,— это слово в газетенке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить — *жид*. А потом поползло дальше, стыдливо стало прятаться в папках за закрытыми дверьми.

Отметим употребление этого слова в воспоминаниях Юрия Елагина «Укрощение искусств», впервые опубликованных в 1952 г. Будучи человеком старого воспитания, живущим вдали от советской жизни, Елагин сохранил представление о «старом», неидеологическом значении слова (и потому называет Вахтангова «великим космополитом»); но, рассказывая о советской кампании «борьбы с космополитизмом», он уже использует слово как цитацию, в советском значении:

<sup>3</sup> Впрочем, такое словоупотребление для советского дискурса не очень частотно; значительно более часто восприятие *гордыни* как 'противопоставления себя коллективу' встречается в текстах, написанных новообращенными христианами (или обращенных к ним) и включающих многие выражения из «советского языка».

В эти послереволюционные годы Вахтангов поставил всего четыре спектакля, но их оказалось достаточно, для того чтобы обессмертить его имя в истории мирового театра. Этими четырьмя спектаклями были: «Эрик XIV» в Первой студии Художественного театра, «Дибук» в «Габиме», «Чудо Святого Антония» Метерлинка и «Принцесса Турандот» Карло Гоцци в собственной его студии. Как видно из этого короткого перечня, Вахтангов был, подобно многим большим людям в искусстве XX века, великим *космополитом*;

Велик Тарасенков! С гранитных неприступных марксистско-ленинско-сталинских позиций громит он формалистов, *космополитов*, конструктивистов, натуралистов, разоблачает буржуазные вражеские влияния в советской поэзии. Ловко орудует Тарасенков партийной дубинкой — летят клочья от поэтов и прозаиков. ...советский поэт Константин Симонов — один из официальных проводников линии Политбюро в искусстве и в литературе — выступил в журнале «Новый мир» с большой погромной статьей, направленной против театральных критиков-*космополитов*.

В следующем месяце — апреле 1949 года — маститый Александр Яковлевич Таиров, основатель и бессменный в течение 35 лет руководитель Камерного театра, был снят с работы как «формалист» и «*космополит*».

Этот сдвиг значения нашел отражение в советских словарях. В «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова, составленном более чем за 10 лет до начала кампании «борьбы с космополитизмом», слова *космополит* и *космополитизм* толкуются вполне нейтрально: *космополит* — это «человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, собств. признающий весь мир своим отечеством», а *космополитизм* — «взгляды, убеждения космополита» [Ушаков 1935]. А в 9-м издании «Словаря русского языка» Ожегова, вышедшем в 1972 г. (т. е. более чем два десятилетия спустя после кампании «борьбы с космополитизмом»), в основе толкования слова *космополитизм* лежит советская идеологема: «Реакционное буржуазное идеологическое течение, к-рое под прикрытием лозунгов “мирового государства” и “мирового гражданства” отвергает право наций на самостоятельное существование и государственную независимость, национальные традиции и национальную культуру, патриотизм» (*космополит* толкуется как «последователь, сторонник космополитизма»).

Впрочем, если идеологема оказывалась неостребованной, слово оставалось малоупотребительным, а немногочисленные примеры его использования оставались ориентированы на неидеологическое понимание. Так, слово *культуртрегер* получило в словаре [Ушаков 1935] крайне идеологизированное толкование: «Империалист-колонизатор, порабащивший отсталые народы под прикрытием насаждения культуры». Однако в значении 'империалист-колонизатор' оно почти не понадобилось и использовалось в основном в неконформистском дискурсе скорее с положительными коннотациями (иногда с легкой иронией). Так Юлий Даниэль, описывая свою жизнь в лагере, называет *культуртрегером* себя, Венедикт Ерофеев в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, кто ему нра-

вится из современных прозаиков говорит: *В прозе мне нравятся наши культуртрегеры типа Михаила Гаспарова, Сергея Аверинцева.*

Однако, если слово является общеупотребительным, модифицировать его значение, как правило, не удастся. Так, в русском языке по крайней мере с XVIII в. существует глагол *донести* (на X-а) (реже — *донести* (об X-е)) ‘сообщить представителю власти о предосудительных с точки зрения власти действиях X-а’ и соотнесенное с ним существительное *донос*. По-видимому, первоначально указанные слова были оценочно нейтральными; ср. употребления, рассматривающие *доносы* как вещь вполне похвальную, часто представляющую собою исполнение долга и иногда требующие мужества:

Медицинские чины, от высшего до нижнего, имеют право каждый мне *доносить* на не берегущих солдатское здоровье разного звания начальников... (А. Суворов);  
...царь избрал 6000, и взял с них присягу служить ему верою и правдою, *доносить* на изменников... (Н. Карамзин);

Плутон со всеми их доказательствами видел, что *донос* на судей справедлив... (И. Крылов);

*Стыдно* тебе, старый пес, что ты, не зирая на мои строгие приказания, мне *не донес* о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? (А. Пушкин);

Но кто ж, усердем пламенея,  
Ревнуя к общему добру,  
*Донос* на мощного злодея  
Предубежденному Петру  
К ногам положит не робея?  
(А. Пушкин).

Однако уже в первой половине XIX в. указанные слова стали приобретать отрицательные коннотации, соответствующее действие стало рассматриваться как предосудительное. В связи с таким отношением *доносы* стали делаться преимущественно тайно, и рассматриваемые слова приобрели соответствующий компонент значения. Словарь В. И. Даля отчасти фиксирует этот сдвиг: в толкование отрицательная оценка еще не введена, но из большинства иллюстраций она выводится [Даль 1978]:

*Доносить, донести...* ...на кого, доводить, обнаруживать что, обвиняя. ...*Кто-то на меня облыжно донес. Кто станет доносить, тому головы не сносить.* ...*Донос*, довод на кого, не жалоба за себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого; извет. ...*Доносчик* м. -*чица* ж. доказчик, доводчик, подавший на кого донос, извет. *Доносчику первый кнут*, от товарищей, за донос, либо от начальства, за неисправность. *Доносчик — что перевозчик: надобен на час, а там, не знай нас!*

Всем известно, что в сталинском Советском Союзе доносы всячески поощрялись и вменялись в обязанность (а «недоносительство» каралось); однако использова-

ние по отношению к ним слов *донести* и *донос* было совершенно невозможно именно в силу устоявшихся отрицательных коннотаций этих слов. Поэтому соответствующие действия были переименованы, и вместо выражения *донести* (на контрреволюционеров) в «идеологически выдержанном» дискурсе положено было говорить *разоблачить контрреволюционеров* или *сигнализировать* (о контрреволюционных намерениях). Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

Так бдительность отдельных рабочих, которые болеют за советскую власть, которые горят желанием выкорчевать все корешки контрреволюции, уничтожить всех врагов народа, помогла нам раскрыть контрреволюционную организацию. У этих рядовых людей, *сигнализовавших* НКВД, многому должны поучиться иные наши руководители (Заковский Л. М. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры (1937)); Они выступают, *сигнализируют* о вредительстве, но не всегда эти сигналы подхватываются (Заковский Л. М. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры (1937)); В годы совместной учебы в школе Павел не допустил, чтобы Николая Страшкова приняли в пионерский отряд; несколько лет спустя, когда Страшков попытался вступить в комсомол, Павел *разоблачил* его и перед комсомольской организацией (Медведев Д. Н. «Сильные духом (Это было под Ровно)» (1948)).

Такое словоупотребление нашло отражение и в художественной литературе, посвященной этому периоду, и в мемуарах. Так, в «Раковом корпусе» Александра Солженицына лояльная Авиета (дочь Русанова) говорит:

Вот хочешь, я скажу тебе, как понимаю: тот, кто идет и *сигнализирует* — это передовой, сознательный человек! Он движим лучшими чувствами к своему обществу, и народ это ценит и понимает.

Ср. также:

Если общественность проглядела вредительство, то первым за это должен отвечать товарищ Тимофеев, бывший парторг. Тем более, что, как выяснилось, парторгу своевременно сигнализировали снизу: сигнализировала товарищ Иванова, давно раскусившая секретаршу своим пролетарским чутьем (Л. Чуковская); «...Но ведь ему доверял обком партии. Коммунисты выбрали его членом горкома». — «Вы должны были сигнализировать, что это неправильно. Для этого вам и дано высшее образование и ученое звание». — «А разве уже доказано, что он троцкист?» Последний наивный вопрос вызвал взрыв священного негодования. (Е. Гинзбург).

Что же касается глагола *донести* и существительного *донос*, следовало ограничить их сферу употребления таким образом, чтобы никому и в голову не могло прийти относить эти слова к советской действительности. Словарь [Ушаков 1935] демонстрирует механизм, посредством которого это делалось:



**ДОНОС**, доноса, м. (полит.). Орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения — сообщение царскому или другому реакционному правительству о тайно готовящихся революционных выступлениях, о деятельности революционных организаций или отдельных революционеров. *По доносу предателя царские жандармы разгромили подпольную большевистскую организацию. Фашисты, на основании доноса провокатора, бросили в тюрьму группу комсомольцев.*

Мы видим, что, во-первых, слово *донос* снабжено пометой «полит.», чтобы не возникало идеи использовать это слово в «бытовых» контекстах, когда речь идет не о «враждебном» мире, а об окружающей советской действительности; во-вторых, в толкование эксплицитно вводятся компоненты, указывающие на то, что доносом можно называть только сообщение *врагам* о революционной деятельности *своих*.

М. И. Шапир отметил, что в первом издании словаря под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1934] слово *донос* имело совсем другое толкование: «тайное сообщение кому-н., обладающему властью, о чьих-н. преступных действиях или замыслах», иллюстрируемое пушкинскими строками *Донос на гетмана злодея царю Петру от Кочубея* [Шапир 2006: 485]. Можно видеть в этом толковании попытку устранить в значении глагола отрицательную оценку (не случайно в толкование введен компонент ‘преступных’, причем не указывается, что это с точки зрения властей). Однако оказалось, что отрицательная окраска слова *донос* и глагола *донести* (на кого-либо) закрепилась в сознании носителей языка, так что проще не устранять эту оценку, а ограничить сферу употребления указанных единиц.

Однако из бытового дискурса эти слова устранить не удалось, и человек, тайно сообщающий властям о предосудительных с их точки зрения действиях, рисковал заслужить клеймо *доносчика*, или *стукача*. Сам язык задает оценку соответствующего действия как постыдного.

Показателен диалог между заключенным Рубиным и пытающимся его вербовать майором Мышиным в романе Александра Солженицына «В круге первом»:

Мышин поставил перед Рубиным вопрос именно так, как рекомендовалось на инструктивных совещаниях:

- если вы советский человек — то вы нам поможете;
- если вы нам не поможете — то вы не советский человек;
- если же вы не советский человек, то вы — антисоветчик и достойны нового срока.

Но Рубин спросил: «А чем надо будет писать доносы — чернилами или карандашом?» — «Да лучше чернилом», — посоветовал Мышин. — «Так вот я свою преданность советской власти уже кровью доказал, а чернилами доказывать — не нуждаюсь».

Вообще говоря, уже из вопроса Рубина *Чем надо будет писать доносы?* можно было догадаться, что завербовать его не удастся: использование слова *донос* с яркой отрицательной окраской не оставляет в этом сомнения.

Показательно, что в словаре Ожегова слову *донос* вновь дано нейтральное толкование: «Тайное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-н. предосудительной с их точки зрения деятельности, поступках», иллюстрируемое примером отчетливо выражающим неодобрение (*донос предателя*) [Ожегов 1972].

### «Десоветизация» в постсоветском дискурсе

«Десоветизация» языка после падения коммунизма шла в двух направлениях. С одной стороны, стали элиминироваться компоненты значения слов, целиком обусловленные влиянием марксистской идеологии. Так, в настоящее время едва ли кто-то (за исключением, может быть, «бескомпромиссных» сторонников коммунизма) использует по отношению к западному экономисту выражение *буржуазный экономист* или станет употреблять выражение *акулы капитала* в нейтральном контексте. С другой стороны, активное проникновение в речь семантических калек из западных языков (в первую очередь — английского) привело к размыванию русской языковой картины мира, к устранению из нее многих представлений, которые вовсе не были принадлежностью советской идеологии, а складывались в ходе развития русского языка.

Выше уже шла речь о новом значении слова *проблема*, которое навязывает представление, согласно которому нормой является беззаботное и беспрепятственное движение по жизни. Традиционно в русской культуре *выгода*, *удовольствие* и *успех* не рассматривались как основополагающие жизненные ценности. В настоящее время множество рекламных объявлений адресуется именно *успешным людям*. Целый ряд слов утратил сему отрицательной оценки, например: *коммерсант*, *бизнесмен*, *амбициозный*, *карьера*. Общим для всех этих изменений является одно: принятие установки на достижение *успеха*, вытесняющее внимание к нюансам отношений между людьми [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008]. Ср. такие сочетания, как *успешный карьерист*, указывающие на цель, которую человеку вполне естественно ставить перед собою. Ср.: *Книга, которую вы сейчас держите в руках — это пособие для успешных карьеристов*.

Изменения такого рода должны найти отражение в лексикографическом описании языка. Словарные статьи таких слов, как *успешный*, *эффективный*, *амбициозный*, *карьера*, в советских словарях не соответствуют их употреблению в современной речи. Скажем, в словаре Ожегова [1972] дважды приводится слово *карьерный*: как прилагательное от слова *карьер*<sup>1</sup> ‘самый быстрый конский бег, ускоренный галоп’ и *карьер*<sup>2</sup> ‘место открытой разработки неглубоко залегающих ископаемых (угля, песка и пр.)’; однако от слова *карьера* такое прилагательное не предусмотрено. Однако, если мы обратимся к современным текстам, мы увидим, что подавляющее большинство примеров с прилагательным *карьерный* — это как раз производные от слова *карьера* (напр., в сочетании *карьерный рост*).

Такие изменения происходят стихийно. Однако целенаправленное изменение значения слова по-прежнему остается невозможным. Приведем заключи-

тельный пример, касающийся уже рассмотренных нами слов *донести* (*на кого-либо*), *донос*, *доносчик*.

Газета «Известия» в номере от 6.02.2004 инициировала дискуссию о том, на самом ли деле всегда скверно сообщать начальству о чьих-либо предосудительных с его точки зрения действиях. Дискуссия открывалась статьей Евгения Бая, которая была озаглавлена несколько провокационно: «Спаси человечество могут только доносчики». В статье содержалась ссылка на мнение преподавателя высшей школы бизнеса Чикагского университета Луиджи Зингалеса, который пришел к выводу, что спасти род людской от корпоративных мошенничеств могут лишь доносители, работающие в компаниях. Он связывал отрицательное отношение к доносам с наследием советского времени, указывая, что на Западе сообщение начальству о чьих-либо предосудительных с его точки зрения действиях — вполне нормальный и граждански ответственный поступок:

Трагедия в Советском Союзе была не в том, что сотни тысяч людей доносили на своих соседей по квартире или коллег по работе. Беда была в том, что у вас существовало репрессивное государство, опиравшееся на ненормальные законы. И любой донос, положенный на эту почву, давал ядовитые всходы. Но в демократических странах такое невозможно. В Швеции, например, человек может заявить в налоговую службу об уклонении от уплаты налогов со стороны кого-то из его коллег по работе или соседей.

Действительно, в западной культуре не выработано столь однозначно отрицательного отношения к *доносам*, как у нас. Однако письма читателей, в которых обсуждалась эта статья, продемонстрировали, что мнение авторитетного западного специалиста оказалось бессильно против отраженной в языке моральной интуиции носителей русской культуры. Мало кто из читателей согласился с проф. Зингалесом.

В целом же изменения в русской языковой картине мира последних двух десятилетий показывают, что стихийные изменения в языке отражают меняющуюся систему ценностей в языковой картине мира (и не принимаются теми, кто не принимает этих изменений), тогда как целенаправленно изменить языковую концептуализацию мира удастся далеко не всегда.

## ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ДИНАМИКА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА \*

Заимствование слова (собственно лексическое заимствование или семантическая калька) — наиболее простой для языка способ заимствовать отсутствующий в нем концепт (см. [Крысин 1992; 2002]). Для современной языковой ситуации характерно большое количество заимствований, что не в последнюю очередь связано с динамикой языковой картины мира, в частности с существенным видоизменением ее целых фрагментов (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]). В настоящей статье рассматриваются несколько таких заимствований последнего времени, которые только еще входят в язык.

### *Великий вызов*

Скандално прославившаяся своей первой книжкой журналистка Елена Трегубова в своей новой книжке так написала о Ельцине: «Просто был тем, кто неожиданно почувствовал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И — как мог постарался соответствовать этому вызову». Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова *вызов* было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза *Он почувствовал этот великий вызов и постарался соответствовать этому вызову* звучит не вполне по-русски. Можно, однако, с большой степенью вероятности предположить, что освоение такого употребления — дело ближайшего будущего.

Это калька с английского *challenge* — одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке — во всяком случае до недавнего времени не было. Буквально оно означает «вызов», однако имеет гораздо более широкое значение. Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни.

---

\* Статья впервые опубликована в книге: «Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой». М., 2008.

Почувствовав *challenge*, человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важно это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: «Это для меня вызов!»

Однако то, что в русском языке нет слова *challenge*, в последнее время все больше ощущается как упущение. Оно все чаще и чаще оказывается нужным, когда люди говорят о своей или чьей-то еще жизненной позиции, отношении к профессии, карьере. И вот слово *вызов*, в котором раньше ничего такого экзистенциального не было, прямо на наших глазах расширяет свое значение. Так сказать, пытается соответствовать *вызову эпохи*.

Особенно замечательны две фразы в рекламе. В одном случае о новом пятновыводителе говорится: «И еще больший вызов — засохшая свекла». В другом рекламируется модель автомобиля: «Ваш ответ вызовам жизни!»

Этот пример очень показателен. Часто по поводу нового слова люди машут рукой: да это заимствование! Как будто это что-то объясняет. Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. Просто раньше оно было не нужно, а теперь понадобилось. Замечательно здесь и вот что. Люди очень быстро привыкают к таким вещам. Я много раз сталкивалась с тем, что мне не верят, когда я говорю, что раньше не было выражений типа *почувствовал великий вызов*. «Как это не было? Да всегда так говорили! А как же иначе это сказать?» Да в том-то и дело, что раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали. Как сказано у Цветаевой, «даже смысла такого нет!»

Правда, фраза про свеклу пока еще большинству людей кажется смешноватой. Но это не надолго.

### *We are the champions, my friend...*

Среди рекламных слоганов мобильных телефонов можно услышать и такой: *Мобильные телефоны для успешных людей*. Такое употребление слова *успешный* — явление совсем новое.

До последнего времени русское слово *успешный* могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры, успешная работа, успешный рост*) — но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень типичным.

Более того, пожалуй, успешный человек — это герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издают журналы: *Михненко П. А. «Как стать успешным: ... на опыте успешных людей»*; *Кановская М. Б. «Деловой этикет для успешных людей»*; «*Фаворит*» — журнал для успешных людей. Существует Интернет-рассылка «*Афоризмы успешных людей*» и сетевая «*Библиотека успешного человека*». Этот новый герой — адресат рекламы: *Автосалон для успешных лю-*

дей; *Леонбергер* — собака для успешных людей!; *Красивые зубы* — пропуск в мир успешных людей; *«Успешные люди»* — рекламно-продюсерская компания. Этот новый вид ведет стадную жизнь: *«Клуб успешного человека»*; *VIP-лига Infinit* — лига успешных людей! *Успешным может стать каждый* — сулят педагоги, психологи и психотренеры: *Образование для успешных людей*; *Новый тренинг «Успешный Человек» Николая Ивановича Козлова*; *Тренинг успешных людей*; *«Как вырастить из ребенка успешного человека»* — *На вопросы читателей отвечает педагог-психолог.*

Это стремительное изменение смысловых возможностей слова не случайно.

*Успешный*, конечно, калька с английского слова *successful*. Например, в фильме «Секс в большом городе» одна из героинь сетует, что мужчины предпочитают молодых девушек, а успешная пятидесятилетняя женщина никого не интересуется. В английском тексте, естественно, звучит *successful*. Представление об успешном человеке пришло к нам вместе с западным культом успеха, достижения. Прежде в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность. Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху, не добивались. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение как-то ассоциировалось с риском для собственной души. Раньше говорили: *состоявшийся человек*, а это ведь несколько другое, это слово не характеризует социальный аспект человека. *Состоявшийся* — значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно. Было еще слово *преуспевающий*, от того же корня, что и *успешный*. Оно всегда было связано с финансовым успехом и выражало некоторое сомнение к моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* — это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, которому удалось много невинных людей спасти от тюрьмы. Чрезвычайно характерно высказывание Олега Целкова в интервью о Бродском: «По-видимому, Бродскому претило то, что Евтушенко был весьма преуспевающим поэтом в СССР, публиковался гигантскими тиражами, был богат, разъезжал месяцами по всему белому свету, о чем и во сне не могло присниться обычному советскому человеку. Бродского Евтушенко раздражал».

Что касается самого Бродского, можно себе представить, что, защищая его от обвинений в тунеядстве, кто-нибудь назвал его *состоявшимся поэтом*. Но *преуспевающим поэтом* — невозможно.

Вспомним и Довлатова:

Двое писателей. Один преуспевающий, другой — не слишком. Который не слишком задает преуспевающему вопрос:

— Как вы могли продаться советской власти?

— А вы когда-нибудь продавались?

— Никогда, — был ответ.

Преуспевающий еще с минуту думал. Затем поинтересовался:

— А вас когда-нибудь покупали?

Чрезвычайно характерны строки из поэмы Наума Коржавина «Сплетения»<sup>1</sup>:

И, может быть, стал бы отменным,  
Исполненным сложных забот,  
Престижным саксесыфулмэном,  
Спецом по обрывкам пустот.

Строки дышат отвращением к этому чуждому «саксесыфулмэну». Дикая транслитерация (или транскрипция?) эту чуждость подчеркивает. Ну ясное дело, если *successful*, то непременно за счет даже не пустот, а *обрывков пустот*. Поэма написана в 1980 году, и к слову *саксесыфулмэн* в книжке сноски, поясняющая, что это *успешливый человек*. Пришлось автору, видимо, использовать редкое слово *успешливый*, поскольку сочетание *успешный человек* четверть века назад казалось вовсе немислимым. Оно и в начале XXI века было еще непривычно. Это довольно много обсуждали, особенно профессиональные переводчики, которые как раз мучились с этими самыми *саксесыфулмэнами*. Приведу пример с сайта Ассоциации лексикографов «Лингво» (там есть форум «Беседы переводчиков»):

4 февраля 2003 г. — Инна Ослон: Еще года два назад слово «успешный» в значении «преуспевающий» не то чтобы резало мне слух, а вызывало определенный дискомфорт. Теперь уже не вызывает (почти) — П. Палажченко: С «успешным» в этом значении мы, наверное, действительно «проехали»...

Итак, *успешный человек*. Пожалуй, лучше всего можно определить это понятие, используя другое модное современное выражение — *жизненный проект*. Так, одна из современных гимназий так рекламирует себя: *Гимназия видит свою основную миссию в утверждении новых ценностей школьного образования: главное — умение применить полученные знания, опыт совместной работы и личных достижений при построении собственного жизненного проекта.*

*Успешный человек* — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект*. Не обязательно он так уж разбогател, но он добился определенной позиции в обществе. Его *проект* социально признан.

Интересно, что точно такие же изменения, как со словом *успешный*, произошли и со словом *эффективный*. Раньше говорили: *эффективные меры, эффективное лечение*. Теперь же мы сплошь и рядом слышим: *эффективный человек*. Например, как сказали в одном телешоу: *Человек в любом возрасте может быть эффективным*. Есть даже такая книга — «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека». В аннотации сказано: *Это реальная психология для деловых и эффективных людей: для предпринимателей и психологов, руководителей и домохозяек, для всех тех, кто хочет стать — универсальным бизнесменом.*

Нельзя не заметить, что новое значение слова *успешный* — более или менее на ту же тему, что и новое значение слова *вызов*. Вообще здесь мы имеем дело не

<sup>1</sup> Я благодарю А. Д. Шмелева, сообщившего мне этот пример.

просто с изменениями семантики отдельных слов, а с обновлением целого фрагмента языковой картины мира. Ведь и слово неудачник за последние годы несколько изменило свой смысловой потенциал. Раньше оно могло произноситься чуть ли не с нежностью и подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. *Золотое клеймо неудачи*, как мы помним, разглядела Ахматова на челе молодого Бродского. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к английскому *loser*. А слово *карьерера*? Еще 20 лет назад в ходу была формулировка *карьерера в хорошем смысле*. Почему надо было оговариваться, что в хорошем? Да потому что вообще-то *карьерера* — это было что-то слегка постыдное.

### На рубль амбиции

Есть и еще одно интересное слово из этой же серии. В последнее время многим бросается в глаза, как изменились слова *амбиции* и *амбициозный*. Яркая примета нашего времени — словоупотребления типа: *кадровый центр «Амбиция»* (он занимается трудоустройством); *11-я ежегодная конференция «Управление в России: время амбициозных целей»*. А вот из объявления о вакансиях: *Нужен еще один амбициозный и целеустремленный сотрудник*.

До последнего времени слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и бесосновательными притязаниями. Так его толковали и словари: *амбиция* — «обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение». Вот типичный пример соответствующего словоупотребления: «Вам не мешало бы уразуметь, что наглый вид — примитивная форма вашего жалкого самоутверждения, пустая амбиция юнцов, уставших от собственной неполноценности» (Л. Зорин. *Трезвенник*). Замечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: *самомяние, апломб, гонор, чванство, спесь, самонадеянность, самоуверенность*. Список можно продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. Причем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово *самоуверенность* невозможно даже с уточнением *в хорошем смысле*. Нужно слово распороть и сложить в другом порядке — *уверенность в себе*. Иначе негативную оценку не изгнать. (О самооценке человека в русском языке см. [Санников 2006].)

Когда слово *амбиция* было заимствовано в русский язык, оно очень быстро приобрело этот оттенок. Правда, например, Достоевский часто использует слово *амбиция* просто в смысле «самолюбие», например:

Моя репутация, *амбиция* — все потеряно! Я погиб, и вы погибли, маточка, и вы, вместе со мной, безвозвратно погибли! Это я, я вас в погибель ввел! Меня гонят, маточка, презирают, на смех подымают, а хозяйка просто меня бранить стала;



кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила (Ф. М. Достоевский. «Бедные люди»).

Но гораздо более типично всегда было представление об амбициях непомерных и неправомерных, как в таком примере:

На грош амуниции, на рубль амбиции! Уходи, не проедайся! Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк (В. Гиляровский. «Москва и москвичи»).

А в советское время и тем более трудно было употребить слово *амбиция* вне отрицательного контекста. И вот все изменилось. Появилось поколение *успешных и амбициозных* молодых людей, которые отвечают на *вызовы* жизни — делают *карьеру*. И ничего в этом плохого язык уже почти не видит. Да, еще эти молодые делают карьеру *агрессивно*.

### Агрессивный макияж

В последние годы многие люди замечают, что и слово *агрессивный* на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Раньше, если о человеке говорили *агрессивный*, это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* — с неодобрением. А если хотели одобрить, говорили — *наступательная тактика*. И вот все чаще мы слышим и читаем: «Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, агрессивно нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы» — это в объявлении о вакансиях. «CNN — молодое и *агрессивное* информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж». Или: «Современная леди прогрессивна и *агрессивна*: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы ее называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе».

И особенно распространилось выражение *агрессивный макияж*. Вот несколько примеров, извлеченных из Интернета:

Вместе с воспоминанием о тех годах (80-х) к нам возвращается более *агрессивный макияж*: яркие глаза с черной подводкой, много перламутра, «красавые» губы и безумные объемы в прическах...;

*Агрессивный макияж* для неформальной вечеринки;

Удивительный и яркий, консервативный, стильно-утонченный, подчеркивающий, *агрессивный макияж* поможет создать визажист. Он подчеркнет образ, сгладит природные недостатки и подаст образ в максимально выгодном свете;

Но, признаться, женский пол и сам не прочь воспользоваться запрещенными приемчиками — лишняя расстегнутая пуговица на блузке, мини-юбка много выше коленок и *агрессивный макияж* могут сослужить неплохую службу начинающей карьеристке;

4 процента (женщин) предпочитают *агрессивный макияж*. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти. А еще он помогает обрести уверен-

ность в себе и выделиться из толпы. Если ваш макияж не просто агрессивный, но и правильно подобранный, кратковременный успех вам обеспечен.

О сумочках, совсем маленьких, размером с кошелек, в женском модном журнале говорится: *В таком случае в сочетании с агрессивным макияжем создается эффект уверенной в себе, но в то же время нуждающейся в защите женщины.* А одна счастливая новобрачная делится в «Живом журнале»: *Я, жених и все гости остались просто в восторге. При чем у меня было достаточно необычное платье, к которому мы выбрали яркий агрессивный макияж с накладными ресницами и красными стразами над бровями. Получилось просто потрясающе.* Да, жених, наверно, был сильный духом.

Думая о подобных новых словоупотреблениях, люди часто считают само собой разумеющимся, что они заимствованы из английского языка. Мол, вместе со словом перенимаем новые ценности мира наживы и чистогана. Между тем, это далеко не всегда так. Конечно, слово *aggressive* действительно и в английском все чаще употребляется одобрительно, но, например, термина *агрессивный макияж* по-английски нет, его назовут *тяжелым (heavy make-up)*. Да и вообще, употребляя слово *агрессивный* с положительной оценкой, мы зачастую не столько заимствуем конкретные иноязычные словоупотребления, сколько воплощаем свое представление о том, как это должно быть там у них, на западе.

### Комфорт — наше все!

Я говорила сейчас о нескольких словах, изменения в значениях которых очевидным образом взаимосвязаны и обусловлены тем, что в современном российском обществе все более укореняется представление о том, что хорошо, когда человек стремится к успеху и целенаправленно добивается желаемого. Это, однако, не единственный новый смысл, который можно обнаружить в современном русском языке. Приведу один пример — новое слово *комфортный*.

Реклама одной из марок спортивных курток гласит: *Экстремально комфортно!* В этом словосочетании интересны оба слова. Слово *экстремальный*, в отличие от своего английского прототипа, не просто указывает на высшую степень какого-либо качества, но всегда связано с трудностями и опасностями, а во все не с комфортом. Но это, понятное дело, игра, здесь содержится намек на то, что эти куртки подходят для разных *экстремальных* авантюр.

А вот слово *комфортный* само по себе замечательно. Оно появилось в русском языке недавно, и появление его не случайно. *Комфортный* — это такой, который благоприятно отражается на самочувствии, доставляет приятное ощущение. Это может быть физическое ощущение: например, *комфортная температура* — это когда не холодно, но и не слишком жарко. А может иметься в виду психологическое состояние: человеку *некомфортно*, то есть он не в своей тарелке. При этом *комфортность* как раз исключает всякое представление об экстремальности. Если человек испытывает острое наслаждение или бурный восторг,

то в этой ситуации никак не скажешь, что ему *комфортно*. Не характеризует это слово и глубокие душевные отношения между людьми. Если говорят: *Мне рядом с этим человеком комфортно*, то это, скорее всего, не про любовь.

Собственно говоря, в русском языке и до появления в нем слова *комфортный* было несколько слов на эту тему. Было, да и есть, слово *удобный*. Но *удобный* — это не столько доставляющий приятные ощущения, сколько не доставляющий ощущений неприятных. Например, *удобные очки* — это очки, которые не мешают. И потом, *удобный* — очень широкое слово. *Удобно* то, что не противоречит планам человека. *Какое время вам удобно? Это самый удобный рейс*. Не говоря уже о том, что русское слово *удобный* употребляется применительно к поведению человека: *А удобно звонить ему так поздно? Мне неудобно, что Вам пришлось ждать*.

Есть в русском языке и замечательное слово *уютный*. Но его значение чрезвычайно специфично. *Уют* связывается с закрытостью, небольшим размером, теплом, покоем. Если человек стоит на морском берегу, его обдувает легкий ветерок, ему может быть славно и *комфортно*, но никак не *уютно*.

Есть еще слово *комфортабельный*, которое появилось в русском языке гораздо раньше, чем *комфортный*. Но значение этого слова гораздо уже. *Комфортабельным* может быть только что-то, созданное человеком и для человека, в то время как *комфортной* может быть и температура морской воды. *Комфортабельными* бывают кресла, автомобили, квартиры, дома — то, в чем человек может находиться. Заметим, что, как слово *экстремальный* отличается от английского *extremely*, так и слово *комфортабельный* мало похоже на английское *comfortable*. Последнее имеет гораздо более широкое значение.

Итак, всех этих слов оказалось недостаточно. Поэтому в русском языке и появилось, и прижилось слово *комфортный*, описывающее одну из главных ценностей эпохи потребления: в ходе жизни, занимаясь своими делами, человек должен попутно постоянно получать удовольствие — не слишком заметное, не отвлекающее его от дел.

Итак, мы убедились, что, когда новое слово или новое значение приживается в языке, это обычно означает, что в языковой картине мира образовалась некая лакуна, которую новое слово и значение заполнило. Но как, какими путями приходит в язык новое слово, почему оно побеждает в конкурентной борьбе, какими новыми смыслами обрастает, — это каждый раз отдельная история. Вот одна такая история.

### Пиар и общественность

Когда говорят о современном «новоязе», почти всегда в первую очередь вспоминают слово *пиар*. Оно распространилось в русском языке с рекордной скоростью и дало выразительные, но малосимпатичные производные — *пиарщик*, *пропиарить*, *отпиарить* и т. д. Всегда отмечается, что большая часть лю-

дей, употребляющих это слово, не понимают его внутренней формы и неточно знают его значение. И что на русской почве слово *пиар* стало ассоциироваться с чем-то негативным. Стандартное определение *пиара* — *черный*. А *пиарщика* люди обычно представляют себе как циничного пройдоху, готового впарить, втюхать, всучить кому угодно и что угодно. Говорят: *Да ну, это просто пиар* или *Честное слово, это не пиар, это правда*.

Источник русского слова *пиар* — это английское *PR*, то есть *Public Relations*. Это словосочетание традиционно переводилось как «связи с общественностью». А классическое определение «пиара» звучит так: планируемые продолжительные усилия, направленные на поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и обществом. Конечно, в том, что стоит за русским словом *пиар*, нет ни идеи продолжительных усилий, ни идеи доброжелательных отношений. Дикий российский капитализм подкорректировал концепцию.

Но будем справедливы: триумфальное шествие слова *пиар* имеет и внутриязыковые причины. Я не знаю, кто первый перевел *Public Relations* как «связи с общественностью», но перевод этот возник давно, еще в глубоко советское время, и закрепился. Между тем, перевод очень неудачный. Хуже мог бы быть только вариант «общественные отношения», но тут уж всякому было ясно, что он не годится: термин был занят. И вот появилось это дурацкое «связи с общественностью». Ну, пока мы слышали это сочетание только в западных фильмах, нам не так уж важно было, чем занимается менеджер по связям с общественностью и с какой общественностью он, собственно, связывается. Но в новую эпоху эти самые менеджеры появились и у нас. Тут-то и оказалось, что сочетание *связь с общественностью* вызывает совершенно ложные ассоциации. Кто, собственно, такая это самая общественность? Ну, *общественность... общественная работа... активный общественник, политически грамотен, морально устойчив...* Да нет, связь с общественностью вообще не при чем. Между прочим, если заглянуть в Интернет, можно заметить, что слово *общественность* в современном языке употребляется очень мало, и львиная доля вхождений приходится как раз на термин *связи с общественностью*.

Мне, кстати, вспоминается, как либеральный экономист Герман Греф делал доклад, в котором он упомянул Руссо (в связи с тем, что был юбилей Руссо). При этом прозвучало сочетание *социальный контракт*. Я не сразу сообразила, что речь идет о всем известном со школьной скамьи *общественном договоре*. Я думаю, что за таким переводом стоит определенный смысл. *Договор* и *контракт* — конечно, почти одно и то же. Почти... но не совсем. Точно так же как *общественный* и *социальный*. *Общественный договор* — звучит похоже на *общественную работу*. И еще некстати вспоминается окрик: «Общественное выше личного!» А *социальный* навеивает утешительные мысли о социальных гарантиях и о бывшем вице-премьере Матвиенко.

Безусловно, несколько более правильный перевод для *Public Relations* был бы «связь с обществом». Но и слово *общество* в языке советской эпохи приобре-

ло слишком уж суровый оттенок. Ну там, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» и все такое. Но *Public Relations* невозможно перевести и как «связи с публикой». Ведь слово *публика* имеет слишком узкое значение, а *Public Relations* — это не про театр и не про цирк. Вот так и получилось, что есть официальный термин — *связи с общественностью*, но он неудачен и неуклюж. Вполне естественно поэтому, что находится разговорное слово, которое и вбирает в себя все смыслы, связанные с этим явлением в современной ситуации. Сейчас со страниц газет и с экранов телевизоров нам все время объясняют, что на самом деле *пиар* — это вовсе не то, что мы думаем. Что настоящий *пиар* — это когда ты любишь клиентов своей фирмы, как родных, и искренне мечтаешь им угодить, а вовсе не думаешь о том, как бы их половчее объегорить. Удастся ли слову *пиар* со временем очиститься от негативных ассоциаций? Или за этим словом закрепится значение «черный пиар», а для «белого» и пушистого *пиара* начнет использоваться другое название? Это сказать трудно.

Хочу вернуться к тому, что язык очень трудно засорить «лишними» словами. Язык все равно не примет слово, которое выражает ненужный ему смысл. Либо оно не приживется, либо будет переосмыслено. Интересный пример такого рода — это судьба слова *лояльный*.

### Лояльность к недостаткам

В одном из номеров мурманской газеты «Любимый город» написано: «Мудрость ведь предполагает жизненный опыт, философский взгляд на вещи и лояльное отношение к человеческим слабостям и недостаткам». Такое употребление слова *лояльный* очень типично для современного русского языка. Например, говорят: *Я отнесся к нему лояльно* — в смысле не стал бить морду. Попросту говоря, *лояльный* стало употребляться в значении *терпимый*, или, что то же самое, *толерантный*.

Между тем, *лояльный* по происхождению — то же слово, что *легальный*, только во французском варианте. Они восходят к латинскому *lex* — закон. И в своем первом значении *лояльный* — значит законопослушный, например, *лояльные граждане*. Во втором значении слово *лояльный* указывает на то, что человек не позволяет себе действий и высказываний, противоречащих интересам работодателя, начальника и т. д. Говорят *Он лоялен к президенту*; *От служащих фирмы требуется лояльность*; *Он всегда ведет себя лояльно по отношению к бывшей жене*. Примерно в таких же значениях это слово присутствует и в других европейских языках. Однако в русском слове постепенно происходят смысловые сдвиги. Чем дальше, тем больше отходит на задний план идея действия в чьих-то интересах и усиливается идея готовности мириться с недостатками.

Вообще слова, которые принадлежат к так называемой интернациональной лексике, очень интересны. Многие из них в разных языках имеют не вполне совпадающие значения. Именно таково слово *лояльный*. Например, недавно по теле-

визору показывали американский фильм. Там героиня, родители которой погибли на «Титанике», в какой-то момент приходит в редакцию газеты, хозяином которой был ее недавно погибший отец, и благодарит сотрудников за... в русском переводе сказано за *верность*, но в английском тексте прозвучало, буквально, за *лояльность (loyalty)*. Конечно, русское слово *лояльность* было бы в этой ситуации неуместно и даже несколько оскорбительно: получилось бы, что героиня благодарит сотрудников отца за то, что после его смерти они не кинулись немедленно давать скандальные интервью о его частной жизни, не начали продавать производственные секреты и т. д.

Можно привести забавный пример. В некоторых крупных российских магазинах выдаются дисконтные карты. На одной стороне по-английски написано: *Loyal customer*, а на другой по-русски: *Постоянный покупатель*. Естественно, невозможно было бы написать: *лояльный покупатель*<sup>2</sup>. Это значило бы, что дисконтную карточку выдают покупателю, который не ворует товары с полок. Зато, с другой стороны, появилось смешное выражение *лояльные цены*.

В русском языке слово *лояльный* не сразу приобрело эти специфические оттенки смысла. Раньше оно могло употребляться совершенно иначе. Приведу такой пример. Отец Марины Ивановны Цветаевой был женат на ее матери вторым браком. Его дочь от первого брака, Валерия Ивановна, писала о своей мачехе: *Была она человек лояльный, прямой, но характера резкого, несдержанного и к другим нетерпимого*. Сейчас нам даже трудно понять, что здесь имеется в виду: для современного языка сочетание *лояльный, но нетерпимый* звучит более чем странно.

Думаю, что дело здесь вот в чем. Русский язык очень эмоционален (см. [Вежбицкая 1996: 33—38]). Описывая поступки человека, он обращает внимание прежде всего на то, каковы были его намерения. Если мы говорим о человеке, который последовательно соблюдает чьи-то интересы, то склонны будем употребить такие слова, как *преданность, верность, самоотверженность*. Слово *лояльность* в его европейском смысле плохо приживается на русской почве, ведь оно описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Поэтому если уж мы говорим, что кто-то ведет себя *лояльно*, то склонны будем заподозрить этого человека либо в неискренности, либо в равнодушии и рабской покорности.

Сейчас на значение многих слов большое и часто разрушительное влияние оказывает реклама, особенно телереклама. Массированная атака рекламных словоупотреблений приводит к тому, что они очень быстро становятся привычными. В частности, часто встречается явление повторного заимствования. Дело в том, что многие слова, которые были заимствованы в русский язык достаточно давно, обжились в нем, встроились в русскую языковую картину мира, сейчас заимствуются повторно, но без учета всех этих тонкостей. Просто человек при переводе

---

<sup>2</sup> На самом деле, хотя и невозможно, но пишут. У оператора сотовой связи «Мегафон» есть «бонусная программа для лояльных клиентов».

иностранного слова хватает его русский вариант, не обращая внимания на то, что в русском языке у него уже давно свое особое значение. Приведу два примера.

### Деликатный вопрос

Знаете, какого удивительного цвета лак для ногтей я обнаружила в одном каталоге? *Деликатно-розового!* Нет, вообще-то можно себе представить цвет *нагло розовый, бесцеремонно розовый, шокирующе розовый*. А этот ничего, такой *деликатно-розовый*.

Ну, на самом-то деле это, разумеется, вовсе не имелось в виду. Лак, скорее всего, банального *нежно-розового* цвета. Просто, как это часто случается в современных рекламных текстах, недоперевели с иностранного.

Действительно, с появлением на нашем телевидении рекламы иностранных стиральных машин мы только и слышим про *деликатную стирку*. Сначала было ужасно смешно, а сейчас почти уже и не режет ухо. Даже не сразу и вспомнишь, что еще недавно это называлось по-русски *бережная стирка*.

Слово *деликатный* восходит к французскому *délicat*, означающему, среди прочего, 'нежный, хрупкий, утонченный, привередливый' — ср.: *un parfum délicat* 'нежный запах', *une santé délicate* 'слабое здоровье', *un mets délicat* 'изысканное блюдо', *un esprit délicat* 'тонкий ум', *une oreille délicate* 'чуткое ухо', *une jeune fille délicate* 'хрупкая девушка'. Ср. также: *Il est délicat sur le nourriture* 'Он привередлив в еде'; *Cesse de faire le délicat* 'Не привередничай'. Но в русском языке его значение сузилось: оно стало относиться к сфере отношений между людьми. Слово *деликатный* в современном русском литературном языке имеет два значения. Во-первых *деликатным* называют человека, который щадит чувства других людей, старается не обидеть их своим поведением или словами. Во-вторых, по-русски говорят, например, *деликатный вопрос*, имея в виду, что этот вопрос надо обсуждать с осторожностью, чтобы опять-таки не обидеть другого человека. В XIX веке, когда слово *деликатный* еще не вполне обжилося в русском языке, оно употреблялось и в других контекстах. *Деликатными* могли называться кушанья с изысканным вкусом, хрупкое телосложение и т. д. Однако такие употребления устарели. Дело в том, что, когда русский язык воспринял слово *деликатный*, в нем уже было много слов с аналогичными значениями. И, как это часто бывает в языке, новое слово развило свое, специфическое значение, превратившись в результате в весьма характерное и специфичное русское слово. Значение его стало гораздо более узким по сравнению с английским *delicate* или, скажем, итальянским *delicato*, которые применимы не только к человеческим отношениям, но и к кушаньям, и к самым разным предметам материального мира. Дело в том, что русский язык вообще очень внимателен к нюансам человеческих отношений, особенно ко всему, что может обидеть другого человека (см. [Зализняк 2000б]). Поэтому абсолютно не случайно, что новое слово закрепилось именно в этом значении. Обратим, кстати, внимание, что параллельно, скажем, слово *щепетильный*, которое

раньше употреблялось в сочетаниях типа *щепетильная лавка*, *щепетильная торговка* (помните у Пушкина — *все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный*), тоже изменило свое значение таким образом, что теперь и оно связано с ситуациями, в которых можно случайно обидеть другого человека. В том же направлении шло и смысловое развитие слова *щекотливый*. Аналогичные употребления возникли в русском языке и у слова *галантерейный*.

Возвращаясь к слову *деликатный*, замечу, что оно демонстрирует нам, сколь полезным может быть заимствование нового слова, даже если в языке уже есть слова с аналогичными значениями. Происходит семантическое развитие, специализация отдельных слов, и в результате язык обогащается. И как же обидно бывает, когда потом слово заимствуется вторично, но так грубо и бездумно, что все это сводится на нет. Все эти *деликатные стирки* и *деликатно-розовые лаки* уничтожают ту тонкую, с позволения сказать, *деликатную*, работу, которую язык проделывал десятилетиями. Просто потому, что человеку, который переводит рекламный текст, лень две секунды подумать над переводом и написать *бережная стирка*, *нежно-розовый лак*, оставив слово *деликатный* для более *деликатных* материй.

### Шок и радость

Недавно я прочитала сообщение, которое было озаглавлено так: «Подарок президента шокировал работников детской школы искусств». Я была заинтригована: что же такое шокирующее мог подарить президент школе искусств? Стала читать дальше: «О новом рояле здесь мечтали 32 года. Преподаватели уже и не надеялись получить новый инструмент. Тем более от Владимира Путина». В чем же здесь подвох? Чем мог смутить рояль преподавателей музыки? Читаем дальше: «Работники школы называют этот подарок бесценным. Хотя цена у него все же есть — 310 тысяч рублей. Рояль отвечает всем современным требованиям. Поразил преподавателей отличный акустический звук» (кстати, а звук бывает не акустическим?).

Понятно, с роялем все в порядке, не в порядке что-то у журналиста со словом *шокировать*. Словари так толкуют это слово: «вызывать чувство неловкости, приводить кого-л. в смущение своим поведением, нарушением правил приличия, общепринятых норм поведения: *шокировать гостей своими речами*, *шокировать окружающих своим поведением*. *Вас не шокирует мой наряд?*».

Между тем в современном языке распространилось гораздо более широкое употребление слова *шокировать*. Очень часто оно значит просто «потрясти, произвестить сильное впечатление».

Возможно, вы слышали рекламу новой туши для ресниц: «*Шокирующий* объем ваших ресниц!» Конечно, соблазнительно понять это в том смысле, что вам предлагается явиться утром на службу с таким макияжем, что сослуживцы будут в ужасе шархаться. Но очевидно, что имелся в виду потрясающий объем ресниц. Вот еще несколько примеров:



*Шокирующая* атака на Интернет: российские хакеры используют сразу две неизвестные бреши;  
 Национальный банк Украины (НБУ) в среду *шокировал* операторов межбанковского рынка, неожиданно выкупив появившийся избыток предложения долларов по курсу ниже рыночного;  
 Засуха в Испании *шокировала* туристов;  
 Транспортные новости: Новые штрафы *шокируют* нарушителей;  
*Шокирующая* идея: Интернет по электрическим проводам.

Такое расширение значения связано в первую очередь с повторным заимствованием иностранного слова и характерно особенно для переводных текстов: «Падение доверия потребителей *шокировало* рынок, — сказал Хью Джонсон (Hugh Johnson), директор по инвестициям банка First Albany, — и оказало немедленное негативное влияние на биржевые показатели». Сейчас слово *шокировать* часто употребляют по отношению к трагическим событиям, что звучит странно — как будто автор видит в смерти и страданиях что-то неприличное: *Королева Великобритании Елизавета II глубоко шокирована ужасными событиями и выражает сочувствие пострадавшим; Посольство США шокировано убийством Пола Хлебникова*. Ну допустим, это неудачные переводы. Но сколько раз в российских СМИ прозвучала фраза о том, как людей шокировали события в Беслане! На мой слух, это звучит почти оскорбительно по отношению к жертвам теракта.

С другой стороны, слово *шокировать* теперь часто используют при описании положительных эмоций и впечатлений, как в примере с роялем: *Выставка ЕХРО 2005 шокирует высокими технологиями; В рамках фестиваля «МОТОР ПАРК 2005» был представлен шокирующий шедевр автотюнинга — реинкарнация легендарной «Победы»*. Особенно мне понравился такой заголовок: *Прямостоящий панда шокирует посетителей японского зоопарка*. Страшно подумать... Но оказалось, что животное не делает ничего непристойного, просто по 10 секунд стоит на задних лапах, что очень нравится посетителям. А уж выражение *я в шоке* и просто стало в разговорном языке способом выразить любые эмоции: *Какие фотографии!!! Свадебные — я в шоке, слов нет, одни выражения восторга* (это из ЖЖ); *Мария Шарапова: Я в шоке от победы в Лос-Анджелесе* (а это уже из газет).

Действительно, первое значение английского слова *shock* — это просто ‘удар’, поэтому понятно, что оно может образно использоваться по отношению к самым разным сильным воздействиям. Но ведь на русской почве слово *шокировать* развило свое особое, более узкое значение, связанное в чувством приличия, с эстетической оценкой действительности.

Дело в том, что, как недавно заметили лингвисты (см. [Зализняк 2002]), русскому языку вообще свойственна чрезвычайная щепетильность: существует огромное количество русских слов на эту тему, начиная с замечательного слова *неудобно* (*мне неудобно вас беспокоить, после 11 звонить неудобно*), которое на многие языки перевести практически невозможно. А есть еще *неловко, совестно*,

зазорно и многое другое, вплоть до устаревшего *невместно* и сленгового *западло*. Семантическое развитие русского слова *шокировать* шло именно в этом направлении. А для выражения более широкого значения было другое слово — *потрясти*.

Но вот сейчас происходит вторичное заимствование того же слова, и вся многолетняя работа русского языка по оттачиванию смысловых нюансов идет насмарку.

## ЯЗЫК ПОТРЕБЛЕНИЯ

### (О некоторых новых явлениях в русском языке)\*

Для современной языковой ситуации характерно большое количество новых слов, многие из которых стремительно распространяются. Это не в последнюю очередь связано с динамикой языковой картины мира, в частности с существенным видоизменением целых ее фрагментов (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]). В основном эти новые слова — кальки и заимствования. На первый взгляд кажется, что происходит «засорение» языка, что заимствуются совершенно ненужные единицы, что возникают смешные и уродливые новации. Однако более внимательное изучение новых явлений показывает, что те из них, которые легко приживаются, заполняют смысловые лакуны, возникшие в русском языке в последнее время — время перемен. Можно, кроме того, заметить, что новые слова возникают не хаотично, а во многом в соответствии с определенными тенденциями разработки новых смыслов<sup>1</sup>. Ср. об этом в статье [Левонтина 2008]. Пожалуй, в русском языке последнего времени можно выделить три основных направления концептуальных изменений. Во-первых, это изменение ценностного статуса успеха и достижения (ср. в частности, новое сочетание *успешный человек*); во-вторых, изменение представлений о самооценке (ср. употребление слова *амбициозный* в положительном контексте), и в-третьих, это целый ряд изменений, связанных с распространением ценностей общества потребления. В настоящей работе речь идет преимущественно о некоторых изменениях этой последней группы.

#### Отдайся шоппину!

#### О глобализации, обществе потребления и Стендале

Сейчас многие возмущаются новым русским словом *шопинг*<sup>2</sup>: опять схватили совершенно не нужное, есть ведь *поход по магазинам* или *за покупками*. Однако в действительности *поход по магазинам* и *шопинг* — совершенно не одно и то же.

---

\* Впервые опубликовано: [Левонтина 2007б].

<sup>1</sup> Прим. к настоящему изданию: на эту тему см. также [Березович, в печати].

<sup>2</sup> Сейчас распространено также написание этого слова с двумя «п», но словари его пока, в основном, не признают.

В рекламном журнале авиакомпании Alitalia мне попала статья<sup>3</sup>, которая начиналась словами: «*Andare a comprare*» и «*fare shopping*»... то есть «идти за покупками» и «делать шопинг» — и далее привожу сразу в русском переводе: «на первый взгляд эти выражения значат одно и то же, и тем не менее, не существует двух более непохожих занятий». Текст производил поразительное впечатление: казалось, что это перевод на итальянский русского текста, описывающего выражения русского языка. Вот вкратце, что там было написано. *Идти за покупками* — значит идти с целью купить нечто, в чем мы нуждаемся, туда, где мы рассчитываем купить это нечто по доступной или разумной цене. Перед началом сезона, рассказывает автор, мать проводила ревизию детской одежды и обуви, отец подсчитывал финансы, а потом составлялся список, кому из детей нужно купить новые ботинки, а кому позарез нужна куртка, а ботинки пока сойдут и старые. Потом следовал поход в магазин, где дети терпеливо примеряли указанные матерью вещи и, с трудом дождавшись окончания экзекуции, спешили вернуться к играм и другим важным делам. Никому не приходило в голову рассматривать мероприятие как удовольствие. Разумеется, все это не было *шопингом*. Иное дело, когда мы бродим по магазинам, как по музею, и покупаем вещи, которые заранее не планировали покупать, а то и такие, о существовании которых не имели ни малейшего представления, пока не увидели их в магазине. *Шопинг* — это времяпрепровождение, праздник, игра, способ снятия стресса, способ познания мира, своего рода спорт (последнее касается особенно *шопинга* в период распродаж). *Шопинг* — это терапия и это мания. Наконец, автор выразительно описывает современные храмы *шопинга* — *моллы* начала третьего тысячелетия, которые являют собою целые города, с площадями и фонтанами, но — и тут обнаруживается, что глобализация все-таки пожрала еще не все — но в этих мнимых городах человек не рискует испытать *стендалевский синдром*. Синдром Стендаля — это то, о чем всегда пишут в итальянских путеводителях. Стендаль якобы потерял сознание от красоты церкви Санта-Кроче во Флоренции. Идея болезненности чрезмерно острого эстетического переживания — это то, что вряд ли пришло бы в голову упомянуть русскому автору, взявшемуся писать о *шопинге*. Страх быть травмированным избытком красоты не входит в принятую в русской культуре номенклатуру человеческих фобий. Да оно и понятно — у нас ведь не Италия.

В остальном же все нам близко. И про подростков, которые тусуются в торговых центрах, хотя у них и денег-то почти нет. Просто это среда, в которой жизнь современного подростка обретает смысл и ценностные ориентиры.

Английское слово *shopping* попало не только в итальянский и русский, но и во многие другие языки, причем мне кажется, что в языках-реципиентах оно обрело даже больший концептуальный накал, чем в английском. Как получается, что в разных языках с этим словом связывается практически одинаковый круг

---

<sup>3</sup> Мне ее указал А. Д. Шмелев.

идей? Ведь его и словари-то пока плохо фиксируют. Видимо, это те идеи, которые в современном обществе потребления кодируются и транслируются самыми разными способами. Ничего удивительно, что человек их вольно или невольно считывает и ассоциирует с глуповатым словом *шопинг*.

### Доказательство любви. О дисконтных картах

Как только в нашу жизнь пришла конкуренция, вместе с ней появилось и все, что служит привлечению клиентов вообще и постоянных клиентов в особенности, в частности дисконтные карты. Необходимо было как-то обозначить эти карточки и этих клиентов. Можно, конечно, клиентов никак не называть, а карты именовать просто, *карта такого-то магазина, серебряная, золотая, платиновая карта, клубная карта*. Бывает еще *VIP-карта* — причем *VIP* — это уже характеристика клиента. Есть и другие варианты. По-английски бывает чаще всего *loyal, valued* или *preferred customer*. Слово *loyal* создает определенные трудности — как написать *верный, преданный покупатель*? Немного чересчур патетически. Таких карточек я не встречала, хотя они, возможно, существуют. Вообще же вместо *loyal customer* стали писать просто *постоянный покупатель*, хоть это и несколько невыразительно. Например, на дисконтной карте магазинов «Stockmap» так и значится: *loyal customer* — и выше по-русски: *постоянный покупатель*. С формулировками *valued* («ценный, высоко ценимый») и *preferred* («предпочитаемый, привилегированный») *customer* тоже все непросто. Довольно много *привилегированных клиентов*, но все же как-то это слово ассоциируется со спецраспределителями, спецпайками и чем-то незаконным (что соответствует и его происхождению). Кому-то это приятно, но не всем и не всегда. А в сочетании *ценный клиент* и вовсе есть что-то охотничье.

Но в последнее время прослеживается новая тенденция. Дело в том, что русскому языку, как известно, присуща эмоциональность (см. [Вежицкая 1996: 33—38]). Поэтому российскому покупателю приятнее всего не экономия, не привилегии, а хоть намек на персональное сердечное отношение и всплеск чувств. Эта простая мысль все чаще реализуется в рекламных кампаниях: *Мега — шопинг от всего сердца, Спортмастер — эмоции в подарок* и т. д. С карточками реализуется та же тенденция. Теперь покупатель уже оказывается не просто *постоянным*, не *лояльным*, что бы это ни значило, а просто — *любимым*: *Карта Любимого покупателя Обувного центра «Zenden»*; *Торговая сеть «Пятерочка»: Дисконтные карты «Любимый покупатель»*. К подобным картам существуют, например, такие пояснения:

Стать Любимым Гостем? Легко! Вы можете стать Любимым Гостем уже при первом посещении заведений компании «Малахит». Для этого Вам достаточно обратиться к менеджеру и получить анкету на получение карты участника Программы «Любимый Гость». Обратите внимание: карта получается бесплатно!;

«Карта Любимого клиента» Дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети General Satellite в размере 3%. (...) «VIP-карта» дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети General Satellite в размере 5% (...) «Карта Любимого клиента» обменивается на «VIP-карту» при совершении повторной покупки на сумму более 50 у. е. (за вычетом 3% скидки). «Карта Любимого Клиента» при этом у покупателя изымается.

Интересно, что в этой иерархии *особо важная персона* выше *любимого*.

Разумеется, всем понятно, что на самом деле карты типа «Любимый клиент» имеют мало отношения к любви. Тем не менее, подобная номинация показательна.

### Дешевая распродажа.

#### О ценах и ценностях

Когда пришли новые времена, русский язык, как, впрочем, до него и другие языки, столкнулся с проблемой. Любой продавец понимает, что в норме человек стремится отдать за вещь не больше денег, а меньше. Однако не все равно, как эту идею выразить. Очевидно, что приятнее купить вещь по относительно низкой цене, если над ней написано не *уцененные товары*, а *специальное предложение*. Русское слово *дешевый* сомнительно с точки зрения привлечения покупателей. Мало денег отдать, конечно, приятно, но *дешевизна* как-то связана с убожеством, низким качеством, ширпотребом и т. п. Существуют и презрительные производные *дешевка*, *дешевенький*.

Например, в немецком языке, кроме столь же уничижительного слова *billig* ('дешевый'), есть и несколько не компрометирующее покупателя слово *günstig* — то есть не то чтобы дешевый, но имеющий оптимальное соотношение цены и качества. Как только в России появился новый капитализм, вместе с ним родилась и потребность в таком же русском слове.

Для указания на невысокие цены в современной русской рекламе используются разные прилагательные: цены бывают *выгодные*, *выигрышные*, *разумные*, *привлекательные*, *смешные*, *сумасшедшие* (именно не в смысле 'высокие', а в смысле 'низкие'), *демократичные* и даже *либеральные*, а также *доступные* и *бюджетные*. У каждого из этих слов свои особенности с точки зрения рекламной привлекательности. Например, слово *выгодный* не очень хорошо в том смысле, что в русской языковой картине мира выгода имеет отрицательные коннотации. *Выигрышный* связано с игрой, а значит, вызывает представление о случайности, ненадежности. Остановимся подробнее на двух последних из перечисленных слов.

Сначала, в первые годы развития нового русского капитализма, очень активно стало употребляться слово *доступный*. В нем явно отразились утопические представления о том, что стоит отменить 6-ю статью и объявить свободу, как у каждого появится автомобиль. *Доступный* — кому? И если товар *доступный*, как он одновременно может быть, например, *эсклюзивным*? Сначала об этом не думали, да и сейчас думают не всегда. Вот несколько примеров:

Интернет магазин парфюмерии *духи.net* — это сертифицированный парфюм и туалетная вода от лучших производителей парфюмерии и косметики по доступным ценам;

Меховой салон Эль Тападо — шубы из натурального меха по доступным ценам;

Dell Inspiron 1300 — наилучший выбор практичного портативного компьютера по доступной цене! 849 у.е.;

YES!: эксклюзивный родстер по доступной цене. Один из немецких автомобильных ВУЗов представил на женевском автосалоне родстер и купе, которые, совместно с одной из немецких компаний планируется запустить в мелкосерийное производство. Ориентировочная стоимость базовой версии составляет 75.350 евро.

В каком смысле сумму 75.350 евро можно назвать доступной?

Однако внутренняя форма слова *доступный* очень прозрачна, поэтому абсурдность подобных употреблений все же бросается в глаза. Кроме того, с точки зрения рекламных возможностей слово *доступный* имеет еще более серьезный недостаток. Слово *доступный* подразумевает, что адресат данного рекламного сообщения стремится купить более дешевый предмет потому, что на более дорогой у него нет денег. Многих людей это не привлечет, а оттолкнет.

В последнее время в нужном значении все более активно используется слово *бюджетный*. Раньше говорили только *бюджетный профицит*, *бюджетное финансирование*, *бюджетные организации*. Теперь же мы слышим и читаем: *бюджетная видеочамера*, *бюджетный ноутбук*, *бюджетный тур*, *бюджетная цена*. Что такое *бюджетная видеочамера*? Это вовсе не значит плохонькая, дешевенькая, послезавтра сломается. *Бюджетная* — значит в ней есть необходимые функции и нет лишних элементов, увеличивающих стоимость, так что если вы не профессионал, и если вам действительно нужна камера, а не повод похвастаться, и если вам не все равно, сколько за нее платить... В слове *бюджетный* нет идеи, что у адресата мало денег. Человек, может, и за десять тысяч таких камер мог бы заплатить, но он запланировал потратить на эти цели такую-то сумму, а намного больше платить считает нецелесообразным.

Новое значение прилагательного *бюджетный* заимствовано из английского языка, в котором слово *budget* употребляется еще более широко. Например, по-русски пока не говорят о *бюджетных шлепанцах*. Ср.: *Budget slipper. Good quality sheepskin slipper at a budget price. Leather heel support. Strong vinyl outsole. Years of comfort. Great price. Beige only.* У нас *бюджетными* все-таки бывают достаточно дорогостоящие вещи. Тем не менее, шансы у русского слова *бюджетный*, по-моему, неплохие.

### Жизнь в цвете. Три слагаемых успеха

Сейчас в магазинах продавщицы, показывая какую-то вещь, говорят: *Есть еще в таком цвете (в черном, в зеленом), а не такого-то цвета.* Эта конструкция

стала в последние годы чрезвычайно популярной. Вот характерный пример. Речь идет о кухне:

Я увидел ее в одном французском журнале, и эта картинка меня зацепила. Кухня понравилась мне своим креативом. Я поверил, что она милая, удобная и обаятельная. Когда у меня появилась квартира, я решил во что бы то ни стало ее найти, причем именно в том цвете — перламутрово-синем (Ю. Пешкова. *Charougin дом // «Домовой», 2002.04.04*).

Можно заметить, что то или иное явление стремительно распространяется в языке чаще всего в том случае, если соблюдены три условия.

Во-первых, в языке должно уже существовать что-то подобное: скажем, отдельные выражения такой структуры, зачатки конструкции — пусть и совершенно до поры до времени непродуктивной, которые помогают языку принять новое явление. Во-вторых, такая конструкция должна быть в другом языке, который активно влияет на наш — в последнее время это прежде всего английский. И, наконец, третье и самое главное. Языку должно быть для чего-то нужно это новое явление. Скорее всего, оно отражает изменения в так называемой картине мира. Иначе оно не приживется и уж во всяком случае не распространится со скоростью эпидемии.

Теперь посмотрим на фразу: *Эта юбка есть еще в синем цвете*. Тут все три условия полностью соблюдены.

В принципе, оборот в *таком-то цвете* в русском языке существовал давно. Разумеется, раньше это сочетание было возможно лишь в строго определенных контекстах. Но важно, что оно в принципе существовало и могло послужить в дальнейшем плацдармом для экспансии нового явления. Образные выражения *видеть (представлять) все в черном или розовом цвете* и т. п. активно употреблялись и в XIX в.:

Обстоятельства представлялись не *в розовом цвете!* (Д. В. Давыдов. «Дневник партизанских действий 1812 года»);

А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; все *в розовом цвете* (Ф. М. Достоевский. «Бедные люди»);

В беспокойстве моем, в негодовании моем я видел все *в черном цвете* (Ф. М. Достоевский. «Село Степанчиково и его обитатели»).

Интересно, впрочем, что это выражение люди употребляют как-то неуверенно — все время сомневаясь, как правильно: *в розовом (черном) цвете* или *в розовом (черном) свете*. И в позапрошлом, и в прошлом, и в нашем веке говорили то так, то так:

Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все *в черном свете* (А. Н. Островский. «Доходное место»);

Мы говорим: он видит все *в розовом свете*. Это значит, что человек настроен радостно (В. Г. Короленко. «Слепой музыкант»);



С другой стороны, если жизнь показывается только *в черном свете*, может, действительно ее лучше снимать в темноте? (Л. Смирнова. «Моя любовь»).

Но кроме того, сочетание *в цвете* или *в каком-то цвете* характерно для речи художников или дизайнеров, наряду с выражениями *в каких-то тонах* или *в каком-то колорите*. Вот примеры:

И каждая даль — я насчитал их шесть — была выдержана, как говорят художники, *в своем цвете*, в своем освещении и воздухе (К. Паустовский. «Ильинский омут»);  
Внутри можно найти отдельные «садовые комнаты», каждая из которых оформлена *в определенном цвете* (Выразительный дизайн // «Ландшафтный дизайн», № 1, 2001);

На фоне сочной терракоты стен жилого дома особенно нарядно выглядит парадная цветочная композиция, выдержанная *в одном цвете* (М. Великотная. Подмосковный сераль // «Ландшафтный дизайн», № 4, 2003);

Азиатский декор в доме может быть представлен *в натуральном цвете* и теплых пастельных тонах, варьирующихся от желтого и карамельного, нежно-зеленого и светло-лилового до песочного, табачного и изысканного винно-красного (Т. Косарева. Гербарий. Новый подход к оформлению стен // «Мир & Дом. City», 2003.03.15).

Разумеется, в подобных художественных контекстах *в красном цвете* — это далеко не то же, что *красного цвета*. Но конструкция есть, а значение ее может дальше расширяться.

Теперь второе условие. На современное выражение (*Этот свитер есть еще в красном цвете*) повлиял английский язык. Ср. забавную надпись на значке: *If the shoe fits, buy it in every color!* (Если туфля подходит, купи ее в каждом цвете).

И самое главное. Новое выражение прижилось, потому что в нем проявляется новый взгляд на потребление. Раньше продавщица сказала бы: *Вот есть свитер еще ТАКОЙ же, только красный*. Свитер представал как отдельная вещь с почти случайным набором свойств. Во фразе *ЭТОТ свитер есть еще в красном цвете* появляется идея матрицы: Вещь, которая тиражируется с изменениями определенных признаков: в другом цвете, в другом размере. Показательно, что в речи продавцов в последнее время распространилось еще слово *вариант*: *А как вам такой вариант?* (вместо *этот свитер*). В этой формулировке покупателю снова и снова напоминают, что у него есть выбор. Каждая вещь существует не изолированно, а занимает свое место в пространстве возможностей, пространстве выбора. Отсюда же всевозможные *коллекции, серии и линейки*. А выбор — это свобода.

## ГЛАМУРНАЯ ФЕНЯ\*

В настоящей статье рассматриваются некоторые новые слова и значения, относящиеся к субкультуре гламура, которая сейчас чрезвычайно бурно развивается. А начнем мы с самого слова *глaмyр*, которое относится к числу новых слов, частое употребление которых является яркой приметой нашего времени. В современном русском языке оно указывает на эдакую красоту и соответствие стандартам «роскоши», «шика», внешнего «блеска». Это понятие связывается прежде всего с глянцевыми журналами. Сочетания *гламурный журнал* и *глянцевый журнал* обычно используются как синонимы.

История слова *глaмyр* чрезвычайно поучительна. Дело в том, что большинство носителей русского языка, употребляющих это слово, совершенно уверены, что оно французского происхождения. Говорят, такое даже написано в каком-то словаре иностранных слов. Собственно, то, что слово появилось в русском языке с ударением на последнем слоге, уже показывает, что оно было воспринято как французское. Многие люди даже думают, что *глaмyр* — это по-французски «глянец». Думаю, здесь играет роль то, что в европейских языках довольно много слов, начинающихся с *гл* и связанных с идеями чего-то блестящего, светящегося или чего-то скользкого.

Между тем, как хорошо известно, слово *глaмyр* пришло к нам вовсе не из французского, а из английского. Во французском языке его можно встретить, но только как английское заимствование недавнего времени.

По-английски слово, естественно, произносится ['glæmə] и означает «чары», «очарование». В английском языке это слово отмечено с 1720 г. как шотландский вариант слова *grammar* — грамматика. Первоначально оно имело значение, связанное с ученостью, преимущественно оккультного характера, с колдовскими чарами. Распространилось это слово в английском языке в XIX в. благодаря книгам Вальтера Скотта, а вскоре у него развилось новое значение: *glamour* стало указывать не только на колдовство, но и на женскую привлекательность. То же самое, кстати, произошло и с русскими словами *очаровательный* — от слова *чары*, *обворожительный* — от слова *ворожить*. Кстати, и слово *обаяние* связано с глаголом *баять*.

---

\* Первый краткий вариант этой статьи был опубликован: <http://www.polit.ru/culture/2006/03/03/lingvaglamur.html>.

Уже в XX в. в американском английском существительное *glamour* и прилагательное *glamorous* стали указывать уже не столько на колдовское очарование, сколько на привлекательность, связанную с внешней красотой, внешним лоском и успешностью. Именно в этом смысле слово было использовано в названии глянцевого журнала «Glamour». Он издается в США с 1939 г. С 1992 г. «Glamour» вышел в 11 странах (включая Россию). Чтобы все это выяснить, не нужны никакие специальные исследования, достаточно заглянуть в большие английские словари.

Слово *гламур* в России появилось недавно, а активно распространяется с начала этого века. Думаю, что его источником и было как раз название журнала «Glamour», написанное латинскими буквами. Еще до появления русской версии самого журнала в России — ну там, в каком-нибудь другом журнале: фото из журнала «Glamour».

В русской культуре все шикарное, красивое, изысканное традиционно ассоциируется в первую очередь с Францией. Да слово и по написанию похоже на многие французские. Вот оно и встроилось в ряд: *бонжур, амур, тужур, абажур* — а теперь и *гламур*.

С другой стороны, в русской культуре и до этого было представление о «внешнем лоске», «хрестоматийном глянце» (у Маяковского о Пушкине: *Я люблю вас, но живого, а не мумию, навели хрестоматийный глянец*). И, если уж на то пошло, о «лакировке действительности». Во всех этих случаях внешняя гладкость противопоставляется живой жизни.

Многие люди, читая русские глянцевые журналы, замечают, что они по сравнению с западными версиями утрированно легковесные, подчас почти карикатурно залакированные и запредельно оторванные от жизни. Так проявляется наша тоска по красивой жизни. В мнимо французском русском слове *гламур* и воплотился этот вопль: «Красиво жить не запретишь!» И вот уже возникло и модное словцо *гламуренько*, которое у кого-то выражает неопределенно-положительную оценку, а кем-то произносится с издевкой, а затем и откровенно издевательское *гламурьё*.

Недавно я увидела в магазине товар, этикетка которого гласила: *Пасхальный набор «Гламур»*. Это оказалась, как написано на упаковке, «новинка сезона» — набор для окрашивания и декорирования пасхальных яиц. Почему, собственно, это так смешно? Ведь понятно же, что имелось в виду: красиво, все переливается: в набор входят «сверкающие блески (серебро, золото)» и бисер шести цветов. Но есть такие слова, которые связаны не просто с красотой, но с ее сугубо внешним, социальным, светским аспектом. Едва ли кому-то придет в голову называть пасхальный набор «Модница» или, скажем, «Щеголь». Или вот еще хорошая идея — пасхальный набор «Шик».

*Шик* вообще занятное слово. В нем есть какая-то трудноуловимая идея: *шик* — это не только особая эффектность и изысканность, это что-то не каждому доступное и вызывающее зависть у других, которая, скорее всего, тешит тщесла-

вие носителя этого самого *шика*. Слово отличное, яркое выразительное, но... *безблагодатное*. 6 января 2004 г. Государственный историко-архивный Владимиро-Суздальский музей-заповедник посетил тогдашний президент РФ Путин. Он оставил в книге отзывов восторженную запись: «Шикарно, как и всё на Руси! Владимир Путин». Здесь замечательно всё: и то, как подходит эпитет *шикарный* историко-архивному заповеднику, и идея, что вообще «всё» может быть *шикарным* (а также, вероятно, *эсклюзивным* и *элитным*), и особенно смелый разрыв со стереотипными представлениями о России. Номинация «Русь» означает, что наша страна рассматривается здесь в аспекте древней истории, традиционной культуры, исконно-посконно-домотканых ценностей. К каковым относится как раз «неброская красота», а отнюдь не *шик*.

Но вернемся к пасхальному набору «Гламур». Это в современном русском языке модное слово *гламур* используется в смысле «шик-блеск красота». А можно ведь вспомнить его происхождение: название пасхального набора «Гламур» звучит похоже не только на «Шик», но и на такие названия, как «Ворожея», «Черная магия», «Колдовство», «Чары» или, скажем, «Прелесть». Это, собственно, в порядке вещей. Сейчас все со всем смешивается — фьюжн. Я вот прочитала в одном гороскопе, что «Для Раков не существует Пасхи без шикарного праздничного стола». А одна девушка в Интернете рассказывает, как красиво расписала пасхальное яйцо: *готично* получилось. А сжигание чучела Масленицы перед началом Великого поста? А восточные собачки или мышки в колпачке Санта Клауса? Просто встречать год мыши под елкой с рождественской звездой мы уже привыкли, а сочетание Пасхи и *гламура* нам пока в диковинку<sup>1</sup>.

Небрежное обращение с языком часто встречается в индустрии красоты и моды: *уход по лицу, косметологический салон Лакрима* и т. п. Довольно давно я услышала название модельного агентства — «Modus vivendis». Я стала ужасно смеяться: всякому, кто хоть немного изучал латынь, ясно, что есть выражение *modus vivendi*, что означает образ жизни, а *modus vivendis* — это просто какой-то грамматический абсурд. Прошло много лет, и они называются по-прежнему, что не мешает им преуспевать. Я не верю, что никто за это время не объяснил, как безграмотно их столь шикарно звучащее название. Просто перерегистрироваться хлопотно, а грамматическую ошибку они не считают достойной причиной для этого. А носительница современной гламурной культуры если и боится скомпрометировать себя, то не речевой ошибкой, а разве что неправильно выбранным тоном колготок. Тут дело не в том, что кто-то что-то коряво сказал. Важно, что языковые ошибки уже не наносят ущерба престижу, их не боятся и не спешат исправить.

В «12 стульях» «Цирульный мастер Пьер и Константин» обещал своим потребителям «холою ногтей и ондулясион на дому». Этот Пьер и Константин, ко-

---

<sup>1</sup> Кстати, у меня был смешной разговор с дочкой. В ответ на какой-то ее вопрос я стала объяснять, что объявлен год семьи. «Ты что, мамочка! — возмутилась она. — Сейчас же год мыши и крысы!»

торый, впрочем, как далее говорится, охотно отзывался на имя Андрей Иванович, наводит на мысль о часто встречающемся в последнее время выражении «маникюр для волос» (например, обложка журнала «Красота и здоровье», № 10, 2003 — *Маникюр и пилинг... для волос*). Слово *маникюр* означает уход за пальцами рук, чистку, полировку и окраску ногтей (сейчас еще есть выражение *ногтевой сервис*) и восходит к латинским словам *manus* 'рука' (ср. *манипуляция* — от *manipulus* 'горсть', *манифест*, *мануфактура* — буквально 'сделанное руками' — и конечно, *манускрипт* 'рукопись') и *curare* — ухаживать (ср. *курировать*, *куратор*, да, собственно, и *педикюр* — уход за пальцами ног). Так что маникюр для волос — это как прическа для губ.

Еще один замечательный пример — это заимствованное из французского выражение *от кутюр*. *Haute couture*, то есть высокая мода (*кутюр* значит швейное искусство, а *от* — высокое). Однако очень многие люди, в том числе и носители гламурной культуры, понимают здесь *от* как русский предлог *от*, и поэтому произносят: *ат кутюр*. Была даже телереклама, которая звучала так: «Магазин высокой моды а-ат кутюр».

Забавно, что по-украински сейчас очень часто говорят так: *від кутюр*. *Vid* — по-украински *от*. Собственно, по происхождению это одно и то же слово, просто в украинском оно немного по-другому фонетически оформлено. Эта ошибка чрезвычайно выразительна. С одной стороны, она показывает, что выражение заимствовано в украинский язык не прямо из французского, а через посредство русского языка, иначе с чего бы французское прилагательное «высокий» стали передавать как предлог *від*. С другой же стороны, по этому *від* ясно видна попытка откреститься от русского посредства. В общем, как у Булгакова:

Спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

Но гламурная культура знает и случаи действительно творческого обращения с языком. Среди слов, которые в последнее время изменили свое значение, есть слово *актуальный*. Мы все чаще слышим: *Оборки сейчас очень актуальны* или *Это самый актуальный цвет*. Вот например: «Наиболее актуальные цвета и фасоны этого сезона мы рады представить вам в нашей глянцевої рубрике "С обложки"». Всего несколько лет назад какой-нибудь «актуальный шарфик» воспринимался как языковой курьез, а сейчас уже можно сказать, что новое значение слова *актуальный* прочно вошло в язык. Толковые словари, начиная со словаря Ушакова, разъясняют: *актуальный* — это «важный, существенный для настоящего момента; злободневный, насущный. *Актуальный вопрос. Актуальная задача, тема. Исследование, актуальное для экологии. Шекспировские пьесы актуальны для нас и сегодня*».

Конечно, есть у этого слова специальные, научные значения, но именно *актуальные проблемы* нам наиболее привычны. Кстати, у английского слова такого значения нет: *actual problems* — типичная ошибка русских в английском языке.

И вот теперь русское слово *актуальный* расширило свое значение и может характеризовать не только вопросы, проблемы и подобные сущности идейного характера, но и другие вещи, которые тоже могут быть остросовременными.

Ср. диалог в одном журнале. Читательница Татьяна Зинякова интересуется, изменились ли прически, длина волос и актуальные цвета этим летом?

На вопрос читательницы отвечает парикмахер-модельер, стилист парикмахерского салона «Пиаф» Ирина Белова:

— Понятия «*актуальная* длина» сейчас практически не существует, волосы могут быть любой длины... Хотя есть и *актуальные* моменты.

Конечно, пока это звучит немного комично. Конечно, стилист просто заменила привычное слово *модный* на модное слово *актуальный*. Однако по сути *актуальный* — это не то же, что *модный*. Слово *модный* содержит в себе императив, велит бездумно и рабски следовать образцам, сулит человеку несвободу и обрекает на бесконечную и безнадежную погоню за идеалом. А слово *актуальный* — о, оно не диктует, оно интригует и намекает, оно демократично приглашает человека к творчеству.

При этом слово *актуальный* чем-то так полюбили современному русскому языку, что в последнее время у него появилось и еще одно новое значение: сочетание *актуальное искусство* теперь стало употребляться в качестве эквивалента английского *contemporary art*, в отличие от *современного искусства* — *modern art*.

Так что можно сказать, что *актуальный шарфик* в концептуальном отношении занимает почетное место между *актуальными проблемами* и *актуальным искусством*.

Не менее показательным является и появление нового значения у слова *возрастной*. Сейчас в обществе царит такой культ молодости, что сами упоминания о старении стали очень рискованными. Как написано на упаковке полезного кисломолочного продукта, *Актуально быть молодым!* И язык, как водится, быстро отреагировал на это.

Лет 20 назад 26-летних пациенток врачи и акушерки бодро обзывали *пожилыми первородками* или *старородящими*. А теперь роженицу под 50 деликатно назовут не *старой*, не *пожилой*, а *возрастной*.

Это новое, но стремительно распространившееся употребление слова *возрастной* — яркая черта нашего времени. Многие люди пока еще берут его в этом случае в кавычки. Раньше говорили: *возрастные группы*, *возрастные изменения*. Ну еще были у актеров *возрастные роли*. А теперь появились *возрастные женщины* и даже *мужчины*, *возрастная аэробика* и *возрастная кожа*. А вместо сочетания *против старения* скажут скорее *анти-возрастной эффект*. Первое время сочетание *возрастная женщина* казалось жутким просторечным эвфемизмом — ну как, например, *отдыхает* вместо *спит*. Но оно мгновенно прижилось в женских журналах и оказалось незаменимым при обсуждении любовно-гине-

кологической, парфюмерной, парикмахерской и эстетико-хирургической проблематики. Вот несколько примеров:

Есть «*возрастные*» женщины, которые делают химическую завивку средством «Локон» перед дачным сезоном;

Но еще чаще, мне кажется, к услугам пластических хирургов обращаются *возрастные* женщины;

При этом ядро яйцеклетки *возрастной* женщины переносится в знуклеированную яйцеклетку женщины молодого возраста.

Особенно замечательно сочетание *возрастная кожа*. Тут не только страх перед старением, тут еще и недавно к нам занесенный оптимистически-конструктивный взгляд на жизнь.

*Плохую* кожу теперь называют *проблемной*, а *увядающую* — *возрастной* или *зрелой*. Действительно: *плохая кожа* — значит сиди в уголочке и плачь. А если *проблемная кожа* — иди в косметический салон, в аптеку или хоть купи новый тональный крем. Решай проблему! *Увядаящая кожа* — звучит мрачно-романтически. А вот *возрастная кожа* — это уже почти формулировка задачи. Собственно, в рекламе так и пишут: *Возраст не препятствие для красивой кожи!* Решение же предлагается на каждом шагу: *крем для возрастной кожи, уникальные методы коррекции возрастной кожи, омолаживающие процедуры для возрастной кожи*.

А еще лучше определение *зрелая кожа*:

*Зрелая кожа* нуждается в специальном уходе, особенно в сохранении эластичности и тонизировании, а также в разглаживании мелких морщин;

Крем питательный ночной для *зрелой кожи* в области глаз «Пшеница и василёк».

Оказывается, с возрастом кожа вокруг глаз не увядает, а созревает.

Говоря о языке гламура, нельзя не упомянуть слово *пафосный*. Слово *пафосный* — из серии не так давно вошедших в моду прилагательных типа *элитный* (наряду со старым *элитарный*), *комфортный* (плюс к старому *комфортабельный*). Так и тут — было слово *патетический*, потом появилось и *пафосный*. И во всех случаях история похожая: сначала более простой словообразовательный вариант входит в язык с новым значением, разделяя со старым и более сложным вариантом сферы влияния, а потом новый вариант попросту вытесняет старый, захватывая все значения.

Нечасто, но вариант *пафосный* и раньше использовался наряду с *патетический*. Вот забавный пример. Н. Крупская написала в свое время разгромную рецензию на детские стихи Чуковского:

Автор влагает в уста крокодила *пафосную речь*, пародию на Некрасова. Узнайте, милые друзья, Потрясена душа моя. Я столько горя видел там, Что даже ты, гиппопотам, И то завыл бы, как щенок. Когда б его увидеть мог... (Н. К. Крупская. О «Крокодиле» Чуковского (1928)).

За Чуковского вступился Горький:

Во-первых: почему это «*пафосная* пародия»? А уж если пародия, то скорее на «Мцыри» или на какие-то другие стихи Лермонтова. Очень странная и очень несправедливая рецензия (М. Горький. «Письмо в редакцию» (1928) // К. И. Чуковский. Собр. соч.: В 15 т. Т. 2, 2001).

И *патетический*, и *пафосный* восходят к понятию *пафоса*. *Пафос* — категория античной риторики; Аристотель (он выделял *пафос*, *эмос* и *логос* как элементы риторики) связывал *пафос* с идеей, что трагедия героя вызывает эстетическое переживание и эмоциональный подъем у аудитории. Гегель связал *пафос* не только с трагедией, но и с торжественной и возвышенной эстетикой. Как термин *пафос* и до сих пор используется в теории литературы, эстетике и пр. Даже говорят и так: *пафос моего выступления...* — основная мысль, цель, то есть.

В отличие от слов *пафос* и *патетический*, которые всегда могли, конечно, указывать на чрезмерную эмоциональность и экзальтацию, но могли и не выражать идеи преувеличенности и фальши, прилагательное *пафосный* (как и наречие *пафосно*) с самого начала тяготело именно к последнему типу контекстов:

Сперва, как всегда, все не нравилось: и безвкусный собор, и театральный священник с *пафосной* речью, даже подумал: ну, совсем как коммунист-агитатор на заводе по манере говорить (Н. Н. Пунин. Дневники. Письма. (1921—1931));

Никогда не обращаю внимания на придурков, которые считают, что если человек поет про родину, то он *пафосный* какой-то (А. Розенбаум. «Бультерьер» (1987—1998));

Слова эти показались мне ненастоящими, а тон *пафосным*, наигранным (М. Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003);

— Я поверила в любовь, — ответила я так *пафосно*, что самой захотелось сплунуть (Г. Щербаклова. «Моление о Еве» (2000)).

Это старое значение слова *пафосный* чрезвычайно активно и сейчас. То, что в таком слове закрепилась отрицательная оценка, вполне понятно: для русской культуры вообще характерно, что, при чрезвычайной любви к искренности, она настроенно относится к демонстративному вербальному выражению высоких чувств.

Но на рубеже тысячелетий у слова *пафосный* появилось и новое значение. Стали говорить: *пафосные бренды*, *пафосный автомобиль*, *пафосная вечеринка*, *пафосный клуб*. *Пафосная тачка* — не совсем то же, что *престижная*, не совсем то же, что *статусная*, не совсем то же, что *крутая*, не совсем то же, что *понтовая*. Не то же, что *элитная*. И уж конечно, не то же, что просто *дорогая*. Хотя идея дороговизны есть, разумеется. *Пафосное* не может быть общедоступным. И идея 'напоказ' есть, конечно, тоже. Но в отличие от *понта*, который обычно на пустом месте, *пафос*, по замыслу во всяком случае, основан на реальных достоинствах. *Пафосный* — значит содержащий некоторое послание, сообщение о статусе человека. Но не так, как *статусный*. *Статусный* фиксирует статус человека, но не кричит о нем. А в *пафосном* очень важен жест, некая претензия,



именно заявка на особый статус. На автомобильных форумах люди активно обсуждают, какие именно модели Mercedes или BMW можно считать *пафосными*. Кстати, вовсе не обязательно самые дорогие. Слово *пафосный* часто употребляется вполне всерьез и с положительной оценкой:

Часы Breitling абсолютно нетипичный люксовый бренд, но столь же уважаемый, пафосный и технологичный, как и все остальные произведения швейцарских мастеров ([http://www.lontime.ru/breitling/article\\_breitling\\_3.html](http://www.lontime.ru/breitling/article_breitling_3.html))

Но для многих людей в слове *пафосный* есть идеи нуворищества, недостатка вкуса, нарочитости, претенциозности — что неудивительно, если вспомнить старое значение этого слова:

«пафосный бренд Chanel» нет уж, пафос это «Gucci», а «Chanel» — это классика. ([http://www.lookatme.ru/flows/fashion\\_news/posts/80095-chanel-protiv-dc](http://www.lookatme.ru/flows/fashion_news/posts/80095-chanel-protiv-dc))

Эта отрицательная оценка в концентрированном виде представлена в пренебрежительном слове *пафосня*, которое соотносится с разными значениями слова *пафосный* и может характеризовать и людей (*мажоров*), и бренды, и тексты, и много разного другого:

Фотоотчёт голяк полный. Одна *пафосня* на пустом месте (<http://falcon-clubmusic.at.nightparty.ru/comments/>)

Кстати про бренды — всякая *пафосня* типа Барберри и иже с ними тоже доставляют... <http://www.ma3da.ru/forum/viewtopic.php?p=228800>

Цены космос, народ *пафосня*, в самом плохом смысле слова. На тусовки дресс код и фейс внедряют. Цены в барах московские почти (<http://forum.camry-club.su/viewtopic.php?f=19&t=958&start=15>)

Сейчас бровь колят все кому не лень и клубная *пафосня* и сочувствующие хип хоп культуре и много кто еще... ([web-korolev.ru > forum/viewtopic.php...](http://web-korolev.ru/forum/viewtopic.php...))

Туфтовый фильм, жалко потраченного времени, *пафосня* короче. ИМХО (<http://www.lvhh.lv/forum/archive/index.php/t-1605-p-43.html>)

Мне кажется, что вот это *пафосня* (иначе не назовешь) про воинов-идеологов нехилый пиарход... А так вот... порасспрашивать ветеранов... сколько из них за Сталина-то воевали? <http://forumtyurem.net/index.php?showtopic=5099&st=40&start=40>)

В новом значении слова *пафосный* очень ясно отразилось время. Когда настала новая эпоха, социальная структура общества стала усложняться. Поэтому не могли не измениться и те фрагменты лексики, которые описывают общественное признание самого человека и окружающей его среды. Конечно, были и раньше такие слова, как *престижный* и *авторитетный*, но этого оказалось мало (да кстати, вспомним, что произошло со словом *авторитетный* в Перестройку). Такие слова несут непонятно чью оценку. Вот и появились в дополнение к ним новые (*пафосный*, *статусный*, *имиджевый* и др.). За словом *пафосный* стояла оценка со стороны вполне четко очерченного социального типа человека, с определенными ценностями и предпочтениями — первоначально, во всяком случае.

Слово *пафосный* интересно и еще в одном отношении. В отличие от большей части новых значений, рассматриваемое значение — не английская калька: в английском слово *pathetic*, придя из того же греческого источника, развило почти противоположные значения — ‘жалостный’, ‘трогательный’, ‘душераздирающий’, ‘жалкий’.

Наконец, нельзя не упомянуть о словах *бренд*, *брендовый*. Что было на этом месте в русском языке раньше? Как мы об этом говорили? Были, скажем, сочетания *торговая марка*, *товарный знак* — не будем слишком углубляться в терминологию. Мне кажутся чрезвычайно показательными слова *фирменный* и *фирма* — с ударением на последнем слоге. *Джинсы фирма* — то есть, на них есть заветный *лейбл* Lee, Wrangler или Levi's. И еще — что это объект совсем другого сорта, класса. Кстати, *фирма* могло означать и просто положительную оценку. Вот характерный пример:

Он был очень расстроен. Оказалось, что у него возле киоска украли замечательную шерстяную рубашку, «фирменную», как он сказал. --- Рапирский ругался — он любил «фирменные» вещи (В. Аксенов. «Пора, мой друг, пора» (1963)).

А вот и более поздний пример, уже без кавычек:

Теперь я заметил, что нижнее бельё, трусы и майка, были у него европейские, *фирменные*. Пижонство его отнюдь не было поверхностным (Ф. Искандер. «Муки совести, или Байская кровать» (1980—1990)).

Что такое *европейские, фирменные*? Какой фирмы? Просто шикарные, явно произведенные не отечественным легпромом. Похоже вело себя слово *импортный*, которое могло использоваться как синоним слов *элегантный, шикарный*:

Я люблю смотреть на ноги танцующих. Они часто говорят больше, чем лица. А обувь? Туфельки, туфельки, туфельки — *импортные*, остроносые, невесомые, с тонкими, почти фиктивными каблуками (И. Грекова. «Дамский мастер» (1963)); Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный *импортный* костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде (Г. Полонский. «Доживем до понедельника» (1966—1968));

Сволочи, куркули проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме *импортного* тряпья, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули. Ненавижу! (О. Куваев. «Территория» (1970—1975)).

А еще у Жванецкого: *Сандалий импортных нет?* (М. Жванецкий. «На складе» (1970—1979)). Хоть каких-нибудь, то есть, только не «наших». А *импортные туфельки* — значит, красивые, у нас таких не делают.

Вспомним тогдашний патриотичный лозунг: «Советское — значит отличное» (а теперь, кажется, говорят «Отечественное — значит качественное»). Но язык предательски сообщает нам, что граждане думали об этом на самом деле.

Раз слово *импортный* выражало положительную оценку, то думали они примерно так: «Отличное — значит несоветское». Да собственно, мы же помним,

как интерпретировал народ знак качества: как будто фигурка разводит руками, говоря: «Извините...».

Теперь вернемся к словам *бренд* и *брендовый*. Кажется, их смысл очень похож на тот, который в свое время выражался словом *фирменный*. Вот что пишут на сайте одного одежного интернет-магазина:

Самоощущение. Это чувство невозможно передать словами. А, может и не стоит. Просто попробуйте надеть брендовую вещь, и вы больше не сможете носить ничего другого. Сравните свое самоощущение, когда вы «пролетаете» по улице в стильной элегантной одежде от европейских дизайнеров, и при этом понимаете, что ваш внешний вид — само совершенство. Разве могут вырасти такие «крылышки» от вещей производства подпольных китайских фабрик? Подарите себе это чувство прекрасного, ведь вы достойны только самого лучшего (<http://zapp.ru/brands.php>).

Казалось бы, все очень похоже на «самоощущение» советского человека, которому вдруг перепали *фирменные* джинсы. Но есть одна тонкость. Вот очень характерная запись из блога, где обыгрываются несколько популярных одежных брендов:

Чувства — как Burberry — или настоящие, или не надо...

Секс — как Henry Lloyd — много не бывает...

Клубы — как Lacoste — дорого и пафосно...

Алкоголь — как Ben Sherman — только в меру...

Скромность — как Fred Perry — украшает...

(<http://lubimochka.blog.ru/81700083.html>).

Я еще сократила, там было больше. Вероятно, значительная часть читателей не сможет оценить этот юмор. Это, впрочем несущественно: важен сам ход мысли. За каждым брендом закреплен определенный имидж, а значит брендовая шмотка на человеке — это послание. Различия здесь, кстати, довольно тонкие, неочевидные и даже спорные — насколько я понимаю, все перечисленные бренды примерно одного плана: ни Prada, ни Chanel, ни, скажем, D&G здесь нет. А дьявол-то, как известно, носит Prada, а не Lacoste.

Здесь кроется важное различие. Да, и *фирменный лейбл*, и *брендовая вещь* приобщают человека к миру прекрасного (иначе зачем так сильно переплачивать за лейбл). Но слово *фирменный* не требует дальнейшей конкретизации. *Фирменный* и *фирменный*. **Какой-нибудь** настоящей фирмы. А вот *брендовый* — значит принадлежащий **одному** из раскрученных брендов. Одному из — и человек выбирает подходящие ему по установке и мироощущению бренды. Потому что какой-то бренд фанатский, какой-то пафосно-клубный, какой-то непафосно-солидный и т. д. Ключевые слова здесь — разнообразие и выбор. Выбирая свои бренды, человек себя определенным образом *позиционирует*.

Очень интересно, что *фирма* используется в единственном числе — обобщенно или собирательно. А с *брендом* не так. *Бренд* — это только один бренд, а *бренды* — это разные.

Так что пуристы могут сколько угодно высмеивать слова *бренд* и *брендовый* — они уже прижились, потому что нужны для описания нового устройства жизни.

## В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКА \*

### Вступительные замечания

Диалог предполагает не просто говорение по очереди, но способность собеседников (которых может быть два или более) понимать друг друга. Необходимым условием этого является использование в диалоге языка, которым владеют все собеседники, — «общего языка». Иными словами нахождение общего языка — необходимая предпосылка успешного диалогического общения. Это представление находит отражение и в том, как диалогическое общение описывается языковыми средствами. В частности, в русском языке нередко используется выражение *общий язык*, который собеседники *ищут* (и иногда *находят*). При этом часто нахождение *общего языка* оказывается не только предпосылкой, но и конечным итогом успешного общения. Иными словами, если *общий язык* был *найден*, это означает, что общение было успешным.

Вероятно, этот сдвиг связан с некоторой важной чертой русского дискурса, в котором прохождение первой стадии нередко метонимически подается как успешное завершение всего дела. Так же, как в русской речи *собрался* часто значит ‘сделал’ (*наконец собрался тебе позвонить*), выражение *нашли общий язык* во многих случаях значит ‘договорились’.

Сам *общий язык* при этом понимается фигурально. «Буквальное», «лингвистическое» понимание выражения *общий язык*, когда речь идет исключительно о предпосылке, делающей общение возможным, в современных текстах встречается крайне редко. По крайней мере, по данным «Национального корпуса русского языка», большинство примеров с выражением *общий язык* в буквальном значении относится к XIX в., напр.:

- (1) В таком разноязычном городе, как Одесса, был необходим *общий язык*; им сделался русский (Ф. Ф. Вигель);
- (2) ...первобытный, *общий язык* того и другого народа — у китайцев так и остался китайским, а у японцев мог смешаться с языком quasi-малайцев или тех островитян, которых они застали на Нипоне, Киузиу и других островах... (И. А. Гончаров);

---

\* Впервые опубликовано: [Шмелев 2010].

- (3) Затем необходимым плодом политического объединения Славянства явился бы *общий язык*, которым не может быть иной, кроме русского... (Н. Я. Данилевский).

Кроме того, выражение *общий язык* в буквальном значении встречается (хотя и несколько реже) в текстах первой половины XX в., напр.:

- (4) Сколько можно судить, из иностранных языков он действительно был знаком лишь с латинским, который в ту эпоху был *общим языком* образованных людей (В. Брюсов);
- (5) ...пока латынь оставалась единым и *общим языком* богословского преподавания и учености на Западе и в России (прот. Г. Флоровский).

В современных текстах такое «буквальное» употребление выражение *общий язык* почти не встречается (в текстах, написанных после 1936 г. и вошедших в «Национальный корпус русского языка» по состоянию на май 2008 г., оно не встретилось ни разу). Относительно редко в современных текстах встречается и несколько «сдвинутое» употребление, указывающее на привычный для всех собеседников «способ говорить»: выбор слов, интонацию, общие фоновые знания (т. е. все же связанное с общим коммуникативным кодом). Приведем два примера, иллюстрирующих такое употребление (второй из них принадлежит современному автору, который, однако, повествует о Бабеле и пытается передать его образ мысли; поэтому можно полагать, что он иногда использует выражения, которые ощущает характерными для первой половины XX в.):

- (6) Он знал, что какими-то иными словами надо говорить с казаками, со страхом чувствовал, что, пожалуй, и *не найдет общего языка*, потому что, вернувшись девять месяцев назад в рабочую гущу, вновь кровно сросся с ней — выступая, привык, что его чувствуют и понимают с полуслова, а тут, с земляками, требовались иной, полузабытый, черноземный язык, ящериная изворотливость, какая-то большая сила убеждения — чтобы не только опалить, но и зажечь, чтобы уничтожить напластовавшийся веками страх послушания, раздавить косность, внушить чувство своей правоты и повести за собой. Вначале, когда заговорил, собственным слухом ловил в голосе своем спотыкающуюся неуверенность, наигранность, будто со стороны вслушивался в свои бессочные слова, ужасался неубедительности приводимых доводов, мучительно шарил в голове, разыскивал какие-то большие, тяжелые глыбы слов, чтобы ломать ими, крушить... И вместо этого с неизъяснимой горечью ощущал, как мыльными пузырями срываются с его губ легковесные фразы, а в голове путаются выхолощенные, скользкие мысли («Тихий Дон»);
- (7) *Нащупать общий язык* — это главное. С рыбаками говорить как рыбак, с казаками как казак. С чекистами как чекист. С Марусичкой — как Марусичка (Д. Маркиш).

При таком употреблении нахождение, «нащупывание» общего языка еще не гарантирует успешности общения, однако обеспечивает взаимопонимание, что уже может рассматриваться как залог успеха.

При этом само сочетание *общий язык* весьма часто встречается в современных текстах; используется оно почти исключительно в идиоматическом значении, указывающем на успешность диалогического общения. Чаще всего используется фразеологизм *найти общий язык*. Ср. пример из «Национального корпуса русского языка»<sup>1</sup>:

(8) Мы всегда *находили* с тобой *общий язык*... (В. Черкасов, 2000).

Обратим внимание на относительную устойчивость фразеологизма *найти общий язык*. Варианты фразеологизма с заменой глагола (напр., *отыскать общий язык* или *обрести общий язык*) встречаются лишь в исключительных случаях, как, напр., при продолжении приведенного примера:

(9) Мы всегда *находили* с тобой *общий язык* и наверняка сейчас *отыщем* (В. Черкасов, 2000).

Ср. также:

(10) Подталкивая, похлопывая, похохатывая, они зашушукались о чем-то секретном, мгновенно *обретя общий язык* (А. Битов).

Если рассмотреть его употребление данного фразеологизма в современных текстах то тем самым можно выявить, каковы же предпосылки и результаты успешного общения с точки зрения носителей современного русского языка<sup>2</sup>.

### **Дружеская атмосфера, взаимные симпатии, общие ценности**

Важным условием, обеспечивающим успешность диалога, служит наличие взаимных симпатий участников коммуникации, дружеская атмосфера при общении. Это хорошо известно государственным деятелям. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка», в которых повествуется о том, как Рузвельт, чтобы *найти общий язык* со Сталиным, пытался создать *атмосферу доверительности*, а Сталин, желая *найти общий язык* с Риббентропом, *мобилизовал свой дар очарования*, вел оживленную беседу с гостем и всячески демонстрировал гостеприимство:

(11) Думаю, что и президент понимал, сколь важно в создавшейся тогда ситуации *найти общий язык* с кремлевским диктатором. И он сумел так подойти

<sup>1</sup> Поскольку многие примеры, извлеченные из «Национального корпуса русского языка», принадлежат малоизвестным авторам, при таких примерах, как правило, указывается год создания текста.

<sup>2</sup> Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [1986] выражению *находить общий язык* дается толкование 'добиваться достигать полного взаимопонимания'. Очевидно, это толкование не позволяет в точности оценить, каков диапазон ситуаций, по отношению к которым уместно использование данного выражения. Фразеологизма *искать общий язык* в словаре вообще нет.

к Сталину, что этот подозрительный восточный деспот, кажется, поверил в готовность демократического сообщества принять его в свою среду. На первой же встрече с советским лидером Рузвельт попытался создать атмосферу доверительности (В. Бережков, 1998);

- (12) Оживленная беседа сближает гостей и хозяев. Сообщая потом о ней Гитлеру, рейхсминистр, пораженный гостеприимством «вождя народов», благодушно добавляет: «Сталин и Молотов очень милы. Я чувствовал себя как среди старых партийных товарищей». Партии, конечно, были разные, но как быстро их лидеры *нашли общий язык!* Несомненно, Сталин мобилизовал в эту ночь весь дар очарования (В. Бережков, 1998).

Но, разумеется, взаимные симпатии помогают *найти общий язык* не только политикам, но и при бытовом общении. Это часто осознают сами участники общения:

- (13) С отцом Наташи мы быстро *нашли общий язык*. Он мне понравился сразу (Р. Нахапетов, 1998).

Успешному общению способствуют также общие взгляды, вкусы и ценности участников коммуникации. Характерен следующий эпизод из повести И. Грековой «На испытаниях», когда Мирон Ильич (отец генерала Гиндина) наносит визит генералу Сиверсу. Сначала разговор у них не клеится; но затем обнаруживается «точка соприкосновения», очень быстро позволившая *найти общий язык*, — их общая любовь к стихотворениям Омар Хайяма:

- (14) Посредине комнаты на цыпочках стоял Мирон Ильич и, размахивая руками, декламировал:

Когда я трезв, нет радости ни в чём,  
 Когда я пьян, мутится ум вином.  
 Но между трезвостью и хмелем есть мгновенье,  
 Которое люблю за то, что жизнь — лишь в нём.

— Да-да, — отвечал Сиверс из кресла, — именно так!

— Здравствуйте, Александр Евгеньевич, — сказал, входя, генерал Гиндин. — Я вижу, что вы с моим папой уже *нашли общий язык* (И. Грекова).

Людей, по крайней мере в России, сближает совместная трапеза и совместная выпивка, которые тем самым помогают *найти общий язык*:

- (15) Не послушал ты меня, а надо было нам мою бутылочку оприходовать! И веселее было бы, и *общий язык* с компанией, глядишь, бы нашли! (Н. Леонов, А. Макеев, 2003)

Надобно сказать, что роль совместной трапезы и совместной выпивки в нахождении *общего языка* осознается многими носителями русского языка как важная принадлежность русской бытовой культуры. В следующем примере Юрий Сенкевич и Юлия Владимировна Юсупова находят общий язык не только благодаря общим интересам и сходным вкусам (любовью к романсам), но и благодаря «нашей родной водочке»:

- (16) С Юлией Владимировной Юсуповой, племянницей известного Феликса Юсупова, мы оказались за столом рядом. Я интересовал ее больше других: она буквально засыпала меня вопросами о России, из которой ее увезли совсем девочкой еще до 1917 года. По-русски она говорила хорошо, и мы вскоре *нашли* с ней *общий язык* не только в лингвистическом смысле, но и в музыкальном, и в гастрономическом. Я стал петь ей романс «Снился мне сад в подвенечном уборе», и немолодая уже княгиня чуть ли не рыдала у меня на плече от переполнявших ее чувств. И, как два русских, мы, конечно же, *отдали дань нашей родной водочке...* (Ю. Сенкевич, 1999).

### Источники взаимного непонимания

Соответственно, достичь взаимопонимания невозможно, «если два человека друг с другом общаются и расходятся, как в море корабли, если два человека друг с другом говорят и *не находят общего языка*, один не понимает, о чем идет речь, когда другой говорит о самом сокровенном» (митрополит Антоний [Блум]). Это бывает связано с различием в культурном и образовательном уровне собеседников, а также полным различием жизненных установок и интересов. Коммуникация в таком случае редко бывает успешной:

- (17) Многие пастыри по своему образовательному и культурному уровню оказываются значительно ниже своих прихожан. В наше время информационной революции, когда в стране учатся 40 миллионов человек, причем очень многие стремятся получить высшее образование, такая ситуация ведет к *потере понимания, общего языка*. Совершенно очевидно, что люди, приобщившиеся к культуре, не пойдут к ограниченному, «дремучему» священнику. А если он еще много думает о своем обогащении или живет безнравственной с евангельской точки зрения жизнью, то он будет только отталкивать людей от Церкви (Святейший Патриарх Алексей II).

Чаще всего отсутствие взаимопонимания бывает связано с коренным расхождением во взглядах. Если расхождение во взглядах неустранимо, тогда договориться так и не удастся (и понятно, что отсутствие согласия описывается выражением *не найти общего языка*):

- (18) Вскоре Михаил Константинович решил снять меня в своем новом фильме «Верные друзья», предложив мне главную женскую роль. Но *общего языка* мы не *нашли*. Я не могла согласиться с предложенной им трактовкой. Он считал, что роль нужно решать в драматическом ключе, а мне казалось, что этот ключ должен быть комедийным. Иначе моя героиня окажется чужеродной всей комедийной стихии фильма (Л. Смирнова, 1997).

Отсутствие взаимопонимания, к сожалению, бывает возможно между самыми близкими людьми. Ср. воспоминания Нины Воронель о ее взаимном непонимании с матерью, ортодоксальной коммунисткой:



- (19) Мама умерла от сердечной недостаточности сравнительно молодой, и это спасло ее от многих новых разочарований. Она умерла в декабре 1965 года, в самый разгар следствия по делу Синявского-Даниэля, так и не узнав ничего о нашей пагубной роли в сплочении московской интеллигенции в защиту подсудимых. Представляю, как бы она страдала, если бы узнала. И до конца не могу решить, от чего больше — от разочарования ли во мне, от страха ли за меня или от обиды, что с незнакомкой, случайно встреченной в бане, мне было легче *найти общий язык*, чем с ней (Н. Воронель).

Соответственно, успешное диалогическое общение возможно только при установке на то, чтобы понимать собеседника. Только при наличии такой установки появляется способность к взаимопониманию, которая и обозначается выражением *найти общий язык*. Нередко успех диалогического общения (нахождение *общего языка*) состоит в том, что собеседники, первоначально, возможно, расходившиеся во взглядах, пришли к согласию:

- (20) Мы редко расходились в Совете Министров по большинству острых и крупных вопросов, мы всегда *находили общий язык* и обоюдное понимание (В. Н. Коковцов, 1933).

Если общей почвы нет и взгляды участников коммуникации слишком различны, прийти к взаимопониманию бывает трудно. Ср. замечания известного философа:

- (21) В демократии не может быть места для партии, которая открыто требует истребления евреев или негров,— с этим все согласны в демократическом лагере (насчет помещиков и даже крестьян уже согласия нет). Но какие убедительные доводы могут быть противопоставлены убийцам, если утрачена общая нравственная почва? Перед демократической культурой стоит задача необычайной трудности: *найти общий язык*, общую веру, не прибегая к насилию в духовной борьбе (Г. Федотов).

То, что различия во взглядах препятствуют успешной коммуникации, осознается и рядовыми носителями языка, не только философами:

- (22) «Карл,— говорю я полковнику,— могут ли Россия и НАТО *найти общий язык?*»— «Этот поиск, наверное, будет долгим. У нас слишком *разные взгляды* на проблему. Между нами еще слишком много подозрительности и неискренности» (В. Баранец, 1999).

Уже из этого примера видно, что, помимо разницы во взглядах, успешному общению препятствуют *подозрительность* и *неискренность*. Как уже говорилось, для успешной коммуникации важны также общие вкусы и ценности. Если они различны, это затрудняет общение:

- (23) *Не найти* нам тут *общего языка*. Разные мы с тобой (А. Володин).

**Как же достичь взаимопонимания**

Каким же образом при изначальном различии взглядов участников коммуникации, все же удается прийти к согласию, *найти общий язык*? Иногда собеседники приходят к согласию благодаря тому, что одному из собеседников удается убедить другого в своей правоте:

- (24) Иванов же нашел с Блоком *общий язык* или, вернее, заставил Блока принять сильную дозу своих нечетких идей (А. Белый).

Тем самым способность убедить, *уговорить* собеседника также может описываться выражением *найти общий язык*:

- (25) Костя тем и славится, что любого *уговорить* может, он Прошу чуть не *уговорил* с парашютом прыгнуть, он с милицией *общий язык* сразу *находит*, а родного брата, да еще такого доброго, такого близкого — не *уговорит*? (С. Соловейчик).

В следующем примере неспособность православных миссионеров приобщить духовно жаждущих людей «к полноте истины, открывающейся в Православии», описывается как неумение *найти* с ними *общий язык*:

- (26) Многие люди испытывают жажду истины и пребывают в духовных исканиях. Нередко они находят временное удовлетворение, воспринимая различные псевдодуховные мировоззрения, чуждые православному Преданию. В этом есть доля и нашей вины — значит, мы не смогли *найти общего языка* с этими духовно жаждущими людьми и не сумели приобщить их к полноте истины, открывающейся в Православии (Святейший Патриарх Алексий II).

Но чаще согласие бывает связано не с тем, что один из участников коммуникации полностью принимает взгляды другого, а с взаимными уступками, когда стороны приходят к компромиссу:

- (27) Уже шел 1997 год, а Россия и Украина даже после многочисленных фальшиво-мажорных заявлений своих президентов о том, что, в конце концов, удалось найти *общий язык* в спорах из-за дележа Черноморского флота, продолжали погрязать в сварах (В. Баранец, 1999).

Таким образом, умение *найти общий язык* предполагает готовность к компромиссу, отсутствие агрессивности в отстаивании (а чаще — навязывании) своих воззрений:

- (28) Я тогда высказала пожелание, чтобы народные депутаты перед своими заседаниями смотрели фильмы Чаплина. Может, они стали бы менее агрессивными и быстрее нашли *общий язык*. Марк Анатольевич на это иронично заметил: «Но Сталин смотрел Чаплина, и это не помогло» (Алла Сурикова, 2001).

Соответственно, невозможность *найти общий язык* означает неготовность пойти на компромисс, и это, к сожалению, встречается чаще:

- (29) Все члены Совещания приезжали с готовыми мнениями, *общего языка*, конечно, никто не смог бы *найти*, и значение совещания сводилось, таким образом, лишь к тому, чтобы еще лишний раз показать, как разошлись пути революции и какая бездна лежит перед страной. И Александр ясно чувствовал, что в утверждениях своих большинство до конца искренне и до конца правдиво. А это еще сильнее подчеркивало неизбежность скорой катастрофы, так как никто не хотел идти на уступки, никто *не искал общего языка*. Таким образом одна точка зрения исключала другую, а средней не было (Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева));
- (30) Некоторые историки склонны считать разгон Учредительного собрания отправным моментом, от которого стрелки революционного барометра были переведены на «бурю». Они полагают, что, если бы в тот момент большевики и левые эсеры с одной стороны и какая-то часть правых эсеров и меньшевиков с другой *нашли общий язык*, революция могла бы развиваться иным, более мирным путем: без крови, страданий и гражданской войны. Но отец рассказывал, что при полном отсутствии доверия как с той, так и с другой стороны, никто тогда не был склонен *идти на компромисс* (О. Трояновский, 1997);
- (31) Репортажи из Думы — парад амбиций, эгоизма и нетерпимости к инакомыслию. Каждый партийный вождь, будь то коммунист Зюганов, либерал Явлинский, националист Жириновский, клянется в любви к своей стране и ее народу. Она, эта любовь, — надежнейшая платформа для *поисков общего языка и взаимных уступок*, то, ради чего стоит проявить терпимость, даже если ты считаешь правым только себя. Однако все остервенело, переполненные ненавистью друг к другу и презрев свои клятвы, тянут одеяло на себя. Все предпочитают разорвать его в клочья, но не уступить (Р. Евгений, 1999—2000);
- (32) В Государственной думе уже который год муссируется три или четыре проекта, но депутаты никак не могут *найти общего языка* ни по срокам альтернативной службы, ни по критериям, по которым человек может отказаться брать в руки оружие (В. Баранец, 1999).

Интересно также специфическое советское употребление выражения *найти общий язык*, когда оно предполагает умение наладить отношение с «прогрессивным» иностранцем и извлечь из этого какую-то пользу для Советского Союза. Оно предполагает попытки под видом общей почвы для согласия навязать свои взгляды, и люди шепетильные не хотели *искать* такой *общий язык* с иностранцами:

- (33) Но вот нас пригласили в советское посольство и попросили встретиться с Ионеско. Зачем? А затем, что при очередном повороте курса (уже шел 1969 год) возникла необходимость попытаться наладить отношения с прогрессивными деятелями. К этому моменту уже не упоминали, что Ионеско реакционер, а поскольку Ионеско драматург, и мы — драматурги, то, может, нам удастся *найти* с ним *общий язык*. Искать с ним общий политический язык мы напрочь отказались. А встретиться охотно согласились, так как он действительно был одним из самых интересных современных драматургов, пишущий абсурдистские пьесы (С. Алешин, 2001).

Практические рекомендации к достижению взаимопонимания могут состоять в том, что не следует стремиться к полному совпадению взглядов по всем вопросам. Довольно того, чтобы выявить «точки согласия» и, отталкиваясь от них «договориться в принципе»; это уже может восприниматься как «нахождение общего языка».

- (34) Садясь за стол переговоров,— говорил Перес в Давосе в феврале 1996 года, — никогда не ставьте перед собой конкретных целей. Ибо конкретные цели предполагают конкретные пути их достижения, а такая постановка вопроса несёт в себе по определению элемент противоречия в позициях сторон. Попробуйте просто найти *общий язык*, договориться в принципе и уже потом, не торопясь, не форсируя событий, идите к общей цели (А. Бовин, 1999).

Даже сама готовность к пониманию другого человека без принятия его взглядов — первый шаг на пути к успешной коммуникации:

- (35) Мне показалось, что он начал значительно лучше понимать ситуацию с канадскими украинцами, понимать, что агрессивная идеологизация в работе с эмиграцией является ошибкой. В общем, мы *нашли общий язык*, и с тех пор немножко стало полегче — ни диких указаний, ни невежественных втыков после этого не случилось (А. Яковлев, 2001).

**Общий язык как результат успешной коммуникации:  
налаживание отношений, сотрудничество, сделка**

Способность прийти к согласию предполагает сотрудничество, невозможное при враждебных отношениях в условиях конфликта, когда люди постоянно сводят счёты друг с другом. Поэтому *общий язык* предполагает установление или налаживание доброжелательных, дружеских отношений:

- (36) Если отец сходил с людьми трудно, то мать с любым человеком легко *находила общий язык*. У нее — где бы она ни работала, ни жила — всегда появлялось много знакомых, друзей (Ю. Никулин).

Когда удалось найти общий язык, появляется возможность консолидировать усилия и сотрудничать в достижении общих целей.

- (37) И Дмитриева, и Метревели, и я — мы вместе можем многое сделать. Значит, надо общаться, надо *находить общий язык*, а не сводить никому не нужные счёты (Ш. Тарпищев, 1999).

Поэтому результатом того, что участники переговоров *нашли общий язык*, часто оказывается достигнутая ими консолидация усилий:

- (38) Лев Толстой сказал потрясающую по своей простоте мысль: все подлецы *находят общий язык*, они быстро объединяются. Хорошим людям нужно делать то же самое — объединиться и договориться между собой (Г. Бурков, 1953—1990);

- (39) Я попытался *найти общий язык* с бывшим товарищем по Межрегиональной группе Юрием Болдыревым, но и он, по-видимому, руководствуясь личной обидой в связи с проигрышем в первом туре, высказался против моего избрания (А. Собчак).

Цель при этом не обязательно является благородной и может не вызывать у говорящего сочувствия — выражение *найти общий язык* все равно оказывается возможным:

- (40) Луганский слесарь Ворошилов и унтер Буденный *нашли общий язык*. Благодаря их совместным усилиям начдив Думенко исчез «в небытие», а Буденный получил оперативный простор. Его назначили командующим Первым кавалерийским корпусом. Теперь оставалось совсем немного — ликвидировать соперника, командира Второго конного корпуса Миронова (А. Гладилин);
- (41) Андропов и Устинов *нашли общий язык*, были основной опорой власти Брежнева, хотя затаенные мечты были разными (А. Яковлев, 2001).

Соответственно, неумение *найти общий язык* указывает на невозможность плодотворного сотрудничества, на потенциальные или даже реальные конфликты:

- (42) А вот со своими ближайшими помощниками, замполитом и старпомом, Александр Иванович *общего языка не нашел*, и потребовалось немало дипломатических усилий, чтобы, не доводя дело до конфликта, получить вместо них таких людей, с которыми у него установилось полное взаимопонимание (А. Крон, 1983);
- (43) Трагический парадокс состоял в том, что ненавидящие друг друга Лебедь и Смирнов в то же время стояли «по одну сторону баррикады», занимая позиции, выгодные России. Казалось бы, такие люди должны были *найти общий язык*, не ввязываться в склоки. К сожалению, многие поступки Александра Ивановича часто не вписывались в рамки нормальной логики. И было очень грустно наблюдать за тем, как он, вместо того чтобы пожать протягиваемую ему Смирновым руку, бил по ней (В. Баранец, 1999).

Часто выражение *нашли общий язык* указывает на то, что в результате переговоров их участники пришли к соглашению (которое, возможно, явилось результатом компромисса):

- (44) ...у лейтенанта Шмидта оказалось тридцать сыновей в возрасте от восемнадцати до пятидесяти двух лет и четыре дочки, глупые, немолодые и некрасивые. В краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что братья *найдут общий язык* и выработают, наконец, конвенцию, необходимость которой диктует сама жизнь (И. Ильф, Е. Петров).

Особенно часто это представление возникает в тех случаях, когда речь идет о межгосударственных переговорах:

- (45) Москва и Минск *нашли общий язык* при подписании соглашений о российских военных объектах в этой республике, о координации разведывательной деятельности и многих других (В. Баранец, 1999).

Иногда выражение *найти общий язык* указывает на удачную коммерческую сделку:

- (46) Летом здесь не хватает льда, и более мелкие торговые точки не могут конкурировать с более мощными торговыми предприятиями, умеющими найти *общий язык* и с тачечником и с теми, кто его снабжает льдом (Ф. Искандер).

Опять-таки это представление часто возникает при описании результатов межгосударственных переговоров:

- (47) Финансовая сторона вопроса продолжительное время не позволяла России *найти общий язык* и с Казахстаном в споре о порядке расчетов за эксплуатацию космодрома Байконур (В. Баранец, 1999);
- (48) Американцам было гораздо легче находить *общий язык* с Баку — у них были деньги. Деньги дополнялись чисто американским дипломатическим начальным напором и экономическим расчетом (В. Баранец, 1999).

Особым подвидом способности *находить общий язык*, который был чрезвычайно важен в советское время, является умение договориться с начальством:

- (49) Главным «рассадником кадров» стал Ленинградский физико-технический институт. Его директор Абрам Иоффе (1880—1960), ученик Рентгена, легко вписался в советскую жизнь, умело находил *общий язык* с властями и необычайно много сделал для роста физики (Г. Горелик, 2004).

Разумеется, далеко не всегда *находить общий язык* с начальством легко (это было трудно в советское время, но для многих остается трудным и сейчас). Причины таких трудностей могут быть различны. Иногда роль играют какие-то свойства начальника, как в следующем эпизоде:

- (50) Ко мне явился замполит и сказал: «Ну, когда мы в базу вернемся, с вами Особый отдел будет разбираться за ваши идеологические диверсии. А я все-таки хочу спросить, как это так — я дней и ночей не сплю, личный состав неустанно воспитываю в духе постоянной преданности и идейной чистоты, а вы взяли и мне его весь в один день морально разложили?» Я не на шутку испугался: «Чем же это я разложил?» «Вы что, и вправду не понимаете или ваньку валяете? Это ваши слова?» — И он сунул мне под нос отобранную у Агуреева тетрадку, где под мою диктовку был записан текст песни. — Мои». «Ну вот, а еще отпираетесь, — сказал он с торжествующей улыбкой. — Вы тут ясно пишете, что у женщины есть грудь!» «Ну и что?» — не понял я. — «А то, что вы таким образом на секс намекаете. А для советского человека у женщины грудь в любви — не главное, главное — это моральный облик!» Сразу стало ясно, что *общего языка* мы с ним не найдем (А. Городницкий).

Но бывает, что кто-то не умеет *находить общий язык* с начальством в силу своих личных качеств, напр.:

- (51) ...я совершенно не могу с руководством ладить, *находить общий язык* с разными начальниками. Они для меня все на одно лицо, и все они одинаково меня измотали (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов, 1984—2001).

## «Синкретичные» употребления

Основная часть примеров предполагает определенное совмещение интерпретаций, когда выражение *найти общий язык* может одновременно указывает и на наличие общих взглядов, вкусов или предпочтений, и взаимопонимание, и способность встать на точку зрения собеседника, и готовность к компромиссу, и соглашение, выработанное на основе переговоров. Иногда сквозь все эти интерпретации мерцает и исходное значение — использование коммуникативного кода, понятного собеседнику. Так в следующем примере субъект со всеми *находит общий язык* и потому, что с каждым «говорит на его языке», и потому, что умеет всем понравиться, выбирая подходящую тему для разговора и соответственным образом меняя линию поведения:

- (52) Главное — следить за собой. Женщине столько лет, на сколько она выглядит. И очень важно быть коммуникабельной, очень. Вот я, например, нравлюсь, потому что с любым нахожу *общий язык*. И — точно: с молодыми Галочка говорила «блин» и «я от тебя ташусь», с пожилыми — о лечении травами и «куда катится страна». С одними становилась твердой и сильной, такой, что коня на скаку остановит, не говоря о горящей избе, с другими — беспомощной и беззащитной, короче, зайчиком белой масти. «Надо уметь видеть, кто перед тобой, и выбирать тактику, исходя из этого», — учила Галочка юных сотрудниц и Ольгину невезуху-дочь Лизу (Н. Катерли, 2000).

Умение *находить общий язык* с самыми разными собеседниками и контрагентами обычно похвально. Оно предполагает доброжелательность по отношению к собеседнику, отсутствие мелочных амбиций, способность встать на точку зрения собеседника — качества, которые в русском языке обозначаются выражением *широта души* и оцениваются положительно:

- (53) Раевский был удивительно общительным и обаятельным человеком. Умел находить *общий язык* с любой аудиторией — и в среде студентов, и в доме таких людей, как В. И. Качалов или О. Л. Книппер-Чехова. Я не раз видел, как он остроумно и умело «вел» застолье. Он вносил в это «дело» атмосферу веселья и непринужденности, находя для каждого из присутствующих слова острого юмора и доброго серьеза (В. Давыдов, 2004).

При этом умение *находить общий язык* не предполагает беспринципности и бесхребетности; оно вполне сочетается с твердостью и моральной стойкостью:

- (54) К. К. Юдин своей твердостью, принципиальностью и терпением вызывал тогда особое уважение. Это был честный художник, смелый и прямой человек, мужественно перенесший все трудности, связанные с работой над фильмом, и физические, и моральные. У него был добрый русский характер — сочетание лукавого юмора с твердостью и решительностью натуры, горячего темперамента с выдержкой и умом. Обычно он очень быстро находил *общий язык* с простыми людьми, потому что сам был простой русский человек (В. Давыдов, 2004).

Однако нежелание *находить* с кем-то *общий язык* также может иметь свои резоны, и бывает так, что с разных точек зрения могут быть оправданным как поиски общего языка, так и отказ это делать. Ср. следующий пример:

- (55) В сталинское время Капица написал более ста писем кремлевским вождям. Своим участием в социалистическом строительстве он обеспечил себе настолько влиятельное положение в советской системе, что смог вызволить из ямы тридцать седьмого года нескольких физиков, и в том числе антисталиниста Ландау. *Найти общий язык* с Берией Капица не мог, не хотел. Это не означает, однако, что он с моральным осуждением смотрел на Курчатова, успешно делавшего свое дело. Анна Капица, жена и верный друг П. Л. Капицы, сказала об этом так: Курчатов был необыкновенный человек в том отношении, что он умел с этими людьми [советскими руководителями] разговаривать (Г. Горелик, 2004).

В любом случае поиски *общего языка* уместны в тех случаях, когда речь идет об общении между людьми, поскольку все названные параметры: общие взгляды, вкусы или предпочтения, и способность встать на точку зрения собеседника, готовность к компромиссу — это характеристики человеческого общения. Когда об общих взглядах, вкусах, ценностях и целях говорить не приходится, использование выражения *найти общий язык* бывает неуместно. Следующий пример, в котором речь идет о неумении молодого пастуха управляться с коровами, забавен тем, что это неумение также концептуализуется как неспособность к взаимопониманию с ними (и тем самым неумение найти с ними *общий язык*):

- (56) Бабы выгоняют коров на улицу, а те не идут. Не слышат призывного матерка. Да и молодой пастух никак не найдет с коровами взаимного понимания. Так сказать, *общего языка*. И тех коров, которых все же удалось вытолкнуть со двора, никак не может собрать в стадо (С. Алешин, 2001).

### Заключительное замечание

Наша жизнь происходит в постоянном диалогическом взаимодействии с другими людьми. Это взаимодействие не может быть успешным без *общего языка*. В полном соответствии с этим представлением русская языковая картина мира придает тому, чтобы *найти общий язык*, важнейшее значение. Если люди *нашли общий язык*, можно сказать, что участники диалога достигли успеха. Поэтому установление того, в каких случаях по-русски говорят, что *общий язык* был *найден*, позволяет понять, что носители русского языка воспринимают как успешное общение.



ХОХМА \*

Среди русских «юмористических» речевых жанров особое место занимает *хохма*. Строго говоря, слово *хохма* не является исключительно обозначением речевого жанра. Оно может обозначать как речевое действие, так и событие, которое послужило или может послужить поводом для осуществления данного речевого действия. *Хохму* можно *рассказать*, но *хохма* может и *произойти*.

Как известно, слово *хохма* исторически восходит к древнееврейскому слову со значением ‘мудрость’. Соответствующее понятие под греческим именем Софии стало одним из ключевых концептов русской религиозной философии, хотя исходное слово *хохма* при этом, за весьма редкими исключениями, не упоминается. В настоящее время подлинная этимология этого слова почти полностью забыта; отсылки к ней делаются редко, напр. в ученых трудах, в которых речь прямо идет о ветхозаветных текстах или о позднейшей иудаистической традиции. Замечательно, что в этих текстах, как правило, во избежание недоразумений сразу же сообщается, что под *хохмой* в еврейской традиции понимается ‘мудрость’ (по-гречески — «София»). Напр.:

- (1) ...как известно, и в канонической книге «Притчей Соломоновых» мы встречаем развитие этой идеи Софии (под соответствующим еврейским названием Хохма) (В. Соловьев);
- (2) «Хохма» — переводится с иврита как «мудрость», в данном контексте — «мудрость Бога». ...Хохма — это потенция (для знающих физику — потенциальная энергия), и она же — первичный, необработанный поток информации, которому еще только предстоит быть структурированным. Хохма (мудрость) есть у каждого человека. Но мудрость — это только лишь потенциальная способность мыслить. На человеческом уровне нам часто приходится встречаться с людьми, которые имеют неплохой природный ум (хохму), но их естественные способности неразвиты (<http://alsigna.narod.ru/001-009.htm>).

Употребление слова *хохма* в современном языке определяется тем, что «народной этимологией» оно возводится к глаголу *хохотать* или существительному *хохот* (словам, занимающим важное место в восприятии смеха в русской языко-

---

\* Статья планируется к публикации в журнале «Die Welt der Slaven».

вой картине мира [Шмелев 2007]). Иными словами, в соответствии с «народной этимологией» *хохма* — это нечто такое, что заставляет людей смеяться. Ср. «наивное» толкование слова *хохма* в следующем примере из «Национального корпуса русского языка»<sup>1</sup>:

(3) Хохма — это такая шутка (А. Инин. «Торт с доставкой на дом» (1981)).

Можно было бы попытаться усмотреть и семантическую связь между исходным значением ‘мудрость’ и современным русским значением ‘нечто смешное’. Действительно, многие еврейские притчи не только представляют собою нравоучительный рассказ, в котором содержится некая мудрость, но и демонстрируют весьма остроумный взгляд на вещи и заставляют улыбнуться (хотя все же едва ли *хохотать*). С другой стороны, во многих еврейских анекдотах усматривается не только желание посмешить слушателей, но и некое нравоучение и мудрость. Более того, между еврейскими притчами и современными русскими анекдотами, по-видимому, обнаруживается и некоторая историческая преемственность (ср. [Шмелева, Шмелев 2002]).

Типологически переход от смысла ‘мудрость’ к смыслу ‘смешное’ не представляет собою чего-то необычного: так, немецкое *Witz* ‘шутка, остроумие’ имело раньше значение ‘знание’ (ср. *wissen* ‘знать’) и, вероятно, приобрело значение ‘остроумие’ под влиянием франц. *esprit*; ср. также соотношение английского *wit*, которое может означать и ‘ум’, и ‘остроумие’ и родственно слову *wise* ‘мудрый’. Да и в русском *остроумный* (первоначально означавшем нечто вроде ‘очень умный’, т. е. обладающий *остротой ума*) представлен тот же семантический переход [Зализняк 2007]. Однако нет никаких надежных данных, свидетельствующих о том, что восприятие слова *хохма* в русском языке отражает эту семантическую связь, тогда как влияние «народной этимологии» представляется совершенно бесспорным. Именно в новом значении слово *хохма* укоренилось в русском языке, о чем свидетельствует наличие производных *хохмить* и *хохмач*, уже никоим образом не ассоциирующихся с мудростью.

Еврейское происхождение слова *хохма* многими носителями русского языка никак не ощущается, хотя иногда о нем вспоминают (чаще всего люди, знакомые с еврейской традицией). Напр.:

(4) ...в доме Магазинеров никогда нельзя было услышать ни одного еврейского слова, и за правильностью русской речи детей очень следили... Еврейские словечки, давно получившие право гражданства в русском языке,— или, по крайней мере, в русском сленге,— «хохма», «цорес» и т. п. — были девочкам Магазинерам неизвестны; их воспитывала гувернантка... (И. М. Дьяконов. «Книга воспоминаний»).

<sup>1</sup> Многие последующие примеры также взяты из «Национального корпуса русского языка»; специально это в дальнейшем не оговаривается.

Впрочем, как будет видно в некоторых примерах ниже, иногда память о еврейском происхождении просматривается в современном употреблении слова, уже совсем утратившем связь с еврейской Мудростью.

Заметим, что толкование ‘нечто смешное’ было бы для современного русского слова *хохма* явно недостаточно. Забавную карикатуру или кинокомедию в нормальных условиях едва ли кто-то назовет *хохмами*. Попытаемся чуть точнее охарактеризовать круг явлений, которые могут быть обозначены как *хохмы*.

Сразу же бросается в глаза неоднородность *хохм*. Слово *хохма* может обозначать смешное событие (и тогда говорят: «Вчера приключилась хохма»), а может — речевое действие, направленное на то, чтобы рассмешить слушателей (соответственно, глагол *хохмить* обозначает осуществление таких речевых действий). Кроме того, оно может указывать на действия (возможно неречевые), направленные на то, чтобы вызвать смех (напр., в сочетаниях *учинить хохму* или *отмочить хохму*, как это сделал *Митька Ермаков* — заглавный герой рассказа Василия Шукшина), а также на смешную составляющую некоего события или высказывания (говорят: *хохма заключалась в том что...*)<sup>2</sup>.

Довольно давно слово *хохма* стало употребляться в значении забавного розыгрыша, ставящего своей целью подшутить над кем-то и посмеяться над человеком, попавшим в ловушку (*какую хохму надо мной разыграть* — выражение в одном из писем Юлия Даниэля из лагеря). Обычно это веселый и необходимый розыгрыш, когда человек сообщают заведомую небылицу, но аранжируют ее таким образом, что человек попадается и верит ей (в довольно близком значении иногда используется слово *покупка* — производное от имеющего это значение глагола *купиться*). Такого рода *хохмы* любят устраивать по отношению к новичкам их более опытные товарищи в армии, на флоте, а также в разнообразных экспедициях: археологических, геологических, спелеологических. Характерный пример такого употребления слова *хохма* мы находим в сборнике очерков Василия Пескова «Белые сны», в котором он рассказывает о своем путешествии в Антарктиду в качестве корреспондента «Комсомольской правды»:

(5) Лучшее из лекарств от хандры — шутка, веселый розыгрыш. В Мирном дня не бывает без «хохмы». И до меня добрались.

Далее автор рассказывает, в чем состояла «хохма», на которую он не попался, и повествует о том, как вечером того же дня у Виталия Кузьмича Бабарыкина, которого он характеризует как *главного «хохмача» поселка*, «с наслаждением вспоминаются все удачные “покупки” этого года».

Сходное отношение к *хохмам* обнаруживается в книге Константина Серафимова «Экспедиция во мрак», в которой рассказывается о спелеологической экс-

<sup>2</sup> Типологически в том, что одно и то же слово может обозначать как некоторую ситуацию, так и рассказ о ней, не представляет ничего необычного (произошла история и рассказать историю). Ср. замечания о слове *вздор* в статье [Зализняк, Шмелев 2010].

педиции. Как говорится в книге, новичков ловят на *хохму с макаронами*: им сообщают, что макароны перед варкой необходимо продуть, и новички «покупаются» на это и дружно начинают продувать макароны. *Что может быть прекраснее зрелища Новичка, продувающего свою Первую Макаронину?* — риторически спрашивает автор, используя от восторга заглавные буквы. Он называет вечер, когда удалось таким образом «купить» сразу нескольких новичков, *Вечер Великой Хохмы*.

Об этой и других *хохмах* речь идет и в рассказе Юрия Зверева «Наряд на камбуз». В нем говорится, что «на старые флотские шутки на первом году службы попадались все», и приводятся примеры таких шуток (*хохм*):

(6) Продувание макарон было испытанной хохмой. Ею встречали они тех, кто впервые попал в наряд на камбуз.

Вносили ящик макарон, на глазах салажат брали по одной и дули в нее. Из макаронин выдувалось облачко муки.

— Опять некачественные макароны привезли — сплошная мука, — заключал один. — После них котлы не отчистишь, опять молодым до утра скрести. Молодыми были мы. Никому не хотелось до утра чистить горячий котел.

— А ну, наряд, становись к ящику! Чтобы за час все макароны были продуты. И действовало. Мы обступали ящик и начинали это дурацкое занятие.

Кожи же, поджав животы, уходили в хлеборезку и оттуда наблюдали за нами, смеялись от души.

В другой раз приходил главстаршина, командир камбуза, приседал у края огромной каменной плиты и, прищулив глаз, что-то внимательно вымерял. Потом сердито говорил:

— Ну, не умеют топить, хоть кол на голове теши. Опять от перегрева плита сдвинулась. А ну, ребята, берись с этой стороны.

Тридцать человек народа упирались ногами во что придется, и пытались подвинуть монастырскую плиту.

— Так, так, уже пошла. Еще навались! — командовал старшина, пока хохочущие коки не вываливались из хлеборезки.

Мы, употевшие, понимали, что это очередная подначка, и удивлялись собственной глупости.

Много чего с нами было: и пар над плитой мешками ловили, и мышей на складе звоном мисок разгоняли...

«Покупали» и друг друга как могли. Однажды после обеда пошел наш дежурный по столу бачки относить, и видит: в ванне с очищенной картошкой вода серо-коричневая — ну просто компотного цвета. Схватил чайник, зачерпнул и приносит ребятам.

— Братцы, еще компоту у коков выпросил.

Обрадовались ребята. Пошел чайник по кругу. Миски уже сдали, поэтому пили из носика. Хватил первый, помолчал, сказал: «Отличный компот». Передал другому. Тот выпил — третьему. Пока не обошел чайник с грязной водой весь стол, никто не прыснул. Но уж когда последний наполнился — грохнул стол от хохота. Каждый потешался над тем, кого «купил», а дежурный — над всеми.

В повседневной городской жизни такого рода розыгрыши не приняты и, как правило, осуществляются лишь раз в году — первого апреля. Отсюда клишированное выражение *первоапрельская хохма*, напр.:

- (7) Но тут звезда Ямайки догадалась: «Да это же первоапрельская хохма!» (А. Вознесенский).

Ср. также:

- (8) Апрель в Израиле, как и у нас, начинается с 1 апреля, то есть всяческими хохмами (А. Бовин. «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (1999)).

Далее Александр Бовин приводит примеры таких первоапрельских «хохм»:

- (9) Бывают «хохмы» и иного рода. 1 апреля 1997 года египетский еженедельник сообщил, что «палестинская героиня» бросила гранату в Нетаньяху и Шарона, которых «разнесло в клочья».

Сущность *первоапрельской хохмы* опять-таки заключается в том, чтобы преподнести небылицу таким образом, чтобы адресат речи в нее поверил, и посмеяться над его излишней доверчивостью.

Встречается и ситуация, когда нечто представляется столь неправдоподобным, что наблюдатели не могут в это поверить. Тогда приходится специально предупреждать, что это *не хохма*, как в следующем примере (из НКРЯ):

- (10) Публикуем хит-парад самых необычных объявлений недели. Это не хохмы, не розыгрыши. Это абсолютно реальные объявления. Они взяты из жизни: со столбов, с московских стен, из журналов и газет (Объявления (1997) // «Столица», 1997.07.29).

Иногда идея обмана выходит на первый план, так что смысл, связанный с шуткой и смехом, оказывается устраненным. Отметим в связи с этим выражение *взять на хохму*, используемое в романе «Гарпагоняна» Константина Вагинова (написанном в 1934 г.) по отношению к перекупщику Анфертьеву и означающее обман при купле-продаже. Упомянем также выражение *никакой хохмы нет* 'нет никакого обмана' из известного анекдота, пересказанного Аркадием Хайтом, о том, как некоторый человек берет в банке кредит на сто долларов под восемь процентов годовых под залог своего «Мерседеса», а через год возвращает долг с процентами и забирает «Мерседес». Удивленный банкир спрашивает:

- (11) «Дорогой мой! Я уже тридцать лет директор банка, видел всякие трюки, но с таким встречаюсь впервые. Вы взяли у нас сто долларов, через год вернули сто восемь. В чем хохма?» — «Никакой хохмы нет. Просто сами подумайте, где бы я еще мог за восемь долларов найти годовую стоянку для своего “Мерседеса”?» (А. Хайт. «Монологи, миниатюры, воспоминания» (1991—2000)).

В целом, однако, такое употребление для современного языка нехарактерно; в частности, некоторые носители языка отвергают выражение *взять на хохму* как неправильное.

Кроме того, бывают злые розыгрыши, и их иногда тоже называют *хохмами*. Иногда цель такой *хохмы* состоит в том, чтобы позлить человека, оказавшегося ее мишенью, сделать его объектом насмешек. В этом случае даже не так важно, чтобы он «купился» на *хохму*, — важно, чтобы он разозлился. Характерный пример:

- (12) ...выдумщик Игорь Горфинкель, чтобы позлить сержанта (все равно пропадать), придумал очередную «хохму». Шепотом, но так, чтобы младший сержант слышал, он проговорил: «Помните, ребята, как мы после второго курса в лагерях угрохали сержанта? Никто его до сих пор не нашел и никто не знает, кто его порешил» (Л. Дурнов. «Жизнь врача. Записки обыкновенного человека» (2001)).

Наконец, иногда слово *хохма* используют по отношению к проделкам, в которых уже нельзя усмотреть что-либо веселое, так что само слово *хохма* используется в них иронически или «сдвинуто». Так, Александр Зиновьев в книге «Русская судьба, исповедь отщепенца» рассказывает, как ему однажды позвонили из редакции газеты «Известия» и сообщили, что его статья принята к публикации:

- (13) Никаких статей в эту газету я не посылал. Кто-то сочинил эту гнусную марксистскую статью от моего имени. Я предполагаю, что это сделал мой бывший друг Эвальд Ильенков. Он мог это сделать в порядке хохмы, которыми мы регулярно обменивались. Но эта хохма выходила за рамки шуток.

Возмущенный Зиновьев «потребовал произвести расследование по поводу подлога». Обратим внимание на его замечание, что *эта хохма выходила за рамки шуток* (иными словами, уже не являлась *хохмой* в собственном смысле слова).

Вспомним также историю, рассказанную в «Факультете ненужных вещей» Юрия Домбровского. Следователь Роман Львович Штерн, к которому пришел врач с заявлением о пропаже жены, в результате допроса обвинил врача в том, что тот сам убил свою жену и расчленил и спрятал ее тело. Врач был приговорен к смертной казни как террорист, с такой аргументацией: «Разве советские люди убивают? Значит, убийца — личность антисоветская. Так по какой причине антисоветчик может убить советского человека — свою жену? Только потому, что его жена, как человек советский, хотела разоблачить антисоветчика. Значит, это не простое убийство, а убийство на политической почве, то есть террор». Но после объявления приговора в зале появилась «убитая». Дело в том, что Роман Львович опубликовал историю врача-убийцы в газете «Известия», и номер «Известий» с его очерком попался на глаза знакомым «убитой», а она в то время уже третий год жила на Дальнем Востоке с новым мужем. «Начались скандалы. Пришел участковый. Составил протокол. Пришлось срочно ехать в Москву и являться». Далее следует иронический комментарий:

- (14) Никому другому, кроме Романа Львовича, эта дурацкая хохма не сошла бы с рук — но как можно обидеть такого чистого, прекрасного, наивного, честнейшего человека? Ни у кого из властей на это рука не поднялась бы!

Ясно, что здесь мы имеем дело с ироническим переосмыслением слова *хохма*. Речь уже никак не идет о веселом розыгрыше.

Другой тип употреблений слова *хохма* относится к забавным происшествиям, заставляющим людей посмеяться, и к рассказам о таких происшествиях. В отличие от веселых розыгрышей, такие происшествия случаются независимо от воли их участников; во всяком случае, они не связаны с желанием позабавить или позабавиться (однако рассказы о таких происшествиях могут быть вызваны именно этим желанием). Именно о таких происшествиях говорят, что *случилась хохма, получилась хохма, вот хохма была*. Напр.:

- (15) ...когда у нас с ней дело дошло до постели, то получилась хохма (Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)).

Соответственно, если ожидается смешное (хотя, скорее всего, не очень приятное для участников) происшествие, об этом часто говорят: *будет хохма* (причем нередко слово используется иронически, с некоторым сдвигом). Напр.:

- (16) ...продавец подмигивает мне: вот, мол, сейчас будет хохма! (В. Аксенов);  
 (17) Представляю, как будет обидно, когда, умерев, ничегошеньки не найдешь за гробом. Вот будет хохма! — хохотнул он (Н. Дежнев. «В концертном исполнении» (1993));  
 (18) ...Кузнецова всматривалась и вслушивалась в шумную темень, постепенно начиная казаться самой себе круглой дурой. Вот будет хохма, если сейчас по тропке пойдет случайный прохожий, а она на него набросится! Хоть бы никто не появился (П. Акимов. «Плата за страх» (2000));  
 (19) Только вот будет хохма, если преступник все это время находился в квартире убитого! (Н. Леонов, А. Макеев. «Гроссмейстер сыска» (2003)).

Еще чаще употребление слова *хохма* бывает связано не прямо с забавным происшествием, а с рассказом о таком происшествии: именно рассказ вызывает смех у слушателей. Такой рассказ иногда предваряется «метатекстовым» вводом: *Хотите хохму?* Напр.:

- (20) Хотите хохму? — Валяй! — Это по Военно-Грузинской. Какой-то шутник в нише над самой дорогой пристроил человеческий череп, а под ним написал: «Я был таким, как вы, вы будете такими, как я. Счастливого пути!» (Е. Носов);  
 (21) Эй, все! Хотите хохму? Знаете, кого притащил Сарданапал? Здесь Таня Гроттер! (Д. Емец. «Таня Гроттер и магический контрабас» (2002)).

Рассказ такого рода может быть назван *хохмой* постольку, поскольку он производит комический эффект, вызывает смех. Соответственно, вопрос *Правда, это хохма?* можно интерпретировать как попытку найти у слушателей под-

тверждение: *Правда, это смешно?* Ср. эпизод из «Двойной фамилии» Дины Рубиной:

- (22) Представляешь, сказал я ему, недавно совершенно случайно вслушалась в программу «Время», а там как раз передавали насчет этого случая с Папой Римским. Нонка прибегает на кухню — глазища вытарашены, челка прыгает — и кричит родителям: «Вы здесь чай пьете?! А там убили папу Римского-Корсакова!» Хохма, да?..

Такие *хохмы* рассказывают и пересказывают, они превращаются в особый речевой жанр, подобный байкам, смешным историям, рассказам-пластинкам. Они могут бытовать в определенной среде, так что знакомство с ними становится знаком принадлежности к данной среде. Ср. следующие примеры:

- (23) Биржа всегда славилась обилием слухов, баек и хохм, связанных с жизнью лабухов, с курьезными случаями на «халтурах», когда кто-то «кирной» падал со сцены вместе с саксофоном или засыпал за пианино. Биржа была рассадником новых анекдотов, школой юмора (А. Козлов. «Козел на саксе» (1998));
- (24) В мире советских гастролеров уже давно бытовали многочисленные «хохмы» по поводу всех «накладок», встречавшихся на каждом шагу (А. Козлов. «Козел на саксе» (1998));
- (25) ...посидели хорошо, рассказывая разные больничные «хохмы». Вспоминали, как получили с присланным по «скорой помощи» мальчиком направление, в котором было написано: «Направляется больной с рваной раной правой полужопины» (Л. Дурнов. «Жизнь врача. Записки обыкновенного человека» (2001)).

Когда такие *хохмы* вспоминают в своем кругу, тот факт, что все с ними знакомы, не мешает их восприятию: все заново переживают производимый ими комический эффект. Однако если рассказчик стремится поразить слушателей своей историей, рассчитывая, что она им неизвестна, тогда как они прекрасно ее знают, то происходит коммуникативная неудача: *старая хохма* столь же не одобряется, как *анекдот с бородой*. Ср. следующий эпизод из рассказа Дины Рубиной «Наш китайский бизнес», напечатанного в журнале «Знамя» в 1999 г.:

- (26) ...принялся рассказывать, как в голодные времена на Украине одной семье родственники из Америки прислали урну с прахом умершей общей бабушки, которая завещала похоронить себя на родине. По-видимому, забыли вложить объяснительное письмо в посылку. Ну и... нажарили оладушек... Короче, съели бабушку. Потом дядя все приговаривал: не-ет, наша-то мучица, пшеничная, она и посветлее, и повкуснее будет!..  
— Старая хохма, — сказала я. — Слышала этот ужастик из самых разных источников.

Таким образом, *хохма* — это и смешное происшествие, и рассказ о нем. Эти две стороны *хохмы* — случай из жизни и речевое действие — послужили отправной точкой для дальнейшего семантического развития.



С одной стороны, слово *хохма* может указывать на действия (возможно неречевые), направленные на то, чтобы вызвать смех. Такие хохмы не случаются, а осуществляются намеренно. Выше уже упоминались сочетания *учинить хохму* и *отмочить хохму*; кроме того, *хохму* можно *отколоть*: так, персонаж книги Николая Климонтовича «Далее — везде» говорит: *Я там отколол одну хохму — на собственную шею*. (Далее он рассказывает, в чем состояла *хохма*: герой оделся в офицерскую одежду и пошел на танцы морочит голову «местным бабам, падким на лейтенантские погоны», но на выходе столкнулся с командиром роты.)

С другой стороны, слово *хохма* может указывать на разнообразные речевые действия, осуществляемые с целью повеселить слушателей. При этом *хохмами* называют и шутки, рождаемые спонтанно, и анекдоты, которые были услышаны рассказчиком от кого-то, но предположительно неизвестны аудитории, и клишированные остроты (напр., застольные прибаутки и приговорки), не претендующие на новизну. Отношение к *хохмам* часто пренебрежительное, *хохмами* нередко называют остроты невысокого пошиба, «бульварные» шутки, напр.:

- (27) ...мишень всяческих карикатур, шаржей, литературных «хохм» бульварных остряков, Достоевский сошел в могилу за два месяца до злодейского убийства императора Александра II бесами того времени... (Г. Свиридов)

Часто слово *хохма* используют для того, чтобы указать на неоригинальность остроты, иногда подчеркивая, что это *старая хохма* или *хохма «с бородой»*, сообщая, что *хохма всем известна* или что *хохма завяла*. Напр.:

- (28) «Знакомься со всеми, Лев! — крикнул занятый Сигизмунд. — Готовим акцию “Пир духа”!» «Пердуха?» — ошарашенно переспросил Обнаг. «Ладно, ладно, эта хохма уже завяла!» — хохотнул Сигизмунд (В. Аксенов).

Ср. также следующие примеры:

- (29) ... такой текст в конце 90-х не особо удивляет и даже кажется в чем-то тривиальным, почерпнутым из фольклора (таков, к примеру, роман «Дженерейши П», приколы из которого напоминают застольные хохмы) (В. Шпаков. Продолжение «Фауста». Адольфо Биой Касарес. Изобретение мореля. СПб., «Азбука», 2000 // «Октябрь», 2001);
- (30) Да это старая хохма! Я ее в Израиле от Миши Козакова слышал! (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000—2002) // «Октябрь», 2002);
- (31) — Что ты у нее определил? — Таз — это раз, — бесстрастно сказал Мурашов. — Ага, а голова — это два, — продолжил Чернаков. — Эти хохмы ваши травматологические нам известны (В. Валеева. «Скорая помощь» (2002));
- (32) Знаете байку, которой преподаватели всегда развлекали студентов-ботаников? О том, что селекционеры вывели новый сорт — сосну елевидную. Внешне это растение очень похоже на обычную сосну, только ее еле видно... Похоже, что эта хохма «с бородой» уже не смешна... (А. Сапелин. Балансируя на грани возможного (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.07.15).

Мы видим, что старые, не оригинальные *хохмы* оцениваются невысоко: текст, содержащий их, представляются *в чем-то тривиальным* (29), поскольку *хохма «с бородой» уже не смешна* (30).

Впрочем, довольно часто встречается и употребление слова *хохма*, не предполагающее пренебрежительного отношения. В частности, это касается случаев, когда *хохмы* направлены на то, чтобы подавить или скрыть страх, горечь или иные отрицательные эмоции:

- (33) Ноги простужены, мозжат ночами, изжога мучает, из глаз метляки летят, и пожаловаться некому. Бодрясь, хохму, от ухорезов слышанную, повторяет: «Живешь — колотишься, гресишь — торопишься, ешь — давишься — хрен когда поправишься!...» Оно и правда. Вином спасается (В. Астафьев);
- (34) Ходил даже местный редакционный анекдот: переименуем «Дружбу народов» во «Вражду народов» (Наталья Иванова. «Хроника остановленного времени»). Как очевидец и участник тех же анекдотических обсуждений, подтверждаю: подобные предложения вносились. Под видом *хохмы*. Юмором пытались унять тревогу (Л. Аннинский. Десять лет, которые растрясли мир (1999) // «Дружба народов», 1999);
- (35) Его *хохмы*, шуточки, постоянное желание вызвать улыбку у окружающих были связаны с интуитивным знанием: смех убивает страх (Л. Улицкая);
- (36) Астафьев что-то лепил про Овсянку, как мимо нее весной несет по Енисею всякий хлам: «Тарелки несет, холодильники, машины, бляха муха...» Говорил со своими интонациями, с непечатными добавками, и байка воспринималась тогда как просто *хохма*, а потом, когда вдумался, оказалось, что за смехом этим стоят и горечь, и боль за загаженный Енисей, природе, вообще всю нашу планету (М. Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003).

Тем более нет пренебрежительного отношения к *хохмам* тогда, когда умение придумать *хохму* рассматривается как признак остроумного человека; в этом случае иногда специально подчеркивается, что *хохма* рождается в результате импровизации (и этим она коренным образом отличается от *хохм «с бородой»*):

- (37) Уже во время этого долгого пути в армию я обнаружил способность к балагурству, шуткам, мрачному юмору. В армии таких людей называют *хохмачами* (от слова «*хохма*», обозначавшего всякие шуточные словесные импровизации). Я подружился с двумя другими парнями, тоже склонными к *хохмам*. Мы втроем потешали наш вагон всю дорогу. Я эту способность проявлял и раньше, но не в таких размерах (А. Зиновьев).

В этом примере обращает на себя внимание также слово *хохмач*, которое тоже выражает здесь положительное отношение, указывает на человека обладающего ценным и нетривиальным умением.

Положительное отношение к *хохмам* (или, по крайней мере отсутствие пренебрежения) может проявляться и в тех случаях, когда *хохма* вовсе не возникла как импровизация, а, напротив того, представляет собою клишированную прибаутку или приговорку — если эта прибаутка или приговорка употреблена к мес-

ту и вызывает смех. Например, Юлий Даниэль пишет в одном из писем из заключения:

- (38) Необычность ситуации все время провоцирует меня на всякие хохмы и цитатки, вроде «Привет из дальних лагерей». С трудом вспоминаешь, что цитата обрела вполне и даже чересчур реальную почву под собой.

Приведем также пример, показывающий, что иногда даже многократно повторенная каким-то человеком *хохма* (что дает основания назвать ее *любимой*) может не вызывать раздражения:

- (39) Его любимая хохма была: — Ты знаешь, как я разбудил Натэллу среди ночи: «Натуся, я должен тебе сказать очень важную вещь, которая меня мучает». — Ну что, Женя? Я спать хочу! — Наш сын Лешка — не от тебя! (Сати Сливакова. «Не всё» (2002)).

Ср. также:

- (40) Он вспомнил любимую Мусину хохму. С того тридцать третьего, куда бы она его ни провожала — хоть в поход с пионерами, — обязательно повторяла ворчливо: «Опять в подоле принесешь!» (И. Ратушинская).

Заметим, что в тех случаях, когда склонность человека к *хохмам* рассматривается как свидетельство его остроумия, чаще всего не имеет особого значения, рождаются ли *хохмы* спонтанно или человек использует готовое клише, и мы даже часто не в состоянии это определить. Этим, кстати, *хохмы* отличаются и от *шуток* (которые всегда предполагаются спонтанными), и от *анекдотов* (которые всегда подаются как услышанные от других людей). Приведем несколько примеров, в которых разные люди постоянно рассказывают хохмы, *сыплют* и *всех угощают* ими, заполняют ими все время и сами могут рассматриваться как *неиссякаемый кладезь хохм*, и при этом остается неясным, сами они придумывают эти *хохмы* или воспроизводят готовые:

- (41) Парень был что надо: молодой и кудрявый, белозубый и статный. Он сыпал хохмами... (А. Инин. «Жрица любви» (1987));
- (42) ...Эдик, который без хохм прожить не мог, записной был шутник... (Е. Шкловский);
- (43) Студенческие годы были для меня веселыми, несмотря ни на что. Шутками и хохмами было заполнено все время, включая самые серьезные лекции и семинары (А. Зиновьев);
- (44) ...Литературный институт, где самой светлой личностью был поэт Светлов, уже старенький, которого все звали Миша, потому что он со всеми острял и всем рассказывал хорошие еврейские хохмы (А. Найман);
- (45) Общительный Санек пригласил модного автора на свой день рождения, любезно усадил между женой и тещей и весь вечер угощал отборными хохмами (И. Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001);
- (46) Неиссякаемый кладезь хохм и анекдотов — улыбчивый Юлик, с библейской печалинкой, навечно застрявшей в глубине светлых глаз... (Г. Жженов. «Прожитое» (2002)).

В следующем примере говорится, что некоторую хохму была «инструктор парашютного спорта взял... на вооружение» и многократно повторял «для оживления лекции; но сам автор, по-видимому, придумал ее спонтанно (хотя эксплицитно это не говорится, так что, строго говоря, не исключено, что нечто подобное он тоже от кого-то слышал):

- (47) Кто-то спросил, что делать, если запасной парашют не открывается. Я тут же ответил за растерявшегося инструктора: надо пойти в склад и обменять парашют на исправный. Над этой хохмой долго потешались потом в школе. Инструктор парашютного спорта взял эту хохму на вооружение и в своих занятиях с другими курсантами использовал ее для оживления лекции (А. Зиновьев).

Приведем также пример, в котором слово *хохма* применяется к остроумной ремарке в пьесе Василия Аксенова:

- (48) Попробуй найти сценическое решение Васиным ремаркам. Например, персонаж: «Ой, у меня от страха волосы встают дыбом! (Волосы встают дыбом.)». В чтении такие хохмы, пожалуй, заняты, а как их воплотить или чем заменить на сценической площадке? (М. Козаков. «Актерская книга» (1978—1995)).

Отметим, что весьма часто *хохмами* называют эстрадные или театральные репризы, направленные на то, чтобы вызвать смех публики. Ср. следующие примеры:

- (49) Жванецкий требует особого подхода, особого темпа, ритма, у него нет реприз, хохм, и всегда требуется обобщение: не этот плохой ученик, а многие, не этот тупой начальник, а многие (Р. Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000—2001));
- (50) Коммерческой обработке поддается даже театральная эзотерика. Но приколы и хохмы ценятся выше философских излияний (Е. Губайдуллина. Приколы ценятся выше. Завершился Второй европейский фестиваль современного танца (2001) // «Известия», 2001.10.30);
- (51) Он еще писал хохмы для одесской оперетты (А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991—2000)).

Как правило, употребление слова *хохма* по отношению к шуткам на эстраде или в театре свидетельствует о том, что говорящий оценивает эти шутки невысоко. Приведем несколько характерных примеров, в которых такие хохмы характеризуются как *дешевые, пошлые, провинциальные, хохмы столетней давности*, используемые для того, чтобы «полоскать мозги»; от этих хохм можно испытать «чувство жгучего стыда»:

- (52) И в том и в другом спектакле было много песенок, «танчиков», дешевых хохм, на которые охотно клевал невзыскательный зритель, заполнивший партер и ярусы театра Маяковского (М. Козаков. «Актерская книга» (1978—1995));

- (53) Помню, что, когда я смотрел этот китч — сочетание самой дешевой эстрады и провинциальных хохм, сделанный как бы по сюжету Гоголя, перенесенному в наше время в маленький городок израильской провинции, — я испытал чувство жгучего стыда за то, что служу в таком театре (М. Козаков. «Актерская книга» (1978—1995));
- (54) Что же главное в наиглавнейшей ныне сфере русскоязычного искусства, что более всего мельтешит на нашем «телеке»? Ответ на поверхности — «юмор». Натужно шутят, лепят одесские «хохмы» столетней давности, порой их несколько переиначивая, визжат, дергаются. И показывают «зрительный зал», где заливаются от хохота разного вида людюшки (С. Семанов. Искусство русскоязычного капитализма (2003) // «Наш современник», 2003.10.15);
- (55) Кто еще там? А, вот управделами президентской администрации, артисты, которые на телеэкране постоянно нам мозги полощут своими пошлыми хохмами... (Ж. Касьяненко. Бей фашизм — спасай Россию! (2003) // «Советская Россия», 2003.04.08);
- (56) Словесные матрицы удовольствия внушаются также через бесчисленные «развлекаловки» и «хохмы» — юмористические программы, озвучиваемые петросьянами и винокурами (Т. Миронова. Человек голосующий (2004) // «Наш современник», 2004.01.15).

Когда слово *хохмы* используется по отношению к остромам в литературных произведениях, это тоже часто свидетельствует о том, что остромоты оцениваются невысоко. Ср. следующий пример:

- (57) Это в Сети такие сочинения выглядят перлами, поскольку все остальное — либо летописи бесконечных пьянок и соитий, либо натужливые, многословные хохмы про то, как старшина в очко провалился (Д. Быков. Андрей Геласимов похож на писателя // «Новый Мир», 2003).

Поскольку, однако, цель *хохмы* заключается в том, чтобы вызвать смех, *хохмы* не достигающие этой цели в каком-то смысле уже не являются *хохмами*. Иными словами, не смешная или старая *хохма* — это уже *не хохма*. Ср. эпизод, рассказанный в воспоминаниях Леонида Утесова «Спасибо, сердце!»:

- (58) Наш современный эстрадный артист номер один — вы, конечно, поняли, что я говорю о Райкине, — рассказал мне, как лет десять-пятнадцать назад он свой первый спектакль в одесском Зеленом театре закончил экспромтом: — Ну вот и все! Идем домой! — Спустившись по лесенке в зрительный зал, он пошел по проходу. Публика поднялась и устремилась за ним. Так они и прошествовали до самой гостиницы. В следующий вечер Райкин решил повторить этот трюк. Но когда он спустился в зрительный зал и публика снова за ним потянулась, кто-то сзади дернул его за пиджак. Он обернулся. Одессит лет десяти-двенадцати сказал ему: — Товарищ Райкин, вчерашняя хохма сегодня уже не хохма.

Если нечто *стало хохмой*, то это значит, что оно вызывает смех. Ср. следующий пример:

# ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

---

*А. Д. Шмелев*

## НОВОМОСКОВСКАЯ ШКОЛА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА \*

Название «новомосковская школа концептуального анализа» применяется по отношению к направлению исследований современной русской языковой концептуализации мира, которые на протяжении последних лет велись автором данной заметки, а также И. Б. Левонтиной и Анной А. Зализняк (ряд статей, опубликованных по этой теме, был собран в книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005])<sup>1</sup>.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

Можно заметить, что такое представление о языковой концептуализации мира во многом развивает представления Московской семантической школы о «наивной картине мира» [Апресян 1974: 56—60]. Собственно, это и отражено в именовании развиваемого нами направления исследований «новомосковской школой концептуального анализа». Кроме того, мы уже писали во вступительной статье к книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] о существенной идейной и методологической близости нашего подхода и подхода А. Вежбицкой, в последние годы активно развиваемого К. Годдардом. В первую очередь, это касается общего положения, согласно которому семантический анализ единиц некоторого языка может быть ключом к пониманию культуры, пользующейся данным языком, — при условии, что анализ проводится корректно с лингвистической точки зрения. Особый интерес при этом представляют единицы, не имеющие сколько-нибудь близких соответствий в языках, привлекаемых для сопоставления, а также единицы, для которых, на первый взгляд, имеются аналоги в других языках, но которые при более внимательном рассмотрении также оказываются

---

\* В основу данной статьи положены публикации [Шмелев 2004; 2006а].

<sup>1</sup> Иногда по отношению к данному направлению исследований используют выражения *Московская школа этнолингвистики* и *«школа историко-культурных исследований»* (последнее — при необходимости подчеркнуть историко-культурную составляющую).

содержащими лингвоспецифичные компоненты. При сопоставлении культур, опирающемся на сопоставление обслуживающих их языков, мы используем схожие критерии выделения «ключевых» слов: относительную частотность слова (по сравнению с частотностью его аналогов в других языках) как показатель его культурной значимости, полное отсутствие семантических аналогов в других языках, разработанность соответствующего семантического поля (по сравнению с другими языками). Но этим критериям не придается решающее значение. Слова языка могут считаться «ключевыми» для обслуживаемой им культуры, если они дают «ключ» для понимания каких-то существенных ее особенностей, т. е. если анализ семантики и особенностей их употребления позволяет сказать нечто существенное о самой культуре, о характерном для нее видении мира, ценностных установках и т. п.

Также легко видеть, что используемому А. Вежицкой понятию «культурные скрипты» во многом аналогично понятие «ключевых идей», или «сквозных мотивов» языковой картины мира (в сфере «наивной аксиологии»), которое мы используем в наших исследованиях. Такое концептуальное сходство вполне объяснимо. Говоря о «культурных скриптах», А. Вежицкая отмечает, что оно развивает идеи Ю. Д. Апресяна о «наивной картине мира»; но, как уже говорилось, именно эти идеи во многом стимулировали и нас.

Однако имеются и отличия нашего подхода и подходов Московской семантической школы и школы Вежицкой-Годдарда. Одно из них состоит в том, что для подхода, принятого в наших работах, проблема толкований играет существенно меньшую роль, чем для указанных направлений. Разумеется, мы не отрицаем пользы толкований; однако мы исходим из того, что в целом ряде случаев объяснения особенностей семантики анализируемого выражения или смысловых различий между семантически сходными единицами одного языка или разных языков удобнее производить в свободной форме.

Кроме того, А. Вежицкая первостепенное значение придает метаязыку описания: все толкования она дает на «естественном семантическом метаязыке» (в Московской семантической школе языку толкований также уделяется внимание, однако не предполагается, что он должен иметь универсальный характер). Все элементы этого языка, с точки зрения А. Вежицкой, являются универсальными, т. е. имеют выражение во всех естественных языках. Это делает толкования на «естественном семантическом метаязыке» культурно независимыми, т. е. понятными носителям всех языков и культур. Правда, между соответствующими друг другу лексическими единицами, выражающими элементы «естественного семантического метаязыка» в различных естественных языках, могут существовать тонкие смысловые различия<sup>2</sup>, и А. Вежицкая это признает. Однако такие разли-

---

<sup>2</sup> Так, Ю. Д. Апресян [1994] показал, что значение русского слова *хотеть* не полностью тождественно английскому глаголу *want* (обе единицы А. Вежицка признает репрезентирующими один и тот же элемент «естественного семантического метаязыка»).

чия она предлагает (со ссылкой на К. Годдарда) объяснять различным «резонансом» этих единиц, связанным с тем, что они занимают различное место в лексической системе, и в дальнейшем от них абстрагируется.

Для подхода, принятого в наших работах, проблема метаязыка играет существенно меньшую роль. Отчасти это связано с тем, что основным объектом нашего описания является русский язык и русская языковая картина мира и адресовано описание в первую очередь тем, кто в какой-то степени знаком с русским языком и имеет некоторое представление об описываемых единицах. Впрочем, в наших работах производится (хотя и не систематически) сопоставление русских языковых данных с данными ряда европейских языков и многие описания могут представить интерес и для людей, незнакомых с русским языком, но владеющих языками, выбранными для сопоставления. Но мы не ставим перед собою цели создать универсальное описание, в равной степени доступное носителям всех языков и культур; в этом отношении наше описание сходно не с толкованиями, которые А. Вежбицкая формулирует на «естественном семантическом метаязыке», а с ее же комментариями по поводу этих толкований. Разумеется, мы не отрицаем пользы толкований; однако мы исходим из того, что в целом ряде случаев объяснения особенностей семантики анализируемого выражения или смысловых различий между семантически сходными единицами одного языка или разных языков удобнее производить в свободной форме. Проигрывая в универсальности, мы получаем возможность отразить в описании то, что оказывается принципиально невыразимым на «естественном семантическом метаязыке», в том числе те семантические нюансы, которые в концепции А. Вежбицкой и К. Годдарда приписываются «резонансу» и признаются принципиально недоступными семантическому описанию.

Другое различие, более важное, заключается в том, что мы сосредоточиваемся на описаниях собственно языковой картины мира, т. е. тех, представлений о действительности, которые кажутся носителям данного языка само собою разумееющимися. Мы исходим из того, что представления, формирующие языковую концептуализацию мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде: в качестве пресуппозиций, «фоновых» компонентов смысла, коннотаций. Они не относятся к ассертивному компоненту значения языковой единицы и в норме не попадают в фокус внимания участников коммуникации. В результате человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь<sup>3</sup>. Разумеется, свобода носителя языка этим не

---

<sup>3</sup> Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений и составляют их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую концептуализацию мира, общую для всех говорящих на данном языке.



нарушается. Все названные «неявные» компоненты смысла могут попасть в фокус внимания носителя языка, стать объектом метаязыковой рефлексии. Часто в таких случаях мы имеем дело с употреблением языковой единицы в рамках «метаязыковых» рассуждений. Кроме того, носитель языка может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же сознательно «модифицировать» значение и употреблять ее, мысленно устранив «неявные» элементы смысла, если они соответствуют представлениям о мире, которые он не разделяет. Но во всех случаях такого рода имеет место особый «сдвинутый» режим употребления языковой единицы, и они не подрывают общего принципа, в соответствии с которым языковая концептуализация мира формируется неявными элементами смысла языковых единиц.

Замечу, что для А. Вежбицкой сосредоточенность на собственно языковой картине мира не играет решающей роли. Используемый ею «естественный семантический метаязык» претендует на то, чтобы быть универсальным не только в том отношении, что его единицы имеют лексическое выражение во всех естественных языках, но и в том, что на нем можно выразить самые разные смыслы, в частности дать толкования общим ценностным установкам культуры («культурным скриптам»). Конечно, наличие языковых данных, подтверждающих наличие в культуре, обслуживаемой данным языком, того или иного скрипта, для А. Вежбицкой чрезвычайно существенно. В статье о «русских культурных скриптах» она пишет: «...дело не в том, чтобы просто делать какие-то утверждения о русском “национальном характере” (или чтобы повторять известные стереотипы); дело в том, чтобы предложить такие гипотезы, в поддержку которых можно привести лингвистические доводы». Но, наряду с языковыми данными, в подтверждение своих выводов она опирается и на данные, не предполагающие лингвистического анализа: на непосредственные суждения носителей языка о ценностных установках культуры, пословицы, отражающие такие установки, мнение посторонних наблюдателей: историков, антропологов, культурологов. В результате не остается никакого зазора между языковой картиной мира, реконструируемой исключительно на основе лингвистического анализа языковых данных, и взглядом на мир, характерным для данной культуры.

Между тем представляется, что ценности культуры не обязательно должны находить непосредственное отражение в языке, обслуживающем данную культуру. Корреляции между ценностями культуры и языковой картиной мира могут быть достаточно сложными и заслуживают отдельного изучения. Так, имеет смысл говорить о христианских ценностях как таковых. Эти ценностные установки выражены, напр., в притчах Иисуса, истолкованию которых (разумеется, на «естественном семантическом метаязыке») А. Вежбицкая посвятила отдельную книгу [Wierzbicka 2001]. Они являются составной частью культуры всех «христианских народов», на каких бы языках эти народы ни говорили. В то же время эти установки вовсе не обязательно разделяются всеми говорящими на соответствующих языках, и, по-видимому, они не могут считаться ингерентно при-

сущими соответствующим языковым картинам мира. Скажем, советский идеологический дискурс был пронизан совсем иными ценностными установками, хотя использовал тот же русский язык, что и церковная проповедь<sup>4</sup>.

При сопоставлении разных способов языковой концептуализации мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные. Так, носителям русского языка кажется очевидным, что в психической жизни человека можно выделить интеллектуальную и эмоциональную сферу, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; думаем и запоминаем *головой* (поэтому, задумавшись, мы подчас «чешем в затылке», а внезапно вспомнив что-то, мы можем стукнуть себя по лбу), а *чувствуем сердцем* и, переволновавшись, хватаемся именно за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что такая концептуализация вовсе не универсальна. Скажем, в языке ифалук внутренняя жизнь связывается с *кишками*, а в языке догон подобную же роль играет *печень*. В древнееврейской концептуализации мира сердце является органом понимания, так что используемое в русском переводе Священного Писания словосочетание *ожесточение сердец* указывает в первую очередь на непонятливость, а не на бесчувствие и жестокость, как это может казаться современному русскому читателю. Разумеется, это связано не с особенностями анатомии носителей различных языков, а с тем, что концептуализация мира в различных языках оказывается различной.

Неявные компоненты смысла, формирующие языковую концептуализацию мира, представляют собою своего рода «презумпции», поскольку их истинность носители языка обычно воспринимают как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение. Таким образом, в соответствии с предложенным пониманием, «языковая концептуализация мира» некоторого языка представляет собою систему презумпций — неявных элементов значения языковых единиц данного языка (в этом смысле можно сказать, что языковая концептуализация мира относится к «скрытой семантике» языка). Можно говорить

---

<sup>4</sup> Здесь можно было бы возразить, что язык не совсем «тот же». Действительно, русский язык церковной проповеди и советский идеологический язык отличаются друг от друга в целом ряде отношений, в значительной степени обусловленных различием ценностных установок. Соответственно, можно было бы говорить, что их «языковые картины мира» различны, хотя имеют и много общего (ведь и в том, и в другом случае мы имеем дело с русским языком, хотя и с различными его разновидностями). В такой позиции есть свой резон, и последовательное проведение такого подхода привело бы к тому, что любое различие представлений о мире можно было бы приписать различию соответствующих «языков». Однако кажется, что это могло бы привести к смешению случаев, когда, казалось бы, тождественные единицы разных подязыков имеют существенные семантические различия, и случаев, когда одно и то же явление, одинаковым образом концептуализуемое и обозначаемое в разных подязыках, получает различную оценку или интерпретацию в различных ценностных системах.

именно о системе презумпций, поскольку выясняется, что многие презумпции повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода «сквозные мотивы» языковой концептуализации мира, а кроме того, различные презумпции определенным образом согласуются друг с другом.

Языковые единицы, обладающие богатой «скрытой семантикой», т. е. содержащие нетривиальные презумпции, могут считаться «ключевыми» для языковой концептуализации мира (в том смысле, что они дают «ключ» к пониманию каких-то ее важных характеристик) и соотносимыми с «ключевыми» концептами культуры. В силу того что они содержат нетривиальные презумпции, они обычно плохо поддаются переводу на другие языки. Действительно, даже если мы обнаружим в другом языке лексическую единицу с тождественным или близким ядерным компонентом значения или же найдем способ выразить ядерный смысл переводимой единицы посредством перифразы, нетривиальная презумпция окажется, скорее всего, невыраженной в переводе. Попытка же передать ее содержание посредством перифразы скорее всего приведет к искажению исходного коммуникативного задания: сущность презумпции в том и состоит, что она подается как нечто само собой разумеющееся и не должна подвергаться экспликации<sup>5</sup>.

Поскольку показательными для языковой концептуализации мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа. Иногда делаются поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой концептуализации мира, вроде следующих. Такие суждения дают упрощенное или прямо неверное представление о специфике концептуализации мира, задаваемой русским языком. Однако, критикуя поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой концептуализации мира, следует иметь в виду, что сама возможность таких поспешных выводов дает ключ к выявлению одного из источников появления этнических стереотипов. Тот факт, что русские часто начинают реплику со слова *нет* (в том числе в коммуникативной ситуации, когда это слово никак нельзя буквально перевести на какой-либо из западноевропейских языков) дает почву для заключения, что русские не способны к «позитивному мышлению»<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Разумеется, «непереводимость» «ключевых» слов языковой концептуализации мира не стоит преувеличивать. В ряде случаев какими-то презумпциями можно пожертвовать без особого ущерба для общего смысла высказывания. Несовпадение исходных представлений об устройстве мира не обязательно приводит к коммуникативному провалу. По-видимому, презумпции, содержащиеся в русских словах *уютный, уютно, уют* (о которых речь пойдет дальше), являются лингвоспецифичными. Но при этом в большинстве случаев они вполне успешно переводятся на немецкий язык словами *gemütlich* и *Gemütlichkeit*, содержащими не тождественный, но довольно похожий набор презумпций (и занимающими «ключевое» место в немецкой языковой концептуализации мира).

<sup>6</sup> Последнее утверждение можно иллюстрировать наблюдением, приведенным на сайте «Стенгазеты» (<http://www.stengazeta.net/article.html?article=5537>) А. Жолков-

«Неявные» смысловые компоненты единиц некоторого языка, подъязыка или текста обычно определенным образом согласуются друг с другом и нередко повторяются в значении разных единиц, представляя собою своего рода «сквозные мотивы», или «ключевые идеи» языковой картины мира. Список некоторых из «ключевых идей русской языковой картины мира» был приведен в книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

К числу таких «ключевых идей» относится представление, согласно которому человеку необходимо большое пространство, для того чтобы чувствовать себя свободно и хорошо. Именно с этим мотивом связана положительная эмоциональная окраска, сопряженная с целым рядом русских слов, так или иначе соотношенных с большими пространствами (*даль, ширь, приволье, раздолье, размах, гулять* и др.). Человек, лишенный больших пространств, может ощущать *тесноту*, ему может быть трудно дышать, он не может *свободно* двигаться. Характерно наблюдение Анны Вежицкой: «Стереотип “широкой русской природы”, образно говоря, предполагает человека, который испытывает отвращение ко всякого рода ограничениям, принуждению, путам, который ощущает потребность “раскинуться”, “перелиться” через любые границы, как река во время разлива» [Вежицкая 1999: 457]. По-видимому, в русской языковой картине мира ощущение *свободы* достаточно устойчиво связывается с большим пространством. Не случайно В. И. Даль включил слово *простор* в толкование слова *свобода*: «...своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. *Свобода* — понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству» [Даль 1980а: 151]. А в «Новом объяснительном словаре синонимов», подготовленном под руководством Ю. Д. Апресяна, слова *приволье* и *раздолье* (в переносных значениях) упоминаются среди синонимов слова *свобода* [Урысон 2003: 360].

Восприятие большого открытого пространства как ценности, дающей ощущение *свободы* и противопоставленной *тесноте*, нашло отражение в том, что коннотация ‘свободы’ у слов, соотношенных с большими пространствами создает базу для соответствующего семантического перехода. Выше уже говорилось (со ссылкой на словарную статью [Там же: 360]), что у слов *приволье* и *раздолье* развилось значения ‘свобода’. В русских текстах таким образом могут употребляться

---

ским, и выводом, который он сделал из этого наблюдения. А. Жолковский заметил, что он сам часто говорит «Нет» в ситуации, когда американцы говорят «Да» и заключил: «Не очень удивительным это было потому, что негативность русских — вещь известная. К ним идеально применима формула: *They won't take yes for an answer* (“Ответ да их не устраивает”)). Разумеется, дело здесь не в «негативности», а в устойчивости рутинных речевых реакций, однако этот вывод хорошо показывает механизмы возникновения стереотипов.

ся не только слова *приволье* и *раздолье*, но и, напр., слово *простор*. Напомним характерное высказывания из романа Гончарова «Обломов», уже приводившееся нами в статье [Левонтина, Шмелев 2000]: «Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье».

Именно эта коннотация — свободы в противоположность тесноте — выходит на первый план в производном прилагательном *просторный*, которое противопоставляется слову *тесный*. *Просторным* мы называем помещение, в котором человек может *свободно* передвигаться, — в отличие от *тесного* помещения, в котором приходится *протискиваться* в нужное место. *Просторная* одежда, это одежда, которая не *стесняет* движений; она позволяет человеку *свободно* двигаться и дышать — в отличие от *тесной* одежды. Мы видим, что «простор» и «свобода» противопоставляются *тесноте*, и вне такого противопоставления прилагательное *просторный* не употребляется. *Просторной* можно назвать комнату, но не футбольное поле, потому что нельзя мыслить футбольное поле как *тесное*.

Обратим внимание на то, что в противопоставлении *простор* — *теснота* именно *простор* представляет собою ценность, тогда как *теснота* не просто ограничивает свободу движений<sup>7</sup>, но и причиняет человеку страдание. Наличие таких поговорок, как *в тесноте, да не в обиде*, не опровергает этого положения, а напротив, подтверждает его. Ведь сама уступительная конструкция здесь показывает, что в норме человек понимает, что *теснота* причиняет неприятности, но он готов с ними мириться, если это позволяет избежать несправедливости (*обиды*).

*Простор* дает человеку не только *свободу*, но и ощущение безопасности и *покоя*. Когда человек находится *на просторе*, в его личное пространство не может быть нежелательных вторжений, он находится наедине с самим собою. Некрасовская формула *покой и простор* (из «Железной дороги»: *Около леса, как в мягкой постели, / Выспаться можно: покой и простор*) неоднократно повторялась в русских текстах (и у меня нет уверенности, что изобретена она была именно Некрасовым). Таким образом, простор дает человеку и покой, и свободу — в точном соответствии с пушкинской мечтой о *покое и воле*: Пушкин понимал, что для достижения желаемого необходим «побег в обитель дальнюю...» (т. е. в каком-то смысле на простор).

Но в русской языковой картине мира представлен и иной взгляд на соотношение больших открытых пространств и малых закрытых помещений. Дело в

---

<sup>7</sup> Не случайно ограничение свободы со стороны властей может быть обозначено словами *стеснение* и *притеснение*. Характерен также глагол *стесняться*, указывающий на внутренний дискомфорт, возникающий из-за конфликта между «желанием, возможностью или навязанной субъекту необходимостью сделать нечто и какими-то факторами (чаще всего, неуверенностью в себе, деликатностью, присутствием других людей и т. п.), которые препятствуют этому. Естественным следствием этого конфликта является утрата свободы и непринужденности в обращении с людьми» [Апресян 1997а: 418].

том, что большие открытые пространства, *простор* могут быть источником опасности и душевного дискомфорта. Созерцание «русских просторов» может повлечь за собою *тоску* — специфически «русскую» эмоцию, само обозначение которой трудно перевести на другие языки (о *тоске* и ее «пространственной» составляющей, равно как и о «непереводимости» соответствующего русского слова см. [Шмелев 2002: 90—93] и цитируемую там литературу). Кроме того, *простор* может быть сопряжен с чувством незащищенности, он таит в себе холод, ветер и неожиданности. Преодоление пространства обычно рассматривается в русской языковой картине мира как долгая, трудная и непредсказуемая деятельность, и это отражено в лингвоспецифичном глаголе *добраться*, который может использоваться в русской речи как немаркированный глагол перемещения в пространстве (стандартный вопрос о маршруте может звучать: *Как до вас добраться?*) [Зализняк 2000а].

Защититься от душевного дискомфорта и опасностей, связанных с *холодным ветром простора*, можно отгородившись от него, спрятавшись в небольшом закрытом теплом помещении, как об этом говорится в «Раковом корпусе» Солженицына: «...хочется только спрятаться под крышу, поближе к огню и к родным». Любовь к небольшим закрытым помещениям, отгороженным от холодного «простора», отражена в прилагательном *уютный* и соотносительном существительном *уют*.

Мои совместные исследования с И. Б. Левонтиной позволили выявить целый ряд требований предъявляемых к помещению, чтобы его можно было назвать *уютным* (часть из них описана в статьях [Левонтина, Шмелев 2000: 341—342; Шмелев 2003: 56—60]). Самое главное — оно должно быть максимально отгороженным от внешнего мира, от *простора*. Если в помещении есть окна, то желательно, чтобы они были занавешены: шторы, занавески — одна из главных составляющих *уюта*. При этом наличие крыши не всегда обязательно: *уютным* может быть и *дворик* — при условии что он в достаточной степени отгорожен от окружающего пространства. Помещение должно быть небольших размеров — не случайно прилагательное *уютный* часто сочетается с уменьшительными существительными (помимо уже упоминавшегося *уютного дворика*, можно привести такие примеры, как *уютный уголок*, *уютное гнездышко* и т. д.). Оно не должно быть прохладным, в нем должно быть неяркое освещение, не должно быть чрезмерно громкой музыки, криков и т. п., должны быть чистота и порядок. Ощущению *уюта* могут способствовать абажур и мягкая мебель (желательно округлой формы). Голые стены мешают ощущению *уюта*; для создания уюта их оклеивают обоями (в советское время магазины, в которых продавались обои, часто так и назывались «Уют»).

Такое представление об *уюте* является лингвоспецифичным: далеко не во всех языках обнаруживаются переводные эквиваленты русских слов *уют* и *уютный*. Если в английском и немецком языке есть аналоги указанных слов (соответственно *cozy* и *coziness* и *gemütlich* и *Gemütlichkeit*), то, скажем, во французском

языке ничего похожего найти не удастся. Особенно интересно сопоставление слов *уют* и *уютный* с голландскими словами *gezellig* и *gezelligheid*, предлагаемыми словарями в качестве переводных эквивалентов для слов *уют* и *уютный*. Как и *уют*, «голландская нирвана», *gezelligheid*, предполагает чувство душевного покоя; но важную роль играет и душевное единение с другими людьми. Прообразом *gezelligheid* может служить обстановка в небольшом кафе в холодный зимний вечер, в котором можно не только укрыться от непогоды, но и собраться вместе у камина. Можно ощутить *gezelligheid* и в своей квартире — вечером, не включая света, зажечь свечи, приготовить кофе, разлить его в чашечки и сесть у большого чистого вымытого окна без занавесок, глядя на прохожих. Более того, голландец может ощутить *gezelligheid* в накуренном баре, где много народу и играет громкая музыка, или даже на демонстрации, т. е. в ситуациях, когда для носителя русского языка об *уюте* речи быть не может. Кроме того, прилагательное *gezellig* может быть применено не только к помещению или обстановке, но и к человеку, который склонен к душевному общению с другими людьми. Общение играет центральную роль для голландского представления о *gezelligheid*, и в этом смысле *gezelligheid* оказывается ближе к *душевности*, а не к *уюту*.

Можно также говорить о «языковой картине мира» некоторой разновидности языка (подъязыка или даже идиолекта), так же, как и о «картине мира» некоторого текста. Под «картиной мира» некоторого текста или подъязыка можно понимать набор нетривиальных презумпций, заключенных в данном тексте или в значении единиц данного подъязыка.

Те или иные фрагменты картины мира разных подъязыков одного и того же языка или разных текстов на одном и том же языке могут значительно отличаться друг от друга. Как уже говорилось, советский идеологический дискурс был пронизан совсем иными ценностными установками, нежели церковная проповедь. Слово *космополит*, которое было нейтрально или даже положительно окрашено в неидеологической речи, приобрело яркую отрицательную окраску в советском идеологическом языке (ср. клишированное сочетание *безродный космополит*). Слова *зависть* или *гордость* характеризуются совсем разными оценочными компонентами в зависимости от того, используются они в речи, ориентированной на христианские или на светские этические ценности. Картина мира современного русского молодежного жаргона существенно отличается от картины мира, характерной для общелитературного языка.

Приведу еще ряд примеров, свидетельствующих о расхождениях в языковых картинах мира внутри одного и того же языка. Выше шла речь о специфике голландского слова *gezelligheid*, который приводится словарями в качестве эквивалента русского *уюта*, но включает в себе во многом отличный концепт. Интересно, что коллеги из Фландрии, которые слышали мой доклад на конференции в Левене в сентябре 2004 г., обратили мое внимание на то, что во фламандском варианте нидерландского языка *gezelligheid* понимается гораздо ближе к русскому *уюту*. Оно включает в себя представление о небольшом теплом помещении, от-

гороженном от холодного, неуютного мира. В частности, они заметили, что это прилагательное может быть применено к небольшим улочкам Гента — именно потому, что эти улочки в чем-то подобны закрытым помещениям, создающим ощущение защищенности. А так называемый «петербургский текст» русской литературы дает в отношении небольших закрытых помещений картину, несколько отличающуюся от «стандартной» русской языковой картины мира<sup>8</sup>. *Уют* в нем отсутствует; узкие пространства ассоциируются с *душной* атмосферой и могут служить источником экзистенциального страха и *тоски*. Дурная сторона петербургской жизни описывается в «петербургском тексте» посредством таких слов, как *жара*, *духота*, *грязь*, *толкотня*, *теснота*, *узость*, появляющихся во фрагментах текста, в которых фигурируют *каморка*, *угол*, *диван*, *комод*, *перегородка*, *ширма*, *занавеска*, *обои*, *стена*, *прихожая*, *коридор*, *порог*, *дверь*, *лестница*, *двор*, *ворота*, *переулок* [Топоров 1995: 315]. Примечательно, что некоторые из указанных слов (напр., *диван*, *занавеска*, *обои*) в «стандартной» русской языковой картине мира могут скорее ассоциироваться с *уютом*.

Таким образом, следует уточнить, что, говоря о «современной русской языковой концептуализации мира», я имею в виду в первую очередь концептуализацию мира, закодированную в том языке, которым мы (современные городские жители) пользуемся в повседневной речевой практике. Эта концептуализация вовсе не является чем-то неизменным, и ее изучение в историческом плане представляет несомненный интерес. Тщательное описание системы презумпций, формирующих русскую языковую концептуализацию мира, как она сложилась к настоящему времени, может служить основой для исследования ее исторических изменений.

---

<sup>8</sup> О понятии «петербургский текст» см. статью В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» [Топоров 1995: 259—367].



## О ПОЛЬЗЕ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ДРУГИХ НАУК

В данной заключительной заметке мы хотим обратить внимание ученых различных гуманитарных областей на одно, казалось бы, очевидное, но тем не менее часто игнорируемое обстоятельство, имеющее, однако, принципиальное значение для любого гуманитарного исследования. Речь идет о том, что как носители различных взглядов, убеждений и установок, так и их исследователи в рамках психологической, социологической, исторической, философской, культурологической и других наук, пользуются для выражения своих мнений и оценок тем или иным естественным языком, заключающим в себе определенную концептуализацию действительности, которую говорящие на нем принимают за подлинное устройство мира. Так, например, носителю русского языка очевидно, что *ябедничать*, *прибедняться* или *мелочиться* — дурно. И это потому, что отрицательная оценка ингерентно встроена в значение соответствующих русских слов. При этом в числе представлений, встроенных в значение слов, есть и такие, которые сами по себе могут оказаться предметом убеждения — и, соответственно, полемики.

Поясним сказанное одним простым примером. Допустим, обсуждается вопрос об оценке факта прекращения существования СССР в 1990 г. Участники дискуссии могут выдвигать те или иные аргументы в защиту той или иной оценки этого факта. Однако, если кто-либо из участников обозначит обсуждаемый факт словосочетанием *развал СССР*, то дискуссия с большой степенью вероятности зайдет в тупик: слово *развал*, в отличие от *распад*, имеет целый ряд встроенных презумпций, т. е. неявных утверждений, принимаемых за истинные. Это, прежде всего, отрицательная оценка описываемого события, плюс идея о том, что это было кем-то сделано намеренно и этому кому-то для чего-то дурного было нужно; все эти представления отсутствуют в слове *распад*. И все эти утверждения, будучи имплицитными, встроенными в значение слова, не могут быть оспорены оппонентом, которому, если он не распознает вовремя, что все дело в слове *развал*, останется только перейти к оскорблениям или другим неэффективным с точки зрения хода дискуссии действиям. Примеры недоразумений, связанных с имплицитной семантикой слов, мы находим, в частности, в диалоге Игоря Клямкина и Валентины Чесноковой (Ксении Касьяновой)<sup>1</sup>. Как

---

<sup>1</sup> См.: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 13—72.

нам представляется, знание слов, заключающих в себе подобного рода «семантические ловушки», необходимо для исследования социальных явлений, обнаруживающих себя в идеологических дискуссиях, а может оказаться полезным также и для их участников.

В норме языковые представления, образующие языковую картину мира, не попадают в фокус внимания участников коммуникации. Однако «неявные» компоненты смысла могут стать объектом метаязыковой рефлексии (напр., когда люди спорят от том, какими качествами должен обладать настоящий *интеллигент*). С другой стороны, носитель языка может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же попытаться сознательно модифицировать ее значение, мысленно устранив имплицитные элементы смысла, если они не соответствуют его представлениям о мире. Так, на страницах газеты «Известия» несколько лет тому назад была дискуссия о том, следует ли сообщать властям о противоправных или просто подозрительных действиях других лиц. Дискуссия открывалась статьей с провокационным названием «Человечество спасут доносчики». Большинство участников дискуссии, опираясь на свою интуицию носителей русского языка, выступили против идеи, высказанной автором названной статьи. Это, несомненно, связано с тем, что слова *донос* и *доносчик* имеют в русском языке неустранимую отрицательную оценку, и попытка употреблять эти слова без такой оценки не нашла поддержки у носителей языка.

Итак, языковая картина мира формируется неявными элементами смысла языковых единиц. При этом существенно, что картина мира у каждого языка своя. Человек, говорящий по-русски, оказавшись в иноязычной среде, часто попадает в затруднительное положение, потому что он пытается выразить значения привычных ему русских слов при помощи их переводных эквивалентов и с удивлением обнаруживает, что по-английски (по-французски, по-немецки) так не говорят. И при этом не испытывают от этого никакого неудобства, потому что по-английски (по-французски, по-немецки) так не думают и не чувствуют (например, не *собираются* и не *стараятся* совершить то или иное действие). С другой стороны, пожелание *enjoy it*, сопровождающее предлагаемый стюардессой стакан кока-колы, может вызвать у русского человека чувство недоумения и дискомфорта — из-за того, что он ошибочно идентифицирует этот английский глагол с русским *наслаждаться*, имеющим совершенно иной набор презумпций. Действительно, в тех случаях, когда у лингвоспецифичного слова имеется неточный аналог в другом языке, и он используется в качестве переводного эквивалента, возникает искажение смысла, иногда довольно существенное. Данное обстоятельство становится плачевным, когда эти мнимые эквиваленты оказываются инструментом научного анализа — например, в случае международных социологических опросов.

Так, в октябре 2000 г. российские газеты обошла «статистика счастья». В течение пяти лет социологи опрашивали жителей разных стран, счастливы ли они. Россия оказалась в списке этих стран на последнем месте: в ней всего 6% опро-

шенных признали себя счастливыми (для сравнения: в Венесуэле — 55%). При этом мы нигде не встретили упоминания того факта, что опрос проводился в каждой стране на своем языке, так что смысл задаваемого людям, по предположению, одного и того же, вопроса в разных странах был вовсе не тождествен. В отношении русского языка можно сказать, что сама семантика слов *счастлив* и *счастье* не позволяет (по крайней мере, в условиях социологического опроса) положительно ответить на вопрос *Счастливы ли вы?* Скажем, английские *happy*, *happiness* устроены в рассматриваемом отношении совершенно иначе, и одного этого различия достаточно для объяснения того факта, что в США число положительно ответивших на данный вопрос оказалось существенно больше, чем в России<sup>2</sup>.

Приведем в качестве иллюстрации следующую историю (<http://amurr.livejournal.com/407487.html>):

Жили были два еврея. Жили они в Берлине. Шел, скажем, 1933 год. Время становилось все гуще. Ну и вот, один из них посмотрел-посмотрел, продал все имущество, купил билет до Амстердама, а оттуда пароходом отправился напрямик туда, где стоит статуя Свободы. Пережил войну, сделал небольшой гешефт, нажил состояние, внуки, домик во Флориде, то-сё... А второй скрывался, попал в лагерь, еле избежал смерти. Потом Красная Армия его освободила, и он попал в рай ГДР. Штази, дефицит, очереди, радости соцлагеря, двушка в панельном на Марцане... И вот Wende, стены нет, Горбачев лобзает Хоннекера... Или еще кого-то... И наконец, первый еврей приезжает в Берлин и приглашает своего старого друга в ресторан на Цоо. Выпили по рюмочке, закусили. И вот, ГДР-овский еврей, послушав рассказы на забытом и плохом немецком с американским акцентом про домик, внуков и прочее, спрашивает: — So, Наууим, are you happy? Тот отвечает: — Yes I am HAPPY! Aber glücklich bin ich nicht.

Необходимо учитывать также то обстоятельство, что русская языковая картина мира не оставалась постоянной на протяжении XX в. Многие изменения, которые ощущаются носителями как «порча языка», зачастую свидетельствуют о реальной эволюции языковой картины мира.

Итак, мы хотим еще раз подчеркнуть необходимость учета достижений лингвистики в изучении «скрытой семантики» слов русского языка, которые не только дают ключ для понимания русской языковой картины мира, но являются необходимой составной частью инструментария гуманитарных наук, объектом которых является человек, пользующийся языком.

<sup>2</sup> Интересно, что аналогичное игнорирование лингвистического аспекта характерно и для опроса, проведенного в 2006 г. совместно целым рядом организаций (ЮНЕСКО, ЦРУ, Фондом новой экономики, Всемирной организацией здравоохранения), и на основании которого Британский психолог из университета Лестера доктор Адриан Уайт создал первую карту «распределения счастья» по странам (см. <http://www.gazeta.tv/news.php?id=2096>). См. также [Wierzbicka 2011].

# ПРИЛОЖЕНИЕ

---

*Анна Вержбицкая*

## ИМЕЕТ ЛИ СМЫСЛ ГОВОРИТЬ О «РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА»? (ПАТРИК СЕРИО УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕТ)

### Введение

Имеет ли смысл думать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Для многих лингвистов, и просто многих людей, ответ на эти вопросы очевиден: да, несет, да, отражает. Для некоторых других, однако, такой ответ не только не очевиден, а наоборот, глубоко ошибочен. В частности, так думает французский / швейцарский лингвист Патрик Серио в статье под заглавием «Oxumore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue naturelle sémantique universelle d'Anna Wierzbicka» [Sériot 2004]).

«Казалось бы, — говорит Серио, — взгляд на язык, восходящий к эпохе немецкого романтизма, устарел. Однако на самом деле это совсем не так: возврат неогумбольдтианства — это массовое явление в восточной Европе и особенно в России».

Тон, каким Серио говорит о восточной Европе в целом и о России в частности, напоминает тот тон, каким президент Франции Ширак говорил о восточноевропейских странах, недавно принятых в Европейский союз («les nations mal élevées» ‘дурно воспитанные нации’). Серио не употребляет именно этих слов, но он намекает на что-то подобное, когда говорит, например, что «очень старая система ценностей немецкого романтизма массово представлена в консервативном мышлении, преобладающем в советской и постсоветской России», или когда он загадочно упоминает об «идеологических предпосылках дискурса о языке в восточной Европе». Такое «консервативное», «советское или постсоветское» и явно устаревшее мышление («дискурс о языке»), с темными идеологическими предпосылками, противопоставлено в статье Серио настоящему современному мышлению явно авторитетных для него французских теоретиков, таких как Лакан (Lacan), Бурдьё (Bourdieu), Пешо (Pêcheux).

Главный предмет атаки Серио — это работы автора, названного в заглавии его статьи, то есть мои. Но, по мнению Серио, эти работы пользуются «огромным успехом в восточной Европе, и не только среди широкой публики, но также в научном дискурсе опытных и выдающихся лингвистов», — и вот этот курьезный для него факт заслуживает, по мнению Серио, особого внимания.

Я должна сказать, что мне очень трудно узнать свои собственные взгляды в изложении Серио. Тот факт, что моя фамилия искажена в его статье одиннадцать (!) раз, весьма показателен: мои взгляды в его представлении искажены не менее часто. Приведу лишь несколько примеров таких искажений.

Итак, Серио говорит, что количество единиц в наборе «семантических примитивов», постулируемых в моих работах, «колеблется» («oscille») между пятнадцатью и шестьюдесятью. На самом деле этот набор никогда не «колебался», а всегда возрастал согласно результатам эмпирических исследований (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; 2002]).

Серио утверждает, что понятия «контроля» (contrôle) и «господства» (maîtrise), которые я якобы постоянно («constamment») употребляю и которые якобы являются опорой моей теории, сами никогда не подвергались толкованию. На самом деле эти термины никогда не появляются в моих толкованиях, и никакие утверждения на них не опираются.

Серио утверждает, что «одна из основных идей А. Вежбицкой — что любой форме соответствует какой-то смысл». Это неверно (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds). 2002]). Идея (которую Серио приписывает мне), что если у кого-нибудь нет в его языке слов (форм), чтобы что-то сказать, он не может этого думать, тоже фантастична. Наоборот, я всегда утверждала, что каким-то образом и сказать и думать можно все, на любом языке, потому что все языки разделяют один и тот же набор семантических примитивов.

Серио обвиняет меня в том, что я нигде и никогда не цитирую Якобсона и не упоминаю его идеи «Gesamtbedeutung». На самом деле, я не только цитировала и обсуждала идеи Якобсона, но посвятила ему мою книгу «The Case for Surface Case» [Wierzbicka 1980], в которой я особенно часто ссылаюсь на него.

Примеры легко умножить, но того, что сказано, достаточно, чтобы показать, что Серио, по-видимому, не читал моих работ и что если даже некоторые из них перелистывал, с их содержанием он не знаком. Но это тема для отдельной ответной статьи.

Здесь я хочу сосредоточиться на вопросе, с которого я начала: имеет ли смысл утверждать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Серио пытается доказать, что так думать бессмысленно. Отвлекаясь от его тона (который один комментатор назвал «агрессивным и демагогическим» [Koselak 2005]), я постараюсь сосредоточиться на сути дела.

## 2. «Картина мира»

Серио пишет:

А. Вежбицкая играет одновременно на двух столах [против правил азартной игры. — А. В.], отстаивая вместе универсализм логического атомизма и релятивизм или «культурализм» неогумбольдтианста. Именно вторая из этих

тенденций преобладает в восприятии ее работ в России, где часто не различают понятий «антропоцентризм» и «этноцентризм». В одном недавнем пособии по философии языка, изданном в России, говорится, в связи с антропоцентризмом, возвращенным в лингвистику Вежбицкой, что «язык навязывает говорящим некий образ мира»; при этом употребляется русская фраза «картина мира» (...). В мышлении этого рода антропология смешивается на этнографии: отдельный человек («личность», *individu*) будто бы не существует вне этнической группы, к которой он принадлежит.

В самом деле, однако, можно думать, что «смешение» («*confusion*»), в котором Серио обвиняет русских ученых, свойственно ему самому: он как будто не понимает, что говорить о языковой картине мира не значит утверждать, что отдельные люди «не существуют вне этнической группы, к которой они принадлежат».

Возьмем для примера три русских слова, которые я когда-то предложила считать «ключевыми словами» русской культуры: *душа*, *тоска*, *судьба* [Wierzbicka 1990; Вежбицкая 1996]. Серио приводит эти слова как яркий пример непростительного «эссенциализма» моих работ. Серио утверждает, что в моей концепции эти три слова сами по себе («à elles seules») дают ключ к «русской языковой картине мира». Сами по себе? Этого я никогда не говорила. Но что эти три слова очень важны и показательны для русского языка и культуры, это я и говорила и говорю теперь.

Имеет ли смысл говорить, что слова, подобные этим, «навязывают» некую картину мира носителям русского языка? Лично я бы сказала не «навязывают», а «подсказывают». Тщательные, серьезные исследования, такие как работа американского антрополога Дэйл Песмэн [Pesmen 2000], показывают, что, например, слово *душа* играет очень большую роль в речи всех, с кем она разговаривала в России в 1990—1994 годах. Как я пыталась показать в недавней работе, напечатанной в антропологическом журнале *Эмос*, модель человека, связанная со словом *душа*, глубоко отличается от модели, связанной с английским понятием *mind*. Нет сомнения, что слово *mind* играет огромную роль в представлении о мире многих людей, для которых английский язык является родным. Особенно примечателен тот факт, что это слово играет большую роль в связанных с английским языком философии, психологии и лингвистике и что многие ученые, жизнь которых протекает в сфере английского языка, не могут поверить, что *mind* — это не универсальное человеческое понятие, а конструктор одной культуры.

Можно ли сказать, что англосаксонская культура «навязывает» это понятие и связанную с ним модель всем говорящим по-английски? По моему мнению, все-таки нет: если очень стараться, можно говорить по-английски и не употребляя слово *mind*. Можно — но в действительности дело обстоит иначе: это слово употребляют очень широко и в разговорной речи, и даже в науке — психологии, философии и т. д., — не задумываясь говорят о человеке именно в терминах модели «*mind and body*», «ум и тело». В русском языке, как известно, существует широко употребляемое словосочетание *душа и тело* и нет сочетания *ум и тело*;

в английском же языке существует *mind and body*, но почти нет *soul and body* (см. таблицу 1).

Таблица 1

Частотность употребления выражений на 1 млн словоупотреблений  
(Национальный корпус русского языка; Cobuild, UK books)

душа и тело	3,4
ум и тело	0,1
mind and body	4,5
soul and body	0,6

Для Серию такие сопоставления — это только «стереотипы», и он не скрывает, что ему надоело все упоминания о русской «душе». Он восклицает с явным негодованием: «Когда наконец перестанут говорить о “славянской душе”?» («En finira-t-on un jour avec le discours sur “l’âme slave”?»). Но, во-первых, почему «slave» («славянской»)? В своих работах я никогда не упоминала ни о какой «славянской душе». Во-вторых, я никогда не говорила и о «русской душе», я только говорила о русском слове *душа* и о соответствующей этому слову «наивной» модели человека, отраженной в этом слове и в его фразеологии («folk model», ср. [D’Andrade 1987]).

Серию обвиняет меня в том, что я не только сравниваю языки (например, русский и английский), но что я делаю обобщения о нациях и противопоставляю «русских» «американцам». Это недоразумение: я всегда была против таких обобщений и никогда ничего не утверждала ни о «русских», ни об «американцах». Я утверждала и утверждаю совсем другое.

Во-первых (я утверждала и продолжаю утверждать), слова любого языка уникальны по своей семантике. Например, русское слово *судьба* не соответствует по значению французскому слову *destinée*, которым переводит его Серию.

Во-вторых, некоторые слова с уникальной семантикой занимают важное место в мышлении носителей данного языка, как видно по многим показателям, в том числе их частотности в речи. Например, в корпусе современного русского языка частотность слова *судьба* — 230 на миллион слов, а в корпусе современного французского языка частотность *destinée* — 27 на миллион слов (о понятии ‘судьба’ см., в частности, [Шмелев 2002]).

В-третьих, с отдельными словами — в частности, широко употребляемыми — часто связаны определенные «культурные скрипты». Например, высокочастотное (77 словоупотреблений на 1 миллион слов) и уникальное по своей семантике русское слово *искренний* связано с русским культурным скриптом (см. [Вежицкая 2002; Wierzbicka 2002]): «хорошо, если человек искренен», или в более распространенном виде:

все люди знают, что многие люди думают так:  
«хорошо, если человек искренен».

(Для сравнения, частотность слова *sincère* во французском корпусе Cobuild «французские книги» — 13 словоупотреблений на 1 миллион слов). Уникальное по своей семантике и часто употребляемое английское слово *reasonable* (сильно отличающееся по смыслу от французского слова *raisonable*) связано со следующим культурным скриптом:

все люди знают, что многие люди думают так:  
«хорошо, если человек *reasonable*».

В-четвертых, не только слова, но также некоторые грамматические конструкции подсказывают носителям языка некую картину мира. Например, есть основания думать, что богатый репертуар дативных безличных конструкций, которым обладает русский язык, дает говорящим возможность говорить и думать о мире так, как, например, по-английски говорить невозможно и думать трудно. Например, такие предложения, как «мне подумалось...» или «мне верилось...», невозможно перевести на английский язык не теряя некоторых элементов смысла (чего-то вроде «не потому, что я этого хотел»).

Серио считает, что утверждения такого рода бессмысленны, но вместо того чтобы спорить с тем, что я на самом деле говорю, он придумывает и приписывает мне фантастические тезисы вроде «мир базируется на отношении двух элементов, мужского и женского, которое проявляется в противопоставлении ‘агентивности’ и ‘пациентности’» («le monde est fait de la relation masculine/feminine, qui se manifeste dans l’opposition de l’“agentive” à la “patientivité”»).

Так как я никогда в жизни не говорила ничего о «противопоставлении мужского и женского элементов», тут нечего спорить. Но вопрос о семантике дативных конструкций и их роли в русской языковой картине мира заслуживает обсуждения.

Серио спрашивает риторически: «Новые русские, которые катаются на лыжах в Куршевеле, или олигархи, которые делают инвестиции в нефть, — так ли уж пассивны или “пациентивны” они перед жизнью?» Так как я никогда не говорила, что «русские пассивны перед жизнью», я бы тоже не взялась рассуждать, пассивны или нет «новые русские» (Серио, очевидно, считает, что они весьма активны или “агентивны”).

Вопрос о том, как говорят разные группы носителей русского языка, в том числе «новые русские», заслуживает изучения. С теоретической точки зрения, однако, тут никакой проблемы нет. Вообще, дативные конструкции в русском языке не обязательны, и отдельные люди могут употреблять их чаще или реже, так же как отдельные люди могут чаще или реже употреблять такие слова, как *судьба*, *душа* или *тоска*. То, что связывает членов данной языковой группы, — это не столько употребление одних и тех же слов и конструкций, сколько их понимание. Быть носителем русского языка — это, в частности, понимать такие слова, как *судьба*, и такие предложения, как *мне хочется* и *мне верится*.

Разумеется, и понимание и употребление определенных слов и конструкций подлежат градации и в синхроническом и в диахроническом плане. Если частот-



ность употребления данной конструкции сильно уменьшается, спустя некоторое время она может совсем или почти совсем выйти из употребления. Именно так случилось с многими «дативными» и им подобными конструкциями в английском языке (такими как, например *methinks* ‘мне думается’).

Серио высмеивает мое замечание, что английские предложения *he succeeded* и *he failed* приписывают субъекту некоторую ответственность за то, что случилось, тогда как русские предложения *ему удалось* и *ему не удалось* такого семантического оттенка не несут. В этой связи стоит упомянуть, что, как отмечает агентство Рейтер (20.07.2005), в Великобритании профессиональный союз учителей предложил недавно запретить употребление учителями слова *fail* как слишком негативно-го и порицательного. Трудно себе представить подобный запрет на фразу *не удалось* (например, *На этот раз тебе не удалось...*), которая звучит скорее как оправдание, чем как осуждение. Строго говоря, *тебе не удалось* непереводимо на (идиоматичный) английский язык, а *you failed* непереводимо на русский. (Сказать «тебе не удалось, и это твоя вина», конечно, можно, но это звучит несколько странно.)

Я думаю, что когда большинству носителей русского языка понадобится выражение смысла *you failed*, язык изменится и найдет способ, чтобы этот смысл выразить. Насколько я знаю, до сих пор этого не случилось.

Серио как будто считает, что чтобы опровергнуть мой тезис о культурной значимости таких различий, как различия между *you failed* и *тебе не удалось*, достаточно указать, что он несовместим с теориями французского философа Бурдьё. Но для меня указание на авторитет Бурдьё — это еще не достаточный аргумент. Сопоставление моего мнения со взглядами Монтеस्कье (которые Бурдьё называет фантастическими — «*fantasmatique*») тоже меня не волнует.

Говоря о разном «духе» (*esprit*) разных народов, Монтеस्कье писал так: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» («О духе законов», XIX, 4). Признаюсь, что хотя я предпочитаю говорить о разных культурах, а не о «духе разных народов» и не говорила бы в этой связи о климате, но вообще я тут ничего «фантастического» или абсурдного не вижу; и я не разделяю благоговения перед Бурдьё, которым явно проникся Серио.

По Серио, «это поразительно, что в XXI столетии еще можно верить в “национальный характер народа”». Опять-таки, это язык Серио, не мой: я никогда не говорила о русском или каком-нибудь другом «национальном характере».

То, что я говорила и повторяю снова, это другое — что любой язык воплощает в себе некий мир смыслов (а «*universe of meaning*») и что люди, живущие посредством этого языка, живут в этом мире смыслов. С одной стороны, это можно продемонстрировать с помощью точных методов лингвистической семантики: в частности, пользуясь метаязыком универсальных понятий, можно показать точно, чем отличаются друг от друга слова *судьба* и *destinée* или *душа*, *mind* и *esprit* (ср. например [Wierzbicka 1992; 2004]). С другой стороны, об этом свидетельствует личный опыт людей, живущих посредством двух языков, особенно

так называемых языковых мигрантов («language migrants», [Besemeres 2002]): люди иммигрирующие в другую страну и в сферу другого языка, часто чувствуют, что им нужно «переводить самих себя». Например, как пишет живущая теперь в Соединенных Штатах русская эмигрантка Анета Павленко [Pavlenko 2005], она сознает, что живет теперь в двух разных мирах, с двумя разными репертуарами смыслов и культурных скриптов. Например, когда она пишет в письме к своей бабушке, оставшейся в России: «Бабулечка, я так по тебе скучаю», — она выражает таким образом мысли и чувства, которые не могла бы выразить на английском языке. Само слово *бабулечка* несет в себе чувства и отношения, которые невозможно перенести из мира русского языка в мир английского языка. То же самое можно сказать про глагол *скучать*, который также отличается по значению от английского *miss* и всех других английских слов, с которыми можно было бы его сравнить (см. [Levontina, Zalizniak 2001]).

Точно так же, когда Павленко говорит своему тринадцатилетнему сыну, с которым случились разные маленькие беды: «жалко тебя бедного», — она выражает смысл, которого не могла бы выразить на английском языке. Все, что можно сказать на английском языке в подобной ситуации («I'm sorry for you» или «you poor thing»), отличается по смыслу и по чувству от того, что выражает русское слово *жалко* и вся конструкция (см. [Levontina, Zalizniak 2001]).

И последний пример. Ссылаясь на мою собственную статью о моем личном эмигрантском опыте, Павленко обсуждает семантическое, прагматическое и эмоциональное различие между русскими фразами *Не сердись!* и *Не обижайся!* и английской *don't be angry*. Она говорит:

Предложения 'don't be mad/angry' и 'don't be upset/offended' звучат как обвинения и у них нет прагматической цели, которая налицо в «не сердись» («не сердись на меня») и «не обижайся» («не обижайся на меня»). Эта цель — загладить какое-то неприятное происшествие и вернуть положительные чувства (см. подробный анализ соответствующих польских глаголов в [Wierzbicka 1994; 2004]). Тот факт, что я не могу употребить эти русские глаголы в моих отношениях с моим американским партнером (который не говорит по-русски) и с моим сыном, у которого английский сильнее русского, лишает меня важных средств «управления» взаимоотношениями и чувствами (relation-building and emotion management). Но хотя я не могу употребить эти слова, я продолжаю действовать согласно эмоциональным скриптам, связанным со словами *сердиться* и *обижаться*, которые я усвоила в детстве. Так как мой партнер и мой сын не понимают, что фразы *не сердись* и *не обижайся* — это «законные» (legitimate) средства для поддержания близких отношений, они интерпретируют мое поведение как обиду и чрезмерную реакцию (pouting and overreacting) и думают, что я слишком чувствительна и даже неблагоприятна (unreasonable).

Люди, у которых нет опыта, аналогичного опыту Павленко, часто не могут поверить в реальность и значимость таких различий; но для тех, у кого он есть,

правда подобных свидетельств в большинстве случаев бесспорна (см. [Besemer, Wierzbicka (eds), to appear]).

Людям, которые не живут в сфере английского языка, трудно себе представить, какую огромную роль играет слово *unreasonable* и скрипт «don't be unreasonable» в жизни людей, живущих в англоговорящем мире. Точно так же, тем, у кого нет экзистенциального опыта жизни в сфере русского языка, трудно себе представить роль, которую играют в этом мире фразы вроде *He serdись!* или безличные конструкции со словами вроде *жалко, жаль, обидно, досадно, грустно* или *непонятно (почему)*. Как я и мои коллеги пытались показать в ряде работ (см. например [Wierzbicka 1992; Goddard 2002; Mostovaja 1996; 1997; Gladkova 2005; Gladkova (in print); Levontina, Zalizniak 2001]), «естественный семантический метаязык» помогает продемонстрировать более точно, в чем именно заключается семантическая специфика этих и других подобных выражений и конструкций.

Серио считает, что приписывать значение русским дативным конструкциям — значит просто повторять бессмысленные старые стереотипы. Если результаты семантического анализа, проведенного при помощи «естественного семантического языка», хоть в чем-нибудь согласуются с известными стереотипами, это показывает, по его мнению, что такой анализ или ошибочен, или бесполезен. Например: «Нужно ли было вырабатывать такой тонкий критический аппарат, чтобы в конце концов прийти к таким старым клише о двух началах, активном и пассивном?». Но на самом деле это Серио говорит о таких двух противоположных началах, не я. Естественный семантический язык позволяет нам моделировать бесконечное число тонких семантических различий, и его сторонники никогда не станут применять его, чтобы прийти к простейшим дихотомическим противопоставлениям вроде тех, о которых говорит Серио. С другой стороны, пренебрежительное отношение Серио к *любым* стереотипам и догматический отказ допустить, что некоторые из них могут отражать — пусть грубо и неточно — опыт многих обыкновенных людей, напоминает тон, каким Вольтер говорил в свое время о глупой и примитивной толпе («la canaille») или Дидро — об «общей массе людей»:

Общая масса людей неспособна ни участвовать в этом движении вперед человеческого ума (духа), ни понимать его [Diderot 1969: 380].

Не доверяй суждениям массы во всем, что касается рассуждений и философии; ее голос — голос порочности, глупости, бесчеловечности, неразумия и предрассудка. ... Масса невежественна и глупа [Diderot 1969: i].

Дело не в том, чтобы защищать стереотипы, а в том, чтобы перейти от стереотипов к тонкому, точному и методологически обоснованному семантическому анализу; а если результаты анализа в какой-то точке согласуются с каким-то стереотипом, это нужно просто отметить, как и другие факты<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В своем Введении к книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [2005: 13] Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пишут так:

### Заключительные замечания

В своей книге «Проблемы исследования языковой картины мира» Е. В. Урысон [2003: 9] пишет:

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты.)

Ссылаясь на идеи Гумбольдта как источник этого положения, Урысон обращает внимание на тот факт, что в лингвистике XX века эти идеи были развиты и уточнены:

Особенности концептуализации мира тем или иным языком были продемонстрированы на огромном фактическом материале. Во-первых, в ходе описания т. н. экзотических языков (индейских, австралийских, австронезийских) было выявлено удивительное различие в способах концептуализации, присущих этим языкам, с одной стороны, и индоевропейским языкам с их привычными для исследователей категориями, — с другой (...). Во-вторых, результатом интенсивного развития семантики явились описания целых семантических полей, а по существу — фрагментов языковой картины мира, представленных в литературных европейских языках, в частности — в русском, а также сравнение этих полей в разных языках; ср. труды Ю. Д. Апресяна, в том числе созданный под его руководством «Новый синонимический словарь русского языка» (...), где каждая словарная статья представляет описание «кусочка» языковой картины мира; исследования А. Вежбицкой, В. Г. Гака [Гак 1966; 1975], В. З. Санникова [Санников 1989], Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994] и многие другие работы [Там же: 9—10].

На развитие и уточнение идей Гумбольдта в современной лингвистике — особенно семантике — обращает также внимание А. Д. Шмелев [2002: 12]:

---

...Подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача — обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т. е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т. п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты — как общие места русского бытового, философского, научного и т. д. дискурса.

Хотя, повторю, я предпочитаю употреблять слово *подсказывает*, а не *навязывает*, в основном я бы сказала о моей собственной работе то же самое.

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, не является чем-то новым. Оно восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира — Уорфа. Но не случайно именно в настоящее время эти идеи вновь обретают популярность. Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей.

Шмелев отмечает тот факт, что результаты тонкого и точного семантического анализа часто согласуются, в известной степени, с «ненаучным» опытом «обычных людей»:

При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных.

Этот новый уровень точности, на который поставила восходящие к Гумбольдту идеи современная семантика, Серйо игнорирует: эмпирическое, детальное, систематическое изучение «картины мира» его не интересует, так как он заранее отбрасывает главную идею как какое-то гумбольдтианское старье («немецкий романтизм»), несовместимое с «современными» теориями французских теоретиков языка. Разумеется, с такими предвзятыми взглядами спорить бесполезно.

И все-таки, атаки вроде статьи Серйо небесполезны: они должны напоминать исследователям «лингвистической картины мира» о том, как важны в этой области явные и хорошо обоснованные методологические принципы, поиски разного рода лингвистических доводов, изучение частотности слов и вообще работа с корпусом, детальное исследование фразеологии, коллокаций, изучение опыта двуязычных и «двукультурных» людей, особенно «языковых мигрантов», и так далее. Прежде всего они должны помнить, как необходима для их исследований хорошо разработанная семантическая теория.

В области русской лингвистической картины мира уже сделано так много и столькими исследователями, что, пожалуй, мы знаем о ней больше, чем о любой другой (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] и цит. там литературу). Эти работы могут служить моделью для исследователей «лингвистических картин мира», воплощенных в других языках.

Язык неразрывно связан с жизнью людей, с их мышлением, их чувствами, их образом жизни. Изучение лингвистической картины мира, проявляющейся в семантике отдельных языков, — прекрасная задача и прекрасная перспектива для лингвистов XXI века.

Связывать интерес русских лингвистов к проблеме «языковой картины мира» с прилагательными «soviétique» и «post-soviétique» («советский» и «постсоветский»), как это делает Серю, просто смешно. Надеюсь, что я не обижу ни господина Серю, ни его французских коллег, если скажу, что, по-моему, думать, что Гумбольдт — это «старье», что идеи Лейбница — это причудливые фантазии («fantasmes») и что лингвисты могут почерпнуть больше у Бурдьё, Лакана и Пешо, тоже смешно.

Поскольку я люблю не только русскую, но и французскую культуру, я с нетерпением жду дня, когда мы сможем прочесть книгу о «языковой картине мира», отраженной во французском языке, — книгу, сравнимую по пронизательности наблюдений и точности анализа с той, которую только что подарили нам Анна Зализняк, Ирина Левонтина и Алексей Шмелев [2005] в своих «Ключевых идеях русской языковой картины мира». Вот задача для французских лингвистов и других знатоков французского языка и французской культуры.

### Литература

- Апресян и др. 2004 — Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Вежбицкая 2002 — А. Вежбицкая. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6—34.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Гладкова 2005 — А. Н. Гладкова. Чем русское *сопереживание* отличается от английского *empathy*? Опыт применения метода Естественного Семантического Мета-языка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2005» (Звенигород, 1—6 июня, 2005 г.) / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Сеlegeя. М., 2005. С. 102—108.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Шмелев 2002 — А. Д. Шмелев. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- Besemeres 2002 — M. Besemeres. *Translating One's Self: Language and selfhood in cross-cultural autobiography*. Oxford; Bern: Peter Lang, 2002.
- Besemeres, Wierzbicka (to appear) — M. Besemeres, A. Wierzbicka (eds). *Translating Lives: Australian stories of language migration*. To appear.
- D'Andrade 1987 — R. D'Andrade. A folk model of the mind. In Holland, Dorothy and Naomi Quinn // *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 112—150.
- Diderot 1969 — D. Diderot. *Œuvres complètes* / Ed. by R. Lewinter. Paris: Le Club Français du Livre, 1969.

- Gladkova (in print) — *A. Gladkova*. Universal and language-specific aspects of «propositional attitudes»: Russian vs. English // A. Schalley, D. Khlentzos (eds). *Categorisation, Mental States and Development*. Amsterdam: John Benjamins, in print.
- Goddard 2002 — *C. Goddard*. Ethnosyntax, ethnopragmatics, sign-functions, and culture // N. J. Enfield (ed.). *Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 52—73.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 — *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 2002 — *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). *Meaning and Universal Grammar — Theory and Empirical Findings*. Vols 1—2. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Koselak 2005 — *A. Koselak*. An article about Wierzbicka. NSM-List, July 19. <http://listserv.linguistlist.org/cgi-bin/wa?A2=ind0507c&L=nsml&F=P&S=&P=758>
- Levontina, Zalizniak 2001 — *I. Levontina, Anna A. Zalizniak*. Human emotions viewed through the Russian Language // J. Harkins, Anna Wierzbicka (eds). *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 291—336.
- Montesquieu 1773[1758] — *Ch. de Montesquieu*. *De l'esprit des lois*. Paris: Garnier, 1973.
- Mostovaja 1996 — *A. D. Mostovaja*. Spatial metaphor in grammar: studies of selected Russian constructions. PhD thesis. Australian National Univ., 1996.
- Mostovaja 1997 — *A. D. Mostovaja*. Social roles as containers in Russian // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XLI. 1997. P. 119—141.
- Pavlenko 2005 — *A. Pavlenko*. *Emotions and Multilingualism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Pesmen 2000 — *D. Pesmen*. *Russia and Soul: An exploration*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Sériot 2004 — *P. Sériot*. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. № 57. 2005. P. 23—43.
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka*. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Karoma, 1980.
- Wierzbicka 1990 — *A. Wierzbicka*. *Duša, toska, sud'ba*: Three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich [Formal methods in the description of Slavic languages]*. Białystok: Białystok Univ. Press, 1990. P. 13—32.
- Wierzbicka 1992 — *A. Wierzbicka*. *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 2002 — *A. Wierzbicka*. «Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications» // *Ethos*. № 30 (4). 2002. P. 401—432.
- Wierzbicka 2004 — *A. Wierzbicka*. Bilingual lives, Bilingual Experience // J.-M. Dewaele, A. Pavlenko (eds). *Preface to the Special Issue on Bilingualism and Emotions / Journal of Multilingual and Multicultural Development*. № 25 (2—3). 2004. P. 94—104.
- Wierzbicka (in print). — *A. Wierzbicka*. Empirical universals of language as a basis for the study of other human universals and as a tool for exploring cultural differences // *Ethos*. (in press).

**Источники примеров**

Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>

COBUILD Bank of English <http://titania.cobuild.collins.co.uk/>

COBUILD La banque de français moderne <http://titania.cobuild.collins.co.uk/>



## ДОПУСТИМО ЛИ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК? \*

Статья Анны Павловой и Михаила Безродного «Хитрушки и единорог: Образ русского языка от Ломоносова до Вежибичкой», опубликованная в № 31 журнала *Toronto Slavic Quarterly*<sup>1</sup>, производит довольно странное впечатление, так что полемизировать с ней затруднительно — тем более что в самой статье не разбирается ни один языковой пример и разговор рискует стать беспредметным. Однако мне представляется, что у читателей статьи может создаться превратное представление о реальной ситуации в современной российской лингвистике, и это заставляет меня написать комментарий к статье А. Павловой и М. Безродного.

Основной пафос статьи, сколько можно судить по не вполне четко построенному изложению, сводится к тому, что в современных исследованиях семантики русского языка тон задает направление, представителей которого А. Павлова и М. Безродный называют «неогумбольertianцами» и «сторонниками ГЛО» (указанная аббревиатура скрывает за собою так называемую «гипотезу лингвистической относительности», более известную как «гипотеза Сепира-Уорфа»). Мне неизвестны специалисты по русской семантике, которые аттестуют себя указанными способами; однако из текста статьи становится понятно, что основной мишенью для А. Павловой и М. Безродного оказываются исследователи, ставящие своей целью реконструкцию языковой картины мира и ее соотносению с особенностями культуры обслуживаемой этим языком (при этом речь в рассматриваемой статье идет исключительно о русском языке и русской культуре). В области изучения значения языковых единиц с последующей их культурной интерпретацией, вслед за Анной Гладковой<sup>2</sup>, можно выделить три направления, идейно и методологически связанные друг с другом: (1) Московскую семантическую школу интегрального описания языка и системной лексикографии, возглавляемую

---

\* Статья опубликована в приложении к № 31 электронного журнала «Toronto Slavic Quarterly» ([http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31\\_disput\\_shmelev.pdf](http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_shmelev.pdf)). Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Анну Зализняк и Ирину Левонтину за поддержку и ценные соображения, высказанные ими по прочтении этой статьи.

<sup>1</sup> А в № 32 этого же журнала опубликован английский перевод этой же статьи (How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka).

<sup>2</sup> Гладкова А. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010. С. 13—18.

Ю. Д. Апресяном (МСШ); (2) Анна Вежбицка и ее коллеги, применяющие метод «естественного семантического метаязыка» (ЕСМ); (3) группа московских исследователей, которую Анна Гладкова называет «московская группа культурной семантики» (в некоторых других работах используется обозначение «новомосковская школа концептуального анализа»<sup>3</sup>). И действительно, именно указанные три направления в первую очередь рассматриваются и подвергаются критике в статье А. Павловой и М. Безродного<sup>4</sup>.

Правда, начинают А. Павлова и М. Безродный довольно издавна и с сюжета, не имеющего непосредственного отношения к лингвистике: они упоминают о некоторых постмодернистских акциях в современной России, в том числе о перформансе, заключающемся в воздвижении «памятника русскому языку». Отметим осведомленность авторов: полагаю, едва ли кто-то из российских лингвистов обратил внимание на эту новость. Памятник, как сообщают А. Павлова и М. Безродный, представлял собою многогранник с известной цитатой из стихотворения в прозе Ивана Тургенева: «О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!». Соответственно, они переходят к рассмотрению этой цитаты и, характеризуя ее как проявление «лингвонарциссизма» (и даже как «классику лингвонарциссистского жанра»), обнаруживают его проявления и в других текстах и делают вывод, что именно «лингвонарциссизмом» объясняются и рассматриваемые работы по семантике русского языка.

Попытаюсь воспроизвести ход рассуждений А. Павловой и М. Безродного, хотя уследить за их ассоциациями не всегда легко. Неустранимый дефект современных исследований в рамках рассматриваемых направлений, по мнению А. Павловой и М. Безродного, состоит в том, что их авторы некритически следуют за Э. Сепиром и особенно Б. Уорфом, не учитывая то, что доказательная база их построений давно опровергнута. Российские исследователи, кроме того, по утверждению А. Павловой и М. Безродного, столь же некритически воспринимают лингвистические работы Анны Вежбицкой и ее последователей, хотя на Западе они «производят впечатление анахроничных и маргинальных». Поэтому и работы российских исследователей направлены на изучение фантомов и не имеют никакой научной ценности.

В связи с гипотезой Сепира-Уорфа А. Павлова и М. Безродный указывают на «ошибочность представлений Уорфа о языке хопи... и ставшего хрестоматийным

---

<sup>3</sup> См., напр., *Шмелев А. Д.* Новомосковская школа концептуального анализа // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание. Петрозаводск, 2004.

<sup>4</sup> Между названными направлениями нет непроходимой границы, поэтому один и тот же автор может публиковаться в сборниках, принадлежащих к любому из этих направлений. Так, Ирина Левонтина, которую Анна Гладкова упоминает среди членов «московской группы культурной семантики», является одним их постоянных участников всех сборников МСШ, выходящих под руководством Ю. Д. Апресяна; печаталась она и в сборниках, посвященных применению ЕСМ.

утверждения о многочисленных наименованиях снега в языке эскимосов» и выражают удивление, что «через десять лет после разоблачения этой выдумки» Е. В. Падучева «утверждает: "...В эскимосском языке есть много названий для снега"». По представлениям А. Павловой и М. Безродного, в западной лингвистике «к 1980-м гг. интерес к ГЛО угасает». На самом деле, именно начиная с конца 1980-х интерес к гипотезе Сепира-Уорфа заметно возобновился в связи с исследованиями в области когнитивной лингвистики. Можно упомянуть вышедшую в 1987 г. знаменитую книгу Джорджа Лакоффа «Women, Fire and Dangerous things: What categories reveal about the mind»<sup>5</sup>; но и в последующие годы не прекращался поток публикаций, прямо или косвенно посвященных обсуждению гипотезы Сепира-Уорфа.

Вернемся к примеру относительно наименований видов снега в эскимосских языках. Как кажется, его смысл заключался не просто в том, что таких наименований много (в английском языке, как указывали многие авторы, наименований видов снега можно насчитать не меньше), а в том, что в повседневной коммуникации используются именно они, а не родовое обозначение 'снег', даже если бы таковое и существовало. Различие между разными видами снега аналогично различию, которое английский и другие европейские языки (кстати, в том числе русский, как и другие языки «европейского стандарта») проводят между снегом и льдом: в них не используется «общий» термин 'замерзшая вода', хотя есть языки в которых снег и лед в повседневном общении не различаются. При этом, к сожалению, полемика о языке хопи и эскимосских языках часто ведется людьми, имеющими об этих языках довольно отдаленное представление и тем самым невольно иллюстрирующими известный афоризм Козьмы Пруткова о тех, кто не зная «законов языка ирокезского», делает «по сему предмету» суждения. Поэтому сущность гипотезы Сепира-Уорфа может быть иллюстрирована примером, который понятен носителям русского языка на основании их собственного опыта. Представляется очевидным, что зрительный аппарат носителей русского языка принципиально ничем не отличается от зрительного аппарата носителей других языков. Их способность различить разные оттенки цветов, обобщенно называемых *зеленым*, ничуть не меньше, нежели их же способность отличить желтый цвет от коричневого или синий от голубого. Тем не менее по отношению ко всем этим оттенкам они проводят абстракцию отождествления и не обинуясь используют всеобъемлющее прилагательное *зеленый*, но не назовут желтый предмет *коричневым* или синий — *голубым*. Как известно, в большинстве европейских языков в повседневном общении так же разграничиваются 'желтое' и 'коричневое', проводится та же абстракция отождествления оттенков 'зеленого', но отождествляются также 'голубое' и 'синее'. В более «экзотических» (с точки зрения среднего европейца) языках различение и отождествление в области цвета иногда

---

<sup>5</sup> Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

проводится совсем иным образом; понятно, что это свидетельствует не об особенностях физиологии, а о том, как «мыслятся» эти цвета при использовании соответствующих языков.

Попутно А. Павлова и М. Безродный указывают, что подход, характерный для тех, кого они называют «неогумбольдтианцами», встречался еще в сочинениях «лингвистов-славянофилов», и сетуют, что «ни Вежицкой, ни ее последователям эта страница истории российской лингвистики не известна» (потому они и ссылаются только на Гумбольдта и Сепира-Уорфа). Здесь остается порадоваться, что это замечание<sup>6</sup> высказано по адресу российских лингвистов не в те годы, когда оно прочитывалось бы как обвинение в низкопоклонстве перед Западом и могло бы повлечь за собою весьма неприятные последствия для тех, кому оно адресовано. Справедливым оно от этого, впрочем, не становится. Славянофилы внесли значительный вклад в историю русской мысли; некоторые из них оставили свой след и в истории лингвистики (учение Константина Аксакова о русском глаголе иногда упоминается грамматистами и в наше время); однако их соображения в области лингвистической семантики, как правило, довольно наивны. Не случайно и американские когнитивные лингвисты часто ссылаются на Сепира и Уорфа, реже на Гумбольдта и практически никогда на российских славянофилов<sup>7</sup>.

Оценку работ Анны Вежицкой как «анахроничных и маргинальных» приходится оставить на совести А. Павловой и М. Безродного (и, возможно, авторов, на которых они ссылаются). Эта оценка не является в западной лингвистике ни общепринятой, ни господствующей<sup>8</sup>. Впрочем, эта оценка может показаться еще довольно мягкой по сравнению с тем, что можно иногда встретить в околонучной русскоязычной печати<sup>9</sup>. Еще удивительнее то, что авторы относят Вежицку к поборникам гипотезы лингвистической относительности. Это трудно воспринять иначе как аберрацию: основное содержание лингвистических исследований

---

<sup>6</sup> Кстати, замечание несправедливое. Скажем, в статье Ирины Левонтиной «Откуда есть пошла русская душа?» (<http://www.polit.ru/culture/2005/11/28/russoul.html>) разбирается история формирования мифа об особенностях «русской души» и наряду с немецкими источниками делаются ссылки на русских авторов, формулировавших стереотипы «русского национального характера».

<sup>7</sup> При этом любопытно, что сами А. Павлова и М. Безродный почему-то не упоминают работы Л. В. Щербы, хотя учение о языковой картине мира восходит в первую очередь именно к его идеям.

<sup>8</sup> Удивляет также, что А. Павлова и М. Безродный явно рассматривают «Запад» как некую важную инстанцию, которая раздает оценки, не подлежащие обжалованию.

<sup>9</sup> Напр., «Вежицкая — талантливый филолог и кропотливый исследователь. Тем опаснее страшноватая каббалистика ее семантических примитивов, когда бесстрастная констатация межъязыковых соответствий подменяется фанатическим поиском доказательств, удовлетворяющих русофобию» (*Овсянников В. В.* Американские проблемы в русском менталитете // *Вісник СумДУ*. 2006. № 11(95). Т. 1).

А. Вежбицкой заключается в поисках семантических универсалий, определяющих мышление всех людей и смысл того, о чем они говорят, каким бы языком они ни пользовались. Красной нитью через все ее работы проходит мысль, что, сколь бы лингвоспецифичной ни была семантика анализируемой языковой единицы, она может быть истолкована посредством единого универсального семантического метаязыка.

Но, как бы ни оценивать работы Б. Уорфа и Анны Вежбицкой, неоспоримым остается следующее обстоятельство. Ни язык хопи, ни эскимосские языки не являлись родными ни для Э. Сепира, ни для Б. Уорфа; так что объяснить их лингвистические теории «лингвонарциссизмом» не удастся. Точно так же не являются родными языками Вежбицкой ни английский язык (главный объект ее исследований), которому она специально посвятила свои последние по времени работы<sup>10</sup>), ни русский язык. Это заставляет усомниться в том, что гипотеза «лингвонарциссизма» универсальна для объяснения внимания лингвистов к связи языка и культуры, которую этот язык обслуживает. Да и само понятие «лингвонарциссизма» в применении к научному исследованию чрезвычайно странно. Предполагает ли оно, что «лингвонарциссическим» следует считать любое изучение особенностей родного языка, и, скажем, внимание российского лингвиста к русской фонетике иначе как «лингвонарциссизмом» объяснить невозможно? Если нет, то почему «лингвонарциссическим» является изучение именно семантики и ее связи с культурой?

Переходя к работам российских исследователей, А. Павлова и М. Безродный делают еще более странные утверждения. Напр., они говорят, что «ГЛО в версии Вежбицкой была воспринята исследователями западной складки как последнее слово мировой науки, и их воодушевление разделили неославянофилы», и резюмируют: «гумбольдтианская доктрина утвердилась в российском академическом языковедении благодаря как неославянофилам, так и неозападникам». Вообще говоря, «западные» или «славянофильские» взгляды исследователя не должны влиять на его научную работу при условии минимальной добросовестности. Поэтому выделение среди лингвистов «неославянофилов» и «неозападников» может восприниматься как обвинение в научной недобросовестности, а такое обвинение неплохо бы аргументировать или хотя бы иллюстрировать. Увы, А. Павлова и М. Безродный этого не делают.

Чем дальше, тем текст статьи А. Павловой и М. Безродного становится все более загадочным. Они утверждают, что «поборников ГЛО» объединяет «преимущественный либо исключительный интерес к тем “концептам” (или “ключевым словам”, или “ключевым понятиям”, или “лингвокультурамам”), которые объявляются конститутивными для “русской ментальности” (или “русского менталитета”, или “русской ЯКМ”, или “русской модели мира”))». Что такое «лин-

---

<sup>10</sup> *Wierzbicka A. English: Meaning and culture. Oxford, 2006; Idem. Experience, Evidence, and Sense: The Hidden Cultural Legacy of English. Oxford, 2010.*

гвокультурема», авторы не объясняют, полагая, вероятно, это самоочевидным. Однако очевидно только, что это какой-то термин, а содержание его остается неясным. Насколько я знаю, этот термин не встречается ни в работах Э. Сепира, ни в работах Б. Уорфа, ни в работах Анны Вежбицкой и ее последователей, ни в работах российских лингвистов, принадлежащих к рассматриваемым направлениям. Странным представляется также скрытое отождествление «русской ментальности» и «русской языковой картины / модели мира». Выражение «русская ментальность» если и встречается в серьезных лингвистических работах, то только в качестве стереотипа, характерного для некоторых типов русского дискурса; что же касается до русской языковой концептуализации / картины / модели мира, то это объект, реконструируемый на основе семантического анализа языковых единиц и понимаемый как совокупность представлений о мире, которые язык навязывает<sup>11</sup> его носителям. В соответствии с пониманием «новомосковской школы концептуального анализа»<sup>12</sup> механизмы такого навязывания могут быть описаны следующим образом. Семантика языковых единиц включает разного рода «презюмции», т. е. представления о мире, которые при стандартном использовании данной единицы не попадают в ассертивный компонент высказывания и обычно проходят мимо внимания участников коммуникации (пресуппозиции, коннотации, фоновые компоненты значения). Так, если я употреблю оборот *как свинья* или *размером с вишню*, то едва ли кто-то предположит, что я думаю о свинье как об особо чистоплотном и ласковом животном или представляю себе выведенную Мичуриным гигантскую вишню. Если носитель русского языка услышит, что *сердце* кому-то нечто подсказывало, он не заподозрит, что речь идет о результате сложной интеллектуальной работы, а поймет эту фразу единственно правильным образом: обсуждаются мнения, к которым субъекта подталкивают чувства и интуиция (поскольку семантика слова *сердце* в русской языковой картине мира связана с эмоциональной составляющей психической деятельности). Существенно,

<sup>11</sup> Анна Вежбицкая в недавней статье, которую цитируют и А. Павлова и М. Безродный, заметила, что она бы предпочла говорить не «навязывает», а «подсказывает»: *Вежбицкая А.* Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // *Динамические модели: Слово, предложение, текст.* М., 2008. С. 179, 185. По-видимому, ей кажется, что слово «навязывает» несет на себе некий отпечаток детерминизма. Но я полагаю, никто не думает, что языковая картина / модель мира лишает носителя языка свободы и возможности критически осмыслить представления, которые эту картину конституируют. Мне лично слово «навязывает» представляется более адекватным: в слове «подсказывает» мне видится ситуация, когда носитель языка стал в тупик перед выбором из некоторого множества альтернативных представлений и нуждается в подсказке со стороны; слово «навязывает» предполагает воздействие на подсознание, подобно тому как действует реклама (когда мы тоже вольны отказаться от того, что она нам «навязывает»). Впрочем, особого значения выбор слова здесь не имеет.

<sup>12</sup> *Шмелев А. Д.* Указ. соч.

что в процессе повседневной коммуникации на некотором языке презумпции чаще всего не ставятся под сомнение (хотя такое иногда случается в ходе мета-языковой рефлексии), а использование языковой единицы в противоречии с ее презумпциями вызывает возражения носителей языка. Когда газета «Известия» в 2004 г. инициировала дискуссию о том, на самом ли деле всегда скверно сообщать начальству о чьих-либо предосудительных действиях и открыла ее статьей, которая называлась «Спаси человечество могут только доносчики», то письма читателей продемонстрировали почти единодушное негативное отношение к доносительству<sup>13</sup>. Именно совокупность презумпций и задает языковую картину / модель мира. Современная семантика позволяет обнаружить, что во-первых разные единицы одного языка часто включают тождественные или схожие презумпции (такие презумпции можно назвать «сквозными мотивами» языковой картины мира), а во-вторых, что набор презумпций оказывается разным для разных языков. Так, в некоторых языках презумпции слов со значением ‘сердце’ показывают, что в соответствующей языковой картине мира сердце является источником не только чувств, но и способности к пониманию.

Однако А. Павлова и М. Безродный предпочитают говорить не о ясном понятии «языковая картина мира», а о неопределенных понятиях, не имеющих непосредственного отношения к лингвистике, таких, как, напр., «национальный характер». При этом они пытаются сделать вид, что никакой подмены здесь нет. Характерная цитата: «...коль скоро национальный язык, согласно ГЛЮ, формирует национальный характер, то сопоставление национальных языков есть одновременно сопоставление национальных характеров...». Откуда берется представление, согласно которому «национальный язык, согласно ГЛЮ, формирует национальный характер», не сообщается. Я не помню, чтобы в лингвистических сочинениях Э. Сепира и Б. Уорфа что-то говорилось о «национальном характере» и о том, что его формирует национальный язык; если А. Павлова и М. Безродный обнаружили такое утверждение, уместно было бы сделать ссылку, а не подавать его как нечто само собою разумеющееся.

Возможно, сознавая, что предложенная ими картина слишком плохо согласуется с действительностью, А. Павлова и М. Безродный предлагают различать среди работ рассматриваемых направлений «полюса эссеизма и сциентизма». К эссеистике, насколько я понимаю, можно отнести статьи представителей «московской группы культурной семантики» которые публиковались в 1990-х и в начале 2000-х в журналах «Итоги», «Еженедельный журнал» и «Отечественные записки», и, в еще большей мере, блестящие эссе Ирины Левонтиной, составившие ее книгу «Русский со словарем»<sup>14</sup>. Удивляет лишь характеристика, которую дают

<sup>13</sup> И даже в сталинское время, когда доносительство вовсю поощрялось, слова *донос* и *доносчик* сохраняли отрицательную окраску.

<sup>14</sup> *Левонтина И.* Русский со словарем. М., 2010. Книга вышла из печати уже после публикации статьи А. Павловой и М. Безродного; однако вошедшие в нее эссе в течение ряда лет публиковались на сайте «Стенгазеты» (<http://www.stengazeta.net>), и

этой «эссеистике» А. Павлова и М. Безродный: «пропагандируется идея русской исключительности». Ссылоч, понятно, опять нет. Вместо этого А. Павлова и М. Безродный начинают говорить о «лингвострановедческих» пособиях, адресованных иностранцам. По некоторой случайности одно из четырех пособий, поименованных в статье А. Павловой и М. Безродного, у меня есть; А. Павлова и М. Безродный относят эту книгу к «пособиям с говорящими заглавиями и подзаголовками»<sup>15</sup>, и есть все основания предположить, что, кроме заглавия и подзаголовков, они в этой книге ничего не читали. Во всяком случае могу заверить, что никакого отношения ни к лингвистике вообще, ни к рассматриваемым направлениям семантического анализа эта книга не имеет, и русского языка (кроме как в подзаголовке) она вообще не касается.

Для иллюстрации «сциентистского» полюса А. Павлова и М. Безродный цитируют высказывание Ю. Д. Апресяна: «В последнее время идея языковой картины мира была очень широко растиражирована и, к сожалению, измельчена. Некоторые авторы делают далеко идущие обобщения об этноспецифическом взгляде на мир и даже об особенностях национального характера на основе анализа нескольких изолированных примеров». Сообщив, что Ю. Д. Апресян предлагает «при определении “этноспецифичных” языковых единиц... руководствоваться таким критерием, как их непереводаемость столь же простыми единицами других языков, и принимать во внимание “меру этноспецифичности”, которая тем больше, чем большее число единиц языка выражает “ключевую идею” и чем более разнообразна их природа», А. Павлова и М. Безродный замечают: «Эти и подобные им предложения напоминают рекомендации по ловле единорога», — и предлагают посмотреть, «насколько состоятельна надежда» на выявление ключевых слов языковой картины мира «по приписываемым им признакам: включенность во фразеологизмы, высокая частотность и непереводаемость». Подмена кажется очевидной: во-первых, «меру этноспецифичности» Ю. Д. Апресян предлагал ввести для «ключевых идей», а не для «ключевых слов»; во-вторых, «включенность во фразеологизмы» и «высокая частотность» им не упоминались<sup>16</sup>.

---

А. Павлова и М. Безродный, несомненно, с ними хорошо знакомы. Другие авторы, принадлежащие к рассматриваемым направлениям, насколько я знаю, эссеистикой на тему «русская языковая картина мира» вовсе не занимались.

<sup>15</sup> Речь идет о книге: *Соловьев В. М. Тайны русской души: Вопросы; Ответы; Версии: Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный.* М., 2002.

<sup>16</sup> Справедливости ради следует заметить, что о частотности и включенности во фразеологизмы упоминает Анна Вежбицкая в книге, посвященной «ключевым словам» разных культур (*Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese.* Oxford, 1997). Однако она специально подчеркивает, что не придает этим параметрам решающего значения, поскольку самое главное для нее — можем ли мы сказать что-то важное о данной культуре на основании семантического анализа соответствующей единицы.



Возможно, чувствуя недостаточность иллюстративной базы, А. Павлова и М. Безродный привлекают работы, далеко выходящие за рамки рассматриваемых направлений, — лишь бы в них упоминались «концепты», или «ментальность», или «картина мира», или «лингвокультура», или «этнопсихология». Оценить качество этих работ, не обращая к ним непосредственно, трудно, поскольку, как уже говорилось, А. Павлова и М. Безродный уклоняются от конкретного лингвистического анализа. Можно легко поверить, что многие из них характеризуются невысоким уровнем (именно такие работы имел в виду Ю. Д. Апресян, когда говорил об «измельчании» идеи языковой картины мира). Однако ни приводимые примеры, ни комментарии не позволяют судить об этом с уверенностью<sup>17</sup>. Скажем, А. Павлова и М. Безродный пишут, что некая не называемая ими «российская исследовательница, иллюстрирующая библеизмами свой тезис о том, что русские осуждают предательство и высоко ставят верность и чувство долга, забывает, что библеизмы не содержат в себе ничего специфически русского». Весьма вероятно, что в данном случае исследовательница действительно это забывает; однако следует учитывать, что среди библеизмов могут встретиться и лингвоспецифичные для языка-рецептора (а об этом, по-видимому, забывают А. Павлова и М. Безродный). Так, к числу библеизмов, которые получили специфичное преломление в русском языке, несомненно, относится слово *хам* и его производные (*хамство, хамить, хамский, хамло*)<sup>18</sup> и отчасти слова *столпотворение* и *ирод*.

Дальше А. Павлова и М. Безродный осуществляют еще более удивительную подмену: они сообщают, что «неогумбольдтианцы» свои утверждения о важности для русской языковой картины мира тех или иных моральных императивов иллюстрируют паремиями. Вообще говоря, паремии плохо подходят в качестве инструмента для выявления особенностей языковой картины мира. Дело в том, что паремии употребляются в речи с разной степенью частоты; многие из них неизвестны рядовым носителям языка; их рекомендации часто противоречат одна другой; наконец, что самое важное, иллюстрируемые моральные императивы обычно содержатся в ассертивных компонентах паремий, а, как уже говорилось, языковую картину мира образуют не ассерции, а презумпции. Примечательно,

---

<sup>17</sup> Более того, можно допустить, что в каких-то случаях мы сталкиваемся с полным непрофессионализмом или даже шарлатанством. Но возможное наличие таких публикаций не в большей мере компрометирует методы современной семантики, чем, скажем, публикация гороскопов, в которых встречаются слова «планета», «орбита», «созвездие», компрометируют астрономическую науку.

<sup>18</sup> Ирина Левонтина напомнила мне, что в стихотворении Льва Лосева «Один день Льва Владимировича» лирический герой в ответ на замечание американского слависта, что в «русском языке» нет слова *sophistication*, вспоминает непере译имые русские слова: «Есть слово “истина”. Есть слово “воля”. / Есть из трех букв — “уют”. И “хамство” есть. / Как хорошо в ночи без алкоголя / слова, что невозможно пере-  
весть, / бредя, пространству бормотать пустому».

что, как следует из дальнейшего текста, во многом из сказанного А. Павлова и М. Безродный отдают себе отчет и тем не менее они говорят, что «попыткам лингвистически обосновать стереотипы русской щедрости и немецкой прижимистости сопротивляются многочисленные русские пословицы, призывающие к бережливости, и многочисленные немецкие, осуждающие скупость». Остается совершенно непонятным, какое отношение факт существования таких пословиц имеет к лингвистическому обоснованию чего бы то ни было. Кроме того, А. Павлова и М. Безродный никак не поясняют, что они понимают под выражением «лингвистически обосновать стереотипы».

Загадочным представляется следующее замечание А. Павловой и М. Безродного: «Строго следуя логике ГЛЮ, иллюзорными нужно было бы признать также синонимию и билингвизм». В действительности дело обстоит ровно противоположным образом: именно обсуждение синонимических рядов и практики билингвов для многих исследователей служит важным свидетельством наличия в языковых картинах мира лингвоспецифичных идей. В течение многих лет в работе представителей МСШ важнейшее место занимал анализ синонимических рядов в рамках работы над «Новым объяснительным словарем синонимов русского языка»; выводы Анны Вежицкой относительно лингвоспецифичности многих языковых единиц базировались среди прочего на интроспекции билингвов. Поэтому не соответствует действительности утверждение А. Павловой и М. Безродного, будто «о существовании лиц, владеющих несколькими языками, неогумбольдтианцы предпочитают не вспоминать»; напротив, опыт билингвов занимает центральное место в аргументации представителей рассматриваемых направлений. Комментируя высказывание, согласно которому билингвы владеют сразу двумя языковыми картинами мира, А. Павлова и М. Безродный саркастически замечают: «Случаи сосуществования у одного лица более чем двух ЯКМ этим автором не упоминаются и, надо надеяться, не зафиксированы». Странная надежда. Безусловно, известны люди, хорошо говорящие на трех языках, и это свидетельствует о том, что человек может владеть тремя языковыми картинами мира и в нужный момент переключаться с одной на другую. Замечание А. Павловой и М. Безродного сродни тому, как если бы они сказали, что невозможно владеть фонетическими системами двух или трех разных языков (хотя действительно люди, выучившие второй язык не в раннем детстве, часто говорят на нем с акцентом).

Данное заблуждение А. Павловой и М. Безродного особенно странно, поскольку они живут в окружении неродного языка. Трудно поверить, чтобы они никогда не сталкивались с несовпадением и немецкой и русской языковых картин мира. Неужели они не замечали, что слово *praktisch* в рекламных объявлениях плохо переводится на русский язык<sup>19</sup>, что требование к человеку, которого на-

---

<sup>19</sup> В одном из эссе из серии «Ворчалки о языке» Ирина Левонтина пишет: «В немецких магазинах женской одежды русское ухо поражает частота, с которой звучат два слова — *praktisch* и *günstig*. Конечно, русское *практичный* не вполне тождест-

звали *Freund*, отличается от требований, которые русские привыкли предъявлять к *другу*, а человек, сообщающий по-русски, что ему назначили *Termin*, просто оставляет немецкое слово без перевода и т. д.?

Возможно, недоразумение связано с тем, что А. Павлова и М. Безродный плохо понимают сущность понятия «языковая картина мира». Упрощенно дело можно представить следующим образом. Каждый человек располагает какими-то представлениями о мире, которые составляют его индивидуальную картину мира. Эта картина мира не является объектом лингвистики. Напротив того, языковая картина мира выявляется посредством лингвистического анализа и, как уже говорилось, представляет собою совокупность презумпций единиц соответствующего языка. Если человек в совершенстве владеет семантикой соответствующих единиц, значит он владеет и языковой картиной мира (или ее релевантным фрагментом).

На практике люди, пытающиеся говорить на иностранном языке, часто знают его не в совершенстве и используют иностранное слово в соответствии с презумпциями, которые имеет аналог этого слова в родном языке. Иногда это приводит к забавным результатам. Так, в соответствии с презумпциями, которые слово *adventure* имеет в американском английском, это слово часто используется в рекламе. Один из «слоганов», используемых в рекламе некоего автомобиля, был переведен на русский язык как «Наполни свой день приключениями!». Нет необходимости комментировать, как этот слоган был воспринят русской аудиторией. Конечно, можно говорить, что мы имеем дело всего лишь с переводческой неудачей; однако сам факт этой неудачи показателен и как будто свидетельствует, что языковая картина мира не является фикцией. Может оказаться так, что коммуникативной неудачи не возникает — если по каким-то причинам семантический сдвиг, происходящий при переводе, оказался нерелевантным. Так, русское прилагательное *уютный* часто можно передать посредством голландского слова *gezellig*; однако это не отменяет того факта, что русский *уют* среди прочего ассоциируется у носителей русского языка со шторами на окнах, а голландское *gezelligheid* скорее связано с представлением о чисто вымытом окне без занавесок.

Аргументы А. Павловой и М. Безродного, касающиеся принципиальной возможности перевести все, что говорится на каком-либо одном языке, на любой другой язык, также основаны на некоторой подмене. Не обсуждая вопрос о том, насколько достижима полная точность перевода, замечу, что все же следует различать ситуации, когда перевод не составляет проблемы, и ситуации, когда он требует переводческих ухищрений, а «наивный» перевод может повести к коммуникативному провалу. В некоторых случаях построения А. Павловой и М. Безродного ставят меня в тупик. Так, они пишут: «...в зависимости от того, какие

---

венно немецкому *praktisch*, а русское *дешевый* тем более отличается от немецкого *günstig*, но все же трудно представить себе русскую даму, которая, примеряя в магазине нарядное платье, одобрительно восклицает: “Дешево и практично!”»

именно значения многозначного слово *пошлый* актуальны для того или иного сообщения, это слово переводится на немецкий как *kitschig, ordinär, vulgär, gewöhnlich, geschmacklos, niveaulos, spießig, primitiv, kleinkariert, engstirnig, beschränkt, anzüglich, schlüpfzig* либо как их комбинация». Неужели они думают, что проблема здесь именно в многозначности переводимого слова и каждому из значений соответствует строго один перевод: одно из приведенных слов или их комбинация?

Дальнейшие рассуждения А. Павловой и М. Безродного могут показаться пародийными. Приходится оперировать обширными буквальными цитатами из их статьи, потому что невозможно (или, по крайней мере, очень трудно) поверить, что написанное ими написано всерьез. Цитирую: «Какая бы ситуация несовпадения языков ни рассматривалась российскими неогумбольдтианцами, ей полагается свидетельствовать о превосходстве русского языка над другими». На основании чего «полагается», не сообщается. Но само предположение, что цель лингвистического исследования может состоять в том, чтобы продемонстрировать превосходство какого-либо языка, вызывает в памяти статьи некоторых советских идеологов, объявлявших, что учение о родстве индоевропейских языков направлено исключительно на то, чтобы обосновать превосходство белой расы<sup>20</sup>. Далее написано буквально следующее: «Если для перевода, например, слова *пошлость* приходится пользоваться одним из его контекстуальных синонимов, это демонстрирует беспрецедентную емкость русской лексемы. Если ситуация противоположна, а именно: некое понятие выражают большим количеством русских слов и меньшим — нерусских, это служит доказательством беспрецедентного богатства русского лексикона». С тем же успехом фонетист мог бы сказать, что использование в области русского вокализма меньшего числа фонологически значимых признаков по сравнению с французским вокализмом свидетельствует о

<sup>20</sup> Кстати, и гипотеза Сепира-Уорфа объявлялась расистской. Ср.: «...уже в конце 20-х годов он [Сепир] все более сближается с представителями расистской этнопсихологии, а такие его ученики, как Б. Уорф, используют структурные особенности некоторых языков Америки для откровенной расистской пропаганды. ... Нам это “развитие” взглядов Сепира представляется весьма характерным для того пути, который проделала за эти годы официальная американская лженаука, все определеннее становящаяся на путь служения империализму. ... Утверждения, подобные тому, что “грамматика сама является творцом идей”, “программой и проводником индивидуальной умственной активности”, оказались лишь орудием расовой пропаганды о преимуществах народов, говорящих на языках “европейского стандарта”... Так “ученый”, “специалист по языкам американских индейцев”, ученик и последователь Сепира Б. Уорф путем подтасовки языковых фактов, путем схоластических ухищрений с “языковыми моделями” ведет открытую расовую пропаганду» (Гухман М. М. Э. Сепир и «этнографическая лингвистика»: Об одной из реакционных концепций в современном американском языкознании // Вопросы языкознания. 1954. № 1). Эти утверждения могут считаться убедительными примерно в той же мере, что и те, которые предложили нам А. Павлова и М. Безродный.

«беспрецедентной емкости» русских гласных, а использование признака твердости-мягкости согласных, нерелевантного для французского языка, служит доказательством «беспрецедентного богатства» русского консонантизма. Кроме того, рассуждение можно и перевернуть: «Если одному русскому слову в переводах соответствуют разные, это свидетельствует о бедности русского лексикона; если одному иностранному слову соответствуют разные русские слова, а общего слова в русском языке нет, это свидетельствует о неспособности русских к абстрактному мышлению». В таком рассуждении столько же логики, что и в рассуждении, которое изобрели (и почему-то приписали российским лингвистам) А. Павлова и М. Безродный, — проще говоря, логики я в нем не вижу.

Затем А. Павлова и М. Безродный возвращаются к критериям выделения «ключевых слов». Они отмечают, что среди русских существительных «судьба» занимает только 181-е место, тогда как, например, *дело* находится на 4-м, и идом с *делом* куда больше, чем с любым из признанных ключевых слов». При этом они не сообщают, пользуются ли собственными подсчетами или используют данные словарей (тогда следовало бы сообщить каких). Любопытно, что они забывают о собственном призыве учитывать многозначность: слово *дело* имеет в «Малом академическом словаре»<sup>21</sup> 14 значений, и подсчет частотности по каждому из этих значений в отдельности привел бы к снижению рейтинга. Дальнейшее рассуждение в очередной раз поставило меня в тупик, поскольку А. Павлова и М. Безродный пишут: «Однако *дело* в отличие от слов *судьба*, *удаль* и *авось* ключевым считаться не может — это противоречило бы “лингвокультурологическому” учению о склонности русских к созерцательности». Они не поясняют смысл используемого ими прилагательного «лингвокультурологический»; по-видимому, это прилагательное к слову «лингвокультурология», но что они под этим понимают, остается неясным. Можно было бы полагать, что это дисциплина, изучающая язык и культуру в их взаимодействии, как это делают в области советской культуры Гасан Гусейнов, а, скажем, в области народной культуры — С. Е. Никитина; сюда же можно было бы отнести описания особенностей стилей коммуникации и речевого этикета<sup>22</sup>. Кажется, впрочем, что А. Павлова и М. Безродный используют слово «лингвокультурология» как еще один синоним «неогумбольдтианства» и «ГЛО». Но в любом случае не удастся выяснить, где они обнаружили «лингвокультурологическое» учение о склонности русских к созерцательности<sup>23</sup>. Тем более непонятно, что препятствует отнесению слова

<sup>21</sup> Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981.

<sup>22</sup> См., напр., подробное сопоставительное исследование прагматики извинения Р. Ратмайр (*Rathmayr R. Pragmatik der Entschuldigungen: Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln usw., 1996*) или совсем недавнюю книгу: Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставительное исследование английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

<sup>23</sup> Мне, кстати, было любопытно, как прилагательное «лингвокультурологический» переведено на английский язык. В полном соответствии с моими ожиданиями

дело к числу «ключевых»: вероятно, оно таковым как раз является (по крайней мере в некоторых значениях). Тот факт, что оно пока не было объектом детального семантического анализа, скорее всего объясняется тем, что реконструкция русской языковой картины мира находится в начальной стадии, и анализу подверглись лишь немногие слова — а именно, те, для которых наличие нетривиальных презумпций было особенно очевидно. Следующая фраза тоже не очень понятна: «Несолидно было бы считать ключевыми *матрешку* и *самовар*, т. е. слова действительно неперебиваемые (отчего их и не “транслируют”, а транслируют), так что остается настаивать на неперебиваемости слов *удаль* и *авось*». Статус критерия «несолидности» также не объяснен (в английском переводе «несолидно было бы» передано как «it would be considered as unprofessional»). Обычно лингвисты исходят из представления, восходящего к известной фразе Бодуэна де Куртенэ относительно того, что для лингвистического анализа слово *жопы* ничем не хуже слова *генерал*. По существу же надо пояснить, что слова, обозначающие артефакты, могут быть весьма интересны для концептуального анализа<sup>24</sup> и лингвоспецифичны (ср. наличие в русском языке слова *щи* для обозначения капустного супа или слова *чайник* в значении, соотносимом с *kettle*). Правда, слова *матрешка* и *самовар* редко употребляются в современной речи в прямом режиме (больше как условный символ «русскости»). В этом отношении слова *удаль* и *авось* на них как раз похожи; по-видимому, именно поэтому они сразу привлекли внимание лингвистов, которые редко использовали их в собственной речи и были способны взглянуть на них «отстраненно».

Далее А. Павлова и М. Безродный упрекают сторонников учения о языковой картине мира в «вере в стереотипы». Здесь опять происходит смешение понятий. Значит ли этот упрек, что А. Павлова и М. Безродный вообще отрицают существование стереотипов (и, в частности, этностереотипов)? Представляется, что об их существовании свидетельствуют разнообразные данные, в том числе языковые. Так, по-русски естественно говорить о *чисто немецкой пунктуальности*, но странно — о *чисто русской пунктуальности* или о *чисто немецкой бесшабашности*<sup>25</sup>. Может быть, А. Павлова и М. Безродный отрицают правомерность изучения стереотипов? Но такое ограничение на допустимую область научного исследования кажется весьма странным. Возможно, они отвергают гипотезу о том, что

---

выяснилось, что слово просто опущено в переводе, в котором сказано просто: «the alleged tendency of Russian people towards contemplation». Впрочем, вопрос, где обнаружили А. Павлова и М. Безродный источник указанных allegations, этим все равно не разрешается.

<sup>24</sup> В классической книге о концептуальном анализе Вежицка одну из четырех глав целиком посвятила словам *bike* и *car* — см.: *Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985.

<sup>25</sup> См.: *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // *Московский лингвистический журнал*. 1996. Т. 2.

эти стереотипы могут иметь лингвистическое происхождение (по крайней мере, в некоторых случаях)? Но тогда разумно было бы предложить альтернативное объяснение.

Между тем гипотеза о лингвистических источниках стереотипов во многих случаях представляется весьма правдоподобной. Так, известен стереотип, согласно которому русские постоянно говорят и думают о душе<sup>26</sup>. Кажется, что этот стереотип коррелирует с тем, что слово *душа* действительно относительно частотно в русских текстах и во многих контекстах не может быть переведено на другие языки буквально. Механизм действия или даже возникновения стереотипов хорошо иллюстрирует следующая история, рассказанная Верой Белоусовой: «Недавно я наблюдала любопытную сцену. Дело происходило на прощальной вечеринке по случаю отъезда московского математика, проработавшего в нашем университете несколько месяцев. Один из здешних профессоров задал ему очень типичный и эмоционально нейтральный вопрос: “So, were you happy in Athens?” (буквально: “Ну и как, вы были счастливы в Афинах?”). Гость удивленно пожал плечами и ответил так: “Well... What’s happiness?.. I was satisfied” (буквально: “Н-ну... Что есть счастье?.. Я был доволен”). После чего они с недоумением уставились друг на друга. Я почти уверена, что знаю, что происходило в эту минуту у каждого в голове. “С какой же легкостью эти американцы бросаются словом «счастье!» — думал русский. “Как же русские любят разводить философию на пустом месте!” — думал американец. Что-то в этом роде, во всяком случае. А между тем все было значительно проще. Американское “happy” как раз и значило “вам понравилось?”, “вы довольны?” — о счастье как таковом там речи не шло»<sup>27</sup>.

<sup>26</sup> Именно этот стереотип положен в основу известного анекдота о русской женщине, которая, проведя ночь с любовником, говорит ему: «А душу мою, Федя, ты так и не понял».

<sup>27</sup> Белоусова В. Lost in translation // Новый мир. 2011. № 2. Точно так же стереотип гордого поляка (*кичливого ляха*), вероятно, связан с той важностью, которую *honor* (заимствованное в русский в виде *гоно́р*) имеет в польской языковой картине мира. Известны многочисленные примеры стереотипов, возникающих из-за несовпадения правил речевого этикета и прагматики речевой коммуникации, они приводятся множеством авторов — см., напр., Виссон Л. Русские проблемы в английской речи Слова и фразы в контексте двух культур. М., 2007; Ларина Т. В. Указ. соч. Сказанное не означает, что все этностереотипы возникают именно вследствие расхождения языковых картин мира. Лингвистические источники этностереотипов могут даже иметь чисто фонетическую природу; так, стереотип медлительности эстонцев, вероятно, связан с наличием в эстонском языке долгих и сверхдолгих слогов, с продолжительностью пауз в стандартной эстонской речи. Кроме того, многие стереотипы, по-видимому, имеют нелингвистическое происхождение: стереотип, касающийся пристрастия русских к выпивке, хотя и поддерживается языковыми данными (напр., частым употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов при обозначении выпивки и закуски: *водочка, селедочка, огурчики, грибочки*), но скорее всего имеет неязыковой источник.

Приведу еще одно наблюдение Веры Белоусовой, свидетельствующее, что различие презумпций у эквивалентных, казалось бы, выражений не фикция, а реальная проблема для межкультурной коммуникации: «...возьмем, к примеру, систему похвал. Во множестве американских фильмов есть какая-нибудь такая сцена: ребенок сообщает кому-нибудь из родителей о хорошей отметке за контрольную. И этот родитель, персонаж, в целом простой как правда, говорит в ответ что-нибудь вроде: “I am so proud of you!” На первый взгляд это значит именно то, что значит, но когда тот же персонаж в русском дубляже говорит: “Я так горжусь тобой!” — это немедленно начинает порождать дополнительные смыслы. То ли родитель оказывается патологически высокопарным, то ли у ребенка были какие-то неслыханные проблемы, о которых нам почему-то не сказали. Между тем ничего этого нет. Эта похвала, по сути дела, гораздо ближе к русскому “умница!”, чем к выражению гордости. Со словом “умница”, в свою очередь, все не так просто. “«Умница» — это «умный человек»?» — спрашивают меня студенты, когда видят или слышат где-нибудь это слово. “И да и нет, — говорю я. — Умно-го человека можно назвать умницей, но в большинстве случаев «умница» значит скорее «well done!»”. Вообще интересно, что русские похвалы часто адресованы человеку (“молодец!”, “умница!”), а американские — произведенному им действию (“well done!”, “good job!”). В книгах о воспитании детей под это подведена теоретическая база, но на самом деле это изначально заложено в самом языке».

В свете всего сказанного лишними кажутся комментарии по поводу деталей, в которых А. Павлова и М. Безродный, по-видимому, вообще не отдают себе отчета. Надо ли уточнять, что языковая картина мира (понимаемая как система презумпций) различна для разных видов дискурса (напр. советской газеты, научной статьи и церковной проповеди), подвержена региональному и временному варьированию (картина мира американского английского не полностью совпадает с картиной мира австралийского английского; что касается до временного варьирования, можно заметить, что изменения в постсоветском русском языке по большей части могут быть описаны как изменения в языковой картине мира)? Надо ли в очередной раз повторять, что различие между картинами мира разновидностей одного языка, обслуживающих разные субкультуры, может быть больше, чем межъязыковые различия, и что, напротив того, часто обнаруживается значительное сходство между культурно сходными фрагментами языковых картин мира разных языков?<sup>28</sup>

Кратко коснусь лишь некоторых моментов, которые могут вызывать недоразумения. Прежде всего, это касается общего вопроса соотношения языка и мышления, а также языка и культуры. Надобно сказать, что большинство представителей рассматриваемых направлений предпочитает не предаваться теоретизиро-

---

<sup>28</sup> Более подробно все эти вопросы рассматриваются в книге: *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.



ванию на этот счет, а сосредоточиваться на семантическом анализе конкретных языковых выражений. Но в целом можно сказать, что они в большей степени привержены представлению об имманентности лингвистики, нежели многие когнитивисты или психолингвисты. В качестве доказательств наличия в семантике языковой единицы того или иного семантического компонента обычно принимаются собственно языковые свидетельства (языковая правильность предложения, его реальное использование в речи), а не результаты психолингвистических или нейропсихологических экспериментов. Что касается до связи языка с культурой, то и она далеко не прямолинейна. Ясно, что многое в культуре непосредственно с языком не связано. С другой стороны, языковая картина мира может изучаться сама по себе, безотносительно к особенностям культуры, которую этот язык обслуживает<sup>29</sup>; но в некоторых случаях связи языка и культуры настолько очевидна, что попытка отрицать ее вопреки этой очевидности производила бы впечатление полной неадекватности<sup>30</sup>.

В статье А. Павловой и М. Безродного чрезвычайно настойчиво обсуждается вопрос о критериях выделения «ключевых слов». Между тем особой роли эти критерии не играют, поскольку, как уже говорилось со ссылкой на А. Вежбицкую, самое главное — можем ли мы сказать что-то важное о данной культуре на основании семантического анализа соответствующей единицы. Вообще говоря, необходим семантический анализ всех языковых единиц без исключения. Если семантика какой-либо единицы содержит нетривиальные презумпции относительно устройства мира, то эти презумпции могут рассматриваться как часть соответствующей языковой картины мира. Если какая-то презумпция повторяется в значении разных языковых единиц данного языка, то она принадлежит к числу «сквозных мотивов» языковой картины мира. Часто оказывается, что эти «сквозные мотивы» могут рассматриваться как дающие ключ к каким-то важным особенностям соответствующей языковой картины мира, а возможно, и культуры, обслуживаемой

---

<sup>29</sup> Едва ли не в большинстве работ, выполненных в рамках МСШ, экскурсов в культуру нет. Ср. также книгу, которая знаменовала собою начало нового этапа изучения русской языковой картины мира, была посвящена лингвоспецифичным словам русского языка (напр., *далеко, вдали, вдалеке, недалеко, неподалеку, близко, вблизи, поблизости*), но не касалась соотнесения соответствующих фрагментов русской языковой картины мира с культурными особенностями: Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.

<sup>30</sup> Так, русский глагол *тыкать* 'обращаться на *ты* к человеку, которого правила речевого этикета требуют именовать на *вы*' выражает отрицательную оценку соответствующего речевого поведения и отражает тот факт, что русский речевой этикет в определенных ситуациях требует обращения на *вы* (а не *ты*). Одновременно он «навязывает» носителям русского языка представление о недопустимости неуместного использования формы *ты*. В английском языке соответствующее разграничение (обращение на *вы* и *ты*), как известно, не проводится и поэтому глагол *тыкать* трудно переводим на английский язык.

данным языком. Соответственно, их можно отнести к числу «ключевых идей» языковой картины мира, а слова, содержащие такие презумпции, — к числу ее «ключевых слов». Таким образом, выделение «ключевых» слов не может предшествовать семантическому анализу: оно является его результатом<sup>31</sup>.

«Ключевые слова» часто оказываются трудно переводимыми, поскольку в иностранном языке трудно найти эквивалент, содержащий в точности те же презумпции (разумеется, перевод возможен, когда презумпциями можно пренебречь). Заметим, что неоднословные переводы не спасают дело, поскольку у свободных словосочетаний нет собственных презумпций. Если для слов, выражающих некоторую презумпцию, нет простых переводов в большинстве других языков, то соответствующая презумпция оказывается лингвоспецифичной, причем степень лингвоспецифичности тем выше, чем больше слов, трудно поддающихся переводу, ее выражают.

Критерий частотности здесь играет вспомогательную роль. Для языковой картины мира существенны в первую очередь общеупотребительные слова; если какая-то единица встречается в речи редко, то и невелик и «удельный вес» презумпций, которые она содержит. Так, для картины мира современного русского языка едва ли важную роль играют нетривиальные презумпции слова *целомудрие*.

Выше уже говорилось, что частотность слова *душа* в русской речи, возможно, является одним из источников стереотипа ‘русские все время думают и говорят о душе’. Приведем еще в качестве примера русское слово *судьба*, тем более что А. Павлова и М. Безродный высмеивают наблюдение А. Вежбицкой: «...В корпусе современного русского языка частотность слова *судьба* — 230 на миллион слов, а в корпусе современного французского языка частотность *destinée* — 27 на миллион слов». Они комментируют это высказывание следующим образом: «Иначе говоря, слово *судьба* предлагается считать высокочастотным в русской речи (а значит, ключевым для понимания мировоззрения русскоязычных) только потому, что слово *destinée* в речи франкофонов употребляется реже». Почему «иначе говоря»? Смысл высказывания А. Вежбицкой несколько иной: она polemизирует с Патриком Серио, который говорит, что слово *судьба* ничем не отличается от *destinée*. Вообще говоря, более удачными французскими аналогами для слова *судьба* я бы считал *destin*, *lot* и *sort* (хотя я понимаю, что, в отличие от Патрика Серио, я не являюсь носителем французского языка). По-видимому, такое же впечатление создалось и у А. Павловой и М. Безродного; отсюда их коммен-

<sup>31</sup> В книге *Зализняк и др.* Указ. соч. проанализировано более 1000 лексических единиц (из них более 800 — русских); в книге «Языковая картина мира...» анализу подвергнуто (как можно судить по лексемному указателю) — более 2500 единиц, из них более 2400 — русских. (Уж не знаю, являются ли эти единицы «ключевыми» по критериям А. Павловой и М. Безродного.) Напрасно мы ждали бы от А. Павловой и М. Безродного критического разбора или уточнения проведенного анализа: они предпочитают рассуждать в общем ключе, т. е. ни о чем.

тарий: «Непонятно..., почему сравниваются именно *судьба* и *destinée*, а не вообще русские и французские слова с соответствующей семантикой... Это было бы тем более желательно, что *судьбе* как слову ключевому не полагается иметь переводных эквивалентов». Это можно было бы считать единственным дельным замечанием в их статье, но ответ на их недоумение прост: сравниваются *судьба* и *destinée*, потому что Серю предложил в качестве эквивалента для слова *судьба* именно слово *destinée*. А вот что значит выражение «не полагается иметь переводных эквивалентов», непонятно уже мне. «Ключевые» слова (т. е. слова с нетривиальными презумпциями), как и любые другие, могут иметь аналоги в других языках; у этих аналогов не будет в точности того же набора презумпций, но они могут использоваться для перевода, если эти презумпции несущественны для содержания сообщения.

Любое содержательное обсуждение русского слова *судьба* должно учитывать, что это слово имеет по меньшей мере два значения: (1) 'таинственная сила, управляющая жизнью человека' (*рок*); (2) 'то, что какую форму приобретает жизнь человека' (*доля, участь*); кроме того, это слово часто употребляется в составе устойчивого оборота *не судьба*, проанализированного В. Ю. Апресян<sup>32</sup>. Именно частотность слова *судьба* иногда приводит к появлению стереотипного представления о «фатализме» русских. При поверхностном взгляде может создаться впечатление, что Вежбицкая сама находится в плену этого стереотипа, не учитывая того, что «фаталистичное» первое значение как раз не очень частотно. Но, во-первых, носители стереотипов обычно не проводят семантического анализа и разбиения на значения: стереотип может поддерживаться самим фактом частотности слова, на котором стереотип базируется. Во-вторых, А. Вежбицкая никогда не придавала большого значения таким ярлыкам, как «фатализм»: они не являются элементами «естественного семантического метаязыка» и не используются в толкованиях. Наконец, идею, отчасти родственную «фатализму», можно усмотреть в обороте *не судьба*, хотя; конечно, точнее говорить о нем как о формуле «примирения с действительностью», относящейся к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира.

Можно ли описать все названные явления, не прибегая к понятию «языковая картина мира»? По-видимому, можно; характерно, что, за исключением упомянутой выше статьи<sup>33</sup>, А. Вежбицкая это понятие практически не использует (соответствующее сочетание она упоминает только в цитатах из Ю. Д. Апресяна). Кстати, не пользуется она также и понятиями «пресуппозиция», «коннотация» и т. п., не являющимися элементами ЕСМ (соответствующие смыслы в ЕСМ выражаются оборотами «все люди знают...», «многие люди могут сказать...»). Од-

<sup>32</sup> Апресян В. Ю. Семантика и прагматика судьбы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М., 2006.

<sup>33</sup> Вежбицка А. Имеет ли смысл...

нако очевидно, что критика в статье А. Павловой и М. Безродного относится вовсе не к терминологии и что ЕСМ Вежбицкой и Годдарда их также не устраивает.

Подчас возникает впечатление, что А. Павлова и М. Безродный попали под влияние дешевой публицистики на тему «русской исключительности» и «особого пути» (для меня так и осталось неясным, всегда ли они считают изучение родного языка проявлением «лингвонарциссизма» или это касается только российских лингвистов — в силу «исключительного» положения русского языка). При этом А. Павлова и М. Безродный как-то не обращают внимание на тот очевидный факт, что русский язык принадлежит к языкам «европейского стандарта» и, как следствие, имеет с другими языками «европейского стандарта» гораздо более общих черт, нежели различий. По-видимому, инструментарий семантического анализа, который был известен во времена Б. Уорфа, вообще не позволял обнаружить какие бы то ни было различия языковых картин мира разных языков «европейского стандарта», и лишь методы современной семантики позволили некоторые из таких тонких различий выявить. К настоящему времени из языков «европейского стандарта» больше всего мы знаем об английской, русской и польской языковых картинах мира, да и в отношении этих языков сведения далеко не полны. Но и того, что мы знаем, довольно, чтобы с уверенностью говорить, что ни о каком «особом» месте русского языка на фоне других европейских языков говорить нет оснований (точнее, есть черты, присущие только русскому языку, но, вероятно, то же самое можно сказать о любом другом языке).

Характеризуя методы Вежбицкой и ее российских коллег, А. Павлова и М. Безродный пишут: «мишень рисуется вокруг вонзившейся стрелы». Но, как мы видели, стрелы, выпущенные в статье А. Павловой и М. Безродного, либо просто улетают куда-то вдаль, либо поражают изобретенные ими же фантомы, а сама статья оставляет чувство досады и недоумения<sup>34</sup>.

Мне трудно сказать, насколько недовольство А. Павловой и М. Безродного положением дел в современной российской лингвистике можно рассматривать как один из многочисленных примеров ламентаций на тему «раньше было лучше». Нам сообщают, что по сравнению с советским временем и уровень жизни упал, и с нравственностью дело обстоит не лучшим образом, и грамотность снижается, и язык портится, и, как теперь оказывается, и лингвистика зашла куда-то не туда. Мне же вспоминаются знаменитые строки Алексея Толстого, написанные почти 140 лет тому назад:

Брось же, Миша, устрашенья,  
У науки нрав не робкий,  
Не заткнешь ее теченья  
Ты своей дрянною пробкой!

<sup>34</sup> Анна Зализняк написала мне после прочтения статьи А. Павловой и М. Безродного: «[статья] меня огорчила сильнее, чем я ожидала... Если такой умный и образованный человек, как Безродный, нам не поверил, то чего ждать от других».

## ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В. 2000 — *Апресян В. Ю. Неправда, ложь, вранье* // Новый объяснительный словарь русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1990а — *Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 70—95.
- Апресян 1990б — *Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы* // Типология и грамматика. М., 1990. С. 91—108.
- Апресян 1993 — *Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать*. // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 7—22.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря* // *Апресян Ю. Д. Избранные труды*. Т. II. М., 1995.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания* // *Апресян Ю. Д. Избранные труды*. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1995б — *Апресян Ю. Д. Расстаться, разлучиться; разойтись, распрощаться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Апресян 1997а — *Апресян Ю. Д. Радоваться, ликовать, торжествовать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.
- Апресян 1997б — *Апресян Ю. Д. Стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 1997в — *Апресян Ю. Д. Гордиться, кичиться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 1997г — *Апресян Ю. Д. Хотеть, желать, мечтать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 1997д — *Апресян Ю. Д. Пытаться, пробовать, стараться, силиться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 2000 — *Апресян Ю. Д. Любить, обожать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян 2000а — *Апресян Ю. Д. Любоваться, заглядеться* // Новый объяснительный словарь русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян 2001 — *Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке* // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 5—26.
- Апресян 2004 — *Апресян Ю. Д. Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 2004.

- Апресян, Апресян 1993 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопр. языкознания.* 1993. № 3. С. 27—35.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1979 — *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика.* М., 1979.
- Арутюнова 1985 — *Арутюнова Н. Д.* Об объекте общей оценки // *Вопр. языкознания.* 1985. № 3. С. 13—24.
- Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык // *Вопр. языкознания.* 1987. № 3.
- Арутюнова 1991 — *Арутюнова Н. Д.* Истина: фон и коннотации // *Логический анализ языка: Культурные концепты.* М., 1991.
- Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* Истина и судьба // *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М., 1994. С. 302—316.
- Арутюнова 1995 — *Арутюнова Н. Д.* Истина и этика // *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке.* М., 1995. С. 7—23.
- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // *Поэтика и стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур.* М., 1996.
- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // *Вопросы языкознания.* 1997. № 2.
- Арутюнова 2000 — *Арутюнова Н. Д.* Два эскиза к «геометрии» Достоевского // *Логический анализ языка. Языки пространств.* М., 2000.
- Бахтин 1963 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963.
- Беликов 2006 — *Беликов В. И.* Учебник русского (Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей) // *Отечественные записки.* 2006. № 2.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э. Общая лингвистика.* М.: Прогресс, 1974.
- Бердяев 1994 — *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994.
- Березович (в печати) — *Березович Е. Л.* Динамика русской аксиологической картины мира в лексическом отражении (от «советских» ценностей к «постперестроечным») // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury.* Lublin, 2011. № 23 (в печати).
- Берковский 2001 — *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. М., 2001.
- Бирих, Мокшенко, Степанова 1998 — *Бирих А. К., Мокшенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-фразеологический справочник. СПб., 1998.
- Благой 1967 — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский, Иомдин 1999 — *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Семантика быстроты // *Вопр. языкознания.* 1999. № 6. С. 13—30.
- Бойм 2002 — *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.
- Боровой 1960 — *Боровой Л. Я.* Путь слова. Очерки о старом и новом в языке советской литературы. М.: Советский писатель, 1960.
- Бочаров 1973 — *Бочаров С. Г.* «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // *Проблемы поэтики и истории литературы.* Саранск, 1973.

- Брагина 2007 — *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов, М., 1982. С. 7—85.
- Булыгина, Шмелев 1989а — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопр. языкознания. 1989. № 3. С. 51—61.
- Булыгина, Шмелев 1989б — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 31—54.
- Булыгина, Шмелев 1994 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Булыгина, Шмелев 1996 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценка при вторичной коммуникации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Ч. VII: Национальная специфика языковой картины мира. М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1997а — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Типы каузации и лексикографическое описание русских каузативов // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1998 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Неожиданности в русской языковой картине мира // ПОЛУТРОПОН. Сб. статей к 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 306—324.
- Булыгина, Шмелев 1999 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Булыгина, Шмелев 2000а — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Индрик, 2000. С. 277—288.
- Булыгина, Шмелев 2000б — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Грамматика позора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- Булыгина, Шмелев 2003 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Русская языковая картина мира в зеркале системных связей // Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX в. М., 2003. С. 66—74.
- Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 2001.
- Вайс 1999 — *Вайс Д.* Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.
- ван Лейвен-Турновцева 1999 — *ван Лейвен-Турновцева Й.* Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 1999.
- Вежбицка 1996 — *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М., 1996.
- Вежбицка 1999 — *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.

- Вежбицка 2002 — *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении.* 2002. № 2 (4). С. 6—34.
- Вежбицкая 1982 — *Вежбицка А.* Дескрипция или цитация // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XIII. М., 1982. С. 237—262
- Вежбицкая 1990 — *Вежбицка А.* Сравнение — градация — метафора // *Теория метафоры.* М., 1990. С. 133—152.
- Веселитский 1972 — *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М., 1972.
- Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Виноградов 1994а — *Виноградов В. В.* Быт // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 63—65.
- Виноградов 1994б — *Виноградов В. В.* Пошлый // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 531—533.
- Виноградов 1994в — *Виноградов В. В.* Вздор // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 85—87.
- Виноградов 1994г — *Виноградов В. В.* Задор // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 183—186.
- Виноградов 1994д — *Виноградов В. В.* Личность // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 271-309.
- Вихавайнен 2004 — *Вихавайнен Т.* Внутренний враг: Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб: Издательский дом «Коло», 2004.
- Всеволодова 1997 — *Всеволодова М. В.* Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова // *Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова.* Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Гак, Триумф 1991 — *Французско-русский словарь* / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триумфа. М., 1991.
- Гаспаров 1994 — *Гаспаров Б. М.* Быт как категория поэтики Пастернака // *Темы и вариации: Сб. статей и мат-лов к 50-летию Лазаря Флейшмана.* Stanford, 1994. С. 56—69.
- Гаспаров 2001 — *Гаспаров Б. М.* Марина Цветаева. От поэтики быта к поэтике слова. // *М. Гаспаров.* О русской поэзии. М., 2001.
- Гинзбург 1979 — *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979.
- Гладкова 2010 — *Гладкова А.* Русская культурная семантика. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- Глебкин (в печати) а — *Глебкин В. В.* Мещанство // *Культурология. Энциклопедия в 6 томах* / Под ред. С. Я. Левит. (в печати).
- Глебкин (в печати) б — *Глебкин В. В.* Пошлость // *Культурология. Энциклопедия в 6 томах* / Под ред. С. Я. Левит. (в печати).
- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. М., 1993.
- Гловинская 1998 — *Гловинская М. Я.* Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи. // *Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской.* М., 1998.



- Гуревич, Дозорец 1988 — *Гуревич В. В., Дозорец Ж. А.* Краткий русско-английский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1988.
- Даль 1957 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957.
- Даль 1978 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А—З. М.: Русский язык, 1978.
- Даль 1980а — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1980.
- Даль 1980б — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 3. М.: Русский язык, 1980.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М., 1994.
- Даль 1997 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. СПб., 1997.
- Даль — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. СПб., 1863—1866.
- Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Денисов, Морковкин 1983 — *Денисов Н. П., Морковкин В. В.* (ред.). Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1983.
- Дмитровская 1988 — *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Дмитровская 1991 — *Дмитровская М. А.* Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 78—85.
- Дмитровская 2000 — *Дмитровская М. А.* «Стрела, попавшая в цель» (телеология Набокова и Газданова) // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 103—116.
- Добжиньска 1990 — *Добжиньска Т.* Метафорическое высказывание в прямой и косвенной речи // Теория метафоры. М., 1990.
- Добровольский 2001 — *Добровольский Д. О.* К динамике узуса. (Язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 161—178.
- Добровольский 2003 — *Добровольский Д. О.* Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX в. М., 2003. С. 125—138.
- Добровольский 2005 — *Добровольский Д. О.* Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус // Русск. яз. в науч. освещении. 2005. № 10. С. 43—86.
- Добрушина, Пайар 2001 — *Добрушина Е. Р., Пайар Д.* Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Достоевский 1980 — *Достоевский Ф. М.* Нечто о вранье. Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 117—125.
- Достоевский 1984 — *Достоевский Ф. М.* Пушкинская речь // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129—149.
- Евгеньева 1970 — *Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1. А—Н. М.: Наука, 1970.
- Евгеньева 1981—1984 — *Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь русского языка: В 4-х тт. М.: Русский язык, 1981—1984.

- Елистратов 1997 — *Елистратов В. С.* Евразийский Рим, или Апология московского мещанства // *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы. М., 1997.
- Еськова 1999 — *Еськова Н. А.* Хорошо ли мы знаем Пушкина? М.: Русские словари, 1999.
- Ефремова 1996 — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
- Жолковский 1964 — *Жолковский А. К.* О правилах семантического анализа // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Т. 8. М., 1964. С. 17—32.
- Жолковский 1996 — *Жолковский А. К.* Окно у Пастернака // *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности. М., 1996.
- Забелин 1876 — *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. М., 1876.
- Зализняк А. 1990 — *Зализняк А. А.* Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie językow słowiańskich*. Białystok, 1990. С. 109—114.
- Зализняк 1988 — *Зализняк Анна А.* О семантике сожаления // *Прагматика и проблемы интенциональности*. М., 1988.
- Зализняк 1990 — *Зализняк Анна А.* Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Зализняк 1990/2006 — *Зализняк Анна А.* Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 116—130.
- Зализняк 1991 — *Зализняк Анна А.* *Считать* и *думать*: два вида мнения // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991. С. 187—194.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // *Slavistische Beiträge*. Bd. 298. München: Otto Sagner Verlag, 1992.
- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian linguistics*. Vol. 19. 1995. P. 143—185.
- Зализняк 1999а — *Зализняк Анна А.* Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна, 1999.
- Зализняк 1999б — *Зализняк Анна А.* Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия») // *RASK* № 9/10. Ed. by J. L. Mey. Odense University Press, March 1999.
- Зализняк 2000а — *Зализняк Анна А.* Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добираться* // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., 2000.
- Зализняк 2000б — *Зализняк Анна А.* О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // *Логический анализ языка. Языки этики*. М., 2000.
- Зализняк 2000в — *Зализняк Анна А.* Заметки о метафоре // *Слово в тексте и в словаре*. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

- Зализняк 2001 — Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25.
- Зализняк 2001а — Зализняк Анна А. Глагол *добратся/добираться*: аспектуальная семантика и семантическая эволюция // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 85—95.
- Зализняк 2003 — Зализняк Анна А. *Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. 2003. № 5.
- Зализняк 2004 — Зализняк Анна А. Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог'2004». М., 2004. С. 205—210.
- Зализняк 2005 — Зализняк Анна А. Глагол *считать*: к типологии семантической деривации // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М., 2005. С. 280—294.
- Зализняк 2006 — Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк 2006а — Зализняк Анна А. *Забвение* по данным русского языка // Собрание сочинений. К 60-летию Л. И. Соболева. М., 2006. С. 216—227.
- Зализняк 2006б — Зализняк Анна А. Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово *проблема* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог'2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Ин-т проблем информатики РАН, 2006. С. 152—156.
- Зализняк 2007а — Зализняк Анна А. *Юмор и остроумие* в европейской культурной перспективе // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 550—559.
- Зализняк 2007б — Зализняк Анна А. Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол *мнить* // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 106—117.
- Зализняк 2008 — Зализняк Анна А. Концептуализация *памяти* и *забвения* в русском языке // Соловьев В. Д., Черниговская Т. В. (ред.). Когнитивные исследования. Вып. 2. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 209—230.
- Зализняк 2009 — Зализняк Анна А. Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // Молдован А. М. (отв. ред.). «Слово — чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 63—76.
- Зализняк 2010 — Зализняк Анна А. *Культурно отдыхаем* // Русский язык и культура речи. ИРЯ РАН. М.: АСТ-Пресс, 2010. С. 11—16.
- Зализняк, Левонтина 1996 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги: А. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.: Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. Vol. XX. 1996. P. 237—264.
- Зализняк, Левонтина 1999 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. С любимыми не расставайтесь // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

- Зализняк, Левонтина 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка (размышления по поводу книги: *Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки русской культуры, 2005. С. 307—335.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2008. № 1 (50): С. 120—127.
- Зализняк, Падучева 1987 — Зализняк Анна А., Падучева Е. В. О семантике вводного употребления глаголов // *Вопр. кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории*. М., 1987.
- Зализняк, Падучева 1989 — Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // *Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989. С. 92—115.
- Зализняк, Шмелев 1997 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // *Логический анализ языка. Язык и время*. М., 1997.
- Зализняк, Шмелев 1999 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. О том, чего нельзя сделать вместе // *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М., 1999.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Типы видовой связи // *Труды Междунар. семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы*. Аксаково, 2001.
- Зализняк, Шмелев 2002 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Новые материалы к «Аспектологическому словарю русского языка» // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. семинара Диалог-2002. Т. 1. Протвино, 2002. С. 134—144*.
- Зализняк, Шмелев 2002 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Семантика «начала» с аспектологической точки зрения // *Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Семантика начала и конца*. М.: Индрик, 2002.
- Зализняк, Шмелев 2003 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. *Компактность vs. рассеяние* в метафорическом пространстве русского языка // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М., 2003.
- Зализняк, Шмелев 2003а — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лексика радости: к проблеме коммуникативной организации толкования // *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы*. М., 2003.
- Зализняк, Шмелев 2004 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* // *Логический анализ языка. Языки эстетики*. М.: Индрик, 2004. С. 209—230.

- Зализняк, Шмелев 2008 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 660—667.*
- Зализняк, Шмелев 2010 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Вздор: слово и дело // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 141—151.*
- Западники и националисты 2003 — *Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии / Ред.-сост. А. Трапкова. М.: ОГИ, 2003. С. 13—72.*
- Засорина 1977 — *Засорина Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. М., 1977.*
- Захаренко и др. 2008 — *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2008.*
- Зорин 1996 — *Зорин А. Л. Идеология «православия — самодержавия — народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России: Сб. статей. М., 1996.*
- Изард 1980 — *Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.*
- Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970. С. 3—26.*
- Иорданская 1992 — *Иорданская Л. Н. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970. С. 3—26.*
- Иорданская 1992 — *Иорданская Л. Н. Перформативные глаголы и риторические союзы // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 33. Wien, 1992.*
- Иорданская, Жолковский, Мельчук 1984 — *Иорданская Л. Н., Жолковский А. К., Мельчук И. А. Чувство // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984.*
- Кагарлицкий 2009 — *Кагарлицкий Ю. В. Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Живов В. М. (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 271—314.*
- Карабчиевский 1985 — *Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. München: Страна и мир, 1985.*
- Клюев 1989 — *Клюев Е. В. Критерии лингвостилистического анализа текста: В 2-х ч. М.: ВИПК работников печати, 1989.*
- Кобозева, Лауфер 1994 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63—71.*
- Кокорев 1994 — *Кокорев А. В. Из истории русского литературного языка первых десятилетий VIII в. [Материалы к истории слова «личность»] // Виноградов В. В. История слов. М., 1994.*
- Крейдлин 1975 — *Крейдлин Г. Е. Лексема даже // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975.*
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.*
- Кронгауз 1993 — *Кронгауз М. А. Семантика русского глагола и его словообразовательные возможности // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. № 1. С. 15—36.*
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.*

- Кружков 1999 — *Кружков С.* Заграница как личный опыт // *Знамя.* 1999. № 2.
- Крысин 1992 — *Крысин Л. П.* Языковое заимствование как проблема диахронической лингвистики // *Журавлев В. К.* (отв. ред.). Проблемы диахронической лингвистики. М., 1992.
- Крысин 1998 — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998.
- Крысин 2002 — *Крысин Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // *Вопр. языкознания.* 2002. № 6. С. 27—34.
- Кубрякова 1991 — *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991. С. 85—91.
- Купина 1995 — *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. Ун-та; ЗУУНЦ, 1995.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Ланцман 2006 — *Еврейское остроумие* / Сост. и автор коммент. З. Ланцман; Пер. с нем. Ю. Гусева, Н. Михелевич. М.: Текст; Лехаим, 2006.
- Ларина 2009 — *Ларина Т.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Лауфер 1993 — *Лауфер Н. И.* Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1993. С. 105—111.
- Лауфер 2000 — *Лауфер Н. И.* Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* № 3. 2000. С. 65—74.
- Левин 1964 — *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., 1964.
- Левин 1998 — *Левин Ю. И.* О «Машеньке» Вл. Набокова // *Левин Ю. И.* Избранные труды. М., 1998. С. 279—287.
- Левонтина 1995 — *Левонтина И. Б.* «Звездное небо над головой» // *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке.* М., 1995. (См. также наст. изд.)
- Левонтина 1997 — *Левонтина И. Б.* «Достоевский надрыв» // *Wiener Schlawistischer Almanach.* 40. 1997. S. 192—202.
- Левонтина 1997а — *Левонтина И. Б.* Милый, дорогой, любимый... // *Русская речь.* 1997. № 5.
- Левонтина 1997б — *Левонтина И. Б.* «Достоевский надрыв» // *Wiener Slawistischer Almanach.* Bd. 40. 1997.
- Левонтина 1997в — *Левонтина И. Б.* *Жалость, сочувствие, сострадание, участие* // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Левонтина 1997г — *Левонтина И. Б.* *Собираться, намереваться, планировать* // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Вып. 1. М., 1997. С. 385—390.
- Левонтина 1997д — *Левонтина И. Б.* *Добро, благо* // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Левонтина 1997е — *Левонтина И. Б.* *Лень, неохота* // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.

- Левонтина 1997ж — *Левонтина И. Б. Из-за* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Левонтина 1999 — *Левонтина И. Б. Homo rigidus* // Логический анализ языка: Образ человека в языке и культуре. М., 1999.
- Левонтина 2000 — *Левонтина И. Б. Гостеприимный, хлебосольный, радушный* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Левонтина 2004а — *Левонтина И. Б. Гостеприимный, хлебосольный, радушный* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / По общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2004.
- Левонтина 2004б — *Левонтина И. Б. Угощать, потчевать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / По общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2004.
- Левонтина 2006 — *Левонтина И. Б. Шум словаря* // Знамя. 2006. № 8. С. 197—207.
- Левонтина 2007а — *Левонтина И. Б. Культура и отдых* (<http://www.stengazeta.net/>)
- Левонтина 2007б — *Левонтина И. Б. Язык потребления (о некоторых новых явлениях в русском языке)* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 44—49.
- Левонтина 2008 — *Левонтина И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира* // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.
- Левонтина 2009 — *Левонтина И. Б. Особые события в русском языке* // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов: Издат. центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Левонтина 2009а — *Левонтина И. Б. Nominem quaero* // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politischsprache/ Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 73/ Muenchen – Berlin 2009.
- Левонтина 2010 — *Левонтина И. Б. Русский со словарем*. М.: 2010.
- Левонтина, Шмелев 1996а — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции* // Русская речь. 1996. № 2. с. 53—57. (Наст. сб., с. 219—222)
- Левонтина, Шмелев 1996б — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. «Поперчный кус»* // Русская речь. 1996. № 5. С. 55—60. (Наст. сб., с. 227—229)
- Левонтина, Шмелев 1999 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке* // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 1999.
- Левонтина, Шмелев 2000 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы* // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 338—347.
- Левонтина, Шмелев 2000а — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы* // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Левонтина, Шмелев 2000б — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. За справедливостью пустой* // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

- Левонтина, Шмелев 2002 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Лексика начала и конца трапезы (в соавторстве с А. Д. Шмелевым) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Лисицын 1995 — *Лисицын А. Г.* Анализ концепта *свобода—воля—вольность* в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Лосский 1991 — *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. М., 1994.
- Лотман 2008 — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. М., 2008.
- Лотман, Успенский 1994 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 219—253.
- Лубенская 1997 — *Лубенская С. И.* Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
- Ляшевская, Рахилина 2005 — *Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В.* Многозначность сквозь призму дискурса // Четвертая типологическая школа: Междунар. школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Мат-лы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 229—231.
- Макарий 1852 — *Макарий.* Введение в православное богословие. 2-е изд., испр. СПб., 1852.
- Манн 2001 — *Манн Ю. В.* Русская литература XIX в.: Эпоха романтизма. М., 2001.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русский язык, 1999.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Мелерович, Мокиенко 1997 — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984.
- Миллер 2005 — *Миллер А. И.* Национализм и империя. М., 2005.
- Михельсон 1866 — *Михельсон А. Д.* 30 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с объяснением их корней. М., 1866.
- Михельсон 1994 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: В 2 т. М., 1994.
- Молотков 1986 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.
- Набоков 1996 — *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
- Надеждин 1836 — *Надеждин Н.* Европеизм и народность в отношении к русской литературе // «Телескоп». 1836. Ч. 31.
- Никипорец-Такигава 2006 — *Никипорец-Такигава Г.* Вторичные заимствования в русском языке XXI века // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* М.: Летний сад, 2006. С. 87—106.
- Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154—165.
- Николина 1993 — *Николина Н. А.* Семантика и функции слова «АВОСЬ» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2 / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.



- Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992.
- Ожегов, Шведова 1998 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1986 — *Падучева Е. В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1. С. 23—31.
- Падучева 1993 — *Падучева Е. В.* К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 111—120.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Глаголы движения и их стативные дериваты // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Русский литературный язык до и после Пушкина // *G. Ressel* (ed.). *A. S. Puškin und die kulturelle Identität Russlands*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. S. 97—108.
- Падучева 2004 — *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004.
- Пайар 1997 — *Пайар Д.* Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Паперно 1996 — *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
- Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 36—40.
- Пеньковский 1999 — *Пеньковский А. Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999.
- Пеньковский 2003 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: «...В хронологической пыли / Бытописания земли» // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2003.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Очерки по семантике русских наречий: *бережно, осторожно* и др. (от Пушкина до наших дней) // *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 204—238.
- Пеньковский 2005 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Перцов 2000 — *Перцов Н. В.* О последнем сонете Пушкина // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- Перцов 2009 — *Перцов Н. В.* Размышления о лексической семантике пушкинской поры и об одном ее «культурном мифе» (над книгой А. Б. Пеньковского «Нина...») // *А. М. Молдован* (отв. ред.). «Слово — чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 33—62.

- Печерская 1992 — *Печерская Т.* Русский демократ на rendez-vous // Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней. Литературное обозрение. Специальный выпуск. М., 1992. С. 40—44.
- Плотников 2007 — *Плотников Н. С. С. Н.* Трубецкой и понятие «субъекта» в истории русской мысли // *Вопр. философии.* 2007. № 10.
- Плунгян 1991 — *Плунгян В. А.* К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // *Логический анализ языка: Культурные концепты.* М., 1991.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики. 1. Глагольные категории.* М., 2001.
- Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* Конструкция с *успеть* и *не успеть* в русском языке XIX—XX вв.: корпусное исследование // *Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания: Мат-лы I Всероссийской конф.* СПб., 19—21 октября 2004 / Под ред. С. Св. Волкова. СПб.: Наука, 2004. С. 112—115.
- Плунгян, Рахилина 1993 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема // *Логический анализ языка: Ментальные действия.* Москва, 1993. С. 120—126.
- Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // *Московский лингвистический журнал.* Т. 2. М., 1996. С. 340—351.
- Подорога 1994 — *Подорога В. А.* Простираание, или География «русской души» // *Замятин Д. Н., Замятин А. Н.* (сост.) Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России. М.: МИРОС, 1994.
- Попов 1907 — *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 3-е изд., доп. и испр. М.: т-во И. Д. Сытина, 1907.
- Попова, Стернин 2003 — *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
- Похлебкин 1997 — *Похлебкин В. В.* Собрание избранных произведений. Кулинарный словарь. М., 1997.
- Рахилина 2010 — *Рахилина Е. В.* (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Розанова 1972 — *Розанова В. В.* Синонимия глаголов движения в современном русском языке // *Синонимы русского языка и их особенности.* Л., 1972.
- Розина 1999 — *Розина Р. И.* Движение в физическом и ментальном пространстве // *Логический анализ языка: Языки динамического мира.* Дубна, 1999.
- Русаков 2000 — *Русаков В. Г.* Концепт счастья в романах «Машенька» Набокова и «Вечер у Клэр» Газданова // *Газданов и мировая культура.* Калининград, 2000.
- Рябцева 1999 — *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // *Логический анализ языка: Языки динамического мира.* Дубна, 1999.
- Саакянц 2002 — *Саакянц А.* Жизнь Цветаевой. М.: Центрполиграф, 2002.
- Савицкий 2003 — *Савицкий В. М.* Бог Аполлон и серая обезьяна (концепт 'пошлость' в пространстве культуры) // *Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении.* Волгоград, 2003.

- Сажин 1992 — *Сажин В.* Рука победителя. Выбранные места из переписки В. Белинского и М. Бакунина // Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней. Литературное обозрение. Спец. выпуск. М., 1992. С. 39—40.
- Санников 1999 — *Санников В.* 3. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Санников 2006 — *Санников А. В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Сарнов 2002 — *Сарнов Б.* Наш советский новояз. М., 2002.
- Седакова 2005 — *Седакова О. А.* Церковнославянско-русские паронимы. Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005.
- Селезнев 1988 — *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Синявский 2001 — *Синявский А. Д.* Иван-дурак. М., 2001.
- Сиповский 1913 — *Сиповский В. В.* (сост.) Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Т. I, вып. 1: Народная словесность. СПб.: Издание Я. Башмакова и К<sup>о</sup>, 1913.
- Словарь 1981 — Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1981.
- Словарь синонимов — Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 2 т. М., 1971.
- Слово Достоевского 1996 — Слово Достоевского. М., 1996.
- СЛРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1— М.: Наука, 1975—.
- Соколова 1998 — *Соколова Н. Н.* Под кровом Всевышнего. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1998.
- Солженицын 1968 — *Солженицын А. И.* В круге первом. London, 1968.
- Солженицын 1972 — *Солженицын А. И.* Нобелевская лекция 1970 года по литературе. Possev-Verlag, 1972.
- Соловьев 1988 — *Соловьев В. С.* Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1988.
- Солс 1995 — *Солс Р.* Когнитивная психология. М., 1995.
- Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
- Срезневский 1994 — *Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 1994.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965.
- СРЯ XVIII-9 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 9. СПб., 1997.
- СРЯ-XVIII-3 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. Л.: Наука, 1987.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., 1950—1965.
- Стенник 2002 — *Стенник Ю. В.* Полемика о национальном характере в журналах 1760—1780 годов // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 85—95.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Стернин 2000 — *Стернин И. А.* Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000.
- Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
- Толль 1863—1864 — *Толль Ф.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний (на первом томе: Справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. СПб., 1863—1864.

- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс–Культура, 1995.
- Топоров 1989а — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре, III. Мир и воля // Славянский и балтийский фольклор. М., 1989.
- Топоров 1989б — *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989.
- Топорова 1994 — *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.
- Туровский 1991а — *Туровский В. В.* Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 91—95.
- Туровский 1991б — *Туровский В. В.* Словарная статья глагола *напоминать* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 171—175.
- Урысон 1995 — *Урысон Е. В.* *Тоска 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 510—519.
- Урысон 1995а — *Урысон Е. В.* *Душа, сердце* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1995.
- Урысон 1995б — *Урысон Е. В.* *Ум, разум, рассудок, интеллект* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Урысон 1997а — *Урысон Е. В.* *Ум, разум, рассудок, интеллект* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997. С. 447—450.
- Урысон 1997б — *Урысон Е. В.* *Предчувствие, чувство, ощущение* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Урысон 2000 — *Урысон Е. В.* *Походка, поступь* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Урысон 2000а — *Урысон Е. В.* *Смех* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Урысон 2000б — *Урысон Е. В.* *Улыбка* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Урысон 2000в — *Урысон Е. В.* *Друг, товарищ, приятель* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблема исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Урысон 2003а — *Урысон Е. В.* *Свобода, воля* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 3. М., 2003.
- Успенский 1979 — *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка. München: Otto Sagner Verlag, 1987.

- Успенский 2002 — *Успенский В. А.* Предисловие к книге Ю. А. Шихановича «Введение в современную математику» // *Успенский В. А.* Труды по нематематике: В 2-х тт. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 274—280.
- Успенский 2006 — *Успенский В. А.* Субъективные заметки о неправильной норме // *Русский язык сегодня.* Вып. 4. Проблемы языковой нормы (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН). М., 2006.
- Уфимцева 1996 — *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 139—162.
- Ушаков 1935 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935.
- Ушаков 1935—1940 — *Ушаков Д. Н.* (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1935—1940.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Фролова 2003 — *Фролова О. Е.* Вульгарный или пошлый // *Русский язык в научном освещении.* 2003. № 1 (5).
- Харрис 2001 — *Харрис Т. Э.* Я — о'кей, ты — о'кей. М., 2001.
- Хейзинга 1997 — *Хейзинга Й.* Homo ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
- Хрестоматия 1994 — Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М., 1994.
- Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.
- Черных 1994 — *Черных П.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
- Чудинов 1910 — *Чудинов А. Н.* (ред.). Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. 3-е изд., тшчат. испр. и значит. доп. (Более 5000 новых слов). преимуществ. соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб.: В. И. Губинский, б. г. (1910).
- Чуковский 1952 — *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952.
- Шайкевич 1996 — *Шайкевич А. Я.* Оковы слова (или поиски дискретности в семантике) // *Словарь. Грамматика. Текст.* М., 1996.
- Шапир 2006 — *Шапир М. И.* Донос: социолингвистический аспект (Игра словами как средство языковой политики) // *Логический анализ языка: Концептуальные поля игры.* М.: Индрик, 2006.
- Шатуновский 1991 — *Шатуновский И. Б.* «Правда», «Истина», «Искренность», «Правильность» и «Ложь» // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991. С. 31—37.
- Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* *Думать и считать:* еще раз о видах мнения // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1993. С. 127—134.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996.
- Шварцкопф 1997 — *Шварцкопф Б. С.* «Я поставил кавычки потому, что...» // *Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева.* М., 1997.

- Швейцер 2003 — *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 2003.
- Ширле 2008 — *Ширле И.* Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Сост. А. В. Доронин. М., 2008. С. 119—137.
- Широкова 1982 — *Широкова Е. Г.* Частица *-таки*: семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. Вып. 19. М., 1982. С. 137—147.
- Ширяев 2001 — *Ширяев Е. Н.* Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность. Сб. тезисов междунар. конф. М., 2001.
- Шмелев 1964 — *Шмелев Д. Н.* Несколько случаев лексико-семантической контаминации // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 3. М., 1964.
- Шмелев 1971 — *Шмелев Д. Н.* О третьем измерении лексики // Русск. яз. в школе. 1971. № 2.
- Шмелев 1996а — *Шмелев А. Д.* Референциальные механизмы русского языка. Tampere: Slavica Tampereusia IV, 1996.
- Шмелев 1996б — *Шмелев А. Д.* Жизненные установки и дискурсные слова // Aspekta (= Slavica Tampereusia V). Tampere, 1996.
- Шмелев 1997а — *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 481—495.
- Шмелев 1997б — *Шмелев А. Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 523—539.
- Шмелев 1997в — *Шмелев А. Д.* Парадоксы идентификации // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 1997г — *Шмелев А. Д.* Символические действия и их отражение в языке // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 1997д — *Шмелев А. Д.* Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 1998 — *Шмелев А. Д.* «Широкая русская душа» // Русская речь. 1998. № 1.
- Шмелев 1999а — *Шмелев А. Д.* Homo sapiens // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Шмелев 1999б — *Шмелев А. Д.* Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Шмелев 2000а — *Шмелев А. Д.* «Широта русской души» // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Шмелев 2000б — *Шмелев А. Д.* Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Шмелев 2000в — *Шмелев А. Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 46—50.

- Шмелев 2001 — *Шмелев А. Д.* Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*) // Русский язык: пересекая границы. Дубна: Международный университет природы, общества и человека, 2001. С. 266—279.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянских культур, 2002.
- Шмелев 2003 — *Шмелев А. Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Русское слово в мировой культуре. СПб.: Политехника. Т. 1. 2003.
- Шмелев 2003а — *Шмелев А. Д.* В поисках мира и лада // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Шмелев 2003б — *Шмелев А. Д.* Дружба в русской языковой картине мира // Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2003.
- Шмелев 2003в — *Шмелев А. Д.* Терпимость в русской языковой картине мира // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 111—125.
- Шмелев 2004 — *Шмелев А. Д.* Новомосковская школа концептуального анализа // *З. К. Тарланов* (ред.). Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2004. С. 16—23.
- Шмелев 2005 — *Шмелев А. Д.* Источники энантиосемии // Русский язык и его функционирование. Глазов: ГГПИ, 2005.
- Шмелев 2005а — *Шмелев А. Д.* Комментарии к статье А. Вежбицкой // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Шмелев 2006 — *Шмелев А. Д.* Игра в русской языковой картине мира // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Шмелев 2006а — *Шмелев А. Д.* О «новомосковской школе» концептуального анализа // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006.
- Шмелев 2006б — *Шмелев А. Д.* «Петербургский текст» на фоне русской языковой картины мира // *Художественный текст как динамическая система.* М.: «Управление технологиями», 2006.
- Шмелев 2007 — *Шмелев А. Д.* Смех и улыбки в русской языковой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 603—613.
- Шмелев 2008 — *Шмелев А. Д.* *Враньё* в русской «наивной этике» // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Шмелев 2009 — *Шмелев А. Д.* Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Советское прошлое и культура настоящего. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
- Шмелев 2010 — *Шмелев А. Д.* В поисках общего языка // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М., 2010.
- Шмелев, Калюга 2009 — *Шмелев А., Калюга М.* Грамматика печали // *Scando-Slavica.* 2009. 55. P. 100—125.
- Шмелева 1983 — *Шмелева Е. Я.* Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

- Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелева, Шмелев 2006 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Библейские мотивы в русских анекдотах // Сб. статей в честь В. Г. Гака. М., 2006.
- Шмеман 2005 — *Прот. Александр Шмеман.* Дневники 1973—1983. М., 2005.
- Шмерлина 2007 — *Шмерлина И.* Свободное время — навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2007. № 8. С. 5—31.
- Шмурло 1924 — *Шмурло Е. Ф.* Введение в русскую историю. Прага, 1924.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—.
- Юревич 1999 — *Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопр. философии. 1999. № 4. С. 11—23.
- Якобсон 1979 — *Якобсон Р.* О поколении, утратившем своих поэтов // *Jakobson R.* Selected Writings. V. 5. The Hague; Paris; New York, 1979.
- Яковлева 1994 — *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
- Яковлева 1998 — *Яковлева Е. С.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 43—73.
- Яновский 1803 — *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: Разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. Ч. 1. СПб., 1803. С. 822.
- Amberber 2003 — *Amberber M.* The grammatical encoding of «thinking» in Amharic // Cognitive linguistics. Vol. 14 - 2/3 / Ed. by G. B. Palmer, C. Goddard, P. Lee. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003.
- Apresjan 1997 — *Apresjan V. Ju.* 'Fear' and 'pity' from a Lexicographic Perspective // International Journal of Lexicography. Vol. 10. 1997. № 3.
- Benjamin 1972 — *Benjamin W.* Charles Baudelaires, Tableaux parisiens // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1972. B. IV.
- Benjamin 1982a — *Benjamin W.* Paris, Capitale du XIX siècle // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982. B. V. Teil I.
- Benjamin 1982b — *Benjamin W.* Aufzeichnungen und Materialien // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982, B. V. Teil I.
- Beyer 1995 — *Beyer Th. R., Jr.* Marina Cvetaeva and Andrej Belyj: Razluka and Posle razluki // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 35. 1995.
- Bogusławski 1966 — *Bogusławski A.* Semantyczne pojęcie liczebnika. Wrocław, 1966.
- Bogusławski 1970 — *Bogusławski A.* On Semantic Primitives and Meaningfulness // Signs, Language and Culture. Proceedings of a conference held in Kazimierz, 1966. The Hague: Mouton, 1970. P. 143—152.
- Bolt 1995 — *Bolt R.* The Xenophob's Guide to The Dutch. Horsham, 1995.
- Boym 1994 — *Boym S.* Common Places: Mythologies of everyday life in Russia. Harvard Univ. Press. Cambridge (Mass.); London, 1994.
- Bulgakov 1976 — *Bulgakov S.* A Bulgakov Anthology / Ed. by J. Pain, N. Zernov. Philadelphia, 1976. .



- Carbaugh 1988 — *Carbaugh D.* Talking American: Cultural Discourses on Donahue. Norwood (NJ), 1988.
- Chisholm 1966 — *Chisholm R.* Theory of knowledge. Prentice-Hall, 1966.
- Corbet 1964 — *Corbet Ch.* Quelques incidences lexicographiques de la préverbatation en russe // *Revue des Etudes slaves*. T. XL. 1964. P. 46—54.
- Dauzat 1938 — *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. P.: Larousse, 1938.
- Dirven 1985 — *Dirven R.* Metaphor and polysemy // *La polysemie: lexicographie et cognition*. Cabay. Louvain-la-Neuve, 1985.
- Dubois et al. 1971 — *Dubois J. et al.* Dictionnaire du français contemporain. P., 1971.
- Duden-7 — *Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. 3. Auflage. Duden, Bd. 7. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2001.
- Epstein 1991 — *Epstein M.* Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 19, 1991. [Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper, # 243.]
- Ertelt-Vieth 2005 — *Ertelt-Vieth A.* Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel. Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch. Tübingen: Günter Narr, 2005.
- François 2008 — *François A.* Semantic maps and the typology of colexification // *M. Vanhove* (ed.). From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163—216. [Studies in Language Companion series, 106.]
- Freud 1901 — *Freud S.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens. Wien, 1901.
- Freud 2004a — *Freud S.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004.
- Freud 2004b — *Freud S.* Der Humor. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 2004.
- Gallant 1979 — *Gallant J.* Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix VZ- // *Slavistische Beiträge*. B. 135. München: Otto Sagner Verlag, 1979.
- Geertz 1976 — *Geertz C.* The Religion of Java. Chicago, 1976.
- Gladkova 2007 — *Gladkova A.* New and traditional emotion terms in Russian. Semantics and culture. *Transcultural Studies: A Series in Interdisciplinary Research*. Vol. 2—3. Special double issue on Discourses of Aesthetics, Ethics and Power in Old and Emerging Societies. University of Melbourne, 2007.
- Goddard 1997 — *Goddard C.* Cultural Values and 'Cultural Scripts' of Malay (Bahasa Melayu) // *Journal of Pragmatics*. 1997. Vol. 27. № 2. P. 183—201.
- Goddard 1998 — *Goddard C.* Semantic Analysis: A Practical Introduction. Oxford, 1998.
- Goddard 2001 — *Goddard C.* Sabar, Ikhlas, Setia — Patient, Sincere, Loyal? Contrastive Semantics of Some 'Virtues' in Malay and English // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. P. 653—681.
- Goddard 2003 — *Goddard C.* A «lexicographic portrait» of *forgetting* // *Workshop on the Semantics of Memory in a Crosslinguistic perspective*, UNSW, 22 November 2003.
- Goddard, Wierzbicka 1994 — *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam, 1994.

- Goddard, Wierzbicka 2002 — *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.). *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Gogolitsyna 1998 — *Gogolitsyna N. Byt.* A Russian word study // *Rusistica*. № 17. March, 1998. P. 3—6.
- Guiraud-Weber 1984 — *Guiraud-Weber M.* *Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1984.
- Hornby 1958 — *Advanced learner's dictionary of current English* / By A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. London, 1958.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1990 — *Iordanskaja L., Mel'čuk I.* Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* «to be afraid» and *nadejat'sja* «to hope» // *Australian Journal of Linguistics*. Vol. 10. 1990. № 2.
- Janda 1986 — *Janda L.* A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* // *Slavistische Beiträge*. B. 192. München, 1986.
- Johnson-Laird, Oatley 1989 — *Johnson-Laird P. N., Oatley K.* The Language of Emotions: an Analysis of a Semantic Field // *Cognition and Emotion*. 1989: 3 (2).
- Kalyuga 2008 — *Kalyuga M.* Semantic change of Russian terms for distress // *Н. Грейдина* (ред.). *Актуальные проблемы коммуникации и культуры*. М.; Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2008. С. 21—30.
- Kluge 1995 — *Kluge F.* *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 1995.
- Kramer 1997 — *Chekhov A.* Chekhov's Major Plays. «Ivanov», «The Seagull», «Uncle Vanya», «The Three Sisters» / Transl. by K. Kramer. Lanham (Md.): University Press of America, 1997.
- Kramer, Booker 1997 — *Chekhov A.* Chekhov's Major Plays. «The Cherry Orchard» / Transl. by K. Kramer, M. Booker. Lanham (Md.): University Press of America, 1997.
- Kundera 1987 — *Kundera M.* Fictive Lightness, Fictive Weight (Two interviews with Kundera) // *Salmagundi: A Quarterly of the Humanities & Social Sciences*. N. Y., 1987. № 73.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1980.
- Larousse 1988 — *Larousse: petit dictionnaire de la langue française*. Paris, 1988.
- Larousse 1989 — *Petit Larousse illustré 1989*. Paris: Librairie Larousse, 1989.
- Lazari 1995 — *Lazari A.* (ed.). *The Russian Mentality. Lexicon*. Katowice, 1995.
- Levontina, Zalizniak 2001 — *Levontina I., Zalizniak Anna A.* Human emotions viewed through the Russian language // *Emotions in Crosslinguistic Perspective* / Ed. by J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 291—336.
- Lyons 1982 — *Lyons J.* Deixis and Subjectivity: Loquor, ergo sum? // *R. I. Jarvella, W. Klein* (eds.). *Speech, Place, and Action*. Chichester: John Wiley & Sons, 1982. P. 101—124.
- Macmillan 1973 — *Macmillan Dictionary*. New York, 1973.
- Malcolm 1976 — *Malcolm N.* Knowledge and belief // *Knowledge and belief*. Oxford: Oxford Univ. press, 1976. P. 69—81.
- Mel'čuk 1987 — *Mel'čuk I.* Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // *Revue des Etudes Slaves*. T. LIX. 1987.
- Mel'čuk, Wanner 1996 — *Mel'čuk I., Wanner L.* Lexical Functions and lexical Inheritance for Emotion Lexemes in German // *Wanner L.* (ed.). *Lexical Functions in Lexicogra-*

- phy and Natural Language Processing. Studies in Language Companion Series. Vol. 31. Amsterdam, 1996.
- Milton 1990 — The Oxford Authors: John Milton / Ed. by S. Orgel, J. Goldberg. Oxford, 1990.
- Mondry, Taylor 1992 — *Mondry H., Taylor J.* On lying in Russian // Language and Communication. 1992. Vol. 12. № 2. P. 133—143.
- Němcová Banerjee 1990 — *Němcová Banerjee M.* Terminal Paradox. The Novels of Milan Kundera. N. Y.: Grove, Weidenfeld, 1990.
- OED 2002 — Shorter Oxford English dictionary. 5-th ed. Vol. 1—2. 2002.
- Oxford Companion to Philosophy 1995 — Oxford Companion to Philosophy / Ed. by T. Honderich. Oxford; New York, 1995.
- Paducheva 2007 — *Paducheva E. V.* Nouns of social occasion as a linguistically relevant class // Concept Types and Frames in Language, Cognition and Science. Duesseldorf, August 20—22, 2007. ([www.lexicograph.ru/files/duesseldorf.pdf](http://www.lexicograph.ru/files/duesseldorf.pdf))
- Partee 1973 — *Partee B. H.* The semantics of belief-sentences // *Hintikka J., Moravčšik J., Suppes P.* (eds.). Approaches to natural languages. Dordrecht: Reidel, 1973.
- Pesmen 2000 — *Pesmen D.* Russia and Soul: An Exploration. Ithaca: Cornell University Press, 2000.
- Pleteršnik 1894 — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894 (reprint 1974).
- Postal 1970 — *Postal P.* On the surface verb *Remind* // Linguistic Inquiry. 1970. 1. P. 37—120.
- Price 1967 — *Price H. H.* Some considerations about belief // Knowledge and Belief. Oxford: Oxford Univ. Press, 1967.
- Pritchard 1976 — *Pritchard H. A.* Knowing and believing // Knowledge and belief. Oxford: Oxford Univ. press, 1976.
- Randolph 2007 — *Randolph J.* The Singing Coachman or, The Road of Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. № 1—2. P. 33—61.
- Robert historique — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction de Alain Rey. Paris, 2000.
- Rogger 1960 — *Rogger H.* National Consciousness in Eighteen-Century Russia. Cambridge, 1960.
- Romani 2002 — *Romani R.* National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750—1914. Cambridge, 2002.
- Russell 1991 — *Russell J. A.* Culture and the Categorization of Emotions // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 110. P. 426—450.
- Sanders 1965 — *Sanders W.* Glück. Zur Herkunft und Bedeutungsentwicklung eines mittelalterlichen Schicksalsbegriffs. Köln; Graz, 1965.
- Shmelev 2009 — *Shmelev A.* Smile and Laughter in Russian Culture and Language // Chinese Semiotic Studies. Vol. 2. 2009.
- Taylor 1995 — *Taylor Ch.* The Dialogical Self // *Goodman R. F., Fisher W. R.* (eds.). Rethinking Knowledge: Reflections Across the Disciplines. Albany: State University of New York Press, 1995.
- Van Valin, Wilkins 1993 — *Van Valin R. D., Wilkins D.* Predicting syntactic structure from semantic representation: Remember in English and its equivalents in Mparntwe Ar-

- rente // R. D. Van Valin (ed.). *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 499—534.
- Walicki 1979 — *Walicki A.* A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Transl. from Polish by H. Andrews-Rusiecka. Stanford (CA): Stanford University Press, 1979.
- Webster 1988 — *Webster's New World dictionary of American English* / Victoria E. Neufeldt, editor-in-chief. 3rd college ed. Cleveland; New York, 1988.
- Weiss 1988 — *Weiss B.* Kurica ne ptica, (a) baba ne čelovek // *Slawistische Linguistik* 1987. Referate des XIII. Konstanzer Slawistischen Arbeitstreffens, Tübingen 22.—25.9.1987 / Hrsg. J. Raecke. München, 1988.
- Wheeler, Unbegaun 1984 — *Oxford Russian-English Dictionary* / Ed. by M. Wheeler, B. Unbegaun. Oxford, 1984.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969.
- Wierzbicka 1971 — *Wierzbicka A.* Porównanie — gradacja — metafora // *Pamiętnik literacki*. LXII. 1971. № 4. P. 127—147.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* Semantic primitives // *Linguistische Forschungen*. Frankfurt am Main, 1972. B. 22.
- Wierzbicka 1985 — *Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma publishers inc., 1985.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney: Acad. Press Australia, 1987.
- Wierzbicka 1992(a) — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 1992b — *Wierzbicka A.* Defining Emotion Concepts // *Cognitive Science*. Vol. 16. 1992. P. 539—581.
- Wierzbicka 1992c — *Wierzbicka A.* Talking about Emotions: Semantics, Culture, and Cognition // *Cognition and Emotion*. 6 (3/4). 1992. P. 285—319.
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford University press, 1996.
- Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through their Key Words. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1997.
- Wierzbicka 1998a — *Wierzbicka A.* A culturally salient Polish emotion: *przykro* // *Parrott J., Harré R.* (eds.). Special issue of *World Psychology*. 8/5/1998.
- Wierzbicka 1998b — *Wierzbicka A.* «Sadness» and «anger» in Russian: non-universality of the so-called «basic human emotions» // *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 3—28. [Русск. пер.: «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // *А. Везбицкая. Семантические универсалии и описание языков*. М.: Языки русской культуры, 1999.]
- Wierzbicka 1999 — *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge University Press, 1999.
- Wierzbicka 2001 — *Wierzbicka A.* What did Jesus mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in simple and universal human concepts. Oxford: Oxford University Press, 2001.

- Wierzbicka 2002 — *Wierzbicka A.* Right and Wrong: From Philosophy to Everyday Discourse // *Discourse Studies*. 2002. Vol. 4. № 2. P. 225—252.
- Wierzbicka 2006 — *Wierzbicka A.* English: Meaning and Culture. Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2006.
- Wierzbicka 2007 — *Wierzbicka A.* Is «remember» a universal human concept? «Memory» and culture // *Amberber M.* (ed.). *The Language of Memory in a Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 13—40.
- Zalizniak 2005 — *Zalizniak Anna A.* The Russian word *problema* in a Cross-Linguistic Perspective // ICCEES VII World Congress. «Europe — Our Common Home?» Berlin, July 25—30, 2005. P. 477—478.
- Zalizniak 2006 — *Zalizniak Anna A.* A Catalogue of semantic shifts as a database for semantic Typology // Second International Conference of the German Cognitive Linguistics Association / Munich. 5—7/10. 2006. Abstracts. 2006. P. 161.
- Zalizniak 2007 — *Zalizniak Anna A.* Conceptualization of remembering and forgetting in Russian // *Amberber M.* (ed.). *The Language of Memory in a Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 97—118.

## УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

- абажур* 127, 131—134, 309, 618  
*а вдруг* 12, 100, 288  
*авось* 22, 53, 100, 194, 205, 287, 290, 300, 403, 649, 650  
*агрессивно* 555  
*агрессивный* 555, 556  
*актер* 319, 534  
*актуальный* 575, 576  
*амбиции* 554  
*амбициозный* 402, 404, 408, 548, 554, 555  
*амбиция* 554, 555  
*анекдот* 602, 605  
*аптежит* 115, 410  
*арбуз* 306  
*аскетизм* 102
- бабулечка* 630  
*бабуля* 154, 183  
*бабушка* 154, 183  
*бал* 428  
*безвкусица* 129, 131  
*безволие* 75  
*безмозглый* 84  
*безобразие* 105, 125  
*безобразное* 124  
*безрассудный* 104  
*безудержный* 43  
*без ума* 104, 291  
*безумный* 104  
*бережный* 561  
*бескомпромиссность* 271, 288  
*бескомпромиссный* 78, 269  
*бескорыстие* 130  
*бессердечный* 84  
*бесценный* 146
- бесчестный* 232  
*бизнесмен* 404, 408, 548  
*благо* 223—226  
*благополучный* 117  
*болеть* 89, 96  
*больно жирно* 280  
*бороться* 111  
*брат, браток, братцы* 154, 183  
*братся* 45—56, 222, 278, 279, 285, 618  
*бренд* 580, 581  
*брендовый* 580, 581  
*буржуазия* 539  
*буржуазный* 311, 540  
*быльем поросло* 490, 491  
*быстрый* 327  
*быт* 12, 117—122, 133, 287  
*бытие* 12, 119, 120, 129,  
*бытовка* 118  
*бытовой* 117, 118
- вид кутюр* 575  
*вдруг* 9, 22  
*везение, везучий* 206  
*везет, повезло* 106, 203, 204, 206, 291  
*великодушие* 277  
*верность* 560  
*верный* 83  
*веселье* 479  
*ветер* 44, 309  
*ветеран* 331  
*вечер* 18—21, 57—59, 64, 430  
*вечером* 20  
*вечеринка* 428, 429, 433, 434, 438  
*вздор* 379—383, 385—387
- вздорливость* 380  
*вздорный* 386  
*вдохнуть* 337, 338  
*возбратся* 46  
*взять* 47  
*взяться* 47, 48  
*вина* 171, 312  
*вишня* 642  
*в колорите* 571  
*вкус* 127, 171  
*внучка* 183  
*возмущение* 171  
*возрастной* 576, 577  
*вольный, вольняшка* 31  
*воля* 30—34, 40, 42, 44, 67—70, 77, 80—82, 617  
*восстание* 173  
*вранье* 508—511, 513—517  
*вратарь* 397  
*врать* 507—511, 513—517  
*время* 172, 452, 455  
*врун* 517  
*в случае чего* 22  
*вспоминать* 486, 487, 495, 500—502  
*вспомнить* 487, 495  
*вспомниться* 504, 505  
*в тонах* 571  
*вульгарный, вульгарность* 127—129  
*в цвете* 570, 571  
*выбраться* 22, 46, 54  
*выгода* 548  
*выгодный* 568  
*выдержка* 277  
*вызов* 550, 551, 553, 555  
*выиграть* 534  
*выигрывать* 535  
*выигранный* 568

- выйти* 198, 200, 201  
*выкинуть (из головы)* 84  
*вылететь (из головы)* 84  
*вырваться* 48  
*высокомерный* 265  
*вытерпеть* 274  
*выходит, что* 200  
*вышло* 13, 56, 189, 198,  
 200—202, 288  
*вьюга* 309  
*галантерейный* 562  
*генерал* 650  
*гламур* 572—574  
*глумиться* 259  
*глупый* 84  
*гнев* 171  
*гогот* 525, 526  
*гоготать* 525  
*голкипер* 397  
*голова* 11, 91, 95, 96, 286, 614  
*голод* 171  
*голубчик* 150  
*гонор* 301, 401, 651  
*гордиться* 265, 259  
*гордо* 265, 266  
*гордость* 261, 265, 266, 542,  
 619  
*гордый* 265—267  
*гордыня* 261, 265, 542, 543  
*горе* 473, 483  
*гости* 438—447  
*гость* 438  
*готично* 574  
*грех* 242  
*грудь* 95  
*грустить* 476—478  
*грустно* 475—477, 479  
*грустный* 471—473,  
 476—478, 482, 484  
*грусть* 471, 473—479, 481,  
 484  
*гулёна* 43  
*гульнуть* 43  
*гуляка* 43  
*гуляние* 43  
*гулянка* 43, 432  
*гулять* 43, 308, 352  
*давно* 140  
*даль* 23, 25—29, 37, 43, 44,  
 289, 308, 316, 399, 649,  
 650  
*да ну* 43, 211, 217, 222, 558  
*движеньё* 335  
*дворик* 618  
*дед* 154, 183  
*деликатность* 400, 510  
*деликатный* 304, 305, 398,  
 561, 562  
*дело* 383, 649, 650  
*дельный, дельность* 74  
*день* 18, 19, 21, 59, 64, 65  
*детка* 150  
*дешевый* 568, 647  
*до-* (приставка) 47—49  
*до...-ся* (циркумфикс) 47—49  
*добиваться* 259  
*добираться* 45—56  
*добиться* 47, 49  
*доблесть, доблестно* 28, 29,  
 316  
*добраться* 45—56, 618  
*добрести* 46  
*добро* 223—226  
*доброта* 225  
*добрести* 46  
*добрый* 83  
*довелось* 12, 202—204, 206  
*доводиться* 202, 203  
*догадаться* 50  
*договориться* 49  
*додумываться* 49  
*докуриваться* 49  
*доезжать* 49  
*доехать* 46, 48, 53  
*дождаться* 49  
*доживать* 49  
*дозвониться* 49  
*доиграться* 49  
*дойти* 46  
*докричаться* 46  
*докупаться* 49  
*долг* 29, 172  
*долго* 140  
*долететь* 46  
*доля* 205, 655  
*домогаться* 259  
*донести* 545—547, 549  
*донос* 545—549, 622  
*доносить* 545  
*доносчик* 545, 547, 549, 622,  
 643  
*допивать* 49, 212  
*дописать, дописывать* 49  
*доплыть* 46  
*дорваться* 48  
*дорогой* 149, 578  
*досада* 251, 252  
*досадовать* 252  
*достоевщина* 160  
*доступный* 568, 569  
*досуг* 352  
*дочка* 154, 183  
*друг* 22, 175—177, 181—185,  
 396, 647  
*дружба* 176  
*дружески, дружеский* 186  
*дружить* 185, 186  
*думать* 486  
*дух* 85—90, 101, 319, 421  
*душа* 24, 27, 85—89, 96,  
 101—103, 150, 153, 162,  
 321, 337, 459, 626—629,  
 651, 654  
*душа нараспашку* 13  
*душевность* 25, 287, 619  
*душный* 309, 620  
*дыхание* 337  
*дядя* 154  
*единственный* 146  
*если что* 9, 12, 22, 100  
*жалко* 252, 253, 454, 630  
*жаловаться* 259  
*жалость* 242, 458  
*ждана* 150  
*желанный* 150  
*желчь* 93  
*жена* 172, 214, 232  
*жизнь* 337  
*жирно (больно жирно)* 280  
*жсона* 650  
*жульничество* 233

## УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

- абажур* 127, 131—134, 309, 618  
*а вдруг* 12, 100, 288  
*авось* 22, 53, 100, 194, 205, 287, 290, 300, 403, 649, 650  
*агрессивно* 555  
*агрессивный* 555, 556  
*актер* 319, 534  
*актуальный* 575, 576  
*амбиции* 554  
*амбициозный* 402, 404, 408, 548, 554, 555  
*амбиция* 554, 555  
*анекдот* 602, 605  
*аптежит* 115, 410  
*арбуз* 306  
*аскетизм* 102
- бабулечка* 630  
*бабуля* 154, 183  
*бабушка* 154, 183  
*бал* 428  
*безвкусица* 129, 131  
*безволие* 75  
*безмозглый* 84  
*безобразие* 105, 125  
*безобразное* 124  
*безрассудный* 104  
*безудержный* 43  
*без ума* 104, 291  
*безумный* 104  
*бережный* 561  
*бескомпромиссность* 271, 288  
*бескомпромиссный* 78, 269  
*бескорыстие* 130  
*бессердечный* 84  
*бесценный* 146
- бесчестный* 232  
*бизнесмен* 404, 408, 548  
*благо* 223—226  
*благополучный* 117  
*болеть* 89, 96  
*больно жирно* 280  
*бороться* 111  
*брат, браток, братцы* 154, 183  
*братся* 45—56, 222, 278, 279, 285, 618  
*бренд* 580, 581  
*брендовый* 580, 581  
*буржуазия* 539  
*буржуазный* 311, 540  
*быльем поросло* 490, 491  
*быстрый* 327  
*быт* 12, 117—122, 133, 287  
*бытие* 12, 119, 120, 129,  
*бытовка* 118  
*бытовой* 117, 118
- від кутюр* 575  
*вдруг* 9, 22  
*везение, везучий* 206  
*везет, повезло* 106, 203, 204, 206, 291  
*великодушие* 277  
*верность* 560  
*верный* 83  
*веселье* 479  
*ветер* 44, 309  
*ветеран* 331  
*вечер* 18—21, 57—59, 64, 430  
*вечером* 20  
*вечеринка* 428, 429, 433, 434, 438  
*вздор* 379—383, 385—387
- вздорливость* 380  
*вздорный* 386  
*вдохнуть* 337, 338  
*возбратся* 46  
*взять* 47  
*взяться* 47, 48  
*вина* 171, 312  
*вишня* 642  
*в колорите* 571  
*вкус* 127, 171  
*внучка* 183  
*возмущение* 171  
*возрастной* 576, 577  
*вольный, вольняшка* 31  
*воля* 30—34, 40, 42, 44, 67—70, 77, 80—82, 617  
*восстание* 173  
*вранье* 508—511, 513—517  
*вратарь* 397  
*врать* 507—511, 513—517  
*время* 172, 452, 455  
*врун* 517  
*в случае чего* 22  
*вспоминать* 486, 487, 495, 500—502  
*вспомнить* 487, 495  
*вспомниться* 504, 505  
*в тонах* 571  
*вульгарный, вульгарность* 127—129  
*в цвете* 570, 571  
*выбраться* 22, 46, 54  
*выгода* 548  
*выгодный* 568  
*выдержка* 277  
*вызов* 550, 551, 553, 555  
*выиграть* 534  
*выигрывать* 535  
*выигранный* 568



- выйти* 198, 200, 201  
*выкинуть (из головы)* 84  
*вылететь (из головы)* 84  
*вырваться* 48  
*высокомерный* 265  
*вытерпеть* 274  
*выходит, что* 200  
*вышло* 13, 56, 189, 198,  
 200—202, 288  
*вьюга* 309  
*галантерейный* 562  
*генерал* 650  
*гламур* 572—574  
*глумиться* 259  
*глупый* 84  
*гнев* 171  
*гогот* 525, 526  
*гоготать* 525  
*голкипер* 397  
*голова* 11, 91, 95, 96, 286, 614  
*голод* 171  
*голубчик* 150  
*гонор* 301, 401, 651  
*гордиться* 265, 259  
*гордо* 265, 266  
*гордость* 261, 265, 266, 542,  
 619  
*гордый* 265—267  
*гордыня* 261, 265, 542, 543  
*горе* 473, 483  
*гости* 438—447  
*гость* 438  
*готично* 574  
*грех* 242  
*грудь* 95  
*грустить* 476—478  
*грустно* 475—477, 479  
*грустный* 471—473,  
 476—478, 482, 484  
*грусть* 471, 473—479, 481,  
 484  
*гулёна* 43  
*гульнуть* 43  
*гуляка* 43  
*гуляние* 43  
*гулянка* 43, 432  
*гулять* 43, 308, 352  
*давно* 140  
*даль* 23, 25—29, 37, 43, 44,  
 289, 308, 316, 399, 649,  
 650  
*да ну* 43, 211, 217, 222, 558  
*движеньё* 335  
*дворик* 618  
*дед* 154, 183  
*деликатность* 400, 510  
*деликатный* 304, 305, 398,  
 561, 562  
*дело* 383, 649, 650  
*дельный, дельность* 74  
*день* 18, 19, 21, 59, 64, 65  
*детка* 150  
*дешевый* 568, 647  
*до-* (приставка) 47—49  
*до...-ся* (циркумфикс) 47—49  
*добиваться* 259  
*добираться* 45—56  
*добиться* 47, 49  
*доблесть, доблестно* 28, 29,  
 316  
*добраться* 45—56, 618  
*добрести* 46  
*добро* 223—226  
*доброта* 225  
*добрести* 46  
*добрый* 83  
*довелось* 12, 202—204, 206  
*доводиться* 202, 203  
*догадаться* 50  
*договориться* 49  
*додумываться* 49  
*докуриваться* 49  
*доезжать* 49  
*доехать* 46, 48, 53  
*дождаться* 49  
*доживать* 49  
*дозвониться* 49  
*доиграться* 49  
*дойти* 46  
*докричаться* 46  
*докупаться* 49  
*долг* 29, 172  
*долго* 140  
*долететь* 46  
*доля* 205, 655  
*домогаться* 259  
*донести* 545—547, 549  
*донос* 545—549, 622  
*доносить* 545  
*доносчик* 545, 547, 549, 622,  
 643  
*допивать* 49, 212  
*дописать, дописывать* 49  
*доплыть* 46  
*дорваться* 48  
*дорогой* 149, 578  
*досада* 251, 252  
*досадовать* 252  
*достоевщина* 160  
*доступный* 568, 569  
*досуг* 352  
*дочка* 154, 183  
*друг* 22, 175—177, 181—185,  
 396, 647  
*дружба* 176  
*дружески, дружеский* 186  
*дружить* 185, 186  
*думать* 486  
*дух* 85—90, 101, 319, 421  
*душа* 24, 27, 85—89, 96,  
 101—103, 150, 153, 162,  
 321, 337, 459, 626—629,  
 651, 654  
*душа нараспашку* 13  
*душевность* 25, 287, 619  
*душный* 309, 620  
*дыхание* 337  
*дядя* 154  
*единственный* 146  
*если что* 9, 12, 22, 100  
*жалко* 252, 253, 454, 630  
*жаловаться* 259  
*жалость* 242, 458  
*ждана* 150  
*желанный* 150  
*желчь* 93  
*жена* 172, 214, 232  
*жизнь* 337  
*жирно (больно жирно)* 280  
*жсopa* 650  
*жульничество* 233

- забраться* 46  
*забывать* 487, 491, 494  
*забыть* 486—489, 491—495, 505  
*завираться* 513  
*зависть* 619  
*загул* 30, 42, 316, 399  
*загулять* 43  
*задаваться* 265  
*задирать нос* 265  
*задушевность* 25, 287  
*ззорно* 242  
*зайка* 150  
*законность* 230, 232  
*замаяться* 42  
*замкнутый* 37  
*заодно* 23, 219—222, 287  
*запамятовать* 490  
*запой* 42  
*запомнить* 490, 495  
*зарваться* 48  
*здоровый* 528  
*здоровье* 115, 173  
*здравствовать* 116  
*земляника* 306  
*знакомство* 178  
*знакомый* 175, 177, 178, 185  
*знать* 486, 489, 494—498  
*значить* 334  
*золотой, золотце* 146  
*зрелость* 59  
*зрелый* 577  
*зрение* 171  
  
*игра* 529—531, 533—536  
*играть* 529—536  
*играючи* 532  
*играющий* 534  
*игрок* 534, 535  
*игрушечный* 531  
*игрушка* 531, 532  
*излить душу* 167  
*изумительный, изумиться* 104  
*инвалид* 329—331  
*индивид* 360, 365  
*индивидуализм* 377  
*индивидуалист* 404  
  
*индивидуальность* 360  
*интеллект* 421  
*интеллигент* 622  
*интерес* 397  
*ирод* 645  
*искренний* 528, 627  
*испытывать (чувство)* 108  
*истина* 223—226  
*истинный* 114  
*истосковаться* 139  
  
*как-нибудь* 53  
*калека* 331  
*капиталистический* 311, 540  
*карта* 567  
*карьера* 303, 404, 408, 548, 554  
*карьерист* 404, 548  
*кафоллический* 279  
*киска* 150  
*кичиться* 259  
*кичливость* 301, 401  
*кишки* 97  
*ковать* 111, 143  
*козел* 11, 22  
*комическое* 423  
*коммерсант* 404, 408, 548  
*компромисс* 78, 269, 270, 288, 589  
*комфортабельный* 557  
*комфортный* 556, 557  
*контригра* 534  
*космополит* 290, 543, 544, 619  
*космополитизм* 543, 544  
*космополитический* 543  
*космос* 31, 68  
*кости* 93  
*красивый* 127  
*красивость* 132  
*красота* 224  
*критиковать* 259  
*кровный* 92  
*кровь* 90—93  
*кстати* 220  
*культура* 351  
  
*культуртрегер* 404—406, 544  
*купаться* 172  
*купиться* 597  
*кураж* 30, 164, 399, 400  
*кутеж* 164  
*кушать* 172  
*к утру* 59—61  
  
*лад* 67, 68, 72, 76  
*ладиться* 76  
*лапочка* 150  
*ласковый* 83  
*лганье* 510, 511  
*лгать* 507, 510, 511, 513, 514, 516, 517, 522  
*лезть в душу* 87, 288  
*ленивец* 211, 215  
*ленивый, лениво* 211  
*лениться, полениться, разлениваться* 211  
*лентяй* 211  
*ленца* 211  
*лень* 211—216  
*лестно* 28, 393  
*лестный* 392, 393  
*лесть* 388, 393  
*лето* 59  
*лжец* 516, 517  
*лицо* 354, 355  
*личность* 354—357, 359, 364, 365, 368  
*лоботряс* 211  
*лодырь* 211  
*ложь* 510, 511, 516  
*лояльность* 560  
*лояльный* 559, 560, 567  
*лыбиться* 521  
*льстец* 388, 389  
*льстить* 259, 388—391, 393, 394  
*любимый, любимая* 149, 567, 568  
*любить* 457, 459—461  
*любоваться* 287  
*любовь* 11, 22, 147, 171, 292, 458, 487  
*любопытность* 259

- любопытство 259  
 лютый 242  
 лях 651
- маета 42  
 май 308  
 макияж 555, 556  
 маленький 150  
 малина 306  
 мало ли что 288, 290  
 малыш 150  
 мамаша 154, 155, 183  
 маникюр 575  
 матрешка 650  
 мать 154, 183  
 маяться 23, 42  
 мгновенный 327  
 меланхолия 27  
 мелочиться 621  
 мелочность 23, 287, 289  
 мера 172  
 место (не находить себе места) 23, 41, 289  
 мероприятие 435  
 мещане 541, 542  
 мещанский 40, 126, 131, 541, 542  
 мещанское счастье 293  
 мещанство 129—135, 138, 541, 542  
 милая 155  
 милосердие 239  
 милость 240  
 милочка 149  
 милый 149, 151  
 мир 30—32, 34, 67—69, 72, 73, 75—77, 79, 81  
 мирный 75  
 мироздание 68  
 мирок 70  
 мнить 485—488, 490, 494—502, 505  
 модный 576  
 мозг 95, 96  
 молл 566  
 мужество 28, 277  
 мучиться 42  
 мясо 93
- мятеж 173
- наврать 514, 515  
 на всякий случай 100, 288, 290  
 надлом 158  
 надорвать 158  
 надорваться 158  
 надрыв 157—162, 164—166, 322, 400  
 надрывать 158  
 надрывать 158  
 надрывно 158  
 надрывный 164  
 насад 158  
 на здоровье 115  
 найти 110, 585—594  
 налгать 514  
 намаяться 42  
 намереваться 12, 190, 191, 221  
 намерен 190, 191, 221  
 на перекладных 53  
 наплевать 289  
 напомнить 486  
 напрасно 385, 451, 452  
 нараспашку (душа) 167  
 народный 319  
 наслаждаться 116  
 наслаждение 105, 114—116, 281, 302  
 настоящий 531  
 настроение 77  
 наступательный 555  
 натерпеться 273  
 наутро 60, 62  
 находить 584, 587, 590, 592—594  
 национальный 319  
 нация 320  
 небось 53, 219  
 невместно 242  
 невозмутимость 277  
 неделимое 357—359, 365  
 недоставать 139, 225  
 нежный 561  
 незабвенный 487  
 не заладиться 76
- нелепица 379  
 нелестно 393  
 неловко 242  
 ненавидеть 332, 335  
 ненависть 171  
 ненаглядный 150  
 не находить себе места 23, 41  
 необъятность 44  
 неохота 22, 211—217, 222  
 не подобает 242  
 не положено 242  
 неправда 379  
 неприкаянность 41, 42, 300  
 неприкаянный 23, 41, 42  
 неприлично 242  
 непримиримость 78  
 не принято 242  
 не пристало 242  
 неприязнь 171  
 несгибаемость 271  
 несправедливость 231, 234, 235, 240  
 несправедливый 235  
 нетерпимость 276  
 неудачник 303  
 неудобно 242, 256—258  
 неуместно 242  
 не утерпеть 275  
 нечестный 232  
 ночь 18—21, 58, 59, 64
- об- (приставка) 244  
 обвесить 244  
 обделить 244  
 обещать 259  
 обида 171, 242, 244—246, 248—251  
 обидеть 243, 245, 251, 305  
 обидеться 243  
 обидно 240, 242, 243, 247, 252—254  
 обидчивый 245  
 обижаться 630  
 облегчение 171  
 обнести 244  
 обойдется 100, 198  
 обоняние 171

- обустроенность* 67  
*общаться* 167, 168, 437  
*общение* 167  
*общественный* 558  
*общий язык* 582—594  
*общность* 167  
*объект* 371, 374, 375  
*объективный* 375  
*обыватель* 117  
*огонек* 430  
*означать* 333, 334  
*опасность* 172  
*опечаленный* 484  
*опечалить* 484  
*опошленный* 137  
*осел* 537  
*осклабиться* 523  
*оскорбить* 249  
*оскорбление* 249, 250  
*особа* 354  
*особность* 364  
*особь* 359  
*острота* 422  
*остроумие* 420—422  
*остроумный* 596  
*осязание* 171  
*от кутюр* 575  
*отвага* 27, 316, 317  
*отважно* 28  
*отважный* 316  
*отвлечение* 171  
*отдохнуть* 328, 329,  
 337—340, 344—350, 352  
*отдых* 345, 350—352  
*отдыхать* 339, 340, 352  
*отец* 154, 155, 183  
*отмочить* 597  
*относиться* 168, 169  
*отношение* 168  
*отыскать* 584  
*охватывать* 107  
*ощупью* 47  
*ощущение* 108  
  
*память* 485—488, 505, 95  
*папаша* 154, 183  
*парти* 433  
*патетический* 577, 578  
  
*пати* 433  
*пафос* 578  
*пафосный* 577—580  
*пациент* 371  
*перебраться* 46  
*перевод* 332, 333, 335  
*перестройка* 80  
*перетерпеть* 274  
*персона* 354  
*печаль* 471, 473—481, 484  
*печально* 475, 482, 483  
*печальный* 471, 472,  
 482—484  
*печень* 11, 93, 97  
*пиар* 557—559  
*пиарицик* 558  
*питаться* 168  
*пить* 92  
*плевать* 43  
*плоть* 86, 89, 90, 101  
*повезло* 204—206  
*погрузиться* 474, 475  
*под утро* 60—62  
*подлежащее* 373, 374  
*подлость* 125  
*подобострастный* 259  
*подобраться* 46  
*подозрительность* 587  
*подруга* 176, 177, 184, 185  
*подружиться* 185, 186  
*подслушивать* 259  
*подсматривать* 259  
*под утро* 20, 59—62  
*позволить себе* 282  
*поздний* 58, 59  
*поздно* 58, 59  
*позиционировать* 581  
*познакомиться* 185  
*поиграть* 534  
*показывать (свою хра-*  
*брось)* 259  
*покой* 40, 68—71, 617  
*покупка* 597  
*положено* 231  
*получаться* 200  
*получиться* 198—201  
*польза* 299  
*польстить* 390, 391  
  
*польщённый* 392  
*поляк* 651  
*померанец* 312  
*помидор* 306  
*помнить* 485—488, 490,  
 494—502, 505  
*помниться* 503—505  
*помыкать* 259  
*понарошку* 531  
*понтовый* 578  
*попрек* 227—229  
*попрекать* 227—229  
*попытаться* 193, 194  
*попытка* 193  
*попустительство* 417  
*попытаться* 193, 194  
*порадовать(ся)* 466  
*порыв* 157  
*порядок* 66, 67  
*постараться* 192—194  
*постоянный* 567  
*посчастливиться* 203—205  
*потакать* 417  
*потерпевший* 273  
*потерпеть* 273, 276  
*потерять* 493  
*потратить* 448—451, 455  
*потребление* 302  
*поутру* 20, 60, 62, 63  
*починить* 493  
*пошлость* 123—129,  
 133—138, 537, 538, 648  
*пошлый* 123—129, 131, 137,  
 138, 537, 538, 648  
*пошлятина* 134  
*правда* 223—226, 383, 517  
*праздник* 435  
*превосходство* 171  
*преданность* 560  
*предупредительный* 259  
*прекрасное* 124  
*претенциозный* 127  
*преуспевание* 407  
*преуспевать* 407  
*преуспевающий* 303, 407, 552  
*прибедняться* 621  
*приволье* 23, 37, 38, 41, 44,  
 289, 308, 616, 617

- пригласить* 439  
*примирение* 72, 73, 78  
*примиренчество* 78  
*примирится* 269  
*примириться* 72, 73  
*приносить* 107  
*притеснение* 617  
*приходить* 107  
*приют* 39, 41  
*приятель* 175, 177—179, 182, 185  
*приятельница* 179  
*приятельский* 179  
*проблема* 303, 304, 408, 410—418, 538, 548  
*проблемный* 577  
*пробраться* 46  
*провести* 448, 449, 453, 456  
*проводить* 453, 456  
*провертаться* 512  
*проголодаться* 141  
*прогрессивный* 539  
*прогулка* 43  
*проект* 553  
*проиграть* 534  
*проигрыш* 535  
*произойти* 595  
*просветитель* 406  
*просить* 169, 170  
*простить* 248, 249  
*простор* 23, 31, 36—42, 44, 66, 68, 70—72, 81, 288, 289, 308, 309, 616—618  
*просторный* 617  
*пространство* 37  
*просьба* 170  
*протискиваться* 617  
*путь* 282  
*пытаться* 48, 192—194  
  
*рад* 113, 114  
*ради* 220  
*радовать(ся)* 466  
*радость* 101, 103, 105, 167, 171, 462  
*раз-* (приставка) 282, 283  
*раз-...ива-/-ва-/-а-* (циркумфикс) 282—283  
  
*разболтанность* 284  
*развал* 621  
*разведчик* 173  
*разврат* 116, 279—284  
*развернуть* 284  
*развратный* 280  
*развращающий* 284  
*развязность* 285  
*разгул* 30  
*разгуливать* 282, 283  
*раздолье* 23, 37, 38, 68, 289, 308, 616, 617  
*разлеживать* 282  
*разлагающий* 284  
*разложить, разложение* 284  
*разлука* 139, 141—148  
*разлучить* 147  
*разлучиться* 147  
*разлучница* 145  
*размах* 23, 30, 43, 44, 66, 287, 308, 399  
*разоблачить* 546  
*разобрать* 285  
*разобраться* 285  
*разрыв* 144, 146, 157  
*разум* 91  
*разъедать* 282  
*ранить* 251  
*ранний* 58, 59  
*рано* 58, 59  
*раскаianie* 481  
*распевать* 282  
*распивать* 282  
*распоряжаться* 259  
*распутица* 282  
*распутный* 282  
*распутство* 282  
*распушенность, распушен- ный* 282  
*рассиживать* 282  
*рассказать* 595  
*расслабленность* 282  
*рассредоточенность* 282  
*расставание* 144, 146, 147  
*расстройство* 77  
*расхаживать* 282, 283  
*расхлябанность* 25  
*расчетливый* 28  
  
*рвануть* 158  
*рваться* 48, 99, 158  
*реальность* 172  
*реготати* 525  
*ржать* 525  
*рисоваться* 259  
*родной* 43, 44, 70, 150—154  
*рок* 534, 535, 655  
*руководить* 168  
*русский* 157  
  
*саксесыфулмэн* 553  
*самовар* 650  
*самоmnение* 301, 401  
*самонадеянность* 301, 401  
*самосохранение* 172  
*самость* 360—365  
*самоуверенность* 301, 401, 554  
*сборы* 279  
*свалиться* 110  
*с вечера* 64  
*свидетель* 259  
*свинство* 25, 125  
*свинья* 642  
*свобода* 30, 32—34, 81, 82, 308, 616  
*сделать* 191  
*сейшн* 431—433  
*сентиментальность* 129  
*сердиться* 630  
*сердце* 11, 22, 87, 90, 91, 93—98, 150, 286, 614, 642  
*серьезность* 422  
*сестренка* 154, 155, 183  
*сеишн* 432  
*сказать* 334, 595  
*скорый* 327  
*скука* 27  
*скупать* 141, 143, 630  
*сладкий* 116, 150, 281  
*сладостный* 281  
*сладострастие* 281  
*слаженно* 76  
*с ленью* 211  
*сластолюбие* 281  
*слобода* 32  
*служилось* 189, 198, 201

- слух 171  
 случай 290, 402, 403  
 случаться 107  
 случилось 189, 201  
 слушать 259  
 смело 28  
 смелость 317  
 смех 520, 525, 528  
 смехотворный 425  
 смешно 520  
 смешной 423—425, 427  
 смеяться 259, 424, 520, 525  
 смирение 73—75, 77, 78,  
 260, 262—264, 310, 538,  
 542  
 смиренный 264, 538  
 смириться 73, 74, 263  
 смотреть 259  
 смочь 194, 202  
 снег 639  
 собираться (где-то, у кого-  
 то) 46, 222, 430, 445  
 собираться, собраться  
 (что-то сделать) 12, 22,  
 54, 88, 190, 191, 221, 222,  
 279, 622  
 собор 279  
 соборность 403  
 соборный 279, 403  
 собранность 279, 283  
 событие 428, 434  
 совестно 242, 255—257, 258  
 совесть 254—256  
 соврать 513, 515  
 соглядатай 259  
 солгать 507, 516  
 солнышко 150  
 сосать чужую кровь 92  
 соскучиться 37, 139—146  
 сосредоточенность 279, 283  
 состоявшийся 303, 552  
 состояние 108  
 счастье 106  
 спесь 301, 401  
 специально 220  
 справедливость 230—240  
 справедливый 233, 235  
 спросить, спрашивать 169,  
 171  
 срыв 157  
 старание 193  
 стараться 48, 192—194,  
 622  
 статусный 578  
 стерпеть 274, 275  
 стеснение 617  
 стеснять, стесняться 617  
 стойкость 277  
 столпотворение 645  
 строение 77  
 строить 77, 111  
 строй 72, 76, 77  
 стукач 547  
 стыд 171, 254, 256  
 стыдно 255, 257  
 субъект 366—370, 372—377  
 субъективность 377  
 субъективный 375—377  
 судьба 287, 289, 626—629,  
 649, 654, 655  
 сулить 259  
 суметь 195  
 супруга 172  
 с утра 59, 60  
 с утречка 59, 60  
 счастлив 112, 113, 623  
 счастливый 106, 107, 291,  
 292  
 счастье 100, 105—113,  
 291—295, 300, 540, 541,  
 623  
 сыграть 534, 535  
 сын, сынок 154, 183  
 сыпать 605  
 сытый 117  
 -таки (частица) 196  
 тело 83, 85, 86, 89, 93, 101,  
 103, 337, 626  
 терпеливый, терпеливо,  
 терпеливость 274—277  
 терпение 274, 275  
 терпеть 269, 273—277  
 терпимый, терпимость 268,  
 269, 272, 276  
 терять 454, 493  
 теснота 308, 616, 617  
 тетка 154, 183  
 товарищ 179, 180, 181, 185  
 томиться 42  
 тоска 26—28, 31, 41, 44,  
 141, 142, 316, 400, 471,  
 474, 618, 620, 626, 628  
 тосковать 143  
 тошнота 171  
 трата 452  
 тратить 448—455  
 трудящиеся 310, 539  
 трус 28  
 тусовка 428  
 тыква 312  
 убраться 46  
 уверенность 554  
 угораздило 206—208  
 удаваться 194—195, 629  
 удаль 25—29, 43, 44, 316,  
 399, 649, 650  
 удалться 194—196, 199  
 удача 29  
 удобный 557  
 удовлетворен 112  
 удовольствие 101—103, 112,  
 114, 115, 167, 280, 281,  
 287, 406, 548  
 уладить 76  
 улыбаться 519—524  
 улыбка 519—523, 528  
 улыбнуться 524  
 ум 91, 103, 104, 357, 358, 626  
 умничать 104  
 умный 83  
 умствовать 104  
 умудриться 190, 206, 208  
 уныние 471, 474  
 условие 325  
 усмехаться, усмехнуться  
 523, 524  
 усмешка 523, 524  
 успеется 198  
 успеть 195—198  
 успех 302, 406, 407, 548, 552  
 успешливый 553

- успешный 302, 407, 548,  
 551—553, 555  
 утречком 59, 60  
 утро 18—21, 57—64  
 утром 20, 59  
 ухитриться 190  
 ухмылка 523  
 ухмыляться 523  
 участие 326  
 учинить 597  
 уют 39, 40, 69, 70, 72, 121,  
 122, 131, 288, 289, 309,  
 615, 618—620, 647  
 уютно 615  
 уютный 39, 309, 557, 615,  
 618, 619, 647
- факт 383  
 фибры 89, 93  
 филистер, филистерский,  
 филистерство 136—138  
 филистимлянин 136  
 филистр 136  
 фирма 580, 581  
 фирменный 580, 581  
 фискальщик 259  
 фрукт 312
- халат, халатный, халат-  
 ность 216  
 хам 645  
 хаос 72  
 характер 319  
 хвалить, хвалиться 259  
 хвастаться 259  
 хитрый 83  
 хихикать 525  
 хлебосольность 25  
 хороший 150  
 хотеть 214, 611  
 хохма 595—609  
 хохмить 596, 597  
 хохот 30, 525—528, 595  
 хохотать 30, 525—527, 595  
 хохотунья 526  
 хохотушка 526
- целомудрие 654
- цинизм 129
- чайник 650  
 человек 354, 355  
 чернить 259  
 чернь 127, 137, 138  
 честность 232, 233, 237, 238  
 чувство 108, 171, 173  
 чувство вины 171  
 чувство долга 172  
 чувство превосходства 171  
 чувство собственного до-  
 стоинства 172, 265  
 чувство юмора 172  
 чувствовать 107, 171
- шик 573, 574  
 шикарный 574  
 широкий 24, 272  
 широта 24—26, 34, 44, 271,  
 272, 287, 289, 309  
 широта взглядов 271, 272  
 ширь 23, 37, 38, 289, 308  
 шокировать 562—564  
 шокирующий 562, 563  
 шопинг 565—567  
 штион 173  
 шутка 422, 596, 600
- щедрость 25  
 щекотливый 562  
 щепетильный 305, 562  
 щи 650
- элитный 578  
 эмоция 172—174  
 энтузиаст 137  
 эффе́ктивный 303, 548, 553  
 эхма 43
- юмор 172, 419, 420, 422, 423  
 ютиться 39
- ябедничать 259, 621  
 яблоко 312  
 ягода 306, 307, 312
- a. m. (ante meridiem, лат.)* 19  
*Absicht* (нем.) 191  
*acquaintance* (англ.) 177, 178  
*adventure* (англ.) 647  
*afternoon* (англ.) 18, 64  
*aggressive* (англ.) 556  
*à me* (франц.) 188  
*ami* (франц.) 176  
*anzüglich* (нем.) 648  
*appétit* (*Bon appétit!*, франц.)  
 115  
*après-midi* (франц.) 18, 64  
*arriver* (франц.) 53, 55  
*ashamed* (англ.) 255  
*ask* (англ.) 169, 170  
*aus dem Kopf* (франц.) 96  
*avere intenzione* (франц.) 191  
*avoir honte* (франц.) 255  
*avoir l'intention* (франц.) 191
- beabsichtigen* (нем.) 191  
*beg* (англ.) 170  
*beggar* (англ.) 170  
*be going to* (англ.) 191  
*beleidigen, Beleidigung* (нем.)  
 249  
*beschränkt* (нем.) 648  
*beskompromisny* (польск.)  
 260  
*Beziehungen* (нем.) 169  
*billig* (нем.) 568  
*bitten* (нем.) 169  
*blessed* (франц.) 249  
*bliss* (англ.) 112  
*body* (англ.) 102, 626, 627  
*bold* (англ.) 260  
*bonheur* (франц.) 113  
*Bonjour!* (франц.) 116  
*boyfriend* (англ.) 176  
*brave* (англ.) 260
- cackle* (англ.) 521, 527  
*challenge* (англ.) 550, 551  
*chortle* (англ.) 521  
*chuckle* (англ.) 521, 527  
*comfortable* (англ.) 557  
*comique* (франц.) 423  
*comme il faut* (франц.) 162

- communicate* (англ.) 167  
*communication* (англ.) 167  
*compromise* (англ.) 78, 260, 269, 270  
*connaissance* (франц.) 178  
*contact* (англ.) 167  
*content* (франц.) 114  
*contrôle* (франц.) 625  
*courage* (франц.) 399  
*courageous* (англ.) 260  
*cozy, coziness* (англ.) 39, 618  
*customer* (англ.) 567
- daring* (англ.) 260  
*delicat* (франц.) 561  
*delicate* (англ.) 304  
*delight* (англ.) 115  
*denken* (нем.) 486  
*Denkmal* (нем.) 486  
*destinée* (франц.) 627, 629, 654, 655  
*délicat* (франц.) 304, 398, 561  
*delicate* (англ.) 304, 561  
*delicato* (итал.) 304, 561  
*derisoire* (франц.) 423  
*dolce far niente* (итал.) 216  
*dommage* (франц.) 253  
*drôle* (франц.) 423  
*duma* (польск.) 261  
*dzielny* (польск.) 260
- elated* (англ.) 112  
*émotion* (франц.) 172  
*empathy* (англ.) 409  
*engstirning* (нем.) 648  
*enjoy* (англ.) 115, 116, 287, 622  
*esprit* (франц.) 103, 421, 596, 629  
*event* (англ.) 434, 435
- fail, failed* (англ.) 629  
*fair (fair play, англ.)* 233  
*fearless* (англ.) 260  
*fier* (франц.) 267  
*fierté* (франц.) 261  
*fragen* (нем.) 169
- Freund* (нем.) 176, 647  
*friend* (англ.) 175—178, 182, 183, 396  
*friendship* (англ.) 178
- game, games* (англ.) 530, 534  
*gaudere, gaudia* (лат.) 116  
*Gedächtnis* (нем.) 486  
*Geist* (нем.) 421  
*gemütlich, Gemütlichkeit* (нем.) 39, 40, 615, 618  
*geniessen* (нем.) 116  
*geschmacklos* (нем.) 648  
*gewöhnlich* (нем.) 648  
*gezellig* (нидерл.) 619, 647  
*gezelligheid* (нидерл.) 40, 619, 647  
*giggle* (англ.) 521, 527  
*girlfriend* (англ.) 184  
*glamour* (англ.) 572, 573  
*glamorous* (англ.) 573  
*Glück, glücklich* (нем.) 113, 623  
*godere* (итал.) 116  
*grief* (англ.) 475  
*grin* (англ.) 521  
*guffaw* (англ.) 30, 521, 526  
*günstig* (нем.) 568, 646, 647  
*Guten Tag!* (нем.) 116
- happiness* 112, 113, 623  
*happy* (англ.) 112, 116, 294, 416, 623, 651  
*hasard (à tout hasard, франц.)* 402  
*hart* (англ.) 188  
*haute couture* (франц.) 575  
*heißen* (нем.) 334  
*heure* (франц.) 19, 53, 57  
*heureux* (франц.) 113, 114  
*honey* (англ.) 150  
*honor* (англ.) 301, 400, 401, 651  
*humilité* (франц.) 263  
*humility* (англ.) 75, 260, 262—264  
*humor* (англ.) 419, 422  
*Humor* (нем.) 422
- humour* (франц.) 419, 423  
*hurt* (англ.) 249, 251
- indifference* (англ.) 246  
*inflexible* (англ.) 260  
*intend* (англ.) 191
- joie* (франц.) 116  
*jour, jouissance* (франц.) 116  
*joy* (англ.) 116
- kitschig* (нем.) 648  
*kleinkariert* (нем.) 648  
*komisch* (нем.) 424, 427  
*kompromis* (польск.) 260  
*Kopf* (нем.) 95, 96  
*kränken, Kränkung* (нем.) 250
- lachen* (нем.) 519  
*lächeln* (нем.) 519  
*lächerlich* (нем.) 424  
*learn by heart* (англ.) 96  
*libertas* (лат.) 34  
*liberté* (франц.) 34  
*liberty* (англ.) 34  
*lie* (англ.) 507  
*litost* (чешск.) 242  
*loser* (англ.) 299, 303, 554  
*love* (англ.) 169, 448  
*loyal* (англ.) 567  
*loyalty* (англ.) 560
- matin* (франц.) 18, 57  
*meal (Enjoy your meal, англ.)* 115  
*mean* (англ.) 334  
*melancholy* (англ.) 475  
*methinks* (англ.) 629  
*meżny* (польск.) 260  
*mind* (англ.) 102, 188, 421, 486, 626, 627, 629  
*miss* (англ.) 142, 630  
*tom* (англ.) 154  
*Morgen* (нем.) 18, 65  
*morning* (англ.) 18, 57
- Nachmittag* (нем.) 18, 64  
*niveaulos* (нем.) 648



- odważny* (польск.) 260  
*offence, offend* (англ.) 249, 250  
*offense, offender* (франц.) 249  
*ordinär* (нем.) 648  
*Ordnung* (нем.) 66  
*orgueil* (франц.) 261  
*orgueilleux* (франц.) 267  
*p. m. (post meridiem, лат.)* 19  
*parting* (англ.) 143  
*party* (англ.) 433, 434, 437, 443—445, 447  
*pass* (англ.) 455, 456  
*pathetic* (англ.) 580  
*peccato* (итал.) 253  
*per capita* (лат.) 86  
*person* (англ.) 354, 455  
*Philister* (нем.) 136  
*pietas* (лат.) 259  
*piety* (англ.) 260  
*pity* (англ.) 253  
*play, plays* (англ.) 530, 531, 534  
*poteriggio* (итал.) 18, 64  
*praktisch* (нем.) 646, 647  
*pride* (англ.) 261, 262  
*primitiv* (нем.) 648  
*privacy* (англ.) 170, 363  
*proud* (англ.) 267, 652  
*Public Relations* (англ.) 558, 559  
*rycha* (польск.) 261  
*quickly* (англ.) 327  
*raisonable* (франц.) 628  
*reasonable* (англ.) 628, 631  
*reckless* (англ.) 260  
*relationship* (англ.) 169  
*remember* (англ.) 486, 494, 495, 498, 503  
*remind* (англ.) 486  
*ridicule* (франц.) 423  
*rigolo* (франц.) 423  
*rire* (франц.) 519  
*risible* (франц.) 423  
*sad* (англ.) 471  
*sadness* (англ.) 471  
*savoir par cœur* (франц.) 96  
*Schade* (нем.) 253  
*Scharfsinn* (нем.) 420  
*Scheiden* (нем.) 143  
*Scherz* (нем.) 422  
*schlüpfrig* (нем.) 648  
*schnell* (нем.) 327  
*Seele* (нем.) 188  
*Sehnsucht* (нем.) 27, 360  
*Selbstheit* (нем.) 362  
*Selbsthaft* (нем.) 362  
*s'ennuyer (sans qn, франц.)* 142  
*separation* (англ.) 143, 145  
*séparation* (франц.) 143, 145  
*separazione* (итал.) 143  
*session* (англ.) 431, 432  
*shock* (англ.) 563  
*shortly* (англ.) 327  
*sich schämen* (нем.) 255  
*simper* (англ.) 521  
*sincère* (франц.) 628  
*śmiały* (польск.) 260  
*śmiech* (польск.) 519  
*smile* (англ.) 519, 523  
*smirk* (англ.) 521  
*sneer* (англ.) 521  
*snicker* (англ.) 521  
*snigger* (англ.) 521  
*soirée* (франц.) 433  
*sophistication* (англ.) 39, 645  
*sorrow* (англ.) 475  
*soul* (англ.) 102, 188, 627  
*sourire* (франц.) 519  
*soviétique* (франц.) 634  
*spend* (англ.) 454, 455  
*spießig* (нем.) 648  
*successful* (англ.) 302, 552, 553  
*superbia* (лат.) 261  
*sweetheart* (англ.) 150, 155  
*ześknąć* (польск.) 188  
*Termin* (нем.) 647  
*titter* (англ.) 521  
*Trennung* (нем.) 143, 145  
*uncompromising* (англ.) 269  
*unhappy* (англ.) 416  
*unreasonable* (англ.) 631  
*uśmiech* (польск.) 519  
*veut dire* (франц.) 334  
*vite* (франц.) 327  
*vorhaben* (нем.) 191  
*Vormittag* (нем.) 65  
*vulgar* (англ.) 127, 137  
*vulgär* (нем.) 648  
*vuol dire* (итал.) 334  
*waleczny* (польск.) 260  
*walk* (англ.) 43  
*want* (англ.) 611  
*waste* (англ.) 456  
*wise* (англ.) 596  
*wissen* (нем.) 495, 596  
*wit* (англ.) 596  
*Witz* (нем.) 423, 596  
*wound smb's feelings* (англ.) 249  
*zapamiętać* (польск.) 490  
*zapomnieć* (польск.) 490

*Анна Андреевна Зализняк, Ирина Борисовна Левонтина,  
Алексей Дмитриевич Шмелев*

КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ  
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовил В. Гусев

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 25.11.2011. Формат 70×100 1/16.  
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.  
Усл. п. л. 56,1. Тираж 800. Заказ № 5478.

Издательство «Языки славянских культур».  
№ госрегистрации 1037789030641.  
Phone: 959-52-60 E-mail: [Lrc.phouse@gmail.com](mailto:Lrc.phouse@gmail.com)  
Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»  
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова».  
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

**Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».**  
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: [gnosis@pochta.ru](mailto:gnosis@pochta.ru)  
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).  
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1  
(Метро «Парк культуры»)